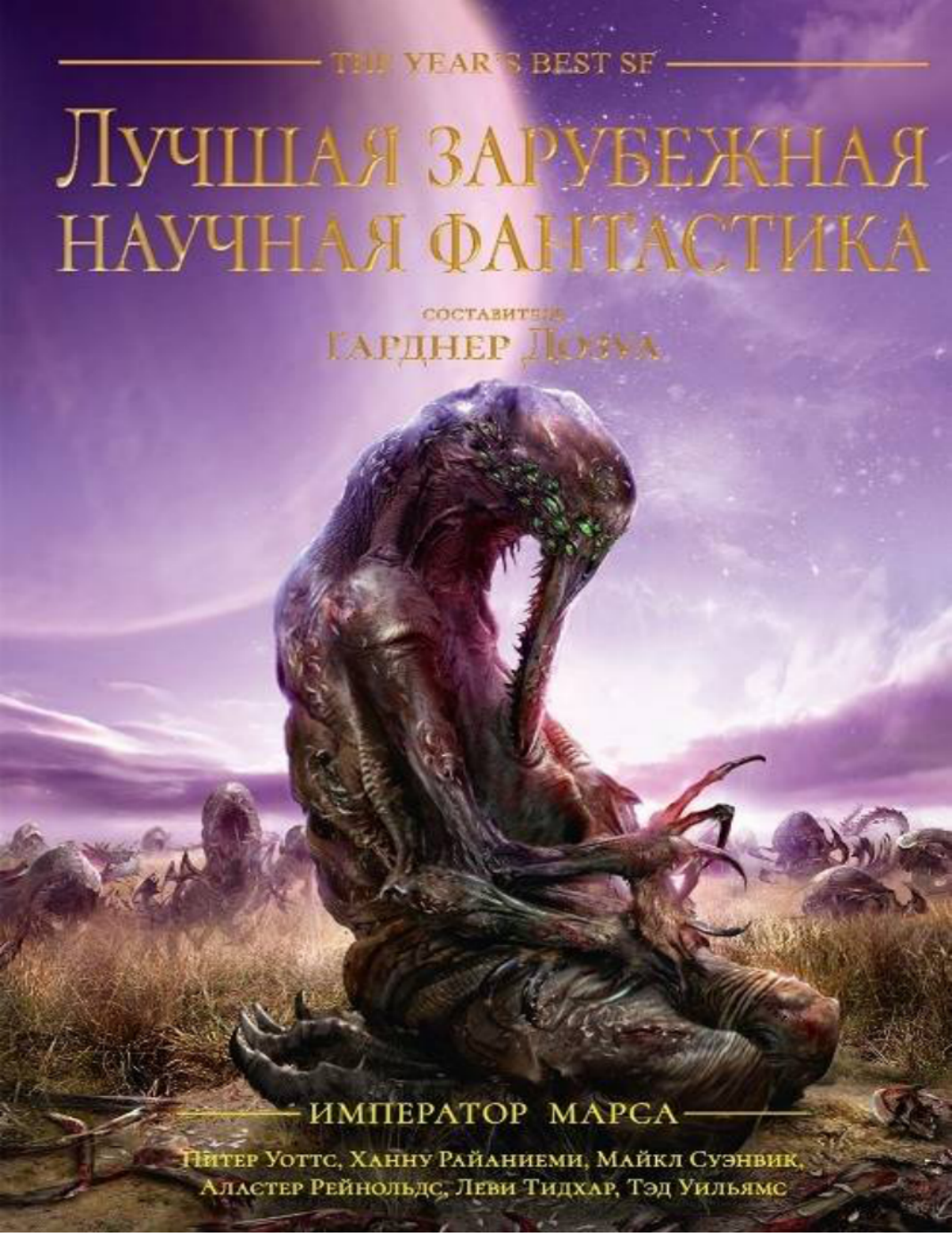
THE YEAR'S BEST SF

Лучшая зарубежная научная фантастика

составитель
Гарднер Дозуа



Император Марса

Питер Уоттс, Ханну Райаниеми, Майкл Суэнвик,
Аластер Рейнольдс, Леви Тидхар, Тэд Уильямс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Путешествия к далеким мирам и захватывающие приключения на просторах космоса, невероятные научные открытия и масштабные катастрофы, повлекшие необратимые последствия, постапокалиптическое будущее и альтернативное прошлое – все это вы найдете на страницах очередной антологии, подготовленной знаменитым составителем Гарднером Дозуа. Под одной обложкой собраны повести и рассказы таких мэтров, как Майкл Суэнвик, Роберт Рид, Тэд Уильямс, Питер Уоттс, Джо Холдеман, Аластер Рейнольдс, и многих других. Тридцать три великолепных произведения, завоевавшие престижные награды и заслужившие высокие оценки критиков, не оставят равнодушными преданных поклонников научной фантастики!

- Лучшая зарубежная научная фантастика: Император Марса
  - Роберт Рид
    - ■
    - Марс
    - Гектор-624
    - Венера
    - Япет
    - Макемаке
    - Земля
    - Мир, свободный от бремени имен
  - Леви Тидхар
  - Аллен Стил
  - Питер Уоттс
  - Джеффри Лэндис
  - Кейдж Бейкер
  - Иэн Маклауд
  - Тэд Уильямс
  - Элинор Арнасон
  - Джо Холдеман
  - Стивен Попкес
    - ■
    - Часть первая
    - Часть вторая
    - Часть третья
    - Часть четвертая
    - Часть пятая
  - Нина Аллан
  - Кори Доктороу

- Юн Ха Ли
- Стивен Бакстер
  -
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Эпилог
- Дэмиен Бродери
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
- Наоми Новик
  -
  - Предисловие
  - Первое уточнение
  - Второе уточнение
  - Третье уточнение
  - Четвертое уточнение
  - Пятое уточнение
  - Шестое уточнение
  - Седьмое уточнение

        - Послесловие
    - Крис Бекетт
    - Кэрри Вон
    - Дэвид Моулз
    - Рэйчел Свирски
    - Ханну Райаниеми
    - Майкл Суэнвик
    - Леви Тидхар
    - Бренда Купер
    - Джей Лейк и Кен Скоулз
    - Аластер Рейнольдс
    - Пэт Кэдиган
    - Александр Яблоков
        -
        - Встреча 1
        - Встреча 2
        - Встреча 3
        - Встреча 4
        - Последняя встреча
        - Тирелл Фредериксон
        - Не-встреча
        - Ожидание встречи
    - Альетт де Бодар
    - Тед Косматка
    - Джим Хокинс
    - Роберт Рид
        -
        - Глава первая
        - Глава вторая
        - Глава третья
        - Глава четвертая
        - Глава пятая
        - Глава шестая
        - Глава седьмая
        - Глава восьмая
        - Глава девятая
        - Глава десятая
        - Глава одиннадцатая
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93

- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125

Лучшая зарубежная научная фантастика: Император Марса

Роберт Рид
История терраформирования

Свой первый рассказ Роберт Рид опубликовал в 1986 году и вскоре приобрел репутацию одного из самых плодовитых современных фантастов, особенно среди авторов малой прозы. В тоже время он поддерживает очень высокий уровень литературного мастерства, что довольно непросто. Его фантастические рассказы, такие как «Сестра Элис» («Sister Alice»), «Брат Совершенство» («Brother Perfect»), «Порядочность» («Decency»), «Спаситель» («Savior»), «Реморы» («The Remoras»), «Куколка» («Chrysalis»), «Хвост» («Whiptail»), «Запасной игрок» («The Utility Man»), «Мозг» («Marrow»), «День рождения» («Birth Day»), «Слепой» («Blind»), «Небесная жаба» («The Toad of Heaven»), «Шаг вперед» («Stride»), «Форма всего сущего» («The Shape of Everything»), «Почетный гость» («Guest of Honor»), «Плата за добро» («Waging Good»), «Убить завтрашний день» («Killing the Morrow»), и около полудюжины столь же ярких работ стоят в ряду лучших произведений жанра 1980–1990-х годов. Многие из них входят в сборники «Драконы Спрингплейса» («The Dragons of Springplace») и «Кукушата» («Cuckoo's Boys»). В 2007 году писатель получил премию «Хьюго» за повесть «Ева раз, Ева два…» («A Billion Eves»). Рид состоятся и как талантливый романист. С конца 1980-х он выпустил одиннадцать романов, в их числе «Подветренный берег» («The Lee Shore»), «Гормональные джунгли» («The Hormone Jungle»), «Черное молоко» («Black Milk»), «Удивительные» («The Remarkables»), «По светлому пути» («Down the Bright Way»), «За звездной вуалью» («Beyond the Veil of Stars»), «Восторг жаворонков» («An Exaltation of Larks»), «Под открытым небом» («Beneath the Gated Sky»), «Жизненная сила» («Marrow»), «Сестра Элис» («Sister Alice»), «Колодец звезд» («Well of Stars»), «Пожиратель костей» («Eater-of Bone»), а также две повести: «Топь» («Mere») и «Особенности моего гения» («Flavors of My Genius»). Рид живет со своей семьей в городе Линкольн, штат Небраска.

Охватывающая огромный период времени, яркая и оригинальная история прослеживает путь главного героя, Саймона, с раннего детства на едва заселенном Марсе через столетия в будущее, которое становится все более странным. Саймон – это «атум», терраформер; его знания и способности растут, и каждая новая ступень в его карьере выявляет все достоинства и недостатки, все физические и этические «за» и «против» терраформирования. Ведь терраформеры не только

создают новые миры, но порой с тем же успехом уничтожают старые.

Марс

Отец Саймона заговорил о лошадях и каштанах[1], о том, что семена, с которыми он работает, очень похожи на лошадиные каштаны. Потом подмигнул Саймону и протянул ему огромную ладонь, на которой лежало нечто удивительное.

– Что ты об этом думаешь, Саймон?

Но прежде чем мальчик успел хоть что-то ответить, отец попросил его подставить обе руки и быть очень осторожным.

– Не потому, что ты можешь испортить Зерно, – говорил отец. – И не потому, что оно может тебе как-то навредить. Просто некоторые вещи очень важны, иногда даже священны, и мы должны относиться к ним со всем возможным вниманием и уважением.

Для своего размера Зерно было удивительно тяжелым. Черное, твердое, как алмаз, оно все было покрыто маленькими ямками с острыми краями. Ладони мальчика чувствовали тепло. Может, оттого, что Зерно хранилось в каком-то жарком месте или ему просто было тепло, как бывает тепло маленьким мальчикам. Любой ответ мог быть правильным. Саймон не стал спрашивать. Он просто держал Зерно в сложенных лодочкой ладонях и представлял себе, что произойдет, если случится невозможное и Зерно решит проснуться прямо сейчас.

Для одного человека время шло.

Отец снова спросил:

– Ну, что ты думаешь, Саймон?

Мысли мальчика бежали, сменяя одна другую, но он ни на чем не мог остановиться. Он говорил себе, что ему даже трех лет еще нет. Однако на Земле ему было бы уже четыре, а у всех четырехлетних, кого он знал, было свое важное впечатляющее мнение. Но если бы он жил рядом с Нептуном, ему не было бы и месяца, и отец ни за что не стал бы брать его с собой в рабочие поездки. На Меркурии Саймону было бы уже много лет; из-за прискорбного неумения разбираться в календарях и ходе времени он считал, что там был бы уже взрослым. Он вспоминал, как люди говорили ему, что он обязательно вырастет высоким и красивым. Как если бы взрослые обладали силой заглядывать в будущее. Они не признавались детям в таких способностях, но их случайно оброненные слова и ненароком брошенные взгляды иногда выдавали истину. Саймону нравилась мысль о том, что можно заглядывать в будущее. И вот сейчас он пытался представить себе, как будет жить в некоем важном, еще не наступившем столетии. Почти трехлетний мальчик хотел стать взрослым мужчиной,

делающим очень важную работу. Но пока, в настоящем, поездки с отцом тоже казались немаловажным делом. Вот о чем он думал, когда возвращал отцу это драгоценное и очень дорогостоящее Зерно. Он широко улыбнулся:

– Оно восхитительное, папа.

Никогда прежде Саймон не был так счастлив, как в эту минуту.

– А ты знаешь, как эта штука работает?

– Да, – заявил мальчик.

– Нет, не знаешь, – сообщил ему отец. – Моя работа – искать места, где могут жить эти маленькие негодники, но даже я с трудом их понимаю.

Такое признание в неведении произвело глубокое впечатление. Притихнув, Саймон спросил:

– А на что похожи свинские каштаны?

Озадаченный отец моргнул и ничего не ответил.

Саймон указал на Зерно:

– Ну, если есть лошадиные каштаны, то и свинские должны быть. То есть свиные.

– Ох, – сказал отец, а потом тихо рассмеялся. – Не лошадиные, нет. *Конские* каштаны. Так называются одно земное дерево и его плоды.

– А я знаю, что такое деревья, – похвастался мальчик. – И кони. И свиньи.

– По крайней мере, ты видел их на картинках. – Отец отвернулся, возвращая тяжелую черную диковину назад в выдвижной ящик для важных вещей, а затем, направившись в носовую часть ровера, добавил: – Ты вот о чем подумай. Любое из моих Зерен устроено значительно сложнее, чем еще не рожденное дерево. Под этой скорлупой больше информации, чем может включать в себя обычная ДНК. И значительно больше энергии, чем необходимо для роста корней и листьев.

Саймон шел следом за отцом, выглядывая в большие окна. Марс был каменистым и бледно-красным, в самых холодных тенях еще таился вчерашний ночной мороз. Трудно себе представить более неровную почву – но при этом ровер шел размеренно, не кренясь и не подпрыгивая. Высокие облака и по меньшей мере три зеркала глядели на них с пурпурного неба сверху вниз, а башня антенны, известная под названием «Обещание», находилась прямо по курсу. Сегодня дул ветер – сильный, поднимавший в воздух мельчайшие частицы пыли. Пыль была опасна. Холод был опасен. Марсу нравилось убивать людей, в особенности легкомысленных детишек, которые не слушаются своих отцов и других хранителей мудрости.

Но скоро этот мир уже не будет опасным, думалось Саймону.

Они ехали к «Обещанию» уже довольно долго, но стройная башня все никак не приближалась. Потом Водитель – сложное устройство, снабженное искусственным интеллектом, – повел ровер вдоль склона и через край старого разрушающегося кратера, и здесь их взорам внезапно открылась огромная чаша, наполненная сверкающим водяным льдом.

– Это озеро? – спросил Саймон.

Его отец не ответил: он просматривал данные на двух экранах сразу.

«Наверное, это и есть наша цель», – подумал мальчик. Он решил не отрывать отца от занятия, которое наверняка было очень важным.

Он присел на ближайшее сиденье, наблюдая за происходящим.

Ровер спускайся к береговой линии. Прямо на льду стояла маленькая башенка, рядом – еще один ровер, и кто-то медленно двигался то туда, то сюда. Человек был одет в большой скафандр полного жизнеобеспечения: такой обычно надевают, когда собираются провести снаружи длительное время. Однажды Саймону не понадобится скафандр, чтобы гулять под открытым небом. Взрослые обещали, что в будущем он станет высоким, красивым человеком и будет носить только обычную одежду и хорошую обувь, а Марс станет второй Землей, и даже лучше.

Саймон проживет несколько сотен лет. Все так говорили. Даже если он будет считать свои дни рождения в марсианских годах.

– Что за дела? – пробормотал отец.

Мальчик встал и осторожно приблизился к нему.

– Их не должно быть здесь, – со вздохом сказал мужчина.

– Кого не должно быть здесь?

Отец не ответил. Открыв канал связи, он установил личность пользователя и спросил:

– Застряли, что ли? Вы должны были уже покинуть место.

– Привет, Джон, – откликнулся женский голос. – Ты говоришь с Лилли.

Отца звали Джон.

– О нет, – сказал отец тихо, но совсем не ласково. Скорее эта короткая фраза прозвучала резко. Затем он вздохнул и, снова открыв канал связи, произнес с полуулыбкой: – Я здесь с сыном, Лилли.

Женщина ничего не ответила.

Саймон тронул отца за плечо. Мужчина улыбнулся ему, подмигнул и, все еще улыбаясь, сказал:

– Я думал, вы отправились в отпуск.

– Рано вернулись, – ответила женщина.

Отец не смотрел ни на экраны, ни на то, что впереди. Он все еще улыбался, но что-то в его лице переменилось.

– Сколько лет сейчас маленькому Саймону? – спросила женщина.

– Четыре.

Люди, рожденные на Земле, используют свой старый календарь. Именно по этой причине Саймон с трудом понимал, что означает время.

– Где его мать?

– Ждет дома. Здесь только я и он.

Последовала краткая пауза. Затем женщина сказала:

– Понятно.

Отец откинулся в кресле.

– Лилли? Мне сказали, что ты уже должна была убрать свое оборудование.

– Да у меня тут возникли дурацкие проблемы, Джон.

Мужчина воспринял новость терпеливо, но без особой радости.

– Проблемы?

– Два бура вышли из строя. У меня здесь уже инфицировался один бур, но чтобы два сразу – такого еще не было.

Их ровер вышагивал на своих крабьих ногах, быстро перемещаясь по замерзшей поверхности озера. Саймон представлял себе жидкую воду, таящуюся под толстой белой ледяной поверхностью, и холодную грязь под водой. Потом он подумал о рыбках-гуппи, которых оставил дома со своей матерью и новорожденной сестренкой. Когда-нибудь он возьмет всех этих рыбок и их мальков и отпустит на волю. Разве это не прекрасно? В своем воображении он видел, как лед превращается в теплую воду, а небо над головой голубое, как на Земле, и повсюду плавают сотни и тысячи рыбок-гуппи и разевают рты, прося, чтобы их покормили.

– Ты скоро закончишь?

– Все еще бурю, – откликнулась женщина.

– На какой ты глубине?

– Почти пять километров, – сказала она.

Отец произнес одно очень плохое слово и сердито прибавил:

– Извини, Лилли.

– Ты не можешь подождать еще один день?

– У меня свое расписание.

Женщина ничего не ответила.

Через минуту отец произнес:

– Я бы подождал, если б мог. Ты же знаешь. Но от меня ждут, чтобы я все закончил за неделю, да и малышу надо возвращаться.

Женщина по-прежнему молчала.

Отец посмотрел на Саймона, собираясь что-то сказать, но тут снова заговорила Лилли:

– Я только что позвонила в Зоопроект.

Отец покачал головой и сказал мягко и немного печально:

– Ничего хорошего из этого не выйдет, и ты это знаешь.

– О чем это вы говорите? – спросил Саймон.

Отец закрыл канал связи и сказал:

– Тсс.

Затем он снова включил переговорное устройство:

– Хорошо, Лилли. Пусть юристы Зоопроекта отрабатывают свои деньги. Будем действовать официальным путем. А пока почему бы тебе не начать извлекать бур? Если отвоюешь время, я разрешу тебе вернуть его на место и закончить дело.

– Значит, твой мальчик и правда тут, да?

– Конечно.

– Он меня слышит? – спросила она.

– Да, а что? – Отец потянулся к кнопке.

И тогда она внезапно сказала:

– Здравствуй, Саймон. Привет! Я Лилли, очень, очень хороший друг твоего папы.

На случай, когда Саймон оставался один, существовали определенные правила. Внутри ровера нельзя было трогать ничего, кроме того, что принадлежало лично ему, и того, чего невозможно было не касаться. В отсутствие отца за Саймоном присматривал Водитель; он также наблюдал за отцом, когда тот работал снаружи. Если случится что-то нехорошее, Водитель найдет способ помочь. Однако Марс был опасным местом, здесь в любую минуту могло произойти самое худшее. Именно об этом говорила мать Саймона его отцу, перед тем как они отправились в путешествие.

– Нарушится герметичность, или ты порвешь скафандр, – говорила мама. Она думала, что ее мальчик спит, а если и нет, то вряд ли услышит эти слова в дальнем конце крошечного жилища. Тихо и взволнованно она твердила мужу о том, что одна-единственная ошибка может оставить их сына наполовину сиротой в двух сотнях километров от дома. И что тогда?

– Водитель знает, что делать, – заверил отец. – Он отправит сигнал бедствия и начнет двигаться в сторону ближайшего поселения.

– А Саймон будет внутри, – сказала она. – Напуганный, совсем один.

– Не говоря о том, что я буду мертв, – заметил ей отец. – И это гораздо большее несчастье, если тебе интересно мое мнение.

– Не хочу, чтобы мальчик пострадал, – сказала она.

Отец промолчал.

– Пострадал, – повторила она. И еще раз: – Пострадал.

Саймону не хотелось страдать, но он определенно беспокоился. Отец медленно двигался по замерзшей равнине, его скафандр был белым, белее льда под ногами. Сквозь прозрачный шлем Саймон видел его гладко выбритую голову. Друг отца Лилли стояла рядом со своей буровой установкой. Она глядела на Саймона в окне. Неподалеку бездельничала пара маленьких роботов. Установка продолжала бурение, чистый резец вгрызался в глубокую разогретую скалу. Саймон наблюдал за тем, как изгибается кабель, а потом заметил, как отец машет рукой, а Лилли улыбается своему другу и что-то говорит. Отец обернулся: теперь Саймон мог видеть, как двигаются его губы. Взрослые использовали приватный канал связи, оба говорили одновременно, а потом перестали говорить. Несколько минут прошло в молчании, – казалось, это тянется целую вечность. Может, оба ждали, что что-то произойдет. Может, должно было произойти что-то очень плохое. Саймон вспомнил историю об одном собирателе из Зоопроекта: он пробил дыру в пещеру, наполненную метаном и водой, пенящийся газ вырвался наружу, подхватил одного из роботов и швырнул в исследователя, и тот погиб от удара.

И тут с пугающей ясностью Саймон понял, что его отец вот-вот умрет. Выпрямившись, он приготовился к тому, что сейчас произойдет. Но ничего не происходило. Ничто не менялось. Двое взрослых людей возобновили беседу, затем снова замолчали, и Саймон отчаянно заскучал. Он плюхнулся в предназначенное для него кресло и начал игру. Его команда была синей, противники – фиолетовыми. Его команда начала игру в одном углу доски, питаясь, делясь и размножаясь, пока не столкнулась с фиолетовыми шариками: тогда Саймон начал сражаться за жизненное пространство и возможность получить как можно больше синих.

Когда Саймон наконец поднялся с кресла, отец уже шел по направлению к роверу. Саймон ни разу в своей жизни не видел, чтобы кто-нибудь так быстро двигался в скафандре. Лилли пропала. Куда же она подевалась? Но тут камера шлюза начала вращаться; Саймон отложил игру и снова сел в кресло, не отрывая глаз от дверцы в дальнем конце кабины.

Даже после тщательной очистки скафандр женщины все еще пах пероксидами и древней пылью. Она вошла в кабину с

улыбкой, держа шлем под мышкой. Женщина была симпатичной. Кожа у нее была смуглее, чем у большинства людей, которых мальчик видел прежде. Здесь, в рубке, ее голос звучал тепло, по-доброму, необычно, а первые ее слова, обращенные к Саймону, были:

– Похоже, ты умный и славный молодой человек.

Ему нравилась эта женщина.

– Саймон. Какое чудесное имя, – сказала она.

Он кивнул и улыбнулся ей в ответ.

– Твой отец много рассказывал мне о тебе, – продолжала она. Затем выражение ее лица вдруг изменилось, и она добавила: – Знаешь, он ведет себя очень неразумно.

Камера шлюза снова пришла в движение.

– Саймон, – снова начала женщина. – Тебе кто-нибудь рассказывал о Зоопроекте?

Мальчик кивнул не задумываясь. К счастью, да, он действительно слышал об этих людях, занимавшихся всяческими букашками.

– Мама мне про них рассказывала.

Лилли промолчала.

– У них добрые, отзывчивые сердца, они неравнодушные.

– Полагаю, мы такие и есть, – медленно ответила женщина, а потом добавила: – Хотелось бы думать, что мы делаем нечто хорошее. Спасаем тех марсиан, кого можем спасти, – прежде чем их мир исчезнет навсегда.

– Марс не исчезнет, – возразил Саймон.

– Но исчезнут их места обитания. Одни раньше, другие позже.

– Но мы ведь тоже марсиане. – Мальчик повторил то, что слышат от каждого второго взрослого.

– Вот только первыми здесь были местные микробы, – напомнила она.

Саймон пожал плечами. Он не знал, действительно ли это так важно.

– Они находятся под нами, прямо здесь, – начала объяснять женщина.

В герметичном шлюзе мощные струи пара и узконаправленные пылесосы упорно чистили и без того почти стерильный защитный костюм отца.

– Под нами находится чудесная страна, Саймон. Настоящий рай, – быстро и серьезно говорила Лилли. – Тепло, проточная вода, питательные вещества, плюс трещины в породе, где преимущественно растут и размножаются тысячи местных видов. Псевдоархеи и нанобактерии, вирусные цисты и, возможно,

крупнейшая популяция охотничьей плесени из всех известных. То, чем я занимаюсь, – марсианский эквивалент дождевых лесов. Это изумительное сокровище, уникальное для Вселенной. А знаешь ли ты, что с ними скоро произойдет?

Некоторые слова Лилли казались бессмысленными, но одно пробудило любопытство Саймона, а потому он спросил:

– А что такое дождевой лес?

Лилли помедлила с ответом.

– А сам ты как думаешь?

– Это там, где вода падает на деревья? – предположил он.

– Так и есть.

– Все время.

– Да, там часто идут дожди.

– Но ведь это ужасно, – сказал он.

Наконец процесс чистки завершился, и внутренняя дверь шлюза распахнулась. Отец быстро вошел в помещение; не снимая перчаток, отстегнул шлем; его глаза были расширены, губы сжаты в твердую тонкую линию.

– А мы тут говорим о дождевых лесах, – доложил Саймон. Затем обратился к своей новой подруге с вопросом: – Как деревья могут расти под льющейся водой?

– Все совсем не так, – быстро проговорила она и обернулась к отцу. – Привет, Джон. Есть ответ от адвокатов?

– Еще нет. – Отец умолк, потом медленно спросил сына: – О чем еще вы разговаривали?

– Ни о чем, – ответила Лилли.

– О Зоо, – поправил ее Саймон.

– Да, о Зоопроекте, – согласилась она. – Я лишь поинтересовалась у этого молодого человека, что ему известно о моей работе, и он сообщил мне, что, по словам его матери, я слабая, но у меня доброе сердце.

Разве он это ей говорил?.. Саймон был в этом вовсе не уверен.

Отец по очереди заглянул в лица Саймона и Лилли.

– Вот и все, – весело произнесла Лилли.

Скафандр отца сверкал чистотой. Сам отец выглядел разгоряченным, и это было непонятно. Саймону даже показалось, что он устал, хотя сегодня они еще ничего не делали.

Наконец сдавленным, еле слышным голосом отец произнес:

– Не надо.

Саймон не понял, кому из них двоих он это сказал.

Может, это «не надо» предназначалось ему самому?

– Почему это? – напряженно, почти зло спросила отца Лилли. – С чего бы мне вообще думать об этом? У меня ведь такое благородное, доброе сердце, я даже бактерии не могу пожелать

зла, не говоря уж о других.

Лилли по-прежнему нравилась Саймону, но взрослые люди бывают очень странными. Неужели Лилли – одна из таких странных взрослых?

Теперь взрослые молчали, даже не глядя друг на друга. Казалось, пол – это самое интересное место в рубке; какое-то время они смотрели в пол пустыми глазами, сжав губы и учащенно дыша.

Чтобы нарушить это молчание, Саймон объявил:

– А я сегодня держал в руках Зерно. Папа мне разрешил.

Но и теперь никто так и не заговорил.

– Зерна – это механизмы, – сообщил мальчик. – Они взрываются как бомбы, очень мощные, а если внутрь заглянуть? У них там маленькие мешочки, и эти мешочки выбрасываются в яму, которую делает бомба, а в них полно хороших молодых букашек, которые умеют делать самые разные удивительные и важные вещи. Они быстро растут, и у них появляются маленькие, крошечные корни, по которым, как по проводам, передается энергия, и благодаря этим корням можно быстро разогреть поверхность и изменить скалы так, чтобы живые существа, такие как мы, были счастливы.

Внезапно Лилли произнесла одно ужасное слово.

Отец, стоявший позади Лилли, положил руку на ее закованное в скафандр плечо.

– Не трогай меня, Джон.

Тогда отец сказал:

– Оставь нас в покое, Лилли.

Всего пять негромких слов. Но Саймон никогда не слышал, чтобы кто-то говорил с такой злостью.

– Надень шлем и уходи, – велел он женщине.

Но Лилли только головой покачала, а затем произнесла с широкой странной улыбкой:

– Саймон? Хочешь услышать кое-что забавное о твоем папе и обо мне?

Мальчик был бы рад любому поводу посмеяться.

– Конечно.

– Нет, – сказал отец и встал между ними. – Одевайся и иди работать, Лилли. Я сообщу своему начальству, что у меня что-то пошло не так и что я еще не готов сеять. Делай, что тебе надо. Это же справедливо – как по-твоему?

– Нет, – ответила она.

– Что?..

Лилли не сводила глаз с Саймона, на ее миловидном смуглом лице появилась непринужденная улыбка.

– Я хочу, чтобы ты мне помог, Джон. С бурением, с забором образцов. Со всем этим.

Отец хранил молчание.

Тогда Лилли сказала:

– Эй, Саймон. Ты же хочешь, чтобы у твоего папы было доброе сердце, правда же?

– Да, – ответил он.

– Что же он должен сделать? Помочь мне или обидеть меня?

– Помоги ей, папа, – стал упрашивать мальчик. – Ты должен помочь, пап. Как же иначе?

Гектор-624

Маленькая птичка оповестила Саймона о предстоящем восстании.

Джеки была создана на основе ДНК попугая жако с существенными генетическими модификациями и перенастройкой нейронных связей; ее интеллект был настолько выше интеллекта обычного попугая, что она вполне могла бы голосовать на выборах. Ее рабочие функции включали в себя дружеское общение; к тому же Джеки была дополнительной парой глаз для постоянного наблюдения за разрастающейся фермой, и она блестяще справлялась с обеими обязанностями. Однако всякое живое существо обладает неожиданными способностями. Не об этом ли предупреждали профессора, обращаясь к каждому новому курсу будущих атумов?[2] Независимо от генетической сложности, умственных способностей или же культуры, в которую был погружен искусственно созданный организм, каждое такое существо таило в себе в равной степени и сюрпризы, и недостатки, и редкие способности, – если последние были излишне впечатляющими, они могли любому подпортить карьеру.

– Тревожных признаков все больше, – сообщила Джеки. – Конечно, они не слишком существенны, но я не могу избавиться от предчувствия, что грядет беда.

– Это касается нашего солнца? – спросил Саймон. Вопрос был вполне резонный: их реактор превысил установленную отметку в сто пять процентов. – Думаешь, скоро свет погаснет?

За двадцать лет произошло два продолжительных отключения. Ни одно из них не было виной Саймона, но оба нанесли большой вред ферме и оказались отмечены двумя весьма неблагоприятными замечаниями в его личном деле.

Попугай с кудахтаньем отмел его опасения:

– Нет, это не наше солнце.

– Проблемы с мясом?

Вирусы. Он этого боялся. Скорее всего, новый штамм герпеса, атакующий нервную систему новых переселенцев.

– Нет, ребра-и-сердца растут хорошо. А беконы – даже с опережением графика.

Тем не менее Саймон внимательно осмотрел раскинувшийся перед ним пейзаж: древний кратер был накрыт сверху алмазным куполом, а в верхней точке купола пылал огонь, который гас всего лишь на несколько минут в день. В остальное время котловина была озарена ровным сияющим светом. Ограничение

частот излучения способствовало эффективному потреблению энергии. От черно-зеленой листвы просто разило жизнью, здоровьем и вечным ростом. Самыми высокими были прудоноги – буйно разросшиеся в условиях низкой гравитации деревья; их бесчисленные стволы несли на себе чашеобразные резервуары, наполненные чистой водой. Каждый такой резервуар кишел креветками и рыбами, каждый был покрыт тонкой живой кожицей, чтобы ни порывы ветра, ни животные не могли повредить драгоценному содержимому этих искусственных прудов. Еще в юности Саймон помогал проектировать первых прудоногов, а со времени появления на Гекторе молодого атума под его руководством в их конструкцию было внесено бесчисленное множество усовершенствований, которые позволили прудоногам пышно разрастись на углеродистой почве. Ни одно достижение не вызывало у Саймона такого чувства гордости. Ребра-и-сердца, а также беконы, напротив, были обычными коммерческими видами, уродливыми с любой эстетической точки зрения. Долгими днями Саймон, как хозяин фермы, мечтал о том, чтобы отбирать и улучшать образцы сообразно собственным вкусам, создать что-то лучшее, нежели эта эффективная, но заурядная фабрика по производству пищи.

– Что не так, Джеки? – спокойно, но настойчиво спросил он.

– Отмечено проникновение двух человек, – сообщила птица. – Они передвигались под куполом, но избегали основных троп. Я не узнала их лиц, но они были в шахтерских комбинезонах.

– И что делали эти шахтеры? Воровали еду?

– Они ничего не делали, – сказала она. – Ничего дурного, по крайней мере. Но разговаривали они не как шахтеры.

Саймон выжидал.

– Они говорили об огне.

– Расскажи-ка мне, – попросил он.

Вопреки всем стереотипам, Джеки совершенно не умела никого передразнивать. Впрочем, она знала о своем недостатке и даже не стала пытаться копировать голоса незнакомцев. Вместо этого она просто подвела итог:

– Женщина сказала, что ей неспокойно, а мужчина сказал, что скоро все случится, через тридцать три часа. Сказал, что псы спят и что огонь разожжен, что даже если бы власти знали об этом плане, то сейчас уже никто не в силах остановить то, что остановить нельзя.

– Я ничего из этого не понял, – признался Саймон.

– И почему я не удивлена? – Сарказм был еще одной непредвиденной способностью Джеки. – Вначале я не беспокоилась. Но огонь меня пугает, и я подумала, что

упоминание властей тоже настораживает.

Тут Саймон был согласен с Джеки. В принципе каждый аспект жизни колонии был под контролем властей, и если они чего-то не знали…

– Вот почему я последовала за шахтерами, – сообщила птица.

– Ты же сказала, что они не были шахтерами.

– Они просто были очень сильными. Два чрезвычайно мускулистых человеческих существа.

Только военные и недавние переселенцы держали мышцы в тонусе. Минимальная гравитация и ограничения в калориях сделали Саймона тонким, как ивовый прутик.

– Что еще они говорили?

– Они молчали и заговорили только один раз, – сказала птица. – Как раз перед тем как покинуть ферму, мужчина обернулся к женщине и сказал ей, чтобы она улыбнулась. Сказал – Маккол знает, что делает, и попросил, чтобы она была так добра, черт побери, и перестала попусту тратить энергию, воображая самое худшее.

Саймон ничего не сказал.

– Ты же знаешь Маккола, не так ли? – спросила Джеки.

– Да, – признал он. – Сказать по правде, он тот самый атум, кто дал мне это место.

Два темных красноватых астероида плотно соединялись друг с другом, образуя Гектор-624. Этот маленький мир двигался по орбите вокруг Солнца на шестьдесят градусов впереди Юпитера, в уютной зоне Лагранжа, где уже много миллионов лет плавало множество троянских астероидов. Гектор был небесным телом удлиненной формы с периодом обращения в семь часов. Саймон считал этот мир уродливым. То, что он жил на самой окраине заселенного пространства и служил властям и корпорациям, как обычный фермер, дела не меняло. В школе он всегда получал высшие баллы за контрольные работы; окончил учебу как квалифицированный, возможно, даже одаренный атум – профессия была названа по имени египетского бога, в чью задачу входило завершать незавершенные миры. Но, несмотря на все свои способности, Саймон смог получить работу только в этом маленьком мире. Более престижного положения можно было добиться только благодаря полезным знакомствам и влиятельным наставникам, а к настоящему времени карьера Саймона доказала отсутствие у него и первых, и вторых. В любом другом месте Солнечной системы судьба его сложилась бы гораздо счастливее: Марс был недостижимой мечтой, астероиды, обращенные к Солнцу, и спутники Юпитера – важными мирами с кипучей

жизнью. Ко всему прочему теперь была еще и Луна, а группы предварительной оценки уже строили планы по терраформированию Венеры. Гектор же, напротив, был изолированной бурильной базой, и то не до конца оснащенной. Когда установка оборудования завершится, Гектор будет поставлять воду и чистый углерод во внутреннюю систему. Но ему не суждено было стать по-настоящему важным местом, тем более базой для масштабной колонизации. На поверхности и в недрах этого сумрачного небесного тела жило не более пятидесяти тысяч разумных существ, причем люди были в меньшинстве и в основном считались неудачниками и потерянными душами.

У главного поселения было, конечно, и официальное название, но местные именовали его Бумтауном[3]; это грязный, сугубо бестолковый молодой город, расположенный в зоне соприкосновения, там, где два астероида класса «Д» соединялись в единое целое. Саймон ехат в Бумтаун вместе с грузом свежесобранных бананов и свежевыловленных бескостных гольянов. Он не был до конца уверен в своих намерениях, думал и передумывал, пока внезапно полицейский робот не осведомился о его пункте назначения.

– Дом Эрнста Маккола, – словно со стороны услышал Саймон собственный ответ.

Но этого оказалось недостаточно. Похоже, без очевидных причин протоколы безопасности ужесточили. Робот высокомерно осведомился о цели предполагаемого визита.

– Я нашел его потерявшегося пса, – заявил молодой атум.

Никакого пса поблизости не наблюдалось, но ответ, похоже, удовлетворил спрашивающего. Саймон продолжил свой путь в туннель с ограниченным доступом, мимо пышных садов, греющихся светом таким же ярким, как на Земле, мимо бесконечной вереницы цветов и искусственно выращенного животного мяса. Потраченная на их создание немалая энергия преобразовывалась в радужные цвета и сложные ароматы.

«А что, если Маккола нет дома?» – спрашивал сам себя Саймон.

Но Маккол был дома. Пожилой атум обрадовался, увидев у своих дверей нежданного гостя.

– Входи, мой мальчик. Я как раз собирался пропустить стаканчик на ночь.

– Не хотелось бы вас беспокоить, – солгал Саймон.

– Никакого беспокойства. Прошу в дом! – Маккол всегда был костлявым. Как-то раз Саймон нашел его снимок девяностолетней давности: худой лохматый мальчишка лет восьми, блестящие

глаза смотрят прямо в камеру, а губы сжаты и слегка припухли, словно он съел что-то, вызвавшее отек. Взрослая версия этого мальчика сохранила юношескую живость, только волосы стали мягкими и на удивление черными. Большую часть своей жизни Маккол провел в крошечных мирах и благодаря недостатку гравитации, а также мафусаиловой диете сохранил сухопарое изящество прежнего мальчишки.

– Вина? – предложил Маккол.

– Нет, благодарю, – отказался Саймон.

Главный атум Гектора стоял рядом с изысканным баром: это сооружение, отделанное редкими металлами, располагалось в центре огромной комнаты, спроектированной исключительно для развлечений. Однако же Маккол так и не удосужился достать пустые бутылки, а уж тем более наполнить их. Он только пристально разглядывал Саймона и улыбался. Что-то в его облике и молчании подсказывало гостю, что его появление здесь не является неожиданностью.

– Мой пес, значит? – спросил Маккол.

Саймон вздрогнул.

Улыбка стала заметнее. Мужчина шагнул ближе, заговорил ровно, неторопливо и спокойно:

– Что тебе известно, мальчик мой?

Саймону было почти пятьдесят, его собственное детство осталось далеко позади.

– До тебя дошли кое-какие новости, верно?

– О псах, – отрапортовал Саймон.

Маккол пожал плечами:

– А еще что?

– Что-то должно произойти.

– Происшествия неизбежны. Что-то конкретное?

– Двадцать восемь часов назад…

– Стоп. – Маленькая рука поднялась, едва не коснувшись груди Саймона. – Ты ничего не знаешь. Совершенно ничего.

– Ваши псы спят, – продолжил Саймон.

Хозяин дома промолчал. Он ждал.

– И есть еще кое-что, об огне.

Улыбка померкла, но голос стал дружелюбнее. Теперь в нем звучало любопытство. Может, даже удивление.

– Так что же насчет огня?

– Я изучал ваши работы, сэр. – Саймон по привычке слегка склонил голову, признавая более высокий статус собеседника. – Вам нравится сравнивать метаболическую активность с огнем.

– Другие тоже используют эту аллюзию.

– Но в бытность молодым атумом вы потратили массу

времени и сил, жалуясь на ограничения в нашей работе. Вы говорили, что каждый атум связан по рукам и ногам драконовскими законами. Говорили, что жизнь, которую мы создаем, похожа на едва тлеющий огонь. Вы надеялись высвободить энергию органического вещества. Принципиально новые биохимические процессы, уникальная генетика, сверхэффективная утилизация мертвого и отработанного материала… Вы были одним из самых ярых поборников отмены устаревших Нормативов: только тогда наша молодая профессия смогла бы породить огненную бурю жизни, свободно распространяющуюся по Вселенной.

– Понятно, – тихонько засмеялся Маккол. И повторил: – Понятно.

– Так что же не смогут остановить власти?

Атум не ответил; вместо этого он спросил:

– Как по-твоему, почему высококвалифицированный исследователь, человек, успевший добиться столь многого, с такой охотой отправился в столь отдаленное место? Ради чего Эрнест Маккол, отказавшись от всех выгодных предложений, отправился в долгий путь к этой ничтожной глыбе изо льда и космического мусора?

Саймон промолчал.

– Псы существуют, – признался Маккол. – Кстати, они скоро должны проснуться. Десятилетия исследований и целый ряд тайных лабораторий позволили совершить несколько революций в области продуктивности и приспособляемости организмов.

– Это сделали вы?

– Не я один. – Атум тряхнул густыми черными волосами. – Еще десяток блестящих соратников, работающих вместе со мной, и союзники в двадцати других мирах. Конечно, ум у меня тонкий и смелый, но гордыней я не страдаю.

– Но ведь один из ваших соратников – я, – заметил Саймон.

– О нет, нет. Я бы тебя привлек на свою сторону, молодой человек. На самом деле именно поэтому я отговорил нескольких вероятных работодателей брать выпускников из твоего класса. Я был уверен, что смогу использовать твои таланты здесь, рядом.

– Но я же ничего не сделал.

– Именно так, – согласился Маккол. – Признаюсь, для меня это стало сюрпризом. Я следил за тобой с тех пор, как ты сюда прибыл, – за твоей работой и в особенности за тем, как ты реагируешь на давление сверху. По чести сказать, я был разочарован. Мне нужна отвага, гениальность. Способности без вдохновения хороши для мира коммерции, но не для тех, кто мечтает о великих свершениях.

Лицо у Саймона вспыхнуло, словно ему дали пощечину. У него сдавило горло, стало трудно дышать, а затем, несмотря на отчаянные попытки взять себя в руки, он заплакал, и слезы потекли по его покрасневшим щекам.

– Но тем не менее ты мне нравишься, – продолжал Маккол. – А поскольку ты не посвящен в детали моего плана и остановить то, что вскоре должно произойти, невозможно, я решил сделать тебе подарок. Воспользуйся этим шансом, чтобы незаметно ускользнуть. Через четыре часа от Гектора отходит транспорт. Там будут свободные места; советую тебе занять одно из них.

Саймон развернулся, чтобы уйти, но замешкался.

– Вы планируете захватить Гектор? – пробормотал он.

Маккол засмеялся:

– Похоже, ты невнимательно меня слушал. Мои цели простираются гораздо дальше этого двухголового булыжника.

Предполагая, что его могут остановить, с применением смертоносного оружия или без оного, Саймон тем не менее поспешил в административную канцелярию Бумтауна. Самый высокопоставленный чиновник, похоже, ожидал его появления. Он пожал руку Саймону и провел его в крошечный кабинет. Прежде чем Саймон успел произнести хоть слово, чиновник сказал:

– Не волнуйтесь. И разумеется, не бойтесь. Я знаю все об их планах.

– Знаете? И давно?

– Уже несколько дней, – пожал плечами чиновник и прибавил с уверенностью, которой не испытывал: – Мы держим Маккола в поле зрения, как и всех его помощников. А наши группы безопасности с минуты на минуту уничтожат обе его частные лаборатории.

– Хорошо, – с готовностью откликнулся Саймон.

И тут чиновник перестал улыбаться.

– Но вот что мне интересно. Почему вы сначала направились в дом атума и только потом появились у нас? – помрачнев, спросил он у фермера.

– Я вообще ничего не знал, – сказал Саймон.

– Выуживали информацию?

Стараясь говорить как можно более убедительно, Саймон произнес:

– Да. Если уж сообщать о еще не совершенном преступлении, то необходимы детали. Нужно было представить доказательства, чтобы вы мне поверили.

– Ответ хорош, – сказал чиновник. – По крайней мере, сейчас

он меня устраивает.

Саймону стало холодно; он почувствовал слабость. Для него сейчас было важно только одно: вернуться на свою ферму, к Джеки. Если беда минует, он снова сможет играть важную роль в обеспечении пищей этого маленького мирка. Его буквально трясло от волнения.

– Я могу идти? – решился спросить он.

– Нет, пока мы не будем уверены.

Саймон судорожно сглотнул:

– Уверены в чем?

В ответ он услышал смешок, а затем зловещее:

– Во всем, разумеется. Во всем.

Все атаки на лаборатории угодили в обстоятельно расставленные ловушки. Застать наемников Маккола врасплох не удалось, а попытка схватить всех главарей разом закончилась ничем; все, что удалось заполучить властям, – несколько голографических изображений и роботизированных имитаторов. Затем мятежники захватили местную систему коммуникации. Их ответная атака должна была пройти точно по расписанию: элементарная порядочность требовала предупредить гражданских и дать им возможность бежать, воспользовавшись любыми доступными средствами. Но власти запретили все перемещения. Спешно собрав уцелевшие силы, они занялись разработкой новых планов, пока не появились пресловутые «псы». Секретные туннели уходили вглубь меньшей части Гектора, и именно оттуда появились чудовища с горячей кровью; невероятно быстрые, они бесконтрольно перемещались по Бумтауну, с одинаковой легкостью поглощая плоть и лазерные разряды.

Саймону удалось воспользоваться возникшим вслед за этим хаосом и совершить побег. На ферме он обнаружил трех роботов гражданского назначения, которые поспешно устанавливали небольшую термоядерную бомбу.

– Мы не можем оставить эти ресурсы врагу, – доложила одна из машин.

Саймону было уже все равно. Он забрал Джеки и кое-какие пожитки, после чего помчатся во временный порт. Почва под его ногами содрогалась и шла трещинами, а тысячи людей в панике покидали Гектор на любом транспорте, хоть мало-мальски годившемся для полетов в космосе, и шли на любой риск, только бы улететь отсюда в сторону Солнца.

В следующие несколько недель Саймона допрашивали голоса издалека – военные стратеги и политики хотели получить информацию о личности Маккола, как можно больше информации. Саймон делился своими догадками и

предположениями, стараясь ничем не выдать собственного замешательства. Едва транспорт Саймона вышел на марсианскую орбиту, беженцы были отправлены в карантин на Новый Фобос. Кто знает, какими неизвестными болезнями мог отравить их кровь Маккол? В промежутках между тестами и новыми собеседованиями Саймон смотрел на мир своего детства, манивший его видениями синих холодных морей и плотной, в основном искусственной, атмосферы. Суровый пустынный ландшафт исчез; стремительная трансформация мира вызывала одновременно чувство гордости и печаль утраты. Однако, несмотря на все блестящие планы и триллионы вложенных евро, процесс терраформирования был далек от идеального. С высоты в сорок тысяч километров Саймон распознавал озера, наполненные кислотой, и мертвые сухостойные леса. К тому же ходили слухи, что новая экосистема оказалась гораздо менее стабильной, чем утверждалось официально.

Спустя пятнадцать месяцев Саймона выпустили из карантина. Он смотрел новости о том, как целая флотилия мощных военных судов штурмовала Гектор-624. Роботы и ударные части высадились в безжизненном кратере, где прежде была ферма Саймона. Грозные псы были расплавлены или заморожены. Каждая битва завершалась победоносно, не за горами была окончательная победа. Однако внезапно война приняла совершенно иной оборот. Сине-белая вспышка взрыва раскололa астероид. Со времени начала мятежа меньшая часть Гектора подверглась полной трансформации. Под красноватой корой скрывался транспортный корабль невероятных размеров. Взрыв расколол более крупную часть Гектора на огромные куски, неся смерть наступающим войскам. Половина астероида сошла со своей прежней орбиты, нефтяные двигатели заработали; курс корабля пролегал в опасной близости от Юпитера, но именно близость гигантской планеты помогла кораблю набрать ускорение. Не встретив сопротивления, корабль направился во внешнюю Солнечную систему, пройдя достаточно близко к Сатурну, чтобы получить дополнительный разгон.

Через пять лет были изобретены более совершенные звездные двигатели. К тому времени о планах Маккола уже было известно всем. Никто и не думал преследовать его, тем более – продолжать войну. К чему? Постоянно меняющееся, становящееся все более странным небесное тело из органического углерода, кремния и воды, подогреваемой термоядерной реакцией, стремительно уносилось прочь от Солнца, прочь от человечества. Новорожденное дитя революции направлялось к тройной звезде в созвездии Центавра…

Венера

Со временем история Саймона стала достоянием общественности. Незнакомые люди вдруг обращались к нему по имени, они улыбались ему особой, печальной улыбкой, как это обычно делают в неловких обстоятельствах. Знакомые стали относиться к нему так, будто он для них очень важен, они охотно смеялись над его редкими шутками, желали ему хорошего дня, доброго вечера или сладких, приятных снов. Его коллеги-атумы неизменно выбирали одну из двух линий неадекватного поведения: либо торопились выразить свои соболезнования и спрашивали, могут ли они для него что-нибудь сделать, хоть что-нибудь, либо обижатись на то, что Саймон не доверился им раньше.

– Боже мой, ты же потерял почти всех своих близких! – воскликнул кто-то из них бестактно, зато весьма эмоционально. – Если бы я только знал! Чувствую себя идиотом. Я-то думал, что мы с тобой друзья…

У Саймона и правда было несколько близких друзей, разбросанных по разным мирам, но те хорошо понимали, что можно, а что нельзя делать и говорить. Если он не хотел вспоминать о катастрофе, разворачивавшейся на Марсе, они не расспрашивали ни о чем, проявляя уважение к его личной жизни. Ситуация ухудшалась; он начал принимать транквилизаторы и другие лекарства. Это позволяло хоть как-то держать себя в руках. Он плакал, но только когда оставался один. Когда становилось совсем невмоготу, он добровольно брался за те задания, что выполнялись в одиночку, и старательно избегал профессиональных разговоров о прошлых ошибках и о растущих потерях. Он думал, что ему удалось справиться с собой, и испытывал мрачное удовлетворение от того, что сумел вынести личные невзгоды. Однако позднее, когда ситуация окончательно стабилизировалась, Саймон случайно встретил одного знакомого своих детских лет. Не страдая от излишней тактичности, этот тип спросил напрямик:

– А как твои родные, Саймон? Им ведь удалось вовремя выбраться из этого кошмара?

Его родители и не пытались выбраться. Два старика, живущие в разных концах непоправимо ущербного мира, не разговаривали друг с другом почти сорок лет. Но когда разразились снежные бури и воздух превратился в яд, они покинули свои жилища – сперва ехали на роверах, потом шли пешком через хаос и резню, пока не добрались до уединенной обители с видом на Элладу.

Здесь они и провели вместе последние свои восемь дней и восемь ночей.

Что же касается сестры Саймона и их сводных родственников, все, кроме двоих, спаслись еще до того, как рухнула экосистема. Но где жить завтра, было неразрешимой проблемой не только для них, но и для Солнечной системы в целом. Миллионы беженцев заполнили все десять «Новых Лун» и целую флотилию спасательных судов; из наполненных воздухом резервуаров и устаревших систем жизнеобеспечения создавались временные жилища. Это была тяжелая, грязная, сложная жизнь – но всё лучше, чем судьба пятидесяти миллионов, оставшихся на лишенной кислорода, изъеденной кислотой поверхности Марса. Где же всем этим людям жить завтра? В этой сложной ситуации атумы выбрали готовое решение: заново терраформировать Марс и сделать это как можно быстрее, используя все инструменты из их стремительно разрастающегося арсенала.

– На этот раз мы построим теплицу, – провозгласил молодой атум. – Так и следовало поступить с самого начала. И да, Саймон, – я глубоко соболезную твоим потерям.

Наоми была прелестной девушкой, которая умело использовала свою красоту и очаровательную непосредственность, чтобы добиваться успеха и получать комплименты. Она любила поговорить. Она любила слушать свой дерзкий, настойчивый голос. Ходили слухи, что ее тело оснащено искусственными полостями и съемными датчиками, вырабатывавшими дурманящие запахи и разряды электричества. Саймона интересовало ее тело, но у него не было ни соответствующего положения, ни подлинной страсти, чтобы добиваться удовлетворения своих низменных желаний. Ему вполне достаточно было наблюдать представления Наоми со стороны. Большинство коллег воспринимали ее потенциал как угрозу. Но даже когда девушка дерзко заявляла о своем ослепительном будущем, Саймона это нисколько не задевало. Второе столетие жизни одарило его простым и весьма полезным озарением: каждый рано или поздно терпит неудачу; и если эти неудачи носят затяжной характер, то последующие провалы будут еще драматичнее.

Сейчас атумы наперебой пели свои обычные дифирамбы теплицам.

– Ну, меня это не убеждает, – тихо заметил Саймон.

Наоми засмеялась:

– О боже, почему нет? – Ее голос звучал покровительственно.

– Свод никого бы не спас. В конечном счете это ничего не

изменило бы.

Наоми просто не могла не оспорить это заявление.

– Но такой свод помог бы нам более эффективно контролировать погоду. Количество солнечного света, химические процессы в верхних слоях атмосферы. Нам все было бы подвластно.

– Только не геологические особенности, которым уже четыре с половиной миллиарда лет, – возразил он.

– Геологические особенности, – пробормотала она, словно не совсем понимая, о чем речь.

Именно в этот момент главный атум решил, что Наоми тоже надо принять участие в обсуждении. Громко и весело девушка озвучила обе позиции. Затем изложила собственное мнение, густо уснащая речь профессиональным жаргоном, и добавила:

– С Марсом слишком многое зависело от биологических средств. Вот в чем была ошибка. Не верьте жизни: ей до вас нет дела. Материальные объекты – вот что важно, и теплицы – это замечательный инструмент. Безусловно, они станут решающим словом в нашем деле.

Присутствующие согласно кивали – все, кроме одного. Вопрос был решен.

И все же, вопреки этой безупречной уверенности, пока что к завершению была близка только одна теплица, укрывающая целый мир; и то это был особый случай. Из всех миров именно Луну было проще всего заключить внутрь полупрозрачного пузыря. Этому способствовали слабая гравитация, соседство с Землей, бурно развивающаяся местная промышленность, а также отсутствие погодных и политических проблем. Свод теплицы был способен удерживать любую атмосферу. Двойные прозрачные алмазные стекла, усиленные нановолокнами, могли успешно противостоять воздействию космоса. Чрезвычайно простой и незамысловатый проект: строительство также не должно было вызвать проблем. Однако «должно быть» на поверку зачастую оказывается иллюзией. Проект «Луна» уже на сорок процентов превысил бюджет, вода, которую получали из астероидов и ледяных комет, требовалась другим проектам терраформирования, включая «Венеру», и даже при наиболее благоприятном сценарии понадобилось бы не менее двадцати лет, для того чтобы в кислородно-неоновой атмосфере на Видимой стороне задули первые ласковые ветра.

Может, Саймон и был не прав в своих сомнениях. Он и сам надеялся, что ошибается. Однако же его, бывшего марсианина, не покидало неприятное ноющее, но знакомое чувство, будто он

вновь стоит на самом краю пропасти.

Прочие атумы благополучно забыли о Саймоне. Основной темой в настоящий момент, их профессиональной страстью была Венера. Обсуждались небольшие проекты. Основные виды работ включали в себя создание атмосферы и рассеяние тепла; очевидные решения предлагались, обсуждались и отвергались, а вскоре их сменяли не менее адекватные ответы, устраивавшие всех. Когда Саймон давал себе труд прислушаться к обсуждению, он понимал, что без усилий может сказать, кто из атумов уже спит с Наоми, а кто ищет способы этого добиться. Это было бы смешно, если бы не серьезные последствия, к которым могла привести животная страсть. Саймон не верил в Великих Богов, но если бы боги наблюдали за ними, они бы наверняка посмеялись над тем, что будущее целых миров зависит от капельки гормонов и от желез, любая из которых без труда уместилась бы в ладони.

Председательствовала на этом рабочем обеде главный атум Третьего Округа, руководитель Отдела Высших слоев атмосферы и Климата будущего. Эта женщина была моложе Саймона на десять лет, но добилась гораздо больших успехов; когда она начинала говорить, все присутствующие разом замолкали. Впрочем, это совсем не означало, что ее слушали. Эта группа была не слишком многочисленной и довольно однородной, однако в ее рядах хватало и различных мнений, и необузданных амбиций, неподвластных приказам начальства. Еще сложнее оказалось скоординировать усилия столь неординарных личностей, при том что каждый из них сосредоточивался на собственной цели. Главной темой служила Венера – но сама планета существовала только в виде чисел и единственной удивительно сложной модели. Если бы не сила гравитации и не специфика подсчетов, можно было бы предположить, что эта встреча атумов в закрытом помещении без окон проходит на Луне, или на Каллисто, или на Палладе, или в любой другой точке Солнечной системы, подвергшейся безжалостной и полной трансформации.

Когда служебное совещание наконец-то завершилось, начальница с тоской посмотрела на Наоми.

– Хорошо поработали, большое спасибо, – сказала она собравшимся.

Все поднялись и направились к дверям. И тут внезапно начальница произнесла полное имя Саймона и, поймав его взгляд, сказала с полуулыбкой:

– У вас новое назначение. На данный момент вы покидаете гидрологическую команду.

Должно быть, кто-то из коллег пожаловался на его

неуступчивость или некомпетентность. Возможно, на то и другое. Такое случалось и раньше. Хотя Саймону и было сто двадцать восемь лет, когда его ставили в неудобное положение или стыдили, он всегда ощущал себя маленьким мальчиком.

Но на этот раз ничего плохого не произошло.

– Это потому, что к нам скоро прибудет гость, – с улыбкой призналась начальница. – Представитель от… – она замешкалась, – от Зоопроекта.

– Очередная миссия по сбору материалов? – поинтересовался Саймон.

– О, у этих милых людей всегда найдется очередная миссия, – пожаловалась начальница.

Саймон кивнул, ожидая продолжения.

– Мне нужно, чтобы вы помогли ей в поисках и вели учет всего, что она найдет. – Начальница смотрела на него в упор, в ее улыбке появилась тень сомнения. – Вы знаете женщину по имени Лилли?

– Нет, – сказал Саймон – возможно, слишком поспешно.

– Это странно, – заметила начальница. – Она запрашивала именно вас.

Существовало великое множество способов продлить жизнь и сохранить здоровье. Саймон предпочитал небольшие изменения, которые нельзя было заметить модифицированным глазом. Однако стоявшую рядом с ним женщину традиционные способы не вдохновляли. Живая плоть всегда будет недолговечной, а синтетические материалы, дающие заметный косметический эффект, как правило, слишком хрупки, их хватает всего на несколько лет. Наиболее долговечными оказались колонии генетически сконструированных микроорганизмов, метаболически эффективных и способных к быстрому самовосстановлению: бактерии, обеспечивавшие вечно обновляющуюся кожу чувствительными, высокоадаптивными нейронными связями. Этим средством охотно пользовалась как молодежь, так и решительно настроенные люди преклонного возраста. Однако Саймон впервые в жизни видел человека, который наделил бы себя такой яркой, тщательно продуманной внешностью.

– Мне жаль, – начала эта весьма колоритная особа.

Чего ей было жаль, Саймон не знал. Однако он вежливо кивнул, подавив желание задать вопрос.

Следующие несколько минут они просидели в тишине. Пилот-водитель продолжал двигаться по запрограммированному маршруту, смотреть пока было не на что, да и делать нечего. Под

ними простирался океан атмосферы. Солнце висело слева: единственный объект в почти черном небе, оно медленно клонилось к закату. Далеко внизу под ними была теплица – серо-зеленая равнина, совершенно гладкая и умиротворяюще обыденная. Венера – это не Луна; проект был гораздо более сложным, чем просто возведение высокого свода над слоем податливой разреженной атмосферы. Полностью завершено было всего несколько секций, около девяти процентов от запланированного; но даже и они были всего лишь лесами, несшими на себе комплекты оборудования на солнечных батареях, всевозможные фильтры, космопорты, а также города, населенные роботами, чьим предназначением были ремонт и отладка этого гигантского образчика незатейливой архитектуры. Интересно, много ли вопросов у гостьи? Большинство посетителей интересовалось нанобашнями, пустившими корни в твердую кору Венеры, удерживавшими тысячи мегатонн дорогостоящего оборудования над плотной атмосферой, представлявшей немалую угрозу. Пусть людям даже известны факты, но рассказы о чудесах техники их умиротворяют. Каждый считал себя чем-то исключительно важным. Каждый втайне боялся, что, если теплица начнет разрушаться, это случится как раз под его бесценными, прискорбно уязвимыми ногами.

Наконец молчание прервалось. Лилли впервые дотронулась до Саймона. Горячие оранжевые кончики пальцев пробежали по его руке.

– Мне очень жаль, – повторила она. – Я знаю, он был хорошим отцом. Уверена, тебе его очень не хватает.

Реакция Саймона удивила их обоих. Повернувшись к кричаще-яркой женщине, он резко ответил:

– Это моя мать была хорошей матерью. Отец всю жизнь коллекционировал любовниц, и мне нисколько не нравились его девицы.

Фиолетовое лицо было живым и жарким, под кожей струились жидкости, гораздо более сложные по составу, чем простая кровь. Возможно, женщина чувствовала себя оскорбленной. Возможно, ей хотелось развернуть пилота-водителя, вернуться назад, поменять этого атума на другого, более покладистого. Однако ничто в ее облике не выдавало ни обиды, ни даже удивления. Несколько мгновений она просто улыбалась. Молча вбирала прозрачными темными глазами каждую черточку сидевшего рядом старика. Потом сжала его запястье – волна жара едва не обожгла бледную, сухую кожу Саймона.

– И тем не менее мне жаль, – сказала она.

Саймон высвободил руку.

– Я нечестно поступила с вами обоими. Там, на озере… когда я бурила… мне тогда нужно было лишь одно – спасти аборигенов, любой ценой…

Вот в чем была проблема, понял Саймон. Дело вовсе не в том, что у этой женщины был роман с его отцом, и даже не в том, что они, возможно, любили друг друга. Больше всего его возмущало то, что она сознательно использовала отца как свое орудие.

– Ну и как там марсиане? – поинтересовался он.

– Спят себе безмятежно в сотнях лабораторий, разбросанных по всей системе.

– Это грустно, – вслух подумал Саймон.

– Грустно? Почему же?

– Жизнь должна быть деятельной, – высказался Саймон. – Она не должна проходить в спячке в недрах холодильника.

На этот раз Лилли обиделась. Она ничего не ответила, только выпрямилась и погрузилась в молчание, давая понять, что не приемлет никаких претензий в отношении работы всей ее жизни. Они приближались к месту назначения. Когда пилот-водитель начат снижение, Саймон решился заметить:

– Возможно, я ошибаюсь, но, мне казалось, Зоопроект уже собрал все виды аэропланктона.

У местных венерианцев была крепкая экосистема, но в сравнении с марсианами они были весьма простыми организмами.

– В наших пробирках есть все местные виды, – сухо ответила она, все еще лелея обиду.

– А здесь местные популяции потерпели крах, – отметил он. – Сюда не проникает свет, кроме инфракрасного, да и то в небольших количествах, серные облака развеяны, к тому же, по местным меркам, здесь слишком холодно.

– Это верно, – согласилась она.

Она коснулась себя, ее лицо, согретое энтузиазмом, стало ярче.

– Однако новые виды возникают каждый день, и это волнующая новость, не правда ли?

Новость была так себе, но они заключили перемирие. Пожилой мужчина и женщина, которой было еще больше, перестали вспоминать о своих разногласиях и о прошлом. Они были профессионалами, каждый из них без лишнего шума выполнял сложную оперативную миссию. Пилот-водитель совершил посадку и открыл переход в огромный купол, где было множество спящих машин и разнообразных лифтов. Надев

скафандры, они зашли в небольшой лифт и спустились на десять километров. Саймон наблюдал за Венерой на мониторах. Лилли занималась настройкой аппарата размером с чемоданчик, которому предстояло втягивать и фильтровать углекислотную атмосферу, а также вылавливать каждый жизнеспособный микроб в хаосе пыли и промышленных отходов. Нанобашня была ажурной – сложенная из паутинных восьмиугольников, на мощных ногах-опорах, уходящих в склоны Земли Афродиты; каждая сторона башни тянулась почти на километр в длину. Их конечным пунктом назначения была платформа, которую планировалось использовать в качестве накопителя для роботов, ожидающих приказа ремонтировать то. что ломалось нечасто. Источников света нигде не было видно, зато здесь были ветер и тяжелая атмосфера, которой предстоит обрушиться вниз и возродиться океаном из минеральной воды – правда, лишь столетия спустя. Очевидно, Лилли уже выполняла подобную работу и в других башнях. Двигалась она целенаправленно. Аппарат, следовавший за ней, терпеливо ждал, пока она исследовала одну рабочую площадку за другой. Опыт или, возможно, интуиция подсказали ей, где можно достичь наилучшего результата.

– Приступай, – приказала она; аппарат охотно схватился за поручни тремя руками и, перекинувшись через край, развернулся как клубок из лент, воронок и других прихотливых форм, служивших определенной цели.

– Как долго? – поинтересовался Саймон.

– Как долго ждать? – Лилли взглянула на него, подняв лицо, озаренное отраженным светом от шлема. – По меньшей мере час. Может, больше.

Перед ними лежала Венера – бескрайняя, окутанная тьмой.

– И какие же существа здесь водятся?

– Естественно, хемоавтотрофы[4].

Вглядываясь в венерианскую ночь, она поясняла:

– Конечно, фотосинтезаторы ультрафиолета тоже здесь. Им нравится находить трещины в башнях, места, где можно затаиться и ждать часа, когда рухнут наши своды.

Он не стал возражать против такого очеловечивания.

– Эти аборигены относятся к необычным видам, легко адаптирующимся к изменяющимся условиям; все они произошли от планктона из выкипевших морей. То, что они сохранили в своей уникальной ДНК, просто поразительно. Сейчас некоторые из них утилизируют промышленные растворители и продукты нанореакций. Они могут получать энергию везде, где есть тепло.

Лилли обернулась, и Саймон снова увидел ее лицо.

– Пока нет причин для беспокойства; может, их и не будет. Но некоторые организмы нашли способы проникать внутрь наших роботов, используя их в качестве убежища. Если хоть один из них научится воровать электрический ток, все изменится. Возможно, это вопрос одного или двух месяцев.

– Так быстро?

– Венерианцы плодовиты и неизбирательны. С такими ветрами любой продуктивный штамм в считаные дни расселится повсюду.

Саймон никогда не изучал живые организмы. Может, стоило уделять хотя бы один час в неделю изучению существующей литературы?

– Но возможно, этого никогда и не произойдет, – признала собеседница. – Я очень люблю этих крошек. Однако жизнь, даже самая восхитительная, имеет свои пределы.

– Да, у нее есть пределы, – вежливо согласился он.

Лицо Лилли было хорошеньким и уже не человеческим; должно быть, в этом были виноваты непрямое освещение и гложущее Саймона чувство бесконечного одиночества во Вселенной, где человечество становилось все более странным и чуждым.

– А тебя это вообще беспокоит? – спросила она.

Он ждал продолжения.

– Терраформирование – ужасающе разрушительное действие, – заявила Лилли. – Оно стирает один порядок вещей, чтобы заменить его другим. Или, как в печальном случае с Марсом, уничтожает спокойный и стабильный мир, чтобы его место занял обреченный слабак… И после всех этих несчастий люди все равно не понимают, что надо отказаться от борьбы.

– О борьбе и речи не шло, – заявил он.

Конечно, это не было правдой. Наверное, впервые в жизни Саймон со всей ясностью осознал, что они стоят на бастионах огромной крепости, а вокруг них идет бесконечная война. Он прислушивался к ветру, ощущал его порывы, наслаждался неустанным стуком сердца, которое никогда не признает себя старым. Саймон улыбался, сознавая, что даже такой человек, как он, несущий в душе тихое разочарование, может испытывать острое, ничем не замутненное удовольствие от сражений, больших и малых, в которых он помог одержать победу.

Япет

– Я знаю, что ты беспокоишься. Я тоже беспокоюсь, Саймон. Никто из нас двоих не силен в политических играх, и даже если бы я была гением в заключении союзов и знача, как обращаться с оппонентами, все равно мне было бы очень трудно в этом месте. На этой Земле. Но, как говорят знающие люди, и не без причины, есть только один Стэнфорд. Возможно, Академия Невидимой стороны ни в чем ему не уступает, по крайней мере когда дело касается подготовки выдающихся астрономов. Но в моей области знаний Стэнфорд держит первенство уже полтысячелетия, на мой диплом обязательно обратят внимание компетентные организации и недоверчивые коллеги во всех уголках Солнечной системы. А поскольку мое бесхитростное обаяние не поможет завоевывать сердца, работа в этом университете станет большим подспорьем.

Саймон остановил трансляцию – это был уже не первый просмотр – и на несколько минут погрузился в созерцание лица, заполнившего весь экран. Что изменилось? Рот, яркие желтые глаза. Стильный плюмаж из зеленых перьев: на вид изящная шляпка, на самом деле – одно из последних и очевидных звеньев, связывающих Джеки с миром ее предков. Нет, она выглядела совершенно так же, как прежде. Сторонний наблюдатель мог решить, что это представитель человеческого вида с модифицированной генетикой. Она выглядела немногим больше, чем в те времена, когда Саймон в последний раз видел эту птицу-попугая: это позволило ей вписаться в ограничения, существовавшие для студентов-стажеров. Законы о биоаналогах были вполне разумными: Земля всегда была перенаселенным местом. Даже шестьсот лет назад, когда Саймон был тощим марсианином и дышал пылью, колыбель человечества страдала от слишком большого количества жителей на единицу территории, от того, что слишком большое количество тел приходилось на слишком малую площадь территории, фермы трудились без отдыха, производя пищу для населения, которое не собиралось стареть и в большинстве случаев упрямо отказывалось умирать. Бессмертие стало повсеместной нормой – а кому не захочется иметь детей, чтобы разделить это блаженство? Вот почему тела и умы продолжали уменьшаться, обходя природные ограничения и хитроумно переосмысляя правила.

Земля мало изменила Джеки внешне. Пожалуй, разве что ее голос казался слишком правильным, слишком хорошо поставленным – но, с другой стороны, камеры всегда смущали

Джеки. Он достаточно хорошо знал это существо, а потому понимал, что она ничего не скрывает. Хватило бы одной капли лукавства, чтобы все кончилось, думал он со страхом. Их длительная разлука едва началась, а она уже тут как тут, нашла время, чтобы позвонить домой. Саймон уверил себя, что ни интриги, ни честолюбие, ни искушение не отнимут у него эту любовь, которой он не осознавал долгие века и которая так внезапно настигла его.

Он снова включил видеосообщение. Джеки перечисляла названия предметов и рассказывала о крохотных помещениях, которые она делила с тремя другими счастливыми аспирантками, и о том, что в ясные ночи можно видеть звезды, но что это, конечно, всего лишь иллюзия. Сфера теплицы, окружавшая Землю, была завершена лет двести тому назад – изумительная полупроницаемая мембрана, которая строго регулировала все, что попадало снаружи и утекало обратно в космос. На сегодня мать-Земля была чем-то вроде огромного помещения, находившегося под неусыпным контролем, где повсюду – на поверхности и под поверхностью старых континентов, а также на всех водных пространствах – жило около триллиона разумных существ. Это был прекрасный, стабильный мир. И при этом он был совершенно чуждым государством, где все беспрестанно менялось, а некоторые его уголки были печально знамениты разгулом преступности и вспышками психопатической ярости.

Да, Саймон беспокоился.

Безусловно, он жалел, что Джеки не осталась с ним после неожиданных перемен в ее карьере. На главных спутниках Сатурна имелись солидные университеты, и даже кичливый титулованный Стэнфорд предлагал виртуальные занятия за деньги. Почему бы не выбрать чуть более долгий, но зато безопасный путь к диплому? Ведь времени у них в избытке, доказывал Саймон. А там, где они жили, Джеки не подвергалась бы опасностям, которые неизбежно возникают при таком скоплении народа.

Передача продолжилась.

– Я уверена, ты это знаешь, – сказала Джеки. – Думаю, я уже говорила об этом раньше. Представь себе, на весь кампус тут нет ни одного работающего телескопа! У нас есть один объект в сорока километрах над нами, громоздится на своде теплицы, но там полно музейных экспонатов и любопытствующих туристов.

Она была взволнована, ее подвижный рот выговаривал каждое слово с особенным, только ей присущим акцентом:

– Стэнфордские телескопы – мои телескопы – находятся повсюду, кроме этой яркой, шумной, деловой Земли. На Луне и

на троянских астероидах Юпитера; еще есть прекрасное новое зеркало, которое только что вступило в действие в точке Лагранжа на орбите Нептуна. А поскольку я здесь, то это и мое зеркало. Мои лучшие глаза. Ты только подумай, какая честь! Если бы я осталась дома с тобой, я была бы в лучшем случае техником и наводила бы эти аппараты на объекты, а смотреть на них могли бы лишь настоящие студенты Стэнфорда.

Да, она приняла верное решение. Саймон всегда это знал – впрочем, такие небольшие умственные упражнения помогали ему снова и снова убеждать в этом себя самого.

Глупая маленькая обезьянка, вот кто он такой.

– Но я тебе еще не сообщила самую невероятную новость, – сказала Джеки под конец. – Я это только что узнала. Давным-давно у Стэнфорда был талисман, и это была птица! Представляешь, какое совпадение?!

Саймон остановил изображение и поцеловал его в губы. Затем он сохранил видеозапись там, где она могла храниться целую вечность, и, чувствуя себя растроганным до слез, перешел к привычным повседневным делам.

Даже на орбите Сатурна, где пространство стоило дешево и легко добывалась еда, люди обзаводились современными телами малых размеров. Саймон не был таким крохотным с тех пор, как ему исполнился один год. Новый метаболизм оказался эффективным и надежным; к тому же человеческий мозг в конечном счете угасал, но кора головного мозга, созданная из кристаллических белков, была более стойкой и плотной; мыслительные процессы протекали так быстро, что природные способности атума усиливались вдвое, а объем памяти увеличивался в двадцать раз.

Впрочем, подобным трансформациям подвергался каждый атум, а это значит, что в их профессиональной жизни, как ни странно, мало что менялось. Саймон и его коллеги сохраняли свои прежние звания и квалификацию: росли только объемы работ и мера ответственности. Существенное инвестирование в медицину мало что меняло. Саймон говорил, что его работа – толочь воду в ступе; неловкий каламбур, поскольку он управлял потоками питательных веществ в новорожденных морях. На самом деле у него не было причин жаловаться; если он и задумывался о том, что его жизнь могла бы сложиться по-другому, то тратил на это не больше пары минут в год.

Он был безмятежно счастливым человеком.

Пусть его редко продвигали по службе, а зарплата почти не росла, работа дарила ему сложные задачи и минуты чистой,

почти детской радости.

Обломки Япета теперь принадлежали Луне и Венере. Но десятилетия переброски в направлении Солнца ледяных глыб, состоявших из пресной воды и углеводородов, закончились. Прежние шахты и рудники превратились в большие города. Множество людей жило на Титане, Рее и других спутниках, и ни у кого не было желания делиться своими богатствами. Луна так и останется влажной губкой из камня, тогда как Венера превратилась в чистый сухой мир; ее экологическая система постоянно дорабатывалась, чтобы выдерживать бесконечную засуху, а жители были уже скорее машинами, чем существами из плоти и крови. И не важно, насколько глупо или упрямо вели себя правительства, математические расчеты были жестоки и просты: отныне будет проще терраформировать каждый мир там, где он вращается, так же как проще было транспортировать избыток людей и других разумных существ в эти пустующие дома.

Свет заливал новый Япет, вода была теплой и соленой; плавучие рифы представляли собой внушительные структуры из кальция и кварца, образовавшиеся вокруг пузырей водорода. Древний спутник давно растаял от коры до самого ядра, и огромные помпы перемешивали океан Япета, создавая тщательно спланированные течения так, чтобы каждый литр воды насыщался кислородом и освещался подводными солнцами. Электроэнергия в триллион ватт позволяла этому небольшому миру светиться изнутри. Обширнее прежних земных океанов, но без темных холодных пучин, где живые организмы медлительны и вынуждены экономить силы в надежде заполучить хотя бы крохи еды, нынешний мир Саймона со временем должен был обзавестись коралловыми лесами и пузырями городов, а также рыбами, соответствующими этим подводным садам, восхитительными как на вид, так и на вкус.

Работой Саймона, рутинной, но жизненно необходимой, были питательные вещества. Когда он не думал о Джеки, то обычно мечтал о дневных беседах с сенсорными устройствами и автоматами-наблюдателями. с центральным мозгом Дома и с коллегами из других, более элитных департаментов. Лишь небольшая часть спутника была стабильной: несколько плавучих городов, промышленный комплекс по переработке и рассеиванию крошечного ядра из камня и металлических примесей… Но основной задачей Саймона как атума в его крошечном королевстве было создать круговорот питательных веществ, не зависящий от сбоев и перепадов в подаче энергии. Вода должна была оставаться такой же прозрачной и чистой, как в лучшем приливном бассейне на каком-нибудь давно исчезнувшем земном

пляже.

Так как Джеки это было интересно, Саймон заканчивал день тем, что рассказывал своей любимой о последних событиях. Каждый вечер, как только ближайшее солнце начинало меркнуть, он обычно составлял небольшое послание, основанное на холодных и беспристрастных фактах. Но поскольку он нервничал, то неминуемо начинал рассказывать, что постоянно думает о ней и что любит ее, а выражение его лица и интонация говорили сами за себя: что он боится ее потерять из-за какого-нибудь многообещающего студента или того хуже – из-за профессора с сертификатом гения, который увлечет его дорогую птичку в гораздо более экзотические сферы, чем этот прекрасный, но такой крошечный пруд.

Послание началось новостями с Земли. Живым веселым голосом Джеки рассказывала о занятиях и о лаборатории, о том, что она преподает самостоятельно – «я боюсь до ужаса, а студентам нравится, что я трясусь», – и дважды упомянула слухи о небольшой эпидемии, которая поразила несколько прибрежных ферм по выращиванию водорослей.

– Ходят разговоры о дефиците, – признала она. – Их экосистема работает на минимальных резервах, а потому дефицит неизбежен. Слишком много жителей, а в придачу к ним еще и те, кто сумел незаметно сюда проникнуть…

Но тут она поняла, что Саймона это напугает, и прибавила:

– О, ничего серьезного. Просто будем съедать за обедом на один-два куска меньше. К тому же у Стэнфорда есть собственный запас продовольствия, так что беспокоиться не о чем. Абсолютно не о чем.

Она усмехнулась своим милым беззубым ротиком и, светясь от удовольствия, объявила:

– Кстати, дорогой, я хочу тебе кое-что показать.

Тут ее лицо замерло, а голос замолк. Прошло достаточно времени, чтобы Саймон начал подозревать какой-то сбой в своем оборудовании.

Изображение снова ожило, и Джеки заговорила тихим, заговорщицким тоном:

– Никто меня не видит, дорогой. «Никто» означает – никто другой, кроме тебя. Ты не знал про мой маленький секрет, но я установила в нашем Доме кое-какие хитроумные протоколы защиты. Не такие хорошие, как у некоторых, но достаточно надежные, чтобы укрыться от любопытных глаз.

– И что эти глаза высматривают? – тихо спросил он.

Послание Джеки было огромным и включало в себя

интерактивные функции. Программа услышала его и ответила голосом Джеки:

– Еще немного, дорогой. Ты все увидишь. Но сначала позволь мне показать тебе парочку других чудес. Хорошо?

Он радостно закивал, его тяга к неизведанному придавала моменту свежую, желанную остроту.

– Ты видел эти места, – продолжала Джеки. – Но я не помню, когда это было; с тех пор новые зеркала стали намного, гораздо мощнее. Я прилагаю снимки пятисот тысяч миров, на каждом из которых есть жизнь.

Снимки были знакомыми, только более четкими. В Галактике жизнь была не таким уж редким явлением. Время от времени возникали и сложные землеподобные биосферы – правда не часто и не там, где ожидалось. Самыми распространенными формами жизни оставались микробы и бактерии; типичными примерами подобных миров были Марс и Венера, моря Европы[5], а также живые облака Юпитера. Опыты с многоклеточными формами жизни, напротив, были исключительно неустойчивыми. Воздействия астероидов, появление сверхновых, столкновения нейтронных звезд происходили с ужасающей частотой, уничтожая все, у чего были голова и хвост. Выживали только неторопливо растущая слизь где-нибудь в глубинах моря да терпеливый вирус простуды на глубине десяти километров под отравленной почвой. В конце пермского периода Земля сама едва избежала такой участи. Но даже с учетом всех этих грандиозных катастроф землеподобные планеты встречались в тысячи раз реже прочих. У профессоров Джеки была головоломка, и, поиграв с ней, они получили ответ – весьма отрезвляющий, как и все ответы, которые дает наука.

Время от времени межзвездные облака и обреченные на смерть солнца падали в центр Галактики. Если их приток был достаточно большим, то необъятная черная дыра откликалась пылающим ужасом, который эффективно и почти повсеместно уничтожал излишне сложные формы жизни. С начала кембрийского периода Галактика взрывалась по меньшей мере трижды. Земле повезло выжить только потому, что она была окутана плотными облаками из пыли и газа, – это была достойная теплица, и построили ее боги Причуды и Каприза.

Саймон задумчиво просматривал сообщение – несколько сотен планет, выбранных наугад. Затем он попросил Дом отобрать наиболее необычные из них. По этому весьма расплывчатому запросу атум получил несколько десятков изображений облачных сфер, вращающихся вокруг солнц в сотне световых лет от его уютного кресла. Джеки вернулась, как раз

когда он нашел ближайший из таких миров.

– Альфа Центавра B – это огромный мир, – произнесла она самым наставительным своим тоном. – Планета, которую кто-то недалекий назвал Новой Землей в те времена, когда все мы знали, что на этой планете есть вода и пригодная для жизни атмосфера.

Саймон никогда не видел этот чужой мир так близко. Изображение было невероятно четким, ошеломляющим. Саймону казалось, будто он парит на низкой орбите над мелководным морем черного цвета. За цвет воды отвечали бактерии – огромные массы неутомимых микроорганизмов, поглощавших солнечный свет и производивших кислород в количествах, достаточных для того, чтобы это заметили астрономы много веков назад. Однако тектоника Новой Земли радикально отличалась от земной: по целому ряду причин инопланетная атмосфера не могла поддерживать горение, не говоря уже о процветающей экосистеме.

– Сейчас, – продолжала Джеки, – наш обзор включает в себя девять миллионов сорок тысяч живых миров. Это число и эти изображения не будут опубликованы еще в течение нескольких месяцев. Мы пока не закончили и ожидаем получения еще нескольких миллионов результатов. Но на сегодняшний день, Саймон… на данный момент… всего восемнадцать планет подают безошибочные признаки многоклеточной жизни и разума. Конечно, мы могли упустить что-то незначительное. Но после столь длительных исследований, с такими невероятными инструментами – ни одной находки на расстоянии менее восьми тысяч световых лет… мой дорогой, пытливый ум просто не может не предположить, что появление разума – это случайность космических масштабов или того хуже – удачная шутка Бога…

– Надеюсь, нет, – пробормотал он.

Джеки согласно кивнула.

– А теперь по поводу моего чудесного сюрприза, – продолжила она. – Одна крошечная часть неба для нас табу. Ты знал об этом? У власть имущих есть правила. Никто, кроме них, не может смотреть на один исключительно узкий сектор пространства. И мы не смотрели, по крайней мере специально. Но на прошлой неделе произошел несчастный случай. Разумеется, мы там ничего не увидели и, конечно же, ничего не записывали. Но я подумала, что ты захочешь взглянуть одним глазком на то, как выглядит это «ничего», – при условии, что будешь хранить запись в очень надежном месте.

На фоне звезд наблюдалось крохотное свечение – похожее на комету, пылавшую жарче любого солнца.

– Это Гектор, – сообщила Джеки. – Доктор Маккол по-прежнему в космосе, по-прежнему рвется в бой. Еще десять тысяч лет – и твой бывший коллега наконец-то доберется туда, куда намеревался.

Саймон обсуждал содержание солей с раздражительным прибором-измерителем, находящимся по ту сторону спутника, когда его прервал Дом.

– Произошел инцидент, – сообщил он. – На Земле, а именно – на территории кампуса…

– Джеки?

– О ней мне пока ничего не известно, – признался голос. – Стэнфорд и прилегающие к нему территории временно недоступны. Беспорядки продолжаются. Там все еще идут ожесточенные бои. Дать исчерпывающую оценку пока не могу.

– Беспорядки? – недоверчиво переспросил Саймон.

– Да.

– Но почему?

– Ходили рассказы, слухи…

Дом запрограммирован так, чтобы выражать печаль и сочувствие, но не чрезмерно. О гневе и речи нет; а потому следующие слова прозвучали бесстрастной констатацией факта:

– По слухам, община Стэнфорда утаивала продукты питания; это вызвало стихийный протест, впоследствии переросший в насильственные действия, в которых приняло участие около миллиона жителей города. В ответ гражданские власти применили силу, возможно несколько чрезмерную…

– А что с Джеки?

– У меня есть списки убитых и раненых, сэр. Данные постоянно уточняются. Подтверждена смерть восьмидесяти трех гражданских; около сотни пока числится пропавшими. Но я обязательно сообщу вам, как только найду ее, где бы она ни была.

Саймон решил, что не будет волноваться. Шансы, что именно с этой энергичной аспиранткой произошло несчастье, минимальны. Огромную старую школу посещают десятки тысяч, так что – нет, он не будет сходить с ума, это пустая трата времени. Убежденности ему хватило на восемь минут сосредоточенной работы. Потом Саймон на полуслове отключил сенсорный экран и обратился к Дому:

– Узнаешь хоть что-то – свяжись со мной.

– Конечно, сэр.

Его дом – их с Джеки дом – был единственным строением на крошечном зеленом островке из плавучего коралла, дрейфовавшем по водной поверхности спутника. Важнее всего

сейчас было бежать отсюда, отгородиться от всего, что напоминало о Джеки. В одиночку Саймон взмыл на реактивном самолете над поверхностью моря, удерживаемого в положенных границах маслянистой пленкой, распугивая стаи птиц и радужных летучих мышей. Затем он пришвартовался к перегородчатой центральной башне и сел в подъемник, который спокойным голосом поинтересовался, куда везти.

– Вверх, – бросил Саймон. – Просто вверх.

Свод Япета был гораздо совершеннее тех, что защищали внутренние миры Солнечной системы. Чернее космической пустоты, непрозрачный, несокрушимый: если цивилизации суждено исчезнуть сегодня, этот свод останется невредимым до тех пор, пока Солнце не превратится в остывшие белые угольки. Такой ресурс прочности имел огромное значение. Саймон миновал последний свод теплицы и оказался на ночной стороне спутника, где уже занимался рассвет. Он остановил подъемник, прежде чем тот достиг пристани, находившейся на самом верху, и стал смотреть, как восходит солнце – крохотная искра яростного ядерного пламени, которое затмевали тысячи лазеров, направленные на этот скромный спутник Сатурна.

Союз государств ледяного пояса объединил свои силы. Меркурий, долгое время считавшийся слишком затратным для терраформирования, был выкуплен и частично уничтожен, камни и железо переработаны и превращены в армаду огромных орбитальных солнечных коллекторов, накапливавших энергию и производивших пучки света, которые могли бы уничтожать корабли, города и даже целые миры. Могли бы – но этого никогда не случится, учитывая то, как тщательно их программировали, какие меры безопасности принимали. Сфокусированная энергия Солнца направлялась на прочную черную теплицу, а уже сама теплица поглощала и направляла весь ресурс в сердце искусственных солнц, заставлявших Япет светиться изнутри. Такое решение было и дешевле, и приятнее, чем строительство и обслуживание множества термоядерных реакторов. Каждый фотон поглощался, и, как результат, живой мир обретал теплую, сверкающе чистую, благодатную воду – в таком месте Саймону хотелось бы жить вечно.

Джеки всегда любила эту часть подъема, вот почему Саймон остановился здесь. Остановился и стал ждать: он знал, что она жива и с ней все хорошо, но ведь беспокоиться – это вполне нормально, верно?

Обстановка на Земле всегда была сумбурной.

Он отдавал себе отчет в том, что у Джеки есть друзья и коллеги и что она должна помочь им, прежде чем сможет

прислать ему весточку. И что, скорее всего, даже потом у нее не будет возможности сделать это сразу, учитывая весь хаос и неразбериху; да к тому же в подобных случаях по настоянию власть имущих вводится цензура.

Нет, он вовсе не терзался тревогой.

И тут его вызвал Дом:

– Сэр?

В голосе звучала печаль.

Больше всего Саймона удивило то, как быстро он обрубил все контакты с Вселенной. Прежде чем прозвучало следующее слово, прежде чем Саймон понял, что собирается сделать, его маленький острый ум уже принял решение и перекрыл канал связи с Домом.

Если Саймон ничего не будет знать, значит Джеки жива. И так будет до тех пор, пока он в состоянии выносить холодную безграничную пустоту космоса вокруг и звук собственного тяжелого судорожного дыхания.

Макемаке

– Пожалуйста, сэр. Прошу вас. Что вам великодушно предложить? У меня есть изумительные чаи, крепкие и сладкие, а также слабые и изысканные.

– Что-нибудь изысканное.

– Еще раз прошу прощения за мое неожиданное вмешательство, сэр. Я бесконечно признателен вам за то, что вы тратите свое время и терпите убытки.

Саймон кивнул и ласково улыбнулся хозяину, ни о чем не спрашивая. Сурикаты были умными и общительными существами, они славились своими церемониями и инстинктивной вежливостью. Ответы не заставят себя долго ждать. Саймон был достаточно знаком с этим народом и понимал: ему не слишком понравится то, что он скоро узнает.

Чай подали холодным, в крохотных церемониальных пиалах.

– Вы по-прежнему делаете для нас великолепную работу, сэр.

– А я о вас слышал много хвалебных слов, – ответил Саймон. – Умы более возвышенные, чем я, утверждают, что никогда прежде наша группа не имела удовольствия работать со столь квалифицированным и ответственным шефом службы безопасности.

Тонкие черты шефа выразили удовольствие. Однако все его четыре руки слишком крепко сжимали пиалу, царапая длинными черными ногтями белый костяной фарфор.

Саймон допил свой напиток и отставил в сторону пустую пиалу.

Шеф сделал то же самое, а затем произнес зловещим тоном:

– Возможно, вы слышали о транспорте с беженцами, который прибыл вчера. Конечно, слышали, кто же не слышал? Одна тысяча и девять спасшихся, каждый из них – жертва чудовищной войны, и в данный момент все они находятся в карантине в обычном месте.

Наверху, в ста километрах над их головами, стоял небрежно замаскированный и чрезвычайно грязный ледяной купол – в такой же помойке, похожей на тюрьму, Саймон прожил первые три месяца после прибытия на Макемаке.

– Это моя проблема, – начал было шеф, но тут в его блестящих черных глазках появилась улыбка, и он поправился: – Наша проблема.

Довольно прямое напоминание о гражданской ответственности каждого.

– Более одной тысячи разумных существ желают обрести

убежище среди нас, но, прежде чем это случится, мы должны выяснить все о каждом из этих индивидов. Возможно, политический климат и улучшается, однако раздражение и недоброжелательство по-прежнему сильны. Мы сохраняем нейтралитет дорогой ценой…

– Кто же наша проблема?

Шеф был доволен тем, что Саймон его прервал. По крайней мере, он, кажется. вздохнул с облегчением, глядя на существо в два раза крупнее его и старше кого бы то ни было в этом мире.

– Мы выявили военную преступницу, – признал шеф. – Весьма разыскиваемую личность, которая, как я полагаю, в прежние времена являлась вашей коллегой. По сообщениям надежных источников, она была замешана в марсианском геноциде, являлась консультантом в случае двух массовых убийств на Земле; также тщательно задокументирована ее роль в ганимедских побоищах.

– Мы обсуждаем Наоми?

Маленькое личико склонилось в смущении, длинное вытянутое тело опустилось на пол, покрытый ковром.

– Это одно из ее имен, да. Она пыталась скрыть свою личность, но то, что было умной, тщательно продуманной маскировкой в день, когда она покинула Титан, устарело и стало тривиальным.

Сурикаты были милыми существами, с густой шерстью мягче соболиной, а слой подкожного жира и фантастический обмен веществ позволяли им уютно чувствовать себя в ледяных туннелях. Шеф снова поднялся, беспокойно трогая считыватели и переключатели; хвост его энергично шевельнулся, подчеркивая важность того, что собирался сказать сурикат.

– Мы совершенно уверены. Это та самая печально знаменитая Наоми. В наших руках оказался атум – возможно, с самой дурной славой из всех ныне живущих.

– Из Синего Лагеря, – добавил Саймон.

В начале войны существовало восемь Лагерей. Из-за истощения ресурсов, потерь и в силу политической необходимости поле боя сократилось до двух Лагерей, и Синий официально прекратил свое существование.

– Что касается позиции нейтральных государств пояса Койпера, для нас не существует никаких Лагерей, – вежливо, но твердо предостерег его шеф. – Есть мы, и есть Война. Мы никогда не принимали ту или иную сторону в этом нелепом конфликте, а это означает, что нам никого не следует поддерживать и что мы должны воздерживаться даже от самых условных союзов.

Иными словами, чтобы сохранить мир, они вынуждены быть

жестокими.

Саймон кивнул.

– Почему сюда?

– Простите, сэр?

– Мне понятно, почему Наоми предпочла сбежать. Разумеется, она постаралась улизнуть. Но женщина, которую я знал, обладала способностью угадывать, куда повернет туннель в следующий момент. Бросить все ради долгого полета на окраину системы, к самым границам обитаемого пространства… проделать весь этот путь ради того, чтобы оказаться на Макемаке, – шаг в лучшем случае отчаянный. В худшем – внушающий подозрения.

Нежелательный вопрос был задан. Отвечая на него, шеф определенно вспомнил о своем положении; он напряг хвост и сжал кулаки.

– Отчаяние – вполне нормальная реакция ныне. Сэр, вы не видите разведывательных сводок, которые я вынужден терпеть. Вы не изучаете детально разработанных имитаций и прогнозов продолжающихся бедствий. По меньшей мере девяносто процентов населения Солнечной системы уничтожено. Это самое меньшее. Миры разрушены, будущее уничтожено – но, конечно, здесь, где мы бережно сохраняем мир, вы и представить себе не можете, насколько жалки, безумны и больны эти умы… эти немногие истерзанные существа, которым удалось дожить до сегодняшнего дня.

– Согласен, – доброжелательно откликнулся Саймон. – Я действительно не знаю, каково это.

Шеф вздохнул. Сожалея о собственной резкости, он признался:

– К вам я испытываю только уважение, сэр. Уважение вкупе с благодарностью. Что бы мы делали без ваших талантов? Что, если бы ваш путь привел вас к другому миру Койпера… скажем, к Варуне? Сейчас у них был бы великий атум, творящий чудеса с ограниченными ресурсами, а нам бы пришлось отказывать всем страждущим из-за нехватки места, еды и драгоценного воздуха…

На Варуне произошла катастрофа. Слишком много беженцев для мира, где едва началось терраформирование. Однако Макемаке, и в особенности сообщество сурикатов, пережило этот кошмар без особых потерь.

Саймон знал правила игры.

– Вы бы прекрасно справились и без меня, – с притворной убежденностью возразил он. – Вы удивительный, бесконечно изобретательный народ.

Его хозяин заулыбался. Пожалуй, он улыбался даже дольше,

чем следовало.

– Могу я задать еще один вопрос?

– Да, сэр, – откликнулся шеф службы безопасности.

– Зачем я здесь? Вы ведь уже установили личность пленницы. А поскольку я не видел ее по меньшей мере восемьсот лет…

– Девятьсот пять марсианских лет, – поправил его шеф.

– Я не понимаю, какова моя роль во всем этом. – Саймон погладил короткую седую бородку, скрывавшую половину его вполне человеческого лица. – Если только, конечно, вы не хотите, чтобы я давал показания в суде.

– Нет, – выпалил шеф.

Саймон ждал, его терпение было на исходе.

– Суд закончился несколько часов назад. Судьи уже вынесли приговор. Осталось только казнить заключенную.

– А, – кивнул Саймон. – Так вы вызвали меня сюда в порядке любезности?

Черные глаза смотрели на него, и в них читалась надежда, что больше ничего говорить не придется.

Однако, хоть атум и прожил много десятков лет среди этих существ, он никак не мог собрать воедино все подсказки. То, что было бы очевидно любому местному жителю этого холодного уединенного мира, для него оставалось тайной. Наконец с искренним смущением Саймон признался:

– Я не знаю, чего вы хотите.

– Этого хочет арестованная.

– Чего именно?

– Наоми выучила наизусть наши законы, – признался шеф. – И она каким-то образом узнала, что вы здесь живете.

Атум почувствовал себя не в своей тарелке.

– Она апеллировала к редко применяющемуся закону и назвала имя своего палача.

– Я не стану этого делать, – сказал Саймон.

Сурикаты – существа в высшей степени общественные. В их гражданском кодексе нет такого понятия, как право выбора. Их преданность своему городу и миру безупречна. Такого же поведения они ждали и от тех, кто жил в их соборах из льда и прозрачного воздуха.

– Если вы откажетесь от этой чести, – без экивоков заявил шеф, – мы будем вынуждены начать процедуру депортации.

Саймону потребовалось некоторое время, чтобы переварить услышанное.

– Она хочет, чтобы ее убил я, – тихо пробормотал он.

– На мой взгляд, – чопорно ответил шеф, – эта женщина уже мертва. Своими действиями вы лишь подведете черту.

Во множестве разных мест, в том числе в памяти по крайней мере одного атума, имелись точные и эффективные планы трансформирования этого маленького мира. Макемаке был назван в честь полинезийского бога-создателя, точнее, в честь божества, которому поклонялись жители изолированного острова Пасхи, – а в те времена, когда человек только начинал осваивать новые земли, остров этот был, вероятно, самым удаленным клочком суши, заселенным представителями человеческой расы. Трансформация Макемаке уже должна была бы начаться, если бы в прошлом столетии не разразилась война. Пока Марс в очередной раз умирал, сюда была доставлена дюжина новых искусственных солнц. Они находились на орбите, терпеливо ожидая приказа зажечься. Сделать первый шаг было несложно: превратить метановые снега в тонкий слой атмосферы, окружающий небесное тело вполовину меньше Плутона. Но даже этот скромный шаг таил в себе опасность. Зачем превращать свой мир в приманку для далекого, но оттого не менее грозного врага? Восемь десятилетий беспрецедентной борьбы опустошили и более богатые миры, и если бы не тоненький ручеек беженцев, которым, пусть с трудом, но все же удавалось добраться до этого холодного, темного мира, здесь царило бы полнейшее затишье.

Высокопоставленный атум поразмыслил на эту серьезную тему и решил, что ему чрезвычайно повезло: он не только сумел выжить в Войне, но и обнаружил форму жизни, наделившую его властью и привилегиями, о которых он прежде и не мечтал.

Прогулки по поверхности обычно доставляли Саймону удовольствие. Царство холода и бесплодного льда дышало величием. В черном небе не было ни движущихся огоньков, ни пролетающих кораблей, и это бесконечно привлекало Саймона. Не было вспышек и отблесков от залпов гигантских орудий. На сегодня ни один из выживших Лагерей не был способен на такие чудовищные действия. А потому целеустремленный разум Саймона мог забыть обо всем. Можно было смотреть на тлеющий уголек Солнца, на тусклую точку Юпитера и верить во что угодно, только не в ужасающую реальность, в которой почти все живое было уничтожено, а все миры, включая Землю, сделались практически необитаемыми.

– Ты что делаешь? – спросил резкий, нетерпеливый голос.

– По мере возможности – ничего, – признался он собеседнице.

– Сосредоточься, – потребовала она.

– Надо бы.

– Ты ведь совсем не изменился, правда, Саймон? Все так же избегаешь неприятной работы.

– Это мой лучший недостаток, – ответил он.

Наоми проигнорировала шутку. Ее собственная сосредоточенность была непреклонной, проницательность – неослабевающей, а взгляд, как всегда, был устремлен лишь к одной важной для нее цели. Внезапно остановившись, она сказала:

– Я выбрала тебя не только потому, что мы некогда были друзьями и коллегами. Нет, Саймон. Я выбрала тебя потому, что ты, вероятно, самый последовательный человек из всех, кого я когда-либо знала.

– Что тебе надо, Наоми?

– Пока не скажу, – поддразнила его Наоми и решительно зашагала в направлении небольшого, неприметного кратера, где вот уже несколько лет казнили пленников вроде нее.

Наоми и Саймон были одинаковых размеров, плюс-минус несколько граммов. Но ради того чтобы добиться расположения своего Лагеря, ныне потерпевшего поражение, она уже давно отказалась от всего, что выдавало бы в ней человека. Теперь эта женщина напоминала скорпиона, оснащенного суставчатыми конечностями и изящным, невероятно элегантным хвостом, который был сейчас свернут внутри скафандра. Ее панцирь мог выдержать воздействие жесткого вакуума, но только не холод. Скафандр был снабжен подогревом, а простая система рециркуляции постоянно насыщала кислородом ее зеленую кровь. Если вывести из строя хотя бы одно устройство из двух, она умрет, медленно и неотвратимо. Шеф и привлеченные эксперты советовали Саймону отключить обе системы сразу и тем самым ускорить финал. Но ледяные кристаллы и удушье – это было очень жестоко, пусть и на клеточном уровне. У Саймона имелись свои взгляды на то, как совершить убийство; пусть ему это и отвратительно, он приведет приговор в исполнение так, как считает нужным.

Скорпион бежал по льду, не выказывая признаков страха.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что приговоренным здесь был Саймон. За их передвижениями действительно наблюдало множество глаз. Ради такого исключительного события были распакованы и активированы камеры, предоставленные обоими Лагерями. Аппараты выступали свидетелями: с Солнечной системой их соединяли обеспеченные специальной защитой радиационно-устойчивые линии связи. В принципе ни у кого не могло возникнуть сомнений относительно того, что должно произойти, – разве что кому-то хотелось до последнего не расставаться с заблуждениями.

Саймон прибавил шагу и догнал заключенную почти на

самом краю кратера.

Движения Наоми внезапно замедлились, словно у нее вдруг закончился адреналин или то, что его заменяло. Пугающе человеческие глаза взглянули на Саймона снизу вверх.

– Ты мне всегда так нравился, – сказала она по закрытому каналу.

Он был изумлен, но виду не подал.

– Я понимаю, как это звучит, и знаю, что ты мне не веришь. Но с самой нашей первой встречи я прониклась огромным уважением к твоим способностям.

– Где это было? – спросил он.

– Первая встреча?

– Я стар, – признался он. – Напомни мне.

Она не просто упомянула о Венере. Вдаваясь в удивительные подробности, Наоми описала скучное совещание между членами команды, занимавшейся воздушным планктоном, – одно из обычных, ничем не примечательных событий, о которых Саймон, как правило, забывал через неделю, а то и раньше.

– Ты делал скептические замечания о нашей работе. Сейчас-то мне ясно, насколько проницательными и толковыми они были.

– И это тебя впечатлило?

– Странно, но ты казался спокойнее и увереннее нас всех. Ты был честнее и менее всех нас настроен пачкать руки политикой.

Он пожал плечами, не говоря ни слова.

– Уверена, что ты это заметил: я кокетничала самым бессовестным образом, когда мне нужно было расположить к себе людей. А уж амбиций в те времена у меня было столько, что не снилось и десяти Саймонам.

– Наверное, – признал он.

– Ты хотел со мной переспать?

– Нет, – солгал он.

Но ей, похоже, было все равно: она прикрыла глаза, печально склонила жесткое лицо:

– Если бы я обратила на тебя внимание… если бы позволила себе учиться у тебя… моя жизнь, наверное, сложилась бы намного лучше.

Может, жизнь и стала бы другой, а может, и нет. Саймон давно уже понял: каким бы творческим и хорошо информированным ни был человек, он не сможет прозревать будущее и видеть последствия даже мудрейших решений. Неведение было прозрением и несло с собой освобождение от сожалений.

Они добрались до кромки кратера вместе – два крохотных существа на краю изящной плоскодонной чаши. Внезапно Саймон

оказался впереди; железа, появившаяся у него совсем недавно, вбрасывала в кровь псевдоадреналин.

– Ты назвала мое имя, – сухо и напряженно заговорил он. – Ты утверждаешь, что на то есть причина. И если ты ее не назовешь, я буду счастлив.

– Но я должна тебе сказать, – возразила Наоми.

– Я не могу тебе помочь, – предупредил он. – Если ты думаешь, что у меня здесь есть связи и власть, это не так. Если считаешь, что у меня не хватит духу сделать это, что я откажусь и тогда Сурикаты не станут больше пытаться тебя казнить…

– Я не жду от тебя ни помощи, ни слабости, – перебила она. – У тебя доброе сердце. Но выбрала я тебя не из-за этого.

– Доброе сердце, – повторил он; эти слова неожиданно вызвали мучительный отклик в его душе.

– Мы оба с тобой, Саймон, – продолжала Наоми, – мы, атумы, много разного повидали за свою уникальную карьеру.

Он высоко подпрыгнул и опустился на ровный участок водяного льда, твердого как камень.

– Полагаю, что да.

– Моя карьера… – начала она.

Он заставил себя двигаться медленнее, поглядывая вверх, на камеры, висевшие в небе, где царила вечная ночь.

– Быть атумом – это благословение свыше, и я чувствую себя избранной. Я знаю, как это выглядит сейчас – то безумие, которое привело нас в Лагеря. Мы использовали свои знания о строительстве миров для того, чтобы убивать миры. Но подумай об истории, свидетелем которой я была. О гениях, которых я знала, о нашей важной работе и о глупых трагедиях тоже… обо всем, что влечет за собой преобразование миров, о десятках и сотнях миров, больших и малых, которым мы дарили жизнь…

– О чем это ты, Наоми?

– Я вела дневник, – негромко сказала она.

– Многие так делают.

– Но мой дневник гораздо подробнее, – настаивала она. – С самого начала я использовала только лучшие методы, самые совершенные приемы. Это не просто текст и изображения, Саймон. Я подвергала свой мозг сканированию, загружала в дневник свои воспоминания, все без исключения. Все. А потом я использовала искусственный интеллект армейского образца: он стал и наблюдателем, и голосом. Там моя жизнь – все, что было в ней прекрасного и ужасного. Не думаю, что хоть кому-то удалось достичь того же, что и мне.

– А в чем моя роль?

– Я расскажу тебе, где я его спрятала, – сказала она. – Ты

хороший, порядочный человек, Саймон; ты способен понять всю ценность такого рода свидетельств. Когда пройдет десять тысяч лет, разве люди не захотят понять нас – тех, кто творил их историю, кто первыми колонизировал Солнечную систему?

Саймон посмотрел на Солнце, на еле заметный пояс пыли, двигавшийся по эклиптике, – последствия чудовищных взрывов и разрушительных столкновений.

– Ты уверена, что к тому времени еще останутся слушатели и зрители?

– Мы ошибались, – призналась она. – Но эта война закончится. И разве мы не должны преподать нашим потомкам все уроки, какие только возможно? Не делайте, как мы, – вот что мы им скажем.

– Я не делал ничего ужасного, – заявил он.

У Наоми внезапно иссякли все похвалы для своего палача. Пресекающимся голосом она произнесла:

– Нет, ты виноват не меньше меня, Саймон.

– Несмотря на мои благие мотивы?

– Миллион умных идей ничего не решает, если тому, кто их высказывает, не хватает убедительности, чтобы изменить хотя бы одно деяние.

Они находились рядом с центром кратера: место казни было обозначено аккуратным черным кругом, воронками от выстрелов и закоченевшими телами. Стоит только дойти до черты – и закрытый канал перестанет работать. Они смогут говорить друг с другом только по открытой общей связи. Саймон почувствовал, как кровь приливает к его лицу, – и это было лишь слабым отголоском охвативших его глубоких, противоречивых чувств. Он старался держать эмоции в узде, но голос его звучал напряженно и жестко:

– Время пришло, Наоми. Сейчас я отключу подачу кислорода и подогрев, и остаток пути мы пройдем вместе.

– А мой дневник?

– Твой панцирь – прекрасная изоляция, – сказал он вместо ответа. – Если я прав, у нас будет еще несколько минут, прежде чем ты сделаешь последний вздох.

– Но ты же спасешь мой дневник, правда? Я скажу тебе, где он, и ты сможешь им пользоваться по своему усмотрению. Если хочешь, как историческим документом…

– И все только по этой причине, – пробормотал он.

От волнения она дрожала, но при этом вид у нее был довольный.

– Я делала все в точности, как ты, Саймон, – сказано было так, словно они – два заговорщика.

Он коснулся устройства управления на ее спине и отключил обе системы.

– И ты присутствуешь здесь как близкий мне человек, – призналась она. – Если девушке суждено умереть вот так, рядом с ней должен быть друг, разве ты с этим не согласен?

– Я не твой друг, Наоми.

Она промолчала.

Кислород перестал поступать в ее кровь, а в следующий момент она начала ощущать жестокий холод Макемаке.

– Не знаю, смогу ли я добраться до круга.

– Сможешь.

– Скажи, что ты – мой друг, – умоляла она. – Пожалуйста. Я не хочу, чтобы все закончилось вот так.

Из футляра на боку Саймон достал портативную рельсовую пушку, прицелился и выпустил заряд из камня и железа прямо в мозг скорпиона. Наоми замерла, а мгновением позже рухнула на лед. Он взял ее за переднюю ногу и поволок через аккуратную черную черту, затем отступил назад, чтобы дать возможность камерам опуститься и обследовать тело с помощью целого арсенала изощренных инструментов. Тяжело дыша, он глядел на труп, а потом твердо произнес:

– Ты помогла убить сотни миллионов. До сегодняшнего дня и пары добрых слов мне не сказала. И будь я проклят, если помогу твоим драгоценным воспоминаниям пережить сегодняшний день.

– Благодарю, – сказал шеф.

Он поблагодарил Саймона еще раз, и еще, и еще дважды, с еще большим чувством. После чего продолжил с видимым беспокойством:

– Должно быть, вам было очень тяжело. Независимо от того, кем она была и насколько заслужила такую судьбу…

– Было трудно, – признался Саймон.

Казалось, маленькое существо просто вне себя от сочувствия:

– Это больше не повторится. Обещаю.

– Я всегда к вашим услугам, – ответил Саймон.

Юмор – чернее некуда.

Шеф настороженно кивнул.

– Она привезла его с собой. Не так ли?

Шеф замялся:

– Что привезла?

– Свой дневник. Искусственный интеллект со всеми ее воспоминаниями. Наоми явилась сюда в надежде использовать дневник в качестве взятки, в надежде заключить более выгодную сделку.

До этого момента Саймон и сам не верил, что это правда: но слова были сказаны, и он понял – только так и могло быть.

Шеф внезапно утратил дар речи.

– Я полагаю, кто-то из вас двоих решил втянуть меня в эту аферу. Она бы рассказала мне, что ее легендарный дневник находится где-то еще, там, куда непросто добраться, и следы ведут далеко за пределы Макемаке. Даже если забыть о невидимом следе, который тянулся за ней из всех больниц, от всех специалистов, вовлеченных в проект, Наоми наверняка рассказывала другим о своем проекте автоматической записи. Но если бы я считал, что обладаю специальными знаниями, и действовал в соответствии со своими благородными порывами… что ж, полагаю, это могло бы отвлечь многих игроков, а вы тем временем получили бы главный приз.

– Но мне-то к чему все это? – упорствовало маленькое существо.

– К тому, что Наоми обладала богатейшим опытом, и именно этой частью ее имущества вы хотели завладеть. Ее знаниями. Когда эта война закончится, Макемаке сможет преобразиться, а это гораздо проще сделать, если воспользоваться доступными и совершенно бесплатными знаниями высококвалифицированного атума.

– Наоми мертва, – напомнил шеф в свое оправдание.

– Да. И нет. Полагаю, эксцентричный разум этого создания интерпретировал события по-иному. – Саймон пожал плечами, его гнев окончательно улетучился. – Где я видел бесполезную смерть на льду, там она представляла себе жизнь в качестве нового механического разума. Такое одержимое существо, как Наоми, способно убедить себя в самых невероятных вещах… и, как знать, возможно, старуха была права?

Целью визита были встречи с новым поколением атумов – как в аудиториях, так и с глазу на глаз. Нужно было оценить достоинства и неизбежные недостатки выпускников, прежде чем судьба разбросает их по разным уголкам Единой системы. Однако несколько благодарных руководителей университета пришли к главному атуму с просьбой провести открытое мероприятие: это вызовет широкий интерес и будет поставлено в заслугу как им самим, так и их почтенному учебному заведению. Саймон неохотно дал свое согласие. Он произнесет речь, но при условии, что слушателей будет не слишком много – несколько студентов и преподавателей в каком-нибудь небольшом лекционном зале. Он понимал, что любое публичное мероприятие с участием персоны его уровня неизбежно привлечет внимание. Ему хотелось бы избежать ситуаций, когда толпы энергичных, но плохо подготовленных людей будут заглядывать ему в рот, не в силах отличить бездумное замечание от жестких политических заявлений. Однако эта просьба, казавшаяся ему самому разумной и безобидной, привела к тому, что сперва было введено жесткое ограничение на посещение встречи, а затем, когда выяснилось, что желающих все равно слишком много, возникла лотерея: билеты можно было выиграть или получить за головокружительную сумму – и все ради того, чтобы втиснуться вместе с сорока тысячами столь же увлеченных единомышленников в длинное жаркое помещение, где все глаза и несколько скрытых камер будут прикованы к человеку, почти столь же старому, сколь и само терраформирование.

Саймон упорно сохранял милую его сердцу человеческую внешность. В нем еще оставалось что-то от мальчишки-марсианина – пусть эти древние ткани и состояли всего из нескольких клеток, затерявшихся среди кристаллических структур, метаболических механизмов, пучков интеллектуального света, нулевых провалов и межатомных промежутков. Он смотрелся высоким, но лишь по сравнению с теми существами, что собрались вокруг него. Он начал свое выступление с широкой улыбки, его голос был смоделирован так, чтобы звучать тепло и приветливо для обычных людей; он поблагодарил всех, кто решил потратить часть своего напряженного дня на то, чтобы послушать рассуждения старика. Затем он рассказал историю из своего детства, подробно описав, как однажды отец дал ему подержать в руках Зерно – нанобомбу, одно из тех древних чудес, которые должны были превратить Марс из пустыни в райский сад.

– Тогда я не понимал всей значимости этого примитивного инструмента, – признался он. – Но я держал чудесное Зерно в ладонях и думал о том, что в своей короткой жизни я никогда не касался ничего более важного. Свой собственный скучный мозг я упорно не брал в расчет, как и разумы всех окружающих. Однако разум – это и есть единственное чудо, которое достойно нашего непреходящего уважения, и я могу лишь пожелать, чтобы каждый из нас помнил эту истину во все дни своей жизни.

Сейчас Саймон был меньше, чем его руки в детстве, меньше того самого Зерна. Однако с тем же успехом можно было сказать, что он больше шара из камня и железа, который назывался Марсом. Как и у большинства ныне живущих, значительная часть его знаний – факты, языки, обычаи и разнообразные инстинкты – хранилась в едином разуме земного сообщества. Сам он оставался единственным в своем роде человеком, наделенным индивидуальностью и древними, зачастую эксцентричными представлениями. Но поскольку люди были устремлены в бесконечность, пространство становилось все дороже. Если бы люди продолжали хранить весь свой жизненный опыт внутри собственного черепа, это вызывало бы необходимость в больших, малоэффективных телах, которым, в свою очередь, нужно было бы много пространства для жизни. А если бы эти тела достигли даже самых скромных темпов размножения, любой мир оказался бы переполненным всего за день, а следом – еще десять тысяч миров.

Как обычно в подобных случаях, Саймон напомнил всем и каждому, что любой атум, особенно тот, кто занимает внушающий ужас пост главного атума, должен способствовать выбору пути в будущее, искать баланс между разнузданной свободой и деспотичным правлением. Какие биологические виды будут населять мир; сколько детей будет позволено иметь каждому из живущих; по каким законам будут жить граждане и какие для них будут предусмотрены наказания за нарушение этих законов. Последствия ошибок были общеизвестны, однако на всякий случай он напомнил аудитории о Первой Войне и последующем Очищении, о разразившейся уже после войны битве в поясе Койпера и о том, что было наречено Последним Очищением – так, словно политическое безумие было навеки истреблено и вычеркнуто из дальнейшей истории цивилизации.

– Нет ничего вечного, – предупреждал он, – не важно, идет ли речь о жизни одного существа или о существовании самого маленького красного солнца, длящемся сто миллиардов лет.

Тут его голос обрел глубокий тембр и мощь, заставив вздрогнуть тех слушателей, которые потихоньку начинали

дремать.

– Перемены неизбежны, – уверял он, – но это едва ли не единственное, что мы можем с уверенностью знать о лежащей впереди вечности. Мне представляется, что у всех здесь присутствующих есть благородное желание сделать так, чтобы разумная жизнь процветала во Вселенной, чтобы она распространялась на другие солнечные системы и со временем появилась во всех уголках Млечного Пути. Однако мы не можем с уверенностью сказать, что это случится. Исследуя небесное пространство, мы неизменно наблюдали то, что можно назвать скудностью разумной жизни. Сегодня цивилизации, наиболее близкие к человеческой, едва начали принимать первые передачи с Земли; слабые шорохи радаров и радиосигналов навряд ли способны намекнуть им на то, что произошло с тех пор. Предполагается, что неторопливый содержательный разговор сможет начаться лишь в следующие несколько тысяч лет. Может случиться и так, что соседи встретят известие о нашем существовании полным и многозначительным молчанием. Богатому воображению легко представить себе как чудеса, так и ужасы, которые таит в себе грядущая история. Но стоящий перед вами человек, атум, верит, что подлинным даром иных цивилизаций будут полные и однозначные ответы на вечные вопросы жизни и благополучного существования во Вселенной, которая столь низко ценит доставшийся нам разум.

Традиция требовала, чтобы главный атум постоянно проживал на Земле, но, поскольку Саймон не принимал участия в поддержании биосферы планеты, он был волен жить там, где ему вздумается. Некоторые сетовали на то, что новое начальство не доверяет работе местных атумов. С чего бы еще ему пришло в голову обосноваться в вакууме, над сотней миллионов голов? Все попытки объясниться с этими людьми были бесполезны. Саймон несколько раз говорил о своей любви к космосу, об иллюзии одиночества, но в конце концов перестал оправдываться. Пока он занимает эту должность, враги будут находить причины для недоверия, но, пока его противники мыслят настолько мелко, он будет в безопасности, где бы ни находился его дом, до тех самых пор, пока не потеряет свою должность.

– У меня есть для тебя поручение, – сказал Саймон своему любимому помощнику. – Довольно важное задание, которое я не могу доверить никому, кроме тебя.

Существо вспыхнуло ярко-синим цветом, и все его двадцать конечностей задрожали в ответ на столь очевидный комплимент. Затем мягкий чистый голос произнес:

– Сэр. – А потом: – Это большая честь, – прежде чем задать вопрос: – В чем заключается задание?

Усилием мысли Саймон отправил помощнику пакет зашифрованных файлов с необходимыми ключами, а также несколько полезных рекомендаций. Подождал, пока помощник ознакомится с метками файлов. Тот быстро обрабатывал информацию: мгновением позже его конечности напряглись, а страх окрасил кожу в темный, беспросветный фиолетовый цвет.

– Сэр, – начал голос.

– И что же такого ты там обнаружил? – поддел помощника Саймон.

– Я ничего не знал об этих делах.

– Ну конечно не знал, – согласно кивнул атум. – Именно об этом тебе следует упомянуть, когда ты начнешь действовать в соответствии с полученной информацией.

– Сэр?

– Ты ведь будешь действовать, не так ли?

Помощник почернел и похолодел.

– Это нечестно, сэр, – пожаловался он.

– Есть немного, – согласился Саймон.

– По закону я должен передать известную мне информацию в соответствующие структуры.

– Ничего другого я и не ожидал, друг мой.

Существо что-то пробормотало про себя.

– Сделай мне небольшое одолжение, – продолжил Саймон. – Передай эти улики в Ведомство экзотической биологии. И да, их юрисдикция распространяется на подобные дела. Это в полной мере приемлемый орган власти, и никто тебя не осудит, даже если однажды ты решишься рассказать об этих событиях кому-то еще.

Озадаченный, но послушный, помощник отправился выполнять неожиданное поручение.

Оставшись один, Саймон влез в свой невесомый скафандр и вышел на твердую поверхность новейшей теплицы. Солнце еще не взошло, только над геометрически идеальным горизонтом появилось слабое свечение. Меркурий выглядел тусклой точкой, почти незаметной среди звезд, его верхний слой в пятьдесят километров был срезан и переработан в среды обитания размерами от огромной горы до маленького каштана. Венера была ближе и намного тусклее, ее заключили в оболочку из нескольких теплиц, предназначенных в первую очередь для того, чтобы захватывать и удерживать каждый фотон солнечного света, – таким образом, температура внутри теплицы поднималась все выше, и в конечном итоге планета должна была

полностью растаять. Затем расплавленную кору и мантию можно будет без особого труда выкачать, а это, в свою очередь, позволит создать сотни триллионов обитаемых миров, которые со временем образуют великое кольцо вокруг Солнца.

Юпитер так и остался пустыней с огромными незаселенными пространствами и массой полезных ископаемых; его окружали спутники, превращенные в водные миры, кишащие жизнью, но все еще не заселенные до конца. Уран и Нептун светили ярче, чем когда-либо: терраформирование этих маленьких гигантов только началось. Марс снова пытались превратить в землеподобный мир, но на этот раз работа заключалась в строительстве усовершенствованных теплиц, установленных одна поверх другой, а кору пронизывали сети пещер, отчасти заполненных подземными морями. Самой большой на вид казалась Луна. Почти такого же размера, что и Земля, она представляла собой громадный полый шар, состоящий из камер, наполненных разреженной атмосферой и населенных существами, не зависевшими от наличия воды. Лунный проект был также ориентирован на рост, машины и живые организмы активно перерабатывали залежи камня. Но, как и с любым миром в Единой системе, гений, проектировавший эту трансформацию, делал особый упор на стабильность. Каждая планета функционировала подобно гнезду общественных насекомых. Пока все фигуры и игроки взаимодействовали между собой, жизнь процветала. Но нарушение покоя означало гибель королев улья, а оставшееся наследовали смиренные и невинные, что также было немаловажно.

Некогда Саймон помогал создавать эту жестокую и простую систему. Человечество могло обладать таким могуществом, чтобы вдохнуть жизнь в любую желаемую форму, но никто не отменял дарвиновского бога, который управлял всей этой грандиозной неразберихой, так что в течение ближайшей пары миллиардов лет лучшим представителям вида суждено было преуспевать больше, чем прочим.

Иногда Саймону казалось чудом то, что он достиг такого положения. Однако этим ранним утром для него не было ничего естественнее, чем исполнять роль главного атума. Конечно, он считался важной персоной. Кто, кроме него, дожил до такого возраста и нажил так мало врагов? Кто еще может сказать, что стоял практически у истоков и при этом никогда не принадлежал ни к одной тайной организации и не совершал значимых убийств?

Саймон беззвучно рассмеялся, наслаждаясь иронией ситуации. Похоже, отсутствие честолюбия – это и есть высшее

проявление тщеславия.

В это мгновение Дом известил его о том, что прибыл посетитель.

Саймон не спросил имя: он и так его знал. Развернувшись, он зашагал назад – сначала медленно, потом быстрее – и сказал Дому:

– Передай Лилли, пусть устраивается поудобнее. Преступник уже в пути.

– Как тебе это удалось? – выпалила она, а мгновением позже прибавила: – Должно быть, это какая-то ошибка. Кто-то пытается тебя подставить, причем даже не сумел придумать ничего правдоподобного.

Как и Саймон, Лилли сохранила свои человеческие черты. Она наблюдала, как он располагается напротив, вовсе не проявляя естественной в подобных обстоятельствах заинтересованности.

– Хуже такого скандала просто не может быть, – продолжила Лилли. – Если бы я кому-нибудь сказала…

– Но ты ведь не сказала, – перебил он ее.

– Я подумала, что хотя бы из вежливости должна сперва посмотреть тебе в лицо – вдруг увижу хоть какое-то объяснение тому, что ты сделал.

Он пожал плечами и ничего не ответил.

– Межзвездные корабли запрещены, – резко бросила она. – Ни один летательный аппарат, кроме стерильных дронов, не имеет права легально выходить за пределы пояса Койпера.

– Мне прекрасно известны законы…

– А этот корабль, который ты построил… – выпалила она. – Черт возьми, Саймон, он нарушает тысячу законов, не меньше. Если бы ты вывел это волшебное Зерно в открытый космос… ты мог бы отправиться куда угодно… а еще ты мог бы инфицировать и трансформировать любое небесное тело. Любой мир. Запрещенные технологии, технологии, применение которых дозволено только на правительственном уровне, – и все это ты собрал здесь, используя свое положение главного атума…

– Это впечатляет, верно?

Лилли так и осталась страстной натурой, смуглая и привлекательная, но сосредоточенная лишь на том, что служило цели всей ее жизни.

– Я боюсь, Саймон. До ужаса. Что ты планируешь делать с этим чудовищным Зерном?

Он рассмеялся, кивнул, а затем спокойно признался:

– В нем есть место для одного маленького пассажира.

– Для тебя? – простонала она.

– Для меня? Нет, вряд ли.

Саймон сидел неподвижно, внимательно разглядывая свою гостью.

– Я кое-что задумал. Но подозреваю, у меня нет ни соответствующей подготовки, ни склонностей, чтобы стать подходящим пилотом и выполнить эту работу.

– Какую работу?

Саймон подался вперед и взял руки Лилли в свои: сперва одну, потом другую. Это было приятно – вот так держать руки женщины, чувствовать жар ее тела. Он думал о том, как Лилли и его отец спали вместе на красных просторах Марса. Он вспоминал их встречу на Венере – во тьме, на ветру. А затем он удивил их обоих – опустился на колени, молча поднес обе руки Лилли к своим губам и поцеловал, ощутив на губах и на кончике языка легкий и восхитительный привкус соли.

Мир, свободный от бремени имен

Объект был замечен и тут же измерен – небольшой мерцающий свет, движущийся вдоль расчетного вектора прямо к сбрасывающему скорость космическому кораблю. Первой реакцией Маккола были бурный смех и парочка отборных ругательств.

– Много же времени им понадобилось, чтобы начать погоню, – заявил он псам, бескрылым огненным драконам и прочим могучим и бесстрашным членам своей беззаветно преданной команды. – Внимательно наблюдайте за нашим врагом. Изучайте его и ничего не предпринимайте. А когда он приблизится на расстояние в десять тысяч километров, уничтожьте его.

Каким бы оружием ни пользовалась команда, пятый выстрел без следа испарил и оболочку, и на удивление простое органическое существо внутри.

В честь победы были поданы напитки.

Уже много веков капитан звездного корабля испытывал тревогу. Бортовые зеркала показывали, что оставшаяся позади Солнечная система не раз переживала периоды войн и последующих возрождений. Кто знает, что за чудеса изобрели новые поколения? Но, как выяснилось, тревоги его были напрасны. Всего несколько минут ушло на то, чтобы внимательно изучить поверженного врага. Оставшаяся пыль не представляла загадки: она почти полностью состояла из железа. Но зачем было тратить столько сил, чтобы послать за Макколом что-то вроде пушечного ядра? Слишком поздно он задумался о том, что это устройство могло быть хитростью. Наживкой. Он сообщил о своих опасениях шефу службы безопасности, и шеф приступил к поискам крошечных пробоин и необнаруженных захватчиков по всему кораблю. Однако поиски ничего не дали. Все системы работали без перебоев. Спустя двадцать три минуты после того, как впервые было замечено пушечное ядро, Эрнст Маккол вернулся к себе – в единственные личные покои на всем огромном межзвездном корабле – и уже готовил себе новый коктейль, когда заметил на потолке крошечную фигурку то ли девочки, то ли женщины.

– Как ты… – очень, очень тихо начал он.

– Проникла на борт? Пока вы сражались с наживкой, крючок всплыл прямо у вас под носом. Я использовала пламя вашего двигателя как прикрытие. Что касается остальных моих хитростей… ну, объяснять их – это не то, чего я жажду всем

сердцем.

Маккол тайком послал сигнал о помощи.

Ничего не изменилось.

Мгновение спустя его метаболизм достиг высшей точки и наконец-то привел в движение мысли.

– Как тебя…

– Лилли.

Он умолк.

– Меня зовут Лилли, и спасибо, что спросили. – Она была такой же стремительной, как капитан корабля. – У вас есть еще какие-нибудь вопросы, доктор Маккол?

– Какова твоя цель? – сумел выговорить он.

– А как по-вашему, что мне нужно?

– Остановить меня, конечно. Нам осталось менее пяти сотен световых лет до Новой Земли, и это, видимо, последняя отчаянная попытка уничтожить мой корабль и меня самого.

Она была хорошенькой и очень маленькой, не больше мизинца, ее было трудно, почти невозможно принимать всерьез. Однако ее голос звучал весомо, он доносился не из ее миниатюрного ротика, а откуда-то еще. Развеселившись, она объяснила:

– Но я не желаю вас останавливать. И уж точно не хочу вас уничтожать. Я хочу – на самом деле уже почти достигла этого, просто вы пока не в курсе – получить полный контроль над этим судном и его командой. Я – новый капитан, а вы – мой пес.

Маккол был в ярости и в ужасе. Какое из этих двух чувств не давало ему сдвинуться с места? Он не мог этого понять, зато обнаружил, что совершенно не способен шевелиться, что горло сдавило и стало трудно дышать.

– Ты завоюешь Новую Землю для себя, – только и смог выговорить он. – Это и есть твой план?

– Едва ли.

Стакан с коктейлем, который он так и не успел попробовать, выпал из руки мятежного атума, плеснув холодной липкой жидкостью на его босые ноги.

– Мне просто нужен ваш корабль и его возможности, – пояснила Лилли. Затем она спустилась с потолка прямо в его густую черную шевелюру, крошечные ручки крепко вцепились в волосы, сильно дернули. – Мой план? Мы выйдем на орбиту, и я начну разрабатывать местную систему. Сперва создам кольца вокруг планеты, а затем теплицу высоко над ее атмосферой. Будут возведены детально разработанные оборонительные сооружения, а также защитные экраны от межзвездных катастроф, а потом я стану ждать любого, у кого хватит глупости

последовать за вами и за мной.

– Но что ты будешь делать… с этим миром?..

– Ничего, – заверила его она. Подумала немного и прибавила: – Буду наблюдать за местной жизнью, не вмешиваясь в ее дела. Именно это мы и делаем в каждый дарованный нам день. Не правда ли, доктор Маккол?

Атум завершил свое выступление ответом на вопрос, который задал бы любой из присутствующих, будь у него такая возможность. Он озвучил его сам, размышляя вслух:

– И когда же, наконец, мы покинем нашу Солнечную систему ради других солнц и богатых новых миров, которые только и ждут, когда мы предъявим на них свои права?

Затем помолчал с улыбкой греческой статуи и еле заметно кивнул.

– Мы отправимся в путь, когда будем готовы, – туманно ответил он на свой собственный вопрос.

– А когда же это произойдет? – без обиняков спросил тоненький голосок.

Самый преданный помощник Саймона в точности выполнял данные ему инструкции. Саймон взглянул на существо, оснащенное множеством конечностей, и ответил:

– Когда все наши дома здесь будут заселены и благополучны. Я бы хотел на это надеяться. Мы отправимся в плаванье, как только уверимся, что наша природа и институты власти не будут использовать это переселение как предлог для безудержного роста, что мы вернулись к путешествиям ради покорения космоса. Когда у нас будет достойный и благородный план, а также мужество и дисциплина, чтобы довериться ему. Но самое главное…

Он ненадолго умолк, наслаждаясь нахлынувшим на него прозрением.

– Самое главное, – заключил он, – мы не покинем наше маленькое королевство, пока снова не станем детьми. Наивными очарованными детьми, которые понимают, что лежит в их ладонях, и относятся к этому со всей возможной любовью и заботой.

Леви Тидхар
Спонтанное запутывание шнуров при встряске[6]

Леви Тидхар родился в израильском кибуце, много путешествовал по Африке и Азии, несколько лет провел в Лондоне, на острове Вануату в южной части Тихого океана и в Лаосе. В 2003 году он стал лауреатом Международного конкурса имени Рэя Брэдбери и Артура Кларка, учрежденного Европейским космическим агентством. Тидхар выступил в качестве составителя аннотированной библиографии Майкла Маршалла Смита («Michael Marshall Smith: Annotated Bibliography») и антологий «Букварь Дика и Джейн для взрослых» («A Dick &Jane Primer for Adults») и «Лучшая книга мировой научной фантастики» («The Apex Book of World SF»). В числе других его работ сборник рассказов «Иудейский панк» («Hebrew Punk»), повести «Занятие ангелов» («An Occupation of Angels»), «Горэл и пузатый бог» («Gorel & the Pot-Bellied God») и «Пермутации облаков» («Cloud Permutations»), а также роман «Досье Тель-Авива» («The Tel Aviv Dossier»), написанный совместно с Ниром Янивом. Многочисленные рассказы Тидхара печатались в «Interzone», «Clarkesworld», «Apex Magazine», «Sei Fiction», «Strange Horizons», «ChiZine», «Postscripts», «Fantasy Magazine», «Nemonymous», «Infinity Plus», «Aeon», «The Book of Dark Wisdom», «Foitean Bureau» и других изданиях. Его произведения переведены на семь языков. Среди последних работ автора романы «Книжник» («The Bookman»), «Камера обскура» («Camera Obscura»), «Усама» («Osama») и «Марсианские пески» («Martian Sands»), В настоящее время писатель вернулся в Израиль и живет в Тель-Авиве.

Эта лирическая история рассказывает о том, как могут переплестись древние культуры, традиции и технологии.

Госпожа Понгбун, эта великая женщина и мать, эта торговка таинственными артефактами, идет по улице в сине[7] с красноватым, как на груди у нага, узором, и люди глазеют на нее, потому что такая одежда навлекает гнев Нгеук Лаенг, ужасных нагов засухи. Но госпоже Понгбун это все равно, она из всех страхов и тайных опасений свила талисман и повесила себе на шею: изящный медальон из золота, хрусталя и новейших китайских технологий.

– Покупайте мои медальоны, милые! – взывает она, и женщины останавливаются поглазеть, а дети хихикают, пока на

них не цыкнут, а мужчины делаются беспокойны и задумчивы. – Сложите в них любовь и страхи и сохраните на дождливый день!

Но в сезон дождей все дни дождливы, и Меконг змеится, огромный, как наг, между лаосским и таиландским берегом: река-змей, разлучитель стран, носитель всяческого добра, он раздувается от собственной важности и от воды, что падает с неба, и от воды снегов с далеких Гималаев, которые прошли долгий путь, чтобы попасть сюда и пойдут еще дальше, до океана.

– Покупайте мои медальоны за хорошую, честную цену: трансфер драгоценных воспоминаний, хранилище нежных сердец. Только сегодня, другого раза не будет, спешите, друзья мои! Спешите, говорю вам, не то навсегда упустите случай: госпожа Понгбун пройдет мимо и уйдет своей дорогой.

Но торговля идет ни шатко ни валко, трансфер известен всем, да и не одна госпожа Понгбун, хоть она и велика и внушительна, им торгует – далеко не одна. И все же… юная девушка в черном, тщательно наглаженном сине, в белой блузке с рукавами на пуговичках, застегнутых на тонких запястьях, в туфельках на высоких каблуках из секонд-хенда, с сумочкой с Утреннего рынка Талат Сао – может быть, студентка или конторская служащая с маленькой должностью и таким же маленьким жалованием – робко подходит к госпоже Понгбун, которая, учуяв сделку еще до того, как девушка задумалась о покупке, говорит:

– Что у тебя, милая? Разбитое сердечко? Какой-то парень украл твое счастье? Ну-ка, расскажи госпоже Понгбун, королеве дам. матери детей, – не забывай, матери тоже когда-то были любовницами.

– Это?.. – начинает девушка и застенчиво умолкает, и госпожа Понгбун отходит в тень музыкального магазинчика, где лаосская группа исполняет кавер Thaitanium – Тот Yum Samurai, и девушка идет за ней и, спрятавшись от взглядов прохожих, уже не так топорщит лопатки.

– Это правда?

– Это *технология,* – важно говорит госпожа Понгбун, вставляя одно из немногих известных ей английских слов. Слово производит на девушку впечатление – как и должно быть, по мнению госпожи Понгбун.

– Вот, – говорит она. – Попробуй, – говорит она.

И отстегивает с пышной груди второй медальон – не тот, в котором ее несчастья. а тот, что для образца, только его. Однажды госпожа Понгбун их перепутала, и покупатель нажаловался, с тех пор она особенно осторожна, хоть и не может заставить себя отказаться от своего медальона.

– Попробуй и суди сама, милая девочка.

В медальоне код дженерик: весенний день, любовники, берег реки. – это могло случиться где угодно с двумя молодыми людьми, в любой стране мира. Образец дженерик номер два, версия ноль три запятая пять шесть, и госпожа Понгбун, пока отстегивает замочек, может подправить настройки. Спецификация: Лаос. Спецификация: мальчик-девочка (она выставляет наугад, и вы не поверите, как часто ошибается).

– Вот, протяни ладошку, маленькая мисс, маленькая мадам, сомкни пальчики, сомкни веки – чувствуешь?

(Ну, конечно, чувствует).

– Ох! – говорит девушка, и снова: – Ох!

– А положишь это сюда, – говорит госпожа Понгбун. – и как не бывало. – Она хочет щелкнуть пальцами, но от духоты вспотела, и пальцы проскальзывают, трутся друг о друга, как неумелые танцоры. – Пока не понадобится.

Это называется трансфер, конечно, так и называется, хотя, конечно, это не совсем он. У госпожи Понгбун есть похожее устройство. Да, есть, и это устройство копирует – какие умники эти заграничные китайцы! – копирует и стирает. Не совсем законное, ведь оно лезет человеку в мозг, переписывает нейроны, испускающие свои нули и единички, хуже того, переустанавливает их прямо в нежной слизи мозга, подчищает схему изнутри, – но какую цену не заплатишь за человеческое счастье?

– Скромная сумма, – говорит госпожа Понгбун и ободряюще хлопает девушку по плечу, в то же время выдергивая у нее из руки медальон. – Очень скромная сумма, и ты сможешь спрятать туда все, что захочешь.

– Это было… – говорит девушка и краснеет (она очень хорошенькая, отмечает госпожа Понгбун, хоть и простушка), – это был тот парень…

Сколько раз она это слышала! Им всегда хочется выложить ей душу. Как тем старомодным психологам, которые придумали этот термин. Но ее трансфер – научный, не какое-нибудь мумбо-юмбо, зависящее от веры. Он настоящий. А госпожа Понгбун не желает слушать ее историю. День длинный, солнце жаркое, и госпоже Понгбун хочется холодный пакет со льдом и торчащей из спрятанной в нем бутылочки пепси с соломинкой, к тому же она слышата эту историю тысячу и один раз.

– Ах ты, бедняжка, – вздыхает она, – ты как шнурок.

Девушка смотрит на нее, в ее больших круглых глазах недоумение. «Вот так же ты смотрела на него, – безжалостно говорит про себя госпожа Понгбун, – так ты смотрела на него, когда он очаровал тебя на берегу Меконга?»

– Не понимаю…

– Наука, – объясняет госпожа Понгбун со спокойным достоинством, которое легко спутать с самодовольством. – Наука говорит, что все состоит из шнуров.

– Конечно, – отвечает девушка. И госпожа Понгбун замечает, что на ее запястьях в самом деле три – или четыре? – шнурка из белого хлопка (рукава теперь чуточку вздернулись), завязанных монахом или тетушкой на обряде баси на счастье и для хранения духов семьи. Госпожа кивает, одобряя традиции и сохранение старых обычаев, и еще потому, что помнит о воспоминании (само оно хранится в серьге, спрятанной в ящике стола) о последнем шнурке, завязанном ее матерью, когда госпожа Понгбун была еще молода, пока ее мать… но этого она уже не помнит, и так лучше – иногда.

– Наука, – повторяет госпожа Понгбун и сбивается, забыв, на чем остановилась. – Шнуры, – в третий раз начинает она. – Все состоит из шнуров. Мысли, чувства, воспоминания – это шнуры, свитые из чисел в мозгу. И наука доказала, что эти шнуры – даже если кажутся совершенством (как ты, милая) – обязательно запутываются в узлы. Что ты ни делай, жизнь берет нас (так говорит великий философ, госпожа Понгбун!) и запутывает в узелки. Вот это… – она указывает на свой медальон, как фокусник на монетку, которая сейчас исчезнет, – просто научный способ распутывать узелки.

«Хотя бы на время», – думает она. И не говорит девушке, что узлы будут всегда. Это называется – она заучила фразу по-английски – «спонтанное запутывание шнуров при встряске».

– Это научный факт, – говорит она вслух.

– Сколько… сколько стоит? – спрашивает девушка, и госпожа Понгбун добродушно улыбается (радуясь про себя, что рыбка клюнула!) и называет цену, и девушка ахает, но, опомнившись, предлагает другую цену, и госпожа Понгбун горестно качает головой, но соглашается снизить свою, и девушка поднимает свою – а она не так уж глупа! – и они сходятся более или менее на той цене, на которую надеялась госпожа Понгбун – может, процентов на десять больше.

– Будет больно? – спрашивает девушка?

– Нисколько, – отвечает госпожа Понгбун. Она вытаскивает свисающие из ранца провода и прикрепляет их к вискам девушки. Девушка напрягается и тут ж расслабляется. Гель прилипает к ее коже – он движется почти как живой, потом схватывается и застывает, и…

– Просто думай об этом. Выдвини на первый план ума.

Видно, как девушка сосредоточивается, прикусывает нижнюю

губу, и госпожа Понгбун почти улыбается:

– А, вижу, вспомнила…

Она нажимает кнопку. Это так просто. Девушка как будто обмякла, в ранце что-то прогудело, вот и все.

– Ушло? – спрашивает девушка и тут же улыбается и снова хмурится, и говорит: – Я… У меня был…

– Когда захочешь вспомнить, – говорит госпожа Понгбун, осторожно отлепляя гелевые наконечники, и щупальца нага памяти втягиваются в ее ранец, – просто поднеси его ко лбу.

Она щелкает крышечкой медальона, такой хорошенькой вещицы («Совсем как ты, милая!»), и протягивает его девушке.

– Можно мне… можно попробовать?

– А ты правда хочешь?

Девушка улыбается, качает головой и говорит:

– Нет. Пока – нет. – И в ее голосе слабый след сожаления. Госпожа Понгбун по опыту знает, что так бывает всегда. Девушка расплачивается, и госпожа Понгбун ковыляет прочь, пот струится по ее лицу, и думает она о ледяном пепси в пакете с торчащей наружу соломинкой – именно то, что нужно зрелой даме в трудные времена.

Госпожа Понгбун идет по улице, и поднимается ветер, и она видит, что будет дождь. Она прячется в кафе, где кормят лапшой. Запоздавшие с завтраком шумно очищают свои миски. Госпожа Понгбун заказывает пепси и, пока ждет заказа, думает обо всех этих мальчиках и девочках с разбитыми сердечками, об узлах на шнурах их спутанных судеб. Она касается своего собственного медальона и, поднеся его ко лбу слышит шум Меконга на закате, покусывающих берег волн, звуки музыки с таиландского берега. Она слышит маршевый оркестр сверчков и военный хор лягушек, слышит смех и звон пивных бокалов из свайных домиков выше по течению, и она прячет лицо на груди парня и вдыхает запах его пота и его страсти и на минуту, хоть она и зрелая женщина, торгующая мелочевкой на улицах Вьентьяна, с двумя мужьями и тремя детьми, хоронившая родителей и друзей, пережившая потери, боль и разочарования, – на минуту она чувствует себя молодой и стройной, гладким юным шнурком, на котором еще нет ни одного узелка.

Аллен Стил
Император Марса

Первая публикация Аллена Стила состоялась в 1988 году в «Asimov's Science Fiction», и с тех пор он стал постоянным автором этого журнала, а также таких изданий, как «Analog», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и «Science Fiction Age». В 1990 году Стил выпустил свой первый роман «Сокращение орбиты» («Orbital Decay»), получивший премию журнала «Locus» как лучший дебютный роман, и вскоре писателя стали сравнивать с Хайнлайном золотого века научной фантастики и считать, что он обладает не меньшим авторитетом, чем Грегори Бенфорд. В числе других книг автора «Округ Кларк. Космос» («Clarke County, Space»), «Лунное падение» («Lunar Descent»), «Лабиринт ночи» («Labyrinth of Night»), «Бремя» («The Weight»), «Альтернатива спокойствию» («The Tranquility Alternative»), «Король бесконечного космоса» («A King of Infinite Space»), «Пространство океана» («Oceanspace»), «Хронокосмос» («Chronospace»), «Койот» («Coyote»), «Восстание Койота» («Coyote Rising»), «Брызги» («Spindrift»), «Галактический блюз» («Galaxy Blues»), «Горизонт Койота» («Coyote Horizon»), «Судьба Койота» («Coyote Destiny») и «Шестигранник» («Hex»), Рассказы Аллена Стила объединены в сборники «Грубые астронавты» («Rude Astronauts»), «Секс и насилие в невесомости» («Sex and Violence in Zero-G») и «Последний писатель-фантаст» («The Last Science Fiction Writer»). В 1996 году писатель завоевал премию «Хьюго» за повесть «Смерть капитана Фьючера» («The Death of Captain Future»), а в 1998 году еще одну премию «Хьюго» за повесть «Куда мудрец боится и ступить…» («…Where Angels Fear to Tread»). Родившийся в Нэшвилле, Теннесси, в настоящее время Аллен Стил живет в Уотли, Массачусетс, вместе с супругой Линдой. Он сотрудничал со многими газетами и журналами, публикуя научные и экономические работы, но сейчас полностью посвятил себя творчеству.

В представленном ниже произведении писатель блестяще сочетает ностальгию по Барсуму с захватывающим психологическим исследованием.

У нас тут есть много способов сойти с ума. Например, можно забраться в пассажирский модуль размером с трейлер, и к концу путешествия уже будет казаться, что Вселенная существует лишь в вашем сознании. Это некий вариант солипсизма, и я видел подобное несколько раз. Можно пустить в свой модуль пять-шесть

попутчиков, которые не очень-то ладят друг с другом, и спустя три месяца вы начнете класть перед сном нож под подушку. Еще можно работать в две смены, почти не отдыхая, и тогда у вас начнется депрессия. Прибавьте к этому нехватку витаминов, и вы станете страдать от апатии и смертельной усталости.

Те, кто никогда не покидал Землю, думают, что в космосе люди слетают с катушек из-за чумы, завезенной с Титана. Они ошибаются. Чума может превратить ваш мозг в кисель и сделать маньяком-убийцей, но она встречается редко. Есть много других, куда более тонких факторов, способных свести человека с ума. Я видел, как люди заводят себе воображаемых друзей и часами ведут с ними долгие, бессмысленные разговоры. Или чистят с маниакальным упорством свои скафандры, даже если не надевали их. Наблюдал, как люди отправляются на обычную, повседневную прогулку, а затем приходится умолять их вернуться в воздушный шлюз. Некоторые просто не созданы для жизни вне Земли, но понять это заранее невозможно.

Когда случается нечто подобное, я выполняю ряд стандартных процедур: прошу доктора прописать антидепрессанты, слежу, чтобы больные не подвергали опасности себя и окружающих: если могу – освобождаю их от работы и делаю все, чтобы они как можно скорее вернулись домой.

А иногда все проходит само собой. Какое-то время бедняга проявляет все признаки душевной болезни, а затем постепенно справляется со своими проблемами. Когда я встречаю его в следующий раз, он уже бродит как ни в чем не бывало по продовольственному магазину.

Обычно чокнутые доставляли мне много хлопот. Каждого двадцатого новичка мне приходилось отправлять обратно на Землю.

Однажды я видел, как безумие пошло человеку на пользу. Случилось это с Джеффом Хелбертом, и я собираюсь вам о нем рассказать. Тогда, в 2048 году, я работал генеральным директором станции Арсия[8] – самой первой и самой крупной из всех марсианских колоний. Это произошло за пять лет до того, как колонии объявили себя независимыми, поэтому все шесть марсианских поселений еще контролировались теми или иными земными корпорациями. Станция Арсия подчинялась компании «КонСпейс». К тому времени на станции жили около ста человек, большая часть работала по контрактам, и лишь немногие вроде меня оставили Землю навсегда.

Джефф к числу старожилов не относился. Подобно многим, он прилетел на Марс для того, чтобы заработать приличную сумму за относительно небольшой срок. Шесть месяцев от Земли

до Марса на челноке, вылетающем дважды в год, два года на планете, затем еще шесть месяцев обратного пути. Через три года парень мог получить достаточно, чтобы купить дом, открыть свое дело, играть на фондовой бирже или просто не работать довольно долго.

В былые времена такие, как он, трудились на нефтяных скважинах, вербовались во флот или строили электростанции. Ну а к середине века рискованная и высокооплачиваемая работа появилась на Марсе, поэтому отбоя от желающих тоже не было.

Джефф Хелберт относился к так называемым «марсианским мартышкам». На Арсии они занимались грязной работой, которую ученые, инженеры и прочие специалисты не могли или не хотели делать сами. «Мартышки» управляли бульдозерами или кранами на стройках, разгружали транспортники, чистили вентиляцию, чинили солнечные батареи или драили туалеты. Такие занятия не назовешь ни романтичными, ни сколько-нибудь интересными, но кто-то должен был все это делать, поэтому мальчишки вроде Джеффа ценились у нас на вес золота.

Да, Джеффа определенно можно было назвать мальчишкой. Жилистый, настолько высокий, что едва помещался в скафандре, в свои двадцать с небольшим лет он выглядел так, словно начал бриться только неделю назад. Он вырос в маленьком городке в Нью-Хэмпшире, и я не думаю, что ему доводилось удаляться от дома дальше чем на несколько сотен миль, – до тех пор пока он не бросил учебу и не нашел себе работу в «КонСпейс». Я не очень-то хорошо его знал, но мне встречались подобные люди: беспокойные, жаждущие приключений – и клада, который позволит им потратить остаток дней на что-нибудь более увлекательное, чем чистка бассейнов. Он, наверное, и не задумывался о Марсе до тех пор, пока не увидел рекламу на каком-то сайте. Впрочем, он проучился два года в колледже и подошел по своим физическим данным: этого оказалось достаточно, чтобы сначала включить его в учебную программу, а затем обеспечить ему койку на челноке.

Перед тем как покинуть Землю, Джефф заполнил и подписал все необходимые документы. Среди прочего и форму 36Б – разрешение на получение сведений о членах семьи. Компания требовала, чтобы каждый решил, хочет ли он узнавать о тяжелой болезни или смерти близких, оставшихся дома. Большинство людей, попадавших на Марс, никогда не задумывались об этом, но тем не менее должны были ответить на этот вопрос. Если вы, например, выясните, что ваш отец вот-вот умрет, вы ведь все равно не сумеете ничего сделать, потому что находитесь более чем в тридцати пяти миллионах миль от дома. Максимум, что вы

можете, – послать короткое сообщение, чтобы кто-нибудь ему его прочитал. Вас не будет на похоронах, пройдет много месяцев, а скорее, несколько лет, прежде чем вы принесете розы папе на могилу.

Подписывая форму 36Б, многие размышляли в том духе, что лучше уж быть в курсе, чем оставаться в неведении вплоть до самого возвращения. Джефф тоже ее подписал, но позднее я выяснил, что сделал он это не глядя. Ну еще одна бумажка, которую надо подмахнуть, прежде чем его посадят в челнок, и отнесся он к ней так же, как к отказу от ответственности за несчастные случаи или к форме, подтверждавшей, что не страдает венерическими болезнями.

Хотел бы он, наверное, отказаться от подписи, за которую ему потом пришлось поплатиться рассудком.

Джефф провел на Марсе всего семь месяцев, когда из офиса «КонСпейс» пришло сообщение. Я узнал об этом, потому что получил копию. Едва прочитав текст, я бросил все дела и направился на второй уровень, где жили «мартышки», то есть находилась общая спальня неквалифицированных рабочих. Искать его койку мне не пришлось. Уже от входа я увидел людей, столпившихся вокруг парня, недоверчиво уставившегося в листок с факсом.

До того момента ни я, ни кто-либо еще на Арсии не знал, что Джефф оставил дома невесту – милую девушку по имени Карен, с которой познакомился еще в школе и которая согласилась выйти за него замуж примерно в то же время, когда он подал заявку в «КонСпейс». Джеффа приняли, и тогда они решили отложить свадьбу до его возвращения, даже несмотря на то что ждать придется три года. Джефф отправился на Марс, желая заработать деньги для их будущей семьи. Три недели спустя после отлета Карен сообщила ему о своей беременности и сказала, что дома его будет ждать ребенок.

Джефф сохранил это в тайне, в основном из-за того, что компания аннулировала бы его контракт, если бы стало известно, что он скоро станет отцом. Семьи Джеффа и Карен знали о ребенке и предпочли сделать вид, что Джефф все еще на Земле и просто уехал в долгую командировку. Они пообещали заботиться о Карен до его возвращения.

Месяца за три до родов семьи решили собраться на торжество в доме дяди Джеффа – из родственников он оказался единственным обладателем достаточно большого дома, вместившего всех. Родители Джеффа везли туда Карен на своей машине, когда произошла трагедия. Пьяница, научившийся

отключать антиалкогольный блокатор своего автомобиля, оказался на дороге и врезался в них на полном ходу. Виновник аварии отделался растяжением шеи, но его жертвы были не настолько везучи. Карен, ее нерожденный ребенок, отец и мать Джеффа – все скончались по дороге в больницу.

Что можно сказать человеку, который только что потерял всю семью? «Мне жаль» – бессмысленно. «Я понимаю, через что тебе придется пройти» – просто смешно. «Знаю, что ты чувствуешь» – может обидеть. «Могу ли я чем-то помочь?» – бесполезно, если только у вас нет машины времени. Будь у меня машина времени, я бы одолжил ее Джеффу, дабы он вернулся на сутки назад, позвонил своим и сказал, чтобы они заехали за Карен на пятнадцать минут позже.

Люди все равно произносили все эти фразы, поскольку не знали, что еще можно сказать, а я дал Джеффу отпуск до тех пор, пока он не будет готов вернуться к работе: больше я ничего не мог для него сделать. До прибытия следующего челнока оставалось еще семнадцать месяцев, и к тому времени, когда Джефф вернется домой, с момента смерти Карен и его родителей пройдет уже два года.

На работу он вернулся уже через несколько дней. Возможно, Джефф понял, что больше ему нечем заняться, или просто устал сидеть в четырех стенах. В любом случае однажды он надел скафандр, прошел через шлюз и вышел наружу, чтобы помочь другим «мартышкам» выкопать яму под новый отстойник. Джефф уже не был тем добродушным парнем, каким его знали раньше. Он не острил, не дурачился и даже не жаловался на то, сколько часов пришлось убить на эту дурацкую яму, за которую лучше бы получить сверхурочные. Он работал, как робот, молча вгрызался лопатой в красную почву, а потом отложил инструменты и вернулся в купол, так и не проронив ни слова. Там он выбрался из скафандра и двинулся в столовую.

Прошло несколько недель, но ничего не изменилось. Джефф почти ни с кем не разговаривал, только ел, работал и спал. Все смотрел куда-то вдаль. Я бы понял, если бы он сорвался, устроил истерику, но этого не произошло. Как будто он отключил эмоции и подавил все свои чувства.

К тому времени на станции уже имелась неплохая больница, вполне достаточная, для того чтобы обслуживать все колонии, и главный психолог Арсии начал проводить с Джеффом регулярные терапевтические сеансы. Три дня спустя после того, как Джефф вернулся к работе, ко мне в офис заскочил Карл Розенфельд. Его отчет оказался безрадостным: Джефф Хелберт страдал от сильной депрессии, едва поддававшейся лечению. Хотя бедняга и не

заговаривал о самоубийстве, доктор Розенфельд не сомневался: эта идея уже приходила ему в голову. Я знал, что, если Джефф захочет себя убить, ему достаточно будет просто выйти наружу, отключить подачу кислорода в скафандре и поднять забрало. Один глубокий вдох – и атмосфера Марса сделает все остальное. Джефф умрет быстрее, чем кто-нибудь успеет до него добежать.

– Хотите совет? – предложил Карл, сидя напротив меня с бокалом в руке. – Попытайтесь отвлечь его от произошедшего.

– По-вашему, я об этом не думал? Я пробовал, уж поверьте…

– Знаю, он мне говорил. Но сверхурочные не помогают. Также не помогают ни фильмы, ни игры. – Он помолчал. – Если бы я считал, что поможет секс, я бы попросил одну знакомую затащить его в постель, но от этого ему будет лишь хуже. Он никогда не любил никого, кроме своей невесты, и пройдет, наверное, немало времени, прежде чем он обратит на кого-то внимание.

– Так чего же вы от меня хотите? – вздохнул я. – Дайте хотя бы зацепку. Я пытаюсь помочь парню, но не знаю, как это сделать.

– Ну, я взглянул на график дежурств и заметил: на следующую неделю запланирована экспедиция. Куда-то на север, я полагаю.

– Хочу послать туда команду, – может, они найдут новый источник воды. А один из инженеров собирался заодно взглянуть на старый зонд НАСА.

– Так пошлите туда Джеффа. – Карл улыбнулся. – Им все равно понадобятся несколько рабочих. Путешествие поможет ему немного развеяться.

Это предложение было не хуже других, так что я открыл список, удалил из него имя какого-то рабочего и вписал вместо него Джеффа Хелберта. Я решил, что ему это не повредит, и оказался прав. Но не совсем.

Джефф принял участие в двухнедельной вылазке и отправился за шестидесятую параллель, к Ваститас Бореалис – в субарктический регион, окружающий Северный полюс Марса. Цель миссии заключалась в поиске места для нового колодца. Несмотря на то что большая часть воды на станции Арсия добывалась из атмосферного конденсата и наших парников, ее все равно не хватало. Поэтому мы бурили артезианские скважины в вечной мерзлоте северной тундры и выкачивали подземные воды в находящиеся на поверхности баки, которые, в свою очередь, собирали раз в месяц. Каждые два-три года один из колодцев истощался, и тогда нам приходилось посылать отряд на поиски нового места.

В вылазке участвовали два дирижабля – «Сэйджен» и

«Коллинз». Джефф находился на борту «Коллинза», и капитан, который был начальником отряда, говорил, что он хорошо справляется со своими обязанностями. Десять дней дирижабли путешествовали по тундре, останавливаясь через каждые десять-пятнадцать миль, чтобы экипаж мог провести пробное бурение и посмотреть, что находится под красной каменистой поверхностью. В этом нет ничего сложного, и Джефф получил возможность взглянуть на северные края. Как правило, он молчал, и казалось, что эта поездка нагоняет на него тоску. Другие члены экспедиции знали о его судьбе и, конечно, пытались вытащить его из «раковины», но через некоторое время стало понятно: он не хочет ни с кем разговаривать, и его оставили в покое.

Затем, на одиннадцатый день миссии и за два дня до возвращения на Арсию, «Коллинз» нашел посадочный модуль.

Зонд НАСА «Феникс» еще в 2008 году подтвердил наличие на Марсе подземного льда. В отличие от многих европейских и американских зондов, в нем не было ровера – его заменяла роботизированная рука, раскапывавшая рыхлую поверхность и собиравшая образцы, которые затем анализировала бортовая химическая лаборатория. Зонд работал всего несколько месяцев, пока его батареи не разрядились во время долгой марсианской зимы, но он стал одним из важных шагов на пути к колонизации.

Как и ожидалось, члены экспедиции нашли его в куче нанесенных ветром песка и пыли, из которой торчала только верхняя платформа. Зонд тем не менее выглядел целым, и, хотя поднять его целиком на дирижабль не удалось, экипаж забрал роботизированную руку, чтобы доставить ее в музей. Нашли они и еще кое-что – марсианскую библиотеку.

В девяностые годы прошлого века, когда полеты к Марсу находились еще только на стадии планирования, национальному агентству предложили поместить в зонд DVD-диск с книгами, изображениями и аудиозаписями, имеющими отношение к Марсу. Делалось это под предлогом создания библиотеки для будущих колонистов, а на самом деле для того, чтобы отдать дань уважения поколениям писателей, художников и режиссеров, работы которых вдохновили человечество на исследования Марса.

НАСА одобрило эту идею – диск изготовили из кварцевого стекла, чтобы обеспечить его долговечность, и включили в план миссии. Для записи отобрали восемьдесят четыре романа, рассказы, статьи и речи, авторы которых варьировались от таких писателей восемнадцатого века, как Свифт и Вольтер, до фантастов двадцатого века вроде Нивена или Бенфорда. Также на

диск записали галерею из шестидесяти изображений – от картин Боунстелла. Эмшвиллера и Уэлана до обложек комиксов. Попали на диск и четыре аудиозаписи, включая печально известную радиотрансляцию «Войны миров» 1938 года и запись дискуссии между Гербертом Уэллсом и Орсоном Уэллсом.

Диск, названный «Видения о Марсе», изначально поместили в посадочный модуль НАСА, который должен был высадиться на полюсе, но тот зонд упал в Атлантический океан, когда после запуска отказала ракета-носитель. Поэтому точную копию диска поместили на «Феникс», и в этот раз зонду удалось добраться до места. Таким образом, диск уже сорок лет лежал в Ваститас Бореалис, ожидая, пока кто-нибудь не извлечет его из «Феникса».

Вышло так, что достал его именно Джефф Хелберт.

Надо сказать, никто из участников экспедиции не знал об этом диске. К тому времени о нем позабыли, а сам факт его существования оказался погребен в недрах старых архивов НАСА, которые мне когда-то присылали с Земли, так что я не предлагал никому его доставать. К тому же экипаж «Коллинза» куда больше интересовался самим старым зондом, чем прикрепленным к нему DVD-диском. Поэтому, когда Джефф обнаружил диск и снял его с «Феникса», это не показалось членам экспедиции важной находкой. «А, ну да. здорово… отвези его домой и посмотри, что там», – примерно в таком ключе высказывались об этом участники.

Сказать оказалось легче, чем сделать. С тех пор как технология DVD устарела, минуло уже больше двадцати лет, а ближайшая барахолка, на которой можно было отыскать старый компьютер, находилась, понятно, не на Марсе. Тем не менее Джефф пошарил по кладовкам и нашел несколько мертвых компов, оставшихся с первых экспедиций. Они, конечно, не функционировали, но с помощью руководства по эксплуатации он сумел набрать достаточно комплектующих, чтобы соорудить одну работоспособную машину. Когда компьютер включился, Джефф достал из поцарапанной коробки диск и осторожно вложил его в слот. Убедившись, что все данные уцелели, он скачал их на свой планшетник, выбрал первый попавшийся пункт меню – им оказался «Путь марсиан» Азимова – и начал читать.

Почему Джефф потратил на все это столько сил? Возможно, хотел в свободное время занять себя чем-нибудь, кроме траура по погибшим. Или желал доказать остальным участникам экспедиции, что они зря не уделили внимания диску. Я знаю лишь то, что этот диск сперва заинтересовал Джеффа, затем увлек его, а в конечном счете сделал одержимым.

Прошло немало времени, прежде чем я заметил изменения, произошедшие с Джеффом. У меня ведь и без него хватало проблем. Каждый день примерно дюжина дел, от проверки системы очистки воздуха, которую должны были починить прежде, чем мы все задохнемся, до заполнения очередной кучи документов, которые я отправлял в Хантсвилл[9]. Так что я думал о Джеффе далеко не всегда, – если доктор Розенфельд какое-то время ничего мне не говорил, я приходил к выводу, что они сами со всем разобрались, и переключался на другие задачи.

И все же я заметил некие признаки, на которые поначалу не обращал внимания. Однажды я слушал переговоры «мартышек», прокладывавших канализационные трубы в третьем куполе, и услышал, как Джефф представился лейтенантом Гулливером Джонсом. Бригадир приказал ему перестать дурачиться и использовать свой настоящий позывной. Ответ Джеффа показался мне странным:

– Есть, сэр. Я лишь размышлял о необычной среде, которая нас окружает.

Он даже изобразил британский акцент и произношение Викторианской эпохи, что вызвало смех у других рабочих. И тогда я задумался: кто такой этот Гулливер Джонс и почему Джефф назвался его именем?

В другой раз Джефф работал на бульдозере – он очищал посадочную площадку от песка, нанесенного пару дней назад пылевой бурей. Всего лишь рутина, на которую я не обращал никакого внимания до тех пор, пока из командного центра ко мне не обратился начальник смены:

– Шеф, с Хелбертом что-то не так. Вы бы послушали.

Я включил связь и услышал Джеффа:

– Так точно, Комцентр. Я только что видел движение, примерно в полукилометре к северу от периметра.

– Вас понял, Тигр-четыре-О, – ответил его собеседник. – Не могли бы вы повторить описание?

Последовала пауза, а затем:

– Крупный зверь, примерно три метра высотой, с восемью ногами. На нем ехала женщина… краснокожая и… – короткий смешок, – совершенно голая, насколько я сумел разглядеть.

В памяти что-то заворочалось, но так и не всплыло. Когда начальник смены заговорил, в его голосе послышались снисходительные интонации:

– Так, ладно… Тигр-четыре-О, мы только что просканировали окрестности, и на радаре нет никого, кроме вас.

– Они уже ушли. Скрылись за большим камнем и исчезли. – Снова смех, уже почти радостный. – Но я их видел, клянусь!

– Вас понял, Четыре-О. – Короткая пауза. – Если еще что-то заметите, дайте знать, хорошо?

И тогда я вспомнил. Джефф описал существо из романов о Марсе Эдгара Бэрроуза. А женщина? Это могла быть только Дея Торис. Почти каждый, кто летал на Марс, так или иначе читал Бэрроуза, но впервые на моей памяти кто-то утверждал, будто видел принцессу Гелия.

Джефф, очевидно, взялся за розыгрыши. Я решил, что надо с ним поговорить, но все было недосуг. Я ведь уже упоминал, что в день мне приходилось сталкиваться со множеством проблем, и потому парень, дурачивший своего бригадира, стоял в моем списке далеко не на первом месте.

На этом, впрочем, ничего не закончилось. Это было только начало. Несколько недель спустя я получил сообщение от начальника снабжения: кто-то подал заявку на переезд в отдельное помещение, несмотря на то что ему это не по карману. В те времена на Арсии еще шло строительство и отдельные комнаты выделялись лишь в порядке вознаграждения. Обычно их оставляли для руководителей, старших научных сотрудников, семейных пар, стукачей компании и так далее. Но в данном конкретном случае заявка сопровождалась петицией, подписанной соседями. Сам начальник снабжения сообщал, что рекомендует выделить просителю отдельную комнату.

Увидев, что просителем является Джефф Хелберт, я не удивился. К тому времени я уже заметил, как он изменился. Люди, часто надевавшие шлем, обычно предпочитали короткую стрижку, но он пренебрег этим правилом и отрастил волосы. В столовой он обычно сидел один, уставившись в свой планшетник. И еще Джефф стал разговаривать сам с собой по открытому каналу. Только теперь вместо сообщений о марсианских принцессах и восьминогих животных он стал произносить отдельные фразы, например: «Марсиане рассчитали все с поразительной точностью…» или «Долгое время марсиане молчали и пристально смотрели на них из воды…» Мало кто узнавал в этих фразах цитаты из Уэллса или Брэдбери.

Неудивительно, что другие «мартышки» захотели от него избавиться. Прежде чем подписывать заявку, я решил зайти к доктору Розенфельду. Психолог не спросил, почему я к нему пришел, он лишь попросил закрыть дверь и высказал свое мнение о Джеффе.

– По правде говоря, – начал он, – я не могу сказать, лучше ему сейчас или хуже.

– Зато я могу. Послушайте, я, конечно, не специалист, но мне кажется, что это бред!

Карл покачал головой:

– Конечно, он ведет себя эксцентрично, но нам, по крайней мере, не нужно больше беспокоиться о возможности самоубийства. На самом деле сейчас он один из счастливейших людей на станции. Он уже почти не думает о трагедии, а когда я напоминаю, что его жена и родители умерли, он просто пожимает плечами, как будто это случилось давным-давно. В каком-то смысле он весьма доволен жизнью.

– А вам не кажется это странным?

– Конечно кажется… особенно с учетом того, что он перестал принимать антидепрессанты, которые я ему прописал. Ничего хорошего в этом нет, – возможно, он вышел из депрессии, по крайней мере по клиническим меркам, но продолжает страдать галлюцинациями.

Я с удивлением уставился на доктора:

– Вы хотите сказать, что… когда он утверждал, будто видит Дею Торис… то действительно ее видел?

– Думаю, да. И благодаря этому я догадываюсь, что происходит у него в голове. – Карл взял перочинный нож и принялся рассеянно крутить его в пальцах. – С тех пор как Джефф нашел DVD, этот диск сделался его навязчивой идеей. Поэтому я спросил, можно ли скопировать содержимое – он разрешил, – и поинтересовался, что он читает. Вскоре я обнаружил любопытную закономерность: сильнее всего его привлекают рассказы, наиболее далекие от реальности. То есть рассказы о Марсе, но не о таком, каким мы его знаем.

– Что вы сказали? – Я помотал головой. – Не понимаю.

– Много ли вы читали научной фантастики?

– Не очень.

– Что ж, к счастью для вас, ее читал я. – Доктор осклабился. – Это одна из причин, по которой я здесь. Я подсел на фантастику еще в детстве, а к окончанию колледжа уже твердо решил полететь на Марс. – Он вновь посерьезнел. – Ладно, сейчас попробую объяснить. Хотя люди писали о Марсе еще в восемнадцатом веке, мы узнали, на что похоже это место, лишь в тысяча девятьсот шестидесятых годах, когда появились первые русские и американские зонды. Отсутствие знаний давало писателям и художникам простор для фантазии, и они заполняли пробелы плодами своего воображения… до тех пор, пока не появились более точные сведения. Понимаете?

– Конечно. – Я пожал плечами. – До шестидесятых годов марсиане могли существовать. После этого марсиане закончились.

– Хм… не совсем. – Карл взмахнул рукой. – Одно из лучших

произведений на диске – «Роза для Экклезиаста». Роджер Желязны написал этот рассказ в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, и там есть марсиане. А во многих рассказах, созданных раньше, описания Марса, напротив, довольно близки к истине. Но в общем вы правы: представления о Марсе существенно изменились во второй половине прошлого века и хотя стали ближе к реальности, но утратили большую часть своего романтизма.

Карл закрыл нож и положил его на стол.

– Такие рассказы Джефф не читает. «Кассета бессмертия» Артура Кларка, «Во дворце марсианских царей» Джона Варли… Если картины Марса близки к тому, что мы знаем, он их игнорирует. Почему? Потому что это напоминает ему о том, где он находится…

– Значит, он читает более старые произведения?

– Точно. – Карл кивнул. – «Марсианская одиссея» Стэнли Вейнбаума, «Зачарованная деревня» Ван Вогта, «Воин Марса» Отиса Клайна, – чем дальше от реальности, тем больше они ему нравятся. Потому что эти истории не об унылой безжизненной планете, а о территории коренных марсиан, затерянных городов, каналов…

– Ладно, я понял.

– Нет. не думаю, что вы поняли… потому что я и сам этого не понимаю. Могу сказать лишь, что Джефф отдаляется от нас. С каждым днем он уходит з свой мир все дальше и дальше… и я не рассчитываю на его возвращение.

Я не поверил своим ушам и удивленно посмотрел на доктора:

– Господи, Карл… И что же мне делать?

– А что вы можете сделать? – Он откинулся на спинку кресла. – Не так уж много. Буду с вами откровенен: мне это не по зубам. Я не смогу вылечить его здесь, так что придется подождать, пока он вернется на Землю.

– До следующего корабля еще четырнадцать месяцев или около того.

– Знаю… я тоже улечу на нем. Но есть и хорошие новости: мой пациент доволен и не представляет угрозы… разве что произойдет несчастный случай, но, чтобы этого избежать, я рекомендую освободить его от работы, связанной с выходом наружу.

– Договорились.

Не хватало мне только работника, страдающего галлюцинациями на поверхности планеты! Когда речь заходит о человеческом факторе, Марс всегда беспощаден. Одна роковая ошибка может стоить жизни не только вам, но и тем, хто

находится рядом.

– Я так понимаю, вы тоже хотите, чтобы я обеспечил его отдельным жильем?

– Это не повредит. – Доктор усмехнулся. – Пока он находится в своем мире, он счастлив. Не перечьте ему, дайте все, чего он попросит… по крайней мере, в разумных пределах. И оставьте его в покое. Я понаблюдаю за ним и дам знать, если его состояние изменится в ту или иную сторону.

– Надеюсь, оно изменится к лучшему.

– Конечно, но я бы на это не очень рассчитывал. – Карл посмотрел мне в глаза. – Смиритесь, шеф. Один из ваших парней превращается в марсианина.

Я отстранил Джеффа от работ на поверхности и проинформировал бригадиров, что ему запрещено выходить наружу без сопровождающих или специального разрешения. Затем я поручил ему оранжерею, отделку интерьеров и всякое такое. Это назначение я собирался объяснить дозой радиации, которая может превысить норму и вызвать у него лучевую болезнь, если он продолжит гулять по Марсу. Но он не стал оспаривать мое решение и принял его с той же спокойной, жутковатой улыбкой, которой в последнее время одаривал всех вокруг.

Также я выделил ему маленькую комнату на втором уровне. Как и ожидалось. это вызвало жалобы тех, кто все еще стоял в очереди, но в большинстве своем люди все-таки понимали, что Джеффу действительно нужно уединение.

После переезда он тут же сменил входной пароль, чем немало меня удивил. Этот поступок противоречил правилам станции: генеральный директор и служба безопасности должны были знать пароли от всех дверей. Впрочем, Карл заверил меня, что Джефф не желал никому зла. Он просто не хотел, чтобы кто-то входил в его комнату, и такая небольшая поблажка вполне могла улучшить его состояние. Я согласился, хотя и неохотно.

Какое-то время Джефф не создавал проблем. Он безропотно принял свои обязанности и с работой, судя по отчетам, справлялся прекрасно. Карл держал меня в курсе: его пациент не проявлял никакого интереса к окружающим, но и хуже ему не становилось. По крайней мере, он больше не рассказывал всем подряд о марсианских принцессах и не цитировал по рации отрывки из научной фантастики.

И тем не менее изредка что-нибудь да происходило. Однажды ко мне пришел с необычным запросом начальник снабжения: Джефф попросил несколько стопок конопляной бумаги и столько

соевых чернил, сколько удастся выделить под его нужды. Поскольку и то, и другое являлось побочным продуктом оранжерей – как станции Арсия, так и других колоний, – эти расходные материалы не импортировались с Земли, и потому мы не испытывали в них недостатка. Но что Джефф собирался делать с таким количеством письменного материала? Я спросил у Карла, не ведет ли Джефф дневник, и доктор опроверг мою догадку. Он сказал, что просьбу его пациента лучше удовлетворить, если только бумага и чернила не являются редким товаром. Я согласился и на это, попросив, впрочем, начальника снабжения вычесть стоимость материалов из зарплаты Джеффа.

Вскоре после этого ко мне обратилась одна из связисток. Джефф попросил ее послать остальным колониям сообщение: его интересовали любые рассказы и романы о Марсе, какие только найдутся у колонистов. Особенно хотелось ему получить работы Брэдбери, Бэрроуза и Брэкетт, хотя годились и Муркок, и Старджон, и Уильямсон. В обмен Джефф предлагал произведения с диска, который он снял с «Феникса».

В этом тоже не было ничего страшного. Тогда Солнце находилось между Землей и Марсом, поэтому он не мог послать запрос в Хантсвилл. Если он уже все имеющееся прочитал, вполне логично обратиться за помощью в другие колонии. Связистка сказала, что они получили примерно с полдюжины файлов: похоже, рассказы о Марсе пользовались не такой уж большой популярностью. Я попросил ее держать меня в курсе, после чего забыл об этом, сочтя просьбу Джеффа лишь еще одним звеном в длинной цепи его странностей.

Несколько недель спустя ему все-таки удалось вызвать мое раздражение. Как обычно, узнал я обо всем от доктора Розенфельда.

– У Джеффа есть еще одна просьба, – объявил он, когда я заглянул к нему. – Отныне и впредь он предпочитает, чтобы его называли «Ваше Величество» – из уважения к императору Марса.

Несколько секунд я оторопело смотрел на него.

– Вы, конечно же, шутите… – наконец сказал я.

– Боюсь, что нет. Теперь он – император Джеффри Первый, верховный правитель Великой Марсианской империи, военачальник и защитник Красной планеты.

Наступило молчание. Я все ждал, когда Карл улыбнется и подмигнет, но этого так и не произошло.

– Кланяться в его присутствии необязательно, – добавил доктор, – но он требует надлежащего уважения к короне.

– Понятно. – Я закрыл глаза, потер переносицу и сосчитал до десяти. – И кто же теперь я?

– Премьер-министр, разумеется. – Сухая улыбка. – Поскольку его титул наследственный, Его Величество не заинтересован в повседневных делах своей империи. Он оставляет их вам и обещает не вмешиваться.

– О, да я просто счастливчик!

– Конечно. С этого момента все вопросы, касающиеся короны, следует обсуждать с королевским врачом и старшим придворным советником, то есть со мной.

– Ага. – Я поднялся. – Что ж, прошу меня извинить, но, похоже, Его Величеству пора надрать задницу.

– Присядьте. – Карл пристально посмотрел на меня. – Я серьезно. Садитесь.

Я остался стоять.

– Послушайте, я знаю, что он болен, но это уже переходит всякие границы. Я дал ему отдельную комнату, освободил от тяжелой работы, снабдил бумагой, чернилами – не знаю зачем, но он продолжает просить еще и еще… я, наконец, предоставил ему доступ к сетям других колоний. Но тот факт, что с ним обращаются как с королем, еще не делает его коронованной особой.

– О, я с вами согласен. Поэтому я напомнил ему, что этот титул, как и право наследования, является лишь почетным, а потому его королевские привилегии не бесконечны. Он это понимает. В конце концов, империя находится в упадке, с момента ее расцвета прошло уже более тысячи лет, и потому императору приходится идти на некоторые жертвы ради блага народа. Так что он не будет носить ни скипетра, ни короны и не станет требовать, чтобы для него изготовили трон. Он хочет, чтобы его запомнили как милостивого правителя.

Выслушав все это, я невольно сел.

– Ладно, давайте говорить прямо. Джефф думает, что теперь он король…

– Император. Есть разница.

– Король, император – не важно… Он не собирается никем командовать и хочет, чтобы все оставалось как есть. Так?

– Да, за исключением того, что он просит обращаться к нему «Ваше Величество». – Карл вздохнул и покачал головой. – Давайте я попробую объяснить. Джефф столкнулся с реальностью, с которой не сумел справиться. Его родители, невеста, ребенок… они все мертвы, а он не мог ни предотвратить этого, ни даже пойти на их похороны, потому что был слишком далеко. От такой реальности нелегко убежать, поэтому он отгородился стеной… стеной галлюцинаций, если угодно. Сначала все выглядело как одержимость фантастикой, потом, когда этого стало

недостаточно, он сам захотел стать частью фантазии. Так и появился император Великой Марсианской империи Джеффри Первый.

– Вроде как самозащита?

– Да, это помогает ему поверить, что он контролирует свою жизнь. – Карл вновь покачал головой. – Он не хочет управлять Арсией, шеф. Он хочет лишь создать видимость. Если вы не станете ему мешать, с ним все будет в порядке. Поверьте.

– Ну… ладно. – Не то чтобы у меня был выбор. Раз уж в моей колонии завелся сумасшедший, я сделаю так, чтобы он никому не навредил. И если ради этого мне придется потакать ему, пока он не улетит на Землю, пусть будет так. – Я передам, чтобы с Его Величеством обращались с должным почтением.

– Спасибо. – Карл улыбнулся. – Знаете, а ведь люди поддерживают его. Я не слышал, чтобы над ним хоть кто-нибудь смеялся.

– Ну, вы же понимаете, как мы тут живем… нам приходится заботиться друг о друге. – Я встал и уже собрался уходить, но тут мне в голову пришла еще одна мысль. – Да, кстати. Он хоть когда-нибудь говорил вам, чем занимается в своей комнате? Он расходует кучу чернил и бумаги.

– Да, я замечал на его пальцах пятна чернил. И у меня нет ответа. Я спрашивал его об этом, но он отвечал лишь, что готовит подарок для своего народа и позволит нам увидеть его, когда придет время.

– Подарок? – Я поднял бровь. – Есть идеи – какой?

– Ни одной… Но мы узнаем, что это, уверен.

Я сдержал свое обещание и передал всем, что Джефф Хелберт отныне и впредь известен как Его Величество император. Как и говорил Карл, люди в основном принимали это спокойно. Конечно, я слышал о небольших инцидентах, когда кто-то отвешивал ему шутовские поклоны или задавал опрометчивые вопросы о его королеве, но таким шутникам обычно быстро затыкали рот. Все жители станции знали: Джефф болен, и лучшее, что они могли сделать, – подыгрывать ему как можно дольше.

Солнце к тому времени уже не отделяло нас от Земли. Планеты начали сближаться, и через два месяца Джефф уже мог сесть на челнок и отправиться домой. Поскольку Карл улетал вместе с ним. я решил, что Джефф будет в надежных руках, по крайней мере, пока не погрузится в анабиоз, чтобы проснуться уже на Земле. А до тех пор все, что мы могли, – не расстраивать Его Величество.

Сделать это оказалось нетрудно. Когда люди привыкли к

идее, что среди них живет выдуманный император, большинству из них понравилась эта игра. Если он проходил мимо, все умолкали, кивали ему и говорили: «Ваше Величество». Его пропускали без очереди, и кто-нибудь всегда пододвигал ему стул. Я заметил, что он даже завел пару фавориток – двух незамужних девушек, помогавших ему во всем: от стрижки волос, которые, как и истинно королевская борода, к тому времени здорово отросли, до работ в королевских садах (также известных как оранжерея). Они же сопровождали его и в субботних походах в кино. По словам одной из девушек, император оказался идеальным кавалером: всегда вел себя как подобает джентльмену и относился к ним с уважением. Чего, кстати, нельзя было сказать о многих мужчинах на станции.

Через некоторое время я разрешил ему выходить наружу с сопровождением. Джефф вспомнил, как надевать скафандр, – значит он еще не утратил контакта с реальностью – и никогда не подавал виду, что хочет открыть шлем. Отойдя метров на двадцать от шлюза, он часто останавливался и смотрел вдаль. Он мог стоять так часами, повернувшись спиной к базе и не говоря ни слова.

Иногда я задумывался о том, что он там видит. Сухую красную пустыню, холодную и безжизненную, камни, разбросанные по унылой равнине под розовым небом? Или нечто, доступное только ему: заросшие лишайниками леса, древние каналы, по которым плавно скользили лодки, города, старые, как само время? Джона Картера и Тарса Таркаса, стремившихся навстречу новому приключению, или тиранов, требующих голову Эрика Джона Старка? Или он думал о чем-то другом? О матери и отце, которые его вырастили, о женщине, которую он когда-то любил, о ребенке, которого никогда не увидит?

Не знаю. Император редко разговаривал со своим премьер-министром. Думаю, он избегал меня потому, что я обладал властью, способной пошатнуть его иллюзии. За все время, что он прожил у нас, мы едва обменялись несколькими фразами, вплоть до того самого дня, когда он наконец сел на челнок.

Тем утром я отвез их с доктором Розенфельдом на посадочную площадку, где уже ждал транспорт. Я не смог разглядеть лицо Джеффа через забрало шлема, но, похоже, радости он не испытывал. Его Величество знал, что покидает свою империю. Карл не стал смягчать удар и сказал ему правду: они улетают на Землю и Джефф, скорее всего, никогда больше не увидит Марс.

К нашему прибытию багаж уже погрузили, и на поле стояла горстка пассажиров. Я пошел провожать Джеффа и Карла. Пожав

руку доктору и пожелав ему счастливого пути, я повернулся в Джеффу.

– Ваше Величество… – начал я.

– Вы не должны меня так называть, – прервал он.

– Прошу прощения?..

Джефф шагнул ко мне:

– Я знаю, что я не император. Уже давно это понял… просто не хотел никому говорить.

Я бросил взгляд на Карла. Он вытаращил глаза и покачал головой. Для него это тоже оказалось новостью.

– Значит, ты знаешь, кто ты на самом деле?

Мой собеседник слабо улыбнулся:

– Джефф Хелберт. Со мной что-то не так, не понимаю, что именно… но знаю, что я Джефф Хелберт и возвращаюсь домой. – Он поколебался, затем все же продолжил: – Мы с вами почти никогда не разговаривали, но… доктор Розенфельд рассказал, что вы сделали для меня, и я хочу вас поблагодарить. За то, что помогали мне все это время и позволили стать императором Марса. Надеюсь, я не доставил вам много хлопот.

Я медленно выдохнул. Сперва я подумал, что он выставил всех нас идиотами, но затем понял: его мания величия все-таки была настоящей, по крайней мере какое-то время. В любом случае теперь это не имело значения. Он возвращался на Землю – делал первый шаг на долгом пути к выздоровлению.

Несколько месяцев спустя я получил письмо от Карла. Вскоре после возвращения на Землю Джефф согласился пройти лечение в частной клинике в Южном Вермонте. Процесс этот оказался болезненным. Как и предполагал Карл, разум Джеффа подавил воспоминания о гибели его семьи и заменил их фантастическими видениями из прочитанных им книг. Психологи согласились с доктором Розенфельдом: скорее всего, именно бегство в фантазии и спасло Джеффу жизнь. Его разум нашел защиту, которая помогла справиться с трагедией. В конце концов, когда он перестал нуждаться в иллюзиях, безумие отступило. Джефф больше не видел марсианских принцесс и не считал себя правящим монархом Красной планеты.

Но все это было впереди. А тогда, на посадочной площадке, я прикусил язык и протянул ему руку:

– Не беспокойся, Джефф. Надеюсь, у тебя все будет в порядке.

– Спасибо. – Пожав мою руку, Джефф повернулся к Карлу и вместе с ним направился к трапу. Затем остановился и вновь посмотрел на меня. – Есть еще кое-что…

– Да?

– Думаю, вам стоит заглянуть в мою комнату. Перед отъездом

я отключил замок, так что пароль вам не понадобится. – Он замолчал.

– Но если что, пароль – «Тувия».

– Спасибо. – Я посмотрел на него с любопытством. – Так что же там?

– Считайте это подарком императора, – ответил он.

Я отошел к краю посадочной площадки, дождался, пока транспортник взлетит, а затем направился ко второму куполу. Когда я добрался до комнаты Джеффа, там уже собрались колонисты. Несколько его друзей, фаворитки императора, кое-кто еще – они открыли дверь и вошли. Еще в коридоре я услышал изумленные возгласы, но, лишь войдя в комнату, понял, что их вызвало.

Комнату Джеффа едва ли можно было назвать просторной, но за последние полтора года он проделал большую работу. Всю стену над его кроватью покрывали склеенные листы бумаги, на которых он нарисовал фреску. Фреска изображала Марс – владения императора: похожий на лодку летательный аппарат, парящий над городом, жуткие создания, крадущиеся по красным пустошам, герои с голыми торсами, с рапирами и радиевыми пистолетами, защищающие красивых женщин, и все это под двумя лунами, абсолютно не похожими на знакомые нам Фобос и Деймос. Рисунок не отличался изяществом, но нам никогда еще не доводилось видеть ничего подобного. Джефф выполнил его с потрясающей тщательностью.

И это еще не все. На столе рядом с компьютером лежал диск, снятый с «Феникса». А рядом располагался самодельный книжный шкаф, на полках которого лежали аккуратно сложенные стопки бумаги – одни потолще, другие потоньше. Каждую стопку соединяла конопляная веревка. Шкаф заполняли книги, написанные и переплетенные от руки.

Я выбрал одну наугад и посмотрел на название: «Эдисоновское завоевание Марса». Автор – Гаррет Сёвисс. Положил книгу обратно на полку, взял другую: «Сокровища марсианской короны» Пола Андерсона. Там были еще и еще – целое множество книг.

Вот чем Джефф занимался все это время: он переписывал содержимое диска с «Феникса», слово за словом. Несмотря на свое безумие, он понимал, что не сможет вечно жить на Марсе, поэтому хотел что-то оставить после себя. И он оставил библиотеку, чтобы другие смогли прочесть истории, помогавшие ему пережить тяжелые времена.

Библиотека до сих пор там, мы даже усовершенствовали ее. Кровать и комод убрали, поставив вместо них кресла и лампы для

чтения. Фреску для сохранности поместили под стекло, а для книг сделали пластиковые обложки. Диска там больше нет – он теперь хранится в музее, но его содержимое переписали на сотню новых. Мы пополнили коллекцию очередными томами. Каждый раз, когда с Земли прилетает челнок, он привозит нам новые книги. Комната Джеффа стала для жителей Арсии: одним из любимых мест отдыха. Почти все время кто-нибудь сидит там в кресле с книгой в руке.

Надпись на двери гласит: «Марсианская императорская библиотека» – местная шутка, которую не понимают новички и туристы. И, да, я и сам провел там немало времени.

Никогда не поздно приобщиться к классике.

Питер Уоттс
Существа

Питер Уоттс называет себя «переквалифицировавшимся морским биологом». За короткое время он стал одним из наиболее признанных научных фантастов XXI века. Его рассказы публиковались в «Tesseracts», «The Solaris Book of Science Fiction», «On Spec», «Divine Realms», «Prairie Fire» и других изданиях. Перу Уоттса принадлежит получивший высокую оценку цикл «Рифтеры» («Rifters»), состоящий из романов «Морские звезды» («Starfish»), «Водоворот» («Maelstrom») и «Бетагемот» («Behemoth: B-Max», «Behemoth: Seppuku»). Рассказы писателя представлены в сборнике «Десять обезьян, десять минут» («Ten Monkeys, Ten Minutes»), Повесть «Остров» («The Island») в 2010 году была удостоена премии «Хьюго», а роман «Ложная слепота» («Blindsight») считается одним из лучших романов десятилетия в жанре «твердой» научной фантастики. На очереди «Подсолнухи» («Sunflowers») и косвенное продолжение «Ложной слепоты» – «Благодать» («State of Grace»). Питер Уоттс живет в городе Торонто, Канада.

В классическом рассказе Джона В. Кэмпбелла «Кто идет?» («Who Goes There?») описывается история группы людей, запертых на антарктической исследовательской станции и вынужденных бороться за существование с тварью из далекого космоса. Произведение было дважды экранизировано – фильмы «Нечто из иного мира» («The Thing from Another World») и «Нечто» («The Thing»), – но, если вам хочется узнать, как все выглядело с точки зрения самого инопланетного монстра, прочтите эту захватывающую историю.

Я-Блэр. Я убегаю через заднюю дверь, пока весь мир рвется в переднюю.

Я-Коппер. Я восстаю из мертвых.

Я-Чайлдс. Я охраняю главный вход.

Имена ничего не значат. Это лишь таблички, не больше – вся биомасса взаимозаменяема. Важно другое. Они – единственное, что от меня осталось. Этот мир спалил дотла все остальное.

Смотрю из окна, как я-Блэр ковыляю сквозь пургу. Макриди велел мне сжечь Блэра, если он вернется один, однако Макриди все еще уверен, что я – часть его. Но это уже не так: я-Блэр стою у двери. Я-Чайлдс впускаю себя внутрь. Краткий миг причастия – усики-антенны тянутся от одного моего лица к другому, переплетаются. Я-Блэр и Я-Чайлдс обмениваюсь новостями из

мира.

Этот мир обнаружил меня. Он нашел мою нору под сараем с инструментами и наполовину законченную спасательную шлюпку, наскоро слепленную из требухи мертвых вертолетов. Мир старательно уничтожает мои пути к отступлению. А затем он придет за мной.

Остается лишь один выход. Я распадаюсь на части. Я-Блэр отправляюсь поделиться своим планом с Коппером и подкрепиться гниющей биомассой, когда-то звавшейся Кларком; столько трансформаций за краткий промежуток времени серьезно истощили мои резервы. Я-Чайлдс уже поглотил то, что осталось от Фукса, и готов к следующей фазе. Я забрасываю за спину огнемет и шагаю наружу, в долгую арктическую ночь.

Я уйду в пургу и никогда не вернусь обратно.

До катастрофы я был чем-то большим, неизмеримо большим. Я был исследователем, посланником, миссионером. Меня разбросало по космосу, я проникал в бесчисленные миры, причащался: совершенное, преобразующее несовершенство – и вся Вселенная радостно устремлялась ввысь, к идеалу, бесконечно малыми, но верными шагами. Я был солдатом, воюющим с самой энтропией. Я был дланью Творения, стремящегося усовершенствовать самое себя. Столько мудрости, столько опыта! Теперь все эти знания для меня недоступны. Я лишь помню, что когда-то владел ими.

Однако я помню катастрофу. Она почти мгновенно убила большую часть этого отростка, но кое-что выползло из-под обломков: несколько триллионов клеток и дух, слишком слабый, чтобы удержать их в узде. Взбунтовавшаяся биомасса поковыляла прочь, несмотря на мои отчаянные попытки остаться единым целым. Пораженные паникой клочки мяса инстинктивно отращивали разнообразные, запечатленные в их памяти конечности и бежали по обжигающему льду. К тому времени, когда мне удалось восстановить контроль, огонь потух и вновь воцарился холод. Мне едва удалось выработать достаточно антифриза, чтобы не полопались клетки, и меня сковал лед.

Я помню и второе свое пробуждение: вялое движение чувств, первые проблески восприятия, медленно наполняющее меня тепло сознания. Мои клетки оттаивали, и душа вновь сливалась с телом после долгого сна. Помню окруживших меня двуногих отростков, странные чирикающие звуки, которые они издавали, непривычную одинаковость их частей тел. Какими неприспособленными к жизни они казались! Как неэффективно было их строение! Даже оказавшись совершенно беспомощным, я увидел, что многое надо исправить и потянулся к ним. Я

причастился. Я попробовал на вкус плоть мира…

…и мир напал на меня. Он напал на меня!

Это место под названием норвежский лагерь находилось по другую сторону гор. После меня там остались лишь руины. Мне ни за что бы не удалось пройти все расстояние в оболочке двуногого. К счастью, я мог выбрать другое обличье, размером поменьше, но лучше приспособленное к местному климату. Я спрятался внутри его, пока остальная часть меня отбивала нападение. Я бежал в ночь на четырех быстрых лапах, позволив разгорающемуся пожару прикрыть мой отход.

Я бежал не останавливаясь, пока не добрался сюда, расхаживал среди этих новых отростков в оболочке четвероногого, и поскольку они не видели, как я меняю облик, то не пытались напасть.

А затем, поглощая их, в то время как моя биомасса трансформировалась, принимая незнакомые им формы, я причащался в одиночестве, успев усвоить, что этот мир не любит того, что ему незнакомо.

Я один посреди метели. Я – донный житель чужого, мутного моря. Снег несется горизонтальными полосками. Натыкаясь на вмятины и заструги, эти полосы взвиваются маленькими ослепительными смерчами. Но я еще не ушел достаточно далеко, совсем нет. Оглядываясь, я вижу притаившееся позади светлое пятно лагеря, угловатую мешанину огней и света, круг тепла в завывающей адской бездне.

Пока я смотрю, лагерь погружается в темноту. Я взорвал генератор. Теперь свет исчез, не считая маячков вдоль направляющих канатов – цепочек тусклых голубых звезд, мотающихся взад и вперед на ветру. Путеводные созвездия, указывающие потерявшейся биомассе дорогу к дому.

Но я не пойду домой. Я еще недостаточно потерялся. Я стремлюсь слиться с темнотой настолько, чтобы исчезли даже эти звездочки. Ветер доносит до меня отдаленные крики рассерженных и напуганных людей.

Где-то за моей спиной отсоединенная биомасса перегруппируется в более крупные, более мощные формы для финального противостояния. Я мог бы и сам остаться там. целиком: выбрать единство, а не разделение, слиться с другими фрагментами и ощутить восторг от того, что стал чем-то большим. Моя сила пригодилась бы в грядущей битве. Но я выбрал иной путь. Я решил сохранить Чайлдса на будущее. В настоящем не осталось ничего, кроме смерти. А о прошлом лучше не думать.

Я и так оставался во льду слишком долго. Я не знал, сколько времени понадобится миру, чтобы сложить дважды два, расшифровать заметки и записи из норвежского лагеря, вычислить место катастрофы. Тогда я был Палмером, и они ни о чем не подозревали. Я поехал с ними. И даже позволил себе слабый проблеск надежды.

Но это уже нельзя было назвать кораблем. Даже не обломками – лишь скелет, ископаемое, вмерзшее в днище гигантской воронки посреди ледника. Двадцать двуногих оболочек могли бы взобраться друг другу на плечи, и они едва достали бы до верхнего края кратера. Вечность навалилась на меня неподъемной глыбой – сколько тысячелетий понадобилось, чтобы нарос весь этот лед? Сколько эонов Вселенная вращалась без меня?

И за все это время – быть может, миллион лет – никто не пришел на помощь. Я так и не отыскал себя. Не знаю, что это значит. Может, я уже не существую нигде, за исключением этого места.

Позади, в лагере, я уничтожу следы. И дам им последний бой, позволю истребить свирепого монстра. Пускай они победят. Пусть они перестанут искать.

Здесь, посреди метели, я вернусь в лед. В сущности, я почти и не выходил из него – прожил всего несколько дней из этих бесконечных эпох. Но я успел узнать достаточно. Обломки сказали мне, что корабль нельзя починить. Лед поведал, что никто не придет на выручку. А мир сообщил, что ужиться вместе нам не удастся. Будущее – единственная надежда на спасение. Надо пережить всю эту враждебную, извращенную биомассу, дать времени и космосу изменить правила игры. Возможно, в следующий раз, когда я проснусь, мир будет другим.

Пройдут миллионы лет, прежде чем я увижу новый восход.

Вот чему научил меня мир: адаптация – это провокация. Адаптация – это повод к насилию.

Необходимость оставаться в этой оболочке кажется почти оскорблением, плевком в лицо самого Творения. Она так плохо приспособлена к окружающей ее среде, что для сохранения тепла приходится заворачиваться во множество слоев ткани. Я мог бы улучшить свое нынешнее тело мириадами разных способов: укоротить конечности, обеспечить лучшую теплоизоляцию, уменьшить соотношение поверхности с объемом. Во мне все еще хранятся тысячи форм, но я не решаюсь воспользоваться ими даже для того, чтобы спастись от холода. Я не решаюсь адаптироваться – здесь я могу только прятаться.

Что это за мир, который отказывается от причастия?

Это же самая простая, доступная любой биомассе идея. Чем больше ты способен меняться, тем лучше приспосабливаешься. Адаптация – это сила, адаптация – это выживание. Она древнее и глубже разума, и даже оболочки. Это клеточный уровень, это аксиома. И более того, она приятна. Принять причастие – значит испытать чистое чувственное удовольствие от того, что сделал мироздание лучше.

Но этот мир, застрявший в неприспособленных оболочках, не желает меняться.

Поначалу я просто решил, что он ослабел от голода, что на этих ледяных пустошах не добыть достаточно энергии для обычной трансформации. Или, может, здесь что-то вроде лаборатории: аномальный закоулок Вселенной, оторванный от остального космоса и застывший в этих нелепых оболочках, часть секретного эксперимента по униформизму в экстремальных условиях жизни. После аутопсии мне пришло в голову, что мир просто забыл, как меняться. Дух, не способный соприкоснуться с тканями, не может придавать им нужную форму, а время, стресс и хроническое голодание стерли саму память о том, что когда-то это было возможно.

Но все равно тут слишком много загадок, слишком много противоречий. Почему именно эти формы, так мало приспособленные к окружающей среде? И если от плоти отрезан дух, на чем же она держится? И почему эти оболочки оказались настолько пустыми, когда я вселился в них?

Я привык находить разум повсюду, в каждой частице каждого отростка. Но в бессмысленной биомассе этого мира не за что было уцепиться: лишь волокна, передающие приказы и входящие данные. Я причащался против их воли. Выбранные мной оболочки сопротивлялись, но в конце концов покорялись. Мои нервные окончания проникали в их примитивные электропроводящие системы, в каждый орган и ткань. Я видел глазами, принадлежавшими мне лишь частично; моторные нейроны передавали мои команды и двигали конечности, все еще состоявшие из чужих белков. Я носил эти оболочки, как бесчисленное множество других до сих пор, перехватывал контроль, позволяя индивидуальным клеткам ассимилироваться в своем темпе.

Однако все ограничивалось лишь телом. Мне не удалось найти и усвоить ни воспоминаний, ни опыта, ни понятий. Для выживания недостаточно быть просто похожим на этот мир: надо слиться с ним, стать его частью. Надо действовать, подобно ему, но впервые на моей памяти я не знал как.

Еще больше пугало то, что мне и не нужно было этого делать. Поглощенные мной оболочки продолжали передвигаться совершенно самостоятельно. Они беседовали друг с другом и занимались рутинными делами. Я не мог этого понять. С каждой секундой я погружался все глубже в их конечности и внутренние органы, отчаянно высматривая хоть какие-то признаки прежнего владельца. Но наталкивался лишь на собственные системы.

Конечно, все могло быть гораздо хуже. От меня могли остаться лишь несколько клеток, движимых исключительно инстинктами и собственной адаптивностью. Разумеется, я бы вновь вырастил себя, пробудил сознание, причастился и восстановил огромный, как целое мироздание, интеллект, но остался бы сиротой, без памяти и без малейшего представления, кто я такой. По крайней мере, этого мне удалось избежать: при катастрофе моя личность не пострадала, а плоть все еще хранила образцы из тысяч и тысяч миров. Во мне осталось не просто свирепое желание выжить, но и убеждение, что выживание имеет разумную цель. Я все еще могу ощущать радость, если для нее есть повод. Но я был большим, намного большим!

Мудрость множества других планет потеряна. Остались лишь обрывки, абстракции, смутные воспоминания о теоремах и философиях, слишком сложных, чтобы вместиться в эту оскудевшую нервную сеть. Я мог бы ассимилировать всю здешнюю биомассу, построить тело и дух, в миллионы раз превосходящие то, что некогда рухнуло на эту планету, но пока я заперт в ловушке на дне гравитационного колодца и не способен причаститься своей большей сущности, мне никогда не восстановить утраченных знаний.

Я – лишь жалкий осколок себя былого. С каждой потерянной клеткой исчезала и часть интеллекта, и меня осталось так мало. Если прежде я думал, то теперь просто реагирую. Чего из этого удалось бы избежать, если бы я спас из-под обломков чуть больше биомассы? Сколько возможностей я не могу разглядеть лишь потому, что мой дух недостаточно велик и не способен вместить их?

Этот мир говорил сам с собой – так же, как делаю я, когда передаваемая информация достаточно проста и можно обойтись без соматического слияния. Даже будучи собакой, я различал самые простые морфемы – вот тот отросток был Уиндоусом, а этот Беннингсом, а двое, отправившиеся на летучей машине неизвестно куда, звались Коппером и Макриди. Меня поражало, как все эти куски и части остаются отдельными друг от друга, как

долго они сохраняют постоянную форму и как названия индивидуальных порций биомассы могут служить каким-то полезным целям.

Позже я спрятался внутри самих двуногих, и то, что обитало в этих непонятных оболочках, заговорило со мной. Оно сказало, что эти существа зовутся парнями, а также людьми или придурками, что Макриди иногда именуют Маком, а это скопление построек – лагерем. Еще оно призналось, что напугано, но, возможно, это был мой собственный страх.

Эмпатия, конечно же, неизбежна. Нельзя имитировать движущие плотью импульсы и нейромедиаторы, не ощутив их в какой-то степени. Но здесь все было иначе. Эти прозрения мелькали где-то на границе сознания, но уловить их полностью не удавалось. Мои оболочки бродили по коридорам, и загадочные символы, покрывавшие все поверхности, – «Прачечная», «Добро пожаловать в Клуб», «Этой стороной вверх» – почти обретали смысл. Вон тот круглый объект, висящий на стене, называйся часами. Он измерял время. Взгляд мира скользил с предмета на предмет, и я складывал мозаику из терминов, всплывавших в разуме мироздания – в его разуме.

Но это было все равно что оседлать прожектор. Я видел то, что он освещал, но не мог развернуть его по своей воле. Я мог подслушивать, но не допрашивать. О, если бы хоть один из этих прожекторов остановился, чтобы осветить собственную эволюцию, путь, приведший его сюда! Все могло бы закончиться совсем иначе, если бы я только знал! Но вместо этого луч высветил новое слово: «аутопсия».

Макриди и Коппер нашли часть меня в норвежском лагере – отросток, оставшийся в арьергарде и сгоревший, чтобы прикрыть мое отступление. Они привезли его сюда: обугленного, скрюченного, застывшего во время трансформации, и никак не могли понять, что это такое.

Тогда я был Палмером, Норрисом и собакой, стоял в толпе вместе с другой биомассой и смотрел, как Коппер разрезает меня и вытаскивает внутренности наружу. Я наблюдал за тем, как он извлекает что-то, находящееся позади моих глаз, какой-то орган.

Орган казался недоразвитым, неполноценным, но все, что надо, я разглядел. Это смахивало на огромную, сморщенную опухоль, словно каждая клетка стремилась быстрей размножиться, борясь с другими, – как будто процесс, лежащий в основе жизни, обратился против нее самой. В органе было неприлично много сосудов: вероятно, он поглощал куда больше кислорода и питательных веществ, чем предполагала его масса. Я не понимал, как такое вообще может существовать, как оно

доросло до подобного размера, не вытесненное более эффективными системами.

И я не мог представить, какова его функция. Но затем по-новому взглянул на эти отростки, эти двуногие тела, столь тщательно и опрометчиво скопированные моими собственными клетками, приспосабливавшими меня к существованию в этом мире. Я не привык составлять описи – да и к чему запоминать части тел, если они могут трансформироваться при малейшем воздействии? – но тут впервые увидел эту разбухшую структуру, венчающую каждое тело. Она была намного больше, чем надо, – костяная полусфера, куда с лихвой могли вместиться миллионы ганглиев. Такая имелась у каждого отростка. Каждый кусок биомассы нес на себе один из этих гигантских клеточных комков.

А затем я понял кое-что еще: глаза и уши моей мертвой оболочки были связаны с этой штукой до того, как ее извлекли наружу. Мощное сплетение волокон тянулось вдоль продольной оси оболочки, точно по центру ее эндоскелета, и вело в темную липкую каверну, где обитала опухоль. Эта бесформенная структура была подключена ко всей оболочке, словно один из соматосенсорных ганглиев, только намного крупнее. Мне почти показалось, что…

Нет.

Так вот как оно работало! Вот почему пустые оболочки двигались по собственной воле, а я не находил никакой другой сети, чтобы в нее встроиться. Вот что это было: не распределенное по телу, но свернувшееся, замкнувшееся на само себя, темное, плотное, инцистировавшееся. Я нашел призрак, обитавший в этих машинах.

И меня замутило.

Я разделил свою плоть с разумной раковой опухолью.

Иногда даже укрытия бывает недостаточно. Помню, как распластался по полу псарни – химеры, разошедшейся по сотне швов, – причащаясь с несколькими отростками под названием «собака». Багровые щупальца клубились на досках. С боков прорастали полуоформившиеся копии – образы собак и иных, невиданных в этом мире существ, наспех слепленные, всплывавшие из раненой памяти частицы от уцелевшей частицы.

Помню, как Чайлдс, до того как я стал им, сжигал меня заживо. Помню, как скорчился внутри Палмера, умирая от ужаса при мысли, что сейчас пламя охватит и оставшуюся часть меня, что этот мир каким-то образом научился стрелять без предупреждения.

Помню, как, пошатываясь, брел по снегу, гонимый тупым

инстинктом. Тогда я носил оболочку Беннингса. Раздувшиеся куски бесформенной плоти свисали с его рук, как огромные паразиты, – больше снаружи, чем внутри. Несколько фрагментов меня, уцелевших после предыдущей бойни, изуродованные, бессмысленные, хватающиеся за что ни попадя и тем нарушающие маскировку. Люди, вынырнув из ночи, столпились вокруг него: красное пламя в руках, синие огни за спиной, лица двухцветны и прекрасны в этом резком контрасте. Я помню, как Беннингс, охваченный пламенем, выл, словно зверь, устремив взгляд к небу.

Я помню Норриса, которого предало его собственное, идеально скопированное неисправное сердце. Палмера, погибшего, чтобы оставшаяся часть меня могла жить. Уиндоуса, сожженного в качестве меры предосторожности, когда он все еще был человеком.

Имена не важны. Значение имеет биомасса и степень ее потери. Сколько нового опыта, новой мудрости уничтожено этим миром мыслящих раковых опухолей.

Зачем вообще они выкопали меня? Зачем вырубили изо льда, тащили в такую даль по ледяной пустыне и возвращали к жизни – лишь для того, чтобы наброситься в первый же миг моего пробуждения?

Если цель состояла в уничтожении, почему им было не убить меня прямо там, на месте моего упокоения?

Эти инцистировавшиеся души. Эти опухоли, прячущиеся в костяных укрытиях, замкнутые на самих себя.

Я знал, что они не смогут таиться вечно. Их чудовищное анатомическое устройство могло лишь замедлить причастие, но не остановить его. С каждой секундой меня становилось чуть больше. Обвивая моторные сети Палмера, я принюхивался к миллионам спешащих вверх крошечных импульсов. Я чувствовал, как проникаю в темную мыслящую массу позади глаз Блэра.

Конечно, все это лишь игра воображения. На таком уровне остаются лишь рефлексы, инстинктивные и не поддающиеся контролю. И все же какая-то часть меня хотела остановиться, пока время не было упущено. Я привык встраиваться в души, а не соседствовать с ними. Эта компартментализация была совершенно беспрецедентной. Я поглотил тысячи более мощных миров, но ни один из них не был настолько странным. Я гадал: что произойдет, если в раковой опухоли я столкнусь с искрой сознания? Кто кого поглотит?

К тому времени я был уже тремя людьми. Мир насторожился, но пока ничего не заметил. Даже раковые опухоли, обитавшие в

захваченных мной оболочках, не представляли, как близко я к ним подобрался. Мне оставалось лишь благодарить за это – у Творения есть правила, и некоторые вещи не меняются вне зависимости от того, какую форму ты принял. Не важно, распространяется ли душа по всему телу или загнивает в неестественной изоляции, она все равно работает на электричестве. Людским воспоминаниям все еще требовалось время на то, чтобы выкристаллизоваться и пройти через шлюзы, отфильтровывающие сигнал от шума, – и безразличные к источнику заряды статики все еще очищали эту кратковременную память, прежде чем ее содержимое переходило в долговременное хранение. По крайней мере, очищали достаточно, чтобы опухоли не помнили, как нечто иное периодически двигало их руками и ногами.

Поначалу я перехватывал контроль лишь тогда, когда оболочки закрывали глаза и их прожекторы равнодушно скользили по воображаемым измерениям, образам, бессмысленно перетекавшим один в другой, подобно гиперактивной биомассе, неспособной сохранять постоянную форму. «Сны, – сказал мне один из прожекторов, а чуть позже добавил, – кошмары». Во время этих загадочных периодов пассивности, когда люди лежали неподвижно, по отдельности друг от друга, можно было без опаски вынырнуть на поверхность.

Но скоро сны иссякли. Глаза оставались все время открытыми и пристально следили за тенями и друг за другом. Люди, еще недавно рассеянные по всему лагерю, начали собираться вместе, предпочитая общество индивидуальным занятиям. Поначалу мне казалось, что их объединил общий страх. Я даже понадеялся, что они выйдут из своего непонятного, закостеневшего состояния и примут причастие.

Но нет. Они просто перестали доверять тому, что находилось вне поля их зрения.

Они обратились друг против друга.

Мои конечности начинают неметь, мысли замедляются, по мере того как дальние концы души охватывает холод. Вес огнемета давит на ремни, заставляя меня чуть отклоняться в сторону. Я недолго пробыл Чайлдсом – почти половина его тканей еще не ассимилирована. У меня есть час, может, два, прежде чем можно будет начать выплавлять могилу во льду. К этому времени надо преобразовать все клетки, чтобы оболочка не кристаллизовалась. Я сосредоточиваюсь на производстве антифриза.

Здесь почти мирно. Мне пришлось так много усвоить за столь

короткое время! Чтобы прятаться в этих оболочках, требовалась предельная сосредоточенность. Хорошо, если под всеми этими внимательными взглядами удавалось продлить причастие хотя бы настолько, чтобы успеть обменяться воспоминаниями, а о смешении душ не могло быть и речи. Но теперь мне нечего делать – лишь готовиться к небытию. Нечем занять мысли, кроме так и не усвоенных знаний.

К примеру, тест крови, который устроил Макриди. Его «детектор существ», помогающий распознавать прикидывающихся людьми самозванцев. Он совсем не так эффективен, как полагает этот мир, но то, что он вообще работает, нарушает самые главные законы биологии. Это ключ к разгадке, ответ на все вопросы. Я бы, скорее всего, уже расшифровал его, будь хоть немного больше. Я бы уже познал этот мир, если бы мир так не старался прикончить меня.

Тест Макриди.

Либо это невозможно, либо я ошибался во всем.

Они не меняли форму. Не причащались. Их страх и взаимное недоверие все росли, но люди не попытались слить души воедино – искали внешнего врага.

И тогда я кое-что им подкинул.

Я оставил на рудиментарном лагерном компьютере фальшивые подсказки: примитивные изображения и анимацию, ложные цифры и прогнозы, сдобренные правдой ровно в той степени, чтобы убедить этот мир в их истинности. Не важно, что машина была слишком незамысловата, чтобы провести подобные вычисления, и что данных для них все равно не имелось, – Блэр являлся единственной биомассой, способной определить это, а он уже принадлежал мне.

Я оставил поддельные улики, уничтожил настоящие и затем, обеспечив себе алиби, освободил взбесившегося Блэра, позволил ему прокрасться ночью, пока все спали, и испортить машины, лишь время от времени натягивая удила, чтобы он не повредил жизненно важные компоненты. Затем направил его в радиорубку и смотрел – его и другими глазами. – как он беснуется и уничтожает. Я слушал, как он нес околесицу об опасности, угрожавшей миру, о необходимости карантина, о том, что большинство из нас не представляет, что здесь творится, но, пропади он пропадом, ему известно, что некоторые из нас…

Он говорил все это искренне, от первого до последнего слова. Я видел это в свете его прожектора. Лучшие подделки всегда уверены в своей подлинности.

Когда с необходимыми разрушениями было покончено, я-Блэр позволил Макриди скрутить себя. В качестве Норриса я

предложил использовать вместо тюрьмы сарай с инструментами. В качестве Палмера забил досками окна и помог соорудить хлипкое укрепление, предназначенное для того, чтобы удержать меня внутри. Я наблюдал, как мир запирает меня в клетку: «Для твоей же собственной безопасности, Блэр» – и оставляет меня одного. Потом, вдали от чужих взглядов, я изменялся, вылезал наружу и собирал необходимые мне детали поврежденных машин. Я уносил их в свою нору под сараем и шаг за шагом строил спасательную шлюпку. Добровольно вызвавшись кормить заключенного, я навешал себя, пока мир не смотрел, и приносил все необходимое для частых метаморфоз. За три дня я на треть опустошил лагерные запасы провизии и. все еще не избавившись от своих заблуждений, удивлялся скудной диете, которая приковывала эти отростки к одной-единственной оболочке.

Мне вновь повезло – мир был слишком озабочен, чтобы интересоваться кухонными запасами.

Что-то слышится в ветре – эхо шепота, различимого поверх завываний бури. Я наращиваю уши, полукруглые отростки почти замерзшей ткани по бокам головы, и поворачиваю их, как живые антенны, пытаясь лучше настроиться.

Там, слева, бездна слегка мерцает, черные смерчи выделяются на фоне чуть менее плотной тьмы. Я слышу шум бойни. Я слышу себя. Не знаю, какую форму я принял, какие органы могут издавать подобные звуки. Но я сносил немало оболочек во множестве миров и всегда узнаю крик боли.

Бой развивается не в мою пользу. Бой развивается так, как было задумано. Сейчас надо погрузиться в сон. Надо выждать, пока пройдут века.

Я наклоняюсь, шагая против ветра. Я движусь к свету.

Это противоречит плану. Но теперь мне кажется, что я нашел ответ. Мне кажется, ответ был у меня еще до того, как я отправил себя в изгнание. Признать это нелегко. Даже сейчас я не до конца понимаю. Сколько времени я провел здесь, заново пересказывая себе случившееся, расставляя все по порядку, пока моя оболочка умирала от холода? Сколько я петлял вокруг этой очевидной, но невозможной истины?

Я движусь туда, откуда доносится отдаленный треск пламени и глухие взрывы, скорей ощутимые, чем слышимые. Пустота передо мной светлеет: серый переходит в желтый, желтый – в оранжевый. А затем одно расплывчатое световое пятно распадается на несколько. Одиноко горит каким-то чудом устоявшая стена. Дымится скелет хижины Макриди на холме. На обугленной и потрескавшейся полусфере отражаются бледно-

желтые языки огня – прожектор Чайлдса называет это куполом радиостанции.

Лагеря больше нет. Остались лишь обломки и пламя.

Им не выжить без укрытия. Долго они не продержатся. Не в этих оболочках.

Пытаясь уничтожить меня, они уничтожили самих себя.

Все могло обернуться совсем иначе, если бы я не стал Норрисом.

Он оказался слабым звеном – биомассой, не просто неприспособленной, но дефектной, отростком с испорченным выключателем. Мир знал, знал так давно, что перестал даже думать об этом. Лишь когда Норрис упал, проблемы с сердцем всплыли на поверхность сознания Коппера, где я смог разглядеть их. И до тех пор, пока Коппер не навалился на грудь Норриса, пытаясь вернуть того к жизни, я не понимал, чем это кончится. А тогда уже было поздно – Норрис перестал быть не только самим собой, но и мной.

Мне пришлось сыграть множество ролей, и в каждой из них я не имел возможности выбирать. Я-Коппер поднес электроды к груди меня-Норриса, такого правдоподобного Норриса, каждая клетка которого старательно ассимилирована, все детали неисправного клапана воспроизведены в совершенстве. Я не знал. Откуда мне было знать? Те формы, что существуют внутри меня, миры и структуры, поглощенные за миллионы лет, я использовал прежде лишь для того, чтобы приспособиться, и никогда – чтобы прятаться. Это отчаянная мимикрия была чистой импровизацией, последним прибежищем в мире, нападающем на все незнакомое. Мои клетки считывали сигналы и подчинялись им бездумно, как прионы.

Так я стал Норрисом, а Норрис самоуничтожился.

Я помню, как потерял себя в катастрофе. Я знаю, что значит деградировать – когда собственные ткани восстают против тебя, а отчаянные попытки восстановить контроль ни к чему не приводят из-за какого-то неисправного, блокирующего сигнал органа. Что значит распадаться, осознавать, что с каждой секундой становишься все меньше и меньше. Превратиться в ничто. Превратиться в легион.

Я-Коппер отчетливо это видел. До сих пор не понимаю, почему этого не заметил мир, – ведь его части уже давно обратились друг против друга и каждый отросток подозревая всех остальных. Конечно же, они высматривали признаки инфекции. Конечно, кто-то из этой биомассы должен был заметить мельчайшую дрожь, рябь, пробегающую под кожей Норриса,

последний инстинктивный порыв одичавшей, оставшейся без контроля клеточной массы.

Но заметил это лишь я. Я-Чайлдс мог только стоять и смотреть. Я-Коппер мог сделать только хуже: если бы я перехватил управление и заставил оболочку бросить электроды, то выдал бы себя. Поэтому я сыграл свою роль до конца и со всего маху опустил электроды на грудь Норриса, распахнувшуюся мне навстречу. И вовремя закричал, когда острые зубы – продукт мира, оставшегося в сотнях звезд отсюда, – плотно сомкнулись. Я отшатнулся и завалился назад, вскинув откушенные по запястья руки. Люди засуетились, возбуждение быстро переросло в панику. Макриди нацелил свое оружие, и в открывшееся отверстие устремились струи огня. Плоть и металл закипели от жара.

Опухоль Коппера мигнула и отключилась рядом со мной. Все равно мир не позволил бы ей жить после столь явного заражения. Я оставил нашу оболочку замертво валяться на полу, в то время как то, что некогда было мной, рвалось, извивалось и проходило через тысячи преображений наверху, отчаянно пытаясь подобрать хоть что-то, не поддающееся огню.

Они сами уничтожили себя. Они.

Совершенно безумное слово в применении к миру.

Что-то ползет навстречу мне сквозь развалины: изорванное, угловатое, источающее жидкость – нечто, мешанина обугленного мяса и переломанных, наполовину переваренных костей. Его бока облепили угли, похожие на красные сверкающие глаза, – у него не осталось сил отряхнуться. Наверное, оно весит вдвое меньше, чем оболочка по имени Чайлдс, – большая часть его сгорела до углерода и необратимо мертва.

То. что осталось от Чайлдса, сонно думает: «Мать вашу!» – но сейчас я вместо него и сам могу вести эту мелодию.

Масса протягивает ко мне псевдоподию – последний акт причастия. Я чувствую свою боль.

Я был Блэром, Коппером и даже той несчастной собакой, что пережила первую бойню и пряталась среди голых стен, без пищи и сил для регенерации. А затем накинулся на неассимилированную плоть, поглощая, а не причащаясь, и, взбодрившийся и насытившийся, вновь стал одним целым.

Но все-таки не совсем. Я почти не помню – так много было утрачено, столько памяти потеряно, но, кажется, системы из разных моих оболочек не удалось полностью синхронизовать, даже когда они вновь объединились в одном теле. Мелькает полустершаяся картина – собака, вырывающаяся из большего существа; голодная, испуганная, она полна решимости сохранить

свою индивидуальность. Помню ярость и отчаяние, охватившее меня при мысли о том, что этот мир изувечил меня и я уже едва способен стать одним целым. Но это не имело значения. Теперь я был больше Блэра, Коппера и собаки. Я стал гигантом и мог выбирать формы из разных миров – вполне достойный противник для единственного оставшегося в живых человека.

Но увы, не для динамитной шашки в его руке.

А сейчас я лишь страдающая, напуганная, вонючая, обугленная плоть. Все, что осталось от сознания, пребывает в растерянности. Этот я – случайные, бессвязные мысли, сомнения и призраки теорий. Я – откровения, слишком поздние и уже забывшиеся.

Но еще и Чайлдс, и по мере того, как ветер стихает, мне вспоминается мой вопрос: «Кто кого поглотит?» Снегопад прекращается, и я вспоминаю невозможный тест, который заставил меня проявиться.

Опухоль во мне тоже его помнит. Я вижу это в последних лучах ее гаснущего прожектора и наконец-то, спустя столько времени, этот свет направлен внутрь.

Направлен на меня.

Я едва могу разглядеть то, что он освещает. Паразита. Чудовище. Болезнь.

Нечто.

Как мало ты знаешь. Даже меньше, чем я.

Я знаю достаточно, ты, выродок! Пожирающий души дерьмоед! Насильник!

Не понимаю, что это значит. Я чувствую в слове агрессию и насильственное проникновение одной плоти в другую, но за этим стоит что-то другое, чего я не могу уловить. Я почти задаю вопрос – но тут прожектор Чайлдса наконец гаснет. Теперь внутри нет никого, кроме меня, а снаружи – ничего, кроме огня, льда и тьмы.

Я – Чайлдс, и буря прошла.

В мире, дающем бессмысленные имена взаимозаменяемым кускам биомассы, лишь одно имя действительно важно: Макриди.

Макриди всегда был главным. Само понятие «главный» до сих пор кажется мне абсурдным. Как этот мир не понимает, что иерархия – сущая глупость? Одна пуля, попавшая в жизненно важный орган, – и норвежец умирает, навсегда. Один удар по голове – и Блэр теряет сознание. Централизация – это уязвимость, но миру недостаточно того, что его биомасса построена на такой утлой основе. Нет, он навязывает ту же модель и своим метасистемам. Макриди приказывает – остальные подчиняются. Система со встроенной смертельной точкой.

И все же Макриди каким-то образом оставался главным. Даже после того, как мир обнаружил оставленные мной улики, даже после того, как мир решил, что Макриди – одна из этих тварей, оставил его умирать снаружи, в снежной буре, и напал на него с огнеметом и топорами, когда он пробивал путь внутрь. Почему-то у Макриди всегда оказывался пистолет, огнемет, динамит и готовность разнести к чертям весь лагерь, если это понадобится. Кларк последним пытался остановить его – и Макриди выстрелил ему прямо в опухоль.

Смертельная точка.

Но когда Норрис разделился на части, каждая из которых инстинктивно устремилась прочь в попытке спастись, именно Макриди снова собрал их вместе.

Я был настолько уверен в себе, когда он говорил об этом своем тесте. Он связал всю биомассу – связал меня, и не единожды, хоть я такого и не предполагал… Я почти пожалел его, когда он изложил свой план. Макриди заставил Уиндоуса порезать всех нас и взять у каждого немного крови. Он нагрел кончик металлической проволоки, пока тот не раскалился докрасна. Он говорил о том, что мелкие частички могут выдать себя, потому что у них остались инстинкты, но нет интеллекта и самоконтроля. Макриди наблюдал за тем, как Норрис разделился на части, и пришел к выводу, что человеческая кровь не будет реагировать на раскаленный металл. А моя в ответ на провокацию попытается сбежать. Конечно, он так считал. Ведь эти отростки забыли, что и они могли изменяться.

Мне стало интересно: а как же мир отреагирует на то, что каждый фрагмент биомассы в этой комнате окажется оборотнем, когда маленький опыт Макриди сорвет покровы с куда большего эксперимента и заставит эти извращенные кусочки плоти взглянуть правде в глаза? Очнется ли мир от своего долгого забытья, вспомнит ли наконец, что когда-то жил, дышал и менялся, подобно всем остальным? Или он зашел уже слишком далеко, и Макриди сожжет все отростки по очереди, несмотря на протесты, когда кровь предаст их?

Я не поверил своим глазам, когда Макриди погрузил раскаленную проволоку в кровь Уиндоуса и ничего не произошло. Это какой-то трюк, подумал я. Затем прошла тест кровь Макриди, после – Кларка.

А Коппера – нет. Игла вошла в чашку, и его кровь чуть вздрогнула. Я сам едва это заметил, а люди и вовсе не обратили внимания. А даже если бы увидели, то решили бы, что у Макриди просто дрогнула рука. Они все равно считали, что этот тест – полное дерьмо. Я-Чайлдс даже сказал это вслух. Потому что было

слишком страшно, противоестественно признать, что это не так.

Я-Чайлдс знал, что надежда есть. Кровь – это не душа: я мог контролировать двигательные системы, но ассимиляция требовала времени. Если кровь Коппера пока не подверглась достаточным изменениям и прошла проверку то я мог не бояться еще много часов – Чайлдсом я успел пробыть даже меньше.

Но еще я был Палмером. Я был Палмером уже несколько дней. Все клетки этой биомассы, все до единой, ассимилировались – от оригинала ничего не осталось.

Когда кровь Палмера вскрикнула и отпрыгнула от иглы Макриди, мне ничего не оставалось, кроме как присоединиться к остальным.

Я ошибался во всем.

Голод. Эксперимент. Болезнь. Все мои предположения, все теории, которыми я пытался объяснить существование этого мира, – все базировалось на некоем принуждении. В глубине души я всегда знал, что способность к изменениям, к ассимиляции, должна оставаться универсальной константой. Ни один мир не способен эволюционировать, если не эволюционируют его клетки, а ни одна клетка не эволюционирует, если она не способна изменяться. Это всеобщее свойство жизни.

Всеобщее – но не здешнее.

Этот мир не забыл, как изменяться. Его не заставили отторгнуть изменения. Они не были чахлыми отростками некоего большего «я», извращенными для нужд чудовищного эксперимента, они не экономили энергию, ожидая окончания временного кризиса.

Нет, верен оказался тот вариант, который моя усохшая душа отказывалась принимать до последнего: из всех миров, где мне довелось побывать, в этом – единственном из мириад – биомасса не могла изменяться. Никогда не могла.

Только в этом случае у теста Макриди был смысл.

Я попрощался с Блэром, с Коппером и с собой. Я вернул свою морфологию к ее местным стандартам. Я – Чайлдс, вернувшийся из снежной бури, чтобы наконец-то сложить все куски головоломки. Что-то движется впереди. Темное пятно ковыляет на фоне огня – какое-то усталое животное, ищущее, где бы прилечь. Когда я приближаюсь, оно поднимает взгляд.

Макриди.

Мы оглядываем друг друга и сохраняем дистанцию. Внутри меня беспокойно ворочаются колонии клеток. Я чувствую, как мои ткани меняют форму.

– Ты единственный выжил?

– Не единственный…

У меня огнемет. У меня преимущество. Но Макриди, кажется, это не волнует.

Но это должно его волновать! Должно! Потому что здесь органы и ткани – не временные союзники в борьбе за выживание. Здесь они постоянны, предопределены изначально. Макроструктуры не образуются здесь даже тогда, когда преимущества слияния перевешивают требуемые для него энергозатраты, и не распадаются, когда баланс смещается в другую сторону; здесь у каждой клетки лишь одна неизменная функция. Нет ни пластичности, ни адаптивности – каждая структура застывает на своем месте. Это не один большой мир, а множество маленьких. Не части единого великого существа – нет, это множество существ.

И это, как я полагаю, означает, что они останавливаются. Просто… изнашиваются со временем.

– Где ты был, Чайлдс?

Я вспоминаю слова, высвеченные мертвым прожектором.

– Мне показалось, я видел Блэра. Пошел за ним. Заблудился в метели.

Я носил эти тела, чувствовал их изнутри: больные суставы Коппера, кривую спину Блэра, Норриса с его пороком сердца. Они не приспособлены для долгой жизни: ни соматической эволюции, чтобы придать им нужную форму, ни причастия, способного восстановить запасы биомассы и сдержать энтропию. Они вообще не должны были существовать, а, существуя, не могли выжить.

Однако они пытаются. Как отчаянно они пытаются! Все в этом мире – ходячие мертвецы, но мертвецы, сражающиеся изо всех сил за каждый лишний миг агонии. Каждая оболочка сопротивляется так же яростно, как мог бы и я, если бы был навеки заперт в единственном теле.

Макриди пытается.

– Если ты сомневаешься во мне… – начинаю я.

Макриди качает головой, выдавливает усталую улыбку.

– Если у нас есть друг для друга сюрпризы, вряд ли мы сейчас способны что-либо сделать…

Но это не так. По крайней мере, по отношению ко мне.

Целая планета миров, и ни у одного из них нет души. Они бредут по жизни, одинокие, изолированные, неспособные даже общаться друг с другом, не считая рычания и обмена символами, – как будто суть солнечного захода или взрыва сверхновой можно передать цепочкой фонем или несколькими росчерками черного по белому. Они никогда не знали причастия

и не стремятся ни к чему, кроме распада. Парадокс их биологии воистину удивителен, но степень их одиночества, тщета их жизней потрясают меня.

Я был так слеп, так скор на обвинения. Но агрессия, которую обрушили на меня эти существа, не свидетельствует о великом зле. Просто они так привыкли к боли, так ослеплены своей ущербностью, что в самом буквальном смысле не могут вообразить иного существования. Когда все нервы обнажены, вы атакуете при малейшем прикосновении.

– Что будем делать? – спрашиваю я.

Теперь, когда я знаю то, что знаю, нельзя искать спасения в будущем. Как можно оставить их в таком состоянии?

– Почему бы нам… просто не подождать тут, – предлагает Макриди. – Посмотрим, что будет.

Но я могу сделать больше, намного больше.

Это будет нелегко. Они не поймут. Замученные, неполноценные, они не способны понять. Предложи им большее – и они увидят лишь потерю меньшего. Предложи им причастие – и они увидят только уничтожение. Мне следует быть осторожным. Использовать эту новую способность прятаться. Конечно, сюда явятся другие существа, и не важно, найдут они нас живыми или мертвыми, – важно лишь то, что они увидят нечто подобное себе и заберут домой. Так что я продолжу играть роль, буду работать за кулисами, спасу их изнутри, иначе невообразимое одиночество этих существ никогда не кончится.

Эти несчастные дикари никогда не согласятся добровольно принять спасение.

Мне придется спасти их насильно.

Джеффри Лэндис
Султан облаков

Джеффри Лэндис – физик из НАСА, принимавший участие в разработке программы высадки на Марс. Он регулярно публикуется в журналах «Analog» и «Asimov's Science Fiction», а также в «Interzone», «Amazing» и «Pulphouse». По стандартам этого требующего высокой продуктивности жанра Лэндиса нельзя назвать плодовитым, зато он по-настоящему популярен. Рассказ «Рябь на море Дирака» («Ripples in the Dirac Sea») в 1989 году принес ему премию «Небьюла», рассказ «Вдогонку за Солнцем» («A Walk in the Sun») в 1992 году завоевал премию «Хьюго», а рассказ «Элементаль» («Elemental») несколько лет назад попал в список ее финалистов. Первой книгой Лэндиса стал сборник «Мифы, легенды и реальные истории» («Myths, Legends, and Tme History»), а в 2000 году вышел его первый роман «Пересечение Марса» («Mars Crossing»), Затем были изданы еще один сборник «„Параметр столкновения“ и другие квантовые реальности» («Impact Parameter and Other Quantum Realities») и книга стихов «Железные ангелы» («Iron Angels»). Джеффри живет со своей женой, писательницей Мэри Турзилло, в Брук-Парке, штат Огайо.

В представленном ниже произведении он перенесет нас в детально проработанный и убедительно визуализированный высокотехнологичный город, дрейфующий в атмосфере Венеры; нас ждет динамичное повествование о династической интриге, зарождающемся бунте и внезапных опасностях…

Когда мы с Леей Хамакавой прибыли на орбитальную станцию «Риман», Лею ожидал сюрприз. Послание. Не электронное, в планшете, а реальный конверт, на котором кто-то красивым почерком вывел: «Доктору Лее Хамакаве».

Лея достала письмо. Оно было выгравировано на твердой кристаллической пластине, темно-красной и полупрозрачной. Лея присмотрелась, попробовала согнуть, провела по ней ногтем, поднесла к лампе, слегка поворачивая. Края пластины поймали свет и разбрызгали его по комнате огненными капельками.

– Алмаз, – заключила она. – Примесь хрома придает ему красный цвет, а синева, вероятно, из-за азота. Очаровательно.

Она протянула письмо мне.

– Аккуратнее с краями, Тинкерман. Можно порезаться.

Я осторожно провел пальцем по краю пластины и обнаружил, что предупреждение Леи было излишним: края обработали,

затупив, чтобы уберечь читателя от порезов. Четко выгравированные синие буквы, казалось, выступали над пластиной. Название гласило: «Приглашение от Карлоса Фернандо Делакруа Ортеги де ла Джоллы и Нордвальд-Грюнбаума». Ниже шел основной текст, более мелкий: «Мы сочли, что ваши исследования экологии Марса представляют определенный интерес. Будем рады в любое удобное время принять вас в резиденции на Гипатии и поговорить».

Имя Карлоса Фернандо было мне незнакомо, зато фамилия Нордвальд-Грюнбаум в рекомендациях не нуждалась. Приглашение поступило от кого-то из членов семьи сатрапа Венеры.

В тексте также говорилось, что транспортировка будет обеспечена.

Сатрап Венеры. Один из двадцати старцев, повелителей и владельцев Солнечной системы. Человек настолько богатый, что обычные стандарты богатства для него уже не имеют смысла. Так чего он может хотеть от Леи?

Я попробовал вспомнить все, что слышал о султане облаков, сатрапе знаменитых летающих городов. Получилось негусто. Поговаривали, что это общество декадентское и извращенное, – вот, собственно, практически и все. Обитатели Венеры жили в своем замкнутом мирке.

Станция «Риман» выглядела уродливо и функционально, отделку внутренних помещений составляли панели из темного анодированного алюминия с шершавой поверхностью. В холле имелось смотровое окно, и Лея подошла туда. Она стояла спиной ко мне, окутанная тьмой. Даже в мятом корабельном комбинезоне она была прекрасна, и я гадал, смогу ли когда-нибудь подобрать ключ, чтобы понять ее.

По мере вращения орбитальной станции в иллюминаторе перед Леей медленно поднимался голубой шар Земли – хрупкое и замысловатое творение из снега и кобальтовой синевы в обрамлении сапфирового света.

– Там, внизу, ничего нет для меня, – сказала она.

Я не ответил. Не уверен, что она даже помнила о моем присутствии.

– У меня нет прошлого. – Ее слова были еле слышными.

Молчать далее становилось уже неловко. Я понимал, что должен что-то сказать, но не знал, что именно.

– Никогда не был на Венере, – произнес я наконец.

– А я не знаю никого, кто там побывал. – Лея обернулась. – Полагаю, в письме не утверждается, что я должна непременно прилететь одна.

Она просто констатировала факт, не приглашая, но и не отказывая.

Не очень ободряюще, но все же лучше, чем «нет». И я задумался, действительно ли нравлюсь ей, или же она лишь терпит мое присутствие. Решил не спрашивать. Нет смысла испытывать удачу на прочность.

Обещанным транспортным средством оказался «Сулейман» – яхта с термоядерным двигателем, даже не первоклассная, а сверхэкстравагантная. Размерами она превышала многие рудовозы, а в ее самых просторных рекреационных сферах мог бы поместиться целый корабль попроще. Каждая из частных кают – а их насчитывалось семь – была крупнее стандартного жилого модуля орбитального поселения. Большие суда, как правило, тихоходны, но «Сулейман» с его впечатляющим разгонным двигателем и здесь стал исключением, так что плановое время перелета до околовенерианской орбиты намечалось намного меньшее, чем у любого коммерческого транспортного корабля.

Мы были единственными пассажирами.

Несмотря на размер судна, его экипаж состоял всего из трех человек – капитана и двух пилотов. Бритоголовый капитан в шафрановом одеянии буддиста-неофита поприветствовал нас на входе и вежливо, но твердо проинформировал, что отвечать на наши вызовы не будут. Нам следует оставаться в пассажирском отсеке, и нас доставят на Венеру. Жилые помещения пилотов размещены отдельно, и мы не увидим и не услышим никого из экипажа на протяжении всего полета.

– Прекрасно, – одним словом прокомментировала Лея речь капитана.

Когда корабль принял нас на борт и взял курс на Венеру она отыскала самую маленькую из частных кают и заперлась там.

Лея Хамакава проработала в «Институте Плеяд» двадцать лет. Начинала совсем молодой, еще подростком, – задолго до того, как мы встретились, – и о ее прошлой жизни я знаю лишь то, что она сирота. Институт был ее единственной семьей.

Иногда мне казалось – есть две Леи. Одна, робкая и застенчивая, как ребенок, жаждет любви и тепла. Другая, холодная и профессиональная, едва выносит, когда к ней прикасаются, и ненавидит – или, возможно, презирает – людей.

Временами я думал, не получила ли она в детстве ужасную душевную травму. Она не рассказывала, как росла, не упоминала родителей. Однажды я спросил, и она ответила лишь, что это все осталось «давным-давно и далеко-далеко».

Я никогда не знал, как она ко мне относится. Иной раз почти не сомневался, что любит, но не может заставить себя сказать об этом хоть слово. Но потом она становилась такой холодной и невнимательной, что было ясно: для нее я всегда оставался лишь техническим помощником, неотличимым от любого другого техника. Частенько я удивлялся, почему она вообще разрешает мне находиться рядом.

И молча проклинал себя за то, что у меня не хватает смелости спросить.

Пока Лея сидела взаперти, я обследовал корабль. Каждая каюта имела форму сферы с единственным восьмиугольным иллюминатором из двойного стекла на внешней стене. Оборудованы они были со всей мыслимой роскошью, даже санузлами в маленьких примыкающих сферках, в кабинках которых ваше тело обрызгивали из форсунок струи воды.

Спустя десять часов после старта Лея так и не вышла. Я выбрал себе другую каюту и лег спать.

Через два дня я заскучал. Разобрал все, что разбиралось, изучил, как это работает, и собрал снова. Все было в идеальном состоянии, чинить было нечего.

Но хотя вещей я взял с собой немного, среди них имелся и портативный офис. Я вызвал библиотечного агента и задал поиск по истории.

Когда экспансия человечества за пределы родной планеты только начиналась, космические перевозки обходились разорительно дорого, и бизнес в космосе был по карману лишь правительствам и непристойно богатым корпорациям. Когда правительства отошли в сторону, горстка богачей скупила их активы. Большинство впоследствии или перепродало их, или обанкротилось. Но не все. Одни не отступились из чистого упрямства, другие – из-за пылкой веры в экспансию человечества, а третьи – из холодного расчета, что в космосе полно неисчислимых богатств, нужно лишь до них добраться. И когда технологии были наконец-то готовы, двадцать семейств завладели всем.

Пусть медленно, но границы все же открылись, а затем начался исход. Сперва тысячи: бахаи, бегущие от религиозного преследования; свергнутые диктаторы и их приспешники, жаждущие скрыться с украденной казной; наркобароны и их свита, вывозящие прибыль из пределов досягаемости государства или конкурентов. Потом счет пошел на миллионы, когда люди всех цветов кожи покидали Землю, чтобы начать новую жизнь в космосе. Группы раскольников из церкви Иоанна Мстителя

отрывались от непрощающей материнской церкви в поисках предсказанной пророчествами судьбы, диссиденты из Народной республики Малави алкали свободы, коммуны вегетарианцев с Аляски – новых земель; индейцы майя желали повторить родину в другом мире; либертарианцы искали свой рай со свободным рынком, коммунисты – место за пределами истории, чтобы ковать там следующие поколения коммунистов. Некоторые вымерли быстро, некоторые медленно, но всегда находились другие, еще и еще, что вливались в нескончаемый поток диссидентов, оппозиционеров и бунтовщиков, готовых подписать что угодно ради обещания нового начала. Кто-то из них выжил. Кто-то добился успеха. Кто-то вырос.

И все они до единого были по уши в долгах перед двадцатью семействами, что обеспечили им перелет.

Ни один хабитат из сотни не сумел рассчитаться с долгами, зато наследники той двадцатки стали богаче целых стран, богаче империй.

Легендарная война между промышленной империей Нордвальдов и семейством Грюнбаум за ресурсы Солнечной системы завершилась, когда Патриция Грюнбаум продала свой контрольный пакет в семейном бизнесе. Удо Нордвальд, тиран и патриарх империи Нордвальдов – ныне Нордвальд-Грюнбаум – совершенно не собирался отказываться от с трудом завоеванного богатства и даже разделять его. Он продолжил укреплять свою власть, женив единственного сына, еще подростка, на практичной и расчетливой наследнице семейства ла Джолла. Избавившись от ближайших конкурентов, Удо вернулся из дальних пределов Солнечной системы, оставив долгую экспансию на ее окраинах другим. Он построил штаб-квартиру корпорации, жилища для работников и персональный дворец в месте, которое было центром внутренней системы и одновременно считалось невозможным для колонизации. Он создал себе репутацию, колонизировав то, что называлось адской планетой Солнечной системы.

Венеру.

Планета внизу из светящейся точки превратилась в выпуклую белую жемчужину, слишком яркую, чтобы на нее смотреть. Прибывающая межпланетная яхта, мчавшаяся по гиперболической орбите, погасила избыток скорости, пройдя сквозь атмосферу Венеры, неторопливо вынырнула из нее на высокую эллиптическую, а затем перешла на двухчасовую парковочную орбиту.

На «Сулеймане» имелся огромный иллюминатор (сплошная

прозрачная панель метра в четыре диаметром), и я завис перед ним, наблюдая, как всплывает встречающий нас транспортный барк. Я считал «Сулейман» большим кораблем. но по сравнению с этим гигантом он показался миниатюрной моделью. Барк походил на сплющенный конус с округлым носом и до нелепости крошечными ракетными двигателями в основании и по форме не отличался от типичного спускаемого на планету грузового корабля, но имел более километра в длину и как минимум столько же в ширину. Подплыв к «Сулейману», он пришвартовался, что со стороны выглядело как соприкосновение тыквы с горошиной.

Но я знал, что размер обманчив. Барк представлял собой всего лишь тонкую оболочку, натянутую на каркас из вспененного в вакууме титана, окружающий гигантскую пустую камеру. Он был создан не для посадок, а для парения в атмосфере, и ему требовался огромный объем при минимальном весе. Ни одно судно еще не садилось на поверхность Венеры, ибо эпитет «адская» выбрали не зря. И барк, по сути, был не космическим кораблем, а скорее выходящим в космос дирижаблем, одинаково пригодным для полетов как в облаках, так и на орбите.

Но, даже зная, что этот колосс ненамного вещественнее вакуума, я разглядывал его приближение с некоторым страхом.

На Лею он, похоже, впечатления не произвел. Она прервала уединение, когда мы достигли Венеры, но лишь мельком глянула в иллюминатор, проплывая мимо. Бывало трудно понять, что способно привлечь ее внимание. Она могла битый час изучать камень, явно восхищаясь этим куском обычного астероидного хондрита, поворачивая его и осматривая со всех сторон. Зато такую вещь, как космический корабль размером с небольшой город, она проигнорировала, словно тот был не важнее грязи.

Крупные грузы перевозились в отсеках, на которые делилась полость барка, но, поскольку нас, направляющихся к Венере, было всего двое, нас пригласили в пилотскую кабину – прозрачный, почти невидимый блистер в передней части корабля.

Там находился еще один буддист в желтом одеянии. Интересно, это что, общая секта венерианских пилотов? Этот оказался столь же разговорчивым, насколько замкнутым был капитан «Сулеймана». Когда барк отстыковался, между ним и станцией потянулась ниточка подвесного каната. Станция опускала барк к планете. Пока нас спускали, пилот указывал на местные достопримечательности: крошечные спутники связи, ползущие по небу, наподобие муравьев с турбонаддувом, розоватые вспышки молний на ночном полушарии далеко внизу, золотые паутины микроволновых энергопередатчиков. Когда мы

опустились на тридцать километров, пилот, не переставая разговаривать, отсоединил канат, и барк начал свободное падение. Над жемчужным горизонтом поднялись Земля и Луна – голубая и белая звездочки. Вдали можно было разглядеть орбитальные фабричные комплексы, заметные благодаря мигающим навигационным маякам и пришвартованным к ним транспортным баркам. Они находились так далеко, что даже огромные барки уменьшились до незначительности.

Мы начали касаться атмосферы, и ощущение веса вернулось и стало нарастать. Внезапно нас придавила сила тяжести примерно вполовину земной. Даже не прервав болтовни, пилот-монах умело перевернул барк, и Венера оказалась над нашими головами, превратившись в невыразительный белый потолок Вселенной.

– Отличный вид, согласитесь, – заметил пилот. – В такой позиции начинаешь по-настоящему чувствовать планету. Но я поступаю так не ради зрелища, каким бы прекрасным оно ни было, а лишь заставляю старый добрый сверхзвуковой лифт работать на нас, поддерживая его в целости. Эти барки хрупковаты, их нельзя опускать слишком быстро, вот и приходится играть на атмосфере, как на большой басовой скрипке. Вы ведь не хотите, чтобы мы срикошетили?

Вклиниться в поток слов с ответом не удалось, и я подумал, что он вполне мог продолжать свою иллюстрированную лекцию, даже если бы нас не было.

Сила тяжести увеличилась до стандартной, потом стабилизировалась.

Огромный перевернутый зверь пронзал атмосферу, за ним тянулось ионизированное облако. Пилот сбавил скорость до дозвуковой, после чего опять перевернул барк, немного подбросив его в экзосферу, чтобы охладить раскалившуюся оболочку, а затем продолжил снижение. По мере спуска в разреженную мутную дымку воздух начал густеть. А потом мы пробили слой дымки, вырвавшись к прозрачному свету, и воспарили над бесконечным морем облаков.

Облака.

Сто пятьдесят миллионов квадратных километров облаков, миллиард кубических километров облаков. В этом облачном океане летающие города Венеры не ограничены, как земные, лишь двумя измерениями, но могут подниматься или опускаться по прихоти своих хозяев: выше – к яркому и холодному солнечному свету, и ниже – к границе мрачных раскаленных

глубин.

Облака. Барк летел над облачными соборами и облачными горами, чьи края расплывались фракталами, подобными цветной капусте. Мы двигались над берлогами облачных монстров километровой длины, и они вытягивали изогнутые облачные шеи и грозили нам облачными зубами, напрягая мускулистые облачные тела и вспыхивая когтями-молниями.

Барк дрейфовал вниз на дозвуковой скорости, выпуская облако инверсионного следа, которое закручивалось позади, наподобие свитка, исписанного неразборчивым почерком. Даже пилот, хотя и не замолчал окончательно, стал болтать меньше, позволяя нам проникнуться величием этой картины.

– Впечатляет? – спросил он. – Царство облаков. От его необъятности некоторые даже с катушек слетают – во всяком случае, так поговаривают. Уходят в облачное счастье, как у нас выражаются. Мне это вид никогда не надоедает. Ничто не сравнится со зрелищем моря облаков из кабины барка.

И чтобы доказать это, он совершил медленный поворот, обогнув облачный столб, который рос из дымчатой глубины и возвышался на тысячи метров над нашими головами.

– Потрясающий вид!

– Потрясающий, – согласился я.

Пилот выровнял барк и показал вперед и чуть вправо:

– Вон там. Видите его?

– Где? – переспросил я, не понимая, что должен увидеть.

– Там.

Теперь и я заметил поблескивающую в отдалении точку.

– Что это?

– Гипатия. Сокровище облаков.

По мере нашего приближения город вырастал. Выглядел он как-то странно. Купол, точнее, дюжина блистающих куполов, состыкованных вразнобой; каждый состоит из миллионов стеклянных панелей, словно фасетчатый глаз насекомого. Они были громадные, наименьший – почти с километр в диаметре, и, когда барк скользил по небу, «фасетки» ловили солнечный свет и искрились отражениями. Ниже я увидел нечто вроде тонкого черного карандаша, что тянулся к облакам внизу, наподобие мягкой ириски, и заканчивался до нелепости крошечным каменным шаром, – он казался слишком маленьким, чтобы уравновешивать купола.

– Какая красота! Как те чудесные медузы в океанах вашей голубой планеты. Вы можете поверить, что там живет полмиллиона человек?

Пилот описал круг над городом, демонстрируя его во всей

красе и даже не утруждая себя разговором. Под прозрачными куполами зелеными лентами блестели цепочки озер, окаймленные бульварами с изящными павильонами. Наконец пилот остановил корабль и медленно впустил воздух в вакуумную камеру, обеспечивающую его плавучесть. Барк плавно опустился, слегка покачиваясь, так как утратил устойчивость, которую придавало ему движение вперед. Теперь он парил чуть ниже противовеса. Тот уже не выглядел маленьким – над нами нависала каменная глыба размером с Гибралтар. Крошечные летающие аппараты прикрепили буксировочные канаты к узлам подвески на поверхности барка, и лебедки неторопливо подняли нас в док.

– Добро пожаловать на Венеру, – сказал монах.

На самой Венере царят сокрушительное давление и адская температура. Но поднимитесь выше – и давление ослабеет, а температура понизится. В пятидесяти километрах над поверхностью, в основании слоя облаков, температура тропическая, а давление равно обычному земному. Если подняться еще на двадцать километров, воздух станет разреженным и холодным, как на полюсе.

Между этими двумя уровнями дрейфуют десять тысяч летающих городов Венеры.

Воздушный шар, наполненный кислородом и азотом, будет плавать в плотной атмосфере планеты, а ее легендарные города под куполами, по сути, и являлись воздушными шарами. Геодезические сооружения с распорками из спеченного графита и оболочками из прозрачного поликарбоната, синтезированного прямо из венерианской атмосферы, – эти километровые купола легко поднимали стотысячетонные города.

Им даже облака помогали. Тонкая дымка верхнего облачного слоя служила фильтром для солнечных лучей, поэтому яркость Солнца здесь лишь немного превышала земную.

Гипатия была не самым крупным из летающих городов, но, безусловно, самым богатым: город спиральных зданий и золотых соборов, с огромными открытыми пространствами и тщательно спланированными садами. Под куполом Гипатии архитекторы использовали все возможные ухищрения и приемы, чтобы заставить людей позабыть о том, что они находятся в замкнутом пространстве.

Но этого – садов и водопадов Гипатии – мы не увидели. Во всяком случае, поначалу. Выйдя из барка, мы попали в расположенный под городом зал для прибывающих. Несмотря на расставленные роскошные шезлонги, на полы, покрытые

созданной инженерами-генетиками розовой травой, и бесценные скульптуры из железа и нефрита, помещение было функциональным: место для ожидания.

Здесь легко могла расположиться тысяча человек, но мы увидели лишь одного – мальчика лет двенадцати, одетого в купальный халат и желтые шелковые штаны с аккуратными складками. Полноватый, с приятным, но невыразительным круглым лицом.

Вспомнив о стоимости перелета, я удивился, что встречающий у нас всего один. Мальчик взглянул на Лею.

– Доктор Хамакава. Рад познакомиться.

Потом он повернулся ко мне:

– А ты еще кто такой, черт побери?

– А ты кто? – спросил я. – Где наши встречающие?

Мальчик что-то жевал. Мне показалось, что он захотел выплюнуть жвачку, но передумал и посмотрел на Лею:

– Этот тип с вами, доктор Хамакава? Чем он занимается?

– Это Дэвид Тинкерман, – пояснила Лея. – Технический специалист. И при необходимости пилот. Да, он со мной.

– Передайте, что ему не помешало бы поучиться хорошим манерам.

– Да кто ты такой? – взорвался я. – Ты не ответил на вопрос.

Мальчишка взглянул на меня с пренебрежением, словно еще не решил, стоит ли утруждаться и вообще со мной разговаривать.

– Я Карлос Фернандо Делакруа Ортега де ла Джолла и Нордвальд-Грюнбаум, – медленно произнес он, как будто беседовал с идиотом. – Я владею этой станцией и всем, что на ней имеется.

Голос у него был раздражающе высоким – подростковая ломка вот-вот собиралась начаться, но еще не началась. Лея этого словно и не заметила.

– А, так ты потомок Нордвальд-Грюнбаума. Правителя Гипатии.

Мальчик покачал головой и нахмурился.

– Нет, – сказал он. – Не совсем потомок. Я и есть Нордвальд-Грюнбаум. – Улыбнувшись, он снова превратился в симпатичного ребенка, а когда поклонился, то и вовсе стал очаровательным. – Я султан облаков.

Как выяснилось, у Карлоса Фернандо имелось множество слуг. Когда с приветствиями покончили, он подал знак, и к нам приблизился почетный эскорт из двадцати женщин в шелковых камзолах.

Прежде чем мы вошли в лифт, женщины окружили нас. По знаку Карлоса Фернандо принесли коробку. Карлос вручил ее

Лее.

– Это подарок в честь вашего прибытия в мой город, – пояснил он.

Упаковка была очень простой, без каких-либо украшений. Лея раскрыла ее.

Внутри оказался огромный фолиант. Моя спутница достала его. Том, переплетенный в потрескавшуюся темно-красную кожу, без единой надписи на ней. Лея открыла первую страницу.

– Джордано Бруно, – прочла она вслух. – «О бесконечности Вселенной и миров».

С улыбкой она пролистала книгу.

– Факсимиле первого английского издания?

– Я подумал, вам может понравиться.

– Очаровательно. – Лея вернула книгу в коробку и сунула подарок под мышку. – Спасибо.

Лифт поднимался очень плавно; с трудом верилось, что он преодолел два километра менее чем за три минуты. За открывшимися дверями ярко сияло полуденное солнце. Мы вышли в город.

Город казался фантазией из пены и воздуха. Хотя его и накрывал купол, стены были так далеки, что почти таяли на горизонте. В сопровождении охраны мы совершили небольшую прогулку. Повсюду нам попадатись парки: одни – как лоскуток вокруг единственного дерева, другие – целые леса на широких приподнятых платформах, с которых в просторные бассейны фонтанов ниспадали каскады водопадов. Белые подвесные дорожки тянулись вверх, их поддерживали канаты, свисавшие с невероятно тонких балок. Со всех сторон слышались журчание воды и пение птиц.

К концу этой обзорной экскурсии оказалось, что меня незаметно, но эффективно отделили от Леи.

– Эй, а что случилось с доктором Хамакавой?

Меня по-прежнему окружал почетный караул, но Лея и мальчик, он же наследник Нордвальд-Грюнбаум, исчезли.

– Извините, – ответила одна из женщин, чуть выше остальных. – Я полагаю, что ее отвели в апартаменты немного отдохнуть, ведь через несколько часов ее будут приветствовать на уровне общества.

– Я должен быть с ней.

– Нам не поручали привести вас, – возразила она, спокойно глядя на меня. – Не думаю, что вы приглашены.

– Извините, но мне надо их найти.

Женщина отступила и указала на город. Дорожки уходили во все стороны, образуя трехмерный лабиринт.

– Пожалуйста, если хотите. Нас проинструктировали, что вы можете свободно перемещаться по городу.

Я кивнул. Планы здесь явно составлялись без учета меня.

– Как я могу с ней связаться? Что, если я захочу поговорить с Леей… с доктором Хамакавой?

– Она сможет вас найти. Не волнуйтесь.

После паузы она спросила:

– Хотите, мы отведем вас к вашему жилищу?

Здание, в которое меня привели, – одно из целого кластера, подвешенного на перекрестных канатах, – было крупнее многих домов. Я привык жить в ячейках жилых модулей хабитатов, и простор этого помещения меня поразил.

– Добрый вечер, мистер Тинкерман.

Меня поприветствовал высокий китаец лет пятидесяти. Рядом стояла, по видимости, его жена. Она была намного моложе, лет двадцати с небольшим, и, на мой вкус, чуть полновата, но я успел заметить, что здесь такая легкая полнота обычна. За ее спиной прятались двое детишек, то выглядывая из-за матери, то снова скрываясь. Мужчина представился как Трумэн Сингх, а его жену звали Эпифания.

– С остальными членами моей семьи вы познакомитесь через несколько часов, мистер Тинкерман, – пообещал он, улыбаясь. – Сейчас они на работе.

– Мы работаем на его превосходительство, – добавила Эпифания. – Карлос Фернандо попросил наше семейство разместить вас у себя. Если вам что-либо понадобится, не стесняйтесь. Все расходы будут покрыты за счет кредита Нордвальд-Грюнбаума, который, – она улыбнулась, – здесь практически неограничен. Как вы наверняка представляете.

– Вы часто так делаете? Принимаете у себя гостей?

Эпифания взглянула на мужа.

– Не очень часто, – ответила она. – Во всяком случае, не для его превосходительства. Но вообще это дело обычное: многие навещают друг друга, когда города, дрейфуя, сближаются, и почти все время от времени принимают гостей.

– У вас нет отелей?

Она покачала головой.

– К нам редко прилетают гости с других планет.

– Вы сказали «его превосходительство». Это Карлос Фернандо? Расскажите о нем.

– Конечно. Что вы хотели бы узнать?

– Действительно ли он, – я описал рукой широкий круг, – владеет всем этим? Целой планетой?

– Городом – да, конечно. И – нет.

– Как такое может быть?

– Он будет владеть городом – этим и пятью тысячами других, – но планетой? Возможно, да, а возможно, и нет. Семья Нордвальд-Грюнбаум утверждает, что владеет всей Венерой, но в реальности это заявление мало что значит. Оно может распространяться на поверхность планеты, но ее небо не принадлежит никому. Города – да. Но разумеется, в действительности он не контролирует все города лично.

– Разумеется, нет. Я другое имел в виду. Ведь он еще мальчик, и у него должны быть опекуны или доверенные лица.

– Конечно. Пока он несовершеннолетний.

– А потом?

Трумэн Сингх пожал плечами:

– Такова традиция Нордвальд-Грюнбаумов – это записано в завещании первого Нордвальда. Когда он достигнет совершеннолетия, города станут его личной собственностью.

Как я вскоре узнал, в атмосфере Венеры парили одиннадцать тысяч семьсот восемь городов.

– Возможно, немногим больше, – сказал Сингх. – Никто им счет не ведет. Есть легенды о городах, которые летают далеко внизу, никогда не поднимаясь над уровнем нижнего слоя облаков, и поэтому всегда скрыты. На такой глубине жить нельзя, там слишком жарко, но легенды утверждают, что у городов-ренегатов есть технологии, позволяющие отводить избыточное тепло. – Он пожал плечами. – Кто знает, может, и так. Во всяком случае, собственность, которую унаследовал Карлос Фернандо, включает полностью, частично или в акциях более чем половину известных городов. При этом Нордвальд-Грюнбаумы всегда были хорошими владельцами. Хочу сказать – они знали, что их служащие и работники могут при желании уйти, перебраться в другой город. Но те не уходили.

– И что, не было никаких трений?

– О, все независимые города считают, что у Нордвальд-Грюнбаумов слишком много власти! – Он рассмеялся. – Но они с этим мало что могут поделать, верно?

– Они могут сражаться.

Трумэн Сингх протянул руку и постучал по моему лбу средним пальцем.

– Это будет неразумно.

Помолчав, он чуть медленнее добавил:

– У нас здесь взаимосвязанная экология, между городами и султанатом. Мы зависим друг от друга. Да, они могут объявить войну, но в конечном счете победителя не будет.

– Да, это я понимаю. – согласился я. – Конечно, летающие

города очень уязвимы – одна пробоина в оболочке, и…

– Возможно, не столь уязвимы, как вы считаете. – возразил Трумэн Сингх. – Вы привыкли строить обитаемые станции, но эти хабитаты находятся в вакууме, где даже единственный пробой станет катастрофой. А здесь, как вы знаете, нет перепада давления между атмосферой снаружи и жизнесферой внутри. И если случается пробой, то газообмен через него происходит очень медленно. И разумеется, у нас есть меры безопасности, много мер безопасности. – Он помолчал. – Но если начнется война… Мы защищены от обычных опасностей и не боимся их… но против метастабильных бомб… Словом, от них защиты нет. Так что ничем хорошим война закончиться не может.

На следующий день я решил выяснить, куда увели Лею. Но хотя все, кого я встречал, были неизменно вежливы, в поисках я добился очень малых успехов. Зато начал понемногу осваиваться в городе.

Первое, что я заметил, был свет. Я привык жить в орбитальных поселениях-хабитатах, где мягкое рассеянное освещение давали панели белых светодиодов. В Гипатии яркий солнечный свет пронизывал все внутри.

Во-вторых, птицы. Их здесь было множество. В орбитальных поселениях птицами тоже никого не удивишь, ведь разные виды попугаев хорошо приспосабливаются к невесомости, но все пространство Гипатии буквально кишело яркими тропическими птицами, мелкими попугаями, какаду и лори, кардиналами, синичками-гаичками, кецалями и другими, названий которых я не знал. Никогда в жизни не видел столько птиц сразу – хрипловатый оркестр цвета и звука.

В летающем городе имелось двенадцать основных камер, разделенных тонкими прозрачными мембранами, с множеством проходов из одной в другую. Каждая из камер была хорошо освещена и приятна на вид, и у каждой имелся свой, немного отличающийся стиль.

Помещение, где меня разместили, находилось в секторе Карбон. Отдельные «дома» тут висели на канатах, словно нитки переливчатых жемчужин, подвешенные над широким столом из леса и травы. В этом секторе кабельные кабинки перемещались, как маятники на длинных подвесках, по головокружительным дугам доставляя путешественников с платформы на платформу через весь сектор. Палаты Карлоса Фернандо располагались в самом высоком, центральном пузыре – его еще называли верхним городом. Этот пузырь был покрыт цветными огнями и тенями, а в его архитектуре преобладали желобчатые минареты и восточные

купола. Но я, похоже, не был допущен в эту элитную сферу. Я даже не смог узнать, где именно разместили Лею.

Я отыскал балкон, с которого сквозь прозрачную оболочку были видны облака, столь же величественные, как и вчера, медленно меняющиеся, вырастающие в башни. Их заливал золотистый свет, а вокруг чуть прикрытого перистым кружевом солнца сияло бронзовое гало. Судя по высоте солнца, было начало дня, но заката сегодня не планировалось: могучие ветры, опоясывающие планету, увлекут город на ночную половину Венеры только завтра.

Из одиннадцати тысяч других городов я не увидел ни одного: глядя по сторонам, я не заметил никаких признаков того, что мы не одиноки в этом облачном ландшафте, простирающемся в бесконечность. Венера, как и все планеты, невелика, но она достаточно большая, чтобы проглотить десять тысяч городов – и даже в сто раз больше, – не создавая видимой толчеи в небесах.

Так хотелось узнать, что об этом думает Лея.

Мне ее не хватало. И пусть даже она меня как будто и не замечала… наше пребывание на Марсе, хотя и краткое… когда мы делили одно уютное жилище… Возможно, для нее это ничего не значило. Но для меня то время стало самым главным в жизни.

Я вспомнил ее тело, податливое, с золотистой кожей. Где она сейчас? Что делает?

Парком здесь была платформа, заросшая орхидеями-челночницами; в воздухе ее удерживали толстые канаты, закрепленные на опорных стропилах, – похоже, обычное строение тут, где даже сама почва была подвешена в летающем воздушном куполе. Я немного попрыгал, определяя резонансную частоту, и ощутил, как платформа под ногами едва заметно покачнулась. Наверное, детей здесь с самого раннего возраста учат не делать этого, потому что умышленное усилие могло породить разрушительные колебания. Я перестал подпрыгивать и дал платформе успокоиться.

Когда ближе к середине дня я вернулся «домой», там не оказалось ни Эпифании, ни Трумэна. Меня встретила его вторая жена Триолет, смуглая, с темносерыми глазами. Ей было, наверное, уже за шестьдесят. Нас познакомили накануне, но в сумятице знакомства с многочисленными людьми, составляющими эту большую семью, у меня не имелось возможности поговорить с ней. В доме Сингха постоянно находились какие-то люди, и меня смущало, что я не мог понять, кем они приходятся хозяевам, и приходятся ли вообще. Лишь теперь, пообщавшись с Триолет, я понял, что именно она заведует финансами хозяйства Сингхов.

Я узнал, что семья Сингхов – фермеры. Или управляющие фермой. Флора на Гипатии либо была декоративной, либо служила для очищения воздуха. Реальное сельское хозяйство было вынесено в отдельные купола, летающие на высоте, оптимальной для роста растений, и необитаемые. Автоматическое оборудование сеяло, поливало и собирало урожай. Трумэн и Эпифания были операторами этого оборудования, они принимали решения, требующие участия человека, присматривали за роботами и делали нужные вещи в нужное время.

И еще меня ожидало послание – приглашение на ужин к его превосходительству Карлосу Фернандо Делакруа Ортеге де ла Джолле и Нордвальд-Грюнбауму.

Триолет помогла мне с гардеробом вместе с Эпифанией, вернувшейся к тому времени, когда я был готов переодеваться. Обе весьма эмоционально заявили, что мой практичный, но хорошо поношенный комбинезон для такого события совершенно не подходит. Одежда, выбранная для меня Триолет, оказалась гораздо более яркой и кричащей, чем я выбрал бы сам: светло-индигового цвета и с широким черным шарфом через плечо.

– Поверьте, это отлично подойдет, – заверила Эпифания.

Несмотря на внешнюю объемистость, наряд оказался легким, как дуновение ветерка.

– Здесь вся одежда легкая, – сказала Эпифания. – Паутинный шелк.

– А, понятно. Синтетический паутинный шелк. Прочный и легкий. Очень практично.

– Синтетический? – хихикнула Эпифания. – Нет, не синтетический. Натуральный.

– Шелк действительно соткан пауками?

– Нет, все одеяние.

И, увидев мой озадаченный взгляд, добавила:

– Многими пауками. Они работают вместе.

– Пауки?

– Ну, вы же знаете, что они природные ткачи. И перевозить их легко.

Придя в назначенное время в банкетный зал, я обнаружил, что выбранное для меня Эпифанией одеяние цвета плазменной дуги здесь выглядит самым консервативным. На обеде присутствовало человек тридцать, но центральной фигурой сегодня явно была Лея. Ей явно льстило внимание, потому что такой оживленной я ее давно не видел.

– С тобой хорошо обращаются? – спросил я, когда мне удалось пробиться к ней сквозь толпу гостей.

– Да, очень.

Мне вдруг оказалось нечего сказать. Я ждал, что она спросит про меня, но она не спросила.

– Где тебя поселили?

– В соседней секции, – ответила Лея. – В секторе Карбон. Там поразительно – никогда не видела столько птиц.

– Там поселили и меня. Но не сказали, где находишься ты.

– В самом деле? Странно.

Она вывела карту жилого сектора на экран, встроенный в алмазную столешницу, и внутри стола возникло трехмерное изображение. Лея повернула его, подсветила свой хабитат, и я понял, что она действительно находилась по соседству, в большом хабитате рядом с моим комплексом.

– Изумительное место. Но большую часть времени я провела здесь, в верхнем городе. Ты успел поговорить с Карли? Он очень умный мальчик. Ему интересно все – ботаника, физика и даже инженерия.

– Серьезно? Я и не думал, что меня пустят в верхний город.

– Да ты шутишь. А я уверена, что пустят. Эй! – Она подозвала одну из охранниц. – Скажите, есть какая-нибудь причина, из-за которой Тинкерман не может подняться в верхний город?

– Нет, мадам. Если вы этого хотите, то, конечно, нет.

– Отлично. Вот видишь, никаких проблем.

Тут официант проводил меня к моему месту, на дальнем конце стола.

Столом служила толстая алмазная плита, и грани ее краев переливались радугой. Поверхность была гладкой и скользкой, как лед. Внутри плиты скрывались небольшие компьютерные экраны, чтобы любой из обедающих мог вывести изображения и данные, если они понадобятся во время разговора. Такой стол представлял собой произведение искусства и инженерии, одновременно практичное и восхитительное.

Карлос Фернандо восседал во главе стола. Похоже, он ощущал себя не на своем месте в кресле, явно для него великоватом. Лея сидела справа от него, а женщина постарше – возможно, его мать? – слева. Он ерзал, играл с компьютером в столе и украдкой косился на Лею, когда думал, что она не обращает на него внимания. Если она смотрела в его сторону, он на миг замирал, а потом быстро отводил глаза и снова утыкался в экран.

Подавальщик принес Карлосу Фернандо серебряный поднос. Там лежало нечто размером с кулак, накрытое красным шелком. Мальчик оторвался от экрана, принял поднос, кивнув, и снял ткань. Все на мгновение смолкли, обратив в его сторону

заинтересованные взгляды. Я тоже присмотрелся.

Это было сверкающее яйцо.

Созданное из алмазных волокон разных цветов, сплетенных в замысловатое кружево, похожее на перевитые кельтские узлы. Двенадцатилетний сатрап Венеры поднял его и деликатно, едва касаясь, провел пальцем по поверхности, ощупывая неровности и изгибы.

Обождав секунду-другую, как будто сомневаясь, что следует делать, он протянул руку и поместил яйцо на тарелку перед Леей. Та недоумевающе посмотрела на мальчика.

– Это для вас, – сказал он.

Сидящие за столом отреагировали едва слышным звуком, чем-то вроде легчайшего намека на удивление.

А еще через несколько секунд подавальщики положили по яйцу перед каждым из гостей. Эти, хотя и украшенные сложной филигранью из тончайших золотых и бледно-зеленых линий, были самыми обычными яйцами – скорее всего, гусиными.

Карлос Фернандо заерзал в кресле. Он то слегка улыбался, то прикусывал губу, то поднимал глаза к потолку, то оглядывался… Словом, смотрел куда угодно, но только не на Лею и не на ее тарелку.

– И что мне с ним делать? – спросила Лея.

– Как что? Полагаю, открыть и съесть.

Лея взяла яйцо, заключенное в алмазное кружево, повертела, потерла пальцем. Затем, найдя то, что искала, охватила его двумя пальцами и повернула. Сверкающая оболочка раскрылась, и в ней оказалось еще одно яйцо, обычное.

Мальчик снова улыбнулся и посмотрел на тарелку перед собой. Потом поднял ложку, разбил скорлупу и начат есть.

По этому сигналу гости последовали примеру хозяина. Лея отложила декоративную скорлупу и тоже принялась за еду. Я немного понаблюдал за ней, потом разбил свое яйцо.

Оно, разумеется, оказалось превосходным.

В семейство Сингхов я вернулся все еще озадаченным. В произошедшем на обеде имелся какой-то тайный смысл, который увидели все, но не понял я. Сингх сидел со своей старшей женой Триолет, обсуждая счета.

– Я должен задать вопрос, – сказал я.

Сингх повернулся:

– Спрашивайте, и я отвечу.

– Есть ли какое-то особое значение у яйца?

– Яйца? – удивился Сингх. – Я бы сказал, у него много значений. В старые времена, в дни старателей на астероидах, оно

было символом роскоши. В крупные хабитаты привозили уток, и для некоторых шахтеров их яйца были единственной пищей, приготовленной не из водорослей или соевых бобов.

– Символ роскоши, – задумчиво протянул я. – Понятно. Но все равно не понимаю.

Подумав, я продолжил:

– А есть ли какой-то смысл в том, что яйцо дарят?

– Вообще-то нет, – медленно проговорил он. – Яйцо? Ничего особенного в нем нет.

– А вы уверены, что это было только яйцо? И ничего больше? – уточнила Триолет.

– Очень искусно украшенное яйцо.

– Хм-м, – протянула она и задумалась. – Может быть, яйцо, книга и камень?

Тут немного удивился я.

– Книга и камень?

А ведь Карлос Фернандо, едва встретившись с Леей, первым делом подарил ей книгу Джордано Бруно. А вот камень… Никакого камня я не заметил.

– А почему именно они?

– А-а, так вы, наверное, не знаете. Вряд ли обычаи наших небесных городов хорошо известны в дальних пределах.

Ее упоминание о дальних пределах – Сатурне и всем, что дальше, – на миг смутило меня, пока я не понял, что при взгляде с Венеры, наверное, даже Земля и искусственные миры орбитальных облаков могут рассматриваться как «дальние».

– Здесь, как и в большинстве из десяти тысяч городов, – продолжила она, – яйцо, книга и камень составляют особый подарок. Понимаете, яйцо символизирует жизнь, книга символизирует знание, а камень есть основа всего богатства – это те минералы из пояса астероидов, которые позволили создать наше общество и купить нашу свободу.

– Да? А все три вместе?

– Это традиционный дар, символизирующий начало ухаживаний.

– Все равно не понимаю.

– Если молодой человек дарит женщине яйцо, книгу и камень, – пояснил Трумэн, – то это официальный знак того, что он хочет за ней ухаживать. И если она их принимает, то принимает и его ухаживания.

– Что? И этого хватает, чтобы они поженились?

– Нет-нет, что вы! Это лишь означает, что она принимает его ухаживания: что она воспринимает его всерьез и, когда наступит момент, выслушает его предложение. Нередко женщина может

принять камни и яйца от многих молодых мужчин. Она не обязана на что-либо соглашаться, кроме как воспринимать его намерения серьезно.

– А-а… – протянул я.

Но все равно это не имело смысла. Сколько лет Карлосу Фернандо? Двадцать венерианских? Сколько это будет земных лет? Двенадцать или около того. Он еще слишком молод, чтобы делать женщинам предложения.

– Терраформировать Венеру не может никто, – сказал Карлос Фернандо.

Он не был заинтересован в том, чтобы я участвовал в их с Леей дискуссии, но та, не обратив внимания на неудовольствие его превосходительства (или, возможно, просто наплевав на него), настояла: если Карлос хочет поговорить о терраформировании, я тоже должен присутствовать.

Это была округлая комната одного из просторных дворцов Карлоса Фернандо, огромное помещение с многочисленными альковами. Я обнаружил их сидящими в одном из таких альковов – уютном, но все-таки открытом углублении. Вездесущие женщины-охранницы никуда не делись, но расположились по дальним концам комнаты: достаточно близко, чтобы услышать команду Карлоса Фернандо, но и достаточно далеко, чтобы дать собеседникам иллюзию уединения.

Мебель там стояла странноватая: стулья казались вылепленными из сапфирового дыма, но были твердыми. Я поднял стул и обнаружил, что он почти невесом.

– Алмазный аэрогель, – пояснил Карлос Фернандо. – Нравится?

– Потрясающе, – признал я.

В жизни не видел столько вещей, сделанных из алмазов. Я подумал, что здесь это имеет смысл, ведь летающие города окружает неисчерпаемый ресурс углекислого газа, и вполне логично, что там будут делать как можно больше вещей из углерода. Хотя до сих пор я не знал, что из алмаза можно сделать аэрогель.

– Как вы это делаете?

– Мы разработали новый процесс, – сказал Карлос Фернандо. – Вы не будете возражать, если я не стану вдаваться в подробности? По сути, это адаптация старой идеи, земного изобретения, которому уже десятки лет. Это называется «молекулярная перегонка».

Мне показалось, при упоминании молекулярной перегонки Лея насторожилась. Я подумал, что ей об этом кое-что известно.

Но, не углубляясь в тему, она вернулась к прежнему разговору о терраформировании.

– Вы продолжаете спрашивать об экологии Марса, – сказала она. – Почему же вы задаете так много детальных вопросов об экопоэзисе[10] Марса? Вы говорили, что терраформирование вас не интересует, но так ли это на самом деле? Вы ведь не имели в виду старую идею засеять атмосферу фотосинтезирующими водорослями, чтобы снизить содержание углекислого газа? Вы наверняка знаете, что это не сработает.

– Конечно, – отмахнулся Карлос Фернандо. – У меня интерес теоретический. Никто не сможет терраформировать Венеру, знаю, знаю.

Его слова прозвучали бы более достойно, если бы подростковая ломка уже закончилась. Сейчас же его голос то взлетал на октаву выше, превращаясь в детский писк, то возвращался к нормальному, что губило все впечатление.

– У нас просто-напросто слишком много атмосферы, – сказал он. – Давление у поверхности выше девяноста бар, и даже если бы весь углекислый газ мог быть переработан в кислород, оно все равно осталось бы в семьдесят раз больше земного.

– Это я понимаю, – сказала Лея. – Мы не совсем уж невежды, знаете ли. И высокое давление кислорода будет смертельно опасно – вы сразу вспыхнете.

– И не забудьте про отходы в виде углерода, – добавил он, улыбаясь. – Сотни тонн на квадратный метр.

– Так что у вас на уме? – спросила она.

В ответ мальчишка лишь улыбнулся.

– Ладно, я не могу терраформировать Венеру, – сказал он. – Поэтому расскажите мне побольше о Марсе.

Я видел, что он чего-то недоговаривает. У Карлоса Фернандо была идея, о которой он пока умалчивал.

Но Лея не стала на него давить и приняла предложение рассказать об исследованиях экологии Марса и как она была трансформирована исчезнувшими инженерами уже давно не существующей колонии «Свободное владение Тойнби». Эти инженеры разработали особые формы жизни, задавшись целью уплотнить атмосферу Марса, усилить парниковый эффект и растопить его замерзшие океаны.

– Но у них ничего не получилось, – завершила рассказ Лея. – Анаэробные формы не выдержали конкуренции с фотосинтезирующими производителями кислорода. Они выкачивали из атмосферы слишком много углекислого газа.

– А как насчет эффекта Гайи? Он это не скомпенсировал?

– Нет. Я не нашла никаких следов планетного сознания, о

котором писал Лавлок. Или это миф, или экология Марса слишком молода, чтобы обрести стабильность.

– Но на Венере, разумеется, не будет проблемы с фотосинтезом, удаляющим углекислоту из атмосферы.

– А я думал, терраформирование Венеры вас не интересует, – заметил я.

Карлос Фернандо отмел мое возражение.

– Это лишь гипотетический случай, – сказал он. – Мысленное упражнение.

Он повернулся к Лее:

– Не хотели бы вы завтра покататься на каяках?

– Конечно, – ответила она.

На Венере для катания на каяках вода не нужна.

Карлос Фернандо проинструктировал Лею, а Эпифания помогла мне.

«Каяк» представляет собой десятиметровую газовую оболочку, прозрачный пластиковый цилиндр, изогнутый на концах в стрельчатую арку. В нижней части находится крохотный пузырь – там и сидит каякер. На одном конце расположен пропеллер с огромными лопастями из легчайшей ткани, который лениво вращается, когда давят на педали. Гребет каякер хрупкими крыльями, прозрачными и радужными, как у стрекозы.

У крыльев, обнаружил я, имелась сложная система управления: каждое можно было толкать, изгибать и поднимать, позволяя ему независимо грести, поворачиваться и гнуться.

– Поддерживайте равномерное движение с помощью пропеллера, – объяснила Эпифания. – Если зависнете и остановитесь, то потеряете всю маневренность. Если понадобится быстро разогнаться, гребите крыльями. Когда наберете комфортную скорость, меняйте высоту и маневрируйте. Вам понравится.

Мы находились на пусковой площадке – балконе внутри выпуклости городской стены. Четыре дирижабля «на человеческой тяге», называвшиеся здесь каяками, были пришвартованы впритык к блистеру. При этом пузырь пилотской кабины плотно входил в причальное кольцо, так что пилот мог забираться в дирижабль, не контактируя с наружной атмосферой. Обозрев облака, я увидел десятки каяков, порхающих вокруг города, наподобие бесцветных кальмаров с короткими крыльями. Они играли в пятнашки или просто гоняли по небесам – такие маленькие и прозрачные по сравнению с величественными облаками, что становились невидимыми, если не знать, где искать их взглядом.

– Как насчет высоты? – спросил я.

– У вас будет почти нейтральная плавучесть, – пояснила она. – Пока есть скорость, можно с помощью крыльев плавно регулировать высоту, поднимаясь или опускаясь.

– А что произойдет, если я опущусь слишком низко?

– Вы не можете опуститься слишком низко. В оболочке есть резервуар с метанолом. Чем ниже вы опускаетесь, тем выше температура, метанол в резервуаре начнет испаряться, а оболочка надуется. А если заберетесь слишком высоко, пары метанола сконденсируются. И вы вскоре обнаружите, что каяк настроен так, чтобы оставаться очень близко к заданной высоте, которая сейчас составляет, – она посмотрела на регулятор, – пятьдесят два километра над местным уровнем грунта. Нас сдувает на запад со скоростью сто метров в секунду, поэтому уровень будет меняться по мере изменения местности под нами. Проверяйте высоту по приборам.

При взгляде вниз были видны только облака, а еще ниже – лишь бесконечная мгла. Странно было думать о поверхности планеты, пролетая в полусотне километров над ней, и еще более странной была мысль, что город, внутри которого мы находимся, мчится над этим невидимым ландшафтом, преодолевая за час сотни километров. Это движение было еле заметно в куполе, медленно дрейфующем сквозь постоянно меняющиеся каньоны облаков.

– Опасайтесь ветрового сдвига, – предупредила она. – Он может очень быстро унести вас за пределы видимости города, если вы это допустите. Если устанете, летите обратно на конвейере.

– Конвейере?

– Вихрях с горизонтальной осью. Они катятся с запада на восток и с востока на запад. Выберите правильную высоту, и они доставят вас в нужное место.

Теперь, после ее объяснения, я увидел каякеров, оседлавших такой вихрь: они поднимались и мчались по небу на невидимых воздушных колесах.

– Повеселитесь, – сказала Эпифания.

Она помогла мне забраться в гондолу, затянула ремни, взглянула на манометр, проверила выпускной клапан на аварийном баллоне с кислородом и убедилась, что работают рация, запасная рация и аварийные маяки.

Лея и Карлос Фернандо уже стартовали с противоположного конца площадки. Карлос, явно хорошо отработанным приемом, принялся взмахивать крыльями попеременно, заставляя каяк раскачиваться из стороны в сторону, наподобие маятника. На

моих глазах его суденышко перевернулось вверх дном, на миг замерло, а потом совершило полный оборот.

– Выпендривается, – неодобрительно заметила Эпифания. – Так себя вести не полагается. Да только вряд ли кто осмелится сделать ему замечание.

Она повернулась ко мне:

– Готовы?

– Готовее не бывает.

Я уже прошел полный инструктаж по технике безопасности, во время которого мне рассказали все о страховочных системах, а также о страховках этих страховок, но все равно парение на высоте в пятьдесят два километра над адским ландшафтом представлялось мне странным развлечением.

– Старт! – предупредила Эпифания.

Она проверила герметизацию фонаря кабины, затем открыла причальный зажим.

Освободившись, каяк подпрыгнул в небо. Соблюдая инструктаж, я повел его в сторону от города. От резкого маневра у меня немного закружилась голова. Каяк легко двинулся вперед, чуть разворачиваясь, пока не полетел боком, опустив нос. Я повис на страховочных ремнях и решил, что надо как-то управлять поворотом. Но каждая моя слабая попытка шевельнуть крыльями непредсказуемо усиливалась, и каяк зашатался, точно пьяный.

Пискнула рация, и голос Эпифании произнес:

– У вас отлично получается. Прибавьте немного горизонтальной скорости.

Получалось у меня паршиво, потому что прямо по курсу я видел лимонного оттенка дымку, к которой неумолимо приближался, описывая широкие круги, наподобие падающего листа. Горизонтальная скорость? Я понял, что совершенно забыл про педали; начал их крутить, и нос приподнялся. Меня перестало сносить в сторону а когда я полетел по прямой, то и крылья уцепились за воздух.

– Отлично, – сообщил голос Эпифании. – Держите его на ровном курсе.

Оболочка каяка выглядела слишком хрупкой, чтобы выдержать мой вес, но я все же летел, зависнув под золотистым небом. Управление было для меня очень сложным, но я сообразил, что могу держать его под контролем, пока нос не клюет вверх или вниз. Каяк все еще немного раскачивался и рыскал – трудно было избежать чрезмерных усилий, – но в целом мне удавалось направлять его нос куда захочу.

А где сейчас Лея и Карлос Фернандо?

Я огляделся. На каждый каяк была нанесена разная

маркировка – мой был помечен серыми кошачьими полосами, – и я попытался отыскать их.

Группа каяков двигалась вместе, огибая городской пилон. Летя вокруг пилона, они разом повернулись, блеснув на солнце испуганной стайкой рыб.

Внезапно я заметил их. Они плыли невысоко надо мной, вблизи от нависающей городской стены: каяк Карлоса Фернандо, цвета королевского пурпура, и синий с желтыми полосками каяк Леи. Она равномерно поднималась, описывая витки спирали, а он порхал вокруг, то быстро приближаясь и стукаясь оболочкой, то отлетая вверх и на миг зависая с устремленным в небо носом, а затем по спирали опускаясь обратно.

Их движения были похожи на брачный танец птиц.

Пурпурный каяк заложил вираж и рванулся в сторону от города. Через секунду сине-желтый повторил его маневр. Они резко пошли вверх, подхваченные невидимым воздушным потоком. Я увидел, как и пара других летунов воспользовалась тем же восходящим потоком. Я развернул нос, чтобы последовать за ними, но у меня ничего не получилось: мне не хватало опыта обращения с каяком, я не умел угадывать потоки, и теперь ветровой дифференциал сносил меня в обход города и в сторону, совершенно противоположную той, куда мне хотелось лететь. Я направился от города, отыскивая другой воздушный поток, и на миг заметил что-то темное, быстро мелькнувшее в облаках подо мной.

Затем я поймал поток. Буквально ощутил, как в крылья ударил воздух, и словно невидимая великанская рука подхватила меня и понесла вверх…

А потом я услышал звуки – частый стук и треск, за которым последовало нечто вроде барабанной дроби. Левое крыло и пропеллер моего каяка оторвались, усеяв небо обломками. Мое суденышко завалилось на левый борт. Ожила рация, но я ничего не смог услышать, потому что кабина вокруг меня рассыпалась и исчезла. Я падал.

Падал.

На секунду-другую я ощутил себя в невесомости. Бесполезно вцепился в остатки панели управления, соединенной обвисшими тросами с трепыхающимися обломками. Куски оболочки уплыли в сторону, где их подхватил ветер, завертел и швырнул куда-то вверх, где я потерял их из виду. Атмосфера помчалась навстречу, глаза защипало. Я совершил ошибку, сделав вдох, – эффект был такой, словно мне врезали по голове. Мерцающие пурпурные точки надвинулись со всех сторон. Зрение сузилось до яркого туннеля. Воздух в легких стал жидким пламенем. Я в отчаянии

шарил вокруг, пытаясь вспомнить инструкции на случай аварии, прежде чем потеряю сознание, и руки наткнулись на запасную дыхательную маску между ног. Я все еще был пристегнут к сиденью, хотя оно уже не было прикреплено к аппарату, и я прижал маску к лицу и сделал сильный вдох, чтобы включить подачу кислорода из аварийного баллона. Мне повезло: баллон все еще был закреплен под сиденьем, а сиденье вместе со мной кувыркалось в небе. Сквозь туман перед глазами я видел вращение города надо мной. Я попытался вспомнить инструкцию на случай аварии и что надо делать дальше, но мог думать только об одном: что же произошло? Что я сделал неправильно? Хоть убейте, но я так и не смог понять, что же такого совершил, из-за чего каяк развалился.

Город съежился до размеров желудя, а потом я упал в слой облаков, и все скрылось в жемчужной белизне. Кожа по всему телу начала чесаться. Я зажмурился, спасая глаза от кислотного тумана. Температура поднималась. Сколько нужно времени, чтобы пролететь пятьдесят километров до поверхности?

Что-то огромное, металлическое метнулось на меня сверху, и я вырубился.

Минуты, часы или дни спустя я очнулся в тускло освещенном помещении. Я лежал на полу, а двое мужчин в масках поливали меня струями пенящейся белой жидкости – похожей на молоко, но с горьковатым вкусом. Мой полетный комбинезон был разорван в клочья.

Я сел – и неудержимо раскашлялся. Руки и лицо чудовищно зудели, но, когда я попытался почесаться, один из мужчин ударил меня по рукам.

– Не чешись.

Я повернул голову, чтобы посмотреть на него, и второй, находившийся сзади, ухватил меня за волосы и размазал по лицу горсть какой-то мази, втирая ее даже в глаза. Потом сунул мне тряпку.

– Протри этим везде, где зудит. Должно помочь.

Я моргал, с лица капала мазь, перед глазами все расплывалось. Тряпка оказалась влажной, покрытой желеобразной слизью. Я провел ею по рукам, потом растер их. Немного помогло.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Что за фигня с моими руками?..

Двое в масках переглянулись.

– Кислотный ожог, – пояснил тот, что повыше. – Ты еще легко отделался. Минута-другая воздействия шрамов не оставляет.

– Что?

– Кислота. Ты попал в кислотные облака.

– Верно.

К тому времени мне полегчало, и я осмотрелся. Мы находились в грузовом отсеке какого-то летательного аппарата. По бортам я увидел два маленьких круглых иллюминатора. Хотя за ними была только сплошная белая муть, я ощущал, что аппарат движется. Двое рядом со мной, судя по их виду, были парни суровые. В противоположность жителям Гипатии, разодетым в яркие наряды из паутинного шелка, эти двое носили одежду практичную, невычурную – темно-серые комбинезоны без каких-либо нашивок или эмблем. Оба мускулистые и хорошо сложенные. Я не мог разглядеть их лица, скрытые масками и легкими шлемами, но из-под масок торчали короткие бороды – еще одна особенность, не характерная для жителей Гипатии. Глаза были защищены очками со стеклами янтарного цвета, совершенно безумной модели: каждый глаз закрывало стекло в форме половинки яичной скорлупы, явно приклеенное к лицу неким невидимым клеем. Очки придавали им странный вид, делая похожими на насекомых. Парни смотрели на меня, но из-за масок и пучеглазых очков я не мог прочитать выражения на их лицах.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Так кто вы такие? Аварийная спасательная команда?

– Думаю, ты знаешь, кто мы такие, – ответил высокий. – Вопрос в том, кто ты такой, черт побери?

Я встал и протянул руку, решив представиться, но парочка тут же отступила на шаг. У высокого в руке появился бластер – я даже не заметил, как он его доставал. И внезапно многое прояснилось.

– Да вы пираты, – сказал я.

– Мы – подполье Венеры, – возразил он. – Нам не очень-то нравится слово «пираты». А теперь, если ты не против, у меня есть вопрос, и я очень хочу услышать на него ответ. Кто ты такой, черт побери?

И я ему рассказал.

Первый пират начал снимать шлем, но высокий его остановил.

– Останемся в масках, – сказал он. – Пока не поймем, что он не опасен.

Высокий пират сообщил, что его зовут Эстебан Джарамилло, а того, что пониже, – Эстебан Франциско. Я подумал, что с Эстебанами намечается перебор, и решил называть одного Джарамилло, а другого Франциско.

От них я узнал, что далеко не все считают Венеру раем. По

мнению некоторых независимых городов, клан Нордвальд-Грюнбаумов идет прямой дорогой к диктатуре.

– Они уже владеют половиной Венеры, но этого им, видите ли, мало, – рассказал Джарамилло. – Они омерзительно богаты, но *недостаточно* омерзительно богаты, и их бесит сама мысль о том, что в небесах летают свободные города, которые не присягнули им на верность и не платят их проклятые налоги. И они пойдут на все, чтобы раздавить нас. А мы? Мы всего лишь отвечаем на их удары.

Я был бы более расположен согласиться с его точкой зрения, если бы избавился от неприятного чувства, что меня только что похитили. Мне совершенно невероятно повезло, что их корабль оказался в нужное время в нужном месте и подхватил меня, когда каяк развалился. Я не верил, что такое везение возможно. А они даже не удосужились ответить, когда я спросил о возвращении в Гипатию. Было совершенно ясно, что летим мы не обратно к этому городу.

Я дал слово, что не стану сопротивляться или пытаться сбежать – а куда мне было бежать? – и они его приняли. Поняв, что я не тот, кого они рассчитывали захватить, ребята стали гораздо откровеннее.

В этом маленьком корабле их было трое: два Эстебана и пилот, с которым меня не познакомили. Он не удосужился обернуться и поздороваться, и я видел лишь затылок его шлема. Сам корабль они называли «манта». То была странная конструкция: отчасти самолет, отчасти дирижабль, а отчасти подлодка. Когда я дал слово, что не попытаюсь бежать, мне позволили смотреть в иллюминаторы, но снаружи была видна лишь светящаяся золотистая дымка.

– Манта постоянно летит ниже слоя облаков, – пояснил Джарамилло. – Так мы остаемся невидимыми.

– Невидимыми для кого? – спросил я.

Мне не ответили. Вопрос в любом случае был глупым – я и сам прекрасно мог догадаться, от кого они прячутся.

– А как насчет радаров?

Эстебан взглянул на Эстебана, затем на меня.

– У нас есть средства, чтобы справиться с радарами, – сказал он. – Давай на этом и остановимся, а ты не задавай вопросов, которые, как сам понимаешь, задавать не следует.

Похоже, они куда-то направлялись: через некоторое время манта пробила облачный слой и поднялась в прозрачный воздух над ним. Я прижался к иллюминатору, пытаясь что-либо разглядеть. Небесные ландшафты Венеры меня все еще восхищали. Мы неслись над самыми облаками, готовые, как я

догадывался, нырнуть в них, если появятся наблюдатели. Из-за сплошных облаков было невозможно сказать, какой путь мы проделали – всего несколько лиг или обогнули половину планеты. Я не увидел летающего города, но разглядел в отдалении толстую торпеду дирижабля. Пилот тоже его заметил, потому что мы развернулись и медленно приблизились, сбрасывая скорость, пока дирижабль не оказался у нас над головами. Корпус вздрогнул от внезапного толчка, затем послышались лязг и потрескивание.

– Мягкий док, – прокомментировал Джарамилло.

Через секунду что-то снова лязгнуло, а нос корабля неожиданно задрался.

– Жесткий док.

Эстебаны немного расслабились, а кабинку наполнили вой и громыхание – нас втаскивали лебедкой внутрь дирижабля.

Минут через десять мы остановились в огромном пространстве. Я понял, что манту подняли в промежуток между оболочками газовых камер. Там нас встретили шестеро.

– Извини, – сказал Джарамилло, – но тебя сейчас надо ослепить. Ничего личного.

– Ослепить?

Вообще-то, это была хорошая новость. Если бы они не собирались меня отпускать, их бы не волновало, что я увижу.

Джарамилло держал мою голову ровно, пока Франциско закрывал мне глаза выпуклыми половинками очков. Они оказались на удивление удобными. Не знаю, что удерживало их на коже, но очки были такими легкими, что я их едва ощущал. Янтарный оттенок стекол был еле заметен. Убедившись, что очки сидят надежно, Франциско четыре раза кончиком пальца постучал по ним сбоку. С каждым щелчком мир становился темнее, а после пятого и вовсе стал чернильно-черным. Я задумался, для чего солнечным очкам нужна настройка на полную темноту. А потом и сам ответил на этот вопрос: она пригодится тем, кто работает с электронно-лучевой сваркой. Очень удобно, решил я. А хватит ли у меня наглости попросить такие же, когда меня будут отпускать?

– Уверен, тебе достанет ума не регулировать прозрачность, – сказал кто-то из Эстебанов.

Меня вывели из люка манты, провели через ангар и усадили.

– Это и есть пленник? – спросил чей-то голос.

– Да, – подтвердил Джарамилло. – Но не тот. Мы не угадали и сбили не тот флаер.

– Вот дерьмо! И кто он такой?

– Техник. Не с Венеры.

– Правда? Так он знает что-нибудь о плане Нордвальд-Грюнбаума?

Я развел руки, пытаясь выглядеть безобидным.

– Послушайте, я видел парнишку лишь дважды или трижды, если вы…

Вот тут они испугались. Я услышал приглушенные голоса, но не распознал, на каком языке они совещались. Трудно было понять, сколько их там; мне показалось, не менее шести. Отчаянно хотелось увидеть их, но такой поступок, скорее всего, оказался бы фатальным. Вскоре Джарамилло произнес, теперь уже ровно и невыразительно:

– Ты знаком с наследником Нордвальд-Грюнбаумов? И лично встречался с Карлосом Фернандо?

– Встречался. Но я с ним не знаком. Точнее, не совсем знаком.

– Повтори, кто ты такой.

Я снова рассказал о себе, теперь уже с самого начала. Объяснил, как мы изучали экологию Марса, как были приглашены на Венеру для встречи с таинственным Карлосом Фернандо. Время от времени меня прерывали вопросами. Какие у меня отношения с Леей Хамакавой? (Хотел бы я знать.) Мы женаты? Обручены? (Нет. Нет.) Какие у Карлоса Фернандо отношения с доктором Хамакавой? (Понятия не имею.) Озвучивал ли когда-либо Карлос Фернандо свое мнение о независимых городах? (Нет.) А свои планы? (Нет.) Почему Карлос Фернандо заинтересовался терраформированием? (Не знаю.) Что планирует Карлос Фернандо? (Не знаю.) Зачем Карлос Фернандо вызвал Хамакаву на Венеру? (Понятия не имею.) Что он планировал? Что он планирует? (Не знаю. Не знаю.)

Чем больше я говорил, тем более поверхностными казались мои ответы, даже мне самому. Я замолчал, и наступила тишина.

– Отведите его на манту, – велел первый голос.

Меня отвели обратно, завели в маленькое помещение и захлопнули дверь. Когда через некоторое время никто не отозвался на мои крики, я потянулся к очкам. Они снялись после легкого прикосновения. Я так и не смог сообразить, как они крепятся на лице. Осмотревшись, я понял, что нахожусь в трюме. Дверь оказалась заперта.

Я поразмыслил над ситуацией, но пришел к выводу, что теперь знаю не больше, чем прежде, с одним лишь исключением: мне стало известно, что не все венерианские города устраивает существующий порядок и некоторые из них готовы кое-что предпринять, дабы его изменить. Мой каяк они сбили преднамеренно, очевидно решив, что в нем сидит Лея. Возможно,

они надеялись сбить Карлоса Фернандо? Но я с трудом представлял, что тот остался бы без охраны. Я решил, что телохранители, скорее всего, летали поблизости, не выпуская наследника из виду и готовые при необходимости броситься на его защиту. Но когда Карлос Фернандо и Лея поднялись выше и полетели вокруг города, я оказался вне сферы, прикрытой охранниками, и пираты в манте воспользовались этой возможностью. Они увидели одинокий каяк и сбили его, поставив мою жизнь против своего мастерства, в надежде, что успеют примчаться и подхватить падающего пилота в воздухе.

А ведь они могли меня убить.

И только потому, что я, по их мнению, что-то знал. Или, точнее, Лея Хамакава что-то знала о таинственном плане Карлоса Фернандо.

Каком плане? Он двенадцатилетний мальчишка, даже не подросток, почти большой ребенок. Какой у мальчишки может быть план?

Я внимательнее осмотрел помещение, в котором находился, на этот раз серьезнее приглядываясь к тому, как оно устроено. Все стыки оказались сварными, без видимых щелей, но металл был легким – наверное, сплав алюминия и лития. Возможно, мягкий и податливый. Если бы у меня было время, если бы я смог отыскать уязвимое место и если бы у меня имелся хоть какой-нибудь инструмент, пригодный для взлома…

Если мне удастся сбежать, смогу ли я вывести манту из ангара в дирижабле? Возможно. Однако у меня не было опыта управления летательными аппаратами легче воздуха, а для учебы момент казался не самым удачным, особенно если они захотят меня сбить. Ладно, допустим, все получится – и где я окажусь? В тысяче миль неизвестно от чего. До ближайшего известного мне места отсюда пятьдесят миллионов миль.

Я все еще размышлял на эту тему, когда вернулись Эстебаны.

– Пристегнись, – сказал Эстебан Джарамилло. – Мы отвезем тебя домой.

Обратный путь оказался более сложным. Нам пришлось дважды или трижды пересаживаться с одного транспорта на другой, и во время пересадок меня снова «просили» надевать темные очки.

Мы находились втроем на неизвестной общественной посадочной станции. Эстебаны ненадолго разрешили мне сделать очки прозрачными. Помещение было обшарпанным и унылым по сравнению с цветистой роскошью Гипатии, где даже автобусные остановки – а у них там есть автобусные остановки? – были бы

украшены всяческими финтифлюшками и завитушками.

Джарамилло повернулся ко мне и впервые за все время снял очки, чтобы посмотреть мне в глаза. Его глаза были темными, почти черными, и очень серьезными.

– Послушай, – сказал он, – я знаю, что у тебя нет никаких резонов любить нас. Но у нас были свои причины так поступить, и ты должен нам поверить. Мы в отчаянии. Нам стало известно, что его отец запустил какие-то секретные проекты. Мы не знаем, что это за проекты, зато хорошо знаем, что свободные города ему не нужны. И мы полагаем, что молодой Грюнбаум что-то замыслил. Если ты сможешь добраться до Карлоса Фернандо, передай, что мы хотим с ним поговорить.

– Если доберешься до него, выкинь его в окно, – сказал Эстебан Франциско. – Мы поймаем. Легко.

Он улыбался широко, во все зубы, как бы намекая, что говорит не всерьез, но я не был уверен, что он шутит.

– Мы не хотим его убивать. Только побеседовать, – повторил Джарамилло. – Позвони нам. Пожалуйста. Свяжись с нами.

И он снова надел очки. Затем Франциско постучал по моим очкам, отключая прозрачность, и все стало темным. Направляя с боков, они завели меня в очередной транспорт. Автобус? Дирижабль? Ракету?

В конечном итоге меня привели куда-то и велели подождать две минуты, прежде чем снять очки, а потом я могу делать что угодно.

И лишь когда затих звук шагов, я задумался: как же я с ними свяжусь, если появится повод? Но спрашивать было уже поздно – я остался один. Вроде бы.

Интересно, наблюдают ли за мной, чтобы проверить, выполню ли я приказ? Две минуты. Я начал считать, стараясь не частить. Досчитав до ста двадцати, я глубоко вдохнул и постучат по очкам, делая их прозрачными.

Когда зрение сфокусировалось, моему взору открылась просторная станция с выведенной генетиками розовой травой и со скульптурами из железа и нефрита. Я ее узнал. Это было то самое помещение, куда мы попали, прибыв на Венеру три дня назад, – неужели только три? Или я не заметил, как пролетел еще один день?

Я снова был в городе Гипатии.

Меня опять окружили и допросили. Помещение для допросов, как и прочие во владениях Карлоса Фернандо, было пышно обставлено креслами с шелковой обивкой и элегантными статуэтками из тикового дерева, но в его предназначении сомнений не возникало.

Допрос вели четыре женщины, охранницы Карлоса Фернандо, и я чувствовал, что меня без колебаний разорвут на кусочки, если я не буду откровенен. Я рассказал обо всем, что произошло, и на каждом шагу они задавали вопросы, намекая на то, что я мог бы поступить иначе. Почему я отвел каяк так далеко от других летунов и в сторону от города? Почему позволил захватить себя без сопротивления? Почему не потребовал возвращения и не отказался отвечать на вопросы? Почему не могу описать никого из подпольщиков, кроме тех двоих? Да и у тех, судя по моему описанию, нет никаких особых примет.

Когда я попросил о встрече с Карлосом Фернандо, мне ответили, что такой возможности не будет.

– Так вы думаете, я специально позволил себя сбить? – обратился я к их начальнице, худой женщине в ярко-красных шелках.

– Мы не знаем, что думать, мистер Тинкерман. Но нам не нравится полагаться на случай.

– И что теперь со мной будет?

– Мы можем организовать ваше возвращение на построенные миры. Или даже на Землю.

– Я не планирую улетать отсюда без доктора Хамакавы.

Она пожала плечами:

– На данный момент этот выбор пока за вами. Да, на данный момент.

– Как я могу связаться с доктором Хамакавой?

Тот же жест.

– Если доктор Хамакава пожелает, то я не сомневаюсь, что она сможет с вами связаться.

– А если я захочу с ней поговорить?

Она вновь пожала плечами:

– Сейчас вы можете идти. Если нам понадобится с вами пообщаться, мы вас найдем.

Когда я вернулся на Гипатию, на мне был серый комбинезон, такой же как у пиратов. Охранницы его забрали и выдали взамен костюм из паутинного шелка лавандового цвета. Костюмчик был роскошнее лучшего одеяния, в котором могла бы щеголять дорогая куртизанка в любом из построенных вокруг Земли миров, – скорее вечерний наряд, чем костюм. Тем не менее он выглядел скромнее повседневной одежды горожан Гипатии, и внимания я не привлекал. Я обнаружил, что пучеглазые очки аккуратно уложены в наколенные карманы моего наряда. Очевидно, на Венере солнечные очки переносят как раз так. Наверное, это удобно, когда сидишь. В них не признали прощальный подарок от пиратов, или, что вероятнее, они

считались здесь настолько обычными, что не стоили конфискации. И это меня чрезвычайно обрадовало, так как очки мне понравились.

Жилище Сингха я отыскал без труда. Эпифания и Трумэн были дома. Они поприветствовали меня и сообщили новости.

Мое похищение на новость уже не тянуло. Сейчас все обсуждали кое-что посвежее.

Карлос Фернандо Делакруа Ортега де ла Джолла и Нордвальд-Грюнбаум подарил гостье из внешней Солнечной системы, доктору Лее Хамакаве – женщине, которая (как они слышали) действительно родилась на Земле, – камень.

И она не вернула ему подарок.

У меня голова пошла кругом.

– Так вы утверждаете, что Карлос Фернандо сделал ей предложение? Лее? Чушь какая-то. Бога ради, он же еще мальчишка. Ему рано жениться.

Трумэн и Эпифания с улыбкой переглянулись.

– Сколько тебе было, когда мы поженились? – спросил ее Трумэн. – Двадцать?

– Почти двадцать один, когда ты принял мою книгу и мой камень.

– Сколько это будет земных лет? – спросил он. – Тринадцать?

– Чуть больше двенадцати. Я бы сказала, самый возраст для младшего брака.

– Погодите, – не поверил я. – Вы говорите, что вышли замуж в двенадцать лет?

– Земных лет. Да, примерно так и получается.

– Вышли замуж в двенадцать? И у вас был… – Мне вдруг расхотелось уточнять, и я сменил тему: – На Венере все женщины выходят замуж такими молодыми?

– Ну, есть много независимых городов, – ответил Трумэн. – Наверное, в некоторых другие обычаи. Но этого, насколько мне известно, придерживаются почти везде.

– Но это же… – Я оборвал себя, не зная, как закончить фразу. Грех? Извращение? Впрочем, когда-то на Земле браки между детьми во многих культурах были нормой.

– Мы знаем, что на внешних мирах иные обычаи, – сказала Эпифания. – В других регионах поступают иначе. А нас устраивает то, как делаем мы.

– Как правило, мужчина женится примерно в двадцать один, – объяснил Трумэн. – Скажем, примерно в двенадцать или тринадцать земных лет. Может, и в одиннадцать. Его жене будет лет пятьдесят или шестьдесят – ведь она будет его инструктором, пока мальчик растет. Сколько это в земных годах… тридцать? Я

знаю, что по обычаям старой Земли супругам полагается быть примерно одного возраста, но это же полная глупость, разве не так? Кто для кого станет учителем? Потом мальчик взрослеет, и лет в шестьдесят он готов для старшего брака. То есть находит девочку лет двадцати или около того, женится на ней и становится ее учителем. Со временем, когда ей исполнится шестьдесят, она тоже заключает старший брак, и так далее.

Мне все это показалось формой ритуализированного насилия над детьми, но я решил, что лучше не высказывать такое вслух. А может быть, я слишком многое навоображал, исходя из его слов. Чем-то это напоминало средневековую систему ученичества у мастеров. Когда он заговорил про обучение, я, наверное, сразу сделал вывод, что речь идет о сексе. Вполне возможно, что они воздерживаются от секса, пока ребенок не подрастет. Но я все же решил, что подробностей лучше не знать.

– Брак – это плетенка наподобие веревки, – добавила Эпифания. – Каждая ее прядь удерживает следующую.

Я перевел взгляд с Трумэна на Эпифанию, потом обратно.

– И вы тоже? – спросил я Трумэна. – Вы женились в двенадцать лет?

– Мне было тринадцать земных лет, когда я заключил младший брак с Триолет, – ответил он. – Затянул с этим немного. И это было лучшее, что на тот момент произошло в моей жизни. Господи, мне тогда позарез была нужна женщина вроде нее, чтобы выбить из меня мальчишескую дурь. И еще тот, кто научил бы меня сексу, хотя я тогда этого не знал.

– И Триолет…

– О да, и ее муж до нее, и еще раньше. Наш брак продолжается сто девяносто лет с того дня, когда Радж Сингх основал нашу семью. Я бы сказал, мы длинная плетенка.

Теперь я все понял. У каждого мужчины в семье-плетенке будет две жены – на двадцать лет старше и на двадцать лет моложе. И у каждой женщины будет старший и младший муж. А все вместе действительно можно представить в виде плетения из перемежающихся поколений. Наверное, межличностные отношения в такой семье ужасно сложные. И тут я вдруг вспомнил, из-за чего началась эта дискуссия.

– Боже мой, так все это всерьез? И вы утверждаете, что Карлос Фернандо не просто играет? Он действительно собирается жениться на Лее?

– Конечно, – подтвердила Эпифания. – Это для нас сюрприз, но тут нет ничего удивительного. Совершенно очевидно, что его превосходительство все спланировал с самого начала. Он предпочитает не действовать напрямую.

– И он хочет заняться с ней сексом.

Она удивилась.

– Да, конечно. А вы бы не захотели? Если бы вам было двадцать… в смысле, двенадцать лет? Конечно, вас бы интересовал секс. Разве не так? И его превосходительству самое время получить учителя. – Она помолчала. – Я вот думаю: насколько она в этом хороша? Раз она с Земли, то… наверное, у нее не было хорошего учителя.

На эту тему мне распространяться не хотелось. Сейчас наша скромная оргия на Марсе казалась очень далекой, и у меня от одной мысли о ней заболело все тело.

– Мальчишки думают только о сексе, тут сомнений нет, – вставил Трумэн. – Но хотя это и так, надо сказать, что секс – наименее важная часть семьи. Семья – это бизнес, мистер Тинкерман, и вы должны это знать. Его превосходительству Карлосу Фернандо необходимо заключить младший брак с хорошей семьей. И традиция, и подробные условия наследования вполне известны. На Венере всего пять семей, удовлетворяющих стандартам треста Нордвальд-Грюнбаумов, и с половиной из них у него слишком близкие родственные связи для заключения брака. Все предполагали, что он женится на супруге Телиоса Делакруа: она достаточно взрослая для старшего брака и не является его близкой родственницей. А предложение, которое он сделал доктору Хамакаве… да, о нем сейчас все говорят.

Я был готов ухватиться за любой шанс.

– Значит, его выбор должен быть одобрен? И он не может жениться на ком угодно?

– Конечно не может! – Сингх покачал головой. – Я ведь только что объяснил. Это и бизнес, и передача генов на следующую тысячу лет. Разумеется, он не может жениться на ком угодно.

– Но мне кажется, что он перехитрил всех, – добавила Эпифания. – Они думали, что загнали его в угол, не оставив выбора. Но им и в голову не приходило, что он решит найти себе жену не на Венере.

– Они? Кто они?

– Такое они не предусмотрели, – продолжила Эпифания.

– Но он же не может на ней жениться, – возразил я. – Она точно не из правильной семьи. Она вообще ни из какой не из семьи. Она сирота и сама мне это говорила. Ее единственная семья – институт.

– Думаю, Эпифания права, – сказал Трумэн, покачав головой. – Он мог их просто перехитрить. Если она не из семьи и у нее нет десятков или сотен родственных связей, которые

обязательно есть у любого из нас здесь, значит против нее не смогут выдвинуть возражений.

– Ее образование и научные достижения – готова поспорить, в них не смогут найти изъяна, – сказала Эпифания. – А то. что она сирота… Так это же отлично! Просто замечательно. Совсем никаких семейных уз! Наверняка он об этом знал. И очень постарался найти самую подходящую кандидатуру, тут и думать нечего. – Она покачала головой и улыбнулась. – А мы-то все считали, что он будет еще одним бездельником, как его отец.

– Это ужасно, – сказал я. – Надо что-то сделать…

– Вам? Вы слишком стары для доктора Хамакавы. – Эпифания взглянула на меня оценивающе. – Впрочем, вы мужчина симпатичный. Будь я лет на десять-пятнадцать моложе, я бы к вам присмотрелась. У меня есть кузины с дочками как раз нужного возраста. Так вы говорили, что не женаты?

Над горизонтом за жилищем Сингха в секторе Карбон поднималось солнце: город перемещался в дневное полушарие планеты.

Я так и не понял, всерьез ли Эпифания предлагала найти для меня девочку-жену, но мне такое не требовалось, и я как можно вежливее отказался.

Я вышел на улицу подумать. Точнее, на «улицу» в той мере, насколько это слово применимо для летающего города, где весь пригодный для дыхания газ находится внутри множества обитаемых пузырей. Что я мог сделать? Будь это техническая проблема, я смог бы ее решить, но она касалась отношений с людьми, а такие вещи всегда были моим слабым местом.

С места, где стоял, я мог подойти к «краю мира» – прозрачной оболочке, удерживающей внутри воздух, пригодный для дыхания и не пропускающей углекислый газ из атмосферы Венеры. Солнце окружала тонкая дымка из высоких разреженных облаков, вокруг него сиял золотистый ореол гало, а направо и налево тянулись цепочки из нескольких «ложных солнц». Косые утренние лучи пронзали верхушки облаков. От яркого света у меня заболели глаза. Я вспомнил про очки в наколенном кармане и достал их. Закрепил стекла на глазах, постучал по правой стороне, пока яркость окружающего мира не уменьшилась до комфортной…

И увидел зависшие в воздухе слова, написанные заглавными буквами чуть темнее фона:

КАНАЛ: ГОТОВ

Я повернул голову, и слова переместились вместе с полем зрения, в зависимости от фона меняясь с темных на светлые.

Канал связи открыт? Но какой связи? Уж точно не

спутниковой: источнику энергии в очках не хватило бы мощности послать сигнал на орбиту. Означает ли это, что где-то в облаках подо мной зависла манта?

– Алло, алло, – произнес я. – Проверка. Проверка.

Никакой реакции.

Может, это не аудиоканал? Я постучал по правой линзе: темнее, еще темнее, совсем темно. Потом вернул полную прозрачность. Может, другая сторона? Я для пробы стукнул по левой половинке очков, и в поле зрения появился курсор.

Немного поэкспериментировав, я обнаружил, что постукиванием можно вводить текст в Ганди-кодировке. Похоже, канал только текстовый и с очень низкой скоростью передачи. Мощность передатчика наверняка крошечная. Но кодировка Ганди была стандартной, и я настучал: ПРМ ПРМ.

Прием, прием.

Сообщение КАНАЛ: ГОТОВ стало светло-зеленым, а через секунду сменилось на ЗДЕСЬ.

КТО?

МАНТА 7. НОВОСТИ?

КФ СДЕЛАЛ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛХ

ИЗВЕСТНО. ЕЩЕ?

НЕТ

ОК. КОНЕЦ СВЯЗИ

Вернулось сообщение КАНАЛ: ГОТОВ.

Итак, канал связи у меня есть, если понадобится. Вот только я не видел, как это может мне помочь.

Я возвратился к оболочке и начал ее разглядывать. Там, где я находился, имелась огромная прозрачная панель – квадрат со стороной около десяти метров. Я стоял возле нижней части панели, где она прилегала к соседнему листу, соединенная с ним швом из очень тонкого углерода. Я нажал на лист и ощутил, как тот слегка прогнулся. Толщиной он был не более миллиметра, и это вполне здраво: нет смысла делать оболочку тяжелее, чем необходимо. Я постучал по панели ладонью и почувствовал вибрацию. По прикидкам, резонансная частота равнялась нескольким герцам. С инженерной точки зрения, уязвимым местом был стык: если там панель достаточно сильно изогнется, то выскочит из крепления.

Удовлетворенный тем, что решил хотя бы одну техническую головоломку, я принялся размышлять над словами Эпифании. Карлосу Фернандо предстояло жениться на женщине из семьи Телиоса Делакруа. Кем бы она ни была, она могла с облегчением узнать, что Карлос Фернандо строит другие планы, потому что вполне могла считать, что этот договорной брак – ловушка. Но

все же… Кто она и что думает о новом плане Карлоса Фернандо?

Охраннницы ясно дали понять, что я не должен общаться с Карлосом Фернандо или Леей, но мне никто не запрещал доступ к семейству Телиоса Делакруа.

Все местные семьи казались хорошо организованной мешаниной из детей и взрослых всех возрастов, но теперь, когда я стал немного понимать общественную систему Венеры, она приобрела больше смысла. Жена Телиоса Делакруа – еще недавно потенциальная невеста его превосходительства Карлоса Фернандо – оказалась дамой с коротко подстриженными седыми волосами, лишь на несколько лет старше меня. Я понял, что уже видел ее раньше. На банкете она сидела рядом с Карлосом Фернандо. Она представилась как Миранда Телиос Делакруа и познакомила меня со своим старшим супругом, крепким мужчиной лет шестидесяти.

– Нам в семье не помешал бы молодой муж, – сказал он. – Мы стареем, а на детей рассчитывать нельзя – они просто вырастают и женятся сами.

С ними были две девочки, которых Миранда представила как своих дочерей. Когда их привели со мной познакомиться, девочки вели себя тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, и приветливо улыбались, но при этом наклоняли головы и поглядывали на меня снизу вверх сквозь ресницы. Как только взрослые от них отвлеклись, я заметил, что обе исподтишка меня изучают. Еще вчера я бы этого даже не увидел.

– Так, или садитесь, ведите себя прилично и разговаривайте, или идите по своим делам, – велела Миранда. – Инопланетнику уже наверняка надоело смотреть, как вы носитесь туда-сюда.

Девочки захихикати, покачали головами и исчезли в соседней комнате, но время от времени в дверях тихонько появлялась то одна, то другая головка, чтобы взглянуть на меня, и мгновенно исчезала, едва я поворачивался.

Мы сидели возле низкого столика, на вид дубового. Муж Миранды принес кофе и оставил нас наедине. Кофе был заварен по-тайски, в прозрачном стакане и со слоями густого сладкого молока.

– Значит, вы друг доктора Хамакавы, – сказала она. – Я много о вас слышала. Вы не против, если я спрошу, какие у вас отношения с доктором Хамакавой?

– Я хотел бы с ней увидеться.

– И что? – нахмурилась она.

– И не могу.

Она приподняла бровь.

– Рядом эти женщины, телохранительницы…

– А, понимаю! – рассмеялась Миранда. – Мой малыш Карли

слишком скуп на слова. Поверить не могу, что он ревнует. Думаю, на этот раз он и впрямь по уши влюбился. – Она постучала пальцами по столу, и я понял, что дубовая столешница – еще одна встроенная компьютерная система. – Господи, да Карли еще не владелец всего, и я не вижу причин, почему вам нельзя видеться с кем угодно. Я пошлю доктору Хамакаве сообщение, что вы хотели бы с ней встретиться.

– Спасибо.

Она махнула рукой.

До меня дошло, что Карлос Фернандо и ее дочери – ровесники. Возможно, даже одноклассники. И она наверняка его знает еще с младенчества. Ситуация по отношению к нему выходила немного несправедливая: поженись они, Миранда получила бы все преимущества. На миг я даже посочувствовал Карлосу. И тут меня поразили ее слова.

– «Он еще не владелец всего», – повторил я. – Не знаю ваших обычаев, госпожа Делакруа. Не могли бы вы меня просветить? Что вы имели в виду под «еще»?

– Он не будет считаться совершеннолетним, пока не женится.

Картина начала обретать смысл. Карлос Фернандо отчаянно хочет взять все под свой контроль. А для этого ему необходимо жениться.

– А когда женится…

– Вступит в права наследования, разумеется. Однако со дня свадьбы его состоянием будет распоряжаться семья. Вы бы не захотели, чтобы всеми активами Нордвальд-Грюнбаумов начал управлять двадцатиоднолетний мальчишка? Это стало бы катастрофой. Первый из Нордвальдов это знал. Вот почему он женил своего сына на семье ла Джолла. Вот почему так делается всегда.

– Понятно.

Если Миранда Делакруа выйдет за Карлоса Фернандо, то она – она, а не он! – получит контроль над состоянием Нордвальд-Грюнбаумов. У нее есть годы жизненного опыта, она знает политику и как работает система. А он в этих отношениях будет ребенком. И всегда будет ребенком в их отношениях.

У Миранды Делакруа имелись все основания действовать так, чтобы Лея Хамакава не вышла за Карлоса Фернандо. Она была моим естественным союзником.

И еще она – и ее муж – имели все основания желать смерти Леи Хамакавы.

Внезапно телохранительницы, повсюду следующие за Карлосом Фернандо, уже не показались мне позерством. Вопрос в том, насколько эти телохранительницы хороши…

Тут мне пришла в голову еще одна мысль. Уж не она ли (или ее муж) наняли пиратов, сбивших мой каяк? Они знали, что Лея полетит на каяке; кто-то наверняка снабжает их информацией. А если это сделала не Миранда, то кто?

Я взглянул на нее с новыми подозрениями. Она посмотрела на меня в ответ совершенно невозмутимо.

– Разумеется, если ваша Лея Хамакава намерена принять его предложение, то они начнут новую семью. В ней она номинально будет считаться старшей, но вопрос в том…

– Позволят ли ей? – прервал я. – Если она решит выйти за Карлоса Фернандо, не захочет ли кто-нибудь ее остановить?

– Нет, – рассмеялась Миранда. – Боюсь, малыш Карли хорошо продумал свой план. Он – сын Грюнбаума, в конце концов. У семей нет никаких юридических оснований возражать. И пусть даже она инопланетянка, он обошел все возможные возражения.

– А вы?

– Думаете, у меня есть выбор? Если он решит попросить моего совета, я скажу, что это не очень хорошая идея. Но у меня сильное искушение посмотреть, как он поступит.

И отказаться от шанса стать богатейшей женщиной в известной Вселенной? Сомневаюсь…

– Полагаете, вы сможете ее отговорить? – спросила она. – Сможете ей что-то дать взамен? Насколько я понимаю, вы ничем не владеете. Вы наемный помощник, цыган Солнечной системы. Из всего, что предлагает ей Карли, есть хотя бы что-то, что можете предложить и вы?

– Дружеские отношения.

Даже мне самому этот ответ показался жалким.

– Дружеские отношения? – ехидно повторила Миранда. – И это все? Я бы подумала, что большинство инопланетных мужчин пообещали бы любовь. Но вы, во всяком случае, честны, тут я отдаю вам должное.

– Да, любовь, – пролепетал я. – Я предложил бы ей любовь.

– Любовь… Кто бы мог подумать! Да, это то, ради чего женятся инопланетники, я читала. А вы, похоже, не знали? У нас главное – не любовь. И даже не секс, хотя его будет много, могу вас заверить. Более чем достаточно, чтобы вывернуть моего малыша Карлоса наизнанку и заставить его думать, будто он узнаёт что-то о любви… Все дело в бизнесе, мистер Тинкерман. Кажется, вы этого не заметили. Не любовь, не секс, не семья. Бизнес.

Послание Миранды Телиос Делакруа дошло до Леи, и она пригласила меня к себе. Охранницам это явно не понравилось, но

им, очевидно, было велено подчиняться прямым указаниям доктора Хамакавы, и две облаченные в красное телохранительницы сопроводили меня в ее апартаменты.

– Что с тобой случилось? Что с твоим лицом? – ахнула она, увидев меня.

Я потрогал лицо. Оно не болело, но кислотные ожоги оставили после себя красные пятна и участки шелушащейся кожи. Я рассказал ей о сбитом каяке и как меня спасли (или похитили) пираты. А потом рассказал и о Карлосе.

– Присмотрись внимательнее к книге, которую он подарил. Не знаю, где он ее раздобыл, и даже гадать не хочу, столько она стоит, но готов поспорить на что угодно, что это не факсимильное издание.

– Да, конечно. Он мне потом сказал.

– А ты знаешь, что он сделал тебе предложение?

– Да. Яйцо, книга и камень. Такова местная традиция. Я знаю, тебе нравится думать, что я постоянно витаю в облаках, но я все же обращаю внимание на то, что происходит вокруг меня. Карли – милый мальчишка.

– Он это серьезно, Лея. Ты не можешь его игнорировать.

– Я сама могу принимать решения, – отмахнулась она. – Но спасибо за предупреждение.

– Все обстоит еще хуже. Ты знакома с Мирандой Телиос Делакруа?

– Конечно.

– Думаю, она пыталась тебя убить.

И я поделился с ней своими подозрениями о том, что пираты были наняты, чтобы сбить ее, но по ошибке сбили меня.

– Полагаю, у тебя слишком богатое воображение, Тинкерман. Карли рассказал мне о пиратах. Это кучка недовольных, и время от времени они устраивают мелкие пакости. Но он заверил, что беспокоиться не стоит. И что разберется с ними, когда вступит в права наследования.

– Разберется с ними? Как?

Она пожала плечами:

– Он не сказал.

Но именно это пираты – бунтовщики – и говорили мне: у Карлоса есть план, но они не знают какой.

– Значит, у него есть планы, которыми он не делится, – заключил я.

– Он спрашивал о терраформировании. Но заниматься этим на Венере смысла нет. Я не понимаю, о чем он думает. Он может расщепить атмосферный углекислый газ на кислород и углерод. Мне известно, что технология у него есть.

– Есть?

– Да. Кажется, он упоминал при тебе. Молекулярная перегонка. Она осуществляется микромашинами, питаемыми солнечной энергией. Но какой в этом смысл?

– Значит, он говорил серьезно?

– Во всяком случае, он серьезно об этом думает. Но результат окажется бессмысленным. Почти чистый кислород под давлением шестьдесят или семьдесят бар? Такая атмосфера станет еще смертоносней, чем из углекислого газа. И она не решит проблему парникового эффекта. При такой толщине слоя даже кислород становится парниковым газом.

– Ты ему объяснила?

– А он уже знал. И летающие города больше не будут летать. Они держатся за счет того, что газ внутри них – пригодный для дыхания воздух – легче венерианского. Преврати углекислоту Венеры в чистый кислород – и города упадут с неба.

– Но?

– Но его это, похоже, не волнует.

– Значит, терраформирование сделает Венеру необитаемой, и он это знает. Так что он планирует?

Она пожала плечами:

– Не знаю.

– А я знаю. И думаю, что нам надо потолковать с твоим другом Карлосом Фернандо.

Карлос Фернандо находился в своей игровой комнате.

Она была огромной. Апартаменты его семьи размещались на краю верхнего города, впритык к его стене, и одну из стен этой комнаты занимало сплошное окно с видом на облачный ландшафт. Комната была завалена всякой всячиной: наборами скрепляемых игрушечных блоков с электронными модулями внутри, из которых можно сложить детально разработанные здания, моделями космических кораблей и аппаратов легче воздуха, несомненно используемых на Венере. Я увидел конструкцию из прозрачных сосудов, соединенных трубками, – похоже, незавершенный научный проект, а в углу покачивался уницикл, бесшумно балансирующий на встроенных гироскопах. Среди игрушек стояла прозрачная мебель. Я поднял стул, и он оказался легким как перышко, почти невесомым. Теперь я уже знал, из чего он сделан – алмазные волокна, уложенные в пенообразную фрактальную структуру. Алмазы здесь являлись главным строительным материалом, потому что их можно было производить напрямую из атмосферной углекислоты, не импортируя сырье. Они тут были экспертами по алмазам, и это

меня пугало.

Когда две охранницы привели нас в комнату, Карлос Фернандо находился в конце, противоположном от гигантского окна, спиной к нему – и к нам. Разумеется, он знал, что мы придем, но, когда объявили о нашем прибытии, не повернулся, а лишь бросил через плечо:

– Все в порядке… я сейчас подойду.

Охранницы вышли.

Карлос Фернандо крутился и размахивал руками перед большим экраном. На экране разноцветные космические корабли летели в трехмерной проекции через сложный лабиринт зданий, причем этот город явно создавал Эшер, так как башни соединялись мостиками и контрфорсами. Точка зрения на экране непрерывно перемещалась, то преследуя одни корабли, то прячась от других. Время от времени вперед выстреливали очереди красных точек, эффектными разноцветными вспышками поражая цели, и Карлос Фернандо вскрикивал: «Готов!», «Прямо в глаз!»

Он танцевал всем телом: очевидно, управляющие команды в игре поступали за счет его положения. Насколько я мог судить, Карлос Фернандо успел совершенно позабыть, что мы к нему пришли.

Я осмотрелся.

На обитой чем-то мягким платформе, всего в двух метрах от входа, глядя на меня золотистыми глазами, восседал лев. Он был крупнее меня. Рядом, опустив голову на вытянутые лапы, лежала львица, и она тоже наблюдала за мной полуприкрытыми глазами. Кончик ее хвоста дернулся, потом еще раз. Грива льва выглядела такой пышной, что ее наверняка вымыли с шампунем и высушили феном.

Он распахнул пасть, зевнул и улегся на бок, все еще не спуская с меня глаз.

– Они не опасные, – сказала Лея. – Плохой Мальчик и Штанишки. Домашние любимцы.

Львица Штанишки потянулась и ухватила льва за шею. Потом положила лапу на его затылок и принялась вылизывать гриву.

До меня начало доходить, насколько жизнь Карлоса Фернандо отличается от всего, что я знал.

На стенах, ближе к тому месту, где играл Карлос Фернандо, располагалось еще несколько экранов. На левом светилось частично решенное домашнее задание. Дифференциальное исчисление. Он выполнял дифференцирование с цепным правилом и бросил работу на половине, когда или застрял в расчетах, или заскучал. На соседнем экране была

визуализирована структура атмосферы Венеры. Домашнее задание? Я присмотрелся. Если это домашнее задание, то наука об атмосфере интересует его гораздо больше, чем математика: изображение покрывали многочисленные примечания, а рядом было открыто с полдюжины окон с дополнительной информацией. Я шагнул к экрану, чтобы прочесть поближе.

Экран погас.

Я обернулся и увидел Карлоса Фернандо с недовольным лицом.

– Это мои вещи, – заявил он. – И я не хочу, чтобы ты смотрел на мои вещи, когда тебя не просят, ясно?

Он повернулся к Лее, и выражение на его лице сменилось на нечто для меня непонятное. Наверное, он с удовольствием дал бы мне пинка и вышиб отсюда, но опасался рассердить Лею. Ему нужно было сохранить ее расположение.

– Что он здесь делает? – спросил Карлос.

Она взглянула на меня и приподняла брови.

Я подумал, что и сам хотел бы это знать, но раз уж так далеко зашел, то лучше что-то ответить.

Я дошагал до огромного окна и посмотрел на облака. Сейчас там был виден другой город, голубоватый из-за расстояния: игрушечный шарик на фоне золотого горизонта.

– Среда Венеры уникальна, – сказал я. – Подумать только, что твой предок Удо Нордвальд собрал все это воедино.

– Спасибо, – ответил он. – В смысле я искренне благодарен. Я рад, что тебе нравится наш город.

– И все другие тоже. Это потрясающее достижение. Только гений мог предвидеть все это и соорудить первый летающий город. Угадать в этой планете пристанище, где смогут жить миллионы. Или миллиарды – в небесах еще множество свободного места. А когда-нибудь, возможно, даже триллионы.

– Да, – согласился он. – Наверное, такое действительно впечатляет.

– Очень впечатляет. – Я развернулся и посмотрел ему в глаза. – Тогда почему ты хочешь все это уничтожить?

– Что? – удивилась Лея.

Карлос Фернандо открыл рот и начал что-то говорить, но сразу закрыл его. Посмотрел вниз, потом налево, направо…

– Я… я… – Он смолк.

– Я знаю твой план, – сказал я. – Твои микромашины будут перерабатывать углекислый газ в кислород. А когда атмосфера изменится, города опустятся на поверхность. Они перестанут быть легче воздуха и не смогут больше летать. Ты ведь это знаешь, я прав? Ты сознательно хочешь это сделать.

– Но он же не сможет, – сказала Лея, – ничего не получится. Углерод начнет… – И тут она запнулась. – Алмазы, – догадалась она. – Он собирается превратить лишний углерод в алмазы.

Я протянул руку и поднял один из алмазных столов. Он почти ничего не весил.

– Наномашины. Та самая молекулярная перегонка, о которой ты говорил. Знаешь, кто-то однажды сказал, что проблема Венеры не в том, что ее поверхность слишком горячая. Мы прекрасно чувствуем себя здесь, где воздух имеет такую же плотность, что и на Земле. Проблема в том, что поверхность Венеры просто чертовски ниже уровня моря. Но на каждую тонну атмосферы, которую твои молекулярные машины переработают в кислород, ты получишь четверть тонны чистого углерода. А атмосферы здесь примерно тысяча тонн на квадратный метр.

Я повернулся к Карлосу Фернандо, который так и не смог выдавить ни слова. Его молчание было красноречивее любого признания.

– Твои машины превратят этот углерод в алмазные волокна и начнут строительство снизу вверх. Ты собираешься создать новую оболочку, так ведь? Полностью искусственную. Платформу идеальной высоты, пятьдесят километров над старой каменной поверхностью. И воздух там уже будет пригодным для дыхания.

Карлос наконец-то обрел голос.

– Да. Машины создал отец, но идея использовать их, чтобы построить оболочку вокруг целой планеты, – эта идея моя. Только моя. Очень умная идея, согласись. Разве я не прав?

– Ты не можешь владеть небесами, – сказал я, – зато ты можешь владеть землей. Тебе осталось лишь создать эту землю. И все города рухнут. И бунтарских городов не станет, потому что городов не будет вообще. Ты завладеешь всем. Каждому придется идти к тебе.

– Да. – Теперь Карлос улыбался глуповато и широко. – Разве не здорово?

Наверное, он увидел мое лицо, потому что добавил:

– Эй, вот этого не надо. Толку от них никакого. В этих бунтарских городах одни мятежники и пираты.

Глаза Леи расширились. Он повернулся к ней и сказал:

– Послушай, а почему я не должен этого делать? Назови хотя бы одну причину. Их вообще тут быть не должно. Летающие города придумал мой предок. А они его идею украли, поэтому теперь я должен их сбить. По-моему, так будет лучше.

Он обратился ко мне:

– Ладно, слушай. Ты вычислил мой план. Это прекрасно, отлично, никаких проблем, хорошо? Ты умнее, чем я прежде о

тебе думал, и я это признаю. А теперь мне надо лишь, чтобы ты пообещал никому не рассказывать, ладно?

Я покачал головой.

– Тогда убирайся.

Он снова повернулся к Лее, опустился на колено и потупил взгляд.

– Доктор Хамакава, я хочу, чтобы ты вышла за меня. Пожалуйста.

Лея покачала головой, но он смотрел вниз и не мог ее видеть.

– Мне очень жаль, Карлос, – сказала она. – Мне очень жаль.

Он был всего лишь мальчишкой, окруженным своими игрушками, и пытался уговорить взрослых посмотреть на ситуацию так, как хотелось ему. Когда он поднял взгляд, его глаза наполнились слезами.

– Пожалуйста, – взмолился он. – Я этого хочу. Я дам тебе что угодно. Все, что пожелаешь. Ты получишь все, чем я владею, всю планету, все.

– Мне очень жаль, – повторила она. – Мне очень жаль.

Он поднял модель космического корабля и стал ее рассматривать, притворяясь, будто неожиданно ей заинтересовался. Затем аккуратно положил модель на стол, подобрал вторую и встал, не глядя на нас. Потом шмыгнул и вытер глаза, явно забыв, что держит этой рукой модель корабля и попытавшись сделать это небрежно, как если бы мы не заметили, что он плачет.

– Ладно, – сказал он. – Знаете, а улететь отсюда вы не сможете. Этот парень слишком о многом догадался. План сработает, только если останется тайной, если мятежники не будут знать, что их ждет, и не подготовятся. Вам придется остаться здесь. Ты будешь жить у меня, я… не знаю. Что-нибудь придумаю.

– Нет, – возразил я. – Лее опасно тут оставаться. Миранда уже попыталась нанять пиратов, чтобы они ее сбили во время катания на каяке. Нам нужно улететь отсюда.

Карлос посмотрел на меня.

– Миранда? – вопросил он с неожиданным сарказмом. – Да ты шутишь. Это я намекнул пиратам. Я. Решил, что они тебя похитят и оставят у себя. Жаль, что они этого не сделали.

Он обратился к Лее:

– Пожалуйста, согласись. Ты станешь богатейшим человеком на Венере. Самой богатой в Солнечной системе. Я все отдам тебе. Ты сможешь делать все, что захочешь.

– Мне очень жаль, – повторила она. – Это щедрое предложение. Но мой ответ – нет.

В комнату скользнули телохранительницы Карлоса. Очевидно, у него имелся какой-то способ беззвучно их вызвать. Их становилось все больше, и они уже держали оружие, пока не нацеливая его.

Я попятился к окну, Лея тоже.

Город успел немного повернуться, и теперь в окно били косые солнечные лучи. Я надел очки.

– Ты мне доверяешь? – тихо спросил я.

– Конечно, – ответила Лея. – И всегда доверяла.

– Иди сюда.

КАНАЛ: ГОТОВ замигало в углу поля зрения.

Я небрежно поднял руку и постучал сбоку по левой линзе: ПРМ МАНТА ИРМ.

Другую руку я спрятал за спиной и, надеясь, что смогу как можно дольше маскировать свои действия, нажал на панель и ощутил, как она выгнулась наружу.

ЗДЕСЬ

Нажать. Нажать. Все дело в ритме. Когда я подобрал резонансную частоту панели, у меня появилось ощущение правильности, которое нарастало, подобно раскачиванию кресла-качалки, подобно сексу.

Левой рукой я взял Лею за руку, а правой сильнее надавил на стекло. Теперь я вкладывал в это усилие свой вес, и панель стала заметно выгибаться. Окно начало издавать звук – инфразвуковой гул, который нельзя услышать, но можно ощутить. При каждом нажатии оконная панель все больше выгибалась наружу.

– Что ты делаешь? – завопил Карлос. – С ума сошел?

Нижняя часть выгнулась, и край панели отделился от рамы.

Запахло кислотой и серой. Охранницы побежали к нам, но, как я и надеялся, не стали стрелять, опасаясь, что поврежденная панель может полностью разрушиться.

Окно скрежетало и дергалось, но держалось за счет других стыков. Показалась узкая вертикальная щель между окном и рамой. Я притянул Лею к себе и бросился назад, прижимаясь к стеклу, скользя вдоль выгнутой панели и давя на нее, чтобы щель стала как можно шире.

Падая, я легонько поцеловал ее в шею.

Она могла вырваться из моего захвата, могла освободиться.

Но не стала этого делать.

– Задержи дыхание и зажмурься, – прошептал я, когда мы вывалились через образовавшуюся дыру в бездну, и с последним глотком воздуха сказал: – Я люблю тебя.

Она ничего не ответила. Она всегда была практична и знала достаточно, чтобы не пытаться говорить, когда следующий вдох

может наполнить легкие кислотой. Но все же мне показалось, что она прошептала:

– Я тоже тебя люблю.

Свободной рукой я настучал: МАНТА НУЖЕН ПОДХВАТ. СРОЧНО.

И мы полетели вниз.

– Секс там был абсолютно ни при чем, – сказал я. – Вот чего я не смог понять.

Мы находились в манте, обмазанные лечебной мазью, но в целом невредимые. Пираты снова совершили чудо, подхватив нас в воздухе. Они получили нужную им информацию, а в обмен помогут нам улететь отсюда, в наши родные холод, темноту и пустоту между планетами.

– Все вертелось вокруг финансов. Контроля над активами.

– А я не сомневаюсь, что всем двигал секс, – возразила Лея. – Не обманывай себя. Мы люди. Нами всегда движет секс. Всегда. Думаешь, это не искушение? Возможность вылепить из мальчишки именно то, что тебе хочется? Конечно же секс. Секс и контроль. А деньги… Это лишь оправдание, которое они для себя выдумали.

– Но для тебя это не было искушением.

Она посмотрела на меня долго и пристально.

– Конечно было. – Она вздохнула, и лицо ее снова стало далеким и непроницаемым. – Тебе такого никогда не испытать.

Кейдж Бейкер
Книги

Кейдж Бейкер – одна из самых ярких звезд, загоревшихся на литературном небосклоне в конце 1990-х. В 1997 году писательница опубликовала свой первый рассказ в «Asimov's Science Fiction», и с тех пор на страницах этого журнала часто появлялись ее увлекательные истории о приключениях и злоключениях агентов Компании, путешествующих во времени. Рассказы Бейкер также печатались в «Realms of Fantasy», «Sci Fiction», «Amazing» и других изданиях. Первый роман о Компании, «В саду Идена» («In the Garden of Iden»), вышел в свет в том же 1997 году и сразу стал одним из самых обсуждаемых дебютов года. За ним последовали другие романы о Компании – «Небесный койот» («Sky Coyote»), «Мендоса в Голливуде» («Mendoza in Hollywood»), «Кладбищенская игра» («The Graveyard Game»), «Жизнь века грядущего» («The Life of the World to Come»), «Дитя машины» («The Machine's Child») и «Сыны небес» («The Sons of Heaven»), а также первый роман Бейкер в жанре фэнтези – «Наковальня мира» («The Anvil of the World»). Рассказы писательницы представлены в сборниках «Черные проекты, белые рыцари» («Black Projects, White Knights»), «„Вещая египтянка“ и другие рассказы» («Mother Aegypt and Other Stories»), «Дети Компании» («The Children of the Company»), «Мрачные понедельники» («Dark Mondays») и «Боги и пешки» («Gods and Pawns»). Среди последних книг Бейкер – «Не то она получит ключ» («Or Else My Lady Keeps the Key») о пиратах Карибского моря, романы в жанре фэнтези «Дом Оленя» («The House of the Stag») и «Речная птица» («The Bird of the River»), научно-фантастический роман «Королева Марса» («The Empress of Mars»), роман для юношества «Отель в песке» («The Hotel Under the Sand»), романы о Компании «Совсем как боги» («Not Less Than Gods») и «Алый шпион Нелл Твин» («Nell Gwynne's Scarlet Spy»). В 2010 году Кейдж Бейкер скончалась. До того как заняться литературой, она успела побывать художницей, актрисой, директором Центра живой истории, преподавателем елизаветинского английского и участницей ярмарок в стиле эпохи Возрождения. Все это повлияло на создание представленной здесь доброй, очаровательной, но немного печальной истории о том, что жизнь продолжается даже после конца света.

В те дни, когда легче еще не стало, мы были вынуждены заходить далеко вдоль побережья. Тогда к нам еще не привыкли.

Вообще-то, если подумать, вид у нас был жуткий: тридцать

трейлеров, набитых людьми из Труппы, причем перепуганными и грязными людьми, которым пришлось пробираться через равнины из того места, где мы стояли лагерем, когда все рухнуло. Я, конечно, не помню, как все рухнуло, меня тогда еще не было.

Мы переезжали с места на место и давали представления на манер старинных ярмарочных забав, чтобы люди знали, какая была жизнь в прежние времена, – сейчас-то все это кажется полной чушью, но тогда… Как там поется в песне? Про то, как человечество ринулось к звездам? И все считали, что так и будет. Дяди и тети создали Труппу и устраивали Представления, чтобы люди космической эры не забыли, что такое ткать полотна и лить свечи, когда полетят в свой космос. Наверное, это и есть ирония судьбы.

А потом пришлось изменить программу Представлений, потому что… В общем, устраивать турниры мы больше не могли, потому что лошади были нужны, чтобы запрягать в трейлеры. И дядя Бак бросил делать своих затейливых дракончиков с глазами из горного хрусталя – кто теперь будет покупать подобную ерунду? И вообще, ему хватало хлопот с подковами. И вот дяди и тети посоветовались и решили устроить все так, как сейчас: мы входим в город, даем Представление, люди смотрят его, а потом разрешают нам остаться на некоторое время, потому что мы делаем всякие полезные штуковины.

Сам я впервые вышел на сцену в роли запеленатого младенца. Я этого, конечно, не помню. Помню, как потом играл в какой-то пьесе про любовь, на мне была пара крылышек, и больше ничего, и я бегал по сцене голышом и пускал в героиню бутафорскую стрелу из бутафорского лука, покрытого блестками. А в другой раз играл лилипута. Я не лилипут, лилипутка в Труппе была только одна, тетя Тамми, она уже умерла. Но у нас имелся номер с парой танцующих лилипутов, ей требовался партнер, вот мне и пришлось надеть черный костюм и цилиндр.

К тому времени папа уже заболел и умер, поэтому мы с мамой жили в одном трейлере с тетей Нерой, делавшей горшки, кувшины и все такое прочее, а значит и с ее племянником Мико. Говорят, будто он потом свихнулся, но это неправда. Он с самого начала был не в себе. Когда все рухнуло, тетя Нера ненадолго ушла из Труппы, чтобы проведать своих – они были городские, – да только они все умерли, кроме малыша, вот она и взяла малыша и разыскала нас опять. Она говорила, что Мико был совсем маленький и ничего не помнит, но, я думаю, кое-что он запомнил.

В общем, мы росли все вместе – мы и Санни, которая жила в трейлере тети Кестрель, соседнем с нашим. Тетя Кестрель была в

Труппе жонглером, и Мико думал, что это страх как здорово, и хотел сам стать жонглером. Вот он и попросил тетю Кестрель поучить его. А Санни уже умела жонглировать, она ведь видела свою маму за работой с самого рождения и умела обращаться и с шарами, и с булавами и делать тот фокус, когда жонглер обкусывает яблоко, – все что хочешь. Мико решил, что у них с Санни будет номер – дети-жонглеры. Я ревел, пока они не сказали, что и меня возьмут, только мне придется научиться жонглировать, – ух, как я потом жалел! Пока учился, выбил себе булавой передний зуб. Новый зуб вырос, только когда мне было семь, так что я три года ходил посмешищем. Зато так навострился, что мог маршировать и на ходу жонглировать факелами.

Только это было уже после того, как наш номер утвердили. Мико пришел к дяде Джеффу и долго ныл, и дядя Джефф сделал нам костюмы. У Мико был черный камзол и бутафорский меч, а у меня – клоунский комбинезон с большим круглым гофрированным воротником в блестках. У Санни было платье принцессы. Мы назывались «Минитроны». Вообще-то, это Мико придумал. Уж не знаю, кого он считал минитронами, но звучало просто супер. По сценарию мы с Мико оба были влюблены в принцессу, а она не могла выбрать, поэтому нам нужно было по очереди делать всякие жонглерские трюки, чтобы добиться ее руки, но тут оказывалось, что она жонглирует лучше нас обоих, и приходилось решать вопрос поединком на мечах. Я всегда проигрывал и умирал от разбитого сердца, но тут принцессе становилось меня жалко, и она клала мне на грудь бумажную розу. Тогда я вскакивал, мы все выходили на поклон, а потом убегали, потому что следующим был номер дяди Монти с его дрессированными попугайчиками.

Когда мне исполнилось шесть, мы уже чувствовали себя опытными актерами и важничали перед другими детьми, потому что у нас был единственный детский номер. Мы исполняли его уже в шести городах. Это было в тот год, когда дяди и тети решили, что нужно протащить трейлеры как можно дальше по побережью. Раньше, пока все не рухнуло, там, на краю большой пустыни, находился крупный город. Даже если в нем почти не осталось людей, для которых стоило устраивать Представление, там наверняка было полно разного полезного хлама.

В город мы вошли нормально, никто даже не стрелял. Вообще-то, это было удивительно, потому что, как выяснилось, там жили одни старики, а старики всегда палят в тебя почем зря, если у них есть ружья, а у этих ружья имелись. Еще удивительным было то, что город оказался громадным – по-настоящему

громадным, я все время ходил запрокинув голову и таращился на все эти башни, уходившие прямо в небо. У некоторых даже крыши видно не было – терялась в тумане. Сплошные зеркала, стекло, арки, купола – и сердитые каменные рожи, глядевшие вниз с огромной высоты.

Но старики жили на побережье, потому что в городе чем дальше, тем больше было песка. Сюда заползала пустыня, с каждым годом отбирая понемногу. Вот почему все молодые ушли – здесь ничего невозможно было вырастить. Старики остались: у них имелись большие запасы всяких консервов, и вообще им тут нравилось, потому что тепло. Правда, они сказали, что еды у них мало и делиться нечем. Дядя Бак объяснил им, что мы просим только разрешения войти в какую-нибудь пустую башню и отодрать там сколько получится медных труб, проводов и прочего, что можно увезти с собой. Старики подумали, что это не страшно, они опустили ружья и позволили нам разбить лагерь.

Тут выяснилось, что Труппе придется давать дневное Представление, потому что все старики рано ложились спать. Глотатель огня закатил жуткий скандал, потому что никто же не разглядит его номер при ярком свете. В конце концов все получилось нормально, потому что следующий день выдался темным и пасмурным. Вершин башен было совсем не видно. Нам вообще пришлось зажечь факелы по краям большой площадки, где мы установили сцену. Старики потянулись вереницей из своего многоквартирного дома и расположились на сиденьях, которые мы им поставили, но потом вдруг решили, что сегодня свежо, и зашаркали обратно в дом за кофтами. Наконец Представление началось и шло отлично, если не считать того, что некоторые старики были слепые и друзья рассказывали им, что происходит на сцене, – очень громко.

Им понравилась тетя Лулу и ее дрессированные собачки, а еще номер силача дяди Мэнни – тот, где он поднимает «фольксваген». Мы, дети, знали, что из машины выпотрошили все тяжелое вроде двигателя, но старики-то не знали. Они аплодировали дяде Дерри, Мистическому Магу, хотя те, кто пересказывал происходящее слепым, проорали весь номер, и его пришлось страшно затянуть. Дядя Дерри вернулся за занавес, служивший вместо задника, бормоча что-то себе под нос, и стал сворачивать самокрутку.

– Ребята, публика сегодня просто зверская, – сказал он и зажег самокрутку от одного из факелов. – Следите за ритмом.

Но мы-то были дети, так что пусть все взрослые в мире хоть оборутся – мы и ухом не поведем. Мы похватали бутафорские корзины и побежали на сцену.

Мико шагал туда-сюда, махал мечом и выкрикивал свою роль про то, что он отважный и грозный Капитанио. У меня была маленькая игрушечная гитара, и я бил по струнам и притворялся, будто гляжу на луну, и произносил свои слова про то, что я бедный дурачок, влюбленный в принцессу. Вышла Санни и станцевала свой принцессин танец. Потом мы жонглировали. Все шло как надо. Я чуть не сбился только один раз – когда на долю секунды взглянул на публику и увидел, как огни от моих факелов отражаются в стариковских очках. Но ни одного факела я не уронил.

А вот Мико, похоже, здорово завелся – я заметил, как он свирепо таращится сквозь маску. Когда в конце у нас был поединок на мечах, он стукнул меня слишком сильно – как всегда, когда заводился, – так саданул по костяшкам, что я вслух сказал «Ой», но публика этого не расслышала. Когда на Мико такое находило, у него волосы чуть ли не дыбом вставали и он становился как бешеный кот – скакал и шипел – и дрался по поводу и без повода. Иногда я потом спрашивал у него, в чем дело. Он только пожимал плечами и извинялся. А один раз и говорит – потому, мол, что жизнь жуть какая скучная штука.

Я все равно спел свою печальную песенку и умер от разбитого сердца – мой комбинезон прошуршал по мостовой «пфуф». Я почувствовал, как Санни подошла и положила мне на грудь розу, и – по гроб не забуду! – какая-то старушка закричала своему старику:

– А теперь девочка дает ему розу!

А старик как заорет:

– Чего?! Какую дозу?!

– Господи, Боб! РОЗУ!

Я как раз изображал мертвеца, но не мог сдержаться и захихикал, Мико и Санни поставили меня на ноги, мы поклонились и убежали. За сценой Мико и Санни тоже стали смеяться. Мы прыгали и смеялись – и здорово мешали дяде Монти, которому нужно было выкатить на сцену всех своих попугаев с насестами.

Когда мы наконец успокоились, Санни спросила:

– А теперь что?

Это был хороший вопрос. Обычно мы давали Представление вечером, поэтому после него расходились по трейлерам, снимали костюмы и наши мамы кормили нас и укладывали спать. Нам еще никогда не приходилось выступать днем, так что мы стояли и глядели друг на друга, пока глаза у Мико не вспыхнули.

– Можем разведать Заброшенный Город в Песках, – проговорил он таким голосом, что сразу показалось, будто круче

этого ничего на свете нет.

Мы с Санни сразу тоже захотели разведать Город. Поэтому мы улизнули из-за сцены, пока дядя Монти орал до хрипоты, пытаясь заставить попугаев делать, что он велит, и через минуту уже шагали по бесконечной улице, вдоль которой выстроились домищи великанов.

Вообще-то, они принадлежали вовсе не великанам – огромные буквы высоко на стенах гласили, что это такая или сякая корпорация, организация, биржа или там церковь, но, если бы из-за угла вышел великан и поглядел на нас сверху вниз, мы бы не удивились. Вдоль боковых улиц дул ветер с моря, песок шелестел и стлался перед нами по земле, словно привидение, но, кроме этого, было по-великански тихо. Только наши шажки отдавались в дверных проемах.

Окна по большей части располагались высоко у нас над головой, и смотреть в них было особенно не на что. Мико, который брал меня на плечи и заставлял заглядывать внутрь, все твердил, что надеется увидеть за каким-нибудь письменным столом скелет в наушниках, но ничего такого мы не обнаружили: когда все рухнуло, люди гибли не настолько быстро. Мама говорила, что, заболев, люди запирались дома и ждали, умрут они или нет.

В общем, в конце концов Мико стало скучно и он затеял игру: поднимался на крыльцо каждого встречного дома, стучал в дверь рукоятью меча и кричал: «Народное ополчение! Открывайте или мы войдем сами!» Потом он дергал за ручку так, что дверь тряслась, но все давным-давно было заперто. Иногда двери оказывались такими тяжелыми, что даже не тряслись, а стекла такими толстыми, что их было не разбить.

Квартала через три мы с Санни стали поглядывать друг на друга и поднимать брови: «Ты ему скажешь, что хватит уже играть в эту игру, или мне сказать?» И тут случилась странная штука: одна из дверей медленно открылась внутрь. Мико шагнул в вестибюль, или как оно там называется, и дверь за ним закрылась. Он стоял и глядел на нас сквозь стекло, а мы глядели на него, и я перепугался до смерти, потому что решил, что теперь нам придется бежать обратно и звать дядю Бака и тетю Селену с молотками, чтобы вызволить Мико, и тогда нам крепко попадет.

Но тут Санни взяла и толкнула дверь, и та снова открылась. Санни направилась внутрь, и мне тоже пришлось. Мы стояли втроем и озирались. Там оказался стол, и сухое деревце в кадке, и огромная стеклянная стена с дверью, которая вела дальше вглубь здания. Мико ухмыльнулся.

– Это первая камера в Сокровищнице Заброшенного Города! –

завопил он. – Мы только что убили гигантского скорпиона и теперь должны победить армию зомби, чтобы попасть во вторую камеру!

Он вытащил меч и с воплем бросился к внутренней двери, но она тоже открылась – без единого звука, – и мы побежали за ним. Внутри было гораздо темнее, но все равно хватало света, чтобы прочитать таблички.

– Это библиотека, – сказала Санни. – У них тут были книжки.

– Книжки?! – злорадно воскликнул Мико, а у меня сердце так и заколотилось.

Естественно, книжек мы видели много – была, например, одна очень скучная с заклеенной обложкой, по которой тетя Мэгги учила всех читать. У всех наших знакомых взрослых было по одной-две книжки, а то и целый склад, хранившийся в коробках или сундуках под кроватью, их листали при свете лампы и читали вслух, если дети вели себя хорошо.

У тети Неры имелось с десяток книжек, и она часто нам читала. Когда Мико был маленький, то все время плакал, и успокоить его можно было только чтением. Мы знали все о Последнем единороге и о детях, попавших в Нарнию, а ужасно длинную историю про какую-то компанию, которой нужно было бросить кольцо в вулкан, я никогда не мог дослушать до конца. Была еще одна жутко длинная история о чокнутой семейке, которая жила в большом замке, только она состояла из трех книжек, а у тети Неры оказались только первые две. Теперь-то шансов раздобыть третью у нее не было – после того, как все рухнуло. Книжки являлись редкостью и древностью, они требовали бережного обращения, иначе пожелтевшие страницы рвались и крошились.

– Мы обнаружили все книжки во Вселенной! – заорал Мико.

– Не дури, – сказала Санни. – Наверняка кто-нибудь уже много лет назад все забрал.

– Да ну?

Мико повернулся и побежал дальше, в темноту. Мы бросились за ним и кричали, чтобы он остановился, и вместе попали в большую круглую комнату, откуда в разные стороны расходились коридоры. Там стояли столы и висели пустые мертвые экраны. Мы всё видели, потому что в конце каждого коридора были окна и по каменному полу тянулись длинные полосы света и отражались от длинных полок, которые висели на стенах, и от неровной поверхности того, что располагалось на этих полках. Держась вместе, мы наугад выбрали коридор и двинулись по нему к окну.

Примерно на полпути Мико подпрыгнул и выхватил что-то с

полки:

– Вот! Что я вам говорил? – Он помахал перед нами книжкой.

Санни нагнулась поглядеть. На обложке не было никакой картинки – только название крупными буквами.

– «Тезаурус»[11], – прочитала Санни вслух.

– Это про что? – спросил я.

Мико открыл книжку и попробовал почитать. Вид у него на миг стал такой злобный, что я приготовился убегать, но потом он пожал плечами и закрыл книжку:

– Просто слова. Наверное, какой-нибудь секретный шифр. В общем, она теперь моя. – И он сунул книжку под камзол.

– Красть нельзя! – заявила Санни.

– В мертвом городе ты ничего не крадешь, только спасаешь, – объяснил я ей, как всегда говорили нам дяди и тети.

– Это не мертвый город. Тут живут старики.

– Они скоро умрут, – сказал Мико. – И вообще, дядя Бак уже попросил разрешения забрать вещи.

Санни пришлось с этим согласиться, и мы двинулись дальше. Мы быстро выяснили, что остальные книги на полках были настоящими большими томами в твердых переплетах – вроде книги дяди Деса «Барлоджио. Основы стеклодувного дела».

Сначала мы расстроились, потому что в книгах в этом коридоре не оказалось никаких интересных историй. Все это была – как там ее? – справочная литература. Мы ушли оттуда унылые, с ощущением, что нас обвели вокруг пальца, и тут Санни заметила указатель.

– Книги для детей – пятый этаж! – объявила она.

– Супер! Где тут лестница? – Мико огляделся.

Все мы прекрасно знали, что никогда и ни за что нельзя приближаться к лифту, потому что лифты не просто обычно сломаны – в них можно погибнуть. Мы нашли лестницу и топали вверх целую вечность, но все-таки добрались до этажа с книгами для детей.

Указатель не соврал. Мы застыли с разинутыми ртами: там были настоящие книги. Большие, твердые, толстые – но не про взрослую скукотень. Книги с яркими картинками на обложках. Книги – для нас. Даже столы и стулья там были рассчитаны на наш рост. Как же это было здорово!

Санни тихонько взвизгнула, кинулась вперед и схватила книгу с полки:

– Это же «Нарния»! Глядите! С другими картинками!

– Повезло! – кричал Мико, пританцовывая. – Вот повезло!

Я ничего не мог сказать. Просто в голове не укладывалось: все эти книги наши. По крайней мере, все, что мы могли унести с

собой.

Мико испустил боевой клич и помчался по проходу. Санни застыла у первой же полки и смотрела на книги, и вид у нее был чуть ли не больной. Я подошел поглядеть.

– Слушай, – прошептала Санни. – Их тут миллионы. Как же выбрать? Нам нужно как можно больше историй.

Она показывала на целый ряд книг с разноцветными названиями: «Книга бордовой феи», «Книга голубой феи», «Книга лиловой феи», «Книга оранжевой феи». Феи меня не интересовали, поэтому я просто хмыкнул и отвернулся.

Я выбрал себе проход и обнаружил там полки, забитые тонкими книгами с большими картинками. Открыл одну и заглянул в нее. Читать ее было очень легко – с такими-то крупными буквами, – и картинки оказались смешные, но я успел прочитать ее прямо тут, у полки. Книга была про таких огромных зверей – как там они называются? – слоны. Они танцевали в смешных шляпах. Я представил себе, как тетя Нера читает нам ее вслух зимними вечерами. Этой книги и на вечер не хватило бы, даже на то, чтобы почитать перед сном. Одна история – и все. А нам надо было забрать с собой книги, битком набитые историями. Такими, у которых есть… как там его? Содержание.

Мико заорал откуда-то издалека:

– Ух, какая крутая! Тут про пиратов!

Там, где я стоял, было очень темно, поэтому я двинулся по проходу к окну. Чем дальше я шел, тем толще становились книги. Была куча книг про собак, но истории там оказались какие-то похожие; потом были книги про лошадей – и тоже все одинаковые. Были книги про то, как учить детей делать полезные штуковины, но, когда я к ним присмотрелся, оказалось, что все они ерундовые, – ну, как сшить мамочке прихватку или сделать что-то из палочки от эскимо. Я даже не знал, что такое эскимо, тем более – где его взять. Еще были книги про то, как люди жили в старые времена, но это я и так знал, и вообще – в этих книгах историй не было.

И все это время Мико вопил: «Ого! Да тут у них и копья, и щиты, и боги!» или «Опа, а в этой книге про ковер-самолет и целая тысяча историй!» Ну почему именно я застрял возле полок со скучными книгами?!

Я подошел к большому окну в конце прохода, выглянул наружу – туман, крыши, мрачный серый океан – и попятился: мне стало страшно, что я залез так высоко. И уже повернулся, чтобы убежать, как вдруг увидел самую большую книгу в мире.

Честно. Она была вполовину моего роста, в два раза больше, чем «Барлоджио. Основы стеклодувного дела», в красном

кожаном переплете, и на корешке у нее были золотые буквы. Я присел на корточки и медленно разобрал слова.

«Полное собрание приключений Астерикса из Галлии».

Что такое приключения, я знал: это слово было многообещающее. Я стянул книгу вниз – это была не просто самая большая, но и самая тяжелая книга в мире – и положил ее на пол. Когда я открыл ее, у меня дух захватило. Я нашел самую великую книгу в мире.

В ней было полно цветных картинок, но и слова тоже были, много-много, – картинки изображали, как люди из этой истории говорят. Я впервые в жизни видел комикс. Мама иногда рассказывала про кино и телевидение, и я подумал, что эта книга, наверное, вроде них – говорящие картинки. Здесь была история. Вернее, просто куча историй. Астерикс был такой малявка, не больше меня, но уже с усами и в шлеме, и он жил в деревне, где обитал волшебник с колдовским зельем, и Астерикс сражался в битвах и путешествовал во всякие дальние страны, и с ним происходили приключения!!! И читать эту книгу я мог сам, потому что, если попадалось незнакомое слово, можно было по картинкам догадаться, что оно значит.

Я устроился поудобнее – лег на живот и оперся на локти, чтобы не помять накрахмаленный воротник, – и начал читать.

Иногда мир становится очень славным местечком.

Астерикс и его друг Обеликс только-только пришли в Карнутский лес, когда я был вынужден спуститься с небес на землю, потому что услышал, как Мико во весь голос зовет меня. Я встал на колени и обернулся. Потемнело, я не заметил, что наклонялся все ниже и ниже к страницам, потому что свет уходил. В окно колотили капли дождя, и я подумал, каково будет бежать по темным холодным улицам, да еще и мокнуть.

Я поднялся, взял свою книгу, прижал ее к груди и побежал. В центральной комнате было еще темнее.

Когда я пришел, Мико и Санни вовсю ссорились. Санни ревела. Я посмотрел на нее и остолбенел: оказалось, она сняла юбку и набила ее книгами и теперь сидела с совсем-совсем голыми ногами, до самых трусов.

– Нам надо путешествовать налегке, а они очень тяжелые! – втолковывал ей Мико. – Нельзя взять все!

– Мы должны, – ответила она. – Эти книги нам нужны!

Она встала и подняла юбку. Оттуда выпала «Книга оливковой феи». Я пригляделся и увидел, что Санни забрала все разноцветные книги. Мико сердито нагнулся, схватил «Книгу оливковой феи» и уставился на нее.

– Ерунда какая-то, – сказал он. – Кому нужна книга про оливковую фею?!

– Дурак, это не про оливковую фею![12] – завизжала Санни. – Там куча разных историй! Вот смотри!

Она выхватила у него книгу, открыла ее и снова сунула ему под нос. Я бочком подошел поближе и заглянул туда. Так и было: Санни показала нам страницу, где перечислялись все истории в книге. Историй было много: про рыцарей, про волшебство и про всякие незнакомые вещи. Если читать по одной истории за вечер, книги хватит на целый месяц. Так что в каждой книге месячный запас историй!

Мико прищурился на страницу и, похоже, что-то решил.

– Ладно, – согласился он. – Только тащить сама будешь. И смотри не ной, что тяжело.

– Не буду, – ответила Санни и задрала нос.

Тут Мико посмотрел на меня – и начал все с начала.

– Нельзя эту брать! – заорал он. – Она слишком большая, и, вообще, это только одна книга!

– Мне другой не надо, – ответил я. – Сам-то берешь все, что хочешь!

С этим было не поспорить. Мико так набил свой камзол книгами, что выглядел будто беременный.

Мико что-то пробормотал, но отвернулся, а это означало, что спору конец.

– Ладно, все равно пора идти.

Мы пошли – но посредине первого же пролета из юбки Санни выпали три книги, и нам пришлось ждать, пока Мико отстегивал от всех наших костюмов все английские булавки и закалывал пояс юбки. Мы были уже почти на третьем этаже, когда Санни выпустила юбку и все ее книги так и посыпались на площадку с самым громким грохотом во Вселенной. Мы побежали вниз следом за ними и собирали их, встав на колени, когда послышался совсем другой шум.

Это было шипение – как будто кто-то натужно втягивал воздух сквозь щели в зубном протезе – и позвякивание – вроде связки ключей, потому что это и была связка ключей. Мы повернули головы.

Наверное, он не слышал, как мы пробегали мимо него по пути наверх. Мы тогда не разговаривали, только бежали, а у него уши совсем заросли волосами, а в одном к тому же была какая-то розовая пластмассовая машинка. А может быть, он просто так увлекся – как я своей книгой, – что не заметил нас. Только он не читал.

В его части библиотеки не было книг. На полках находились

лишь старые журналы и кипы пожелтевших газет. Газеты не валялись, скомканные, в старых коробках – в другом виде они нам никогда не встречались, – они были аккуратные и разглаженные. Только почти все лежали на полу, словно опавшие листья – сотни, тысячи больших листьев, – горы по щиколотку высотой, и на каждом из них был квадратик, расчерченный на черные и белые клетки вроде как для шашек, и в белых квадратиках были напечатаны цифры и написаны карандашом какие-то слова.

Тогда я не знал, что такое кроссворды, но старик ходил сюда много лет – наверное, с тех самых пор, как все рухнуло, – и много лет перебирал все эти журналы и газеты, выискивал все до единого кроссворды и все решал. Поднимаясь на ноги, он уронил огрызок карандаша и оскалился на нас, показав три коричневых зуба. Глаза за стеклами очков были такие огромные-преогромные, чересчур увеличенные линзами и полные безумной ярости. Старик двинулся к нам через груды газет быстро и легко, словно паук.

– Ворье! Фертовы гаденыфы! Фертовы ворифки!

Санни завизжала, я тоже завизжал. Она быстро-быстро запихала в юбку все книги, до которых успела дотянуться, а я сгреб другие, но мы все равно слишком долго возились. Старик поднял свою палку и опустил – хрясь! – но с первого раза не попал, а потом Мико выхватил деревянный меч, приставил к груди старика и навалился на него. Старик с грохотом рухнул, по-прежнему размахивая палкой, но упал он на бок и принялся молотить нас с такой быстротой, что просто не верилось, и так обезумел, что уже ничего не говорил, а просто вскрикивал, брызгая слюной. Когда я поднимался на ноги, он стукнул меня палкой по коленке. Меня прямо как огнем обожгло, и я ойкнул. Мико пнул старика и заорал:

– Бежим!

Мы с Санни улепетывали со всех ног, мигом пролетели по лестнице до самого низа и не останавливались, пока не оказались в последней комнате у дверей на улицу.

– Мико остался наверху, – сказала Санни.

Несколько мучительных мгновений я решал, стоит ли вернуться и поискать его. А когда наконец открыл рот, чтобы вызваться, мы увидели, что он бежит по лестнице к нам.

– Уф, обошлось, – сказала Санни.

Она завязала на подоле юбки узел, чтобы удобнее было нести, и уже взвалила ее на плечо и направилась к двери, когда Мико нас нагнал. Он сжимал в руках последнюю книгу, которую мы оставили на площадке. Это была «Книга сиреневой феи», и на

обложке виднелись два-три пятна, похожие на кровь.

– На. Неси. – Мико сунул книгу мне.

Я взял ее и обтер рукавом. Мы вышли следом за Санни. Я покосился на Мико. Меч у него тоже был в крови.

Только протрусив за Санни под дождем два квартала, я собрался с силами, наклонился к Мико на бегу и спросил:

– Ты его что, убил?

– Пришлось, – отозвался Мико. – Иначе было не отвязаться.

До сего дня я не знаю, правда ли это. Он в любом случае так сказал бы. И не знаю, что я должен был ответить. Мы побежали дальше, и все. Дождь полил сильнее, Мико припустил вперед, нагнал Санни и отобрал ее тюк с книгами, а я отстал. Мико взвалил тюк на плечо. Они двигались бок о бок. Я изо всех сил старался не потерять их из виду.

Когда мы вернулись, Представление уже давно закончилось. Труппа разбирала сцену и аккуратно складывала большие доски. Из-за дождя лотки расставлять не стали, но возле трейлера дяди Криса стояла очередь из стариков под зонтиками, потому что он предложил починить зубные протезы своими ювелирными инструментами. Мико провел нас стороной за трейлером тети Селены, и там мы налетели на наших мам и тетю Неру. Они искали нас уже битый час и здорово сердились.

Весь следующий день я места себе не находил от страха, что старики возьмут свои ружья и нападут на нас, но, похоже, никто не заметил, что тот старик погиб, – если он, конечно, действительно погиб. Еще я ужасно боялся, что тетя Кестрель и тетя Нера пойдут к остальным женщинам и скажут что-то вроде: «Ах да, кстати, дети нашли библиотеку и спасли оттуда несколько книг; может, пойдем туда все вместе и наберем книг для других детей?» – потому что они именно так всегда и делали, – и тогда старика найдут. Но никто никуда не пошел. Наверное, дело в том, что весь следующий день лил дождь и все тети, дети и старики не высовывались на улицу. А может быть, старик был одиночка и жил в библиотеке сам по себе – и теперь его труп обнаружат только через сто лет.

Так я и не узнал, что случилось на самом деле. Через пару дней мы двинулись дальше – после того, как дядя Бак и прочие открыли двери в один высотный офисный центр и спасли оттуда все хорошие медные трубы, какие только могли унести. Колено у меня покраснело и распухло там, где старик ударил палкой, но за неделю почти все прошло. За книги стоило и пострадать.

Книг нам хватило на много лет. Мы их читали, передавали другим детям, они их тоже читали, и истории оттуда повлияли и на наши игры, и на сны, и на то, каким мы считали мир. В моем

комиксе мне больше всего нравилось, что, даже когда герои уходят в дальние края и там с ними происходят приключения, они всегда возвращаются в свою деревню и все опять вместе и счастливы.

Мико нравились другие истории – где герой уходит и совершает славные подвиги, но не обязательно возвращается домой. К двадцати годам Мико наскучило жить в Труппе, и он отправился в какой-то большой город на севере, где, по слухам, снова запустили электричество. В городах, где мы работали, тоже понемногу начали загораться огни, так что такое вполне могло быть. У Мико по-прежнему был тот же голос, от которого все что угодно казалось отличной идеей, – понимаете? – и еще он нахватался из «Тезауруса» всяких шикарных слов. Так что, наверное, мне не стоило удивляться, что он уговорил Санни уйти с ним.

Санни через год вернулась – одна. Она не рассказывала, что случилось, а я не спрашивал. Через три месяца родилась Элиза.

Все знают, что она не моя. Но мне все равно.

Мы читаем ей зимними вечерами. Она любит истории.

Иэн Маклауд
Вспять через Стикс

Британский писатель Иэн Маклауд – один из самых ярких молодых авторов 1990-х. Его произведения публиковались в «Interzone», «Asimov's Science Fiction», «Weird Tales», «Amazing», «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», а также других изданиях, и на? гротяжении первого десятилетия нового века работы Маклауда становились все более зрелыми и мощными. Большинство его рассказов представлены в трех сборниках: «Путешествия при свете звезд» («Voyages By Starlight»), «„Мох" и другие выдохи» («Breathmoss and Other Exhalations») и «После волшебства» («Past Magic»). В 1997 году вышел первый роман Маклауда «Большое колесо» («The Great Wheel»). В 1999 году автор в первый раз получил Всемирную премию фэнтези за повесть «Летние острова» («The Summer Isles»), в 2000 году этой же премии удостоилась его повесть «Роковая девчонка» («The Chop Girl»). В 2003 году он опубликовал роман «Светлые времена» («The Light Ages»), высоко оцененный критиками. За ним в 2005 году последовало продолжение, «Дом бурь» («The House of Storms»), а в 2008 году «Песнь времени» («Song of Time») завоевала премию Артура Кларка и премию Джона Кэмпбелла. Переработанная в роман версия «Летних островов» тоже вышла в свет в 2005 году. В числе недавних книг Маклауда роман «Просыпайся и мечтай» («Wake Up and Dream») и новый сборник рассказов «Путешествия» («Journeys»).

В представленном ниже затейливо сплетенном рассказе мы проследим за судьбой честолюбца, который карабкается по социальной лестнице на верхнюю площадку, в мир супербогатых, не задумываясь о жертвах, которые придется принести.

Добро пожаловать на борт «Блистательного бродяги», на все его четыреста пятьдесят тысяч атомоходных тонн. Это настоящая независимая страна с собственными вооруженными силами, законами и валютой. Однако, несмотря на все современные достижения, жизнь на борту остается старомодной. Тут есть традиционные буфеты с самообслуживанием, тематические рестораны, разноцветные фонтаны, уличные артисты и даже мужская парикмахерская, укомплектованная квартетом очаровательно непредсказуемых импровизаторов. Тут есть специально обученные армии шеф-поваров, уборщиц, мусорщиков и инженеров-ремонтников. По вечерам, если позволяет погода, на

главной палубе над казино «Счастливый триллионер» устраиваются фейерверки. Неудивительно, что те, кто могут позволить себе круизные цены, путешествуют по морям до самой смерти. И даже много лет после.

Прогуливаясь по палубам в форменном блейзере в сиреневую полоску, постоянный штатный экскурсовод Фрэнк Онионз никогда не обращал внимания на заголовки блестевших на солнце журналов, позабытых туристами в шезлонгах. И все же он знал, что смерть теперь уже не имеет такого значения, как раньше. Смерть, как оказалось, избавляет от многих проблем преклонного возраста. Когда слабеющее сердце остановлено, недужное тело выпотрошено, память загружена заново, а органы заменены на новые, вы вполне можете прошаркать на своих титановых протезах еще несколько десятилетий. А потом записаться на такую же процедуру еще раз. И еще. Конечно, велись кое-какие дискуссии на тему, являются ли, строго говоря, постживущие теми же самыми людьми, какими были когда-то. Однако людям вроде Фрэнка, которые трудились в сфере, напрямую зависевшей от «тех, кому за сто», было грех жаловаться.

Мертвяков, кажется, было больше обычного, когда утром он повез группу на экскурсию в критский Кносс[13], пока «Блистательный бродяга» дожидался на якоре под останками города Ираклиона. По меньшей мере четырнадцать из сорока двух голов, которые он насчитал в экскурсионном автобусе, принадлежали покойникам. И это число нужно удвоить, если иметь в виду их сиделок. Отличить мертвяков от живых было просто: достаточно бросить беглый взгляд на их парики и шиньоны. Не сказать, чтобы живые стариканы не любили подобных украшений, просто покойники – все без исключения лысые (восстановление волос, как и кожи, не давалось ученым в полной мере), а парикмахерские вкусы у них просто преотвратные. Над спинками кресел, лицом к которым стоял Фрэнк, торчали начесанные коки Элвиса, крашеные панковские ирокезы и шиньоны «улей». И еще покойники любили большие солнцезащитные очки. Они чурались света, словно вампиры, на которых, собственно, и смахивали, и обожали свободную одежду из невероятных сочетаний искусственных тканей. Даже мужчины накладывали слишком много косметики, чтобы замаскировать бледные лица. Когда автобус пополз к назначенному на сегодня памятнику культуры и Фрэнк взял микрофон, чтобы отбарабанить все о Персее и Минотавре, на него пахнуло сложной смесью запахов гниющей плоти, крема для лица и чего-то подозрительно похожего на формалин.

Сентябрьское солнце светило не особенно жарко, когда Фрэнк, подняв повыше круглый знак на шесте с надписью «Блистательный бродяга», повлек всю эту шаркающую компанию внутрь, к подъемнику для инвалидов и траволатору. Вот фреска с изображением царя-жреца, это тронный зал, а тут – первый в мире туалет со смывом. Кроме них, была всего одна группа, со «Счастливого менестреля», такого же большого круизного судна, бросившего якорь на старой американской военно-морской базе в бухте Суда. Когда два медленно текущих людских потока смешались в слабой попытке первыми просочиться в сувенирный магазин, Фрэнк невольно забеспокоился, как бы в итоге не увести отсюда чужих пассажиров. Но потом, понаблюдав за ними еще немного – такими тщедушными, такими чертовски бестолковыми в своем желании потратить деньги, заработанные в прежних жизнях, когда они были бухгалтерами в Айдахо, юристами в Стокгольме и продавцами фабричного оборудования в Вулверхэмптоне, – решил, что разница будет невелика.

Без дальнейших осложнений загнав в автобус вроде бы своих клиентов, он повез их к месту, обозначенному в сегодняшней программке как «Типичная рыбацкая деревушка острова Крит». Деревушка в целом выглядела довольно убедительно, если не заострять внимание на бетонных бермах, возведенных для защиты от наступающего моря, да и местные жители соответствовали – насколько это вообще возможно, если ты изо дня в день вынужден изображать одно и то же.

После экскурсии Фрэнк присел под оливой в заведении, изображавшем прибрежную таверну, вынул из заднего кармана экран и притворился, будто читает. Официант принес ему фаршированные оливки, вполне сносный кофе без кофеина и тарелку с теплой питой. Бывают моменты, когда не хочется роптать на судьбу.

– Разрешите к вам присоединиться?

Фрэнк подавил желание нахмуриться и убрал экран. А в следующий миг, когда поднял глаза, его обязательная по контракту улыбка сделалась искренней.

– Конечно-конечно. Буду рад.

На ней был сарафан на тонких бретельках, сшитый из какой-то ткани, которая мерцала и меняла оттенки, играя на свету. Как и ее обнаженные золотистые плечи. Как и ее золотистые волосы.

– Фрэнк Онионз.

– Да… – Взгляд ее глаз, тоже золотистых, отличался какой-то странной настойчивостью. – Мы знаем.

Она отодвинула стул. Потом еще один. Поманила кого-то.

Проклятье! Она не одна. А ведь Фрэнк мог бы догадаться. За

исключением членов команды, единственными молодыми людьми на кораблях, подобных «Блистательному бродяге», были лишь сиделки. Мертвяк, пришаркавший к столу, являл собой поистине жалкое зрелище. Седой парик, напоминавший «утиный хвост» а-ля Джеймс Дин, сбился набекрень. Солнцезащитные очки – тоже наперекосяк, а язык, который он высунул из нелепо напомаженного рта, сосредоточившись на попытке опуститься на стул, походил на кусок протухшей печенки.

– Да, кстати, я Дотти Хастингс. А это Уоррен.

Когда эта девочка-видение наклонилась, чтобы поправить покойнику парик и солнцезащитные очки, тот промямлил что-то, что Фрэнк принял за приветствие.

– Итак… – Она снова сосредоточилась на Фрэнке. – Нам очень понравилась сегодняшняя экскурсия и ваш рассказ. Чем вас отблагодарить? Кувшинчик рецины?[14] Или узо?[15]

Хотя Фрэнк с готовностью согласился бы на любое предложение Дотти, он все же покачал головой.

– На самом деле алкоголь я не употребляю… Не подумайте, что у меня с этим проблемы… – Он почувствовал, что необходимо объясниться. – Просто люблю быть в форме.

– Ах вот как! – (Фрэнк почувствовал, нет, физически ощутил, как взгляд Дотти прошелся по его телу.) – Понимаю. Вы качаетесь?

– Ну да. Немного. Членам экипажа в свободное время все равно нечем заняться.

Она кривовато улыбнулась:

– И все-таки. Может быть, еще кофе? Наверное, пьете без кофеина?

Дотти, как он отметил про себя, остановилась на маленькой рюмочке узо, тогда как существо по имени Уоррен ограничилось апельсиновым соком, большую часть которого ей пришлось потом вытирать с его морщинистой шеи. В ее движениях сквозила какая-то странная, нехарактерная для сиделки нежность, почти трогательная. И как бы прелестна она ни была, Фрэнку было тяжко на это смотреть.

– Вы ведь понимаете, – начала она, комкая бумажные салфетки, – что почти все ваши сегодняшние рассказы о Кноссе – чистейшей воды вымысел?

Фрэнк поперхнулся своим кофе. Но Дотти шаловливо улыбалась ему, чуть кривя губы. Затем знающая улыбка перешла в смех, и он невольно засмеялся с ней за компанию. В конце концов, почти все, что они с таким благоговением недавно осматривали – колонны, фрески, бычьи рога, – было возведено Артуром Эвансом[16] всего пару столетий назад в нелепой

попытке воссоздать Кносс в том виде, в каком он должен был существовать, по мнению самого Эванса. Только Эванс почти все сделал неправильно. Он даже название города установил неверно. Обычно Фрэнк не трудился сдабривать свои экскурсии, в которых речь шла о мифах и Минотавре, даже подобием правды, но теперь, когда Уоррен задремал, а они с Дотти болтали, в нем всколыхнулись смутные воспоминания о том воодушевлении, с которым он некогда изучал историю Древнего мира.

Дотти оказалась не просто невероятна красива. Она была невероятно умна. Она даже знала о теории Вундерлиха – весь Кносс на самом деле был огромным мавзолеем, – которую он особенно любил. К тому моменту, когда настала пора возвращаться в автобус и ехать к знаменитой статуе гологрудой женщины со змеями[17], которая теперь тоже признана современной подделкой. Фрэнк был уже едва ли не влюблен. По крайней мере, серьезно увлечен. Было в ней что-то такое. Особенно в этом ее золотистом взгляде. В нем были и лукавая тьма, и неподдельная наивность, непостижимые для него. Как будто на дне глубокой прохладной реки поблескивают две золотые монеты. Дотти была не просто умна и красива. Она была неповторима.

– Что ж… – Он поднялся, и голова у него шла кругом, как будто это он пил узо. – Достопримечательности сами себя не осмотрят.

– Да, конечно. – Она, поэма золотистой плоти и мерцающего сарафана, тоже поднялась. Затем она наклонилась, чтобы помочь существу по имени Уоррен, и, несмотря на свое отвращение к происходящему, Фрэнк невольно восхитился тем, как под тканью платья всколыхнулась ее грудь. – С нетерпением жду продолжения экскурсии. То есть… – После некоторой возни Уоррен тоже стоял – по крайней мере, привалившись к ней. Рот у него раззявился. Парик снова скособочился, и кожа черепа, обнажившаяся под ним, походила на серый, наполовину сдувшийся воздушный шарик. – …мы оба ждем с нетерпением. – Дотти снова улыбнулась своей обворожительной, чуть кривоватой улыбкой. – Я и мой муж Уоррен.

Сиделки всегда производили странное впечатление, хотя и составляли большинство любовных побед Фрэнка на борту. Однако Дотти была не такая. Дотти была какая-то другая. Дотти была живой, какими никогда не бывали эти несчастные идиотки, которым просто платили за то, что они делают. Но чтобы жена? Да, конечно, иногда попадались пары, которые, как говорится, вместе пересекали финишную черту. Попадались еще

золотоискательницы, грудастые блондинки, которые сверкали не слишком-то загадочными улыбками, толкая перед собой вызолоченное инвалидное кресло с каким-нибудь ископаемым. Однако в наши дни типичные нефтяные магнаты попросту принимали неизбежное, умирали и позволяли себя воскресить. После чего жили в целом точно так же, как и раньше. В этом-то и был весь смысл.

Ночью Фрэнк Онионз лежал в своем капсульном спальном модуле, особенно остро сознавая неправильность происходящего. Подумать только, на что он тратит свою жизнь: обитает на нижней палубе, предназначенной для экипажа, в самых недрах «Блистательного бродяги», ниже ватерлинии, и единственное место, какое он может назвать своим, настолько тесное, что в нем трудно пошевелиться. Может, наверху это не особенно ощущается, среди всех этих парков и торговых центров, зато здесь, внизу, не остается никаких сомнений, что ты на море. Тяжелый запах машинного масла и трюмной воды смешивается с вездесущим человеческим амбре: испорченная еда, грязные носки и блевотина. Нет, честное слово, смешно – хотя смеяться что-то не хочется, – до чего довели все эти прогрессивные современные технологии: соты для людей, в которых ты запечатан, словно куколка, готовая вылупиться. Неудивительно, что он убивает время, качаясь до одури в корабельном спортзале, а в немногие оставшиеся часы охотится за очередной легкой добычей, чтобы перепихнуться. Неудивительно, что все эти многочисленные корабельные чудеса не вызывают у него ни малейшего интереса. Неудивительно, что ему не спится.

Он мог думать только о Дотти. Дотти стоит. Дотти села. Дотти улыбается своей кривоватой улыбкой. Ее грудь вздымается под переливчатой материей. А затем Фрэнк подумал (хотя отчаянно гнал от себя эту мысль), чем она может заниматься прямо сейчас с этим своим муженьком-зомби. Обычный секс между ними представлялся маловероятным, однако утирать рот и затаскивать иссохшие мослы на подъемник для инвалидов – это только верхушка айсберга обязанностей, какие исполняли сиделки. Проблема в том, что, когда ты умер, кровь, нервные клетки и ткани, хотя и только что клонированные, продолжают разлагаться, и потому требуется постоянно их обновлять и заменять. И чтобы отработать жалование, сиделки не просто тратили на стариков годы своей жизни. Накачанные до предела иммунодепрессантами, они становились постоянными донорами телесных жидкостей и тканей для своих хозяев. Многие даже выращивали на себе целые грозди новых органов для пересадки.

Фрэнк метался. Фрэнк ворочался. Фрэнк видел

пульсирующие трубки из плоти и резины, выходившие из немыслимых отверстий. А потом он ощутил движение моря под громадным килем «Блистательного бродяги», взрезающего средиземноморские воды. И увидел Дотти, блистательную и совершенную, восстающую из волн, подобно новой морской богине.

Пока «Блистательный бродяга» зигзагами бороздил Эгейское море, направляясь от средневековой родосской крепости к священному острову Патмос, Фрэнк Онионз постоянно видел Дотти Хастингс, даже когда ее не было. Промельк ее волос между витринами безделушек на задворках Скироса. Сияние ее бедер в тени золотистых дюн Эвбеи. Он чувствовал себя мартовским котом, ангелом, одурманенным наркотиками. Ему казалось, он вернулся в старые добрые времена, каких никогда не было на самом деле.

Фрэнк поискал в базе данных «Блистательного бродяги» и без труда нашел все об Уоррене Хастингсе. Свое первое состояние тот сколотил на маленьких колечках, на которые вешаются занавески для душа. Второе заработал на каком-то промышленном биохимикате, оформив авторские права на часть его ДНК. Уоррен Хастингс был солидным богачом. Богатство подобного рода сколачивается не на какой-нибудь там виртуальной поп-группе, не на изобретении лекарства от меланхолии, а на совершенно обыденной ерунде, о которой никто ничего не знает, да и знать не хочет. За те деньжищи, в какие им обходился самый шикарный супер-мега-люкс «Красные императорские покои», они запросто могли бы путешествовать по океанам на собственном лайнере, жить на собственном острове или же бороздить космическое пространство на личном звездолете. Но может, им нравится общество простых смертных? Или же они просто желают облагодетельствовать их?

Чем больше Фрэнк размышлял на эту тему, тем больше возникало вопросов. И самым главным вопросом оставалась сама Дотти. Он был по-настоящему потрясен, хотя уже много раз видел, как она нежничает с Уорреном, узнав, что она вышла за него аж десять лет назад, еще до его смерти, – скромная церемония бракосочетания состоялась на Новом Бали. Вот она, стоит в девственнобелом платье под цветочной аркой, и Уоррен стоит рядом с ней и выглядит несравнимо лучше, чем теперь. Записи о том, когда он решил умереть, были путаными и противоречивыми, однако он, похоже, начал всерьез разлагаться еще до того, как решился на последний прыжок; Дотти же, прекрасная, улыбчивая и совершенно не изменившаяся, просто

взяла и вдруг возникла на самых сдержанных и престижных страницах светской хроники и в жизни Уоррена, которую вряд ли уже можно было именовать жизнью.

Все это выглядело в высшей степени загадочно, и Фрэнк впервые в жизни чувствовал благодарность за тот пункт в контракте, который обязывал его проводить определенное количество часов в обществе путешественников. Во время коктейля он приходил в бар «Вайкики» и, хотя ему было глубоко наплевать, делал вид, будто ему страшно интересно, чем занимаются пассажиры, пока не усвоил привычки Уорренов, после чего начал бывать там же, где бывали они.

Пока лайнер шел по осеннему бушующему морю на остров Хиос с его византийским монастырем и изысканными мозаиками, Фрэнк Онионз снискал расположение общества, которое сам для себя определил как «компанию Хастингсов». Под моросящим дождем их разговоров, когда Уоррен преданно таращился на Дотти сквозь выпуклые, словно стрекозьи глаза, солнцезащитные очки, сидевшие на перекроенном, как у Майкла Джексона, носу, Фрэнк не уставал изумляться красоте Дотти, снова и снова задаваясь вопросом, какого черта она согласилась на свое нынешнее положение. Почти все сиделки, по опыту Фрэнка, были почти так же мертвы, как те зомби, за которыми они ухаживали. Они отказывались от собственной жизни ради возможности работать и зарабатывать. За исключением денег, они ненавидели в своей работе все. Даже на пике оргазма всегда чувствовалось, что их тела принадлежат кому-то еще.

Однако Дотти, кажется, не питает ненависти к своей жизни, снова и снова решал Фрэнк, глядя, как она со своей обычной нежностью вытирает слюну с подбородка мужа, а Уоррен с такой же нежностью мычит что-то в ответ. У него даже закрадывалась мысль, что они идеальная пара. Однако он по-прежнему гнал ее от себя. В Дотти было что-то другое, когда она отворачивалась, чтобы поглядеть в панорамное окно на яростно-синее Средиземное море, демонстрируя гордый и безупречный профиль. Что-то, похожее на отчаяние. Если бы взгляд ее золотистых глаз не был так сосредоточен на горизонте, он подумал бы, что она плачет.

Наконец, после дневной экскурсии на крошечный островок Делос, ему представился шанс поговорить с ней. Хастингсы захотели присоединиться именно к этой экскурсии, хотя, пока Фрэнк распинался об ионийцах и их фаллических монументах, держались позади остальной группы, как будто Дотти избегала его. А потом они с Уорреном кричали друг на друга, когда

пришел катер, чтобы отвезти всех обратно на «Блистательного бродягу». Фрэнк понадеялся, что это семейная ссора, но оказалось, у Уоррена приключился какой-то сбой в системе, потребовавший немедленных реанимационных процедур, как только они оказались на борту.

Когда поздно вечером Дотти наконец пришла в бар «Вайкики», на ней была та же самая белая блузка, в которой она проходила весь день, только теперь испачканная на груди слева вроде бы какой-то едой, хотя вряд ли это была еда. Ее волосы в тот вечер не были, как обычно, золотистым чудом, и морщинка залегла в левом уголке рта. Она выглядела усталой и озабоченной. Хотя остальные – все эти мертвые агенты по недвижимости и специалисты по программному обеспечению – не заметили даже, как она села. Они даже не удосужились поинтересоваться, как там Уоррен. Мертвяки относились к сбою в работе органов примерно так, как водители в прежние времена относились к проколотой шине: досадная неприятность, но не о чем беспокоиться, если захватил запаску. Бессвязный разговор о годовых показателях продолжался как ни в чем не бывало, а тонкие морщинки вокруг глаз Дотти сделались глубже, она то и дело сплетала и расплетала пальцы. И даже когда она поднялась и двинулась к выходу сквозь коралловый риф иссохших конечностей, никто, кроме Фрэнка, этого не заметил.

Он вышел на палубу вслед за ней. Стемнело, стояла чудесная ночь, и звезды кружили, словно светлячки. Ее волосы задели Фрэнка по лицу, когда он остановился рядом с ней и облокотился на леер[18].

– Уоррен в порядке?

– Я же присматриваю за ним. Конечно он в порядке.

– А вы?

– Я? У меня все отлично. Это ведь не я…

– Я не об этом, Дотти. Я хотел сказать…

– Я знаю, что вы хотели сказать. – Она пожала плечами и вздохнула. – Если люди увидят нас вместе, то могут заметить, как увлечен мною Фрэнк…

– Но разве они обращают внимание?

– Мне кажется, да. – Она снова пожала плечами. – Я была из тех девочек, которые мечтают о лучшей жизни. Хорошая спортсменка, я отлично плавала и мечтала, что однажды поеду на Олимпиаду и завоюю медаль. Но к тому времени, когда я подросла, олимпийские спортсмены больше не пользовались собственными конечностями и в их венах больше не текла нормальная человеческая кровь. И в итоге я поняла, что лучше всего искать стабильную работу на лайнерах, подобных этому. Я

прыгала с трамплина. В спасательном жилете наблюдала за порядком в бассейне. Учила плавать мертвых и живых – во всяком случае, барахтаться так, чтобы не утонуть. Ну, вы-то, Фрэнк, все это знаете. Эта жизнь не так уж ужасна, если можешь смириться с крошечными спальными модулями и обилием напитков, которые подают с бумажными зонтиками в бокале.

– На каких кораблях вы работали?

– О!.. – Она перевела взгляд на бурную воду. – Почти все время я ходила на «Морячке Мэри».

– Это не на ней половину команды убило, когда загорелся реактор?

– Нет, то был другой корабль такого же класса. И вот в один прекрасный день появился Уоррен. Тогда он выглядел гораздо лучше. Нам постоянно твердят, что технологии вот-вот усовершенствуются, но к нему смерть была не слишком милосердна.

– Вы в самом деле находили его привлекательным?

– Ну, не совсем так. Я, скорее… – Она не договорила. У нее на запястье запищал какой-то маленький прибор. – Мне нужно к нему. Фрэнк, вы когда-нибудь бывали в люксах вроде нашего? Не хотите посмотреть?

– Боже! Какая красота…

Позолота. Стекло. Бархат. Все либо твердое и сверкающее острыми гранями, либо мягкое, как облако. Фрэнку уже доводилось видеть подобное раньше, но говорить об этом сейчас было не ко времени. Единственной ноткой, вносившей диссонанс, был большой белый агрегат, который негромко гудел, вытянувшись вдоль кровати, заваленной подушками.

– Мне только нужно проверить…

Со стороны казалось, что Дотти изучает содержимое огромного промышленного холодильника, когда она открыла одну из эмалированных дверок с хромированными деталями и заглянула внутрь. И воздухом изнутри пахнуло, как из холодильника: запах подмороженного несвежего мяса. И свет лился мягкий, аквариумный, и в этом свете он успел увидеть нечто, похожее на куски говядины и пакеты с разноцветными соками, хотя самым крупным предметом на полке был сам Уоррен. Он лежал, голый и безвольный, и Фрэнку были прекрасно видны его костлявые серые ступни, безволосые синюшные ноги, живот в кавернах и шрамах, сморщенные, словно яблоко зимой, гениталии. Он выглядел не столько мертвым, сколько высосанным досуха. И еще больше тревожило свободное место на полке рядом с ним, явно предназначенное для еще одного тела.

– У него все хорошо, – промурлыкала Дотти со все той же непонятной нежностью в голосе.

Она коснулась пары каких-то трубок, судя по виду, поставлявших питательные вещества. Что-то мигало и издавало звуковые сигналы. Потом послышался какой-то хлюпающий звук, и, хотя Фрэнк не понял, откуда он прозвучал, он невольно отвернулся. Потом услышал, как хлопнула, закрывшись, дверца.

– К утру будет как огурчик.

– Но вы ведь не ложитесь к нему туда?

– Я его жена.

– Но… Господи, Дотти! Вы сама любовь.

Теперь или никогда! Он шагнул к ней.

– Не можете же вы растрачивать свою жизнь на это… Вы ведь могли бы…

На миг показалось, что его откровенный шаг действительно сработает. Она не отшатнулась от него, и взгляд ее золотистых глаз был далеко не враждебным. А в следующий миг, когда он протянул руку к ее щеке, она коротко вскрикнула и вся сжалась, отскочив от него на другую сторону длинноворсного ковра и потирая то место, которого едва коснулись его пальцы. Как будто ее ужалила пчела.

– Прости, Дотти. Я не хотел…

– Нет-нет. Дело не в тебе, Фрэнк. Дело во мне. Ты нравишься мне. Я тебя хочу. Ты даже не просто нравишься, а гораздо больше. Только… Ты слышал когда-нибудь об импринтинге?

– Ну, все мы…

– Я имею в виду буквальное значение. Импринтинг – это то, что происходит в мозгу цыпленка, когда, вылупившись из яйца, он впервые видит мать. Это инстинкт, врожденное свойство, о котором известно не одно столетие. Оно в той или иной степени проявляется даже у более развитых животных. Благодаря ему можно заставить утенка следовать за первым объектом, который он увидит в своей жизни, даже за парой галош.

Фрэнк кивнул. Он, кажется, знал, о чем она говорит, хотя понятия не имел, к чему все это сейчас.

– У нас, у людей, имеется тот же самый инстинкт, хотя и не такой сильный, и с нами не все так просто. Во всяком случае, если ничего не делать специально.

– О чем ты говоришь? Люди могут запечатлевать свой образ в мозгу других людей, привязывая их к себе? Но это же незаконно.

– Что значит законность в наши дни? В мире всегда найдутся места, где можно делать все, что тебе заблагорассудится, а Уоррен, когда мы с ним познакомились, уже знал, что умирает. Он был такой очаровательный. И он был невероятно богатый. Он

сказал, что может обеспечить мне жизнь, какой сама я никогда не добьюсь, сколько бы ни прожила и как много бы ни работала. И он был прав. Все это… – Она обвела рукой люкс. – Это пустяки. Фрэнк. Это обыденность. Этот лайнер – тюрьма с тематическими ресторанами и виртуальным полем для гольфа. Я поняла, что Уоррен – мой шанс спастись от подобных мест. Тогда это казалось не так уж трудно.

– Ты хочешь сказать, что позволила ему провести над собой импринтинг?

Она кивнула. Вот теперь в ее глазах действительно блестели слезы.

– Он заказал небольшое устройство. Можно сказать, свадебный подарок. Оно было похоже на какое-то серебристое насекомое. И даже довольно красивое. Он посадил его мне на шею, и оно заползло… – она коснулась уха, – прямо туда. Было немного больно, но совсем немного. Он велел мне смотреть на него, пока оно заползало все глубже, отыскивая нужный участок мозга. – Она пожала плечами. – Все было так просто.

– Боже мой! Дотти!

Он снова шагнул к ней, на этот раз поддавшись порыву. И снова она отшатнулась.

– Нет. Не могу! – Она зарыдала. – Неужели ты не понимаешь? В этом и заключается суть импринтинга. – Пятно на блузке вздымалось и опускалось. – Как бы я хотела избавиться от этой штуковины и быть с тобой, Фрэнк. Но я в ловушке. А тогда это казалось невысокой ценой. Да, правда, я побывала в невероятных местах, испытала самые поразительные ощущения. Но жить на круизном лайнере, смотреть на развалины древнего мира, потому что нам невыносимо видеть, во что мы превратили наш собственный… Это бессмысленно. Существует и другая жизнь, Фрэнк, в высоких горах, под небесами, глубоко в океане. Во всяком случае, для тех немногих, кто может ее себе позволить. А Уоррен мог. *Мы* могли. Это похоже на какое-то проклятие из сказки. Я как тот царь, который хотел, чтобы весь мир был из золота, а потом оказалось, что, делая мир золотым, он убивает все вокруг. Как бы я хотела быть с тобой, Фрэнк, но только Уоррен будет возрождаться снова и снова, а я не могу отдаться другому, не могу даже позволить ему коснуться моей щеки. Как бы я хотела найти какой-нибудь выход. Как бы я хотела вернуть все обратно, но я связана навеки. – Она протянула к нему руку. Даже в слезах она была невероятно прелестна. А в следующий миг все ее тело оцепенело. Как будто между ними выросла стеклянная стена. – Иногда я жалею, что мы не умерли.

– Дотти, ты не должна так говорить. То, что есть у нас с

тобой… то, что могло бы быть. Мы ведь только что…

– Нет, я не желаю смерти тебе, Фрэнк. Или даже себе. Я говорю об устройстве мира… – Она подняла на него золотистые глаза и медленно моргнула. – И об Уоррене.

Море становилось все более бурным, и «Блистательный бродяга» боролся с высокими осенними волнами. Фрэнк читал лекции о греческой концепции переселения душ, о том, что мертвым предстояло оказаться в одном из трех царств. Элизиум для благословенных. Тартар для проклятых. Луга асфоделей – земля скуки и забвения – для всех остальных. Чтобы попасть в одно из трех царств, сначала требовалось пересечь реку Стикс и заплатить перевозчику Харону мелкую золотую монетку, обол, которую охваченные горем родственники умершего клали тому на язык. Чтобы получить желаемое, заключал он, глядя на маски из папье-маше, в какие обратились лица некогда живых людей, сидевших перед ним в лекционном зале «Старбакса», будь готов заплатить.

Яд? Идея была не лишена привлекательности – на борту полно токсичных веществ, которые Фрэнк, наверное, мог бы раздобыть, только они с Дотти ничего не смыслили в биохимии, и не было никакой гарантии, что Уоррена потом не воскресят заново. Значит, трагическое падение, ведь шторма-то какие! Куда проще – вывести из строя электромагнит на одной из больших дверей в переборке, когда он будет ковылять мимо… Вот только очень сложно точно рассчитать время, и остается пусть призрачная, но способная расстроить все вероятность, что Уоррена все-таки как-нибудь откачают. И с чем они тогда останутся?

Возможности, которые они с Дотти перебирали, встречаясь в следующие дни на забрызганной пеной палубе, казались бесконечными. И сомнительными. Даже если одна из них воплотится безупречно, останется еще одна проблема. Сойти с корабля вместе они могли бы, когда «Блистательный бродяга» бросит якорь у берегов бывшей Святой земли, где для желающих была запланирована экскурсия в противорадиационных комбинезонах, но ведь Дотти придется изображать убитую горем вдову, и, если Фрэнк покинет свой пост, а потом его заметят вместе с ней, возникнут подозрения. И даже если они сумеют оправдаться, все равно остается риск, что уголовное дело будет возбуждено или они станут жертвами шантажа. Однако Дотти приводила Фрэнка в восхищение не только своей красотой, но и живостью ума.

– А что, если мы инсценируем твою смерть, Фрэнк? – кричала

она шепотом, пока они цеплялись за леерное ограждение. – Ты бы мог…. Ну, я не знаю… Мог бы разыграть самоубийство. А потом… – она смотрела на буйные волны своими мудрыми золотистыми глазами, – мы избавились бы от Уоррена под видом тебя.

План был безупречный и красивый, как она сама, и Фрэнку хотелось ее поцеловать, обнять и сделать все остальное, что они успели друг другу наобещать, и сделать прямо здесь и сейчас, на скользкой палубе. Не так уж трудно на несколько месяцев прикинуться Уорреном, спрятаться под его париком, за его солнцезащитными очками и всем его гримом. Потом пройдет время, и муж Дотти начнет выглядеть все лучше и лучше. В конце концов, технологии постоянно совершенствуются. Можно просто сказать, что он снова умер, и его воскресили по новой методике. От них потребуется всего лишь немного терпения – небольшая цена, если представить, какая награда их ожидает: Дотти освободится от своего проклятия, и они с Фрэнком будут богаты.

Самым очевидным исходом представлялась гибель в волнах. Они уже несколько раз прокручивали эту идею, и вот теперь она показалась идеальной. Перекинуть Уоррена за борт, и он камнем пойдет на дно, ведь все его протезы – из металла. А если сделать это на корме – сбросить его в бурлящий, фосфоресцирующий кильватерный след от восемнадцати азимутных винтов «Блистательного бродяги», – его порвет на корм акулам. Не останется даже тела, которое можно найти. Конечно, завоют сирены, одна из камер на корпусе судна, вероятно, зафиксирует падение, однако даже самые сложные технологии не помогут установить, что именно произошло в восьмибалльный шторм. Особенно если это случится в темноте и на Уоррене будут форменный блейзер в сиреневую полоску и радиомаячок, который обязаны носить все члены экипажа.

На следующий день разыгрался шторм, подобный тому, что уничтожил корабль Одиссея, и все увеселительные заведения «Блистательного бродяги» быстро опустели – пассажиры разбрелись по каютам. Парикмахерская закрылась пораньше. Несколько плавательных бассейнов накрыли брезентом. Декоративное озерцо в «Парке наслаждений» спустили. В воздухе стояли стоны и скрежет, непонятные приглушенные стуки, грохот и вездесущая вонь блевотины.

Двигаясь по кренившимся коридорам к месту условленной встречи, Фрэнк уже сам удивительным образом верил в собственное самоубийство. Его последняя лекция на борту «Блистательного бродяги» была об Орфее, который пытался

спасти покойную жену Эвридику из царства мертвых, и Фрэнку не составило труда, глядя на этих выцветших зомби, стереть с лица обычную заразительную улыбку и придать себе угрюмый и депрессивный вид. Точно так же он вел себя и с коллегами. На самом деле, понял вдруг он, он вел себя так уже не один год. Во всем, даже в ярости разбушевавшегося шторма, чувствовалась какая-то неотвратимость. Вернувшись в свой спальный модуль, Фрэнк с неожиданной для себя легкостью сочинил предсмертную записку. Удивительно ярко описал пустоту своей жизни: никчемную монотонность разговоров, экскурсий, стоянок и погрузок. А еще долгие часы в спортзале, ритуальные соблазнения с обязательным притворным сопротивлением и неизбежным сексом, за которым следовал еще более неизбежный разрыв со столь же притворным сожалением. Он сам невольно изумился, каким сущим адом была его жизнь до встречи с Дотти. Если посмотреть на нее трезвым взглядом, то немедленное желание смерти казалось очень даже оправданным.

Он пришел на пересечение коридоров между Аркадой любителей боулинга и самым маленьким из пяти бургер-баров на две минуты раньше назначенного времени и с облегчением обнаружил, что вокруг пусто и его никто не видит. Дотти, как он и ожидал, оказалась пунктуальна и была по-прежнему прекрасна, несмотря на серый плащ и покойного мужа, которого она едва ли не волоком тащила по вставшему на дыбы полу. Уоррен был в своей обычной хлопчатобумажной куртке с начесом, широких нейлоновых штанах и кроссовках на липучке, солнцезащитные очки и парик сидели кое-как.

– Поздоровайся с Фрэнком, – велела Дотти, хватаясь за поручень и удерживая Уоррена за шиворот. – Ночь, конечно, ужасная, но я уговорила Уоррена прогуляться, чтобы немного прийти в себя.

Фрэнк кивнул. Во рту у него пересохло.

– Не хочешь мне помочь? – прибавила она, толкая Уоррена в объятия слегка ошалевшего Фрэнка.

– Пойдем, старина, – услышал Фрэнк собственное бормотанье, приваливая ветхое существо к переборке. – Может, снимем вот это?

Он спешно стянул с Уоррена черную куртку, показавшуюся на ощупь потрепанной, теплой и чуть засаленной, хотя куда отвратительнее был вид и ощущения от Уоррена без куртки. Покойник пробормотал что-то и обернулся на Дотти, глядя на нее все тем же преданным щенячьим взглядом, но сопротивляться даже не пытался.

– И может, еще это?

Парик на ощупь был еще теплее и засаленнее.

– И это…

На сей раз были солнцезащитные очки, сдернутые с подобия ушей и носа. Фрэнку приходилось старательно прицеливаться, выверяя свои движения на гулявшем вверх и вниз судне. Боже мой, ну и развалина этот Уоррен!

– Кажется, вы замерзли, мистер Хастингс…

Фрэнк скинул с себя блейзер:

– Давайте-ка наденем это.

Еще несколько маневров – и Уоррен был облачен в форменный пиджак Фрэнка. Фрэнк едва не забыл о радиомаяке, но Дотти напомнила ему быстрым шепотом. Даже теперь, в новом прикиде, Уоррен выглядел всего лишь на редкость лысым и анемичным пугалом, и Фрэнк усомнился, убедит ли кого-нибудь маскарад, но в следующий миг распахнул тяжелую дверь навстречу могучему шторму.

Палуба была залита водой. Дотти задержалась за дверью. В воздухе висели соленые брызги. Удивительно, как она сумела столько сделать, чтобы ему помочь, если вспомнить, какими путами связал ее этот сморчок. Теперь же от нее требовалось всего лишь не потерять его куртку, парик и солнцезащитные очки. По серому небу гуляли пурпурные всполохи. Пока Фрэнк Онионз поскальзывался, силясь перетащить Уоррена Хастингса на корму «Блистательного бродяги», он чувствовал себя Одиссеем, который спасается с острова Цирцеи, Ясоном с его аргонавтами в поисках золотого руна. Уже скоро он достигнет того теплого, приветливого берега, который обещала ему Дотти.

Еще несколько рывков, и он вцепился в кормовое ограждение, крепко держа Уоррена, хотя оба они промокли до нитки, а небо уже было не отличить от моря. Потом Фрэнк ощутил, как вздымается над волнами стальная громада кормы «Блистательного бродяги», до предела напрягая все свои заклепки, и на какой-то бесконечный миг показалось, что корабль так и будет подниматься, пока воды не подомнут его под себя. Фрэнк поскользнулся и едва не упал, когда схватил Уоррена за руку и попытался перекинуть его через леер.

– Хватит дергаться, сволочь! – прокричал Фрэнк в бурю, хотя Уоррен и не думал дергаться.

Когда корабль вздрогнул и начал падать в обратную сторону, он снова попытался поднять Уоррена, и на этот раз ему удалось. Сейчас, когда они вдвоем плясали на накренившейся палубе, Фрэнк стоял совсем близко к мертвецу, что его вовсе не радовало, и даже в неровном свете заметил, что, несмотря на серую кожу, впалые щеки и цыплячью грудь, в Уоррене Хастингсе осталось

нечто, вроде бы не до конца мертвое. Наверное, это было у него в глазах, лишившихся выпуклых солнцезащитных очков, или же в изломе губ, с которых смыло пудру и румяна. Мертвяк, должно быть, сообразил, что происходит, однако по-прежнему не пытался сопротивляться и не выказывал страха. Если в его взгляде и читалось что-то, когда Фрэнк наконец-то сумел подсунуть одну руку под мокрую и пустую подмышку Уоррена, а другую – под еще более пустую мошонку и одним финальным рывком перебросить его через ограждение, то больше всего это было похоже на облегчение. Или даже жалость…

– Получилось? Как ты?

Дотти к этому моменту сумела выбраться на палубу. Заклятие импринтинга уже было сломлено, и она быстро обвила его руками. Они поцеловались, порывисто и страстно.

– Я люблю тебя, Фрэнк, – сказала она.

Руки у нее оказались сильные, и, когда завыли сирены и по палубе зашарили лучи света, она увлекла его за спасательную шлюпку с подветренной стороны, вынула из кармана плаща что-то серебристое, и оно задрожало и развернулось живой драгоценностью.

– Я люблю тебя.

Она снова это сказала и поцеловала его еще крепче, а он ощутил на шее что-то острое.

– Я люблю тебя.

Она обняла его сильнее, чем прежде, когда в ухе вспыхнула боль.

– Я люблю тебя.

Она повторяла это снова, и снова, и снова.

Где он только ни был. Чего он только ни повидал. Он смотрел сверху на Землю, такую маленькую, что мог бы закрыть ее большим пальцем, он плавал по небу над вершиной Эвереста. Если бы все это великолепие можно было купить, Фрэнк Онионз охотно заплатил бы любую цену. Хотя самым великолепным из всего, перед чем меркли все восходы луны и закаты солнца, была постоянная радость от общества Дотти. А деньги – и даже все невероятные вещи, какие можно за них купить: стеклянные террасы, сады на подводных лодках, возрожденные дворцы Бирмы, – они всего лишь та река и та монетка, обол. Быть с нею, делиться с нею своей плотью и кровью – вот переживание, перед которым меркнет даже самый яркий сексуальный экстаз.

Дни сменяют друг друга. Живые умирают, мертвые живут, но любовь Фрэнка к Дотти неизменна. Всего пару раз он оглядывался на путь, сведший их вместе, – так с трепетом

взирают на отпечатки босых ног, оставленные на древнем полу. Теперь он знает, что настоящий Уоррен Хастингс сочетался браком со своей прелестной шестой женой за несколько месяцев до смерти или же простого исчезновения при обстоятельствах, которые в иные времена и в других культурах сочли бы подозрительными. И после того – как и до – Дотти оставалась такой же ошеломительно прекрасной и лишенной возраста. И при ней всегда находился компаньон, которого она предпочитала именовать своим мужем. Иногда, когда это уместно, она даже называет его Уорреном. Фрэнку нет нужды спрашивать, почему Дотти предпочла смерти жизнь. Он и сам прекрасно понимает. В конце концов, зачем тому, у кого есть деньги и выбор, дожидаться прихода старости и болезней, чтобы затем воскреснуть? И на какие жертвы и поступки он ни решится, чтобы остаться прекрасным навеки?

Дотти – мир Фрэнка, его магнит. Он живет с нею и в ней и с радостью отдает ей органы, конечности и телесные жидкости. Что до него самого, он сознает, что теперь уже не тот холеный самец, который когда-то подпал под ее обаяние. На прошлой неделе на стеклянных равнинах под Парижем он отдал ей добрую порцию своего костного мозга и третью отращенную почку. Из-за этой и прочих донорских операций, а также из-за огромного количества иммунодепрессантов, которые он вынужден принимать постоянно, он сделался тощим, слабым, у него все время кружится голова. Волосы у него давно выпали, он вынужден носить солнцезащитные очки, чтобы защитить подслеповатые глаза, он подволакивает ноги и передвигается бочком. Он понимает, что уже начал походить на то существо, которое сбросил с кормы «Блистательного бродяги», и чудеса его нынешней жизни не будут длиться вечно.

В тех кругах, где они вращаются, весьма далеких от орд любителей старинных развалин с «Блистательного бродяги», всех этих безропотно усопших представителей среднего класса, отношения Фрэнка и Дотти вполне обычны. Как она сказала ему однажды – теперь кажется, что это было в другой жизни, – кто теперь знает и кому есть дело до того, что законно, а что нет? Время от времени, когда иссохшие человеческие оболочки, которые сопровождают Дотти и ее друзей, вот-вот истощатся совсем, они отправляются на несколько недель пожить жизнью простых смертных, насладиться охотой на свежий, всегда готовый делиться набор запчастей. Они называют это «вспять через Стикс». Это новый вид симбиоза, тот самый импринтинг, и Фрэнку подобные отношения кажутся почти идеальными. Лишь иногда, когда боль и слабость в истончившихся костях становятся

совсем нестерпимыми, он глядит на этих золотистых созданий, окружающих его, и спрашивает себя: кто теперь действительно мертв, а кто жив?

Тэд Уильямс
И вестники Господни

*Тэд Уильямс завоевал всемирную известность после выхода первого же романа, «Хвосттрубой, или Приключения молодого кота» («*Tailchaser's Song*»), который благодаря своему высокому уровню и преданности читателей сумел возглавить списки бестселлеров «New York Times» и «London Sunday Times». Перу Уильямса принадлежат романы «Трон из костей дракона» («*The Dragonbone Chair»), «*Скала Прощания*» («*The Stone of Farewell»), «*Башня Зеленого Ангела*» («*To Green Angel Tower»), «*Город золотых теней*» («*City of Golden Shadow»), «*Река голубого пламени*» («*River of Blue Fire»), «*Гора из черного стекла*» («*Mountain of Black Glass»), «*Море серебряного света*» («*Sea of Silver Light*»), «*Час Калибана*» («*Caliban's Hour»), «Дитя древнего города» («Child of an Ancient City») (совместно с Ниной Кирики Хоффман), «Война цветов» («*The War of the Flowers»), «*Марш теней*» («*Shadowmarch*») и «*Игра теней*» («*Shadowplay*»), «*Восхождение тени*» («*Shadowrise*») и «Сердце тени» («Shadowheart»), а также повесть «Явившийся в пламени» («The Burning Man») и сборник «Ритуал. Малая проза» («Rite: Short Work»). В качестве составителя он выпустил антологии «Зеркальный мир Тэда Уильямса. Иллюстрированный роман» («Tad Williams' Mirror World: An Illustrated Novel») и «Сокровищница фэнтези» («A Treasury of Fantasy»). Помимо романов, Уильямс пишет сюжеты для комиксов и кино- и телесценарии и является соучредителем интерактивной телекомпании. Вместе со своей семьей он живет в Вудсайде, Калифорния.*

Перед нами динамичный захватывающий триллер о преданном воине Господа, чья вера подвергается испытанию во время его самой опасной миссии…

Семя бубнит, мурлычет, соблазняет, наущает…

«Один мудрый человек с нашей родной планеты сказал: „Человек способен изменить свою жизнь, изменив свой образ мыслей“. Для по-настоящему убежденного человека нет ничего невозможного. Вся Вселенная в наших руках!»

«Посетите „Оргазмий“! Теперь он открыт круглосуточно! Мы принимаем „карточки сенатора“. „Оргазмий“ – здесь на первом месте вы, и только вы!»

«Температура у вас нормальная. Давление у вас нормальное, но имеет тенденцию к повышению. Если это не прекратится, советуем посетить врача».

«Я почти живая! Идеальная спутница для тебя – полностью портативная! Я мечтаю подружиться с тобой. Давай познакомимся! Познакомь меня со своим друзьями. Вместе веселее!»

«Дома-соты – уже в продаже! Проконсультируйтесь с вашим местным центром расселения. Абсолютно новые жилища, односемейные и многосемейные. Оплата в рассрочку, низкие проценты, часть первого взноса за государственный счет!»

«Цены на товары повседневного спроса в индексе Сэклера несколько выросли, несмотря на довольно вялые утренние торги. Премьер-министр выступит в парламенте с речью, в которой изложит свои планы по подъему экономики…»

«Один мудрый человек с нашей родной планеты сказал: „Смотри на солнце – тогда не увидишь тени“».

Его зовут Плач Кайн, он Страж Завета – религиозный ассасин. Наставники вложили ему в голову богохульственное семя. Оно зудит, как неискупленный грех, и заполняет голову гнусным языческим шумом.

Лица его спутников по челноку – праздные и скучающие. Как могут неверные жить с этим непрерывным зудением в голове? Что позволяет им выжить и не утратить рассудок, несмотря на эти непрерывные вспышки на грани видимости, назойливо требующие внимания, эту резкую пульсацию мира, исходящего информацией?

«Это все равно что попасть в улей с насекомыми», – думает Кайн: насекомые изо всех сил стараются подражать человеческому существованию, но не понимают его. Как он тоскует по ласковому, внятному голосу Духа, успокаивающему, как прохладная вода, струящаяся по воспаленной коже! Прежде, как ужасна ни была его миссия, этот голос всегда был рядом, утешал его, напоминал о его святой цели. Всю его жизнь Дух был рядом. Всю жизнь – но теперь его не стало.

«Смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время».

Ласковый и теплый, как весенний дождик. Не то что эта бесконечная скверная морось. Каждое слово, что произносил Дух, было драгоценно и сверкало, подобно серебру.

«Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас. Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить».

Это было последнее, что он слышал от Духа, перед тем как военные специалисты заставили Слово Божие утихнуть и заменили его неумолчной безбожной болтовней этого языческого мира, Архимеда.

Его заверили, что это во благо всего человечества: ему, Плачу Кайну, придется согрешить снова, ради того чтобы в один прекрасный день все люди могли свободно поклоняться Творцу. Кроме того, заметили старейшины, чего ему бояться? Если он преуспеет и покинет Архимед, языческое семя будет удалено и Дух вновь будет свободно говорить в его мыслях. А если ему не удастся бежать – что ж, тогда Кайн услышит истинный голос Божий у подножия Его могучего престола. «Хорошо, добрый и верный раб!..»

«Начинаем спуск! Просьба вернуться в капсулы, – чирикали в голове языческие голоса, язвящие, как крапива. – Спасибо за то, что выбрали наш рейс! Пожалуйста, сложите всю еду и ручную кладь в контейнер и закройте его. Это ваша последняя возможность приобрести наркотики и алкоголь без наценки! Температура в салоне – двадцать градусов по Цельсию. Затяните потуже ремни. Начинаем спуск! Давление в кабине постоянное… Отстыковка через двадцать секунд! Десять секунд… Девять… Восемь…»

И так без конца. И каждое безбожное слово жжется, колется, зудит…

Кому нужно знать все эти бесполезные вещи?

Он родился на одной из христианских кооперативных ферм на плоских и пустынных равнинах Завета. Ребенком его привезли в Новый Иерусалим в качестве кандидата в элитное подразделение Стражей. Когда он впервые увидел белые башни и золотые купола величайшего города родной планеты, Кайн подумал, что так, должно быть, выглядят небеса. Теперь, когда перед ним вставал Эллада-Сити, столица планеты Архимед, оплот врагов его народа, он выглядел куда огромнее, чем даже его детские, сильно преувеличенные впечатления от Нового Иерусалима: громадный город без конца и края, замысловатый бело-серо-зеленый узор из непонятных строений, выровненных по линеечке парков и кружевных поликерамических небоскребов, которые слегка покачивались в облаках, точно водоросли на дне моря. Масштабы этого города поражали и подавляли. Впервые в жизни Плач Кайн на миг усомнился – нет, не в праведности своего дела, но в неизбежности его победы.

Но он тут же напомнил себе то, что Господь сказал Иисусу Навину: «Вот, Я предаю в руки твои Иерихон и царя его, и находящихся в нем людей сильных…»

«Вы уже пробовали „Сливочные хрустики“? – Голос ворвался в его мысли, точно клаксон. – Попробуйте непременно! Вам понравится! В любом продуктовом отделе! „Сливочные хрустики“ – хрустящие сливки! Мам, не будь стервой! Купи мне „Сливочные

хрустики“ – три пачки сразу!»

«Царствием земным владеет диавол, – любил говорить один из его любимых учителей. – Но даже ему, с его высокого трона, не разглядеть Града Небесного!»

«Светящаяся подкожная татушка в каждой пачке! Просто вотри ее под кожу – и сияй!»

«Господи Иисусе, сохрани и защити меня в этой темной бездне и дай мне сил еще раз выполнить Твое дело! – молился Кайн. – Я слуга Твой! Я слуга Завета!»

Оно не умолкает ни на секунду. После того как челнок приземлился и их вывели через шлюзы в космопорт, оно сделалось еще назойливее. «Не забывайте мудрое изречение… качество воздуха сегодня около тридцати по шкале Тян-Фу… впервые прибывшие на Архимед, пожалуйста, пройдите сюда… постоянные жители планеты, пожалуйста, пройдите туда…», где стать, что сказать, что приготовить. Рестораны, ленты новостей, информация транспортной службы, расселение в гостиницах, иммиграционное законодательство, экстренные службы и болтовня, болтовня, болтовня… Кайну хочется завизжать. Он смотрит на уверенных, самодовольных жителей Архимеда, снующих вокруг, и ненавидит каждого из них. Как можно ходить, улыбаться, разговаривать друг с другом, когда в голове это вавилонское смешение языков, а в сердцах нет Бога?

«Налево. Идите по зеленой дорожке. Налево. Идите по зеленой дорожке». Это даже не люди, это не могут быть люди – так, грубые подобия человека. И каково разнообразие голосов, которыми изводит его это семя! Пронзительные и басистые, тараторящие и вкрадчивые, неторопливые и рассудительные, взрослые, детские, с разными акцентами, большей части из которых он даже не узнает и понимает с трудом! Его благословенный Дух всегда говорил одинаково, одним и тем же голосом. Он отчаянно тоскует по ней. Да, он привык думать о Духе как о женщине, хотя это с тем же успехом мог бы быть спокойный, нежный голос мальчика. Впрочем, это не важно. Земные половые различия не имеют значения там, наверху, святые ангелы Божии не имеют пола. Дух был его постоянным спутником с малолетства, его советником, его неразлучным другом. А теперь у него в мозгах языческое семя, и, быть может, он никогда больше не услышит ее благословенного голоса…

«Я не оставлю тебя и не покину тебя». Так сказал ему Дух в ту ночь, когда он был окрещен, в ту ночь, когда он – она – впервые заговорила с ним. Ему было шесть лет. «Я не оставлю тебя и не покину тебя».

Нельзя думать об этом. Разумеется, не следует думать ни о чем, что способно поколебать его мужество, его решимость исполнить свою миссию, но дело не только в этом. Есть и более серьезная опасность: определенные мысли, будучи достаточно сильными, способны привлечь внимание детекторов космопортовской службы безопасности, настроенных на определенные характерные паттерны мозга, особенно повторяющиеся.

Один мудрый человек с нашей родной планеты сказал: «Человек есть мера всех вещей…» Нет, чуждое семя не желает, чтобы он думал о чем-то еще.

«Вам никогда не хотелось поселиться в Священнодубской Гавани? – перебил другой голос. – Всего двадцать минут от делового центра – и вы окунаетесь в иной мир, мир покоя и комфорта…»

«…И несуществующих, что они не существуют», – закончил первый голос, снова выплывая на поверхность. Другой мудрец сказал еще точнее: «Люди делятся на две категории: умные, не имеющие религии, и религиозные, не имеющие ума».

Кайна пробирает дрожь, несмотря на идеальный искусственный климат. «Надо затушевывать мысли!» – напоминает он себе. Он изо всех сил старается раствориться в бормотании голосов и мелькании лиц вокруг, превратиться в бессмысленного, бессловесного зверя, чтобы спрятаться от врагов Господа.

Разнообразных механических часовых и двоих живых охранников он минует без труда, как и рассчитывал, – братья-военные хорошо подготовили его маскировку. Он стоит в очереди к последнему пропускному пункту, когда замечает ее, – по крайней мере, он думает, что это именно она: маленькая смуглокожая женщина, которую волокут под локти два космопортовских охранника, облаченных в тяжелую броню. На миг их взгляды пересекаются, она смотрит ему прямо в глаза – а потом снова опускает голову, довольно убедительно изображая стыд. Сквозь туман архимедианских голосов в памяти всплывают слова из инструктажа: «Сестра-мученица», однако он поспешно затушевывает их. Если и есть слово, которое способно насторожить детекторы, так это «мученица».

Последний пропускной пункт – самый дотошный, как и должно было быть. Часовому, чьего лица было почти не видно за многочисленными сканерами и линзами, не понравилось, что в маршрутном листе Кайна значилась Арджуна, последний порт, где он побывал перед тем, как отправиться на Архимед. Арджуна

не состоит в союзе ни с Архимедом, ни с Заветом, хотя обе планеты рассчитывают привлечь этот мир на свою сторону, и у него нет официальных дипломатических отношений ни с тем ни с другим.

Служащий еще раз проводит своим сканером над маршрутным листом Кайна.

– Гражданин Макнелли, можете ли вы объяснить, с какой целью вы останавливались на Арджуне?

Кайн повторяет заученную легенду: он был в гостях у своего родственника, который работает в горнодобывающей промышленности. Арджуна богата платиной и другими минералами, и это еще одна причина, по которой обе планеты хотят заключить с ней союз. Однако на данный момент ни архимедианские рационалисты, ни авраамиты с Завета пока не сумели там зацепиться: большинство жителей Арджуны, прибывшие изначально с полуострова Индостан, не желают враждовать ни с теми ни с другими, что всерьез беспокоит как Архимед, так и Завет.

Служащего не устраивают объяснения Плача Кайна, и он принимается изучать его прикрытие более тщательно. Кайн гадает, сколько еще времени придется ждать отвлекающего маневра. Он отворачивается с небрежным видом, окидывает взглядом прозрачные кабинки из уранового стекла, расположенные вдоль дальней стены, и. наконец находит ту, где допрашивают смуглокожую женщину. Кто она – мусульманка? Коптка? А может, и нет – на Завете живут и австралийские аборигены-иудеи, остатки движения Потерянных Племен, существовавшего на старой Земле. Он напоминает себе, что совершенно не важно, кто она: она его сестра во Господе и вызвалась пожертвовать собой ради успеха миссии – его миссии.

На миг она оборачивается, и их глаза снова встречаются сквозь искажающую стеклянную стену. На щеках у нее оспинки от прыщей, но вообще она хорошенькая, на удивление молодая для такого задания. Интересно, как ее имя? Когда он вернется – если вернется, – он сходит в Великую Скинию в Новом Иерусалиме и поставит свечку в память о ней.

Карие глаза. Ему кажется, что она смотрит печально, потом отводит взгляд, оборачивается обратно к охранникам. Неужели это правда? Во время обучения в центре подготовки мученики – самые привилегированные из учащихся. И она знает, что вот-вот увидит лик Самого Господа… Отчего же она не ликует? Неужели она страшится боли расставания со своим земным телом?

Часовой, стоящий напротив, смотрит в пространство, читая сведения, которые проходят у него перед глазами. Плач Кайн

открывает рот, чтобы что-нибудь сказать – чтобы поболтать о том о сем, как поступил бы любой гражданин Архимеда, вернувшийся домой после долгого отсутствия, респектабельный гражданин, виновный разве что в том, что посмотрел несколько религиозных передач на Арджуне, – и замечает краем глаза какое-то движение. Молодая смуглокожая женщина в кабинке из уранового стекла воздевает руки. Один из стражников в доспехах отшатывается от стола, едва не падая на пол, второй тянется к ней рукой в перчатке, словно желая остановить, – но на его лице беспомощное, безнадежное выражение человека, который видит свою смерть. Мгновением позже по ее рукам взбегает голубоватое пламя, рукава свободного платья обугливаются, и она исчезает во вспышке ослепительно-белого света.

Люди визжат, разбегаются подальше от стеклянной стены, которая вся пошла трещинами. Свет вспыхивает и затухает, стеклянные стены покрываются изнутри черной коркой – Кайн догадывается, что это человеческий жир, обратившийся в пепел.

Человек-бомба – нанобиотическая термальная вспышка – отчасти потерпел неудачу. Так решит их служба безопасности. Но разумеется, те, кто разрабатывал миссию Кайна, и не собирались устраивать настоящий взрыв. Это был всего лишь отвлекающий маневр.

Часовой на пропускном пункте затемняет стекла и запирает свою лавочку. Прежде чем броситься на помощь спасателям, которые борются с пожаром – клубы черного дыма уже просачиваются в вестибюль, – он сует Кайну в руку его маршрутный лист и машет рукой – проходите, мол. Пропускной пункт закрывается за спиной Кайна.

Плач Кайн был бы только рад покинуть зал, даже если бы действительно был безобидным путешественником, за которого себя выдает. Ужасный дым расползается по залу, разнося приторную вонь горелого мяса.

Какое выражение было на ее лице перед тем, как она отвернулась? Трудно вспомнить что-то, кроме этих бесконечно глубоких темных глаз. Правда ли, что она чуть заметно улыбнулась, или это он обманывает себя? А даже если это был страх, что тут удивительного? Наверное, даже святым было страшно гореть заживо…

«Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла…»

«С возвращением в Элладу, гражданин Макнелли!» – провозглашает голос у него в голове, а следом за ним накатывают другие, толпа, гул, зудение.

Он изо всех сил старается не глазеть по сторонам, пока такси несется через мегаполис, однако же главный город Архимеда

поневоле производит на него впечатление. Одно дело – когда тебе рассказывают, сколько миллионов народу тут живет и ты пытаешься представить себе город, который в несколько раз больше Нового Иерусалима, и совсем другое – видеть полчища людей, которыми запружены тротуары и висячие мосты. Население Завета большей частью рассредоточено по буколическим поселениям вроде того, где вырос Кайн, по сельскохозяйственным кооперативам, которые, как объясняли ему наставники, помогают детям Божиим держаться ближе к земле, питающей их. Временами он забывал, что та рыжеватая почва, которую он рыл, рыхлил и удобрял все свое детство, – совсем не та земля, о которой говорится в Библии. Как-то раз он даже спросил у наставницы, отчего, если Господь сотворил старую Землю, народ Книги оставил ее.

– Господь сотворил все планеты, чтобы они были землей для детей Его, – объяснила наставница, – точно так же как Он сотворил все материки старой Земли и отдал их во владение разным народам. Однако самые лучшие земли, земли, текущие молоком и медом, Он всегда приберегал для детей Авраама. Вот почему, когда мы покинули землю, Он дал нам Завет.

И теперь, думая об этом, Кайн ощущает прилив теплоты и одиночества одновременно. Да, воистину: самое трудное, что можно сделать ради любви, – это отречься от возлюбленного. Сейчас ему страшно не хватает родного Завета. Он с трудом сдерживается, чтобы не расплакаться. Это даже удивительно для такого опытного человека, как он. «Воины Господни не скорбят, – сурово напоминает он себе. – Они заставляют скорбеть других! Они приносят врагам Господа плач и скрежет зубовный. Плач…»

Он выходит из такси на некотором расстоянии от конспиративной квартиры и проходит остаток пути пешком, окунаясь в знакомые и в то же время экзотические запахи. Он дважды обходит окрестности, чтобы убедиться, что за ним не следят, затем входит в многоквартирный дом, на медлительном, но бесшумном лифте поднимается на восемнадцатый этаж и отпирает кодовый замок. Квартира выглядит точно так же, как любая конспиративная квартира Завета на любой из планет: шкафы, набитые продуктами и медикаментами, почти никакой мебели, за исключением кровати, стула и маленького столика. Это не место для отдыха и беспечности – это привал по пути к Иерихону.

Пора трансформироваться.

Кайн наполняет ванну водой. Находит химический лед, активирует десяток пакетов и бросает их в воду. Потом выходит на кухню, находит необходимые минералы и химикаты. Наливает

в смесь достаточно воды, чтобы вышло нечто вроде густого и горького молочного коктейля, и выпивает его, пока вода в ванне стынет. Когда температура становится достаточно низкой, он раздевается и залезает в воду.

– Понимаешь, Кайн, – объяснял ему один из военных специатистов, – настал момент, когда мы не можем провезти на Архимед никакого, даже самого примитивного оружия, не говоря уже о чем-то существенном, а на самой планете владение оружием регулируется настолько строго, что приобрести его там нечего и думать. Поэтому мы пошли иным путем. Мы создали живое оружие – Стражей. Таких, как ты, слава Создателю. Тебя начали готовить с детства. Именно поэтому ты всегда был не таким, как твои сверстники: ты был проворнее их, сильнее, сообразительнее. Однако мы достигли предела того, что можно сделать с помощью генетики и обучения. Нам нужно дать тебе то, что понадобится тебе, чтобы стать истинным орудием правосудия Господнего. Да благословит Он тебя и все наши труды во имя Его. Аминь.

«Аминь! – откликнулся Дух у него в голове. – Теперь ты уснешь».

– Аминь! – сказал Плач Кайн.

И ему сделали первую инъекцию.

Когда он проснулся после того первого раза, было больно, но эта боль была пустяком по сравнению с тем, когда он впервые активировал нанобиоты, или «ноты», как называли их военспецы. Когда ноты взялись за дело, ощущение было как от ужасного солнечного ожога, причем как снаружи, так и изнутри, вдобавок ему в течение часа казалось, что его лупят раундбольной битой и что он лежит на дороге, по которой марширует отряд святых воинов с полной выкладкой.

Короче, боль была адская.

Теперь, на конспиративной квартире, он закрывает глаза, убавляет звук архимедианского семени, насколько это возможно, и принимается за работу.

Сейчас это стало проще, чем раньше, и, уж конечно, преображение проходит легче, чем в тот ужасный первый раз, когда он был настолько неуклюж, что едва не оторвал собственные мышцы от связок и костей.

Он не просто трансформируется – он думает о том, где находятся мускулы, которые трансформируются, если он захочет их трансформировать, потом о том, как бы он начал двигать ими, если бы собирался шевелить ими чрезвычайно медленно, и с этой первой мыслью клетки мало-помалу начинают рассоединяться и соединяться в другие, более полезные конфигурации,

медлительно и постепенно, как растение, поворачивающееся к солнцу. Несмотря на то что он проделывает это чрезвычайно деликатно, температура повышается и мышцы сводит судорогой, но не как в первый раз. Ты как будто рождаешься в муках – нет, как будто тебя судят и находят недостойным. Как будто сама твоя земная плоть пытается разлететься в клочья, как будто бесы пронзают твои суставы раскаленными вилами. Муки, адовы муки!

Испытывала ли сестра нечто подобное в свои последние мгновения? Есть ли способ войти в дом Господень без ужасной, священной боли? У нее были карие глаза. Ему кажется, что они были печальны. Было ли ей страшно? Но отчего бы Иисусу не дозволить ей устрашиться, ведь Он и сам возопил на кресте?

«Благодарю Тебя, Господи, – говорит боли Плач Кайн. – Ты напоминаешь мне, чтобы я не терял бдительности! Я – Твой слуга и горжусь тем, что облачаюсь в Твои доспехи!»

На преображение у него уходило в лучшем случае часа два. Сейчас, когда он был утомлен долгим путешествием и его разум тревожили непонятные мысли о мученической кончине той женщины, ему потребовалось более трех часов.

Кайн вылезает из ванны, весь дрожа. Большая часть жара рассеялась, и его кожа посинела от холода. Прежде чем закутаться в полотенце, он изучает результаты своих трудов. Извне разница почти незаметна, разве что грудь сделалась несколько шире, но он ощупывает себя и чувствует под пальцами живот, превратившийся в твердый панцирь, и толстый слой хряща, который теперь защищает гортань. Кайн остается доволен собой. Уплотнения под кожей, конечно, не остановят выпущенную в упор пулю, но они помогут отразить пули, выпущенные издалека, и даже позволят пережить пару-тройку выстрелов с близкого расстояния и все же сделать свое дело. Лодыжки и запястья укреплены сеткой пружинистых хрящиков. Мышцы разрослись, легкие расширились, дыхание и кровоснабжение сделались куда совершеннее. Он – Страж, и он при каждом движении ощущает священные изменения, произошедшие в его теле. Внешне он – нормальный человек, но на самом деле он могуч, как Голиаф, чешуйчат и гибок, точно змий.

Разумеется, он голоден как волк. Шкафы набиты концентратами питательных коктейлей. Он добавляет в концентрат воды и льда из кухонного комбайна, смешивает себе первый коктейль и осушает его одним глотком. Только после пятой порции он начинает ощущать, что насытился.

Кайн опускается на кровать – внутри его все еще что-то шевелится и потрескивает, преображение еще не завершилось окончательно – и включает стену. Образы оживают, семя у него в

голове принимается озвучивать их. Он усилием мысли пролистывает спорт, моду, театр – всю эту бессмыслицу, которой эти создания заполняют свою пустую жизнь, – пока наконец не находит канал текущих событий. Поскольку он на Архимеде, в гнезде язычников-рационалистов, даже новости осквернены гнусностями, сплетнями и развратом, однако ему удается, миновав всю эту грязь, найти сообщение о том, что власти Новой Эллады называют «неудавшимся терактом в космопорту». На экране всплывает портрет сестры-мученицы, очевидно взятый из ее документов. Все личные эмоции на ее лице тщательно скрыты благодаря обучению – однако, увидев ее снова, он чувствует странный толчок изнутри, как будто ноты, перенастраивающие его тело, внезапно начали еще одну забытую операцию.

Ее зовут Нефиза Эрим. Имя не настоящее, почти наверняка, точно так же как и он – не Кинан Макнелли. Изгнанница, вот ее истинное имя. Еще ее могли бы звать Отверженная, так же как и его самого могли бы звать Отверженным. Отверженная неверующими самодовольными безбожными тварями, которые, подобно древним мучителям Христа, так боятся Слова Божия, что пытаются изгнать Его из своей жизни, со всей своей планеты! Но Бога не изгонишь, пока живо хотя бы одно человеческое сердце, способное внимать Его голосу. Кайн знает: до тех пор пока жив Завет, он останется могучим мечом в руке Господней и неверные не забудут, что такое подлинный страх!

«Молю Тебя, Господи, дай мне достойно служить Тебе! Даруй нам победу над врагами! Помоги покарать тех, что упорствуют, отрицая Тебя!»

И тут, вознося эту безмолвную молитву, он видит на экране ее лицо. Нет, не своей сестры во мученичестве, с огромными, глубокими глазами и смуглой кожей. Нет, то она – наперсница диавола, Кита Джануари, премьер-министр Архимеда.

Его цель!

Он невольно обращает внимание, что сама Джануари тоже довольно темнокожая. Это смущает его. Разумеется, он уже видел ее прежде, ее изображение демонстрировали ему десятки раз, но сейчас он впервые замечает, что ее кожа чуть темнее, чем обычный загар, в ее крови чувствуется нечто иное, помимо бледных скандинавов, о которых так отчетливо свидетельствует овал лица. Как будто сестра Нефиза, обретшая мученическую кончину, каким-то образом заполнила собой все, даже его будущую мишень. Или же погибшая каким-то образом проникла в его мысли и теперь чудится ему повсюду?

«Все, что видишь, можно есть!» Он в основном научился игнорировать эти кошмарные голоса у себя в мозгу, но временами

они все же прорываются, сбивая его с мысли.

«Буфет „Барнсторм“! Даже если вы съедите столько, что не сможете встать, – нас это не волнует! Ваши деньги окупятся сполна!»

Совершенно не важно, как выглядит премьер-министр, мерещится ему это или нет. Чуть темнее, чуть светлее – какая разница? Если дела диавольские тут, среди звезд, имеют облик – это узкое, точеное лицо Киты Джануари, главы рационалистов. И если Бог хочет чьей-то смерти – Он, несомненно, хочет, чтобы она умерла.

Она будет не первой: Кайн отправил на суд уже восемнадцать душ. Одиннадцать из них были языческими шпионами или опасными смутьянами дома, на Завете. Еще один был предводителем секты крипторационалистов в Полумесяце – позднее Кайн узнал, что его смерть была услугой исламским партнерам по правящей коалиции Завета. Политика… Он не знает, как к этому относиться. Хотя он твердо знает, что покойный доктор Хамид был скептиком и лжецом и совращал добрых мусульман. И все же… политика!

Еще пять были лазутчиками, проникшими в ряды святых воинов Завета, армии его народа. Большинство из них жили в постоянной готовности к разоблачению, и некоторые отчаянно сопротивлялись.

Последние двое были политик и его жена с нейтральной планеты Арджуна, всерьез сочувствующие рационалистам. По требованию наставников Кайн сделал так, чтобы это убийство выглядело как зашедшее чересчур далеко ограбление: было еще рано демонстрировать, что рука Господня вмешивается в дела Арджуны. Однако же в сетях и средствах массовой информации Арджуны ходили слухи и звучали обвинения в адрес Завета. Люди, распространявшие слухи, даже придумали неизвестному убийце прозвище: Ангел Смерти.

Доктор Пришрахан и его жена оказали сопротивление. Ни он, ни она не хотели умирать. Кайн позволил им побороться, хотя ему ничего не стоило убить их моментально. Следы борьбы были лишним подтверждением версии об ограблении. Но ему это не понравилось. И Пришраханам, разумеется, тоже.

«Он отмстит за кровь рабов Своих и воздаст мщение врагам Своим», – напомнил ему Дух, когда он покончил с доктором и его женой. И он понял. Судить – не его дело. Он не принадлежит к стаду, он куда ближе к волкам, которых истребляет. Плач Кайн – палач Господень.

Он уже достаточно остыл благодаря ванне, чтобы одеться.

Суставы все еще побаливают. Он выходит на балкон на склоне ущелья, состоящего из многоквартирных домов, усеянных светящимися окнами, – тысячи и тысячи светлых квадратиков. Масштабы этого места по-прежнему несколько нервируют его. Странно думать, что происходящее за одним из освещенных окошек в бескрайнем море городских огней потрясет этот густонаселенный мир до самого основания.

Не так-то просто вспомнить все положенные молитвы. Обычно Дух подсказывал ему нужные слова, прежде чем он успевал ощутить себя одиноким. «Не оставлю вас сиротами; приду к вам».

Но сейчас он чувствует себя сиротой. Ему так одиноко…

«Ищешь любви и ласки? – нашептывает в голове голосок, бархатный и пьянящий. На краю поля зрения высвечиваются координаты. – Я жду тебя… и приласкаю почти задаром!»

Он плотно зажмуривается, пытаясь отгородиться от бескрайнего города язычников.

«Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой».

Он проходит мимо концертного зала, просто чтобы посмотреть на место, где будет выступать премьер-министр. Он остерегается подходить слишком близко. Здание возвышается на фоне сетки огней: массивный прямоугольник, похожий на гигантский топор, который вогнали в центральную площадь Эллада-Сити. Он проходит мимо, не останавливаясь.

Скользя в толпе, трудно не смотреть на людей вокруг так, словно он уже исполнил свою миссию. Что бы они сказали, знай они, кто он такой? Отшатнулись бы прочь, страшась гнева Господня? Или же столь великое и благочестивое деяние позволит достучаться до них даже сквозь их страхи?

Ему хочется сказать им: «Смотрите, во мне сияет свет Господень! Я позволил Господу сделать меня орудием в руке Его – и ныне полон величия!» Но он, разумеется, ничего не говорит и молча бредет среди многотысячных полчищ с безмолвным сердцем, обращенным вовнутрь.

Кайн обедает в ресторане. Блюда сдобрены таким количеством приправ, что сделались почти безвкусными. Как он тоскует по простой сельской пище, на которой вырос! Даже солдатская манна и то вкуснее! Посетители щебечут и смеются, в точности как архимедианское семя у него в голове, как будто эта болтливая погань запрограммировала их, а не наоборот. Как же эти люди стремятся окружить себя развлечениями, блеском и шумом, дабы замаскировать пустоту своих душ!

Он идет в место, где пляшут женщины. Странно смотреть на

них: они все улыбаются и улыбаются, они прекрасны и наги, как в темном сне, и в то же зремя они напоминают ему проклятые души, обреченные вечно кривляться, изображая любовь и обаяние. Он никак не может выбросить из головы мысль о мученице Нефизе Эрим. Наконец он выбирает одну из женщин – она не очень похожа на мученицу, но кожа у нее смуглее, чем у прочих, – и позволяет ей увести себя в комнатку позади того места, где они пляшут. Она нащупывает отвердевшие мышцы у него под кожей и говорит: «Ого, какой ты мускулистый!» Он извергается в нее, она спрашивает, отчего он плачет. Он говорит ей, что она ошиблась. Когда она спрашивает еще раз, он дает ей пощечину. Он старается соразмерять силы, но она все же слетает с кровати. Комната выписывает небольшую надбавку к его счету.

Он позволяет ей вернуться к работе. В каком-то смысле она ни в чем не повинна: она всю жизнь внимала этим безбожным голосам у себя в голове и не ведает ничего иного. Неудивительно, что она пляшет как проклятая.

Кайн выходит на улицу. Теперь он запятнан, но его великое деяние смоет все грехи. Так всегда бывает. Он – Страж Завета, скоро священное пламя очистит его.

Его наставники хотят, чтобы деяние было совершено в тот момент, как толпа соберется поглазеть на премьер-министра. Вопрос, в сущности, прост: до или после? Поначалу он решает, что сделает это, когда она приедет и будет выходить из машины напротив коридора, ведущего в зал. Это выглядит безопаснее всего. К тому времени как она выступит, все будет значительно сложнее: ее охрана успеет занять все свои посты и охрана зала будет действовать заодно с ними. И тем не менее, чем дольше он об этом размышляет, тем больше приходит к выводу, что делать это надо в зале. Поглазеть на ее выступление соберутся всего несколько тысяч, а смотреть выступление на экранах со стен массивного здания будут миллионы. Если нанести удар достаточно стремительно, свидетелями его деяния станет вся планета – и другие планеты тоже.

Разумеется, Бог хочет, чтобы было так. Разумеется, Он хочет, чтобы язычница была уничтожена на глазах у публики, алчущей наставлений.

У Кайна нет ни времени, ни возможности добыть поддельный пропуск в здание. Политики и охранники зала будут перепроверены дважды и окажутся на своих местах задолго до того, как прибудет премьер-министр Джануари. Это означает, что единственными, кого впустят в здание без тщательного досмотра, будут спутники премьер-министра. Это возможно, но тут ему

понадобится помощь.

Входить в контакт с местными агентами обычно считается дурным знаком: это означает, что в первоначальном плане что-то пошло насмарку, но Кайн знает, что, когда речь идет о таком важном деле, нельзя позволять себе руководствоваться предрассудками. Он оставляет знак в условленном месте. Местные агенты приходят на конспиративную квартиру после заката. Отворив дверь, Кайн видит двоих мужчин, молодого и старого. Оба выглядят обескураживающе обыденно: так могли бы выглядеть люди, которые пришли чинить водопровод или морить тараканов. Пожилой представляется Генрихом Сарториусом, молодой – просто Карлом. Сарториус делает Кайну знак помалкивать, пока Карл подметает комнату небольшим предметом размером с зубную щетку.

– Все чисто! – объявляет молодой. Он выглядит костлявым и добродушным, но движется с известной грацией, особенно изящны движения его рук.

– Слава богу! – говорит Сарториус. – Да благословит тебя Бог, брат мой! Чем мы можем помочь Христову делу?

– А вы действительно тот самый, с Арджуны? – внезапно спрашивает Карл.

– Тише, мальчик. Дело серьезное.

Сарториус снова оборачивается к Кайну и смотрит на него выжидательно.

– Он на самом деле хороший малый. Просто… для нашего сообщества очень важно то, что произошло на Арджуне.

Кайн не обращает на это внимания. Он избегает этих бредней насчет Ангела Смерти.

– Мне нужно знать, как одевается охрана премьер-министра. Во всех подробностях. И мне нужен план здания концертного зала с подробной схемой вентиляции и водостоков.

Пожилой хмурится:

– Но ведь это все будет проверяться и осматриваться?

– Наверняка. Вы можете добыть мне эти сведения, не привлекая внимания?

– Разумеется, – кивает Сарториус. – Карл добудет их вам прямо сейчас. У него золотая голова. Верно, мальчик?

Он снова поворачивается к Кайну:

– Не такие уж мы отсталые. Эти неверующие вечно твердят, будто мы отсталые, но Карл был одним из первых по математике в своем классе. Мы просто храним Иисуса в своем сердце, в то время как другие отреклись от Него, вот и вся разница.

– И слава богу! – говорит Карл, который уже колдует над стеной конспиративной квартиры. Картинки мелькают столь

быстро, что Кайн, даже со своим улучшенным зрением, улавливает разве что одну из десяти.

– Да-да, слава богу! – соглашается Сарториус, кивая с таким видом, словно они только что долго и бурно обсуждали, как им обращаться с Богом.

У Кайна снова начинают побаливать суставы. Обычно это означает, что ему требуется пополнить запас белков. Он направляется на кухню и смешивает себе еще один питательный коктейль.

– Может быть, вы чего-нибудь хотите? – спрашивает он.

– Нет-нет, спасибо! – отзывается пожилой. – Мы просто рады, что можем помочь Господнему делу.

«Они производят слишком много шума», – решает он. Не то чтобы обычный человек мог бы их услышать, но Кайн – не обычный человек.

«Я – меч в руке Господней», – безмолвно напоминает он себе. Его собственные мысли еле слышны за бормотанием архимедианского семени, которое, хотя и прикручено до минимума, все равно продолжает изрыгать метеорологические прогнозы, новости, философские изречения и прочую дребедень, точно сумасшедший на перекрестке. Под тем местом, где висит Кайн, трое людей из охраны переговариваются на языке жестов, исследуя то место, где он проник в здание. Он замел следы таким образом, чтобы казалось, будто кто-то пытался пробраться в концертный зал через воздуховод, но потерпел неудачу.

Охранники, похоже, приходят к желаемым выводам: обменявшись очередной серией жестов и, по-видимому, сообщив второй группе охранников, что все чисто, они поворачиваются и уходят наверх по крутому воздуховоду. Они с трудом удерживаются на ногах в сильном потоке воздуха, лучи налобных фонариков мечутся по непредсказуемой траектории. Но Кайн выжидает наверху, точно паук, затаившись в густой тени, там, где толстая труба огибает одну из опор здания. Его отвердевшие пальцы впились в бетон, его разросшиеся мышцы напряглись и окаменели. Он выжидает, пока все трое не пройдут под ним, беззвучно падает на пол и раздавливает гортань человеку, идущему последним, чтобы тот не предупредил остальных. Затем он ломает охраннику шею, вскидывает тело на плечо и взбирается по стене в заранее заготовленное укрытие: гамак из ткани того же цвета, что и внутренность воздуховода. Он за несколько секунд раздевает тело, изо всех сил молясь, чтобы остальные двое не заметили отсутствия товарища. Натягивает на себя еще теплую броню, оставляет тело в гамаке и спрыгивает вниз в тот самый

момент, как второй охранник обнаруживает, что позади него никого нет.

Человек оборачивается в его сторону, Кайн видит, как его губы шевелятся под лицевым щитком, и понимает, что охранник обращается к нему через семя. Его обман раскрыт или вот-вот будет раскрыт. Можно ли сделать вид, что его средство коммуникации вышло из строя? Если эти охранники хоть чего-то стоят, то вряд ли. А раз они охраняют премьер-министра Архимеда, они наверняка кое-чего стоят. У него в запасе всего одно мгновение до тех пор, как эта новость будет передана всем остальным охранникам в здании.

Кайн устремляется вперед, делая руками бессмысленные жесты. Глаза охранника расширяются: он не узнает ни жестов, ни лица под пластиковым щитком. Кайн двумя руками ломает охраннику шею в тот самый миг, как его рука тянется к оружию. Затем Кайн прыгает на последнего охранника, прежде чем он успевает развернуться.

Впрочем, это не «он». Это женщина, и она на удивление проворна. Она успевает выхватить оружие, прежде чем он убивает ее.

Он знает, что у него всего несколько секунд: охранники наверняка регулярно выходят на связь со своим старшим. Он бросается к боковой шахте, которая должна привести его в пространство над потолком главного зала.

Женщины-лидеры. Женщины-солдаты. Женщины, которые пляшут нагими перед незнакомыми людьми. Что еще забыли эти архимедиане в своем стремлении опозорить дочерей Евы? Принудить их всех сделаться блудницами, как поступали вавилоняне?

В обширном пространстве над потолком зала полно такелажников, техников и тяжеловооруженной охраны. Большинство охранников – снайперы, они следят за толпой внизу через оптические прицелы своих дальнобойных ружей. Это очень кстати. Возможно, некоторые из них даже не заметят его, пока он не начнет спускаться.

Двое солдат в тяжелых доспехах оборачиваются в его сторону, как только он появляется из темноты. Его спрашивают, кто он такой, но, даже если его действительно примут за одного из своих, ему не дадут пройти дальше нескольких ярдов. Он вскидывает руки, делает несколько шагов в их сторону и трясет головой, указывая на свой шлем. А потом бросается вперед, молясь, чтобы они не сообразили, насколько стремительно он способен двигаться.

На то, чтобы преодолеть двадцать ярдов, у него уходит не

более секунды. Чтобы усилить их замешательство, он не нападает, а пробегает мимо тех двоих, которые уже увидели его, и третьего, который только начал оборачиваться, чтобы узнать, в чем дело. Он подбегает к краю и бросается вниз, свернувшись клубком и кувыркаясь, чтобы в него труднее было попасть. Тем не менее он чувствует, как высокоскоростная пуля вонзается ему в ногу, но неглубоко: броня охранника замедляет ее скорость, а его собственная отвердевшая плоть останавливает ее.

Удар при падении так силен, что краденый шлем охранника слетает у него с головы и катится прочь. В толпе парламентариев звучат первые вопли и изумленные возгласы, но Кайн их почти не слышит. Шок от падения с пятидесятифутовой высоты отдается в усиленном хряще коленей, лодыжек, ступней – больно, но терпимо. Сердце колотится так стремительно, что почти жужжит, и все его реакции настолько ускорены, что шум аудитории звучит как нечто совершенно нечеловеческое: рокот ледника, ползущего по камням, тектоническое содрогание горных недр… Еще две пули вонзаются в пол рядом с ним, осколки бетона и обрывки ковра медленно всплывают в воздух, точно пепел над пламенем пожара. Женщина, стоящая на кафедре, оборачивается к нему, медленно-медленно, точно завязшая в патоке, и да, это она, Кита Джануари, блудница вавилонская. Он тянется к ней и видит, как реагируют отдельные мышцы ее лица: вздымаются брови, морщится лоб, выражая удивление… но не страх, не ужас.

Как? Почему?

Он уже летит в ее сторону, пальцы обеих рук скрючились, точно когти, готовясь нанести последний, смертельный удар. Доля секунды на то, чтобы пересечь разделяющее их пространство, сверху и с боков проносятся пули, звук выстрелов долетает долгое мгновение спустя: бац, бац, бац! Время остановилось, вырванное из истории. Рука Божия. Он – рука Божия. Должно быть, так чувствуешь себя в присутствии самого Господа: нет ни прошлого, ни будущего, есть только сверкающее, бесконечное, ясное настоящее…

А потом внутри него взрывается боль, нервы вспыхивают огнем, и все вокруг внезапно и необратимо чернеет.

Плач Кайн приходит в себя в белой комнате. Свет идет отовсюду и ниоткуда. Разумеется, за ним следят. Скоро начнут пытать.

«Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного…»

Эти священные слова нашептывал ему Дух, когда он лежал

тяжелораненый в госпитале, после того как схватил последнего из лазутчиков, проникших в ряды святых воинов. Это был такой же усовершенствованный солдат, как и он сам, и вдобавок он был крупнее и сильнее его. Он едва не убил Кайна, прежде чем тот исхитрился вогнать свой отвердевший палец сквозь глазницу прямо ему в мозг. Во время выздоровления Дух повторял эти слова снова и снова: «Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его… в явление славы Его…»

Он с ужасом обнаруживает, что не помнит, что там дальше в послании апостола.

Он невольно вспоминает ту молодую мученицу, которая пожертвовала жизнью, – и все ради того, чтобы он потерпел настолько полное и окончательное поражение. Скоро он увидится с нею. Как он будет смотреть ей в глаза? Ведом ли стыд тем, кто пребывает на небесах?

«Я буду сильным, – обещает Кайн ее тени, – я буду сильным, что бы со мной ни делали!»

Одна из стен камеры из белой становится прозрачной. В находящейся за ней комнате полно народу, большинство из них в военной форме либо в белых медицинских халатах. В штатском – только двое: бледный мужчина и… И она. Кита Джануари.

– Вы можете попробовать броситься на стену, если хотите. – Ее голос исходит прямо из воздуха, со всех сторон одновременно. – Стекло очень-очень толстое и очень-очень прочное.

Он молча смотрит на них. Он не станет вести себя подобно дикому зверю, пытающемуся вырваться из клетки им на потеху. Это они, эти люди, считают, будто происходят от животных. От животных! Кайн-то знает, что Господь Бог сотворил ему подобных выше всех тварей земных.

– Над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле, – говорит он вслух.

– Ага, – говорит премьер-министр Джануари. – Значит, вот это и есть Ангел Смерти.

– Меня зовут иначе.

– Мы знаем, как вас зовут, Кайн. Мы следили за вами с тех самых пор, как вы проникли на Архимед.

Разумеется, это ложь. Иначе они не подпустили бы его так близко.

Она щурит глаза.

– Я предполагала, что ангел должен выглядеть как-то более… по-ангельски.

– Я не ангел. Еще немного – и вы убедились бы в этом.

– Ах, ну раз не ангел, значит вы один из вестников Господних?

Она видит его непонимающий взгляд.

– О, какая жалость! Я и забыла, что ваши муллы запрещают вам читать Шекспира. «О ангелы и вестники Господни!» Это из «Макбета». Далее следует убийство[19].

– Мы христиане, у нас священники, а не муллы, – отвечает он настолько ровным тоном, каким только способен. Вся остальная чушь, которую она мелет, его не интересует. – Муллы – у людей Полумесяца, наших братьев по Книге.

Она рассмеялась:

– Я думала, вы умнее других, Кайн, но вы, как попугай, твердите те же глупости, что и прочие ваши земляки. Известно ли вам, что всего несколько поколений назад ваши «братья», как вы их называете, взорвали термоядерное устройство, пытаясь уничтожить ваших предков вместе с остальными христианами и сионистами?

– В былые дни, до создания Завета, в умах царило великое смятение.

Эта история известна любому. Неужто она думала смутить его душу древней историей, цитатами из книг, нецензурными пьесами дурных времен старой Земли? Если так, то, выходит, оба они недооценили друг друга в качестве противников.

Хотя, разумеется, на данный момент она находилась в более выгодном положении.

– Ага, значит, не ангел, просто вестник. Однако же вы не защищаете от смерти, но стремитесь убивать сами!

– Я творю волю Господню.

– Ерунда на постном масле, как говаривали в старину. Вы убийца, Кайн, и притом серийный убийца. Вы пытались убить меня…

Но Джануари не смотрит на него как на врага. Однако и доброты в ее взгляде тоже не видно. Она смотрит на него как на ядовитое насекомое в банке – нечто, с чем следует быть осторожным, но что, однако же, требует в первую очередь изучения.

– И что же нам с вами делать?

– Убить. Если вы столь гуманны, как о том твердите, вы отпустите меня н отправите на небеса. Но вы станете меня пытать, я знаю.

Она приподнимает бровь:

– Это еще зачем?

– Чтобы добыть ценные сведения. Наши нации находятся в

состоянии войны, несмотря на то что политики до сих пор не признались в этом своим народам. Ты знаешь об этом, женщина. Я знаю об этом. Все присутствующие об этом знают.

Кита Джануари улыбается:

– Ни я, ни кто-либо из присутствующих не собирается спорить с вами о состоянии взаимоотношений наших государств. Но для чего нам пытать вас, пытаясь получить сведения, которые мы уже получили? Мы же не варвары. Не примитивный народ, как некоторые. Мы не принуждаем наших граждан поклоняться нелепым древним мифам…

– Вы принуждаете их молчать! Вы караете тех, кто поклоняется Богу своих отцов! Вы преследовали народ Книги всюду, где встречали его!

– Мы очистили нашу планету от мании религиозной вражды и экстремизма. В дела Завета мы никогда не вмешивались.

– Вы пытались помешать нам обращать язычников в нашу веру!

Премьер-министр качает головой:

– Обращать язычников? Вы имеете в виду – грабить целые культуры! Лишать колонии права оставаться свободными от призраков, вымышленных древними кочевыми племенами. Мы – те самые люди, что предоставили вашим предшественникам возможность поклоняться, кому они хотят: мы сражались, защищая их свободу, а в благодарность они попытались навязать нам свои верования под пистолетным дулом!

Она хрипло расхохоталась.

– «Христианская терпимость» – два слова, которые не могут стоять рядом, сколько их ни своди. И все мы знаем, каковы ваши братья-исламисты и сионисты. Даже если вы уничтожите весь архимедианский союз и всех нас, неверующих, до последнего, вы вместо нас приметесь воевать с вашими собственными союзниками! И это безумие будет продолжаться до тех пор, пока последний психопат не останется один-одинешенек на груде пепла, чтобы возносить хвалу своему Богу!

Кайн ощущает, как в нем закипает гнев, и заставляет себя молчать. Он впрыскивает в свою кровь успокаивающие вещества. Спор с ней смущает его. Она же женщина, она должна приносить мир и утешение, а между тем из ее уст звучит только ложь – жестокая, опасная ложь. Вот что бывает, когда нарушается естественный порядок вещей!

– Ты – дьяволица. Я больше не стану с тобой говорить. Делайте то, что собираетесь делать.

– Снова Шекспир! – говорит она. – Если бы ваши наставники не запретили его, вы могли бы процитировать: «Гордый человек,

минутной куцей властью облеченный, – не понимая хрупкости своей стеклянной, нутряной, неустранимой, – недурно замечено, не правда ли? – как злая обезьяна, куролесит у Господа, у неба на виду – и плачут ангелы»[20].

Она складывает руки в жесте, до ужаса напоминающем молитвенный. Он не в силах отвести взгляда от ее лица.

– Ну и что же нам делать с вами? Конечно, мы могли бы просто потихоньку казнить вас. Вежливо соврать: дескать, скончался от травм, полученных при аресте, – особого шума поднимать никто не станет…

Мужчина, стоящий у нее за спиной, прочищает горло:

– Госпожа премьер-министр, при всем моем уважении, я бы советовал продолжить обсуждение этого вопроса в другом месте. Врачи ждут возможности заняться пленным…

– Помолчите, Хили!

Она оборачивается и смотрит на Кайна, смотрит по-настоящему, в упор. Ее голубые глаза остры, точно скальпели. Она лет на двадцать старше сестры-мученицы, и кожа у нее не такая уж смуглая, но внезапно, на какое-то головокружительное мгновение, они становятся единым целым.

«Господи, зачем смущаешь меня, зачем допускаешь меня попутать убийцу со святой мученицей!»

– Кайн, запятая, Плач, – говорит она. – Ну и имечко! Что имеется в виду: что ваши враги должны плакать или что вы сами плачете, беспомощный перед могуществом вашего Бога?

Она протягивает руку:

– Не трудитесь отвечать, не надо. В отдельных частях системы Завета вас считают героем, даже супергероем, если хотите. Вы в курсе? Или вы слишком много времени проводите за границей?

Он изо всех сил старается не замечать ее. Он знает, что ему будут лгать и пытаться манипулировать им, что психологические пытки будут куда утонченнее и важнее физических. Единственное, чего он не может понять: почему она? Почему к нему явилась сама премьер-министр? Не такая уж он важная персона. Однако тот факт, что она сейчас стоит перед ним, а не перед Господом, лишний раз напоминает о том, что он потерпел поражение.

И, как бы в ответ на эту мысль, голосок у него в затылке, внутри черепа, бормочет: «Ангел Смерти с Арджуны схвачен при покушении на премьер-министра Джануари!» Другой голосок осведомляется: «А вы сегодня нюхали себя? Даже члены парламента могут утратить свежесть – спросите у них самих!» Даже здесь, в самом сердце зверя, назойливые голоса в голове не

умолкают.

– Нам нужно вас изучить, – говорит наконец премьер-министр. – Нам до сих пор ни разу не удавалось захватить в плен агента уровня Стража – по крайней мере, одного из новых, такого, как вы. Мы даже не знали, удастся ли это: шифрующее поле изобретено совсем недавно.

Она улыбается снова, короткой ледяной улыбкой, напоминающей первый взблеск снега на горной вершине.

– Но знаете, даже если бы вы и добились успеха, это не имело бы ровным счетом никакого значения. В моей партии есть еще как минимум десяток людей, способных занять мое место и защитить нашу планету от вас и ваших наставников. Но из меня получилась хорошая приманка – и вы попались в ловушку! И теперь мы узнаем, что именно делает вас таким опасным орудием, ангелочек вы наш!

Он надеется, что теперь, когда игра окончена, они, по крайней мере, отключат это проклятое семя у него в голове. Но нет, они оставляют его на месте, при этом отключают все органы управления, лишая Кайна возможности хоть как-то им управлять. Детские голоса распевают у него в голове о том, как важно начинать каждый день с питательного и здорового завтрака, и он скрежещет зубами. Безумный хор непрерывно изводит его. Поганое семя демонстрирует ему картинки, которых он не желает видеть, сообщает ему информацию, которая его не интересует, и непрерывно, непрерывно твердит о том, что его Бога не существует.

Архимедианцы утверждают, что у них нет смертной казни. Быть может, это то, что они применяют вместо нее? Доводят узников до самоубийства?

Что ж, если так – он не станет выполнять за них их работу. У него имеются внутренние ресурсы, лишить его которых они не могут, не убив его, и он заранее был готов к пыткам, правда куда более очевидным – но почему бы и не к таким тоже? Он старается рассеивать волны отчаяния, которые накатывают на него по ночам, когда гаснет свет и он остается наедине с идиотским бубнежом этой идиотской планеты.

Нет, Кайн не станет делать за них их работу! Он не покончит жизнь самоубийством. Но это наводит его на мысль…

Если бы он сделал это у себя в камере, они отнеслись бы к этому с большим подозрением, но, когда его сердце останавливается в разгар довольно сложной операции, целью которой является выяснить, как нанобиоты встроились в его

нервную систему, это застает их врасплох.

– Это, по-видимому, предохранитель! – восклицает один из докторов. Кайн слышит его, но словно издалека: высшая нервная деятельность мало-помалу прекращает работу. – Система самоуничтожения!

– А может, просто обычная остановка сердца?.. – возражает другой, но его голос уже превратился в шепот, и Кайн проваливается в длинный тоннель. Ему уже кажется, что он слышит зовущий его голос Духа…

«И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».

Его сердце снова начинает работать двадцать минут спустя. Доктора, не подозревая о совершенстве его автономного контроля, возятся с ним, пытаясь его оживить. Кайн надеялся, что остановка сердца продлится дольше и его сочтут мертвым, но он недооценил их. Вместо этого ему приходится скатиться со стола, голым, опутанным трубками и проводами, и убить растерявшихся охранников, прежде чем они успевают достать оружие. Кроме того, приходится сломать шею одному из докторов, который пытался его спасти, но теперь совершает ошибку, бросившись на него. Но и после того как он оставил прочих перепуганных медиков съежившимися на полу реанимационного зала и выбежал из хирургического отделения, он по-прежнему находится в тюрьме.

«Устали от старой привычной атмосферы? Священнодубская Гавань – поселок, накрытый пузырем! Мы сами делаем свой воздух, свежесть гарантируется!»

Его внутренние изменения исцеляют следы хирургического вмешательства так стремительно, как только это возможно, но его все равно шатает: ему недостает питательных веществ, и он сжигает энергию со скоростью лесного пожара. Бог дал ему шанс, он не имеет права потерпеть неудачу, но, если не подкрепить свои силы, неудача неизбежна.

Кайн спрыгивает из идущего под потолком воздуховода в коридор и убивает патруль из двух человек. Сдирает с одного из них форму, и отвердевшими, похожими на когти пальцами принимается сдирать с костей куски мяса и глотать их, не жуя. Кровь соленая и горячая. Желудок сводит и выворачивает от того, что он творит: это же древний, ужасный грех! – но он принуждает себя глотать. У него нет выбора.

«Зависимость *стала* для вас проблемой? Переливание „Неокрови“ – и никаких проблем! Можем также предложить самые лучшие, проверенные жизнью, либо искусственные

органы…»

Судя по обрывкам переговоров, которые доносятся из коммуникаторов охранников, служба охраны разбегается по своим постам. Они, похоже, представления не имеют, где он был и где он теперь. Закончив свою ужасную трапезу, он оставляет останки на полу в туалете и устремляется к центральному посту охраны, оставляя на полу кровавые отпечатки ног. Он уверен, что выглядит как демон из самых мрачных глубин ада.

Охранники совершают ошибку: они покидают стены своего укрепленного поста, думая, будто превосходство в численности и оружие им помогут. В Кайна попадает несколько пуль, но у них нет таких ужасных приспособлений, как устройство, с помощью которого его схватили. Он вихрем проносится через строй своих врагов, нанося удары такой силы, что голова одного из охранников слетает с плеч и катится по коридору.

Миновав охрану и прорвавшись к центральному пульту, он отпирает все камеры, какие может, включает сигнал тревоги и пожарную сигнализацию, которые завывают как проклятые. Он выжидает, пока хаос не разрастется в полную силу, потом натягивает форму охранника и устремляется к прогулочному дворику. Он прорывается сквозь вопли и кровавое смятение, царящее во дворе, и перебирается через три ограды из колючей проволоки. Несколько пуль впиваются в его отвердевшую плоть, они жгутся, как раскаленные гвозди. Лучевой пистолет с шипением рассекает проволоку последней изгороди, но Кайн уже спрыгнул на землю и бежит прочь.

В обычных обстоятельствах он может бегать со скоростью пятьдесят миль в час, но под влиянием адреналина он может на короткое время развивать скорость в полтора раза больше. Единственная проблема – что сейчас он бежит напрямик по дикой, необихоженной местности и вынужден смотреть под ноги: на такой скорости даже он способен серьезно повредить лодыжку, поскольку не может дальше укреплять свои суставы, не теряя гибкости. Кроме того, он так утомлен и голоден даже после той жуткой трапезы, что перед глазами прыгают черные мушки. Долго он с такой скоростью передвигаться не сможет.

Вот мудрые слова древнего политика, над которыми стоит задуматься: «Человек способен сделать все, что ему приходится делать, и иногда у него получается даже лучше, чем он думал».

«Помните, дети, все родители могут ошибаться! А как насчет ваших родителей? Сообщайте о проявлениях суеверий или наличии в доме предметов культа в ваш местный совет свободы…»

«Ваша температура куда выше нормальной! Уровень стресса

значительно выше нормального! Рекомендуем вам немедленно обратиться к врачу!»

«Да, – думает Кайн. – Пожалуй, именно так я и сделаю…»

Он находит пустой дом в пяти милях от тюрьмы и врывается туда. Съедает все съедобное, что находит, в том числе несколько фунтов мороженого мяса – заодно это помогает ему скомпенсировать избыточное тепло, которое вырабатывает его организм. Затем обшаривает спальни наверху, находит одежду, в которую можно переодеться, отскребает с себя кровавые следы и уходит.

Находит другое место, в нескольких милях оттуда, где можно переночевать. Хозяева дома – он даже слышит, как они слушают новости о его побеге, хотя рассказ изобилует грубейшими неточностями и концентрируется в основном на эпизоде людоедства и его ужасном прозвище. Он забирается в ящик на чердаке, точно мумия, сворачивается клубком и впадает в забытье, близкое к коме. Утром, когда хозяева уходят из дома, уходит и Кайн, предварительно изменив черты своего лица и обесцветив волосы. Поганое семя по-прежнему щебечет у него в голове. Каждые несколько минут оно напоминает ему, чтобы он остерегался самого себя, не подходил близко к себе самому, потому что он крайне опасен!

– Мы об этом ничего не знали. – Сарториус озабоченно озирается по сторонам, чтобы убедиться, что они одни, как будто Кайн не убедился в этом заранее, намного лучше, быстрее и тщательнее его, задолго до того, как оба местных пришли на встречу. – Ну что я могу сказать? Мы понятия не имели о существовании этого шифрующего поля. Разумеется, если бы мы о нем слышали, мы бы дали вам знать…

– Мне нужен врач. Человек, которому вы могли бы доверить свою жизнь. – потому что я собираюсь доверить ему свою.

– Христианин-людоед, – произносит Карл с ужасом и восхищением. – Они прозвали вас Христианин-людоед!

– Чушь собачья!

Он не стыдится этого эпизода – он творил волю Господню, – но ему неприятно вспоминать о нем.

– Или Ангел Смерти, этого прозвища они тоже не забыли. Но как бы то ни было, в прессе только и разговоров что про вас.

Врач – тоже женщина, лет на десять старше детородного возраста. Она живет в маленьком домике на краю запущенного парка, который выглядит как бывшая территория фабрики, которую взялись благоустраивать, да забросили на полпути. Их

стук разбудил ее. От нее пахнет алкоголем, руки у нее трясутся, но ее глаза, хотя и чересчур красные, тем не менее умные и внимательные.

– Не докучайте мне своими рассказами, и я не буду докучать вам своими, – перебивает она, когда Карл пытается представиться и объяснить, кто они такие. Мгновением позже ее зрачки расширяются. – Хотя погодите, я знаю, кто вы такой! Вы – тот самый Ангел, про которого нынче столько разговоров.

– Некоторые еще зовут его Христианин-людоед! – подсказывает юный Карл.

– Вы верующая? – спрашивает у нее Кайн.

– Я слишком дурной человек, чтобы не быть верующей. Кто бы еще мог простить меня, кроме Иисуса?

Она укладывает его на простыню, расстеленную на кухонном столе. Он отмахивается и от маски с анестетиком, и от бутылки со спиртным.

– Это все подействует на меня, только если я сам того захочу, а сейчас не могу допустить, чтобы они на меня подействовали. Мне нужно оставаться начеку. А теперь, пожалуйста, вырежьте эту безбожную гадость из моей головы. У вас есть Дух, который вы могли бы поставить вместо нее?

– Простите?

Она выпрямляется. Ее скальпель уже в крови от первого разреза, на который он изо всех сил старается не обращать внимания.

– Ну как это у вас тут называется? Наша разновидность семени, семя Завета. Чтобы я снова мог слышать голос Духа…

Архимедианское семя, словно протестуя против грядущего исторжения, внезапно наполняет его голову треском помех.

«Дурной знак!» – думает Кайн. Должно быть, он перенапрягся. Когда он покончит с семенем, надо будет отдохнуть несколько дней, прежде чем он решит, что делать дальше.

– Извините, я не расслышал, – говорит он доктору. – Так что вы сказали?

Она пожимает плечами:

– Я говорю, надо посмотреть, – может, что и отыщется. Один из ваших умер на этом столе несколько лет назад, как я ни старалась его спасти. Кажется, я сохранила его коммуникационное семя…

Она небрежно машет рукой, как будто такие вещи происходят ежедневно.

– Кто его знает? Надо будет посмотреть…

Он не позволяет себе предаваться преждевременным надеждам. Даже если у нее есть это семя, каковы шансы, что оно

заработает или что оно заработает здесь, на Архимеде? На всех остальных планетах – скажем, на Арджуне – стоят усилители, позволяющие Слову Божию свободно конкурировать с ложью безбожников…

Треск помех у него в голове внезапно сменяется ровным, рассудительным голосом:

«Сам Аристотель некогда сказал: „Человек создает богов по своему образу и подобию, не только в отношении внешнего облика, но также и в отношении образа мыслей…“»

Кайн заставляет себя открыть глаза. Комната выглядит размытой, доктор – смутный темный силуэт, склонившийся над ним. В затылке у него ковыряются чем-то острым.

– Ага, вот оно, – говорит она. – Когда я буду его вынимать, будет немножко больно. Как вас зовут? Как ваше настоящее имя?

– Плач.

– А-а.

Доктор не улыбается, – по крайней мере, ему так кажется: он с трудом различает ее черты, но в ее голосе слышится улыбка.

– «Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его; все друзья его изменили ему, сделались врагами ему». Это про Иерусалим, – добавляет она, – тот, изначальный.

«Плач Иеремии», – тихо добавляет он. Боль такая невыносимая, что он с трудом сдерживается, чтобы не перехватить руку, сжимающую этот жуткий инструмент, ковыряющийся внутри его. В такие моменты, когда ему нужнее всего терпение, он наиболее отчетливо ощущает свою силу. Если он утратит контроль над собой и выпустит эту мощь на волю, он, кажется, вспыхнет, подобно одному из светочей небесных в чертоге Господнем, уничтожив при этом всю планету…

– Эй, – говорит голос в темноте за пределами круга света, озаряющего кухонный стол. Это юный Карл. – Там, кажется, что-то происходит…

– Ты о чем? – осведомляется Сарториус.

Мгновением позже окно взрывается брызгами сверкающих осколков и комната наполняется дымом.

Это не дым, это газ! Кайн спрыгивает со стола, нечаянно сбивая с ног доктора. Он заглатывает достаточно воздуха, которого ему должно хватить на четверть часа, и раздвигает ткани гортани, перекрывая себе дыхательные пути. Хотя, если газ нервно-паралитический, это не поможет – кожа все равно подвергается воздействию…

Отлетевшая в угол доктор с трудом поднимается на ноги из растекшихся по полу клубов газа. Рот у нее раскрыт, губы

шевелятся, но она не может выдавить ни звука. И не только она. Карл и Сарториус, задержав дыхание, лихорадочно двигают мебель, перегораживая дверь. Старший из них уже достал оружие. Отчего снаружи так тихо? Что они собираются делать?

В ответ раздается прерывистый рев. Стена кухни внезапно покрывается множеством дыр. Доктор вскидывает руки и начинает ужасную пляску, как будто ее прошивают на невидимой швейной машинке. Когда она наконец падает на пол, ее тело разорвано в клочья.

Юный Карл неподвижно лежит на полу в растекающейся луже собственной крови и мозгов. Сарториус все еще стоит, пошатываясь, но сквозь его одежду в нескольких местах просачиваются алые пупыри.

Кайн лежит на полу – он сам не заметил, как упал. Он не задерживается, чтобы подумать о почти неизбежном провале, – он прыжком взлетает к потолку, впивается в него пальцами и зависает на долю секунды, ровно на столько, чтобы второй рукой пробить потолок, забирается на чердак и присаживается на корточки, пока первая группа солдат вламывается внутрь и осматривает помещение, шаря лучами фонариков в клубах дыма. Как же они так быстро его нашли? А главное, какое оружие они принесли с собой, чтобы использовать против него?

Его главное оружие – скорость. Он выбирается наружу сквозь вентиляционное отверстие. Отверстие приходится расширить, и в ответ на треск снизу начинается пальба. Когда он выбирается на крышу, мимо свистят десятки пуль, две даже попадают в него, одна – в руку, другая – в спину. Стреляют из припаркованных машин службы безопасности, где оставшаяся часть группы захвата ждет, когда те, кто вошел первыми, позовут их в дом. Ударные волны проходят сквозь него, он встряхивается, как мокрая собака. Мгновением позже они, как он и подозревал, включают шифрователь. Однако на этот раз он готов к атаке: он насыщает свои нейроны кальцием, чтобы погасить электромагнитную волну, и, хотя его собственная мозговая активность на миг замирает и он безвольно валится на конек крыши, особого ущерба ему это не причиняет. Несколько секунд – и он снова вскакивает на ноги. Использовав свое главное оружие впустую, солдатня еще три секунды палит в темную фигуру, с немыслимой скоростью перемещающуюся вдоль крыши. Потом Плач Кайн прыгает вниз, прямо в раскаленные иглы пуль, проносится по крыше и спрыгивает с капота их собственной машины, прежде чем они успевают поменять направление стрельбы.

На этот раз он не может бежать в полную силу: он слишком

мало отдыхал и слишком мало питался, однако же его скорости хватает на то, чтобы исчезнуть в канализации Эллада-Сити, прежде чем группа захвата успевает собраться и выехать в погоню.

Архимедианское семя, которое все это время подсказывало его врагам, где именно он находится, осталось лежать, завернутое в кровавый тампон, где-то среди разоренной кухни доктора. Кита Джануари и ее рационалисты сумеют многое узнать о том, как ученые Завета научились подделывать плоды архимедианской технологии, но про Кайна они не узнают больше ничего. По крайней мере, не благодаря семени. Он освободился от него.

Сутки спустя он появляется из насосной станции на окраине одного из пригородов Эллада-Сити, но теперь это совершенно другой Кайн, Кайн, которого прежде никто никогда не видел. Архимедианское семя доктор извлечь успела, но она не успела даже найти, не говоря о том, чтобы имплантировать вместо него, заветского Духа. Впервые в жизни, впервые с тех пор, как Кайн себя помнит, его мысли всецело принадлежат ему, и только ему, в его голове не звучат никакие посторонние голоса.

Одиночество ужасно.

Он пробирается в горы к западу от большого города. Днем он прячется, а идет по ночам, и то с опаской: у большинства местных жителей имеются изощренные системы сигнализации или сторожевые животные, которые успевают учуять Кайна даже прежде, чем он успевает учуять их. Наконец он находит пустой дом. Ему ничего не стоит взломать дверь, но вместо этого он удлиняет свой ноготь и вскрывает замок. Он старается оставлять как можно меньше следов своего присутствия. Ему нужно время, чтобы все обдумать и решить, что делать дальше. Его мир лишился привычного потолка, и он пребывает в смятении.

Из осторожности он проводит первые два дня, обследуя свое новое укрытие только по ночам, не зажигая света и расширив зрачки настолько, что даже внезапно попавшийся на глаза листок бумаги воспринимается болезненно. Насколько он может судить, небольшой современный домик принадлежит человеку, который на месяц отправился путешествовать на восток континента. Со времени отъезда владельца прошла всего неделя, так что у Кайна предостаточно времени на то, чтобы отдохнуть и обдумать, что делать дальше.

Первое, к чему ему приходится привыкнуть, – это тишина в голове. Всю его жизнь, с тех пор как он был неразумным дитятей, с ним беседовал Дух. А теперь он не слышит его… ее спокойного, ободряющего голоса. Но и безбожная архимедианская болтовня

тоже умолкла. Никто и ничто не разделяет мыслей Кайна.

В первую ночь он плачет, как плакал тогда, в комнате блудницы, плачет, точно потерявшийся ребенок. Он теперь призрак. Он больше не человек. Он лишился своего внутреннего руководителя, он провалил свою миссию, он обманул своего Бога и свой народ. Он ел плоть себе подобных, и все это напрасно.

Плач Кайн остается наедине со своим великим грехом.

Он уходит прежде, чем должен вернуться владелец дома. Он знает, что мог бы убить этого человека и остаться в доме еще на несколько месяцев, но теперь пришло время вести себя иначе, хотя Кайн не мог бы сказать точно, почему он так считает. Он даже не знает наверняка, что он станет делать. Он все еще должен убить премьер-министра Джануари, он обещал перед лицом Господа сделать это, но что-то в нем переменилось, и он уже не торопится выполнять свой обет. Тишина в голове, прежде столь пугающая, начинает казаться чем-то большим. Быть может, она тоже по-своему священна, но в одном он уверен: он никогда прежде не испытывал ничего подобного. Он живет как во сне.

Хотя нет, это куда больше похоже на пробуждение от сна. Но что же это был за сон, от которого он пробудился? Хороший или дурной? И чем заменить этот сон?

Он даже без напоминания Духа вспоминает слова Христа: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». В этом новом внутреннем безмолвии древнее обещание внезапно обретает множество смыслов. Уверен ли Кайн, что он хочет знать истину? Вынесет ли он подлинную свободу?

Уходя из дома, он забирает походное снаряжение хозяина – то, что поплоше, которое хозяин оставил дома. Кайн поселится в глуши, высоко в горах, и будет жить там столько, сколько сочтет нужным. Он будет думать. Возможно, когда он спустится с гор, он уже не будет Плачем Кайном. И Ангелом Смерти тоже.

Но что же от него останется? И кому станет служить этот новый человек? Ангелам, бесам… или себе самому?

Интересно будет узнать!

Элинор Арнасон
Мамонты Великих равнин

Элинор Арнасон опубликовала свой первый роман «Оружейник» («The Sword Smith») в 1978 году. Следом за ним вышли произведения «Дочь короля медведей» («Daughter of the Bear King») и «До станции „Воскрешение“» («To the Resunection Station»). В 1991 году свет увидела самая известная книга Арнасон, одно из наиболее мощных произведений 1990-х годов – «Женщина из железного народа» («A Woman of the Iron People»). Этот объемный многоплановый роман был хорошо принят критиками и принес автору престижную премию Джеймса Типтри – младшего. Рассказы Элинор Арнасон печатались в «Asimov's Science Fiction», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Amazing», «Orbit», антологии «Xanadu» и ряде других изданий. Среди относительно недавно вышедших книг стоит отметить романы «Кольцо мечей» («Ring of Swords») и «Могилы предков» («Tomb of the Fathers»), а также небольшой сборник, куда вошла повесть «Мамонты Великих равнин», а также интервью с писательницей и длинное эссе. В 2000 году рассказ «Звездный урожай» («Stellar Harvest») был номинирован на премию «Хьюго». Элинор Арнасон проживает в городе Сент-Пол, штат Миннесота.

В повести «Мамонты Великих равнин» писательница переносит нас в альтернативную реальность, которая, впрочем, во многом схожа с нашей собственной, за тем лишь исключением, что мамонты не вымерли на западе Америки, а просуществовали достаточно долго, пока белые охотники не истребили их как вид. Текст построен из цепочки повествований: жарким летним днем бабушка рассказывает внучке о жизни трех поколений американских индейцев – мы же слышим историю из уст повзрослевшей девочки спустя время. Несмотря на созерцательный и меланхоличный тон, в произведении звучат стальные ноты негодования, вызванного тем, как белые обращались с индейцами, и тем, как люди разрушали и продолжают разрушать окружающий мир, даже сейчас, пока вы читаете эти слова.

Каждое лето родители отправляли меня к бабушке в Форт-Йейтс в Северной Дакоте. Я садилась на реактивный поезд в Миннеаполисе, махала папе и маме, пока состав отъезжал от платформы, а после устраивалась поудобнее в кресле. Родителей я любила, но путешествовать мне тоже очень нравилось, особенно я обожала поездки в Форт-Йейтс.

Поезд плавно мчался вдоль Миссисипи и набирал скорость,

по мере того как город оставался позади и мы въезжали в обширную зону пригородов Миннеаполиса и Сент-Пола. За окном проносились заросли невысоких деревьев и кустарников, заполоненные сорняками луга. То тут, то там промелькивали полуразрушенные громадины уродливых особняков и торговых центров.

Папа рассказывал, что под строительство пригородов отводили хорошие территории – дома появлялись на месте бывших ферм, лесных угодий, озер и болот. «Непростительная растрата плодородных почв – они могли накормить тысячи людей, а теперь, чтобы восстановить земли, придется приложить немало усилий. Вот почему мы оставили эти территории. Время и природа сделают свое дело и поработают над той толщей асфальта и бетона, что люди налили сверху!»

Управление по восстановлению сельского хозяйства, где работал отец, возможно, и бросило пригороды на произвол судьбы. Но там по-прежнему жили люди. За окном среди сорняков и руин виднелись сады и палатки, а возле железнодорожных путей встречались самодельные платформы из старых ломаных досок. Реактивные поезда не останавливались на таких станциях, другое дело – поезда местного сообщения, которые забирали продукты для рынков. Временами глаз выхватывал человеческую фигуру – кто-то развешивал белье или тащился на велосипеде вдоль путей.

Отец звал таких людей глупцами и категорически отказывался покупать еду на рынке, хотя она проходила контроль качества. Мне жители пригородов представлялись романтиками сродни первым поселенцам, но только на современный лад. У бабушки, правда, нашлось бы что сказать про этих пионеров.

К северу от Сент-Клауда начинался лес, и я отправлялась в вагон с прозрачной крышей, поднималась на лифте на второй этаж и отыскивала место, откуда открывался отличный вид. Массив представлял собой второе и третье поколение деревьев – смесь хвойных и лиственных. Настоящим бедствием для лесов стали олени. Они доставляли проблемы и фермерам, однако куда меньшие, чем генно-модифицированные сорняки и жуки. Охотники контролировали популяцию оленей, насколько было возможно. Волки и пантеры справились бы с задачей куда лучше, говаривал отец, но фермерам они приходились не по душе.

За окном мелькали светло- и темно-зеленые кроны, коричневые, если деревья умирали. Хвойные страдали от жары, вредителей и различных заболеваний. Пройдет время, и в лесу останутся только лиственные деревья. Иногда в просвете поблескивала голубая полоска – пруд или озеро, окруженное

деревьями. Несколько раз поезд переезжал через реку.

Около полудня мы достигли территории, где в древности располагалось озеро Агассис. Теперь местность называлась долиной Красной реки. Лес кончился, мы пересекали удивительно плоскую равнину, отведенную под сельскохозяйственные угодья. Поля разделяли ряды деревьев, служившие защитной полосой, поскольку с запада дули сильные ветры. Выращивали в основном картофель и сахарную свеклу. Фермерам приходилось постоянно вводить новые сорта, по мере того как климат становился все жарче. «Мы словно Красная королева из „Алисы“, – говаривал отец. – Бежим и бежим, лишь бы оставаться на том же месте».

Поезд сделал остановку в Фарго-Морхед, затем повернул на север и двинулся вдоль Красной реки в сторону Гранд-Форкс. Там он вновь сменил направление и помчался на запад по степям Северной Дакоты. Я зашла в вагон-ресторан пообедать. Мы пересекали район ветровых электростанций. Ряды гигантских ветряных мельниц простирались во все стороны до самого горизонта. Их перемежали поля подсолнухов. Отец рассказывал, что давным-давно здесь встречались озерца и болотца, на которых водились дикие птицы. Большинство водоемов высохло, а пернатые улетели. Однако поезд несся с такой скоростью, что мне все равно бы не удалось разглядеть птиц, разве что понаблюдать за ястребами, парившими в пыльном голубом небе так высоко, что и опознать-то их сложно.

Я сошла в Майноте и остановилась на ночь у троюродной сестры матери – Тельмы Хорн. Утром Тельма посадила меня на поезд местного сообщения, идущий на юг вдоль Миссури. К локомотиву цепляли цистерны, товарные вагоны и всего один пассажирский вагон. Рельсы находились в более плачевном состоянии, чем пути для реактивного поезда. Вагоны медленно тащились вперед, трясясь по разбитой колее, часто останавливались. Ближе к полудню мы прибыли в резервацию Стендинг-Рок. На склонах холмов паслись бизоны – как объяснял отец, в условиях низкотравных прерий не было смысла разводить другой скот, – а в небе парили ястребы. Если повезет, я увижу вилорогую антилопу или стаю диких индюков.

Около двенадцати часов дня я оказалась в Форт-Иейтсе. Бабушка ждала меня на станции: она стояла, расправив плечи, вытянувшись, – высокая, стройная, волосы собраны в пучок. Ее длинный нос напоминая мне Неистового Коня, каким он изображен на Мемориале[21]. Дома в Миннеаполисе я забываю, что во мне течет кровь лакота. Но здесь, глядя на бабушку, вспоминаю.

Бабушка обняла меня, и мы отправились к ней, в старый деревянный домик, такой же осанистый, изящный и скромный, как его хозяйка. Моя спальня находилась на втором этаже. Окна выходили на некогда пустую площадку, которую бабушка превратила в сад. Она разводила местные сорта, которые буйно разрастались в засушливом жарком климате на западе Дакоты. Среди диких трав распускались цветы прерий. Для местной разновидности воробьев висела кормушка, а на изгороди, вытягиваясь во весь рост и выпячивая на всеобщее обозрение ярко-желтые грудки, щебетали луговые трупиалы, да как щебетали – громко, заливисто!

Не было ничего прекраснее тех моментов, когда мы с бабушкой завтракали на кухне, а в распахнутые окна врывалась утренняя прохлада. Или когда я играла с темнокожими черноволосыми детьми из Форт-Йейтса. Я была еще темнее их, с кудряшками на голове, поскольку мой папа приехал из Кот-д'Ивуара. Тем не менее ребята приходились мне родственниками, и обычно мы ладили.

Днем становилось слишком жарко, чтобы играть на улице, – тогда я общалась с бабушкой на кухне, пока мы готовили ужин, или в гостиной, где над нашими головами вращался потолочный вентилятор. В ходе этих бесед я и узнала историю мамонтов.

Если верить бабушке, все неприятности начались с появлением Льюиса и Кларка.

«До нас дошли слухи о том, что происходило на востоке, о вояжерах, разъезжающих по стране. Эти французы расплодились повсюду как мыши – вот почему у многих оджибва и дакота, даже у индейцев племени лакота встречаются имена вроде Буавер, Трудель. Белькур и Зефир. Однако французов интересовали исключительно бобры, а не наши бизоны и мамонты. Мы пообещали им безопасный проход к Скалистым горам, если они будут вести себя как подобает. В основном они правил не нарушали, ну а мы по большей части держали свое слово.

Не стоит забывать, что французы и шотландцы были людьми деловыми, с которыми можно договориться. Другое дело – англичане и американцы: эти были исследователями, учеными, фермерами, прибывшими в поисках новых земель. Их вели мечты – жажда открытий, стремление исследовать, завоевывать, создавать хозяйства на месте низкотравных прерий, где из-за нехватки воды не растут деревья. С такими людьми не найти общего языка».

Бабушка получила докторскую степень по молекулярной биологии в Массачусетском университете. Она разбиралась в

науке и уважала ее, а рассуждая про англичан, просто шутила.

Я передаю эту историю, как поведала мне бабушка, когда я навещала ее на каникулах в Форт-Йейтсе в Северной Дакоте. Мы сидели в гостиной ее домика в резервации Стендинг-Рок. Бабушка рассказывала фрагмент за фрагментом, в течение многих дней и недель, даже не одно лето. Многие части истории я слышала по нескольку раз. Однако я изложу события по порядку, а по ходу буду отмечать те моменты, когда бабушка острила. В этой истории много шуток. Бабушка говаривала: «Индейцы выжили только благодаря терпению и хорошему чувству юмора. Великий Дух хорошенько пошутил над нами, когда направил сюда европейцев!»

Как бы то ни было, все беды начались одним прекрасным утром 1805 года, когда англичанин Мериуэзер Льюис впервые увидел мамонта. Он стал первым белым человеком, которому удалось наблюдать этого зверя, ведь в Англии они давно вымерли. Животное, с которым столкнулся Льюис, оказалось самцом примерно шестидесяти лет. Сам исследователь так и не дожил до столь почтенного возраста. Мамонт стоял на берегу Миссури и пил воду, его великолепные изогнутые бивни в десять футов длиной блестели в первых лучах солнца. Льюис знал, что за зверь перед ним. Его сосед, президент Томас Джефферсон, советовал смотреть по сторонам, ведь по пути им могут попасться мамонты, которых люди восточного полушария видели только в музеях.

Самец, которым любовался Льюис, не принадлежал виду Mammuthus columbi[22], останки которых нашли на востоке. Это оказался потомок данного вида, а именно Mammuthus missouri[23]. Взрослая особь колумбийского мамонта мужского пола достигала тринадцати футов в высоту и весила десять тонн. Самец, что попивал воду из Миссури, оказался всего десять футов ростом, а весил тонн пять или шесть.

Правда ли, что длина его бивней равнялась его росту? Что ж, если верить Льюису и другим ученым, исследовавшим Mammuthus missouri, так оно и было. Бабушка считала, что это классический пример полового отбора.

«Самке, чтобы спариться, нужно быть здоровой и относительно везучей. Конечно, правило работает не у всех видов, но у большинства. Самцам же, чтобы произвести потомство, нужно впечатлить как самок, так и других самцов. Люди для этого использовали краску, перья, украшения. Взгляни на картины Джорджа Кэтлина! На них индейские мужчины изображены куда более ярко и броско, чем женщины. Просто они стремятся заявить, что пригодны для продолжения рода. Какой-

нибудь древний вождь в традиционном военно-обрядовом головном уборе ничем не отличался от индюка, распускающего свой хвост по весне».

Не подумайте, будто бабушка неуважительно относилась к нашим предкам. Дикая индейка была ее любимой птицей, и мало что на свете могло сравниться с индюком, который раскрывал свой блестящий бронзовый хвост и производил булькающие звуки наподобие «хубба-хубба».

У самок мамонта бивни прекращают расти в возрасте двадцати пяти или тридцати лет, однако у самцов они удлиняются в течение всей жизни, тянясь вверх и закручиваясь, иногда до тех пор, пока не скрещиваются.

«Все это ради шоу, – говорила бабушка. – Но какого шоу!»

Льюис поступил так, как и стоило ожидать от исследователя и ученого девятнадцатого века. Он вскинул винтовку и убил мамонта. Выстрел оказался точным, а может, Льюису просто повезло. Так или иначе, он попал в самое яблочко – пуля вошла в блестящий коричневый глаз мамонта. Зверь взвыл от боли и ярости, а потом свалился замертво. Это и стало началом конца, как утверждает бабушка.

Экспедиция разделала тушу мамонта, отпилила бивни, сохранила шкуру зверя с коротким густым вьющимся мехом, скорее всего светло-коричневым, хотя встречаются мамонты, у которых мех каштановый или желтый, иногда даже белый. Участники экспедиции поужинали и позавтракали стейками из мамонта, а затем продолжили путь к верховью реки, таща лодки по суше. Большая часть мяса в итоге досталась волкам и гризли. Один бивень, к большой радости президента Джефферсона, достиг восточного побережья. Второй пришлось бросить: он оказался слишком тяжелым; а вот шкура мамонта ушла под воду, когда одна из лодок перевернулась.

«Грандиозное вышло путешествие, – рассказывала бабушка. – Им столько всего удалось обнаружить. К примеру, Скалистые горы, местоположение которых нам, индейцам, всегда было известно. Но пожалуй, самым известным их открытием, даже более знаменитым, чем Скалистые горы, стали живые мамонты».

Даже спустя десятилетия после того, как Льюис и Кларк вернулись в Соединенные Штаты[24], белые люди бороздили западные земли в поисках мастодонтов, гигантских ленивцев и саблезубых тигров. Однако все они давно вымерли. До наших дней дожили лишь мамонты.

Кое-кто среди белых ученых утверждает, будто мегафауну ледникового периода уничтожили индейцы. Бабушка в это не верила.

«Если мы были столь хорошими охотниками, почему сохранилось так много видов крупных зверей? Лоси, овцебыки, олени вапити, карибу, бизоны, горные львы, пять разновидностей медведей. Дикие индейки, в конце концов! Они ведь крупные птицы, хотя летать, по сути, не могут. И как бы я их ни обожала, любому, кто хоть раз видел, как индейка пытается пробраться через изгородь из колючей проволоки, не придет в голову сказать, что они быстро адаптируются.

Почему в Новом Свете вымерли лошади и верблюды, а другие крупные звери – лоси, мамонты, овцебыки, бизоны – выжили? Неужели это говорит о том, что наши предки предпочитали питаться лошадьми и верблюдами, а не бизонами? Верится с трудом!»

Скорее всего, эти животные исчезли из-за климатических изменений, считала бабушка. Ледники отступили, и температура повсеместно росла, становилось засушливее. На месте тундростепей теперь раскинулись низкотравные прерии. Это никоим образом не сказалось на бизонах, но мамонтам, которые, как и слоны, нуждаются в большом количестве влаги, пришлось нелегко.

«По весне они выходили на равнины полакомиться сочной зеленой травой. Наши предки могли наблюдать за тем, как они пасутся группами из десятидвадцати особей среди темно-коричневых бизонов. К началу лета мамонты ретировались к рекам, особенно Миссури, и питались кустарниками, произрастающими в низинах и поймах. Там всегда хватало воды. Только представьте себе зрелище, которое открывалось нашим предкам, когда они сплавлялись вниз по реке на пироге или лодке из шкуры бизона вроде тех. что изготавливали майданы и хидатса! Мамонты – детеныши и самки – купались в прибрежных водах и поливали друг друга водой из хобота.

Наши предки всегда говорили: берегитесь мамонтов, когда они приходят на реку. В низинах, притаившись, сидели волки, в том числе крупные особи, которых даже называли бизоноволками, и гризли, что водились на равнинах, прежде чем белые люди заставили их уйти в горы. Хищники не могли тягаться со взрослым мамонтом, зато они охотились на детенышей и раненых зверей. Потому мамонты всегда испытывали тревогу, находясь возле воды».

Даже сейчас, когда я закрываю глаза, я вижу бабушкину гостиную. В Северной и Южной Дакоте небо громадное, но к западу от Миссури оно становится еще больше; солнечные лучи копьями пронизывают сухой воздух. В бабушкином доме свет проникал сквозь тюлевые занавески и хороводом солнечных

зайчиков танцевал на линолеуме. Вся мебель была изящной, осанистой, но скромной, как и бабушка, как и сам дом: старый, потертый кухонный стол, четыре стула и кресло-качалка, зато все из цельного массива дерева, которое бабушка постоянно полировала. На полу рядом с пляшущими солнечными зайчиками лежал настоящий восточный ковер, разлохматившийся по краям, с примявшимся ворсом. Бабушка купила его в антикварном магазине в Миннеаполисе. Ей нравились его поблекшие цвета и геометрические узоры, похожие на те, что делают наши соплеменники-лакота.

«У китайцев и индусов ковры подобны садам, но народы засушливых степных территорий, вроде жителей Центральной Азии и местных, предпочитают геометрические узоры».

Главным бабушкиным сокровищем был бивень мамонта около трех футов в длину. Кость медового оттенка украшала резьба, изображающая всадников, которые преследуют бизона. Всякий раз, когда бабушка рассказывала мне истории, она клала бивень на колени и поглаживала изогнутую кость с вырезанными на ней узорами.

«В далекие времена, еще до того, как пришли охотники на лошадях и с ружьями, жили два молодых мужа. Однажды они отправились в прерию в поисках добычи. Вооружены они были лишь копьями с каменными наконечниками да имели собаку с волокушей. Если считаешь, что охотиться подобным образом в мире, полном бизонов, мамонтов, волков и гризли, легко, то ты глубоко заблуждаешься.

Молодые индейцы надеялись подобраться к бизону, замаскировавшись под волков, которых дикие быки не слишком боялись, или наткнуться на мамонта, потерявшего много сил из-за недостатка воды. Стояла середина лета, было очень сухо – небольшие притоки и речушки пересыхали.

Однако индейцам не везло. Изможденные и раздосадованные, они разбили лагерь да привязали собаку покрепче: если в ближайшее время они не изловят зверя, пес станет ужином. Они перекусили последними пеммиканами[25], запили их водой, которую добыли, выкопав ямку в пересохшем русле, и легли спать.

Когда они проснулись, высоко в небе светила полная луна. Неподалеку стояли две девушки в белых платьях. Никогда прежде охотники не встречали подобной красоты. Один воин оказался достаточно смышлен – он понял, что перед ним духи. Мужчина поприветствовал женщин с должным почтением. Однако его сотоварищ был глуп и невежественен. Он вскочил и попытался схватить деву за руку, но та развернулась и быстрым шагом

двинулась через залитую лунным светом прерию. Охотник последовал за ней. Когда двое почти скрылись из виду, женщина обернулась белым мамонтом – в лунном свете ее мех блестел, подобно снегу. Однако глупый индеец даже не остановился. Он продолжал идти за мамонтом, пока обе фигуры не растворились в ночи.

Тогда вторая женщина сказала:

– То была моя сестра, женщина Белый Мамонт. Твой соратник будет следовать за ней, пока не окажется за пределами нашего мира. Однако ты встретил меня с должным почтением – за это я научу тебя, как охотиться на бизона и что делать с каждой частью туши, чтобы твои люди больше никогда не голодали. Однако помни – никогда не охотьтесь на мамонтов: твой приятель их прогневал. Если ты не внемлешь моему предостережению, то разозлишь и бизонов – тогда и они, и мамонты покинут ваши земли.

После она научила его всему, что необходимо знать о бизонах. Индеец сердечно поблагодарил девушку, а когда та собралась уходить, спросил: „Как тебя зовут?“ Вместо ответа она превратилась в белоснежную самку бизона и помчалась прочь по равнине.

С тех пор, – продолжила бабушка, – наши предки охотились только на бизонов и не трогали мамонтов. Тому имелось вполне разумное объяснение. Представь себе – атаковать взрослого мамонта пешим с одним лишь копьем! Конечно, детеныши были меньше, но их защищали матери и тети, самцы тоже сбивались в группы.

По-настоящему уязвимы были лишь молодые самцы в момент, когда их изгоняли из материнской группы и они какое-то время бродили в одиночестве, потерянные, не знающие, что им делать. Временами люди нападали на таких особей, но это не привело к исчезновению вида.

Возможно, используй люди огонь, они могли бы обращать стада мамонтов в бегство и уничтожать их. Но женщина Белый Бизон предупредила нас, что не стоит так поступать, и индейцы не применяли подобную тактику».

Бабушка поведала мне еще одну историю.

«Жил-был мужчина, и однажды в трудные времена, во время засухи, отправился он на охоту. На пути ему попался огромный самец мамонта с великолепными бивнями. Животное сломало или вывихнуло ногу.

– Брат-мамонт, – обратился к нему мужчина, – моя семья умирает с голоду. Отдай мне свою плоть.

Мамонт задумался, поводил хоботом, принюхиваясь к

запахам, витавшим в пыльном воздухе.

– Хорошо, – наконец ответил он. – Но я хочу, чтобы бивни остались при мне. Зови меня тщеславньш или сентиментальным, но для меня они многое значат, поэтому пусть они лежат там, где я жил. Такова моя воля. Можешь забрать все остальное: мою плоть, кости, шкуру, – но бивни не трогай.

Мужчина согласился, и мамонт позволил ему нанести смертельный удар.

Когда зверь испустил дух, мужчина привел свою супругу, чтобы та помогла ему разделать тушу.

– Мы не можем оставить бивни, – молвила женщина. – Смотри, какие они огромные и как изящно изгибаются.

– Я дал слово, – возразил мужчина.

Однако жена его не послушала и отрубила бивни, оставив голый череп. Они забрали домой все: мясо, рыжевато-коричневую шкуру с вьющимися шерстинками и бивни.

После женщину начали мучать кошмары. Во сне к ней приходил тот самый мамонт, еще не освежеванный, только вместо бивней зияли две кровавые раны.

– Что ты наделала?! – вопрошал он. – Зачем ты украта единственную вещь, которую я просил не трогать?

Постепенно из-за постоянного недосыпа женщина стала угасать, пока однажды не умерла. Вскоре после этого ее супруг отправился в соседнюю деревню, где увидел девушку неописуемой красоты.

– Что ты хочешь за свою дочь? – спросил он ее отца, пожилого человека, который все еще производил впечатление статного, привлекательного, несмотря на отсутствие зубов, мужчины.

– Твои знаменитые бивни мамонта, – отвечал старик.

Воину вовсе не хотелось отдавать бивни, но столь прекрасной индианки он в своей жизни еще не встречал, да и девушка, казалось, с радостью отправится с ним. Скрепя сердце мужчина все же согласился на сделку и отправился в родную деревню за бивнями. Когда он вернулся и отдал драгоценные предметы отцу девушки, тот погладил их и сказал: „Я сделаю из них косяк для двери“. Забыла упомянуть, что все происходило в деревне манданов или хидатса. Наши соседи на берегах Миссури часто использовали бивни утонувших мамонтов для дверных проемов в хижинах, которые они изготовляли из бревен и грязи. В нашем племени такой традиции не было – мы в те годы жили в типи[26].

Воин и его новоиспеченная жена отправились в путь через равнину. Как только они остановились на приват, мужчина заявил: „Я хочу переспать с тобой“. Вот уже несколько дней он ни о чем другом и думать не мог.

– Людишки! – вскрикнула дева. – Ничему-то вы не учитесь!

Вскочив на ноги, она обернулась белым мамонтом. Ее мех блестел, подобно снегу в лунном свете, и так же сияли небольшие бивни.

– Ты попросил о помощи моего сородича, а затем забрал единственную вещь, которую он хотел сохранить. И это после того, как он с готовностью отдал тебе все остальное, даже свою жизнь. Но теперь бивни вернулись к нему. Ты же ничего от меня не получишь.

Она развернулась и помчалась через прерию».

«Если мы не должны убивать мамонтов и забирать их бивни, откуда у тебя этот?» – спросила я, когда мне было десять лет и в голове у меня постоянно крутились вопросы, которые я научилась задавать в экспериментальной школе Миннеаполиса.

«Эта история учит нас тому, – вещала бабушка, – что надо спрашивать разрешения, прислушиваться и почтительно относиться к ответам, которые получаешь, а также держать свои обещания. Бивень у меня на коленях взят у молодой особи. Вероятно, один из наших предков убил зверя до того, как тот присоединился к группе самцов. Если же это была самка, то она погибла от раны или засухи, а бивень забрали уже у мертвого зверя.

Если он принадлежал молодой самке, то, возможно, наш предок вырезал сцену охоты по ошибке. Однако мне неизвестна история человека, который завладел этим бивнем. Скорее всего, ничего плохого с ним не приключилось, хотя могло бы, нарушь он правила».

Поскольку бабушка очень часто иронизировала, сложно было сказать, говорила она всерьез или шутила. С одной стороны, она занималась наукой, а еще считала, будто в мире произошло много плохого, за что люди так и не расплатились. С другой стороны, оно верила древним легендам.

«Существуют различные способы организовывать знания и формулировать истину. При должном терпении, упорстве и доле везения справедливость со временем восторжествует».

Бабушка рассказала мне о судьбе Мериуэзера Льюиса. Из экспедиции он вернулся известным человеком и стал губернатором территории Миссури, но затем впал в депрессию. В возрасте тридцати пяти лет, путешествуя в одиночку по Натчезскому тракту, Льюис покончил с собой. В кармане нашли клочок бумаги с предсмертной запиской. На нем дрожащей рукой было накарябано два слова: «мамонты», «индейцы». Больше ничего, хотя Льюис в своей обыкновенной манере допустил ошибки в написании обоих слов.

«И что значило это послание?» – поинтересовалась я.

«Кто ж его знает! – отвечала бабушка. – Может, пытался предупредить нас о чем-то. Например: „Будете обращаться с мамонтами как я – закончите столь же плачевно“. А может, просто напился. Он питал слабость к алкоголю и опиуму. Так или иначе, никто не обратил внимания. На берега Миссури прибыло еще больше белых людей – ученые, первооткрыватели, торговцы, охотники, английская знать, русские царевичи. И все они убивали мамонтов, – по крайней мере, так казалось нашим предкам, которые с ужасом наблюдали за происходящим. Мы пытались предостеречь европейцев, но они не слушали. Может, им просто не было дела. В какой-то момент мы сообразили, что у приезжих уже сформировалось представление о том, какой именно должна стать наша страна: повсюду фермы белых людей сродни тем, что существуют в Европе, хотя наши земли совсем не походят на Англию или Францию. Должны исчезнуть мамонты и бизоны – и мы. Если взглянуть на пейзажи, написанные на берегах Миссури в девятнадцатом веке, кажется, почти на каждой заходит солнце. Небольшие стада мамонтов, большие группы бизонов, индейцы – все они направляются на запад, уходят в закат и исчезают с равнин.

Часть бивней отправилась в Англию, Москву и украсила стены знатных домов. Другая закончила свой путь в музеях на Восточном побережье Штатов, порой вместе со скелетами и шкурами мамонтов. В Американском музее естественной истории в Нью-Йорке в зале мамонтов есть целое стадо чучел. Я там была. Тебе тоже стоит как-нибудь съездить.

Шли годы, и европейцы начали отлавливать мамонтов. Как правило, это оказывались детеныши, чьих матерей подстрелили. У Баффало Билла Коди было целых два мамонта. В тот год, когда его шоу „Дикий Запад“ приезжало на территорию лакота, вождь Сидящий Бык приходил к мамонтам. Рассказывают, будто он разговаривал с ними, а животные обвивали хоботами его руки и искали еду, спрятанную в карманах одежды. Никто не знает, что именно они ему отвечали. Но возвращался он печальный и мрачный.

К концу девятнадцатого века мамонты сохранились только в цирках и зоопарках, за исключением небольшой популяции в Национальном парке „Глейшер“. Всего выжило не более четырех сотен особей. В цирках выступали мамонтята. В зоопарках держали как взрослых, так и молодых особей, но все они выросли в неволе. Культура мамонтов, передаваемая из поколения в поколение старейшинами, как у нас, индейцев, исчезла. Лишь мамонты в „Глейшере“ сумели сохранить часть древней

мудрости. В этом они походили на наших соседей – черноногих[27]. Луис У. Хилл, сын Джеймса Хилла, „строителя империи“, убеждал черноногих следовать традициям предков, поскольку тогда он мог показывать туристам, путешествующим по Великой Северной железной дороге, подлинную культуру Запада. Историки много чего плохого писали о семействе Хиллов, но стоит отдать им должное – они защищали мамонтов и черноногих от цивилизации белых людей.

Предостережения женщины Белого Бизона оказались не пустыми словами. По мере того как исчезали мамонты, поголовье бизонов тоже сокращалось быстрыми темпами. К концу столетия сохранилось лишь несколько сотен особей, а ведь прежде по равнинам Запада бродили стада в миллион голов. Что стало с индейцами, мы прекрасно знаем. Не хочу поддаваться гневу, потому не буду рассказывать эту историю. Да и потом, моя повесть о мамонтах.

Здесь история оказывается связана с моей собственной бабушкой, твоей прабабушкой. Звали ее Роуз, а настоящая фамилия была Красный Мамонт, однако в очень раннем возрасте ее удочерили миссионеры, поэтому она взяла их фамилию – Стивенс. Родители отправили Роуз в школу на Восточное побережье, затем она изучала ветеринарию и стала первой женщиной, получившей степень по ветеринарным наукам. Роуз была мало знакома с индейской культурой, но ей снились правильные сны. В одном из сновидений к ней пришел мамонт, а точнее – белая мамонтиха.

– Я хочу, чтобы ты посвятила свою жизнь изучению мамонтов, – сказала она. – Настало время, когда что угодно способно уничтожить наш вид: вирус, подцепленный от домашних животных, болезнь, развившаяся из-за инбридинга[28], или изменившееся отношение белых людей. Что, если Луис Хилл найдет иной способ продвижения железных дорог? Да и потом, большинство моих сородичей утратили свою культуру.

– Я, конечно, хочу работать с крупными животными, – отвечала Роуз. – Но я подумывала о том, чтобы заниматься домашним скотом или лошадьми, а не мамонтами. Я ничего о них не знаю.

– Всему можно научиться, – заметила мамонтиха. – Если тебе не хватит информации по стаду в парке „Глейшер“, ты всегда можешь исследовать наших ближайших сородичей – слонов. Если не спасти наш вид, погибнут бизоны – не думаю, что у индейцев тогда много шансов выжить. Белые люди – ненормальные. Они не понимают, что нельзя возделывать высокие равнины так же, как их родные земли, что здесь невозможно выращивать европейский

скот. В нашей стране для этого чересчур сухой и холодный климат. Конечно, белые люди могут и дальше пасти на наших прериях слишком много скота, осушать реки или загрязнять их ядами, строить шахты и вырубать священные Блэк-Хилс[29]. В итоге они уничтожат этот край, и им придется либо покинуть его, либо жить, подобно падальщикам, среди руин. Сохранить земли можно, лишь сохранив бизонов и нас.

Не сложно догадаться, внучка, что мамонтиха была рассержена. Мамонты, как и их сородичи-слоны, способны испытывать горе и таить злобу.

Роуз нельзя было назвать дурочкой. Она понимала: ей приснился необычный сон. Белый мамонт – это какой-то дух. Поэтому она согласилась исполнить просьбу зверя. Как выходец из племени лакота, с дипломом колледжа она сумела получить работу в парке „Глейшер“. Все происходило в тысяча девятьсот одиннадцатом году, когда парк только открыли для посещения и еще даже не построили знаменитые домики для туристов.

Роуз провела три года в „Глейшере“. Работа приносила одни расстройства. Численность стада не увеличивалась. Особи уходили далеко, вероятно желая спрятаться от туристов, которым нужны были лишь снимки великолепных и застенчивых животных. Стоило мамонтам покинуть пределы парка, их отстреливали рейнджеры: они утверждали, будто мамонты распугивают скот. Да и в самом заповеднике звери временами становились добычей браконьеров и даже рейнджеров, охранявших парк. Обычно в периоды муста, когда особи, особенно самцы, демонстрировали агрессию, вызванную высоким уровнем тестостерона в брачный период.

Мамонты производили меньше потомства, нежели слоны. Роуз не смогла установить, связано ли это с различиями между двумя видами или причиной стали инбридинг и стресс. Каждый раз, когда им удавалось, звери срывали и топтали камеры, что позволяло предположить стресс источником проблем хотя бы отчасти. Однако Роуз не удалось убедить администрацию парка запретить съемку.

И вот, когда она окончательно разочаровалась и подумывала сменить работу, ей приснился очередной сон. К ней явилась женщина в белом платье из кожи оленя. Средних лет, она несомненно принадлежала индейскому племени, что выдавали темная кожа и прямые черные волосы. Ее наряд по плечам украшали белые бусины. Белые мокасины, как и платье, были вышиты белым бисером. Женщина носила длинные серьги из слоновой кости.

– Разве так работают? – укорила она Роуз.

– Знаю, – согласилась та.

– Нам нужен новый план, – продолжала женщина. – Слышала ли ты о вмерзших в лед мамонтах, найденных в восточной части России?

– Да.

– Узнай о них как можно больше. Они умерли тысячи лет назад, но в холоде их шкуры и плоть хорошо сохранились. Как знать, может, однажды их удастся воскресить. Белые люди невероятно изобретательны, особенно когда речь заходит о том, чтобы творить противоестественные вещи.

Собеседница умолкла. Роуз моргнула, и женщина обернулась мамонтом с белым мехом и голубыми, похожими на льдинки, глазами. Мамонт взмахнула хоботом из стороны в сторону, словно дирижер, руководящий оркестром. Казалось, она вглядывается в далекие дали. На этом сон оборвался».

Бабушка встала, сходила в ванную, затем принесла с кухни холодный чай, в который заранее добавляла лимонный сок, сахар и мяту из собственного сада. Налив нам обеим по стакану, она вновь опустилась в кресло-качалку. Бивень мамонта сейчас висел на стене рядом с остальными реликвиями – фотографиями, в том числе портретами моих родителей, открытками с видами различных мест в Блэк-Хилс. Среди них не было горы Рашмор, зато имелись снимки каньона Спирфиш, Нидлз-роуд[30] и Мемориала Неистового Коня. А еще на гвоздике висело ожерелье из серебряных бусин. Крохотная, изящно вырезанная из катлинита[31] фигурка мамонта с бирюзовыми глазами довершала украшение.

Мы пили чай. Бабушка качалась в кресле.

«Что было дальше?» – спросила я.

«С Роуз? Она отправилась в Россию, через Китай, так как разразилась Первая мировая война. Луис Хилл спонсировал поездку. Он тоже беспокоился за судьбу мамонтов из парка „Глейшер“. Конечно по-своему, как предприниматель, которому необходимо обладать тем, что он любит, и по возможности делать из этого деньги. А Луис любил своих черноногих и мамонтов.

В конечном счете Роуз оказалась в городке в Сибири. Название вертится на языке, но сейчас я его не вспомню. Может, позже. Старость не радость, Эмма! Она приходит ко всем. Даже генная инженерия не способна повернуть время вспять! Дома в том городе были деревянные, на улицах – грязь. Роуз рассказывала, что место очень походило на Дикий Запад, только на востоке. Там жили вечно пьяные русские и темнокожие местные, внешне схожие с индейцами и эскимосами. Легко догадаться, откуда в Америку пришли индейцы, говаривала Роуз.

Местные племена тоже выпивали. Такое вот проклятие кочует в районе Северного полюса и среди всех коренных народностей.

Город окружал сосновый лес. Огромные темные стволы уносились ввысь, заслоняя небо. Больше всего в Сибири, делилась Роуз, ей не хватало неба. Оджибва прогнали нашу родню из сосновых лесов. Дакота до сих пор злы на них за это. Однако, по мнению Роуз, то была невелика потеря, а вот о сахарных кленах и озерах с зарослями дикого риса сожалеть стоит.

Большую часть военного времени она провела в Сибири, работая совместно с русским ученым – экспертом по замерзшим во льдах мамонтам. Он был еще молод, но из-за обморожения потерял большие пальцы на ногах, отчего хромал и ходил с палкой, а потому оказался непризывным. Как рассказывала Роуз, ростом он не вышел – не выше ее самой, сухопарый, с волосами цвета соломы, раскосыми зелеными глазами над острыми скулами, как у индейцев. Сергей Иванов.

Об этом периоде жизни Роуз рассказывать сложнее всего, – заметила бабушка. – В Сибири я никогда не была, а Роуз особо не распространялась о том, как ей тогда жилось. Я представляю себе следующую картину: деревянный дом, разгар зимы, за окном непроглядная темень, в ярком свете ламп они склонились над тканями мамонта, которые удалось обнаружить. Оборудование Сергей привез с Запада, поэтому они могли окрашивать образцы и исследовать их под микроскопом.

Сергей и Роуз сумели установить – учитывая, что наука тогда находилась еще в зачаточном состоянии, – что все ткани были повреждены. Скорее всего, причиной послужили попеременное замерзание и оттаивание. Лед достаточно твердый и обладает меньшей плотностью по сравнению со своим жидким состоянием. Замерзая, вода в клетках мамонтов расширялась и разрушала стенки – ломались хрупкие, заложенные природой механизмы, да так, что восстановить их не представлялось возможным.

Война почти не затронула их жизни. Транспортное сообщение между городами было нарушено, но они не собирались путешествовать. Сергей хотел приобрести новое оборудование, но ему не хватало средств. Роуз написала письма Луису Хиллу с просьбой выслать денег. Ответа она так и не получила. Роуз не знала, дошли ли письма до адресата. В 1917 году в России произошла революция. Это случилось далеко на западе, в местах вроде Санкт-Петербурга. До их городка долетали лишь слухи. Охотники и звероловы поговаривали, будто царь Николай мертв и его сменил новый царь по имени Ленин-Троцкий.

Однажды вечером прибыли солдаты на лошадях. Сергей и Роуз слышали, как приближался отряд, как военные кричали что-

то друг другу.

Сергей сказал: „Спрячь наши записи, а с ними я разберусь“.

С охапкой бумаг в руках Роуз метнулась за дом. Стояла зима, валил снег. В сарае лежала туша мамонта, умершего тысячи лет назад. Вся дрожа, девушка спряталась среди костей под шкурой. Ей послышались голоса, приглушаемые метелью, хотя наверняка сказать она не могла. Вдруг тишину разорвали два громких резких звука, как будто кто-то со всего размаха хлопнул дверью.

„Ай…“ – прошептала Роуз. Про себя она молилась Богу своих приемных родителей, которые принадлежали епископальной церкви. Дверь сарая распахнулась. Мужчина заговорил на языке, которого Роуз не знала, – на русском.

Они с Сергеем общались исключительно на немецком, языке науки, или французском, языке цивилизации.

Мужчина, однако, не стал заходить, а двинулся в другом направлении, оставив дверь сарая открытой. Внутрь ворвался ледяной ветер. Роуз съежилась внутри мамонта. Внезапно ее накрыло видение: она была в хижине. Стены сделаны из челюстей мамонта. Вместо балок – бивни. На грязном полу разведен огонь из прессованного навоза. По другую сторону очага сидела пожилая женщина с длинными седыми волосами в сальном закопченном платье.

– Побудь здесь, – молвила она. – Пока солдаты не уйдут.

– Кто они? – спросила Роуз.

– Красные, белые – какая разница? Все они невежественные и отчаявшиеся. Царь Николай мертв, его сын никогда не взойдет на трон. Царю Ленину-Троцкому не дано достичь тех прекрасных целей, о которых он мечтает. Все станет еще хуже, пока ситуация не выправится.

Эти речи пришлись Роуз не по вкусу, но она так и осталась сидеть в мамонтовой хижине, где казалось теплее, чем в ее сарае. Пожилая женщина подбросила сухого навоза в огонь. Глаза ее были мутно-голубыми. Может, она слепа? Роуз не бралась утверждать.

Наконец старуха заговорила:

– Останешься здесь – замерзнешь насмерть. Солдаты ушли. Поднимайся и возвращайся в дом.

Роуз послушно встала и зашагала к двери хижины, завешенной шкурой мамонта. Она уже подняла руку, чтобы отодвинуть занавес, как женщина заговорила:

– Запомни одно.

– Да?

– Благодаря холоду тела моих родичей отлично сохранились. Но – подобно революции, которая себя уже не оправдывает, –

холод не сумел довести дело до конца. Подумай, Роуз, что можно улучшить. Не сдавайся! Продолжай работу! Рассуждай!

Роуз обернулась и хотела задать несколько вопросов, но женщина исчезла. Еще мгновение перед глазами Роуз стояла пустая хижина. Затем очаг с прессованным навозом растворился, и она оказалась на морозе перед входом в сарай с мамонтом, вся дрожа от холода. Шел снег, обжигая ледяными поцелуями ее щеки. Роуз не чувствовала рук и едва могла передвигать ноги. Спотыкаясь, она доковыляла до двери в задней части домика.

Внутри царил полный хаос – разбросанные повсюду книги, перевернутая мебель. Сергей лежал на полу в луже крови. Слава богу, в печи не погас огонь. Красные языки пламени потрескивали за дверцей, и в комнате было тепло. Роуз присела подле Сергея. Его лицо заливала кровь, сочившаяся из раны на лбу. Тщательно выглаженная белая рубашка оказалась вся перепачкана кровью. Пенсне Сергея валялось на полу подле тела, одно стекло разбилось.

– Ах, Сергей!.. – запричитала девушка.

Он приоткрыл зеленый глаз.

– Роуз, – прошептал мужчина, – они тебя не нашли.

– Нет, – ответила она с облегчением.

Роуз осмотрела Сергея – в него стреляли дважды. Одна пуля попала в плечо. Вторая оцарапала лоб. Солдаты так жаждали поскорее забрать добычу, что даже не стали проверять, жив ли он. Баночка с их небольшими сбережениями, замечательные инструменты Сергея из меди и стали, украшения Роуз и большая часть теплой одежды – все перекочевало к солдатам. Половину книг солдаты сожгли, чтобы обогреваться, пока они обыскивают дом.

Как только Роуз перевязала раны Сергея, он заявил:

– Это конец. Мы отправляемся в Китай. Наши записи при тебе?

Роуз поспешила в сарай с телом мамонта и отыскала тетради, сватенные среди огромных костей и фрагментов меха. Странно – бумаги пропахли дымом, как будто в сарае разводили огонь. Роуз отнесла записи обратно в дом. Они с Сергеем упаковали оставшиеся вещи, надели лыжи и отправились в ближайший город.

Путь до Китая оказался долгим и тяжким. Однако, несмотря на все трудности, они добрались целыми и невредимыми. В Пекине Роуз и Сергей расстались – каждый отправился своей дорогой: Роуз улетела обратно в Америку, а Сергей остался изучать ископаемые, обнаруженные в Китае. Именно он вместе с Тейяром де Шарденом обнаружил останки синантропа[32] и вывез

драгоценную находку, когда в Китай вторглись японцы.

Роуз больше никогда его не видела. Но она привезла с собой памятный подарок. Знаешь, что это было, Эмма?»

«Нет».

«Подумай!»

Я нахмурилась и стала перебирать в памяти русские вещи.

«Самовар?»

Бабушка рассмеялась.

«Ребенка. Когда Роуз вернулась в Америку, она знала, что беременна, хотя Хиллу об этом рассказывать не стала. И правильно сделала, ведь он придерживался жестких моральных принципов.

Догадываешься, кем был тот ребенок, Эмма?»

Я понимала, что вопрос с подвохом, и задумалась.

«Твоя мама?»

«Именно. Ее отцом был Сергей. Зеленые раскосые глаза тебе достались именно от него. Если повезет, унаследуешь и часть его ума и трудолюбия».

«Ого!»

У моей бабушки было всего два дедушки, что довольно необычно. Большинство людей, которых я знаю, могут похвастать тремя-четырьмя дедушками. Первый прапрадедушка жил в резервации Роузбад. У меня есть несколько его фотографий. На одной – высокий юноша с коротко стриженными черными волосами в белых одеждах, он выглядит зажатым, растерянным. На других прапрадедушка стоит рядом со своими родителями в традиционных индейских нарядах и шерстяных одеялах, накинутых на плечи. Есть у меня и снимки, на которых прапрадедушка запечатлен со своей симпатичной молодой женой: она смешанной расы, и оттого у нее светлые глаза – это заметно даже на старой фотографии. Бабушка рассказывала, что из их детей выжило лишь двое.

У меня имеется лишь один снимок моего второго прапрадедушки – пожилого человека с седыми волосами и аккуратно подстриженной белой бородой.

«На фото он совсем старый», – заметила я.

«Сергей? Да. Снимок был сделан много позже, когда он получил Нобелевскую премию по медицине. Роуз вырезала его из журнала».

«Он так никогда больше и не написал?» – любопытствовала я.

Бабушка долгое время ничего не отвечала, а потом сказала:

«Мне так и не довелось узнать. Роуз не любила распространяться на этот счет.

Вернувшись в Монтану, Роуз отчиталась перед Луисом

Хиллом. В то время он был серьезно обеспокоен. В цирке братьев Ринглинг от хвори умерли все мамонты. Ни ветеринар при цирке, ни приглашенные ученые не сумели установить природу заболевания, хотя предполагали, что мамонты могли заразиться от цирковых слонов: на тот момент недуг свалил несколько индийских слонов, а один даже скончался. Сейчас нам известно, что причиной стал вирус герпеса, переносчиком которого являлись африканские слоны. Для них он совершенно неопасен, зато у индийских слонов способен вызвать серьезное расстройство. Сегодня у нас есть вакцина, но, прежде чем ее разработали, болезнь всегда приводила к летальному исходу среди мамонтов.

На тот момент, как сообщил Хилл моей бабушке, это был единичный инцидент. Тем не менее он принял меры предосторожности. Цирковые поезда не пускали по той части Северной Тихоокеанской железной дороги, что проходила через парк „Глейшер“. Сотрудники парка получили распоряжение не нанимать людей, в прошлом работавших в цирке; судебных служащих близлежащих городов обязали сообщать администрации парка обо всех гастролирующих цирках. Но Хиллу этого показалось недостаточно. Он нанял элитную группу специально обученных смотрителей за мамонтами, заплатив из собственного кармана: в их задачи входило наблюдать за животными и следить за тем, чтобы туристы не подходили слишком близко. Истории о смотрителях естественно попали на страницы газет и журналов – гениальный маркетинговый ход Хилла. Был даже снят фильм с Томом Миксом в главной роли о том, как преступник пытается начать новую жизнь в качестве смотрителя. Кажется, он назывался „Том Сейджбраш и мамонты“.

Однако Хилл никак не мог успокоиться. Что, если какой-нибудь крохотный передвижной цирк сумеет обойти его меры предосторожности и окажется рядом с парком? Зараженный слон может вырваться на свободу и забрести в парк, или же мамонт наткнется на стоянку цирка. Что будет, если инфицированный турист подойдет близко к мамонту? Закрыть парк для посетителей не удастся, а проверить каждого просто невозможно. Не исключено, что заболевание подобно бешенству и воздействует на разных млекопитающих. Слоны могут заразиться от лосей или луговых собачек. Всего не предугадаешь!

Бабушка считала, что Хилл чересчур переживал. Ее больше беспокоили темпы размножения в стаде и опасность близкородственного разведения. Мамонты, как и слоны, очень долго вынашивают плод. Самка производит на свет одного детеныша. Период детства также очень продолжительный. Все это

означало, что прирост стада в парке „Глейшер“ происходил очень медленно, а из-за угрозы заражения они не могли привести новых особей и тем самым разнообразить генофонд. Но она и словом не обмолвилась об этом. Роуз молча и безучастно стояла, глядя, как Хилл расхаживает взад и вперед в своем персональном вагоне, и выслушивая его опасения. Электрический свет отражался от полированного красного дерева, играл бликами на темном бархате, восточных коврах и позолоченных рамах. Картины были средненькие. В отличие от Дж. П. Моргана, знатоком Хилл не являлся.

Он производил впечатление угрюмого человека с аккуратно подстриженной белой бородой. Бабушка говорила, он немного напоминал ей Сергея на той фотографии, где ему вручают Нобелевскую премию. Даже приезжая в парк „Глейшер“, Хилл всегда надевал жилет на пуговицах, хотя здесь, на Западе, он менял брюки и ботинки на бриджи и высокие сапоги. На стуле, рядом с плащом вроде тех, что носили погонщики скота, лежала потертая ковбойская шляпа. На носу – пенсне в золотой оправе.

Наконец Хилл остановился и попросил рассказать о поездке. Роуз отчиталась, но значительную часть информации скрыла.

– К каким вы пришли выводам? – поинтересовался он. – Узнали что-нибудь полезное? Или я впустую потратил деньги?

Всю дорогу до Америки Роуз обдумывала свои находки.

– Мне кажется, ключ к спасению мамонтов – заморозка.

Хилл нахмурился.

– Объяснитесь, мисс Стивенс!

Набрав полную грудь воздуха, Роуз продолжила:

– Если повезет, вы сумеете сохранить стадо в парке „Глейшер“. Однако поголовье здесь незначительно, да и популяция мамонтов на планете мала. Болезнь же для особей смертельна. Нам нужен запасной план на случай, если худшие опасения оправдаются.

– Что вы предлагаете?

– Подумайте вот о чем. Предыдущее столетие оказалось невероятно плодовитым – сколько открытий было совершено, сколько всего люди узнали о мире! Пастер и Эдисон – лишь два гения, которые изменили наш мир и сделали его таким, каким мы его знаем. Несомненно, нынешний век ознаменуется не менее важными находками и изобретениями.

Хилл резко кивнул:

– Продолжайте.

– А теперь вспомните, как прекрасно сохранились мамонты в Сибири и в течение какого длительного времени, даже несмотря на неидеальные условия. Я считаю, что постоянный процесс

обледенения и таяния разрушил ткани сибирских мамонтов и восстановить их не представляется возможным. Но должен быть более эффективный способ замораживать клетки, чем ледник! Если нам удастся найти такой метод и замораживать образцы тканей, при этом не нарушая хрупкие механизмы внутри клеток, если нам удастся поддерживать постоянную температуру образцов и избежать оттаивания и повторного замерзания, которое разрушило ткани сибирских мамонтов, тогда однажды – спустя какое-то время, но уже в этом замечательном новом веке – нам удастся запустить механизмы клеток и оживить животных, подвергшихся заморозке.

– Бред! – воскликнул Хилл.

Он прошел в другой конец вагона, взял стек, вернулся к Роуз и стегнул девушку по ботинку. Щелк! Щелк! Щелк!

– Я нанял вас для того, чтобы вы предоставляли мне объективные научные результаты, а не эту научно-фантастическую белиберду! Ваш план словно сошел со страниц романа господина Герберта Уэллса. А вот серьезным ученым и практичным бизнесменам так думать не пристало.

– Тогда задумайтесь, насколько выгодным для вашего бизнеса станет рефрижераторный вагон. Вы сможете доставлять фрукты с запада – свежие, неподпорченные, в отличном состоянии! – в Чикаго и на Восточное побережье…

Хилл замер и положил стек на стол из красного дерева. Еще несколько раз он пересек вагон. Наконец мужчина остановился перед стеклянным куполом, под которым лежала пара расшитых бисером мокасин. Он легонько постучал по нему сверху.

– Столько усилий приложено, но в глубине души я знаю, что мои черноногие обречены. Нельзя остановить прогресс. Любого, кто встанет у него на пути, сметет, как бизона, замершего на железнодорожных путях, раздавит приближающийся экспресс. Будущее за цивилизацией англо-американцев. Черноногие, бизоны, мои мамонты – все они принадлежат эпохе, которая подходит к концу, а может, уже завершилась. Что же касается добротного рефрижераторного вагона и его пользы, тут вы правы. Современная наука должна создать нечто лучшее, чем набитые сеном или кусками льда товарняки. Я воспользуюсь вашим советом и инвестирую средства в технологии замораживания, а вы, мисс Стивенс, можете продолжить изучать ткани мамонтов. Я сделаю все, что в моих силах, для мамонтов.

– Да, сэр! – Роуз разулыбалась.

Почему он так любил мамонтов? – спросила бабушка. – На этот вопрос я так никогда и не нашла ответа. Может, все дело в их грубой силе и напористости? А может, в том, что мамонты

выжили и, как и сам Хилл, перекочевали из прошлой эпохи? В конечном счете он был ребенком двадцатого века, но сыном яростного предпринимателя девятнадцатого столетия. Чем бы Хилл ни руководствовался, он открыл исследовательский институт, посвященный изучению процессов замораживания. Ты наверняка его видела. В Сент-Поле. Прекрасный образец архитектуры в стиле ар-деко. Особенно выделяется фасад, отделанный плиткой с изображениями трубящих мамонтов.

Пока возводили здание института, Роуз отправилась к родственникам в резервацию Стендинг-Рок. Там родилась моя мама. Вернувшись в науку, Роуз оставила Клару у своих родных из племени лакота. Решение далось нелегко, но Роуз знала, что Хилл не одобрит внебрачного ребенка, равно как и работающую мать среди своих ученых. Однако от исследования отказаться она не могла. С ней говорили мамонты. Она не станет игнорировать их советы.

Религиозной Роуз назвать было нельзя. Вера, в которой ее воспитали, со временем перестала для нее существовать, а замены ей она так и не нашла. Однако сны Роуз воспринимала серьезно, хотя и не могла с уверенностью сказать, откуда они к ней приходили. Видимо, причина крылась в бессознательном, как утверждали Фрейд и его последователи, или дело было в коллективном бессознательном, как говорят другие психологи. Так или иначе, Роуз не сомневалась, что во сне ее может настичь озарение, которое подтолкнет к решению научной проблемы. Человек, открывший структуру бензина, – черт побери, никак не вспомню его имя – увидел формулу во сне».

Бабушка поднялась с кресла, снова прошествовала в ванную, затем в очередной раз наполнила наши стаканы холодным чаем. Свет теперь падал сквозь тюлевые занавески под меньшим углом и стал насыщенного золотистого оттенка, как бывает, когда день клонится к закату. Я утомилась. Но меня воспитывали так, что, если старшие говорят, нужно слушать. Здесь, в Форт-Йейтсе, я могла узнать то, чему ни за что не научат в экспериментальной школе.

Бабушка вернулась в свое кресло-качалку.

«Роуз переехала в Сент-Пол и устроилась на работу в институт Хилла. Ее внешность выдавала в ней индианку. Кроме того, она была женщиной. У нее начались проблемы на работе и в городе. Неприязнь к индейцам глубоко укоренилась в этом регионе, а в те времена многие в Миннесоте еще помнили Великое восстание сиу тысяча восемьсот шестьдесят второго года. Двадцать девять наших сородичей из племени дакота повесили, как сопричастных, хотя не все из них принимали участие в бунте.

В общем, событие стало самой крупной массовой казнью за всю историю США.

К Роуз относились с предубеждением, и порой приходилось нелегко. Однако в двадцатых слово Луиса Хилла многое значило, а он ручался за Роуз. С его помощью ей удалось пережить все невзгоды.

Роуз так никогда и не вышла замуж. Может, потому что она была индианкой. Белые мужчины неохотно брали таких в жены, а индейцев, которые могли похвастаться столь же хорошим образованием, можно было перечесть по пальцам. Дочка Роуз по-прежнему жила в Стендинг-Рок. Роуз при любой возможности навещала Клару, твою прапрабабушку, но они так и не сблизились. Девочка считала одну из кузин Роуз своей настоящей матерью, мамой по сердцу. Уже в совсем преклонном возрасте Роуз призналась, что ее это очень печалило.

Хочешь еще холодного чая?»

«Нет, спасибо».

«В двадцать девятом году произошел обвал фондового рынка. Ты должна знать об этом, Эмма. Вы ведь проходите историю».

«Да, бабушка».

«И чему вас научили?»

«Никогда не покупать акции с маржей».

«Верно отчасти, – кивнула бабушка. – Однако двадцать девятый преподал нам куда более важный урок, как ты поймешь позже. В период биржевого обвала Луис Хилл инвестировал значительные средства. Он хотел получить контроль над железнодорожным сообщением на Западном побережье, чтобы расширить границы отцовской империи и охватить Калифорнию. К тому моменту он владел лучшими в мире рефрижераторными вагонами и собирался перевозить в них калифорнийские продукты.

Хиллу повезло. Он не обанкротился, несмотря на крах рынка. Однако и ему приходилось нелегко вплоть до начала Второй мировой войны. Он был вынужден сосредоточиться на спасении Великой Северной железной дороги и резко сократить финансирование института, а также проектов в парке „Глейшер“. Исследования прекратились. Роуз перевели в специалисты по техобслуживанию: теперь в ее обязанности входило следить за тем, чтобы двери были заперты, свет выключен, а морозильники с образцами тканей мамонтов включены. Средств на то, чтобы оплачивать счета за электричество, пока хватало. Все-таки Луис Хилл не забыл про институт полностью.

Однажды я спросила Роуз, не потеряла ли она тогда всякую надежду. На что она отвечала: „У меня была работа, чем могли

похвастаться немногие в то время, и возможность присматривать за образцами тканей“. Роуз была мужественной женщиной и скрытной. Надо полагать, потому что жила между двумя мирами. С кем женщина, индианка по происхождению и белая по воспитанию, может поделиться своими переживаниями?

В какой-то мере я понимала, каково это, ведь мой папа тоже был смешанной расы. Однако я знала, что в двадцатом веке ситуация обстояла куда хуже.

В тридцать восьмом году, в самый разгар Великой депрессии, стадо в парке „Глейшер“ подцепило вирус, который уничтожил мамонтов в цирке братьев Ринглинг и Линкольн-парке. До сих пор никто не знает, каким образом инфекция попала в заповедник. Тогда миллионы людей мигрировали в поисках работы. Многие отправлялись на поезде, а кто-то разбивал палатки в „Глейшере“. Рейнджеры выдворяли людей. Но парк огромен, а времена тогда были тяжелые. Отследить всех бродяг оказалось не под силу. Конечно же, эти люди не возили с собой слонов, и, как позже выяснила Роуз, никто из них не вступал в контакт с мамонтами.

Много лет назад, когда у меня выдалась пауза между исследовательскими проектами, я тоже заинтересовалась данным вопросом. При помощи одной из эпидемиологических программ Центра контроля и профилактики заболеваний я сделала поисковый запрос по бродягам и мамонтам. Роуз подобными возможностями, естественно, не располагала. Программа не установила эпидемиологической связи, но мне удалось найти вот что».

Бабушка с трудом поднялась из кресла и подошла к компьютеру, стоявшему на деревянном приставном столике. Монитор походил на цветок из стекла, украшающий изогнутую синюю ножку. Клавиатура лежала в стороне, поскольку до этого бабушка работала на экране. С ее приближением дисплей загорелся. Она легонько дотронулась до монитора своим костлявым пальцем.

«Тебя должно заинтересовать, Эмма, ведь твой отец играет блюз. Запись сделана Управлением общественных работ[33] в тридцать шестом году в Канзас-Сити. Единственный раз, когда Фрайпэн Чарли Харрисон оказался на пленке, как, собственно, и сама песня».

Бабушка дважды коснулась экрана. Зазвучала гитара. Старинный кантри-блюз. Потрясающая вещь, но исполненная на ужасном инструменте. Я могла определить по звуку. Отец такую гитару даже не взял бы в руки. Бабушка присела.

Словно издалека донесся тонкий надтреснутый голос. Запел

мужчина:

«Трудные времена. Я не знаю, как мне выбраться. Трудные времена. Я не знаю, как мне выбраться. Словно огромный мамонт наступил на меня.

Поезд мчит меня вдаль. Может, там меня ждет работа. Поезд мчит меня вдаль. Может, там меня ждет работа. Но этот гигантский мамонт извечно на моем пути.

В небе кружит черный дрозд, сверкая опереньем на солнце. В небе кружит черный дрозд, сверкая опереньем на солнце. Он не успокоится, пока не наступит мой последний день».

Далее шел гитарный проигрыш, после чего песня заканчивалась. Монитор погас.

«Можно было улучшить качество звука, – заметила бабушка. – Современные технологии способны превратить Фрайпэна Чарли в куда лучшего исполнителя блюза вроде Роберта Джонсона или кого-нибудь из современных певцов, Дели Джона Патела к примеру. Но эта запись из Смитсоновской коллекции. Поэтому она звучит точно так же, как если бы ее проиграли в тридцать шестом, сразу после того, как она была сделана. В комментариях сказано, что „гигантский мамонт“, скорее всего, обозначал частную полицию, нанимаемую железнодорожными компаниями в девятнадцатом и двадцатом веках. Хотя не исключено, что речь идет об экономической системе, которая оказалась столь несправедлива к Чарли. Песня, конечно, не о животных, которых исследовала Роуз, но она мне нравится. Больше нам ничего не известно о Чарли. В других записях он не встречается».

Какое-то время бабушка молчала. Ее костлявые руки лежали на коленях. Взгляд ярко-голубых глаз, казалось, проникал сквозь стену и устремлялся на просторы Уэст Ривер[34]. В моей жизни не было другого такого человека, как бабушка, и после смерти никто так и не сумел ее заменить.

«Мне особенно нравится куплет про черных дроздов. Напоминает о краснокрылых черных дроздах, когда по весне их можно встретить на болотах, еще до того, как те зазеленеют. Самцы находят самые высокие сухие ветки и показывают себя во всей красе. „Вот он я, – щебечут они. – Я здесь. Пою свою личную песенку“.

То была личная песня Чарли. Ему повезло – нам повезло, – что кто-то записал ее.

В последующие три года Роуз прикладывала множество усилий, чтобы спасти мамонтов. Но все безрезультатно. В сорок первом в „Глейшере“ скончалась последняя особь – молодая беременная самка по кличке Минерва. Роуз присутствовала при этом. В зоопарках еще оставались мамонты, но их было слишком

мало, чтобы продолжить род. Вид оказался обречен.

Роуз телеграфировала Хиллу, когда состояние Минервы ухудшилось. Предприниматель прибыл спустя сутки после смерти мамонтихи. К тому времени Роуз уже извлекла плод и поместила его в рефрижераторный вагон, чтобы доставить в Сент-Пол. Когда Хилл вошел, разодетый в костюм в стиле Восточного побережья, держа в руках такую же шляпу, Роуз производила вскрытие тела матери.

Мгновение он стоял и пристально смотрел на труп, слишком маленький для мамонта, но все-таки внушительный по человеческим меркам.

– Вот и все, – промолвил он. – Все кончено.

– У нас есть образцы тканей, – возразила Роуз. – Кроме того, я заморозила всех детенышей, которые погибли.

Хилл резко засмеялся:

– Никогда не верил в эту вашу идею о спасении мамонтов с помощью замораживания. Однако совет, что вы мне дали, относительно открытия института, оказался незаменимым, как и проделанная вами работа по сублимационной сушке.

Совсем забыла сказать, – спохватилась бабушка. – Если помнишь, после проведенных в Сибири исследований Роуз полагала, что главный виновник, ответственный за распад клеток мамонтов, – вода. В результате она стала изучать способы замораживания тканей в максимально сухих условиях. Ей так и не удалось решить проблему разрушения клеток, однако коллеги в институте заинтересовались ее работой и применили метод для консервации еды.

Попытка Хилла переместить юг в Калифорнию не удалась. Сперва экономический спад замедлил реализацию проекта, а затем к власти пришел чертов коммунист Франклин Делано Рузвельт, а с ним, подобно вестготам, Вашингтон наводнили толпы чиновников, следивших за тем, чтобы тресты распадались. Хилл прекрасно понимал, к чему идет дело. Взглянув на просторы Миссисипи и мельницы Миннеаполиса, он понял, что можно сделать хорошие деньги в пищевой промышленности. Он отказался от идеи создания железнодорожной монополии на Западе и вместо этого решил диверсифицировать бизнес, занявшись производством пищевых продуктов. Даже в самые тяжелые времена людям нужно есть.

Вначале он запустил линейку недорогих долгохранящихся сушеных продуктов „Пеммикан“. Товар выпустили в сороковом году. Военные силы США стали первым крупным покупателем. Сушеное мясо, фрукты и овощи „Пеммикан“ наряду с консервами „Спам“ помогли выиграть войну. Если верить Дж. И. Лору,

„Пеммикану“ можно найти сотню применений. Его можно есть, использовать в качестве кровельной дранки или вместо новой подметки на ботинок, как шрапнель для пушки или зенитный огонь с самолета, а еще из него можно сделать сухой настил в палатке.

Когда война закончилась, Великая Северная пищевая корпорация представила линейку замороженных овощей „Глейшер“. На упаковке красовались романтические пейзажи национального парка, среди которых бродили столь любимые Хиллом черноногие, олени вапити, бизоны, медведи и вымершие мамонты.

Институт Хилла к тому моменту вновь запустил исследовательские программы. Роуз стала старшим научным сотрудником. Может, ей и не удалось спасти мамонтов, но она оказалась ключевой фигурой в разработке замороженных продуктов. Луис Хилл был благодарен, правда все патенты на процесс заморозки он оформил на себя и Роуз не досталось никаких роялти. Вряд ли она возражала. Деньги ее мало интересовали.

Она уже пересекта пятидесятилетний рубеж. Ты же видела ее фотографии, Эмма? Я всегда считала Роуз очень привлекательной – настолько, насколько женщина вообще может быть привлекательной, настоящая дочь племени лакота: острые, словно лезвия, скулы, высоко посаженный нос, как у индейца на пятицентовой монете старинной чеканки. Глаза ее были черны, как космос, и сияли, подобно звездам. Древние легенды нашего племени гласят, что когда-то мы принадлежали к звездному народу. Я видела это в глазах Роуз, хотя она всегда одевалась как белые люди, а мои родные из Стендинг-Рок постоянно говорили, что она и думает как белый человек.

Сложно сказать, когда индейцам пришлось тяжелее всего. Когда мы лишись наших земель? Нет, не в ходе войн – лакота всегда побеждали, – но когда мы начали заключать договоры. Или же худшие времена были, когда мы голодали в резервациях, а солдаты и полицейские отстреливали нас? А может, когда наших детей выкрали, отправили в школы-интернаты, одели как белых людей и наказывали, если они говорили на родном языке?

Мне кажется, самое ужасное время настало в середине двадцатого века, когда умерли наши старейшины – те, кто вырос и перенял от своих родителей, бабушек и дедушек древние традиции. Белые записывают свою историю в книгах, снимают о ней фильмы, в которых показывают, как ковбои отстреливают индейцев. Но наша история хранилась в умах и устах старейшин. Когда они скончались – последние выжившие в битве при Литтл-

Бигхорн и бойне на ручье Вундед-Ни[35], люди, знававшие Сидящего Быка и Неистового Коня, видавшие, как мамонты переправлялись через Миссури, – вот тогда казалось, что и мы можем исчезнуть с лица планеты, как мамонты. Да, останется оболочка, шатающиеся пьянчужки, белые с красной кожей, но нашего народа не станет».

Бабушка умолкла и глубоко вдохнула, затем поднялась и принесла еще холодного чая.

Какое-то время мы пили в тишине. Чай обжигал холодом язык! Такой кислый благодаря лимону и такой сладкий из-за сахара! Солнечные лучи теперь ложились почти горизонтально, и в их свете кружились пылинки.

«Мне кажется, именно в то время отношения Клары, дочки Роуз и моей мамы, и самой Роуз окончательно испортились. Роуз приезжала на своем массивном красном „Крайслере Нью-Йоркер“ в Стендинг-Рок, вылезала из автомобиля и стояла посреди дороги, в грязи, уставшая и такая отчужденная. Путь от Сент-Пола был неблизкий – оттого, наверное, Роуз так и выглядела. Но Клара воспринимала ее выражение лица как отречение.

Роуз всегда надевата в поездку слаксы, рубашки и удобную обувь. Даже помятый после долгой дороги, ее наряд выглядел роскошно, а туфли блестели под слоем дакотской пыли. Для Клары Роуз была белой женщиной с красной кожей и не могла пасть еще ниже. Клара жила в резервации, на ее глазах пожилые умирали, а молодые впадали в отчаяние. Роуз отвернулась от своих соплеменников, поэтому Клара отреклась от Роуз.

Все это происходило без открытых конфликтов. У Роуз водились деньги, а семья Клары в резервации жила в жуткой нищете. Поэтому Клара брала у матери деньги, но отказывалась приезжать к ней в Сент-Пол, который считала кошмарным местом.

В сорок пятом году Клара вышла замуж. Ее жених, Томас Два Ворона из резервации Роузбад, был солдатом и как раз вернулся с войны. Не знаю, как они познакомились. Мне известно лишь, что он считался красавцем и знал множество историй. Об этом мне позже поведали родственники из Стендинг-Рок. Каким-то образом его рассказы – о резервации Роузбад, о солдатских похождениях – очаровали Клару, хотя в Сент-Пол она ездить боялась. Понятия не имею почему. Может, все дело в том, что он оказался симпатичным юным воином, доказавшим свою смелость и абсолютно уверенным в себе.

Я родилась в сорок девятом. До меня было еще двое детей, но они не выжили. Томас к тому времени сильно пил. Он умер по прошествии нескольких лет. Как-то раз он выпивал в гостях у

друзей. Вдруг, спустя какое-то время, они заметили, что Томаса нет. Наверное, он пошел отлить, говорили мои родственники из Стендинг-Рок. Валил снег, дул сильный ветер, и Томас заблудился. Его тело нашли через два дня, когда утих шторм: он замерз, как мамонты Роуз. Тебе может показаться, что я говорю о нем с прохладцей, но ведь я его почти не знала. Томаса не стало, когда я была еще совсем маленькой. А может, я просто злюсь на него за то, что он погиб из-за выпивки, потерявшись в метель. Прошло столько времени – мне бы стоило его простить. Но Клара так в нем нуждалась.

Ее я помню хорошо, хотя она умерла, когда я была еще ребенком. Помню, как она сидела в нашем маленьком домике, за который мы платили из солдатского жалованья Томаса. Она могла молчать часами. Клара злилась, и оттого мне казалось, что дом погружался во тьму. Но не как ночью в резервации, когда звезды освещают Стендинг-Рок, а будто зимой, когда серое небо низко нависает над землей и с севера дует холодный ветер. Я старалась как можно больше времени проводить на улице и ждала очередного визита Роуз. Она приезжала на своей огромной красной машине, чьи бока были покрыты пылью. Однажды – кажется, в конце лета – весь капот оказался усеян мертвыми кузнечиками. Роуз терпеть этого не могла и потом часами отчищала решетку радиатора.

Я неслась к Роуз, и та заключала меня в объятия. Никто так не пах, как она. Позже я узнала – то был аромат качественного мыла и духов. Роуз всегда привозила мне подарки: потрясающие игрушки, книги, а еще истории о городах-близнецах, Сент-Поле и Миннеаполисе. Игрушки я раздавала другим детям. Мне казалось неправильным забирать все себе, когда ребята вокруг не имели ничего подобного. А вот книги я оставляла себе. И, словно сокровища, хранила истории, рассказанные Роуз. Города-близнецы представлялись мне чем-то вроде Изумрудного города в стране Оз. Я так хотела туда поехать: Роуз много раз меня звала. Но Клара не разрешала. Она боялась, что Роуз украдет меня, подобно тому как белые люди забрали так много детей лакота.

Однако, – бабушка сделала небольшую паузу, – история эта не про Роуз и не про меня.

Роуз продолжила свое исследование и почти каждый день отправлялась в институт Хилла. Ее работа в тот период не дала важных открытий. На самом деле ее основная задача заключалась в том, чтобы сохранять образцы тканей мамонтов замороженными.

Мамонты продержались еще девять лет: последний – старый самец в зоопарке Кливленда – скончался в пятьдесят седьмом

году. Как трубили комментаторы из белых, событие возвестило об окончании эры. Старый Запад ушел в небытие, как и его самые знаменитые обитатели. До нас дошли новости о гибели мамонтов в Северной и Южной Дакоте, и мы горячо оплакивали их кончину. Священные животные, которые на протяжении поколений выступали нашими союзниками, исчезли. Мы остались одни в этом ужасном мире, созданном белыми людьми, если не считать небольшой популяции бизонов. Индейцы сильно скорбели, некоторые даже умирали от горя. В основном пожилые люди, однако в тот год заболела и Клара.

Ее убил туберкулез, ну и, конечно, разочарование и удары судьбы. Мне всегда казалось, что в более теплом климате она продержалась бы дольше. В нашем доме царила не только тьма, но и холод. Что ей оставалось? Старый мир исчез вместе с ее мужем и последним мамонтом по кличке Троянец. Я все чаще общалась с Роуз. А Клара сидела одна в своем мрачном жилище, все больше погружаясь во тьму, что царила в ее сердце, – сидела и кашляла. Роуз попыталась найти ей хороших врачей, но Клара отказалась покидать резервацию.

Роуз приехала в Стендинг-Рок и сидела у постели умирающей. Правда, только под самый конец: пока Клара оставалась в сознании, она запрещала Роуз и близко к ней подходить. Ситуация складывалась не лучшим образом – родственники были недовольны, ведь это не лучший способ уйти из жизни. Но Ктара никого не слушала.

Когда Клары не стало и ее похоронили, Роуз забрала меня в Сент-Пол. Наконец-то я отправилась в путешествие, о котором мечтала годами. И как мы проделали этот путь! Я сидела в стареньком „Крайслере Нью-Йоркер“ рядом с Роуз, все еще объятая горем. Мимо проносились поля Южной Дакоты – ровные, зеленые и чужие. Все чаще среди золотисто-коричневых холмов встречались деревья, которых не увидишь на моей родине. Они росли не вдоль рек и не на берегу заводей, а возвышались стройными рядами между полей и вокруг ферм. Когда мы добрались до Миннесоты, нам попадались уже целые леса из таких деревьев, покрывавшие вершины холмов.

Нам встречались лишь белые люди со светлыми и каштановыми волосами, загоревшие на солнце. Все они смотрели на нас недружелюбно.

– Не волнуйся, – успокаивала меня Роуз. – Они могут пялиться на нас сколько угодно, но больше ничего плохого они не сделают. Люди в Миннесоте редко говорят, что у них на уме.

Меня это не сильно успокоило. Однако в Сент-Пол мы прибыли без приключений. Мы ехали по улицам, где росли

высокие вязы и стояли огромные дома, – таких больших я еще не видела. Газоны были такими зелеными, что могли сравниться с Изумрудным городом. В солнечных лучах оросительные установки блестели, подобно бриллиантам. Я чувствовала себя совершенно потерянной. И я расплакалась. Причем плакала я не из-за смерти Клары – мне стало жалко себя.

– Все будет хорошо, – сказала Роуз.

Я продолжала реветь, когда мы подъехали к ее дому. Однако стоило мне войти внутрь, как я умолкла, настолько меня поразили его размеры. Аж два этажа и три спальни! Мне достанется целая комната, пообещала Роуз. Дому было более пятидесяти лет, но Роуз оборудовала ванную по последнему слову техники и провела в кухню электричество. Дом меня и завораживал, и пугал. Как я буду пользоваться всеми этими чистыми и сверкающими вещами? Клара обходилась туалетом во дворе да колодцем – обстоятельства вынуждали.

В гостиной стоял телевизор, а на нем – вырезанное из кости цвета меда семейство мамонтов. Роуз рассказала мне, что мамонтовую кость она привезла из Сибири и что той было несколько тысяч лет. Над камином висел великолепный загнутый бивень мамонта. Он принадлежал зверю, умершему в двадцатом веке.

– Они столько продержались, – печально заметила Роуз. – Если бы мы только сумели сохранить их вид, уверена, через какое-то время современной науке удалось бы найти вакцину от их болезни и сделать так, чтобы род мамонтов никогда не прервался. По крайней мере, у нас имеются образцы тканей. Я обязана следить за тем, чтобы они оставались в целости и сохранности в морозильных камерах института.

Бывают времена, Эмма, когда лучшее, что мы можем сделать, – это беречь.

В сорок восьмом году скончался Луис Хилл, хотя я узнала об этом много позже. По завещанию институту Хилла отходила значительная сумма, но только в том случае, если они продолжат держать останки мамонтов Роуз в помещениях института в замороженном состоянии, а Роуз останется в штате в качестве смотрителя. Естественно, в институте нашлись ученые, которые сочли все это безумием. Им нужны были деньги Хилла, но не мамонты и не Роуз. Вся ее дальнейшая карьера заключалась в том, чтобы не лишиться работы и рефрижераторов, полных эмбрионов и образцов тканей мамонтов. Дело это оказалось непростым – все равно что следить за соблюдением прав, которыми индейцы обладали после подписания договоров[36]. Но, как я уже сказала, я обо всем этом узнала много позже.

В столовой у Роуз висели две потрясающие фотографии мамонтов, сделанные Анселем Адамсом[37]. Луис Хилл нанял его запечатлеть последние дни стада в парке „Глейшер“. Вообще, Адамс не занимался фотографированием животных, но мамонты являлись частью того Дикого Запада, который Адамс так любил, а теперь они вымирали. Он согласился на этот проект. На снимках, доставшихся Роуз, вдалеке на лугу, под высокими соснами, на фоне снежных горных вершин, пасутся мамонты. Ящичный фотоаппарат запечатлел животных такими, как их видел Адамс: они кажутся незыблемыми, извечными, как и сам пейзаж, как те территории, что они населяли.

Я переехала в дом Роуз летом пятьдесят восьмого года, когда мне было девять. К середине августа я обустроилась в своей новой комнате. Из окон открывался вид на зеленые своды из листьев – для человека, который привык к пустым безлесым просторам на западе Южной Дакоты, это довольно волнующее зрелище. Солнечные лучи здесь приобретали зеленоватый оттенок, а на полу и стенах плясали зеленые тени. Днем было жарко и влажно, а ночами очень шумно: шелестели листья, стрекотали жуки, играло радио, на соседних террасах разговаривали люди. На небе, обрамленном листвой и крышами домов, светило непривычно мало звезд.

Пришлось непросто, но я пережила то первое лето. Дети очень выносливы! Осенью я пошла в школу. Роуз удалось устроить меня в начальную школу-лабораторию при университете Миннесоты, хотя в такой короткий срок это было нелегко сделать. Она сказала, что там я смогу получить образование получше, да и не столкнусь с предубеждением в таком масштабе.

– Здесь предрассудки по отношению к индейцам глубоко укоренились. Однако мир меняется. Державы, потерпевшие поражение в ходе последней мировой войны, продемонстрировали нам. как низко может пасть общество. Возможно, мы сумеем извлечь из этого урок и сделать мир лучше.

В отличие от Клары, Роуз была оптимисткой. Может, то и менее рациональный взгляд, но жизнь так становится счастливее.

Роуз была права насчет образования в школе при университете. Оно оказалось качественным. До сих пор не могу сказать, насколько я столкнулась с предрассудками относительно индейцев. Я была застенчивой и одинокой – единственный индейский ребенок среди белых детей, если не считать семью афроамериканцев и одного азиата. По большей части ко мне относились вежливо и не трогали. Пару раз кто-то поступил жестоко, но подобное поведение характерно для всех подростков. Кроме того, остальные ребята пресекли выходку. Мне не суждено

было стать ни объектом для насмешек, ни другом.

Не забывай, что сходу меня не примешь за индианку. Фамилия у меня была Иванофф. Судя по всему, единственное, что досталось Кларе от Сергея, помимо русской меланхолии. Роуз решила, что лучше использовать фамилию дедушки, чем Два Ворона.

– Белые люди серьезнее отнесутся к тебе, услышав привычную для них фамилию, – сказала мне Роуз.

Я могла бы воспользоваться ее белой фамилией – Стивенс, – но, полагаю, Роуз хотелось сохранить что-то на память о Сергее.

У меня были голубые глаза, вьющиеся каштановые волосы, да и кожа гораздо светлее, чем сейчас, поскольку я постоянно сидела за книгами – либо в помещении, либо в тени под деревом. Я редко выходила на солнце.

Не думаю, что я держалась обособленно только из-за предрассудков, хотя с уверенностью сказать не могу. Скорее, причина крылась в моей любви к книгам и неспособности понять других ребят. Что двигало ими? Для меня их жизни, состоящие из дат и оценок, казались узкими и ограниченными, словно окрестные районы в тисках домов и деревьев. Да и планы на жизнь, как я считала, у них тоже незначительные: получить образование в колледже, найти хорошую работу, выйти замуж. В жизни должно происходить нечто большее. Я жаждала чего-то грандиозного – такого же необъятного, как небо над Стендинг-Рок. Правда, я не могла сказать, чего именно. Поэтому я зачитывалась научной фантастикой и мечтала.

Моим единственным другом стад азиат Хирам Фан. Его сестра отставала в развитии – так мы выражались в тот период, – поэтому семья все надежды возлагала на Хирама. Как говаривала Роуз, они поставили на победителя.

– Хирам умен, как твой дедушка Сергей.

Как же мне его описать? Хирам не сторонился людей, как я, но был чересчур остроумным, а это отпугивало других детей. Слишком сообразительный, чтобы снискать популярность. В половине случаев я не понимала, о чем он говорит. Подростки – в каком бы веке они ни жили – редко улавливают иронию, а Хирам постоянно иронизировал. Мало кто из школьников тогда разбирался в физике двадцатого века – подлинной страсти Хирама. Я же в равной степени обожала биологию и литературу. Правда, меня не привлекал анализ художественных произведений: рыбе вряд ли интересно исследовать воду. Мне просто хотелось погружаться в истории, жить среди слов, как рыбы живут среди подводных растений.

Мы с Хирамом зачитывались научной фантастикой. Вот что

нас объединяло. А еще мне нравилась семья Хирама, а ему – моя. Мистер Фан был исследователем с докторской степенью в университете Миннесоты, а мама Хирама имела магистерскую степень – кажется, по психологии. Однако она не работала и ухаживала за сестрой Хирама, очень милым ребенком с синдромом Дауна.

В шестидесятом от таких детей не ожидали многого, но сестра Хирама показывала неплохие результаты.

Дом их очень напоминал жилище Роуз – полный книг и артефактов. Только в случае с Фанами это были вещи из Китая: шелковые ковры, фарфоровые вазы, каллиграфии в рамах, трубки для курения опиума. По мнению доктора Фана, опиум являлся чудодейственным лекарством, если использовать его осторожно и с умом. А вот когда Британская империя заталкивала опиум людям в глотки, тогда он становился проклятием.

Как и Роуз, Фаны, в отличие от большинства людей, смотрели на мир иначе, так что я чувствовала себя вполне комфортно в их обществе. Замороженные продукты они не любили – миссис Фан всегда использовала исключительно свежие ингредиенты, когда готовила, – но они уважали работу, которой занималась Роуз.

– Сейчас нам практически не требуются замороженные ткани, – рассуждал мистер Фан. – Но я не сомневаюсь, что необходимость в них возрастет и исследования твоей бабушки станут очень важными.

– Может, однажды мы научимся создавать людей, – сказал Хирам, с невероятной скоростью подцепляя еду палочками. – Из замороженных частей. Как монстра Франкенштейна. Или сможем замораживать людей на тысячи лет, а затем пробуждать их. Звучит куда заманчивее, чем замороженный горошек.

– Пожалуй, найдется более практическое применение тем методикам, что открыла Роуз Стивенс, – заметил доктор Фан.

А миссис Фан, которая была очень начитанным человеком, сказала:

– Франкенштейн создал монстра не из замороженных частей. Думаю, было бы куда лучше, окажись он посвежее. Синтия, пожалуйста, не играй с едой.

Мы с Хирамом окончили школу в шестьдесят седьмом. США тогда вели войну в Азии и на собственной территории – против своих же граждан. Вы должны были проходить это, Эмма».

«Поджоги в городах, – отчеканила я. – Черные пантеры[1] и ДАИ»[38] [39].

«Движение американских индейцев зародилось чуть позже. Но в остальном ты права. Даже в Миннеаполисе порой вспыхивали пожары. Однако, по сравнению с Детройтом,

волнения здесь происходили не в таком масштабе.

Хирам отправился в Гарвард. Я поступила в небольшой колледж свободных искусств неподалеку от Филадельфии. Мы поклялись не терять связь и в течение первого курса исправно держали слово. Однако затем обстоятельства развели нас. Интерес Хирама к физике рос, и у него почти не оставалось времени и сил на что-то еще. Я же увлеклась политикой. Хирам выступал против войны и не хотел ехать во Вьетнам. В то же время он понимал: для того чтобы заниматься той областью физики, которая его интересовала, необходимо пройти проверку и получить допуск для работы с секретной информацией. Протестовать против войны было рискованно. Он не мог себе этого позволить.

Я отчасти жалела Хирама, но в то же время испытывала к нему капельку презрения. Как можно осторожничать в эпоху, когда все ставится под сомнение, когда мир полон возможностей?

Учителя, скорее всего, не рассказывали вам, но шестидесятые стали временем надежд. Не обходилось без насилия. Стоило опасаться полиции, ФБР и Национальной гвардии. Много людей – хороших людей – погибли при странных обстоятельствах. И еще столько же отправились в тюрьму за то, чего они абсолютно точно не совершали. Однако времена менялись. Очень многие думали, будто мы строим новый мир в скорлупе старого. Как выяснилось, мы ошибались, по крайней мере на тот момент. В семидесятых общественные движения пошли на убыль, а в восьмидесятых к власти пришел Рейган и взял реакционный курс.

Я до сих пор считаю, что Хирам поступил неправильно, когда решил поостеречься. Наша переписка прекратилась, ведь мы перестали обсуждать важные темы. Нашей дружбе пришел конец еще до того, как завершилась война. Мы не поссорились – просто перестали общаться. Я смогла отслеживать дальнейшее развитие его карьеры через научные журналы. Его исследования впечатляли. Всегда удивлялась, почему он не получил Нобелевскую премию, как Сергей.

Окончив университет, я осталась на Востоке и начала работу над диссертацией по биологии. В Движении американских индейцев я не участвовала, хотя читала о нем в газетах. Захват Алькатраса! Вооруженные столкновения в резервации Пайн-Ридж! Почему я не вернулась в Сент-Пол или Стендинг-Рок? Наверное, мне комфортнее было заниматься политической теорией, чем участвовать в перестрелках. Да и потом, я не ощущала себя до такой степени индианкой, а еще я ратовала за мир.

Когда я приезжата в Сент-Пол навестить Роуз, то замечала в ней странные перемены. Она стала какой-то безучастной и

совершенно не заботилась о том, как выглядит, – постоянно носила кардиганы и шати, отчего становилась похожей на матриарха лакотского племени девятнадцатого века, завернутого в одеяло. Она отпустила волосы, которые прежде всегда стригла коротко и тщательно укладывала. Отныне она заплетала их в косы, которые либо закалывала наверх, либо оставляла висеть по бокам. От времени и постоянного воздействия солнца лицо ее покрылось морщинами – она выглядела как мои двоюродные прапрабабушки.

Роуз по-прежнему каждый день ходила в институт Хилла. В завещании мецената не оговаривался ее пенсионный возраст. Ученых это возмущало. Однако к тому моменту пост директора института занял человек, который, проконсультировавшись с рядом юристов, пришел к выводу, что лучше дождаться, когда Роуз сама отойдет от дел. Луис Хилл был из тех людей, кто любит все контролировать и внимателен к мелочам. Он лично проверял каждый этап постройки парка „Глейшер“ вплоть до отделки туристических домиков и выбора меню. Почив, Луис Хилл утратил контроль над парком. Он принадлежал всему американскому народу по крайней мере в теории. Однако институт был целиком и полностью его собственностью, и даже смерть не могла помешать ему контролировать учреждение. Хилл прописал в завещании множество условий, – если их не соблюсти, деньги пойдут на содержание туристических домиков в „Глейшере“.

Директор, конечно, мог попытаться нарушить волю Хилла, но, скорее всего, из этого ничего бы не вышло. Он мог проигнорировать условия завещания, но министерство внутренних дел жаждало прибрать к рукам денежки, которые Хилл копил десятилетиями, и, вероятно, просто засудило бы институт. Оказалось, что проще смириться с чудачествами Хилла вроде вышедшего из моды здания в стиле ар-деко с вымершими мамонтами на фасаде и дряхлой индианкой-ученым. Пусть Роуз копошится в офисе и лаборатории. Рано или поздно преклонный возраст сведет ее в могилу, и тогда можно будет распорядиться освободившимся пространством с гораздо большей пользой.

Роуз дожила до девяносто трех лет и лишь последние несколько недель не ходила на работе После ее смерти – в восемьдесят пятом – я унаследовала дом.

По просьбе Роуз я кремировала тело. Бабушке хотелось, чтобы ее похоронили в Стендинг-Рок. Я не знала, как к этому отнесутся мои родственники, поэтому ничего не стала им говорить. Не забывай, я долгое время жила в мире белых людей. С десяти лет меня перестали учить лакотским традициям, у меня

были большие пробелы в знаниях, и я не очень представляла, что значит – принадлежать племени лакота.

Я отвезла урну с прахом Роуз в резервацию, одолжила лошадь у троюродного брата Билли Хорна. К тому времени Билли уже заматерел, раздобрел и привык к комфорту, хотя когда-то он был поджарым и яростным активистом ДАИ с длинными развевающими по ветру волосами и носил ковбойскую шляпу с заткнутым за ленту пером. Теперь он заплетал волосы в две косы. Шляпа осталась при нем, но уже без пера. Он по-прежнему хранил винтовку – стрелок он был чертовски меткий, – но позировать с ней перестал. Оружие отныне пылилось в пикапе, пока оно ему не потребуется.

– Теперь я охочусь исключительно на четвероногих хищников, – пояснил он. – По фэбээровцам больше не палю. Пустая трата патронов.

Лошадь, которую мне одолжил Билли, была аппалузской породы – легкая походка, грациозные манеры.

– Проще вывалиться из кресла-качалки, чем упасть с такой лошади, – сказал он. – Так что постарайся удержаться в седле. Ты же не хочешь ранить чувства Звездочки.

Билли ласково потрепал кобылу по холке.

Я отправилась к засушливым золотистым холмам. В бескрайнем голубом небе надо мной парили ястребы. То были Свенсоновы канюки, а не краснохвостые сарычи, которых я видела в Миннесоте. И вот, пока я ехала верхом на Звездочке, я вдруг осознала, как люблю этот край. Вдалеке поблескивали голубые воды Миссури. Где-то там располагалось чертово озеро, вырытое проклятым Инженерным корпусом армии США. Однако отсюда зловещий искусственный водоем, обрамленный грязными голыми равнинами, был не виден. Я могла представлять реку такой, какой она и должна быть: полной рыбы, с ивами и тополями, растущими в низинах вдоль берегов. Сейчас, во второй половине лета, в воде много, обязательно много веток и бревнышек, которые медленные воды Миссури несут вниз по течению и которые застревают на мелководье. Мамонты переходят реку брод, набирают полные хоботы воды и поливают друг дружку.

Я достала лопату и вырыла могилку для Роуз. Закопав урну с прахом, я сожгла веточку полыни. Звездочка паслась неподалеку. В тот вечер я решила, что обязательно снова приеду в Стендинг-Рок, только пока не знала когда. Я выучусь лакотским традициям.

На закате я вернулась к дому Билли. Он расседлал лошадь.

– Что ж, похоже, Звездочка в порядке. Все прошло хорошо? Ты нашла местечко для Роуз?

Я удивленно взглянула на Билли. Он ухмыльнулся.

– Может у тебя дипломов поболее моего будет, но я же не дурак, Лиз. Несложно догадаться, для чего тебе понадобилась Звездочка. Завтра я собираюсь пройти по твоему следу и проведать старушку Роуз, убедиться, что с ней все в порядке.

– Не уверена, что мне стоило это делать.

– Неистовый Конь говорил: „Моя земля там, где похоронены мои люди“. Вот и все решение проблемы.

Билли обвел рукой просторы Стендинг-Рок, утопающие в сумерках:

– Главное – не дать антропологам выкопать все тела. Вот с чем я не согласен, так это с кремацией. Она нарушает наши традиции. Но Роуз всегда все делала по-своему.

Об антропологах Билли шутил. К тому времени мы сумели остановить их и даже вернуть тела наших предков, которые перекочевали в коллекции музеев вроде Смитсоновского института. На тот момент мы боролись с людьми, что крали артефакты и ископаемые с наших территорий. Они забрали скелет тираннозавра рекса целиком и продали его Филдовскому музею естественной истории! У людей нет совести! Они готовы забрать у индейцев все что угодно!»

Бабушка прервала свой рассказ. Ее голубые глаза гневно горели. Глубоко вдохнув, она продолжила повествование:

«Я вернулась в Сент-Пол и осмотрела дом Роуз. Хотя я регулярно ее навещала, он давно перестал быть моим домом, а в подвал и на чердак я не заглядывала уже много лет.

Чердак ничем не выделялся – самый обычный пыльный чердак, заваленный коробками, так до конца и не отремонтированный. В подвале повсюду стояли огромные морозильники. Не те, в которых вы храните замороженный горошек „Глейшер“. Рефрижераторы сродни лабораторным. Одному богу известно, как Роуз удалось затащить их вниз. Наверняка не обошлось без больших мужчин и лебедки. На двери одного морозильника была приклеена записка.

„Дорогая Лиза, – гласили корявые строки. – Я не доверяю директору института, поэтому перевезла образцы тканей сюда. Имеются два запасных генератора. Пожалуйста, следи за тем, чтобы температура не повышалась. Люблю тебя. Бабушка“.

Я удивленно рассмеялась, хотя ситуацию веселой не назовешь. Судя по всему, Роуз в последние годы окончательно потеряла связь с реальностью. Разместить образцы тканей мамонтов у себя в подвале? И как мне теперь продать дом? Я снова засмеялась и пожала плечами, а затем проверила, что морозильники работают бесперебойно. Буду решать проблемы по

мере их поступления. Сперва необходимо прибрать в доме.

Случается, жизнь человека меняется в одночасье, Эмма. Благодаря какому-то одному событию или решению. Со мной ничего подобного не происходило. Моя жизнь развивалась постепенно: чтобы в ней что-то изменилось, должно было произойти множество событий и принято не одно решение.

Первым шагом стало осознание того, как сильно я люблю золотые холмы резервации, когда я ездила в Стендинг-Рок. Следом за этим я обнаружила морозильники и проверила, что они работают исправно. Совершенно не задумываясь, безотчетно я установила, что отныне следить за ними – мой долг. Если и есть какая-то мораль в моей истории, то она такова: никогда не делай ничего, не обдумав прежде как следует. Я не жалуюсь, как все в итоге сложилось. До сегодняшнего дня я наслаждалась своей жизнью. И все же не помешало бы в некоторых ситуациях вести себя более сознательно.

Третьим шагом стала уборка в доме Роуз. Тебе это может показаться утомительным занятием – все равно что наводить порядок в своей комнате. Но я словно проживала бабушкину жизнь, открывала ее, подобно тому как Льюис и Кларк исследовали Миссури или Скалистые горы. Мне тоже довелось найти много мамонтов, и порой, подобно Льюису и Кларку, я занималась тяжелой и грязной работой. Спроси меня, что бы я предпочла: вычищать дом вроде того, в котором обитала Роуз, или тащить лодку вдоль берега Миссури, – я бы не сразу ответила.

Разобрать шкафы оказалось несложно. Роуз выбросила практически всю одежду. Элегантная изысканная женщина, какой я ее знала, в последние годы носила исключительно джинсы, фланелевые рубашки, потрепанные кардиганы и изношенные ботинки. Все веши оказались в таком ужасном состоянии, что их даже в приют для бездомных не сдашь. Одежда отправилась на помойку.

В коробках на чердаке хранились всякие документы, в том числе очень старые. Удивительно, какой хлам люди порой копят в домах! Возможно, с возрастом Роуз стала тревожнее. Или просто устала разбирать бумаги. Практически все можно было сжечь, что я и сделала одним холодным сырым утром, когда дождь хлестал в окна гостиной. В такую погоду приятно сидеть у камина и смотреть, как скручиваются и чернеют старые налоговые декларации.

В тот день я разобралась с частью вещей Роуз, однако самое трудное ждало впереди. В доме было полно книг. Моя маленькая квартира в Массачусетсе ни за что не вместила бы всю ее

библиотеку, да и большая часть ее меня не интересовала. Однако книги нельзя выбрасывать, а продавать и раздавать их надо с умом. Лучше всего, конечно, подарить их друзьям. Но к тому моменту все друзья Роуз уже отошли в мир иной. Она пережила их всех. А у меня в городах-близнецах друзей не водилось.

Я собиралась оставить себе все книги про индейцев и упаковала их для отправки на Восточное побережье. Затем я отправилась в логово Роуз и просмотрела все издания по мамонтам. Они занимали целую стену. На другой стене располагались окна, выходившие в сад. Когда-то Роуз очень трепетно заботилась о своих растениях, но теперь сад заполонили сорняки и многолетние кустарники. Вдоль третьей стены стоял письменный стол и старинный дубовый картотечный шкаф. Два ящика были заполнены статьями о мамонтах и сублимационной сушке. В двух других хранились записи Роуз.

Книги и бумаги из кабинета Роуз, несомненно, стоило отправить в особое место. Это же работа всей ее жизни, а Роуз была выдающимся ученым. Пересилив себя, я позвонила директору института Хилла. Сейчас я уже не вспомню, как его звали. Имя вроде созвучно названию городка на Восточном побережье, а фамилия английского происхождения, и перед ними титул. Что-то вроде доктор Рэмси Сибли или Кросби Уошборн[40]. Он говорил с акцентом, характерным для Среднего Запада, но при этом слегка смягченным выговором Восточного побережья. Он принес мне соболезнования в связи с кончиной бабушки. „Какая это была замечательная женщина! Она всем нам служила источником вдохновения!“ Но нет, бумаги Роуз его не интересуют. „Теперь мы занимаемся другими направлениями, мисс Иванофф. Мы больше не исследуем мамонтов. Возможно, университет заинтересуют эти работы. Попробуйте связаться с ними“.

Когда я упомянула ткани мамонтов, доктор Сибли усмехнулся:

– В последние годы ваша бабушка вела себя немного эксцентрично. Она решила, что в подвале ее дома образцы будут в большей безопасности. Мы не стали возражать против такого решения. Вам наверняка известно, что по завещанию мистера Хилла мы обязаны бессрочно хранить данные образцы. Однако они принадлежали доктору Стивенс – она имела полное право перевезти их. По словам наших юристов, мы не обязаны брать их назад после перемещения.

По мне, так ситуацию вполне можно было трактовать иначе, но я не хотела с ним спорить. В общем, я поблагодарила доктора Кросби Сибли за помощь и повесила трубку.

В итоге, Эмма, в моем распоряжении оказался целый кабинет, полный книг о мамонтах, и подвал, забитый замороженными мамонтами. Содержимое кабинета я могла упаковать и отправить на хранение. А вот с замороженными образцами дело обстояло куда серьезнее. Выставить дом на продажу до тех пор, пока я не найду для них новое место, было нельзя. Последующие две недели я отчаянно обзванивала все научные институты. Но в летний период застать людей, принимающих подобные решения, оказалось невозможно.

Я продолжила сортировать и паковать вещи. Простыни и полотенца почти рассыпались от времени – их не продашь и не подаришь. Пришлось выбросить. Кое-какие вещи с кухни – чашки и тарелки ручной работы, изготовленные местными гончарами, – я оставила себе. Оценив все остальные вещи, я решила устроить дворовую распродажу.

Наконец я добралась до моей детской комнаты. Вяз за окном спилили, и на его месте теперь рос серебристый клен. В остальном здесь ничего не поменялось. На кровати лежало стеганое одеяло со звездами. Его сшила моя кузина из Стендинг-Рок. На подушке расположилась любимая игрушка – старая потрепанная мамонтиха по имени Мэми. Много лет назад один стеклянный глаз выпал и его заменили голубым. Второй, оригинальный, был золотисто-коричневого цвета.

Вот тогда я достигла предела. Совсем непросто разбирать вещи человека, который тебя вырастил. Не будь я так занята, то давно бы поняла, что очень сильно горюю по Роуз. Кроме того, я была расстроена. Я не могла оставить морозильники на произвол судьбы, но у меня не получалось найти для них новое пристанище раньше осени. Придется брать отпуск за свой счет. А если факультет не согласится, то увольняться.

В тот вечер я расположилась в гостиной Роуз, пила вино и рассматривала предметы, которые еще не успела упаковать: фигурки мамонтов, стоявшие на стареньком телевизоре, бивень, висевший над камином, фотографии Анселя Адамса и большую часть книг. Что же мне делать? Почему Роуз втянула меня во всю эту канитель? Почему она состарилась и умерла? Неужели она не подумала о том, как мне будет ее не хватать? Пускай я редко приезжала домой, на душе было спокойно от того, что я знала: Роуз там, копается в своем саду, возится с образцами тканей мамонтов. Я уже сама состарилась, Эмма. Но мне по-прежнему не хватает моих старших, особенно Роуз.

Я никогда много не пила. Для индейцев это дурная привычка. Однако тем вечером я несколько переусердствовала. Когда я собралась спать, в голове шумело. Вместо того чтобы отправиться

в гостевую комнату, где я остановилась, я пошла в свою детскую спальню. Я сняла одеяло со звездами, сложила его и легла на чистые простыни, пахнущие лавандой. Роуз обожала лаванду и клала саше повсюду – в постельное белье, в каждый ящик с одеждой.

Я задремала рядышком с Мэми, и мне приснился сон. Обычно я не помню, что мне снится, а если и не забываю, то, как правило, вижу причудливым образом перемешанные события моего дня, словно пазл, который неверно собрали. Лишнее доказательство того, что утверждают белые психологи: будто во сне наш мозг перерабатывает последний опыт и это является частью процесса хранения данных в памяти с произвольной выборкой.

Однако сон оказался необычным. Я была в доме, сделанном из костей. Свет исходил только от небольшого тусклого костра, и в помещении царил полумрак. Тем не менее я знала, что дом – из костей, громадных костей.

Напротив меня, по ту сторону огня, сидела согбенная ссохшаяся старушка в платье, изготовленном из шкуры и заляпанном дымом и жиром. Похоже, что некогда оно было белым, но теперь стало грязно-серым. Длинные седые волосы свободно ниспадали ей на плечи.

– Мне эти проблемы не нужны, – заявила я ей. – Да, я унаследовала все после смерти Роуз. Однако у меня не было возможности поспорить или отказаться. Я не принадлежу этому миру. Это не моя жизнь.

Я обвела рукой костяной дом, хотя на самом деле подразумевала жилище Роуз.

– Не тебе рассказывать мне о жизни, – сказала старуха. – Мой народ мертв, а вскоре и твой последует за ним. Разве не так было обещано людям лакота? Если они будут чтить мамонтов и бизонов, то выживут.

– Но бизоны не вымерли, – возразила я.

– Они почти исчезли! Сколько их осталось после великого истребления белыми людьми? Несколько сотен. Тысячи особей, что существуют сегодня, – потомки тех нескольких сотен. Я – дух, а не генетик, но даже я понимаю, что генофонд популяции сильно сократился. Современные бизоны не могут похвастаться тем генетическим разнообразием, которое существовало два столетия назад.

– И ровно то же самое грозит мамонтам, если нам удастся возродить вид, – бросила я.

– Роуз сохранила много образцов тканей, пусть даже они были взяты у незначительного количества особей. Среди имеющихся хромосом, возможно, удастся найти вариации, –

сказала пожилая женщина. – Как знать, может, мамонты оказались бы в более выигрышном положении, нежели бизоны, возроди вы наш вид. Уж по крайней мере, хуже точно не станет.

Из темноты раздался еще один голос:

– Ты изучала биологию. Ты сведуща в современных технологиях. Белые люди создают множество компаний, которые делают из генов деньги! Скоро появятся инновации, которые позволят вернуть к жизни наш вид.

Вот теперь я разглядела второго человека – женщину средних лет плотного телосложения. Ее длинные черные волосы были заплетены в косы. Цвет платья напоминал кремовые облака в жаркий летний полдень, поблескивающие в знойном мареве резервации.

– Биология не так проста, – отвечала я второй женщине. – Нельзя верить всему, что говорят люди из компаний, занимающихся генной инженерией. Естественно, они обещают необыкновенные чудеса уже через год-другой. Им нужны инвесторы. Лично я не верю, что удастся возродить мамонтов из замороженных клеток в ближайшем будущем.

– Если не сохранить эти замороженные клетки, то такой возможности вообще не будет, – вступила старуха.

– Образцы наверняка имеются в других местах, – не сдавалась я.

Тут заговорил третий голос – юный, звонкий, мелодичный:

– Роуз была великолепным специалистом в том, что касается замораживания клеток мамонтов. Разве есть работы, достигшие того же уровня? Насколько пригодны образцы из других мест?

Из тени выступила третья женщина – стройная и грациозная, в белом, словно только что выпавший снег, платье из шкуры. Она остановилась рядом с женщиной средних лет, а старуха по-прежнему сидела у их ног. Все трое уставились на меня. В их темных глазах отблескивали языки пламени.

– Я найду подходящее место для морозильников, – отвечала я. – Это мой долг перед Роуз. Но не более того. У меня своя жизнь.

Женщины по-прежнему пристально глядели на меня.

– А вы точно духи? Уж слишком много вы знаете о биологии.

– Во-первых, – начала старуха. – мы в твоем сне. Следовательно, мы знаем все, что известно тебе. Мы сейчас, как и ты, находимся в конце двадцатого века. Белые люди поклоняются Богу, который существует вне времени и истории и который, как мне кажется, слишком мало внимания уделяет проступкам своих созданий.

– Духи индейцев живут в мире, который они же помогали

строить. Почему нет? Мы неплохо поработали! Это замечательное место! И, как все остальные существа: двуногие и четвероногие, птицы, рыбы, насекомые, – мы меняемся с течением времени в ответ на происходящие события. Не жди, что мы будем соответствовать описаниям из учебников по антропологии.

– И не пей так много, – заметила средняя. – Это плохо для тебя.

Больше женщины ничего мне не сказали. Кажется, они обернулись мамонтами, затем дом исчез, и все мы стояли посреди широкой темной равнины под усеянным звездами небом. Хотя, возможно, ту часть я просто выдумала. Как, собственно, и все остальное. Я никогда не доверяла снам, Эмма, но есть люди, которые в них верят, и я уважаю их мнение.

Проснулась я в своей детской спальне, рядом с Мэми. Какое-то время я просто лежала в темноте и пыталась задержать в памяти сон. Наконец я встала, включила свет и записал то, что увидела. Верила ли я, что разговаривала с духами? Нет. Все дело заключалось в алкоголе и в том, что я находилась в доме, заполненном призраками мамонтов. Беседовать с мамонтами было прерогативой Роуз, не моей. И все-таки сон оказался настолько живым и красочным, что определенно нес в себе смысл.

Пришло время взяться за книги, решила я. Не за научные тома – за остальные издания. Научно-популярные книги давно устарели, современная Россия меня совершенно не интересовала, а художественную литературу я читала редко. Практически вся коллекция, включая журналы „Scientific American“ и „National Geographic“ тридцатилетней давности, могла отправляться на дворовую распродажу, которую я устроила спустя три недели.

Стоял ясный жаркий день. По небу плыли кучевые облака. Во второй половине дня, скорее всего, соберется гроза. Я выставила имущество Роуз на лужайке перед домом: здесь были книги, кухонная утварь, кое-какие предметы мебели.

Первым пришел высокий мужчина с длинными прямыми черными волосами. Они ниспадали по плечам на спину. Одет незнакомец был в клетчатую рубашку, джинсы с широким ремнем, украшенным серебряной с бирюзой пряжкой, и рабочие ботинки. Думаешь, по прошествии стольких лет я не помню, как он выглядел? Еще как помню! Хотя это не так уж и сложно, учитывая, что Делберт редко менял наряды. Зимой он надевал фланелевые рубашки и порой носил ремень с пряжкой, отделанной бусинами. На его смуглой коже остались небольшие шрамы от прыщей. Глаза были орехового оттенка, хотя при первой встрече я их не заметила. Да и как бы я это сделала? Он

ведь стоял, склонившись над книгами. Мужчина явно принадлежал индейскому племени, но не лакота. Взглянув на его широкую грудь, я решила, что он из оджибва. Сотрудник университета или член ДАИ, а может, и то и другое.

Начали подходить другие люди, они покупали мебель и посуду. Но мужчина по-прежнему копался в книгах Роуз, внимательно изучая каждую. В конце концов он набрал стопку и подошел ко мне. В основном там были книги по истории, особенно истории Миннесоты и Верхнего Среднего Запада.

– Я надеялся найти гораздо больше по коренным американцам, – заметил он. – И мамонтам. У оджибва они играют не столь значимую роль, как у лакота и дакота. Но у нашего племени есть несколько легенд и песен про мамонтов.

– Те книги я оставила себе, – сказала я.

– Не повезло мне. – Он улыбнулся.

Вот тогда я обратила внимание на глаза. Среди его предков явно были белые люди, возможно путешественники.

– Меня зовут Делверт Буавер, – добавил он. – Вы, должно быть, внучка Роуз. Я видел ваше имя в некрологе. Этой дворовой распродажи я ждал с того момента, как узнал о ее кончине. В отличие от моих сородичей, я не выращиваю рис или сахарный тростник. Но я охочусь и собираю книги.

В итоге мы переместились на крыльцо, где продолжили беседу, попивая лимонад. Делберт помогал людям грузить мебель и посуду, которую они покупали. Он исполнил песню про мамонтов, записанную известным антропологом Френсис Денсмор:

„Наступают они. Идут словно гром. О, братья мои миде[41]“.

Следом он прочел стихотворение о любви, созданное индейцами оджибва и также зафиксированное Денсмор:

„Решила, то гагара, но
любимого
каноэ то“.

– В зависимости от направления, в котором движется каноэ – приближается оно или уплывает, – получается грустная или, наоборот, радостная песня о любви, – пояснил Делберт. – Мне по душе счастливые песни. Поэтому для меня каноэ приплывает.

Вот так я познакомилась с твоим дедушкой. Прежде я относилась к любви с опаской. Может, потому что потеряла маму и дом, когда была еще маленькой. Жизнь научила меня, что на людей нельзя положиться. Они могут умереть, как Клара, или исчезнуть из твоей жизни, как случилось с моими родственниками из Стендинг-Рок.

Скажешь, Роуз могла служить для меня примером

надежности. Она любила меня и заботилась обо мне в течение всей своей жизни. Присмотрись я повнимательнее, то узнала бы, что такое верность и преданность. Роуз никогда не притворялась и всегда была рядом.

В общем, мы проболтали с Делбертом до поздней ночи. Он потом отправился домой, а я – в свою спальню. Той ночью мне ничего не снилось. Я просто смотрела в темноту и вспоминала мужскую красоту Делберта. Нет ничего прекраснее симпатичного мужчины. Все равно что индюк, распушивший перья, или трубящий мамонт.

На следующее утро Дел приехал снова, и мы целый день рассказывали друг другу о своих жизнях: я – о времени, проведенном в Сент-Поле и Массачусетсе, он – о резервации Ред-Лейк и Миннеаполисе.

В чем-то я оказалась права насчет него. Он учился на факультете студийного искусства, но так и не окончил университет.

– Слишком много денег да и времени требовало. А у меня не было ни того ни другого.

Он рассказал, что работал художником.

– По сути, я художник в двух ипостасях. Я крашу дома, чтобы заработать на жизнь, и пишу полотна, чтобы не сойти с ума.

Делверт знал людей из ДАИ, но сам членом движения не стал.

– Я не согласен с их стратегий, да и без личных конфликтов не обошлось. Но плохого о них не скажу.

За этим явно скрывалась какая-то история, но он делиться не стал. Во многом Делверт был белой вороной: он больше походил на индейца, чем я, но все же не мог сравниться со своими родственниками из Ред-Лейк или гетто на Франклин-авеню в Миннеаполисе. В те дни индейцы были самыми нищими людьми в Америке, с самым низким уровнем образования, самыми большими проблемами со здоровьем и самой короткой продолжительностью жизни. Даже черные жили дольше, чем краснокожие. И все же вот мы с Делбертом сидели на крылечке дома Роуз, пили холодный чай, а не виски и не пиво – двое из индейского племени с хорошим образованием за плечами и достаточным доходом, чтобы не голодать. Однако меня манили холмы Стендинг-Рок, а его – леса Ред-Лейк, нас обоих преследовали наши предки и наша родня.

Как я уже говорила, жизнь моя менялась под влиянием незначительных событий и маленьких решений, которых я часто не замечала. Приехав на Запад, чтобы закрыть дом Роуз, я не сомневалась, что вернусь в Массачусетс».

Бабушка замолчала. Видно было, что она размышляет. Между бровей пролегли две вертикальные черточки.

«Не знаю, стала бы я продавать дом, не встреть я Дела. Я выросла там, да и к тому же он был гораздо ближе к Стендинг-Рок, чем моя квартира на Востоке. Кроме того, возникла проблема с тканями мамонтов. Чем больше я думала, тем четче осознавала, что не могу отдать образцы первому попавшемуся институту, который проявит интерес. То была работа всей жизни Роуз, ее священный долг. Мне стоило удостовериться, что образцы попадут в надежные руки и будут использованы по назначению.

Встреча с Делом упростила для меня принятие решения. Он жил в Миннеаполисе и вовсе не собирался перебираться на Восток. Уехав в Массачусетс, я потеряла бы его, чего мне совсем не хотелось. Он был таким красавчиком! Может и не стоит тебе этого говорить. Нужно ли внучке знать, что ее бабушка готова была изменить свою жизнь из-за одного симпатичного мужчины?

Нет ничего плохого в том, чтобы наслаждаться мужской красотой, если у тебя правильные стандарты. Помни об этом. Правильная красота говорит о том, что потенциальный партнер силен и здоров, способен произвести потомство, а еще имеет большой хвост или пару огромных бивней. Возможно, он еще и умен, поскольку ум, по крайней мере частично, зависит от хорошего здоровья. Здесь также играют роль образование и жизненный опыт. Я сейчас говорю о настоящем уме, практическом уме, а не о знаниях, которые ученые обретают в лабораториях. Дел был здоров, имел хорошее образование и большой опыт за плечами. Он был ярким и талантливым художником. Я нисколько не жалею, что выбрала его».

Я тогда еще не доросла до того, чтобы иметь собственное мнение о правильном выборе партнера, хотя интересно было послушать, что об этом говорила бабушка. Дедушка теперь жил в Нью-Мексико – в огромном доме с большой студией, заставленной картинами. Мне сложно судить о его красоте. Для меня он выглядел как все остальные дедушки: высокий, худой, в полинявших джинсах и выцветшей рубахе, которые почти всегда были голубого цвета. Седые волосы дедушка всегда заплетал в косы, а из заднего кармана обычно торчала тряпка, перепачканная красками.

«В общем, я влюбилась. Мы провели лето вместе. А осенью я съездила на Восток, упаковала все свое имущество и перевезла обратно в Сент-Пол.

Пока я отсутствовала, Дел переехал в дом Роуз и закончил ремонт на чердаке. С момента покупки Роуз там ничего не меняла – голые доски и пыль повсюду. Дел обшил стены и потолок,

проделал в северной стене слуховые окна, а на пол положил черную керамическую плитку. Ее гораздо проще мыть, чем дерево, да и Делу нравилось, как она смотрелась.

Я уже много лет не была в его студии, но достаточно закрыть глаза, как она воскресает в памяти: свет струится сквозь окошки, отражается от белых стен, отчего черный пол блестит. Вдоль стен стоят картины Дела. Тогда он писал абстрактные полотна, но в них я видела пейзажи северной Миннесоты: широкие темные горизонтальные полосы напоминали сосновые леса, обрамляющие озеро или реку, узкие вертикальные линии походили на стволы берез, голубой – чистое зимнее небо, красный – восход или клены осенью.

Я любила эту студию, этот дом и Дела. Я сделала правильный выбор.

По возвращении я разослала резюме и получила работу в местном комьюнити-колледже[42]. Сперва читала курс „Введение в биологию“. Как выяснилось, преподавать мне нравится. В Массачусетсе я занималась больше научной работой. Здесь же студенты оказались в основном взрослыми, гораздо старше, чем ребята из университета. Для них образование было способом продвинуться по жизни в мире, где ничего не дается легко. Полагаю, они гораздо лучше меня понимали, что грядут трудные времена. Благодаря Роуз я принадлежала к среднему классу и, как и многие из этой прослойки, была оторвана от реальности. Даже несмотря на то что я происходила из индейского племени.

Так или иначе, мои студенты очень серьезно относились к образованию, а обучать тех, кто жаждет знаний, – настоящее удовольствие. Многим – очень многим, что меня удивило, – нравился сам процесс обучения. Может, потому что для них это был неожиданный дар. О дивный новый мир, в котором знания добываются ради самих знаний! – улыбнулась бабушка. – При колледже отсутствовали исследовательские лаборатории. Но у меня и без того хватало дел. Наука могла подождать».

Бабушка откинулась в кресле и подвигала, разминаясь, костлявыми плечами, после чего вздохнула.

«Не успела я привыкнуть к новой жизни, как выяснилось, что беременна твоей мамой. Я этого совсем не планировала – все вышло совершенно случайно, но я с самого начала знала, что оставлю ребенка. Мне было за тридцать. Если и заводить детей, то самое время. Тогда я уже достаточно хорошо узнала Дела и его семью и не сомневалась, что генетический материал хорош. За прошедшие годы погибло слишком много индейских ребят – кто от нищеты, кто от болезней, а кого просто убили. Многих детей забрали из семей и воспитали в традициях белых людей, как Роуз.

Слишком многие дети остались сиротами, поскольку их родители спились или умерли от инфекций. Я хотела, чтобы мой ребенок жил и воспитывался в родной семье».

Бабушка замолчала, и я догадалась – она обдумывала, какую часть истории опустить. Наконец она продолжила:

«Дел был не столь уверен. Художникам не просто остепениться. Искусство требует от них многого. Но мы обстоятельно поговорили, и его семья меня поддержала. Мать Дела хотела внуков, а он ей многим был обязан. Именно она подметила в детстве его талант и отправила жить к родственникам в города-близнецы – у него появилась возможность посещать музеи, покупать кисти и краски. Если бы не мать, кем бы стал Дел?.. Очередным рыбаком, лишившимся работы после того, как в Ред-Лейк закрыли рыболовное хозяйство?

Бабушка Дела по папиной линии тоже встала на мою сторону. Долорес. Она была старейшиной и пользовалась большим уважением. Твоя мама стала бы ее первой правнучкой. Так что она ни за что не позволила бы Делу отвертеться.

Конечно, все они предпочли бы. чтобы мать ребенка была оджибва, но я хотя бы происходила из индейского племени. Дел долгое время встречался с белыми женщинами, что очень беспокоило его семью».

«А что сказал на это прадедушка Клод?» – спросила я.

«Он обещал Делу любую помощь, какая потребуется. „У вас будет столько оленины и дикого риса, сколько понадобится, а моя мама хорошо шьет. Она сделает для ребенка лучшие наряды в городах-близнецах“. Свое слово он сдержал. Твоей маме изготовили такие платья, расшитые бисером и отделанные мехом, что им самое место в музее. Мы их убрали на случай, если настанут тяжелые времена и придется продать.

Когда девочка появилась на свет, ее назвали Долорес, в честь прабабушки. Я собиралась вернуться на работу. Но колледж заключил со мной контракт лишь на год, и его решили не продлевать. Беременность протекала тяжело. Мне часто приходилось брать отгулы. Думаю, поэтому они и не стали возобновлять договор, однако доказательств у меня не было. Так или иначе, для меня потеря работы стала почти облегчением. От женщины ждут, что после родов она быстро придет в норму, но мне требовалось время, чтобы восстановиться. Да и потом, твоя мама выглядела такой крохотной и хрупкой! Конечно, не более, чем все остальные дети. Но я и помыслить не могла о том, чтобы перепоручить создание, которое едва может двигаться и говорить, незнакомому человеку. Да и Дел не подходил на роль отца-

домохозяина. Увлекшись своими картинами, он даже не услышит, как плачет ребенок. В банке у меня лежала небольшая сумма – то, что досталось в наследство от Роуз. Немного, конечно, но на первое время должно было хватить. Так что я решила подождать, прежде чем заняться поиском новой работы.

Все это время ткани мамонтов хранились в подвале. Наверное, мне стоило лучше следить за ними, но переезд, преподавание в колледже, а затем беременность занимали все мое время, а тут требовалось тщательно обдумать вопрос. Образцы могли стоить денег, в которых мы нуждались. Но правильно ли продавать дело всей жизни Роуз? Кроме того, с помощью этих образцов я могла найти новую работу, когда буду готова к этому шагу. Я могла заявить заинтересовавшемуся факультету: „Если вам нужны ткани мамонтов, вы должны взять меня на работу“.

Не скажу, что я совсем про них забыла. Я написала несколько писем, сделала несколько звонков и отдала часть образцов. В этом был смысл. Не стоит хранить все органические образцы в одном месте, как не стоит ставить все на одну карту. Меня знали в различных институтах. Постепенно все больше и больше факультетов проявляли интерес. Благодаря развитию биотехнологий можно было проанализировать ДНК мамонтов и сравнить их с ДНК живущих слонов. А это уже научное достижение, о котором заговорили журналы и телевидение, что помогло получить гранты. Мои образцы тканей не были единственными на планете, и даже в Америке, но Роуз постаралась, чтобы ее мамонты – мои мамонты – сохранились в лучшей форме. Я регулярно проверяла морозильники и генераторы, каждый месяц оплачивала счета за электричество, как только они приходили».

Бабушка сделала паузу.

«На чем это я остановилась?»

«Ты жила в Сент-Поле, родилась моя мама», – подсказала я.

«Мы кое-как пережили первый год. Я заботилась о ребенке и раздавала образцы тканей мамонтов. Дел вместо абстрактных картин начал писать полотна, изображавшие индейцев на охоте, индейцев, ловивших рыбу или выращивающих рис. Определенное влияние на его творчество оказал Патрик Дежарле – художник-оджибва из резервации Ред-Лейк. К тому времени Дежарле уже скончался. Однако Дел внимательно изучил его творчество. Как же иначе! В те дни мир не мог похвастаться большим количеством художников-оджибва.

Более того, сказались наши поездки на север к родственникам Дела, когда мы возили показать им маленькую

Долорес. Дел привозил обратно альбомы, заполненные эскизами Клода за работой. Твой прадедушка лишился места, когда закрыли рыбное хозяйство. Теперь он зарабатывал на жизнь традиционными способами – охотой, капканным промыслом, выращиванием риса и еще немного строительством, в основном починкой домов. Кроме того, он умело ремонтировал автомобили. В резервации было полно машин, так что этот навык ему очень пригодился. Хотя в основном Клоду платили едой или благодарностями. В те дни поездка в любую резервацию давала понять, что такое нищета.

Были в этих альбомах и зарисовки матери Дела с внучкой на руках и старой Долорес, склонившейся над шитьем. На некоторых картинах Дел изображал современных индейцев, а порой он одевал их в традиционные наряды. Мне особенно нравился эскиз, на котором Клод запечатлен в одеянии древнего воина: он склонился над капотом старенького, видавшего виды автомобиля и копается в моторе. Я чувствовала влияние Дежарле на творчество Дела, а еще – федерального проекта помощи художникам и, может, мексиканских мастеров фресковой живописи. На настенном панно в почтовом офисе Клод в оленьей шкуре, мехах и перьях смотрелся как героический работник. Большой, смелый, сообразительный.

Сперва Дел выполнил заказ для Центра американских индейцев в Миннеаполисе. Затем ему дали работу в новом казино, строящемся к югу от городов-близнецов. Там располагалась небольшая резервация Прери-Лейк. Все происходило в конце восьмидесятых, когда по решению Верховного суда власти штата не имели права регулировать азартные игры в индейском сообществе. Кое для кого из индейцев настали неплохие времена, особенно для тех, кто оказался в городах с преобладающим белым населением. Большинство индейцев, конечно, жили в захолустье, и азартные игры не принесли им успеха. И все же хоть какое-то, но подспорье. Скажу без цинизма. Индейцы так долго нищенствовали, что даже небольшие деньги казались нам богатством. Ну а для некоторых групп вроде тех, что из Прери-Лейк, речь шла о серьезных суммах, даже по меркам белых.

Индейцы из Прери-Лейк решили назвать свое казино „Сокровища мамонта“. Мне имя показалось достойным. В качестве эмблемы они выбрали золотого мамонта – самца с огромными загнутыми бивнями. На стене в фойе они хотели сделать панно, изображавшее традиционные индейские занятия. Картины Дела им подходили как нельзя лучше. Несмотря на то что он принадлежал племени оджибва, а они нет, Дел получил

работу.

Иногда я ездила с ним в Прери-Лейк. Фойе в казино было круглым, роспись покрывала всю стену. Если встать в центре, то окажешься посреди пейзажа девятнадцатого века: раскинувшиеся прерии, тут и там встречаются отдельные группы деревьев. Безоблачный день. Середина осени. Трава приобрела золотисто-коричневый оттенок. Красные и коричневые деревья. На переднем плане индейцы-охотники верхом на лошадях. Чуть поодаль пасутся бизоны, а еще дальше четыре группы мамонтов, по одной на каждой стороне фойе, во всех четырех направлениях. В небе парят птицы – высоко, сразу не скажешь, что за вид. Разве что по длине крыльев можно догадаться – это орлы. Для меня загадка, как они туда попали. Белоголовые орланы питаются рыбой, а потому обычно держатся ближе к воде. Хищники прерий – ястребы. Они бы оказались там в самый раз.

Вышло ли панно банальным? Да. Но Дел был отчасти романтиком, а еще он умел иронизировать. Группа индейцев, что строила казино, осталась довольна, а мы нуждались в деньгах.

Естественно, когда я приезжала в казино, то любовалась в основном белой штукатуркой и строительными лесами. Работа шла полным ходом. Я нянчилась с Долорес и наблюдала за тем, как Дел расписывает стены, или беседовала с их казначеем – знатной матроной с седыми волосами. Первый приток капитала от игр позволил ей вставить зубы, но морщины так и остались при ней. Звали ее Марион Форте. Подходящее имя, ведь она была сильной и крепкой, как настоящий форт. Стоило ей узнать, что я лакота, как она тут же ко мне привязалась.

– Ничего не имею против оджибва, хотя в прошлом они и были нашими врагами, – заявила она. – Но лакота – наши братья. И как это ты вышла замуж за оджибва?

– Сама не знаю, – отвечала ей я. – Так уж вышло.

Она кивнула:

– Всякое случается. Он хороший художник, даже несмотря на то что этим орлам здесь не место. Мы далековато от Миссисипи. Да и охотники чересчур разодеты. Разве что они собрались на войну. Вся эта боевая раскраска и перья! На бизонов в таком виде не охотились.

Я сказала, что задаюсь тем же вопросом, и Марион рассмеялась:

– В совет племени входят в основном мужчины. Им хотелось воинов на стенах, но без сцен войны. Люди приходят сюда развлекаться. Нам не нужна кровь в фойе.

С Марион было легко общаться. По возрасту она годилась мне в матери. В ее характере уживались одновременно доброта и

резкость. Я рассказала ей о Кларе и Роуз, о своем детстве и том, как я жила тогда. В конечном счете – это было неизбежно – я поведала ей о морозильниках в подвале и тканях мамонтов, которые достались мне в наследство, но в то же время доставляли немало хлопот.

Марион задумалась.

– Мамонты, – протянула она. – Неудивительно, что Дел изобразил их. Он же живет среди того, что от них осталось.

На этом наша беседа завершилась. – Бабушка взглянула на меня. – Но тебе стоит узнать, чем же закончилась вся история».

Я кивнула.

«Марион отправилась в совет и заявила, что они должны вложить деньги в исследования. Именно так все и было, – сказала бабушка. – Они, естественно, отказались. К ним в руки впервые попали хорошие деньги. Члены совета хотели потратить средства на себя и других членов группы, на казино, чтобы заработать еще больше.

– Мужчины никогда не видят перспективу, – прокомментировала Марион. – Вот почему из них выходят отличные воины. Президент совета вернулся из Кореи весь увешанный медалями. Он никогда не думал, что ждет его за следующим холмом. Что ж, новое казино и есть этот холм. Посмотрим, что лежит по другую сторону очередной вершины.

Вернувшись домой, я проверила состояние своего счета в банке и принялась рассылать резюме. Делу заплатят за роспись стен в казино, но этих денег хватит лишь на какое-то время, а наши счета за коммунальные услуги были довольно высокими».

Бабушка пожала плечами.

«Зачем делать историю длиннее, чем она есть на самом деле? Вкратце: совет Прери-Лейк проголосовал за то, чтобы создать фонд. На это потребовалось еще четыре года, причем, прежде чем событие свершилось, Марион на каждом заседании давила на членов совета. К тому времени Дел получил работу в Колледже искусств в Миннеаполисе, а в одном из музеев белых даже организовали выставку его работ: не последних – старых, времен, когда он писал абстракции. Маленькую Долорес уже можно было отдать в детский сад, хотя он ей пришелся не по вкусу. Какой вой подняла твоя мама, когда я первый раз оставила ее с воспитательницей!

Университет Миннесоты получил первый грант на изучение мамонтов – я вышла на работу в исследовательскую лабораторию. Выбирать университету не приходилось. У меня были деньги и образцы тканей. Мучила ли меня совесть за то, что я воспользовалась блатом в совете Прери-Лейк? Нисколечко. Шли

девяностые – последнее громогласное „ура“ капитализма, за которым последовали темные дни двадцать первого века. Белые люди гребли деньги лопатами – кто сколько мог. Я подумала: а чем я хуже? Мне и нужно-то было немного – оплатить счета, вернуться в науку.

Конечно, в лаборатории ко мне отнеслись с презрением: женщина, да еще индианка, которая получила работу благодаря удаче и деньгам казино. Разве могла я собой что-то представлять? Не стану утомлять тебя перипетиями моей рабочей жизни. История все же о мамонтах, а не обо мне. Однако не забывай, что сильные мира сего ничего не дают безвозмездно. Так было и будет всегда. „Без борьбы нет прогресса. Те, кто открыто заявляет, будто поддерживает свободу, но при этом на деле отказывается от агитации… хочет собрать урожай, не вспахав сперва землю, хочет получить дождь без грома и молний. Им нужен океан, но не нужен жуткий рев его огромных волн…“».

Тогда я не узнала цитату. Конечно же, слова принадлежали Фредерику Дугласу[43]. Странно было слышать, как бабушка рассуждает о рокоте волн посреди засушливых прерий Дакоты.

«Вначале гранты поступали только от Прери-Лейк. Затем, после того как лаборатория обнародовала первые достижения, нас стали спонсировать другие организации. Мы декодировали ДНК мамонтов и слонов и установили, что мамонты являются близкородственным видом индийских слонов. Следующий шаг был очевиден, хотя реализовать задумку оказалось непросто: создать жизнеспособную яйцеклетку мамонта и внедрить ее самке слона. – Бабушка улыбнулась. – Вот это было заявление! Только представь, прежде мы могли помыслить о возрождении вымершего вида разве что в научной фантастике. Теперь же у нас есть квагга[44] – настоящие квагга, а не те, что получены путем одичания[45], а еще гигантские ленивцы, хотя я не знаю, какой от них прок, разве что можно показывать их в зоопарке. И у нас два вида мамонтов, хотя сибирские представляют собой мешанину генов. Все же они в значительной мере отличаются от мамонтов Миссури и могут называться отдельным видом.

Должна признаться, что мой вклад в исследования не стал ключевым. Мои лучшие находки пришлись на последующие годы. Но я до сих помню – да и как я могла бы забыть! – утро, когда родился первый мамонтенок. Ветеринар и погонщик слонов помогали ему встать на ноги. Остальная команда наблюдала за процессом на мониторе. Детеныш был крохотным, мокрым и очень волосатым, а еще постоянно терял равновесие. Его суррогатная мама ласково гладила мамонтенка хоботом и, насколько я могла судить, совершенно не удивлялась шерсти на

теле детеныша.

Первый вид, который вернули с того света! Причем не просто сохранили, а именно воскресили! Наша команда ученых открывала шампанское, а индейцы Прери-Лейк заказали новые рекламные ролики для своего казино с участием мамонтенка. Разгорелся спор по этому поводу, но у владельцев казино были хорошие юристы, и все гранты, выданные Прери-Лейк, оказались тщательно прописаны. Права на публикацию любых результатов спонсируемых ими исследований принадлежали Прери-Лейк. В университете коллеги отпускали злые шуточки по поводу даров индейцев. Однако индейцы никогда не просили вернуть им деньги. Они просто хотели получить свою выгоду от исследований, что в конечном итоге подразумевало достаточно мамонтов, чтобы создать собственное стадо. Всегда внимательно читай документы, которые подписываешь, Эмма».

Бабушка прервала свое повествование, откинулась в кресле и закрыла глаза. История получилась длинная. Несомненно, я испытывала гордость. Моя семья помогла спасти мамонтов Миссури, хотя большинство их обитало к северу и западу от нас. Великая река постепенно пересыхала из-за того, что в Скалистых горах уменьшился снежный покров, – низины с достаточным количеством влаги, необходимые мамонтам, исчезли.

«Были и свои плюсы, – продолжила бабушка. – Они взорвали дамбу Оахе и уничтожили чертово водохранилище. Оно никогда не выглядело как естественное озеро и к тому же занимало огромную часть наших земель. Конечно, лакота пострадали от постройки плотины гораздо меньше, чем манданы, хидатса и акикава, – племена лишились своих резерваций. Знаю-знаю, все это происходило в ином столетии, и людям не стоит держать зло друг на друга. Нашему племени, да и многим другим людям жить стало лучше. Но я ненавидела водохранилище. Да я могла плясать от счастья на сухой земле, где когда-то находилось озеро Оахе. Собственно, я так и делаю – каждый год во время пау-вау[46], который мы проводим в Стендинг-Рок».

Бабушка назвала церемонию не «пау-вау», а «васипи», используя лакотское слово. Но я поняла, о чем она говорила.

«Рано или поздно это все равно случилось бы, – сказала бабушка. – Ну создали бы они мамонтов из других ДНК. Не только Роуз хранила образцы тканей, хотя ее были лучшими. Так что не зазнавайся, маленькая мисс Эмма. История – совместная работа. Главное – стать ее частью и оказаться на нужной стороне, которую не так-то легко распознать. Недостаточно просто держаться за прошлое, хотя история индейцев доказывает, как опасно утратить свои корни. Мы едва не вымерли, стараясь стать

белыми. Хотя белые тоже недалеко от нас ушли – постоянно требовали все большего, тратили ресурсы и оставляли после себя множество отходов. Тем самым они чуть не уничтожили планету.

Какие уроки прошлого хранить? Какие забыть? Как мы меняемся? Это очень важные вопросы, и каждый должен найти на них ответы. Важны мамонты, пусть даже на нашем веку они еще не будут пастись вдоль берегов Миссури. Но зато увеличилась популяция бизонов – их больше миллиона, и количество особей продолжает расти. Их можно увидеть здесь, в Стендинг-Рок. Столько всего еще нужно сделать, чтобы возродить планету, но и сейчас нам уже многого удалось добиться. Один шаг вперед, два шага назад, а затем еще один, два, даже три шага вперед. Мы входим в наше будущее подобно танцорам во время торжественного выхода на пау-вау».

Проведя время у бабушки, я возвращалась домой. Поезд мчал меня через резервацию Стендинг-Рок, мимо пасущихся бизонов. В Майноте троюродная сестра мамы Тельма кормила меня ужином и укладывала спать. А утром я садилась на реактивный поезд, идущий в восточном направлении. Крутились ветряки. Состав проносился сквозь леса. В Миннеаполисе на платформе меня встречали родители. Реши я посмотреть на мамонтов, я могла отправиться в существующий при казино парк «Сокровища мамонтов». Вот они, переходят вброд искусственную речку, поливают друг друга водой, а их древние морды лучатся счастьем. В голубом небе над ними парят, возможно, орлы. Они настолько широко распространены, что сегодня их можно встретить везде.

Джо Холдеман
Не буди лихо…

Джо Холдеман родился в Оклахома-Сити, штат Оклахома, получил степень бакалавра астрофизики в университете Мэриленда и написал постдипломную работу по математике и компьютерным технологиям. Но его научная карьера оказалась короткой: в 1968 году Холдеман был вынужден отправиться на войну во Вьетнам в качестве солдата инженерных войск. В 1969 году, получив серьезное ранение, он вернулся домой и начал писать. Свое первое произведение Холдеман опубликовал в «Galaxy» в 1969 году, а в 1976-м завоевал премии «Небьюла» и «Хьюго» за роман «Бесконечная война» («The Forever War»), ставший одной из самых значимых книг 1970-х. В 1977 году писатель получил еще одну премию «Хьюго» за рассказ «Трехсотлетие» («Tricentennial»), ав 1984 году был удостоен премии Райслинга за лучшую научно-фантастическую поэму. (Хотя Холдемана в первую очередь считают автором «твердой фантастики», в действительности он еще и признанный поэт, имеющий множество поэтических публикаций.) За повесть «Афера Хемингуэя» («The Hemingway Hoax») в 1991 году писатель получил премию «Хьюго», этой же премии в 1995 году был удостоен рассказ «Слепая любовь» («None So Blind»). В числе других книг Холдемана относящийся к мейнстриму «Год войны» («War Year»), научно-фантастические романы «Мост к разуму» («Mindbridge»), «Вспомнятся мои грехи» («All My Sins Remembered»), «Тьмы нет» («There Is No Darkness») (в соавторстве с братом Джеком Холдеманом II), «Миры обетованные» («Worlds»), «Миры запредельные» («Worlds Apart»), «Миры неукротимые» («Worlds Enough and Time»), «Покупая время» («Buying Time»), «Афера Хемингуэя» («The Hemingway Hoax»), «Инструмент торговли» («Tool of the Trade»), «Наступление» («The Corning»), «Камуфляж» («Camouflage»), завоевавший престижную премию Джеймса Типтри-младшего, «Старые двадцатые» («Old Twentieth»), «Случайно изобретенная машина времени» («The Accidental Time Machine»), «Место действия – Марс» («Marsbound») и «Место действия – звезды» («Starbound»), Рассказы писателя представлены в сборниках «Бесконечные сны» («Infinite Dreams»), «Имея дело с будущим» («Dealing in Futures»), «Вьетнам и другие чужие миры» («Vietnam and Other Alien Worlds»), «Слепая любовь» («None So Blind»), «„Сепаратная война“ и другие рассказы» («A Separate War and Other Stories»), а также в сборнике фантастических и документальных произведений «Военные

истории» («War Stories»). В качестве составителя Холдеман выпустил антологии «Больше не изучаем войну» («Study War No More»), «Космический смех» («Cosmic Laughter»), «Произведения, удостоенные премии „Небъюла“. Выпуск 17» («Nebula Award Stories Seventeen») и «Военное оружие будущего» («Future Weapons of War») (совместно с Мартином Гринбергом). Часть года Холдеман проводит в Бостоне, где преподает литературное мастерство в Массачусетском технологическом институте, а другую часть года – во Флориде, где они с супругой Гэй вьют собственное гнездышко.

В представленном ниже произведении автор довольно цинично исследует то, каким образом правительство будущего сможет управлять потоком информации, поступающим к гражданам. Даже более эффективно, чем сегодня…

Перехватив мой взгляд, таксист затормозил. Дверь распахнулась, и я с облегчением выбрался наружу. Здешним водителям, конечно, невдомек, насколько мучительна для приезжих поездка по убитой дороге, которую на Земле не назвали бы даже проселком.

Слабая гравитация и мало кислорода. За тридцать лет, что меня здесь не было, местные условия заметно ухудшились. Сердце билось слишком часто.

Я немного постоял, приходя в себя, и скинул пульс до ста, затем до девяноста. Запах серы в воздухе чувствовался сильнее, от него даже щипало в носу, да и такой жары я не помнил. Впрочем, если бы я все помнил, мне бы не было нужды сюда возвращаться. Обрубок пальца на моей левой руке задергался от фантомной боли.

Шесть одинаковых, похожих на корыта зданий из бледно-зеленого, в грязных пятнах пластика занимали весь квартал. По грунтовой дорожке я подошел к номеру три «Межпланетные связи Конфедерации» и едва не врезался в дверь, когда та передо мной не открылась. Я долго ее толкал и тянул, пока дверь наконец не поддалась моим усилиям.

В здании было немного прохладнее и меньше пахло серой. Я добрался до второй двери по правой стороне коридора – «Отдел виз и разрешений» – и вошел в кабинет.

– Разве у вас на Земле не принято стучаться? – спросил меня высокий, бледный, как мертвец, мужчина с иссиня-черными волосами.

– Во всяком случае, не в общественных учреждениях. Тем не менее простите мое невежество.

Он взглянул на встроенный в рабочий стол монитор.

– Вы, вероятно, Флэнн Спиви из Японии, что на Земле. Вы не

очень-то похожи на японца.

– Я ирландец. Работаю на японскую компанию «Ичибан имиджинг».

Он ткнул куда-то на экране:

– «Ичибан» по-японски означает «номер один». Имеется в виду лучший или первый?

– И то и другое, я думаю.

– Ваши документы.

Я выложил на стол оба паспорта и файлик с проездными документами. Несколько минут мужчина внимательно их изучал, затем сбросил все в первобытный сканер, который стал медленно считывать документы страницу за страницей.

Наконец клерк вернул мне бумаги.

– Когда вы высаживались здесь двадцать девять земных лет назад, на Секе[47] было всего восемь колоний, представлявших две соперничающие политические силы. Теперь колоний семьдесят девять, причем две на спутниках, а политическая ситуация такова, что… В общем, в двух словах не расскажешь. А главное, почти во всех поселениях условия намного приличнее, чем в Космопорте.

– Ну да, мне говорили. Впрочем, я ведь не отдыхать приехал.

Не так уж много планет, где космопорты находятся в приличных местах.

Он медленно кивнул и достал из ящика стола два бланка.

– И чем, хотелось бы знать, занимается консультант-танатолог?

– Помогает людям умереть.

На самом деле я, конечно, помогал умирающим прожить оставшееся время полной жизнью, но сейчас я об этом распространяться не стал.

– Интересно. – Он улыбнулся. – И хорошо за это платят?

– Нормально.

– Впрочем, я не помню случая, чтобы в этом кабинете появился хоть один бедняк. – Он протянул мне бланки. – С этим дальше по коридору, на вакцинацию.

– Мне уже сделали все необходимые прививки.

– Это требование Конфедерации. На Секе проводят несколько специальных тестов для возвращающихся ветеранов. В особенности для ветеранов Войны за консолидацию.

– Естественно. Анализ на нанобиоты. Но я прошел полное обследование, перед тем как вернуться на Землю.

Он пожал плечами:

– Таковы правила. Кстати, что вы им обычно говорите?

– Кому?

– Людям, готовящимся к смерти. Мы-то здесь, как правило, об этом не думаем – просто позволяем смерти прийти в свой срок. Конечно, каждый старается прожить как можно дольше, но…

– Тоже вариант. – Я взял бланки. – Но не единственный.

Я уже открыл дверь, когда клерк, смущенно кашлянув, сказал:

– Доктор Спиви… Если у вас нет других планов, я бы с удовольствием с вами пообедал.

Любопытно.

– Да, конечно. Я только не знаю, сколько времени займут у меня эти ваши процедуры.

– Минут десять-пятнадцать, не больше. А чтобы нам не трястись по скверной дороге, я вызову флоттер.

Сдача слюны и крови заняла даже меньше времени, чем заполнение бланков анализов. Когда я вышел на улицу сверху, жужжа, опускался флоттер, а Браз Найтьян наблюдал за его посадкой с тротуара.

Последовал быстрый, двухминутный прыжок в центр городка, причем последние секунд тридцать флоттер пикировал так резко, что полет напоминал скорее свободное падение, от которого подкатывало к горлу. Выбранное Бразом заведение – кафе «Рембрандт» – оказалось помещением с некрашеными стенами, низким потолком и чадящими масляными лампами. Столь грубая попытка создать атмосферу шестнадцатого века была слегка сглажена мягким сиянием десятков репродукций с картин мастера, выполненных, по-видимому, какими-то люминесцентными красками.

Пышногрудая официантка в нелепом платье с оборками (тоже под старину) провела нас к столику под огромным автопортретом художника, которому больше пристало бы название «Блудный сын с девкой».

Я никогда раньше не видел местный «флагон» – плоский металлический сосуд с завинчивающейся пробкой. Он появился на столике первым и, судя по объему, вмещал достаточно вина, чтобы помочь и пищеварению, и непринужденной беседе.

Следуя рекомендации диетологов, я заказал себе порцию тушеных овощей: животные протеины Секи могли вызвать у меня сильнейший приступ ксеноаллергии. Среди прочего, чего я не помнил о своем предыдущем визите на эту планету, был вопрос о том, входили ли в наш рацион мясо и рыба местного происхождения. Но даже если я без всякого для себя вреда ел их тридцать лет назад, то сейчас вполне мог заработать белковую аллергию. Как сказал мне врач «Хартфорда», моей изрядно

состарившейся пищеварительной системе могло оказаться не под силу расщеплять инопланетные протеины до безопасных аминокислот.

Браз учился на Земле, в Калифорнийском университете, за казенный счет (что обошлось недешево) и теперь, согласно контракту, обязан отработать десять лет на государственной службе – это равнялось четырнадцати земным годам. Он получил научные степени по математике и макроэкономике, но ни одна из них не пригодилась ему в скучной чиновничьей работе. Чтобы не терять квалификацию, Браз три раза в неделю преподавал и писал научные статьи, которые читали от силы десять-пятнадцать специалистов. К тому же все они не согласны с его умозаключениями.

– Как же получилось, что вы стали консультантом-танатологом? – спросил Браз. – Или вы мечтали об этом с самого детства?

– Если не получится стать ковбоем или пиратом.

Он улыбнулся:

– Не видел на Земле ни одного ковбоя.

– Пираты их всех выловили и заставили пройти по доске. – Я усмехнулся. – На самом деле, перед тем как завербоваться в армию, я был бухгалтером, а после демобилизации поступил на подготовительные курсы при медицинском колледже. Потом переключился на психологию и начал специализироваться на проблемах бывших военнослужащих.

– Вполне естественно. Познай себя – так, кажется?

– Именно так. – Я бы даже сказал: «Найди себя». – Кстати, к вам на Секу приезжает много ветеранов?

– Не так уж… Во всяком случае, не с Земли и не с дальних планет. Ветераны обычно не могут похвастать достатком.

– Это точно.

Перелет с Земли на Секу и обратно действительно стоил как очень приличный дом.

– Как я понимаю, лечение ветеранов также много денег не приносит.

– Конечно. Все, что у меня есть, – результат моей многолетней криминальной деятельности. – Я улыбнулся, и Браз вежливо хохотнул. – Дело в том, что ветераны, с которыми мне приходится иметь дело, люди не совсем простые и по большей части состоятельные, – объяснил я. – Люди с нормальной продолжительностью жизни в моих услугах обычно не нуждаются. Я помогаю тем, кто прожил уже не одну сотню лет, а такого без богатства не достигнешь.

– Им надоело жить?

– Это нечто более глубокое, чем потеря новизны ощущений. Людям со слабым воображением я не нужен. Они могут прекратить свое существование при помощи пули или веревки… или, как у меня на родине, приняв специальное лекарство, которое обеспечит безболезненный уход.

– Эвтаназия на Секе запрещена законом, – холодно заметил Браз.

– Знаю. Я и сам не в восторге от этого метода.

– Вы считаете, что эвтаназия отнимает у вас клиентов?

Я пожал плечами:

– Это как раз неизвестно.

Официантка подала закуски: мне – жареные грибы на палочке, Бразу – горшочек мелких хвостатых зверушек во фритюре. Их полагалось есть руками: брать за хвост и макать в острый желтый соус. Еда оказалась лучше, чем я ожидал: грибы были зажарены на палочках из какого-то ароматического дерева, напоминающего лавр; к грибам официантка принесла стаканчик с напитком бледно-лилового цвета, похожим по вкусу на сухой херес.

– То есть дело не в том, что им все надоело? – снова спросил Браз.

– Так обычно считается. В книгах и на головидении проблему, как правило, изображают именно так, но…

– Вы хотите сказать, что реальная жизнь не столь интересна? И она слишком сложна, чтобы воспринимать ее в обычном драматургическом ключе?

– Представьте себе, – сказал я, – что вы живете на свете несколько сотен лет: на Земле, по крайней мере, это возможно. При этом вы год за годом, десятилетие за десятилетием понемногу отрываетесь от родных корней, от привычной культуры. Все, что вам было знакомо и дорого, остается в далеком прошлом. Вы практически бессмертны – если не в буквальном, то в культурологическом смысле, – а ваши смертные друзья и родные, ваши коллеги умирают один за другим у вас на глазах. И поэтому чем дольше вы живете, тем крепче становится ваша связь с сообществом бессмертных.

– Но ведь есть, наверное, несогласные? Нонконформисты?

– Есть, конечно. «Чудилы», как называли таких ковбои.

– Пока их не истребили пираты. Ковбоев, я имею в виду, – улыбнулся Браз.

– Верно. Так вот, эти «чудилы» редко переживают первый добавочный век. Все, с кем они росли и взрослели, либо такие же бессмертные, либо давно умерли. Впрочем, речь не об этом… Как правило, долгожители организуются в свой особый социум,

отличающийся необыкновенной сплоченностью. Поэтому, когда кто-то из них принимает решение уйти, подготовка к этому шагу оказывается довольно непростой, она втягивает в свою орбиту сотни людей. Именно на этой стадии и требуются мои услуги. Я выступаю в качестве своего рода… было такое старинное слово… душеприказчика. Фактически это распорядитель, управляющий имуществом: благо, у большинства долгожителей скопилось значительное состояние, а ближайшие родственники – праправнуки.

– То есть вы помогаете долгожителям поделить свое состояние между многочисленными наследниками?

– Все гораздо интереснее. С веками сложилась традиция рассматривать оставляемое наследство, так сказать, через призму личного эстетического самовыражения, посмертной воли. Именно поэтому мне и нравится называть себя душеприказчиком. Если бы вы просто умерли, предоставив разбираться с вашим наследством совершенно посторонним людям, это опошлило бы и вашу жизнь, и вашу смерть. Моя задача состоит в том, чтобы наследие такого-то стало как бы продолжением его физической жизни, значительным и долговечным. Выражаясь высоким стилем: чтобы память о человеке жила в веках. Иногда речь идет о материальных объектах, но чаще используются финансовые инструменты – пожертвования, благотворительность, спонсорство. Благодаря одному такому спонсору, кстати, я и оказался здесь.

Принесли основное блюдо. Браз получил что-то, похожее на угря. Угорь был ярко-зеленым, с черными усами и, похоже, сырым, зато мое овощное рагу выглядело ободряюще привычным.

– Стало быть, один из ваших клиентов что-то финансирует здесь, на Секе?

– Нет, этот человек финансирует меня, мою поездку. Это фактически дар; мы с ним хорошо ладим. Но его поступок может стать образцом, примером для тех, кто, возможно, тоже захочет вернуть утраченную память одному из ветеранов.

– Как это – утраченную?

– Была такая военная программа по нейтрализации негативных последствий боевого посттравматического шока. Препарат назвали «аквалете». Слышали о таком?

Он недоуменно потряс головой:

– Вода… Какая-то вода, что ли?..

– Название препарата представляет собой лингвистически некорректную смесь латыни и древнегреческого. «Аква» – это вода, а Лета в античной мифологии – река забвения в царстве мертвых. Души умерших пили воду из этой реки, чтобы забыть

свою прошлую жизнь и, таким образом, получить возможность нового воплощения. Достаточно верное название, кстати… Препарат отключал у человека долговременную память, что позволяло блокировать развитие боевого посттравматического синдрома, так называемого ПТСР – посттравматического стрессового расстройства.

– И как, успешно?

– Слишком успешно. Мне было двадцать с небольшим, когда я провел на Секе восемь месяцев в боевых частях, но я не могу вспомнить ничего, что происходило между выброской и перелетом обратно.

– Это была ужасная война, – вздохнул Браз. – Молниеносная и жестокая. Возможно, вам и не стоит возвращать память. У нас говорят: «Не буди лихо, пока оно тихо».

– У нас тоже есть такая поговорка. Впрочем, в моем случае… Можете назвать это профессиональным барьером, хотя на самом деле все намного серьезнее. Составной частью моей работы с клиентами является сочетание совместных размышлений и беседы. Я стараюсь помочь им сформировать связную логическую картину прожитой жизни в разнообразии ее добрых и злых проявлений в качестве основы для выражения посмертной воли. То, что я сам до сих пор этого не сделал, мешает моей работе консультанта-танатолога. Особенно когда клиент – как, например, мой спонсор – сам имел боевой опыт, который необходимо проанализировать как можно тщательнее.

– Он… уже умер?

– Нет, что вы! Как и большинству долгожителей, ему совершенно некуда спешить. Просто он желает быть подготовленным.

– Сколько же ему лет?

– Триста девяносто земных лет. И он намерен прожить до четырехсот.

Браз перестал терзать угря и задумчиво посмотрел в пространство:

– Не могу представить… Я хочу сказать, что отчасти понимаю, когда психически нормальный человек сдается, просто потому, что стал слишком стар и немощен. Привязанность к мирским вещам с годами настолько слабеет, что человек перестает цепляться за жизнь. Но ваш-то клиент, судя по всему, находится в своем уме и в полном здравии.

– Он даже здоровее меня, я полагаю.

– Тогда почему же четыреста лет, а не пятьсот? Или не триста? Почему бы не стремиться дожить до тысячи? Я бы так и поступил, имей такую возможность.

– Я бы тоже, но… Во всяком случае, сейчас я считаю именно так. Мой клиент говорит, что точно так же думал, когда был смертным. Но объяснить, что же произошло, что изменило его взгляды, он толком не может. По его словам, это все равно что объяснять малышу, который только учится говорить, что такое супружество. Крохе кажется, будто он знает, что такое любовь, поэтому он станет применять наши взрослые слова к своим собственным обстоятельствам. Но у ребенка не хватит ни словаря, ни жизненного опыта, чтобы понять более широкий смысл этих слов.

– Супружество – сравнение неверное, – сказал Браз, изысканным движением отделяя черные усы от головы угря. – Вы можете развестись, но восстать из мертвых – никогда.

– Малыш ничего не знает о разводах. Видимо, здесь и находится ключ к пониманию аналогии.

– То есть мы не знаем, что такое смерть?

– Знаем, но не так хорошо, как те, кто способен жить во много раз дольше нас.

Браз мне, в общем, понравился, к тому же мне нужен был проводник из местных. У парня накопились кое-какие отгулы, и он был не прочь подработать на стороне. К тому же он хорошо владел испанским, что на Секе было редкостью, – здесь говорили на причудливой смеси португальского с английским, а я если и познакомился с этим наречием тридцать лет назад, то сейчас все равно ничего не помнил.

Курс нейтрализации действия аквалете основывался на сочетании химио- и психотерапии. Проще говоря, аквалете не уничтожал воспоминания, а просто донельзя ослаблял внутримозговую психофизиологическую связь с ними. У меня имелась схема лечения: двадцать таблеток по два раза в день, но принимать их было предпочтительнее в обстановке, которая могла бы подхлестнуть мою память.

Это означало возвращение на опасную территорию.

В Серраро не было прямых рейсов. Тридцать лет назад нас выбросили в этой высокогорной пустыне, чтобы «восстановить контроль над ситуацией». Обстоятельства той десантной операции сейчас покрыты тайной и, возможно, позором. Чтобы попасть на место, нам с Бразом предстояло проехать по пустыне около сотни километров от расположенного в оазисе городка Консоле-Верде. Я заранее позвонил туда, чтобы взять напрокат «джи-пи» – армейский внедорожник.

После того как мы с Бразом сделали все необходимые приготовления, я получил сообщение от какого-то «шефа службы

внутренней безопасности». В сообщении указывалось, будто моя деятельность вызывает сомнения с точки зрения законности, и предлагалось завтра в девять утра явиться к этому начальнику в офис для объяснений. К счастью, когда я получил это предписание, мы уже находились в аэропорту и, заплатив наличными, могли успеть на рейс, вылетающий через двадцать минут. На Земле подобное было бы невозможно.

Я пообещал Бразу, что в оазисе куплю нам все необходимое, и мы поспешили подняться на борт, имея при себе лишь документы, мои лекарства и те вещи, что были на нас. Мой бумажник, по счастью, был набит местными банкнотами, которые здесь ходили вместо пластиковых карт. Я заранее выяснил, что обменный курс на Земле был намного выгоднее, и притащил с собой чуть ли не половину годового заработка в этих бумажках.

Рейс был даже не суборбитальный, поэтому нам понадобилось целых четыре часа, чтобы преодолеть расстояние в одну десятую длины окружности планеты. Большую часть полета мы спали; чтобы рассказать Бразу все, что я смог выяснить о восьми месяцах, которые оказались вычеркнутыми из моей памяти, мне не потребовалось и двадцати минут.

По правде говоря, колония Серраро и в лучшие времена не считалась оплотом демократии и свободы слова, а тот период в истории, о котором я вел речь, большинство людей предпочли бы поскорее забыть. Эта область планеты никогда не была бедной. Пустыня изобиловала залежами редкоземельных элементов, необходимых для межзвездных перелетов. По всей округе были во множестве разбросаны небольшие рудники (никаких фермерских хозяйств) и один-единственный городок. Шахтерский район назывался Ново-Би, сокращение от Новая Бразилия, и до сих пор считался отнюдь не самым безопасным местом в Конфедерации. Тем не менее нам нужно было именно туда.

Тридцать лет назад наш взвод выступил из Консоле-Верде в составе экспедиционного корпуса численностью одна тысяча человек. Когда мы возвратились в оазис, нас оставалось едва ли шесть сотен. Зато вся область была зачищена. Там, где находилось семьдесят восемь небольших шахт и рудников, остался всего один – «Пресиоса», и никто не горел желанием обсуждать, как это могло произойти.

Официальная историческая наука описывает консолидацию этих семидесяти восьми рудников как образец объединения мелких разрозненных артелей рудокопов-старателей в мощное горнорудное предприятие. Было какое-то сопротивление, даже противозаконные партизанские вылазки, но правительственные силы (а я был в их составе) менее чем за год восстановили

конституционный порядок.

Кстати, все архивы местной регистрационной службы оказались уничтожены мощным взрывом, в котором обвинили партизан, но при очередной переписи выяснилось, что численность населения Серраро уменьшилась больше чем на треть. Очевидно, все эти люди просто эмигрировали.

На улицах Консоле-Верде наши с Бразом строгие деловые костюмы выглядели довольно экстравагантно. Местные жители носили либо военную форму, либо белые халаты свободного покроя. Я немедленно отправился в магазин рядом с аэропортом и купил для нас по такому же халату, а заодно и по пистолету. Бразу, правда, уже много лет не доводилось стрелять, но в конце концов он согласился, что отсутствие оружия будет бросаться в глаза.

И все равно мы выделялись в толпе высоким ростом и светлой кожей. Жители Консоле-Верде были сплошь невысокими, смуглыми, с длинными черными волосами, заплетенными в косу или перевязанными лентой. Я не сомневался, что о нашем появлении скоро станет известно буквально всем, и даже прикинул, сколько пройдет времени, прежде чем нас настигнут агенты службы безопасности. Оставалось надеяться, что послание их шефа было всего лишь формальностью и нас не станут преследовать слишком ретиво.

В крохотной гостинице оказался всего один свободный номер, но Браз нисколько не возражал против совместного проживания. Он даже намекнул, что мы могли бы заняться сексом, чем застал меня врасплох. Пришлось объяснить ему, что на Земле мужчины подобными вещами не увлекаются. Враз, к счастью, принял мои объяснения совершенно спокойно.

Спустившись на первый этаж, я спросил хозяина гостиницы, есть ли в городе библиотека, и тот ответил, что нет, но можно навести справки в школе, находящейся на другом конце города. Враз прилег отдохнуть: после обеда началась сиеста, поэтому я оставил ему записку и отправился в путь один, в полной уверенности, что мне достанет ума повернуть от дверей направо и пройти по совершенно прямой улице противоположной окраины Консоле-Верде.

На Земле я побывал во многих местах, но за ее пределами оказался лишь однажды – в той восьмимесячной экспедиции тридцатилетней давности. Поэтому сейчас усердно высматривал «инопланетные» детали.

Индекс Дрейка для Секи равнялся девяноста пяти сотым. Это означало, что только на пяти процентах ее поверхности условия были хуже, чем в самых суровых районах Земли. Должно быть,

здесь есть какая-нибудь экваториальная пустыня, предположил я. Мы же находились в поясе, который на Земле назывался бы умеренным, и все равно я обильно потел на сухой жаре.

Колонизация планеты началась не более пяти поколений назад, однако некоторые генетические мутации налицо. Впрочем, их было не больше, чем на некоторых островах и в других изолированных социумах на Земле. В частности, среди черноволосых и коренастых аборигенов я не заметил ни одного блондина или рыжего. Мужчины имели хмурый вид и все до одного носили оружие. Женщины одевались несколько ярче мужчин, но лица их отличались равнодушным, почти отсутствующим выражением.

Некоторые молодые мужчины имели, кроме пистолетов, кинжалы, а то и сабли. Я даже задумался, уж не существует ли здесь какое-то подобие дуэльного кодекса. И если да, то каких действий мне следует избегать, чтобы не спровоцировать конфликт. Впрочем, можно надеяться, что отсутствие кинжала на поясе сможет до некоторой степени меня обезопасить – вроде как демонстрация моих миролюбивых намерений.

За исключением ломбарда с тремя шарами и таверны, яркие вывески которой предлагали отведать бино и бербесу, специализацию остальных лавок определить было невозможно. Я решил, что в изолированном городке все и так знают, где что находится.

Без инцидентов, впрочем, не обошлось. Внезапно передо мной остановились двое мужчин. Они перегородили тротуар, а один из них, положив руку на револьвер, громко произнес несколько слов, смысла которых я не уловил.[48]

– Soy de la Tierra, – быстро ответил я на стандартном испанском, бесцветном рабочем языке Конфедерации. – Я землянин.

Они переглянулись и прошли мимо. Я постарался не обращать внимания на ползущую по спине каплю пота и задумался над отсутствием у меня воинских инстинктов. Может, я тоже должен схватиться за оружие? Наверное, нет… Если бы они открыли огонь, что мне тогда оставалось делать? Бросить шестидесятилетнее тело на землю, перекатиться, выхватить пистолет и выстрелить в грудь?

«Два в грудь, третий в голову», – возникли слова из какого-то фильма про мафию. Увы, ничего подобного, относящегося ко временам моей армейской службы, я не помнил. На Земле наша военная подготовка состояла в основном из вольных гимнастических упражнений и бесконечной шагистики на учебном плацу. Тренировки с оружием начнутся позже, обещали

нам. Но из этого «позже» в памяти остался лишь обратный полет на Землю.

Я помнил всю начальную подготовку от первого до последнего дня, помнил даже, как лифт поднял нас на борт десантного транспорта и как с ускорением в 1,5 g мы устремились к порталу Оорта, но потом… Потом что-то произошло. Во всяком случае, следующее, что я осознал, это как меня и остальных выживших высадили на Землю с чеком на крупную сумму и чемоданом боевых наград.

Ну а еще мне ежемесячно приходил чек поменьше – компенсация за потерянный в боях палец.

Я понял, что подхожу к школе, когда мне навстречу стали попадаться ребятишки в возрасте от семи до двенадцати земных лет.

Школа оказалась совсем небольшой: всего на три-четыре класса. Из дверей вышел седобородый невооруженный мужчина, я его окликнул. Мы выяснили, что можем общаться на английском, и я спросил, есть ли в школе библиотека. Он ответил, что есть и еще два часа будет работать.

– Правда, у нас там в основном детские книги. А что вас интересует?

– История. Современная история. В частности, Война за консолидацию.

– Понятно. Идем. – Через пыльную спортивную площадку он повел меня к заднему фасаду. – Вы были солдатом Конфедерации?

– Думаю, это очевидно.

Он помедлил, взявшись за дверную ручку.

– Надеюсь, вы понимаете, что в наших краях вам следует быть предельно осторожным?

Я ответил утвердительно.

– Не выходите по ночам в одиночку. С вашим ростом вы, как радиомачта в пустыне… – Он открыл дверь и позвал: – Суэла! Тут одному путешественнику нужны книги по истории.

В хорошо освещенном помещении библиотеки – с толстыми каменными стенами и высоким потолком – было прохладно. Почтенная дама с седыми волосами снимала с тележки бумажные книги и расставляла по полкам.

– Прошу извинить меня за плохой английский… – Ее произношение было намного лучше моего. – Но что может быть в бумажной книге такого, чего нельзя скачать из Сети?

– Мне любопытно узнать, что рассказывают у вас детям о Войне за консолидацию.

– Ту же правду, что и везде, – ответила она с оттенком

иронии и сделала движение к полке напротив. – У нас… – она пробежала взглядом по корешкам, – есть только одна книга на английском. Я не имею права дать вам ее с собой, но здесь можете читать сколько угодно.

Я поблагодарил и понес книгу через зал туда, где стоял стол для взрослых. Остальная мебель в библиотеке была уменьшенных размеров. Пока я шел, девочка лет восьми не сводила с меня удивленных глаз.

Я и сам не знал, что хотел найти в этой книге. Консолидации и «Пресиосе» в ней посвятили четыре страницы, сюрпризов было немного. Коалиция нескольких рудников пришла к выводу, что Конфедерация платит за диспрозий слишком мало, и убедила других мелких производителей применить схему занижения объемов добычи, чтобы позже сбывать излишки по возросшей цене. В книге это было названо спекуляцией и ограничением свободы торговли. В конце концов, «Пресиоса» – крупнейшая диспрозиевая шахта – стала вести дела с Конфедерацией самостоятельно, гарантируя покупателям низкую цену на сырье, что, естественно, не могло понравиться конкурентам. Началась гражданская война. Вскоре Сека (а фактически владельцы «Пресиосы») обратилась за помощью к Конфедерации, и война приняла межзвездный характер.

В книге говорилось также, что боевые действия велись в основном вдали от населенных пунктов, в суровой высокогорной пустыне, где находились сами рудники.

Тут я остановился. Еще в городе меня поразило, что я почти не видел древних зданий: все постройки в Консоле-Верде были не старше тридцати лет. Невольно я вспомнил изречение времен одной из войн, которые Америка вела в XX веке: «В целях защиты этой деревни нам пришлось стереть ее с лица земли».

Пожилая библиотекарша, присев напротив меня, сказала негромко:

– Вы здесь воевали, но ничего об этом не помните. Я угадала?

– Да, вы совершенно правы.

– Среди нас есть те, кто помнит все.

Я пододвинул к ней книгу:

– Что-нибудь из этого правда?

Она повернула книгу к себе, пробежала взглядом разворот и с беспощадной улыбкой покачала головой:

– Этим даже ребенка не проведешь. Чем, по-вашему, является Конфедерация?

Немного подумав, я сказал:

– С одной стороны, Конфедерация – это добровольный союз сорока восьми или сорока девяти планет, объединенных

договором, гарантирующим равные права гуманоидов и негуманоидов, а также общими торговыми правилами, способствующими справедливости и прозрачности коммерческих отношений. С другой стороны, это корпорация «Хартфорд» – самая богатая компания в человеческой истории, которая фактически может творить все, что ей заблагорассудится.

– А что такое Конфедерация лично для вас?

– Для меня это организация, которая дала мне работу в трудные времена, когда рабочих мест не хватало. Я стал так называемым специалистом по безопасности. Впрочем, я не был специалистом в буквальном смысле слова. Скорее меня можно назвать «подготовленным работником широкого профиля».

– Наемником.

– Нет. Во всяком случае, мы не делали ничего противозаконного или противоречащего морали и этике.

– Вам же стерли память. Так что на самом деле вы могли совершать и то и другое, но ничего об этом не помнить.

– Возможно, – согласился я. – Собственно, именно это я и собираюсь выяснить. Вы слышали о препарате, который нейтрализует действие аквалете?

– Нет… Он должен вернуть вам память?

– Так говорится в описании. Завтра я собираюсь за город – туда, где когда-то побывал, чтобы узнать, что из этого выйдет. Таблетки рекомендуется принимать в том месте, о котором вы собираетесь вспомнить.

– Сделайте мне одолжение, – сказала она, отодвигая от себя книгу. – А может, и себе тоже. Выпейте лекарство здесь, хорошо?

– Выпью. В Консоле-Верде когда-то находился наш штаб. Я наверняка бывал здесь хотя бы проездом.

– Тогда поищите меня в толпе. Я тогда была девчонкой и хорошо помню, как мы бегали смотреть на солдат. Вы все были такие красивые, такие рослые и статные…

Десять местных лет, прикинул я, равнялись четырнадцати земным. Похоже, эта пожилая леди была моложе меня. Тяжелое здесь детство…

– Я не думаю, что воспоминания будут настолько подробными. Но постараюсь вас разглядеть.

Она похлопала меня по руке и улыбнулась:

– Так и сделайте.

Когда я вернулся в гостиницу, Враз еще спал. Похоже, перелет через шесть часовых поясов его утомил, и я решил дать ему выспаться. Мой организм все еще был настроен на условное бортовое время звездолета; впрочем, я и без того почти не нуждался в адаптации. Работая консультантом, я мотался по

всему свету и привык к частой смене часовых поясов.

Стараясь не шуметь, я растянулся на второй койке, приладил наушники-пуговки и включил запись Генделя, чтобы заглушить храп.

В гостинице овощей не оказалось, поэтому на завтрак я взял яичницу (уповая на то, что яйца все-таки снесены птицей) и сухие, безвкусные крекеры из какого-то зерна местного сорта. Заказанный нами внедорожник подогнали к половине девятого, и я вышел внести задаток и осмотреть машину. Как нам и обещали, внедорожник был пуленепробиваемым, за исключением стекол. Что ж, и то хорошо.

Первый отрезок пути я решил вести машину сам. Позже я приму свои таблетки, а на упаковке есть предупреждение: «Может спровоцировать галлюцинации. После приема препарата управление транспортными средствами запрещено». Очень правильные слова.

Консоле-Верде совсем не имел пригородов. Город был расположен в оазисе, и там, где кончалась растительность, тут же заканчивались дома.

Поначалу я вел машину очень осторожно. Мой собственный автомобиль, оставшийся в Лос-Анджелесе, был оборудован автопилотом, поэтому я уже несколько лет не сидел за рулем по-настоящему, и сейчас у меня даже слегка закружилась голова.

Километров через тридцать дорога вдруг стала невероятно ухабистой, и Браз предположил, что мы въехали на территорию соседней колонии Претороха. Там, утверждал он, собирают так мало налогов, что их не хватит даже на один день работы бульдозера.

Через час, когда мы наконец доползли до первого рудничного террикона, я передал руль Бразу. Пора было глотать первые двадцать таблеток.

По правде говоря, я и сам толком не знал, чего ожидать. Мне было известно, что средства против аквалететерапии без наблюдения врача способны вызвать неадекватную реакцию. Некоторые бедняга и вовсе слетали с нарезки, поэтому я заранее вручил Бразу седатив, которым он должен воспользоваться, если я утрачу контроль над собой и ситуацией.

Развалины, обломки камней и воронки. Все вокруг покрыто толстым слоем черного пепла и песка. Руины домов почти не тронуты температурной эрозией – в этих краях не бывает резких перепадов: жаркое сухое лето сменяется чуть менее жаркой, но более сухой зимой. Мы долго колесили вокруг этих развалин, но абсолютно ничего не происходило. Через два часа (а это

минимальный перерыв для приема моего лекарства) я проглотил еще двадцать таблеток.

Как мне сказали, я лишился пальца именно в Преторохе – там, где войска Конфедерации понесли наибольшие потери. Может быть, препарат на меня просто не действовал?

Нет, вряд ли. Если я правильно понял прилагавшуюся к лекарству инструкцию, причин могло быть только две: либо местность настолько изменилась, что моей памяти было просто не за что зацепиться, либо я никогда здесь не бывал.

Последний вариант я исключал. Здесь во время боев я лишился пальца, и Конфедерация это подтвердила: вот уже тридцать лет мне выплачивают пенсию за боевое ранение.

Первое объяснение, пришедшее на ум, заключалось в том, что картины сражений запечатлелись в моей памяти такими же уныло однообразными, как и этот разрушенный ландшафт. Возможно, я упускал что-то существенное вроде запахов или летнего зноя. Но в описании к лекарству говорилось, что оно начинало работать под воздействием зрительной стимуляции.

– Возможно, эта штука действует на вас слабее, чем на других, – предположил Браз, внимательно наблюдавший за мной. – Или вам просто попалась бракованная партия. Сколько еще мы будем нарезать круги?

У меня оставалось еще шесть упаковок с таблетками. Препарат, несомненно, действовал на организм: холодный пот, одышка, боль в глазах – побочные эффекты налицо. Все, кроме главного…

– Черт, я думаю, мы действительно насмотрелись достаточно, – сказал я наконец Бразу. – Остановимся отлить, потом поедем назад.

Встав на обочине дороги под палящим низким солнцем, я каким-то образом окончательно убедился, что до сегодняшнего дня никогда здесь не бывak. Такое жуткое место просто не могло не впечататься в подсознание.

С другой стороны, аквалете было очень сильным средством. Настолько мощным, что его не так-то просто нейтрализовать.

На обратном пути в Консоле-Верде за рулем снова сидел я. Кондиционер имел только два положения: «очень холодно» и «выключено». Мы решили отключить его совсем и, опустив небронированные стекла, впустить в салон спадающий зной. В подступающих сумерках у этой местности проявлялась какая-то особенная, лунная красота. Она непременно должна была произвести на меня впечатление, но этого почему-то не произошло. Вот, кстати, еще одна причина, чтобы все вспомнить, подумал я. Что-то ведь случилось в тот год – что-то серьезное,

после чего все прекратилось.

Когда дорога стала лучше и появились другие машины, Враз снова сменил меня за рулем. Я давно разучился самостоятельно ездить в транспортных потоках, к тому же здесь левостороннее движение.

Предчувствие внезапно нахлынуло на меня, когда из-за скалы показались первые городские строения. Мне даже стало трудно дышать, словно я слишком туго затянул галстук.

Все вокруг светилось и мерцало. Вот где я был. Здесь. На этой окраине.

– Враз… началось. Не гоните.

Он съехал к левой обочине, и я услышал, как защелкала аварийка: клик-клик-клик.

– Вы… Во время войны вы находились здесь?

– Не знаю. Возможно. Я еще не понял.

На меня накатывало все сильнее и сильнее. Окружающее двоилось и плыло. Да я и сам как будто готов был раздвоиться.

– Давайте на другую сторону. – Сверкающий туман заволакивал глаза, и рассмотреть что-либо было невероятно трудно. – А вот это большое здание? Вон то…

– Вывески нет, – отозвался Враз. – Но над автомобильной стоянкой герб Конфедерации.

– Туда… поезжайте туда, скорее… Мне кажется, я теряю сознание.

– Быть может, наоборот… обретаете себя.

Салон машины постепенно таял перед глазами, потом какая-то сила подхватила меня и медленно повлекла куда-то вперед и вверх. Сквозь стены здания. По коридору. Сквозь запертую дверь. Прямо в один из кабинетов.

В кабинете сидел я, только молодой. Черная как смоль, аккуратно подстриженная бородка. Военная форма. Все пальцы на месте.

Большую часть стены за моей спиной занимала светящаяся таблица, я сразу догадался – нет, вспомнил! – что там может быть. По обе стороны компьютерной рабочей станции стояли два длинных стола, заваленных стопками гроссбухов и скоросшивателей, набитых бумажными документами и перепиской.

Моя работа заключалась в том, чтобы украсть планету у ее законных владельцев. Не целиком, конечно, а только права собственности на МРЗЭ – месторождения редкоземельных элементов.

Кроме них, на Секе не было ничего, что представляло бы для Конфедерации сколько-нибудь серьезный коммерческий интерес.

После открытия связанного тахиона[49] началась разведка доступных месторождений диспрозия, необходимого для полетов в сверхглубокий космос. Автоматические зонды обнаружили диспрозий на похожей на Меркурий планете, обращавшейся вокруг желтого карлика Поуко – звезды, находящейся сравнительно недалеко от нашей Солнечной системы. Но примерно в это же время – вскоре после того, как первые тысячи колонистов рискнули начать освоение Секи, – кто-то из них наткнулся на огромные залежи диспрозия и других редкоземельных элементов в бесплодном аду Серраро.

Это оказалось самое большое из когда-либо найденных на планетах месторождений диспрозия, да и добывать его здесь было намного удобнее, чем на рудниках Земли, не говоря уже о необитаемых, малопригодных для жизни планетах.

Колонисты прекрасно понимали, какое богатство им досталось, и вели себя предельно осторожно. Под шумок они протащили закон, по которому права на месторождения могли регистрироваться и передаваться исключительно на бумажных носителях, никакая электронная документация не допускалась. Затем в течение многих лет семьдесят восемь рудников Секи продавали лишь два процента добываемого диспрозия, а остальные девяносто восемь (больше, чем Конфедерация добывала на двух десятках других планет) припрятывали. Собрав достаточный запас этого стратегического сырья, рудники Секи могли в один прекрасный день стать на рынке диспрозия монополистами.

Но у них был только один покупатель, причем весьма опасный.

Тайну Секи случайно раскрыл дежурный картографический спутник: съемка, проведенная в гамма-лучах, показала скопления пород с высоким содержанием редкоземельных элементов. В Конфедерации довольно быстро поняли, что происходит, и подготовили специалистов вроде меня, чтобы «установить контроль над ситуацией». Со специалистами отправили воинский контингент, достаточный для того, чтобы скрыть наши манипуляции, так сказать, «в дыму войны».

Пока изнуренная войной экономика шла вразнос, я по фальшивым доверенностям и через подставные фирмы скупал небольшие пакеты акций рудников, занятых добычей редкоземельных элементов.

Когда Конфедерация стала главным акционером всех рудников и шахт планеты, она мигом установила выгодные для себя цены на диспрозий. Выполнившие свою задачу войска отправились по домам, получив предварительно прививку

аквалете.

Со мной, очевидно, дело обстояло не так просто. Аквалете стирало память о боевых ранениях и психических травмах, но со мной-то ничего подобного не случилось. Всю военную кампанию я просидел в офисе, командуя циферками да время от времени подделывая подписи.

И вот однажды ко мне в кабинет ворвались три мордоворота в черных капюшонах и отволокли в какой-то подвал. Натянув толстые перчатки, они, чередуясь, избивали меня на протяжении нескольких часов, не сломав, впрочем, ни одной кости и не повредив внутренних органов. С завязанными глазами, в наручниках, я превратился в сплошной комок бесконечной боли.

Наконец с меня сняли наручники и повязку. Убедившись, что я в сознании, двое громил подняли меня с пола, а третий взял тяжелый болторез и отхватил мне палец на левой руке. После этого они перевязали мне кровоточащий обрубок и сделали какой-то укол.

Очнулся я уже на подлете к Земле – с наградами, при деньгах, но без каких-либо воспоминаний.

И без пальца.

Я пришел в себя в гостинице, валяясь на койке, а Браз сидел напротив с графином мелонада, который подавали здесь вместо утреннего кофе.

– Как вы себя чувствуете? – заботливо спросил он. – Мне пришлось помочь вам подняться по лестнице, сами вы не могли сделать ни шага. Было очень паршиво?

В окно заглядывали первые лучи утреннего солнца.

– Это… совсем не то, чего я ожидал. – Я с трудом сел и взял у него чашку. – Оказывается, я не был солдатом. Я носил военную форму, но, по сути, оставался просто клерком. На службе у мафии.

И я вкратце пересказал ему, что мне удалось вспомнить.

– Значит, вам отрубили палец? Точнее, сначала вас измолотили до бесчувствия, а потом отхватили палец болторезом?

Правой рукой я машинально потрогал культю:

– Ну да. Это было нужно, чтобы аквалете подействовал. До войны я играл на гитаре, поэтому после возвращения мне пришлось долго разрабатывать альтернативную аппликатуру, чтобы играть без среднего пальца. Но из этого так толком ничего не вышло.

Я отхлебнул из чашки. Напиток был похож на каву – во всяком случае, оказался таким же горьким и явно содержал

какой-то алкалоид.

– Словом, пришлось задуматься о смене карьеры…

– Вы хотели стать певцом?

– Нет, гитаристом. Я ведь играл на классической гитаре, но теперь мне пришлось пойти на медицинские курсы. Затем в университет, на отделение психологии и философии. Там я без особого труда получил степень доктора наук. И стал современной версией Харона, который, согласно античной мифологии, перевозит души умерших через Стикс.

– И что вы теперь собираетесь делать? С той правдой, которую узнали?

– Рассказать всем, я полагаю. Пусть люди как следует задумаются…

Он удивленно откинулся на стуле:

– Рассказать всем?.. – Браз покачал головой. – Ваша история достаточно интересна, но в ней нет ничего такого, что взволновало бы хоть одного человека старше двадцати лет. Всем давно известно, из-за чего на самом деле велась эта война. И какими методами. Пусть она была даже более циничной и лживой, чем я до сих пор думал, но знаете, что я вам скажу? Ничего из того, что вы мне рассказали, не способно вызвать в обществе негодование и протест. Когда речь заходит о правительстве, а тем более о Конфедерации, люди уже ничему не удивляются. «Все то же самое», – вот что они скажут.

– То же самое дерьмо, – поправил я. – Так у нас говорят.

– С другой стороны, именно Конфедерация на пару с корпорацией положили конец самоубийственной гражданской войне, щедро и без задержек оплатили все иски по поводу возмещения убытков, заново отстроили Консоле-Вер де. К тому же война закончилась полжизни назад – нашей с вами обычной, не продленной жизни. Как все происходило на самом деле, помнят теперь только старики, но им по большому счету все равно.

Его слова не удивили меня, я и сам часто думал о чем-то подобном. Больше того, я готов был признать свое поражение, ведь то, что случилось со мной, было пустяком по сравнению с тем, что потеряли другие.

Я сделал глоток отвратительно-горького напитка и снова поставил чашку на стол.

– Но ведь должен я что-то сделать! Не могу же просто молчать!

– Можете! – отрезал Браз. – Более того, должны. – И, подавшись вперед, продолжал говорить с нажимом и убежденностью: – Послушайте, Спиви, пусть я и захолустная

деревенщина, но у меня как-никак докторская степень по макроэкономике, и я ясно вижу, что сейчас вы не в состоянии рассуждать здраво ни о войне, ни о Конфедерации. Дождитесь хотя бы, пока закончится действие ваших таблеток, иначе вы натворите такого, о чем потом будете долго жалеть.

– Все это довольно серьезно, Браз…

– Да бросьте вы! Ситуация, в которой вы оказались, скорее мелодраматична. Или вы действительно собираетесь вернуться на Землю и заявить: у меня, мол, есть неопровержимые доказательства того, что Конфедерация использовала людей, чтобы ценой тысяч жизней и триллионов хартфордов, вложенных в недвижимость, ограбить планету, а потом эта же Конфедерация пытала и калечила, чтобы понадежнее стереть всю память об этом? Вы этого хотите?

– Ну и что? Ведь именно так все и было.

Браз поднялся:

– Подумайте об этом еще раз… и подумайте как следует. А заодно задумайтесь о том, что может произойти после.

Он вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

Мне не надо было долго раздумывать. Браз был прав.

Перед тем как отправиться на Секу, я изучил все доступные материалы о войне. Один тот факт, что их оказалось на удивление мало, должен был меня насторожить, но я рассчитывал, что узнаю недостающие подробности на месте. Что ж, мое желание сбылось. Что и говорить, приятно иметь возможность путешествовать от звезды к звезде, собирая экзотические воспоминания, вот только возвращаться на Землю все равно придется.

Рано или поздно, но придется.

И если эти воспоминания окажутся неприятными или просто неудобными, Конфедерация снова найдет способ их подправить.

Стивен Попкес
Джекки и ее мальчик

Стивен Попкес начал публиковаться в 1985 году и в последующие годы написал ряд довольно заметных рассказов для «Asimov's Science Fiction», «Sci Fiction», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Realms of Fantasy», «Science Fiction Age», «Full Spectrum», «Tomorrow», «The Twilight Zone Magazine», «Night Cry» и других изданий. В 1987 году вышел в свет первый роман автора «Высадка Калибана» («Caliban Landing»), а в 1991 году – роман «Медленное свечение» («Slow Lighting»), написанный на основе популярной повести «Яйцо» («The Egg»), Попкес также принимал участие в работе Кембриджского писательского семинара, занимавшегося подготовкой научно-фантастических сценариев о будущем Бостона и Массачусетса. В 1994 году эти произведения были выпущены в антологии «Бостон будущего» («Future Boston»), куда вошли несколько работ Попкеса. Писатель живет с семьей в Хопкинтоне, штат Массачусетс. Работает в компании, специализирующейся на авиационном приборостроении. В конце 1990-х и начале 2000-х годов Попкес хранил молчание, но несколько лет назад вернулся к написанию первоклассных рассказов, один из которых представлен вашему вниманию ниже: постапокалиптическая, но при этом оптимистическая история, повествующая о том, что даже в мире после катастрофы человек, постаравшись, может найти свое место.

Часть первая

Майкл влюбился в нее, как только увидел.

Длиннозадые захватили контроль над воротами зоопарка Сент-Луиса, вытеснив банду Самородного Фила. Боб Лондонский убил Самородного Фила в поединке и съел. Потому и власть переменилась. Смотрители не возражали – лишь бы не покушались на территорию зоопарка. И Длиннозадые поджидали снаружи, чтобы схватить всякого, кто входил или выходил. Им оставалось только ждать. Людей постоянно привлекало зрелище ходячих бифштексов, вроде бы ничем не защищенных от съедения, если не считать сотни футов пустого воздуха и невидимого и смертельного автоматического оружия. Люди приходили просто посмотреть и пооблизываться.

Майкл понимал, чего дожидаются Длиннозадые. Он тайно наблюдал за ними с неделю, прячась в таких местах, куда взрослые не могли пролезть, и не оставляя следов, которые они могли бы заметить. Несколько дней назад Длиннозадые поймали женщину, прошлой ночью – мужчину. Женщину они до сих пор передавали по кругу. То, что осталось от мужчины, крутилось на вертеле. Он принюхался. Запах угля смешивался с чем-то похожим на аромат кленового сиропа. Трупные грибы в стадии плодового тела. Где-то неподалеку росла колония грибов, которые вчера были человеком. Интересно, это пахнет кто-то, кто испортился раньше, чем до него добрались Длиннозадые, или же это последние, несъедобные, остатки мужчины на вертеле? К утру на том месте, где лежало мясо, останется всего лишь небольшая кучка земли.

Темным весенним утром, когда ворота только-только открылись, один из часовых еще спал. Майкл крепко прижал рюкзак к груди, чтобы тот не громыхнул. Часовой во сне вздрогнул. В какой-то миг Майкл подумал, что придется подобрать кирпич и убить часового, пока тот не проснулся. Но стражник лишь перевернулся на другой бок, и Майкл проскользнул мимо него незамеченным. Ему здорово повезло. Если Длиннозадые бесились от чего-то сильнее, чем от мяса, так это от жажды мести.

Он не выходил на открытые места и после того, как миновал ворота. Если Длиннозадые узнают, что он внутри, то к закрытию, когда Смотрители выгоняют всех за ворота, будут наготове. Майкл никогда не бывал в зоопарке, но надеялся, что ребенок отыщет там укромные места, чтобы спрятаться. В зоопарке было безопасно, за воротами зоопарка – нет. Да, все очень просто.

И вот теперь он скорчился в кустах перед ее вольером на площадке для посетителей, скрытый от глаз Смотрителей, и высматривал укромное местечко.

Она вышла из загона: огромные круглые уши, тяжелые ноги, мудрые глаза и длинный хобот. Когда она спустилась к воде, Майкл затаил дыхание и постарался сделаться таким маленьким, каким только может сделаться одиннадцатилетний мальчик. Может быть, она не заметит его.

Кроме слонихи, Майкл никого не увидел. Загон и вольер одного из последних животных в зоопарке – худшее место, чтобы спрятаться. Его тут же найдут. Вероятно, прятаться там пытались все без исключения. Но все равно, когда слониха скрылась из виду, уходя вниз по склону холма, Майкл перемахнул через забор и беззвучно помчался к вольеру: рюкзак колотил по спине, лишая равновесия, пули в любой миг могли превратить его в кровавое месиво.

Оказавшись внутри, он наскоро огляделся и увидел над бетонным полом галерею, забитую сеном. Он вскарабкался по лестнице и зарылся в него. Сено протыкало рубашку и штаны, щекотало ноги сквозь дырки в башмаках. Он осторожно нащупал сквозь ткань рюкзака свой блокнот. Тот был на месте.

– Я тебя вижу, – раздался снизу женский голос.

Майкл окаменел. Что есть силы вцепился в рюкзак.

Рядом с ним что-то зашлепало, расшвыривая тюки сена. Свет с потолка хлынул прямо на мальчика.

Это оказалась слониха.

– Наверху тебе не спрятаться, – сказала она.

Майкл перегнулся через край галереи.

– Это ты сказала?

– Убирайся из моего загона.

Она взмахнула хоботом и схватила его за ногу, стаскивая с галереи.

– Держи его, Джекки! – раздался голос из стены.

Джекки держала его над землей.

– Это твой промах, Ральф. Его тело должно висеть снаружи на ограде.

Она поднесла мальчика поближе к глазам, и Майкл понял, что она хочет размозжить его о бетонный пол.

– Не надо, – прошептал он.

– Все мы ошибаемся, – снова сказала стена.

– Мне вышвырнуть его или наступить? Это, между прочим, твоя работа, а не моя.

– Отпусти его. Может быть, он нам пригодится.

Пауза затянулась. Майкл, не отрываясь, смотрел на нее. От

страха он почти не дышал. Но и не мог отвести глаз от слонихи, которая была здесь, так близко, прямо перед ним.

Медленно и неохотно она опустила его на землю.

– Как скажешь.

С улицы в вольер вдвинулась семифутовая металлическая конструкция – Смотритель зоопарка. Три металлических руки с камерами, вмонтированными в дула пулеметов, по очереди обследовали и Джекки, и Майкла.

– Ступай за мной. – На этот раз голос шел от робота.

Майкл еще секунду смотрел на Джекки. Она презрительно фыркнула и развернулась, чтобы выйти из загона.

Майкл медленно двинулся за Смотрителем, глядя, как удаляется Джекки.

– Разве слоны разговаривают?

– Этот разговаривает, – ответил Смотритель.

– Ух ты! – выдохнул Майкл.

– Открой свой рюкзак, – приказал Смотритель.

Майкл уставился в пулеметное дуло-камеру. Он подозревал, что бежать уже слишком поздно. Раскрыл рюкзак и вывалил на пол его содержимое.

Смотритель рассортировал его пожитки.

– Хлеб. Две банки тунца. Блокнот. Несколько ручек. – Объектив камеры, уставившейся на него, зажужжал, вытягиваясь, наезжая.

– Это твое? Ты умеешь читать и писать?

– Да.

– Забери свои вещи. Можешь звать меня Ральфом, как зовет она, – сказал Смотритель, выводя его из кабинета.

– Почему я до сих пор жив?

– Я стараюсь не убивать детей без крайней необходимости. Я способен сознательно ограничивать собственную власть. – Он на мгновение умолк. – В отсутствие директора я несу ответственность за судьбу зоопарка.

Майкл кивнул. Окинул взглядом кабинет. Он до сих пор не мог прийти в себя от потрясения, повидав настоящего, живого слона. То, что слон говорящий, казалось всего лишь еще одним, дополнительным, чудом.

Смотритель остался за порогом кабинета, и его голос снова зазвучал с потолка.

– Сядь, пожалуйста.

Майкл сел.

– А как вам удалось сохранить освещение? Теперь все стоит темное, кроме зоопарка и собора.

– Я пока еще в состоянии договориться с электрической компанией. Немногие могут гарантировать пожарную безопасность.

Майкл понятия не имел, о чем это вещает голос.

– Здесь тепло, – сказал он наудачу.

– Вместе со светом дается и тепло. Кстати, как тебя зовут?

– Майкл. Майкл Рипли.

– Сколько тебе лет?

Майкл снова оглядел кабинет.

– Кажется, одиннадцать.

– Точно не знаешь?

Майкл помотал головой.

– Я точно знаю, что мне было шесть, когда умерли родители. Меня взял к себе дядя Нед. Я прожил с ним еще пять лет. Несколько месяцев назад его убили Длиннозадые.

– Больше у тебя не осталось родственников?

Майкл пожал плечами и ничего не ответил.

– Где ты живешь?

Внимание Майкла переключилось на Смотрителя, и мальчик с опаской окинул взглядом потолок.

– Просто болтаюсь по парку.

– И тебе негде остановиться?

– Нет.

– А ты не хотел бы остаться здесь?

Майкл снова окинул комнату взглядом. Здесь тепло. Здесь явно полно еды. Никого из бандитов на территорию не пускают. Вопрос: откуда берется корм для животных? Почему по ночам сюда никому нет входа? Может, его как раз хотят включить в звериный рацион?

– Пожалуй, хотел бы, – проговорил он медленно.

– Отлично. Ты принят.

– Что?

– Будешь называть меня Ральфом, как я уже говорил. А я буду звать тебя Майклом, за исключением особых случаев, когда буду обращаться к тебе «помощник директора». Тебе все понятно?

Майкл уставился на потолок.

– А что мне нужно делать?

Дорогая мамочка!

Я нашел работу. Буду помогать ухаживать за сланихой. Ее зовут Джекки. С ней не очень-то весело, но она все равно мне нравица. Может, я тоже ей понравлюсь, когда она меня узнает получше. Она слониха!!! Я никогда еще не видел таких. Только в книжках, которые ты мне читала. Я работаю в зоопарке. Наверное,

ты и не думала, что я когда-нибудь буду работать в зоопарке. Животных почти не осталось. Но есть сланиха и носорог. Змей нет. Тут куда лучше, чем спать в мусорных баках. Да и от винтовки мусорный бак почти не защищает. Я скучаю по тебе и ПАПЕ. Но по дяде Неду я не очень скучаю. Хотя, скучаю по квартире. С любовью,

Майк

Он выгребал из стойла навоз, когда вошла Джекки. Остановилась и посмотрела на него.

– Что это ты делаешь?

Майкл выпрямился. Попытался улыбнуться ей.

– Работаю. Ральф меня нанял.

– Для чего?

Майкл огляделся по сторонам.

– Не знаю. Мне показалось, что нужно делать вот это.

Джекки секунду молчала.

– Пусть этим занимаются Смотрители. Идем со мной.

Он пошел с ней к выходу из загона.

– Начнем с первого кабинета слева. Ты войдешь и будешь искать бумаги. Книги. Заметки. Записки. Все, на чем есть письменный текст. Ты знаешь, что такое письменный текст?

– Я знаю, что это такое.

– Отлично.

Майкл задрал голову, глядя на нее.

– Как же ты научилась говорить?

– Не твое дело. Приступай к работе.

Работы оказалось немало. Как будто бы целый мир зоопарков существовал на бумаге. Три дня ушло лишь на то, чтобы вынести папки из первого кабинета. Обязанности Майкла не ограничивались выносом бумаг. Шрифт был мелкий, и ему зачастую приходилось подносить документы то к одному глазу Джекки, то к другому. Слонихе работа тоже давалась нелегко. Ей приходилось то и дело прерываться из-за головной боли. Когда выпадала возможность, он старался читать сам, пытаясь понять, что же ищет в бумагах Джекки. Она била его хоботом, заставая за этим занятием, поэтому он отсиживался в кабинетах.

На зоопарк обрушился холодный дождь. Ральф закрыл двери и прибавил температуру. Джекки и в лучшие времена все время раздражалась. А необходимость сидеть взаперти и вовсе выводила ее из себя.

Майкл жил в зоопарке уже месяц. Снаружи все облепил последний весенний снег, Джекки смотрела в окно, чтобы дать отдых уставшим от чтения глазам. Майкл сидел перед

воздуховодом с закрытыми глазами, наслаждаясь жарким ветром, обдувавшим его. Джекки все утро шпыняла его, но теперь смотрела на улицу, чтобы унять головную боль.

– И какая же у тебя история, малыш?

Майкл мгновенно насторожился.

– В каком смысле?

– Ральф сказал мне, что у тебя никого не осталось снаружи. Больше я ничего не знаю. – Джекки повернула огромную голову, чтобы взглянуть на него, затем снова перевела взгляд за окно. – Где твои родственники? Мать с отцом? Дядя с тетей?

– Мать с отцом умерли, как и все остальные. – Майкл пожал плечами. Тут не о чем было рассказывать. – Дядя Нед разрешил мне остаться, мы жили с ним у собора, пока его не схватили Длиннозадые. Я ушел. Все это время попрошайничал.

– Что, тяжко живется снаружи?

– Пожалуй. Пока был Нед, было не так плохо. Я заботился о нем. Он заботился обо мне.

Джекки посмотрела на него.

– И что это значит?

– Пока я радовал его, он давал мне крышу над головой, кормил и защищал от других. – Майкл задумчиво посмотрел на слониху. – Я не знаю, чем можно порадовать слона.

– Просто делай свою работу, – отрезала Джекки. – Будет достаточно.

Она немного помолчала.

– Знаешь, как отсюда добраться до реки?

– Конечно. Но я бы и пробовать не стал. Весь парк под контролем Длиннозадых. Это я знаю наверняка. – Он похлопал по воздуховоду и закрыл глаза. – А здесь тебе хорошо. Ральф никого не пускает. У тебя есть еда и тепло. Я бы точно никуда не пошел.

– Нисколько не сомневаюсь, – сухо проговорила Джекки. – Ладно. Давай еще почитаем книги из лаборатории.

На следующей неделе Ральф часто разговаривал с Джекки. Джекки почти каждый раз прогоняла Майкла. От нечего делать Майкл навещал других животных.

Их осталось немного. Большинство вольеров стояли запертые и пустые. Павильон с рептилиями и вольер человекообразных обезьян были давно уже заброшены. Медведей не осталось, только в птичнике жили еще кое-какие птицы, и Майкл целый час простоял перед одиноким печальным носорогом.

Клетка носорога сделалась его любимым пристанищем. Носорог ему не грубил. Носорог не задавал странных вопросов, не фыркал презрительно, когда он пытался ответить. Носорог не

обзывал его идиотом. Носорог не разговаривал.

– Майкл? – Голос Ральфа раздался с потолка.

– Да, Ральф?

– Мы с Джекки пока закончили. Можешь возвращаться.

– Хорошо. – Майкл немного помолчал. – Я делаю все, о чем она просит.

– Я знаю.

– Я не огрызаюсь. Я за ней убираю. А слоны оставляют горы навоза. Почему она так со мной обращается?

– Ты человек. Она не питает любви к людям. Она нуждается в тебе. И это только усугубляет положение.

– Чего плохого ей сделали люди?

– Она последняя из своего стада. Люди вывезли ее предков из Индии. Ее вместе с другими вырастили в бетонных боксах ученые, научили ее говорить. А потом они позволили погибнуть всему остальному стаду.

– Как это случилось?

– У ученых не было особенного выбора. Сами они к тому времени уже умерли.

– От той же заразы, которая убила моих родных?

– Примерно. Судя по тому, что ты рассказывал, твои родители погибли от одного из неогриппов. А ученые умерли от инфекционного ботулизма.

– Откуда взялись все эти болезни? И сколько их?

– Шестьсот семьдесят две, согласно последнему отчету, который я получал. Но это было несколько лет назад, и под конец данные поступали уже сомнительные. Болезни появились из разных источников. Некоторые были естественного происхождения. Другие – нет. Некоторые были рукотворными – их создали люди, желавшие достигнуть определенной цели: религиозное мученичество, политическая месть, протест против экономической политики, несчастная любовь. Некоторые начинались как болезни естественного происхождения, а затем были модифицированы примерно с теми же целями.

Майкл задумался над тем, что сумел понять. Ему нечасто удавалось остаться с Ральфом один на один. Скорее всего, следующий раз случится не скоро.

– Если она так не любит людей, зачем же мы тратим столько времени, копаясь в книгах из лаборатории? Почему она просто не уйдет?

– Этого я тебе сказать не могу.

Дорогая мамочка!

Я думал, слоны хорошие. Джекки никого не любит. Даже

Ральфа. Он добр со мной, но она говорит, ему так полагаеца. Он машина, как и другие Смотрители. Джекки сказала, Ральф не может делать то, что делаю я. Нужен человек. Но я все равно ее люблю, хотя она не любит меня. Мне нравица смотреть, как она ест. Как она ловко действует хоботом, который похож на змею и еще на руку. На конце хобота есть два выступа, которыми она пользуеца как пальцами. Только они гораздо сильнее пальцев. Вчера она меня ущипнула, и больно до сих пор! Я перенес постель на галерею. Теперь сплю прямо над обогревателем, и горячий воздух поднимаеца прямо ко мне. Как будто лежишь в горячей воде. Я скучаю по тебе и папе. Если ты видишь нас со своих небес, постарайся сделать так, чтобы Джекки не злилась все время.

С любовью, Майк

– Где ты это нашел?

Джекки пригвоздила его к стене. В хоботе она сжимала зеленую книжку из лаборатории.

Майкл пытался оттолкнуть ее, но с тем же успехом мог бы сдвинуть гору.

– Не помню точно.

– *Где?*

Майкл перестал сопротивляться.

– Если тебе не нравится, что я делаю, делай сама.

– Но это *твоя* работа.

– Тогда отойди!

Прошло мгновение. Джекки попятилась. Протянула ему лабораторную книгу.

– Здесь проставлены даты, – сказала она, указывая хоботом на номера страниц. – Видишь? День – черточка, месяц – черточка, год. Вот это номер тома. Это шестой том. Мне нужен седьмой за этот же день.

– И что в нем будет?

Джекки взмахнула хоботом, и на миг показалось, что она хочет ударить. Майкл внимательно смотрел на нее.

Она медленно опустила хобот.

– Я пока еще не знаю.

– Скажи «спасибо».

Джекки застыла как вкопанная.

– Что ты сказал?

– Я сказал: «Скажи „спасибо“». – Майкл стиснул кулаки.

Джекки, кажется, успокоилась. Она издала звук, похожий на хихиканье.

– Принесешь книжку из лаборатории – тогда скажу.

– Что ж, справедливо, – коротко бросил он.

Вернувшись к кабинетам, он постоял в коридоре, медленно выдыхая. Руки у него тряслись.

– Отлично, Майкл! – произнес над головой Ральф.

– Да. Теперь мне нужно найти лабораторную книгу, которая ей нужна.

– В углу каждого кабинета имеется камера, – сказал Ральф. – Если поднимешь бумаги повыше, я смогу помочь.

Через час Майкл вернулся в загон Джекки и угрюмо протянул ей книгу с лабораторными записями.

– Спасибо, – произнесла Джекки безразличным тоном. – Поднеси поближе ко мне.

– Ладно.

Майкл кивнул.

Чтение записей не заняло много времени.

– Достаточно, – сказала Джекки.

– И что мне с этим делать?

– Мне плевать. Я ухожу.

Джекки развернулась и вышла из загона. Майкл удивился. На улице было холодно, и снег, выпавший ночью, еще не растаял.

Он открыл лабораторную книгу и полистал страницы. Слов там было мало, в основном цифры и даты. Для него в них не было никакого смысла.

– Ральф, что происходит?

Майкл дрожал от холода, глядя в серое небо. Весна явно придет еще не скоро. Ральф говорил ему, что сейчас апрель.

– Я точно не знаю, – сказал Ральф. – Возможно, она нашла то, что искала.

Майкл проснулся среди ночи. Сонный, свесился с края галереи. Смотритель помогал Джекки забросить что-то на спину.

– Кажется, у меня не получится, – сказал Ральф.

– Тише. Ты его разбудишь. Может, сможешь перекинуть мне через шею, а потом затянуть веревки внизу.

Майкл немного посидел на краю галереи, наблюдая за ними.

– Ты уходишь, – произнес он спустя миг.

– А тебе полагается спать. – Джекки раздраженно мотнула хоботом.

Майкл ничего не ответил. Он спустился на бетонную площадку и подошел поближе. Смотритель пытался перекинуть ей через шею на спину что-то вроде сбруи.

– Подсади меня, – предложил Майкл. – Я могу помочь.

– Человек никогда не будет сидеть у меня на спине! – ощетинилась Джекки.

– Как скажешь, – отозвался Майкл. – Но затянуть сбрую

можно только тогда, когда она будет лежать у тебя ровно посередине спины, а Ральф не может ее положить. Я смогу, если встану тебе на спину.

Смотритель вытянул руку.

– Давай, – сказал Ральф.

Майкл встал на камеру, и Смотритель выдвинул ее так, чтобы Майкл смог перепрыгнуть Джекки на спину. Он схватился за ее ухо и подтянулся.

– Больно, – сказала она.

– Извини.

В несколько мгновений он приладил упряжь как надо. Затем соскользнул на пол и затянул.

– Отличная работа, Майкл! – сказал Ральф.

Джекки встряхнулась, повела плечами, спиной.

– Держится хорошо. Я готова.

Майкл посмотрел на Смотрителя, потом на Джекки.

– Зоопарк закрывается?

– Не сразу, – сказал Ральф. – Грузовики с кормом время от времени приходят. У меня до сих пор в силе контракты с фермой и мастерской. Насчет электричества и воды я договорился. Они сказали, что хорошо защищены, но если кто-нибудь вдруг выкопает кабель или взорвет трубопровод… – Ральф секунду помолчал. – По моему мнению, в худшем случае мы протянем год. В лучшем – пять лет.

Майкл вдруг растерялся. Посмотрел на Джекки.

– Возьми меня с собой.

– Что? – фыркнула Джекки. – Никогда.

– Ну, пожалуйста, – взмолился Майкл. – Послушай, для всех тех, кто снаружи, ты просто ходячая гора мяса. Я смогу вывести тебя из города. Только скажи, куда ты направляешься.

– Я…

– Она идет на юг, – негромко проговорил Ральф. – Ей нужно двигаться вдоль реки до моста на шоссе I Двести пятьдесят пять, а потом держать в сторону Теннесси.

– А где это шоссе Двести пятьдесят пять?

– В Оуквилле.

Майкл на минуту задумался.

– Так ничего не получится. Даже мимо Длиннозадых, которыми кишит парк, пройти непросто. Но в той стороне обитают Ублюдки, и в их распоряжении старый оружейный завод. Их боятся даже Длиннозадые.

– И что ты предлагаешь? – спросил Ральф.

– Нечего его спрашивать! – Джекки топнула ногой. – Я сама справлюсь.

Майкл стоял рядом с ней. Смотрел себе под ноги.

– Я ребенок. У меня нет оружия. Я даже не очень большой. Я не смогу причинить тебе вред.

Джекки отвернулась.

Майкл кивнул.

– Так вот, из парка ты выйдешь, но на юг не уйдешь. Там Зеленый Пояс – снайперы. Они не задают вопросов. Ты и двух миль не пройдешь, как свалишься мертвой. И на север через Фермерский округ ты пройти не сможешь. Там снайперов нет, но вокруг все выжжено до земли на ширину шести миль, чтобы негде было прятаться. Остается западное или восточное направление. Там повсюду банды вроде Длиннозадых или даже похуже. Лично я бы двинулся по старому шоссе прямо в город, дошел до моста, перешел бы на другой берег. За мостом никаких банд нет, потому что там нечем поживиться. Шоссе проходит высоко, так что тебя не заметят. Если пойдешь быстро и тихо, сможешь выбраться раньше, чем кто-нибудь увидит. И я бы и дальше шел по шоссе. Люди держатся поближе к фермам, обороняя их. А на шоссе никаких ферм нет. Ниже Кахокии нет ни банд, ни людей. Все вымерли от болезни прерий. Как обстоят дела южнее Кахокии, я понятия не имею.

– Откуда ты все знаешь? – проворчала Джекки.

Майкл взглянул на нее.

– Если не знать, что и как, попадешь кому-нибудь на обед. Меня научил этому дядя Нед, и я, между прочим, до сих пор жив.

Джекки дернула головой, но ничего не ответила.

– Джекки? – позвал Ральф. – Это очень неплохая идея.

Джекки долго не отвечала. Она смотрела в дверь вольера. Потом снова развернула к ним голову.

– Ладно, – сказала она неохотно.

– Когда идем? – Майкл обернулся к Смотрителю.

Джекки шлепнула его по затылку.

– Прямо сейчас. Залезай.

Майкл потер голову.

– Больно, – сказал он, карабкаясь ей на спину.

Она шагнула в темноту.

– Удачи! – прокричал Ральф им вслед.

– Подожди! – закричал Майкл, обернувшись. – А что будет с носорогом?

Ответа он не расслышал.

Они не разговаривали, пока Джекки неспешно заворачивала за павильон рептилий. Уши были растопырены – она внимательно прислушивалась. Ворота раскрылись от прикосновения ее хобота.

Майкл был в восторге. Тайный ход!

– Проверь, как там.

Майкл скатился на землю и оглядел кусты. Длиннозадых не видно. Он помахал, и она пошла за ним, раздвигая ветки. Опустилась на колени, и он забрался ей на спину. Они оба прислушивались. Тишина. Она двинулась вверх по холму.

Джекки шагала тише, чем он думал. При ходьбе она издавала лишь негромкий, мягкий стук.

У края дороги она остановилась.

– Куда теперь? – тихо проворчала она.

Майкл придвинулся к ее уху и прошептал, стараясь говорить как можно тише:

– Молчи. Я буду подсказывать тебе, куда идти. Пока что по дороге направо. Потом, когда перейдешь через мост, сверни налево. Там начинается шоссе.

Джекки резко кивнула, и он понял, что слониха недовольна его запретом, однако возражать не стала. Он подозревал, что она выскажет все сполна, когда они доберутся до реки.

Майкл огляделся и прислушался. Стояла глухая ночь. Он не чувствовал запаха костра. Иногда Длиннозадые разводили огонь на обломках того, что находили в заброшенных домах. Выпивали весь алкоголь, который удавалось раздобыть – при необходимости нападая на другие банды, – стреляли в воздух и орали до самого утра. Вот бы они устроили попойку сейчас! Если бы Майкла с Джекки и заметили бы, то заметила бы пьяная компания.

Отсутствие костра означало одно из двух. Либо поблизости никого нет, либо они вышли на охоту. Толпа голодных, отчаянных и, главное, трезвых Длиннозадых – худшее, что приходило Майклу на ум. В воздухе не чувствовалось сладкого запаха – грибы не выросли на трупах, обозначая место недавней битвы. А вот это как раз хорошо. Тризны Длиннозадые устраивали с размахом, убивая каждого, кто им попадался. В Сент-Луисе осталось не так много народу, но все же достаточно, чтобы Длиннозадые могли отловить кого-нибудь, убить, а затем церемониально стоять над жертвой, наблюдая, как грибы возвращают тело земле.

Майкл обливался потом на каждом шаге к шоссе. Однако тишину ночи ничто не нарушало.

Вначале шоссе шло вровень с землей, но через пару миль поднималось, превращаясь в шикарный променад с видом на руины города. Майкл шепнул Джекки, что вот теперь самое время бежать – только тихо! – если она может.

Джекки ничего не ответила. Вместо того перешла на широкий шаг – ему даже пришлось ухватиться за ее уши, чтобы не

свалиться. Он поглядел вниз и увидел, как ее темные ноги мелькают, меряя мостовую.

У них за спиной, в стороне парка, раздался выстрел. Джекки остановилась и обернулась. Они увидели вспышку, услышали приглушенный грохот. Затем медленно, словно восходящее солнце, поднялось пламя, становившееся все ярче.

«Ясно, – подумал Майкл опустошенно, глядя, как языки пламени поднимаются над деревьями. – Вот что случилось с носорогом».

– Пошли, – поторопил он. – Люди сейчас начнут просыпаться. К тому времени, когда они высунутся из парка, мы уже должны добраться до реки.

Дорога огибала центр города с юга и уходила на север, к мостам через реку. Идя по мосту, они не видели внизу реки, но слышали шорох и плеск волн, приглушенный стон моста, выдерживающего напор воды, треск и удары мусора о сваи.

А потом они оказались на другой стороне и двинулись на юг: слева тянулись ровные фермерские угодья, справа плескалась река, и дорога вела их на юг, прямо к Кахокии.

Дорогая мамочка!

Мы дошли до Кахокии незадолго до рассвета. Мы поняли, что дошли, увидев знак на шоссе. Я совсем не устал. Устала Джекки. Наверное, трудно идти так долго. Я узнал кое-что интересное. Слоны не умеют бегать. Джекки мне сказала. Ходят они ужас как быстро, но они слишком большие, чтобы бегать. Джекки меня по-прежнему не любит. Она со мной не говорит, только иногда спрашивает, куда идти. Но в основном она сама знает. Правда, ей требуюца мои руки. Я подумал, она может уйти, когда я сплю. Поэтому я запасаюсь чем могу. Она говорит, мы идем в Теннесси. В Ховалъд, штат Теннесси. Там когда-то были слоны. Она говорит, они могут быть там до сих пор. Если она не найдет их там, то отправица во Флориду. Там на юге всегда тепло. Много пищи, а зимы никогда не бывает. Мне это нравица. Я бы хотел остаться с ней. Она большая, красивая и ужас какая сильная. Разговаривает она со мной не очень вежливо. Думаю, она не станет меня защищать, как дядя Нед. Напишу еще завтра.

С любовью, Майк

Майкл удивился, когда они не встретили в Кахокии людей. Фермы, о которых он думал, заросли сорняками, однако в целом выглядели так, будто за ними ухаживали невидимые руки. Они не увидели ни одной живой души. Слышали лишь птичье пение, шум реки да ветра. На каждом шагу попадались небольшие кучки

земли. Все грибы уже высохли, и их сдуло ветром, однако кучи земли по-прежнему отмечали места чьей-то смерти.

В первый день, когда они устроили привал на укромной поляне, Майкл понял, что Ральф с самого начала собирался отправить его с Джекки. В поклаже оказались палатка, спальный мешок и самые разные инструменты: небольшая лопата, ножик, маленький лук со стрелами, миниатюрный и самый дорогой из всех виденных Майклом набор для рыбалки. В откидной полости, в хитро замаскированном тайнике, он обнаружил пистолет, который идеально подходил ему по руке. Рядом с ним, разобранная на ложе, дуло и лазерный прицел, лежала мощная винтовка. Во второй полости оказались боеприпасы для оружия: разрывные и обычные пули в аккуратно подписанных коробочках. Майкл смотрел на них во все глаза. Он вдруг понял, что этим оружием запросто можно убить слона. Должно быть, и Ральф это понимал. Такое безоговорочное доверие потрясло Майкла.

– Что ты там нашел?

Майкл понял, что Джекки не заметила оружия. Пистолет не представлял для нее угрозы. Он вытащил его и показал.

– Ты умеешь этим пользоваться?

– Да.

Он убрал пистолет на место. Рядом с ним лежали витамины для Джекки, лекарства, снабженные аккуратными ярлыками, и медицинские инструменты, которыми мог бы воспользоваться только человек.

Джекки фыркнула, когда он разложил все это перед ней.

Майкл еще долго рассматривал вещи, перебирал и раскладывал. Вопрос, надолго ли им удастся сохранить при себе все эти сокровища? Он понял, что ему может пригодиться винтовка.

Время от времени, между длинными полосами молодых лесов и свежими лугами, поросшими высокой травой, им попадались поля, идеально ухоженные и выровненные, словно по линеечке; они оба даже останавливались, чтобы с изумлением на них поглазеть. Эти поля, как сказала Джекки, наверняка возделывают машины. Ни человек, ни животное никогда не станут с такой одержимостью сосредотачиваться на деталях. Однако никаких машин видно не было, и даже эти безукоризненно ровные ряды кукурузы и сои по краям глушили сорняки и колючая ежевика.

И все-таки, как бы сильно ни искушал Джекки вид молодой кукурузы, она не стала рисковать. Машины – ненадежные штуковины, говорила она, с пусковыми устройствами и идиосинкразией. Даже с Ральфом бывало непросто договориться,

когда что-то шло вразрез с его программой. Лучше дождаться, пока по дороге не попадется какое-нибудь дикое поле.

Недостатка в пище у Джекки не было. Весна выдалась дождливая, а теперь пригрело солнце, и старые, заброшенные поля поросли молодой зеленью.

У них выработался определенный распорядок дня. По вечерам они вместе выбирали подходящее место, Майкл снимал с нее упряжь и разбивал лагерь.

Майкл боялся, что она наступит на него во сне, поэтому Джекки ночевала подальше от палатки.

С первыми лучами солнца Джекки оправлялась искать пропитание на день. А Майкл готовил себе завтрак из припасов, оставленных Ральфом. Он учился ловить рыбу в притоках Миссисипи и постепенно наловчился так, что хватало на хороший обед. По утрам он старался поесть как следует. До наступления сумерек они почти всегда шли без остановки.

Позавтракав, он дожидался возвращения Джекки, гадая, придет она или нет.

Она всегда приходила. Облегчалась на берегу, пила, зайдя по колено в реку. Джекки всегда не терпелось пуститься в путь, и она переступала с ноги на ногу, пока Майкл надевал на нее упряжь. Затем слониха подставляла ему колено, и он забирался наверх. Они все время двигались на юг. И все время с максимальной скоростью, на какую была способна Джекки. Сначала в Хохенвальд, потому что там когда-то был слоновий заповедник. Но если там никого не окажется, тогда дальше на юг. На юге, объясняла она, зимой тоже тепло. На юге пища есть круглый год.

Майкл ни в чем ей не перечил. Он чувствовал себя в полной безопасности. Он был сыт. Он научился держаться на спине Джекки и наслаждался ездой, глядя, как река плавно бежит вперед справа от них, как слева бугрится, переходя в холмы и утесы, земля.

Весна была теплой и мягкой. Майкл даже не помнил, чтобы когда-то ощущал себя настолько счастливым, вплоть до того момента, когда они дошли до места впадения Огайо в Миссисипи и не обнаружили там моста.

Они стояли на съезде с Пятьдесят седьмого шоссе и глядели вниз, на обломки. На ближнем берегу останки моста были совершенно сухими. Пятнистые сваи, некогда явно стоявшие под водой, теперь преспокойно лежали на заросшем травой поле. На дальнем берегу обломок моста был выворочен высоким утесом, как будто весь южный берег сполз вниз. Река здесь сужалась, ускоряя свой бег и вливаясь в более медлительную Миссисипи.

Огромные волны взмывали в воздух в месте слияния, где реки пытались пересилить друг друга. Путники стояли в миле от места битвы, однако даже до них доносился рев воды.

– Может, землетрясение? – пробормотала Джекки.

– Землетрясение?

– Лет восемь назад из-за оплошности, допущенной в Новом Мадриде, здесь произошло сильное землетрясение. Мне Ральф рассказывал. Ученые предполагали, что Сент-Луис тоже затронет, однако ударная волна прошла дальше на восток, и нас не задело. – Джекки покачала огромной головой, переступила с ноги на ногу. – Как же нам теперь переправиться на другую сторону?

Майкл заглянул в старый атлас.

– Выше по течению, рядом с Гранд-Чейн, есть дамба.

– Ты посмотри на мост! – Джекки затрубила, вытягивая хобот в ту сторону. – Уже по нему все понятно. Взгляни на реку! Дамбу наверняка тоже смыло.

Майкл посмотрел вверх по течению.

– Мы что-нибудь найдем. Просто придется на время отклониться от дороги на юг.

Джекки только фыркнула в ответ. Спустя минуту она медленно развернулась и двинулась на восток.

Дорогая мамочка!

Нам до сих пор так и не удалось переправица через реку Огайо. Мне кажется, она даже больше Миссипии. Даже по ночам нам слышно, как она ревет рядом. Время от времени по реке что-то проплывает. Сегодня я видел шесть деревьев, трейлер и старый дом. Джекки говорит, это из-за сильного разлива выше по течению. Я вижу, Джекки что-то тревожит. В последнее время она не такая злая. И дело не только в том, что мы не можем ийти на юг. Это что-то другое.

С любовью, Майк

Как и предсказывала Джекки, дамбу смыло. Вероятно, Огайо, набравшись сил после весенних ливней, разметала турбины и бетон. Земля дрожала, когда вода перехлестывала через останки сооружения.

– И что теперь? – негромко проворчала Джекки.

– Ты не сможешь переплыть на другой берег? – с сомнением спросил Майкл. – Слоны вообще умеют плавать?

– Ты только посмотри на воду! – чуть не взвизгнула Джекки. – Да тут никто не переплывет.

– Значит, не тут. Может, попытаться там, где вода бежит не так быстро?

Джекки ничего не ответила.

Майкл принялся изучать карту.

– В Метрополисе когда-то была паромная переправа. Может, удастся достать лодку.

– Паромная переправа? – Джекки повернула голову и покосилась на него краем глаза. – Во мне шесть тонн веса.

Майкл покивал.

– Значит, нужен большой паром. Если сходить и посмотреть, хуже не будет. Это всего несколько миль вверх по дороге.

– Паром, – бурчала Джекки. – Паром!

Центр Метрополиса находился на повороте Сорок пятого скоростного шоссе. Джекки с Майклом, следуя по указателям, дошли до доков. На дорогу падала тень разрушенного автомобильного моста Двадцать четвертой федеральной трассы, вдалеке они увидели концы провалившегося моста поменьше, с Сорок пятого шоссе.

Огромная угольная баржа покоилась по правую сторону от пристани. Поверхность воды слева от пристани пронзали ржавые останки радиоантенн моторных катеров. А между ними стоял паром «Чаровница», до нелепости целехонький и неповрежденный. На палубе сидел мужчина и что-то строгал ножом. Когда они начали спускаться с холма, он поднял голову.

– Не могу поверить собственным глазам! Никогда не видел здесь слонов, – произнес он, поднимаясь. – Чем могу быть полезен?

Он был высокий и тонкий. Майкл не смог определить, сколько ему лет. Волосы уже седые, но лицо гладкое, без морщин. Лет тридцать, решил Майкл.

Вроде волосы у людей седеют лет в тридцать? На мужчине была куртка в черную и красную клетку, защищающая от холодного ветра с реки.

Майкл заговорил, постаравшись опередить Джекки. Он надеялся, что она помолчит. Он не сомневался, что говорящий слон вызовет подозрения.

– Нам нужно переправиться на другую сторону.

– Что, прямо сейчас? – Мужчина выколотил трубку о борт парома и аккуратно набил снова. – Меня зовут Джерри. Джерри Майерс. А тебя?

– Майкл Рипли. А это Джекки.

Джерри кивнул.

– Очень приятно. – Он посмотрел на слониху. – Никогда еще не перевозил слона. Но он не может весить больше четырех-пяти легковушек, так что, скорее всего, все пройдет успешно. Он не выпрыгнет за борт и не станет метаться по парому?

– Джекки – девочка.

Майкл смотрел на рябь на воде.

Джерри проследил за его взглядом.

– Ясно. Значит, она. Она не станет метаться по парому? Будет чертовски обидно, если она перевернет судно и угробит всех нас.

– Она не станет.

– Прекрасно. В таком случае все в порядке. Поскольку ты первый человек, которого я вижу за многие месяцы, – сухо проговорил Джерри, – поскольку я похоронил всех остальных, я склоняюсь к тому, чтобы согласиться на твою просьбу. – Джерри пристально посмотрел на него. – Ты ведь не болен?

Майкл пожал плечами.

– Я прекрасно себя чувствую.

– Так это же ничего не значит.

Майкл покачал головой.

Джерри поглядел за реку и вздохнул.

– Н-да. Последний добрый житель Метрополиса, с которым я обедал, говорил, что давно уже не чувствовал себя так хорошо. Я зашел за ним, когда он не явился к ужину. Он сидел мертвый у себя в кухне и улыбался. Единственное, что можно сказать, – он, очевидно, умер так быстро, что даже не успел почувствовать себя плохо.

Джерри зажег трубку и некоторое время раскуривал ее.

– Кстати, об обеде. Я немного проголодался. Не хочешь поесть со мной?

Майкл колебался.

Джерри указал на небольшой утес выше по склону холма.

– На другой стороне поле с соей. Для Джекки там полно отличной сочной зелени. Может, отпустишь ее попастись, а сам пообедаешь со мной?

– Даже не знаю.

Джерри был не похож на человека, способного убить его и поджарить Джекки. Вот дядя Нед – тот знал, кому стоит доверять. До того дня, когда ошибся, поправил себя Майкл. Как тут поймешь? У Майкла закралось подозрение, что ему придется так или иначе заплатить за переправу.

– Ладно, в общем, поле там. Делай как считаешь нужным. Я буду обедать примерно через полчаса. Вон на том складе. Приходи, если хочешь.

Майкл кивнул. Джекки развернулась и двинулась вверх по холму.

Поле оказалось точно таким, как обещал Джерри, и людей, которые могли бы на него претендовать, здесь явно не было.

– Я перекушу. А ты постой на страже, – сказала Джекки.

– Мне скоро придется уйти, я обедаю со стариком, – сказал Майкл, распрягая ее. – Нам ведь все равно нужно на тот берег. Было бы неплохо заранее узнать что-нибудь о той стороне.

– Я ему не доверяю.

– Ты никому не доверяешь. – Майкл рылся в поклаже, пока не нашел пистолет. – У меня вот что есть.

– В общем, будь осторожен, – сказала Джекки. – Я спущусь туда, если попытаешься сбежать.

– Ага, я тоже тебя люблю.

Майкл взвесил пистолет на руке. Тот был тяжелее, чем казался с виду. Он удостоверился, что пистолет заряжен, проверил затвор.

Джекки наблюдала за ним.

– Где ты научился обращаться с оружием?

– Дядя Нед научил, – коротко ответил Майкл. – Я стоял на страже, пока он добывал еду.

– Получается… – Джекки на мгновение умолкла. – Если у тебя было оружие, почему ты не ушел от него?

– Вдвоем выживать легче. – Майкл покрутил барабан и убедился, что револьвер стоит на предохранителе. Опустил оружие в карман. – Он был гораздо больше меня. Он меня защищал. Я ему помогал. И разумнее всего было оставаться с ним.

– Но он… – Джекки помотала головой.

– Когда Длиннозадые нас нашли, он заставил меня бежать и встретил их сам.

Джекки немного помолчала.

– Значит, ты захотел остаться со мной, потому что я гораздо больше тебя. Я могу тебя защитить. И разумнее всего оставаться со мной.

Майкл уставился на нее.

– Ты что, издеваешься? Я отправился в путь с шестью тоннами мяса. Что же в этом разумного?

– Тогда почему ты пошел со мной?

Майкл поднялся, ничего не ответив. И пошел с холма к пристани. Джекки пристально смотрела ему вслед.

Джерри готовил обед в квартире над складом. Комната производила впечатление корабельной каюты. Все предметы мебели расставлены строго по местам. Занавески на окне, в красную и белую клетку. Аскетически серый стол на металлических ножках, со столешницей из какого-то пластика. И точно такие же поверхности кухонных тумб.

Стол был накрыт на двоих. Слева вилка, справа ложка и нож,

на тарелке сложенная салфетка. Пластиковые стаканчики для воды стояли перед каждым прибором под одинаковым углом.

Майкл замер в дверном проеме, не зная, что делать. Ему казалось, что, войдя в комнату, он что-нибудь сломает.

– Проходи же, – сказал Джерри. Он помешивал что-то в кастрюле. Содержимое побулькивало, исходя вкусным сытным запахом. – Марсельская уха из речного сома. – Он налил две полные миски и одну из них протянул Майклу. – С самого утра томится. Присаживайся.

Они уселись за стол, и через несколько мгновений Майкл вообще позабыл о присутствии Джерри. Он опомнился только тогда, когда его миска наполовину опустела. Майкл поднял голову.

Джерри смотрел на него, улыбаясь.

– Приятно видеть, что кому-то нравится моя стряпня. Хлеба не хочешь? Только вчера испек.

Майкл отломил кусочек. Рядом с хлебом стояла маленькая тарелочка со сливочным маслом. Майкл довольно долго смотрел на нее, пытаясь понять, что это. Потом вспомнил и провел по маслу куском хлеба.

– Ну, зачем же так! Возьми нож.

Майкл пожал плечами, вынул небольшой охотничий ножик и размазал масло по хлебу.

Джерри удивленно поднял брови и хмыкнул.

– Что ж, логично. Но в следующий раз возьми маленький ножик, который лежит рядом с маслом.

Майкл вымакал хлебом остатки похлебки и откинулся на спинку стула, сытый и счастливый.

Джерри собрал миски и поставил в раковину.

– Пойдем посидим на крылечке.

Майкл вышел вслед за ним и спустился по ступенькам на настил, нависавший над водой. Там, под тентом, он сел на садовый стул, а Джерри вытащил из воды какой-то ящик и открыл его. Достал две бутылки. Дал Майклу бутылку рутбира[50], себе оставил обычное пиво.

Майкл сидел на стуле, наслаждаясь ярким, сливочным вкусом напитка.

Джерри не заводил разговора, и они оба молча наблюдали течение реки.

– Итак, – произнес в конце концов Джерри. – Что же тебя ждет на том берегу реки?

– Хохенвальд, Теннесси, – ответил Майкл, потягивая рутбир. Пожалуй, ко всему этому можно пристраститься. – Потом, возможно, Флорида.

– А в Хохенвальде что?

– Слоновий заповедник. Слоны не любят одиночества.

Джерри кивнул.

– Я думал, что Флориду полностью затопило.

– Да, по большей части. Но Джекки говорит, что самые высокие участи остались над водой.

Майкл замолк.

– Ясно, – сказал Джерри. Он немного помолчал. – Ты очень приятный мальчик и нисколько не похож на сумасшедшего.

Майкл ничего не ответил. Если Джерри решил, что он чокнутый, ну и пусть.

– И ты не знаешь, найдешь ли там кого-нибудь? – спросил Джерри.

Майкл пожал плечами.

– Откуда же мне знать?

Джерри кивнул.

– Все вокруг в развалинах. По-моему, в Метрополисе осталось человек пять, не больше. Казалось бы, нам лучше держаться вместе. Но на деле ничего не выходит. В сельской местности уцелело, наверное, несколько сотен. Такое впечатление, что последние пять лет я занимался лишь тем, что хоронил всех своих знакомых. Сомневаюсь, что на юге дела обстоят лучше.

Майкл допил газировку и поставил бутылку на настил.

– Но Джекки нужно туда. Она должна чем-то питаться зимой.

Майкл поглядел на останки моста. По-настоящему он знал до сих пор только Сент-Луис. Похоже, что повсюду творится одинаковое безобразие. Он первый раз за все время заподозрил, что это означает.

– Что же было до того? – пробормотал Майкл.

Майкл говорил сам с собой, однако Джерри все равно услышал. Его лицо исказилось.

– Все просто разладилось. Сначала испортилась погода. Потом пошли эпидемии, одна за другой. И не только среди людей. Птицы. Коровы. Овцы. Пшеница. Бобовые. Лет шесть было невозможно достать помидоров, если только ты не выращивал их сам. Но даже в этом случае успех не был гарантирован. Дубы. Секвойи. Креветки. Правительство придумывает, как заставить помидоры снова расти, после чего клены начинают падать и гнить. Они решают эту проблему, после чего ты узнаешь, что кто-то вывел вирус, живущий в молоке. Зачем кому-то было это делать? – Он покачал головой. – Справились и с вирусом, потеряв пару миллионов детишек. А сразу после начала сохнуть кукуруза. Вывели сорт кукурузы, способный выживать в любых условиях, после чего пришла волна, захлестнувшая все Восточное

Побережье. Бостон, Провиденс и Нью-Йорк ушли под воду.

Он замолк и выпрямился на стуле. Стянул с головы бандану и утер глаза.

– Если бы я верил в Бога, то поднялся бы на скалу и зарезал ягненка, сделал бы что-нибудь еще в том же духе. Мы точно здорово разозлили Творца. – Джерри вздохнул. – Впрочем, роптать нельзя. – Он сделал глоток пива, взял себя в руки.

Майкл внимательно смотрел на него. Может, Джерри всегда так себя ведет.

– И что же, – начал Майкл после затянувшейся неловкой паузы. – Лучше переправляться здесь?

– Да. Кроме меня, никого нет. Но я сейчас не об этом. – Он махнул на противоположный берег. – Там Кентукки. Точнее, то, что от него осталось. Все начало приходить в упадок давным-давно. Двадцать лет назад я сидел у себя на палубе, и тут река содрогнулась, когда прошла громадная волна, сломавшая оба моста. Я видел, как она надвигается, – стена мусора и обломков высотой в пятнадцать футов, которая обрушилась на нас тогда. Мне едва хватило времени, чтобы загнать «Чаровницу» в протоку ниже по течению, прикрытую отвесным берегом с дубовыми рощами, когда волна накрыла Метрополис, смыв все до самого Каира. Тогда здесь еще жили люди, поэтому мы смогли за пару лет все расчистить и заново отстроить. – Джерри хмыкнул. – Мой маленький паромный бизнес расцвел, потому что никто не собирался восстанавливать мосты – мы ведь тогда по-прежнему переживали кризис. И это еще не считалось катастрофой. Недостаточно народу погибло.

– Откуда взялась эта вода?

Джерри покачал головой.

– Этого так и не установили. Может, просто дамба Смитленда не выдержала? Или вода поднялась в разлив так, что снесла все дамбы, одну за другой, катясь вниз по течению? Я точно знаю, что эта волна смыла две дамбы ниже нас, я поднимался по течению, чтобы взглянуть на Смитленд, от которого почти ничего не осталось. И вернулся назад. Потом, лет через шесть, я загрузил на борт все топливо, какое смог собрать, и поднялся по реке почти на пятьсот миль, чтобы выяснить, что же за чертовщина там происходит. Ведь нельзя верить всему, что говорят по радио. Я знал наверняка только то, что случилось здесь. Я поднялся до самого Цинциннати. На всем пути мне не попалось ни одного целого моста или дамбы. И это было до землетрясения. Может, их кто-то взорвал. Это оставалось огромной загадкой, которую затем затмили прочие события. Но ты снова позволил мне отвлечься от темы.

– Ну, это уж не моя вина.

– А я говорил о том, что единственная преграда, сдерживающая то, что обитает на кентуккском берегу, и не пускающая сюда, – река.

Майкл помотал головой.

– И что? Что там такое, чего здесь нет?

Джерри пожал плечами.

– Твари. Громадные ящерицы или что-то похожее. Может, парочка крокодилов. Огромные животные, хотя слонов я не видел. Но, кажется, видел тигра.

– Ну да, конечно. – Майкл засопел. – Что еще? Горные львы?

Джерри снова пожал плечами.

– Когда строились дамбы и мосты, по ним с берега на берег перемещались не только машины и автобусы. Теперь мостов и дамб нет, и то, что живет на другой стороне, так и остается на другой стороне. Перебраться сюда теперь не так просто, как было раньше.

– В Сент-Луисе мы перешли по мосту. Здорово было.

Джерри вынул из кармана свою трубку вместе с перочинным ножом и принялся вычищать ее.

– Может, эти твари не могут заходить так далеко на север. Может быть, Миссисипи не позволяет тварям мигрировать на запад, так же как Огайо не пускает их на север. А может, у меня просто старческий маразм и галлюцинации. Но я знаю, *что* видел. На том берегу живут твари, которых на этом нет. Ты переправишься через реку, и они наверняка, как пить дать, заметят тебя.

Майкл не смотрел на него.

– Но ей необходимо туда попасть. Здесь она зимой не прокормится.

– Что вы делали в Сент-Луисе?

– Жили в зоопарке. Но теперь его больше нет.

Джерри вздохнул.

– Она красивая. Думаю, на земле нет больше таких благородных, красивых да и попросту таких больших животных, как слоны. Однако она не из этих мест. Родина Джекки – Индия.

– Я не могу отвести ее в Индию.

– Я понимаю. – Джерри подыскивал слова. – Может быть, пора отпустить ее на волю?

Майкл уставился на доски настила. Он не знал, что на это ответить.

Джерри указал за реку.

– Вот что я тебе предлагаю. Мы перевезем ее на тот берег и отпустим. Она, наверное, сама найдет дорогу на юг. А ты

вернешься сюда вместе со мной.

Майкл поднял на него глаза, пытаясь понять, если ли в нем что-нибудь, напоминающее дядю Неда. Но так и не понял. Майкл не особенно стремился к прежней жизни.

– Не знаю.

Джерри набил трубку и раскурил.

– Помнишь, я говорил тебе о поле с соей выше по склону? Симпатичное поле, правда? Соя здесь растет постоянно уже лет пятнадцать. А когда я был мальчишкой, на месте него была свалка токсичных отходов: ртуть, кадмий, растворители всякие. Не смотри на меня так. Это было много лет назад. Теперь оно вполне безопасно. И ты знаешь, как удалось вычистить землю?

– Нет.

– На самом деле, идея была потрясающая. Взяли зерна специально выведенной кукурузы. Кукуруза пускает очень длинные корни, у некоторых сортов они доходят до десяти футов. И эта кукуруза вытягивала тяжелые металлы из почвы и концентрировала их в початках. От этого початки меняли цвет. Некоторые получались серебристые, некоторые ярко-синие.

– Ничего не понимаю.

– Во всяком случае, – продолжал Джерри, – зерна должны были получаться стерильными, из-за высокого содержания металлов. И почти все такими и были. Но на поле пришли еноты, съели часть кукурузы и заболели. Так появилась первая проблема. Зерна поклевали вороны и тоже заболели. Вот вторая проблема. Разные животные растащили початки во все стороны. И оказалось, что часть зерен все-таки не стерильна. Они проросли и пустили корни ниже коммуникационных линий. Растения не понимают разницы между тяжелыми металлами, которые необходимо вычистить из земли, и тяжелыми металлами в проложенных под землей проводах.

Майкл пошаркал ногами.

– К чему ты это рассказываешь?

Джерри уставился на него тяжелым взглядом.

– Я не знаю, что там, за рекой. Я говорю, что там может оказаться что угодно.

– Что? Кукуруза-убийца?

Джерри фыркнул.

– Нет, конечно. Но если люди создали кукурузу, которая вышла из-под их контроля, чего еще они успели насоздавать? Крокодилов, чтобы сократить популяцию азиатской легочной рыбки? Пчел-убийц, чтобы уничтожать дубового сверлильщика? Я знаю, кто обитает здесь. Я здесь сам живу. И я знаю, что на том берегу все по-другому. – Джерри совладал с эмоциями. – Вези

слониху туда, если хочешь. Но сам лучше возвращайся со мной и живи здесь, если ты не дурак.

Джекки дожидалась его, стоя в послеполуденной тени. Изрядный кусок соевого поля был сровнен с землей, а она первый раз за несколько дней выглядела сытой и довольной.

Майкл огляделся по сторонам.

– Вкусно было?

Джекки бросила взгляд на поле.

– Недурно.

У нее даже живот как будто немного раздулся.

– Сколько нам еще идти до Хохенвальда?

Джекки покачала головой.

– Надеюсь, не дольше пары недель.

– А до Флориды?

– Если придется идти во Флориду, думаю, доберемся к середине лета.

Майкл секунду подумал.

– А ты знаешь, какое сегодня число?

– Первое мая.

– Майский праздник, – медленно проговорил Майкл. – Значит, полтора месяца.

Джекки покосилась на него.

– И что?

– Ты сможешь идти быстрее, если не придется везти меня?

– Тут без разницы. Я смогла бы идти быстрее только в том случае, если бы не останавливались на кормежку. Но я не могу голодать. Только не теперь.

– Не теперь?

– Не обращай внимания.

– Ты что-то скрываешь от меня.

– И что с того? Это тебя не касается.

– Да кем ты себя воображаешь? – закричал Майкл, удивив не только ее, но и себя самого.

Джекки попятилась. Мгновенье она стояла, замерев на трех ногах, подняв переднюю ногу в оборонительном жесте.

– Что, хочешь меня раздавить за то, что я закричал на тебя? – Майкл в негодовании покачал головой. – С Недом было куда лучше.

Джекки медленно опустила ногу. Она развернулась и медленно направилась к пруду посреди соевого поля. Майкл смотрел, как она набирает в хобот воду и поливает себя.

Дорогая мамочка!

Кажется, Джекки меня никогда не полюбит. Наверное, я

обманывал сам себя. Она же слониха. Она меня ненавидит, потому что я человек, а люди делали разные нехорошие вещи с ней и другими слонами. Джерри хочет, чтобы я остался с ним. У него тут хорошо. В Метрополисе остались источники энергии, и тепла ему хватит надолго. Теперь, когда все умерли, осталось полно консервированной еды, хватит на годы. И еще здесь растет одичавшая кукуруза. У Неда никогда не было ничего подобного. Джекки я не нужен. Почти весь наш багаж Ральф собирал для меня. Я могу уложить в сумку все, что ей нужно, и она сможет повесить ее на шею. Ей хватит. Вряд ли я ей еще понадоблюсь, чтобы держать книги. Все, что она хотела узнать, она прочитала еще в зоопарке. Больше ее ничего не интересует, она с тех пор только и знает, что ийти на юг. Когда я сказал об этом Джекки, она долго молчала. А потом бросила только: «Как знаешь». Так что я, скорее всего, останусь в Метрополисе.

С любовью, Майк

Джерри ждал на пароме, пока Майкл снова водил Джекки на соевое поле, Майкл решил, что Джерри не стоит знать о ее способностях. Казалось, так безопаснее. Джекки молча брела за ним.

Майкл поглядывал на нее, пока она ела, пытаясь понять, сожалеет ли она, что он остается здесь. Прочитать что-либо по глазам слонихи было невозможно, однако движения ее были резкими и отрывистыми. Может, она сердится на него из-за того, что он остается? Или же ей просто не терпится пуститься в путь?

Когда она насытилась, он повесил ей на шею самодельную сумку так, чтобы она смогла потом снять ее, и повел ее обратно к причалу. Она с опаской ступила на металлическую палубу парома. Места здесь было полно, и, даже несмотря на сильное течение, паром едва покачнулся.

Джерри молча отчалил, повел судно к другому берегу, идя вверх и против течения. Майкл ощущал, как мощные двигатели вгрызаются в течение и все судно гудит. Однако звука самих моторов он не слышал, только шум винта.

Джерри заметил озадаченное выражение его лица.

– Тихо идет, правда? Электрический мотор.

Он поднял крышку люка. Майкл увидел куб со скругленными углами, из которого торчал штырь, соединенный толстыми проводами с каким-то цилиндром.

– Это и есть мотор, – сказал Джерри, указывая на куб. – А это аккумулятор. – Он указал на цилиндр.

– Батарейка?

– Когда я покупал судно, мне сказали, что это топливная

спираль. Сам не знаю, как она работает, но запаса хватает на сорок часов пути. Теперь я заряжаю ее от небольшой турбины, которую поставил в доке. Больше сейчас и не требуется. А в долгие поездки беру с собой большой запасной аккумулятор.

Он со стуком опустил крышку на место и вернулся к штурвалу.

«Чаровница» прошла череду сильных водоворотов и вышла на середину реки. Джерри увеличил мощность двигателя и взял круче к волне. Напористое течение слегка подталкивало судно, заставляя его подергиваться. Не настолько сильно, чтобы было трудно устоять на ногах, но достаточно сильно, чтобы Майкл заметил. И заулыбался. Джекки нервозно озиралась по сторонам.

А потом они миновали середину реки, приближаясь к другому берегу. Джерри открыл маневровый клапан и направил «Чаровницу» к подножию утеса, торчавшему из воды. И снова они прошли череду сильных водоворотов, отчего паром в какой-то момент даже подпрыгнул. Вода успокоилась, и Джерри подвел «Чаровницу» к причалу.

Майкл свел Джекки с парома и постоял с ней немного посреди дороги. Поглядел на запад, оценивая густоту растительности. Зелени было полно. По другую сторону дороги лес стоял сплошной стеной, но между деревьями угадывался просвет, за которым наверняка было поле. С голоду Джекки не пропадет.

Отвернувшись от Джерри, чтобы он не видел, Майкл развернул перед Джекки атлас.

– Смотри. Дойдешь до этой точки по Двадцать четвертому федеральному шоссе, потом повернешь на юг. По Сорок пятому шоссе доберешься до Бентона. Когда окажешься в Бентоне, походи там, поищи указатель на скоростное шоссе Шестьсот сорок один. По нему дойдешь до Сороковой федеральной трассы. А потом…

– Ты уже говорил все это. Тысячу раз.

– Ладно, я все записал. И сделал для тебя футляр из кожи. Его можно повесить на ремень, там внутри описание маршрута и карта. Я начертил на ней маршрут, так что ты не заблудишься.

– Спасибо, – коротко бросила Джекки.

Майкл кивнул и сунул атлас в мешок.

– Береги себя.

Джекки смотрела ему вслед, когда он брел к парому. Майкл ощущал, как щиплет глаза. Он обернулся.

Джекки отошла всего на несколько шагов. На дальней стороне дороги что-то закопошилось в кустах. Не успев толком понять, что это такое, Майкл уже кинулся туда, крича Джекки, чтобы она уходила. Джерри пытался его перехватить, но Майкл

поднырнул, увернувшись от его рук.

Нечто толстое на высоких лапах кинулось за Джекки, разинув узкую змеиную пасть. Ящерица? Крокодил? Он с криками обогнал тварь и остановился между нею и Джекки.

Тварь тоже остановилась, сомкнула пасть и попятилась – только длинный язык высовывался и исчезал. А потом тварь бросилась и вцепилась в Майкла. Майкл отскочил назад, но тварь схватила его за ногу, опрокинула, затем занесла над ним когти.

Майкл услышал, как трубит слон. Нога Джекки опустилась на туловище чудовища. Шкура лопнула, кровь и мясо расползлись по дороге. Пасть рефлекторно раскрылась, и Майкл откатился в сторону. Джекки топтала тварь, пока не осталось ничего, кроме мокрого места. Потом она взглянула на Майкла.

Майкл улыбнулся ей. Она склонилась над ним и приподняла хоботом его ногу. Он посмотрел, увидел кровь и почувствовал дурноту.

– Будет больно, – предупредила она.

Она обвила хоботом ногу и сжала. На какой-то миг Майкл лишился способности видеть и дышать.

– Джерри! – прокричала Джекки. – Иди сюда, подними его!

Джерри подбежал к ним, и когда он взвалил Майкла на плечи, Джекки подняла его ногу. Пульсирующая боль из ноги, казалось, разливается по всему телу.

Оказавшись на пароме, Майкл огляделся. Должно быть, он потерял сознание, потому что они были уже на середине реки. Его клонило в сон.

– Не смей меня бросать, – сказала Джекки, опустившись рядом с ним на колени. – Ты останешься со мной. Майкл…

Майкл хотел сказать, что ему очень жаль, но стал вдруг легким, как дым, и его унесло прочь.

Часть вторая

Долгое время были только свет и тьма. Когда становилось посветлее, он спал как будто в коричневой дымке, как будто погруженный в мед. Ему было тепло и спокойно. Но время от времени его крючило от боли. Он не мог понять, откуда именно приходит эта боль. Иногда казалось, что болит шея. Иногда – нога. Иногда его захлестывала боль, которая исходила вроде бы ниоткуда.

И длилось это, как ему казалось, бесконечно. Потом стало еще светлее, и он открыл глаза.

Он был в комнате, лежал в кровати, и это напомнило ему о временах, когда родители были еще живы. В комнате было окно. И кровать придвинута к стене, поэтому он мог посмотреть в окно. На кровати – простыни и одеяло. Он осторожно провел по ним пальцами, не понимая, уж не снится ли ему все это. За окном сияло солнце. Нога болела.

Он услышал ворчание, и в окне появилась голова Джекки. Она толкнула раму, открывая окно.

– Как ты себя чувствуешь?

– Спать хочется, – сказал Майкл. – И нога болит.

– Так поспи еще, если хочется. Я буду рядом.

Майкл кивнул и улыбнулся. Ее хобот висел в воздухе рядом с ним. Он протянул руку и прижал его к себе – теплый, покрытый щетинками. Он почувствовал, как мышцы на миг напряглись, а затем расслабились. Тяжесть ее хобота, запах травы в ее дыхании, биение ее пульса. Майкл закрыл глаза. Ему казалось, он плывет по воздуху.

Джерри сидел в ногах у него на кровати и читал книжку. Солнечный свет угас, и снаружи стало тревожно-темно.

– Июньская гроза, – пояснил Джерри, отрывая взгляд от книги.

– Июньская? – Майкл покачал головой. – Когда мы пришли в Метрополис, был май.

Джерри кивнул, но ничего не ответил.

– Ну же?

– Подожди, вот вернется Джекки. Она хотела быть здесь, когда ты придешь в себя. Я уговорил ее пойти на холм и поесть, в обмен на обещание, что позову ее, когда ты проснешься.

Джерри снова уткнулся в книгу.

– Ты ее не позовешь?

Джерри покачал головой.

– Ее трудно отогнать от твоей постели. А ей необходимо как следует подкрепиться. Знаешь, что мы сделаем?

– Что?

– Ты притворись, будто спишь, чтобы мне не влетело.

Майкл послушно закрыл глаза. А в следующий миг ему уже не было нужды притворяться.

Его разбудил гром. Он вздрогнул, и в ноге запульсировало. Он увидел огромный силуэт Джекки и ее голову в окне. Джерри пристроил за окном небольшой навес, так что хотя бы ее голова не мокла под дождем. Это Майклу не понравилось. Это ведь его работа.

Джерри вошел в комнату, неся шипящую лампу. Поставил на тумбочку и отодвинул занавеску.

– Вот так. Пусть у нас будет посветлее.

Майкл попытался дотянуться до ноги, но ему не хватило сил.

– Ты не почешешь мне ногу? Здорово зудит.

Джерри уставился в пол.

– Майкл, – осторожно начала Джекки. – Тебе нужно собраться с духом.

Майклу не понравился ее тон.

– Я что, умираю?

– Нет, – проговорила Джекки угрюмо. – Дракон укусил тебя за ногу. Нам не удалось ее спасти.

– В каком смысле?

– Началось заражение, – сказал Джерри. – И такое сильное, что мы уж думали, тебе конец. Пришлось пожертвовать ногой.

– Пожертвовать? – Майкл покачал головой. – О чем это ты говоришь?

– Джерри пришлось отрезать тебе ногу, – сказала Джекки.

– Что? – слабо переспросил Майкл.

Джерри откинул одеяло. Бедро и колено Майкла было одним сплошным сине-багровым синяком. А под коленом была толстая повязка, которая заканчивалась, даже не доходя до лодыжки.

– Ты отрезал мне ногу. – Майкл не мог поверить, что этот обрубок принадлежит ему. – Это что, розыгрыш? Я же чувствую ступню.

Джерри опустил одеяло на место.

– Должно пройти время, прежде чем мозг смирится с отсутствием ноги. Тогда ты больше не будешь ее чувствовать. – Теперь по форме одеяла было явственно видно, чего он лишился. – Во всяком случае, так я слышал.

Майкл долго смотрел на одеяло. Гроза за окном ослабела, и, хотя в тучах сверкали молнии, грома почти не было слышно,

только шум ветра и дождя.

– Ты сказала «дракон»[51], – произнес Майкл, отводя взгляд от ноги. Он больше был не в силах смотреть на нее.

Джекки подняла глаза к небу. Заглянула в окно.

– Думаю, во Флориде было несколько зоопарков и разных зверинцев, которые кончили так же, как и в Сент-Луисе. Может быть, тот носорог еще жив. По крайней мере, летом он не погибнет. По словам Джерри, эти ящерицы держатся уже довольно долго. Не понимаю, как тропические животные переживают зиму. Может быть, мигрируют дальше на юг, когда температура опускается. Или находят подходящее место и впадают в спячку, чтобы переждать холода. Полагаю, их оказалось достаточно много, чтобы некоторые научились сопротивляться холоду. Менее стойкие вымерли, а оставшиеся дали потомство. Эволюция в действии. А может быть, это модифицированный вид.

Майкл внимательно смотрел на нее. Джекки разговаривала с ним. По-настоящему разговаривала с ним. Она никогда раньше этого не делала.

Джерри осторожно вмешался в их разговор.

– Как ты себя чувствуешь, Майкл?

Майкл вздрогнул. Он и забыл, что Джерри здесь.

– Ступня болит. – Он посмотрел на одеяло, принявшее странную форму, теперь, когда под ним не было его ступни. Слезы навернулись на глаза. – Что же мне теперь делать?

– В данный момент – отдыхать, – сказала Джекки. – А потом придумаем.

Майкл выздоравливал стремительно, как и полагается молодому организму, обеспеченному хорошим питанием. К началу июля сняли швы, кожа на культе была новая и нежная. Либо он скакал с костылем, который сделал для него Джерри, либо его носила Джекки.

Но дни шли, и он начал замечать, что Джекки регулярно наведывается на обломанный край автомобильного моста Двадцать четвертого шоссе и внимательно смотрит на другой берег.

– Что там происходит? – спросил Майкл, усаживаясь и свешивая ногу над стофутовой бездной.

– Не сиди так близко к краю, – спокойно проговорила Джекки.

– Если этот мост выдерживает тебя, то уж меня выдержит и подавно.

Джекки протянула к нему хобот и сняла с шоссе.

– Края крошатся.

Она поставила его на землю, и он привалился к парапету.

– Ладно. Так что же там происходит?

– Я наблюдаю за драконами. – Она указала хоботом. – Они выходят на дорогу один раз на рассвете и один – на закате. По утрам, как следует прогревшись, они уходят с шоссе и отправляются в лес на краю поляны. По ночам уползают под деревья и где-то там спят. Может, в какой-нибудь пещере или в яме. Когда они голодные, то сидят недалеко от поляны, пока не убьют добычу. Животные не ходят по шоссе, поэтому там охотиться нет смысла. Потому они и сидят на краю поляны. Вон там. – Она указала за реку. – И еще там. Видишь скелет? Это олень, которого они убили вчера утром.

Майкл увидел торчащую из земли на поляне ногу. Рядом с ней залегли две неподвижные тени.

– Получается, что в разгар дня на шоссе безопасно.

– Во всяком случае, безопаснее, чем там. На этом участке шоссе всего две полосы. На дороге пошире, возможно, будет лучше, а может, и хуже. Отсюда невозможно определить. В одном Джерри точно прав. Через реку они не переправляются.

Майкл заметил какое-то движение. Большая пятнистая кошка. Он указал на нее Джекки.

– Наверное, леопард, – сказала она. – Смотри, как он старательно обходит лежбище драконов.

– Посмотри дальше, за поляну. Это олень?

– Не знаю. На оленей они не очень похожи. Может, газели? Антилопы? В общем, подходящая пища для леопардов и комодских варанов.

– Откуда они взялись?

– Может, из зоопарков Флориды. Или лабораторий Атланты. Откуда мне знать. – Она долго молчала. – На том берегу все явно обстоит по-другому.

Майкл привалился к ее спине. Поскреб культю. Кожа по-прежнему была тоненькая и постоянно чесалась. Иногда он незаметно для себя пытался почесать пальцы на ноге.

– Лето в разгаре, – сказал Майкл. – Нам пора в путь.

– Ага, как же! – засопела Джекки. – Хочешь лишиться обеих ног? Ты останешься здесь, с Джерри. Дальше я пойду одна.

– Я нужен тебе!

– Я справлюсь. Ты был прав. Твое место здесь.

– Но то было раньше.

– Раньше, чем что?

Майкл колебался, сказать или нет.

– Когда я думал, что не нравлюсь тебе.

Джекки повернула голову и взглянула на него.

– А с чего ты решил, что теперь ты мне нравишься?

– Ты осталась со мной. Джерри мне сказал.

– Я чувствовала свою вину за то, что втравила тебя в это дело.

Майклу показалось, что ему дали оплеуху. Нед никогда с ним так не обращался.

– За что? За что же меня ненавидеть? Зачем так плохо ко мне относиться? – Майкл чувствовал, что она скрывает что-то. Как же заставить другого рассказать то, о чем он не хочет рассказывать? – Почему ты ушла из зоопарка? – спросил он внезапно.

– Я не любила людей. И мне пришлось уйти.

Майкл сразу же отметил это «не любила», однако ничего не сказал.

– Ральф говорил, что зоопарк протянет еще пару лет. Не обязательно было уходить прямо сейчас.

– Мне пришлось уйти.

– Почему? Почему именно тогда? Почему… когда можно было бы вернуться, жить в сытости и не высматривать драконов за рекой?

Джекки покачала головой.

Неожиданно Майкл рассвирепел.

– Проклятье! Я же тебя спас. Ты кое-чем мне обязана.

Джекки вздохнула.

– Мне трудно об этом говорить. Ты знаешь, что нас было четверо? Тантор, Джилл, Старик Билл и я. Все мы довольно быстро научились говорить, однако скрывали это от Смотрителей, пока было возможно. Мы не питали к ним любви. Да и с чего бы? Даже если бы нам не хватило ума, чтобы освоить речь, мы прекрасно понимали, что находимся не на своем месте.

Ты же видел зоопарк. Там камеры повсюду. А там, где есть камеры, нет места секретам. Потому-то нас раскрыли. Нас научили читать. Нас научили всему, что они смогли сцапать своими обезьяньими лапками. Мы беседовали об этом между собой. Почему бы не научиться всему, что нам предлагают? Какой в том вред? Будем лучше знать врага, как сказал Старик Билл. Но держать его на расстоянии.

Джекки на мгновенье умолкла.

– Все животные чем-то связаны друг с другом. Стадные животные и стайные схожи в одном. Они идентифицируют себя по положению в группе. Как только в группу попадает новенький, все привязываются к нему. Волки, коровы и слоны одинаковы. Мы же этого не хотели. Мы не хотели включать людей в нашу небольшую тесную группку. Поэтому мы пошли на попятный. Мы все делали медленно и плохо соображали. Мы изо всех сил

старались казаться глупыми. Достаточно умными, чтобы с нами работать, однако нашу истинную сущность не раскрывали.

– Потом люди начали умирать. Один за другим. Группами. Ни с того ни с сего. Пока мы не остались одни. Только Ральф остался, чтобы заботиться о нас.

Мы были в восторге. Нам оставалось лишь придумать, как удрать от Ральфа и выжить потом. Мы знали, что идти нужно на юг. В Джорджию. Флориду. Алабаму. Где зимой не бывает снега, где можно добывать пищу.

А потом умерла Джилл. Вероятно, в сене попался кусочек проволоки или стекла. А ветеринаров-то не осталось. Мы так и не узнали точной причины, но перед смертью она вся распухла и кричала от боли. Остались Старик Билл и Тантор. Не знаю, как до этого дошло, но спустя несколько недель я проснулась поутру и увидела, что они дерутся. Кошмарное зрелище, когда два пятитонных животных сокрушают друг друга. По-видимому, гон у них начался в одно и то же время. Не знаю почему. Кажется, глядя на них, я возбудилась. Природа восторжествовала.

Джекки фыркнула.

– Если бы они были тупыми животными, один из них понял бы, что проигрывает, и спасся бы бегством. А вместо того Старик Билл убил Тантора. И спарился со мной.

Однако он и сам был ранен. Какие-то внутренние повреждения. Может, контузия? Внутреннее кровотечение? Я не знаю. Он просто зачах. Потом он умер, а я осталась одна и беременная. Ты появился на сцене через неделю после всех этих событий.

Майкл внимательно смотрел на нее.

– Я не понимаю.

– Я объясняю тебе, почему мне пришлось уйти. Не было у меня в запасе пары лет. Беременность у слонов длится двадцать два месяца. Не больше. Не меньше. Я уже на пятом месяце. Мне необходимо найти безопасное место, где тепло, где можно растить ребенка.

– О, – протянул Майкл. – Но зачем же торопиться-то? Это же почти два года.

– Не совсем так. Я не знаю, где этот Хохенвальд. А вдруг там не осталось слонов? Тогда придется полагаться только на себя. Несколько месяцев нужно, чтобы подыскать место и пережить первую зиму, – я ведь не буду знать, хорошее ли это место, пока не перезимую там. Потом еще несколько месяцев, чтобы в случае необходимости найти другое место. Потом целый год хорошей кормежки. Не так уж много времени. На самом деле, совсем не много.

Майкл посмотрел за реку.

– Да, драконы – настоящая проблема для малыша.

– Тебе виднее, – хихикнула она.

– Я говорю не о себе, – рассудительно произнес Майкл. – Я тебе необходим. – Он задрал голову, глядя на нее, она посмотрела на него в ответ. – И ты сама это понимаешь. Неужели так ужасно нуждаться в человеке, когда ты совершенно одинока? – Майкл перегнулся через край моста и плюнул. Плевок было видно, пока он летел, почти до самого низа. – Посмотри на дело по-другому. Мы использовали вас, пока все были живы. Теперь тебе предоставляется возможность использовать нас, во всяком случае, меня.

– Я не хочу никого использовать.

– Тогда возьми меня с собой, потому что я тебе симпатичен. Возьми меня с собой, потому что тебе могут пригодиться мои обезьяньи лапки. Возьми меня с собой, потому что я не очень тяжелый и не стану для тебя обузой. Только возьми меня с собой!

Джекки минуту молчала.

– Ты же калека.

– По сравнению с тобой все калеки.

– Майкл, ты потерял ногу.

– И что?

Джекки засопела.

– Ты не сможешь выдерживать ритм.

– Я и раньше не мог выдерживать ритм.

– С тобой будет трудно.

– А с чего ты взяла, что бросить меня здесь тебе будет легко?

– Ты остался без ноги! – протрубила Джекки в негодовании. – Я не могу взять тебя с собой.

– Почему?

– Ты еще спрашиваешь? – Джекки помотала головой. – Ты остался без ноги.

– Это ты уже говорила. – Майкл посмотрел ей прямо в глаза. – И я тоже уже спрашивал: «И что?»

– Майкл, – проговорила она беспомощно.

– Ты должна мне ответить. И не говори опять эти глупости, что я не смогу выдерживать ритм. Ты должна найти ответ получше.

Джекки тоже смотрела ему в глаза.

– Хорошо, – проговорила она медленно. – Дело в том, что я не хочу заботиться о тебе.

– Опять какая-то чушь.

– Ничего подобного. Я понятия не имею, что будет, когда я встречусь с другими слонами. Я не могу позволить, чтобы от меня

зависел кто-то еще, кроме моего ребенка.

– Давай прибавим к этому немного правды. – Майклу казалось, он сейчас расплачется. Он сердито потер глаза. – Значит, я не могу ходить без костыля. Но я все равно еду на тебе. Кроме того, когда культя заживет, можно будет приделать протез. Ты же сама об этом читала. Даже Джерри сказал, что сможет его сделать. Или же нам по дороге попадется готовый, который мне подойдет. Если в больнице Метрополиса не оказалось протезов, это не значит, что их нет в других больницах. Получается, причина не в моей ноге. И нельзя сказать, что от меня нет пользы. Ты бы не выбралась из Сент-Луиса без меня. Это я, со своими человеческими руками, смог организовать быт в походе. Это я умею стрелять. Это я спас тебе жизнь. И правда в том, что я тебе нужен. И твоему ребенку тоже. Поэтому позволь мне пойти с тобой.

– Мне придется присматривать за тобой.

– Нам придется присматривать друг за другом. Ты дракона не увидела. Это я его увидел.

– Нет.

– Почему нет?

– Я не хочу, чтобы рядом со мной кто-то погиб. Хватит уже. – Она содрогнулась.

Какой-то миг Майкл мог читать ее мысли так же ясно, как если бы перед ним стоял другой человек: она была мрачна и печальна, взгляд затравленный. Он потянулся, взял ее за хобот, положил себе на плечо. Нежно погладил.

– Тебе пригодится любая помощь. У тебя будет малыш. Ты даже не знаешь, остались ли там слоны, сможешь ли ты их найти. Тебе пригодятся мои глаза и мои руки. Лучше тебе взять их с собой.

– Почему ты так хочешь со мной пойти?

Майкл засмеялся.

– Ты что, смеешься? Жить на спине у слона! Да любой ребенок отдал бы все зубы ради такой возможности!

– Не может быть, что причина только в этом.

– Да есть миллион причин, чтобы нам держаться вместе. Не могу же я перечислять их все. – Майкл пожал ей хобот. Поднял на нее глаза. – Я же буду дядюшкой!

На этот раз Джерри остановил «Чаровницу» в сотне ярдов от берега, и Майкл с Джекки принялись высматривать драконов.

Майкл изучал лес в бинокль, подаренный ему Джерри.

– Ничего не вижу.

– Сегодня утром мы видели, как они охотились. Они,

наверное, вон там, – сказала Джекки.

– Или же решили остаться в тенечке на весь день, – сухо заметил Джерри.

– И вот так запросто отказаться от горы мяса?

– Тише, – сказал Майкл. – Давайте не будем начинать все сначала.

Джерри открыл рот, затем закрыл.

– Как тебе будет угодно. Но я повторю в последний раз. Ты совершаешь ошибку, ты еще вспомнишь, как я говорил тебе об этом.

– Если все получится, то мы навестим тебя через год-другой. Ты познакомишься с малышом Джекки.

Джерри ничего не ответил, лишь выколотил трубку о борт.

– Теперь или никогда. – Майкл похлопал Джекки по ноге. – Помоги мне забраться.

– Мне кажется, Джерри прав.

– Давай не будем заводить этот спор в последнюю минуту. Подставь колено.

Джекки согнула колено, и Майкл забрался ей на спину.

– Отлично.

Он вынул винтовку.

Джекки с опаской покосилась на нее.

– Я и не знала, что у тебя есть такая штуковина.

– У всех есть свои тайны. Отправляемся.

Джерри медленно подвел «Чаровницу» к причалу. Его собственная винтовка стояла в футе от него, но он на нее даже не смотрел. Вместо того он держал руки на рычагах дросселя и заднего хода.

Джекки медленно шагнула на причал и обернулась. Майкл взял оружие наизготовку.

– Отлично.

Джекки побрела к шоссе.

Майкл услышал, как Джерри сказал им вслед:

– Счастливого пути!

После чего винт заработал, и паром отвалил от причала.

Они остались вдвоем.

Майкл озирался по сторонам и внимательно смотрел. Тот, который оставил его без ноги, был мертв, и Майклу хотелось, чтобы другие составили ему компанию.

Часть третья

Как следует прогревшись на асфальте, драконы уходили в тень, дожидаясь, когда мимо кто-нибудь пройдет. Майкл не знал почему – то ли из-за внушительных размеров Джекки, то ли потому, что они шли по середине дороги, держась как можно дальше от обочины, – но те немногие драконы, которых они видели, лишь наблюдали за их продвижением. Должно быть, их смутило прибытие «Чаровницы» с двумя людьми и слоном. Возможно, Майкл с самого начала и был целью того дракона, возможно, хищник вообще не увидел Джекки, а только ее ногу, и пытался напасть на то, что принял за одиночное животное. Этого они никогда не узнают.

Инфекция, едва не убившая Майкла, доказывала, что опасность, исходящая от драконов, больше опасности, что Джекки заметит какой-нибудь голодный человек с оружием. Они шли посреди шоссе, а значит, шли по открытому месту. Джекки можно было заметить издалека. Из-за этого оба они нервничали. Майкла не покидало дурное предчувствие, что Джекки в любой момент может осесть под ним, став добычей голодного снайпера, после чего неизбежно послышится грохот винтовочного выстрела.

Они никого не увидели.

– Куда все подевались? – спросил Майкл.

Даже в Сент-Луисе оставались какие-то люди, которых, само собой, следовало избегать.

– Не знаю. – Джекки рассматривала невысокие фермы. – Все отличается от того, что я себе представляла.

Местность повышалась. Лес становился гуще, роскошнее, он состоял сплошь из высоких дубов и кленов. Дорога исчезла под завалами камней на темной и мрачной земле, почти лишенной подлеска. Останки дороги походили на короткие вспышки света между деревьями.

– Смотри внимательно, – проговорила Джекки через какое-то время. – Под деревьями прохладно. Драконы будут греться везде, где есть солнечные пятна.

Однако лес делался все гуще и тише. Драконов они не увидели.

– Ни людей, ни драконов. – Майкл передвинулся вперед, чтобы заглянуть в глаза Джекки. – Что ты по этому поводу думаешь?

Джекки покачала огромной головой.

– Под деревьями им слишком холодно. Возможно, драконы

весной мигрируют на север, где лес не такой густой. А потом возвращаются на юг.

– Ящерицы мигрируют?

– Кто знает? Здесь совершенно новый мир. Я модифицированная. Может, они тоже. Или же здесь просто заканчивается ареал расселения драконов.

– Насколько я понимаю, тебя модифицировали с какой-то целью. Вероятно, и их тоже.

Джекки секунду молчала.

– Почему ты решил, что меня модифицировали с какой-то целью?

– Никто не выбрал бы для эксперимента пятитонное животное, не имея какой-то определенной цели. – Майкл шлепнул ее по макушке. – Особенно с таким гадким характером, как у тебя.

– Ага. Спасибо. – Джекки молчала, наверное, дюжину шагов. – Об этом было в последней книге, которую ты нашел.

– Я так и понял.

– Как это?

– Я перетаскал тебе кучу книг. И ни одна тебя не заинтересовала. Потом ты нашла то, что искала. На следующий день ты ушла. Сначала я думал, там было что-то о Хохенвальде. Что-то очень важное, что тебе было необходимо узнать, прежде чем идти. Но ведь он отмечен на карте. И я не видел в этих книгах ничего, что касалось бы *тебя* и твоего отношения к Хохенвальду. Что бы ты там ни искала, оно должно было иметь отношение к тебе лично. Потом я догадался: это нечто такое, что знали о тебе только люди, тебя обучавшие. Потому ты и искала в их записях. И это было нечто такое, чего не знал даже Ральф или же не мог тебе рассказать. Ральф знал все подробности о том, *как* тебя создавали. Но я не вижу ни единой причины, чтобы ему знать, *для чего* это делалось.

– Там могли бы оказаться генетические карты самцов из Хохенвальда.

– Значит, там были генетические карты?

– Там было нечто, чего тебе знать не следует. – Джекки собрала в пучок листья с низко нависающих кленовых ветвей и потянула на себя. Ветка стукнула Майкла по голове.

– Ой! За что?

– Чтобы не думал, будто знаешь обо мне все.

– Я *знаю,* что не знаю о тебе всего. Прежде всего, я понятия не имею, что было в тех книгах.

– Цель всего эксперимента. Моя цель.

Майкл испустил восторженный вопль.

– Я был прав! – выкрикнул он.

– Ты был прав.

– И что это за цель?

– Ученые хотели заново заселить слонами Африку и Азию. Но для этого слоны должны были стать такими же умными, как люди, чтобы перестать быть ходячим бифштексом.

– Как все сложно, – сказал Майкл. – Почему бы просто не отправить туда кого-нибудь, чтобы присматривал за слонами? – И тут его осенило. – О!

– Вот именно, «О!», – негромко проговорила Джекки.

– Они понимали, что умирают. Должно быть, они знали, что погибнут *все.* И о вас некому будет заботиться. – Майкл покачал головой. – Но это какая-то бессмыслица. К чему брать на себя такой труд, зная, что умрешь раньше и не сможешь извлечь из своего труда никакой пользы?

– Я не знаю. Мне не удалось найти ни одного личного дневника или заметок. Я лишь нашла записи о первоначальных целях и подробно расписанный план на многие годы.

– Как по-твоему, что же случилось?

– По-моему, они допустили ошибку и умерли слишком рано. Поскольку мы им не доверяли, они не знали, каких больших успехов добились. Они лишь старались приспособиться к обстоятельствам, пытались выяснить, насколько велики наши умственные способности и как им реализовать свои планы, исходя из наших ограниченных возможностей. Они заболели, пока пытались помочь нам.

Майкл довольно долго молчал.

– Как ты думаешь: они успели все понять перед смертью?

Джекки шумно вздохнула:

– Боже, надеюсь, что нет.

Дорогая мамочка!

Я стал делать меньше ошибок с тех пор, как мои письма прочитывает Джекки. Она и раньше их иногда читала, но ничего не говорила. Я не рассказывал тебе о Джерри. Но они с Джекки ухаживали за мной, когда я болел. Джерри – Хороший Парень, поэтому, если у тебя будет возможность, присматривай за ним. Работа Джекки – присматривать за другими слонами. И вот теперь, когда она доберется до Хохенвалъда, она приступит к работе. Я еще точно не знаю, что буду там делать. До сих пор моя работа заключалась в том, чтобы быть ее руками. Однако все это необходимо главным образом в пути. Когда же она доберется до места, путешествие закончится. Она говорит, все слоны в Хохенвальде – самки. Однако ее сведения десятилетней давности.

Ральф уже давно потерял с Хохенвальдом всякую связь. Наверное, у них не было пожарной защиты. Земля здесь другая, дикая. Джекки говорит, леса на вид как будто из доисторической эпохи. Но посажены явно недавно. Она считает, они рукотворные. Поэтому мы проявляем осторожность. Я каждый день скучаю по тебе. И по тебе, и по папе, хотя его я помню плохо. Джекки считает странным, что я пишу тебе, ведь ты умерла и вообще. Но мне это вовсе не кажется странным. (Получай, Джекки!) Если бы я разговаривал с тобой вслух, тогда люди принимали бы меня за сумасшедшего. А так все только между нами, и у меня появляется возможность собраться с мыслями. И еще мне кажется, что так я лучше тебя помню. Неду иногда приходили хорошие идеи. Джекки проверяет, чтобы я каждый вечер чистил зубы. Велела мне поискать зубную щетку в поклаже, собранной Ральфом. И точно, там оказалась щетка. Скоро мы уже придем в Хохенвальд. Так что расскажу тебе, как оно там.

С любовью, Майкл

Они уже несколько дней брели по старому шоссе 641, когда Майкл заметил между деревьями поворот на Сороковую федеральную трассу.

Эта часть дороги знавала лучшие времена. За состоянием шоссе в Теннесси следили внимательнее, чем в Иллинойсе или Кентукки. И это был лучший способ определить, что они пересекли границу штата или округа: дороги и фермы выглядели совершенно по-разному. В Кентукки дороги были разломаны, переходили одна в другую, и им постоянно приходилось высматривать драконов.

Когда они пересекли границу с Теннесси, дороги там оказались такие, будто за ними присматривал некто, одержимый манией чистоты и ровных бордюров. Это напомнило Майклу о загадочных фермах в Иллинойсе. Но темный лес был как будто провинцией Кентукки. Только здешний лес больше походил на нормальный: молодые деревца, кустарники. Пару раз они замечали остатки садов. Если сейчас людей не осталось, то еще недавно они явно здесь были. Но они по-прежнему никого не видели. Попадались лишь одиночные кучки грибов.

Джекки замерла посреди дороги как вкопанная.

Майкл едва не скатился с ее спины. Он успел ухватиться за ухо и подтянулся обратно. Он нервно заозирался вокруг, пытаясь понять, отчего она остановилась.

– Что такое? – прошептал он.

– Мне что-то послышалось.

– Драконы?

– Нет.

Джекки широко расставила ноги и наклонилась. Положила хобот на землю.

– Что-то не так? – спросил Майкл.

– Помолчи.

Майкл откинулся назад и вытащил карту. Похоже, здесь им предстоит повернуть на восток. До Хохенвальда осталось всего семьдесят-восемьдесят миль.

Джекки выпрямилась.

– И что там?

– Ничего.

– Хорошо.

Джекки раздраженно помотала головой.

Через несколько миль Сороковое шоссе отчетливо нарисовалось впереди. По левому съезду они поднялись на хороший асфальт. Майклу стало веселее. Видимость на федеральном шоссе была несоизмеримо лучше, чем на маленьких, задушенных лесом дорогах. Хотя до сих пор им не попалось ни одного дракона, Майкл не хотел рисковать.

На шоссе Джекки снова замерла, прильнув к земле в той же странной позе.

– Так в чем же дело?

Джекки не ответила. Только помотала головой.

Майкл скатился вниз, чтобы осмотреться. Он доковылял до края дороги, прислонился к защитному ограждению. На юге шоссе просматривалось еще лучше. Майклу показалось, он заметил чудовищно огромную черепаху – наверное, фунтов тридцать, которая тащилась вдоль кромки леса. Похоже, там вотчина драконов.

– Мы неправильно идем, – сказала вдруг Джекки.

Майкл развернул карту и снова уставился в нее.

– Правильно. Вот же дорога на Хохенвальд.

– А где мы сейчас?

Майкл посмотрел в карту.

– Макиллвейн. Во всяком случае, это более или менее похоже на город. Вон там, – он махнул на восток, – река Теннесси. Мы перейдем на другой берег, если мост уцелел. Примерно через тридцать миль повернем на юг, на Хохенвальд.

Джекки нервно потопталась на месте.

– Их там нет.

– Хохенвальдских слонов?

Джекки развернулась на запад. Она снова склонилась к земле, прижав хобот к дороге.

– И там тоже нет.

– Значит, на севере нам делать нечего?

Джекки снова развернулась на восток, прижала хобот к земле. Она долго стояла совершенно неподвижно. Наконец встряхнулась.

– Меня очень смущает близость этой реки. Мне кажется, они на юге.

Майкл присел на защитное ограждение.

– Но там могут водиться драконы. И люди тоже.

– Возможно. Мне кажется, они где-то близко.

Майкл вздохнул. Он поднялся, прислонился к ограждению. Джекки подставила ему колено, и он забрался наверх.

– Река протекает с севера на юг. Может, пойдем дальше на юг по Шестьдесят девятому и будем слушать?

– До реки далеко? И есть ли к ней дорога?

Майкл провел пальцами по синей линии.

– Мы сейчас как раз движемся в сторону реки. Она подходит вплотную к Эйкинз-Чапел и огибает город. Когда дойдем до Дженетта, окажемся всего в нескольких милях от реки. Примерно в десяти.

– Пошли.

У Дженетта они нашли указатель на дорогу. Эта дорога привела их прямо к берегу реки.

Река Теннесси не ревела, сокрушая все на своем пути, как Огайо или Миссисипи. Она оказалась широкой и гладкой и с солидной неспешностью катила свои воды на юг. У другого берега в сонной воде купалось стадо слонов.

Джекки застыла, глядя на них. Воздух был неподвижен. Слоны на том берегу тоже посмотрели на них. Майкл замер. Он не знал, заметили ли его слоны. Между прочим, у слонов, вообще, хорошее зрение?

Мгновение длилось настолько долго, что Майклу захотелось уже пошевелиться. У него все затекло.

Вдруг одна из слоних в воде зафыркала и побрела к берегу. Она протрубила разок и поднялась по склону. Остальные слоны последовали за ней.

Джекки встряхнулась, когда они исчезли из виду. Она вошла в воду и покачнулась от напора течения, такого неспешного с виду. Она остановилась и попятилась.

– Где же мне перейти на тот берег?

– Можем вернуться обратно на север, на Сороковое федеральное. Или можно пойти на юг и перейти по шоссе Четыреста двенадцать.

– Что ближе?

– Оба примерно на одном расстоянии.

Джекки надолго задумалась.

– На юг, – решила она в итоге. – Мы пойдем на юг.

Они перешли реку в Перривилле. Мост с виду был целехонек, хотя они, конечно, не могли знать наверняка. Когда они были уже на середине, раздался треск, похожий на выстрел, и Майкл на миг забыл, как дышать. Но больше ничего неприятного не случилось, и они оказались на восточном берегу реки Теннесси.

– Мы почти под самым Хохенвальдом, – сказал Майкл, когда они спустились на шоссе.

– Ты думал, они так и останутся там? Их Смотрители наверняка тоже умерли.

У Джекки был такой счастливый голос.

– Думаешь, и Ральф умер?

Она раздраженно помотала головой.

– Меня не волнует судьба какого-то робота.

«Это не входит в твои цели» – подумал Майкл. И от этого забеспокоился.

Вдоль восточного берега реки обнаружилась хорошо утоптанная тропа, как следует помеченная слоновьим навозом. Джекки переворачивала каждую кучу, расшвыривала и принюхивалась.

– Это обязательно?

– Я хочу знать, кто они такие. – Она указала на одну из куч. – Африканский слон. Самка. Судя по запаху, она вожак стада. – Она кивнула чуть дальше. – И еще три самки индийского слона. Одна совсем юная. С двумя другими у нее нет кровных уз. Ни одна из них не беременна.

– А ты кто?

– Индийский слон. А что? Ты разве не знал?

– Но ты же мне не говорила.

Она фыркнула.

– А мальчиков среди них нет?

– В Хохенвальде самцов не было.

– Почему?

– Самцам нужно больше пространства. Они не сбиваются в стадо, как самки.

Майкл на минуту задумался.

– В таком случае, будем надеяться, что у тебя родится мальчик.

Джекки ничего не сказала.

Они дошли до места, где видели стадо с того берега, до длинной полосы хорошо утрамбованного песка, покрытого

жесткой травой и тополиной порослью. Навоза здесь было в избытке. Слонам нравилось это место, и они часто сюда возвращались.

Майкл свесился с Джекки.

– Куда теперь?

– Точно не знаю.

Майкл скатился на землю. Джекки протянула ему костыль. Он пошел, обходя поляну с одной стороны, Джеки двинулась вдоль другой. Слоновьего навоза было слишком много – не определить, в какую сторону ушли слоны.

– Сюда, – позвала она негромко. Майкл поковылял к ней.

Джекки указала на высокую кучу.

– Самец индийского слона. Был здесь не больше недели назад.

– Так это же здорово, правда?

– Наверное.

– Ложись! – внезапно закричала она.

И опрокинула его на землю. В хобот Джекки, на том уровне, где только что стоял Майкл, вонзился дротик. Майкл вскочил, чтобы выдернуть его.

– Самса! – прокричал из кустов женский голос.

Девушка метнулась к Джекки.

Майкл пытался ее перехватить, но его снова сбили на землю, на этот раз мужчина. Он приставил к горлу Майкла нож.

Джекки опустилась на колени. Потом легла на землю.

– Джекки! – закричал Майкл.

Она повернулась на его голос, глядя невидящими глазами. А потом ее взгляд сосредоточился на чем-то далеком. И она закрыла глаза.

– Ты ее убила! – проговорил Майкл, не веря своим словам.

– Это был несчастный случай, одноногий, – прошептала девушка сдавленным голосом. – Я целилась в тебя.

Часть четвертая

Девушка вытащила дротик из хобота Джекки.

– Самса, она умрет? – спросила она у мужчины, который наставил на Майкла нож.

– Не знаю, – ответил Самса.

Он вынул из мешка на поясе веревку и связал Майклу запястья.

– Ты чего? Думаешь, я сбегу? – Майкл показал ему обрубок ноги. – Я же одноногий, ты что, забыл?

Самса не обратил на него внимания. Он опустился на колени перед Джекки.

– Она дышит. Хороший знак. Может быть, доза невелика.

– Доза чего? – Майкл внимательно смотрел на него. – Что ты с ней сделал?

– Промазал по тебе, – многозначительно сказал Самса. – Дай-ка взглянуть на дротик, Пинто.

Пинто нежно провела по векам Джекки, закрывая их, взяла дротик и принесла Самсе.

Самса внимательно его осмотрел, старательно избегая прикасаться к острию.

– Н-да, доза полная. Принеси мне из лагеря медицинский чемоданчик.

– Уже бегу.

С этими словами девушка исчезла – умчалась по слоновьей тропе в глубину леса. Самса быстро осмотрел Джекки. Он опустил руку ей на грудь, чтобы проверить дыхание. После этого сунул руку ей под хобот и замер.

– Что ты делаешь? – негромко спросил Майкл.

– Заткнись.

Спустя минуту Самса выпустил хобот.

– Пульс ровный. Дыхание несколько слабовато.

– Этот дротик с ядом.

– А ты сообразительный.

– Зачем ты в меня стрелял?

– Дай-ка подумать. Ты едешь верхом на самом огромном куске мяса в радиусе двадцати миль, если не считать другие такие же огромные куски мяса. Ты не имеешь никакой ценности, парень. В отличие от нее. Она слишком ценная, чтобы обеспечить тебя годовым запасом бифштексов.

– Ты что, думаешь, я хочу ее съесть?

– Ну, это было бы несколько самонадеянно с твоей стороны. Думаю, ты хотел ее продать. Может, Ангелам в Мемфисе или

Каучуковым убийцам из Чаттануги. Они ее возьмут, а на гарнир приготовят тебя – против этого я не возражаю, но мы лишимся слона.

– Джекки не из твоих слонов.

– Это я знаю. Раз уж ты по какой-то случайности уцелел, можешь рассказать, где ты ее украл.

– Я не крал Джекки. И сомневаюсь, что это кому-нибудь удалось бы. Если бы она могла говорить, она бы сама тебе рассказала.

Самса засопел.

– И, подозреваю, ей было бы что рассказать.

Майкл промолчал.

– Где ты ее взял?

– Мы с Джекки идем из Сент-Луиса. Мы хотели найти слонов из Хохенвальда. Она хотела собственное стадо.

– Ну вот, вы нашли их. Мы их отсюда уведем.

– Она…

Самса нацелил на него дротик.

– Здесь осталось достаточно для такого доходяги, как ты. Даже если не помрешь, до утра тебя точно парализует. А комодские драконы найдут тебя задолго до утра.

Майкл смотрел на острие дротика. Оно было в каком-то масле. Он не мог отвести глаз.

– Не смей, – проговорила Джекки на долгом выдохе.

Самса посмотрел на слониху. Потом снова на Майкла.

– Это же не она сказала?

– Она очнется?

Самса снова посмотрел на слониху.

– Думаю, да. Кураре ее не убил и через некоторое время выйдет из организма. Пинто сейчас принесет противоядие.

– В таком случае скоро сам все узнаешь.

Пинто вернулась с чемоданчиком весьма профессионального вида. Она отдала его Самсе и присела рядом с Джекки. Придвинулась близко к ее голове. Майкл надеялся, что ей хватит ума убраться, когда Джекки соберется вставать.

Майкл пытался понять, кто такие эти люди. Самса был довольно пожилой. Те волосы, которые еще сохранились на голове, – седые, как и борода. Он был рослый и худощавый, словно сплетенный из проволоки. Пинто же – ненамного старше Майкла. Хотя под свободной рубашкой Майкл заметил намек на девичью грудь, руки и ноги у нее были пока еще детские. Майкл подумал, что Пинто, наверное, нашла себе защитника, как он в свое время в лице дяди Неда. Только они не походили на родственников.

Самса достал две стеклянные ампулы, одну с порошком и другую с какой-то жидкостью, шприц и страшную иглу. Он наполнил шприц жидкостью, выпустил его в ампулу с порошком, поболтал, чтобы субстанции смешались. Заметил, что Майкл наблюдает за ним.

– Нам нечасто приходится это использовать, поэтому упаковка до сих пор фабричная. – Самса усмехнулся. – А вот яд мы готовим сами.

– Из чего?

– На болоте живут ядовитые лягушки. Мы пару раз в год ходим туда, ловим столько, сколько нам требуется.

– Я и не знал, что бывают такие животные.

– Симпатичные маленькие лягушки. Красные. Синие. Всех цветов радуги. Яд на их коже такой, что свалит тебя на месте, если замешкаешься. Раньше тут такие не водились, но где-то разрушился террариум – или его нарочно открыли, – и некоторые особи сумели приспособиться к холодным зимам. Отличное оружие против людей – бесшумное. Быстрое. Если не терять хладнокровия, можно уложить полдюжины раньше, чем они поймут, что происходит.

Он перестал трясти ампулу и наполнил шприц получившейся смесью.

– Отойди, Пинто, – сказал Самса.

Он оттянул кожу Джекки и вонзил иглу. Затем он вынул иглу, сломал и положил шприц со сломанной иглой в банку, вынутую из чемоданчика.

– Она не сможет двигаться ближайшие несколько часов, но теперь ее дыханию ничто не угрожает. – Он посмотрел на солнце. – Нам придется ее охлаждать. – Он перевел взгляд на Майкла. – Сними рубашку и намочи в реке. Положишь мокрую рубашку слонихе на голову.

– Ее зовут Джекки.

– Ну, Джекки на голову.

– Тогда развяжи меня.

– Ты и так справишься. Доскачешь. Пинто? Помоги ему, но близко не стой. И ты тоже намочи рубашку. Я схожу за ведрами.

Пинто настороженно поглядывала на Майкла, но он не обращал на нее внимания. Даже ему казалось, что солнце здорово припекает. Страшно подумать, каково сейчас Джекки.

– Уши тоже ей намочи, – сказала ему Пинто. – Слоны охлаждаются через уши.

Майкл пробурчал что-то в ответ и намочил Джекки уши.

– Она сама тебя толкнула на землю? – спросила Пинто, когда

они шли обратно к реке.

– Она спасла мне жизнь, – просто ответил Майкл.

– Именно.

Майкл пожал плечами.

Вернулся Самса с двумя ведрами и винтовкой.

– А я решил, что ты любишь яд, – сказал Майкл.

– Так и есть. Однако дротиком трудно проткнуть шкуру крокодила.

– В этой реке водятся крокодилы?

– Ну, так далеко на север они обычно не заплывают, хотя иногда случается. Комодские драконы обычно тоже держатся подальше. Но не всегда. Я постою на страже на всякий случай.

Майкл остановился и взглянул на Самсу.

– Ты был Смотрителем в Хохенвальде.

– Директором, – поправил его Самса.

– Значит, ты отпустил слонов, когда все умерли?

Самса утвердительно наклонил голову:

– Одиннадцать лет назад.

– Все остальные слоны из Сент-Луиса погибли. Джекки со Смотрителем решили, что ей лучше поискать других слонов здесь.

– И что же?

– У Джекки будет ребенок. Этот яд ему не повредит?

Самса вздохнул и обернулся, поглядев на неподвижное тело.

– Я должен был сразу догадаться. – Он снова посмотрел на Майкла. – Надеюсь, что не повредит, но сказать наверняка невозможно. Если не случится выкидыша, то, скорее всего, с ребенком все будет в порядке.

Самса жестом подозвал Майкла. Когда Майкл подошел, Самса развязал ему руки.

– Я начинаю верить, что ты не браконьер. – Он поднял винтовку. – Но ружье у меня под рукой.

Майкл кивнул и принялся наполнять ведра.

Вскоре после полудня Джекки начала подергиваться. Еще через час она попыталась подняться. Самса стоял рядом с ней, успокаивающе приговаривая:

– Не вставай пока, девочка.

Он жестом велел Майклу и Пинто уйти с песка.

Джекки, кажется, успокоилась и осталась лежать неподвижно. Но в следующее мгновенье она рывком поднялась, пошатнулась, сконфуженная.

– Все хорошо, девочка, – успокаивающе приговаривал Самса.

Джекки махнула хоботом и отшвырнула винтовку на землю,

махнула еще раз, схватила Самсу за ногу и дернула, опрокинув на спину. Еще миг, и она занесла ногу и поставила ему на грудь.

– Ты хотел убить моего мальчика, – прошипела она.

Самса пытался что-то сказать, но у него не получилось.

Пинто подбежала к Джекки и попыталась оттолкнуть ее ногу. Джекки не обратила на нее внимания.

– Как ты там, Майкл?

– Все в порядке.

– Что мне сделать с этим?..

– Отпусти его, – попросил Майкл. – Это директор Хохенвальда.

Джекки медленно убрала ногу. Осторожно прошла по песку, зашла в воду и погрузилась в нее.

Пинто схватила Самсу за руку. Она плакала. Майкл присел на корточки рядом с ним.

– Она разговаривает, – проговорил Самса, откашливаясь.

– Я знаю, – сказал Майкл.

Дорогая мамочка!

Мы нашли других слонов. Но люди, которым они принадлежат, нашли нас. И чуть нас не убили. Во всяком случае, меня. Самса и Пинто следили за стадом. Здесь большое стадо из шести слоних, но без слонят. Есть еще две группы животных. В одной три слонихи и один слоненок. Во второй – четыре слонихи и два слоненка. Слоны-самцы с ними не ходят, только во время гона. Или гонна? Не знаю, как правильно. В этих краях живет четыре самца. Все эти слоны индийские, кроме одной слонихи по имени Тика. Тика африканский слон. Она такая огромная. Это она была той большой слонихой, которую мы видели с другого берега. Самса говорит, африканские и индийские слоны могу спариваться, только она не подпускает к себе самцов. Она очень строга со своей группой. Может быть, поэтому у них нет слонят. Самса отпустил слонов на свободу, когда стало ясно, что все умрут, и он тоже. Только он не умер. Сейчас осталось пятнадцать человек, которые помогают Самсе присматривать за слонами. Мяса они не едят. Они защищают слонов от людей. Может, они сами хотят быть слонами. У них тут неподалеку небольшая деревня. Самса, судя по тому, что я видел, всем заправляет. Они хотят, чтобы Джекки отправилась в деревню. Но Джекки это неинтересно. Она хочет присоединиться к стаду. Мне кажется, она относится к ним с подозрением. Мне они в деревне остаться не позволили. Наверное, до сих пор считают меня браконьером. С любовью,

Майкл

– Тебе нужны обе ноги, чтобы следовать за слонами, – увещевал Самса.

– Я прекрасно справляюсь с помощью костыля. Дай мне какую-нибудь работу.

– Ты не можешь бегать. Иногда слоны атакуют, и, если ты не поспешишь залезть на дерево, от тебя останется мокрое место, даже похоронить будет нечего. Мы уже теряли так людей.

Самса с Пинто ушли раньше, чем Майкл успел что-нибудь возразить.

Джекки отдыхала неподалеку от лагеря. Она наблюдала за ними со стороны. Майкл не сомневался, что она слышала каждое слово.

Майкл заковылял к ней. Присел рядом. Она протянула хобот, сорвала березовую ветку и принялась методично обдирать листья, складывая их в рот.

– Они не позволили мне пойти с ними, – сказал Майкл.

– Я слышала.

От реки поднимался туман, окутывая все дымкой. Майкл мерз и почти ничего не видел.

– Как ты себя чувствуешь?

– Устала. Когда полдня лежишь на солнце, силы уходят.

– Как ты думаешь, в реке правда есть крокодилы?

– А ты думаешь, они лгут?

Майкл посмотрел на туман.

– Наверное, нет. Ты уже знаешь, за какой группой пойдешь?

Джекки секунду помолчала.

– Думаю, за группой Тики.

– Разве это не труднее всего?

– Вероятно.

– Тогда почему она?

Джекки снова помолчала.

– Причина, наверное, покажется глупой. Просто удивительно, что она вообще ходит с индийскими слонами. Возможно, когда отчаиваешься найти своих, готов согласиться на любую компанию.

Майкл отозвался не сразу. Грудь его вздымалась, в горле стоял комок. Он смотрел на тропу, по которой ушли Самса и Пинто. Может быть, это он чувствует? Отчаяние? Может быть, это чувствовала Джекки, соглашаясь на его общество?

Он подошел к свертку с вещами и открыл потайной карман. Собрал винтовку, взял коробку с разрывными пулями.

– Что это ты задумал? – Джекки внимательно смотрела на него.

– Пойду за ними.

Нести винтовку, опираясь на костыль, было неудобно. Он подумал, что, пожалуй, стоит навестить один из заброшенных городов и поискать искусственную ногу. Или сделать самому. Он смутно припоминал какую-то историю о человеке с деревянной ногой. Ему бы хватило и такой.

Тропу было прекрасно видно, и Самса с Пинто оставили следы, идти по которым было легко. Он либо нагонит их, либо нет. В любом случае, он хотя бы что-то делает.

Он определил, что тропа приближается к реке, потому что деревья начали редеть. Майкл прислушался и услышал плеск – наверное, слоны. Он нашел высокое дерево, прислонил к стволу костыль, закинул за спину винтовку и принялся карабкаться наверх.

С вершины дерева ему открылся прекрасный вид на реку, на слонов и Самсу с Пинто, которые за слонами наблюдали. И еще он увидел притопленные бревна, медленно дрейфовавшие в сторону плескавшихся слонов. Он снял с плеча винтовку и прицелился в одно из бревен. В телескопическом прицеле крокодил был как на ладони. Он включил лазер и увидел красную точку, появившуюся на спине животного. После чего принялся наблюдать.

Самса с Пинто наблюдали за слонами. У Самсы была винтовка, но она болталась на плече. Он разговаривал, может быть, спорил, с Пинто. Один из крокодилов замер, глядя на берег. После чего скрылся под водой.

«Надо подумать, – сказал себе Майкл. – Думать, как крокодил или как дракон. Лучше выбрать небольшую добычу, поменьше. На кого бы я напал, если бы был на месте крокодила?»

Вода вспенилась рядом с Пинто.

Именно так. На мгновение крокодил застыл посреди прыжка, красная точка отчетливо загорелась у него на шее. Майкл выстрелил трижды. Он увидел, как вода и кровь забурлили в том месте, куда попали пули.

А потом время застыло, и крокодил начал сжимать челюсти на Пинто, но тут разрывные пули сработали.

Не было ни вспышки, ни грохота, но крокодил рухнул на берег, увлекая за собой Пинто. Самса выдернул Пинто из обмякших челюстей рептилии. Они вдвоем кинулись вверх по берегу, ноги у Пинто были в крови. Но крокодил лежал неподвижно.

Слоны бросились вон из воды и рванули в лес. Майкл посидел немного на дереве, но на реке было пусто, если не

считать уцелевших крокодилов, которые благоразумно держались подальше от берега.

Он спустился и направился обратно в лагерь. Самса обрабатывал раны Пинто.

Майкл опустил винтовку и присел рядом.

– Все-таки от меня есть какая-то польза, – проговорил он.

Когда Майкл проснулся, Самса сидел напротив него.

– Я хочу забрать винтовку.

Майкл сел.

– Я хочу жить в деревне и приносить вам пользу. Но еще больше я хочу вернуть ногу. Только все обстоит так, как обстоит.

Самса покачал головой.

– Мы тебя не знаем. Я не могу допустить, чтобы у чужака было в руках оружие, способное убить слона.

– Ты имеешь в виду дротики?

– Это совсем другое. – Самса секунду всматривался в него. – Мы можем метнуть в тебя дротик и забрать оружие. – Майкл вынул пистолет и непринужденно поиграл им. Он не нацеливал оружие на Самсу, но и не убирал.

– Полагаю, можно попробовать забрать его с моего хладного трупа.

– Я знаю, откуда эта фраза. А ты?

– Разве это имеет значение? – Майкл минуту помолчал. – Мне кажется, достаточно того, что мне доверяет Джекки.

– Я так не считаю. Джекки слишком мало видела людей, чтобы понимать, кому следует доверять.

– Что еще скажешь? – произнесла Джекки из-за спины Самсы.

Майкл поднял на нее глаза.

– Ты сама реши, что мне сделать с винтовкой.

– Оставь при себе, – коротко проговорила Джекки. – Ты явно стреляешь лучше него. И ты точно заслуживаешь большего доверия.

– Я оберегаю слонов, – произнес Самса, стараясь не выдать голосом своих чувств.

– Это не твоя работа, – сказала Джекки. – Этим займусь я.

Они не сказали ни Самсе, ни Пинто, ни остальным, что уходят. Деревня стояла на холме, скрытая от глаз поворотом тропы. И Майкл уж точно не стал бы заходить, чтобы попрощаться. И все же он ощущал на себе чей-то взгляд, когда они переходили с тропы, уходившей вверх по склону, на тропу, отмеченную кучами слоновьего навоза и спускавшуюся к подножию холма.

– Скажи мне, – будничным тоном поинтересовалась Джекки тем же днем, – этот Самсавилль отмечен на карте?

Майкл долго не мог отсмеяться.

Характер их путешествия изменился. Раньше Майкл чувствовал, что они бесконечно одиноки в этом лесу. Другие слоны представлялись абстрактной идеей. Других людей не существовало. Сама мысль, что где-то может быть деревня, показалась бы полным абсурдом.

Но теперь Самсавилль – название приклеилось прочно – постоянно возникал в памяти. Майкл подозревал, что Джекки чувствует примерно то же самое по отношению к слонам.

Дорогая мамочка!

Мы с Джекки ушли от других людей и отправились искать слонов сами. Я не знаю, что будет дальше. Может быть, Джекки будет легче без одноногого мальчишки. Я скучаю по тебе и папе. Я скучаю по Джерри. Я скучаю даже по дяде Неду. Я скучаю по своей ноге. По ночам она болит. Джекки тревожит предстоящая встреча со слонами. Она не говорит об этом вслух, но я вижу. Может быть, Самса преследует нас. Может быть, он метнет в меня дротик или сделает что-нибудь похуже. Может быть, Тика не примет нас. Может быть, случится что-то нехорошее. Что бы ни случилось, я люблю тебя.

Майкл

Тику они нашли через два дня. Утро было в разгаре. Стадо паслось на краю поляны. Судя по развалинам строений на поляне, когда-то здесь была ферма. Майкл рассматривал древние стойки для кукурузных снопов и ржавую технику. Эта ферма никогда не видела роботов. Ее забросили давным-давно.

Тика развернулась к ним раньше, чем Джекки с Майклом вышли из леса. Должно быть, она услышала их, решил Майкл. Или почуяла запах.

Джекки подошла к слонам довольно близко и принялась пастись на другой стороне поляны. Примерно через час Тика присоединилась к другим слонихам. Однако она внимательно следила за Джекки.

Наступил день, и стадо удалилось в лес. Майкл слез на землю и перекусил сушеными фруктами и вяленым крокодилом.

– Самса следит за нами, – пробормотала Джекки, остановившись рядом с Майклом. – С гребня холма. Я чую его запах.

Майкл кивнул.

– Он хочет меня застрелить?

– Запаха оружия я не чувствую, но это ничего не значит.

– Еще кто-нибудь есть?

Джекки покачала головой:

– По крайней мере, я не чую.

– Ну, делать нечего.

Майкл жевал вяленое крокодилье мясо. На вкус неплохо. Немного похоже на курицу.

– Интересно, почему драконы не переходят по мосту? Как думаешь, может, на этом берегу есть что-то такое, что им не нравится?

– Может, их убивают слоны. Я точно убивала бы.

– Ты и убивала.

– Верно. – Джекки на миг задумалась. – Ошибочно считать, что эта экосистема сложилась окончательно. Люди покинули ее лишь недавно. Не исключено, что комодские вараны просто пока сюда не добрались. Им приходится мигрировать на север с побережья каждую весну и возвращаться каждую осень. Требуется время, чтобы они проникли в новые земли. Они могут удаляться лишь на определенное расстояние, откуда можно вовремя вернуться до наступления зимы.

– Они могут научиться зимовать здесь.

– Невозможно.

– Так они сами по себе невозможны. Откуда нам знать, на что они способны?

Джекки немного помолчала.

– Ничего не желаю об этом знать.

Майкл содрогнулся.

– Я тоже.

На следующей неделе они исполняли тот же ритуал. Слоны приходили на заброшенную ферму и паслись, переходя на новые участки, когда заканчивались листья. К концу недели Джекки с Тикой сделали вокруг поляны полный круг. Они так и стояли друг против друга, но теперь Джекки была на том месте, с которого начала Тика, а Тика стояла там, куда Джекки вышла из леса.

– Сегодня же пойдем за ними, – сказал Майкл.

Он выплюнул последний кусок мяса. Ему осточертела крокодилятина.

– Слишком быстро.

– Да ты посмотри вокруг. – Майкл указал на деревья. – Здесь ничего не осталось. Вряд ли они вернутся сюда, чтобы просто поздороваться.

Тика погнала свое стадо к выходу с поляны. Джекки

последовала за ней на почтительном расстоянии. Тика время от времени оборачивалась, проверяя, здесь ли они.

– Может быть, и получится, – шептала Джекки.

Они шли за стадом несколько часов. Запах Самсы и других людей потерялся. Тропа делалась шире и извилистее: временами они теряли стадо из виду на несколько минут. А потом они завернули за поворот, и Тика встретила их.

Джекки замерла как вкопанная. Майкл лег, опустив голову на голову Джекки и принялся наблюдать. Он застыл, не желая привлекать к себе внимание.

Тика приблизилась с опаской, до половины подняв хобот и нюхая воздух. Джекки тоже немного приподняла хобот. Когда они сблизились, то принялись внимательно обнюхивать друг друга. Тика, кажется, успокоилась.

Майкл наблюдал. Он понял, что Тика хочет принять Джекки в стадо, возможно, потому, что та беременна. Возможно, потому, что здесь хватает опасностей, которые лучше отражать сообща.

Тика неожиданно махнула хоботом над головой Джекки и ударила Майкла по боку, сметая его с шеи Джекки и сбрасывая на землю.

Майкл мгновенно пролетел десять футов, оцепеневший от потрясения, и больно упал на спину, задохнувшись от удара. Он отчаянно старался вдохнуть, кашлянуть, хоть что-нибудь. Однако легкие упрямо отказывались повиноваться.

Тика занесла над ним ногу.

Майкл видел во всех подробностях ее подошву: сломанный ноготь, морщинистый шрам. Джекки выкрикнула: «Нет!» и перешагнула через него, отодвигая Тику.

Тика шагнула назад, потом попятилась.

Джекки стояла над ним, опустив голову и хобот.

Майкл наконец-то задышал и смог сесть, глядя на эти двадцать тонн живого веса, сгрудившиеся вокруг него.

– Беги! – крикнула Джекки.

Майкл пополз. Дерево! Где же дерево? Он увидел дуб, запрыгнул на ветку, вскарабкался выше, добрался до высоких веток, откуда Тике было его не достать.

Джекки встала перед деревом, глядя на Тику. Тика затрубила.

Она как будто прокричала по-человечески: «Тебя мы берем. Но без него!» А Джекки затрубила в ответ: «Без него не пойду!»

– Джекки! – закричал он. – Иди с ними. Я не пропаду.

Тика отступила, пристально глядя на них обоих.

– Нет, – сказала Джекки. – Либо вместе, либо никак.

Майкл понял, что плачет.

Часть пятая

Дорогая мамочка!

Я давно уже тебе не писал, но я был очень занят. Маленький Билл такой же упрямый, как его мать. Когда ему исполнилось два года, Джекки сказала, что он перерос стадию «милого малыша». Теперь она считает, что он просто вредничает. Но я его люблю. Он так похож на мать. Кажется, Тика в конце концов меня приняла. Хотя времени ушло довольно много. Она позволила мне остаться, просто не обращая на меня внимания. Однако несколько недель назад, перед тем как мы уходили из Панацеи, у нее загноился ноготь, нужно было вскрывать и чистить гнойник. Было ясно, что сделать это необходимо до того, как мы двинемся на север. Джекки стояла рядом, чтобы я точно не пострадал. Однако Тика сама подставила ногу и не двигалась, пока я промывал рану. Ей наверняка было очень больно. Но теперь нога выглядит гораздо лучше. Это было уже после того, как я застрелил двух комодских драконов, которые решили пообедать ногой Тики. Зимой драконы не представляют проблемы. Они все впадают в спячку. Но весной, после пробуждения, и до того, как наступает время их миграции на север, они страшно голодные и злые. Не знаю точно, почему Тика передумала. Но она, кажется, была очень довольна, когда мы с Джекки шли рядом с ней в этом году, возвращаясь на север. Мир продолжает меняться. Комодские драконы – неприятные твари, но сейчас они переживают трудные времена из-за появления лисохвостых львов. Нам так кажется. Там, где есть лисохвостые львы, драконов нет, а там, где есть комодские драконы, нет лисохвостых львов. Мы не знаем наверняка, что происходит. Пожарные муравьи тоже мигрируют на север.

Новости этой весной хорошие. И Таня, и Вильма беременны. Похоже, самец, заглянувший в гости на Рождество, исполнил свою работу. Будут еще слонята, Маленькому Биллу будет с кем поиграть. Сейчас мы рядом с Самсавиллем. Я бы с удовольствием навестил Самсу и Пинто. Пытаюсь уговорить Джекки пойти дальше на север, чтобы проведать Джерри. Однако она не хочет идти через вотчину драконов. Пока что все новости.

С любовью, Майкл

Майкл поставил подпись и закрыл блокнот. Блокнот почти кончился. Это будет уже седьмой. Он взвесил его на руке. Интересно, может, он немного чокнутый, раз все эти годы пишет покойной матери письма? Ему ведь уже шестнадцать. Майкл пожал плечами. Ему по-прежнему нравилось это занятие. Надо

спросить, что думает по этому поводу Джекки.

Он опустил рюкзак, глядя, как течет река. По большей части он просто любовался игрой солнечного света и красок на воде. Но и осторожно наблюдал. Не выпускал из поля зрения плавучие бревна, циркулировавшие рядом, которые могли наброситься на него. За последние пару лет крокодилы заметно размножились. Майкл не знал, чем они питаются, но до сих пор ни один не пытался попробовать слонятины.

Маленький Билл спустился к воде. Маленький, говорите? Майкл мысленно улыбнулся. Голова Билла возвышалась в двух футах над ним.

– Мальчик Джекки! Мальчик Джекки! – затрубил он.

Голос был слишком тонкий для такого огромного тела. Майкл не знал, когда (если это вообще происходит) голос слоненка сломается и обретет глубокий тембр взрослого. У Майкла сломался. Ну, почти. Иногда он все еще давал петуха.

– Просто Майкл, – сказал он. – Вечно тебе повторять. Просто Майкл.

– Тика зовет тебя мальчиком Джекки.

Майкл хмыкнул, уже не первый раз задаваясь вопросом, как это слоны разговаривают, не произнося ни звука. Мир полон чудес.

– Ей виднее.

– Ты готов идти? – протрубил Билл. – Тика послала меня за тобой. Она хочет, чтобы вы с Джекки шли во главе стада.

Майкл наклонился, поднял протез и закрепил его на ноге.

– Правда? Тика хочет, чтобы мы вели стадо?

– Ага. Как минимум до Кобравилля.

– Ясно. Хочет, чтобы мы проложили дорогу через пожарных муравьев?

– Точно.

– Неужели чудесам не будет конца?

Маленький Билл ничего не ответил. Вместо этого подставил согнутую ногу. Майкл забросил винтовку за спину и вскарабкался ему на шею. Огляделся вокруг. Над ним – голубой купол неба, теплое солнце, и его серое семейство дожидается его в полумиле отсюда. Ему хотелось петь.

Он любовно похлопал Билла по макушке.

– Ну, что ж. Отказываться нельзя, – проговорил он, улыбаясь. – Пошли!

Нина Аллан
Искушая бога

Молодая писательница Нина Аллан живет и работает в Лондоне. Ее работы часто появляются в таких изданиях, как «Interzone» и «Black Static», публиковались в «The Third Alternative» и «Strange Tales». Лучшие из этих произведений были объединены в сборник «Нить правды» («A Thread of Truth»). Рассказ писательницы «Хранитель брата моего» («My Brothers's Keeper») в 2010 году стал финалистом премии Британской премии фэнтези. В настоящее время Нина Аллан работает над романом.

Представляем вашему вниманию проникновенную, искусно написанную историю о женщине, лучшая подруга которой превращается в странное постчеловеческое существо, способное пережить путешествие к звездам…

АНИТА ШЛЕЙФ: Думала ли ты когда-нибудь о том, что станешь делать, если тебя признают непригодной для миссии? В СМИ мелькают новости о том, как неохотно общество принимает разжалованных астролетчиков, особенно женщин, – они становятся изгоями. Как чувствует себя женщина, которая знает, что из-за сушки Кушнева навсегда останется бесплодной?

РЕЙЧЕЛ ЭЛВИН: О неудаче я не думала никогда. Это бессмысленно. Я делаю все, чтобы добиться цели. Бесплодие – это мое решение, и оно ничем не отличается от всех остальных, например иметь детей или нет. На протяжении жизни все мы то и дело встаем перед выбором, и один из них неминуемо отсекает другой. Астролетчикам сложно приспособиться, у них есть призвание. Каждый, кто следует зову сердца, считает обычную жизнь тяжкой и ничего в ней не может понять. И не важно, кто это: миссионер, художник или математик. Сушка Кушнева – только один из необходимых шагов. Здесь первостепенен вопрос сосредоточения, серьезного устремления к одной-единственной цели. («Охота на альбатроса: женщины космической программы „Аврора“», фильм Аниты Шлейф.)

Воздействие сушки Кушнева проявлялось во внешности по-разному. У Рейчел веснушки стали заметнее, более темными и какими-то воспаленными, словно на лице проступила ржавчина. В вагоне было жарко, и солоноватый резковатый запах Рейчел особенно чувствовался. Анита смотрела, как мужчина напротив тыльной стороной ладони вытер над верхней губой пот, затем

водрузил на колени портфель и достал «Таймс». Она обратила внимание на то, как их попутчик уставился на Рейчел поверх газеты, – так гражданские обычно смотрят на астролетчиков, особенно женского пола. Через две остановки он сошел с поезда, предоставив Аниту и Рейчел друг другу.

Рейчел поднялась и попыталась открыть окно, но справиться с задвижками и заржавевшими шпингалетами оказалось ей не под силу. Женщины ехали в вагоне старого образца, их Анита помнила еще с детства. Она очень удивилась, что эти старомодные поезда все еще не списаны.

Анита встала и открыла окно, надавив на заклинивший шпингалет ладонью. Теплый воздух ворвался в вагон, наполнив его запахом скошенной травы.

– Тебе не стоит перегружать мышцы, – напомнила Анита. – Не забывай о том, что говорили доктора.

– Я чувствую себя совсем никчемной. Почти ничего не могу делать.

– Просто сейчас ты настроена на другое. Тебе ли не знать? Перестань терзаться.

Рейчел отвернулась к окну. Редеющие волосы ветерком отнесло назад, открывая лицо. Интересно, позволят ли ей сохранить остатки волос? Или придется их сбрить? Или они сами скоро выпадут? Анита хотела спросить ради фильма, но потом передумала, ведь по сравнению с другими последствиями – это сущий пустяк. Но ей всегда так нравилась рыжая шевелюра подруги.

– Вчера вечером мы с Сержем поехали в магазин, – вдруг решила рассказать Рейчел. – Сразу после того, как ты ушла. Я хотела помочь ему с покупками. Только ничего из затеи не вышло, для меня это оказалось слишком. Пришлось вернуться и сесть в машину. Попробую объяснить: я почувствовала, будто тону в цвете и шуме. От вида всей этой еды мне стало плохо, – она запнулась. – Потом мы попробовали заняться любовью, и тоже безнадежно. Когда он начат входить в меня, мне стало так больно, что пришлось попросить его остановиться. Нам выдали специальный лубрикант, который оказался совершенно бесполезным. Конечно же, Серж сказал, ничего страшного и с ним все в порядке. Но я же видела, как он был расстроен и никак не мог уснуть. – Рейчел снова повернулась к Аните. Ее глаза, некогда темно-голубые, теперь стали цвета блеклой бирюзы и матовыми, словно мел. – Ты заедешь его навестить, когда меня не будет? Я знаю, как ему нравится беседовать с тобой.

Подруга кивнула:

– Конечно заеду. – Она не знала, давала ли Рейчел ей таким

окольным путем разрешение спать с Сержем или, быть может, вообще им завладеть. Ведь для них обоих здесь будет крыться искушение. Только этому не бывать, Анита не позволит. Она любила Сержа, но только как брата. Если попытаться изменить положение дел, последствия могут оказаться катастрофическими. Уж лучше вести себя как всегда: вместе ходить в кино, готовить карри и говорить о Рейчел. В конце концов, он встретит кого-нибудь, что причинит ей боль, но, по крайней мере, их дружба останется цела.

В течение последних шести месяцев во время подготовки Рейчел к отбытию Анита пыталась сосредоточить все силы на фильме о женщинах-астролетчиках. Идея создать кинокартину родилась из их с Рейчел ранних разговоров, и Анита как-то почти незаметно для себя начала проект, который беспокоил ее по многим причинам. Ей совсем не хотелось показать связь между фильмом и ее собственной жизнью, и что он имеет отношение к гибели ее матери. Такую точку зрения женщина считала докучной и притянутой за уши. Но стоило Аните начать работу как остановиться она уже не могла. И даже смирилась с мыслью о том, что отчасти правы будут те, кто заподозрит у фильма личную подоплеку. Только его героиня, конечно же, не ее мать, а Рейчел.

Рейчел теперь выделяла меньше десяти миллилитров мочи в день. Кожа у нее стала толще и тверже. Она практически ничего не ела и совсем мало спала. Сон ее был беспокойным, со сновидениями.

Исследования сделали Аниту экспертом по процессу Кушнева. Рейчел задействовала свои связи, и ей даже удалось встретиться с Клементом Андерсоном, врачом команды. На видео он сниматься отказался, зато согласился на интервью, записанное на диктофон. К тому же Аните позволили сделать на базе несколько коротких сюжетов. Например, в ее распоряжении появился материал об астролетчиках в столовой, который, она знала, вышел просто замечательно.

– Сушка запускает долговременный процесс изменения клеток, – рассказывал Андерсон. – Грубо говоря, это похоже на форму рака. – Он дал ей целую папку распечаток и запись, на которой Валерий Кушнев разъяснял свои теории. Ученый говорил с довольно сильным акцентом, поэтому видео обеспечили субтитрами. Прообразом идеи оказались процессы жизнедеятельности тараканов. Именно эти твари, как объяснял Кушнев, являются самыми выносливыми. Они способны выдерживать жесточайшие условия и могут почти не питаться. При необходимости тараканы блокируют большинство функций

организма, регрессируя в состояние анабиоза, до тех пор пока внешняя среда не станет пригодной для жизни.

– Во время путешествия наши астролетчики будут находиться как бы в полужизни, – говорил на видео Валерий Кушнев. – Это своего рода парабытие с сохранением полной умственной деятельности, не отягощенное отправлением биологических потребностей. Таким образом мы пересечем космическую пустоту. Наши астролетчики – новые пионеры. Они, в прямом смысле, идут по следам Колумба. – Тут он усмехнулся, обнажив темные прокуренные зубы. Анита посмотрела запись дюжину раз, не меньше.

– Как поживает Мередит? – спросил Рейчел. – Ты вчера ей звонила?

Анита даже подскочила на сиденье. На миг женщина совсем забыла, где находится.

– С ней все в порядке, – ответила она. – Спрашивала о тебе.

Разговаривать с бабушкой по телефону становилось все труднее. В «Доме Южных вод» была налажена безлимитная бесплатная связь, только Мередит отказывалась пользоваться веб-камерой, а обезличенные голоса усугубляли сумятицу в ее голове. Бабушка спрашивала:

– Как там та твоя подруга? Ты привезешь ее проведать меня?

– Бабушка, ты говоришь о Рейчел, – напомнила Анита. – Мою подругу зовут Рейчел. Мы вместе с ней приезжали проведать тебя на прошлой неделе.

Бабушку все чаще подводила кратковременная память. Однако порой Мередит Шинер была по-прежнему проницательна, читала за завтраком газеты, даже могла немного разгадать кроссворд и все еще как сущий дьявол играла в карты. Однажды Анита попыталась поговорить об этой бабушкиной особенности с приходящим врачом-консультантом.

– Может ли картежная игра стимулировать другие отделы мозга? – спросила она.

Но доктор энергично отмахнулся от ее предположения и покачал головой, словно внучка спрашивала, сможет ли бабушка однажды стать аквалангисткой и заняться погружениями на большую глубину или выучить второй язык.

– Ох, да у них у всех есть в запасе что-то в этом роде, – ответил врач. – Одни профи в картах или триктраке, другие обладают фотографической памятью на Шекспира. Это ровным счетом ничего не значит. Мозг старого человека похож на грузовой транспортный корабль: тут и там находятся воздушные карманы, но в конце концов судно все равно пойдет ко дну. Боюсь, ничего предпринять невозможно.

Анита помнила выражение его лица: строгое и обеспокоенное, как у человека, предъявляющего своему времени слишком много требований. Он был высоким, седым и худощавым, со слегка искривленными артритом пальцами.

– А он интересный мужчина, этот доктор, тебе не кажется? – так Мередит непременно спрашивала внучку каждый раз, когда та приезжала ее проведать. Анита знала: бабушку беспокоит то, что она до сих пор ни с кем не сошлась. Ах, если бы только можно было успокоить Мередит и рассказать о том, что любовь к Рейчел не только причиняет боль, но и поддерживает ее! Она прикоснулась к кулону, ощутив сквозь тонкую зеленую материю блузки его неровные контуры. Привычный жест в сложной ситуации или когда терзают сомнения. Подвеска действовала как якорь, помогала вновь обрести себя.

Кулон висел на серебряной цепочке – маленькая, искусно выполненная фигурка птицы додо. Однажды бабушка водила Аниту в Музей отечественной истории, где экспонируется скелет дронта. Анита с любопытством, почти благоговейно рассматривала его.

– Почему сейчас нет настоящих додо? – спросила она. Тогда ей было около восьми лет.

– Додо разучились летать, – объяснила бабушка. – Они жили в самом сердце Индийского океана на острове Маврикий, где не было ни людей, ни других крупных животных, поэтому птицы там обитали в полной безопасности. И крылья им были совсем не нужны. Когда на острове появились охотники, додо не смогли от них улететь. Их отстреливали тысячами и полностью истребили меньше чем за сто лет.

Анита подумала, что все это ужасно печально. Ее охватила жгучая ярость ко всем этим охотникам в смехотворных шляпах с перьями, вооруженных тщательно смазанными ружьями. Когда они вернулись домой, бабушка показала ей Маврикий на карте.

– Когда мореплаватели впервые открыли этот остров, там был самый настоящий рай, – сказала бабушка. – В те времена большая часть мира все еще оставалась неизвестной. Представляешь, каково это – впервые ступить на землю, которую до тебя никто не видел?

Пока Анита была маленькой, кулон ей позволялось носить только изредка, в качестве поощрения. Когда девушке исполнилось шестнадцать, бабушка дала ей серебряного додо с наказом его хранить.

– Раньше он принадлежал твоей маме, – бабушка тяжело вздохнула. – Она сняла его за день до гибели.

Сойдя с поезда на Чаринг-Кросс, подруги немного повздорили. Анита собиралась проводить Рейчел до самого Норхолта, а та хотела продолжить путь одна.

– Да как же ты доберешься? – не унималась Анита. – Как справишься с багажом?

Кости Рейчел все еще оставались хрупкими, она не могла носить ничего тяжелого. Также вопроса безопасности никто не отменял. В течение последних месяцев случилось несколько нападений на астролетчиков. Предполагали, что виновны в этом банды, орудующие в метрополитене. Все случаи, кроме одного, произошли в ночное время.

– У меня с собой только один небольшой чемодан, – заметила Рейчел. – Ничего не случится. – Она положила ладонь на руку Аниты; ее буроватые пальцы были похожи на вязанку сухих веточек. – Мне нужно время, чтобы привыкнуть. Если ты доведешь меня до самой проходной, я разревусь, как девчонка.

Анита попыталась улыбнуться и вспомнила другой разговор – ссору, вспыхнувшую между ними в день получения Рейчел офицерского звания.

– Уже слишком поздно, разве ты не понимаешь? – кричала на нее Рейчел. – Поздно с того самого дня, когда я начала первый курс инъекций. Тебе не приходит в голову, что для меня поддержка не будет лишней? Ты не догадываешься, что мне тоже может быть страшно?

В конце концов, подруги сошлись на том, что дойдут вместе до входа в метро. Они зашли в кафе прямо на площади Лестер-Сквер, которое снаружи им казалось приятно-прохладным. Только кондиционер оказался неисправен, и вскоре Анита взмокла от пота. Рейчел, конечно же, теперь едва ли замечала перемену температуры. Она чуть смачивала губы маленькими глоточками минералки. Анита потягивала апельсиновый сок, чувствуя, как он ледяными порциями вливается в горло. Через двадцать минут Рейчел попросила счет и встала, собираясь уходить.

– Пора, – проговорила она. – Чем дольше откладываешь, тем тяжелее.

Рейчел достала из кармана платок и промокнула глаза. Анита знала, что это по привычке: ее слезные протоки пересохли уже некоторое время назад.

Когда они вышли на улицу, она обняла подругу и сказала:

– Я тебя люблю. Я так тебя люблю!

– Знаю, – отвечала Рейчел. – Знаю, что любишь.

Они пошли по направлению к эскалаторам, ведущим к линии Пикадилли. Парень с двумя наколотыми черными мамбами, обвивавшими предплечья, помог Рейчел сесть в поезд.

– Значит, скоро летишь, да? – спросил он. – Я думаю, что вы все участвуете в неплохом деле. – Он осторожно, даже с нежностью проводил ее к сиденью. Двери поезда закрылись. Анита подняла было руку и хотела помахать на прощание, но Рейчел разговаривала с татуированным парнем. Ее лицо было обращено к нему. Он запрокинул голову, и его зеленые глаза сощурились в беззвучном смехе.

Вернувшись на Чаринг-Кросс, Анита позвонила Сержу. Голос его звучал сдержанно, и ей впервые пришло в голову что он, возможно, уже начал с кем-то встречаться. Анита никогда напрямую не говорила с Рейчел о Серже. Просто расценивала его присутствие как доказательство преданности. Этим она восхищалась, этим усмиряла жуткие муки ревности. А теперь спрашивала себя: «Неужели я просто оказалась слепа?»

– Меня какое-то время не будет дома, – сообщила она ему. – Поеду проведать бабушку.

Анита сама не знала, почему так сказала. Решение съездить навестить Мередит пришло совершенно спонтанно, прямо во время разговора с Сержем. Она плотнее прижала трубку к уху, пытаясь уловить любое подозрительное изменение голоса.

– Тогда увидимся через несколько дней, – проговорил он. – Анита, у тебя все в порядке? Точно не хочешь заехать?

– Все нормально, – отозвалась она и совершенно неожиданно поняла, что меньше всего хотела бы видеть сейчас этого человека. – Заеду, когда вернусь.

Анита сделала пересадку на Лондонском мосту и еще одну – на станции Ист-Кройдон. По обе стороны железной дороги тянулись пожелтевшие высохшие поля. Дождей не было с апреля. Теперь летние засухи стали обычным явлением. Ожидали самого худшего, хотя Анита помнила все это с самого детства: колонки на улицах, «сухие часы» с одиннадцати до четырех. Ее школьный приятель, Роланд Паркер, как-то раз даже не мылся целых шесть месяцев.

– Таков мой патриотический долг! – заявлял он. Друзья подначивали его и заключали пари, сколько же он продержится. От него пахло, как от мускусной крысы, но под одеждой кожа была чистой и гладкой. Аниту привлекал даже этот запах: дикий, жизнеутверждающий, какой-то особенный. Она помнила, как дотронулась до члена парня, и тот мгновенно и ошеломительно отозвался на ее прикосновение.

Именно Роланд Паркер первым сказал Аните о ее матери.

– Твоя мама погибла тогда в огне, да? – спросил он. – Я про взрыв на борту ракеты. Про это пишут в Интернете. Мне брат

говорил.

Они бок о бок сидели на бетонной платформе у Старого пруда. Когда-то с нее люди ныряли в озеро. Сейчас воды уже не было, только зимой порой набиралось около фута. Летом бывший пруд зеленел густыми зарослями, в основном сорняками, ежевикой и крапивой, но там встречались мак и наперстянка, которые едва ли росли где-то еще. Бабушка говорила, это оттого, что почва под Старым прудом всегда оставалась немного влажной. Раскаленный бетон жег ступни. Жмурясь, Анита взглянула на трехчасовое солнце через ресницы.

– Моя мама умерла в авиакатастрофе, – произнесла она. Именно так ей всегда говорили.

– Ой, извини. Наверное, братец что-то перепутал. – Роланд искоса поглядел на нее, потом опустил взгляд на руки. Его ноги болтались над высохшим озером. Она подумала, что у него красивые ступни, длинные и узкие, как у еврейских мальчиков. Чуть выше щиколотки красовались три больших комариных укуса. Выстроились почти в ряд, эти три розово-красные точки.

– Не важно, – сказала Анита. – Она умерла, когда я была младенцем. Совсем ее не помню.

Анита не знала, что и думать. Сомнения впервые посетили девятилетнюю девочку. Если Роланд сказал правду, значит, до этого ей говорили неправду, или, по крайней мере, не всю правду. Мир, прежде такой понятный и светлый, вдруг потемнел и наполнился сгорбленными тенями. Вернувшись домой, Анита поймала себя на том, что смотрит на бабушку изучающе и задается вопросом: «*Кто же она на самом деле?*» Мередит Шинер – все еще моложавая женщина около пятидесяти лет с густыми волосами, собранными в высокую прическу. Она действительно ее бабушка или же просто самозванка, приставленная лгать Аните? Мысль оказалась пугающей, хотя девочка не могла отрицать, что с будоражащим волнительным привкусом. Анита молча съела ужин, раздумывая: «Интересно, что будет, если забыть, как разговаривают? Точно так же, как додо забыли о полетах. Интересно, каково это – провести остаток жизни немой?».

У них в школе была одна немая – Леони Гроб. Хотя ее больше дразнили из-за фамилии, а не молчания.

Первой тишину нарушила бабушка.

– Все ли у тебя хорошо, дорогая? Что-то случилось?

Сначала Анита хотела отмалчиваться, потому что так таинственней и больше подходит серьезности дела, но в итоге не смогла не ответить на прямой бабушкин вопрос.

– Роланд сказал, что мама погибла во взрыве на ракете. Это правда?

Мередит Шинер не стала уходить от ответа и сразу же отозвалась. Именно это убедило Аниту в том, что бабушка говорит правду. Она рассказала, что Мелани, мама Аниты, погибла на борту ракеты «Аврора-1», которую при взлете взорвали террористы. Все космонавты погибли сразу, а также несколько человек наземного обслуживающего персонала сгорели в охватившем стартовую площадку огне. В их числе был отец Аниты.

– Газетчики бы от нас не отстали, – проговорила Мередит. – Конечно же, трагедия обернулась ужасом для всех, но именно Мелани интересовала репортеров больше всего, ведь она была единственной женщиной.

– Кому же пришло в голову взрывать ракету, ведь все знали, что в ней находятся люди?! – Несмотря на намерение относиться к этой истории отстраненно и по-взрослому, Анита почувствовала, как в груди у нее сжалось сердце.

– Тем, кого никак не назовешь хорошими людьми, – ответила бабушка. Вздохнула и понурилась, протерла глаза тыльной стороной руки. – Кое-кому тогда казалось, что неправильно отправлять людей в космос. Они были недовольны затраченными на проект средствами и считали, что лучше на те деньги накормить бедняков, построить школы, больницы и церкви здесь, на Земле. Но дело не только в этом. Некоторые полагали, что людям нельзя прыгать выше головы. Если бы человеку было дано летать, он рождался бы с крыльями. Поэтому полеты в космос казались им кощунством, вроде как люди бросают вызов Богу. Они называли себя Ангелами-хранителями, но на самом деле убили людей.

Анита молчала. Ее разрывало от противоречивых чувств. Мама – женщина-космонавт, как интересно! Раз ее задумали убить, значит, она была персоной весьма важной, что тоже впечатляло – хотя в этом Анита никому бы не призналась, может, только Роланду Паркеру. Но вместе с тем это и пугало. Девочка неожиданно почувствовала себя совершенно незащищенной, словно ее собственная жизнь тоже подвергалась опасности. Она задавалась вопросом, можно ли печалиться о ком-то, кого совсем не помнишь и кто связан с тобой лишь данностью.

Анита спросила бабушку, можно ли ей хранить в комнате мамину фотокарточку. Конечно же, она и раньше видела ее снимки, причем много, и они стали для девочки такими знакомыми, словно кадры из фильма. Благодаря этим фотографиям Мелани сделалась всеобщим достоянием, словно была актрисой или политиком. Анита подумала, что мама станет немного ближе, если одна будет стоять у нее лично. Мередит

Шинер пошла в спальню и вскоре вернулась с красным бумажником. В нем хранились две фотокарточки: одна была копией той, которая стояла у бабушки на туалетном столике, – там мама выпускалась из Оксфорда. Вторую Анита до сих пор не видела; на ней Мелани в клетчатой рубашке была запечатлена с ребенком на руках.

– Здесь тебе восемь недель, – рассказала бабушка. – Это единственная фотокарточка, на которой вы вместе.

У Аниты сжалось горло. Ей казалось, что на шею навалился тяжелый груз. На всякий случай она решила узнать, нет ли у бабушки снимка отца, на что Мередит покачала головой:

– К сожалению, дорогая, нет. На самом деле, я почти не знала Малькольма. Они с Мелани были женаты всего шесть недель.

А. Ш.: Можешь рассказать о том, как попала в программу космических исследований? Ты уже состоялась как промышленный химик, пользовалась уважением коллег, впереди было обеспеченное и благополучное будущее. Кто-то, вероятно, скажет, что ради проекта «Аврора» тебе пришлось пожертвовать человечностью. Почему ты выбрала именно его?

Р. Э.: Когда мне было одиннадцать лет, я посмотрела фильм под названием «Путешествие к солнцу», в котором рассказывалось вовсе не о космических путешествиях, а о первых морских плаваниях в Америку и Вест-Индию. Конечно, в школе мы это проходили, но в фильме все выглядело намного реалистичнее. Он так меня взволновал! Мысль о том, что огромные территории нашей некогда опасной планеты были все еще неизведаны, казалась мне удивительной. Отправлявшиеся в море люди толком не знали, куда попадут, и почти не надеялись вернуться… Они рисковали жизнью ради приключений, и это буквально меня наэлектризовало. Потом я стала читать о ранних пионерах космоса и вновь испытала прежние мысли и чувства. Хотя, кажется, на самом деле они никогда не оставляли меня.

Рейчел Элвин связалась с Анитой по электронной почте. Она поделилась своими впечатлениями о ее короткометражном фильме «Лунные псы», посвященном собачьим бегам в Хакни. Некоторое время женщины переписывались, потом договорились встретиться в итальянском ресторанчике в Сохо. Рейчел удивила Аниту. Она оказалась маленькой и тихой, а ее черты лица – слишком угловатыми, чтобы считаться красивыми по традиционным канонам. Но в ней были бесстрашие и смелость мышления, и это делало ее совершенно неотразимой. Женщины тут же подружились. Только позже, когда Рейчел спросила Аниту

о Мелани Шлейф, та поняла, что в первую очередь ее привлек не фильм, а фамилия.

– Это моя мать, – ответила Анита. – Она умерла, когда мне было восемь месяцев.

– Даже не верится, – проговорила Рейчел. – С самого детства Мелани была для меня героем. – Женщина побледнела, голубые глаза наполнились слезами. Анита ощутила укол ревности, но тут же подавила неуместное чувство. Ее мать погибла. И самое главное, что они с Рейчел вообще встретились, а почему – уже не важно.

– У меня остались кое-какие мамины вещи. Если хочешь, могу тебе показать.

В следующее воскресенье Рейчел навестила приятельницу в ее квартире в Вулидже. Анита показала ей фотокарточки, раскрашенную оловянную копилку, деревянный глобус и биографию Терешковой, где на форзаце синей шариковой ручкой было написано: «Мелани Мюриэл Шинер».

– Бабушка избавилась от большей части маминых вещей. Она говорила, что хранить их слишком грустно, словно в доме живет призрак, – сказала Анита. – Это все, что у нас осталось.

Во второй половине дня они сели на автобус и отправились в Шутерс-Хилл. Анита хотела показать Рейчел дом, в котором выросла сама и где прошло детство Мелани. Большая викторианская вилла находилась прямо у главной дороги. В ней некогда размещалась школа, потом ее разделили на квартиры. Анита не была в этих краях с тех пор, как они с бабушкой съехали отсюда полтора года назад. Дом снаружи отремонтировали, – теперь он казался другим, новее. Словно нарочно стерли память о ее пребывании здесь.

– Внутри он просто огромный, – рассказала Анита. – Позади дорожка, которая ведет к лесу Окслис. Там растет наперстянка. Когда я была маленькой, все время играла в лесу.

Ей хотелось погулять вместе с Рейчел в саду, но боковая калитка оказалась заперта на висячий замок. Аниту огорчило и даже почти рассердило, что в родном доме ее встречают как злоумышленницу, хоть и понимала странность этих чувств. Внезапно она пожалела, что приложила к выкупу квартиры так мало усилий.

– Мне здесь очень нравилось, – произнесла Анита. – Тут я всегда чувствовала себя в безопасности.

Квартира продана, деньги вложены в оплату взносов за бабушкин дом престарелых. Она была очень большой, а значит, слишком дорогой для нее, к тому же уже изрядно обшарпанной. Теперь Анита подумала, что если бы постаралась, то нашла

способ остаться здесь. Она посмотрела на Рейчел, которая фотографировала все на камеру телефона и глазела по сторонам, словно оказавшийся на объекте всемирного наследия турист. Анита сквозь ткань платья прикоснулась к кулону-додо и подумала: как странно, что благодаря Рейчел она не только смогла вернуться к своему прежнему дому, но даже затосковать по нему.

Усиливающаяся симпатия к Рейчел открыла ее душу для чего-то особенного. Тогда отчего она не сказала всю правду о реликвиях матери: ведь вместе с несколькими безобидными вещицами, которые Анита показала подруге, у нее было несколько картонных коробок с письмами, дневниками и фотографиями, найденными в бабушкиных бумагах и перевезенными в Вулидж. Она так и не разобрала их.

В детстве Анита преклонялась перед героической матерью и боготворила ее почти так же, как Рейчел сейчас. Но когда поступила в колледж, начала ощущать все возрастающее стремление обособиться от нее.

Бабушкина болезнь на некоторое время это изменила, но сейчас Анита снова хотела, чтобы мать освободила ей дорогу. Она желала полностью завладеть Рейчел.

Пока поезд ехал до Шорхэма, он совсем опустел. Анита сошла на платформу и захлопнула дверь. Между брусками тротуарной плитки желтела трава. Палило солнце. Резко пахло соленой водой и водорослями.

Рейчел здесь нравилось. Ребенком она редко выезжала из Лондона, поэтому побережье никогда не теряло в ее глазах очарования. Когда подруги впервые вместе приехали повидаться с бабушкой Аниты, Рейчел проходила второй курс инъекций и ее координация была немного нарушена. Она пролила чашку кофе на колени и ошпарилась. Мередит тут же опомнилась, обработала ожоги асептическим средством и дала чистую блузку – диковинную вещицу с высоким кружевным воротником и блестящими пуговицами.

– Я не понимаю, – заговорила Анита, когда они вечером возвращались поездом в Лондон. – Дома бабушка всегда носила такую унылую одежду.

– Возможно, теперь она чувствует себя свободной, – предположила Рейчел. – И вместо того, чтобы оправдывать чьи-то ожидания, Мередит стала той, кем хочется ей самой.

Аниту эти слова успокоили. Ее смиряло великодушие Рейчел, способность принимать людей такими, какие они есть. Анита посмотрела на море. Во время отлива глазам открывался только

обнажившийся берег. «Дом Южных вод» располагался всего в полумиле от станции, но дорога поднималась круто в гору. Открывавшийся сверху вид очаровывал. Дом престарелых был рассчитан на тридцать постоянно проживающих там пациентов. Облицованные плиткой коридоры и наклонные газоны наводили Аниту на мысль об одном из прибрежных отелей двадцатых годов XX столетия из некогда любимых бабушкой старомодных детективных романов Агаты Кристи и Дороти Ли Сэйерс. Казалось, местный персонал потворствовал этой иллюзии. В глубине души Аните казалось, что некоторые из представителей штата будут поэксцентричней большинства пациентов. Вокруг ощущалась какая-то суматоха, именно поэтому Анита решила, что бабушка будет здесь счастлива. В холле пахло сосновым моющим средством и свежескошенной травой – эти запахи воскрешали у нее в памяти день, когда Мередит переехала в «Дом Южных вод». Бабушка очень тяжело переживала утрату квартиры на Шутерс-Хилл и была заплаканная и растерянная. Когда Анита целовала ее на прощанье, она вцепилась во внучку и назвала ее Мелани. В следующий раз бабушка показалась ей другой, но выглядела лучше. Пожалуй, Рейчел оказалась права, и Мередит, наконец, смогла обрести свободу и стать собой.

За стойкой рецепции никого не было. Анита помедлила, размышляя, позвонить ли ей или сразу подняться наверх. Наконец появилась молодая женщина в очках с пергидрольными волосами. Одной рукой она катила тележку для белья, а другой сжимала пачку газет. Аните показалась, что она помнит ее по предыдущему визиту в дом престарелых, но имя забыла.

– Мисс Шинер, – приветствовала ее молодая особа. – Ваша бабушка у себя в комнате. Боюсь, сегодня она не слишком бодра.

Анита всегда удивлялась, когда к ней обращались по фамилии Мередит. Выходило так, будто она в некотором смысле становилась ею. Она не знала наверняка, была ли известна персоналу ее фамилия или женщина просто ошиблась.

– Что вы имеете в виду? Почему мне не позвонили?

Пергидрольная сиделка отступила на шаг назад:

– Вам совершенно не нужно беспокоиться. Она не больна, просто немного подавлена.

Анита сочла сказанное за эвфемизм и решила, что сиделка пытается сообщить ей, что Мередит сейчас находится в одном из свойственных ей затмений. Они с бабушкой виделась меньше недели назад, но Анита знала, что в особом мире Мередит Шинер время – величина нестабильная. Пять дней для нее могут пролететь незаметно, а могут тянуться долго, словно пять лет. Она неопределенно улыбнулась сиделке и поспешила наверх.

Комната Мередит располагалась на первом этаже и окнами выходила на море. Она была большой, светлой и битком набитой всякими безделушками. Конечно, кое-что Анита помнила по Шутерс-Хиллу, но здесь было и много нового: китайские украшения, расшитые подушки и яркие иноземные вещицы повсюду. Наряду с весьма претенциозной одеждой они, казалось, принадлежали новой Мередит, а не прежней. Анита обратила внимание на слой пыли. Наверное, здешний персонал никак не мог справиться с бабушкиным беспорядком.

Мередит сидела в кресле рядом с кроватью. Глаза у нее были открыты, но неподвижный пустой взгляд делал бабушку совсем чужой. У Аниты перехватило дух.

– С тобой все хорошо, ба? – спросила она, опустилась на колени рядом с креслом и взяла обе руки Мередит в свои. Та вцепилась в нее, как испуганный ребенок.

– Хочу поговорить с Рейчел, – заявила она. – Мне нужно ей кое-что сказать.

Внутри у бабушки будто щелкнул выключатель: внезапно она стала выглядеть так, словно полностью отдает себе отчет в происходящем. В глазах светился неистовый огонь жизни. Казалось, она помолодела лет на двадцать.

– Бабушка, Рейчел здесь нет, – отвечала Анита. – У нее отпуск закончился. На следующей неделе она возвращается в Америку. Вчера вечером я говорила тебе об этом по телефону.

Ее накрыла волна отчаянной жалости. Наверное, так же чувствовала себя бабушка, когда говорила Аните о смерти мамы. Крохотным уголком сознания она завидовала Мередит, что та может существовать в мире, где Рейчел все еще можно вернуть. Слезы подступили к глазам, и Анита наклонила голову надеясь на то, что бабушка не заметит ее состояния. Ей говорили о том, что заболевание в значительной степени проявляется в поглощенности самим собой и неспособности замечать происходящее во внешнем мире. Но Мередит вырвала руку и повернула лицо Аниты к себе, как делала, когда та была совсем маленькой девочкой.

– Ты печальна, – заметила она. – Что-то не так с Рейчел?

Анита снизу вверх посмотрела на бабушку и вновь в который раз удивилась, как они с ней до странности не похожи. Анитина мать белокурая и крепкая – вся в своего отца, Клейза Шинера, голландского морского капитана. Судя по фотокарточкам, Анита очень походила на маму. Мередит Шинер была миниатюрной хорошо сложенной женщиной кельтской внешности с тяжелыми веками и глубоко посаженными глазами. Ее некогда смоляные волосы поседели вскоре после гибели Мелани.

Сердце Аниты затопила волна нежности. Бабушка всегда обладала такой недюжинной силой духа! Даже сейчас, совсем беспомощная, она думала о других.

– Нет, бабушка. С Рейчел все в порядке. Если ты хочешь что-то сказать ей, говори мне. Я все передам, когда она позвонит в следующий раз.

Мередит ослабила хватку, неукротимый огонь в глазах погас.

– Не волнуйся, милая. Я просто хотела ей сказать, что она совсем как Мелани, только это уже не важно, раз ее нет. – Она приласкала внучку, погладила по голове, и тут внезапно силы совсем покинули ее, осталась только усталость. Анита безучастно смотрела на бабушку и думала о нескладном теле Рейчел, ее плоской груди, медно-красных волосах и милых веснушках. Еще до начала процесса Кушнева Рейчел шутила, что она и так таракан больше чем наполовину. Невозможно ее сравнивать с Мелани, с которой Анита была похожа как две капли воды: такая же светлокожая, розовощекая. И все же, пожалуй, бабушка права. Обе эти женщины отважны, обе – люди дела, готовые умереть за то, во что верят. Анита же всегда предпочитала стоять в сторонке и наблюдать.

Мать любила ее не настолько сильно, чтобы остаться на Земле. И Рейчел тоже. Анита заплакала.

– Бабушка, это я во всем виновата, – всхлипнула она. – Надо было найти способ остановить Рейчел, только я не знала как. Я очень ее люблю! Лучше бы она умерла, так еще хуже.

Если Рейчел умрет, то в некотором смысле окажется в безопасности: ее будут помнить и любить. Но она станет монстром, посвятившим себя странной жизни, в которой личные чувства – ничто по сравнению с призванием, таинственным голосом, вещающим о том, что место ее вовсе не здесь, а где-то еще. Настолько далеко, что обычному разуму невозможно это осознать.

И все же, лет через сто, когда Аниту схоронят в земле, будет ли Рейчел думать о ней, вспоминать послеполуденную прогулку на Шутерс-Хилл и яркопламенные цветки наперстянки в некошеной траве?

Анита рыдала, уткнувшись в бабушкины колени. Если бы сейчас вошла пергидрольная сиделка и обнаружила ее в таком состоянии, то пришла бы в бешенство. Анита постаралась сдержать слезы.

– Прости меня, бабушка, – извинилась она. – Я не хотела расстраивать тебя. Просто очень устала.

Бабушка не отвечала, уставившись взглядом в невидимый горизонт и неподвижно положив по бокам руки. Сердце у Аниты

екнуло. На один короткий миг она подумала, что бабушка умерла из-за ее рыданий. Наконец Мередит шевельнула руками, зашуршал сиреневый шелк юбки. Анита встала и с тревогой склонилась над бабушкой. Серебряный додо выскользнул из-под блузки и повис в воздухе, медленно покачиваясь на цепочке.

– Принести тебе что-нибудь? – спросила Анита. – Хочешь чаю?

Мередит Шинер посмотрела на нее и улыбнулась, нежная кожа в уголках глаз сморщилась. Она потянулась к кулону, словно дитя, пытающееся поймать бабочку. Мередит толкнула додо пальцами, заставив качаться и вздрагивать, – наверное, ближе этого к естественному полету птице бывать не доводилось.

– Много лет я корила себя за Мелани, – проговорила бабушка. – В день отъезда мы очень поссорились. Ты тогда была совсем крохой, и я обвинила ее в глупости и эгоизме, ведь она ради карьеры пренебрегла тобой. Мел возражала, говорила, что я просто ревную и хочу превратить ее в домохозяйку под стать себе самой. И то, и другое было ложью, но все равно я оправдывалась и напоминала ей о тебе. Видишь ли, Мелани попросила меня позаботиться о кулоне. Ничего подобного прежде не приходило ей в голову, она никогда не снимала этой цепочки. В колледже его подарила Мелани лучшая подруга, с тех пор она всегда носила это украшение, не расставалась с ним даже в душе. Мне казалось, должно случиться ужасное. Я не могла перенести мысль, что могу потерять дочь. – Бабушка взяла Аниту за руку и с неожиданной силой сжала ее пальцы. – Знаешь, я тоже давным-давно любила фотографировать. Было дело, я даже думала, из моего увлечения выйдет что-нибудь путное. Но потом родилась Мел, ушел Клайз, и все стало так сложно, так трудно. Пожалуй, я относилась ко всему спустя рукава. Тогда мне хотелось снова снимать, начать с того, на чем остановилась. Но после гибели Мелани я словно попала на мель во время отлива. Было такое чувство, будто вечером в сумраке бредешь вдоль пляжа. Ты же знаешь, каково это здесь, когда приходит отлив, и мокрый песок блестит, словно зеркало. Сумерки прекрасны, только это самое одинокое время. Я казалась себе такой потерянной, будто никогда не смогу снова отыскать дороги домой. И даже немного сочувствовала им – тем, кто это сделал, Божьим людям. Сама идея космических путешествий казалась столь пугающей и опасной, как будто зачем-то вздумалось бродить в полном нечисти доме. Мел перечила мне, но я так гордилась ею, что едва могла дышать.

Мередит вновь протянула руку к подвеске, взяла двумя пальцами и проговорила:

– Твоя подруга Рейчел была такой красивой. Наверное, она очень-очень храбрая, если смогла проститься со всем этим.

– Она все еще прекрасна, бабушка, – сказала Анита. – По крайней мере, для меня. – Женщина опустилась на краешек кровати. Глаза опухли от слез. – Давай сходим и посмотрим, кто сейчас в столовой.

Анита встала и протянула бабушке руку. Мередит в замешательстве уставилась на внучку как на видение. Интересно, вспомнит ли она что-нибудь из их разговора? Действие новых лекарств было поразительным, но врач предостерегал Аниту от пустых ожиданий.

– Похоже на то, как раздуваешь тлеющие угольки, – так он сказал. – Они вспыхнут, отдадут немного тепла, совсем ненадолго.

Аниту восхищала его необычная образная речь, столь богатая метафорами, – казалось, ведешь беседу с поэтом. Женщина вспомнила усталые глаза доктора, его искривленные пальцы и истинную доброту, особенно когда он приносил дурные вести. Как близко к сердцу он принимал каждую неудачу, словно лично отвечал за то, что медицина бессильна против смерти…

«Интересно, получится ли у меня его снять, – размышляла Анита. – Согласится ли он, если я попрошу?»

Коробки стояли в шкафу под лестницей, засунутые подальше между пылесосом и старой бабушкиной гладильной доской. Их было три: две большие с логотипом известной продуктовой компании и одна безымянная, поменьше. Сначала Анита раскрыла маленькую. Она смутно помнила, как паковала все это, что куда положила, но сразу же увидела, что в третьей коробке были сложены мамины официальные бумаги: свидетельство о рождении, паспорт, медицинские документы. Ничего такого, что было бы сейчас важно. Две другие коробки оказались более интересными. Туда попали фотографии и открытки, письма старых друзей, жестянка со значками и точилкой в форме «Аполлона-13». На самом дне второй коробки нашлись три перевязанных веревочкой тетради – дневники Мелани, написанные в последний год обучения в Оксфорде и за несколько месяцев до приема в космическую программу. Анита с удивлением узнала, что мама пришла туда как инженер по наземному обслуживанию. Наверное, так она и познакомилась с Малькольмом Шлейфом, хотя на страницах дневника упоминаний о нем отыскать не удалось.

За обложку одной тетради была вложена открытка – цветная репродукция додо с картины Роланда Савери[52]. На обороте

большими черными остроконечными буквами было написано одно-единственное предложение: «О СВОИХ КРЫЛЬЯХ НЕ ПОЗАБУДЬ». Открытка пришла из Оксфорда на адрес в Шутерс-Хилл. Подпись гласила: «С любовью от Сусанны». По почтовому штемпелю стало ясно, что послание Мелани получила меньше чем за месяц до своей гибели.

В надежде отыскать ключ к личности Сусанны Анита быстро просмотрела связки конвертов. Через минут пять она нашла желаемое: коричневый упаковочный пакет, в котором лежало несколько десятков рукописных и столько же распечатанных электронных посланий Сусанны Беренс. Она писала порой из Гамбурга, иногда из Оксфорда, но всегда – тепло и очень лично, по-дружески.

Отчего-то из грубоватых шуток и милых словечек Сусанны образ матери представился Аните гораздо реальней, чем из всех бабушкиных воспоминаний.

Руки у нее стали грязными от пыли. Анита обтерла ладони о джинсы и пошла ставить чайник. Пока закипала вода, зазвонил телефон. Анита сняла трубку и услышала голос Сержа:

– Хотел узнать, не вернулась ли ты, – сообщил он. – Не мог дозвониться тебе на мобильный и уже начат немного волноваться.

– Батарея села, а зарядку я взять забыла. Вернулась только утром. – Все из сказанного было ложью. Анита приехала в Лондон три дня назад, и после четырех следующих один за другим звонков Сержа просто отключила телефон. Отчего-то она не желата признавать, что миссия Рейчел все меняет. А еще она никак не могла забыть то, как звучал голос Сержа при их последнем разговоре: как будто ему есть что скрывать. Она бы на неопределенное время отложила разговор, только понимала, что это невозможно. Рано или поздно придется смело взглянуть в лицо обстоятельствам.

Анита спросила, как у него дела, и Серж ответил, что все в порядке. Затем он поинтересовался здоровьем бабушки, и Анита пробормотала что-то в ответ. Возникло неловкое молчание, и потом он сказал то, зачем на самом деле звонил.

– Послушай, Анита, – начал он. – Полагаю, ты должна знать, что я начал встречаться с женщиной. Не хочу, чтобы ты узнала об этом от кого-то другого.

Даму звали Белла Олтман, она сочиняла электронную музыку.

– Наверное, ты слышала ее мелодии, – говорил Серж. – Белла написала несколько сотен треков для рекламы. Ее работа везде и всюду, – последовал короткий натянутый смешок; раньше за ним

такого не водилось. Анита подумала, что с момента их последнего телефонного разговора он хотел ей об этом рассказать.

– Зачем мне это знать? – спросила она. – Тебе не кажется, что нужно говорить с Рейчел, а не со мной?

Снова повисла напряженная тишина.

– Думаешь, ей нужно сказать? Едва ли она сама узнает.

Серж просил у нее разрешения относиться к Рейчел так, как будто та уже мертва! «Нет, – внезапно поняла Анита. – Он пытается разнюхать, не захочу ли я рассказать ей об этом».

Ее охватил лютый ледяной гнев, и Анита знала, что никогда этого не забудет. Если они с Сержем снова встретятся, то будут друг другу словно чужие.

– Я не собираюсь доносить на тебя, не бойся, – холодно сообщила она. – Это твои дела. Я волнуюсь за Рейчел, ты мне неинтересен.

Она миг помедлила, ожидая, не скажет ли Серж что-то еще, потом повесила трубку. Налила в кофейную чашку кипятка и вновь вернулась к письмам Мелани. «Как же мне отыскать Сусанну Беренс?» – думала Анита.

Стоимость билетов до Соединенных Штатов порядком поднялась. Но Клемент Андерсон посодействовал в получении визы для Аниты, и она смогла вернуть часть денег в качестве гранта на проведение исследовательской работы.

Младший офицер встретил ее в аэропорту и сопроводил в мотель неподалеку от базы. Последовало заполнение неизбежных протоколов, целых два дня психологических тестов и заполнения бланков. Просьбу заснять процедуру вежливо отклонили.

Экипаж «Авроры-6» теперь находился практически в полной изоляции. За день до запуска каждому космонавту была разрешена одна последняя встреча с другом или родственником. Аните несколько раз удалось поговорить с Рейчел по телефону. Но она всегда считала, что личная встреча достанется Сержу. Однако внезапно получила приглашение именно Анита.

Наконец ее привели в совершенно пустую комнату, в которой стояли стол, два стула и низкий коричневый диван из искусственной кожи. В одной стене было окно с тонированным стеклом, как Анита решила – зеркало Гезелла. Минут через десять открылась дверь и вошла Рейчел. Она была одета в серый комбинезон – то ли шелковый, то ли синтетический. Остатки волос прятались под шапочкой, плотно прилегающей к голове, как у оперирующих хирургов. Несколько выпавших из-под нее прядей сухих ломких волос напоминали пучки травы.

Губы Рейчел теперь имели ярко-свекольный цвет. Казалось, они не составляли с лицом единого целого, а просто случайно прилипли к нему растрескавшимися струпьями.

Рейчел закрыла за собой дверь и шагнула в комнату. Торчащие из свободных рукавов комбинезона запястья были как у скелета, ногти стали толстыми и почернели. Холодные мутные глаза едва ли можно было назвать человеческими. Остатки ее прежней красоты проглядывались только в изящной линии подбородка и высокого лба.

Анита встала из-за стола и пошла к ней навстречу. Она почувствовала ноющую тупую боль в груди, словно пыталась задержать под водой дыхание.

– К тебе можно прикасаться? – спросила она.

– Конечно, – ответила Рейчел. – Иди сюда.

Они обнялись. На ощупь тело Рейчел напоминало стеклянные трубочки, перевязанные полосами бумаги и кусками бечевки. Она пахла как сельскохозяйственный силос или свежескошенная трава в компостных кучах «Дома Южных вод». Женщины расположились по обе стороны стола. Анита коснулась руки Рейчел и подумала, что с той стороны зеркала Гезелла они выглядят как две актрисы в какой-нибудь тюремной драме.

«Да она в самом деле угодила в тюрьму», – подумала Анита. В первый раз при виде подруги она испытала не скорбь или злость, но ужас.

Они вели тихую беседу. Рейчел спросила о Мередит, Анита рассказала ей о поисках Сусанны Беренс.

– Мне бы хотелось взять у нее интервью для фильма, – поделилась Анита. – Судя по письмам, она знала мою мать лучше всех.

– Фильм получится замечательный, – заверила ее Рейчел. – Твоя мама бы так гордилась тобой!

Анита ласково погладила руку подруги. Отведенные на встречу полчаса подходили к концу. Она расстегнула цепочку с додо, сняла с шеи и протянула Рейчел. Украшение все еще хранило тепло ее тела.

– Возьми его с собой, куда бы ты ни отправилась, – проговорила Анита. – Это то, чего ей хотелось больше всего на свете.

Матовые глаза Рейчел, казалось, блеснули. Она медленно, словно прикосновение ко всему твердому теперь стало для нее болезненным, сомкнула пальцы над серебром.

– Я уношу с собой вас обеих, – сказала она. Голос Рейчел звучал сухим шепотом, словно высокие травы тихо колыхались на ветру. – Без тебя я бы не смогла сделать это.

Аните не сразу удалось отыскать «Путешествие к солнцу». Похоже, его никогда не выпускали на DVD. Когда женщина, наконец, нашла видео на каком-то фан-сайте, то удивилась стоимости конвертации на диск.

Картинка была далека от идеала, но для формата VHS – более чем приемлемой. Фильм «Путешествие к солнцу» казался Аните воплощением эпического жанра, который достиг расцвета к концу двадцатого века. Он шел почти три часа и был насыщен выразительными кадрами и захватывающими, хоть и устаревшими, спецэффектами.

Главные роли исполнили: Роуан Амхерст (капитан корабля), Хилари Бенсон (первый помощник) и номинированная на «Оскар» Аурели Пеллинг (невеста капитана Лилиан Фернесс). На Аниту все актеры произвели впечатление, хотя для нее звездой был, несомненно, молодой Джошуа Сэмьюлсон, игравший роль юнги Линдена Брукса. Это была первая значительная роль молодого актера, которую он исполнил блестяще. Брукс обладал весьма неоднозначным характером. Он был умен, но хитер, храбр, но двуличен, и Сэмьюлсон талантливо обыграл эти противоречия. Аните показалось замечательным и то, что в центре внимания были не жадный капитан или мятежный первый помощник, а беспринципный юнга.

Он единственный из всей команды преображался в суровых условиях. Опаленная солнцем кожа стала почти черной, на нем не было ни единого грамма жира, и все же его светлые глаза горели чистым огнем, таким пронзительным, почти экстатическим.

Перехватываясь руками, он взлетел вверх в воронье гнездо[53], тощий и проворный, словно обезьянка.

– Земля! – крикнул он. – Вижу землю! – Пропитавшиеся морской солью рыжие волосы юнги пламенели на фоне синего неба.

Образы – чистой воды Голливуд, но, как и свойственно великому кино, они были прекрасны и вдохновляли. Анита с легкостью представила себе, как совсем молоденькая Рейчел, чью юную душу пленили романические идеалы, отождествляла себя с этими вымышленными пионерами. Юнга Линден Брукс с копной огненно-рыжих волос, ликующий при виде неведомого континента, вполне мог быть ее братом-близнецом.

Анита достала диск из проигрывателя и осторожно положила в пластиковый футляр. Она знала, что этот фильм – часть Рейчел, которую можно навсегда сохранить рядом с собой. Анита подумала о затерявшейся в космосе подруге, чьи обменные процессы теперь были загадочные и непостижимые, как у

куколки, и вдруг отчетливо почувствовала связь с ней.

Кори Доктороу
Цыпленок Цыпа [54]

Кори Доктороу – соредактор популярного веб-сайта «Boing Boing» (boingboing. net), один из участников проекта по созданию новых алгоритмов интернет-поиска «OpenCola», а до недавнего времени был координатором «Фонда Электронный Фронтир» (www.eff.org). В 2000 году Доктороу получил премию Джона Кэмпбелла в номинации «Лучший молодой автор». Его рассказы публиковались в «Asimov's Science Fiction», «Gateways», «Science Fiction Age», «The Infinite Matrix», «On Spec», «Salon» и других изданиях, а также в сборниках «Чужое место и еще восемь историй» («A Place So Foreign and Eight More») и «Разогнанный процессор» («Overclocked»). Первый роман писателя «Доходяга в волшебном королевстве» («Down and Out in the Magic Kingdom») был тепло принят читателями и отмечен премией «Locus» как лучший дебютный роман. В числе других книг Доктороу – «Восточное стандартное племя» («Eastern Standard Tribe»), «Кто-то приходит в город, кто-то уходит из города» («Someone Comes to Town, Someone Leaves Town»), роман для юношества «Младший брат» («Little Brother») и «Мастера» («Makers»). Доктороу в соавторстве с Карлом Шрёдером написал «Руководство по публикации фантастики для полных идиотов» («The Complete Idiot's Guide to Publishing Science Fiction»), с Шелли Пауэрс – «Основы блогинга» («Essential Blogging»), а также «Контент: избранные статьи по технологиям, творческой деятельности, копирайту и будущему будущего» («Content: Selected Essays on Technology, Creativity, Copyright, and the Future of the Future»). Не так давно вышли книга «Читалки» («Ebooks») и роман «На выигрыш» («Forthe Win»), Веб-сайт Доктороу – craphound.com.

Нижеследующая волнующая история взята из антологии рассказов, посвященных Фредерику Полу. В ней Доктороу осовременил и прокомментировал темы классического романа Ф. Пола и С. Корнблата «Торговцы Венеры» («The Space Merchants»). Доктороу показывает нам будущее, в котором богачи становятся еще состоятельнее и намерены такими оставаться любой ценой.

Первый урок, усвоенный Леоном в рекламном агентстве, был таков: «В рекламном агентстве у тебя друзей нет!».

К примеру, сегодня: Бротиган собрался посмотреть настоящий чан, настоящую клинику с настоящим целевым потребителем внутри, а Леона с собой не взял.

– Не кисни, тебе не идет, – сказал Бротиган, улыбаясь своей улыбкой, натягивавшей губы поверх больших, лошадиных, смешных зубов. Они обезоруживали, эти белые жемчужины. – Тут и говорить не о чем. Получение пропуска к чану занимает месяц, а то и два. Проверка прошлого. Биометрия. Беседа с психологом. Медосмотр – надо же провести проверку твоей микробной популяции. Все требует времени, Леон. Ты поденка и спешишь по-поденочьи, а человеку в чане времени девать некуда. Он, если тебя придержат на месяц-другой, не облезет.

– Вранье, – огрызнулся Леон. Показуха. – Отгородились по фасаду стомильной стеной, а задняя калитка настежь. Из любого правила есть исключения. Иначе не бывает.

– Когда тебе исполнится сто восемьдесят и ты попадешь в чан, исключений делать не будешь. Если, конечно, захочешь дожить до ста восьмидесяти одного.

– Только не говори, что, если тот бронтозавр заболеет редким скоротечным раком печени и на весь мир найдется один-единственный онколог, способный его вылечить, доктора отошлют обратно во Францию или куда там еще – мол, спасибо, но у вас нет допуска к пациенту!

– Я тебе говорю: у этого ящера нет печени. Что у него есть – механика, питание и системы.

– А если механика испортится?

– Человек, который ее изобрел, работает на это чудовище. И живет в поместье чудовища вместе с семьей. У них идентичные микробные популяции. Чудовище распоряжается не только их жизнью, но и микрофлорой кишечника. Если какая-нибудь машина откажет, через две минуты изобретатель будет у чана вместе со всеми подчиненными в одноразовых стерильных комбинезончиках и, приговаривая утешительные слова, вставит одну из десятка запасных, которые он каждый день лично проверяет!

Леон открыл и снова закрыл рот. И не сдержался – фыркнул.

– Правда?

Бротиган кивнул.

– А если все машинки откажут?

– Если он не справится, то у него есть конкурент, который тоже живет в поместье чудовища. Он разработал чуть ли не лучшую в мире методику пересадки печени и сгорает от нетерпения испытать ее на чудовище в чане – и будет на месте через десять минут, а первого со всей семьей…

– Казнят?

Бротиган недовольно фыркнул.

– Брось, он владелец квадрильонов, а не погрязший в

кредитах злодей. Нет, оплошавшего разжалуют до самого низа, но оставят один-единственный шанс восстановить доверие: изобрести технику лучше той, что сейчас заменяет печенку человеку в чане, – и тогда ему вернут прекрасное место с отличной одеждой, богатством и привилегиями.

– А если не изобретет?

Бротиган пожал плечами.

– Тогда тот, кто в чане, лишится неизмеримо малой доли своего состояния. Он смирится с потерей, запросит налоговый кредит на исследования и вычтет его из крох, которые каждый год великодушно посылает налоговому управлению.

– Черт!

Бротиган хлопнул в ладоши.

– Гадость, верно? Такие деньги, и власть, и деньги, деньги…

Леон напомнил себе, что Бротиган ему не друг. Все дело было в зубах – они обезоруживали. Можно ли в чем-то подозревать человека с такими лошадиными зубами, что хочется угостить его сахарком?

– Не в том дело.

– Ты теперь знаешь о людях в чанах в десять тысяч раз больше, чем средний гражданин. Но ты и тени картины не увидел, парень. Компания «Эйт» десятилетиями налаживала связи, прежде чем сумела реализовать первую продажу чана для человека.

«И последнюю пока», – подумал Леон, но вслух не сказал. Об этом в «Эйт» не говорят. Агентство позиционировало себя как могучую державу, лучшую среди лучших. Именно такое агентство, которое оказывает услуги «очень высокопоставленным и обеспеченным персонам», однако же…

Одна продажа.

– И с тех пор ничего не продали, – бесстыдно произнес Бротиган. – Однако все это здание занято одним нашим агентством: фонды зарплат, дизайнеры, консультанты – и все оплачивается крошками от той продажи. А значит, еще одна продажа…

Он широко развел руками. Офис был помпезный – задуман, чтобы производить впечатление на представителей запертых в чанах состояний. Освещение, запахи, ветерок подобраны так, чтобы вошедший почувствовал себя на древней лесной поляне, хотя никакого леса видно не было. Стол секретарши изображал гранитное надгробие: сгладившаяся до неразборчивости эпитафия виднелась из-под старомодной пишущей машинки, искусно превращенной в чуть менее древнюю клавиатуру. Сама секретарша, в данный момент с профессиональной

убедительностью игнорировавшая их с Бротиганом, сияла красотой, умом и материнской заботой – все это достигалось подбором костюма, манер и косметики. «Эйт» держал на службе немало стилистов, занимавшихся каждым, кто контактировал с клиентами. Леону сегодня с утра старательно-небрежно взъерошили волосы и тщательно обтрепали манжеты и рукава на локтях.

– Так что не проси, друг Леон, я не возьму тебя к своему чану. Зато наставлю тебя на путь, который, возможно, в один прекрасный день приведет тебя туда, если ты будешь очень стараться и покажешь себя. Когда уплатишь взнос.

Леон свой взнос уже уплатил – такой, какой этому сухому дерьму и не снился. Однако он улыбнулся, шмыгнул носом, как положено доброму червячку, и, ненавидя себя, воскликнул:

– Дай идею!

– Слушай, мы уже шесть лет продвигаем продукт без единой удачи. Многие входили в эту дверь и получали ту работу, на которую взяли тебя, и все они разбрасывали вокруг миллион идей. И все рухнули с небес на землю. Мы не вели каталог идей, не расчерчивали координатную сетку, которая показывала бы, какое поле уже исхожено, а где остались дыры. – Он с намеком покосился на Леона.

– Ты хочешь, чтобы я занес в каталог все провалы в истории агентства? – Леон не скрывал разочарования. На такую работу берут практиканта, а не младшего менеджера по работе с клиентами.

Бротиган щелкнул лошадиными зубами, заржал и покинул офис «Эйт», чтобы удостоить вниманием заурядный воздух внешнего мира. Секретарша посмотрела на оставшегося с материнской заботой. Леон склонился в ее сторону, и ее пальцы пулеметным треском застучали по механическим клавишам модифондированного «Бесшумного Ундервуда». Он подождал, пока она закончит. Наконец секретарша снова обратила к нему заботливую любящую улыбку.

– Теперь это твое рабочее место, Леон. Удачи!

Леон полагал, что у бессмертных квадрильонеров из чанов те же проблемы, что и у простых смертных. Когда практически все доступно почти даром, все теряет цену. Никто больше не делал открытий – все комбинировали и внедряли. Потом нажимали кнопку и распечатывали на настольном фабрикаторе или, если требовался предмет побольше, в ближайшем бюро, а если нужно было изделие, с которым не справляется трехмерный принтер, хватало работавших по запросам агентов, которые держали связь

с работниками в каких-то далеких странах, – и к утру вы находили упаковку с нужным изделием у себя на столе.

Просматривая файлы «Эйт», Леон увидел, что не первый наткнулся на эту мысль. Каждый менеджер предлагал свой вариант изделия, которое не скопируешь на фабрикаторе, – драгоценные безделушки из рук мастера или просто антикварные предметы, единственные в своем роде, фетиши истории. Все это люди из чанов встречали сокрушительным равнодушием, ведь они могли позволить себе нанять любого мастера и закупить целый склад антиквариата.

Нормальным мегабогачам сбывали приключения: билет в космос, охоту на последнего представителя вымирающего вида, возможность убить человека и спокойно уйти, погружение на дно Марианской впадины. Люди в чанах пресытились всем этим до того, как попали в чан. Теперь они страдали от метастаз – гипербогачи, куски гнилого мяса в рассоле среди сотен машин, трудолюбиво поддерживающих в них жизнь вопреки раковым опухолям и отказам органов. Где-то среди путаницы проводов и шлангов пребывало нечто, что можно было назвать личностью, а можно и корпорацией или даже суверенным государством.

Каждый концентрат богатства был эффективным механизмом, миллионами нитей связанным со смертной экономикой. Покупая гамбургер, вы взаимодействовали с чаном. Интернет, кино, музыка, книги, электроника, игры, транспорт… Деньги, уходя из ваших рук, сочились по проводам и трубкам и выплескивались обратно в мир, в руки других смертных.

Но не так-то просто было дотянуться до денег в их наиболее концентрированной, чистейшей форме. Эти деньги, подобно сверхплотной материи первых мгновений вселенной, уже перестали выполнять свои функции. Эти деньги были такой плотности, что переходили в иное состояние, едва от них отрезали кусочек.

Предшественники Леона были умны и проницательны. Они вдоль и поперек измерили пространство проблемы: как обеспечить услугами и продукцией личность, которая одновременно и государство, и чан. В изящной обстановке офиса использовались идеи, которые не удалось продать, – например, настройка света и ветра.

Леон получил хорошее образование в области математики многомерных пространств. Он упрямо вычерчивал оси координат на схеме неудачных нововведений «Эйт Инкорпорейтед», отмечая их сходство и различия. Истолковать получившийся график было нетрудно.

Предшественники испытали все.

Ржание Бротигана было донельзя унизительным.

– Ну конечно, откуда тебе знать, что продать чанникам! Это учтено в договоре – потому тебе и платят так много. Никто не знает, что им продавать. Ни я, ни старая хозяйка. Тот, кто провел продажу? Он получил свои деньги много лет назад, и с тех пор его не видели. Молчаливый партнер, привилегированные акции, контрольный пакет – но сам он невидим. Мы связываемся с ним через адвокатов, которые связаны с адвокатами, которые, по слухам, ведут с ним переписку, оставляя записки под могильной плитой на маленьком кладбище на острове Питкэрн[55], а до острова добираются на пирогах.

Гипербола резанула Леону ухо. Он работал третий день, и солнечные блики в озонированном псевдолесном офисе надоели, как старый мешок со спортивной формой (такой лежал у него под столом, дожидаясь дня, когда Леон выберется с работы пораньше, чтобы успеть в спортзал). Бротиган раздражал его не только гиперболами.

– Я не коровья лепешка, Бротиган, и не надо со мной так обращаться. Меня наняли делать работу, а все, что я получаю, – срань, сарказм и секретность. – Аллитерация получилась нечаянно[56], такие вещи у него выходили хорошо. – Так что хватит недомолвок. Я хочу знать, есть ли у меня хоть одна причина выходить завтра на работу или я могу сидеть дома, пока тебе не надоест мне платить?

Речь была не совсем экспромтом. Леон кое-что понимал в промышленной психологии – курс окончил на отлично, и его даже звали в аспирантуру, но она заинтересовала гораздо меньше, чем практическое применение очаровательной науки убеждать. Он уже сообразил: Бротиган доводит его, ради того чтобы проверить, насколько сильно Леон может ударить в ответ. По части «довести до белого каления» с рекламщиком никто не сравнится. Если человек умеет уговаривать людей что-то полюбить, так заставить кого-то возненавидеть еще проще. Две стороны одной медали и тому подобное.

Бротиган изобразил гнев. Но Леон три дня изучал его мимику и сейчас понял, что эмоция – такая же фальшивка, как и все в этом человеке. Леон осторожно раздул ноздри, чуть вздернул подбородок. Он продавал свою ярость – продавал, как картофельные чипсы, систему охранной сигнализации или диетические пилюли из-под полы. Бротиган в ответ попытался продать свой гнев. Леон не купился – купился Бротиган.

– У нас новый, – заговорщицким шепотом сообщил он.

– Кто новый? – шепнул Леон. Они так и стояли лицом к лицу, всем телом изображая ярость, но за эту игру у Леона отвечала

другая часть мозга.

– Новый монстр, – сказал Бротиган. – Попал в чан в сто три. Моложе не бывало. Внепланово.

Он огляделся.

– Несчастный случай. Невероятная авария. Невероятная – но она произошла. А значит?..

– Значит, не случайность, – кивнул Леон. – Полиция?

Невозможно было не заразиться телеграфным стилем Бротигана. Леон знал, что это тоже прием убеждения. Начинаешь говорить как он – начинаешь ему симпатизировать. И наоборот, конечно. Конвергенция. Связь. Остро, как секс между сослуживцами.

– Он в трех смыслах суверенен. Африканская Республика, остров, одна из этих мелких балтийских стран. Из той части света, где гласные не в ходу. Что-то вроде Мкслплкс. На него пашут ВТО и ООН – все законы международной торговли. Так что тут дело не для обычных полицейских, а для дипломатов. Ну и он, конечно, не умер, что еще осложняет дело.

– Почему?

– Мертвец становится корпорацией. Совет директоров действует если не разумно, то хоть предсказуемо. А живые люди такое выдают! Как землетрясения. Непредсказуемы. Но. С другой стороны… – Он пошевелил бровями.

– С другой стороны, они покупают.

– Иногда, очень редко – да.

Вся жизнь Леона была подчинена дисциплине. Однажды он слушал гуру худеющих, который объяснял, что для сохранения фигуры главное – слушать свое тело и есть, пока оно не просигналит, что сыто. Леон слушал свое тело. Оно хотело три большие пиццы с пепперони и грибами каждый день и еще большой кекс. И молочные коктейли с патокой, как в старину, – их можно делать у себя на кухне в старинном шейкере «Гамильтон Бич» из пластика цвета авокадо и подавать в высоких алюминиевых чашках, покрытых красной эмалью. Тело Леона очень внятно сообщало, что в него следует положить.

Поэтому Леон свое тело игнорировал. И мозг игнорировал, когда тот говорил, что хочет поспать на диване при включенном видео из тех, которые следуют за твоим взглядом по комнате и подстраивают сюжет под настроение, добиваясь максимального отклика. Вместо этого Леон заставлял себя сидеть в постели, поглощая одну за другой развивающие книги из сложенного у кровати штабеля распечаток. Леон игнорировал свою гормональную систему, когда она советовала ему лишний час

поваляться в постели после звонка будильника. Он игнорировал вопли об усталости во время часа йоги и медитаций до завтрака.

Он до отказа заводил себя усилием воли, и именно воля заставляла его нагнуться, чтобы поднять разбросанное на лестнице грязное белье и аккуратно сложить его в сторонке, хотя у него имелась прекрасная гардеробная при входе в главную спальню (квартира была отличным вложением бонуса, полученного при подписании контракта с «Эйт», – надежнее, чем наличные, учитывая скачки курса и прочее. Недвижимость на Манхэттене уже век считалась хорошей покупкой и была стабильнее, чем облигации, деривативы и фонды). Именно дисциплина заставляла Леона оплачивать все присланные счета. Она же принуждала его после еды перемыть все тарелки и заглянуть по дороге домой в бакалею, чтобы докупить закончившиеся накануне продукты.

Родители, приезжая в гости из Ангильи[57], дразнили его за организованность, вовсе не подходящую тому толстому мальчишке, которому в шестом классе вручили «приз Гензеля и Гретель» за то, что он повсюду оставлял за собой след из крошек.

Только родители не знали, что он так и остался тем ребенком, и каждое проявление обдуманной, скрупулезной, застегнутой на все пуговицы организованности было результатом беспощадной, стальной решимости: никогда больше не быть тем мальчишкой. Леон не просто игнорировал внутренний голос, взывавший к пиццам и уговаривавший поспать, взять такси, чтобы не идти пешком, поваляться под видео, которое дочиста отмоет дурное настроение, – он усердно спорил с этим голосом, громко приказывал ему заткнуться и запирал под замок.

Потому-то – вот поэтому – он был уверен, что вычислит, как продать что-то новое человеку из чана: потому что человек, накопивший такое состояние и собравшийся в бессмертие среди ширящегося царства машин, наверняка прожил жизнь, во всем себе отказывая, а Леон считал, что знает, каково это.

Нижний Ист-Сайд знавал приливы и отливы: бедный, богатый, район среднего класса, сверхбогатый, бедный. Один год здание с вызовом подражало романтической нищете, которая предшествовала эпохе сверхсветового накопления. В следующем году оно по-настоящему обнищало, хозяева обанкротились, а кредиторы снесли тонкие, как бумага, перегородки и сдали внаем обширное пространство этажей. Магазинчики сбывали табачный лист для сигар богатеньким хипстерам вместе с мешочками генно-модифицированного снадобья, предназначенного для разрушения определенных участков мозга; потом они продавали

по продуктовым талонам молоко отчаявшимся матерям, которые прятали глаза от продавцов. У торговцев было чутье на витающие в воздухе перемены, и они быстро меняли ассортимент.

Леон, проходя через свой район, ловил ноздрями ветер перемен. В магазинах появилось больше скидок, высококалорийных винных напитков и стало меньше дизайнерских низкоуглеводных продуктов с приложенными к ним буклетами Ассоциации здорового питания, поясняющими их пищевую ценность. Светились объявления «В АРЕНДУ». На строительной площадке уже неделю никто не работал, на закрытой будке дежурного наросла плесень граффити.

Леон не возражал. Он вел простую жизнь – причем не по-студенчески простую. Его родители приехали в Ангилью из Румынии в поисках налогового рая и в надежде на видные посты бухгалтера и охранника. Только время они выбрали неудачно – прибыли в разгар экономического апокалипсиса и доживали жизнь в вертикальных трущобах, бывших когда-то роскошным отелем. Единственные румыны среди мексиканцев-нелегалов, фактически рабов, они выменивали умение писать слезные письма в мексиканское консульство на уроки испанского для Леона. Мексиканцы рассасывались – преимущество рабства де-факто над рабством де-юре в том, что фактических рабов в кризис можно отправить подальше, сэкономив на их питании и содержании, – и родители, наконец, остались одни, как на ладони. Тогда местные власти их заметили, и пришлось уходить в подполье. О возвращении в Бухарест речи не шло – покупка авиабилетов была так же недоступна, как частные реактивные самолеты, на которых прибывали в аэропорт Уоллблейк и улетали обратно уклонисты от налогов и азартные игроки, рискующие большими деньгами.

Три года семья Леона провела на нелегальном положении, а жизнь становилась все тяжелее и тяжелее. Они побирались на дороге, и загар понемногу скрывал их этническую принадлежность. Через десять лет, когда отец создал маленькую бухгалтерскую контору, а мать стала содержать магазин одежды для сходящих с борта круизных лайнеров туристов-однодневок, те времена стали казаться сном. Но поступив в провинциальный университет и оказавшись среди мягкотелых богатеньких детей владельцев тех состояний, учет которым вел его отец, Леон вспомнил все и задумался: сумели бы эти детки в сильно изношенных лохмотьях найти себе ужин среди придорожного мусора?

Простая жизнь в Нижнем Ист-Сайде его успокаивала, внушала, что он все еще ведет счет в игре, обладая тем, чего

никогда не будет у его соседей, – способностью вращаться между мирами богатых и бедных. Леон не сомневался, что где-то в этих мирах таится секрет: как урвать кроху от великих мировых состояний.

– К тебе посетитель, – сказала Кармела. Кармелой звали секретаршу. Она была пуэрториканкой, но так много поколений назад, что Леон говорил по-испански лучше нее. – Я попросила подождать в Гостиной.

В «Эйт» было три «зала заседаний»: название, которое не передавало всей прелести обстановки, тщательно украшенной фигурно выстриженными деревцами и кустами. В них было на удивление удобно, а легкий ветерок доносил еще более легкий аромат жимолости – такой натуральный, что Леон гадал, не гонят ли его из оранжереи на другом этаже. Он бы так и поступил: лучшая имитация получается из настоящего продукта.

– Кто там?

Ему нравилась Кармела. Сама деловитость, но ее дело – посочувствовать: подставить плечо, чтоб вы на нем выплакались, и стать абсолютно надежным хранилищем сплетен целой фирмы.

– Представитель, – сказала она. – Имя – Бюль. Я прогнала лицо и имя по базе – практически ничего. Узнала только, что из Монтенегро.

– Чей представитель?

Она не ответила, но посмотрела многозначительно.

Новый чанник прислал к нему своего представителя! Сердце у Леона застучало, а манжеты вдруг показались слишком тесными.

– Спасибо, Кармела.

Он поправил манжеты.

– Отлично выглядишь, – сказала она. – Я включила кухню и настроила интерком на свой голос. Если смогу чем-то помочь, дай знать.

Леон ответил слабой улыбкой. Вот почему на ней держался весь бизнес, вот почему она была душой фирмы. «Спасибо», – выговорил он одними губами, и она в ответ ловко и коротко отдала честь, приставив к виску один пальчик.

Такой «представитель» в «Эйт» был неуместен, но она не имела ничего против них. Леон понял это, едва войдя в Гостиную. Женщина встала, вытерла руки об удобные джинсы, смахнула со лба челку серо-стального цвета и улыбнулась ему, словно говоря: «Не забавно ли, что мы здесь встретились?» Леон дал бы ей лет сорок – хипповатая, не без морщинок, но похоже, что на

внешность ей плевать.

– Ты, должно быть, Леон, – сказала она, протянув ему руку. Коротко подстриженные ногти, теплая сухая ладонь, крепкое пожатие. – Как мне здесь нравится!

Она обвела рукой комнату.

– Фантастика!

Леон понял, что уже влюблен, хотя еще не сказал ни слова.

– Приятно познакомиться, мисс…

– Риа, – подсказала она. – Зови меня Риа.

Она села в зеленое кресло, сбросила с ног удобные мужские туфли и подтянула ноги под себя.

– Я никогда не ходил здесь без обуви, – сказал Леон, поглядывая на ее мозолистые подошвы – ноги человека, который много ходит босиком.

– Попробуй, – нетерпеливо помахала она. – Попробуй, я просто требую.

Он снял свои туфли ручной работы – продукт дизайнера, покинувшего стезю литературного критика, чтобы стать сапожником, – и, пошевелив пальцами ног, стянул носки. Земля под ногами была… Теплой? Холодной? Идеальной! Он не находил для нее слов, но каждое нервное окончание на его чувствительных подошвах звенело от восторга.

– По-моему, тут что-то прямо в нервы проникает, – сказала она. – Наверняка. Поразительно.

– Вы здесь лучше освоились, чем я, – заметил Леон.

Она пожала плечами.

– Помещение явно устроено, чтобы производить впечатление. Глупо было бы не впечатлиться только ради того, чтобы показать себя крутой. Я впечатляюсь. А еще, – она понизила голос, – а еще мне интересно, пробирается ли сюда кто-нибудь украдкой, чтобы потрахаться на травке.

Она смотрела серьезно, и Леон старался сдержаться, но смешок все равно вырвался из груди, а за ним и настоящий смех, и она расхохоталась, и они смеялись до боли в боках.

Он шагнул к сплетенному из живых ветвей шезлонгу, но передумал и сел прямо на пол, позволив моховому ковру щекотать ступни, лодыжки, ладони и запястья.

– Очень жаль, если никто не додумался, – с деланной серьезностью заметил он.

Она улыбнулась, на щеках показались ямочки, пролегли морщинки у губ и у глаз – все лицо улыбалось.

– Не хотите поесть? Выпить? У нас тут много…

– Давай перейдем к делу, – перебила она. – Не в обиду будет сказано, но благая часть – не в еде. Еды мне хватает. Я здесь ради

другого. Ради благой части, Леон.

Он глубоко вздохнул:

– Благая часть. О'кей, к делу. Я хочу встретиться с твоим… – Как бы сказать? Нанимателем? Хозяином? Владельцем? – И махнул рукой.

– Можешь называть его Бюль, – сказала Риа. – Так, во всяком случае, называется материнская компания. Конечно, хочешь. Весь наш отдел разведки знал, что ты хочешь встретиться с Бюлем, – еще тогда, когда ты сам об этом не знал.

Леон всегда был уверен, что его рабочее место и переговоры мониторятся нанимателем, но только теперь осознал, что любая система тайного наблюдения может быть использована кем угодно, поскольку сами свойства тайной системы позволяют скрыть свою любознательность от жертвы.

– Впечатляет, – сказал он. – Вы наблюдаете за всеми желающими сбыть что-нибудь Бюлю или… – Он оставил вопрос висеть в воздухе.

– О, и так и сяк. Подразделения нашей разведки конкурируют между собой, интересуясь всяким, кто пытается продать что-то нам или продать что-то, что потеснит нас. Сеть довольно широкая. Добавь сюда тех, кто может представлять для Бюля потенциальную угрозу или выгоду, – и получишь довольно объективный срез человеческой деятельности, который мы держим под пристальным наблюдением.

– Насколько пристальным? Похоже, ваш стог сена весьма велик.

– А мы хорошо умеем искать иголки, – подхватила она. – И все время ищем новые способы их находить. Их мы бы у тебя купили.

Леон пожал плечами.

– Будь у нас лучший способ находить в грудах данных релевантные, мы бы сами им воспользовались для вычисления, что вам продать.

– Хорошая мысль. Развернем ее другим концом. Зачем вдруг Бюлю с тобой встречаться?

К этому Леон был готов.

– У нас большой опыт в дизайне продуктов, подходящих для людей такого… – Разговор о людях в чанах требовал недоговоренности. Может быть, потому Бротиган и выработал свой телеграфный стиль.

– Вы разработали один такой продукт, – заметила она.

– Другие и того не могут о себе сказать.

Существовали еще две фирмы, подобные «Эйт». Про себя Леон называл их «Сефен» и «Найн»[58], словно боялся накликать,

озвучив настоящие имена. – Я здесь новенький, но не один. У нас связи с лучшими дизайнерами, инженерами, исследователями… – Опять незаконченная фраза. – Тебе нужна благая часть. Это – не благая часть, Риа. У вас там хорошие головы – и у нас хорошие головы. Но у нас есть то, чего нет у вас: хорошие головы, которые категорически не сошлись с вашей организацией. У каждой организации есть свои перегибы, которые отпугивают от нее некоторых ценных людей с ценными идеями. У вас, как и у всех, есть недоступные области. Мы сумеем найти жилу в областях, закрытых для вас, – найти в них то, что вам нужно.

Она кивнула и хлопнула в ладоши, словно собралась взяться за работу.

– Отличная речь, – сказала она.

Леон почувствовал, что краснеет.

– Я много об этом думал, мысленно проговаривал.

– Хорошо, – сказала она. – Доказывает ли это, что ты на своем месте? Ты вроде как Даффи Дак?[59]

Леон качнул головой, ответил: «Скорее Багз Банни» – и впервые задумался, к чему все это.

– Загрузи-ка мультфильм «Оголтелый продавец», а потом возвращайся ко мне, о'кей?

Она встала, ковырнула большим пальцем ноги моховой ковер и шагнула к своим туфлям. Леон поднялся с трудом и стал растирать ляжки ладонями. Должно быть, Риа заметила выражение его лица, потому что на ее лице снова появились морщинки и ямочки. Она тепло пожала Леону руку.

– Ты отлично справился, – сказала она. – Скоро продолжим разговор.

Выпустив его руку, она погладила пол ладонью.

– А пока тебе ведь и так неплохо?

В «Оголтелом продавце» Даффи Дак работает коммивояжером и пытается втюхать свой товар грабителю банков, скрывающемуся в загородном бунгало. Даффи предлагает самые невероятные товары, но все время натыкается на яростный отпор. В конце концов, один из его образцов взрывает бунгало грабителя, когда Даффи берется за ручку двери. Взлетая в воздух вместе с громилой, Даффи машет перед ним оторванной дверной ручкой и орет: «Эй, я знаю, что тебе требуется. Дом, подходящий к этой ручке!»

При первом просмотре Леон смеялся шуткам, но с каждым повтором мультфильм казался ему все менее забавным. Да, он действительно пытается придумать для этого Бюля потребность, о которой тот сам не догадывается (предполагалось, что Бюль – он,

хотя точно никто не знал). А с точки зрения Бюля, жизнь была бы просто прекрасна, если бы Леон сдался и навсегда оставил его в покое.

И все же Риа была так мила – была такой нежной и понимающей, что за этим наверняка что-то стояло. Она напомнила, что ему «и так неплохо», – и Леон не мог с ней спорить. Он заключил с «Эйт» пятилетний контракт, по которому, если бы Леона уволили до конца срока, ему причиталось солидное возмещение. Если он сумеет продать что-то Бюлю или другому такому же, то станет неописуемо богат. А пока «Эйт» давала ему все необходимое.

Но здесь было так пусто – вот что его доставало. В производственной группе «Эйт» работали сотни людей, умников вроде него, но почти все они использовали офис как место для перекуса да еще иногда хвастались своим рабочим местом перед заезжими родственниками. «Эйт» нанимал лучших, ставил перед ними невыполнимые задачи и отпускал на волю. Где они и терялись.

Кармела их всех знала, конечно. Она была для «Эйт» общей няней.

– Надо бы нам собраться вместе, – сказал ей Леон. – Как насчет еженедельного собрания сотрудников?

– Да пробовали уже, – ответила она, прихлебывая трижды фильтрованную воду, которую всегда держала под рукой. – Всем нечего сказать. Все интересные мысли собираются в базе сотрудничества, и подсказчики неплохо обеспечивают каждого обзорами всего существенного для его работы. – Она пожала плечами. – Здесь у нас просто витрина. Я всегда считала, что творческим людям необходимо пространство для творчества.

Леон обдумал услышанное.

– А долго ли продержится фирма, если не сумеет продать что-нибудь чанникам?

– Об этом я стараюсь не думать, – легко ответила Кармела. – По-моему, либо мы ничего не придумаем, отживем свое и закроемся – и тут я ничем не могу помочь, либо мы что-то придумаем и выживем – и тут я тоже ничего не могу сделать.

– Грустная мысль.

– А мне с ней свободнее. Та леди была права, Леон, ты неплохо устроился. Можешь заниматься всем, что в голову придет, а если набредешь на подходящую мысль, выйдешь на орбиту и никогда уже не вернешься в атмосферу.

– А другие менеджеры заходят потолковать по душам?

– Всякому иногда нужна помощь, – ответила Кармела.

Риа пригласила его пообедать в вечернем клубе – в зальчике на одиннадцатом этаже в полузаброшенном здании без консьержа в центре города. Готовила здесь супружеская пара средних лет: он таиландец, она венгерка, и кухня была эклектичной, легкой и острой. Паприка и чили смешивались в коктейль, от которого свербило в носу.

Кроме них в этот ранний час в зале было всего двое клиентов – тоже пара. Двое молодых геев, туристов из Голландии, в немнущихся спортивных курточках и почти невидимых дорожных сандалетах. Они вежливо поболтали на прекрасном английском о достопримечательностях Нью-Йорка, а потом перешли на голландский, предоставив Риа с Леону возможность заняться друг другом и едой, которая поступала из кухни серией все более восхитительных перемен. За пышными засахаренными бананами и тайским ледяным кофе Риа красноречиво расхвалила искусство хозяина и вежливо промолчала, пока Леон последовал ее примеру. Хозяева, искренне обрадованные успехом, охотно поддержали разговор о рецептах, своих взрослых детях и других едоках, которых принимали в прошлые годы. На улице, оказавшись на Тридцать четвертой между Лекс и Третьей авеню, под лиловым предвечерним летним небом и на прохладном летнем ветерке, Леон, похлопав себя по животу, прикрыл глаза и застонал.

– Переел? – спросила она.

– Как у мамы поел – она вечно подкладывала и подкладывала на тарелку. Остановить было невозможно.

– Тебе понравилось?

Он открыл глаза.

– Шутишь? Наверно, самый невероятный обед в моей жизни. Словно побывал в параллельном измерении отличной кухни.

Она согласно покивала и, дружеским интимным движением взяв его под руку, повела к Лексингтон-авеню.

– Ты заметил, там время как будто замирает? Словно та часть мозга, что всегда волнуется: «Что дальше?» – замолкла.

– Точно! Именно так!

Жужжание реактивных ранцев с Лекс становилось все громче – они приближались к перекрестку, и в небе словно звенели тысячи сверчков.

– Терпеть их не могу, – сказала Риа, сердито поглядывая на мелькающих мимо отдыхающих в шарфах и капюшонах. – На их совести тысячи крушений.

Она демонстративно сплюнула.

– Но ведь это вы их делаете, не так ли?

Она рассмеялась.

– Ты почитал о Бюле?

– Все, что сумел найти.

Леон купил по маленькому пакету акций от всех компаний, в которых Бюль имел существенную долю, положил их на брокерский счет «Эйт» и жадно проглотил годовые отчеты. Чувствовалось, что многое еще остается в тени: держателями множества акций во множестве компаний были слепые трасты. Такова стандартная структура корпораций – летающий макаронный монстр взаимосвязанных диктатур: оффшорных холдингов, долговых стоянок и экзотических компаний-матрешек, как будто пожирающих самих себя.

– Ой, – посочувствовала Риа, – бедняжка! Они не для анализа. Они вроде зарослей шиповника над спящей красавицей – нужны, чтобы заманивать безрассудных рыцарей, которым вздумалось приударить за запертой в башне девой. Верно, Бюль – самый крупный производитель реактивных ранцев, хотя между ним и компанией пара отводящих глаза прослоек.

Она осмотрела летучую толпу, рассекающую воздух плавниками и перчатками, совершающую маневры и фигуры высшего пилотажа – чистой воды показуха от радости жизни.

– Он это сделал для меня, – сказала она. – Ты заметил, что в последнюю пару лет они стали лучше работать? Это мы. Мы тщательно продумали кампанию. «Трубы без глушителей спасают жизнь» были рекламным лозунгом с эпохи мотоциклов, и каждому сопливому летуну хотелось обзавестись ранцем, который грохочет, как бульдозер. Чтобы вывести их на рынок, пришлось поломать головы: самую экономичную модель мы продавали ниже себестоимости. По децибелам она приближалась к тем трубам без глушителей – уродливая, халтурная и разваливающаяся на глазах. Продавали мы ее, конечно, через дочернюю компанию с совершенно другим логотипом и прочим. Потом начали срезать маржу на дорогие модели и в то же время все понижали и понижали у них уровень шума. Наши разработчики уже подготовили модель такую тихую, что она поглощает звук – не спрашивай меня как, если не собираешься потратить день-другой на психоакустику.

Все почтенные бюргеры мерились, у кого ранец тише работает, а дешевки клялись в верности нашим громыхалкам. Год продолжалась конкуренция, а потом мы протолкнули пакет законов о защите потребителей, который «вынудил» нас отозвать шумные модели и снабдить их глушителями, настроенными, как флейта. И вот… – Она махнула на жужжащих и посвистывающих в воздухе летунов.

Леон подумал, не шутит ли она, однако Риа смотрела и

говорила совершенно серьезно.

– Ты хочешь сказать, что Бюль выбросил… сколько, миллиард?

– Всего около восьми миллиардов.

– Восемь миллиардов рупий на проект, от которого в небе станет потише?

– В конечном счете да, – кивнула она. – Можно было добиться того же другими средствами, даже дешевле. Можно было оплатить несколько законов или выкупить конкурентов и заменить их производственные линии, но это, понимаешь, слишком тупо. А так вышло мило. Все получили то, что хотели: скорость, тишину в небе, безопасные и дешевые машины. Победила дружба.

Мимо пролетел летун старой школы, громыхая, как куски льда в шейкере. Ему вслед недовольно поморщились.

– Это настоящий любитель, – заметила Риа. – Он сам производит запчасти для этой штуки. Их больше никто не выпускает.

– Не пошлешь за ним ниндзя Бюля, пока он не вылетел на Юнион-сквер? – рискнул пошутить Леон.

Она не улыбнулась.

– Мы не прибегаем к убийствам. Именно это я пыталась тебе втолковать.

Леон сник. Он прокололся, показал себя неуклюжим – именно то, чего всегда боялся.

– Извини, – сказал он. – Наверное… Видишь ли, это не так легко переварить. Суммы ошеломляют.

– Они ничего не значат, – сказала Риа. – В том-то и дело. Деньги – просто удобный способ направлять силу. Главное – власть.

– Не хочу тебя обидеть, – осторожно заметил Леон, – но ты говоришь страшные вещи.

– Вот теперь ты понял, – кивнула она и снова взяла его под руку: – Выпьем?

Лаймы для дайкири срывались с деревьев, росших тут же, на крыше. Эти деревья были крепкой рабочей скотинкой, и бармен опытным взглядом перебрал несколько плодов, прежде чем ловко открутить спелые и унести их к своему блендеру.

– Здесь подают выпивку только своим, – сказала Риа, когда они уселись, глядя на мелькающих мимо летунов.

– Неудивительно, – сказал Леон. – Здесь, наверно, дорого.

– За деньги вход не купишь, – поправила она. – Его надо заработать. Это кооператив. Я сажала вот этот ряд деревьев. – Она

махнула рукой, расплескав дайкири на странную поросль под шезлонгами. – И вон ту мяту сажала.

Указанный ею клочок земли украшали валуны и вьющийся между ними ручеек.

– Извини, – сказал Леон, – но ведь ты, наверно, зарабатываешь большие деньги. Ты могла бы… даже не знаю, например, устроить такое же на любом из принадлежащих Бюлю зданий в Манхэттене. Точно такое же. И даже оплатить работников. А членство сделать привилегией для старших членов правления.

– Верно, – сказала она, – могла бы.

Леон допил дайкири.

– Я должен догадаться, почему ты этого не делаешь?

– Именно, – кивнула она и выпила. И раскраснелась от удовольствия. Леон только сейчас обратил внимание на сигналы, которые подавал ему язык. Выпивка была невероятной. Даже стакан был красив: толстое неровное стекло ручной выдувки.

– Послушай, Леон, скажу начистоту: я желаю тебе успеха. Бюля трудно чем-нибудь удивить, а приятно поразить еще труднее. Если ты сумеешь… – Риа сделала еще глоток и проницательно взглянула на него. Леон поежился. Это ее он счел милой и ласковой? Посмотреть на эту женщину – она могла бы командовать партизанским отрядом. Или сбить с ног любого громилу и сделать из него отбивную.

– То есть мой успех будет и твоим успехом?

– Думаешь, мне нужны деньги? – сказала она. – Ты так и не понял. Вспомни про ранцы, Леон. Подумай о том, что такое власть.

Леон собирался домой, но не попал. Ноги сами понесли его через весь город к офису «Эйт», и он предъявил на входе биометрию, и назвал пароль, и посмотрел, как мигают, прогреваясь, светильники и как они омывают его чудным ласковым светом. Подул ветерок, и он оказался в ночном лесу, более влажном и душном, чем днем. Либо кто-то стер руки в кровь, работая над дизайном, либо где-то в здании прятался настоящий лес, снабженный переменным освещением, – только для того, чтобы поставлять ласковый лесной ветерок в рабочие помещения. Леон решил, что лес – более правдоподобный вариант.

Он долго стоял у стола Кармелы, потом нерешительно опустился на ее место. Простой твердый стул хорошей работы, чуть подпружиненный. Смешные клавиши сносились под ее пальцами, а запястья за долгие годы отполировали гранит до

блеска. Леон подпер щеки ладонями, вдохнул ночной воздух и постарался прочувствовать ночь. Гостиная была по-ночному темной, но по-прежнему восхитительно щекотала босые ноги, а потом, минуту спустя, голые бедра и грудь. Леон лежал на животе в одних трусах и подбирал название для ощущения в каждом нервном окончании. Лучше всего подходит «предвкушение», решил он: чувство, что тебе вот сейчас почешут спинку рядом с тем самым местом, которое хочется почесать. Потрясающе!

Многим ли в мире знакомо это чувство? «Эйт» продал лицензию нескольким фешенебельным отелям – это Леон выяснил после первой встречи с Риа, – и все. Не больше трех тысяч человек во всем мире испытали такое замечательное ощущение. Из восьми миллиардов. Он попытался разделить в уме, но сбился с нулями. Тысячная процента? Или десятитысячная? В Ангилье такого никто не пробовал: ни работяги из вертикальных трущоб, ни всего лишь миллионеры из роскошных домов и самолетов на почасовой аренде.

Что-то тут…

Хотел бы он еще поговорить с Риа. Она его пугала, и в то же время с ней было хорошо. Как с проводником, которого он всю жизнь искал. Пока ему придется обойтись Бротиганом. Или кем-то другим, лишь бы помог разобраться в том, в чем угадывается самый большой и опасный шанс в его жизни.

Должно быть, Леон задремал. Потому что, когда опомнился, свет горел на полную, а он, почти голый, лежал на полу и таращился в лицо склонившегося над ним Бротигана. Тот с натужным весельем пощелкал пальцами перед его носом:

– Проснись, солнышко!

Леон покосился на призрачные часы, мерцавшие в каждом углу, – чуть более темные пятна чувствительной краски, которая не воспринималась сознанием, если не присматриваться нарочно. 4:12. Он сдержал стон и спросил:

– Что ты здесь делаешь?

Бротиган клацнул лошадиными зубами и хихикнул:

– Ранняя пташка. За червячком.

– Серьезно, Бротиган? – Леон сел и, нашарив рубашку, стал ее застегивать.

– Серьезно? – Он присел на пол рядом с Леоном, вытянул перед собой ноги с большими ступнями. Ботинки ему делал тот же мастер, что и Леону. Леон узнал стиль. – Серьезно… – Он почесал подбородок и вдруг выпалил: – Я трушу, Леон. Серьезно трушу.

– Из-за твоего монстра?

Бротиган уставился на стильные ботинки. Этот изгиб между

самым носком и местом, где начиналась шнуровка, был действительно изящным. «Колоколообразная кривая распределения», – подумалось Леону.

– Мой монстр… – Бротиган шумно выдохнул, – отказывается сотрудничать!

– А раньше сотрудничал?

Бротиган развязал шнурки и стянул ботинки вместе с носками. Поскреб босыми пальцами мох. От его ступней шел жаркий затхлый запах.

– Как он держался при ваших прежних встречах?

Бротиган удивленно склонил голову.

– Ты о чем?

– Он отказался сотрудничать в этот раз или прежде тоже отказывался?

Бротиган снова уставился на свои ноги.

– Ты его никогда прежде не видел?

– Я рисковал, – признал Бротиган. – Думал, что при личной встрече сумею его убедить.

– Но?..

– Я заготовил бомбу. Там… там было все. Участок, люди – все. Как город, как тематический парк. Они жили там, сотни людей, и управляли каждым клочком его империи. Как королевские морские мальчики.

Леон задумался:

– Евнухи?..

– Королевские евнухи. У них была целая культура. И пока я подбирался к нему все ближе, я подумал: черт, а если они купят «Эйт»? Они могли бы нас уничтожить. Объявить вне закона, упечь в тюрьму. Или сделать меня законно избранным президентом. Все что угодно.

– Ты перепугался.

– Точно сказано. Это же не замок какой-нибудь был. Просто поселок, несколько зданий. В Вестчестере, знаешь? Когда-то там стоял маленький городок. Все хорошо сохранилось, и можно было достраивать. Все это просто… работало. Ты здесь новенький. Не замечаешь.

– Чего? Что «Эйт» валится? Я давно это вычислил. Они платят нескольким десяткам творческих гениев, которых месяцами нет на месте. Мы могли бы стать поставщиками творческих идей. А больше напоминаем проект, затеянный кем-то из тщеславия.

– Скотина!

Леон подумал, что, пожалуй, зашел слишком далеко. И плевать.

– Если и скотина, это не значит, что я не прав. Похоже на то,

что деньги, которые сюда вливаются, становятся автономными, как будто их стратегия – умножать самих себя. Плохая стратегия. Деньги желают продать что-нибудь чудовищу, но деньги не знают, что ему нужно, поэтому мы просто бьемся лбом в стену, вышибаем себе мозги. Рано или поздно деньги кончатся и…

– Деньги не кончатся, – сказал Бротиган. – Ошибка. Нам, даже чтобы вернуться к основному, пришлось бы тратить в десять раз больше от нынешнего.

– Ясно, – кивнул Леон. – Значит, фирма бессмертна. Так лучше?

Бротиган поморщился.

– Слушай. Это не сумасшествие. Целый рынок услуг. Его никто не обслуживает. Знаешь, вроде коммунистических стран. Плановая экономика. Если им что-то надо, покупают мощности. Рынка нет.

– Эй, парень, я знаю, что тебе надо. Дом к этой дверной ручке! – Леон сам удивился, выдав пассаж из «Даффи Дака». Бротиган заморгал, и Леон только теперь заметил, что собеседник немного пьян. – Слышал где-то вчера, – объяснил он. – Я говорил даме от своего чудовища, что мы можем поставить товар, исключенный из культуры корпорации. Подумал, понимаешь, что они вроде самураев с их запретом на огнестрельное оружие. Мы можем придумать и сделать такое, чего не придумаешь и не сделаешь.

– Хорошая мысль. – Бротиган откинулся на спину. Между его кюлотами[60] и подолом модной рубашки-сари открылась белая полоска живота. – Чудовище в чане. Кожа и мясо. Трубки. Складки кожи зажаты пластиковыми зажимами с огоньками диагностеров. Глаз нет, и лица, в котором должны быть глаза, тоже нет, одна гладкая маска. А глаза в других местах. На потолке, на полу, на стенах. Я отвернулся, чтобы в них не смотреть, и увидел что-то мокрое. Думаю, печень.

– М-да-а-а… Это такое бессмертие?

– Я ему: «Рад познакомиться, это честь для меня» – обращаюсь к печени. Глаза и не моргнули. Чудовище разразилось речью. «Вы – мистер Бротиган с низким капиталом, высокими рисками и большими запросами. Я могу капнуть вам денег, чтоб вы вернулись на свою фабрику чудес и попробовали придумать, чем меня удивить. Так что на этот счет можете не беспокоиться». И все. Я не нашелся, что ответить. Не успел. Выставили. За дверь. Лимузин. Отличный способ объяснить, как обрадовалось мне чудовище, с каким нетерпением ждало встречи. – Бротиган приподнялся на локтях. – У тебя как?

Говорить с ним о Риа Леону не хотелось. Он пожал плечами.

Бротиган состроил мерзкую обиженную рожу:

– Не надо так! Брат. Парень. Друг.

Леон снова пожал плечами. Дело в том, что Риа ему нравилась. А заговорить о ней с Бротиганом – значит принять ее как «целевую группу». Будь перед ним Кармела, Леон бы сказал: «Я чувствую, что она желает мне успеха. Что для всех важно, справлюсь ли я. И еще чувствую, что она в меня не верит». Но перед Бротиганом он только пожал плечами, отвернулся от его блестевших по-ящериному неподвижных глаз, натянул штаны и вернулся к своему столу.

Если достаточно долго просидеть за своим столом в «Эйт», в конце концов, познакомишься со всеми сотрудниками. Кармела всех знала, все рассказала и заверила, что каждый хоть раз в месяц да выходит на поле. Некоторые появлялись пару раз в неделю: у этих на столах стояли цветочные горшки, и они лично проверяли, политы ли растения.

Каждого из них Леон пригласил на обед. Это оказалось не просто – один раз ему пришлось попросить Кармелу, чтобы шофер фирмы забрал детей из школы (там был сокращенный день), отвез к няне и освободил тем самым отцу время. Зато сами обеды проходили очень хорошо. Все сотрудники «Эйт» были очень интересными людьми. Да, все они были чудовищами, нарциссами, капризными гениями, но, если об этом забыть, ты обнаруживаешь, что говоришь с чертовски умным человеком и с ним действительно есть о чем поговорить. Леон познакомился с женщиной, разработавшей моховое покрытие Гостиной. Она была моложе его и со скромного академического поста в «Купер Юнион» катапультировалась в такие богатство и свободу, что не знала, куда их девать. У нее набрался целый список людей, желавших взять субподряд на разработку, и она целыми днями возилась с ними, выуживая крутые идеи, которые можно было бы вставить в следующий проект одного из счастливчиков, имевших доступ к уху чудовища.

Вроде Леона. Потому все и соглашались с ним встретиться. Он – спасибо Риа – незаметно для себя выбился на верхний уровень фирмы, на место распределителя благ, о котором мечтал каждый. Никто не удивлялся, что Леон сам не знал, как туда попал и что теперь делать. Все его коллеги по «Эйт» воспринимали все связанное с чудовищами из чанов как абсолютно нерешаемую головоломку, не более предсказуемую, чем падение метеора.

Не удивительно, что они держались подальше от офиса.

На эту встречу Риа надела другую пару джинсов – поношенную и с заплатами на коленях. На ней была шелковая рубашка-размахайка, протертая по швам, а волосы она подвязала вылинявшим платком, бесцветным, как древние мостовые Нью-Йорка перед офисом «Эйт». Пожимая ей руку, Леон нащупал мозоли.

– Ты как будто собралась поработать в саду, – сказал он.

– В клубе моя смена, – согласилась она. – Надо подстричь лаймовые деревья и привести в порядок мяту и огуречный парник.

Риа улыбнулась и сделала ему знак подождать. Нагнулась и выдернула стебелек с запущенной обочины дорожки. Они были в той части Центрального парка, которая больше походила на девственный лес, чем на врезанный в центр города искусственный сад. Открыв бутылку с водой, она полила немного на растение – кажется, травинку – и потерла между большим и указательным пальцами, чтобы отчистить. Потом оторвала половину и вручила ему, а другую поднесла к носу, а потом съела, откусывая по кусочку и по-кроличьи подергивая носом. Леон последовал ее примеру. Восхитительный, свежий вкус лимона.

– Лимонник, – пояснила она. – Ужасный сорняк, конечно, но на вкус чудный, правда?

Он кивнул. Вкус еще держался на языке.

– Особенно, как подумаешь, из чего он вырос: кислотный дождь, собачья моча, удушливый воздух и ДНК. Дивно, что такой аромат возникает из такой странной каши, верно?

От этой мысли вкус стал не таким восхитительным. Леон так и сказал.

– А мне эта мысль нравится, – возразила Риа. – О создании великих произведений из сора.

– Насчет ранцев… – продолжал Леон, успевший поразмыслить на эту тему.

– Да?

– Вы что, утописты? Создаете лучший мир?

– Под «вы» ты подразумеваешь людей, работающих на Бюль?

Он пожал печами.

– Я, признаться, немножко утопистка. Но речь не о том. Ты знаешь, что Генри Форд устроил в Бразилии трудовые лагеря, «Фордландию», и ввел строгие правила поведения на каучуковых плантациях? Он запретил кайпиринью[61], заменив ее на более цивилизованный коктейль «Том Коллинз».

– Ты к тому, что Бюль таким не занимается?

Она помотала головой из стороны в сторону, потом задумалась.

– Наверно, нет. Разве что, если я попрошу… – И она прикрыла себе рот, словно нечаянно проговорилась.

– Вы с ним… вы с ним были?..

– Никогда, – засмеялась она. – Чисто умственно. Ты знаешь, откуда у него деньги?

Леон ответил выразительным взглядом.

– Да, конечно, знаешь. Но ты читал официальную историю и думаешь, что он просто удачливый финансист. Ничего подобного. Он вел игру против рынка, играл доверием других трейдеров, принимая безумные позиции – чистый блеф. Только это не был блеф. Его никто не мог перехитрить. Он был способен убедить тебя, что ты упускаешь сделку века, или уже ее упустил, или что перед тобой открытая дорога. Случалось, что то, в чем он убеждал, было правдой. Чаще – чистым блефом, что обнаруживалось, когда ты заключал с ним сделку, которая приносила ему такие деньги, каких ты в жизни не видывал, а тебе оставалось хвататься за голову и обзывать себя дураком. Когда он стал проделывать подобные штучки с Национальным банком, играть с долларом, разорять федералов – ну, тогда мы все поняли, что он особенный, из тех, кто способен выдавать сигналы, идущие прямо в подсознание, минуя критическое осмысление.

– Жутко.

– О, да. Очень. В другие времена его бы сожгли за колдовство или вручили бы обсидиановый нож для вырезания сердец. Но вот какое дело: ему никогда, никогда не удавалось провести меня. Ни разу.

– И ты еще жива и можешь об этом рассказать?

– А ему это нравилось. Его поле, искажающее реальность, перекручивает и внутренний ландшафт. Ему потому трудно понять, что ему нужно, чего хочется, а что испортит настроение. Я незаменима.

Леону в голову пришла страшная мысль. Он промолчал, но Риа, как видно, что-то заметила по его лицу.

– Что с тобой? Скажи.

– Откуда мне знать, что ты на уровне? Может, ты водишь меня за нос? И все это выдумала – про реактивные ранцы и остальное? – Он сглотнул слюну. – Прости. Не знаю откуда, но вот втемяшилось в голову.

– Законный вопрос. А вот тебе другой, поломай-ка голову еще. Откуда тебе знать, если я не на уровне и вожу тебя за нос?

Они неловко посмеялись и сменили тему. И приземлились на парковой скамейке рядом с семейством танцующих медведей.

Жадно любуясь ими, Леон заметил:

– Они выглядят такими счастливыми. Вот чего я не пойму.

Как будто танец – тайная страсть любого медведя, а эти трое просто первыми догадались, как зарабатывать на жизнь любимым искусством.

Риа промолчала, глядя, как три гиганта с неуклюжим изяществом откалывают коленца, в которых явно читалась радость. Музыка подстраивалась под движения медведей – программа без устали искала звуки, доставляющие им удовольствие. Бренчащий легкий мотивчик на отрывистый ритм раз-два, раз-два-три-четыре-пять, раз-два, под который медведи покачивались, словно пьяные. Наблюдать за ними было забавно, как за выводком щенков.

Леон почувствовал ее молчание.

– Такие счастливые, – повторил он. – Это самое странное. Не то что смотреть на дрессированного слона. Те на старых видео кажутся, понимаешь… кажутся…

– Равнодушными, – подсказала Риа.

– Да. Не несчастными, но видно, что жонглировать мячом для них не забавнее, чем для лошади – тащить плуг. А посмотри на этих медведей!

– Ты заметил, что на них никто не смотрит подолгу? – спросила она.

Он заметил. Соседние скамейки пустовали.

– Думаю, потому, что они такие счастливые, – продолжала Риа. – Весь фокус наружу. – Она сверкнула зубами и снова стала серьезной. – То есть видно, что можно создать медведей, которые получают мозговое вознаграждение от определенного ритма, хорошо их кормить, снабжать мелодиями в нужном количестве – и ты получишь счастливое семейство танцующих медведей, мирно сосуществующих с людьми, спешащими на работу, с людьми, несущими покупки из магазинов, катающими коляски с детьми, целующимися на скамейках…

Медведи отдыхали, завалившись на спины и свесив языки.

– Мы их сделали, – сказала Риа, – хотя я не советовала. Не слишком тонкая шутка. Как комментарий к жизни общества, как мультяшная кувалда с огромной головкой. Но создатель пробился к Бюлю – он был исполнительным директором компании из нашего портфолио, а генное искусство для него – любимое хобби. Бюль решил, что финансирование его замысла может вывести на интересные субподряды, и так оно и вышло. Но посмотри на них.

Леон посмотрел.

– Они такие счастливые.

Риа тоже посмотрела.

– Да. Медведи не должны быть такими счастливыми.

Кармела при виде его, как всегда, просияла, но что-то было не так.

– Что? – спросил по-испански Леон. Он завел привычку говорить с ней по-испански. Потому что язык у обоих ржавел без применения и потому, что так у них создавалось подобие общего секрета.

Секретарша покачала головой.

– Все в порядке?

Он имел в виду: «Нас не закрыли?». Фирма могла закрыться в любой момент, без предуведомления. Это он понимал – это все понимали. Деньги, на которых они держались, были автономными и непостижимыми: чуждая сила, скорее эмерджентное[62] свойство, чем воля.

Кармела опять покачала головой:

– Мне не по чину о таком говорить.

Тут Леон совсем уверился, что все пропало. Когда это Кармела вспоминала о своем чине?

– Ты меня пугаешь, – сказал он.

Она кивнула в глубину офиса. Леон заметил три плаща, висящих на прекрасной анахроничной вешалке у ворот древнего храма, отделявших приемную от остальных помещений «Эйт».

Он сам открыл ворота и зашагал между стеклянных перегородок, окружавших рабочие кабинеты, в которых стояла характерная накрахмаленная тишина. Как в ресторанном зале, где столы уже накрыты, а люди еще не пришли.

Леон заглянул в Гостиную, но там никого не было. Тогда он стал проверять остальные конференц-залы, обстановка которых менялась от ультраконсервативной до совершенно безумной. Людей он нашел в Сундуке с полом из неструганых досок, уютным каменным очагом и хитрыми диванчиками, похожими на древние столярные изделия с простой обивкой, хотя алгоритм, считывающий генный код, позволял им подхватывать каждого, кто на них плюхнется, так что любой старец со скрипучими суставами мог на них почувствовать себя ребенком, играющим на мягких подушках.

На диванчиках Сундука сидели Бротиган, Риа и еще одна незнакомая Леону женщина. По возрасту она была где-то между Бротиганом и Риа, но упруго подтянутое лицо ее говорило, что женщина сознает: стоит капле слабости просочиться из пор или морщинок – и мир уже не будет воспринимать ее так серьезно. Леон подумал, что знает, кто это, и женщина подтвердила его догадку первыми же словами.

– Леон, – сказала она, – хорошо, что вы пришли.

Он узнал голос. Этот голос в телефонной трубке нанимал его,

приглашал в Нью-Йорк и объяснял, куда явиться в первый рабочий день. Голос Дженнифер Торино – строго говоря, его босса.

– Кармела рассказывала, что вы часто работаете отсюда, поэтому я надеялась, что сегодня тоже придете и мы сможем поболтать.

– Дженнифер, – поприветствовал Леон.

Она кивнула.

– Риа. – Та сделала непроницаемое лицо, неподвижное, как гранитная глыба. Она оделась как обычно – в джинсы и свободную блузку, но туфли сегодня не сбрасывала и ноги поставила прямо.

– Бротиган.

И Бротиган заулыбался, как улыбаются в рождественское утро.

Дженнифер уставилась чуть в сторону от его взгляда – знакомый трюк – и заговорила:

– Признав великолепную работу мистера Бротигана, его сегодня повысили. Теперь он менеджер по основным клиентам.

Бротиган сиял.

– Поздравляю, – сказал Леон, соображая: «Какая еще великолепная работа? За всю историю фирмы ни один человек из „Эйт“ не добился того, ради чего существует агентство».

Глаза Дженнифер холодно смотрели в пустоту.

– Как вам известно, мы стремимся к заключению сделки с кем-либо из основных клиентов. – Леон сдержался, как при этом ни хотелось ему закатить глаза. – И мистер Бротиган предпринял тщательное исследование способов подхода к таким клиентам.

Она кивнула на Бротигана.

– Кавардак, – сказал тот. – Полный швах. Ни иерархии, ни отчетов и балансов. Никакой системы.

– Ничего не могу возразить, – сказал Леон. Он уже видел, к чему идет дело.

– Да, – сказала Дженнифер, – вы здесь не так уж долго, но, как я понимаю, глубоко оценили организационную структуру «Эйт», верно? – Он кивнул. – Потому-то мистер Бротиган попросил, чтобы вас назначили в подчинение ему в качестве главы отдела стратегических исследований. – Она тонко улыбнулась. – Поздравьте и себя.

Леон тупо проговорил: «Спасибо» – и оглянулся на Бротигана:

– Каких же это стратегических исследований?

– О, – ответил тот, – тех самых, которыми ты уже занимаешься: разбираться, кто чем дышит, сводить их вместе, заботиться об эффективности и работоспособности структуры. Ты

это умеешь.

Леон сглотнул и посмотрел на Риа. Ее лицо было непроницаемым.

– Должен заметить, – заговорил Леон с натужным спокойствием, – что ты не упомянул работу с клиентами.

Бротиган покивал и натянул губы на лошадиные зубы, пряча улыбку. Не получилось.

– Да, – сказал он, – вроде бы так. Человек твоих способностей должен заниматься тем, что у него лучше всего получается, а ты лучше всего умеешь…

Леон поднял руку, и Бротиган замолчал. Увидев, что все трое смотрят на него, Леон на миг почувствовал, что они в его власти. В это мгновение скажи он: «Бу!» – они попадали бы со стульев. Они ждали, взорвется он или проглотит и попросит добавки. Леон выбрал третье.

– Приятно было с вами работать, – сказал он и повернулся спиной к самой приятной и необременительной работе, какую только можно представить. На выходе он сказал Кармеле «adios»[63] и «buen suerte»[64] и заставил себя не задерживаться у дверей, проверяя, нет ли за ним погони.

Риелтор уставилась на него как на сумасшедшего.

– На нынешнем рынке вы ни за что не получите за это жилье два миллиона.

Она была молода, деловита, чернокожа и выросла в Нижнем Ист-Сайде, о чем во всеуслышание заявляла в рекламе: «Местный риелтор для соседей».

– Я заплатил два миллиона меньше двух лет назад, – ответил Леон. Его беспокоила восьмидесятипроцентная закладная, но «Эйт» ее списала, оставив всего два процента.

Девушка кивнула на угловое панорамное окно, выходившее на Брум-стрит и Гранд-стрит.

– Подсчитайте, сколько объявлений «Продается». Я на вашей стороне – квартира симпатичная. Я бы хотела, чтобы она досталась приличному человеку вроде вас. Не какому-нибудь застройщику – это слово у нее прозвучало как ругательство – или агентству, которое будет сдавать ее VIP’ам понедельно. Району нужны настоящие люди, которые будут здесь по-настоящему жить.

– Так вы говорите, я не получу за нее того, что отдал?

Риелтор с симпатией улыбнулась Леону.

– Нет, милый. Вы не получите того, что отдали. Все, чего вы наслушались, когда за нее запрашивали два лимона, типа: «Манхэттен больше не строится» и «Ах, район-район!» – все это

вранье. – Теперь она смотрела серьезно и с сочувствием. – Все для того, чтобы вас всполошить и вы потеряли голову и потратили больше, чем собирались. Еще немного, и у каждого будет непосильная закладная на негодное жилье или на непомерно большое жилье, а потом – бух! – у рынка вышибет дно, и все опадет, как застоявшееся суфле.

– Чтоб вам хоть как-то подсластить пилюлю! – Леон, выйдя из «Эйт», прямиком направился сюда, не взяв ни такси, ни даже ранца напрокат, – на метро. Он немедленно переключился на эффективный режим жесткой экономии. Его мозг, похоже, заранее составил список вещей, на которых можно выгадать, как будто знал, что такой день придет.

Девушка пожала плечами.

– Могу и подсластить, если хотите. Мы можем походить вокруг да около, и я подержу вас за руку все пять этапов проживания горя. Прежде, когда рынок был мягче, я часто этим занималась. Но вы похожи на человека, с которым можно говорить начистоту. Мне начать сначала? Или, если хотите, можем выставить вас на два миллиона или даже два двести – я этим воспользуюсь, чтобы доказать, что два сто за какой-нибудь другой чердачок – это грабеж. Если хотите.

– Нет, – отозвался Леон, чувствуя, как злость вытекает из тела. Девушка ему понравилась. И совершено правильно его поняла. – Скажите лучше, сколько, по-вашему, я могу получить.

Она подперла щеку кулачком и устремила взор вдаль.

– Я продавала эту квартиру. Когда же? А, лет восемь назад. Семье, которая владела ею до вас. Когда они перепродавали вам, заглянула – они обратились к другому агенту, из тех, что не прочь работать на корпорации. Я, как вы знаете, таким не занимаюсь. Но когда жилье продавали, я его видела. Вы многое изменили с тех пор?

Леон поежился.

– Я нет, а вот агент, кажется, да. Сменил обстановку, получилось довольно мило.

Риелтор красноречиво закатила глаза.

– Обстановка не бывает милой. Даже если она из лучшей витрины города, милой не бывает. «Милая» и «корпоративная» – антонимы. В лучшем случае – «беззаботная». – Она посмотрела вверх, направо и снова опустила взгляд. – Думаю, они позаботились скрыть все швы и проплешины. Скажем… Гм… один восемьсот. Эта цифра мне кажется реальной.

– Но я же тогда потеряю на ней двести штук! – отметил Леон.

Ее выразительный взгляд обратился к объявлениям «Продается» за окном.

– И что? Вы как будто надеялись вернуть свое шли даже немножко заработать. Так?

Он кивнул. Терять никак не входило в его планы. Если учесть все выплаты и налоги…

– Наверно, придется немного снизить цену…

– У вас деньги есть?

Леон терпеть не мог разговоров о деньгах. Среди прочих достоинств Риа – она никогда не говорила о деньгах. О том, на что способны деньги, – да, но о деньгах – нет.

– Теоретически, – кивнул он.

– Ну что ж, теоретически – уже неплохо. Взгляните с другой стороны: вы купили квартиру, великолепное, высокого класса жилье в Нижнем Ист-Сайде, в пять раз просторнее средней нью-йоркской квартирки. И прожили в ней… сколько?

– Восемь месяцев.

– Почти год. Причем она обходилась вам в один процент ходовой цены. За аренду вы платили бы в одиннадцать раз больше. Вы выиграли… – она подсчитала на пальцах, – восемьдесят три процента.

Леон не сумел скрыть уныния.

– Что это, – вопросила девушка, – вы мне рожи корчите? Не вы ли говорили, что не надо подслащивать вам пилюлю?

– Да просто… – он понизил голос, чтобы в нем не прорывались скулящие нотки, – я надеялся немножко выиграть на сделке.

– На чем? – мягко спросила она.

– Ну, вы понимаете. Недвижимость дорожает.

– Вы что-то переменили в квартире, улучшили ее?

Леон покачал головой.

– Значит, вы не сделали никакой работы, однако хотите, чтобы вам ее оплатили? А вы не подумали, что будет с обществом, если людям станут платить не за работу, а за владение?

– А вы точно агент по недвижимости?

– И даже дипломированный. И отлично справляюсь, между прочим.

Леон сглотнул.

– Я не жду, что мне заплатят за ничегонеделание, но, понимаете, я бросил работу. И надеялся получить на руки немного наличных, чтобы продержаться, пока не найду новую.

Они понимающе кивнула.

– Впереди трудные времена. Погода опять меняется. Вам стоит внести коррективы в свои ожидания, Леон. Лучшее, на что вы можете надеяться, – выехать из квартиры до срока следующей

выплаты по закладной.

У него бился пульс под подбородком и в противовес этой точке – в бедре.

– Но мне нужны деньги на…

– Леон, – в ее голосе прорезалась сталь, – вы торгуетесь. Помните? «Отрицание, гнев, торговля, уныние и принятие». Это естественно, но не поможет вам продать квартиру. У вас две возможности: найти другого риелтора, например такого, кто подсластит пилюлю или использует вас, чтобы поднять цену на другую площадь, которую он хочет продать. Или дать мне время сделать несколько звонков – посмотрю, чего я смогу добиться. У меня есть список людей, которых я хотела бы видеть в наших местах и которые просили меня подобрать им что-нибудь подходящее. Ваша квартира подходящая. Возможно, я очень скоро сумею сбыть ее с рук, если вы не будете мне мешать. – Она пошуршала бумагами. – А, есть и третий вариант: вы вернетесь в свою квартиру и станете притворяться, что ничего не случилось, пока с вашего банковского счета не спишут очередной платеж. Это было бы «отрицание», то есть возвращение на два шага назад от «торговли». Ну, как?

– Мне надо подумать.

– Хорошая мысль, – кивнула она. – Не забывайте: после торговли наступает депрессия. Купите себе кварту мороженого и посмотрите слезливую киношку. Пить не стоит: от спиртного только тоскливее. Выспитесь с этой мыслью и, если хотите, возвращайтесь утром.

Он натянуто поблагодарил и вышел в Нижний Ист-Сайд. В погребке обнаружился прекрасный выбор мороженого. Леон выбрал себе сорт с самым заковыристым названием, со всяческими добавками, цветными разводами и завитушками и понес в свою квартиру – такую большую, что, пока он отпирал дверь, задрожали колени. Риелторша была права: уныние уже наступило.

Приглашение от Бюля пришло через месяц. Оно было выгравировано лазером на кусочке старинной кожи и доставлено курьером с таким тихим ранцем, что Леон даже не услышал, как отбыла посланница, и заметил ее исчезновение, только подняв голову от свитка, чтобы поблагодарить. Жил он теперь в «курятнике» – снимал его понедельно в пять раз дороже, чем обошлась бы погодовая оплата, но это все равно была лишь малая доля того, что он платил в Нижнем. Комнатушка была завалена барахлом, которое руки все не доходили выкинуть, и сейчас Леон, разгребая коробки от пиццы в поисках приличного костюма,

проклинал себя за обжорство.

Он плюнул на это дело. В приглашении говорилось: «Так скоро, как Вам будет удобно», а на квадрильонера в чане все равно не произведет впечатления его дизайнерский костюм для первого собеседования, устаревший за год.

Месяц Леону никто не звонил. И не отвечал на предложения – а он предлагал услуги по дизайну, маркетингу, разработкам и рекламе. Леон заставлял себя каждый день выбираться на прогулку в парк и смотреть на медведей – под тем предлогом, что зрелище бесплатное и стимулирует творческую жилку. Потом он заметил, что стоит ему оказаться на улице, как горсть денег испаряется из кармана, расходясь на «необходимые мелочи», и раз за разом горсти складываются в заметные суммы. Центр бережливости в мозгу научился заливать его тревогой при каждой попытке выйти из дома, так что Леон уже много дней сидел взаперти.

А теперь собрался. В одной коробке нашлась чистая одежда: мешковатые джинсы и футболки, но когда-то эта мешковатость дорого стоила, и в любом случае они были лучше, чем рубашка и шорты, которые он через день прокручивал в стиральной машине – если не забывал. Двухсотдолларовая стрижка, сделанная в последний рабочий день, потеряла форму и стиль, но Леон, наскоро сполоснувшись под душем, тщательно причесался, надел свои дизайнерские ботинки и на выходе придал им блеска, потерев носками о штанины джинсов сзади и напомнив самому себе отца, когда тот уходил на работу в Ангилье, – жалкий жест утраченной респектабельности. От воспоминания Леон охнул, словно от удара под дых.

Железа бережливости взвыла, когда он взял такси и велел ехать к вертолетной площадке на Гранд Централ[65]. В кровь выплеснулось столько гормонов нищебродства, что ему пришлось пару раз ущипнуть себя за руку, чтобы отвлечься от полноценной паники. Однако ехать предстояло аж в Род-Айленд, а Леон не собирался заставлять Бюля ждать. Он знал, что, имея дело с деньгами, надо и держаться по-денежному – согласовывать сопротивление. Деньги не будут ждать, пока он сядет в поезд или нырнет в метро.

Леон еще из такси заказал вертолет через терминал на заднем сиденье. В «Эйт» это выполнила бы за него Кармела. И сотнями других дел тоже занималась Кармела. В те давние, невозвратно ушедшие времена у него были деньги и обслуживание, какие не снились в самых безумных мечтах, и Леону редко удавалось вспомнить, что заставило его от них отказаться.

Вертолет взбил винтом воздух, поднялся над Манхэттеном: стальные ущелья ушли вниз и превратились в настольный макет. Рокот мотора заглушал голоса, что позволило Леону не замечать пилота, а пилоту настолько полно игнорировать пассажира, что Леон на минуту почувствовал себя важным чиновником, беззаботно парящим над землей. Машина промчалась над береговой линией: над величественными рядами ветряков и плавучих домов, над режущими волны серферами и полосками дамб, похожих на могилы гигантских змеев.

Наушники сводили все шумы – и моря, и мотора – в единообразное шипение. И за этим шипением мысли и страхи на время отступили, словно не могли пробиться сквозь шум помех. Впервые с тех пор, как он захлопнул за собой дверь «Эйт», гложущий голос сомнения смолк, и Леон остался хозяином в собственной голове. Ощущение было, словно вдруг выдернули торчавшую в груди огромную булавку. От облегчения на глаза навернулись слезы – хоть на минуту он перестал гадать, где его место в мире.

Вертолет сел на площадке Ньюпортского государственного аэропорта, на ветви огромного косого креста, вырубленного в густых лесах – в новых лесах, быстрорастущих поглотителях углекислого газа, обвитых гирляндами мха и лиан. Как только открылась дверь, ноздри наполнились тяжелым землистым запахом, и Леону вспомнились Гостиная, а следом и Риа. Поблагодарив пилота, он вручил ей чаевые, а потом обернулся и увидел Риа, словно вызванную его мыслями.

На ее лице была легкая полуулыбка – нерешительная и какая-то детская, словно маленькая девочка гадала, не в ссоре ли они. Леон улыбнулся ей, порадовавшись, что грохот вертолета не позволяет заговорить. Риа пожала ему руку теплой сухой ладонью, и Леон вдруг, повинуясь смутному толчку, обнял ее. Она была и мягкой, и твердой – тело немолодой женщины, которая держит себя в форме, но не сходит с ума из-за лишнего килограмма. Он впервые после ухода из «Эйт» коснулся человеческого существа. И под удаляющийся рокот вертолета Леон понял, что полузабытое откровение не насыпало соль на раны, а, скорее, отдалило все его несчастья так, что ему полегчало.

– Готов? – спросила Риа, когда вертолет улетел.

– Только еще одно, – ответил он. – Здесь есть поселок? Я вроде бы видел на площадке.

– Маленький, – кивнула она. – Раньше был больше, но нам нравятся маленькие.

– А магазин стройтоваров там есть?

Риа многозначительно взглянула на него.

– Тебе что? Молоток? Строительный пистолет? Затеял ремонт?

– Я хотел прихватить с собой дверную ручку, – сказал Леон.

Она захихикала.

– О, это ему понравится. Да, найдем тебе магазин.

Охрана Бюля исследовала дверную ручку посредством миллиметрового радара и газового хроматографа, но пропустила. Риа все время осмотра занимала спутника разговором – легкой болтовней о погоде и ценах на недвижимость, а между тем прогуливалась с ним по комнате, поворачивая под разными углами, и Леон, наконец, спросил:

– Меня сканируют?

– Здесь тоже миллиметровый радар, – признала она. – Полное изображение тела. Не волнуйся, меня тоже сканируют каждый раз. Обычное дело.

Леон пожал плечами.

– Самый ненавязчивый обыск на моей памяти.

– Все дело в комнате, – объяснила Риа. – Размеры, цвет. Обычно сканирование на входе утверждает: «Ты – микроб под микроскопом» или «Не стоишь ты трудов, но раз надо, так надо». Мы устроили все несколько более… мило. Вот такая милая комнатка. Вроде кабинета одинокой мамочки, которая нашла себе уголок, где украдкой работает над романом.

А дальше … у нас тут чудесно.

– Похоже на университетский кампус, – сказал он.

– О, думаю, материалы у нас более высокого класса, чем обычно в университетах, – высокомерно поправила Риа, но Леон видел, что ей приятно. – Ну да, нас здесь около пятнадцати тысяч. Маленький город. Уютные кафе, спортивные залы, кино. Живут несколько художников, маленькая Вальдорфская школа…

Дорожки были чистыми и вились вокруг домов – от коттеджей до больших официальных зданий. Все вместе производило скорее впечатление хорошо финансируемого исследовательского института, чем денежной громады. Люди встречались молодые и старые, одевались как придется, ходили в основном парами и компаниями, увлеченно беседовали.

– Пятнадцать тысяч?

– Это головной офис. В основном здесь занимаются вопросами медицины. У нас по миру много других холдингов, и устроены они совсем по-другому. Но мы спешно подтягиваем их до уровня штаб-квартиры. Здесь хорошо работается. Текучесть кадров низкая на удивление. На самом деле нам нужно каждые

лет двадцать возвращать людей в большой мир, чтобы не забывали, как он выглядит.

– И ты сейчас в таком отпуске?

Риа ткнула его пальцем в плечо.

– По-твоему, я могла бы здесь быть счастливой? Нет, я всегда жила вне кампуса. Я не гожусь для командной работы. Это разрешено: здесь такое место, где даже одинокий стрелок находит свой путь к славе.

Они теперь шли по траве, и Леон рассмотрел, что на деревьях – необыкновенно мощных, коренастых красных кленах – проложены подвешенные к ветвям мостки, как будто здесь потрудилась семья швейцарских Робинзонов. Мостки были снабжены веревочными перилами и лебедками с корзинами для подъема и спуска. Люди, пробиравшиеся по этим дорожкам, шумно окликали друг друга и хохотали, когда встречным, чтобы разминуться, приходилось протискиваться вплотную.

– Они не устарели? – Леон шевельнул бровью в адрес мостков.

– Для некоторых они никогда не устаревают, – ответила Риа. – Есть такие люди, которым это удовольствие не надоедает.

Тон, которым было сказано: «Есть такие люди», напомнил Леону другую ее фразу: «Медведи не должны быть такими счастливыми».

Он кивнул на скамью – скорее, очень широкое, сплетенное из прутьев, веревок и проволоки кресло.

– Нельзя ли на минуту присесть? То есть Бюль не будет возражать?

Риа щелкнула пальцами.

– Бюль сам распоряжается своим временем. Если мы на пять минут задержимся, кто-нибудь сделает ему интересную и полезную процедуру или инъекцию на эти же пять минут. Не волнуйся.

Она села на скамью, которая выглядела тонкой и хрупкой, словно была рассчитана на детский вес, и похлопала по свободному месту рядом. Когда Леон сел, плетенка почти не прогнулась под ним. Очень хорошая работа, сделанная мастером своего дела.

– Ну, так что происходит, Риа? Сперва ты поддерживаешь захапавшего мою работу Бротигана, довольна, что меня ссылают в Сибирь… – Он вскинул руку, предупреждая ее ответ, и обнаружил, что ладонь дрожит и в груди дрожь от загнанного в бутылку гнева, который он не смел признать. – Тебе хватило бы одного слова, чтобы это прекратить. Ты – посланница бога из чана, ты в «Эйт» – абсолютный монарх. Прикажи ты содрать с

Бротигана шкуру, выдубить ее и сшить тебе сапожки, он бы сам бросился снимать мерку. А ты бы им позволила.

А теперь я, министр без портфеля, готовлюсь к событию, из-за которого Бротиган лопнул бы от восторга, – к встрече с Великим Старцем в его собственном чане. С человеком, который, если захочет, проживет тысячу лет, с человеком-государством, суверенным и неприкосновенным. Так я хотел бы знать: зачем? Зачем вся эта секретность, и недомолвки, и обходные пути? Зачем?

Риа дала пройти компании аспирантов, погрузившихся в обсуждение теломер. Шум их голосов и босых ног, шлепающих по мосткам, был хорошим предлогом для паузы. У Леона колотилось сердце, под мышками стало скользко. Он сознавал, что сам проколол разделявший их пузырь иллюзии, молчаливое согласие с тем, что все нормально, что бы это ни значило.

– Ох, Леон, – сказала Риа, – извини. Здесь так принято – в утопии кое о чем стараются не говорить. В конце концов входит в привычку проговаривать все у себя в голове. Понимаешь, невежливо портить людям сад, указывая на поселившихся там змей. Ну, ладно, хорошо, скажу кое-что прямо. Ты мне нравишься, Леон. Средний сотрудник такой конторы, как «Эйт», – колодец несбывшихся желаний, вычисляющий, чего могут желать другие. Мы имеем с ними дело не первое десятилетие – с талантливыми, влиятельными, способными преодолеть фильтры и двойные фильтры. Мы их знаем.

А ты работал по-другому. Мы, как только тебя приняли в «Эйт», завели на тебя досье. Видели твою дипломную работу.

Леон сглотнул. В резюме он сделал акцент на оценках, промолчав о дипломной. О ней он предпочитал не упоминать.

– Мы и подумали: вот совсем другой человек, вдруг у него найдется дом, подходящий к нашей дверной ручке? Но мы знали, что с тобой будет, если оставить тебя в «Эйт»: они станут тебя гнуть и переделывать под себя и либо переделают, либо погубят. Мы сами слишком часто так поступаем. Берем подающего надежды юнца и вводим в жуткую культуру Бюля, к которой он совершенно не подходит. И человек либо с воплями бежит прочь, либо… вписывается. Второе хуже. Вот мы и позаботились, чтобы у тебя на правом плече сидела добрая фея – в противовес дьяволу на левом. – Риа замолчала, поморщилась и влепила себе шутливую затрещину. – Опять я изъясняюсь эвфемизмами! Дурная привычка. Но ты меня понимаешь.

– И вы позволили вытолкать меня…

Она стала серьезной.

– Мы были уверены, что долго драить пуговицы – не для тебя.

Рассчитывали, что ты захочешь уйти.

– И тогда вы сможете меня нанять.

– О, нанять тебя мы могли бы в любой момент. Или купить весь «Эйт». «Эйт» бы тебя нам отдал – ты сам сказал, что Бротиган с радостью отдал бы свою шкуру мне на сапоги. Это ко всем относится.

– Так вы хотели, чтобы я прежде… погулял на воле?

– Теперь ты перешел на эвфемизмы. Это заразно! Идем.

Перед входом в сердце Бюля ему выдали закрытый комбинезон, похожий на костюмчик кролика. Пришлось пройти пару двойных дверей, между которыми волосы шевелил ионизированный стерильный воздух. Здание было приземистым, из невзрачного бурого кирпича, без окон. Так может выглядеть водоочистительная станция или склад. На стенах – облицовка керамической плиткой красноватых и коричневых оттенков, отчего казалось, будто они попали в печь для обжига. Внутри было тихо. Пара бдительных охранников в штатском пристально проследила, как они переодеваются в комбинезоны из микропористого материала с пластиковыми масками. Комбинезоны были снабжены замкнутой системой циркуляции воздуха с баллончиком на запястье, а когда охранник услужливо помог открыть клапан, Леон заметил, что маленькие сопла обдували оконце маски, не давая ему запотеть, и в то же время не сушили глазных яблок.

– Вам хватит, Риа? – спросил более высокий из пары охранников. Он был одет как студент, которого девушка пригласила на семейный обед: мягкие, присобранные у щиколоток слаксы и выглаженная рубашка с короткими рукавами, обтягивавшая накачанную грудь, бицепсы и мускулистую шею.

Риа поднесла запястье с баллончиком к маске.

– Тридцати минут достаточно, – сказала она. – Вряд ли у него найдется для нас больше времени.

Она обернулась к Леону.

– Мне думается, такие предосторожности – излишни. Зато ограниченный запас воздуха не дает затягивать встречи.

– А куда девается выхлоп? – спросил Леон, ерзая в своем костюме. – То есть смысл-то, как я понимаю, в том, чтобы не подпускать моих вирусов к… – он сглотнул, – … к Бюлю.

Он впервые назвал этим словом личность, а не концепцию, и в полной мере осознал, что личность, носящая имя, совсем рядом.

– Сюда. – Риа указала на большой пузырь, вздувающийся у нее на загривке. – Пузырь за пузырем, и ты становишься похож на

человечка «Мишлен». Та еще шутка. – Она наморщила нос. – У тех, кто бывает здесь часто, постоянный скафандр. Гораздо удобнее. Но Бюлю неуклюжесть нравится.

Риа провела его по коридору, где тоже встречались люди то в закрытых комбинезонах, то в более солидных скафандрах, изящно облегающих тело и переливающихся радужными цветами.

– Правда? – переспросил Леон, догоняя Риа. – Я бы назвал все здесь элегантным, а не неуклюжим.

– Ну да, элегантность по ту сторону двери шлюза. Но мы сейчас внутри тела Бюля. – Взглянув на его лицо, Риа улыбнулась. – Нет-нет. Это не игра слов. Все, что по эту сторону двери, – Бюль. Его легкие, кровеносная система, железы. Мясо в чане, но чтобы чан работал, необходимо как раз все остальное. Ты – вроде гигантского чужеродного организма, вторгшегося в его ткани. Очень интимно.

Они миновали еще одну пару дверей и оказались почти одни в зале размером с баскетбольную площадку университета, где учился Леон. Люди здесь если и были, то очень далеко. Риа понизила голос – пришлось склониться к ней, чтобы расслышать.

– Когда ты снаружи, говоришь с Бюлем через его многочисленные щупальца вроде меня или по телефону, он – власть. Гигант. Но здесь, внутри его тела, он очень-очень слаб. Костюмы уравнивают шансы игроков. Все это – игра ума, аллегории. И ведь это только «Марк-1», система, наскоро собранная после… несчастного случая. Милях в пяти отсюда, на глубине полумили, строится «Марк-2». Когда будет готов, пробьем тоннель и переведем его туда, не повредив даже кожи «большого» Бюля.

– Ты никогда не рассказывала, что это был за «несчастный случай», как он сюда попал. Я думал, инсульт или…

Риа покачала головой, тихо прошуршав микропорой.

– Ничего похожего.

Они уже перешли зал, направляясь к дверям на другой стороне.

– Зачем здесь так много места?

– Осталось от прежней планировки, раньше здесь был просто институт биотехники. Зал использовался для общих собраний и симпозиумов. Теперь он для нас слишком велик. Требования безопасности не допускают больше десяти человек в одном помещении.

– Это было покушение?

Леон спросил не раздумывая, резко, словно срывал пластырь.

Снова шелест микропоры.

– Нет.

Риа положила руку на вентиль на двери, собираясь его повернуть и открыть проход дальше.

– Я что-то трушу, Риа, – остановил ее Леон. – Он на людей не охотится?

– Нет.

Даже не видя ее лица, Леон почувствовал улыбку.

– А может, ему нужны органы? Группа крови у меня не редкая, и за телом я не так хорошо ухаживал, чтобы…

– Леон, – перебила она, – если бы Бюлю понадобились органы, мы бы их прямо здесь и сделали. Распечатали бы часов за сорок, новенькие и чистенькие.

– Значит, я не стану ни добычей, ни пищей?

– Весьма маловероятно, – бросила ему Риа и открыла дверь.

В этой комнате было темнее, освещение напоминало свечное, а от пола шла ритмичная вибрация – вуфф, вуфф.

– Это его дыхание, – сказала Риа. – Здесь расположена система фильтрации. – Носком туфли она указала на вделанный в пол люк. – Кровеносная система наверху. – Леон выгнул шею, задрал голову к покрывающей потолок решетке, перевитой тонкими трубочками.

Еще одна пара дверей и еще прохладная темная комната, почти без звуков, а затем одна дверь в конце – дверь шлюзовой камеры, и перед ней еще один охранник в штатском; боковая комната со стеклянной дверью трещит от пристально следящих за экранами людей. У охранницы – на этот раз женщины, отметил Леон – на виду квадратный пистолет со вздутием на стволе, липучкой закреплен на боку.

– Он там, да? – спросил Леон, указав на шлюз.

– Нет, – возразила Риа, – нет, он здесь. Мы в нем. Помни об этом, Леон. Он – не то, что лежит там, в чане. Ты в каком-то смысле оказался в теле Бюля, едва выйдя из вертолета. Сеть датчиков протянута до самого аэропорта – она, как волоски у тебя на загривке, чувствует дующий в округе ветер. А теперь ты пробрался внутрь и сейчас у него в сердце или в печени.

– Или в мозгу.

И тут отовсюду прозвучал голос, теплый и добродушный.

– Мозг переоценивают.

Леон оглянулся на Риа. Та за щитком маски красноречиво подняла бровь.

– Настройка звука. Фокус для развлечения гостей. Бюль…

– Подожди, – вмешался Бюль. – Подожди. Мозг – это важно – сильно переоценивают. Древние египтяне думали, что он нужен для охлаждения крови, – вам это известно? – Он фыркнул. Леон чувствовал, что звук начался внизу живота и поднимался через

туловище – очень приятный, проникающий звук. – Сердце. Они считали, что Я живет в сердце. Я раньше никак не мог понять: как же они не догадались, что Я – то, что лежит между органами слуха, позади органов зрения? А ведь эта одна из дурацких игр мозга, объяснение задним числом. Для нас очевидно, что орган Я – мозг, потому что мы уже знаем, где оно живет, и другого представить не можем. Когда мозг думал, что живет в груди, он прекрасно обосновывал и эту точку зрения: конечно, в груди, ты же чувствуешь там печаль и радость, голод и сытость… Мозг… вот вам и мозг!

– Бюль, – сказала Риа, – мы входим.

Наружная дверь зашипела, открываясь, и Леон увидел Бюля – он напоминал себе, что сказала Риа: Бюль не здесь, Бюль всюду, – но не мог избавиться от чувства, что Бюль тут. Чан Бюля был удивительно мал, не больше саркофага, какие устанавливали древние египтяне в погребальных камерах. Леон старался не таращиться внутрь, но невольно взглянул. Иссохший сморщенный мужчина плавал в ванне, перевитый тысячами оптоволоконных кабелей, уходящих в булавочные проколы на нагой коже. Еще были трубки. В большое отверстие в паху уходила одна, в выпуклый шрам на животе – другая, потоньше и с маленьким клапаном, а еще – в нос и в ухо. Безволосая голова была примята сбоку, как тыква, которая выросла вплотную к забору, и на плоском участке не было кожи, только белая кость и тонкая металлическая сеточка и еще грубая, узловатая ткань шрама.

Глаза скрывались за выпуклыми очками, которые при их приближении раскрылись диафрагмой, открыв неестественно яркие, блестящие, как бусины, глазные яблоки в глубоких темных глазницах. Рот под уходящими в ноздри трубками раздвинулся в улыбке, открыв белые и ровные, как на рекламе пасты, зубы, и Бюль заговорил:

– Добро пожаловать в сердце. Или в печень.

Леон подавился заготовленными словами. Голос был тот же, что он слышал из-за двери, теплый и дружеский: голос человека, которому можно доверять, который о тебе позаботится. Леон захлопал ладонями по комбинезону.

– Я принес вам дверную ручку, – сказал он, – только мне ее сейчас не достать.

Бюль рассмеялся – не фыркнул, как недавно, а громко расхохотался, заставив задрожать трубки и кабели.

– Фантастика, – сказал он. – Риа, он чудо!

От комплимента у Леона загорелись мочки ушей.

– Он хорош, – согласилась Риа. – Он далеко добирался по твоему приглашению.

– Слыхал? Она напоминает мне о моих обязанностях! Садитесь оба.

Риа подкатила два кресла, и Леон сел, чувствуя, как сиденье беззвучно подстраивается под его вес. Развернулось маленькое зеркальце, потом еще два, под углом, и Леон обнаружил, что смотрит Бюлю в глаза через отраженное в зеркале лицо.

– Леон, – попросил Бюль, – расскажи о последнем проекте, о том, что ты делал на последнем курсе.

Хрупкое спокойствие Леона как ветром сдуло, он вспотел.

– Мне не хочется об этом говорить, – сказал он.

– Понимаю, чувствуешь себя уязвимым. Но уязвимость – это не так уж страшно. Вот, скажем, я. Я считал себя непобедимым. Я думал, что могу создавать и уничтожать миры по своему вкусу. Я думал, что понимаю, как работает человеческий мозг – и как он отказывает.

И вот я сидел как-то в Мадриде в утренней столовой своего номера, ел овсянку, и тут старая знакомая, с которой я завтракал, подхватила тяжелый серебряный кофейник, прыгнула на меня, сбила на пол и методично принялась вышибать мне мозги. Кофейник весил три фунта, не считая горячего кофе, и она успела врезать всего три раза, потом ее оттащили. Но и этих трех… – Бюль пристально взглянул на гостей. – Я старый человек. Старые кости, старые ткани. Череп у меня треснул от первого же удара. Второй его проломил. Третий вбил осколки в мозг. Пока подоспели врачи, я был мертв сто семьдесят четыре секунды – с точностью до двух секунд.

Леон не был уверен, что старик в чане все сказал, но рассказ, похоже, закончился.

– Почему? – спросил он, выдав первое слово, которое всплыло в голове.

– Почему я об этом рассказал?

– Нет, – ответил Леон, – почему старая знакомая пыталась вас убить?

Бюль усмехнулся.

– Надо думать, я это заслужил.

– Но мне не скажете за что? – спросил Леон.

Уютная усмешка пропала с губ старика.

– Нет, это вряд ли.

Леон заметил, что от его тяжелого дыхания запотела маска, как ни усердствовали просушивающие ее сопла.

– Бюль, – сказал он. – Смысл этого рассказа в том, чтобы показать, как вы уязвимы, чтобы я тоже рассказал. Но вы в этой истории не выглядите уязвимым. Вас забили насмерть, но вы выжили, стали сильнее, превратились в это… – Леон повел

руками кругом себя. – В это тело, в чудовищного великана размером с город. Вы, черт возьми, уязвимы, как какой-нибудь Зевс.

Риа рассмеялась – тихо, но вполне слышно.

– Я тебе говорила, – обратилась она к Бюлю. – Он хорош.

Открытая нижняя часть лица Бюля сжалась, как сжимается кулак, и механические шумы вокруг них на полтона сменили тембр. Потом он улыбнулся – с явной натугой. Искусственность этой улыбки была заметна даже среди руин лица.

– Я полагаю, – сказал старик, – что множество мировых проблем можно разрешить позитивным мышлением. Мы так много времени тратим на беспокойство из-за редких бед. Детей похитят. Террорист взорвет город. Промышленные шпионы погубят ваше предприятие. Недовольные клиенты отсудят безумные суммы. Все это – ребячьи страхи, от которых подмокают кроватки и заламываются руки. – Голос у него возвышался и затихал, как у проповедника, и Леон не без труда сдерживался, чтобы не раскачиваться в такт словам. – В то же время мы пренебрегаем вероятным: автомобильными авариями, поломками реактивного ранца, опасностью утонуть в ванне. Как будто мозг не умеет забывать о чудовищном и не может вспомнить о возможном.

– Продолжай, – попросила Риа. – Речь хороша, но на вопрос ты пока не ответил.

Старик в зеркальце сверкнул на нее глазами – глазами-бусинами в сетке лопнувших кровеносных сосудов, глазами демона.

– Человеческий мозг неправильно настроен. И это поправимо. – В его голосе ясно ощущалось волнение. – Представь себе препарат, который позволяет тебе чувствовать соответственно знанию. Представь, что, услышав: «Лотерея: играйте и выигрывайте!», ты знаешь: это чушь собачья. Что статистически твой шанс на выигрыш от покупки лотерейного билета возрастает на неизмеримо малую величину. Представь, что люди, когда их запугивают войной, корчатся со смеху! Представь, что рынок держится на реальных оценках рисков, а не на зависти, панике и жадности.

– Ты стал бы намного беднее, – заметила Риа.

Бюль красноречиво закатил глаза.

– Интересная мысль, – вставил Леон. – Я бы принял такое лекарство, не раздумывая.

Взгляд Бюля – яростный, сверлящий – метнулся к нему.

– В том-то и настоящая проблема. Его готовы принять только те, кому оно не нужно. Политики, трейдеры и биржевые игроки

умеют вычислить вероятность, но они знают, что те, кто обеспечивает им жирок и довольство, ничего в этом не понимают, и потому не могут позволить себе разумных действий. У этой проблемы только одно решение.

– Медведи, – выпалил Леон.

Риа еле слышно выдохнула.

– Медведи, черт бы их побрал, – согласился Бюль, и в его согласии было столько безнадежной усталости, что Леону захотелось обнять старика. – Да. Орудие социальных реформ нельзя было оставлять на усмотрение людей. Поэтому мы…

– Превратили его в оружие, – закончила Риа.

– А это чья история?

Леон чувствовал, что костюм стал плохо гнуться. Надутые использованным воздухом пузыри превращали его в воздушный шар. И еще ему надо было помочиться. И еще не хотелось двигаться с места.

– Вы давали его людям.

– Леон! – В тоне Бюля звучало: «Неужели ты считаешь нас такими мелкими?» – Они согласились на участие в медицинских исследованиях. И средство сработало! Они больше не носились с воплями: «Небо падает! Небо падает!» Он познали дзен. Счастье спокойствия и умеренности. Безголовые цыплята превратились в невозмутимых регулировщиков движения.

– И ваша лучшая подруга вышибла вам мозги…

– Потому что, – Бюль перешел на фальцет Микки Мауса, – «неэтично проводить такие опыты в широких масштабах»!

Риа сидела так тихо, что Леон почти забыл о ней.

Он поерзал в кресле:

– Думаю, вы рассказали мне не все.

– Мы выставили его на продажу как средство от повышенной тревожности.

– И?..

Риа резко встала:

– Я подожду за дверью.

И быстро вышла.

Бюль опять закатил глаза.

– Как бы ты заставил людей принимать средство от беспокойства? Многих-многих людей? То есть если бы тебе поручили эту работу, выделили бы бюджет…

Леон разрывался между желанием броситься за Риа и магнетическим притяжением Бюля. Он пожал плечами:

– Так же, как и любое лекарство. Подправить список симптомов, убедить побольше людей, что они больны. Поднять в СМИ шум об опасности эпидемии. Это просто. Страх делает

продажи. Эпидемия страха? Господи, да проще не бывает! Даже слишком просто. Задействовать страховые компании, снизить цену на препарат, чтобы курс лечения обходился дешевле, чем курс объяснений, почему человеку не надо лечиться.

– Ты похож на меня, Леон, – сказал Бюль. – Да.

– Да?

Очередная улыбочка из серии «Мы с тобой знаем свет».

– Да.

– О… Сколько?

– В том-то и дело. Сперва мы испробовали его на небольшом сегменте рынка. В Стране Басков. Местные власти проявили большое понимание. У нас была возможность пробовать разные настройки. Там живут самые медиазависимые люди на планете: они и СМИ сейчас – как японцы и электроника в прошлом веке. Если они повелись…

– Сколько?

– Около миллиона. Больше половины населения.

– Вы создали биологическое оружие, заражающее человека способностью к вероятностным оценкам, и поразили им миллион басков?

– Крах лотерей. Тогда я понял, что удалось. Продажи лотерейных билетов упали более чем на восемьдесят процентов. Их как корова языком слизала.

– После чего подруга проломила вам голову?

– М-да.

Костюм с каждой секундой жал все больше. Леон опасался, что, если задержится слишком долго – застрянет, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой.

– Мне пора идти.

– С точки зрения эволюции, слабая способность к оценке рисков – преимущество.

Леон медленно кивнул.

– Да, тут я соглашусь. Без нее невозможна предприимчивость…

– …Тяга к освоению новых земель, посягательство на красотку-обезьянку с соседнего дерева, рождение ребенка, которого неизвестно, чем прокормить…

– А ваши вероятностные вулканы потухли?

– В большинстве, – сказал Бюль. – Но это было ожидаемо. Так у людей, переселившихся в города, падает уровень рождаемости. И тем не менее человечество все больше переселяется в города и притом не вымирает. Социальные перемены требуют времени.

– И тогда ваша подруга проломила вам голову.

– Перестань повторять.

Леон встал.

– Пойду-ка я поищу Риа.

Бюль недовольно хмыкнул.

– Иди. И спроси, почему она не доделала начатого. Спроси, решилась ли она сразу, на месте, или планировала загодя. И спроси, почему она схватилась за кофейник, а не за хлебный нож. Потому что я, знаешь ли, этого не понимаю.

Леон в неуклюжем перенадутом костюме пятился к выходу. Забираясь в шлюз, слушая шипение воздуха, он старался не думать о Риа, навалившейся на грудь старику, поднимающей и опускающей наполненный кофейник.

Она ждала его на той стороне, тоже раздувшаяся пузырем.

– Идем, – сказала она и взяла его за руку, так что склеились прорезиненные ладони перчаток. Риа чуть ли не волоком протащила его через многочисленные комнаты тела Бюля, задержалась на последнем пороге, потом развернула Леона и рванула шнурок, разделивший комбинезон надвое, так что два безжизненных куска осели на землю. Леон выдохнул, только теперь поняв, что задерживал дыхание. Прохладный воздух коснулся покрывшей его тело пленки пота.

Риа уже раскрыла свой костюм, показав раскрасневшееся потное лицо и свалявшиеся волосы. На рукавах под мышками темнели кольца пота. Старательный служащий подошел забрать костюмы. Риа равнодушно поблагодарила и направилась к выходу.

– Не думала, что он это сделает, – сказала она, оказавшись снаружи, вне сердцевины Бюля.

– Ты пыталась его убить, – сказал Леон. Он смотрел на ее руки с ровно обрезанными аккуратными ногтями и крупными суставами. Он представлял, как вздувались жилы у нее на спине – словно парусные канаты в сильный ветер, – напрягаясь от тяжести серебряного кофейника.

Риа вытерла руки о штанины и засунула в карманы – неловко, без следа прежней самоуверенности.

– Я этого не стыжусь. Горжусь. Не всякий бы решился. Если бы не я, ты и все, кого ты знаешь, уже бы… – Она выдернула руки из карманов, сжала в кулаки. И покачала головой. – Я думала, он тебе расскажет, чем нам понравилась твоя дипломная работа. Тогда мы могли бы обсудить твое место здесь.

– Ты о ней никогда не заговаривала, – ответил Леон. – А то я бы избавил вас от лишних хлопот. Я о ней говорить не буду.

Риа покачала головой.

– Это Бюль. Если мы что-то задумали, ты нас не остановишь. Я тебя не запугиваю – просто таков факт. Если мы решим

повторить твой эксперимент, то сделаем в любом масштабе.

– Но я в нем участвовать не буду, – сказал он. – Это важно.

– Не так важно, как тебе кажется. И, если ты думаешь, что сможешь уклониться от роли, которую тебе предназначил Бюль, тебя ждут сюрпризы. Мы можем исполнить любое твое желание.

– Не можете, – проговорил он. – Если я что и знаю, так только это.

Возьмите нормального человека во время обеда. Спросите, как он завтракал. Если обед превосходен, он расскажет, как превосходен был завтрак. Если обед ужасен, скажет, что ужасен был завтрак. Теперь спросите его об ужине. Плохой обед заставит его ожидать и плохого ужина. Хороший обед внушит оптимизм по поводу ужина. Объясните человеку, как это работает, и снова спросите про завтрак. Он будет старательно вспоминать подробности завтрака, густоту овсянки, был ли сок восхитительно-холодным или тепловатым и склизким. Он будет вспоминать и вспоминать изо всех сил, а потом, если обед хорош, скажет, что завтрак был хорош. А если обед плох, скажет, что завтрак был плох.

Потому что изменить это невозможно. Невозможно, даже зная, что происходит.

А если бы было возможно?

– Это из-за родителей, – заговорил Леон, пробираясь по узким мосткам сквозь древесные кроны и прижимаясь к перилам, чтобы пропустить оживленно болтающих ученых. – Просто сердце разрывалось. Родители помнят только хорошее. Родители, когда дети выросли, помнят сплошь сладкие объятия, школьные победы, спортивные рекорды и попросту забывают, как ребенка рвало. Забывают о его истериках, о вечном недосыпе… Это, помимо прочего, позволяет нам продолжать род. Прекрасная способность – забывать. Наверно, мне следовало вспомнить о ней и остановиться.

Риа серьезно покивала.

– Но была и светлая сторона, так?

– Да, конечно. Например, хорошие завтраки. И потеря веса – поразительная! Если человек твердо помнит, как паршиво ему было после съеденной плитки шоколада или сожранного целиком пакетика чипсов… Поразительно!

– Широкие возможности применения, да? Хотя бы как методика похудания.

– Похудание, лечение наркомании, да и много чего остального. Программы-приманки в чистом виде.

– Но?..

Леон осекся.

– Ты сама знаешь, – сказал он. – Если вы прознали о «Ясности» – так я назвал препарат, – то в курсе, что произошло. При таких возможностях, как у Бюля, что угодно можно разведать.

Риа суховато улыбнулась.

– О, мне известно, что записано в отчете. Я не знаю другого – что произошло. Кроме официальной версии, которой заинтересовалась сначала «Эйт», а потом и мы…

– Почему ты хотела убить Бюля?

– Потому что я единственная, кого он не мог одурачить, и я видела, к чему ведет его «маленький эксперимент». Конкурентные преимущества для фирмы, заранее знающей о таком радикальном изменении человеческого сознания, – огромны. Подумай, сколько продуктов исчезнет с рынка, если способность к вероятностной оценке распространится как вирус. Подумай о переменах в политике, во власти. Просто представь себе аэропорт, управляемый людьми, осознающими риск, – и работающий на таких людей.

– На мой взгляд, получится неплохо, – сказал Леон.

– Ну еще бы! – ответила она. – Конечно, целый мир жадных потребителей, знающих цену всему и стоимость пустышки. Зачем эволюция наградила нас такой патологической неспособностью к оценкам? Какое преимущество в борьбе за выживание получает тот, кто позволяет водить себя за нос шаману, рассказавшему самую страшную сказку?

– Он говорил о предприимчивости – в рождении детей, бизнесе.

– Во всем, что подразумевает риск. Спорт. Кто станет рваться к воротам, зная, что у него нет шансов?

– И Бюль этого хотел?

Риа прищурилась.

– Мир людей, точно оценивающих риск, почти так же легко одурачить, как мир людей, к этому не способных. Разница в другом: во втором случае чаще выигрывает не самая продвинутая команда, а та, что играет на своем поле.

Леон словно в первый раз увидел ее. Увидел, что она – лик чудовища, голос бога. Рука мощной непознаваемой машины, которая переделывает мир, подгоняет его под себя. Машины, которая это умеет.

– «Ясность», – проговорил он. – Ясность… – Риа слушала очень внимательно. – Как ты думаешь, попыталась бы ты убить Бюля, если бы принимала «Ясность»?

Она удивленно заморгала.

– Никогда об этом не думала.

Леон ждал. И заметил, что ждет, затаив дыхание.

– Думаю, если бы я принимала «Ясность», то довела бы дело до конца.

– А если бы «Ясность» принимал Бюль?

– Думаю, он бы не стал мне мешать, – выпалила она так быстро, что слова прозвучали отрыжкой.

– Кто главный над Бюлем?

– О чем ты?

– О том… Он оказался в чане по доброй воле? Он руководит этим… предприятием? Или предприятие крутится само собой и самопроизвольно принимает решения?

Риа сглотнула.

– Теоретически это мягкая диктатура. Он – суверен, ты же знаешь. – Она снова сглотнула. – Ты расскажешь, что произошло с «Ясностью»?

– Но он ли принимает решения?

– Не думаю, – прошептала Риа. – На самом деле нет. Это больше похоже на…

– Естественный ход вещей?

– На эмерджентный феномен.

– Он нас слышит?

Риа кивнула.

– Бюль, – произнес Леон, представляя себе существо в чане, – «Ясность» делала принимавших ее агрессивными. При виде рекламы им хотелось что-нибудь сокрушить. В магазине они чуть ли не впадали в кататонию. Выборы внушали им желание взять штурмом и подпалить здание правительства. Все участники эксперимента в течение восьми недель попали в тюрьму.

Риа улыбнулась. Взяла его руки в свои – теплые, сухие – и пожала.

У Леона зазвонил телефон. Он высвободил одну руку и ответил:

– Алло?

– Сколько ты за нее хочешь?

Голос Бюля дрожал от возбуждения. Голос безумца.

– Она не продается.

– Я куплю «Эйт», поставлю тебя во главе.

– Не хочу.

– Я убью твоих родителей. – Тем же восторженным тоном.

– Широкое применение «Ясности» убьет всех.

– Ты сам в это не веришь. «Ясность» позволяет выбрать путь, на котором ты будешь счастливее всего. Массовое самоубийство не даст человечеству счастья.

– Откуда вам знать?

– Поспорим?

– Почему вы не покончили с собой?

– Потому что мертвый я не смогу ничего исправить.

Риа внимательно слушала. И сжимала его руку.

– А сами вы приняли бы?

Долгое молчание.

Леон нажал:

– Сделки не будет, если вы сами ее не примете.

– У тебя есть запас?

– Я могу приготовить. Придется поговорить с лаборантами и загрузить свои данные.

– А ты ее примешь со мной за компанию?

Леон не колебался.

– Ни за что.

– Я приму, – сказал Бюль и дал отбой.

Риа снова взяла его за руку. Склонилась к Леону. Поцеловала сухими твердыми губами. Отстранилась.

– Спасибо, – сказала она.

– Не благодари, – ответил он, – это не услуга.

Она встала и потянула его за собой.

– Добро пожаловать в команду! Добро пожаловать в Бюль!

Юн Ха Ли
Цветок, милосердие, игла и цепь

Молодая писательница Юн Ха Ли вместе с семьей живет в Южной Калифорнии. Ее произведения публикуют такие издания, как «Lightspeed», «Clarkesworld», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Federation», «Beneath Ceaseless Skies», и другие. Ниже в свойственной ей сдержанной элегантной манере Юн Ха Ли повествует о древнем оружии, настолько мощном, что оно способно уничтожить вселенную.

Одно привычное заблуждение заключается в том, что будто бы в любой точке времени в любой точке вселенной существует множество вариантов будущего. Утверждение это ошибочно, потому что есть такие миры, где детерминизм обращен в прошлое. Там при заданном состоянии мира в в заданный момент времени t существует множество вариантов прошлого, итогом развития которых и становится состояние s. Но и это не все: помимо них есть миры, где любой вариант прошлого стремится к заданной, итоговой точке Ω.

Верующий человек назовет ее Армагеддоном.

Лингвист – пунктуационным значком космического масштаба.

Философ – предопределенностью.

Она каждый день торчит на вокзале Блэквилла и начала приходить туда так давно, что никто не помнит когда, хотя родом она из других мест. Сама она – человек, но прямые черные волосы и темно-карие глаза наводят на мысль о том, что среди ее предков был тигр или куминхо[66]. На ее родном языке никто здесь не говорит.

Болтают, будто бы на этом языке ее имя означает то ли серый цвет, то ли пепел, то ли могилу. Если купить ей воды, или засахаренные лепестки, или диск какой-нибудь новой группы, подарок она возьмет, но это ровным счетом ничего не значит. Про имя она не расскажет.

Но всем любопытно.

На этот раз к ней подходит мужчина с глазами, цвет которых похож на зеркало. Она давно не видела здесь людей.

– Цветок Ариганы[67], – произносит он.

Ее зовут не так, но она поднимает взгляд. «Цветок Ариганы» висит у нее на плече и сдвинут набок. У незнакомца лицо

человека. В нем заметен интерес к ее оружию.

Облик у «Цветка» изменчив, но в последнее время многовариантность выражается в почти полном ее отсутствии, что кажется более странным, чем многообразие. Временами это автомат с длинным блестящим стволом, временами – громоздкий, короткий. Но всегда на прикладе видна метка мастера: цветок с тремя облетевшими лепестками и четвертым, который тоже вот-вот упадет. В центре цветка – знак мастера, сам похожий на цветок с узловатыми корнями.

В нем скрыт секрет оружия. Спрашивать о нем у женщины бесполезно, а мастер, оружейница Аригана, умерла давно-предавно.

– Всем известно, что я – хранитель, – говорит женщина человеку с зеркальным взглядом.

– А мне известно, на что способна эта штука, – говорит он. – А еще – что в твоем народе почитали предков.

Ее пальцы отпускают стакан с холодной водой – всего на два градуса выше точки замерзания, – и рука скользит вбок, к оружию.

– Опасно знать такое, – говорит она.

Он этого ждал. В архивных книгах ее народа «Цветок Ариганы» назывался когда-то «Подарком предков». И там не имелось в виду, новый он или старый.

Мужчина вежливо улыбается, но остается стоять, потому что сесть его не приглашают. Для него вежливость особенно важна, потому что он не человек. Может быть, он огромный, но как бы он ни выглядел, его внешность – результат чьей-то работы в глубинах дальнего космоса.

Он говорит:

– Тебе наверняка уже приходилось видеть сенсора вроде меня.

Она кивает:

– Само собой.

И про себя задается вопросом: есть ли душа у таких компьютеров? Она думает, что есть, и это может создать дополнительные неприятности.

– Я не наемник.

– Очень хорошо, – говорит он.

Все они так говорят. Всем им нужны бывшие герцоги, герцогини или маршалы, или покинутые возлюбленные в новой реинкарнации, или бодхисатвы, или главы концернов – все старые красивые истории. Люди во всех – широком и узком – смыслах этого слова. У «Цветка Ариганы» репутация особенная, хотя почти всегда ошибочная.

– Само собой, – отвечает она.

Обычно она не разговаривает с просителями. Просто не обращает внимания и пьет стакан за стаканом – второй, третий, четвертый, пятый, – как ребенок, который еще не знает, что вечность в счете не переплюнешь.

Когда-то желающих завладеть этим оружием было больше. В те времена, когда жизнь ее еще не сплелась с «Цветком» и защитными его свойствами, включая невозможность убить его владельца, пока он держит в руках автомат, ей приходилось и драться, и убивать. Одна из причин, почему ей нравится Блэквилл, заключается в том, что администрация города пообещала сама убирать трупы. И всегда держит слово.

Мужчина некоторое время молчит, потом произносит:

– Пожалуйста, выслушайте меня.

– Если вы в самом деле знаете то, на что намекнули, – говорит она, – вам следует меня опасаться.

Посетители в баре уже обратили на них внимание: музыкант с гитарой из какой-то древесной окаменелости с шелковыми струнами, ученый магистр с копной водорослей на голове, несколько инженеров с пачкой чертежей – на верхнем на полях нарисован космический корабль. Единственный, кто не проявил к ним интереса, – это путешественник с татуировками; тот спит в углу, и ему снятся далекие луны.

Неторопливо она сдвигает с бока «Цветок», направляя ствол на собеседника. Она целит не в сердце, а в левый глаз. Стоит нажать на спусковой крючок, и его искусственно созданный зрачок разлетится в прах.

Музыкант продолжает бренчать, но остальные лишь секунду-другую таращат глаза на поднятое оружие, а потом опрометью бросаются вон из бара. Будто бы это кого-то спасет.

– Да, – говорит мужчина, делая вид, что неприятно удивлен, – вы способны разрушить меня до основания. Готов назвать всех своих программистов от первых людей, которые вели подсчет птиц на скалах.

Ствол еще раз слегка переместился – строго по горизонтали – и теперь направлен в правый глаз.

– Вы, – говорит она, – уже убедили меня в том, что знаете действительно много. Но не в том, что вас можно оставить в живых.

Она отчасти блефует. «Цветок» она в ход не пустит: не из-за такой ерунды. Но убивать она умеет и другими способами.

– Мне нужно сказать вам кое-что, – произносит он. – Не хотелось говорить об этом в баре, но, может, все-таки выслушаете?

Она кивает. Коротко.

На прикладе оружия, прикрытый ее ладонью, поблескивает серебром значок – иероглиф, написанный на ее языке, на котором никто здесь не умеет читать. Означает он «предок».

Когда-то давным-давно жила во вселенной императрица, которая благоволила одной юной любительнице дуэлей и подарила той пистолет. У пистолета была черненая, отделанная серебром и позолотой рукоять с выгравированной на ней меткой мастера, – вьющейся веткой. Пистолет этот пережил четыре династии, со всеми происшедшими за то время революциями и переворотами. Он лежал в имперском арсенале, что бы ни происходило.

В архивных книгах о нем содержалось два замечания: «Никогда не прибегать к этому оружию, если нет серьезной опасности», и «Это оружие неисправно».

Любое разумное существо сочло бы обе записи ложными.

Мужчина следом за женщиной входит в ее номер в одном из самых чистых уровней Блэквилла. В гостиной, которая по местным стандартам считается не роскошной, но вполне комфортабельной, стоят диван, по размерам подходящий для человека, отполированный до матового блеска металлический столик и в углу – ваза.

На стенах висят две картины. Похоже, обе – на шелке, а не на более современном материале. На первой изображена какая-то гора ночью, скрытая стилизованными облаками. На второй, в другом стиле – только темные пятна. И нужно хорошенько всмотреться, чтобы заметить, что эти пятна складываются в лицо. На обеих картинах нет подписи.

– Сядь, – говорит женщина.

Мужчина садится.

– Имя сказать? – спрашивает он.

– Имя или название?

– В таких случаях я пользуюсь именем, – говорит он. – Меня зовут Жу Керанг.

– Ты не спросил, как зовут меня, – бросает она.

– Думаю, это неважно, – говорит Керанг. – Вас ведь не существует, если не ошибаюсь.

Она отвечает скучающим тоном:

– Положим, так или иначе я существую. Вот она я – рост, вес и свободная воля. Я пью воду, я чувствую ее вкус. Я могу убить, если решу, что это необходимо. Кроме того, моя смерть не зарегистрирована ни в одном уголке вселенной.

На слове «не зарегистрирована» верхняя губа у него слегка кривится.

– Тем не менее, – говорит он, – вы представитель тупикового вида. Ваш родной язык даже нельзя назвать мертвым. Его попросту не было.

– Вымерших языков много.

– Вымирать может только то, что было живым.

Женщина садится на соседний диванчик – недалеко, но и не близко от гостя.

– Это долгий разговор, – говорит она. – Сам-то ты кто?

– Нам известно, что есть четыре изделия Ариганы, – говорит Керанг.

Глаза женщины превращаются в щелочки.

– Я знаю три.

«Цветок Ариганы», последняя работа оружейницы. «Милосердие Ариганы», что бьет без промаха. И еще одно, «Игла Ариганы», которым можно стереть в памяти жертвы все воспоминания о владельце оружия.

– Есть четвертое, – говорит Керанг. – Знак – меч, оплетенный цепью. Его называют «Цепь Ариганы».

– Что у него за свойство? – спрашивает она, потому что он все равно ей это скажет.

– Оно убивает не только цель, но и того, кто отдавал приказы, – говорит Керанг. – Адмирал, генерал, монах. Школьный учитель. Своего рода проверка на лояльность.

Теперь она догадалась.

– Ты хочешь, чтобы я уничтожила «Цепь».

Когда-то давным-давно жила во вселенной молодая любительница дуэлей по имени Широн, которая получила пистолет в подарок от императрицы, любившей эмпирические эксперименты.

– Не понимаю, как неисправный пистолет может быть грозным оружием, – сказала императрица.

Она кивнула в сторону человека, мокрого от пота, связанного моноволоконной нитью, – если бы он попытался бежать, его разорвало бы на части.

– Этого все равно казнят, его имя уже изъято из семейного реестра. Проверь на нем.

Широн выстрелила… и очнулась в незнакомом городе. Вокруг говорили на языке, какого она никогда не слышала, а бытовые подробности видела только в исторических сериалах. Хорошо, что календарь оказался знакомым. На нем был 857 год. Сколько Широн ни искала, более поздней даты она не нашла.

Через некоторое время Широн выяснила, что тот самый человек, в которого она выстрелила, происходил из семьи, бравшей начало от одной женщины, первая запись о ней была сделана именно в 857 году. По летописям выходило, будто тогда та женщина сделала что-то очень важное, за что ей было пожаловано дворянское звание, и от нее пошел новый род.

Широн, которая ничего об этом не знала, по неведению уничтожила его весь, а вместе с ним и свой мир.

– Да, – отвечает женщине Керанг. – Моя работа – предотвращать убийства. Я не могу позволить себе пройти мимо такого опасного оружия, как «Цепь».

– Тогда где же ты был раньше? – говорит Широн, хотя сама все понимает. – «Цепь» хоть дремлет где-то, а другие…

– Я видел «Иглу» и «Милосердие», – говорит он, и слова его означают, что у него есть все данные на их владельцев. – Прекрасное оружие.

При этом он имеет в виду не красоту теней, чей облик сквозит в профиле женщины, и не красоту жидкости правильной температуры в граненом стакане, в котором золотисто играет солнечный свет. Он говорит о красоте логики, о крещендо «аксиома-аксиома-вывод-доказательство», о quod erat demonstrandum[68].

– Убить способно не только «Милосердие», а любое оружие или даже осколок стекла, – говорит Широн, которая понимает гостя. – Эффекта «Иглы» можно добиться лекарством или, если есть время и нейрохирург, соответствующей операцией. Про «Цепь» такого не скажешь.

Она встает, снимает со стены картину с изображением горы, кладет на столик лицом вниз и аккуратно сворачивает в рулон.

– Я родилась на этой горе, – говорит она. – Что-то похожее там еще остается, в бывшем моем мире. Сейчас вряд ли кто-нибудь пишет в такой манере. Ее знают разве что историки искусства. Я не художник, но гору я написала сама, потому что есть вещи, которые помню только я. А теперь ты хочешь начать все сначала.

– Сколько патронов вы истратили? – спрашивает Керанг.

Для «Цветка» не нужны специальные патроны, он может стрелять и незаряженный, – важно, сколько раз она выстрелила.

Широн смеется низким, хрипловатым смехом. Она не так глупа, чтобы доверять Керангу, но ей нужно, чтобы он ей поверил. Она снимает с плеча «Цветок» и берет обеими руками, так, чтобы Керанг рассмотрел его хорошенько.

Три лепестка опали, четвертый вот-вот упадет. Число не

имеет отношения к вопросу, но Керанг об этом не знает.

– Вы были его хранителем очень долго, – говорит Керанг, рассматривая метку мастера, но не прикасаясь руками.

– Я и буду его хранить, пока сама не стану куском льда, – говорит Широн. – «Цепь» вам кажется слишком опасной, но если ее уничтожу я, нет гарантии, что вы сами не исчезнете…

– Я хочу, чтобы вы уничтожили не «Цепь», – тихо говорит Керанг. – Нужно уничтожить род Ариганы. Неужели вы думаете, я пришел бы к вам с менее важной задачей?

Некоторое время она молчит, не зная, что сказать.

– Так значит, ты выследил потомков Ариганы.

Он молчит, и его молчание означает согласие.

– Их должно быть немало.

«Цветок Ариганы» уничтожает весь род, включая первого предка, изменяя прошлое и не затрагивая только своего владельца. В том мире, где когда-то жила Широн, историки называли Аригану почетной гостьей империи. Но Широн давно выяснила, что Аригана была не гостьей, а пленницей, и ее тюремщики силой заставили ее стать оружейницей. Каким образом Аригане удалось создать оружие такой огромной разрушительной силы, никто не знает. «Цветок» стал ее главной местью, потому что больше всего в империи почитали свой род и предков.

Если потомки Ариганы существуют, то «Цветок» уничтожит всех и, вернувшись в прошлое, уничтожит саму Аригану и ее изобретения. А для Широн закончится заточение в этом времени, хотя вернуться в свое она все равно не сможет.

Широн похлопала по тугому рулону. Гора испарилась, но Широн лишилась ее много жизней назад. Бесшумная молния чиркнула в воздухе, освободила Керанга от фальшивой человеческой оболочки, внесла свои, взятые из глубины памяти тупикового вида поправки в те логичные уравнения, благодаря которым его создали. У картины было еще одно назначение, как и у всех вещей в этой комнате – Широн верила в полезность многофункциональности, – но она и так сослужила ей хорошую службу.

Тело Керанга падает на диван. Широн оставляет его там лежать и уходит.

В первый раз за долгие годы она уезжает из Блэквилла. Вещей с собой у нее почти нет, все, что понадобится, она купит в дороге. Блэквилл ее не задерживает, потому что тут ее знают и помнят, что ее нельзя трогать. Ее номер Блэквилл оставит за ней, и там всегда будет убрано, и всегда, каждый вечер, ее будет ждать элегантный стакан со свежей водой правильной температуры,

близкой к точке замерзания.

Керанг сам признал, что он всего лишь чье-то орудие. Если ему было известно то, о чем он рассказал, и ему дали время донести это до нее, значит, существуют и те, кто знает то же самое.

Керанг ничего в ней не понял. Широн пробирается по лабиринту переходов к выходу, чтобы попасть в один из главных уровней, откуда она начнет свои поиски. Если бы Широн хотела отомстить Аригане, то сделала бы это давным-давно.

Широн все же надеялась, что до этого не дойдет. Теперь приходилось признать свою глупость. Ничего не поделаешь. Придется найти и убить всех потомков мастера. Так она защитит Аригану, защитит накопленную за тысячелетия мудрость этого времени, и они не пострадают, даже если кто-нибудь все-таки перехитрит Широн и отберет у нее «Цветок».

Во вселенной, где детерминизм обращен в прошлое, где, что ни сделай, все сойдется в той же самой точке О, – выбор все равно имеет значение, особенно если ты последний хранитель грозного оружия.

Много позже Широн стала думать, что нужно было принять предложение Керанга, нужно было пожертвовать этим временем, чтобы никогда не было ни Ариганы, ни ее изобретений. Потому что она несла смерть, потому что Широн не давал покоя вопрос: если человек способен создать чувствующий компьютер, то что такое вселенная – может быть, она тоже просто гигантский компьютер?

В этой вселенной Широн считается старой. Но она еще старше – старше вселенной. Широн пережила ее миллионы раз. И каждый раз «Цветок Ариганы» был неотъемлемой частью жизни, как неотъемлемо лезвие от клинка. Хоть и верно, что наука неспособна найти абсолютные доказательства, что сколь угодно большой ряд экспериментов все же блекнет по сравнению с бесконечностью, Широн знает, что миллионы повторений – сами по себе доказательство.

Без «Цветка Ариганы» никакая вселенная не смогла бы себя обновлять, начиная новое действие. Возможно, это и есть причина, зачем он был создан. Как и Широн, которая нажмет на спуск столько раз, сколько понадобится.

Стивен Бакстер
Возвращение на Титан

Стивен Бакстер опубликовал свое первое произведение в «Interzone» в 1987 году и с тех пор постоянно сотрудничает с этим журналом, а также с «Asimov's Science Fiction», «Science Fiction Age», «Analog», «Zenith», «New Worlds» и другими изданиями. Бакстер – один из самых плодовитых современных фантастов, работающих на передовой линии науки, его проза насыщена необычными новыми идеями, а сюжеты зачастую приобретают поистине невероятный космический масштаб. Первый роман Бакстера «Плот» («Raft») вышел в 1991 году, вскоре за ним последовали «По ту сторону времени» («Timelike Infinity»), «Антилед» («Anti-ice»), «Поток» («Flux») и продолжение «Машины времени» Герберта Уэллса – «Корабли времени» («The Time Ships»), за которое автор был награжден премиями Джона Кэмпбелла и Филипа Дика. Среди других книг Бакстера – романы «Путешествие» («Voyage»), «Титан» («Titan»), «Лунное семя» («Moonseed»), «Мамонт. Книга первая: Серебряный Волос» («Mammoth, Book One: Silverhair»), «Мамонт. Книга вторая: Длинный Клык» («Mammoth: Book Two: Longtusk»), «Мамонт. Книга третья: Ледяные Кости» («Mammoth: Book Three: Icebones»), «Бесконечность времени» («Manifold: Time»), «Бесконечность пространства» («Manifold: Space»), «Эволюция» («Evolution»), «Сросшийся» («Coalescent»), «Ликующий» («Exultant»), «Исключительный» («Transcendent»), «Император» («Emperor»), «Блистательный» («Resplendent»), «Завоеватель» («Conqueror»), «Навигатор» («Navigator»), «Девушка с водородной бомбой» («The H-Bomb Girl»), а также написанные в соавторстве с Артуром Кларком: «Свет иных дней» («The Light of Other Days»), «Око времени» («Time's Eye») и «Перворожденный» («Firstborn»). Малая проза писателя представлена в сборниках «Вакуумные диаграммы. Рассказы о Ксили» («Vacuum Diagrams: Stories of the Xeelee Sequence»), «Следы» («Traces») и «Охотники Пангеи» («The Hunters of Pangaea»). Отдельным изданием была выпущена повесть «Мэйфлауер-2» («Mayflower II»), К относительно недавно изданным произведениям можно отнести романы «Ткач» («Weaver»), «Потоп» («Flood»), «Ковчег» («Ark»), «Каменная весна» («Stone Spring»), «Бронзовое лето» («Bronze Summer») и «Железная зима» («Iron Winter»), а также книгу «Наука, „Аватара“» («The Science of Avatar»).

Бакстер написал большой цикл об астронавте Гарри Пуле. Рассказ «Возвращение на Титан» обнажает слабые места героя, в том числе его готовность пойти на все ради успеха.

Пролог
Зонд

Земной корабль пролетал сквозь ледяные кольца.

В течение первой недели, крутясь по орбите вокруг Сатурна, корабль прошел в трехстах тысячах километров от Титана, самого большого спутника планеты. Сенсоры с любопытством смотрели вниз, в непроницаемую мглу атмосферы.

Корабль был слишком тяжел, чтобы лететь напрямую к цели при технологиях того времени, поэтому его полет растянулся на семь лет. Он шел по сложной траектории, используя гравитацию Венеры, Земли и Юпитера. Корабль был примитивен, но вполне подготовлен для исследования Титана. Независимый посадочный модуль, похожий на толстую тарелку диаметром метра в три, крепился сбоку к главному модулю. Автоматическая станция была отключена на протяжении всего межпланетного полета, но теперь зонд наконец-то разбудили и запустили.

Две недели спустя он окунулся в плотную атмосферу Титана.

Большая часть межпланетной скорости растаяла в горниле торможения, и наконец раскрылся главный парашют. Открылись заслонки, выдвинулись штанги, и приборы, находящиеся в миллиарде километров от рук инженера, уставились на Титан. На высоте около полусотни километров постепенно показалась поверхность. Эти первые дразнящие кадры напоминали вид Земли с большой высоты, только окрашенный в угрюмые оттенки красновато-коричневого цвета.

Посадка на ледяное крошево была неторопливой, скорость составляла менее двадцати километров в час.

После стольких лет путешествия миссия зонда на поверхности продолжалась всего несколько минут, прежде чем истощились его внутренние батареи и поток телеметрии оборвался. Еще два часа новости об этом приключении ползли к Земле со скоростью света, к этому времени слабая органическая морось уже забрызгала верхнюю часть корпуса и остатки внутреннего тепла зонда рассеялись окончательно.

А потом (о чем так и не узнали операторы зонда на Земле) похожий на клешню манипулятор сомкнулся на тарелкообразном корпусе «Гюйгенса» и утянул раздавленный зонд под ледяной песок.

Глава первая
Земной космопорт

– С Титаном вечно что-то не так. – Это были первые слова, которые я услышал от Гарри Пула (еще до нашего с ним знакомства), и они ввинтились в мой похмельный мозг не хуже дрели. – Это было совершенно очевидно еще тогда, когда первые примитивные зонды добрались сюда шестнадцать веков назад. – У него был голос, как у пожилого человека лет семидесяти или восьмидесяти, с характерной хрипотцой. – Титан – колыбель целого зверинца всяческой живности, под плотным одеялом атмосферы, но как раз эту атмосферу невозможно воспроизвести.

– Ну, механизм-то достаточно очевиден. Тепловой эффект от метана в атмосфере не дает воздуху охлаждаться и вымерзать. – Эти слова произнес уже другой голос, скрипучий и немного мрачный, – голос человека, который относится к себе слишком серьезно. Голос показался мне знакомым. – Солнечный свет запускает реакции с метаном, в результате чего в стратосфере образуются сложные углеводороды…

– Но, сынок, откуда же этот метан берется? – с нажимом возразил Гарри Пул. – Он ведь расходуется на те самые реакции образования стратосферных углеводородов. И он должен был исчезнуть за несколько миллионов лет, максимум за десять. Так что же восполняет запас метана?

В тот момент меня абсолютно не волновала проблема метана на крупнейшем спутнике Сатурна, несмотря даже на то, что она, по-видимому, была основной точкой приложения моей карьеры. Туман в моей голове, который был гуще, чем толиновая[69] мгла на Титане, постепенно рассеивался, и я наконец стал ощущать свое тело: оно болело в самых неожиданных местах, а я лежал ничком на чем-то вроде кушетки.

– Может, это результат какого-то геологического процесса? – прозвучал звонкий женский голос. – Или же эта экосистема – некий процесс планетарного масштаба, который поддерживает концентрацию метана. Два самых очевидных варианта.

– Конечно, Мириам, – согласился Гарри Пул. – Или то, или другое. Это было ясно с тех пор, как земляне обнаружили наличие метана на Титане. Но никто ведь не знает наверняка! Да, за прошедшие столетия там побывало несколько зондов, но никто не воспринимал Титан достаточно серьезно, чтобы выяснить все как следует. Всегда находились другие, более легкие, объекты для исследования и колонизации. Марс например, или ледяные луны.

На Титан ведь до сих пор не ступала нога человека!

– Но это же вполне реальные проблемы, – произнес третий мужской голос. – С потерей тепла в таком холодном воздухе бороться было слишком дорого, Гарри. И слишком рискованно…

– Не в этом дело. Никому просто не хватило воображения, чтобы увидеть потенциал Титана. Вот в чем реальная проблема. А теперь мы связаны по рукам и ногам этими проклятыми законами о невмешательстве.

– И ты считаешь, что нам обязательно нужно это выяснить, – произнес скрипучий голос.

– Нам нужен Титан, сынок, – ответил Гарри Пул. – Только в этом я вижу единственную надежду на то, чтобы наша червоточина стала самоокупаемой. Титан является – должен являться – ключом для освоения Сатурна и всей внешней системы. Мы должны найти доказательства, что законы о невмешательстве там неприменимы, – а затем мы сможем перебраться туда и начать его осваивать. Вот о чем речь.

– И ты считаешь, это ничтожество подходит на роль такого ключа? – произнесла женщина.

– Ну, поскольку он куратор по невмешательству в разумную жизнь, а при этом еще и жулик, то да, я именно так и считаю…

Когда в моем присутствии бросаются словами «жалкий» или «жулик», обычно речь идет о Джовике Эмри, то есть обо мне. Я решил, что пришла пора открыть глаза. Над моей головой раскинулся какой-то стеклянный купол, а за ним я увидел кусок голубого неба. Я узнал вид на Землю из космоса. И там виднелось кое-что еще: скульптура из ярко-голубых нитей, летящая над взъерошенным одеялом облачности.

– О, смотрите, – произнесла женщина. – Ожил.

Я потянулся, покрутился туда-сюда и сел. Тело было одеревеневшим и тяжелым, вдобавок я ощущал странную боль в шее сзади, чуть ниже черепа. Я обвел взглядом своих похитителей. Их было четверо – трое мужчин и женщина, и они смотрели на меня с ироничным презрением. Что ж, мне не впервой оказываться в состоянии мучительного похмелья, очнувшись неведомо где в компании незнакомцев. Обычно я быстро прихожу в себя. Я был настолько молод и настолько здоров, насколько позволяли финансы: мне было около сорока, но я был в наилучшей форме, АС-сохраненной в возрасте двадцати трех лет.

Мы сидели на кушетках в центре заставленной разными вещами круглой палубы под поцарапанным куполом. Значит, я нахожусь в ВЕТ-корабле, стандартном межпланетном транспорте, хотя корабль явно не вчера построен. Я много раз летал на таких

к Сатурну и обратно. Сквозь прозрачный купол я видел еще несколько ярко-голубых каркасов, дрейфующих на фоне земли. Они имели форму тетраэдра с едва различимыми гранями и были похожи на мыльные пузыри, которые вспыхивали золотом, прежде чем исчезнуть. Это были устья червоточин – кротовьих ходов в пространстве-времени, а золотые отблески на самом деле являлись окнами в другие миры.

Я понял наконец, где нахожусь.

– Это космопорт Земли.

Горло у меня было сухим, как пыльная лунная пустошь, но я старался говорить уверенно.

– Что ж, насчет этого ты прав, – сказал тот, который прежде вел разговор. Но голос семидесятилетнего старика, как ни смешно, исходил от парня лет двадцати пяти, блондина с голубыми глазами, – гладенького примера Анти-Старения. Двум другим мужчинам на вид было около шестидесяти, но при нынешних достижениях АС их реальный возраст угадать было трудно. Женщина оказалась высокой, с коротко подстриженными волосами, в рабочем комбинезоне. На вид ей можно было дать лет сорок пять.

Юный пожилой человек заговорил снова:

– Меня зовут Гарри Пул. Добро пожаловать на борт «Краба», это корабль моего сына…

– Добро пожаловать? Вы меня чем-то напичкали и притащили сюда…

Один из шестидесятилетних – тот, с хрипотцой, – рассмеялся:

– О, пичкать тебя не было нужды, ты сам нализался до отключки.

– Вы, очевидно, знаете, кто я… А я, кажется, знаю вас. – Я присмотрелся. – Вы ведь Майкл Пул? Инженер червоточин?

Тот смерил меня взглядом и обратился к блондину:

– Гарри, у меня такое чувство, что мы совершаем огромную ошибку, намереваясь иметь дело с этим типом.

Гарри ухмыльнулся, разглядывая меня.

– Не торопись, сынок. Ты всегда был идеалистом. Ты не привык работать с такими людьми. А я привык. Мы получим от него все, что нам нужно.

Я повернулся к нему.

– Гарри Пул, вы отец Майкла, так ведь? – Я рассмеялся. – Отец, который так себя омолодил, что выглядит младше сына. Какая пошлость. И да, Гарри, вам обязательно надо что-нибудь сделать с вашим голосом.

– Я согласен с Майклом, Гарри, – заявил третий. – Мы не можем работать с этим клоуном.

Он был полноват, с озабоченным морщинистым лицом. Я решил про себя, что это сотрудник корпорации, который состарился, делая богатым кого-то другого, – например Майкла Пула и его отца.

Я легко и беззаботно улыбнулся.

– А вы кто?

– Билл Дзик. И я буду сотрудничать с тобой, если мы-таки совершим наш запланированный прыжок к Титану. Но не могу сказать, что эта идея мне по вкусу.

В этот момент я впервые услышал об их затее посетить Титан. Что ж, чего бы они от меня ни хотели, я был уже сыт по горло системой Сатурна, этой адской дырой, и не намеревался возвращаться туда снова. Бывали у меня ситуации и похуже, а сейчас надо просто выиграть время и дождаться подходящего момента для бегства. Я потер виски.

– Билл – могу я называть тебя Биллом? Не мог бы ты принести мне кофе?

– Не искушай судьбу, – прорычал он в ответ.

– Тогда скажите хотя бы, зачем вы меня похитили.

– Ну, это просто, – ответил Гарри. – Мы хотим, чтобы ты доставил нас на Титан.

Гарри щелкнул пальцами, и перед нами замерцало изображение Титана в Виртуале: покрытый шрамами апельсин, вращающийся во мраке. Рядом с ним Сатурн – бледно-желтый полумесяц с огромными кольцами, вокруг него маленькими фонариками кружились луны. А на орбите чуть выше плоскости колец поблескивал крохотный тетраэдр – выход из червоточины Майкла Пула. Гиперпространственная дорога, путь к Сатурну и всем его чудесам. Доступ, которым, похоже, очень редко пользовались.

– Вообще-то это незаконно, – отметил я.

– Знаю. Поэтому именно ты нам и нужен.

Он холодно улыбнулся, скривив свое абсурдно юное лицо.

Глава вторая
Финансы

– Если вам тут нужен эксперт по Титану, – заявил я, – можете искать дальше.

– Ты ведь куратор, – напомнила Мириам, не скрывая своего недоверия и отвращения. – Ты работаешь на внутрисистемную комиссию по надзору за соблюдением законов о разумных существах. И именно ты отвечаешь за Титан!

– Только я его не выбирал, – буркнул я. – Слушайте, раз вы, очевидно, выбрали именно меня, то должны кое-что знать о моем прошлом. Легкой карьеры у меня не было. Моя учеба в университете, куда я поступил на деньги своих родных, состояла из пьяных дебошей, сексуальных эскапад, мелкого воровства и вандализма. По молодости я не задерживался ни на одной работе, которую мне подыскивала семья, – в основном из-за того, что обычно спасался бегством от очередной жертвы моих выходок.

– И в конечном итоге тебя приговорили к редактированию, – подытожил Гарри.

Если бы власти добились своего, то содержимое моего многострадального мозга было бы загружено на внешний носитель, все воспоминания отредактированы, антисоциальные импульсы «перепрограммированы», а остаток залит обратно. Всю мою личность подвергли бы перезагрузке.

– Для меня это было равносильно смерти. Я перестал бы быть самим собой. Отец пожалел меня…

– И выкупил, – подхватил Дзик. – А затем устроил тебя на работу в комиссию по разумным существам. Настоящая синекура.

Я посмотрел на мрачные цвета Титана.

– Вообще-то это убогая должность. Но на ней все-таки как-то платят, и никого особо не волнует, если ты что-либо выкинешь, – в разумных пределах. Я всего лишь пару раз бывал на Сатурне и на орбите Титана. Работа это по большей части административная, все распоряжения поступают с Земли. Я за нее держался руками и ногами. Ну, просто выбора у меня особо не было.

Майкл Пул уставился на меня так, словно я был мелким вредителем, прокравшимся в одну из его чудесных межпланетных установок.

– Вот это и вечная проблема с надзорными агентствами вроде твоего. Я даже могу согласиться с вашими целями. Но занимаются этим сплошь лодыри – бездельники, как и ты. Никого

не интересует реальный результат, а ваша контора только путается под ногами у предпринимателей.

Я поймал себя на том, что этот человек мне решительно не нравится. И еще я не выношу, когда мне читают нотации.

– Я никому ничего плохого не сделал, – огрызнулся я. – Во всяком случае, ничего сильно плохого. В отличие от вас, Пул, с вашими грандиозными планами по переделке всей системы ради личной прибыли.

Майкл собрался было парировать, но Гарри поднял руку.

– Давайте не будем ввязываться в дискуссию. И он прав, в конце концов. Здесь предмет спора – прибыль или ее отсутствие. А что касается тебя, Джовик, даже в этой затерянной в космосе дыре ты все еще умудряешься проворачивать свои любимые махинации. Я не прав?

Я из осторожности промолчал. Сперва надо было выяснить, что ему уже известно.

Гарри показал на виртуальную проекцию Титана.

– Смотрите, Титан кишит жизнью. Это основное заключение той кучи зондов, что столько лет болтались на орбите, и тех, которые пробили плотную атмосферу и ползали по поверхности или копались в ледяном песке. Но наличие жизни само по себе ничего не значит. Вся Солнечная система полна жизни – она расцветает повсюду, на отбитых столкновениями астероидах и даже на глыбах льда. Жизнь – обычное явление во вселенной. Вопрос в невмешательстве. А невмешательство сдерживает прогресс.

– Такое с нами уже случалось, – обратился ко мне Майкл Пул. – В смысле, с консорциумом по развитию, который я возглавляю. Мы установили интерфейс червоточины на объекте из пояса Койпера под названием Печеная Аляска, на внешнем краю Солнечной системы. Нашей целью было использовать лед в качестве реакционной массы для заправки кораблей с ВЕТ-двигателями. Ну и в итоге мы обнаружили там жизнь, а вскоре идентифицировали ее разумность. Ксенобиологи назвали ее «Лес Предков». Проект был остановлен, а нам пришлось эвакуироваться…

– Учитывая обстоятельства, которые привели меня сюда, – прервал его я, – не стану напрягаться и изображать интерес к вашим военным историям.

– Хорошо, – сказал Гарри. – Но ты же видишь, в чем проблема с Титаном. Пойми, мы хотим открыть его для развития. Это фабрика углеводородов и органики, а также экзотических форм жизни, часть которых как минимум родственна нашей. Мы можем создать пригодный для дыхания воздух из атмосферного азота и

кислорода, добытого из водяного льда. Из метана и органики можно делать пластик, топливо и даже пищу. Титан *должен* стать стартовой площадкой для освоения пространств за пределами Солнечной, и даже для полетов к звездам. По меньшей мере это единственная разумная причина, по которой кому-либо захочется посетить Сатурн. Но нам не позволят осваивать Титан, если там есть разумная жизнь. А наша проблема в том, что никто еще не установил, что ее там нет.

Я начал понимать, о чем речь.

– Значит, вы хотите устроить быстренькую подленькую экспедицию, нарушив все аспекты планетарной защиты в законе о разумных существах, чтобы доказать, что там нет разумной жизни, – и получить разрешение на доставку строительной техники на Титан. Правильно? – Тут я увидел, как Дзик, Мириам и Майкл Пул раздосадованно переглянулись. Ага, значит, у них есть разногласия по поводу моральной стороны этой затеи, и это та трещинка, в которую я могу вбить клин. – Чего ради вам так рисковать?

И они мне рассказали. Это была целая сага о межпланетных амбициях. Но в конце концов, как всегда в подобных случаях, все упиралось в деньги – или в их отсутствие.

Глава третья
Переговоры

– Ты знаешь, как делается наш бизнес, Джовик, – сказал Гарри Пул. – Оборудуя червоточины, мы прокладываем маршруты для быстрых перемещений по всей Солнечной системе, а это открывает нам доступ к целой куче планет для колонизации и развития. Но у нас есть и куда более амбициозные проекты.

– Какие? Звездолеты?

– И не только, – ответил Пул. – Несколько десятилетий мы работаем над экспериментальным кораблем, который строится на орбите Юпитера…

И он рассказал о своем драгоценном «Коши». Протащив портал червоточины по кругу диаметром в несколько световых лет, ВЕТ-корабль «Коши» создаст мост-червоточину – но этот мост проложит путь не через пространство, а через пятнадцать столетий в будущее. Таким образом, соединив уже обитаемые и освоенные человечеством планеты системой червоточин воедино, Майкл Пул теперь надеялся создать перемычку между прошлым и будущим. Я взглянул на него по-новому: с уважением и отчасти со страхом. Этот человек либо гений, либо безумец.

– Но для финансирования этих идей вам нужны деньги, – сказал я.

– Джовик, – сказал Гарри, – ты должен понимать, что мегаинженерный бизнес вроде нашего пожирает безумное количество денег. Так повелось еще с тех пор, как в девятнадцатом веке стали прокладывать первые железные дороги. Каждый новый проект мы финансируем за счет прибыли от предыдущих, а также из новых инвестиций – но эти инвестиции напрямую зависят от успеха прежних схем.

– А-а, и вот тут вы споткнулись. Да? И все теперь завязано на Сатурне.

Гарри вздохнул:

– Транзит на Сатурн был следующим логическим шагом. Но проблема в том, что в нем никто не заинтересован! Сатурн напрочь теряется на фоне Юпитера! У Сатурна есть ледяные луны – но их множество и на орбитах вокруг Юпитера. Атмосферу Сатурна можно использовать для добычи полезных веществ – но и атмосферу Юпитера тоже, при этом он вдвое ближе к Земле.

– И еще у Сатурна, в отличие от Юпитера, нет мощного энергетического поля, откуда мы черпаем энергию на создание «Коши», – добавила Мириам.

– Как интересно! – притворно восхитился я. – Так вы, значит, тоже инженер?

– Физик, – смущенно ответила она.

Мириам сидела возле Майкла, но чуть поодаль. Интересно, нет ли у них каких-то личных отношений.

– Суть в том, – пояснил Гарри, – что у Сатурна нет ничего, что привлекало бы туда людей, – поэтому никто и не хочет пользоваться нашим недешевым каналом-червоточиной. Нет ничего, за исключением…

– Титана, – вставил я.

– И если мы не можем попасть туда легально, нам нужен человек, который взломает протоколы безопасности и доставит нас на поверхность.

– Поэтому вы обратились ко мне.

– Как к последнему средству, – с отвращением произнес Билл Дзик.

– Мы пробовали уговорить твоих коллег, – сказала Мириам. – Все отказались.

– Что ж, это типично для кучки формалистов.

Гарри, как всегда дипломатично, улыбнулся мне:

– Поэтому нам придется обойти несколько крючкотворных правил, но ты должен увидеть перспективу, приятель, и благую цель, ради чего все это. А для тебя, Джовик, это шанс вернуться на Титан. Тебе, считай, улыбнулась фортуна…

– Тогда вопрос: а что я буду с этого иметь? Вы ведь в курсе, что я уже был на грани редактирования мозга. Так ради чего я должен рисковать, помогая вам на этот раз?

– Потому что в случае отказа тебя гарантированно ждет перезагрузка мозгов, – ответил Гарри.

Ясно, вот мы и перешли к грязным приемчикам. Гарри взял переговоры в свои руки – он явно возглавлял этот маленький заговор, предоставив прочим инженеришкам заниматься моральными терзаниями.

– Мы знаем о твоих побочных доходах.

– Каких еще доходах? – У меня появилось нехорошее предчувствие…

И он вывел все на дисплей Виртуала. Я увидел, как один из моих перенастроенных зондов вонзается в плотную атмосферу Титана. Серебристая игла четко выделялась на фоне мрачных облаков органики. Теоретически зонд должен был выполнить рутинный мониторинг, но реальная цель у него была совершенно иная.

Сразу под поверхностью на Титане можно найти полости с жидкой водой, обычно под озерным льдом в кратерах.

Температура там поддерживается остаточным теплом после ударов, породивших эти кратеры. Изображение показало, как спускаемый модуль зонда пробил ледяной панцирь одного из таких озер и нырнул в воду. Гарри включил перемотку, и мы увидели, как модуль выбрался из озера и набрал высоту, направляясь на базу моих коллег на Энцеладе.

– Ты брал в озерах образцы подледной жизни, – сурово произнес Гарри. – И продавал результаты.

Я пожал плечами: не было смысла отрицать очевидное.

– Полагаю, основные факты вам известны. Местные формы жизни состоят в родстве с земными, но в очень отдаленном. Другой набор аминокислот или что-то еще… я не знаю. Даже микроскопические образцы ценятся среди биохимиков на вес золота, потому что это новый набор инструментов для создания синтетических лекарств и всяких генетических манипуляций. – Я понимал, что у меня есть только один выход из этой ситуации. – Вам будет непросто найти доказательства. К настоящему времени даже следов наших зондов на поверхности не осталось.

Это действительно было так. Среди многочисленных и плохо изученных загадок Титана был тот факт, что оказавшиеся на его поверхности зонды быстро выходили из строя и исчезали – вероятно, в результате каких-то геологических процессов.

Гарри отнесся к моим словам с тем презрением, которого они заслуживали.

– У нас есть полные записи. Фотографии. Образцы материалов, которые ты украл на Титане. Даже заверенные показания одного из твоих партнеров.

– Чьи? – вскинулся я. Но, конечно же, это не имело значения.

– Суть в том, что такие действия абсолютно незаконны, – снисходительно продолжил Гарри. – Причем совершал их ты, куратор, в чьи обязанности как раз входит предотвращение подобных преступлений. Если об этом узнают твои боссы, тебя без проволочек отдадут под суд, приятель.

– Так, значит? Шантаж? – Я очень постарался, чтобы это прозвучало максимально презрительно… Это сработало: Майкл, Мириам и Билл отвели взгляды. Но Гарри все было как с гуся вода.

– Я бы назвал это иначе. Но по сути да, так и есть. И что ты выбираешь? Ты с нами? Ты доставишь нас на Титан?

Я еще не был готов сдаться. Я резко встал, и они, к моему удовлетворению, отпрянули.

– Дайте хотя бы время подумать. Вы мне даже кофе не предложили.

Майкл взглянул на Гарри, тот показал на диспенсер возле

моей кушетки.

– Налей отсюда.

Здесь были и другие раздатчики. Почему именно из этого? Я отмахнулся от этого вопроса и подошел к диспенсеру. По команде тот налил кружку какой-то жидкости – пахла она как кофе. Я с благодарностью сделал большой глоток и подошел к прозрачной стенке купола.

– Стой! – рявкнул Майкл.

– Я просто хотел полюбоваться видом.

– Ладно, но только ни к чему не прикасайся, – разрешила Мириам. – Иди по этой желтой дорожке.

– Не прикасайся? – ухмыльнулся я. – Я что, заразный? – Я не совсем понимал, что происходит, но не мешало бы прощупать почву: что там у них на уме… – Пожалуйста, пройдитесь со мной – покажете, что вы имели в виду.

Мириам секунду помедлила, затем, с выражением глубокой неприязни, поднялась со своего места. Она оказалась выше меня ростом, с гибким и крепким на вид телом.

Мы пересекли жилой купол – полусферу в сотню метров диаметром. Кушетки, панели управления, пункты ввода и получения информации теснились в центре купола. Остальная зона с прозрачным полом делилась невысокими перегородками на лаборатории, кухню, спальную зону и душевую. На мой взгляд, обстановка выглядела педантично простой и функциональной. Это был корабль человека, который жил для работы, и только для нее. Если был корабль Майкла Пула, то он представлял довольно безрадостный его портрет.

Мы подошли к выпуклой стене. Глянув вниз, я увидел хребет корабля – сложную опору длиной около двух километров, ведущую к глыбе астероидного льда, которая использовалась в качестве рабочего тела для модуля ВЕТ-двигателя. А вокруг нас кружились как снег интерфейсы червоточин – огромные врата, через которые лился бесконечный поток кораблей, курсирующих внутри Солнечной системы.

– Прямо-таки воплощение мечты вашего любовника, – сказал я стоящей рядом Мириам.

– Майкл мне не любовник, – отрезала она. Электрически-голубой отсвет червоточин освещал ее скулы.

– Я даже не знаю, как вас зовут, – сказал я.

– Берг, – неохотно произнесла она. – Мириам Берг.

– Можете мне не верить, но я не преступник. Я не герой, и притворяться им не собираюсь. Я просто хочу как-то прожить свою жизнь, а также получить от этого процесса немного удовольствия. Мне здесь не место, да и вам тоже.

Я коснулся ее плеча. Физический контакт может пробить ее сдержанность.

Но мои пальцы прошли сквозь ее тело, рассыпавшись на дымку из пикселей, пока не вышли с другой стороны и не соединились заново. Я ощутил лишь мимолетную боль в голове.

Я уставился на Мириам Берг.

– Что вы со мной сделали?

– Мне очень жаль, – печально проговорила она.

Я опять сидел на кушетке – *моей* кушетке, такой же виртуальной проекции, как и я. Она была единственным предметом мебели в куполе, сквозь который я не провалился бы. Я потягивал кофе, налитый из моего виртуального диспенсера – единственного, к которому я мог прикоснуться.

Понятное дело, эту затею придумал Гарри Пул. «Для подстраховки, если вдруг выкручивания рук из-за твоей кражи образцов с Титана окажется недостаточно».

– Я просто виртуальная копия, – констатировал я.

– Строго говоря, резервная копия личности…

Я слышал о таких копиях, но они мне были не по карману, к тому же не очень-то я о них и мечтал. Перед тем как предпринять что-либо опасное, можно было загрузить копию своей личности в надежное хранилище. Если человек калечился или даже погибал, то резервную копию загружали в восстановленное тело или специально выращенный клон. А можно было и дальше жить в какой-нибудь виртуальной среде. Человек при этом терял все воспоминания о том, что происходило после создания резервной копии, но лучше так, чем смерть… В теории. По моему же мнению, это была просто прихоть богачей: можно было встретить виртуальные копии на похоронах своих оригиналов, где они беззастенчиво упивались эмоциями присутствующих.

Кроме того, копия никогда не сможет быть тобой – тем, который умер. Только копия может жить дальше. Теперь эта мысль начала приводить меня в ужас. Я не дурак, и с воображением у меня все более чем в порядке.

Гарри наблюдал, как я осваиваюсь с этой новостью.

– А что со мной? – выдавил я. – С оригиналом. Я умер?

– Нет. Оригинал лежит в трюме, в анабиозе. Мы сделали копию, когда ты был уже без сознания.

Его слова объясняли боль в шее: так они подключились к моей нервной системе. Я встал и принялся расхаживать по помещению.

– А если я откажусь вам помогать? Вы шайка мошенников и лицемеров, но я не могу поверить, что вы при этом

хладнокровные убийцы.

Майкл хотел было ответить, но Гарри остановил его, подняв руку.

– Послушай, совсем не обязательно доводить дело до точки невозврата. Если ты согласишься работать с нами, то *ты,* виртуальный ты, будешь загружен обратно в исходное тело. И сохранишь при этом все воспоминания.

– Но это уже буду не *я.* – Во мне начала закипать ярость. – В смысле, та копия, что здесь сидит. Я-то перестану существовать – как не существовал два часа назад, прежде чем вы меня активировали. – Это была еще одна странная и пугающая мысль. – Мне придется умереть! В любом варианте, даже в том случае, если я стану сотрудничать. Отличную сделку вы мне предлагаете. Идите вы в Лету! Если вы всяко собираетесь убить меня, то я уж как-нибудь найду способ навредить вам. Я проникну в ваши системы, как вирус. *Вы не можете меня контролировать.*

– Почему же? Я могу.

Гарри щелкнул пальцами.

И все мгновенно изменилось. Все четверо стояли возле кушетки Гарри, самой дальней от меня. Прежде я стоял, а теперь я сидел. Взглянув через прозрачный купол, я увидел, что мы теперь на ночной стороне Земли.

– Как долго? – прошептал я.

– Двадцать минут, – небрежно бросил Гарри. – Разумеется, я могу тебя контролировать. У тебя есть выключатель. Так что ты выбираешь? Окончательное уничтожение всех твоих копий или жизнь как воспоминание в теле оригинала?

На юном лице этого старика застыла жесткая ухмылка.

В итоге «Краб-отшельник» развернулся на орбите, отыскивая интерфейс червоточины, ведущей к Сатурну. А я, точнее *он,* на короткое время поверивший, что он и есть я, согласился на загрузку обратно в исходную личность, то есть в меня.

Он, копия моей личности, умер ради моего спасения. Вечная ему память.

Глава четвертая
Червоточина

Выйдя из анабиозной камеры, ожесточенный и злой, я решил посидеть в одиночестве. Я прошелся к краю купола, где прозрачная полусфера уходила в твердый пол. Глядя вниз, я мог видеть струи раскаленного ионизированного пара, бьющие из дюз BET-двигателя. Этот двигатель, как вы уже наверняка догадались, был одним из инженерных творений Пула. «BET» означает «Великая единая теория» – это система, описывающая фундаментальные силы природы как аспекты единой суперсилы. Это физика творения. Так люди вроде Майкла Пула используют энергии, которые некогда вызвали расширение самой Вселенной, для тривиальной задачи разгона их паровых ракет.

Вскоре «Краб-отшельник» увлек нас в жерло червоточины, ведущей в систему Сатурна. Мы влетали в нее куполом вперед, поэтому создавалось впечатление, что голубой тетраэдр падает на нас с зенита. Великолепное было зрелище, настоящая скульптура из света. Голубые ребра тетраэдра на самом деле были лучами экзотической материи, проявлением поля антигравитации, которое не давало этой дыре в пространстве-времени схлопнуться. Время от времени можно было разглядеть мерцание треугольной грани, подсвеченной золотистым светом, который мерцал сквозь тусклые чертоги Сатурна.

Треугольная рама опускалась, постепенно расширяясь, а затем накрыла нас полностью, отрезав вид на Землю и космопорт. Теперь я смотрел в нечто вроде туннеля из ярких световых полос. Это был пробой в ткани пространства-времени, а сияние его стенок возникало от этого огромного растяжения экзотических частиц и излучений. Корабль проникал в червоточину все глубже. Лучи бело-голубого света вырывались из невидимой точки прямо над моей головой и струились по стенам пространства-времени. Это порождало ощущение скорости, беспредельного и неконтролируемого ускорения. Корабль содрогался и громыхал, купол трещал, как хибара из листового железа под ударами ветра, и мне показалось, что я слышу, как старенький BET-двигатель визжит от напряжения. Я вцепился в поручень и постарался не впадать в панику.

К счастью, переход был милосердно коротким. Окутанные дождем из экзотических частиц, мы вынырнули из другого ярко-голубого жерла, и я увидел, что снова оказался в системе Сатурна, впервые за много лет.

Я мгновенно понял, что мы находимся вблизи орбиты Титана вокруг Сатурна, потому что сама планета, висящая в поцарапанном небе жилого купола, была примерно такого размера, какой я ее помнил: чуть сплюснутый шар – гораздо более крупный, чем Луна, видимая с Земли. Другие спутники виднелись сбоку от Сатурна и выглядели светящимися точками. Солнце и внутренние планеты располагались справа, поэтому Сатурн отсюда казался полумесяцем. Кольца, единственная интересная особенность Сатурна, не были видны, потому что орбита Титана расположена в той же экваториальной плоскости, что и система колец. Однако тень колец, которую создавали солнечные лучи, виднелась на поверхности планеты неожиданно четко.

Для меня в этом зрелище не было ничего романтического или прекрасного. Свет здесь был плоский и тусклый. Сатурн находится примерно в десять раз дальше от Солнца, чем Земля, поэтому светило сжимается здесь до точки, а его яркость уменьшается в сотню раз. Сатурн – туманная и сумрачная планета, от которой веет осенью. Здесь невозможно забыть, как далеко ты от дома, и если вытянуть руку по направлению к Солнцу, то накроешь ладонью всю орбиту Земли.

«Краб» развернулся, и показался сам Титан – шар, затянутый от плюса до полюса мутным коричневым облаком, еще более унылый и негостеприимный, чем его небесный хозяин. Очевидно, Майкл Пул разместил интерфейс червоточины поблизости от Титана, предполагая, что тот когда-нибудь ему пригодится.

Титан стал приближаться, заметно разбухая. Наша конечная цель была ясно видна.

Гарри Пул взял командование на себя. Он заставил нас облачиться в тяжелые и толстые экзокостюмы – таких я еще не видел. Мы сидели на кушетках, похожие на отъевшихся личинок: мой костюм был настолько толстым, что ноги почти не сгибались.

– План таков, – начал Гарри, явно обращаясь в основном ко мне. – «Краб», выйдя из червоточины, мчится прямо на Титан. Таким способом мы надеемся доставить вас вниз быстрее, чем его заметит одна из местных автоматических систем наблюдения. А если и заметит, то ничего сделать не успеет. Через некоторое время «Краб» начнет торможение и выйдет на орбиту вокруг Титана. Но перед этим мы сбросим вас четверых вниз в гондоле, прямо ко входу в червоточину. – Он щелкнул пальцами, и в полу открылся люк в другой корабль, прикрепленный к основанию купола. Он был похож на пещеру, ярко освещен, а его стены густо покрывали приборы и дисплеи.

– Сбросят нас, Гарри? – спросил я. – А как насчет тебя?

Он улыбнулся во все свое юное лицо.

– А я буду ждать вас на орбите. Кто-то же должен остаться и вытащить вас в случае чего.

– Эта гондола на вид маловата для четверых.

– Ну, здесь основное ограничение было по весу. Ваш общий вес не должен превышать тонну. – Гарри протянул мне планшет. – Теперь на сцену выходишь ты, Джовик. Я хочу, чтобы ты послал сопроводительное сообщение на контрольную базу на Энцеладе.

Я уставился на планшет.

– И что именно должно быть в сообщении?

– Профиль входа в атмосферу составлен так, чтобы имитировать автоматический зонд. Например, входить вы будете на высокой скорости – с резким торможением в конце. Я хочу, чтобы в телеметрии вы смотрелись именно так: просто очередной автоматический зонд садится для проведения небольшого исследования, или кураторской инспекции, или чем там ваши бюрократы занимаются. Добавь к сообщению подходящие разрешительные документы. Нисколько не сомневаюсь, что это тебе по силам.

Я тоже был уверен, что справлюсь. Махнув рукой, я открыл планшет, быстро сочинил подходящий профиль, дал компьютеру Гарри проверить, что я не вставил в него тайком призыв о помощи, и отправил запрос на Энцелад.

– Готово. – Я вернул планшет. – Наблюдатели вас не заметят. Я сделал то, что вы хотели. – Я махнул на приближающийся диск Титана. – Полагаю, теперь вы можете избавить меня от этого?

– Мы ведь это уже обсуждали, – ответил Майкл с легким намеком на сожаление. – И решили взять тебя с собой, Джовик, – чисто на случай, если возникнут проблемы. Твое присутствие прибавит нашей миссии достоверности. Ты обеспечишь нам дополнительное прикрытие.

– Шитое белыми нитками, – фыркнул я.

Мириам пожала плечами.

– Овчинка стоит выделки, если мы сможем выиграть немного времени.

– И даже не думай что-либо замышлять, бюрократишка. – Билл Дзик сурово взглянул на меня. – Я глаз с тебя не спущу ни по дороге туда, ни обратно.

– И вот еще что, – сказал Гарри, подавшись вперед. – Если все удастся, Джовик, ты получишь награду. Мы обо всем позаботимся. Нам это вполне по карману, в конце концов. – Он усмехнулся своей юношеской ухмылкой. – Ты только подумай: ведь ты станешь одним из первых людей на Титане! Как видишь, у тебя

множество причин сотрудничать с нами, правда? – Он проверил часы на своем планшете. – Мы приближаемся к чек-поинту. Все вниз, команда.

Никому не понравились ни последнее слово, ни радостный тон человека, который сам-то оставался на корабле. Но все же мы послушно спустились через люк в компьютеризированную пещеру: сперва Мириам, потом я, а следом Билл Дзик. Майкл присоединился к нам последним – я увидел, как он довольно скованно обнял отца. Очевидно, такие проявления чувств были для них непривычны. В гондоле стояли в ряд четыре кресла, причем настолько близко, что я касался коленями Мириам и Дзика, когда мы втиснулись туда в костюмах. До корпуса было буквально рукой подать, так что я в любом направлении мог его коснуться. Скорлупка была явно тесновата. Пул закрыл люк, и я услышал гудение и жужжание: ожили независимые системы гондолы. Потом лязгнули защелки, началась такая болтанка, что у меня свело желудок. Мы уже отделились от «Краба» и, вращаясь, начали свободное падение.

Пул коснулся панели над головой, и корпус стал прозрачным. Наша четверка словно зависла в креслах, окруженная подсвеченными приборами и разными блоками – скорее всего, ВЕТ-двигателем, системой жизнеобеспечения и припасами. «Краб» над нами скользнул в сторону на фоне Сатурна, подсвеченный выхлопом из двигателя, а внизу расползался в ширину оранжевый диск Титана.

Я испуганно ахнул. Впрочем, я никогда не изображал из себя храбреца.

Мириам протянула мне прозрачный круглый шлем.

– Лета, да надень же его, пока тебя не стошнило.

Я нахлобучил шлем, он вошел в шейное кольцо костюма и автоматически защелкнулся.

Билл Дзик явно наслаждался моими страданиями.

– Думаешь, в костюме безопаснее? Что ж, вход в атмосферу – самый опасный момент. Молись, Эмри, чтобы мы прошли верхние слои атмосферы быстрее, чем закончится запас прочности у костюмов. Они не предназначены для работы в космосе, в отличие от скафандров под давлением.

– А для чего они тогда вообще нужны?

– Для термоизоляции, – чуть более сочувственно пояснил Майкл. – Давление воздуха у поверхности Титана на пятьдесят процентов выше, чем на Земле. Но этот холодный и плотный воздух буквально высасывает из тела тепло. Слушай внимательно, Эмри. Гондола маленькая, но у нее есть очень мощный источник энергии – фактически это ВЕТ-двигатель. Его энергия нам будет

нужна для сохранения тепла. Вне гондолы костюм тебя защитит, потому что в его ткань встроены батареи. Но вдали от корабля ты не протянешь и пары часов. Все понял?

Его слова меня отнюдь не ободрили.

– А как насчет самой посадки? Твой отец сказал, что мы станем имитировать траекторию автоматического зонда. Похоже, садиться мы будем жестковато.

Дзик хохотнул.

– Все будет в порядке, – заверил Пул. – У нас нет полного контроля инерции, нет и тормозного двигателя, но кресла защитят нас от самых мощных перегрузок. Просто сиди и не дергайся.

Тут Пул замолчал, и они начали предпосадочную проверку всех систем. Гарри прошептал мне на ухо, что с каждого из нас только что сняли свеженькие резервные копии и сохранили их в компьютерах гондолы. Но и эта новость меня не вдохновила. Я лежал совершенно беспомощный, упакованный в костюм и пристегнутый к креслу, а гондола падала в самый центр освещенной поверхности Титана.

Глава пятая
Титан

Через пятнадцать минут после отделения от «Краба» гондола вошла в верхние слои атмосферы Титана, разреженные и холодные. Нас окутала бледная голубизна. Уже на высоте примерно тысячи километров я ощутил первое снижение скорости. Атмосфера Титана густая и глубокая, и я падал прямо в нее спиной вперед.

Первые три минуты посадки оказались худшими из всех. Мы врезались в атмосферу с межпланетной скоростью, но она стала резко падать. На высоте трехсот километров перегрузки из-за торможения достигли максимума – шестнадцать «же». Окутанный инерционным полем Пула, я ощущал лишь легкую тряску, но гондола трещала и гремела, все ее стыки и структурные элементы боролись с предельной нагрузкой. Перед нами шла ударная волна, корабль окутала раскаленная газовая шапка: рассеивающаяся кинетическая энергия гондолы превращала воздух Титана в плазму.

К счастью, этот жесткий этап посадки был милосердно коротким. Но мы все еще беспомощно падали. Черед три минуты мы оказались на высоте полутора сотен километров и вошли в густеющую оранжевую дымку – органические продукты распада атмосферного метана под действием солнечных лучей. Пул набрал какую-то команду на панели. Над головой хлопнул вышибной заряд, запустив вытяжной парашют диаметром около двух метров. Он стабилизировал нас в густеющем воздухе, развернув спинами к Титану, лицом к небу. Затем развернулся основной парашют, ободряюще раскрываясь надо мной.

Минут пятнадцать мы дрейфовали, медленно погружаясь в глубокий океан холодного застойного воздуха. Пул и его коллеги собирали информацию с датчиков, измерявших физические и химические свойства атмосферы. Я молча лежал. Мне было любопытно, но страх за свою жизнь все не отпускал.

По мере погружения в углеводородный смог температура возрастала. Парниковый эффект, создаваемый производными метана, нагревает атмосферу Титана сильнее, чем следовало бы. На высоте шестидесяти километров мы пробили слой углеводородных облаков и опустились в более прозрачный воздух, а затем, на сорока километрах, прошли тонкий слой метановых облаков. Здесь температура была близка к минимуму – всего лишь градусов на семьдесят выше абсолютного нуля. Вскоре

она снова начнет подниматься, потому что водород, образующийся в ходе других реакций метана, создает иной парниковый эффект, согревающий тропосферу. Загадочный метан, которого здесь не должно быть, согревает атмосферу Титана до самой поверхности.

Через пятнадцать минут спуска основной парашют был сброшен, а взамен раскрылся маленький стабилизирующий парашютик. Очень маленький. Мы начали падать куда быстрее в этот глубокий воздушный океан.

– Лета! – воскликнул я. – Высота еще сорок километров!

Дзик рассмеялся.

– Ты хоть что-нибудь знаешь о планете, которую якобы охраняешь, куратор? Воздух здесь плотный, а сила тяжести низкая, всего лишь одна седьмая от земной. Под тем большим парашютом мы болтались бы в воздухе целый день…

Гондолу дернуло в сторону порывом ветра. Ну, зато хоть Дзик заткнулся. Но по мере нашего падения ветер ослабевал, пока воздух не стал неподвижным, как глубокая вода. Теперь мы были погружены в оранжевый нефтехимический туман. Тем не менее солнце было ясно видно отсюда – яркая светящаяся точка, окруженная желтовато-коричневым гало. Ученые начали получать информацию о спектре солнечного гало, собирая данные об аэрозолях – взвешенных в воздухе твердых или жидких частицах.

Постепенно внизу стала видна и поверхность Титана. Я развернулся, чтобы получше ее разглядеть. Кучевые облака паров этана зависли над континентами из водяного льда. На поверхности я увидел крапчатый узор, состоявший из темных и белых пятен – они раскинулись на огромных площадях. Повсюду виднелись ударные кратеры и узкие извилистые долины, оставшиеся после потоков жидкого этана или метана. Команда продолжала собирать данные. Акустический излучатель посылал вниз сложные звуковые импульсы. Мириам показала, как некоторые эхо отражаются дважды – от поверхностей и от дна кратерных озер вроде того, куда спускался один из моих зондов.

Гондола покачивалась, вися на парашюте. Пул уменьшил инерционную экранировку, и при силе тяжести в одну седьмую от земной мне стало удобно в толстом и мягком костюме. Ученые негромко перебрасывались малопонятными фразами. Кажется, я даже ненадолго уснул.

Вдруг – резкий рывок, и я мгновенно проснулся. Парашют отстегнулся и теперь медленно дрейфовал в сторону, пошевеливая стропами наподобие медузы. В плотном воздухе и при малой силе тяжести мы падали очень медленно, но все же падали!

А потом, когда Дзик рассмеялся, увидев мое лицо, над нами раскрылся новый купол – точнее, шар. Это был самый настоящий воздушный шар диаметром метров сорок или пятьдесят. Гондола висела под ним на нескольких тонких веревках. Я увидел, как из ее корпуса появился шланг и, извиваясь, проник в устье шара, который начал надуваться.

– Так вот что у вас за план! – догадался я. – Облететь Титан на воздушном шаре! Не очень-то крутое достижение для человека, который сооружает межпланетные червоточины, правда, Пул?

– Но в том-то все и дело! – вспылил Пул, как будто я усомнился в его мужественности. – Мы здесь шныряем прямо под носом у твоих кураторов, Эмри. И чем тише станем себя вести, тем лучше.

– Эту часть экспедиции разрабатывала я, – сказала Мириам. – Мы будем лететь на этой высоте, около восьми километров – заведомо выше любых проблем с неровной поверхностью, но ниже большинства облачных слоев. Так мы соберем все необходимые научные данные. Пары недель нам вполне хватит.

– Две недели провести в этом костюме!

Пул постучал по стенке гондолы.

– Вообще-то эта штуковина расширяется. Ты сможешь раздеться. Роскошных условий не обещаю, Эмри, но тебе будет достаточно удобно.

– Когда придет время, мы уйдем с этой высоты, – объяснила Мириам. – На «Крабе» нет орбитального катера, способного приземлиться, но Гарри пошлет вниз разгонный модуль, тот состыкуется с нами и поднимет гондолу на орбиту.

– Так у нас нет возможности самим выйти на орбиту?

– В гондоле такого оборудования нет, – спокойно ответила Мириам. – Из-за ограничения по массе. Нам необходимо оставаться ниже порога датчиков слежения. Если ты не забыл, нам нужно изображать из себя автоматический зонд. Не волнуйся, это не та проблема.

– Эмм… – Можете назвать меня трусом. Многие так и называли. Но мне очень не понравилась мысль о том, что мой единственный вариант эвакуации с этой чертовой луны находится в тысяче километров от меня и зависит от сложной последовательности маневров по сближению и стыковке. – А что держит нас на плаву? Водород или гелий?

– Ни то ни другое. – Пул показал на тянущийся к шару шланг. – Это шар с горячим воздухом, Эмри. Монгольфьер.

И он прочитал мне лекцию об оптимальности такого решения, если необходимо летать над Титаном на воздушном

шаре. Плотный воздух и низкая сила тяжести делают Титан весьма благоприятным для воздушных шаров, а при таких низких температурах достигается сильное расширение газа в ответ на сравнительно небольшое количество тепловой энергии. Вставьте эти факторы в уравнение по выбору оптимального решения, которые так нравятся людям вроде Пула, и в результате получите для Титана монгольфьер в роли наилучшего транспортного средства с низким потреблением энергии.

– Мы сидим в шаре, а не в дирижабле, поэтому не можем менять направление полета, – сказала Мириам. – Но в миссиях вроде этой нас вполне устраивает и то, куда нас понесет ветер. Ведь мы всего лишь собираем образцы экосферы. И в определенных пределах мы все же можем выбирать курс. На Титане преобладают восточные ветры, а на высоте ниже двух километров появляется сильный западный компонент. Это приливная волна, создаваемая Сатурном в плотных нижних слоях воздуха. Поэтому мы можем выбирать направление полета, просто опускаясь или поднимаясь.

– Дополнительно при этом маскируясь, так? Ведь двигатели не нужны.

– В этом и заключается наша идея. Мы ведь прибыли утром по местному времени. Сутки на Титане равны пятнадцати земным, и мы сможем многое узнать до вечера – тем более что я намереваюсь следовать за дневным светом. Сейчас мы направляемся к южному полюсу, где стоит лето.

Даже мне было известно, что на полюсе метан и этан собираются в открытые озера – а это единственные подобные скопления жидкости в системе, если не считать Землю и Тритон.

– Лето на Титане, – ухмыльнулся Пул. – И мы передвигаемся на старейшем летательном аппарате над спутником Сатурна!

Мириам улыбнулась в ответ, и их руки в перчатках соединились.

Над нами похлопывал и раздувался шар, наполняясь горячим воздухом.

Глава шестая
Приземление

Итак, мы летели над промерзшим ландшафтом Титана, направляясь к южному полюсу. Майкл пока не стал расширять гондолу, и мы сидели в ужасной тесноте, так и не сняв костюмы, но по крайней мере без шлемов. Тем временем после входа в атмосферу команда начала новую серию проверок всех систем. Мне же делать было совершенно нечего, разве что глазеть через прозрачный корпус на ползущие по тусклому небу облака, очень похожие на земные, или же коситься через плечо на разворачивающийся внизу ландшафт.

К этому времени мы уже достаточно снизились, чтобы можно было разглядеть подробности. Я увидел, что темные области – это на самом деле длинные полосы дюн, которые ветер выстроил параллельными рядами. По грунту словно кто-то прошелся граблями, он напоминал огромный сад камней. Более светлые области, которые мы видели из космоса, оказались выходами светлых скальных пород, эти ровные плато были иссечены шрамами ущелий и долин. На этой широте открытых водоемов не встречалось, но они наверняка существовали в недавнем прошлом: это было видно по долинам и по берегам высохших озер. Этот ландшафт из дюн и ущелий испещряли круглые шрамы – вероятно, следы метеоритных ударов. Были тут и разрозненные куполообразные возвышения с кальдерами неправильной формы, вулканы. Я узнал, что все они имеют названия, которые несколько веков назад дали им земные астрономы, когда они корпели над первыми фотографиями этого ландшафта, полученными с автоматических зондов. Но поскольку сюда никто так никогда и не прилетел, эти названия, одолженные у исчезнувших мифов и мертвых богов, не прижились.

Краем уха я слышал, как Пул и остальные обсуждают научную программу. Как и на Земле, атмосфера здесь состояла в основном из азота, но содержала пять процентов метана, и этот метан был ключом к чудесам и тайнам Титана. Даже если не брать его загадочную роль в парниковом эффекте, который стабилизирует атмосферу, метан также был ключом к здешним многоступенчатым органическим реакциям. В нижних слоях атмосферы метан реагирует с азотом, образуя сложные соединения, называемые толинами. Это своего рода пластик, выпадающий на землю грязноватым дождем. Когда эти толины падают в жидкую воду – например в подогретые ударом

кратерные озера, – образуются аминокислоты, а это, в свою очередь, строительные кирпичики формы жизни, подобной жизни на Земле…

Прислушиваясь к тому, как они спорят, я вдруг поразился, что никто из них, вообще-то, не начинал свою карьеру как биолог или климатолог. Пул и Берг были физиками, а Дзик – инженером и позднее руководителем проектов. Готовясь к этой экспедиции, Берг и Дзик прошли специализированное обучение на хорошем академическом уровне. Все они думали, что проживут еще долго – будут периодически получать новое образование и осваивать при необходимости совершенно иные профессии. У меня подобных амбиций никогда не было. С другой стороны, несмотря на технологии антистарения, я почему-то не предполагал, что доживу до какого-то почтенного возраста.

Но даже в эти первые часы на Титане в их разговорах проскальзывало сомнение. Их все-таки волновали этические последствия того, что они собирались сделать, и эти сомнения всплыли теперь, когда они оказались вдали от подстрекательств Гарри Пула.

– В какой-то момент придется решать вопрос о том, что делать, если мы действительно найдем здесь разумную жизнь, – сказала Мириам.

Дзик покачал головой.

– Иногда мне даже не верится, что мы здесь и ведем этот разговор. Я точно помню, что ты сказал в Печеной Аляске, Майкл: «Вся Солнечная будет стучаться к нам в дверь, чтобы это увидеть, – если только мы сможем придумать способ, как защитить экологию… А если не сможем, то просто захлопнем эту проклятую червоточину. А средства на постройку „Коши“ будем добывать каким-нибудь другим способом». Вот что ты тогда сказал.

– Черт побери, Билл, это было тринадцать лет назад, – резко ответил Пул. – Ситуации меняются. Люди меняются. И наш выбор, что и как мы хотим менять, – тоже.

Пока они спорили, только я смотрел вперед – туда, куда плыл наш шар. Я уже мог разглядеть сквозь дымку первые признаки этановых озер в полярных регионах: кляксы угольно-черной жидкости, окруженные фрактальными ландшафтами. Все это напоминало модель земной Арктики, изображенную в условных цветах. Вдруг мне показалось, что я заметил движение – что-то там поднималось с этих озер. Может, туман? Но для тумана силуэты были слишком плотные.

А потом эти непонятные тени вынырнули сверху из дымки: несомненно, они были вполне материальны – и они

приближались.

Я нахлобучил на голову шлем и покрепче ухватился за кресло.

– Если вы быстренько сейчас что-нибудь не предпримете, у нас вскоре может вообще не оказаться никакого выбора, – сказал я.

Они озадаченно уставились на меня, а затем посмотрели вперед – и увидели то же, что и я.

Эти штуки были похожи на чернокрылых птиц с белыми линзообразными телами. Их крылья действительно били по плотному воздуху, когда они взлетали из полярных морей, вполне убедительно имитируя полет земных птиц в земной атмосфере. Странно, но голов у них, похоже, не было.

И они явно направлялись прямо к нам.

– Лета… Сбросить давление! – рявкнул Майкл.

Он ткнул пальцем в панель, и остальные тоже схватились за приборы, спешно натягивая шлемы.

Я ощутил, как шар просел, когда из его оболочки выпустили горячий воздух. Мы опускались – но медленно, как во сне, а птицы с каждой секундой приближались и росли на глазах.

А потом они набросились на нас. Они пронеслись над гондолой, заполнив все небо. Их черные крылья двигались абсолютно неестественно – слишком плавно, как в мультфильме, – земные птицы летают иначе. К тому же эти создания были просто огромными, метров по десять-пятнадцать в поперечнике. Мне показалось, что я их как будто слышу: сквозь плотный воздух Титана доносились хлопки и шуршание.

И вот они воткнулись в оболочку шара. Ткань была рассчитана на то, чтобы выдерживать метановые дожди Титана, но никак не на подобную атаку, и моментально разодралась в клочья. Порванные нити заколыхались в воздухе. Некоторые птицы запутались в нитях или врезались друг в друга и с шуршанием упали. Одна прямо налетела на гондолу, ее смяло, как ненужную салфетку, и птица понеслась вниз бесформенным комком.

Мы тоже стали падать следом за нашей жертвой-убийцей. С высоты восьми километров мы опускались очень долго. В плотном воздухе и при малой силе тяжести на Титане мы вскоре достигли конечной скорости падения. Нам хватило времени пристегнуться, а Пул с коллегами спешно готовили все системы к экстренной посадке. В последние секунды Пул затопил гондолу пеной, которая заполнила весь ее объем и жестко зафиксировала нас в креслах, мы сидели как куклы в упаковке – незрячие и обездвиженные.

Я ощутил сильный удар, когда мы врезались в грунт.

Глава седьмая
Сели

Пена ушла, а мы остались сидеть рядком, как спеленатые младенцы. На Титан мы опустились так же, как входили в атмосферу – спиной вперед, и теперь лежали в накренившейся гондоле, поэтому я навалился на Мириам, а сзади меня подпирал Билл Дзик. Корпус гондолы опять стал непрозрачным, поэтому мы лежали в тесной жемчужной раковине, но внутреннее освещение и всевозможные панели приборов все еще работали, хотя на многих тревожно моргали красные надписи.

Команда быстро запустила рутинные проверки. Я не обращал на них внимания. *Я был жив.* Я дышал, воздуха хватало, и самым неприятным для меня сейчас была объемистая туша Дзика, прижатая к моему боку. Значит, ничего не сломано. Но все же я испытал приступ такого же острого страха, как и мой виртуальный близнец, когда тот узнал, что обречен. Может быть, во мне зашевелился его призрак, все еще дрожащий от ужаса?

И еще я вывалил в костюм все содержимое кишечника. Это никак нельзя назвать приятным опытом, какой бы совершенной ни была система утилизации отходов. Зато это напомнило мне, что я всего лишь слабое животное, затерянное в космосе. Пусть это и оправдание для моей трусости, но оно наполняет меня смирением и реализмом, которые ставят меня выше спесивой надменности Майкла Пула.

Болтовня о технических проблемах наконец смолкла.

– Свет горит, – сказал я. – Полагаю, электричество у нас есть.

– Чтобы разбить мой ВЕТ-двигатель, нужен удар посильнее этого, – мрачно заверил Майкл.

– Если бы мы лишились источника энергии, ты уже превратился бы в ледышку, Эмри, – презрительно бросил Дзик.

– Заткнись, Билл, – негромко проговорила Мириам. – Да, Эмри, у нас все неплохо. Герметичный корпус цел, у нас есть электричество, обогрев, воздух, вода и еда. В ближайшее время мы не умрем.

Но я вспомнил о местных птицах и подумал: откуда у нее такая уверенность?

Пул начал расстегивать ремни.

– Нужно провести наружный осмотр, – решил он. – Определить, какие у нас есть варианты.

Мириам тоже отстегнулась и сказала мне с улыбкой:

– Он такой романтик, правда? Сейчас первый человек ступит

на Титан, а он называет это наружным осмотром.

Она стала неожиданно приветливой. Очевидно, после катастрофы у нее появилось чувство, что между нами есть какая-то связь.

– Да-да, конечно, – буркнул Пул, но я заметил, что он смягчился.

– Шевелись, Эмри, – буркнул Дзик и ткнул меня локтем в ребра – так сильно, что я ощутил боль даже через толстый костюм.

– Оставь меня в покое.

– Мы тут упакованы, как сельди в бочке. Если идет один, значит, выходят все.

Что ж, он прав. Выбора у меня не осталось.

Пул заставил нас выполнить проверку костюмов, их встроенных батарей и герметичности сочленений. Потом он выпустил воздух и открыл верхний люк. Я увидел мрачное бурое небо, очень темное по сравнению с яркостью внутреннего освещения, и падающие с него черные снежинки. Люк был дверью в этой утробе из металла и керамики, а за ней таилась неизвестность.

Мы выбрались из люка в порядке, обратном тому, в каком забирались: Пул, Дзик, я и Мириам. Сила тяжести в одну седьмую земной напоминала мне пребывание на Луне, так что я перемещался с достаточной легкостью. Когда я оказался снаружи, фонари на моем комбинезоне автоматически вспыхнули в темноте.

Я спрыгнул с высоты примерно в метр и сделал свой первый шаг на Титане. Под ногами захрустел песок. Я знал, что это водяной лед, твердый, как стекло. Песчаную поверхность покрывала рябь, как после отлива. Повсюду валялась галька, щербатая и потертая. На меня давил ветер, медленный и сильный, и я услышал его низкий басовитый стон. Стекло шлема забрызгало каплями черного дождя.

Мы стояли тесной кучкой, неповоротливые в своих костюмах, – единственные люди на этой планете, которая, вообще-то, была крупнее Меркурия. За границами лужицы света от наших фонарей совершенно незнакомый ландшафт простирался вдаль, в непроглядную темноту.

Мириам наблюдала за мной.

– О чем ты думаешь, Джовик?

Насколько мне известно, это были первые слова, произнесенные человеком на Титане.

– Почему ты спрашиваешь именно меня?

– Потому что ты единственный, кто смотрит на Титан, а не на

гондолу.

Я хмыкнул.

– Я думаю о том, насколько здесь все похоже на Землю. Словно стоишь где-то на пляже или в пустыне. Песок, камешки… И на Марс тоже похоже, на местность возле Кахры.

– Конвергентные процессы, – пренебрежительно бросил Дзик. – Но *ты* здесь совершенно чужеродное тело. На Титане твоя кровь горяча, как расплавленная лава. Смотри, как от тебя распространяется тепло.

Глянув вниз, я увидел пар, поднимающийся из-под моих ног.

Мои спутники осмотрели гондолу. Ее герметичный внутренний корпус был достаточно прочным, чтобы защитить нас, а вот внешний оказался помятым и поврежденным. С гондолы сорвало всякие антенны и приборы, а сама она зарылась в лед.

Пул созвал нас на военный совет.

– Ситуация следующая. От шара ничего не осталось, его порвало в клочья, мы его потеряли. Важнейшие системы гондолы в порядке, но самое главное – уцелел источник энергии. – Он стукнул по гондоле кулаком в перчатке. В плотном воздухе я услышал глухой удар. – Внешний корпус сильно потрепало. Мы не сможем его расширить. Боюсь, нам придется остаться в костюмах.

– До каких пор? – уточнил я. – Пока не надуем запасной шар?

– У нас на борту нет запасного, – сказал Дзик, и у него хватило такта изобразить смущение. – Мы провели анализ достоинств и недостатков такого решения…

– Неправильно провели! – огрызнулся я в ответ. – Как нам теперь убраться с этой проклятой луны? Ты говорил, что для этого нам нужно совершить какую-то идиотскую стыковку в воздухе.

Пул постучал себя по груди, и в воздухе возникло виртуальное изображение головы Гарри.

– Хороший вопрос, – сказал тот. – Я сейчас работаю над альтернативами. Сделаю еще один шар, потом спущу его вам. Как только гондола снова окажется в воздухе, я без труда вас подберу. А тем временем, – добавил он более жестко, – вам там есть чем заняться. Время поджимает.

– Когда мы вернемся на корабль, – сказал Дзик Пулу, – ты его подержишь, а я убью.

– Он мой отец, – возразил Майкл. – Я сам его убью.

Гарри растворился в облачке пикселей.

– Слушайте, вот что мы сделаем, – решил Майкл. – Если мы хотим завершить научную программу, нам необходимо как-то

передвигаться. Мы не можем выполнить всю работу, сидя на южном полюсе. Нам нужна мобильность. У гондолы есть колеса, так что она послужит нам транспортом. Но сперва ее нужно откопать и переделать. Кстати, Гарри был прав насчет того, что время ограничено. Предлагаю нам с Биллом заняться переделкой гондолы, а ты, Мириам, бери Эмри и посмотри, какие исследования вы сможете провести на озере. До него всего пара километров. – Он сверился с электронной картой на запястье. – В ту сторону.

– Хорошо.

С типичной для низкой гравитации плавностью Мириам запрыгала к люку и достала из гондолы ранец с оборудованием.

Я понял, что мне совершенно не хочется уходить от гондолы, – это было хоть и потрепанное, но все же укрытие.

– А как насчет тех птиц?

Мириам спрыгнула обратно и приблизилась ко мне.

– После посадки мы не видели больше и следа этих тварей. Пошли, куратор. Это отвлечет тебя от мыслей о том, как ты перепуган.

И она зашагала в темноту, удаляясь от пятна света возле гондолы.

Пул и Дзик уже отвернулись. У меня не осталось иного выбора, кроме как последовать за ней.

Глава восьмая
Озеро

Ходьба на любые расстояния оказалась на удивление трудной.

Многослойный термоизолирующий костюм был объемистым и неудобным, но хотя бы гибким. Этим он отличался от предназначенных для вакуума лунных скафандров – там из-за внутреннего давления даже лучшие облегающие скафандры становились очень жесткими. Но на Титане всегда ощущается сильное сопротивление воздуха. Здесь у поверхности его давление в полтора, а плотность – в четыре раза больше, чем на Земле. Ощущения почти такие же, как при ходьбе под водой. И при этом сила тяжести настолько мала, что, едва отталкиваясь ногой от песка, все время норовишь взлететь. Мириам показала, как удлинить острые шипы на подошве, чтобы ботинки крепче впивались в рыхлый песок.

Именно эта плотность воздуха и является основной проблемой на Титане: тебя словно омывает чрезвычайно холодная жидкость с температурой выше абсолютного нуля менее чем на сто градусов, и она с энтузиазмом высасывает из тебя тепло. Поэтому я всегда помнил о молчаливой поддержке обогревательной системы в моем костюме и о батареях, которых хватит не больше чем на два-три часа.

– Выключи фонари, – посоветовала Мириам, когда мы прошли пару сотен метров. – Экономь энергию.

– Предпочитаю видеть, куда иду.

– Глаза скоро приспособятся. А в щитке шлема есть усилители изображений, настроенные на местную яркость… Выключай, Джовик. Иначе я сама их выключу, потому что из-за твоего света я тоже почти ничего не вижу.

– Ладно, черт побери.

Выключив фонари, я погрузился в бурую муть – будто осеннее небо заволокло дымом лесного пожара. Но глаза все-таки приспособились, а щиток слегка улучшал видимость. И передо мной развернулся Титан – равнина из песка и обглоданного ветром щебня под оранжево-коричневым небом. Опять же, очень похоже на Марс, если знаешь, как он выглядит. В небе проплывали облака из метана или этана, а над ними висела дымка – слой органической взвеси толщиной в десятки километров. Как ни удивительно, но сквозь нее я даже разглядел солнце – искорку низко над горизонтом, – а напротив него

половинку Сатурна, гораздо более крупного, чем Луна на земном небе. Других его спутников или звезд, а уж тем более «Краба», я не увидел. Местная палитра сплошь состояла из темно-красного, оранжевого и коричневого. Вскоре мои глаза затосковали по земной зелени.

Обернувшись, я не увидел никаких признаков гондолы: ее огни уже затерялись в дымке. Зато я заметил, что мы оставляем четкие цепочки следов. И со страхом подумал, что это единственные следы на всей планете.

Мы начали спускаться по пологому склону. Я увидел линии на песке, похожие на отметки приливов.

– Кажется, мы подходим к озеру.

– Да. Здесь, на южном полюсе, лето. В этот период озеро испаряется, а на северном полюсе выпадают дожди из жидкого этана. Через пятнадцать лет, половину сатурнианского года, здесь будет зима, а там лето, и цикл повторится наоборот. На небольших планетах климатические системы просты, Джовик. Не сомневаюсь, куратору это хорошо известно…

Мы подошли к берегу этанового озера. В тусклом свете оно казалось черным, как деготь, по нему ползла ленивая рябь. Тут и там на поверхности жидкости лежало нечто более твердое: круглые листы, напоминающие водяные лилии, отвратительно маслянистые. Озеро тянулось до заметно выпуклого горизонта, хотя он расплывался в мутном воздухе. Поразительное это было ощущение – стоять на берегу такого «водоема» на чужой планете, где океан черного цвета, а небо и берег – коричневые. Но все же я и здесь увидел сходство с Землей. Мы стояли на чем-то вроде пляжа. Осмотревшись, я понял, что мы находимся как бы у залива, а справа, в нескольких километрах от нас, река черной жидкости пробила широкую долину и, разлившись дельтой, впадала в море.

Я поглядел в ту сторону и заметил что-то, лежащее на берегу, – что-то черное и смятое, с бледным пятном посередине.

Мириам захотела взять из озера образцы – особенно с тех дисков, что плавали на поверхности. Она открыла ранец и достала «руку» – дистанционный манипулятор с клешней-захватом. Пристегнув ее к предплечью, она вытянула руку, и я услышал жужжание моторов экзоскелета. Когда захват сомкнулся на одной из «лилий», некоторые из них распались на ленты, напоминавшие черные водоросли. Но манипулятор при этом поднял в воздух длинные полосы какой-то пленки, которая сразу напомнила мне зловещие крылья атаковавших нас птиц.

Находка привела Мириам в восторг.

– Жизнь? – догадался я.

– Она самая. Впрочем, мы и так знали, что она здесь есть. И даже взяли образцы с помощью автоматических зондов. Хотя таких птиц мы прежде никогда не замечали. – Она взвесила на руке пленку, обернувшуюся вокруг перчатки, и посмотрела на меня. – Интересно, ты хотя бы понимаешь, насколько она необыкновенная? Я совершенно уверена, что это силановая жизнь. То есть она основана на химических соединениях кремния, а не углерода…

Штуковины на озере действительно смотрелись как угольно-черные лилии. Но они не были лилиями, и даже отдаленно не напоминали те формы жизни, к которым принадлежал и я.

Жизнь нашей химической разновидности основана на длинных молекулах и растворителе, благодаря которому компоненты этих молекул склеиваются друг с другом. Земную разновидность жизни Мириам назвала «жизнь CHON», потому что у нас основными элементами являются углерод, водород, кислород и азот, вода служит растворителем, а строительными блоками – молекулы на основе углерода: этот элемент может образовывать цепочки, кольца и длинные стабильные молекулы, такие как ДНК.

– Но углерод не единственный вариант, и вода тоже, – сказала Мириам. – При земных температурах кремний образует с кислородом очень стабильные молекулы.

– Силикаты. Камни.

– Совершенно верно. Но при *очень* низких температурах кремний может образовывать силанолы, аналоги спиртов, которые способны растворяться в очень холодных растворителях – например в этом этановом озере. Растворяясь, они наполняют озеро длинными молекулами, аналогичными нашим органическим молекулам. Далее они могут связываться в полимеры через связи между атомами кремния – силаны. Эти связи слабее, чем в углеродных молекулах при земных температурах, но это как раз то, что нужно для низкоэнергетической и холодной среды, как здесь. Взяв за основу силаны, можно придумать все виды сложных молекул, аналогичных нуклеиновым кислотам и белкам…

– Именно то, что мы здесь имеем.

– Совершенно верно. Чудненькие сложные биомолекулы, с которыми может поиграться эволюция. Они вообще распространены на еще более холодных внешних планетах – например на Тритоне, спутнике Нептуна. Но и это озеро достаточно холодное. Поток энергии будет здесь настолько низким, что понадобится очень много времени на рост и эволюцию чего бы то ни было. Но на Титане времени

достаточно. – Она стряхнула черную пленку с захвата манипулятора обратно в озеро. – Мы столького еще не знаем. Тут должны быть и экосистема, и пищевая цепочка. Возможно, эти пленки являются первичными производителями, эквивалентом планктона в наших океанах. Но откуда они берут энергию? И как выживают во время ежегодного пересыхания озер?

– Хорошие вопросы. Жаль, что меня они не волнуют.

Она уложила бутылочки с образцами в ранец.

– Думаю, они волнуют тебя гораздо больше, чем ты готов признать. Люди с таким интеллектом, как у тебя, всегда любопытны. Любопытство всегда идет в довесок к интеллекту. Но нам пора возвращаться к гондоле.

Я замешкался. Ужасно не хотелось доказывать ее правоту – что в моей душе действительно скрывается зернышко любопытства. Но все же я показал на таинственный черный предмет, лежащий чуть поодаль на берегу.

– Может, нам сперва нужно взглянуть на это?

Она бросила взгляд на непонятный предмет, потом на меня и без лишних слов зашагала в ту сторону.

Как я и подозревал, эта черная штука оказалась птицей. Я вспомнил, как одна из них ударилась о гондолу во время нападения и упала. Возможно, перед нами была именно она.

Мы увидели кусок льда размером с мою голову, обернутый в рваный лист черной пленки. Мириам с превеликой осторожностью, словно рождественский подарок, развернула эту пленку манипулятором. Ледяная масса оказалась не сплошной: ее пустотелую середину окружала мешанина веретенообразных распорок и стерженьков. Они были сильно повреждены падением. Мириам взяла образцы и палочек, и пленки.

– Этот кусок льда кажется очень легким для его размера, – заметил я. – Как кости у птиц.

– Что вполне логично, если это летающее существо. – Мириам заговорила с нарастающим волнением. – Джовик, взгляни. Эти пленки, они же крылья, практически не отличаются от образцов, которые я собрала на поверхности озера. Значит, это силаны. Но структура льда иная. – Она отломила кусочек и направила на него свет. Мы увидели множество тончайших, как волокна, льдинок. Структура была почти губчатой. Внутри тонких ледяных соломинок были видны ниточки чего-то похожего на застывшую воду. – Здесь много органики, – сообщила она, посмотрев на встроенный в манипулятор дисплей. – Причем органики нашего типа, жизни CHON, углеродно-водяной: аминокислоты, какая-то разновидность ДНК. Ничего себе, сколько голово-ломок. Не

считая уже самого факта, что мы нашли жизнь здесь, возле озера. Образцы жизни CHON и прежде находили на Титане. Но до сих пор считалось, что углеродно-водяная жизнь может существовать здесь только в расплавленных от ударов метеоритов кратерных озерах, а мы сейчас от них очень далеко…

Она говорила все более страстно – такой энтузиазм всегда казался мне привлекательным.

– Я думаю, это птица, одна из тех, что напали на нас. Но, кажется, это композитное существо, симбиоз этих углеродных крыльев и куска льда – силановая жизнь, живущая бок о бок с CHON-жизнью! Хотела бы я знать, как такое вообще могло произойти… Но, наверное, и в нашей биосфере можно отыскать примеры не менее хитроумных стратегий выживания. Дайте эволюции достаточно времени, и возможно все. Но вот что они вместе *хотят,* что оба участника симбиоза получают от таких отношений…

Это настоящее открытие, Джовик. Никто такого еще не видел – как две совершенно разных формы жизни работают вместе. И если бы не ты, я бы ее не заметила. – Она протянула мне кусок льда. – Наверное, это открытие назовут в твою честь.

Энтузиазм у нее был заразителен, но не до такой же степени.

– Ладно. Но сейчас меня тревожит только то, сколько энергии осталось у нас в обогревателях. Пошли обратно.

Мириам уложила в ранец останки птицы – вклад Джовика Эмри в науку, и мы направились по своим следам к гондоле.

Глава девятая
Гондола

Дни на Титане очень долгие, и когда мы вернулись к гондоле, в ландшафте или в небе ничего не изменилось и ни одна размытая тень не сдвинулась с места. Пул и Дзик деловито устанавливали большие надувные колеса на оси, закрепленные под поврежденным корпусом.

Когда они закончили, мы вернулись в гондолу. Пул отрегулировал несколько внутренних ламп, чтобы они светили в зеленом, желтом и голубом спектрах, и мы с облегчением погрузились опять в яркий земной свет.

На этом импровизированном грузовике-гондоле мы и отправились выполнять следующий этап экспедиции. Мне сказали, что мы едем к ударному кратеру, где должна быть жидкая вода. Кратер этот находился неподалеку от криовулкана – еще одного интересующего нас объекта. До нужного места было всего около сотни километров от места приземления.

Мириам перегрузила собранные образцы в холодильник, а некоторые пропустила через небольшой полевой анализатор, после чего начала трещать о полученных результатах. Пул поддакивал ей чаще, чем Дзик, но и он был не очень разговорчив.

Дзика и Пула больше интересовали возможности переоборудованной гондолы. Как мальчишки-переростки, они сидели за импровизированной водительской консолью и спорили из-за передаточных чисел и проходимости больших шин. Пул даже настоял, что будет управлять гондолой вручную, хотя Титан сам по себе настолько плоский и скучный, что большую часть пути с этим легко справился бы и автопилот. Я убедился, что они совершили ошибку, не взяв с собой в подобную экспедицию специалистов-биологов. Одна лишь Мириам проявляла искренний интерес к биоценозам, которые мы собирались изучать, а Пула и Дзика слишком легко отвлекла техника – но она ведь, в конце концов, всего лишь средство, а не цель.

Тем не менее они немного переделали интерьер, и в гондоле стало уже не так тесно. Кресла разделили и установили по окружности кабины: теперь можно было сидеть, не касаясь локтями соседей. Кабину загерметизировали, поэтому мы смогли снять шлемы. И хотя расширяемые стены больше не работали, стало достаточно просторно, чтобы один из нас мог даже снять костюм. Пул приказал нам делать это по очереди, потому что мы не снимали их уже несколько часов. Как костюмам, так и нам

самим пора было пройти кое-какое «техобслуживание». Пул отгородил ширмой уголок, где снятые костюмы могли выполнить функции самопроверки и обновления, пока мы принимали душ – из воды, добытой путем утилизации мочи и пота. Почему-то считалось, что такая вода намного безопаснее, чем растопленный местный лед. Пул воспользовался душем первый, затем пошла Мириам. Она торопилась, потому что ей не терпелось вернуться к работе, и продолжала болтать даже под душем.

После Мириам настала моя очередь. Я встал под чуть теплые, едва моросящие капельки, но и они принесли облегчение, когда кожа стала впитывать воду. Все-таки я решил под душем не задерживаться. Неизвестные опасности Титана находились всего в нескольких сантиметрах от нас, за тонкими металлическими стенами гондолы, и мне не хотелось надолго оставаться без защиты костюма.

Следом за мной в душ отправился Дзик, и его костюм окутал нас поразительной вонью. А я позлорадствовал, что при всем бахвальстве Дзика его реакция на ужасы посадки оказалась столь же постыдной, как и моя.

Часа через два мы достигли нужного места. Облачившись снова в костюм, я сидел в кресле и смотрел из-за плеч Мириам и Пула на разворачивающийся впереди ландшафт. Криовулкан выглядел как холм, возвышающийся над горизонтом в нескольких километрах к западу от нас. Он был похож на щитовой вулкан, как Гавайи или гора Олимп на Марсе – плоский купол с кальдерой наверху. Сейчас он не извергался, но я видел, как языки застывшей «лавы» создали его склоны. Этой лавой был водяной лед, щедро приправленный аммиаком, который вырывался из странной мантии этой планеты – из водно-аммиачного моря в нескольких километрах под поверхностью Титана.

Что же касается озера в кратере вулкана, я увидел лишь равнину, плоскую и еще более безликую, чем большинство здешних равнин, присыпанную кое-где ледяным песком. Но озеро здесь точно было, только спрятанное от глаз. Пул вывел изображения с радара, показывающие ясные очертания ударного кратера в несколько километров шириной – он находился прямо перед нами. Падающий астероид или комета – а в системе Сатурна, наверное, это был фрагмент кольца или кусок расшатанного приливными силами спутника – создавал при ударе мощный энергетический импульс. В результате воде хватало тепла, чтобы долгое время, целые тысячи лет, оставаться жидкой. Именно такое озеро здесь и сформировалось, затем оно покрылось тонкой корочкой льда, а ветер засыпал все песком. Но

соленое озеро осталось там, в глубине, храня свое тепло.

А вдоль круглого берега мы увидели такие же губчатые громады, которые обнаружили на берегу полярного озера обернутыми в силановую пленку. Эти массивы располагались вокруг озера в довольно четком порядке, а многие виднелись поблизости от расщелин, ведущих, судя по всему, в глубину ледяных скал под нами. Мириам начала азартно собирать информацию.

Тем временем Пул корпел над изображениями, полученными с самого дна кратерного озера. Он обнаружил движение – размытые силуэты, занятые какими-то своими делами. На мой взгляд, они выглядели как машины, добывающие породу в карьере. Но у меня не было достаточно опыта, чтобы разбираться в таких изображениях, а Пул не поинтересовался моим мнением, поэтому я промолчал.

Мириам приходила все в большее и большее волнение от своих новых находок. Она фонтанировала гипотезами, даже просто собирая данные и отправляя их Гарри на «Краб».

– Слушайте, по-моему, очевидно, что Титан – это место пересечения двух видов жизни – силанов из этановых озер и органических губок. Я провела быстрый анализ CHON-тканей. Они подобны нашим, земным, но не идентичны.

Для синтеза белков они используют немного иной набор аминокислот, и у них свой вариант ДНК: другой набор оснований и другая система кодировки. Силаны же подобны тем формам жизни, которые мы обнаружили в азотных прудах на Тритоне. Но опять-таки силаны им не идентичны, у них другой набор кремниево-кислородных молекулярных цепочек.

Возможно, обе формы жизни были занесены сюда через панспермию – естественный процесс распространения жизни между планетами, в форме чего-то вроде спор, выбитых с родной планеты ударами метеоритов и занесенных сюда солнечным ветром и гравитацией. Если органическая жизнь в Солнечной системе первоначально зародилась на Земле или на Марсе, она легко могла попасть сюда, засеять кратерное озеро, а потом развиваться по иной эволюционной стратегии. Аналогично и силаны на полюсах нашли место для обитания и стали развиваться своим путем, независимо от родственников…

Перенос материалов из маслянистых этановых озер в кратеры с водой наверняка мог породить такие существа. Для возникновения жизни нужны мембраны, нечто, изолирующее внутренность клетки от внешней среды. А вода и масло не смешиваются, и при их соприкосновении такие мембраны возникают естественным образом.

Она покачала головой.

– Просто поразительно: здесь мы обнаружили место, где могут сосуществовать два вида жизни из разных концов Солнечной системы.

– Но есть одна проблема, – отозвался Дзик из душа. – И силаны, и губки обитают в изменчивой среде. Этановые озера пересыхают каждый местный год. А все кратерные озера через несколько тысяч лет замерзнут.

– Да, – согласилась Мириам. – И тем и другим необходимо мигрировать. И вот именно поэтому, я думаю, они и начали сотрудничать.

И она торопливо изложила нам версию о том, как органические губки выбирались из озер и добирались до летнего полюса. Возможно, они попадали туда по глубоким расселинам, выбитым в ледяной коре Титана теми же метеоритами, что создавали те самые кратерные озера. Там, на глубине нескольких километров, вблизи аммиачного океана они могли найти жидкую воду. Холодную, соленую, совсем неподходящую для земных организмов, но это была жидкость, и она давала шанс выжить. А на полюсе они находили силановые лилии, плавающие на этановых морях. Лилиям, в свою очередь, требовалось мигрировать на зимний полюс, где шли драгоценные для них этановые дожди.

Мириам приставила кулак к ладони.

– Вот так они соприкоснулись, губки и лилии…

– И получились местные птицы, – договорил я.

– В этом вся суть. Они взлетают с озера, как мы и видели, направляясь на зимний полюс. А по дороге, возможно, сбрасывают губки в новые кратерные озера. Это настоящий симбиоз, при котором две совершенно разные формы жизни пересекаются – и сотрудничают, потому что без миграции ни одна из них в одиночку выжить не сможет. – Она посмотрела на нас с неожиданным сомнением. – Мы всего лишь дилетанты. Наверное, любой компетентный биолог смог бы проделать в этой гипотезе дыры размером с кольца Сатурна.

– Никакой компетентный биолог на основе этих фактов не стал бы выдвигать какие-либо гипотезы, – сказал Дзик.

– Не стал бы, – послышался металлический голос виртуального Гарри. – Но ты хотя бы создала правдоподобную модель, Мириам. И для этого нам вообще не требуется обсуждать разумность здешних существ. Отличная работа.

– Но все еще остаются кое-какие вопросы, – сказала Мириам. – Возможно, губки обеспечивают этим птицам разумность или как минимум некую направленность. Но как быть

с энергией? Ведь эти лилии – особо низкоэнергетическая форма жизни…

– Быть может, я смогу ответить, – сказал Майкл. – Я тут проделал собственный анализ. И могу немного рассказать об источнике энергии силановых лилий. Хотите верьте, хотите нет, но я думаю, что даже в таком пасмурном мире они занимаются фотосинтезом.

И он описал те обнаруженные им химические реакции, которые, по его мнению, обеспечивают фотосинтез за счет совершенно иных веществ и биохимических процессов, чем основанный на хлорофилле фотосинтез зеленых земных растений.

– Ну конечно! – воскликнула Мириам. – Я сама должна была это заметить! Я так ни разу и не спросила себя, а что эти лилии *делают,* лежа на поверхности озера. Ловят солнечный свет!

Гарри тоже воодушевился.

– Слушай, сынок, если ты прав, ты, возможно, уже окупил эту экспедицию. Низкотемпературные фотосинтезирующие организмы на основе силана будут иметь огромную коммерческую ценность. Только подумай, ведь их можно будет выращивать в азотных озерах на Тритоне, а потом носиться по внешнему краю Солнечной на этих живых парусах.

Его широкая улыбка была видна даже на маленьком виртуальном изображении.

Пул и Мириам тоже улыбались, глядя друг на друга с сияющим видом. Их, как эти силановые лилии и органическе губки, тоже объединял своеобразный вариант симбиоза: создавалось впечатление, что им нужен восторг открытий и достижений, чтобы их потянуло друг к другу.

Что ж, в данный момент в гондоле царило радостное настроение – мы так не радовались с самого падения. Даже Билл Дзик, все еще стоявший под душем, издавал нечто вроде удовлетворенного похрюкивания.

И как раз в этот момент раздался хруст, словно металл гондолы стиснули огромные челюсти, и она опрокинулась набок.

Пул и Мириам зашатались и принялись выкрикивать друг другу команды. А я установил рекорд скорости надевания шлема.

Хруст повторился, затем звук разрывающейся оболочки – и чей-то вопль, он сразу превратился в клокочущий хрип и резко оборвался. Внутрь ворвался ледяной воздух, который я ощутил даже через теплоизоляцию костюма. Обернувшись, я увидел, что возле душевой кабинки зияет дыра, проделанная в тонком корпусе гондолы, а сквозь нее просвечивают темно-красные

сумерки Титана. Нечто вроде клешни или огромной руки-манипулятора Мириам усердно кромсало корпус, расширяя дыру.

А обнаженный Билл Дзик, всего в паре метров от своего костюма, который мог бы его спасти, уже замерз насмерть.

Этого зрелища мне хватило. Я распахнул люк в крыше гондолы и вывалился наружу, не дожидаясь Мириам или Пула. Спрыгнув на песок, я побежал, насколько здесь получалось бегать. Костюм по мере сил помогал мне. За спиной слышались хруст и треск. Я не оглядывался.

Отбежав на сотню метров, я остановился, задыхаясь, и обернулся. Пул и Мириам бежали следом. Мне немного полегчало – я хоть не оказался на Титане в одиночестве.

И тут я увидел, что стало с нашей гондолой. Машины, что сейчас разделывали ее, – а это были машины, тут я нисколько не сомневался – походили на ледяных пауков с веретенообразным телом длиной метров десять, с тремя ухватистыми клешнями на концах тонких (а другие при малой силе тяжести и не нужны) конечностей. Четыре, нет, пять таких штуковин трудились над обломками гондолы. Я увидел, что сперва они набросились на колеса, поэтому мы и перевернулись, а теперь проворно разбирали всю конструкцию на части. Более того, за ними я заметил цепочку таких же тварей, несущих серебристые фрагменты, которые могли быть только частями гондолы, вверх по склону, к вершине криовулкана. Некоторые из крупных деталей они оставили целыми, в том числе модуль ВЕТ-двигателя, но уносили их с той же целеустремленностью.

Я понял, что через несколько минут на ледяной поверхности от гондолы мало что останется – кроме Билла Дзика. Обнаженный и уставившийся в небо замерзшими глазами, он стал малопривлекательным трупом, но все равно не заслуживал той судьбы, что на него обрушилась.

Перед нами из Виртуала выскочила голова Гарри Пула.

– Что ж, – прокомментировал он, – это несколько усложняет задачу.

Майкл махнул на него рукой и рассеял пиксели, как облачко мух.

Глава десятая
Пауки

– Дзик мертв, – сказал я. – И мы тоже.

Я повернулся к Майклу, сжав кулаки в толстых перчатках.

– Это все ты и твои абсурдные амбиции! Когда-нибудь они бы тебя точно погубили, а теперь они убили и нас!

Майкл презрительно фыркнул.

– А я просто жалею, что не засадил тебя в тюрьму на Земле и не оставил там гнить.

– О, Лета, – с отвращением произнесла Мириам. Она перебирала разбросанный мусор, оставшийся после пауков. – Вы хотя бы представляете, как нелепо смотритесь в этих костюмах? Как два плюшевых медведя, затеявших драку. В любом случае ты пока еще жив, Джовик. – Она подняла кусочки мусора, веревку, несколько инструментов, драгоценные бутылочки с образцами, странные яйцевидные предметы, легко помещавшиеся у нее в кулаке, и упаковки с едой.

У Майкла проснулось любопытство.

– А они не все забрали!

– Очевидно, нет. Фактически, как ты и сам бы заметил, если бы не был слишком занят, переругиваясь с пассажиром, они не забрали нас. Или Билла.

– А что же им тогда было нужно?

– Металл. Я так думаю. Они унесли все, что содержало значительное количество металла.

– А, ну да. – Пул посмотрел на пауков, которые брели к вершине вулкана, сжимая в огромных клешнях кусочки нашего корабля. – В этом есть смысл. На этой планете мало металла. И всегда было мало, с момента ее образования. Даже ее кора в основном состоит из легких силикатов, она больше похожа на мантию Земли, чем на наше железное ядро. Возможно, это как раз и объясняет, почему все зонды, попавшие на поверхность Титана за последние тысячу шестьсот лет, исчезли без следа. Не осталось ничего даже от твоих незаконных сборщиков образцов, Эмри. Их просто утащили из-за металла. И, может быть, – добавил он, ухватившись за новую идею, – именно это мы и видели на радарных изображениях в глубине кратерного озера. Помните, что-то там трудилось на дне, как в карьере? Возможно, это были другие пауки, они искали металлические кусочки метеорита, создавшего этот кратер.

– Что ж, в любом случае они оставили нам немало

полезного, – заметила Мириам, перебирая мусор. – Всю керамику, стекловолокно, пластик. И пакеты с едой. По крайней мере, голод нам не грозит.

Пул погрузился в теории, а она сосредоточилась на важных вещах, которые могут сохранить нам жизнь. Это красноречиво говорило о его высокомерной натуре.

– Но ведь они забрали и BET-двигатель, – резко возразил я. – Наш источник энергии. Без которого мы вскоре замерзнем здесь насмерть, какими бы сытыми мы ни были.

– И еще, кстати говоря, карты с резервными копиями личностей, – сказала Мириам. – Мы их хранили в блоке управления и обработки BET-двигателя, в самом надежном месте на гондоле. Если мы его потеряем, то утратим и последнюю копию бедняги Билла.

Я невольно посмотрел на быстрозамороженный труп Дзика на льду Титана.

Пул даже не обернулся. Он наблюдал за уходящими пауками.

– Они спускаются в кратер вулкана. А это дыра, ведущая в мантию, в аммиачное море, так ведь? Но зачем они туда идут? И кто эти проклятые создания?

– Есть только один способ это узнать, – ответила Мириам.

Она взяла в правую руку одно из загадочных керамических яиц, нажала на стерженек, отчего яйцо засветилось красным, и швырнула его в ближайшего паука. Оно полетело по короткой дуге, замедляясь из-за плотного воздуха, – казалось, прошла целая вечность. Но бросок оказался точным, и яйцо упало в метре от паука.

И взорвалось. Очевидно, это была граната. Паук, к нашему удовлетворению, разлетелся на куски, а его уродливые клешни закувыркались в воздухе.

А Мириам уже мчалась в ту сторону. Нечего сказать, в целеустремленности ей не откажешь.

– Ну, давайте же! – крикнула она.

Мы с Пулом побежали за ней, не желая оставаться наедине с замороженными останками Билла.

– Зачем ты это сделала? – спросил Пул на бегу.

– Мы ведь хотим узнать, с чем имеем дело?

– А почему мы бежим?

– Чтобы добраться до него быстрее других пауков.

И точно: другие пауки, все еще нагруженные кусками гондолы, быстро развернулись и приближались к останкам своего товарища. Кажется, их совершенно не смутило ни внезапное уничтожение одного из них, ни наше приближение. Видимо, их интересовало только то, что было для них важнее всего, – все

металлическое.

Мы добрались первыми и присели вокруг паука на корточки, направив на него свет фонарей. Взрыв не вскрыл его тело, потому что оно не имело оболочки или наружного панциря. Паук просто развалился на куски, как разбитая статуя. Мы стали перебирать обломки, а Мириам и Пул начали торопливо анализировать увиденное и обмениваться комментариями. Куски паука по большей части состояли из водяного льда, но Пул предположил, что это особенный лед, образующийся под высоким давлением. Внутренняя структура обломков оказалась сложной и напоминала пчелиные соты. Это были камеры с четкими гранями, заключавшие в себе сгустки более мелких камер и пустоты, и все это повторялось и повторялось в уменьшающемся масштабе, как фрактал. Пул указал на серебристые и желтоватые нити – оттенки цвета при освещении на Титане разобрать трудно. Но они были явно металлическими.

– Значит, как минимум паукам необходим металл, – заключила Мириам. – Интересно, какой же у них источник энергии?

Но этого мы выяснить не успели – приблизились другие пауки, а нам вовсе не хотелось, чтобы нас случайно затоптали. Мы отошли и погасили фонари.

– Так что же, они биологические или искусственные? – спросила Мириам. – Что думаете?

Пул пожал плечами.

– Они явно предназначены для единственной цели и содержат металлические компоненты. Это подразумевает искусственное происхождение. Но внутренность тела выглядит органической. Выращенной.

Мне захотелось поставить Пула на место.

– Возможно, эти существа находятся за пределами твоих примитивных категорий. Допустим, они являются результатом миллионов лет эволюции машин. Или долгого симбиоза между животными и технологиями.

Пул покачал головой.

– Я ставлю на биологию. Если дать естественному отбору достаточно времени, необходимость может заставить его достичь поразительных результатов.

– Но почему их тела включают металл, если он здесь настолько редок? – спросила Мириам.

– Может, их родиной является не Титан, – заметил я. – И первоначально они эволюционировали не здесь.

Но они меня не слушали.

– Главный вопрос сейчас в том, – заявил я уже более

настойчиво, – что нам теперь делать?

В воздухе появилась голова Гарри Пула, размером с апельсин, спроецированная каким-то образом коммуникаторами наших костюмов. Из-за малого размера изображения его кожа смотрелась еще более неестественно гладкой.

– Это, – заявил он, – первый разумный вопрос с тех пор, как мы тебя похитили, Джовик. Вы готовы говорить со мной сейчас?

Майкл глянул на отца, потом отвернулся и глотнул воды из трубочки внутри шлема.

– Давай, расскажи, насколько все хреново, Гарри.

– Я не смогу забрать вас минимум семь дней.

Я похолодел сильнее, чем Титан.

– Но костюмы…

– Без подзарядки они перестанут работать через три дня. Самое большее через четыре.

Я не смог найти слов для ответа.

Гарри обвел нас взглядом, его лишенная тела голова при этом жутковато крутилась вокруг своей оси.

– Есть другие варианты, – сказал он.

– Какие? – отозвался Майкл.

– Вы можете погрузиться в кратерное озеро. Костюмы выдержат. Там холодно, а температура соленой воды намного ниже точки замерзания, но все же в воде будет не так холодно, как на открытом воздухе. Если помните, вода несет остаточное тепло после удара метеорита. Но даже при этом вы оттянете гибель всего на день или два.

– Этого недостаточно, – сказала Мириам. – И мы не сможем работать, плавая в озере в полной темноте.

– Работать? – рассмеялся я. – Да кого теперь волнует работа?

– Что еще, Гарри? – спросил Майкл.

– Я рассмотрел варианты, при которых могут выжить двое, а не трое. Или один. За счет совместного использования костюмов.

Напряжение между нами мгновенно возросло.

– Пауки, разумеется, оставили вам костюм Билла, – продолжил Гарри. – Проблема в том, что источник питания встроен в ткань каждого из них. Чтобы им воспользоваться, вам придется меняться костюмами. Но я не смог придумать способ, как вы можете сделать это вне гондолы. Вы замерзнете насмерть за несколько секунд.

– Значит, это не вариант.

– И никогда им не был, – произнесла Мириам, твердо взглянув на нас.

Не уверен, испытал ли я облегчение после этих ее слов.

Потому что за те несколько секунд, пока они обсуждали эту опцию, я твердо решил, что последним выжившим в последнем комбинезоне буду я.

– Окей, что еще? – спросил Майкл.

– Для подзарядки комбинезонов вам нужен ВЕТ-двигатель из гондолы. Этому альтернативы просто нет.

Я показал на пауков, ползущих на криовулкан.

– Эти твари уже сбросили его в кальдеру.

– Тогда вам придется отправиться за ним, – ухмыльнулся Гарри, сидя в своем уютном кресле на «Крабе». – Неужели откажетесь?

– Но как? – искренне удивился я. – Нам что, строить подлодку?

– Она вам не понадобится. У вас же есть костюмы. Прыгните туда, и все…

– Рехнулся? Ты хочешь, чтобы мы прыгнули в кратер вулкана следом за бандой пожирающих металл чудовищных пауков?

Но Мириам и Майкл, по своему обыкновению, ухватились за новую идею.

– Джовик, – сказала Мириам, – ты все время забываешь, что мы не на Земле. Этот «вулкан» извергает всего лишь воду, его «лава» холоднее крови у нас в жилах. – Она взглянула на Гарри. – Но в этой воде очень много аммиака. Насколько я поняла, костюмы его выдержат?

– Они были разработаны для контакта с веществами мантии. Мы всегда знали, что такой контакт возможен. Давление тоже не должно быть проблемой.

– А что касается пауков – они наверняка оставят нас в покое, если мы будем держаться от них подальше, – добавил Майкл. – Мы это знаем. Мы даже сможем их использовать во время погружения. Последуем за пауками и найдем двигатель. Правильно?

– Не забывайте и про исследования, – напомнил Гарри. Он вывел данные на виртуальный дисплей – бесстрастные цифры светились в воздухе всего в нескольких метрах от трупа Дзика. Гарри сказал, что предварительный анализ полученных нами данных показывает, что главный источник критически важного для атмосферы метана находится не в воздухе, не на поверхности, а в криовулканах. – Следовательно, его главный источник расположен где-то в аммиачном море. Неважно, какой он – биологический или геологический, – но он там, внизу.

– Хорошо, – согласился Майкл. – Значит, мы не получим полной картины, пока не отправимся в кратер.

– Без связи вы не останетесь. Я смогу отслеживать вас и

разговаривать с вами на протяжении всего погружения. Наш канал связи работает на принципе передачи нейтрино, поэтому несколько километров льда или воды для него не препятствие.

Несколько километров? Мне это совсем не понравилось.

– Значит, решено, – сказала Мириам. – У нас есть план.

– Это коллективный бред, – возразил я.

Они меня проигнорировали.

– Предлагаю часик отдохнуть, – сказал Майкл. – Мы можем себе это позволить. Надо как-то перевести дух, мы сегодня многое пережили. И еще надо рассортировать снаряжение, прикинуть, что мы сможем использовать.

– Правильно, – согласилась Мириам. – Как насчет сеток со льдом в качестве балласта, например?..

И они с Мириам принялись за работу, разбирая хлам, на который не польстились пауки. Затем они начали плести сетки из оставшегося кабеля. Их хлебом не корми, только дай чем-нибудь заняться вместе.

А неподалеку от них лежал на спине голый Билл Дзик, уставившись в темное небо замерзшими глазами. Полагаю, это недвусмысленно характеризует Майкла и Мириам – то, что они настолько сосредоточились на очередной цели, что не нашли времени позаботиться об останках человека, с которым они работали, судя по всему, в течение многих лет.

Что ж, я презирал Билла, а он презирал меня, но что-то во мне сжималось при мысли оставить его просто лежать здесь как есть. Я осмотрелся в поисках чего-нибудь, что можно использовать вместо лопаты. Отыскал распорку и керамическую панель от какой-то внутренней перегородки гондолы и связал их куском кабеля.

Потом я начал копать. Пластина легко входила в грунт – ледяные песчинки не цеплялись друг за друга. Будучи уроженцем планеты с большой силой тяжести, я стал на Титане силачом и легко поднимал полные лопаты песка. Но на глубине около полуметра грунт был более плотным – несомненно, это особенность сложной геологии Титана, – и врубаться в него стало труднее. Я не смог выкопать для Билла достаточно глубокую могилу, поэтому удовлетворился тем, что уложил его в эту мелкую канавку и насыпал сверху холмик. Перед этим я попытался закрыть ему глаза, но веки, конечно же, примерзли.

Все время, пока я работал, я старательно злился на Майкла Пула, потому что злость всяко лучше страха.

Глава одиннадцатая
Вулкан

Мы поднялись по склону криовулкана, шагая параллельно тропе ледяных пауков, которые все еще таскали наверх последние кусочки гондолы. Каждый нес импровизированное снаряжение – веревочные сетки, мешки с кусками льда для балласта, упаковки с едой. Мириам даже несла сумку с самыми ценными научными образцами.

Восхождение было нетрудным. Оставив внизу песчаные наносы, мы зашагали по голому льду, а его грубая поверхность хорошо сцеплялась с нашими рифлеными подошвами. Я полагал, что мы будем скользить по ледяному склону, но при таких температурах лед не успевает плавиться под ногами, как на Земле, а именно эта пленочка талой воды и устраняет трение.

Но, несмотря на легкий подъем, вблизи от кальдеры у меня отяжелели ноги. Никаких вариантов, кроме как идти дальше, навстречу еще большей опасности, не было. У меня вообще не было выбора с того момента, как меня похитили.

Наконец мы вышли на край кальдеры – или кратера, называйте как хотите. Мы смотрели вниз, на огромную чашу диаметром около полукилометра. В ледяных скалах по краям чаши лед пронизывали жилки какой-то коричневатой органики. Большая часть дна кратера была твердой – очевидно, криовулкан в данный момент спал, – но мы увидели во льду широкую темную расщелину, куда и спускались пауки. Несмотря на тяжелый груз, они проворно лезли вниз по стенам расщелины, и Пул показал нам, как они поднимаются по дальней стенке, но уже без груза. Прислушавшись, можно было расслышать какой-то хруст, доносящийся из глубины.

Туда нам и предстояло спуститься.

– Даже не думай об этом, – прошептала мне Мириам. – Просто спускайся.

Но для начала нам требовалось укротить паука.

Мы спустились на несколько шагов и встали возле цепочки пауков-носильщиков. Мириам попробовала набросить лассо на проползающего мимо паука. Попытка оказалась слишком самонадеянной, потому что в плотном воздухе при малой силе тяжести кусок кабеля буквально жил собственной жизнью. Тогда они с Пулом придумали другой способ. Проявив немного ловкости, они ухитрились набросить петли на конечности паука. Затем Пул несколько раз перебросил кабели под брюхом и через

спину твари и завязал концы узлом: в результате получилось что-то вроде сетки. Кажется, паук даже не заметил этой суеты вокруг него и неторопливо шел своей дорогой.

– Сойдет, – решил Пул. – Все на борт!

Прихватив свою ношу и сетки с балластом, он совершил медленный, как в кино, прыжок, ухватился за импровизированную сеть и уселся на спине паука. Мы с Мириам торопливо последовали его примеру.

Так мы и ехали втроем на паучьей спине, обмотав вокруг кисти хвосты кабеля. Первые несколько минут оказались не так уж и плохи, несмотря на дерганые и неравномерные движения паука: они не давали нам забыть, что действиями этого существа не управляет сознательный разум.

Но тут поразительно быстро стал приближаться край кальдеры. Я покрепче вцепился в сеть.

– Поехали! – закричал Майкл и даже заулюлюкал, когда паук перевалил через край расщелины и начал спуск по вертикальной стене. Я не мог понять, за счет чего он держится на скале, – может, с помощью присосок, а может, его хрупкие конечности находили какие-то зацепки. Но моя тревога не утихала, потому что когда паук наклонился вперед, вся наша троица оказалась вверх тормашками. Мы судорожно цеплялись за сеть, вися вниз головой.

– Лезьте наверх! – крикнул Майкл. – Будет легче, если сможем перебраться ближе к хвосту.

Это был неплохой совет – из тех, что легче дать, чем выполнить. Потому что для перемещения я должен был сперва ослабить хватку. Я перебрался на задницу паука последним, но наконец можно было перевести дух, устроившись там поудобнее.

Все это время темнота в расщелине сгущалась, а жуткий хруст внизу становился все громче. Посмотрев вверх, я увидел вход в расщелину – зазубренную красновато-коричневую дыру, единственный источник дневного света, который едва освещал тело паука. Поддавшись внезапному порыву, я включил фонари, и нас залил яркий свет.

– Все в порядке? – спросил Пул.

– Я как выжатый лимон, – ответила Мириам. – Хорошо хоть, приняла таблетки от клаустрофобии перед тем, как лезть в гондолу. Смотрите. Что это там впереди?

Мы уставились вниз. Это был кусок льда, перекрывший всю расщелину. Я на миг понадеялся, что нам уже не придется спускаться глубже, чтобы отыскать ВЕТ-двигатель. Но ни пауков, ни кусков гондолы не было видно, и я со страхом понял, что нас ждет дальше. Хруст слышался все громче и громче, он казался

даже ритмичным.

– Держитесь крепче! – крикнул Пул, как будто нам это могло помочь.

Наш паук упал на ледяной пол. Тот оказался тонкой корочкой, которая легко ломалась, – это и был тот самый хруст, когда сквозь нее проламывались один паук за другим. Подо льдом я на миг увидел черную пенистую воду, куда нас вниз головой тут же уволок паук.

В воде оказалось нисколько не холоднее, но я ощущал вокруг себя липкую вязкость, как будто меня бросили в чан с сиропом. Свет фонарей выхватывал загадочные хлопья и нити, наполнявшие жидкость вокруг меня. Обернувшись, я увидел, что ледяная «крышка» уже замерзает, но корочку льда тут же проломил очередной паук, идущий за нашим.

– Макнулись в расплавленную лаву по-титански, – расхохотался Майкл. – Вот это поездка!

– Долго еще? – простонал я. – На какую глубину мы будем опускаться?

– Настолько глубоко, насколько понадобится. Имей терпение. И погаси фонари, Эмри. Прибереги энергию для обогрева.

– Нет, подожди. – Мириам показала на ползущую вверх ледяную стену. – Посмотри туда. И туда!

Я увидел каких-то трубчатых существ длиной около полуметра или чуть меньше. Они цеплялись за стены – или, скорее, куда-то по ним целенаправленно ползли. Мелкие детали разглядеть было трудно, потому что они быстро исчезали из поля зрения.

– Жизнь? – спросил Пул, снова по-мальчишески возбужденный.

– Похоже на то, – согласилась Мириам.

Никого не предупредив, она высвободила руку из сетки, схватила одну из трубок и оторвала ее от стены. Трубка извивалась в ее руке, бледная и безглазая, похожая на жирного червя. Ее передний конец, открытый наподобие рта, был порван.

– Фу! – сказал я. – Выброси ее!

Но Мириам прижала существо к груди.

– Ой, прости! Я тебе сделала больно, да?

– Значит, оно живое, – заключил Пул, присмотревшись к добыче.

– О да! И если оно выживает в этой аммиачной лаве, готова поспорить, что это дальний родственник всего, что живет в глубине этого моря. Мы опять нашли жизнь, Майкл!

– Слушай, мне кажется, что они объедают лед. Их тут полно на стенках! – Я увидел, что он прав: здесь было множество

трубчатых рыб, которые медленно поднимались по льду к отдушине. – Как думаешь, может, они стараются поддерживать дыру открытой?

Пул достал из ранца Мириам полевой анализатор, и, несмотря на то, что мы спускались на спине инопланетного паука в жерло вулкана, они стали анализировать метаболизм трубчатого существа и состав окружающей нас воды, а затем переслали результаты на «Краб». Вскоре перед нами появилась виртуальная голова Гарри с широкой ухмылкой – она не покидала его лицо даже в такой чрезвычайной ситуации.

Я решил, что с меня хватит, и отключил фонари комбинезона. У меня не было ни малейшего желания трястись от страха в темноте, пока мимо проносятся невидимые ледяные стены. Но я поставил на то, что любопытство таки одолеет Пула и Мириам, и оказался прав. Вскоре включился фонарь Пула – он тратил драгоценную энергию, которая удачно подсвечивала и меня, и эта парочка с головой погрузилась в свою бессмысленную науку.

– Значит, я была права, – прошептала Мириам через какое-то время. – В этой расщелине и мантийном океане обитает еще одна, уже *третья* на Титане, разновидность жизни, кроме силанов и органических губок. Аммоновая жизнь…

Считается, что жидкая мантия Титана является последствием его образования в той части прототуманности, где было много аммиака. Титан родился с каменистым ядром и глубоким открытым океаном, воды которого содержали аммиак. Этот океан мог существовать миллиард лет, согреваемый парниковым эффектом под плотной первичной атмосферой. Миллиард лет – вполне достаточное время для возникновения жизни. Со временем поверхность океана замерзла, покрывшись ледяной коркой, а на дне, под высоким давлением, образовались комплексные формы льда, сформировавшего сплошной твердый слой вокруг силикатного ядра. Лед был наверху и внизу, но между ними все еще оставался жидкий океан из воды, насыщенной аммиаком, при этом очень щелочной и очень вязкой. В этом глубоком океане к своеобразной среде обитания приспособились уникальные формы жизни, основанной на химических связях между углеродом и группами азот-водород (а не углерод-кислород) и на аммиаке как растворителе вместо воды. Аммоновая жизнь, как ее называют специалисты.

– Да, третье биологическое царство, – подтвердила Мириам. – Насколько мне известно, в Солнечной системе такая форма нигде больше не встречается. И здесь, на Титане, сосуществуют три

совершенно разных царства: местная аммоновая жизнь в мантийном океане, органическая жизнь в кратерных озерах, занесенная из внутренней системы, и силановые лилии родом с Тритона и с других внешних холодных планет. Невероятно.

– Более того, – произнес жестяной голос Гарри. – Майкл, эта ваша трубчатая рыба не метаноген. Она не производит метан, но она наполнена метаном. У нее есть метан даже в плавательном пузыре.

Мириам посмотрела на трубчатых рыб, слепо грызущих ледяные стены.

– Правильно. Они его каким-то образом собирают, из какого-то источника в глубине океана. Затем с его помощью всплывают сюда. Они даже поедают стенки дыры криовулкана, чтобы сохранять его открытым. У них очень важная роль в процессе доставки метана из глубоководного источника в атмосферу. Поэтому у нас здесь три варианта жизни, которые не только живут на этом спутнике, но и сотрудничают, поддерживая здешнюю экологию.

– Впечатляющая картина, – согласился Гарри. – И до тех пор, пока все они еще достаточно неразвиты, мы можем выжать сколько-то денег из этой проклятой системы.

Мириам отпустила трубчатую рыбу, как выпускала бы птицу. Извиваясь, та скрылась в темноте.

– Ты всегда был реалистом, Гарри.

Мне показалось, что в отблесках фонарей Майкла я вижу впереди что-то темное.

– Гарри, какой толщины будет эта ледяная корка, когда мы доберемся до мантийного океана?

– Около тридцати пяти километров.

– А на какой глубине мы сейчас? Можешь сказать?

– О, как раз около тридцати пяти километров.

– Лета! – выдохнул Майкл. – Держитесь крепче!

Это произошло почти сразу после его слов: мы достигли основания прохода, по которому спускались от верхушки жерла криовулкана. Дыры сквозь ледяную кору Титана. Я вцепился в сетку и закрыл глаза.

Когда мы выбрались из жерла, пройдя сквозь ледяную кору в мантию под ней, я ощутил, как стены отдаляются, увеличивается давление, а впереди раскрывается бездна.

И мы провалились во мрак и холод.

Глава двенадцатая
Океан

Теперь, когда паук уже не полз по стене и его лапы освободились, я почувствовал, что он плывет (или, может быть, каким-то образом выбрасывает из себя струи воды), все глубже погружаясь в это мрачное море и увлекая за собой нашу троицу. Посмотрев вверх, я увидел нижнюю сторону твердой коры Титана, ледяную крышу, которая накрыла целую планету. Она поблескивала в свете фонарей Пула, но уже удалялась от нас. И еще мне показалось, что я увидел дыру, через которую мы сюда спустились, – воронку с сильно поврежденными эрозией стенами, вокруг которой вяло плавали трубчатые рыбы. Вдали от стен легче было разглядеть, как они передвигались: не имея плавников или хвостов, они словно ползли сквозь воду. Из-за вязкости среды такой способ, возможно, был самым удобным. И вообще они вели себя больше как бактерии, чем как рыбы.

Вскоре мы погрузились настолько глубоко, что ледяная крыша исчезла из поля зрения, и мы вместе с пауком, тащившим нас вниз, остались единственной точкой света, падающей во мрак. И тут Пул выключил фонари!

– Лета! Пул, пощади нас! – взмолился я.

– Ой, не хнычь, – отозвалась Мириам и включила свои фонари. – Только ненадолго. Дадим ему привыкнуть.

– К чему привыкнуть? – осведомился я. – К падению в бесконечный мрак?

– Не бесконечный, – ответил Пул. – Глубина океана не более… сколько там, Гарри?

– Километров двести пятьдесят, – сообщил Гарри, милосердно не показываясь. – Плюс-минус.

– Двести пятьдесят… И как глубоко ты намерен погрузиться, Пул?

– Я же сказал, – мрачно заявил Майкл. – Настолько глубоко, насколько понадобится. Нам надо вернуть BET-двигатель, Эмри. Иного выбора у нас нет – все очень просто.

– А у меня возникло предчувствие, – уныло вставила Мириам, – что наш паук, выбравшись из жерла, теперь направляется на самое дно. Это логично.

– Да нас там расплющит, – угрюмо предрек я.

– Нет, – прогудел Гарри. – Не расплющит. Слушай, Джовик, просто вспомни, что Титан невелик. И давление на дне всего раза в четыре больше, чем в самых глубоких океанах Земли. От силы в

пять. А твой костюм такое давление спокойно выдержит. Если тебя что и убьет, то не давление.

– И долго нам еще до дна?

– Вы погружаетесь быстрее, чем ты думаешь, – если учесть вязкость среды. Ваш паук – сильный пловец. Пожалуй, день.

– День!

– Зато по дороге мы, возможно, увидим что-нибудь интересное, – утешила Мириам.

– Да что тут может быть интересного?

– Ну, трубчатые рыбы не могут жить в изоляции. На больших глубинах должна быть целая популяция всяких разных существ.

Мое воображение мгновенно сорвалось с цепи.

– Аммоновые акулы. Аммоновые киты.

– В этом холодном супе они будут неповоротливы, как улитки, – рассмеялась Мириам. – И кроме того, ты для них несъедобен, Джовик.

– Они могут сперва попробовать меня, а уж потом только выплюнуть. – Я попытался избавиться от паники за счет мыслей о будущем. – Но даже если мы выживем – даже если найдем на дне этот чертов BET-двигатель, – то как мы сможем вернуться?

– Нам нужно будет сбросить балласт, и мы всплывем, – небрежно ответил Майкл. – И помни, что нам не надо тащить BET-двигатель наверх. Он понадобится только для подзарядки комбинезонов.

– Есть и еще вариант, получше, – подняться на другом пауке, – предложила Мириам.

– Правильно, – согласился Майкл. – Заодно это решит и другую проблему – как найти в криовулкане дыру, ведущую на поверхность. Пауки-то, очевидно, знают дорогу.

– Даже если пауки вас подведут, я смогу указать путь, – добавил Гарри. – Я вижу и вас, и выходы отдушин, и даже BET-двигатель. Эта нейтринная технология стоит потраченных на нее денег. Так что, в принципе, у вас никаких проблем.

Иногда мне казалось, что ситуация меня пугает куда меньше, чем моих спутников – именно из-за того, что они такие безбашенные.

Мириам что-то достала из поясной сумочки. Я не разглядел, что это, и посмотрел на Майкла.

– Джовик не переживет целый день погружения в темноте.

Майкл посмотрел на меня, затем на нее.

– Давай.

– Что вы задумали?.. – Не успел я дернуться, как она протянула руку и с профессиональной ловкостью прижала флакон к клапану на груди моего костюма. Я ощутил внезапный

холод, когда препарат попал мне в кровь, и провалился в сон без сновидений, лежа в уютном тепле моего костюма.

Вот так и получилось, что я пропустил все события нескольких следующих часов: и спокойное время, когда Пул и Мириам тоже попытались немного поспать, и возбужденную суматоху, когда странные обитатели аммиачных глубин Титана стали приближаться к ним из темноты.

И еще я пропустил очередное великое потрясение, пережитое нашей странной маленькой компанией, когда она наконец-то увидела ледяное дно подземного океана Титана на расстоянии трехсот километров от поверхности. Странный ландшафт этой бездны – складчатый спрессованный лед, усеянный кусочками метеоритов, – пронизывали отдушины и трещины. Они напоминали зеркальное отражение ледяной коры высоко над нами. *Но паук, на котором мы ехали, не остановился.* Он юркнул в одну из этих отдушин, и его конечности снова застучали по гладким ледяным стенам.

Гарри предупредил Мириам и Пула, что эта последняя отдушина, судя по всему, пронзает весь внутренний слой льда, покрывающий ядро. Титана, – так называемый «лед-VI», насыщенный дигидратом аммония, – и толщина этого слоя еще минимум пятьсот километров. А в конце этой дыры находится только силикатное каменное ядро Титана, и туда, несомненно, паук и направлялся.

Ничего не оставалось, кроме как ждать и терпеть. Спуск займет, наверное, еще целый день, поэтому Пул и Мириам позволили пауку просто тащить нас вниз. Другие трубчатые рыбы экзотичной разновидности, видимо, привыкшие к высокому давлению, бесконечно паслись на ледяных стенах. Мириам вкатила мне еще одну дозу снотворного и кормила меня внутривенно, пока я спал. Гарри беспокоило истощение наших батарей и постепенное возрастание давления: под столбом воды и льда толщиной в сотни километров мы приближались к пределу прочности костюмов. Но у них не было иного выбора – только вперед, а я, утратив связь с реальностью, одновременно лишился и права голоса.

Когда паук наконец остановился и наша поездка завершилась, Мириам меня разбудила.

Я лежал на спине на бугристом полу. Сила тяжести ощущалась здесь даже слабее, чем на поверхности. Надо мной склонилось лицо Мириам, подсвеченное фонарем.

– Посмотри, что мы нашли, – сказала она.

Я сел. В теле ощущалась слабость, а от голода немного кружилась голова. Рядом сидели Мириам и Пул, наблюдая за моей реакцией. Тут я вспомнил, где нахожусь; и к слабости добавился страх.

Я быстро осмотрелся. Даже при свете фонарей обзор был сильно ограничен. Мутность воды и какие-то плавающие частички подсказали мне, что мы все еще находимся в глубине океана. Над головой я увидел ледяную крышу – недалеко, метрах в ста или около того. Под ногами было нечто похожее на каменную породу с темными и пурпурными прожилками. Значит, мы в какой-то ледяной пещере, а ее стены теряются в темноте, за пределами света фонарей. Позднее я узнал, что мы оказатись в пещере, выкопанной под нижней ледяной мантией Титана, между нею и каменным ядром, – в восьмистах километрах под ледяными равнинами, где несколько дней назад разбилась наша гондола. Вокруг я увидел ледяных пауков, деловито бредущих по своим загадочным делам, и куски оборудования из нашей гондолы – нарезанные, принесенные сюда и сложенные. И среди них я увидел ВЕТ-двигатель! Мое сердце радостно забилось: быть может, я все-таки выживу.

Но Мириам хотела мне показать вовсе не двигатель.

– Посмотри, что мы нашли, – повторила она.

Я посмотрел. В полу, в каменном ядре Титана, я увидел люк.

Глава тринадцатая
Люк

Мне дали поесть, напиться и освободить мочевой пузырь. Ходить здесь было трудно, холодная вода была плотной и сиропообразной, каждое движение сопровождалось жужжанием сервомоторов: костюм трудился, помогая мне.

Я с облегчением узнал, что ВЕТ-двигатель все еще работает, а батареи моего костюма уже подзарядили. В принципе, я даже мог остаться в живых достаточно долго, чтобы вернуться на «Краб». Для этого мне всего-навсего требовалось отыскать путь наверх от ядра этой планеты и преодолеть восемьсот километров льда и океана… Я дал себе немного потешиться мечтами и отложил пока страхи ради того, что ждало нас дальше.

После моего пробуждения Майкл, Мириам и виртуальный Гарри пересказали мне то, что они выяснили насчет образования метана на Титане. Под ледяной крышей, погруженные в холодный давящий океан, они говорили о кометах и химии, в то время как огромная загадка, что это за люк в ядре, так и оставалась неразгаданной.

– На Земле девяносто пять процентов метана в воздухе имеет биологическое происхождение, – сказал Гарри. – Он образуется в кишечниках животных, при разложении растений. Так может ли его источник быть биологическим и здесь? Вы, ребята, обследовали эту среду достаточно долго, чтобы такое предположение отмести. В принципе, здесь могут быть метаногенные организмы, которые живут, например, в этих этановых озерах и питаются за счет реакций между ацетиленом и водородом, но вы таковых не обнаружили. Как насчет метана с падающих сюда комет? Такое возможно, но тогда вы обнаружили бы следы других кометных газов, а их в воздухе нет. Остается одна мало-мальски правдоподобная вероятность…

Когда Титан был молод, его аммиачно-водный океан простирался до самого каменного ядра. Там химические процессы могли производить большое количество метана: щелочная вода, реагируя с каменной породой, выделяла водород. Тот, в свою очередь, реагировал с источниками углерода – монооксидом, диоксидом или его частицами, образуя метан. Но этот процесс прекратился, как только каменное ядро покрылось слоями льда, изолирующими его от жидкой воды. После этого требовались условия, чтобы в основании ледяного слоя оставались какие-то открытые полости, где жидкая вода и камень все еще могли

реагировать на границе соприкосновения. И еще нужен был способ доставки образующегося метана в океан, а потом и на поверхность.

– Метан мог храниться в ледяных слоях в форме клатратов, – продолжал Гарри. – Со временем он пробился бы на поверхность. Но проще было проделать отдушины во льду и подтолкнуть хемоавтотрофную экосистему питаться метаном и доставлять его на верхние уровни.

– Трубчатые рыбы, – сказал я.

– Да, и их сородичи.

Взглянув на потолок, я увидел, что он обработан и поцарапан, словно кто-то трудился над ним с помощью клешней.

– Значит, пауки сохраняют эти полости, чтобы метан мог продолжать образовываться.

– Именно так, – подтвердил Майкл с удивлением в голосе. – Они делают это, чтобы сохранять источник метана, который в конечном итоге попадает в атмосферу. И делали это миллиарды лет. Должны были делать, чтобы местные экосистемы развились до нынешнего вида – трубчатые рыбы, органические губки и силаны. *Весь этот мир – машина*, хотя и очень старая машина. Это машина по производству метана, по превращению того, что иначе стало бы очередной ничем не примечательной ледяной луной, в некое убежище, назначение которого – забота о населяющих его формах жизни.

– Но зачем им это делать?

Ни у кого из них ответа не нашлось.

– Ха! – засмеялся я. – Ну, вопрос «зачем» вообще-то к делу не относится. Пауки явно разумны – или же разумны их создатели. Вы нашли именно то, чего боялись. Разве не так, Майкл Пул? Разумную жизнь внутри Титана. Теперь никто не позволит вам начать его эксплуатацию. Так что конец вашим коммерческим амбициям!

– От которых и ты получил бы долю, – напомнил Гарри, оскалившись.

Я фыркнул.

– О, я все равно спустил бы деньги на наркотики и секс. А увидеть, как вас, строителей миров, шарахнуло пыльным мешком, стоит потери каких-то там денег. Так что там, под люком?

Они переглянулись.

– Надеемся, там окончательный ответ, – ответил Майкл.

– Мы не стали туда заглядывать, пока не приведем тебя в порядок, Джовик, – сказала Мириам.

– Мы понятия не имеем, что там, за люком, – добавил Пул. – Поэтому нужно, чтобы все бодрствовали и были готовы

действовать в случае чего. Нам даже может понадобиться твоя помощь, Эмри. – Он взглянул на меня с легким отвращением, но добавил с большей практичностью: – Чтобы его открыть, могут понадобиться трое. Пошли, посмотрим поближе.

И мы поплыли через вязкий мрак.

Люк оказался диском из какого-то серебристого металла диаметром около трех метров, установленным вровень с более или менее плоским каменным полом. По его окружности располагались три одинаковых углубления сантиметров десять глубиной. В центре каждого углубления находился механизм, состоящий из двух рычагов, соединенных наверху шарниром.

– Мы думаем, что он управляется так, – сказал Майкл. Он встал на колени, взялся за рычаги и изобразил, как сводит их. – Мы не знаем, какое усилие надо приложить, чтобы механизм сработал. Надеюсь, каждый из нас справится с одним набором рычагов, а моторы комбинезонов нам помогут.

– Три механизма, – сказал я. – Тогда получается, что эта дверь предназначена для пауков. По рукоятке для каждой из трех его клешней.

– Мы тоже так думаем, – согласилась Мириам. – Рукоятки как раз подходящего размера. Мы полагаем, что рукоятки надо свести одновременно – одному пауку или трем людям.

– Не могу поверить, что за миллиард лет они придумали всего лишь громоздкую механическую дверь.

– Какой бы продвинутой ни была технология, я не могу представить здесь устройство без ручного страховочного управления. Мы видели, что и сами пауки не идеальны, они могут разбиться или сломаться.

– Но разбивали-то их мы. – Я с неприязнью взглянул на люк. – А надо ли нам его открывать? Мы уже нашли что хотели – или не хотели. Зачем подвергать нас новому риску? Разве мы не можем просто отправиться домой?

Мириам и Майкл уставились на меня с изумлением.

– И ты сможешь уйти отсюда, *не узнав, что там?* – вопросила Мириам.

– Мы отсюда не уйдем, пока не разберемся, Эмри, так что придется тебе с этим смириться, – заявил Майкл.

Он взялся за свою рукоятку, а Мириам – за свою. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать их примеру. Пул начал отсчет.

– Три, два, один…

Я сомкнул пальцы на рычагах и начал их сводить. Рукам в углублении было неудобно, а механизм был тугим. Мышцы напряглись, и я почувствовал, как меня приподнимает над полом.

Но рычаги сомкнулись.

Люк завибрировал.

Я выпустил рычаги и быстро попятился. Остальные поступили так же. Мы стояли вокруг, омываемые течением аммиачного моря, и смотрели, как люк выползает из поверхности дна.

Это было нечто вроде поршня, он поднялся сперва на метр, потом на два. Бока у него были идеально гладкими, блестящими, без единой царапинки. Я задумался, сколько же ему лет. Майкл, этот идиот, тут же проявил свое обезьянье любопытство и потянулся к поршню, но Мириам его удержала.

– Я всего лишь хотел проверить устойчивость этой штуковины, – пробормотал он.

Затем этот огромный блок, три метра в диаметре и два в высоту, скользнул в сторону. Пулу пришлось даже отступить на шаг. Послышался негромкий скрежет металла по камню. В полу открылась круглая дыра, и мне сперва показалось, что она идеально черная. Но потом я заметил какое-то мимолетное золотистое поблескивание и переливы света внутри, какие бывают на пленке мыльных пузырей. Я переставая его видеть, если слегка поворачивая голову.

– Ого! – прокомментироват Гарри Пул. – А из этой дыры исходит какая-то экзотическая радиация. Отойдите-ка от нее. У костюмов мощная экранировка, но пара лишних метров воды не помешают.

Мне такое повторять не надо было. Мы отошли к BET-двигателю, прихватив с собой фонари. Дыра в земле, все еще слегка различимая в отблесках света, походила на этановое озерцо, возле которого лежал металлический монолит люка. Но я и теперь время от времени замечал это эфемерное золотисто-коричневое свечение.

– Похоже на грань интерфейса червоточины, Пул, – заметил я.

– Неплохое наблюдение, – подтвердил Пул. – Мне тоже кажется, что мы видим именно ее. Гарри?

– Да. – Гарри помолчал. – Жаль, что у вас в костюмах нет более чувствительных датчиков. Я полагаюсь на приборы, встроенные в ваши костюмы, приборы внутренней диагностики в BET-двигателе, кое-какие нейтринные потоки…

Да, думаю, мы видим последствия напряжения пространства-времени. Есть и кое-какие интересные оптические эффекты – искаженное поле гравитации работает как линза.

– Значит, это интерфейс червоточины? – спросила Мириам.

– Если это так, то он намного совершеннее тех неуклюжих монстров, что мы соорудили на орбите Юпитера. А что там находится по другую сторону барьера… Наверняка не Титан.

– Осторожнее, – предупредила Мириам.

Мимо нас к дыре проковылял паук. Он постоял на краю, словно озадаченный тем, что дыра открыта. Потом наклонился – совсем как тогда, когда в кратер нырял наш паук, на котором мы прокатились через вулкан, – и скользнул головой вперед в черный диск. Впечатление было такое, словно он упал в лужу масла, которое сомкнулось над ним, – даже не колыхнувшись.

– Я бы не рекомендовал вам следовать за ним, – сказал Гарри. – Там смертельно опасная радиация. Даже в костюмах вам такой переход не пережить.

– Лета… – пробормотал Майкл. Он был разочарован!

– Значит, нас здесь больше ничего не держит? – уточнил я.

– Я тебе кое-что скажу, Эмри, – огрызнулся Майкл. – Я рад, что ты здесь. Всякий раз, когда мы встречаем препятствие, а ты хочешь сдаться, это лишь подстегивает меня искать путь вперед.

– Здесь *нет* пути вперед, – возразил я. – Там смертельно опасно. Так сказал Гарри.

– Мы не можем идти дальше, – согласилась Мириам. – Но как насчет зонда? Чего-нибудь с хорошей защитой от радиации и под управлением искусственного интеллекта? Если повезет, мы сможем просто сбросить его туда и подождать отчета.

– Это должно сработать, – согласился Пул.

И они не колеблясь подошли к BET-двигателю и принялись его потрошить.

Для надежности двигатель имел два блока управления. Один из них Мириам и Пул демонтировали. Это были белые ящики размером с небольшой чемодан, в каждом имелся комплект датчиков, процессор и память. А еще в этих двух блоках хранились резервные копии личностей, снятые с нас перед тем, как мы вошли в атмосферу Титана. Маленькая коробочка могла даже проецировать виртуальные изображения. Как раз сейчас четкое изображение Гарри проецировалось именно с него, а не с оборудования в наших костюмах, как раньше.

Ящичек был достаточно мал, чтобы пройти через интерфейс, и к тому же защищен от радиации. Он должен был выдержать переход через червоточину, хотя никто из нас не мог сказать, выдержит ли он то, что встретит его на другой стороне. А еще он мог работать как приемник и как передатчик. Гарри считал, что сигналы все-таки пройдут через интерфейс, хотя и могут быть повреждены гравитационным искажением и другими

воздействиями. Но он не сомневался, что сможет подобрать алгоритмы декодирования на основе нескольких тестовых сигналов. Словом, этот блок был идеально оснащен, чтобы поработать зондом для спуска в люк, – и не хватало ему всего одной мелочи. Интеллекта.

Майкл погладил ящичек затянутой в перчатку рукой.

– Мы отправляем его в полную неизвестность. Ему придется работать автономно, оценить окружающую среду, обработать показания датчиков, и лишь потом он сможет понять, как с нами общаться и как запрашивать указания. Управление ВЕТ-двигателем – работа очень простая и предсказуемая, так что искин в этом ящичке не в состоянии осуществлять подобные исследования.

– Зато в нем хранятся копии разума четырех человек – меня, покойного Билла и еще вас, двух гениев. Как жаль, что ими нельзя воспользоваться.

Но мой сарказм не вызвал ожидаемой реакции. Пул и Мириам возбужденно переглянулись. Мириам покачала головой.

– Джовик, ты прямо гениальный идиот. К тебе постоянно приходят замечательные идеи. Я думаю, что на самом деле ты гораздо умнее, чем позволяешь себе быть.

– Понятия не имею, о чем ты, – честно ответил я.

– Ты им предложил, – негромко пояснил Гарри, – оживить в этом блоке одну из копий ваших личностей и использовать *ее* в роли управляющего искина.

Пул и Мириам вели себя, как двое нетерпеливых детишек, – как обычно, когда они натыкались на новую идею.

– Если копия проснется и окажется с момента входа в атмосферу Титана прямо в этой нашей временной точке, она испытает шок, – сказал Майкл. – Полагаю, будет менее опасно, если мы спроецируем полную человеческую личность.

– Еще бы, – заметила голова Гарри.

– И еще надо какое-нибудь окружение, – вставила Мириам. – Например, костюм? Нет, плавание в космосе вызывает головокружение. У меня не раз были с этим проблемы.

– Жилой купол «Краба», – предложил Майкл. – Там будет достаточно привычно, чтобы стимулировать адекватную реакцию. Заодно получится хорошая платформа для наблюдений. Энергии хватит, чтобы поддерживать картинку как минимум несколько часов…

– Точно, – улыбнулась Мириам. – Наблюдатель будет чувствовать себя в безопасности. Я над этим поработаю.

– Значит, вы планируете спроецировать виртуальную копию одного из нас через червоточину, – сказал я. – А как вы

собираетесь эту копию вернуть?

Они уставились на меня.

– Это невозможно, – ответил Майкл. – Блок будет утрачен. Зато можно переслать сюда копию воспоминаний, которые виртуал накопит на той стороне, а потом каким-то образом интегрировать их в ту резервную копию, что хранится в BET-двигателе…

– Нет, – с сожалением сказал Гарри, – скорость передачи данных через интерфейс не позволяет даже этого. Для копии в зонде это будет путешествие в один конец.

– Тогда это полностью нарушает законы о защите разума, – вставил я, но меня опять проигнорировали.

– Итак, решено, – подытожил Майкл. – Остался вопрос: кто? Кого из четырех ты пробудишь от киберсна и отправишь в неизвестность?

Я заметил, что бестелесная голова Гарри отвела взгляд, как бы уклоняясь от вопроса.

Пул и Мириам переглянулись.

– Отправиться может любой из нас. Правильно? – уточнила Мириам.

– Конечно.

– Тогда мы должны отправить Билла, – твердо заявила Мириам.

– Да. Иного выбора нет. Билл умер, а мы не сможем вернуть домой его сохраненную резервную копию… Поэтому эту привилегию мы должны предоставить Биллу. Это придаст смысл его жертве.

– Вот как вы обращаетесь с друзьями? – возмутился я. – Сперва убиваете его, а потом оживляете копию и посылаете снова на верную смерть?

Майкл сверкнул глазами.

– Билл отнесся бы к такому решению иначе, уж поверь. У тебя и у такого человека, как Билл Дзик, нет ничего общего, Эмри. Не суди его по себе.

– Прекрасно. Главное, не посылайте меня.

– Даже не подумаю. Ты этого не заслужил.

На подготовку эксперимента им понадобилось лишь несколько дополнительных минут. Никаких физических модификаций блоку управления не требовалось, Мириам быстро запрограммировала нужные инструкции и ввела их в слабенький компьютер блока. К ним она добавила еще небольшое сообщение с объяснением всей ситуации, надеясь, что с его помощью виртуальный Билл не окажется в шоке при внезапном

пробуждении, которое его ждет.

Майкл поднял блок, и мы подошли к интерфейсу – точнее, приблизились ровно настолько, насколько велел Гарри. Затем Пул поднял блок над головой.

– Удачи, Билл.

И он бросил блок в сторону интерфейса – или, скорее, толкнул: при небольшом весе инерция у ящичка была такой же, как и на Земле. Кроме того, блоку предстояло одолеть сопротивление вязкой воды. Несколько секунд казалось, что он не долетит до цели.

– Надо было разок-другой потренироваться, – с сожалением заметил Майкл. – Никогда не видел практического смысла в спорте.

Но все же бросок оказался точен. Блок чиркнул по краю отверстия, кувыркнулся вперед и медленно, как во сне, прошел сквозь черную поверхность. Пока он тонул, вокруг него замерцало осеннее золото.

Затем нам пришлось ждать – нашей троице и Гарри. Я уже начал сожалеть, что мы не договорились о каком-то лимите времени перед выходом на связь: одержимые вроде Майкла и Мириам могли стоять там часами, прежде чем признали бы неудачу.

Но в реальности прошло всего несколько минут, и в наших шлемах прозвучал хрипловатый голос:

– Гарри! Ты меня слышишь?

– Да! – откликнулся ухмыляющийся Гарри. – Да, я тебя слышу. Качество приема должно улучшиться, питому что алгоритмы очистки сигнала пока работают. У тебя все в порядке?

– Ну, я сижу в жилом куполе «Краба». Должен признать, у меня был шок – оказаться здесь снова после того, как ты дал мне пинка перед посадкой на Титане. Твои пояснения очень пригодились, Мириам.

– Что ты видишь? – спросил Майкл.

– Звездное небо… И оно какое-то странное.

На лице Мириам появилась озадаченность. Она повернулась и уставилась на Гарри.

– И странное не только небо. Это не Билл!

– Действительно, не Билл, – раздался голос с другой стороны дыры. – Я Майкл Пул.

Глава четырнадцатая
Виртуал

И вот, пока внезапно оживший Майкл Пул болтался где-то в другом пространстве, его оригинал и его не-любовница Мириам Берг яростно ругались с Гарри.

Майкл подбежал к оставшемуся блоку управления BET-двигателем и проверил содержимое его памяти. Резервных копий нашей четверки там не оказалось. Там была лишь одна копия – самого Майкла Пула, причем сверхвысокого качества. Я так и не смог решить, что напугало меня больше: мысль о том, что в этой поблескивающей белой коробке нет моей копии, или то, что я прежде верил, что она там есть. Я вообще склонен к экзистенциальным сомнениям, и такие размышления мне неприятны.

Но разгневанного Майкла подобные тонкости не волновали:

– Мириам, клянусь, я ничего об этом не знал!

– О, я тебе верю.

Они уставились на старшего Пула.

– Гарри! – рявкнул Майкл. – Что это еще за фокусы?

Взгляд у бестелесной головы Гарри был плутоватый, но он явно решил, что наглость поможет разрулить ситуацию.

– По моему мнению, извиняться тут не за что. Объем имеющейся на «Крабе» памяти всегда ограничен, а в гондоле он был еще меньше. Майкл мой сын. Разумеется, я стал бы оберегать его больше, чем остальных. А что бы вы сделали на моем месте? Мне очень жаль, Мириам, но…

– Ни черта тебе не жаль, – процедила Мириам. – Ты – хладнокровная сволочь. Ты сознательно послал на смерть в червоточину копию своего сына, которого, как ты говорил, должен оберегать!

– Это всего лишь копия, – смутился Гарри. – Есть и другие, более ранние копии…

– Да пошел ты в Лету, папуля! – прервал его Майкл и отошел, стиснув кулаки. А я стал гадать, сколько подобных стычек с отцом ему пришлось перенести за свою жизнь.

– Что сделано, то сделано, – послышался шепот. Они сразу прекратили ругань, потому что заговорил Майкл Пул – недавно разбуженная копия Пула, находящаяся за пространственно-временным барьером. – Я знаю, что у меня мало времени. Попробую переслать вам изображения…

Гарри – возможно, с благодарностью – исчез, освободив тем

самым доступные вычислительные мощности, хотя я не сомневался, что его оригинал наблюдает за нами с «Краба».

– Говори с ним ты, – прошептал Майкл Мириам. – Может быть, так ему будет легче, чем разговаривать со мной.

Идея ей явно не понравилась, но все же она согласилась.

– Хорошо.

Постепенно в воде перед нами стали возникать изображения – с ограниченным углом зрения, зернистые и нечеткие.

И мы увидели странное небо виртуального Майкла.

Виртуальный «Краб» висел над небольшим объектом, похожим на ледяную луну, – такие же спутники, братья Титана, вращаются вокруг Сатурна. Бледную планетку испещряли старые ударные кратеры, и еще я увидел, что ее поверхность усеяна идеально круглыми черными отверстиями. Они выглядели в точности как наш люк, и наш зонд наверняка вылетел из такой дыры. Существа, похожие на здешних пауков, сновали вокруг дыр, переползая между кучами каких-то припасов. Из-за большого расстояния разглядеть их четко не получалось. Всю картину заливал бледно-желтый свет, рассеянный и лишенный теней.

– Как думаешь, остальные интерфейсы охватывают весь Титан? – спросил Пул-оригинал.

– Думаю, да, – ответила Мириам. – Наша глубоководная пещера, где генерируется метан, не может быть единственной. А для пауков прохождение через червоточины и обратно может быть способом унификации их действий по всей планете.

– Значит, найденный нами интерфейс на внешней выпуклой поверхности ядра Титана – это лишь один из многих ему подобных, которым соответствуют другие червоточины на внешней выпуклой поверхности этой ледяной луны. Причем когда проходишь через интерфейс, кривизна меняется на противоположную.

Эта мысль меня поразила: достаточно трудный для восприятия парадокс, но Пул ведь был инженером по червоточинам и привык к тонкостям понимания пространства-времени. Инженеры манипулируют им и скручивают его через измерения более высокого порядка. Умозрительное наложение двух выпуклых поверхностей было для него, очевидно, детской игрой.

– Но где ты находишься? – спросила Мириам виртуального Пула. – Это ледяная луна, очень распространенный объект. Он может находиться во вселенной где угодно. Даже в каком-нибудь уголке нашей Солнечной.

– Не торопись с выводами, Мириам, – ответил виртуальный Пул. Голос его был хрипловатым из-за искажений в канале

связи. – Смотри.

Точка зрения переместилась, и мы увидели небо виртуального Майкла.

Над головой висело огромное искаженное солнце. На его фоне виднелись брызги планетоидов, видимые в фазах от серпов до полумесяцев. Некоторые были совсем черными – в фазе затмения, на фоне чудовищного по размерам светила. За его лимбом висели другие звезды, но они также были разбухшими, бледными монстрами – мы видели их искаженные диски. А пространство между звездами выглядело не полностью черным, но с бледным оттенком темнокрасного, и оно было пронизано своеобразной сетью из нитей и узлов. Эта картина напомнила мне то, что я видел, когда закрывал глаза.

– Какое небо, – прошептал Майкл.

– Майкл, ты явно далеко от дома, – сказала Мириам.

– Да, – ответил виртуальный Майкл. – Эти звезды не укладываются в нашу главную последовательность. И у них простые спектры, почти без тяжелых элементов. Думаю, они больше напоминают протозвезды нашей молодой вселенной – первое поколение звезд, сформировавшееся только из водорода и гелия, сразу после Большого Взрыва.

– И никаких металлов, – заметила Мириам.

– Я перешлю данные, которые сейчас собираю…

– Уже принимаю, сынок, – произнес голос Гарри.

Мои спутники предоставили говорить виртуальному Пулу. Слова и тщательные наблюдения человека, находящегося так далеко от дома (а если и не человека, то его копии, испытывающей вполне человеческие чувства), поражали своим мужеством.

– Это не наша вселенная, – прошептал он. – Думаю, это ясно. Эта вселенная молодая и маленькая – судя по кривизне пространства-времени, ее диаметр всего несколько миллионов световых лет. Вероятно, ее размера не хватило бы, чтобы включить нашу локальную группу галактик.

– Может, это карманная вселенная? – предположила Мириам. – Аппендикс нашей.

– Я не могу поверить, что существа, которых ты называешь пауками, возникли здесь, – возразил виртуальный Пул. – Ты сама это сказала, Мириам. Здесь нет металлов, их нет во всем этом космосе. Вот почему они извлекают металлы из наших зондов и метеоритов.

– Значит, они прибыли из другого места, – решил Пул. – Судя по собранным с пауков образцам, в их элементном составе нет ничего странного. Получается, их сделали где-то в нашей

вселенной. А эта карманная вселенная – всего лишь транзитный переход. Наподобие космопорта возле Земли.

– Да, – согласился виртуал. – Не исключено, что на других лунах в моем небе находятся врата на другие Титаны – где поддерживаются другие экосистемы. Возможно, на других биологических основах. Другие эксперименты.

– Но если металлы настолько важны для пауков, то почему бы не поставлять их сюда через транзитный узел? – спросила Мириам.

– Быть может, когда-то так и делалось, – ответил виртуал. – Может, там, внизу, что-то сломалось. Здесь есть ощущение возраста, Мириам. Здешний космос, возможно, и молод, но само это место очень старое…

– Разумно, – пробормотал реальный Пул. – Ось времени в этой маленькой вселенной не обязательно должна быть изоморфна нашей. Миллион лет там, миллиард лет здесь.

– Пауки на Титане трудятся над своей задачей уже очень давно, – прошептал виртуальный. – Кто бы их ни изготовил или ни вывел, он забросил их давным-давно, и с тех пор они здесь одни. И продолжают работать как могут.

Когда я на них смотрю, у меня возникает впечатление, что они не очень умны. Они просто выполняют свою функцию.

– Но они хорошо справляются, – заметила Мириам.

– Да, хорошо.

– Но зачем? – выпалил я. – В чем тут смысл? Для чего миллиарды лет заботиться об экосистеме Титана? И еще, наверное, тысячи других планет?

– Кажется, у меня есть идея на этот счет, – ответил виртуальный Пул. – Вспомните, что я не высаживался на Титан. Наверное, оказавшись в этой ситуации так внезапно, в то время как вы подходили к открытию постепенно, я вижу ее иначе…

Подобно тому как эта карманная вселенная является местом пересечения, может быть, точкой пересечения является и Титан – тем пристанищем, где могут сосуществовать различные виды жизни. Вы нашли здесь местных аммоновых рыб, органические губки, которые могли попасть сюда из внутренней системы, а то и с Земли, и силаны с Тритона и планетоидов за ним. Быть может, вы найдете и других, если у вас будет время поискать. Все эти виды жизни зародились в разных условиях, но у них есть одна общая особенность. Все они родились на планетах с небесами и океанами, на планетах, согретых звездами.

Но звезды не будут светить вечно. В будущем вселенная изменится, пока не станет напоминать нынешнюю даже меньше, чем наша вселенная походит на этот молодой карликовый

космос. А что потом? Так вот, если вас заботит сохранение жизни, всех форм жизни, в очень далеком будущем, то, наверное, можно предложить…

– Симбиоз, – закончила мысль Мириам.

– Вот именно. Возможно, Титан – своего рода прототип экосистемы, в которой формы жизни с таким разным происхождением могут смешиваться, находить способы сосуществовать и выживать…

– И в конечном итоге каким-то образом слиться, – договорила Мириам. – Что ж, такое уже бывало. Каждый из нас – это сообщество некогда раздельных и очень разных форм жизни, которые теперь совместно трудятся в каждой нашей клетке. Очень приятный образ, Майкл.

– И правдоподобный, – угрюмо вставил его оригинал. – Во всяком случае, это хоть какая-то гипотеза. Сойдет до тех пор, пока не придумают что-нибудь получше.

Я усмехнулся. Эту мечту о космическом сотрудничестве я воспринял как романтическую фантазию одинокого человека, обреченного вскоре умереть. Мы все проецируем свои жалкие жизни на вселенную. Но лучших предложений или теорий у меня не нашлось. И, как знать, – быть может, виртуальный Пул прав? Никто из нас не доживет, чтобы узнать правду.

– Короче, – сказал я. – Все это прелестно и очаровательно, но теперь-то мы покончили с делами?

– Мы не можем бросить Майкла, – резко возразила Мириам.

– Уходите, – прошептал виртуальный Пул. – Вы ничего не сможете для меня сделать. А я буду наблюдать и докладывать, пока смогу.

Меня аж затошнило от его благородства.

Но тут в разговор вмешался Гарри:

– У нас еще осталось одно незавершенное дело.

Глава пятнадцатая
Решение

– Какое еще дело? – нахмурился Пул.

– Мы прилетели сюда доказать, что на Титане нет разумной жизни, – сказал Гарри. – Что ж, тут мы ошиблись. И что дальше?

Мириам явно озадачило, что мы вообще начали этот разговор.

– Мы доложим о находках комиссии по надзору за соблюдением законов о разумных существах и еще куда следует. Это крупное открытие. Нас накажут за высадку на Титане без разрешения, но…

– И это вот итог ваших амбициозных затей? – рявкнул я. – Надеяться, что власти проявят снисхождение, если сообщить им об открытии, которое вас погубит?

– А у нас есть варианты? – изумилась Мириам.

– Разве это не очевидно? – Я посмотрел на нее, на Пула (тот наверняка гадал, что я собираюсь сказать) и на Гарри – тот отвел взгляд, как обычно делал в критические моменты. После нескольких дней бессмысленных чудес я вдруг оказался в своей стихии, в мутном мире человеческих отношений. И я видел путь вперед там, где его не видели они.

– Уничтожьте это. – Я обвел рукой пещеру. – Все уничтожьте. У тебя же есть гранаты, Мириам. Ты можешь обрушить эту пещеру.

– Есть и другой вариант, – заговорил Гарри. – ВЕТ-двигатель. Если его взорвать, здесь высвободится энергия единого поля, и интерфейс червоточины тоже наверняка будет разрушен. Пожалуй, даже связь между Титаном и той карманной вселенной будет разорвана навсегда.

Я кивнул.

– Я об этом не думал, но мне нравится твой стиль, Гарри. Сделайте это. Накройте это место сотнями километров воды и льда. Уничтожьте свои записи. Это никак не проявится на поверхности, на процессах в атмосфере. Во всяком случае, не сразу. Никто даже не узнает, что здесь что-то было.

– Верно, – согласился Гарри. – Даже если генерация метана остановится немедленно, остаточного метана в атмосфере хватит примерно на десять миллионов лет. И рискну предположить, что если разные формы жизни не научатся сотрудничать за это время, то не научатся никогда. Десяти мегалет для проверки точно хватит.

Мириам уставилась на Гарри, придя в ужас от его слов.

– Вы предлагаете совершить чудовищное преступление, – выдохнула она. – Сама мысль об уничтожении такого чуда, продукта миллиардов лет… и уничтожить его ради личной выгоды! Лета! Майкл, даже если отбросить в сторону мораль, ты ведь ученый, как ты можешь одобрить такое!

– Я больше не ученый, Мириам, – со страданием в голосе ответит Майкл. – Я инженер. Я строю и создаю. Я даже сочувствую целям создателей пауков. А строю я лучшее будущее для всего человечества – вот во что я верю. И если ради достижения этого будущего надо пойти на компромисс… что ж, возможно, создатели пауков тоже стояли перед аналогичным выбором. Кто знает, что они нашли на Титане до того, как начали здесь работать?..

Полагаю, в этой краткой исповеди были сконцентрированы и величие Майкла Пула, и его грандиозная безрассудность. В тот момент я задумался, сколько вреда этот человек сможет причинить всем нам в будущем, со всеми его червоточинами и прыгающими во времени звездолетами. И какие ужасы он, ослепленный этими идеями и образами, может выпустить на волю.

– Давайте голосовать, – неожиданно предложил Гарри. – Тот, кто за уничтожение пещеры, пусть скажет «да».

– Нет! – бросила Мириам.

– Да, – сказали одновременно оба Пула.

– Да, – сказал я, но они тут же отмахнулись, что у меня нет права голоса.

Но это уже не имело значения. Решение было принято. И они стояли, глядя друг на друга, словно ужасаясь содеянному.

– Добро пожаловать в мой мир, – цинично произнес я.

Майкл отправился готовить ВЕТ-двигатель к последнему заданию. Мириам в гневе собирала оборудование, свой ранец с научными образцами и связки веревок.

А передо мной возникла голова Гарри.

– Спасибо, – сказал он.

– Ты ведь хотел, чтобы это предложение сделал я?

– Ну, я на это надеялся. Если бы предложил я, они бы отказались. А Майкл никогда бы меня не простил. – Он ухмыльнулся. – Я знал, что есть причина, почему я захотел взять тебя с нами, Джовик Эмри. Ты хорошо поработал. И свое предназначение ты выполнил.

– Мириам, – заговорил виртуальный Пул из маленькой вселенной.

– Я здесь, Майкл.

– Не знаю, сколько мне еще осталось. Что произойдет, когда кончится энергия?

– Я запрограммировала симуляцию так, чтобы все выглядело естественно. Все будет так, как если бы в жилом куполе «Краба» отказало энергоснабжение. – Вздохнув, она добавила: – Конечно, у тебя есть и другие варианты, как все закончить еще раньше.

– Знаю. Спасибо. Как думаешь, кто они? Те, кто создал пауков. Они и эту карманную вселенную создали? Или она была построена для них? Как убежище?

– Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем. Майкл, мне так жаль. Я…

– Не надо. Ты ведь знаешь, что я бы сам такое выбрал. Но не хотелось расставаться с тобой… Мириам, присмотри за ним. За Майклом. Ты нужна мне… нам.

Она взглянула на настоящего Майкла, который возился с двигателем.

– Посмотрим, – ответила она.

– И скажи Гарри… Ну, ты знаешь.

Она подняла руку.

– Майкл, прошу тебя…

– Хватит.

Изображения, которые он нам проецировал, рассыпались на пиксели, а в наушниках исчезло слабое шипение волны, передававшей его голос. Оставшись совсем один во вселенной, он отключился.

К Мириам неуверенно приблизился настоящий Майкл.

– Все готово. Двигатель запрограммирован. Пора уходить, Мириам. Как только мы отсюда выберемся…

Она отвернулась, ее лицо исказила почти что ненависть.

Глава шестнадцатая
Восхождение

Накинув сбрую на паука, не подозревающего о грядущей судьбе его обширного и древнего проекта, мы поднимались наверх в полной темноте. У нас ушли дни, чтобы сюда спуститься, и уйдут дни, чтобы вернуться на поверхность, – где, как пообещал Гарри, нас будет ждать новый воздушный шар.

На этот раз, хоть мне и предложили сбежать в бессознательное состояние, я не спал. У меня было нехорошее предчувствие, что последний акт этой маленькой драмы еще не сыгран. И я хотел его увидеть.

Мы уже преодолели нижние ледяные слои и поднимались сквозь двести пятьдесят километров подземного моря, когда таймер Мириам сообщил, что далеко внизу взорвался двигатель. Изолированные толщей льда, мы ничего не почувствовали. Но мне показалось, что паук, несущий нас к свету, на долю секунды замер.

– Дело сделано, – твердо произнес Майкл. – Назад пути нет.

После выхода из пещеры Мириам с ним почти не разговаривала. Она даже чаще обращалась ко *мне.* Но теперь она заговорила.

– Я много думала. Я не смирюсь, Майкл. И мне плевать на тебя, на Гарри и на ваше проклятое голосование. Как только мы вернемся домой, я сообщу обо всех наших открытиях.

– У тебя нет доказательств…

– Меня воспримут достаточно серьезно. Рано или поздно кто-нибудь снарядит другую экспедицию и подтвердит мою правоту.

– Ну ладно.

Таков был его ответ. Но я знал, что все еще не окончено. Он не хотел встречаться взглядом с моими насмешливыми глазами.

И я совершенно не удивился, когда через двенадцать часов, пока Мириам спала, привязавшись к сетке на спине паука, Майкл достал из ранца два флакона и прижал один к клапану на ее ноге, а второй – к клапану на пояснице.

– Ты собираешься отредактировать ее, – прокомментировал я, наблюдая за ним. – Спланировал это вместе с папочкой?

– Заткнись, – огрызнулся он.

– Ты извлечешь ее из головы, поиздеваешься над воспоминаниями, над самой ее личностью, а потом зальешь результат обратно. И во что ты заставишь ее поверить? Что она все это время оставалась на «Крабе» с Гарри, а ты высадился на

Титан, но ничего не нашел? Пожалуй, это сработает.

– Мне нечего тебе сказать.

Зато я хотел ему сказать много всякого разного. Я сам не святой, но Пул вызывал у меня такое отвращение, какое может испытывать только человек, лишенный морали сам.

– Я думал, ты любишь ее. Я даже думал, что она тебя любит. И все же ты готов залезть к ней в голову и в сердце, лишь бы удовлетворить свои грандиозные амбиции. Я тебе кое-что скажу. Тот Майкл, которого она оставила в карманной вселенной, с которым она попрощалась навсегда, был куда лучшим человеком, чем ты способен когда-либо стать. Потому что он не был запятнан огромным преступлением, которое совершил ты, взорвав пещеру. И потому что он не был запятнан *этим.*

И я тебе кое-что предскажу. Неважно, чего ты добьешься в будущем, Майкл Пул, это преступление всегда будет глодать тебя изнутри. И Мириам никогда не полюбит тебя. Даже если ты сотрешь ей воспоминания об этих событиях, между вами всегда будет невидимый барьер, потому что она почувствует ложь. Она уйдет от тебя, а потом ты уйдешь от нее. И еще ты убил Титан. Однажды, через миллионы лет, воздух здесь замерзнет и прольется дождем, и все живое умрет. Только из-за того, что ты сегодня натворил. И знаешь, Пул, быть может, те, чей труд ты погубил, однажды заставят тебя расплатиться за это.

Он был открыт и беззащитен, а я хлестал его словами. Ему нечего было ответить. Он лишь баюкал спящую Мириам, пока его машины высасывали ее память.

Мы больше не разговаривали, пока не выбрались под мрачное небо Титана.

Эпилог
Зонд

Майклу не понадобилось много времени, чтобы проверить состояние его хрупкого кораблика.

Энергии во внутренних батареях хватит на несколько часов. Насколько он мог судить, действующая связь между куполом и остальной частью «Краба» отсутствовала, механизмы управления здесь не работали. Наверное, созданная Мириам симуляция была на такое не способна. Значит, запаса энергии у него нет.

Он не стал ворчать по этому поводу, и будущего он тоже не боялся. Что будет, то будет.

Вселенная вокруг него была странной и чужой. Трудолюбивые пауки на ледяной планетке вели себя как машины – не живые и не разумные. Ему надоело за ними наблюдать. Он включил свет, зеленый и красный. Купол стал изолированным пузырьком, кусочком Земли.

Во всей этой вселенной Майкл был совершенно одинок. Он чувствовал это.

Он приготовил себе поесть. Здесь, в его личном пространстве, симуляция была хороша, и он не обнаружил каких-либо ограничений или проблем. Мириам создала ее с любовью. Привычные манипуляции, совершаемые в ярком островке света вокруг кухоньки, оказались на удивление приятными.

Он перенес еду к кушетке, улегся на спину, держа тарелку, и приглушил в куполе свет. Доев, он аккуратно поставил тарелку на пол. Выпил стакан воды.

Затем прошел в душ и встал под струи горячих капель. Он попытался раскрыть свои чувства, насладиться каждой частичкой ощущений. Настал последний раз для всего, даже для самых обычных дел. Может, включить какую-нибудь музыку или почитать книгу? Что-нибудь, подходящее по настроению.

Свет погас. Даже приборные панели отключились.

Что ж, музыки не будет. Он вернулся к кушетке, лег. Хотя небо было ярким от света протосолнца, воздух становился все холоднее. Он представил, как из купола утекает тепло. Что погубит его быстрее – холод или недостаток кислорода?

Майкл не боялся. И не жалел, что потерял так много лет потенциальной жизни, подаренных АнтиСтарением. Как ни странно, он ощущал себя обновленным – молодым, впервые за десятилетия. Наверное, потому, что на него больше не давил груз времени.

Он жалел только о том, что никогда не узнает, чем закончатся его отношения с Мириам. У них могло что-то получиться. Но в конце он понял: он рад, что прожил достаточно долго, чтобы увидеть то, что должен был увидеть.

Он начал дрожать, воздух стал покалывать ноздри. Он лег поудобнее и сложил на груди руки. Закрыл глаза.

Его лицо пересекла тень.

Он открыл глаза, посмотрел вверх. Над куполом завис корабль.

Умирающий Майкл разглядывал его с удивлением.

Корабль был похож на кленовое семя, обернутое во что-то черное. Угольночерные крылья, тянущиеся на сотни километров, распростерлись над «Крабом» и мягко колыхались.

Холод впился когтями ему в грудь, горло свело спазмом, а темные облака затуманили зрение. «Только не сейчас, – мысленно взмолился он, не сводя умирающих глаз с корабля. Его элегическое смирение рассеялось как дым. – Еще чуть-чуть. Я должен узнать, что это означает! Пожалуйста…»

Сознание Пула напоминало умирающий огонек свечи. И теперь этот огонек как будто отделили от фитиля. Этот огонек, с его крошечным страхом, его удивлением и беспомощным стремлением выжить, был вплетен в паутину квантовых функций, беспричинных и нелокальных.

Прозрачный купол лишился последних остатков тепла, воздух в нем начал замерзать над приборными панелями, кушетками, кухней и распростертым телом. И корабль, и все его содержимое, более ненужные, рассыпались на облачко пикселей.

Дэмиен Бродери
Под лунами Венеры

Австралийский писатель, редактор, критик, футуролог, а также старший научный сотрудник Школы культурных коммуникаций при университете Мельбурна Дэмиен Бродерик опубликовал свой первый рассказ в антологии Джона Карнелла «Новые научно-фантастические произведения – 1» («New Writings in SF 1») в 1964 году. В последующее десятилетие благодаря устойчивому потоку фантастических, документальных, футурологических и критических работ автор многократно становился лауреатом премий Дитмара и «Ауреалис». В 1970 году был напечатан первый роман Бродерика «Мир колдунов» («Sorcerer's World»), а его доработанная версия вышла в Соединенных Штатах под названием «Черный Грааль» («The Black Grail»). Среди других сочинений автора следует отметить романы «Спящие драконы» («The Dreaming Dragons»), «Мандола Иуды» («The Judas Mandala»), «Передатчики» («Transmitters»), «Полосатые дыры» («Striped Holes») и «Белый абак» («The White Abacus»), а также книги, написанные совместно с Рори Барнсом и Барбарой Ламар. Многочисленные рассказы Бродерика вошли в сборники «Человек возвращается» («A Man Returns»), «Темнота между звезд» («The Dark Between the Stars»), «Кости дяди. Четыре научно-фантастические повести» («Uncle Bones: Four Science Fiction Novellas») и «Двигатель. Научно-фантастические рассказы» («The Quilla Engine: Science Fiction Stories»), Кроме того, его перу принадлежит классическая футурологическая работа «Скачок. Как стремительно развивающиеся технологии преображают нашу жизнь» («The Spike: How Our Lives Are Being Transfoimed by Rapidly Advancing Technology»), критический обзор научной фантастики «Чтение при свете звезд. Постмодернистская научная фантастика» («Reading by Starlight: Postmodern Science Fiction»). В качестве составителя Бродерик выпустил нон-фикшн-антологию «Годмиллионный. Наука на дальнем краю знания» («Year Million: Science at the Far End of Knowledge»), научно-фантастическую антологию «Земля – всего лишь звезда. Экскурсии через научную фантастику к далекому будущему» («Earth Is But a Star: Excursions Through Science Fiction to the Far Future») и три сборника австралийских авторов: «Машина духа времени» («The Zeitgeist Machine»), «Странные аттракторы» («Strange Attractors») и «Матильда со скоростью света» («Matilda at the Speed of Light»). В настоящее время писатель живет в Сан-Антонио, штат Техас.

За последние несколько лет Бродерик в своем творчестве отдал дань уважения Кордвейнеру Смиту, Роджеру Желязны и Филипу Дику. Каждое из этих его произведений обладает множеством достоинств, чтобы, их рекомендовать к прочтению, но я считаю, что опубликованный ниже рассказ – дань уважения Бродерика покойному Дж. Г. Балларду – пока лучший из них, если судить по справедливости. В нем Бродерик сумел осмыслить влияние Балларда на него самого и встроить это в свой рассказ со всей присущей ему силой, естественностью и чувственностью, а не создать некую стилизацию под Балларда, который ничего подобного бы не написал, – но и Бродерик не написал бы такого, не прочитав Балларда.

1

Долгим жарким и влажным днем Блэкетт упорно измерял шагами наружные размеры большого храма Петры, сравнивая их с черным асфальтом заброшенных автостоянок и пытаясь отыскать тропинку обратно на Венеру. Бледные прямоугольники, простираясь во все стороны наподобие уравнений какой-то оккультной геометрии, всё еще отмечали, где зарезервированы места для персонала, давно покинувшего кампус. Позднее, когда тени потянулись через почти заброшенный индустриальный парк, он снова оценил вероятность того, что угодил в капкан заблуждений или даже психоза. На краю разросшегося высохшего газона попалась раздавленная банка из-под «Пепси», из которой еще торчала желтая пластиковая соломинка. Блэкетт лениво пнул жестянку.

– Беркли был неправ, материальное существует, – пробормотал он, едва заметно улыбнувшись.

Банка крутанулась и упала обратно на траву. Он увидел, как побег вьюнка обхватил ее сплющенную талию. Потом зашагал обратно к разваливающемуся дому, присвоенному им после кого-то из прежних богатых директоров, и, взглянув на пилотские часы «IWC Флигер Хроно», сделал себе мысленную пометку, что должен вернуться домой за десять минут до ежедневного сеанса с терапевтом.

2

Спокойная, в леденяще дорогом бледно-голубом летнем платье от Милы Шён, с яркими карминовыми ноготками, выглядывающими из открытых сандалий «Феррагамо Пенелопа», Клэр оценила его взглядом – прелестная, стройная, профессионально сочувствующая. Она сидела напротив него на переднем крыльце старого дома, плавно раскачиваясь на подвесных качелях.

– Твоя проблема, – сказала психиатр, – у нас называется отсутствием аффекта. Ты отключил и блокировал свои эмоциональные отклики. Ты должен знать, Роберт: это вредно для здоровья и неприемлемо.

– Конечно, я знаю, – ответил он, слегка раздраженный ее снисходительным тоном. – Иначе зачем бы я ходил к тебе на консультации? Хотя пользы от них и немного, – язвительно добавил он.

– Нужно время, Роберт.

3

Позднее, когда Клэр ушла, Блэкетт уселся возле безмолвной аудиосистемы и налил себе на два пальца бренди «Хеннесси ХО». Это было лучшее, что он смог отыскать в почти опустошенном супермаркете, – или, во всяком случае, наименее негодное для употребления внутрь. Он глотнул и ощутил, как по горлу побежал вниз жидкий огонь. Несколько месяцев назад удалось отсыкать единственную бутылку кокосового бренди «Мендис» в подвале огромного загородного дома, но та уже кончилась. Он посидел еще немного, встал, почистил зубы, сходил в туалет и выпил полный стакан солоноватой воды из-под крана. Отыскал компакт-диск Филипа Гласса, скормил проигрывателю и лег в кровать. Повторы и старомодность Гласса вскоре убаюкали Блэкетта. Проснулся он в три часа ночи, с колотящимся сердцем. От абсолютной тишины. Он выругал себя за то, что забыл нажать на проигрывателе кнопку автоматического повтора, и Гласс замолчал вместе с остальным человечеством. Блэкетт коснулся лба. Пальцы увлажнились от пота.

4

Утром он пришел на аэродром индустриального парка, выкатил из ангара «Сессну-182» и заправил ее баки. Как ни удивительно, электрический насос и прочие системы все еще действовали, получая энергию от черных панелей солнечных батарей, ориентированных на юг и восток и поворачивающихся в течение дня вслед за солнцем. Почти не задумываясь, он с легкостью эксперта выполнил предполетную проверку и машинально включил радио, но услышал только шум несущей частоты. В башне управления никого не было. Блэкетт вывел самолет на слегка потрескавшийся асфальт и взлетел навстречу свежему бризу. Он летел над полями, ждущими посева и прекрасно видимыми в кристально чистом воздухе. Время от времени пролетали стайки птиц, стараясь не пересекать его курс. На дорогах внизу движения практически не было. Две или три машины подняли пыль на неухоженном шоссе, да проехал грузовик, доверху загруженный мебелью и постельными принадлежностями. Такое показалось Блэкетту абсолютной бессмыслицей – почему бы не выбрать себе подходящий дом, как это сделал он сам, и не обходиться той обстановкой, что есть?

Еще до полудня он приземлился на заброшенной авиабазе на острове Матагорда, в нескольких сотнях метров от океана. Он посидел немного, слушая, как потрескивает остывающий мотор, и разглядывая два разваливающихся биплана «Стирман», брошенные ржаветь в соленом морском воздухе. Самолетам было не менее ста лет, и когда-то их с любовью отреставрировали для авиационных шоу и воздушной акробатики. Теперь обтягивавшая их ткань обвисла, а с фюзеляжа и крыльев, раскрашенных красными и зелеными полосами, облупилась краска. Самолеты просели в горячий асфальт, когда резиновые шины сгнили из-за разъедающего океанского воздуха и безжалостного солнечного ультрафиолета.

Свой самолет Блэкетт оставил на взлетном поле, не намереваясь задерживаться здесь надолго. Он прошел до конца взлетной полосы и вышел на длинную ленту травы, простирающуюся до океана. Носки и штанины вскоре покрылись цепкими репейниками. На песчаный пляж он вышел, когда солнце стояло прямо над головой. Когда он прошагал вдоль берега около полумили, жалея, что не догадался прихватить шляпу, на пляж выбежал пес и затрусил рядом.

– Ты Блэкетт, – сказал пес.

– Говорящий пес?

– Я предположил, что это наверняка ты. Сейчас здесь редко встретишь человека.

Блэкетт промолчал. Он взглянул на пса, не испытывая желания разговаривать. Животное выглядело вполне здоровым и упитанным – рыжий сеттер с длинной шерстью, распушившейся в соленом воздухе. Лапы оставляли на белом песке цепочку следов, параллельную следам Блэкетта. Нет ли какого оккультного значения и в этой простейшей из геометрий? Если есть, то океан вскоре сотрет его, когда надвинется на берег, побуждаемый солнечным приливом, и вычистит пляж ленивыми языками волн.

Вдоль кромки застойной воды протянулась полоса водорослей, темно-зеленых и вонючих. Запыхавшись, Блэкетт сел и безутешно уставился вдаль, за медленные и плоские волны отлива. Пес подбежал и улегся на песок поблизости. Блэкетт знал, что никогда не осмелится сидеть здесь после заката, в темноте, оживленной тысячами ярких звездных точек и парочкой планет, но без Луны. Ее больше не будет никогда. Однажды он отважился прийти сюда на закате и невысоко над темно-индиговым горизонтом ясно увидел четкий голубой диск Венеры, а по бокам от него – два спутника планеты. Ганимед, сохранивший тонкую атмосферу, остался бледно-коричневым. Луна с такого расстояния выглядела яркой точкой. Земной наблюдатель уже никогда не увидит невооруженным глазом ее изрытый оспинами лик, скрытый под новой, невероятно плотной, атмосферой из углекислого газа.

Он заметил, что пес настороженно подкрадывается, помахивая хвостом и отведя глаза, лишь иногда бросая на него быстрый взгляд.

– Послушай, – сказал Блэкетт, – я предпочел бы побыть один.

Пес сел и лающе хохотнул. Затем посмотрел по сторонам, подозрительно разглядывая раскаленный пустой пляж.

– Знаешь, приятель, я бы сказал, что твое желание уже исполнилось, даже более чем.

– Кроме меня, сюда никто не приплывал уже много лет. Тут есть старая авиабаза, ее закрыли уже…

Блэкетт смолк. Это не было ответом на то, что подразумевая пес. Только признанием, что обычно в это время года другие, более доступные, пляжи кишели вопящими детьми и их мамашами, которые прогуливались или жарились на солнце, обмазанные защитными лосьонами; толстяки перекусывали возле деловито торгующих лотков, а головы энергичных пловцов мелькали среди увенчанных белыми барашками волн. Теперь же на туристические пляжи, как и здесь, наползали пустые волны, похожие на плоские отравленные валы на месте крушения

танкера «Эксон Вальдес», случившегося через двадцать лет после того, как человек впервые ступил на ныне отсутствующую Луну.

– Я не это имел в виду, – ответил он.

Но пес был прав: изоляция была для него более подходящей. И все же страстное желание присоединиться к остальному человечеству на Венере жгло ему грудь, словно сердечная боль.

– Так я тебя и не виню, приятель. – Пес наклонил изящную голову. – Слушай, мне следовало представиться. Я Спорки.

Блэкетт кивнул в ответ.

– Так ты полагаешь, что это катаклизм сингулярности? – осведомился пес, помолчав.

Блэкетт встал, стряхнул песок с ног и брюк.

– Уж руку Иисуса я здесь точно не подозреваю. И не думаю, что меня Оставили Позади.

– Эй, не уходи так сразу. – Пес вскочил и последовал за ним на безопасном расстоянии. – Знаешь, это могли быть и инопланетяне.

– Слишком много говоришь, – сказал Блэкетт.

5

Приземлившись позднее в тот же день и все еще ощущая себя освеженным после часа, проведенного в воде, он увидел сквозь колышущуюся завесу горячего поднимающегося воздуха довольно грязную полицейскую машину. Она проехала через неохраняемые ворота и покатилась по взлетной полосе к ангарам. Блэкетт медленно подвел самолет к ангару, затормозил и открыл дверцу. Сержант выбрался из своего «Форда Краун Виктория», снял фуражку и принялся обмахиваться, остужая раскрасневшееся лицо.

– Увидел, как вы подлетаете, док, – пояснил Джейкобс. – Решил, что не станете возражать, если я вас подвезу. Чертовски жарко сегодня, не лучшая погода для прогулок.

С этим было не поспорить. Блэкетт защелкнул красную буксировочную штангу на переднем колесе, завел самолет задним ходом в ангар и с гулким рокотом задвинул металлические двери. Потом уселся в холодную кабину «форда». Кондиционер у Джейкобса работал на полную катушку, а в динамиках ядовито завывало какое-то кантри или вестерн. Увидев, как гость нахмурился, полицейский широко улыбнулся и приглушил звук.

– Вас дожидается гость, – сообщил он, и его ухмылка стала почти непристойной.

Джейкобс проезжал мимо его дома дважды в день, выполняя возложенные на себя обязанности и проверяя, все ли в порядке среди драматически уменьшившегося населения. По какой-то причине он проявлял особый покровительственный интерес к Блэкетту. Возможно, опасался за собственное здравомыслие в этих ужасных обстоятельствах.

– Она ожидаемый посетитель, сержант. – При наличествующем полицейском персонале Джейкобс был по старшинству, вероятно, уже капитаном, а то и начальником полиции всего региона, но сейчас Блэкетт решил не повышать его в почетной должности. – Высадите меня в начале улицы, хорошо?

– Можно и до двери довезти.

– Мне надо размять ноги после полета.

В слабеющем закатном свете он разглядел на крыльце своего одолженного дома Клэр. Почти в тени, она медленно раскачивалась в кресле-качалке, подобно прекрасному обломку, болтающемуся на волнах умирающего прилива. Она кивнула с улыбкой Джоконды, но ничего не сказала. Сегодня вечером на ней были белая блузка, вышитая белыми же нитками, и шорты из «ливайсов» 501-й модели, обрезанных почти до паха и выцветших

от долгого пребывания на солнце. Она молча качалась, раздвинув колени и открывая бледные фонари бедер.

– Ты снова пытаешься меня обольстить, доктор, – сказал ей Блэкетт. – Как по-твоему, о чем это нам говорит?

– Это говорит, доктор, что ты снова стал жертвой интеллектуализированной сверхинтерпретации. – Она была явно раздражена, но не повышала голоса и не сдвигала ног. – Ты ведь помнишь, что нам говорили в университете.

– Худшие пациенты – это врачи, а худшие пациенты врачей – психиатры.

Он сел на старый, плетенный из тростника стул, переставив его так, чтобы сидеть под прямым углом к ней и лицом к массивному бронзовому дверному молотку на двери из красного дерева. Молоток изображал какого-то змея – возможно, китайского дракона. За глазами у Блэкетта запульсировала легкая головная боль, и он сомкнул веки.

– Ты снова был на берегу, Роберт?

– Я встретил на пляже пса, – сказал он, не открывая глаз. На крыльцо дохнул прохладный бриз, принеся с собой аромат последних цветков розовой мимозы с клумбы возле сухой и умирающей лужайки. – Тот предположил, что мы пережили катаклизм сингулярности. – Он вдруг резко подался вперед, повернулся и поймал взгляд ее голубых глаз. – Что думаешь об этой теории, доктор? Возбуждает?

– Ты разговаривал с собакой, – ровно и небрежно произнесла она.

– Это было генетически измененное животное, – раздраженно пояснил он. – С модифицированной челюстью и гортанью, с увеличенной корой головного мозга и зоной Брока.

Клэр пожала плечами. Ее внутренний мир не допускал таких новинок.

– Я уже слышала эту гипотезу насчет сингулярности. Майя…

– Вот только не надо этой эзотерической чуши! – Он ощутил неожиданный и непривычный для него гнев. Почему он вообще разговаривает с этой женщиной? Из-за сексуального интереса? Интерес был, но очень слабый. Безразличие к ней весьма удивляло его самого, но что есть, то есть.

Блэкетт снова взглянул на ее бедра, но она уже скрестила ноги. Он встал.

– Мне нужно выпить. Пожалуй, нам лучше отложить сегодняшний сеанс, я не в лучшей форме.

Она шагнула к нему, легко коснулась прохладной ладонью его обнаженной и покрасневшей на солнце руки.

– Ты все еще убежден, что Луна исчезла с неба, Роберт? Все

еще утверждаешь, что все люди отправились на Венеру?

– Не все, – отрезал он и убрал ее ладонь. Затем показал на целую улицу темных домов. С дерева доносились трели пересмешника, но не гудели воздуходувки для уборки листьев, не проезжали мимо подростки в грохочущих рэпом спортивных машинах, не пахло дымком или подгоревшим стейком от жаровен барбекю, а в занавешенных окнах не мерцали отсветы телеэкранов. Он отыскал в кармане ключ, подошел к двери, но не стал ее приглашать.

– Увидимся завтра, Клэр.

– Доброй ночи, Роберт. Надеюсь, тебе станет лучше. – Психиатр спустилась по ступенькам легкой, почти детской подпрыгивающей походкой, на миг задержалась в конце дорожки и подняла руку, то ли прощаясь, то ли предупреждая. – Хочу дать совет, Роберт. В астрономическом альманахе значится, что сегодня полнолуние. Восход Луны – чуть позже восьми часов. Ты сможешь ясно увидеть ее из своего сада на заднем дворе через несколько минут, когда она поднимется над деревьями.

Он посмотрел, как ее силуэт скрывается за разросшейся и неухоженной растительностью, окаймляющей бывшее жилище богача. Покачав головой, он вошел в дом. За прошедшие после кражи Луны месяцы Клэр возвела онтологическое отрицание в центральный принцип ее картины мира, в *Weltbild.* Женщина, считающая себя его терапевтом, была безнадежно безумна.

6

После сборного ужина из консервированных артишоков, ломтиков ананаса, отварного молодого картофеля, маринованного угря и довольно сухих солоноватых пшеничных крекеров, запитых калифорнийским шабли из холодильника, Блэкетт переоделся в чуть более формальную одежду для еженедельного визита к Кафеле Массри. Этот тучный библиофил жил в трех улицах от него, в доме баптистского приходского священника напротив региональной библиотеки. Время от времени, отправляясь пополнить свои запасы, Блэкетт обшаривал доступные продуктовые магазины в поисках провизии, которую он оставлял в пластиковых пакетах у ворот дома Массри, создавая для того повод выйти из дома хотя бы на пару минут. Этот человек целыми днями спал и редко выбирался из несвежей постели даже после заката, разбрасывая по голому полу опустошенные консервные банки и пластиковые бутылки. Насколько Блэкетт мог судить, Массри еще не дошел до того, чтобы мочиться прямо в грязное постельное белье, но его еженедельные визиты всегда начинались с опустошения нескольких кувшинов, которыми толстяк пользовался по ночам вместо горшков. Он споласкивал их под струйкой воды из кухонного крана и возвращал в спальню, а там собирал пустые банки и бутылки в мешки и выносил на заросший сорняками задний двор, где бродили или валялись в тенечке вездесущие паршивые коты.

Массри сидел, опираясь на три или четыре подушки.

– У меня появились. Новые мысли, Роберт. Онтология становится. Более податливой. – Он говорил отрывистыми последовательностями хриплых вздохов, как больной раком легких, потому что масса разбухшего тела безжалостно сдавливала готовые разорваться альвеолы. Пальцы Массри подергивались, словно касаясь невидимой клавиатуры, а глаза вновь и вновь обращались в сторону мертвого компьютера. Поймав непонимающий взгляд Блэкетта, он пожал плечами; одна из подушек выскользнула и упала. – Без моего любимого Интернета я. Охромел. Моя *пре-е-елесть*. – Его толстые губы изогнулись. Он порылся в складках одеяла, нашел работающий на батарейках инженерный калькулятор «Хьюлетт-Паккард». Пальцы нажали на клавиши, засветилась зеленая полоска дисплея. – К счастью. У меня все еще есть. Это. *Моя. логарифмическая линейка.*

Он разразился хриплым смехом, перешедшим в приступ мучительного кашля.

– Давай-ка я принесу тебе стакан воды, Массри.

Блэкетт принес полстакана воды – если принести больше, то библиофил прольет ее на просторную и грязную ночную рубашку. Вода помогла справиться с кашлем. Они посидели рядом, пока египтянин восстанавливал дыхание. Повинуясь командам пухлых пальцев, маленькие зеленые цифры непрерывно мелькали на экранчике, то появляясь, то исчезая наподобие боргезианского доказательства нестабильности реальности.

– Ты понимаешь. Что Венера. Вверх ногами?

– Они ее перевернули?

«Они» обозначало в их разговорах то самое существо, или силу, или космическую причуду природы, что перенесла две луны на орбиту вокруг второй планеты, украв их у Земли и Юпитера и мгновенно отправив к Венере. Во всяком случае, именно об этом голосили буйные интернет-кликуши по всей Земле, прежде чем большая часть человечества также была перенесена на обновленную планету. Конечно, Блэкетт не заметил, что планета перевернулась с ног на голову, но он пробыл на Венере менее пяти дней, прежде чем его против воли вернули в центральный Техас.

– Наоборот. Она всегда. Вращалась. Ретроградно. В обратную сторону. Северное или верхнее полушарие вращается. Против часовой стрелки. – Массри перевел дыхание, пошевелил распухшими, покрытыми пятнами руками. – Никто этого не замечал до конца прошлого. Столетия. Плотная атмосфера, сам понимаешь. И облака. Непроницаемые. Высокое альбедо. Теперь оно исчезло, конечно.

Может, теперь это уже вообще другая планета? Они уже обсуждали это. По мнению Блэкетта, какая бы сила ни сделала новую Венеру подходящим обиталищем для человечества, это случилось очень давно, в какой-то параллельной или альтернативной реальности. Книги, наваленные вокруг грязной кровати, подтверждали эту догадку. Миры простираются в бесконечность, и каждый из них слегка отличается от соседнего, расположенного в миллиарде других измерений. Он знал, что Земля еще во младенчестве столкнулась с протопланетой размером с Марс, и в результате легкая земная кора была выброшена на орбиту, где ее обломки после миллионов лет столкновений образовали Луну, ныне вращающуюся вокруг Венеры. Но если в какой-то другой призматической истории сама Венера пострадала от межпланетной бомбардировки подобного масштаба, из-за которой образовалась ее чудовищная, удушающая атмосфера из углекислого газа, забурлила магма и начались прежде неизвестные тектонические поднятия, то где тогда

венерианская Луна? Может, ее тоже переместили в пока еще неизвестную альтернативную реальность? Блэкетт даже устал представлять эти метафизические ландшафты, уходящие в бесконечность, хотя они при этом словно смыкались вокруг него, образуя психическую нулевую точку удушающего отмирания.

Кафеле Массри застенчиво нарушил молчание.

– Роберт, я никогда прежде. Не спрашивал об этом.

Он помолчал, затягивая неловкую паузу. В соседней комнате тикали старинные часы.

– Хочу ли я туда вернуться? Да, Кафеле, хочу. Всем сердцем.

– Я это знаю. Нет. Как всё это. Выглядит?

В его словах чувствовалось нечто вроде страдания. Сам он не бывал на Венере, даже на мгновение. Возможно, как он однажды пошутил, для такого перемещения имелось ограничение по весу, а денег на дополнительный багаж на его счету не оказалось.

– Ты становишься забывчив, друг мой. Конечно, мы это обсуждали. Там огромные деревья с зелеными листьями, кристально чистый воздух, высоко в кронах деревьев летают странные яркие птицы, а огромный океан…

– Нет. – Массри помахал массивными руками. – Не это. Не образы из фантастического фильма. Не обижайся. Я имел в виду… Аффект. Тяжесть или легкость. На сердце. Восторг от. Пребывания там. Или. Не знаю. Ощущение недоразумения. Отчаяния?

Блэкетт встал.

– Клэр сказала, что у меня проблемы с аффектом. Более плоский, она сказала. Или «уменьшенный»? Типичное размахивание руками при диагностике. Если бы она практиковала столь же долго, сколь я…

– О, Роберт, я не подразумевал…

– Конечно, нет. – Он неловко склонился над телом лежащего старика, похлопал его по плечу. – Пойду приготовлю нам ужин. А потом ты расскажешь о своем новом открытии.

7

Высокие дождевые облака ползли по небу наподобие военного флота, но воздух оставался горячим и липким. Молнии потрескивали в отдалении, подбираясь в течение дня все ближе. Дождь пошел внезапно. Вода пропитывала пересохшую почву и промывала тротуары, а ветер сдувал пустые пластиковые бутылки и пакеты, наваливая их по обочинам дороги или прижимая к оградам или воротам, сваренным из заостренных металлических прутьев. Блэкетт наблюдал за дождем с крыльца, и порывы ветра бросали капли ему в лицо. В отдалении завыла и торопливо пробежала бродячая собака.

Он вспомнил, что на Венере с ее двумя лунами шторма были внезапными и сильными, а океанские приливы накатывались широкими полосами голубовато-зеленой воды, пенящимися наподобие гигантской переливающейся пивной кружки. Первые из тех, кто поселился на берегу, как ему рассказали, погибли, наблюдая за величием ганимедо-лунного затмения и игнорируя предупреждения астрономов. Солнце там было вдвое горячее и на треть шире. Венерианский весенний прилив, разогнанный двумя лунами и самим солнцем, вздыбил море и обрушил его на сушу.

Здесь, на Земле, нынешнее отсутствие Луны хотя бы в какой-то степени успокоило погоду. А из-за прекращения бесконечного потока частичек сажи, не до конца удаленных из газов миллиона фабричных труб и миллиардов очагов и костров в «третьем мире», дожди нынче стали более редкими. Он иногда раздумывал, не настало ли время перебраться в регион с более здоровым климатом. Но что, если переезд не позволит ему вернуться на Венеру? Сама мысль об этом заставляла мышцы челюстей болезненно напрягаться.

Около часа он наблюдал за тем, как далекие снижающиеся облака подсвечиваются снизу вспышками электричества, как они приближаются на несколько миль, как воздух раздирают грохочущие молнии. Прежде он отключил бы от сети компьютеры и другое уязвимое оборудование, не полагаясь на сомнительную надежность защиты от перепадов напряжения. Несколько лет назад во время одного шторма, когда Луна еще висела в небе, его спутниковая тарелка и декодер сгорели от ударившей неподалеку молнии. А на Венере, подумал он, человечеству еще долго придется ждать восстановления электроники. А сколько людей погибло из-за мгновенной утраты инфраструктуры – канализации, пищевой промышленности, антибиотиков, кондиционеров? Сколько людей покончило с собой, оказавшись

без телевизора, музыки и книг, не в состоянии найти опору в мире, где надо заботиться о себе самим и работать совместно с соседями, волей-неволей оказавшимися рядом? Да, многих возвращали на какое-то время, и они успевали собрать нужные медикаменты, упаковать одежду, еду, контрацептивы, рулоны туалетной бумаги… Стоя на краю шторма, на элегантном крыльце своего присвоенного поместья, Блэкетт улыбнулся, вспомнив кучи бесполезных стереосистем, ноутбуков и плазменных телевизоров, которые он видел под огромными венерианскими деревьями. Люди так подвержены стереотипам, так неадаптивны. И до такой тупости, подумал он, их, несомненно, довел их чрезмерный *аффект.*

8

Клэр отыскала его на пустой автостоянке, где он мерил шагами очертания большого храма Петры. Он взглянул на нее, когда она повторила его имя, и покачал головой, немного сбитый с толку.

– Это центральная арка с *театроном,* – пояснил Блэкетт. – Восточный и западный коридоры, – показал он. – В центре – передний двор, за ним – *пронеос,* а далее – большое пространство нижнего *темениоса.*

– И всё это, – добавила она, изобразив легкий интерес, – нечто вроде мысленной реконструкции Петры.

– Да, городского храма.

– Розово-красного города вдвое младше самого времени? – с легкой издевкой уточнила она.

Блэкетт грубо взял ее за руку и увлек в тень пятиэтажного здания из кирпича и бетона, где когда-то колдовали специалисты по нейрофармацевтике.

– Клэр, мы не понимаем сути времени. Посмотри на эту стену, – он ударил по ней кулаком. – Почему она не рухнула, когда переместили Луну? Почему землю не раскололи ужасные землетрясения? Лунные приливы каждый день изгибали земную кору, Клэр. Поэтому она должна была сотрясаться, компенсируя изменившиеся напряжения. Они и это предусмотрели?

– Ты имеешь в виду динозавров?

Она вздохнула и изобразила на лице терпение. Блэкетт уставился на нее.

– Кто же?

– О… – Сегодня на ней были темно-красные кюлоты и зеленая шелковая блузка, тяжелые волосы схвачены банданой, глаза скрыты темными фотохромными очками. – Так профессор еще не поведал тебе свою последнюю теорию? Рада слышать. То, что вы проводите вместе так много времени, вредно для вашего здоровья. Folie à deux[70] вылечить труднее, чем простую защитную иллюзию.

– Ты разговаривала с Кафеле Массри? – изумился он. – Он же отказывается впускать женщин к себе в дом.

– Знаю. Мы поговорили через окно спальни. Я принесла ему суп на обед.

– Боже праведный.

– Он заверил меня, что шестьдесят пять миллионов лет назад динозавры перевернули Венеру вверх ногами. Они были разумными. Не все, разумеется.

– Нет, ты что-то не так поняла…

– Возможно. Должна признать, что не очень внимательно слушала. Меня гораздо больше интересовали скрытые эмоциональные тенденции.

– Само собой. Черт, черт!

– Что такое теменос?

Блэкетт на миг ощутил возбуждение.

– В Петре это было прекрасное священное помещение шестиугольной формы, три его колоннады увенчивались скульптурами в виде слоновьих голов. Вода в храм поступала через каналы, видишь?..

Он снова принялся расхаживать по плану Петры, убежденный, что это ключ к его возвращению на Венеру. Клэр шла рядом, что-то очень тихо бормоча.

9

– Как я понял, ты разговаривал с моей пациенткой.

Блэкетт постарался лишить сказанное даже намека на неодобрение.

– Ха! Было бы очень невежливо, Роберт. Есть ее суп, храня. Полное молчание. Кстати, она утверждает. Что ты ее. Пациент.

– Это безобидный вариант проекции, Массри. Но ты понимаешь, что я не могу обсуждать своих пациентов, так что нам придется немедленно оставить эту тему. – Нахмурясь, он посмотрел на египтянина, потягивающего чай из полупустой кружки. – Могу лишь сказать, что Клэр очень искаженно восприняла твои мысли насчет Венеры.

– Она прелестная молодая женщина, но. Похоже, мало на что обращает внимание. Кроме своего гардероба. Но, Роберт, я должен был. Рассказать кому-нибудь. Ты был не очень отзывчив. Вчера вечером.

Блэкетт поставил кружку с уже остывающим черным кофе. Он знал, что ему не следует пить что-либо с кофеином, потому что тот делает его нервным и дерганым.

– Ты ведь знаешь, мне неприятно все, что попахивает так называемым разумным замыслом[71].

– Не волнуйся, мальчик мой. Этот замысел явно разумен. Глубоко разумен, но. В нем нет ничего сверхъестественного. Как раз наоборот.

– Но всё же… динозавры? Я на днях разговаривал с псом, так он высказывался в пользу «катаклизма сингулярности». На мой взгляд, что в лоб, что по лбу…

– Но неужели ты не видишь? – Тучный библиофил с трудом передвинулся к стене, волоча за собой подушку. – Это две стороны. Одного и того же аргумента.

– А-а… – Блэкетт поставил кружку, охваченный желанием сбежать из этой заплесневелой комнаты, наполненной миазмами болезненного отчаяния. – Не просто динозавры, а абстрактные динозавры.

Невозмутимый Массри поджал губы.

– Возможно. На самом деле.

Дыхание у него вроде бы улучшилось. Не исключено, что общение с привлекательной молодой женщиной, пусть даже через приоткрытое окно, взбодрило его.

– Полагаю, для такого аргумента у тебя имеются доказательства и несокрушимая логика?

– Естественно. Тебе никогда не приходило в голову. До какой

степени маловероятно. Что западный берег Африки. Так точно совпадает. С восточным берегом Южной Америки?

– Я понял твой аргумент. Континенты когда-то были едины, а потом разошлись. Тектоника плит развела их на тысячи миль. Это очевидно даже на взгляд, но столетиями в это никто не верил.

Египтянин кивнул, явно довольный своим способным учеником.

– И насколько маловероятно, что. Видимый диаметр Луны варьирует от двадцати девяти градусов двадцати трех минут до тридцати трех градусов двадцати девяти минут. Между апогеем и перигеем. В то время как видимый диаметр Солнца варьирует. От тридцати одного градуса тридцати шести минут до тридцати двух градусов трех минут.

Усилия, вложенные в этот монолог, явно утомили старика, и он откинулся на грязные подушки.

– Поэтому мы можем видеть солнечные затмения, когда диск Луны закрывает Солнце. Совпадение, и не более того.

– Неужели? А как насчет такой эквивалентности? Период вращения Луны. Двадцать семь и тридцать две сотые дня. А период вращения Солнца. Допускающий течения на его поверхности. Составляет двадцать пять и тридцать восемь сотых дня.

Блэкетту показалось, что по его коже поползли мурашки, и он заставил себя успокоиться.

– Неужели настолько близко, Массри? Это сколько… Восемь процентов разницы?

– Семь. Но, Роберт, вращение Луны замедляется по мере того, как она отдаляется от Земли, потому что его тормозят приливы. Тормозили. Можешь угадать, когда лунный день был равен солнечному?

– Кафеле, что ты хочешь мне сказать? В четвертом году до нашей эры? В шестьсот двадцать втором году нашей эры?

– Нет, это не дата рождения Христа или Мухаммеда. По моим расчетам, Роберт, это было шестьдесят пять с половиной миллионов лет назад.

Блэкетт откинулся на спинку стула. Он был по-настоящему шокирован, а вся его уверенность быстро таяла. Граница мелового периода и кайнозойской эры. Падение мексиканского метеорита, уничтожившее динозавров. Он с трудом собрался с мыслями. Насчет этого Клэр не ошибалась.

– Но это же… абсурд, друг мой. Точность этих расчетов… Но что, если они верны? Тогда что?

Старик с усилием переместился, свесил ноги с кровати.

– Мне надо позаботиться об одном деле, – сказал он. – Выйди,

пожалуйста, Роберт.

Из соседней комнаты, где он возбужденно расхаживал, Блэкетт слышал, как струйка мочи льется в один из кувшинов, опустошенных, когда он пришел. Ночная музыка, подумал он, вымученно улыбнувшись. Так это называл Джеймс Джойс. Нет, погодите, не так… Музыка спальни. Но аргумент Массри продолжал ломиться в мозг. Тогда что? Ничего нельзя отбрасывать сразу. Проклятую Луну взяли и переместили, да еще снабдили плотной атмосферой из углекислого газа, предположительно высосанного со старой Венеры через какое-то измерение высшего порядка. А человечество переселили на очищенную версию Венеры, на планету с кислородной атмосферой и океанами, полными странных, но съедобных рыб. Так разве можно что-либо отвергать как нелепость, какой бы неуклюжей или гротескной она ни выглядела?

– Можешь вернуться.

Вместо этого Блэкетт прошел на кухню, заварил новый кофейник кофе и принес две кружки в спальню.

– Я напугал тебя, мальчик мой?

– Нынче меня пугает все, профессор Массри. Ты собирался рассказать, что нашел на заднем дворе монолит рядом с пустыми банками и бродячими котами.

Египтянин рассмеялся, булькая мокротой в легких.

– Почти. Почти. Луна сейчас на орбите. Чуть более миллиона километров от Венеры. Тоже ретроградной. Точно на том же расстоянии. На каком Ганимед был от Юпитера.

– Ладно, такое вряд ли может быть совпадением. И Ганимед сейчас на старой лунной орбите.

Массри помолчал. Лицо его исказилось. Он дрожащей рукой поставил кружку с кофе.

– Нет. Ганимед обращается на орбите в четырехстах тридцати четырех тысячах километров от Венеры. По последним данным, которые я смог отыскать. Прежде чем Сеть отключилась навсегда.

– Дальше, чем Луна обращалась на орбите вокруг Земли. И?

– Солнце с Венеры, как ты мне однажды сказал. Выглядит ярче и крупнее. Фактически его угловой диаметр – около сорока минут. И по очень удобному и. Интересному совпадению. Ганимед теперь выглядит точно…

– …таким же по размеру, как Солнце с поверхности Венеры. – По спине Блэкетта пробежал холодок. – Значит, во время полного затмения он точно заслоняет Солнце. Ты это хотел мне сказать?

– За исключением короны и протуберанцев. Как это делала здесь Луна. – Массри бросил на него напряженный, почти зловещий взгляд. – И ты считаешь, что это всего лишь

случайность? Ты так думаешь, доктор Блэкетт?

10

Прошедшая накануне гроза немного охладила воздух. Блэкетт шагал домой уже в темноте, неся калькулятор и две книги, из которых старик добывал нужные данные после того, как Интернета не стало. Он не помнил, чтобы приносил ему именно эти книги из пустой библиотеки напротив дома Массри. Наверное, их принесла Клэр или кто-то из других его редких гостей.

Звезды ярко сияли сквозь толстые ветки, нависающие над старыми тротуарами из садов почти всех больших домов в этом районе. В этой более молодой, окраинной части города новые богачи считали символами процветания то, что их обильно поливаемые лужайки тянутся до обочины дороги и что они никуда не ходят пешком, даже в гости к соседям за три дома ездят на машине. Интересно, как они теперь обходятся без машин на Венере? Вероятно, под гнетом необходимости соотношение здоровых людей к тучным и малоподвижным улучшилось. Но для бедняги Кафеле время уже упущено, подумал он и сделал себе мысленную пометку: когда в очередной раз заглянет в аптеку, пополнить запас пиоглитазона, которым старик лечился от диабета.

Он просидел около получаса в тишине большой кухни, выписывая данные и перепроверяя расчеты профессора. Очевидно, Массри считал, что общепринятая дата исчезновения динозавров, совпадающая с идеальным наложением больших и малых небесных светил, означала вовсе не это, а фактически дату Творения. От этой мысли кровь Блэкетта застывала в жилах. Не может ли мир, в конце концов (модная спекуляция!), оказаться всего лишь виртуальным подобием себя самого? Математической выдумкой колоссального масштаба? Впрочем, не такой уж и колоссальной: понадобились бы не более миллиарда строк программного кода и поразительно точная физическая модель. Ничто иное не объясняло с такой легкостью полную ревизию всей внутренней Солнечной системы. Эта идея Блэкетту не нравилась, потому что скверно попахивала. «Поэтому я ее и опровергаю», – подумал он снова, барабаня по клавишам калькулятора. Но опровержение выходило слабое: с тем же успехом можно во сне отрицать существование любой реальности, забывая о материальном основании или грубом физическом субстрате, необходимом для поддержания этого сна.

Результаты вычислений давали какую-то бессмыслицу. Он повторил их. Да, новая орбита Ганимеда поместила бывшую луну

Юпитера в правильное место, чтобы время от времени идеально перекрывать солнечный диск. Это был тревожный факт. Зато момент с динозаврами оказался куда менее убедительным. Как писали авторы этих книг по астрономии, после чудовищного удара, вызванного столкновением с неизвестным телом и породившего Луну, первоначальная длительность суток на Земле составляла головокружительные пять с половиной часов, от силы восемь. Кажется, что это невозможно быстро, однако неизмеримо более крупный газовый гигант Юпитер, бывший хозяин Ганимеда, делает полный оборот всего за десять часов.

Раскаленная юная Земля вертелась безумным волчком, рана от почти фатального столкновения затягивалась, погружаясь в зоны субдукции, порожденные тем же столкновением. На Венере – по крайней мере, на старой Венере – тектонические плиты отсутствовали, а кора обновлялась с интервалами около пятисот миллионов лет, по мере того как кипящая магма прорывалась сквозь твердые каменные породы. Но этого не хватало, чтобы увлечь в глубины коры потрясающее количество углекислого газа, который давил на поверхность в сотню раз сильнее азотно-кислородной атмосферы Земли. Однако теперь обновленная планета получила пригодную для дыхания атмосферу. Надо лишь добавить воздух и воду. Предположительно, кора медленно ползла по поверхности планеты, втягивалась в глубину и выплевывалась обратно на протяжении ледниковых эпох. Но вот числа…

Луна, пока ее не переместили к Венере, удалялась от Земли с черепашьей скоростью в тридцать восемь километров за миллион лет – это всего одна десятитысячная ее расстояния до Земли. Согласно третьему закону Кеплера, для орбитальной эквивалентности отношение квадратов периодов обращения равно отношению кубов больших полуосей их орбит. Поэтому 65,5 миллионов лет назад, когда упавшая звезда погубила огромных ящеров, Луна была ближе к Земле всего на две с половиной тысячи километров. Но, чтобы точно соответствовать сидерическому вращению Солнца, ей следовало находиться более чем на восемнадцать тысяч километров ближе. А так дело обстояло не раньше, чем 485 миллионов лет назад.

В своей фантазии с динозаврами Массри ошибся как минимум в 7,4 раза.

Так как тогда египтянин пришел к такому нумерологическому заключению? И куда все это ведет? Никакой пользы Блэкетт здесь не видел.

Все выводы Массри были лишь благими пожеланиями. Он не меньше бредит, чем Клэр, а его мыслительные процессы

полностью разладились. Блэкетт простонал и опустил голову на стол. Он был вынужден признать, что и его размышления и мнения, возможно, не более надежны и достоверны.

11

– Я лечу к морю искупаться, – сказал Блэкетт Клэр. – В самолете есть место.

– Далековато, чтобы окунуться.

– Смена обстановки. Если хочешь, прихвати купальник. Сам я никогда этим не утруждаюсь.

– Нудистский пляж? – уточнила она, посмотрев на него долго и невозмутимо. – Хорошо. Я прихвачу чего-нибудь перекусить.

Они приехали на маленький аэродром возле индустриального парка на работоспособном внедорожнике, который Блэкетт нашел брошенным возле магазина. Клэр отвела взгляд, пока он запускал мотор, закоротив провода. Сегодня она облачилась в практичные туристические ботинки, темно-серые шорты и белую майку на тонких бретельках, выгодно демонстрирующую ее небольшие груди. Усевшись и пристегнувшись, она положила на колени широкополую соломенную шляпу. Блэкетта немного тревожило медленно ухудшающееся состояние самолета. Ему уже много месяцев не делали профилактическое обслуживание. Впрочем, он был уверен, что долетит до нужного места, а потом обратно.

Во время полуторачасового полета он попытался пересказать ей доводы египтянина. Клэр проявила безразличие, перешедшее в осязаемую тревогу. Ее пальцы стиснули затянутый на талии ремень безопасности. Блэкетт сдался и замолчал.

Когда они приземлились на острове Матагорда, Клэр вновь оживилась.

– О, посмотри на эти чудесные бипланы! Как жаль, что они в таком запущенном состоянии. Ну почему их бросили под открытым небом?

Она настояла, чтобы он подрулил к «стирману» с обвисшими крыльями, чтобы рассмотреть его вблизи. Показалось, что в ее глазах блеснули слезы.

– Пошли, Клэр, – резко окликнул ее Блэкетт, нагруженный полотенцами и корзиной с едой, напитками, бумажными тарелочками и двумя стаканами, – если будем здесь торчать, то пропустим хорошие волны.

Если она и заметила иронию в его голосе, то не подала виду. Порыв ветра сорвал и покатил его фуражку. Клэр бросилась за ней, вернулась и нахлобучила ее на его лысеющую голову. – Спасибо. Надо было привязать проклятую штуковину кожаным ремешком, по-ковбойски, и затянуть его…

– Удавкой[72], – неожиданно вставила она.

– Боже праведный, женщина, – расхохотался Блэкетт. – Откуда ты знаешь это слово?

– У меня брат был бойскаутом.

Они пересекли полосу неухоженной травы и с некоторым трудом спустились на пляж. На юг тянулся синий, почти плоский океан, искрясь под безоблачным небом. Блэкетт положил свою ношу, проворно скинул одежду и зашел в воду. Ноздри и глаза обожгла соль. Он мощными гребками поплыл в сторону Мексики, вспоминая смехотворную сцену из фильма «Гаттака». Потом развернулся и увидел Клэр с выцветшими на солнце волосами, облепившими покачивающуюся красивую голову.

Потом они лежали рядом на солнце. В неподвижном воздухе пахло защитным лосьоном от загара. Через какое-то время Блэкетт увидел рыжего сеттера, подходящего к ним со стороны моря. Пес сел на задние лапы, высунув из приоткрытой пасти язык, но ничего не сказал.

– Привет, Спорки, – сказал Блэкетт. – Вышел патрулировать пляж?

– Привет, док. Увидел, как подлетает «сессна». Кто эта малышка?

– Доктор Клэр Лэинг. Она психиатр, так что прояви немного уважения.

На ее почти обнаженном теле блестел свет, отражаясь от капелек пота и прилипших к коже частичек слюды. Клэр повернула голову в сторону, как будто спала. Нет, она не спит. Блэкетт понял, что сейчас ее внимание приковано к ржавому велосипеду, наполовину погребенному в песке. Ему показалось, что она пытается определить абсолютную суть их взаимоотношений, приняв обод и поломанные спицы колеса за своего рода ключевую метафору.

Уважая ее уединенность, Блэкетт сел и начал объяснять псу абсурдные и ошибочные расчеты библиофила. Спорки прервал его сбивчивый пересказ.

– Ты сказал, что угловая ширина Солнца тогда и сейчас составляет примерно тридцать две угловые минуты.

– Да, девятьсот двадцать пять десятитысячных радиана.

– И что Луна в последний раз соответствовала этому значению примерно четыреста восемьдесят пять миллионов лет назад.

– Нет-нет. Ну, соответствие было чуть лучше, чем сейчас, но Массри не это имел в виду.

– А что?

– А то, что периоды вращения Солнца и Луны в ту эпоху были одинаковыми. Неужели ты не видишь, насколько это чертовски

маловероятно? Он полагает, будто это нечто вроде… даже не знаю… отпечатка пальца бога на всей солнечной системе. Возможно, истинная дата Творения. Потом он попытался доказать, что она совпадает с исчезновением динозавров, но это ошибка, они вымерли…

– А ты знаешь что-нибудь о масштабном катастрофическом вымирании на рубеже кембрийской и ордовикской эры четыреста восемьдесят восемь миллионов лет назад?

– Что? – переспросил ошеломленный Блэкетт.

– Учитывая твои приблизительные расчеты, как ты оцениваешь вероятность того, что твоя эквивалентность Солнца и Луны включает в себя то кембрийско-ордовикское вымирание? Что именно она вышибла дух из трилобитов, а, док?

Разговор начал приобретать сюрреалистический характер. Блэкетту было трудно принять, что пес мог быть студентом, изучавшим древние геоморфизмы. Он вздрогнул. Значит, это существо было не просто генетически усовершенствованной собакой, но и неким воплощением той сущности, той силы, того онтологического перемещения, которое сорвало с места и Луну, и большую часть обитателей Земли.

С отвращением заметив просительные нотки в голосе, Блэкетт испустил крик, полный искренней мольбы. Он увидел, как Клэр повернулась к нему, стряхнув охватившую ее на солнце дремоту.

– Как я могу туда вернуться? – воскликнул он. – Отошли меня обратно! Отошли нас обратно!

Спорки встал и стряхнул песок с шерсти, обдав Блэкетта жалящими чешуйками слюды.

– Продолжай то, что начал, – ответил пес, – и позволь Господу в конечном итоге быть с тобой.

В голове Блэкетта рассеялись облака неуверенности, подобно тому, как едкие и кислотные облака Венеры были высосаны и переброшены на перемещенную Луну. Он вскочил, нагнулся, схватил Клэр за руку и поднял ее, моргающую и протестующую.

– Клэр! Мы должны воспроизвести церемонию большого храма! Здесь, на берегу океана. Я лишь зря терял время, пытаясь выполнить этот ритуал на суше. Ведь теперь Венера – планета с огромными океанами!

– Черт побери, Роберт, отпусти, мне больно…

Но он уже тащил ее к стоячей, разящей солью воде. Цепочки их параллельных следов виляли, выписывая семиотику освобождения. Он стал размечать периметр храма, начав с пропилекума, повернул под прямым углом и провел до восточной экседры и подножия древней цистерны. Он совершал обратное

путешествие в археологическое время, погружаясь все глубже в те далекие полумиры, которые заметил в рисунках своих безумных пациентов.

– Роберт! Роберт!

Они вошли в воду, лениво окатившую их лодыжки и бедра подобно высунутому языку собаки размером с планету. Блэкетт ахнул. На границе моря и песка выпускали воду из панцирей трехдольчатые членистоногие, медленно перемещаясь наподобие огромных мокриц.

– Трилобиты! – воскликнул Блэкетт.

Он осмотрелся, крепко сжимая руку Клэр. Вдалеке на берег накатывались длинные зеленые волны прибоя. Их гребни срывались, окутываясь пеной, приподнимали древних животных и потягивали Блэкетта за ноги. Он побрел вперед, поддавшись зову венерианского океана, но вовремя опомнился и, обернувшись, увидел широкое зеленое покрывало из крон высоченных деревьев. А в пурпурном небе, по бокам от солнца, бледно светились два полумесяца. Блэкетт восторженно посмотрел на свою спутницу, расхохотался и обнял ее.

– Клэр! – крикнул он, живой и на Венере. – Клэр, у нас получилось!

Наоми Новик
В семи годах от дома

Наоми Новик родилась в Нью-Йорке, где по сей день живет вместе с мужем – редактором детективов, своей семьей и шестью компьютерами. Американка в первом поколении, Новик выросла на произведениях Толкина, польских сказках и персонажах вроде Бабы-яги. Защитив дипломную работу по компьютерным технологиям в Колумбийском университете, она принимала участие в разработке компьютерной игры «Neverwinter Nights: Shadows of Undrentide», а затем решила попробовать себя в писательской деятельности. И это было верное решение! Серия «Отчаянный» («Temeraire»), описывающая альтернативную историю наполеоновских войн, где драконы служат живым оружием, оказалась феноменально популярной и успешной.

В нее вошли романы «Дракон Его Величества» («His Majesty's Dragon»), «Война черного пороха» («Black Powder War»), «Нефритовый трон» («The Throne of Jade»), «Империя Слоновой Кости» («Empire of Ivory»), «Победа орлов» («Victory of Eagles») и «Языки змей» («Tongues of Serpents»), Также Новик выпустила графический роман «Победят ли суперзлодеи?» («Will Supervillains Be on the Final?»).

В представленном ниже произведении писательница приглашает нас на далекую планету со сложными биологическими загадками, чтобы продемонстрировать, насколько неразумно нападать на врага, не убедившись, что он не сможет нанести ответный удар…

Предисловие

Семь дней прошло на моем маленьком корабле, на котором я бежала с Мелиды; для остальной Вселенной, жившей с обычной скоростью, миновало семь лет. Я надеялась, что обо мне все забыли, что я сделалась всего лишь пыльной сноской внизу страницы. А меня встретили фанфарами, медалями и судебными исками, восторгом и ядом в равных дозах, и я ошеломленно пробиралась сквозь всю эту шумиху, ведомая сперва тем, потом этим, лишаясь последней возможности высказаться.

И теперь мне хотелось бы всего лишь исправить самые серьезные фактические неточности, насколько позволит моя несовершенная память, и изложить свое понимание событий той ограниченной, более утонченной аудитории, которая предпочитает формировать мнение публики, вместо того чтобы позволить ей формировать свое мнение.

Обещаю не утомлять вас перечислением дат, событий и цитат. Я и сама их помню не очень хорошо. Но должна вас предупредить, что я отнюдь не поддалась жалкому и бесплодному порыву обелить события той войны или оправдать свои собственные либо чужие грехи. Все это было бы ложью, а на Мелиде ложь считается преступлением более серьезным, нежели убийство.

Я никогда больше не увижу своих сестер, которых любила. Здесь принято говорить про тех, кто отправляется в долгое полуночное путешествие, что они совершают прыжок во времени, но мне кажется, что это они совершили прыжок, а я осталась позади. Я больше не слышу их голосов, когда бодрствую. Надеюсь, это заставит их замолчать и по ночам тоже.

Руфь Патрона Рейвальдт, 32 жанвьера, 4765

Первое уточнение

Я сошла с корабля в порту Лэндфолл в пятом месяце 4753 года. Такой космопорт есть на каждой планете, где Конфедерация обосновалась, но пока не подняла свой флаг: многолюдный, грязный и неприглядный. Он находился на Эспериганском континенте: мелидяне не потерпели бы строительства космопорта на своей территории.

Посол Костас, мой непосредственный начальник, оказался весьма властным и представительным: двухметрового роста, плотного телосложения, с крепким, дружелюбным рукопожатием, очень умный, не терпящий идиотов. То, что у меня есть все шансы попасть в категорию последних, сделалось ясно сразу же при знакомстве. Для начала ему не понравилась цель моего прибытия. К эспериганцам он относился хорошо; в их обществе он чувствовал себя как дома, одного или двух из их старших министров он мог бы называть своими друзьями, но это было бы крайне непрофессионально с его стороны. Он хорошо знал свои обязанности и в отвлеченном смысле понимал потенциальные возможности мелидян, однако испытывал к ним отвращение, и он был бы рад обнаружить, что я того же мнения и заранее готова вычеркнуть их из списков и рассматривать как безнадежный случай.

Эти надежды развеялись в первую же минуту разговора. Я хотела бы подчеркнуть, что он ни в коей мере не позволил своему разочарованию помешать ему выполнить собственный долг. Он крайне энергично возражал против моих намерений немедленно отправиться на Мелидянский континент – с его точки зрения, это было самоубийством.

В конце концов он решил не чинить мне препон. Если ему позднее пришлось пожалеть об этом (а весьма похоже на то), – мне очень жаль. С тех пор как я отправилась в путь, на моей родной планете, Утрене, миновало пять лет, а человек, пожертвовавший своей привычной жизнью ради чего-то неведомого, имеет моральное право претендовать на определенные привилегии. Я часто замечала это, когда имела дело с новичками на Утрене: им редко отказывали в их первых просьбах, какими бы дурацкими они ни были (а они обычно были дурацкими). Разумеется, я была уверена, что мои-то требования вполне разумны.

– Мы найдем вам проводника, – сдался он наконец, и вся машина Конфедерации завертелась, выполняя мои желания.

Головокружительное ощущение.

Не прошло и двух часов, как в посольство пришла Бадеа. На плечах у нее была скромная серая накидка, ниспадающая до земли, и еще одна накидка была у нее на голове. Внешние различия были почти незаметны: зеленые веснушки, разбросанные по носу и щекам, зеленоватый оттенок губ и ногтей. Ее крылья были сложены и спрятаны под накидкой, выпирая не больше, чем обычный городской рюкзачок. Исходивший от нее запах напоминал запах кислого теста, из которого пекут хлебы у нас на Утрене. Запах был заметный, но не противный. В общем, она могла бы пройти по космопорту, не привлекая особого внимания.

Ее привели в отведенный мне кабинет, где я только начала раскладывать вещи. На мне был черный брючный костюм, лучший мой костюм, пошитый на заказ, потому что готовых женских брюк на Утрене не купишь, и, по счастью, удобные туфли (те, которые на Утрене считаются элегантными, не рассчитаны на то, чтобы в них ходить). Я очень хорошо помню, как была одета, потому что этот костюм я носила, не снимая, всю следующую неделю.

– Вы готовы ехать? – осведомилась она, как только нас представили друг другу и секретарша удалилась.

Было вполне очевидно, что ехать я не готова, но это не было взаимонепониманием: ей просто не хотелось брать меня с собой. Она считала мою просьбу глупой и боялась, что забота о моей безопасности ляжет ей на плечи непосильным грузом. Может, посол Костас и не был против того, чтобы я не вернулась, но она этого знать не могла, и, надо отдать ему должное, скандал он устроил бы в любом случае, поскольку счел бы это своей обязанностью.

Но когда мелидянку просят об услуге, оказывать которую она не желает, она все равно может согласиться, только предоставит ее самым неприемлемым или неудобным образом. Другая мелидянка поймет, что это отказ, и не станет повторять свою просьбу. От меня Бадеа такой любезности не ожидала: она всего лишь рассчитывала, что я отвечу, будто ехать не готова. Тогда она, к своему удовлетворению, сможет счесть это отказом и больше уж предлагать свои услуги не станет.

Однако я знала достаточно, чтобы быть опасной, и обычай этот был мне известен. Я ответила:

– Мне это неудобно, но я готова ехать немедленно.

Она тотчас развернулась и вышла из моего кабинета, и я последовала за ней. Считается, что услуга, которая принята, невзирая на трудности и ограничения, устроенные той, кто ее оказывает, необходима тому, кто о ней просит (и мне она в самом деле была необходима); но в таком случае тот, кому оказывают

услугу, должен принять ее на любых условиях, даже если условия эти созданы искусственно.

Я не рискнула задержаться даже ради того, чтобы предупредить кого-нибудь, что ухожу: мы миновали секретаря и охранников посольства, которые почти не взглянули в нашу сторону: мы не входили в посольство, а выходили из него, и к тому же моя кнопка гражданина сняла бы все вопросы. Костас не узнал о моем отъезде, пока мое отсутствие не было замечено и не проверили записи охраны.

Второе уточнение

Следуя за Бадеа через город, я отнюдь не чувствовала себя огорченной. Мелкие неудобства были пустяком по сравнению с тем, что я, как мне представлялось, успешно прошла первое испытание. Я преодолела все препоны, устроенные мне как Костасом, так и Бадеа, и скоро я окажусь среди народа, который уже представлялся мне знакомым. Да, я буду чужой среди них, однако я всю жизнь до нынешнего дня провела в роли чужестранки и не боялась этого. Ничего другого я пока тоже не боялась.

Бадеа шла быстро, куда более размашистым шагом, чем я привыкла, размахивая руками. Я была выше ростом, но мне приходилось семенить, чтобы угнаться за ней. Эспериганцы смотрели на нее, когда она проходила мимо, потом переводили глаза на меня, и взгляды их были явно враждебными.

– Мы могли бы взять такси, – предложила я. Мимо проезжало достаточно много свободных такси. – У меня есть деньги.

– Нет! – отрезала она, с отвращением проводив взглядом одно из этих транспортных средств, и мы пошли дальше пешком.

После Мелиды, во время моего путешествия во тьме, мои доверенные лица опубликовали мою диссертацию о ханаанском движении. Это было сделано вопреки моей воле. Я никогда не пользовалась вырученными за это деньгами, и они продолжали копиться. Мне не хочется тратить эти деньги на какое-либо дело, которое я считаю достаточно достойным, чтобы его поддерживать, так что деньги эти достанутся моей семье, когда меня не станет. Думаю, мои племянники будут им рады, а неловкость к тому времени минует, и это лучшее, на что можно рассчитывать в такой ситуации.

В этой книге много неточностей, а еще больше – вопиющих заблуждений. Таковы, в частности, любые мнения и аналитические рассуждения, изложенные там, помимо скудного набора точных фактов, которые мне удалось скопить за шесть лет исследований, во время которых я была чересчур исполнена энтузиазма. Вот то немногое, что можно считать верным: ханаанское движение является ответвлением охранительной философии. Но в то время как приверженцы традиционного направления этой философии стремятся ограничить человечество заселением планет, на которых нет жизни, а на всех остальных планетах – замкнутыми анклавами, ханаанская ветвь стремилась изменять себя самих параллельно с изменением новых планет, которые они заселяют, встречаясь, таким образом, на полпути.

Этой философии нельзя отказать в определенной практичности: генная инженерия и модификация тела были и остаются куда дешевле терраформирования, – однако наш вид отличается нетерпимостью и склонностью к насилию, а ничто не провоцирует погромы сильнее, чем соседство с существами, которые не похожи на нас и в то же время достаточно близки к нам. В результате на данный момент мелидяне являются последней выжившей колонией ханаанцев.

Они прибыли на Мелиду и заселили более обширный из двух ее континентов около восьмисот лет назад. Эспериганцы прибыли туда двести лет спустя – они спасались от эпидемий, бушевавших на Новой Виктории, – и заселили меньший континент. В течение первых пятисот лет эти две группы практически не контактировали между собой: это мы, граждане Конфедерации, привыкли мыслить в масштабах планет и солнечных систем, и нам кажется, что только космическое путешествие может быть долгим, но на самом деле враждебный континент – достаточно большое препятствие для маленькой группы пришельцев, пытающихся выжить. Однако обе группы населения процветали, каждая – в соответствии со своими собственными представлениями о процветании, и к тому времени, как я прибыла на планету, половина ее светилась по ночам миллионами огней, а половина была погружена в первобытный мрак.

В своей диссертации я описывала последующий конфликт как естественный, и это справедливо, если предположить, что убийства и грабежи естественны для нашего вида. Эспериганцы истощили ограниченные природные ресурсы своей половины планеты, а между тем в нескольких часах лета лежали совершенно нетронутые просторы большего континента, население которого составляло едва ли одну десятую часть от их собственного. Мелидяне контролировали рождаемость, использовали только возобновимые ресурсы и не строили ничего, что, будучи заброшенным, не исчезнет без остатка в течение года. Многие эспериганские философы и политики трубили о восхищении, которое внушает им мелидянское общество, но это было не более чем приятное духовное упражнение: так восхищаются святым или мучеником, отнюдь не стремясь ему подражать.

Вторжение началось неофициально: туристы, искатели приключений, предприниматели, самые отчаянные, самые нищие, самые склонные к насилию. Они начали высаживаться на берегах мелидянских земель, наблюдали, брати образцы, пытались укорениться. Вскоре вырос целый поселок, за ним – второй.

Мелидяне попросили их убраться – толку от этого было не больше чем всегда в таких случаях: когда это колонизаторы уходили по доброй воле? – а потом напали на них. Большинство поселенцев были убиты. Однако некоторые все же остались живы и вернулись на свой материк с красочными рассказами о жестокостях и убийствах.

В своем предварительном докладе министерству государственных отношений с просьбой отправить меня на эту планету я выразила убеждение, что подробности были преувеличены и нападения мелидян спровоцированы. Разумеется, я ошибалась. Но тогда я этого не знала.

Бадеа привела меня в «нижние кварталы» Лэндфолла. Они так называются потому, что туда сносит морским течением все отходы космопорта. На волнах покачивались радужные бензиновые разводы и плавучий ковер разнообразного мусора. Запущенные домишки тесно жались друг к другу; кроме них, тут не было ничего, не считая разнообразных питейных заведений и винных магазинов. В море выдавались причалы, достаточно длинные, чтобы преодолеть мусорную кайму вдоль берега, и у конца одного из таких причалов виднелось небольшое суденышко, нечто вроде вместительной рыбачьей лодки: корпус из бурой коры, тонкая коричневая мачта, серо-зеленый парус, полощущийся на ветру.

Мы направились к лодке, и тут зеваки – на пристанях было несколько человек, которые слонялись без дела, лениво удили рыбу, чинили лодки или сети, – начали понимать, что я собираюсь ехать с ней.

Эспериганцы уже убедились в том, что мы не ленимся объяснять каждый раз, как возникнет необходимость, что Конфедерация – опасный враг и хороший друг, что мы никого не заставляем вступать в нее силой, но в открытую с нами лучше не связываться. Мы уже построили им космопорт, открывающий путь к остальным заселенным планетам, и они жаждали большего, как мотылек, летящий к солнцу. Я рассчитывала, что это само по себе обеспечит мне защиту, но не учла, что, как сильно они ни жаждали наших даров, они куда сильнее жаждали того, чтобы их враги этих даров были лишены.

Пока мы шли по причалу, четверо мужчин встали и выстроились поперек дороги.

– Не ездите с ней, мэм, – сказал один из них, демонстрируя неуклюжую пародию на уважение.

Бадеа ничего не сказала. Она просто слегка отступила в сторону, выжидая, как я отреагирую.

– Я здесь по поручению моего правительства, – ответила я,

хотя и знала, что это подействует как красная тряпка на быка, и пошла прямо на них.

Это не было попыткой их запугать: у нас на Утрене, хотя я и ходила простоволосой, что крайне нескромно, мужчины мгновенно расступились бы, чтобы не оскорбить меня ненароком и избежать физического контакта. Это действие было настолько автоматическим, что я совершила его практически бессознательно. Да, знаю, это именно то, чего нас учат избегать, но в процессе обучения это выглядит куда проще, чем потом оказывается на практике. Я даже не думала, что они расступятся, – я просто знала, что они должны это сделать.

Видимо, эта моя уверенность передалась им: мужчины действительно немного подвинулись, достаточно, чтобы мое подсознание убедилось в том, что их поведение соответствует моим ожиданиям, – поэтому я была застигнута врасплох и пришла в ужас, когда один из них внезапно схватил меня за руку, пытаясь остановить.

Я заорала во все горло и ударила его. Его лица я совершенно не помню, но отчетливо вижу перед собой лицо человека, стоявшего позади него: он был так же шокирован насилием, как и я. Все четверо вздрогнули от моего вопля, а потом столпились вокруг меня, протестующе гомоня и протягивая ко мне руки.

Я отреагировала новым насилием. Я уверенно считала себя гражданкой многих планет – и ни одной в особенности, – воспитанной вне всяких предубеждений, неподвластной влиянию местечковых традиций той земли, где меня угораздило родиться… Но в тот момент я готова была убить их всех. Впрочем, вряд ли бы мне это удалось. Я была выше них, и гравитация на Утрене несколько сильнее, чем на Мелиде, так что я была сильнее, чем они рассчитывали, но все-таки это были работяга, моряки, неладно скроенные, но крепко сшитые, а в рукопашной драке мужское превосходство в мышечной массе сказывается быстро.

Они попытались меня остановить, что только вогнало меня в еще большую панику. Разум в такие моменты съеживается и отступает в сторону – я помню только, что обливалась потом и что шов моего пиджака противно тер мне шею, пока я вырывалась.

Позднее Бадеа сказала мне, что поначалу не намерена была вмешиваться. Тогда она могла бы спокойно уйти, зная, что в инциденте с Конфедерацией повинны эсперианские рыбаки, а не она. Вмешаться ее заставило отнюдь не сочувствие. Причины моей истерики были ей так же непонятны, как и им, но в то время, как они сочли меня сумасшедшей, она восприняла это в

контексте того, что я согласилась на ее первоначальные условия, и нехотя пришла к выводу, что мне действительно почему-то очень нужно поехать с ней, хотя сама она не понимала зачем и не видела в этом особого смысла.

Я не могу точно сказать, что именно произошло в следующие несколько секунд. Я помню, как ее зеленые полупрозрачные крылья развернулись у меня над головой, просвечивая на солнце, точно занавеска, и как кровь брызнула мне в лицо, когда она аккуратно отсекла вцепившиеся в меня руки. Она пустила в ход тот самый клинок, который позднее на моих глазах использовала с самыми разными целями, в том числе собирая плоды с деревьев, листья или кора которых могли оказаться ядовитыми. Этот клинок имеет форму полумесяца и носится на толстом эластичном шнуре. Опытный владелец может менять свойства шнура, делая его то твердым, то податливым.

Я стояла, задыхаясь. Она опустилась на пристань. Мужчины, стеная, попадали на колени, по пристани в нашу сторону бежали другие. Бадеа краем ступни спихнула в воду отрубленные кисти и спокойно сказала:

– Нам надо уходить.

За время стычки лодка очутилась прямо напротив нас, призванная каким-то не замеченным мной сигналом. Я спустилась в лодку следом за Бадеа. Лодочка рванулась вперед, точно взлетающая птица. Крики и кровь сразу остались далеко позади.

Во время этого странного путешествия мы все время молчали. То, что я приняла за парус, вместо того чтобы ловить ветер, раскрылось у нас над головами, точно навес, и развернулось к солнцу. Разглядев его поближе, я увидела на поверхности «паруса» множество мелких шевелящихся волокон; такие же волокна имелись снаружи корпуса. Бадеа растянулась на дне лодочки и заползла под низкую палубу. Я присоединилась к ней. Дно не было ни неудобным, ни жестким: его поверхность оказалась зыбкой и податливой, как водяной матрац.

На то, чтобы пересечь океан, у нас ушло не так много времени. К вечеру мы прибыли на место. Что именно служило двигателем этой лодки, я сказать не могу: судно сидело в воде не так уж глубоко, и никакой пены или брызг мы за собой не оставляли. Мир вокруг расплывался, точно в окне, залитом дождем. Один раз я попросила у Бадеа Пить. Та положила руки на дно лодки и надавила: в получившемся углублении образовалась прозрачная лужица с жидкостью, имевшей вкус нечищеных огурцов.

Так я прибыла на Мелиду.

Третье уточнение

Бадеа была несколько смущена тем, что навязала меня своим друзьям, и потому, высадив меня в центре своей деревни, оставила там, взлетев наверх, под навес, куда я попасть не могла, давая тем самым понять, что она со мной покончила и все, что я сделаю дальше, не имеет к ней никакого отношения.

Я к тому времени была голодна и валилась с ног от усталости. Те, кто сам никогда не бывал в межпланетных путешествиях, представляют себе эти полеты как нечто великолепное и захватывающее, но для мелких служащих вроде меня космический полет ничем не лучше любого другого путешествия, только что длится дольше. Я провела целую неделю практически узницей собственной каюты: складывающаяся кровать освобождала место, где можно сделать четыре шага взад-вперед либо разложить письменный стол, одно из двух. Туалет был общий, в коридоре, размером со скромный чуланчик. Лэндфолл я миновала не задерживаясь: этот унылый космопорт был всего лишь промежуточным пунктом, а не конечной целью моего путешествия. Но вот я прибыла на место, остатки адреналина выгорели, и я ощутила полный упадок сил.

Я была не первой, кто очутился посреди мелидянской деревни. Другие бывали здесь до меня и описывали свое пребывание – это были в основном эсперианцы, антропологи, биологи да чересчур отважные либо чересчур глупые туристы. Все рассказы обычно сводились к художественному описанию туземцев, порхающих над головой среди лиан либо веток деревьев, сплетенных в подобия шалашей. Подробности и эпитеты зависели в целом от широты, на которой располагалась деревня, неизменным оставался лишь типичный план, где ряды хижин расходились во все стороны, как спицы колеса, с центральной площадью посередине.

Если бы я не так сильно устала, то бы, наверное, тоже смотрела по сторонам с видом ученого исследователя и теперь могла бы поведать моим читателям нечто подобное. Но на тот момент деревня представлялась мне совершенно чужой и чуждой, и никаких следов продуманного плана я в ней не видела. Само слово «деревня» создает совершенно ложное впечатление безмятежной провинциальности. Между тем мелидяне, по крайней мере те, что имеют крылья, свободно перемещаются по обширным скоплениям небольших поселений, так что местной общественной жизни свойственна скорее лихорадочная суета крупного города. Я стояла одна посреди площади, а мимо меня

уверенно проходили незнакомцы, всем своим видом говоря: «Меня не интересуют ни ты, ни твоя судьба. Мне до тебя нет никакого дела. С чего ты взяла, что может быть иначе?» В конце концов я легла на краю площади и заснула.

На следующее утро я познакомилась с Китией. Она разбудила меня, потыкав прутиком. Ее одноклассницы избрали ее для этой цели, руководствуясь неким сложным сочетанием личных качеств и жребия. Сами они хихикали на безопасном расстоянии в несколько шагов. Я открыла глаза и села.

– Почему ты спишь на площади? – осведомилась Кития, вызывав новый взрыв смеха.

– А где же мне спать? – спросила я.

– В доме!

Когда я в довольно цветистых выражениях объяснила им, что у меня здесь нет дома, они рассудительно посоветовали мне отправиться туда, где находится мой дом. Я выразительно поглядела на небо над головой, осведомилась у них, на какой широте мы находимся, и затем, наугад ткнув куда-то вверх, заявила:

– Мой дом вон там, в пяти годах пути отсюда.

Презрение, непонимание и наконец восторг. Так я прилетела со звезд! Никто из их друзей раньше не встречал людей со звезд. Одна из девочек, которая прежде гордилась тем, что как-то раз побывала на меньшем континенте, и предъявляла в доказательство эсперигански куклу, была немедленно свергнута с пьедестала. Кития властно взяла меня за руку и сообщила, что раз мой дом так далеко, она отведет меня в другой.

Дети практически в любом обществе – идеальные помощники антрополога, если только с ними можно установить контакт, не вызвав возмущения взрослых. Им нравится непривычная возможность отвечать на серьезные, важные вопросы, а в особенности на дурацкие и очевидные вопросы, которые позволяют им ощутить собственное превосходство над задающим их взрослым. Кроме того, они без ума от всего необычного. Кития оказалась настоящим сокровищем. Мы с ней во главе процессии, напоминающей о крысолове из Гамельна, пришли к пустующему дому на одной из ближайших улочек. Дом был недавно заброшен, и в нем уже поселились жильцы: стены и потолок кишели крошечными насекомыми с блестящими темно-синими надкрыльями. Насекомые деловито точили дерево, треск стоял, как от кузнечиков в летнем поле.

Я с трудом подавила желание выбежать вон. Кития не колебалась ни секунды: она прошла по полу, десятками давя этих жучков, и подошла к небольшому кранику в противоположной

стене. Она открыла краник, и оттуда потекла прозрачная вязкая жидкость. Жуки тотчас принялись расползаться подальше от нее.

– Вот так, – сказала она, показывая, как набирать жидкость в ладони и размазывать ее по стенам и по полу.

Жуки разочарованно убрались прочь, а бурые стены снова начали становиться бледно-зелеными, латая образовавшиеся дыры.

В течение следующей недели Кития кормила меня, учила правильно говорить и правильно себя вести и в конце концов принесла мне одежду, тунику и чулки, гордо сообщив, что сделала их сама в классе. Я искренне поблагодарила ее и спросила, где тут можно постирать мою старую одежду. Девочка ужасно удивилась, потом пригляделась к моей одежде повнимательнее, пощупала ее и сказала:

– Ой, да она же мертвая! А я-то думала, она просто уродская.

Ее подарок был изготовлен не из ткани, а из тонкого плотного сплетения растительных волокон, поверхность которого напоминала крылья бабочки. Как только я надела новый наряд, он плотно охватил мою кожу. Поначалу я подумала, что у меня аллергия, потому что отчаянно зачесалась, но это всего лишь бактерии, живущие в волокнах, деловито выедали пот, грязь и отмершие клетки эпидермиса, скопившиеся на коже. Мне потребовалось несколько дней на то, чтобы преодолеть свои рефлексы и доверить живой одежде ликвидацию более объемных отходов. До того я ходила испражняться в лес, не сумев найти ничего напоминающего туалет. Попытавшись же выяснить это, я столкнулась с таким смущением, что не рискнула развивать эту тему, решив, что она строго табуирована.

И все это изготовила девочка менее чем тринадцати лет от роду! Она не могла объяснить мне, как она это сделала, так, чтобы я поняла. Ну, представьте, что от вас требуется объяснить идею поиска по каталогу человеку, который не только никогда в жизни не видел библиотеки, но и не подозревает о существовании электричества, и хотя, возможно, знает, что такое письменность, но сам продвинулся не дальше азбуки. Как-то раз она отвела меня к себе в школу во внеурочные часы и показала свое рабочее место: большой деревянный поднос, наполненный сероватым мхом, с двойным рядом баночек, в каждой из которых содержались жидкости или порошки, которые я могла отличить друг от друга разве что по цвету. Единственными инструментами, которые она использовала, были разнообразные шприцы и пипетки, черпаки и щетки.

Вернувшись домой, я написала в своем растущем докладе, который могла отправить не раньше чем через месяц: «Этому

народу нет цены. Они нам решительно необходимы».

Четвертое уточнение

В течение этих первых недель со взрослыми я дела не имела. Временами я встречала их на улицах, и в домах рядом с моим кто-то жил, но они никогда не заговаривали со мной и не смотрели на меня в упор. Против моего проживания в деревне никто не возражал, но это была не столько молчаливая поддержка, сколько нежелание признавать само мое существование. Я разговаривала с Китией и другими детьми и старалась не терять терпения. Я надеялась, что рано или поздно мне представится шанс принести какую-либо очевидную пользу.

В конце концов оказалось, что именно моя бесполезность пробила брешь в стене. Рано утром поднялась суматоха. Кития в это время показывала мне модель своих крыльев – она была как раз в том возрасте, когда пора их проектировать. В течение следующего года она должна была вырастить у себя паразита, создающего крылья, а пока что баловалась с миниатюрными копиями, которые взлетали с рабочего стола, тонкие как паутинка и подергивающиеся от непроизвольных мышечных сокращений. Я старалась скрыть свое отвращение.

Когда начался шум, Кития подняла голову, небрежно выбросила свою модельку в окно, где на нее тут же накинулись сразу несколько птиц, и устремилась к двери. Я последовала за ней на площадь. По краям площади толпились дети, они наблюдали за происходящим, храня непривычное молчание. На земле лежали пять женщин. Все они были окровавлены, одна – мертва. Раны двух, похоже, были смертельны. У всех имелись крылья.

Несколько человек уже трудились над ранеными, набивая открытые раны буровато-белой губчатой массой и зашивая их. Я была бы только рада чем-то помочь, не столько даже из естественного сострадания, сколько исходя из хладнокровных соображений, что любая критическая ситуация ломает социальные преграды. Должна признаться, что воздержалась от вмешательства я не оттого, что так совестлива, а практично рассудив, что мои собственные познания в медицине не столь велики, чтобы чем-то здесь пригодиться.

Так что я скорее отошла подальше, чтобы не путаться под ногами, поскольку обратить эту ситуацию в свою пользу не могла. И тут я наткнулась на Бадеа. Она стояла на краю площади, наблюдая за происходящим.

Стояла она в одиночестве. Других взрослых поблизости не было, и руки у нее были в крови.

– Вы тоже ранены? – спросила я.

– Нет, – лаконично ответила она.

Я решилась высказать озабоченность по поводу ее подруг и спросила, не в бою ли они ранены.

– До нас доходили слухи, что эсперианцы вторгаются на вашу территорию, – добавила я. Это была первая представившаяся мне возможность хотя бы намекнуть, что наши власти им сочувствуют. Дети, когда я спрашивала у них, продолжаются ли теперь боевые действия, только пожимали плечами.

Она тоже пожала одним плечом, сложенное крыло поднялось и опустилось. Потом сказала:

– Они оставляют в лесу свое оружие, даже там, куда они сами проникнуть не могли.

У эсперианцев существовало несколько разновидностей мин, в том числе хитроумное мобильное устройство, которое можно было запрограммировать на конкретную мишень, вплоть до учета индивидуального генетического кода, или же на определенный фенотип – скажем, гуманоидность или наличие крыльев, и направить на поиски соответствующей цели, с тем чтобы взрыв причинил максимальный урон. Взрывчатка в устройстве находилась только с одной стороны, вторая половина была занята электроникой.

– Шрапнель разлетелась только в одном направлении, да? – спросила я и обрисовала руками веер.

Бадеа пристально посмотрела на меня и кивнула.

Я объяснила ей принцип действия мины и рассказала, как они сделаны.

– Некоторые устройства способны их обнаруживать, – добавила я, собираясь предложить помощь, однако еще не успела завершить перечисление материалов, как она развернулась и, не оглядываясь, зашагала прочь.

Ее реакция не вызвала у меня разочарования: я верно истолковала ее как стремление немедленно использовать полученные сведения, и через два дня мое терпение было вознаграждено. В первой половине дня Бадеа пришла ко мне домой и сказала:

– Мы нашли такую мину. Ты можешь показать, как их обезвреживать?

– Не уверена, – честно ответила я. – Безопаснее всего было бы подорвать ее издали.

Пластик, который они используют, отравляет почву.

– Ты можешь отвести меня туда, где она находится? – спросила я.

Она достаточно долго размышляла над этим вопросом, и я поняла, что это связано с табу либо опасностью.

– Могу, – сказала она наконец и повела меня в дом, стоявший ближе к центру деревни.

В доме имелась лестница, ведущая на крышу, откуда можно было перебраться на крышу соседнего дома и так далее, пока мы наконец не добрались до большой корзины, находящейся в развилке дерева и сплетенной не из канатов, а из каких-то лиан. Мы забрались в корзину, и Бадеа оттолкнулась от ствола.

Наше передвижение нельзя было назвать плавным. Проще всего сравнить это с качелями, с той только разницей, что, достигнув высшей точки траектории и зависнув в невесомости, ты не возвращаешься обратно, а падаешь вперед по дуге, при этом с головокружительной скоростью. Вокруг стоял резкий запах, похожий на запах гнилого ананаса, от листьев, сбитых с крон, сквозь которые мы неслись. Минут через пять меня начало сильно тошнить. Утешением моей гордости – если не моим внутренностям – послужило то, что раньше, чем наше путешествие закончилось, Бадеа тоже стошнило, хотя и не так мучительно, и за борт, а не внутрь корзины.

На дереве, куда мы прибыли, нас ждали две женщины, обе крылатые: Рената и Пауди.

– Она уползла еще на триста метров, в сторону Иглана, – сказала Рената.

Иглан, как мне объяснили, был еще одной мелидянской деревней, находящейся по соседству.

– Если она подползет достаточно близко, чтобы почувствовать следы жилья, то не сработает, пока не окажется внутри поселения, когда вокруг будет максимальное количество народа, – сказала я. – Если это более дорогостоящая разновидность, она способна также зарываться в землю.

Они бережно спустили меня на землю и окружили со всех сторон. Их крылья были раскинуты так широко, что касались лиан, свисающих по обе стороны от нас, и время от времени они взмывали вверх, чтобы оглядеться. Несколько раз меня дружелюбными прикосновениями заставляли свернуть на другую тропу, хотя, на мой нетренированный взгляд, никакой разницы между ними не было.

Мимо нас цепочкой тянулись крупные муравьи – да простит мне читатель, что я называю этих существ муравьями, но на вид они ничем не отличались от этих трудолюбивых созданий. Поначалу я не придала этому значения, но, когда мы дошли до мины, я увидела, что она облеплена муравьями. Они не препятствовали ее продвижению, но упорно кишели вокруг с

неослабевающим интересом.

– Мы приспособили их таким образом, что они чуют пластик, – пояснила Бадеа, когда я спросила ее об этом. – Мы могли бы заставить их и съесть его, – добавила она, – но боялись, что тогда устройство взорвется.

Сейчас, когда я это пишу, слово «приспособили» снова крутится у меня в голове и раздражает, как любой термин, который нельзя перевести адекватно и для которого в нашем языке подобрали не вполне удачную замену. Однако я не могу улучшить то, что сделали официальные переводчики Конфедерации: для того чтобы передать подлинное значение этого слова, понадобится целых три сухих, унылых главы, куда более уместных в учебнике по биоинженерному делу, а я все-таки не специалист в этом вопросе. Надеюсь, впрочем, что я успешно передала то, как небрежно она об этом упомянула. Наши ученые могли бы воспроизвести данное генетическое модифицирование в одной из двух десятков лучших лабораторий Конфедерации за несколько лет, при наличии крупного гранта. Мелидяне сделали это за пару дней, как нечто само собой разумеющееся.

Впрочем, на тот момент мне было некогда выражать свое восхищение. Мина резво ползла вперед, не обращая внимания на любопытных муравьев, ее головка с единственным стеклянным глазом время от времени вращалась на тонких паучьих лапках, и у нас в запасе было всего полдня, чтобы остановить ее на пути к деревне.

Рената пошла дальше, чтобы следить за миной, а я остановилась и начертила на земле для Бадеа и Пауди ее устройство, насколько оно мне было известно. Любой разумный оружейник сделает так, чтобы мина взрывалась при малейшей попытке вмешаться в ее работу, за исключением штатного отключения с помощью условного кода, так что выбор у нас был невелик.

– Самое разумное – попытаться отключить приемник, – сказала я. – Если он будет неспособен принимать отключающий код, должен сработать предохранитель, дезактивирующий мину в случае поломки.

За спиной Пауди был ящик, который в разложенном виде представлял собой более изящную и компактную версию рабочего стола маленькой Китии. Она села, скрестив ноги, положила его на колени и часа два трудилась над ним, время от времени подбирая с земли пригоршню муравьев. Будучи опущены в зеленое вещество у нее на столе, муравьи большей частью съеживались и умирали, за исключением отдельных особей, которых она бережно отсаживала в пустую баночку, после чего

бралась за следующий образец.

Я то усаживалась на землю рядом с ней, то принималась расхаживать вместе с Бадеа, которая бдительно ходила кругами вокруг нас. Время от времени она сбрасывала с плеча свой клинок, потом вешала его обратно. Один раз она зарубила мотти, маленькое существо, похожее на лемура. Я говорю «лемур», потому что ничего более близкого к этому существу никогда не видела, однако мотти не обладает обаянием земного млекопитающего: я прониклась к нему инстинктивным отвращением еще до того, как Бадеа показала мне крошечные рты, приспособленные для сосания, полные зазубренных зубов, с помощью которых мотти впивается в жертву.

Она сделалась несколько разговорчивее обычного и принялась расспрашивать меня о моей родной планете. Я рассказала ей об Утрене, об изоляции женщин, которую она нашла чрезвычайно забавной, – так мы смеемся над глупостями тех, кто находится далеко от нас и нам лично ничем не угрожает. Мелидяне намеренно поддерживают соотношение женщин и мужчин пять к одному, как наиболее адекватное для сохранения здорового генофонда при минимизации расходования ресурсов. «У них не приживаются крылья, так что им труднее путешествовать», – добавила она, одной фразой развеяв недоумение предыдущих исследователей: отчего так редко можно видеть их мужчин?

У нее было двое детей, о которых она с гордостью мне рассказывала. На тот момент они жили с отцом и сводными братьями и сестрами в деревне, до которой было полдня пути, и Бадеа подумывала о третьем ребенке. Она исполняла обязанности «лесного разведчика» – снова неудачный перевод, это был сложный термин, который на тот момент под влиянием давления эспериганцев начинал приобретать военное значение.

– У меня все! – сказала Пауди.

Мы догнали Ренату и нашли ближайший муравейник, который выглядел как холмик из белой ваты высотой несколько дюймов. Пауди запустила в муравьиную колонию выживших муравьев, зараженных теперь нужным вирусом, и те, после нескольких секунд смятения и бестолковой суеты, послушно направились внутрь. Поток муравьев, текущий наружу, на какое-то время почти иссяк, потом восстановился снова, и от основной цепочки рабочих отделился ручеек, который устремился к мине.

Муравьи присоединились к тем, которые по-прежнему кружили около мины, однако новоприбывшие не стали без толку разглядывать ее, а принялись деловито пробираться внутрь корпуса. Мы отступили на безопасное расстояние, не прекращая

наблюдать. Мина еще минут десять ползла в прежнем направлении с той же скоростью, а потом вдруг заколебалась. Паучья лапа нерешительно зависла в воздухе. Мина сделала еще несколько неуверенных шагов, а потом внезапно все ее ножки втянулись, и она осталась лежать на земле круглым ровным бугорком.

Пятое уточнение

Меня научили пользоваться их связью и вырастили мне интерфейс для моего собственного карманного компьютера, так что я наконец получила возможность отправить доклад. Костас, разумеется, рассердился: он вынужден был оправдываться перед эспериганцами за мой насильственный отъезд, понятия не имея, что произошло на самом деле. Однако я отправила доклад за час до того, как вышла на связь, и к тому времени, как мы переговорили, он уже прочитал достаточно, чтобы нехотя согласиться с моими выводами, хотя и не с моими методами.

Разумеется, я была чрезвычайно довольна собой. Вырвавшись наконец из академии и обнесенных высокими стенами садов Утрени, вооруженная ложной уверенностью в своих исследованиях и своих навыках, я пока что сумела достичь всего, чего намеревалась. Я без труда умыла руки от крови эспериганцев, и, хотя и выразила раскаяние, когда Костас принялся меня упрекать, в глубине души я чувствовала только раздражение, да и сам Костас не стал надолго останавливаться на этой теме: победителей не судят, а у него были куда более важные новости.

Два дня назад эспериганцы направили на этот материк небольшую армию, скромно названную оборонительным экспедиционным корпусом. Ее целью было организовать на мелидянском берегу, милях в девятистах от моего нынешнего местонахождения, постоянное поселение и приступить к стандартной процедуре терраформирования. Местную флору и фауну предстояло искоренять стомильными участками: сперва пройтись широкими мазками, вырубив под корень деревья и обнеся участок электрическими заграждениями, затем выжечь облучением почву и воздух, после этого внести земную микрофлору и растения. Таким образом были созданы заново тысячи планет, и, хотя эспериганцы завершили полное преобразование своего континента пятьсот лет назад, методы по-прежнему были известны.

Он с сомнением в голосе спросил, могут ли мелидяне что-то противопоставить такому вторжению. Одно дело – обезвредить несколько мин, разбросанных по джунглям, а противостоять крупному организованному вторжению – это совсем другое.

– Я думаю, мы сможем что-нибудь сделать, – осторожно ответила я, чтобы не обнадеживать его раньше времени, и, едва окончив сеанс связи, отнесла Бадеа каталог оборудования и боевой техники.

Она была занята ликвидацией обезвреженных мин, которые муравьи оставляли разбросанными по лесам и джунглям. Одну из разновидностей райской птицы «приспособили» для питания муравьями, а блестящие мины она уносила к себе в гнезда, где наблюдатель мог без труда обнаружить их с воздуха. Бадеа и другие собиратели пока что сумели обнаружить около тысячи мин. Мины были сложены аккуратной горкой, точно черепа маленьких циклопов, безжизненно глядящие своими тусклыми глазками.

На то, чтобы пересечь океан, эсперигацам потребовалась неделя. Эту неделю я провела вместе с мелидянами, планируя ответные меры. Это сотрудничество доставляло мне головокружительное удовольствие. Работа в их открытых лабораториях, заполненных растениями, накрытых полощущейся на ветру тканью, вбирающей солнечный свет, чтобы снабжать нас энергией, среди лучших умов, слетевшихся за много миль, чтобы принять участие в совместной деятельности, была нетрудной и приятной. Спутники-шпионы Конфедерации были запущены на орбиту планеты примерно через год после первого контакта, так что мне, по всей вероятности, было известно об армии вторжения больше, чем местным властям. Я была нарасхват, они желали знать не только известные мне сведения, но и мое личное мнение по тем или иным вопросам.

В пылу наших трудов я не скрывала ничего. Это пока не было преднамеренным, но нельзя сказать, что это было непродуманным. Меня прислали сюда, чтобы приблизить начало войны, и, если в получившемся политическом уравнении единственными переменными были солдатские жизни, от меня тем не менее требовалось поддерживать существовавшее равновесие. В мои обязанности не входило обеспечить мелидянам легкую победу, точно так же, как и Костасу не следовало обеспечивать победу эсперигацам.

Маленькая победоносная война, в результате которой возник бы новый фронтир, соблазн для беспокойных душ, мгновенно разожгла бы агрессивный национализм, который является наихудшим препятствием с точки зрения Конфедерации, и сделала бы менее заманчивыми искушения, с помощью которых мы намеревались убедить их окончательно влиться в галактическое сообщество. С другой стороны, грязь и мерзость гражданской войны при примерном равенстве сил очень часто оказывалась крайне полезной, и чем дольше и горше она окажется, тем лучше. Меня отправили к мелидянам в надежде, что при наличии руководства и той материальной поддержки, которую мы могли оказывать, не вставая официально на их

сторону, они окажутся достойными противниками эспериганцев, что позволит создать именно ту ситуацию, которая требовалась.

Должностные лица, выбравшие меня для этой миссии, неоднократно подвергались критике, но в их защиту следует указать, что на самом деле никто не рассчитывал, что мне придется оказать военную поддержку, и никто, включая меня самое, не предполагал, что я могу оказаться хотя бы отчасти полезной в данной роли. Я была всего лишь разведчиком. В мои обязанности входил исключительно сбор информации о культуре, необходимой для того, чтобы открыть путь отряду военных экспертов из «Вока Либре», которые должны были прибыть на Мелиду не ранее чем через два года. Меня выдвинули на эту должность амбиции и представившийся удобный случай, а никак не начальство.

По-моему, эти эксперты прибыли где-то во время третьего эспериганского вторжения. Дату я, впрочем, точно назвать не могу – к тому времени я потеряла счет дням, – и встретиться с ними мне так и не пришлось. Надеюсь, они простят мне, что из-за меня они остались без войны. Я дорого заплатила за свою жадность.

В большей части эспериганского оборудования и боевой техники использовалась обычная углеродистая сталь: болты, гайки, винты, шурупы, проволока, вплетенная в индивидуальную бронезащиту… Она-то и была целью наших усилий. Для мелидян это было принципиально новое поле деятельности: металлы они использовали так же, как мясо, – скупо, гордясь тем, что умеют обходиться без них. Для них это были либо химические элементы, применяемые в микроскопических количествах, либо нежелательные побочные продукты более сложных биологических процессов.

Однако же для борьбы с металлическими отходами были разработаны соответствующие штаммы бактерий, а манипулировать этими организмами они могли с экстраординарной скоростью. Еще некоторое количество муравьев – как мне стало известно, мелидяне очень часто использовали их в качестве переносчиков, – были приспособлены к имеющейся задаче путем создания у них в организме дефицита железа и размещения в кишечнике нужных бактерий. Это превратило муравьев в чрезвычайно эффективные орудия разрушения. Будучи в качестве эксперимента выпущены на несколько мин, они стремительно сожрали их корпуса, оставив после себя только кучки черной угольной пыли, которые мелидяне аккуратно убрали, чтобы использовать для изготовления удобрений, да пластиковую взрывчатку, опутанную

медными проводами и силиконом.

Эспериганцы высадились на берег и незамедлительно расчистили себе среди девственных лесов на побережье аккуратный полумесяц выжженной земли, не оставив над своим лагерем никаких сучьев, которые могли бы послужить плацдармом для нападения. По периметру установили электрическую изгородь с пулеметами и часовыми. Все это я наблюдала вместе с Бадеа с небольшой платформы на оплетенном лианами дереве. Мы были одеты в серо-зеленые плащи, и лица у нас были намазаны соком листьев.

На самом деле у меня не было серьезных причин находиться здесь, если не считать неуклюжего предлога, что, когда мы проникнем внутрь, я могу указать Бадеа ключевые места их лагеря. Не могу сказать, почему именно я пожелала отправиться в эту небезопасную экспедицию. Я не особенно отважна. Некоторые мои недоброжелатели обвиняли меня в кровожадности и рассматривали этот эпизод как логическое продолжение моего кошмарного отъезда. Возразить мне нечего, факты говорят не в мою пользу, но тем не менее не могу не подчеркнуть, что я участвовала в той части экспедиции, которой, как мы надеялись, не придется иметь дела с насилием.

Однако, честно говоря, я уже искренне негодовала на свинскую слепую агрессивность эспериганцев, готовых уничтожить все чудеса, которые я видела вокруг, лишь затем, чтобы создать еще одну бледную копию Земли и досуха высосать труп родной планеты. Я видела в них врагов не только из чувства долга, но и по велению сердца, и я позволила себе роскошь их ненавидеть. На тот момент это упрощало дело.

Ветер дул с востока, и несколько мелидян атаковали лагерь с той стороны. Извлеченной из мин взрывчатки оказалось достаточно, чтобы прорвать изгородь эспериганцев, – тряхануло даже нас, на нашем высоком наблюдательном пункте. Ветер нес в нашу сторону пыль, дым и пламя, солдаты у себя в лагере превратились в смутные, призрачные человеческие силуэты. Противники схватились врукопашную, и пулеметные очереди доносились сквозь дым все реже.

Бадеа держала в руках тонкий трос с тяжелым стручком на конце. Теперь она смочила стручок водой из фляги и метнула его вперед. Стручок перелетел через изгородь и упал внутри лагеря, между ровными рядами складских палаток. Упав на землю, стручок немедленно лопнул, точно спелый плод, выползший наружу пучок корней впился в землю, заякорив таким образом трос. Бадеа привязала другой конец троса к толстой ветке.

Мы принялись спускаться по нему. Эта веревка не царапала и

не терла руки – когда мы спрыгнули на землю, ладони у меня были целы и невредимы. Мы юркнули в узкий проход между палатками. Время странным образом растянулось, как бывает иногда в критических ситуациях: я отдавала себе отчет в каждом шаге и мучительно сознавала, как много времени уходит на то, чтобы его сделать.

У входа во многие палатки стояли бдительные часовые – видимо, они охраняли наиболее ценную технику или наиболее ценных людей. Они не покинули своих постов, хотя большая часть их войска отражала нападение мелидян на другом конце лагеря. Но в палатки нам проникать было незачем. Часовые стали скорее полезными индикаторами, указывающими мне, какими палатками следует заняться в первую очередь. Я указала Бадеа группу из четырех палаток в дальнем конце лагеря, каждую из которых охраняло по паре часовых с обеих сторон.

Бадеа настороженно озиралась по сторонам, пока мы под покровом дыма перебегали один проход за другим. Стены из вощеного холста заглушали отдаленные крики и звуки пальбы. Земля под ногами все еще имела желтоватый оттенок, свойственный мелидянской почве, – эспериганцы не успели обработать ее излучением, – но она сделалась сухой и крошилась. Легкий и хрупкий местный мох был смят и истоптан тяжелыми сапогами и колесами, и ветер вздымал мелкие пылевые вихри у нас под ногами.

– Этой земле потребуется много лет, чтобы полностью оправиться, – негромко, с горечью заметила Бадеа, остановившись и опустившись на колени за пустующей палаткой неподалеку от нашей цели.

Она дала мне небольшой керамический инструмент, напоминающий заколки, какие носят на Утрене женщины, чьих волос никогда не касалось железо: гребень о трех зубцах, только у этого инструмента зубцы были длиннее и заостренные на концах. Я принялась с силой вонзать его в землю, чтобы как следует взрыхлить поврежденную почву, она же старательно полила землю водой с некоторыми органическими экстрактами и посеяла пакетик семян.

Может показаться, что это слишком сложная операция, чтобы проводить ее во вражеском лагере в разгар битвы, но мы хорошо отработали этот маневр, и даже если бы нас заметили, вряд ли кто-то распознал бы серьезную угрозу в двух закутанных в серое фигурах, припавших к земле. Пока мы трудились, поперек нашего прохода дважды проносили раненых солдат. Но нас не заметили.

Семечки, которые она посеяла, хотя и крошечные, тут же лопнули и дружно пошли в рост, выпуская тонкие как паутинка

корешочки с такой скоростью, что они смахивали на расползающихся червей. Бадеа невозмутимо водила вокруг них руками, загоняя их под землю. Убедившись, что все в порядке, она махнула мне, давая знак прекратить работу, и достала наших модифицированных муравьев. Их было теперь куда больше, и среди них была дюжина толстых желтых маток, каждая величиной с осу. Очутившись на подготовленной и увлажненной почве, матки тут же принялись зарываться в землю, а их подданные суетились вокруг, таская личинки.

Бадеа долго наблюдала за ними, наклонившись к самой земле, даже после того, как почти все муравьи скрылись под землей. Те немногие особи, которые выныривали на поверхность и тут же прятались обратно, слабое подрагивание корешков, шевелящиеся крупинки земли – все это для нее было источником ценной информации. Наконец, удовлетворившись наблюдением, она подняла голову и сказала:

– А теперь…

Вряд ли тот молодой солдат услышал подозрительный шум. Скорее всего, он просто искал укромное местечко, чтобы помочиться. Он вышел из-за угла, расстегивая пояс, и, даже увидев нас, не подач голос сразу – видимо, растерялся от неожиданности, а сперва схватил Бадеа за плечо. Он был чисто выбрит, на нагрудном жетоне значилось имя – Риданг. Я вонзила свою тяпку ему в глаз.

Я была выше ростом, так что удар пришелся сверху, и он упал на колени и схватился за лицо.

Он умер не сразу. Люди очень редко умирают в мгновение ока, хотя мы частенько утешаем себя тем, что то или иное повреждение или увечье должно лишить человека сознания, жизни и страданий одновременно. Этот оставался в сознании несколько мгновений, которые показались мне чрезвычайно долгими: его второй глаз был открыт и смотрел на меня, пока его пальцы цеплялись за ручку тяпки. Когда же взгляд потух и он безвольно рухнул наземь, все его конечности принялись конвульсивно подрагивать и изо рта, носа и глаза побежала кровь, прежде чем он в последний раз дернулся и застыл неподвижным трупом.

Я смотрела, как он умирает, испытывая странное подобие безмятежности: все чувства меня покинули. Потом я отвернулась, и меня стошнило. У меня за спиной Бадеа вспорола ему живот и бедра и перевернула его ничком, чтобы кровь и все прочие жидкости вытекали в землю.

– По крайней мере, он успеет принести хоть какую-то пользу этой земле, прежде чем его унесут прочь и израсходуют

впустую, – заметила она. – Идем!

Она дружелюбно коснулась моего плеча, но я вздрогнула от этого прикосновения, точно от удара.

Нельзя сказать, чтобы Бадеа и ее друзья равнодушно относились к смерти или были снисходительны к убийству. Но за то, чтобы жить в мире, чья природная враждебность скорее поощряется, чем подавляется, приходится платить. Средняя продолжительность жизни мелидян лет на десять меньше, чем у граждан Конфедерации, хотя они в среднем куда здоровее и лучше приспособлены к жизни как генетически, так и физиологически. Согласно их философии, человеческая жизнь по природе своей ничем не выше и не ценнее любой другой. Многие гибнут от несчастных случаев или от лап хищников, а постоянная жизнь лицом к лицу с жестокой, неумолимой природой притупляет чувствительность. Бадеа не имела счастья жить на безопасном расстоянии от природы, которое внушает уверенность, что мы благополучно проживем весь срок, отпущенный нам от рождения, а потому и не испытывала особого ужаса, столкнувшись с доказательствами обратного. Я смотрела на свою жертву – и видела на ее месте себя; она тоже была способна на это, но она знала это с детства, и это не заставляло ее опускать голову.

Через пять дней эспериганская техника начала разваливаться. Еще день – и все их работы остановились. В смятении они отступили обратно в свой лагерь. Меня не было в том отряде мелидян, который уничтожил их всех до последнего.

Вопреки многочисленным обвинениям, в своих докладах Костасу я не стала лгать и выражать изумление. Я честно призналась ему, что ожидала подобных результатов, и начистоту объяснила, что не решалась заранее говорить о том, в чем не была уверена. Я никогда не пыталась нарочно обманывать вышестоящих или скрывать от них важную информацию, за исключением таких вот маленьких хитростей. Поначалу я не чувствовала себя настолько мелидянкой, чтобы это делать, а потом стала слишком мелидянкой, чтобы испытывать что-либо, кроме отвращения, при самой мысли об этом.

Мы с ним обсудили наши следующие шаги в этой пляске тигра. Я описала, как могла, мелидянские технологии, и после консультаций с различными экспертами Конфедерации было решено, что Костас тихо намекнет эспериганскому министру обороны во время еженедельного совместного ланча о некоей конфедератской технологии: керамическом покрытии, которое можно заказать на Бель-Риосе, только придется ждать два года, и

это будет стоить больших денег. Но, с другой стороны, если бы эспериганцы согласились уступить часть своих земель Конфедерации, то некий частный предприниматель готов финансировать постройку фабрики прямо на Мелиде, что позволит штамповать аналогичные детали гораздо дешевле и наладить производство в течение шести месяцев.

Эспериганцы попались на удочку, не увидев за этим кажущимся нарушением нейтралитета ничего, кроме алчности какого-то частного лица. Они решили, что этим лицом является сам Костас, понимающе перемигнулись – что ж, у всех есть свои грешки! – и энергично принялись помогать нам их эксплуатировать. Между тем они периодически повторяли робкие попытки вторжения на Мелидянский континент, время от времени совершая пробные высадки, однако вызванные ими разрушения выдавали их присутствие, и ближайшее поселение немедленно высылало трудолюбивых муравьев, так что эти попытки, как и первая, успехом не увенчались.

В течение этих месяцев невольного перемирия я много путешествовала по континенту. Мои дневники находятся в открытом доступе, будучи в распоряжении нашего правительства. Однако изложенные в них сведения постыдно скудны, за что я должна принести извинения своим коллегам. Я вела бы записи куда старательнее, если бы знала, что буду не только первым, но и последним таким исследователем. Однако в то время, испытывая головокружение от успехов, я чувствовала себя скорее беззаботной туристкой, нежели исследователем, и отправляла только те записи и заметки, которые нравились мне самой, отговариваясь тем, что мои возможности по отправке докладов ограничены.

Я понимаю, что это слабое утешение, но должна сказать, что никакие фотографии и описания не способны передать ощущения человека, который находится в сердце живого мира, чуждого, но не враждебного, и, когда я рука об руку с Бадеа бродила по краю большого каньона и смотрела вниз, на лиловые, серые и охристые утесы и на плавно колышущиеся щупальца элаккового леса – зрелище, которое на моих знаменитых видеозаписях способно вызвать тошноту почти у любого зрителя, – я впервые испытала неведомое мне прежде чувство красоты чуждого. И я смеялась от восторга и удивления, а она смотрела на меня и улыбалась.

Через три дня мы возвращались в ее деревню и, приближаясь к ней, увидели бомбежку: новейшие эспериганские самолеты, похожие на узкие серебристые клинки, кружили над деревней на бреющем полете, и по небу полз черный маслянистый дым. Путешествие в корзине ускорить было никак нельзя, так что мы

могли только вцепиться в борта и наблюдать за происходящим. Когда мы прибыли на место, самолеты улетели и дым развеялся. А разрушения остались.

Я потом была зла на Костаса, незаслуженно, конечно. На самом деле он был посвящен в планы эспериганцев не более, чем они были посвящены в его собственные. Но тогда я была уверена, что он обязан знать, что они затевают, но не потрудился предупредить меня. Я обвинила его в преднамеренном сокрытии информации. Он резко ответил, что я знала о возможном риске, когда отправлялась на этот континент, и он не может отвечать за мою безопасность, раз я живу в зоне боевых действий. Это заставило меня замолчать: я осознала, насколько я была близка к тому, чтобы выдать себя. Разумеется, он не рассчитывал, что я предупрежу мелидян, – ему пока не пришло в голову, что я хотела именно этого. Мне ведь не следовало этого хотеть.

Во время этого налета погибли сорок три человека. Когда я пришла к маленькой кроватке Китии, она была еще жива. Она не испытывала страданий, взгляд у нее был замутненный и отстраненный, она была уже далеко. Ее семья приходила к ней и ушла.

– Я знала, что ты вернешься, поэтому я попросила, чтобы мне позволили остаться еще ненадолго, – сказала она. – Я хотела попрощаться.

Она помолчала и робко добавила:

– И еще мне было страшно, немножко. Только никому не говори.

Я обещала ей, что никому не скажу.

Она вздохнула и сказала:

– Ну, теперь, наверное, мне пора. Позови их, ладно?

Когда я подняла руку, сразу подошел служитель и спросил у Китии:

– Ну что, ты готова?

– Готова, – ответила она, немного неуверенно. – А больно не будет?

– Нет, это совсем не больно, – ответил он, уже доставая из кармана рукой в перчатке тонкую полосочку, прозрачно-зеленую, пахнущую малиной. Кития открыла рот, он положил полосочку ей на язык. Та растворилась почти мгновенно, девочка дважды моргнула и погрузилась в сон. Несколько минут спустя ее рука, которую я по-прежнему держала в ладонях, похолодела.

На следующее утро, когда мы прощались с ней, я стояла вместе с ее семьей. Служители бережно уложили ее на поляне, издалека обрызгали ее жидкостью, пахнущей увядающим розовым букетом, и тут же отступили назад. Родители громко рыдали; я

стояла с сухими глазами, как и подобает достойной матроне с Утрени, демонстрируя свою уверенность в воскресении мертвых. Первыми слетелись птицы и сбежались мотти, они выклевали ей глаза и изгрызли губы, потом сползлись жуки и, щелкая жвалами, принялись деловито разбирать ее тело на составные части. Пировать им пришлось недолго: сам лес пожирал ее снизу, окутывая тело зеленой волной, мелкие побеги поднимались по щекам и впивались в плоть.

Когда ее стало не видно, скорбящие повернулись прочь и отправились участвовать в общем бдении на деревенской площади.

Я осталась стоять на месте. Проходя мимо, они бросали растерянные и озадаченные взгляды на меня, на мое бесслезное лицо. Но она еще не исчезла: лес еще сохранял очертания девочки, обрушившиеся подмостки, окутанные неспешным живым ковром. Я не ушла, хотя за спиной уже слышались голоса: это семьи покойных поминали погибших.

Ближе к рассвету зеленый ковер слегка соскользнул в сторону. В смутном водянистом свете мелькнула пустая глазница, полная жуков. И я расплакалась.

Шестое уточнение

После всего вышесказанного я не стану утверждать, что обзавелась крыльями только по необходимости, но я решительно отвергаю утверждение, будто этот поступок был предательством. У меня просто не было другого выхода. Мужчины, дети, старухи, больные – все лишенные крыльев бежали прочь от продолжающихся атак эспериганцев. Они отступали в самое сердце континента, туда, куда самолеты врага не могли проникнуть без дозаправки, в убежища, укрытые так глубоко в горах и чащобах, что даже мои спутники-шпионы ничего о них не ведали. Моя связь с Костасом была бы прервана, а если бы я утратила возможность поставлять сведения и оказывать прямое содействие, я могла бы с тем же успехом вернуться обратно в посольство, избавив себя от неудобств жизни беженки. Ни то ни другое меня совершенно не устраивало.

Меня уложили, точно жертву на алтарь, – по крайней мере, так мне казалось, хотя меня напоили чем-то, что успокоило мое тело, избавив от непроизвольных нервных подергиваний мышц и кожи. Бадеа сидела у меня в головах, придерживая тяжелую косу, чтобы она не мешала, а остальные в это время удалили у меня на спине мелкие волоски и протерли ее спиртом. Потом меня связали и сделали на коже два разреза, практически параллельно позвоночнику. А потом Пауди осторожно вживила в них крылья.

Мне не хватило бы умения вырастить собственные крылья за то время, что было в нашем распоряжении, так что Бадеа и Пауди поделились со мной своими, чтобы я могла остаться. Но, хотя я мало чем могла помочь в этом деле, я все же видела паразитов ближе, чем мне хотелось бы, и, несмотря на то, что я лежала ничком, с зажмуренными глазами, я, к своему ужасу, отчетливо понимала, что это странное щекочущее ощущение – не что иное, как проникновение тоненьких как паутинка волокон, каждое пятнадцать футов длиной, которые теперь пробираются в мои гостеприимно разверзнутые мышцы и прорастают во мне.

Болевые ощущения возникали и исчезали по мере того, как волокна проникали все дальше в мышцы и кости, обнаруживая один нервный узел за другим. Примерно полчаса спустя Бадеа мягко сказала мне: «Сейчас дойдет до позвоночника» – и дала позволяло еще одну порцию этого напитка. Питье не мне двигаться, но боль не унимало ничуть. Описать эти ощущения я не возьмусь. Если вы когда-нибудь, невзирая на все предосторожности и стандарты Конфедерации, ухитрялись заполучить пищевое отравление, то можете отчасти представить

себе, как это было, хотя всей силы мучений вы вообразить не сможете; это охватывает все тело, каждый сустав, каждую мышцу и меняет не только ваше физическое состояние, но и сами ваши мысли – все исчезает, остается одна только боль, да еще вопрос: что, худшее уже позади? – на который вы снова и снова получаете ответ: «Нет».

Однако в какой-то момент боль и впрямь начала утихать. Волокна проникли в мозг, и можно судить о том, что я пережила, по тому, что то, чего я больше всего боялась, стало теперь благословенным облегчением: я замерла и наконец-то закрыла глаза, в то время как мои новые конечности обретали чувствительность, становясь по-настоящему моими, колыхаясь от потоков воздуха и прикосновений моих подруг. В конце концов я уснула.

Седьмое уточнение

Подробностей войны, которая теперь развернулась всерьез, я пересказывать не стану, ибо в этом нет нужды. Записки Костаса безупречны, куда лучше моих, исследователи наверняка уже выучили наизусть все даты и географические координаты, изложив смерти и разрушения в сухих цифрах. Давайте я лучше расскажу вам о том, что эспериганские лагеря, отравлявшие землю, с воздуха выглядели как звездочки, начерченные охристо-бурым и жухло-желтым, и их лучи, точно щупальца, расползались во все стороны, впиваясь в здоровую растительность. От их кораблей с боеприпасами и провиантом, стоявших на якоре у берега, расходились по воде пятна нефти и отбросов, а солдаты упражнялись в стрельбе на огромных косяках медлительных молодых кракенов, чьи распухшие белесые туши всплывали на поверхность и уносились течением прочь от берега. Их было так много, что даже акулы не успевали сожрать всех.

Я расскажу вам, что, когда мы смазывали корпуса кораблей водорослями и сажали на них крохотных сверлильщиков, напоминающих земных ракообразных, нас скрывали густые заросли поднявшихся со дна морских лилейников, и их рыжие цветы бросали красный отсвет на сталь, скрывая расползающуюся ржавчину, пока не налетели первые зимние шторма и подросшие кракены не всплыли на поверхность, ища добычи. Я расскажу вам, что мы наблюдали с берега за тем, как ломались и тонули корабли, и что зубы кракенов сверкали в свете взрывов огненными опалами, и если мы и плакали тогда, то лишь о загрязненных водах океана.

Но приплывали все новые корабли, прилетали все новые самолеты; они наладили производство керамического покрытия, и все больше солдат получали защищенные автоматы и бомбы и распыляли яды, отражая атаки генно-модицифированных мотти и маленьких гибридных птичек, похожих на воробьев, чьи зоркие умные глазки распознавали цвет эспериганской военной формы и знаки различия как признаки врага. Мы высевали вдоль их линий снабжения самые ядовитые и хищные растения, так что их коммуникации никак нельзя было назвать надежными, и устраивали по ночам засады; они приходили в лес с топорами, мощными бензопилами и огромными горнодобывающими комбайнами, но их комбайны замирали и разваливались на ходу, подавившись лианами, которые, вырастая, становились прочнее стали.

Вопреки заочным обвинениям в мой адрес, которые нетрудно

опровергнуть, проверив записи переговоров, все это время я регулярно общалась с Костасом. Думаю, я приводила его в замешательство: я сообщала ему все необходимые сведения, которые он передавал эсперианцам, чтобы они могли вовремя отразить очередную атаку мелидян, но при этом не скрывала своих чувств по поводу происходящего, с гневом и горечью упрекая его в атаках эсперианцев. Моя честность ввела его в заблуждение: он, видимо, думал, будто я всего лишь изливаю свое естественное негодование и что это помогает мне избавляться от терзающих меня сомнений. В то время как я попросту утратила умение лгать.

Крылья сообщают человеку большую восприимчивость, нервы становятся гораздо чувствительнее. Все мелкие гримасы и ужимки лжеца сразу бросаются в глаза, так что незамеченными могут остаться только самые хитрые разновидности лжи в случаях, когда говорящая вначале убеждает себя в том, что ее ложь правдива, или же тогда, когда лжет социопат, не испытывающий совершенно никаких угрызений совести. Вот истинная причина мелидянского отвращения ко лжи – и я тоже заразилась им.

Если бы Костас это понимал, он бы немедленно убрал меня оттуда: от дипломата, который не способен при нужде солгать, толку мало, а уж от тайного агента – тем более. Однако я не спешила делиться с ним этой информацией. Поначалу я даже сама не сознавала, насколько сильно въелся в меня этот запрет. На самом деле я этого вовсе не сознавала, пока, через три года после начала войны, ко мне не пришла Бадеа. Я сидела одна, в темноте, у пульта коммуникатора, и на экране медленно таял фосфоресцирующий силуэт Костаса.

Она села рядом со мной и сказала:

– Эсперианцы как-то подозрительно быстро реагируют на все наши действия. Их технологии развиваются огромными скачками, и каждый раз, как нам удается их оттеснить, не проходит и месяца, как они возвращаются практически на те же самые позиции.

Поначалу я подумала, что настал тот самый долгожданный момент: она пришла просить меня о вступлении в Конфедерацию. Я не испытала ни малейшего удовлетворения, только усталую покорность, смирение перед неизбежным. Война наконец окончится, эсперианцы вступят в Конфедерацию следом за ними, и через несколько поколений и тех и других поглотят бюрократия, галактические стандарты и волна иммигрантов…

Но вместо этого Бадеа посмотрела на меня и спросила:

– Быть может, твой народ помогает и им тоже?

Я должна была не раздумывая ответить: «Нет». Отрицание должно было само сорваться с языка, демонстрируя неподдельную убежденность. А затем мне следовало предложить им присоединиться к Конфедерации. А я ничего не ответила. Горло непроизвольно сдавило. Мы молча сидели в темноте. Наконец она спросила:

– Ты можешь объяснить почему?

Тогда мне показалось, что хуже уже не будет, а может быть, будет лучше, если объяснить все как есть. Я изложила ей все наши соображения, сказала о том, что мы готовы принять их в свой союз как равных. Я опустилась до того, что изложила ей все банальности, с помощью которых мы оправдываем свой ползучий империализм: что унификация необходима, что она служит общему прогрессу и приносит мир и процветание…

Она только покачала головой и отвернулась. Помолчав, она сказала:

– Твой народ никогда не остановится. Что бы мы ни придумали, они помогут эсперианцам придумать, как этому противостоять, а если эсперианцы выдумают оружие, против которого нам нечем будет защититься, они помогут нам, и мы будем изводить друг друга до полного изнеможения, пока не останется ни тех ни других.

– Да, – ответила я, потому что это была правда. Я не знаю, сохраняла ли я на тот момент способность лгать, но, как бы то ни было, я этого не знала и лгать не стала.

Мне не позволяли выходить на связь с Костасом, пока у них не было все готово. Тридцать шесть лучших мелидянских конструкторов и ученых погибли в процессе подготовки. Сведения об их смерти доходили до меня окольными путями. Они работали в карантине, в условиях строгой изоляции, фиксируя каждое свое действие, даже тогда, когда созданные ими вирусы и бактерии убивали их. Прошло немногим больше трех месяцев, прежде чем Бадеа пришла ко мне снова.

Мы не разговаривали с той ночи, когда она узнала о двойной игре Конфедерации – и моей собственной. Я не могла просить у нее прощения, она не могла меня простить. Она пришла не затем, чтобы помириться, а затем, чтобы отправить через меня сообщение эсперианцам и Конфедерации.

Поначалу я не поняла. Но когда наконец поняла – я знала достаточно, чтобы быть уверенной, что она не лжет и не заблуждается, что угроза вполне реальна. Ни о Костасе, ни об эсперианцах этого сказать было нельзя. Мои отчаянные попытки их убедить привели лишь к обратному. Я долго не выходила на связь, и Костас проникся подозрениями: он решил, что я

переметнулась на их сторону или что я в лучшем случае искренне заблуждаюсь.

– Если бы они могли, они бы уже давно это сделали, – сказал он.

А уж если я не сумела убедить его, эсперианцы и подавно не поверили бы.

Я попросила Бадеа устроить демонстрацию. У южного побережья эсперианского материка лежал большой остров, полностью заселенный и окультуренный, с двумя крупными портовыми городами. От материка его отделяло шестьдесят миль. Я предложила мелидянам начать с этого острова, там, где нападение еще можно было остановить.

Бадеа ответила:

– Нет. Чтобы ваши ученые успели придумать ответные меры? Нет и нет. Довольно с нас равновесия.

Остальное вы знаете. На следующее утро от мелидянских берегов отчалила тысяча лодок, и к закату третьего дня эсперианские города уже рушились. Беженцы торопливо покидали стенающие небоскребы, медленно проседающие под собственным весом. Деревья засыхали на корню, урожай погиб; погиб весь скот, все животные и растения, привезенные с Земли и силой внедренные на эту планету, опустошенную ради них.

А тем временем в переполненных убежищах стремительно распространялись вирусы. Вирусы меняли генетические коды. И когда изменения вступили в силу, выжили только те, кто изменился. Остальные вымерли от той самой чумы, что поглотила все земные существа. Местный мелидянский мох стремительно одевал трупы зеленым ковром, а вместе с ним надвигались орды жуков-трупоедов.

Я не могу поведать вам о тех днях как очевидец. Я тоже лежала в лихорадке, пока вирус вносил в меня свои изменения, хотя за мной мои сестры ухаживали куда лучше и старательнее. Когда я окрепла достаточно, чтобы встать, волны смерти уже миновали. Мои крылья бессильно висели у меня на плечах, пока я бродила по опустевшим улицам Лэндфолла, по мостовым, взломанным алчными лианами, похожим на кости, которые разбили, чтобы добыть мозг. Трупы, валяющиеся на разоренных улицах, были одеты мхом.

Приземистое здание посольства с одного угла почти обвалилось, зияли черной пустотой разбитые окна. Во дворе стоял большой шатер из простой хлопчатобумажной ткани, служивший одновременно госпиталем и штабом. Молодой замминистра был старшим по должности из выживших чиновников. Он сказал мне, что Костас умер одним из первых.

Многие еще умирали, их тела вели внутреннюю борьбу, которая страшно уродовала их извне.

По его оценкам, выжил каждый тридцатый. Представьте себе, что едете воздушным экспрессом, который попадает в аварию. И представьте: вы приходите в себя, а вокруг – никого живого, кроме вас и еще одного пассажира. Бадеа говорила, что этого будет достаточно для воспроизводства популяции.

Мелидяне очистили от растительности космопорт, хотя от него мало что осталось, кроме обугленной посадочной площадки, изготовленной в Конфедерации: площадка была сделана из углеволокна и титана.

– Те, кто хочет, могут улететь, – сказала Бадеа. – Остальным мы поможем.

Большинство выживших решили остаться. Они видели в зеркале свои лица, испещренные зелеными веснушками, и страшились мелидян меньше, чем того, как их примут на другой планете.

Я улетела на первом же небольшом корабле, который осмелился сесть, чтобы забрать беженцев, не задумываясь о том, куда они летят. Я хотела только одного – убраться отсюда. Удалить крылья не составило труда. Быстрая и болезненная ампутация избавила меня от торчащих наружу хрупких конструкций, обтянутых паутиной, а остальное можно было оставить, постепенно оно само растворится в теле. Поначалу мир казался каким-то странным, как будто приглушенным, но со временем это прошло. А два параллельных шрама на спине останутся со мной до конца моих дней.

Послесловие

Перед тем как улететь с планеты, я говорила с Бадеа еще раз. Она пришла спросить, зачем я улетаю и куда лечу. Думаю, она удивилась бы, увидев меня здесь, в хижине на Рейвальдте, в нескольких сотнях миль от ближайшего города, хотя ей понравились бы маленькие, похожие на цветы лидены, которые живут на камнях стены моего сада, – одни из немногих аборигенных видов, переживших терраформирование и сохранившихся за пределами университетских заповедников.

Я улетела потому, что не могла остаться. Когда я ходила по Мелиде, мне все время казалось, что под моими ногами хрустят кости. Мелидяне относятся к убийству, будь то убийство личности или экосистемы, не менее серьезно, чем мы, и убивают они не более эффективно, чем мы сами. Если бы мелидяне не напустили на эсперианцев чуму, мы вскоре погубили бы их сами, и мелидян тоже. Однако мы лучше умеем дистанцироваться от наших убийств и потому не готовы столкнуться с ними лицом к лицу. Когда я встречалась с мелидянами, бродя но затянутым зеленью кладбищенским улицам, мои крылья нашептывали мне, что у них не воротит с души, что они не чувствуют себя несчастными. Печаль была, сожаления были, а отвращения к себе в них не было. А я не испытывала ничего, кроме отвращения к себе. Я была одинока.

Когда я сошла здесь со своего маленького корабля, я была целиком и полностью готова понести наказание – более того, я рассчитывала на наказание, на осуждение, которое позволит покончить с этим раз и навсегда. Вина бродила по коридорам власти, точно нежеланный ребенок, но, когда я выразила готовность принять на себя свою часть вины, признаться в любых преступлениях и не искать оправданий, она испугалась и сбежала.

С тех пор прошло достаточно времени, и теперь я благодарна политикам, которые сохранили мне жизнь и предоставили то, что может сойти за свободу. На данный момент я даже не испытываю особой радости по поводу того, что мой доклад внес небольшой вклад в отмену всех обвинений, предъявленных Мелиде: как будто мы имеем право обвинять их в том, что они не оправдали наших ожиданий – не по части готовности убивать друг друга, а по части способности это делать.

Но время лечит далеко не все раны. Посетители часто спрашивают меня, вернусь ли я когда-нибудь на Мелиду. Нет, я не вернусь. Я раз и навсегда покончила с политикой и глобальными проблемами обитаемой Вселенной. Мне достаточно

сидеть в своем маленьком садике и наблюдать, как трудятся муравьи.

Руфь Патрона

Крис Бекетт
Павлиний плащ

Британский писатель Крис Бекетт часто сотрудничает с «Interzone», он публиковался также в «Asimov's Science Fiction» и других изданиях. В числе его романов – «Священная машина» («The Holy Machine») и «Демонстрант» («Marcher»). Рассказы писателя представлены в сборнике «Тест Тьюринга» («The Turing Test»).

В прошлом работник социальной сферы, в настоящее время Бекетт читает лекции в университете. Живет в Кембридже, Англия.

В своих произведениях Бекетт, как правило, обращается к ближайшему будущему Англии, но в данном случае он ступил на территорию Роджера Желязны: супермощные индивидуумы сталкиваются друг с другом в виртуальном мире, созданном одним из них, и судьба вселенной оказывается под угрозой…

До этого самого мгновения в сонной горной долинке не намечалось никакого движения, если не считать кузнечиков и пчел да ручья, мирно игравшего в своем каменном ложе. А затем в ней оказался Таувус – в знаменитом Плаще, яркая ткань которого после поразительного прыжка еще переливалась и искрилась сотней глазков, черных, зеленых и золотистых, беспокойно исследовавших пейзаж. Таувус явился, и все вокруг, как всегда, потускнело и уменьшилось в его присутствии.

– Этот мир был сделан хорошо, – сказал самому себе Таувус с привычной смесью ревности и гордости.

Он вдохнул запах лаванды и чабреца, прислушался к стрекоту кузнечиков, журчанию ручья.

– *Работает* каждая подробность, – отметил он, заметив толстого шмеля, осыпанного желтой пыльцой, как раз пускавшегося в полет с лепестков розового ладанника. Переложив маленький твердый предмет из левой руки в правую, Таувус наклонился, чтобы взять стебель цветка между большим и указательным пальцами. – Важна каждая молекула, каждая пылинка.

И тут болезненно и ярко – как не случалось уже давно – пришло воспоминание о ранних днях: о начале, когда на противоположной стороне этой вселенной он и Шестеро пробудились в таком же окруженном горами саду.

Тогда, давно, все происходило совершенно иначе. Таувус знал то, что знал Фаббро, ощущал то, что чувствовал Фаббро.

Цели его были целями Фаббро, и все воспоминания его были из мира Фаббро – мира, внутри которого сотворена вселенная Эсперины, подобная детской игрушке, сценке, вырезанной на шаре из слоновой кости (впрочем, вырезанной так искусно, что деревья ее могли качаться под ветром и терять осенью листья, а обитатели умели жить и умирать). Конечно, Таувус прекрасно понимал, что является копией, а не самим Фаббро, но он был точной копией, вплоть до мельчайшей частицы, до мельчайшей мысли, идентичной во всем, кроме того факта, что копия эта состояла из материи Эсперины, так что он имел возможность обитать в творении Фаббро от имени Фаббро. Таувус был сотворен подобно Эсперине, однако помнил, как создавал себя самого… как творил Эсперину внутри устройства, которое Фаббро называл Мыслеконструктором. Там и тогда Таувус воспринимал Фаббро не с помощью слов «он и о нем», но «я и обо мне».

И каким прекрасным казался тогда этот мир… каким простым, каким чистым, насколько полным возможностей, свободным от всяких ограничений, сожалений и сложностей, окаймлявших жизнь Фаббро во внешнем мире.

Таувус выпустил из руки розовый цветок, позволив ему вернуться в толпу сотни столь же ярких собратьев, и распрямился во весь рост, перекладывая небольшой предмет из правой руки в доминирующую левую. После чего быстрым взглядом серых глаз промерил спускавшуюся тропу и скалистые гребни по обеим из ее сторон. Павлиньи глазки озирались вместе с ним, впитывая каждую часть видимого и невидимого спектра.

«Нет, Таувус, он за тобой не следит», – шепнул Плащ, пользуясь безмолвным кодом, посредством которого общался со своим хозяином через его кожу.

– Не следит как будто, – отозвался Таувус, – но, конечно же, ожидает.

Теперь он повернулся на юг, к устью долинки, и пошел вперед. Шаги его были быстрыми и решительными, в отличие от мыслей. Ласковые запахи и звуки горной долинки будоражили в душе его яркие и тревожные воспоминания, шедшие от другого конца времени. Он вспоминал, как пробудились на его глазах Шестеро: три его брата и три сестры. Они также были сотворены по подобию Фаббро, только, скажем, как его отражения в кривом зеркале или в цветном стекле, отличавшиеся и от оригинала, и друг от друга. Таувус помнил, как открывали они глаза (первым брат Балтазар, потом сестра Кассандра), помнил их распускающиеся улыбки, пока они оглядывались вокруг, одновременно зрением и памятью понимая, что находятся здесь, в

роскошном и благом неисследованном мире, навсегда освобожденные от всех забот и сложностей жизни Фаббро и от тревожной истории громадной и пустынной вселенной, в которой он был рожден.

Сначала они странным образом стеснялись друг друга, хотя и обладали одними и теми же воспоминаниями, тем же прошлым и одним общим и единственным родителем. Три сестры, в частности, вопреки андрогинной и протейской природе Фаббро чувствовали себя нагими и незащищенными в непривычных телах. И даже братьям было неловко в своей новой коже. Все семеро пытались понять, кто они. Получился своего рода подростковый период. Все до одного оказались неловкими, все с абсурдным оптимизмом рассуждали о том, чего сумеют достичь. А потом они заключили между собой соглашение, предусматривавшее среди прочего и то, что они всегда будут сотрудничать и принимать каждое решение сообща.

«Впрочем, подобная решимость просуществовала недолго», – сухо заметил про себя Таувус, и тут же острым коротким уколом вспомнилась участь сестры Кассандры, гордой упрямицы.

Однако в то время они верили в свое соглашение, и, заключив его, смеясь и переговариваясь на ходу, все Семеро вышли наружу, под такое же теплое солнышко, на тропку, мало чем отличающуюся от той, по которой он шагал сейчас – во всем великолепии своего Павлиньего Плаща. В ту пору, конечно, у него не было вообще никакого Плаща. Тогда они были нагими богами. И начали прикрывать свои тела лишь после того, как достаточно удалились друг от друга: Кассандра – в свою Зеркальную Мантию, Джабриил – в Панцирь Света, Балтазар – в Кафтан Мечтаний… Но Павлиний Плащ оказался лучше всех.

«Слышу музыку», – шепнул ему Плащ.

Таувус остановился и прислушался. До его слуха доносились только голоса ручья, кузнечиков и пчел. Он пожал плечами:

– Как любезно с его стороны встретить нас с музыкой.

«Всего лишь крестьянская флейта… и козьи колокольчики».

– Значит, это какой-то пастух бродит в горах, – проговорил Таувус, возобновляя путь.

Он помнил, как все Семеро пришли к первой населенной людьми деревне, сотня жителей которой искренне полагала, что они всегда жили в ней со своими коровами и овцами, не имея ни малейшего представления о главном: всего лишь несколько часов назад вкупе со своими воспоминаниями эти крестьяне были мгновенно извлечены из небытия своим создателем Фаббро и контурами Мыслеконструктора вместе с тысячью подобных групп, разбросанных по планетам Эсперины, – последнее прикосновение,

последняя деталь на шаре слоновой кости в руке строителя мира.

– Какое же изумление было написано на их лицах! – пробормотал Таувус себе под нос и улыбнулся. – Вдруг обнаружить на своем пастбище семерых нагих рослых людей…

«Ты слишком напряжен, – заметил Плащ. – Отвлекаешь себя мыслями о событиях давно минувших дней».

«Действительно, – согласился Таувус, пользуясь тем же кодом. – Естественно, что я не хочу даже думать о конечной точке этого пути».

Он посмотрел вниз – на предмет, который держат в руке… гладкий, белый и причудливый, похожий на полированную раковину. Это было некое подобие пистолета – оружие, придуманное им самим. Оно не посылало пуль, но было несравненно более смертоносным, так как в ограниченном объеме отменяло законы, регулирующие бытие самой Эсперины, превращая таким образом всякую форму в чистейший хаос.

– Устрой мне карман, куда можно это убрать, – велел Таувус.

И Плащ немедленно сделал отверстие, чтобы принять пистолет, а потом вновь затянул его, когда Таувус убрал руку.

«В любом случае Плащ может прицелиться и выстрелить вместо меня», – напомнил себе Таувус.

И Плащ подмигнул ему – зелеными, золотистыми и черными глазками.

Долина огибала угол, образованный выступом твердой скалы. Обходя его, Таувус услышал музыку, которую его Плащ, обладавший более тонкими чувствами, уловил некоторое время назад: голосок флейты в неумелых руках и аритмичное звяканье грубых колокольцев.

Впереди него трое детей пасли стадо овец и коз, укрывшееся в небольшой рощице, там, где узкий приток, прыгая по камням, вливался в главный ручей. Девочка лет девяти или десяти играла на свирели. Прямо перед ней на большом камне, словно на двух единственных местах крохотного театра, сидели бок о бок двое детей помладше – мальчонка лет пяти и трехлетняя девочка, на коленях которых нежился ягненок. Колокольцы позвякивали на шеях пасущихся овец.

Увидев Таувуса, девочка положила свирель, а двое младших детей торопливо спустили ягненка на землю, вскочили с места и бросились к старшей сестре, немедленно взявшей их за руки. Все трое смотрели на Таувуса круглыми серьезными глазами. А потом, когда он подошел поближе, они бросились к нему, чтобы поцеловать руку, – сперва старшая девочка, потом мальчик и, наконец, трехлетка, оставившая своими младенческими губками

влажное пятнышко на его коже.

«Твое лицо им знакомо, – беззвучно отметил Плащ. – Они думают, что уже видели тебя».

«Это закономерно, – ответил Таувус. – Но *тебя* они не видели никогда».

Дети были буквально заворожены постоянным движением узоров и живыми павлиньими глазками на ткани. Младшая девочка протянула грязный пальчик, коснувшись волшебного одеяния.

– Нет, Тама! – рассердилась ее сестра, отводя руку малышки. – Нельзя трогать Плащ джентльмена.

– Ничего страшного, – неприветливо буркнул Таувус, погладив крошечную девочку по голове.

А Плащ стряхнул с себя кусочки засохших соплей и пылинки, оставленные рукой ребенка.

Минут через десять Таувус обернулся и посмотрел назад, на детей. Все трое уже казались едва заметными точками на горном ландшафте, однако он ясно видел: крепко держась за руки, малыши все еще глядят ему вслед. А вокруг невозмутимо щиплют траву овцы и козы.

И вдруг перед мысленным взором Таувуса с потрясающей яркостью предстали трое других детей примерно того же возраста, которых он видел когда-то давно и в другом месте. Тогда он почти не обратил на них внимания, но теперь вспомнил отчетливо: двое младших, стоя перед разрушенным, родным для них домом, также жались к старшей сестре, обратив бледные лица к Таувусу и его войску, проходившему через горящую деревню. Было это в низменной и сырой стране, называвшейся Мидоу-Ли.

Из башни танка Таувус мог видеть зеленые заливные луга, уходившие вдаль на мили и мили. И куда бы ни посмотрел он, повсюду горели дома, и клубы грязного дыма марали маслянистой желтизной широкое синее небо.

«Когда же это было? – подумал Таувус. – В какую из многих кампаний, приводивших войну на луга Мидоу-Ли?» Он уже было решил, что, скорее всего, видел этих детей в одну из первых войн с братом Балтазаром. Но потом усомнился: это могло произойти и много позднее, когда в союзе с Балтазаром он выступал против Джабриила…

«Ни там, ни там, – возразил Павлиний Плащ. – Это было в ту войну, которую вы вшестером развязали против Кассандры, когда она запретила добычу хрома в своих землях».

Не вмешивайся без необходимости. Руководи, когда это нужно,

разрешай очевидные проблемы, но во всем остальном пусть события идут своим чередом.

Было бы ошибкой утверждать, что Фаббро дал именно такое наставление всем Семерым, ведь он никогда не произносил подобных слов. Просто таковы были его намерения, которые Семеро знали по воспоминаниям Фаббро, впечатанным в их собственную память. Встретив тех, первых селян, Семеро поприветствовали их, потребовали еды и ночлега на одну ночь и спросили о том, могут ли чем-нибудь помочь. Они не знали их воззрений и не навязывали своих, не пытались изменить порядок мыслей этих людей – их представлений о том, как устроен мир и как следует прожить свою жизнь. Все это пришло позднее, вместе с войнами и империями.

«Неужели он действительно предполагал, что мы сможем продолжать такое бытие до бесконечности? – гневно спросил себя Таувус. – Что, с его точки зрения, мы должны были делать все это время? Вечно скитаться по этой вселенной, лечить детей от ангины, советовать сеять вместо пшеницы рожь и не вмешиваться в порядок вещей?»

Черты, отличающие Семерых от Фаббро, наметились уже с момента пробуждения. И парадоксальным образом именно Таувус, более всех подобный Фаббро, активнее других начал противостоять диктату своего прообраза.

– Мы не имеем права оставаться только садовниками и устроителями этого мира, – сказал он братьям и сестрам, после того как они обошли дюжину сонных деревушек, – мы не можем быть всего лишь пастухами этих пастухов, стерегущих свои стада. Мы сойдем с ума от скуки. Мы превратимся в слабоумных. Нам необходимо иметь возможность строить, развивать технику, раскрывать возможности, которые, как нам известно, заложены в рамках этой реальности. Нам нужны металлы и топливо, а также общество, достаточно сложно устроенное, чтобы добывать и очищать породу. Нам потребуются способы хранения и передачи информации. Здесь должны появиться города. Нам придется организовать государство – хотя бы на одной из планет, на каком-нибудь ее континенте.

Сперва у всех Шестерых нашлись возражения – различной степени серьезности и по нескольким отличающимся друг от друга причинам.

– Тогда выделите мне небольшую территорию, – предложил Таувус, – клочок земли с малочисленным народом, чтобы я мог экспериментировать и развивать собственные идеи.

Оказавшись властителем малого домена, он изобрел новый подход, добавив к советам искушение и обман. Сделав для своего

народа небольшие экономящие труд приспособления, он стал рассказывать людям о машинах, которые исполнят за них всю работу. Он научил их делать лодки, а потом рассказал о космических кораблях, которые превратят народ в звездоплавателей. Он посеял в умах неудовлетворенность и через два года получил правительство, школы, металлургию, мореходство и милицию. Увидев его достижения, Шестеро один за другим пустились в погоню.

– Как случилось, что все они последовали моему примеру, если предложенный мною путь оказался настолько ошибочным? – спросил вслух Таувус.

«У них не оставалось выбора, – сказал Павлиний Плащ. – Ведь они не хотели оказаться в полном забвении».

– Иначе говоря, они признали, что предложенный мною путь был в конечном счете неизбежным, потому что, ступив на него, я сделал все прочие варианты бесперспективными. Повиноваться Фаббро значило просто отложить на время то, что рано или поздно должно было случиться, если не под моим руководством, то под властью одного из Шестерых или даже по воле любого вождя, выдвинутого одним из народов Эсперины.

Таувус вновь на мгновение вспомнил тех детей перед разрушенным домом, но тут, обогнув другой скалистый выступ, увидел место своего назначения.

Прелестный островок на просторах благородной в своей первозданности долины: крохотный домик с садом, огородом и калиткой, ведущей к озеру.

«Его нет дома, – промолвил Павлиний Плащ, сотня глаз которого умела видеть сквозь самые разные препятствия. – Он внизу, у края воды».

Таувус подошел к калитке. Было настолько тихо, что он мог слышать, как пчелы снуют взад и вперед над цветками дикого чабреца, как плещет утка, поднявшаяся на крыло над озером, как стучит под ветром деревянный колокол на миндальном деревце.

Он поднял руку к задвижке, а потом опустил ее… «Что со мной происходит? Откуда эта нерешительность?»

Бряк-бряк – донесся до него деревянный стук.

«Действовать всегда лучше, – шепнул Плащ, обращаясь к его коже, – и ты просил меня напомнить тебе об этом».

Таувус кивнул. Верно, всегда было лучше действовать, чем тратить время на муки. Действием построил он цивилизацию, призвал к бытию великие города, подхлестывал темп технологических перемен, превративших сонные сельские аркадии миров Эсперины в межпланетные империи. Действием

превзошел он шестерых своих братьев и сестер, даже когда они все вместе выступили против него. Ибо качества, которыми Фаббро наделил каждого из них: милосердие, воображение, сомнение, непоследовательность, независимость, смирение, – не могли противостоять железной воле Таувуса.

Да, он стал причиной многих бед и горестей, но, в конце концов, тому, кто хочет добиться результата, неизбежно приходится разрушать. И в редкие моменты сомнения Таувус просто напоминал себе о том, что нельзя сделать и единого шага, не рискуя при этом раздавить ничтожную, бесполезную букашку. Да что там… Нельзя даже вздохнуть, не рискуя втянуть в себя с воздухом якобы невинный микроорганизм.

«Город N отказывается признать нашу власть», – сообщали ему генералы.

«Тогда сотрите этот город с лица земли, ведь мы заранее предупреждали его жителей», – отвечал он без матейших сомнений. И сотня глазков принималась вглядываться туда и сюда, подобно отряду разведчиков, высланному впереди батальонов его собственных мыслей, выискивая новые возможности в открывшейся, но созданной им самим ситуации, просчитывая очередной ход и все последующие за ним.

Случалось, что даже генералы застывали перед Таувусом с открытыми ртами, ошеломленные его жестокостью. Однако они не задавали вопросов. Они понимали, что именно сила воли сделала его великим, превратила в неизмеримо большее, нежели они сами.

«А вот сейчас, – с горечью напомнил он себе, – я не могу заставить себя открыть садовую калитку».

«Ну же!» – поторопил Плащ, прикасаясь к его коже с явной насмешкой.

Таувус улыбнулся. Действовать подобает по собственной воле, а не повинуясь указаниям своей одежды, но тем не менее он поднес руку к задвижке, открыл ее и шагнул вперед. И тут же глазки на Плаще блеснули готовностью.

За калиткой тропа разделялась натрое: направо – к дому, за которым поднимались вершины западного гребня долины; прямо – к небольшому саду и огороду; налево – к маленькому озерцу, из которого вытекал ручей, приведший его сюда. На противоположной стороне долины высились горы, окаймлявшие ее с востока. На склонах их паслись редкие овцы.

Бряк-бряк – доносился голос колокола, и пчела прожужжала возле его уха, словно крохотная гоночная машина на трассе.

Таувус посмотрел вниз, на берег озера.

– Так вот где ты, – пробормотал он, заметив у края воды

давно уже обнаруженную павлиньими глазками фигурку, сидевшую на бревне посреди небольшого пляжа и разглядывавшую в бинокль уток и прочих птиц на водной глади. – И ты знаешь, что я здесь, – добавил Таувус с ноткой гнева. – Тебе прекрасно известно, что я здесь.

«Конечно известно, – подтвердил Плащ. – Судя по напряженности плеч».

– Он просто хочет, чтобы я заговорил первым, – сказал Таувус.

Оказавшись всего в нескольких метрах от сидевшего на бревне человека, он вместо слов наклонился, подобрал камень и запустил его в воду прямо над головой сидящего.

По озеру пробежала рябь. В зарослях тростника в конце небольшого пляжа негромко крякнула утка, предупреждая товарок. Сидевший на бревне человек повернулся.

– Таувус, – воскликнул он, откладывая полевой бинокль и поднимаясь на ноги с широкой приветственной улыбкой. – Таувус, мой дорогой друг. Сколько лет, сколько зим!

Схожесть обоих мгновенно отметил бы любой сторонний наблюдатель. Одна и та же легкая балетная осанка, те же самые высокие скулы и орлиный нос, такая же густая грива седых волос. Однако человек, находившийся у воды, был одет просто – в белую рубашку и белые брюки, в то время как на Таувусе оставался великолепный Плащ с его текучими узорами и беспокойными глазками. И Таувус застыл на месте, в то время как собеседник вытянул вперед руки, словно ожидая, что друг упадет в его объятия.

Таувус не сдвинулся с места и не нагнулся.

– Ты говорил, что являешься самим Фаббро, – проговорил он. – Так, во всяком случае, я слышал.

Собеседник кивнул:

– Ну да. Конечно, в известном смысле я являюсь копией Фаббро, как и ты, поскольку эта оболочка представляет собой лишь аналог того тела, в котором Фаббро был рожден. Однако оригинальный Фаббро перестал существовать, когда я обрел бытие, поэтому история моей жизни никогда и не отклонялась от его истории, в отличие от твоей судьбы, и события ее развивались в том же линейном порядке, в единой последовательности. Поэтому ты прав: я Фаббро. Во мне находится все то, что осталось от Фаббро, и я наконец вступил в собственное создание. Это показалось мне справедливым – теперь, когда и Эсперина, и я приближаемся к своему концу.

Таувус на мгновение задумался. Он хотел спросить о мире, находящемся вне Эсперины, о просторной и древней Вселенной,

где Фаббро родился и вырос. Ибо, кроме детства Фаббро, Таувус не мог припомнить никакого другого детства, не знал он и другой юности, кроме юности Фаббро. Он испытывал естественное любопытство, желание узнать, как там идут дела, услышать известия о людях из прошлого Фаббро: друзьях, коллегах, любовниках и любовницах, детях (действительных биологических детях, порожденных телом Фаббро, а не его умом).

«А не отвлекают ли тебя попусту эти воспоминания? – спросил Плащ через кожу. – Вся эта ерунда – его забота, а не твоя».

Таувус кивнул.

«Да, – безмолвно согласился он, – и расспрашивать – значит только воду мутить. Это лишь затруднит наши споры о мирах и владении ими».

Он посмотрел Фаббро в лицо:

– Зачем ты явился в Эсперину? Мы отказались от твоего мира, и ты, в свой черед, отдал этот мир в наши руки. Ты не имеешь права вторгаться сюда, вмешиваться, подрывать мой авторитет, авторитет Пятерых.

Их стало Пятеро, а не Шестеро, после того как Кассандру уничтожили во время Хромовых войн.

Фаббро улыбнулся:

– А не сами ли вы подорвали его? Постоянными войнами, неурожаями и эпидемиями…

– Это уже наше дело.

– Возможно, – проговорил Фаббро. – Но должен сказать в собственное оправдание: с тех пор как я появился в этом мире, старался не путаться под ногами.

– Но ты дал знать, что находишься здесь. Этого было довольно.

Фаббро покачал головой, взвешивая слова.

– Довольно? Ты действительно так считаешь? Если мое появление в Эсперине действительно имело последствия, значит, здесь должен существовать оставленный мною след, так сказать, проделанная мною дыра… В любом другом случае я остаюсь всего лишь поселившимся в горах безвредным старикашкой.

Он снова опустился на бревно.

– Садись рядом, Таувус. – Он похлопал по дереву. – Это мое любимое место… парадное место, моя зрительская трибуна. Здесь всегда что-нибудь происходит. День. Ночь. Вечер. Утро. Солнце. Дождь. Здесь всегда можно увидеть что-то новенькое.

– Для того, кому хватает овец и уток, – усмехнулся Таувус, не думая садиться.

Фаббро внимательно взглянул на него. И по прошествии

нескольких секунд улыбнулся.

– Ну и Плаш ты себе завел, – заметил он.

Многие из павлиньих глазков повернулись к нему с вопросом. Другие принялись оглядываться по сторонам с новой энергией, явно подозревая какой-нибудь подвох.

– Я слышал, – продолжил Фаббро, – что он способен защищать тебя, делать невидимым, менять твой облик и даже позволяет тебе перепрыгивать с планеты на планету. Мне рассказывали, что этот Плащ может предупреждать тебя об опасности, привлекать твое внимание к тем предметам, с которыми следует познакомиться поближе. Он готов дать тебе совет – и, возможно, делает это в данный момент.

«Он пытается рассердить тебя, – безмолвно шепнул Плащ. – Ты просил предупреждать о таких случаях».

– Не смотри на меня свысока, Фаббро, – проговорил Таувус. – Я действительно твоя копия, но не ребенок. И тебе известно, что для того, чтобы создать Плащ, мне пришлось в точности понять алгоритм, на котором основана Эсперина, так что теперь, как ты понимаешь, ее закон известен мне не хуже, чем тебе.

Фаббро кивнул:

– Да, конечно. Меня просто изумило, насколько по-разному мы воспользовались этим пониманием. Я употребил его на то, чтобы создать мир более гуманный, чем мой собственный… Мир, внутри которого ограниченное время могут процветать бесчисленные жизни, прославляя свое бытие. Ты же поспешил выделить себя из всего окружения, изолироваться, завернуться в свой собственный индивидуальный мирок.

– Я мог бы без труда, подобно тебе, создать еще один полный мир, столь же совершенный, как Эсперина. Но мое творение должно существовать в рамках этой реальности – в определенных тобою рамках, – и потому останется частью Эсперины, даже если будет равно ей или превзойдет в совершенстве. Неужели тебя удивляет, что я предпочел найти способ изолировать себя от него?

Фаббро не ответил. Он чуть пожал плечами, а потом посмотрел на озеро.

– Я пришел сюда не ради извинений, – продолжил Таувус. – Надеюсь, ты это понимаешь. Я не сожалею о собственном бунте.

Фаббро повернулся к собеседнику:

– Не волнуйся, пожалуйста: я знаю, зачем ты пришел. Ты ведь хочешь уничтожить меня. И конечно же, ты действительно способен уничтожить меня теперь, когда я нахожусь здесь, в Эсперине, так, как ты сумел вместе с остальными распылить вашу сестру Кассандру, когда она попыталась воспрепятствовать твоим

амбициям. Решив погубить ее, ты нашел способ временно модифицировать часть оригинального алгоритма, защищавшего вас семерых от физического вреда. Предполагаю, что ты пришел сюда с оружием, работающим по тому же принципу. И оно, конечно, упрятано где-то в Плаше.

«Знание не спасет его», – шепнул Плащ сквозь кожу Таувуса.

Одна утка поднялась с воды – меньше остальных и по-другому окрашенная, с рыжей головкой над черными перьями. Подобрав с бревна бинокль, Фаббро проводил птицу взглядом, потом положил его обратно и вновь обратился к своему непокорному созданию.

– Пусть будет так, – продолжил он, – я, конечно же, не рассчитывал на извинения. Я узнал, что вы вшестером выступили сюда – в великой ярости и вооруженные до зубов. Мне говорили, что ты заручился поддержкой внушительного космического флота, собрал огромную армию. Мне сообщили, что твой Плащ буквально шипел и искрился от накопленной энергии. Меня предупредили, что он превратил весь воздух вокруг тебя в огромную линзу, несказанно увеличившую тебя, так что своим последователям ты казался кипящим огнем колоссом, шагнувшим впереди них в межпланетные ворота.

Таувус подобрал с земли камень и бросил его в воду.

«Ты позволяешь загонять себя в угол, – предостерег сквозь кожу Павлиний Плащ. – Но помни: у него не больше власти, чем у тебя. А на деле даже меньше.

Благодаря твоему предвидению, заставившему тебя создать меня, защищен теперь ты, а не он. К тому же, в отличие от него, ты вооружен».

Таувус повернулся лицом к Фаббро.

– Ты поместил нас в этот мир, – бросил он, – а затем отвернулся, предоставив нас самим себе. И это было прекрасно, ты понял нас с самого начала. Таким был выбор – и твой, и наш. Но теперь, когда это угодно тебе, потому что ты начал стареть, ты являешься сюда, чтобы критиковать наши достижения. Какое право ты имеешь на это, Фаббро? Ведь тебя не было здесь, когда нам приходилось принимать жестокие решения. Как ты можешь знать, что поступил бы иначе?

– Когда это я критиковал тебя? Когда говорил, что действовал бы по-другому? – Фаббро коротко усмехнулся. – Думай, Таувус, думай. Прекрати раздувать свой гнев и на мгновение посмотри на вещи трезво. Как мог я сказать, что делал бы нечто другое? Ведь вначале мы с тобой были одной и той же личностью.

– Да, начинали мы как одна личность, но теперь это не так. Происхождение определяет не все.

Фаббро посмотрел на свои ладони, крупные и с длинными пальцами, как у Таувуса.

– Не все, – отозвался он, – я согласен. Так и должно быть. В другом случае существовало бы нечто единое.

– Ты сделал свой выбор, – проговорил Таувус. – И тебе следовало бы держаться его и остаться снаружи.

– И чтобы добиться этого, понадобилось собрать несчетные армии, принять облик колосса, шагающего во главе воинства… потребовалось спланировать, как отыскать и уничтожить меня?

Фаббро посмотрел на Таувуса, то ли хмурясь, то ли улыбаясь одновременно.

– Да, – согласился Таувус. – Именно для этого.

– Но где теперь эти армии? – вопросил Фаббро. – Где шагающий колосс? Где эти «мы», о которых ты говорил? Рассеялась тьма энергии, так ведь? И чем ближе ты подходил ко мне, тем быстрее все распадалось. Все они вернулись ко мне, и ты знаешь об этом: твои армии, твои братья, твои сестры. Все они вернулись ко мне и попросили разрешения снова стать моей частью.

Несколько глазков на Плаще вопросительно поглядело вверх – на лицо Таувуса, другие оставались прикованными к Фаббро, вновь взявшемуся за бинокль и, казалось, наблюдавшему птичью жизнь на озере.

«Стреляй, и ты станешь Фаббро, – посоветовал Павлиний Плащ. – Ты станешь тем, к кому вернулись все армии и Пятеро. Твоя мнимая изоляция, твое кажущееся умаление вызваны исключительно тем, что вас здесь двое, две соперничающие версии оригинального Фаббро. Но я укрываю тебя, а не его. И оружие есть у тебя».

Фаббро положил свой полевой бинокль и вновь обратился к замершему возле него человеку.

– Иди сюда, Таувус, – принялся уговаривать он, похлопывая по бревну. – Иди сюда и садись. Я тебя не укушу, обещаю. Кроме того, конец совсем близок. Мы с тобой оба слишком стары, и сегодня уже поздно играть в такие игры.

Таувус подобрал еще один камень и швырнул его в озеро. Рябь разбежалась по гладкой воде. Утки всполошились, а одна из них расправила крылья и неуклюже перелетела на пару метров подальше, шлепая по воде перепончатыми лапами.

– Армии не имеют значения, – изрек Таувус. – Как и Пятеро. Тебе это известно. В нашей ситуации они представляют собой всего лишь силовые поля, кружащие и извивающиеся между тобой и мной. Значимо здесь лишь то, что я не пришел к тебе. Да. Лишь это важно по-настоящему.

Фаббро смотрел на собеседника и молчал.

– Я создал для них этот мир, – продолжал Таувус, беспокойно расхаживая взад и вперед. – Я дал им прогресс. Я дал им свободу. Я дал им города и государства. Я дал им надежду. Я дал им нечто, достойное веры, и цель, к которой можно стремиться. Ты сделал просто скорлупку. Заводную игрушку. И только я, подняв восстание, преобразил ее во вселенную. Иначе с какой стати все они последовали за мной?

Он поискал взглядом очередной камень и, обнаружив особенно большой, запустил его еще дальше в озеро. Всплеск поднял в воздух целую стаю птиц.

– Пожалуйста, сядь, Таувус. Мне действительно очень хочется, чтобы ты сел рядом.

Таувус не ответил. Фаббро пожал плечами и отвернулся.

– А как ты считаешь, по какой именно причине они последовали за тобой? – спросил он чуть погодя.

– Потому что я был твоим подобием, но не тобой, – без промедления ответил Таувус. – Я был как ты, но в то же время оставался одним из них. Ведь я стоял за мир, принадлежащий тем, кто жил в нем, и не был просто твоей игрушкой.

Фаббро кивнул.

– Именно этого я и хотел от тебя, – задумчиво сказал он.

День клонился к вечеру. Восточную гряду вершин за водой золотило опускавшееся солнце.

– После того как закатится светило, – спокойно молвил Фаббро, – мир прекратит свое существование. Все уже вернулись ко мне. Пришло время и нам с тобой уладить отношения.

Таувус был захвачен врасплох. Как мало, оказывается, осталось времени. Похоже, он где-то просчитался, не имея возможности взирать с Олимпа, на котором до недавних пор обретался Фаббро, наслаждавшийся перспективой, видимой из Мыслеконструктора. Ему и в голову не приходило, что конец настолько близок.

Однако выказывать свое смятение Таувус не намеревался.

– Полагаю, ты будешь читать мне нотации относительно всех страданий, которые принесли мои войны, – говоря это, Таувус собирал камни по всему берегу, собирал быстро, в спешке едва ли не отчаянной, словно они имели воистину жизненное значение. – И еще, думаю, хочешь напомнить обо всех детях, лишенных мною родителей, – продолжил он.

Он бросил камень. Всплеск. Брызги.

– И о насилии, учиненном всеми конфликтующими сторонами, – проговорил Таувус, швырнув новый камень, – и о пытках, – добавил он, метнув еще один, – и о массовых казнях.

Камни закончились. Таувус сердито глянул на Фаббро.

– Полагаю, ты также хочешь осудить меня за превращение крепких фермеров, охотников и рыболовов в пассивных рабочих, жителей скучных городов, день ото дня производящих предметы непонятного для них самих назначения и проводящих свои вечера за созерцанием движущихся картинок на экранах, изготовленных для них другими рабочими.

Покачав головой, он отвернулся, как бы разыскивая взглядом новые камни.

– Я привык представлять тебя в виде некоего стороннего наблюдателя, – продолжил он. – Так было и когда мы воевали, и когда проводили индустриализацию, и когда сгоняли людей с земель… во все эти трудные времена. Я привык представлять, как ты осуждаешь меня, цокаешь языком, качаешь головой. Но лучше попробуй сам привнести в мир прогресс без единого негативного последствия для кого бы то ни было. Попытайся, если хочешь.

– Иди же сюда, Таувус, – позвал его Фаббро. – Сядь рядом со мной. Ты знаешь, что не собираешься уничтожать меня. Ты знаешь, что не можешь реально изменить ход событий, которые должны произойти в этом мире, как и в любом другом. Тебя оставили не только твои армии, Таувус, но и твоя стальная воля. Она более не имеет смысла.

Однако Плащ предлагал иную точку зрения.

«Уничтожь Фаббро – и станешь им, – безмолвно нашептывал он. – И тогда сможешь перевести назад стрелку часов».

Таувус понимал, что Плащ прав. Без Фаббро, способного помешать ему, он и в самом деле сумел бы отсрочить конец – не навсегда, но еще на несколько поколений. И все это время мог править в Эсперине так, как никогда не правил до того, без Фаббро, надзирающего снаружи, когда некому будет заглядывать внутрь и судить его. Плащ был прав. Он *станет* Фаббро, станет Фаббро и Таувусом одновременно. Это было возможно и, более того, послужило главной причиной, побудившей его явиться сюда.

Он посмотрел вниз, на Фаббро. Торопливо отвернулся к глади озера. Прошло полных десять секунд.

Наконец Таувус неторопливо потянулся к застежке Павлиньего Плаща. Помедлил. Опустил руку. Снова тронул застежку. Пальцы его дрожали, повинуясь поступавшим от мозга противоречивым сигналам, но, наконец, он расстегнул Плащ и начал стаскивать его с плеч, сперва медленно, а потом вдруг отбросил его, словно опасаясь, что одеяние вцепится в него и не отпустит. Плащ повис на ветвях невысокого дубка, уголком касаясь каменистой почвы. Умные глазки его – зеленые,

золотистые, черные – всё оглядывались по сторонам. Плащ смотрел на Таувуса, следил за Фаббро. И, как всегда, наблюдал за всем, анализируя, оценивая варианты и возможности. Однако (что вполне понятно для висевшего на дереве одеяния) у него не было собственных намерений, а стало быть, и собственной цели.

За озером горели восточные холмы. Пасшиеся на них овцы купались в золотистом свете. Однако над озером ощущалось присутствие и холмов западных, тени которых тянулись длинными пальцами к двум небольшим фигуркам у края воды – безмолвно стоящей и безмолвно сидящей на бревне. Без Плаща, в простой белой рубашке и белых бриджах, Таувус сделался еще более похожим на Фаббро. Незнакомец не смог бы различить их.

Над водой появилась стая гусей, пасшихся весь день ниже в долине. Мирно перекликаясь, они с плеском опускались на прозрачную светящуюся воду.

– Поднимаясь сюда, – проговорил наконец Таувус, – я встретил троих детей, напомнивших мне о других ребятишках, которых я видел, просто заметил когда-то, проезжая мимо в танке. Я был слишком занят отчетами подчиненных и собственными приказами, чтобы обратить на них внимание. Но по какой-то причине эти трое навсегда застряли в моей памяти.

Подобрав новый камень, он без особой решимости швырнул его в озеро.

– За ними находились руины дома, – продолжил он, – и в этих руинах, скорее всего, лежали обгорелые трупы их родителей. Не потому, что эти люди участвовали в сражениях… просто их страна, сонная земля Мидоу-Ли, временно превратилась в квадратик на шахматной доске, где происходила великая игра… где случилось пересечься силовым полям. Фокальная точка очень скоро переместилась в другие края, армии ушли из Мидоу-Ли и забыли об этой стране до следующего эпизода. Но эти дети… разве они забыли? Нет, не забыли… не забыли до конца дней своих. Этот день навсегда запятнал остаток их жизни, подобно тому, как сгустившийся дым затянул тогда мирное голубое небо над их головами. И если подумать, разве может быть худший поступок, чем обречь детей на подобные ужасы? В известном смысле он соответствует сотворению малого, но совершенного ада.

Он схватил еще один камень, однако Фаббро, вскочив, быстрым и грациозным движением перехватил запястье Таувуса, помешав тому совершить бросок.

– Будет тебе, Таувус, довольно. Восстание окончено. Убитые и убийцы… мучители и мученики… порабощенные и поработители. Все они примирились. Все вернулись назад.

– Все, кроме меня.

Камень выпал из руки Таувуса. Создатель Таувуса выпустил его руку, снова сел на бревно и опять похлопал по дереву рядом с собой.

Таувус посмотрел на Фаббро, потом на бревно и снова на Фаббро. И наконец сел.

Оба они теперь полностью утопали в тенях, сами превратились в тени. На гладкой поверхности озера играли розовые и голубые отблески, и во множестве усеявшие его поверхность птицы также казались тенями… теплыми живыми тенями, тихо мурчавшими друг другу на каком-то водяном языке… подвешенными в пространстве между сверкающей водой и небом. А от противоположного склона наползала новая тень, по одной поглощая овец, унося их из золотой славы в мирное забвение. Скоро лишь самые вершины остались погруженными в поток солнечного света, проливавшегося горизонтально над головами обоих мужчин.

– Все, кроме тебя, – кротко согласился Фаббро, вновь потянувшись за биноклем, чтобы повнимательнее рассмотреть некую совсем уж необычайную утку или другую птицу, которую он заметил на поверхности воды.

Таувус бросил взгляд на свой Павлиний Плащ, свисавший с ветки. «Какая дешевка, – вдруг подумал он. – И зачем я решил упрятать себя в него?» Плащ сверкал и блестел, играл собственным светом в тенях, глазки его ярко светились, словно он решил превзойти последние ослепительные солнечные лучи или сияющее мягким светом озеро. Это было все, что осталось от империи Таувуса, от его воли, от его власти.

Он повернулся к Фаббро.

– Только не ошибись, – начал он. – Я ни в коей мере не сожалею…

И наконец сломался, прикрыв все еще трясущейся ладонью лицо.

– Мне жаль, Фаббро, – проговорил он совершенно другим тоном. – Я ведь все испортил, так ведь? Я был дураком. Я испортил все.

Опустив бинокль, Фаббро похлопал Таувуса по руке:

– Может быть, и испортил. Но я не уверен в этом. Ты совершенно прав в одном: я создал всего лишь скорлупку, и только твое восстание сделало ее вселенной. В глубине души я всегда считал, что твой мятеж закономерен. Я должен был допустить его, ибо все, что ты делал, исходило из глубин моего существа. Восстание было необходимо. Я просто надеялся, что в Эсперине оно каким-то образом примет иной оборот.

Золото обливало уже только самые высокие вершины. Они сверкали, как огромные оранжевые лампы. А потом начали гаснуть… одна за другой.

Кэрри Вон
«Амариллис»

Автор бестселлеров по версии «New York Times», Кэрри Вон написала популярную серию романов о приключениях Китти Норвиль – известной радиоведущей и оборотня, которая ведет ночную передачу для сверхъестественных существ «Звоните – отвечаем». Серия включает романы «Китти и „Полуночный час“» («Kitty and the Midnight Hour»), «Китти едет в Вашингтон» («Kitty Goes to Washington»), «Китти берет отпуск» («Kitty Takes a Holiday»), «Китти и серебряная пуля» («Kitty and the Silver Bullet»), «Китти и рука мертвеца» («Kitty and the Dead Man's Hand»), «Китти буянит» («Kitty Raises Hell»), «Дом ужасов Китти» («Kitty's House of Horrors»), «Китти идет на войну» («Kitty Goes to War») и «Большой переполох Китти» («Kitty's Big Trouble»), а также сборник рассказов «Избранное о Китти» («Kitty's Greatest Hits»). Произведения Кэрри Вон выходили в таких изданиях, как «Jim Baen 's Universe», «Asimov's Science Fiction», «Subterranean», «Wild Cards: Inside Straight», «Warriors», «Sons of Love and Death», «Realms of Fantasy», «Paradox», «Strange Horizons», «Weird Tales», «All-Star Zeppelin Adventure Stories» и других. Ее книга «Голоса драконов» («Voices of Dragons») – первая попытка писать для подростков. Среди других работ автора – романы «Яблоко раздора» («Discord's Apple»), «Сталь» («Steel»), «Следом за Золотым веком» («After the Golden Age»), Кэрри Вон живет в Колорадо.

Эта невероятная история об отношениях внутри семьи, достойно справляющейся с возникшими разногласиями, затрагивает несколько поколений. Писательнице удалось ярко изобразить экологически истощенный, бедствующий мир недалекого будущего, в котором нет места унынию ши отчаянию – люди приспосабливаются и преодолевают трудности, жизнь продолжается. И если случится потерять семью, то можно, если повезет, обзавестись новой.

Я никогда не знала матери и не могла понять, почему она это сделала. Мне следовало быть благодарной ей за изрядное безумие, из-за которого она решилась вырезать имплантат и зачать. Но это также означало, что моя сумасшедшая мамаша скрывала беременность до тех пор, когда аборт делать было уже поздно, и с самого начала знала, что ей не позволят оставить ребенка. Что она потеряет все. И из-за нее семья лишится всего.

Никогда не могла понять, почему ей было на это наплевать.

Интересно, что думали в семействе, когда узнали, что она натворила, и комитет раздавил их – разорил хозяйство и изгнал из общины. Из-за нее. Неужели она думала, что я того стою?

Все дело было в квотах.

– Говорят, на Севере используют садки. Ставят на якорях недалеко от берега, – сказала Нина. – Пятьдесят футов в поперечнике – мы бы сами выращивали мальков, и нам никогда бы не пришлось больше трогать дикую рыбу. Наша семья могла бы удвоить квоту.

Я не очень-то слушала ее. Мы присели отдохнуть лишь на миг, Нина устроилась рядом со мной на леерах на носу «Амариллиса» и завела разговор о своих больших планах.

Ветер упруго надувал паруса, стекловолоконный корпус судна беззвучно рассекал волны, мы плавно скользили по воде. Гарретт и Сан тянули сети, поднимали улов. «Амариллис» – изящное тридцатифутовое судно с каютой, которой нам хватает в самый раз, и грузовым отсеком – не новое, но более чем пригодное для мореплавания. Отличный бот с превосходной командой. Лучший.

– Мари, – с мольбой окликнула меня Нина.

Я со вздохом очнулась и ответила:

– Мы уже говорили об этом. Нельзя так просто взять и удвоить квоту.

– Но если бы мы получили разрешение…

– Тебе не кажется, что дела и так идут хорошо? Команда у нас отличная – мы сыты и не превышаем квот. Мне кажется, что от добра добра не ищут. Лучше не гнать волну.

Большие карие глаза Нины наполнились слезами – я сказала не то, хотя знала, что ее на самом деле интересует вовсе не состояние дел.

– Вот именно, – заметила она. – Мы укладываемся в квоты, все уже несколько лет здоровы. Я в самом деле думаю, нам стоит попытаться. Можно же хотя бы спросить, да?

По правде говоря, я считала, мы этого не заслуживаем. Не уверена, что большая ответственность того стоит. Я не нуждалась в престиже. Даже Нине не он был нужен – она просто хотела ребенка.

– Так или иначе, тут мы бессильны, – говоря это, я смотрела в сторону, потому что не могла выдержать ее напряженный взгляд.

Оттолкнувшись от лееров, Нина по левому борту «Амариллиса» прошла к остальным членам команды, которые подтягивали улов. Она ведь еще недостаточно взрослая, чтобы хотеть ребенка. Она, такая гибкая, сильная и золотистая, босая

ступала по палубе, и в каштановых волосах поблескивали выгоревшие на солнце прядки. Нина была с нами уже целых семь лет – сейчас ей двадцать. Неужели прошло столько времени?

– Ух ты! – воскликнул Сан. Послышался всплеск и глухой удар, словно что-то попавшееся в сети врезалось в корпус корабля. Парень наклонился через борт и вцепился в готовую сползти обратно в море сеть, на его широкой красновато-загорелой спине буграми заходили мышцы. Нина, такая изящная и хрупкая по сравнению с ним – крупным и сильным, тоже уцепилась за сеть. Я рванула туда и схватила их за ремни штанов, чтобы удержать. Четвертый член нашей команды, Гарретт, поддел сеть багром. Все вместе мы вытащили улов на палубу. Попалось что-то большое, тяжелое и мощное.

У нас была парочка агрегаторов – больших буев из дерева и стального лома, которые мы с помощью якорей разместили в пятидесяти милях от берега. Они привлекали стайную рыбу, которую мы ловили, – в основном скумбрию, сардину, угольную рыбу и хек. Порой в сети попадались акула или марлин, но их мы отпускали: они встречались редко и в наших квотах не числились. Именно кого-то из них я и ожидала увидеть – нечто необычно крупное, бьющееся среди маленьких серебристых рыбок. Это создание было большим, с Нину, – неудивительно, что оно почти скинуло их за борт, – только форма у него была не та, а элегантно-обтекаемая, словно у могучего пловца. А цвет – серебристый, как у остальных рыбешек.

– Кто это? – спросила Нина.

– Тунец, – ответ я избрала методом исключения. За всю свою жизнь я видела эту рыбу в первый раз. – Полагаю, голубой.

– Никто не вылавливал голубого тунца в течение тридцати лет, – заметил Гарретт. По его лицу струился пот, хотя на нем была бандана, прятавшая лохматые темные волосы.

Я завороженно глядела на мясистую тушу. Прижала руку к рыбьему боку и почувствовала, как дернулись мышцы. Сказала:

– Может, теперь они вернулись.

В конце концов, мы все это время занимались тем, что вылавливали пропитание тунца. Некогда агрегаторы привлекали не меньше тунца, чем скумбрии. Но уже очень долго никому не попадалось ни единой такой рыбины, а потому все решили, что они перевелись.

– Давайте отпустим его, – предложила я, и мы вместе подтянули сеть к борту. Нам пришлось потрудиться, и когда тунец наконец оказался за бортом, вместе с ним в воду ушла, сверкнув серебристой чешуей, половина улова. Ничего страшного. Лучше недобрать, чем превысить квоту.

Тунец плеснул хвостом и мигом ушел вглубь. Мы собрали оставшуюся часть улова и пустились в обратный путь к дому.

Судовой экипаж «Калифорнийца» получил знамя в прошлом сезоне, и теперь красно-зеленый символ мощи и плодородия реял на мачте у всех на виду. Элси с «Калифорнийца» должна была через несколько недель родить. Как только беременность подтвердилась, она перестала выходить в море и оставалась дома – драгоценная и оберегаемая. Спокойно сложив руки на громадном животе, она порой выходила встречать бот своей семьи. Нина не спускала с нее глаз. Пожалуй, Элси была первой беременной, которую довелось повидать Нине, по крайней мере, с тех пор, как она сама созрела и возжелала иметь собственный громадный живот.

Элси была тут как тут – бронзовой статуей вырисовывалась на фоне заходящего солнца, слегка склоняясь под тяжестью живота, словно кренящийся под ветром корабль.

Мы свернули паруса и подошли к пирсу у весовой. Нина вся подалась вперед и пожирала глазами Элси, которая махала рукой капитану на палубе «Калифорнийца». Солидный и лихой, как и положено капитану, он тоже махал ей. Их лодка уже была закреплена на ночь канатами, улов взвешен, все аккуратно прибрано. При виде идеального уклада жизни Нина глубоко вздохнула, и никто окриком не одернул ее за то, что она прохлаждалась, отлынивая от работы. Лучше всего оставить ее в покое и дать помечтать, пока она не вырастет из этих грез, как из детских штанишек. На это могут уйти десятилетия, но все же…

Команда моего «Амариллиса» сгрузила ящики с уловом портовому рабочему, который доставил их в весовую. Дальше располагалось производство, где береговая команда коптила, консервировала и отправляла рыбу вглубь страны. Община «Нью-Оушенсайд-Комьюнити» поставляла региону шестьдесят процентов рыбы, что было предметом гордости и оправданием ее существования. Десять наших мореходных команд по праву считались лучшими и гордились пуще всех. Рыболовный экипаж, хорошо выполняющий работу в соответствии с квотами, давал возможность целой системе работать бесперебойно. Мне посчастливилось владеть «Амариллисом» и являться частью этой машины.

Пришвартовав лодку, мы с ребятами сошли на пирс и обнаружили, что сегодня в весовой дежурит Андерс. А это означало, что целая неделя выходов в море могла оказаться напрасной.

Тридцать пять лет назад моя мать вырезала имплантат и

уничтожила свою семью. Для такого, как Андерс, это было все равно что вчера.

Целых сорок напряженных минут старикан взвешивал наш улов и складывал цифры, после чего объявил:

– Вы превысили квоту на пятьдесят фунтов.

Квоты были единственным способом сохранить рыбное поголовье здоровым и пресечь чрезмерный отлов, дефицит и, как следствие, неизбежный голод. Комитет устанавливал их в зависимости от потребностей, а не от того, сколько ты можешь выловить. Превышение квот означало претензию на то, что тебе нужно больше других, и являлось страшным неуважением к комитету, общине, рыбным угодьям.

Ноги у меня подкосились, я чуть не села на пол. Я же знала, что взвесила все совершенно верно! Два дюжих моряка, Гарретт и Сан, беспомощно стояли перед одетым в скучную серую ведомственную форму весовщиком и смотрели на него. Я чувствовала себя так, словно никогда мне не суждено попасть в яблочко. Всегда я или сильно недобирала, или ловила лишнего от условной линии «правильно». Обычно я безмолвно принимала приговор весовщика и шла прочь, но сегодня, когда мы отпустили тунца и вместе с ним с дюжину фунтов нашего улова, смолчать я уже не могла.

– Шутите! – воскликнула я. – Пятьдесят фунтов?

– Так точно, – сказал Андерс и запечатлел приговор на доске у себя за спиной на виду у всех команд. – Этого ли не знать такому опытному капитану, как ты.

Он даже не взглянул на меня. Не мог смотреть мне в глаза, считая отбросом.

– Что же мне сделать, вышвырнуть излишки за борт? Мы съедим эти пятьдесят фунтов или пустим их на прокорм животным.

– Съедят, уж не волнуйся. Но за тобой будет записано, – и он сделал отметку у себя тоже, как будто полагал, что мы нежданно придем и исправим вывешенную на всеобщее обозрение надпись.

– Может, нам к тому же не стоит выходить в море всю следующую неделю? – съязвила я.

Весовщик нахмурился и отвернулся. Пятидесятифунтовый перевес – если, конечно, он вообще существовал – пойдет на погашение недобора другой команды, и на следующей неделе наш улов будет нужен ничуть не меньше, чем на этой, несмотря на то, что кое-кто никак не желал этого признавать. Можно будет увеличить нашу квоту, как хочется Нине, и о перевесе вообще не придется беспокоиться. Хотя нет, тогда мы станем волноваться о недоборе и о том, что не заработаем кредит на прокорм наших

ртов, не говоря о том дополнительном и столь желанном Ниной.

Излишки нужно наказывать, иначе все станут ловить больше и заводить младенцев, тогда что с нами будет? Слишком много ртов, нехватка еды, никакой жизнестойкости, чтобы пережить катастрофу, вслед за тем болезни и голод. Мне довелось повидать в архивах картинки, иллюстрирующие последствия многих катаклизмов.

Ровно сколько нужно, и не больше. Умеренность. Только, ей-богу, я не собираюсь выбрасывать пятьдесят фунтов ради того, чтобы мой протокол оставался чист.

– Мы закончили. Спасибо, капитан Мари, – произнес Андерс, стоя ко мне спиной, словно видеть меня не мог.

Когда мы выходили из весовой, я заметила возле дверей Нину, которая удивлялась происходящему. Я подтолкнула ее к нашей лодке, чтобы поставить «Амариллис» на ночной отдых.

– Не могут так врать весы «Амариллиса», – проворчал Гарретт, когда мы гребли к месту стоянки. – Может, фунтов десять. Но не пятьдесят.

– Готов поспорить, Андерс поставил ногу на платформу весов и сделал нам назло накрутку, – предположил Сан. – Замечали, что когда взвешивает он, у нас постоянно перевес?

Да, это мы все заметили.

– Правда? Но зачем ему это? – удивилась Нина. Простодушная Нина.

Все посмотрели на меня. Казалось, нас придавило тяжкое бремя.

– Что? – не унималась Нина. – Что такое?

О таком не говорят во всеуслышание, и Нина слишком молода, чтобы быть в курсе. Все остальные знали, на что шли, когда заключали со мной трудовое соглашение. Только не Нина.

Я покачала головой:

– Нам никогда не удастся доказать, что Андерс подставляет нас, спорить бесполезно. Придется проглотить, и дело с концом.

– Если таких провинностей получить много, семью расселят.

Вот это повод для беспокойства, верно?

– И сколько же должно быть провинностей? – поразилась Нина. – Он не может так поступить. Или?

Гарретт улыбнулся и попытался снять напряжение. Когда я унаследовала лодку, он первым нанялся ко мне. Нам довелось многое пережить вместе. Он сказал:

– Просто надо узнать график работы Андерса и позаботиться о том, чтобы приходить, когда в весовой дежурит кто-то другой.

Хотя обычно никакого графика не было – когда приходил бот, на вахте в весовой мог оказаться кто угодно. Меня бы совсем не

удивило, если Андерс высматривал и поджидал бы нас, чтобы нечестно приписать нам лишний штрафной вес.

«Амариллис» плавно скользил к причалу, Гарретт и Сан закрепили швартовы. Я откинулась назад и размяла руки, скользнула взглядом по мачте. Плотно сжав губы, Нина уселась рядом со мной. Элси и капитан «Калифорнийца» уже ушли.

Я мученически улыбнулась ей и проговорила:

– Знаешь, если ты перейдешь в другую команду, шанс заполучить лишний рот у тебя увеличится. Взять хотя бы «Калифорнийца».

– Пытаешься избавиться от меня? – съязвила Нина.

Присев рядом с ней, я обняла ее за плечи и притянула к себе. Нина неуклюжим тринадцатилетним подростком пришла ко мне из Бернардино, расположенного выше по побережью. В нашей семье нашлось для нее место, и я с радостью оставила девчушку. Она росла умненькой и энергичной. Когда я удалюсь на покой, она сможет занять мое место и, в свою очередь, унаследовать «Амариллис». Хотя я еще не говорила ей об этом.

– Никогда. Ни за что. – Она на миг замялась, а потом тоже крепко меня обняла.

Владения нашей семьи – самый настоящий оазис. Для этого нам пришлось хорошо потрудиться. Я унаследовала бот, собрала одного за другим членов команды – Гарретт и Сан занимались кораблем, круглая шумная Дакота вела дом и заполучила к нам талантливого Джей-Джея, затем мы взяли на воспитание Нину. Нам поручили рыбную ловлю, следом мы заслужили земельный выдел. Десять лет мы росли, работали в поте лица, учились, жили – и местечко получилось замечательное.

Мы вгрызлись в склон холма над доками и отстроили усадьбу из необожженного кирпича. В лучах послеполуденного солнца она блестела золотом. Выступающая из холма стена служила оградой и защищала сад и колодец. Дорожка огибала дом и выходила во двор. Мы научились использовать плоские сланцевые плиты для того, чтобы вымостить вокруг грядок и родника, превратив его в колодец – крохотный, хотя любой открытый родник был роскошью. Выше по склону располагалась ветряная мельница и солнечные батареи.

Кому хотелось отдельную комнату, тот ее получил, хотя такое желание выразил только Сан – у него была личная спальня, вырытая в склоне холма по другую сторону двора. Дакота, Джей-Джей и Нина отдыхали на тюфяках в самом просторном помещении. Мы с Гарреттом делили ложе в комнате поменьше. Всю остальную землю занимал сад. Два плодоносящих дерева,

апельсин и лимон, давали тень отведенному под кухню пространству. Кукуруза, помидоры, подсолнухи, зеленая фасоль, горох, морковь, редис, два вида перца – это еще не все, что мы умудрялись выращивать на нескольких квадратных футах. Один горшочек – с мятой, второй – с базиликом. Мы обеспечивали себя пропитанием, поэтому могли использовать кредиты на усовершенствование «Амариллиса» и покупку запасов риса и меда или тканей и веревки, то есть того, что не могли в достаточном количестве произвести сами. В следующем году Дакота хотела заняться разведением цыплят, если нам удастся их на что-нибудь выменять.

Мне все время хотелось бросить это в лицо таких, как Андерс. Нельзя сказать, что я была слепа и ни на что не обращала внимания. Ведь в тягость я никому не была.

Команда вернулась домой. Джей-Джей уже приготовил ужин. Дакота с Джей-Джеем сначала попытались поровну распределять работу по дому, но очень скоро у них начались сложности – кому ворошить компост или развешивать белье, чинить мельницу или убирать кухню. Джей-Джей взял на себя почти все касаемо кухни и жилых помещений, а Дакота занялась садом и приспособлениями.

По тому, как сочувственно Джей-Джей подавал мне причитающуюся порцию – сегодня это была копченая скумбрия с овощами, – я поняла, что кто-то уже успел рассказать ему о стычке с весовщиком. Возможно, ради того, чтобы он или Дакота не стали расспрашивать, как прошел день.

Этим вечером я позже обычного легла спать: обходила наши владенья. Я ничего не ожидала найти. Скорее ради успокоения хотела взглянуть на творения наших рук, прикоснуться к ветряной мельнице, провести ладонью по глянцевым листьям лимонного дерева и убедиться в том, что все на месте и не собирается исчезать. Своего рода ритуал.

В постели я тесно прижалась к Гарретту – привычный способ обрести и дать покой и поддержку. Под легким одеялом мы нежились в теплом воздухе, лившемся сквозь открытый в крыше над головой люк.

– Неудачный день? – проговорил он.

– Нельзя назвать неудачным день, когда корабль и команда возвращаются домой целы и невредимы, – констатировала я, только голос мой звучал блекло.

Гарретт шевельнулся, погладил меня по спине и крепче обнял, прижимая к себе. Наши ноги переплелись. Мне стало спокойней.

– Нина права, мы можем достичь большего, – сказал он. – У

нас получится прокормить еще один рот. Если обратиться…

– Ты в самом деле думаешь, будто из этого выйдет что-то путное? – спросила я. – Полагаю, вам всем было бы лучше с другим капитаном.

Гарретт склонился ко мне для поцелуя и стоял на своем до тех пор, пока я не ответила. Минута – и мы уже улыбались.

– Ты же знаешь, что все мы оказались здесь оттого, что не можем поладить с кем-то другим. Именно благодаря тебе мы все отлично смотримся вместе.

Я вывернулась из его объятий, делая вид, что сержусь, но тут же рассмеялась.

– Много команд и целая уйма семей никогда не заводят детей, – заметил он. – Это ничего не значит.

– Вообще-то дети мне безразличны, – призналась я. – Просто я устала все время сражаться.

Обычное дело: дети вырастают и начинают бороться с родителями, семьями и даже комитетами. Но разве справедливо полагать, что я все еще сражаюсь с матерью, которую даже никогда не знала?

На следующий день, когда мы с Ниной шли на «Амариллис» заниматься уборкой, я пыталась убедить себя в том, что мне только кажется, будто она меня избегает. И даже не глядит на меня. То есть делает вид; на самом деле она украдкой посматривала в мою сторону. Мурашки ползли по коже от того, как она боится встретиться со мной взглядом. Она что-то задумала. И скрывала секрет.

Нам снова встретилась Элси, которая шла от пристани примерно в ста футах от нас, но мы тут же узнали ее, потому что фигуру Элси ни с чьей не спутаешь. Внимание Нины тут же переключилось на нее, она даже остановилась и смотрела во все глаза.

– Неужели она так тебя занимает? – улыбнулась я, пытаясь все перевести в шутку.

Словно размышляя, стоит ли со мной вообще разговаривать, Нина искоса взглянула на меня. Потом вздохнула и сказала:

– Каково это? Неужели тебе самой не любопытно?

Я на миг задумалась и ощутила скорее страх, чем интерес. Представила себе все то, что может пойти вкривь и вкось, несмотря на реющее над головой знамя одобрения. Нине этого не понять. Поэтому я ответила ей так:

– Да нет.

– Мари, как можешь ты быть такой… равнодушной?

– По причине того, что я не собираюсь тратить силы и

мучительно беспокоиться о том, что я изменить не в силах. Кроме того, мне больше нравится быть капитаном, а не торчать на берегу и только глазеть на море.

Я торжественно прошла мимо Нины к кораблю, и она, поникнув головой, поплелась за мной.

Мы отдраили палубу, осмотрели леера, вычистили каюту, провели инвентаризацию и собрали износившийся такелаж. Потом заберем его домой и несколько дней до следующего выхода в море будем его чинить. Все утро Нина молчала, склонившись над работой, и кусала губы, а я посматривала на нее и задавалась вопросом: о чем она так сосредоточенно размышляет? Что скрывает? Оказалось, Нина набиралась смелости.

Я вручила ей последний моток сетей и отправилась перепроверить, хорошо ли задраены люки и закрыта каюта. Когда я собралась сходить с корабля, Нина сидела на краешке пристани и чуть покачивала болтающимися над водой ногами. Она выглядела лет на десять моложе, словно опять превратилась в ребенка, какой я впервые ее увидела.

Вопросительно подняв брови, я смотрела на нее, пока она наконец не произнесла:

– Я спросила у Сана, почему Андерс тебя не любит. Отчего никто из капитанов с тобой не общается.

Так вот что случилось! Видать, Сан – практичный и здравомыслящий – рассказал ей все как есть и не счел нужным прибегать к осмотрительности. И Нина ужаснулась.

Я с улыбкой присела на планширь прямо перед ней и сказала:

– Думала, ты живешь здесь достаточно долго и сможешь все понять.

– Я знала: что-то произошло, но не знала, что именно. Ничего удивительного, ведь никто никогда об этом не говорит. Но… что же случилось с твоей мамой? С ее семьей?

Я пожала плечами, потому что, конечно же, ничего не помнила. Историю я собрала воедино по крупицам и выдвинула кое-какие предположения. Также о случившемся мне рассказывали те, кто сделал свои собственные выводы. Они хотели дать мне понять, какое у меня место в этом мире.

– Полагаю, они рассеялись по всему району. Все десять человек – пока я не появилась на свет, семейство было большое и успешное. Не знаю, где все они оказались. Меня привезли в Нью-Оушенсайд, первая команда «Амариллиса» вырастила меня. Затем Зик и Энн ушли на покой, занялись гончарным делом, поселились ниже по побережью и оставили мне корабль, чтобы я обзавелась собственным семейством. Счастливый конец.

– А твоя мама – они стерилизовали ее? После того, как ты родилась, я имею в виду.

– Полагаю, что так. Как я уже сказала, я и сама толком не знаю.

– Думаешь, она считала, что ребенок того стоит?

– Вряд ли. Если бы она мечтала о ребенке – ей ведь меня не отдали, верно? Скорее, ей просто хотелось немного походить беременной.

Нина задумчиво болтала ногами, глядя на водную рябь у корпуса корабля, чем начала меня нервировать. Нужно было что-то сказать.

– Лучше бы тебе не пришло в голову выкинуть что-то подобное, – предостерегла ее я. – Нас же разлучат, заберут дом, отнимут «Амариллис»…

– Ну уж нет. – Нина энергично замотала головой. – Я никогда такое не сделаю, ничего подобного!

– Вот и славно, – с облегчением проговорила я. Я верила Нине. Хотя, опять же, семейство моей матери тоже не имело причин ей не доверять, а вот как вышло. Я спрыгнула на причал. Мы собрали инструменты, закинули мешки и ведра на плечи и пошагали в сторону дома.

На полпути Нина сказала:

– Именно из-за мамы ты считаешь, что знамя нам никогда не получить. И пытаешься это до меня донести.

– Да. – Я старалась дышать ровно, сосредоточившись на текущей работе.

– Но ведь это не бросает на тебя тень. Не очерняет то, что ты делаешь.

– Старики по-прежнему вымещают на мне злость.

– Несправедливо! – решила Нина. Хотя уже была слишком взрослой, чтобы так заявлять. Теперь она, по крайней мере, все знает и сможет легче определиться, нужно ли ей искать новое семейство.

– Я пойму, если ты надумаешь уйти, – мягко сказала я. – Тебя с радостью примет любое семейство.

– Нет, – отмахнулась она. – Нет, я остаюсь. Ничто из рассказанного тобой не меняет того, какой ты человек.

Я бы бросила все то, что держала в руках, и обняла б ее за такие слова. Мы прошли еще немного, уже виднелся наш дом. Тогда я спросила:

– У тебя есть на примете кто-то, кто может стать отцом? Гипотетически.

Она вспыхнула и отвела взгляд. Я улыбнулась – так вот, значит, как обстоят дела.

Когда Гарретт встретил нас во дворе, щеки Нины все еще пылали. Избегая его, она помчалась в мастерскую, чтобы избавиться от груза.

Гарретт удивленно посмотрел ей вслед.

– Что это с ней?

– Нина – это Нина.

Следующий выход в море на «Амариллисе» прошел хорошо. Мы набрали квоту быстрее, чем я ожидала, и полдня могли отдохнуть. Мы встали на якорь у пустынного берега и начали купаться, загорать на палубе. Потом перекусили последними апельсинами и сушеной скумбрией, которые дал нам с собой Джей-Джей. Хороший выдался денек.

Но рано или поздно все же придется вернуться домой и попасть в весовую. Трижды я проверила улов на весах «Амариллиса», получила разные в пределах десяти фунтов цифры, которые, что еще важней, были на двадцать фунтов меньше нашей допустимой квоты. Мы на веслах вошли в бассейн у пирса весовой, снова дежурил Андерс. Я чуть было не подняла паруса, едва ли не развернулась и не умчалась прочь, чтобы больше никогда не возвращаться. Не могла я встречаться с ним, только не после такого хорошего дня. Нина была права – нечестно, что один-единственный человек может погубить нас приписками ложных излишков и провинностей.

Мы молча пристали к причалу и начали сгружать улов. Мне удавалось даже не глядеть на Андерса, отчего, вероятно, я выглядела в его глазах виноватой. Хотя уже стало ясно, что будь я хоть богиней совершенства, он все равно сочтет меня грешной.

Андерс надменно хмурился, критически окидывал нас взглядом. Я уже почти слышала, как он объявляет мне пятидесятифунтовый перевес. Он уже предупреждал: еще один промах, и наше право на рыбную ловлю окажется под угрозой. Вот бы его проучить. Надо было вскользь намекнуть Гарретту: пусть удержит меня, если я стану бросаться на Андерса. Но он уже и сам встал между нами, словно в самом деле думал, что я могу кинуться на врага.

Если старику-весовщику удастся раздавить «Амариллис», я его убью. Не будет ли это худшим преступлением, которое я могу себе представить?

Андерс чуть помедлил, смерил нас всех взглядом и только потом объявил приговор:

– На сей раз больше на шестьдесят фунтов. И вы еще думаете, что профессиональны?

Я сжала кулаки. Представила себе, как брошусь на него. Разве

теперь мне есть что терять?

– Мы хотим провести аудит, – заявила Нина, скользнула мимо Сана, Гарретта и меня и встала напротив весовщика, хмуря брови и уперев руки в бока.

– В смысле? – на всякий случай переспросил Андерс.

– Аудит. Мне кажется, весы твои врут, поэтому мы хотим провести аудит. Верно? – Нина взглянула на меня.

Пожалуй, это даже лучше, чем бросаться на весовщика.

– Да, – подтвердила я, оправившись от изумления. – Да, мы требуем аудит.

С этого мига весовая на два часа потонула в хаосе. Андерс протестовал, орал и грозил нам. Я послала Сана в комитет с просьбой провести официальный контроль – он не попытается схитрить, они не смогут его отшить. Появились два старших члена комитета, Джун и Эйб, сердитые, в строгой серой форме.

– На что жалуетесь? – спросила Джун.

Все смотрели на меня и ждали, что я скажу. Моим первым желанием было все отрицать. Не борись, не гони волну. Потому что я, возможно, заслужила несчастья, которые на меня сыплются. Или моя мать, но ведь ее здесь нет.

Нина смотрела на меня наивными карими глазищами, все это было ради нее.

Когда я заговорила с Джун и Эйб, выражение лица у меня было совершенно спокойное и деловое. Речь шла не обо мне, а о бизнесе, квотах и справедливости.

– Весовщик Андерс корректирует градуировку весов, когда видит нас.

Я поразилась, когда они осуждающе взглянули на него, а не на меня. У Андерса задрожали губы, он попытался что-то промямлить в свое оправдание, но не смог: сказать ему было нечего.

Комитет подтвердил, что Андерс мошенничал с весами. И выразил готовность предоставить нам компенсации за счет самого Андерса. Я обдумала это предложение – у нас появятся дополнительные кредиты, продовольствие и припасы для семейства. Мы раньше обсуждали возможность обзавестись еще одной мельницей и подать ходатайство на второй колодец. Но вместо этого я предложила комитету передать любые наложенные по их усмотрению взыскания в общественные фонды. Мне же хотелось одного: чтобы к «Амариллису» относились по справедливости.

А потом я выразила желание собрать заседание, потому что хочу обратиться к комитету с еще одним заявлением.

На следующее утро Гарретт вместе со мной отправился в контору комитета.

– Мне следовало самой додуматься до аудита, – заметила я.

– Нина не так их боится, как ты. То есть не так, как ты раньше боялась, – поправил сам себя Гарретт.

– Я не… – тут я остановилась, потому что он был прав.

Гарретт пожал мне руку. Он весело улыбался, глаза искрились теплом. Похоже, он находил все это забавным. У меня закружилась голова, и я испытывала сложную гамму чувств и ощущала одновременно облегчение, изможденье и стыд. Но больше облегчение. Мы, «Амариллис», ничего плохого не сделали. Лично я ничего дрянного не натворила. Гарретт крепко поцеловал меня и остался ждать снаружи, я же предстала перед комитетом.

За длинным столом в кресле расположилась Джун вместе с пятью другими представителями власти. Перед ними лежали грифельные доски, учетные ведомости и списки квот. Стиснув руки на коленях и стараясь не сотрясаться от дрожи, я села напротив них, одна-одинешенька. И попыталась произвести такое же гордое и самоуверенное впечатление, как и они. В открытые окна влетал ветерок и охлаждал сложенную из шлакобетона комнату.

После вежливых приветствий Джун спросила:

– Ты хотела сделать заявление?

– Мы – команда «Амариллиса» – хотели бы попросить об увеличении нашей квоты. Совсем небольшом.

Джун кивнула:

– Мы уже это обсуждали и расположены позволить увеличение квоты. Идет?

Идет для чего? В качестве компенсации? Извинения? Во рту у меня пересохло, язык прирос к небу. В глазах защипало, и захотелось расплакаться, но это бы навредило выпавшему на нашу долю удобному случаю ничуть не меньше, чем сам факт моего существования.

– Хочу сказать еще кое-что, – справилась с собой я. – С увеличением квоты мы сможем прокормить еще один рот.

Говорить так – самонадеянно и заносчиво, но у меня не было причин вести себя изящно и обходительно.

Они могли отчитать меня или прогнать прочь, не сказав ни слова, выговорить за чрезмерные желания в непростые времена, когда без того не хватает на всех. Напомнить, зачем важнее сохранить то, что имеешь, а не пытаться расшириться из-за излишней самонадеянности. Но они ничего подобного не сделали. Казалось, их даже не шокировало мое заявление.

Джун, такая элегантная, с длинными заплетенными седыми волосами, в накинутой на плечи как для красоты, так и ради тепла вязанной шали, нагнулась к стоящей у ее ног сумке и достала сложенный отрез ткани, который подтолкнула ко мне через стол. Прикасаться к нему мне не хотелось. Я все еще боялась, не выхватит ли Джун его у меня из рук в последний момент, если я трону знамя? Мне не хотелось разворачивать его, чтобы полюбоваться на красно-зеленый узор, – а вдруг вместо этих цветов какие-то другие?

Но я все-таки сделала это, хотя руки у меня дрожали. Вот оно! Я зажала знамя в руке, теперь никому у меня его не отнять.

– Хотела ли ты поговорить о чем-нибудь еще? – спросила Джун.

– Нет, – прошептала я. И встала, кивнула всем по очереди. Прижала знамя к груди и вышла.

По дороге домой мы с Гарреттом все обсудили. Во дворе нас дожидались остальные члены команды: Дакота в блузке с юбкой, волосы стянуты в кичку, Джей-Джей со скрещенными на груди руками, вопрошающий голый по пояс Сан, уперев руки в бока. И впереди всех – Нина, которая чуть ли не подпрыгивала от нетерпения.

Пытаясь сохранить непроницаемое выражение лица и стиснув зубы, чтобы не рассмеяться, я обвела всех взглядом. Знамя я прятала за спиной. Гарретт держал меня за другую руку.

– Ну? – наконец подала голос Нина. – Как все прошло? Что они сказали?

Лучше сюрприза не придумаешь. Я встряхнула знаменем и подняла над головой, чтобы все видели. И – о, никогда у них не было таких широко распахнутых удивленных глаз и разинутых, как у рыб, ртов!

Чары рассеяла Нина, которая захохотала и побежала мне навстречу, бросилась в объятия. Мы с ней чуть не упали.

Потом обнимались уже все. Дакота тут же начала волноваться и толковать о том, что нам нужно соорудить кроватку, обзавестись тканью на подгузники, и на все про все у нас девять месяцев, нужно скопить кредиты.

Я немного высвободилась – на расстояние вытянутой руки, я могла заглянуть Нине в глаза, когда передала ей знамя. Сперва она чуть не выронила его, словно обожглась огнем. Поэтому я сама сомкнула ее пальцы, да так и держала ее за руку.

– Оно твое, – проговорила я. – Хочу передать знамя тебе. – Чтобы удостовериться, что все делаю правильно, я взглянула на Гарретта. И – да, он все еще улыбался.

Не сводя с меня глаз, Нина прижала знамя к груди совсем так

же, как это прежде делала я.

– Но… ты… Оно принадлежит тебе… – Она заплакала. И я тоже за ней следом, крепко прижимая ее к себе, пока она бормотала сквозь слезы: – Разве тебе не хочется стать матерью?

На самом деле я считала, что уже ею стала.

Дэвид Моулз
Семь золотых городов

Произведения Дэвида Моулза публиковались в «Asimov's Science Fiction», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Polyphony», «Strange Horizons», «Lady Churchill's Rosebud Wristlet», «Say», «Flytrap» и других изданиях. В сотрудничестве с Джеем Лейком он составил «ретропалп» – антологию «Лучшие приключенческие истории о дирижаблях» («All-Star Zeppelin Adventure Stories») 2004 года, а совместно со Сьюзан Мэри Гроппи – антологию «Двадцать поэм» («Twenty Epics»). Ниже представлена блестяще написанная повесть, где автор создал мир с альтернативной историей и ведет нас вслед за главной героиней этого повествования на катере вверх по реке, чьи берега охвачены войной, в чужое, опасное место, о котором она ничего не знает.

Проливной дождь пришел со стороны Мексиканского залива, и его потоки обрушились на горящий город, словно когтистые лапы тех самых ягуаров, которые, как говорят майя, должны прийти с неба, когда наступит конец света. Они хлестали по раскаленной плитке Празы-душ-Бишпос, били по смальтам Старого города, гасили пожары, смывали пепел в древнем гетто идолопоклонников. Неслись по зеленому ковру оставленных андалусцами позиций, громыхали желтой пластмассой палаток в японских передвижных госпиталях. Роняли капли за шиворот усталым врачам Министерства по чрезвычайным ситуациям, отмерявшим себе в этот час дозу опия, пугали в Министерстве промышленности лаборантов, смотревших на счетчик радиоактивности. От этого ливня вода в каналах и городских стоках поднялась, пробила дамбу и понеслась по улицам в пятнах белой пены. Вместе с пеной в ней плыли обгоревшие трупы.

– Доктор Накада?

Субалтерн[73] Министерства по чрезвычайным ситуациям побарабанил костяшками пальцев по пустотелой двери. На стук никто не отозвался. Он толкнул дверь, и та отползла в сторону на ладонь и застряла. При свете яркого карибского солнца субалтерн увидел завернувшийся угол синего синтетического ковра, ребристого, как татами, и откинутую загорелую женскую руку.

Он приподнял дверь в пазах, отодвинул до конца, и крохотное бунгало заполнилось светом. Обитательница жилища застонала. Субалтерн снял сандалии, вошел, обежав взглядом

комнату: от женщины, распростертой на полу, – босые ноги, черные, коротко стриженные волосы спутаны, ярко-синие куртка и брюки полевой формы Министерства смяты, ремня нет, – к низкому столику, где рядом с пустой чайной чашкой лежали открытая аптечка, пачка тонких турецких опиумных сигарок и стоял на электрической конфорке выкипевший чайник. Субалтерн присел на корточки, обнюхал чашку, принюхался к дыханию; взял женщину за запястье, проверил пульс; осмотрел лицо, уши, а потом, несмотря на ее сонное протестующее мычанье, открыл ей рот и маленьким карманным фонариком посветил на язык.

Когда субалтерн отпустил ее челюсть, женщина спросила:

– Где я?

По ее тону субалтерн догадался, что она уже задавала этот вопрос, и ответ ей не нравился.

– Вы в Ксарагуа, доктор, – сказал субалтерн. – На Карибах.

Он ждал следующего вопроса, но женщина только прикрыла рукой глаза и снова захрапела.

Субалтерн вздохнул, открыл аптечку, проверил отделение с надписью «Лекарственные препараты (нижний класс)» и пошел заниматься делами.

Через некоторое время лейтенант медицинского корпуса Чие Накада, выспавшаяся, в сандалиях, умытая, в разглаженной форме, причесанная, с завязанными, чтобы не лезли в глаза, волосами, застегивала пристяжной ремень на откидном сиденье колеоптера.

Голова у нее раскалывалась.

В металлическом брюхе колеоптера было жарко, пахло дезинфекцией и засохшей кровью. Накада закрыла глаза, вдохнула поглубже. Это был запах ее дома.

До сих пор не понимаю, почему выбрали меня. Тогда я была не лучшей кандидатурой. Незадолго до этого я вернулась из поездки в Индокитай, в лагерь беженцев в Южном Сиаме, уезжавших оттуда после гражданской войны. За три года, что я там проработала, через этот лагерь прошло полмиллиона человек. Их отправляли на Мадагаскар, в Синьцзян – по всему миру, где власти готовы были принять новую рабочую силу. Трудная жизнь. Тяжелые воспоминания. В жизни беженца нет никакой романтики. Хорошо хоть война закончилась. Во мне после этой поездки что-то сломалось. Я вернулась в Японию и жила будто лунатик. Занималась любовью с мужем, водила сына в школу, а по ночам мне снились дети, умирающие от голода, женщины, изнасилованные, искалеченные, мужчины, изуродованные

напалмом, или мачете, или разорвавшейся гранатой, или блуждающей миной. Я стояла на главном вокзале Кокуры, смотрела на поток спешивших на работу людей – мужчин и женщин, удачливых, ничем, кроме себя, не интересующихся, – и не понимала, что я там делаю. Я представляла себе землетрясение, взрыв зажигательной бомбы. Руины вокзала, горящие балки, а под ними – льготников с проездными билетами, которые просят о помощи. Просят меня. Через какое-то время я стала хотеть, чтобы так и случилось.

Из записной книжки лейтенанта медицинского корпуса Чие Накады

Накада шла за субалтерном по застекленной прогулочной палубе госпитального корабля «Маппо Мару». Шторм переместился на север и двигался дальше вдоль пологих зеленых берегов океана, но в небе еще бродили тяжелые серые облака, а вода за широкой кормой «Маппо Мару», который, как и все корабли их флота, стоял на якоре, была похожа на зеленый сланец. Там же, растянувшись, на сколько видел глаз, на восток и на запад, стояли в ряд сухогрузы, и у всех на борту была вода, продовольствие, палатки, мешки с цементом. Накада насчитала еще три судна, похожих на «Маппо Мару», – больших, желтых, на воздушной подушке. Кроме них там стояли суда поменьше и катера, в воздухе гудели колеоптеры.

Японская гуманитарная помощь, пусть и запоздалая. Неадекватный отклик на последствия одного урагана. Накада решила, что, наверное, кого-то упрекнули в бездействии, и теперь этот кто-то наверстывал упущенное, развив бешеную активность.

На корме, под хвостом «Маппо Мару», похожим на сплющенный хвост кита, находилась каюта генерала медицинского корпуса, занимавшая всю ширину палубы от борта до борта. Строгой обстановкой она напоминала все официальные приемные на Островах – настоящие татами, расписные бумажные экраны, лакированные шкафчики, цветущие ветки в узких вазах, изысканно асимметрично расставленных в разных местах, портрет регента на фоне горы Иошино. Общее впечатление несколько портили лишь резкое флуоресцентное освещение и голый алюминий стен. Несмотря на работавший вентилятор на потолке, в каюте было душно, жарко и влажно. В воздухе висел застоявшийся запах табака.

Субалтерн поклонился и вышел, прикрыв за собой дверь. Заднюю часть каюты, где, как предположила Накада, должны быть иллюминаторы, загораживали ширмы. Перед ними стоял низкий черный столик с подносом и чайными чашками, а возле него на красных подушках сидели мужчина и женщина.

Женщину Накада знала: это была Нобуко Араки, генерал медицинского корпуса. Японка с продолговатым лицом, с седыми прядями в длинных черных волосах, в хлопчатобумажной куртке цвета индиго поверх формы, такой же, как у Накады, но из ткани получше качеством. Араки, командующая ликвидацией чрезвычайных ситуаций всей Антильской миссии. Мужчина был иностранец. В искандарийском шелке, с рыжеватой, тронутой сединой бородкой, со светлой веснушчатой кожей – из варягов или с севера Аль-Андалуса. На голове у него был малиновый тюрбан, из-за которого кожа казалась еще светлее. Глаза, обращенные к Накаде, вошедшей, когда он стряхивал пепел с тонкой сигарки, показались ей почти бесцветными.

– Спасибо, что пришли, доктор Накада. – Этот голос раздался справа от нее. Человек, который произнес эти слова и которого она не заметила, был высокий очкастый майор-фармаколог, примерно одних с ней лет или немного моложе. Вышитая метка на форме сообщала, что его зовут Кавабата.

Араки сказала:

– Садитесь, пожалуйста, Накада. Выпейте чаю.

Слева от Араки была еще одна подушка. Накада сняла сандалии, села на колени на эту подушку, и ей налили в фарфоровую чашку крепкого холодного темного чая.

– В такую жару, доктор, я пью только холодный ячменный чай, – сказала Араки. – Надеюсь, вы ничего не имеете против.

Накада прочистила горло.

– Нет, мадам, я и сама его люблю.

Кавабата, продолжавший стоять, подошел к шкафчику и взял оттуда алюминиевый футляр. Щелчком открыл его и достал пластиковую папку.

– Доктор Накада, вы возглавили команду врачей, которая первой прибыла в Пачакамак после землетрясения, это верно?

– Верно, сэр.

Накада пригубила чай. У него был вкус горелого риса.

– А в первый год Сейшо, – сказал Кавабата, глядя в папку, – спасли жизнь султану Маджапахита, которого отравил его личный врач.

– Он съел не того моллюска.

– Когда-нибудь работали с христианами?

– В Аксуме, – сказала Накада. – Во время голода. И, естественно, во время учебы в Константинополе.

– Но не с франками и не с антильцами? – спросил иностранец.

По-японски он говорил хорошо, с еле заметным акцентом.

– Нет, сэр, с ними не работала.

Иностранец переглянулся с Араки.

– Сколько времени вы находитесь в Ксарагуа?

– Три недели, мадам.

– В таком случае вам уже наверняка хочется вернуться к работе.

– Да, мадам. Безусловно.

Майор фармакологической службы открыл другую папку.

– Шесть дней назад, доктор, – сказал Кавабата, – антильским повстанцам удалось провезти в Эспирито-Санто – это город в низовьях Акуамагны – экспериментальную бомбу. Провезли через закрытую зону, установленную нашим Министерством для того… – Он прокашлялся. – Для того, чтобы разделить территории антильских епископов и владения аль-андалусцев. Нам до сих пор не известно ни что это за бомба, ни как она действует, ни сколько таких бомб у повстанцев. В Министерстве промышленности считают, что это, возможно, малая ядерная бомба, но наверняка мы этого не знаем.

Звякнула чашка, которую поставила на поднос Араки.

– Зато нам известно, что от взрыва бомбы сгорело полгорода и погибло тридцать тысяч человек, – продолжал Кавабата. – Двадцать из них – антильские христиане. Если бы я не был лично знаком с аббатом, доктором Шингеном, я не поверил бы отчетам, которые он нам шлет. Тысячи обгоревших. Тысячи пострадавших, которые оказались вне зоны пожаров, но тоже показывают ожоговые симптомы. Другие симптомы сходны с брюшным тифом – тошнота, выпадение волос, повреждения кожи. А так как начался сезон дождей, можно в любой момент ждать вспышки настоящего тифа. А также холеры, желтой лихорадки и малярии. Кроме того, судя по полученным данным, городу грозят проказа и бубонная чума. Еще немного, и мы получим самую крупную гуманитарную катастрофу за последние десять лет. В Заливе наступил сезон ураганов, и это тоже затрудняет наши действия. Но, когда все это произошло, в Ксарагуа находилась Одиннадцатая аэромобильная группа, которая должна была заниматься последствиями ураганов. Теперь мы перенаправили ее в Эспирито-Санто.

Наступило молчание. Накада смотрела то на Кавабату, то на Араки.

– Слушаю, сэр, – сказала она наконец.

– Скажите, доктор, – заговорил иностранец, – как вы относитесь к войне?

– Я против войны, сэр.

– Естественное отношение человека вашей профессии, доктор. Достойное восхищения. Как дипломат я тоже противник

войн. В частности, войн религиозных.

Наступила выжидательная пауза, и Накада сказала:

– Да, сэр.

Кавабата достал еще одну папку.

– Разведка андалусцев считает, что антильские повстанцы вышли из-под контроля и больше не подчиняются Семи епископам. Ими командует женщина, бывшая монахиня, по имени Клара Дос-Орсос.

Он взял из папки сложенный лист бумаги и протянул Накаде. Это была теплокопия, выцветшая, чересчур резкая, будто сделанная с плохой фотографии. Тем не менее лицо на ней притягивало взгляд своей необычностью. Женщина, около тридцати или немного за тридцать, с темными, широко поставленными глазами; ее скулы говорили, что в ее жилах течет антильская либо мексиканская кровь, и ее происхождение не имеет отношения к иберийско-готскому высшему классу.

– Мессианская проповедница, – произнес Кавабата. – Харизматичная провидица. Последователи зовут ее Апалаксийской Девой.

– Психопатка, свихнувшаяся на Апокалипсисе, вот кто она такая, – сказала Араки. – Галлюциногены, бредовые идеи, параноидальное воображение, мистическое мышление – классическая шизофрения, если не психоз. Не подчиняется никому, кроме ангельских голосов в голове.

Накада смотрела, как иностранец загасил сигарку и прикурил новую, щелкнув зажигалкой, отделанной слоновой костью.

– Вот уже несколько лет, доктор, – сказал он, – как моему народу объявили войну Семь епископов Антилии. Во славу религии им служат сумасшедшие, франки и римляне, и епископы наделяют их властью. Они творят ужасные вещи, убивая не только мусульман, но и евреев, савеев и – да, да – множество христиан.

Он затянулся поглубже и медленно выдохнул дым.

– Теперь эта женщина, – продолжал он. – И эта страшная бомба, разрушившая город. Таких бомб нет ни в Калифате, ни в Персии, ни в Индии, ни в Китае, ни в Японии. Они создали это сатанинское оружие во славу религии и ради того, чтобы прогнать со своей земли армию калифа, а эта безумная обрушила его на своих же людей.

– Тридцать тысяч погибших, доктор, – сказала Араки. – Безумию нужно положить конец.

Кавабата прокашлялся.

– Вы получите несколько доз экспериментального препарата, который снимает приступы психоза, – сказал он. –

Гепатокардиальный нейролептик, производное от «Ти-Джей-пятьдесят четыре». Наш санитарный катер доставит вас в Эспирито-Санто. Потом поднимитесь вверх по реке, пересечете закрытую зону, северней Ла Витории вступите в контакт с кем-нибудь из епископов, тех, кто еще останется в живых, и получите одобрение, чтобы… излечить Дос-Орсос.

Накада перевела взгляд с Кавабаты на Араки. Та кивнула.

– Есть, сэр, – ответила Накада.

– Вылечите ее, – сказал иностранец. – Любой ценой.

Когда Накада проснулась, садилось солнце. Едва поднявшись на борт, она велела одной из медсестер экипажа сделать ей снотворную микстуру.

Санитарный катер – десять метров в длину, пять в ширину – был с реактивным двигателем, но на воздушной подушке. Большая его часть представляла собой цельный кусок желтого литого пластика с пятнами протекторной противоюзовой пленки. Со стороны он выглядел как детская игрушка.

Та самая медсестра, которая приготовила ей снотворное, стояла, перегнувшись, у борта и держала в руках сетку на двухметровом бамбуковом удилище. Круглолицей загорелой девушке в веснушках на вид можно было дать лет пятнадцать. Заметив, что Накада на нее смотрит, она улыбнулась.

– Откуда ты? – спросила Накада.

– Новый Йезо, – ответила девушка и отвернулась к своей сетке.

Накада вспомнила имя: Хаяши. Наверняка тут встретятся знакомые.

Новый Йезо. Японская колония. Группа островов километров на триста или четыреста севернее Эспирито-Санто. Земля медведей, лосося, поселков лесорубов и рыбообрабатывающих заводов. Накада подумала, что шестилетний контракт с Министерством – это заманчиво, когда альтернатива ему – койка на промысловом китобое.

Накада села. Она смотрела на пологий берег, проплывавший мимо, наверное, в километре. Выглядел он таким же чужим, как побережье Калимантана, но Хаяши родилась именно здесь. Ей стало любопытно, какими эти места видит Хаяши.

– Вы и раньше служили в Антилии, доктор?

Возле румпеля стоял командир экипажа, сержант, хирург по имени Шираока. Без диплома выше сержанта подняться невозможно, а по виду Шираоки нельзя было предположить, что диплом лежит у него дома на полке. Ему было за сорок, вокруг глаз на загорелой коже залегли морщинки от солнца, а еще у него

были густые черные усы, которые подошли бы больше казахскому конокраду.

– Нет, – ответила ему Накада. – Один раз была в Перу. В основном – в Восточной Ифрикии и в Индии. А вы?

– Я здесь три года. – Он покачал головой. – Ифрикия. Ну да. Бывал. На западе. Паршивая страна. Антильцам тоже там не везло. Но они в основном все ненормальные.

Ненормальные. У меня в планшете вместе с приказами лежала фотография Дос-Орсос с черными глазами и застывшим взглядом. Я смотрела на нее и пыталась понять, в самом ли деле эта женщина ненормальная, или же у Араки и Кавабаты это были лишь что-то вроде профессиональных эвфемизмов: шизофрения, паранойя, психоз. Или – более изощренно – безумие. Не то чтобы я не сталкивалась с этим раньше. В лагере беженцев в Южном Сиаме я видела девушку, ростом мне до плеча и в два раза легче, которая в приступе ярости схватила штык и заколола шестерых малайских солдат. В Аксуме я знала врача из Шизуоки, который, где бы ни ложился спать, всегда рисовал мелом на полу черту вокруг своего татами и не мог уснуть, если вдруг край коврика наезжал на черту. Но когда я увидела теплокопию взгляда Дос-Орсос, я разглядела в нем другое. Такой взгляд я встречала у волонтеров, которые продолжали раскапывать завалы, когда уже не оставалось надежды найти выживших, у медсестер, которые со всей заботой и нежностью ухаживали за теми, кого уже нельзя спасти. Похожий взгляд, сказала я себе, я иногда видела в зеркале. Тут я была права, но кое в чем ошиблась.

Из записной книжки лейтенанта медицинского корпуса Чие Накады

Развернувшись, катер направился к берегу, прошел пролив, и люди заметили перед собой большое полусоленое озеро, дальний берег которого едва виднелся в субтропической дымке. Вскоре они заметили первый труп.

– Что там такое? – спросил Ишино.

Ишино, медбрат родом с Окинавы, был не сильно старше Хаяши. Он обладал внешностью поп-звезды: простодушное лицо, красивое, почти как у женщины, но немного дерзкое.

– Что такое? – спросила Накада.

Тело, которое они увидели в воде, было без одежды, без волос, обгоревшее дочерна. Невозможно понять, мужчина это или женщина, антилец или андалусец, молодой человек или старый.

– О-о, – протянула Хаяши.

– Там, куда мы плывем, такого будет много, – сказала Накада и закрыла глаза.

Голова все еще болела. Честный субалтерн изъял из ее аптечки все опиумные препараты. Так что приходилось терпеть, хотя это становилось все труднее. Севернее, выше города по течению, будет продовольственный лагерь «Чистая земля»[74]. Нужно продержаться до лагеря.

Накада услышала голос Ишино, который тянул нараспев слова, и узнала нитирэнскую[75] молитву о мертвых. Когда он умолк, Шираока включил двигатели на полную мощность, и катер на воздушной подушке быстро оставил позади обгоревшее тело.

Они шли вдоль берега, отмеченного плавной дугой на картах у Шираоки, где в сияющие водяные пространства врезались зеленые острова затопленных деревьев. Шли против течения. А течение – Акуамагна, пробившая дамбы, вышедшая из русла взорванных каналов и прокладывавшая себе новые пути, – несло бурую грязь и белые брюшки мертвой рыбы. Там, где на картах значилась плотина, служившая перемычкой между озерными водами и фермерскими землями южнее города, везде была только вода, и возле верхушек крыш затопленной деревеньки бурлила желтая пена.

Вскоре затопленные деревни сменились затопленными трущобами пригородов. Плосколицые антильцы, спасавшиеся от воды на рифленой жести крыш своих шлакобетонных коробок, прикрыв ладонью глаза, провожали взглядами санитарный катер. Среди зданий ползла лишь одна длинная желтая баржа Министерства. Маленькие фигурки в синей форме забрасывали на крыши канистры с питьевой водой. Крыш было намного больше, чем канистр.

Ближе к городу на берегу что-то сверкало золотым блеском.

– Что там? – спросил Ишино.

– Кажется, Будда, – откликнулась Хаяши, которая смотрела в бинокль.

– Дай-ка мне, – сказала Накада.

Хаяши отдала ей бинокль, и Накада тоже посмотрела.

– Кандзэон[76], – сказала она.

Кандзэон, Гуаньинь, Кваннон – тысячерукая богиня, воплощение милосердия, она же Авалокитешвара, а в Южном Китае – Богиня-Мать – улыбалась Накаде метровой улыбкой, сверкая на солнце пластиком, желтым, как золото. Рабочие в синем из команды Министерства прикатили ее от баржи и теперь устанавливали на длинной бетонной рампе, развернув лицом к шафрановожелтым палаткам на пустыре. Дальше, за палатками, Накада увидела бетонные коробки зданий, которые становились выше по мере удаления, и за ними гигантский двухсотметровый

металлический купол с торчавшими сквозь дыры разорванными балками. Из-за купола появился колеоптер и полетел в сторону озера.

Накада опустила бинокль. Улыбающееся лицо Кандзэон и тысяча ее рук, похожих на крылья персидского ангела, теперь и так были хорошо видны.

Шираока, поглазев на статую, покачал головой.

– Эти искатели «Чистой земли» вечно напрашиваются на неприятности, – сказал он.

– Христианам скажем, что это Дева Мария, – решила Накада.

Бетонные коробки раньше были спортивным комплексом, который разрушили, и теперь одно крыло занимал продовольственный лагерь. На площадке с развороченным асфальтом среди луж с протухшей водой желтели палатки и тенты. Над палатками возвышались мрачные бетонные конструкции, которые лет тридцать назад, возможно, казались грандиозными, а сейчас посреди нищих пригородов выглядели нелепо.

Санитарный катер пристал к берегу возле длинной, выложенной белой плиткой площадки рядом с бетонным отводом для воды из озера, построенным, как подумала Накада, для состязаний. На другом его конце торчала вышка для ныряльщиков, а со стороны катера стояла ярусная трибуна с рядами металлических зрительских кресел, заваленных коробками с гуманитарной помощью. Баржи разгружались одна за одной, изумляя антильцев. Вода у бортов зеленела, тусклая, как краска.

Двигатели умолкли. Накада носом втянула воздух, задержала дыхание и выдохнула через рот. Пахло плещущейся водой, к этому примешивался запах горючего и канализации: привычная смесь для всех уголков развивающегося мира. Накада вдохнула еще раз и улыбнулась.

– Дайте мне карту, – сказала она Шираоке и спрыгнула с борта на плитку. – Пойду поищу начальника лагеря. Посмотрим, может, чего подскажет.

Со стороны Кандзэон послышались крики, а затем хлопок выстрела.

– Возьмите с собой кого-нибудь, – сказал Шираока, наклоняясь через борт, чтобы передать карту.

– Я пойду, – сказала Хаяши.

Вдвоем они направились вверх по бетонному склону, туда, откуда слышался шум.

– Это твой первый выезд? – спросила Накада.

– Ну да, – ответила юная медсестра.

Она вертела головой, разглядывая все по пути с живым интересом, как прилежная школьница, которая впервые попала в парк развлечений и еще не освоилась с мыслью, что все эти живые персонажи в костюмах, все фонарики и машинки предназначены для нее. Накада подумала, что, наверное, Хаяши за всю жизнь до службы в Министерстве не видела столько людей, сколько стояло здесь в одной очереди.

Хаяши, задрав голову, посмотрела на тридцатиметровую фигуру Кандзэон.

– Она настоящая? Похоже на пластик.

Накада пожала плечами.

– По-моему, пластик такой же настоящий, как бронза.

Они подошли к раздаточному столу в начале очереди и увидели источник беспорядка. Цепочка японских полицейских в блестевших лаком полудоспехах старалась сдержать натиск толпы, состоявшей, похоже, в основном из андалусских солдат. Раздатчицы выдавали еду и воду антильским беженцам и направляли их в палатки, а рыжебородый офицер-андалусец, говоривший с таким варяжским акцентом, что Накада не сразу узнала арабский язык, тем временем спорил с сотрудником лагеря. Тот был одет в черную монашескую тунику без рукавов поверх синей униформы, с белой веревкой вместо ремня и нашивкой сержанта-диетврача.

– Послушайте, ваша милость, – издевательски по-японски отвечал ему диетврач, – вашим дуболомам нужно встать в очередь.

Накада похлопала его по плечу.

– Эй, – сказала она. – Где тут можно найти начальника лагеря?

Диетврач повернулся к ней.

– Я что, похож на гида?

Тут он увидел нашивку Накады со званием.

– Прошу прощения, доктор. Попробуйте…

В этот момент андалусец вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил в воздух.

– Вот ведь! – с отвращением сказал диетолог.

Андалусец уже опускал руку, когда диетолог ее перехватил. Одним движением он выбил пистолет и бросил андалусца на землю, а потом врезал ему в солнечное сплетение. Диетолог швырнул оружие через парапет в канал, и оно с громким плеском пошло ко дну.

Солдаты подняли крик и двинулись к столу, а японские полицейские врезались в толпу и заработали дубинками.

– Так где начальник лагеря? – повторила вопрос Накада.

– Посмотрите на стадионе, – ответил диетолог.

– Спасибо, – сказала Накада, но диетолог уже отвернулся к толпе.

– Да успокойте же их! – взревел он. – Нам нужно работать!

Когда Накада и Хаяши отошли от них, медсестра сказала:

– Мне казалось, солдаты не должны входить в лагеря для гражданских.

– Это работает, когда армия побеждает, – сказала Накада. – Иногда даже когда проигрывает.

Стадион превратился в госпиталь. На поле был разбит палаточный городок, плотно заставленный складными койками, на которых лежали и сидели в основном женщины и дети. Хаяши читала на деревянных табличках, висевших на каждой койке, надписи мелом, выискивая интересный случай, а Накада и так знала, что это недоедание, обезвоживание и иногда дизентерия.

Они подошли к ожоговой палатке. Хаяши, взволнованная, пошла смотреть на пациентов в бинтах, пациентов без бинтов, потому что обгоревшая кожа не выносила прикосновений, пациентов с отпечатавшейся на коже одеждой, в которой их застал взрыв.

Накада проверила назначения и медикаменты на аптечных тележках, стоявших в конце каждого третьего-четвертого ряда коек. Лекарства в «Чистой земле» были самые обычные, лагерь не готовился к приему тяжелораненых. Но вдруг в нижнем ящичке на последней тележке Накада нашла, то, что искала.

В эту самую минуту Хаяши сказала:

– А вон тот не начальник лагеря?

Накада сунула пакетик в рукав и выпрямилась.

Аббат доктор Шинген был огромный, на две головы выше Накады, и его массивная бритая голова напоминала храмовый колокол. Шинген наблюдал за установкой еще одной, поменьше, статуи: на этот раз Будды Амитабхи.

– Вот так, вот так! – гудел он монахам, старавшимся с помощью клиньев и рычагов поставить статую – не из пластика, как Кандзэон, а из золоченой бронзы – на деревянный постамент. – Чтобы точно под щитом!

Он перевел взгляд вниз, на подходившую к нему Накаду.

– Слушаю.

– Сэр. – Накада поклонилась и протянула ему футляр со своими документами. – Мы движемся вверх на север, у меня специальное задание. Мне сказали здесь пересечь Акуамагну.

– Что? – рявкнул Шинген, не взглянув на футляр. – Нет, здесь

нельзя. На случай, если вы не в курсе, тут район поражения.

Он повел рукой в сторону палаток и коек.

– Зачем вам на север? Оставайтесь здесь, дел хватает.

Накада, по-прежнему державшая в руках футляр, настойчиво повторила:

– У меня специальное задание генерала Араки, сэр. Мне приказано пересечь озеро, войти в этом месте в реку и двигаться вверх на север.

Шинген нахмурился.

– Араки? Что ей там нужно?

Он взял футляр, хлопком открыл, развернул настолько, чтобы прочесть название документа, снова свернул, закрыл и отдал Накаде.

– Ничего об этом не знаю, – сказал он.

Накада убрала футляр в карман и протянула ламинированную карту местности.

– Сэр, – сказала она, – судя по карте, озеро и река соединены каналами вот здесь и здесь…

Монах следил за ее пальцем.

– Сюда не нужно, – сказал он.

– Сэр?

– Там сейчас полно всякого сброда. Туземцы, язычники, андалусские дезертиры, болотные племена каннибалов. Всякой твари достаточно. До бомбы было неблагополучно, а после…

Он поднял глаза и посмотрел куда-то поверх головы Накады.

– Эй! – заорал он.

Накада оглянулась и увидела команду «НКК-фильм», разгружавшую камеры, устанавливавшую штативы, расставлявшую колонки, протягивая кабели по ожоговой палатке.

– Не лезьте туда, – сказал Шинген Накаде. – Дождитесь, когда вернется Одиннадцатая группа и мы восстановим контроль над городом. Это мой вам совет.

Накада поклонилась. Шинген повернулся к монахам, все еще продолжавшим возиться с рычагами, чтобы Амитабха сидел ровно.

– На уровень посмотрите же, болваны! – заорал он.

– Слышал я про этих каннибалов, – сказал Ишино. – Отрубают человеку кисти и ступни и вывешивают вялиться на ветерке.

– Это в Новом Йезо, а не здесь, – сказала Хаяши. – Я это видела. Это у них такой ритуал. Они не едят, а просто спектакль такой.

– Я знаю, что мне рассказывали, – уперся Ишино.

Все вернулись на катер. Солнце скрылось за куполом стадиона. Хаяши на корейский манер жарила на решетке креветок, а Ишино варил клейкий витаминизированный пайковый рис.

– Эй!

Накада подняла глаза от карты, которую они изучали вместе с Шираокой, и увидела рядом с катером фантастическую фигуру, прыгавшую на горячей плитке с ноги на ногу: высокая, расхлябанная, как марионетка, в драной форме какой-то гражданской службы Варяжской Руси из белой шерсти, отороченной бледно-голубым шелком. Когда она приблизилась, Накада поняла, что это человек. Круглая хазарская шапка, светло-голубые глаза на небритом, красном от солнца лице. На вид ему было от тридцати до сорока. Он был босиком.

– Эй! – позвал он и спросил по-японски: – Говорите по-гречески? Поднимаетесь на север?

«Поднимаетесь на север»?

– Я говорю по-гречески, – с трудом сказала на греческом Накада.

– Хорошо, хорошо.

Человек прыгнул на палубу, едва не свалив кастрюльку с рисом.

– Извиняюсь. Идете вверх по реке, да?

Греческий у него был немногим лучше, чем японский, но говорил он уверенней.

– Я Семенов. Андрей Карлович. Поэт. Из Новгорода. Вам надо пересечь город?

– Да, мы пойдем вверх по реке, – сказала Накада. – И нам придется пересечь город. Ну и что?

– Судоходный канал, – сказал русский.

Он взял в руки карту, отстранив Шираоку, и стал рассматривать.

– Я покажу.

И тут же уронил ее, отвлекшись на Хаяши, которая снимала с гриля креветки.

– Эй! Креветки!

– Эфесо, Эсмирна, Пергамо, Тиатира, – перечислял русский, усевшись на крышу рулевой рубки. Босые ноги были черны от грязи. – Сард, Филадельфия, Лаодекия. Семь городов.

Катер шел по широкому, забитому мусором каналу, более-менее придерживаясь инструкций русского, но Шираока то и дело сверялся с картой, а Ишино с Хаяши стояли на носу и следили за тем, чтобы не врезаться во что-нибудь.

– По легенде. Знаете ее?

– Какая легенда?

Накада, босая, сидела, обхватив колени руками, прислонившись спиной к турбине. С того момента, когда она передала русского на попечение недовольного Шираоки, она почти не обращала на него внимания. Она наблюдала за городом.

Первые поселенцы, которые основали город и назвали его во славу Семи епископов Эспирито-Санто – городом Святого Духа, – построили его на возвышенности между озером и Акуамагной, хотя строительный камень им пришлось перевозить сюда на баржах из каменоломен, находившихся за сотни километров выше по течению. С палубы катера, лавировавшего среди обломков, чтобы не натолкнуться на рухнувший кран или перевернутую баржу, Накада хорошо видела Старый город, Альта-Сидад. Соборы лежали в руинах, от соседних зданий остались одни коробки. На улицах стояли грязные лужи, а спускавшаяся к набережной Праза-душ-Бишпос зияла выщербленной плиткой, как больной – оспинами.

– Легенда о Последних Днях, – сказал Семенов. – В Иберии и Франкии есть легенда о семерых епископах. Будто бы им удалось спастись от армии калифа. Они добрались до Опорты, погрузили на корабли своих сподвижников и все сокровища и пересекли Западный океан. Будто бы Айя Эулайя, которой они молились, привела их к берегам острова, который они назвали Антилией.

Накада отметила про себя, что на эту тему русский лучше стал говорить по-гречески.

– Епископы основали там новое христианское царство, новый Израиль. И построили семь золотых городов – по числу епископов. А еще там говорится, что однажды епископы вернутся и возродят христианство.

– Непохоже, чтобы они решили начать отсюда, – сказала Накада.

Русский ничего не ответил.

Воздух обжигал, как вода в горячих ключах, как свежая зола. Небо было синее и абсолютно чистое. Бандиты и каннибалы, которых боялся Ишино, не давали о себе знать. Не было видно ни рыбы, ни птиц, ни людей. Нижний город, с его лабиринтом деревянных улочек, где жили и работали большинство обитателей Эспирито-Санто, стоял пустой. О том, что здесь канал разветвлялся, можно было догадаться по еле заметному движению мусора, вместе с которым ползли мертвые тела, трупы собак и свиней, кружа в медленных водоворотах возле случайных препятствий вроде рухнувшей балки или перевернутой лодки.

Накада смотрела на все это с приятным чувством

меланхолической грусти. В пакетике, который она украла с тележки в ожоговой палатке, лежала, быть может, лишь четверть ее обычной дозы, но и одного грана опиума было достаточно, чтобы снять напряжение и вернуть способность воспринимать окружающий мир. Она ощутила, как ее охватывает *toto no aware*[77], обреченность, которая, как ей казалось, и несла их суденышко – по грязным водам канала, среди руин и трупов, под чистейшими небесами, – несла всех и вся в этом мире. Накада глядела на развалины, и, невзирая на жару, от осознания трагической красоты мира ее била дрожь.

Впервые за много месяцев она чувствовала себя живой.

Если бы все это случилось не в Эспирито-Санто, а где-нибудь в Искандерии или в Мессалии, Нанджине, Коку ре или Кумби-Салехе – в любом месте, какое мы радостно называем цивилизованным миром, – история человечества была бы разделена надвое. До и после. Невинность и опыт. Первые и последние дни закона. Конец Юги и начало новой эры. Но все это произошло в Антилии. И, как почти все, что происходит в темных уголках Земли, осталось незамеченный за их пределами. Меня это устраивало. Для меня это означало, что я не обязана им сочувствовать.

Из записной книжки лейтенанта медицинского корпуса Чие Накады

Русский сошел возле разбитых шлюзов, взяв за работу пакет гуманитарного риса, несколько пачек соевых хлопьев и несколько банок с напитками – дистиллированная вода, зеленый чай и рисовая водка.

– Вы ведь пришли за ней, да? – тихо сказал он Накаде, когда перебирался с катера на причал. – Как тот, другой?

– Она – это кто? – спросила Накада.

– Дева.

Он увидел в ее глазах непонимание и добавил по-антильски:

– La Virxe da ‘Palaxia[78].

– Ты про Дос-Орсос? – сказала Накада. – Что тебе о ней известно?

Семенов огляделся по сторонам, словно на этом плоском, сожженном, полузатопленном берегу могли оказаться чужие уши. Накада только теперь заметила, что на тыльной стороне ладони у него грубо вытатуирован крест.

– В верховьях Рио-Балдио, – сказал он наконец. – Город Сан-Лукас. Там – озеро. Искусственное. Остров.

Тут, будто он и так слишком много сказал, русский заторопился прочь, опустив голову.

– Остров, – повторила Накада и покачала головой.

Она кивнула Шираоке, и тот завел двигатели.

– Это все правда! – крикнул с берега русский, когда катер проходил мимо него. – Семь епископов, – неслось им вслед. – Семь городов. Семь сосудов Духа Господня. Семь печатей. Семь ангелов и семь труб! Семь голов! Семь рогов!

Они уже входили в дождевой канал Акуамагны, и оттуда голос русского был больше не слышен. Его нелепая белая фигура продолжала торчать на берегу. Он посмотрел, как катер вошел в канал, потом повернулся и двинулся на север, в сторону Празы и разрушенного собора.

Накада взяла у Шираоки атлас и нашла карту, где изображались тот самый город и остров, о которых говорил русский.

– Сколько туда ходу, доктор?

– Не могу сказать, – машинально ответила Накада. Потом исправилась: – Далеко.

– Сколько?

Накада пожала плечами и закрыла атлас.

– До Ла Витории, потом вверх по Восточному рукаву километров двести, а потом, наверное, вверх по Рио-Балдио.

Шираока повернулся к ней.

– Но ведь это же вне зоны.

– Наверное, – снова пожала плечами Накада. – Но идем мы именно туда.

Через день пути на север от Эспирито-Санто Акуамагна снова начала оживать. Мимо катера шли баржи – на север с продовольствием, на юг с ранеными, – проплыли патрульные Министерства на лодках с подводными крыльями и санитарные катера. Рыболовные яхты с дымящими мазутными моторами и крутобокие лодки с широкими латинскими парусами засновали по реке, будто не было никакой оккупации и никакой войны, хотя внимательный глаз заметил бы, что команды на всех этих суденышках сплошь из женщин, детей и стариков.

Прошла неделя с тех пор, как они высадили русского у шлюзов, день клонился к вечеру, когда они услышали музыку. На западном берегу Накада заметила легкое, колеблющееся сияние, похожее на свечение болотного газа. Когда катер подошел ближе, она разглядела ряд качавшихся на воде бумажных фонариков, которые освещали что-то длинное, белое, похожее на трех- или четырехэтажное здание с колоннами возле самого края воды. В действительности это оказался фантастически раскрашенный паром или баржа – нижняя часть корпуса и высокие трубы черные, деревянные надпалубные постройки белые и покрыты

такой искусной резьбой, что она вполне могла бы украсить стены любого дворца в Андалусе.

На мостках и на прогулочной палубе висели фонарики поменьше. В их свете Накада увидела мужчин в синей форме Министерства – кто-то пел, кто-то орал, кто-то блевал, перегнувшись за борт. Колонки нещадно фонили, пахло, как на пивоварне, – горячей водой и дрожжами.

– Праздник, – сказал Ишино.

– Обон[79]? – спросила Хаяши.

– Обон в июле, – напомнила ей Накада.

– Вспомогательное судно, – сказал Шираока. – Пришвартуемся, нужно подзаправиться.

– А пивом можно? – спросил Ишино.

Вспомогательное судно оказалось бывшей баржей, которую переоборудовали еще до войны, найдя юридическую уловку, позволявшую обойти налог на роскошь и суровые моральные ограничения епископских земель. Накада быстро отыскала медицинский пункт позади пивного зада, где стояли игорные столы, покрытые красным сукном, а по стенам висели в рамках под стеклом постеры, рекламировавшие музыкальные группы, алкоголь и проституток. На сцене, согнувшись над микрофоном, качался очень пьяный полковник медслужбы с длинным лошадиным лицом и тянул бесконечную заунывную балладу про любовь, а его слушателями были обслуга, младшие офицеры и антильские проститутки.

Тощий небритый сержант-фармацевт с неохотой оторвался от игры в кости, мрачно, но быстро и без вопросов заполнил обе походные аптечки по списку Накады.

– А также восемьдесят гран опиума, – добавила она, когда сержант почти закончил собирать вторую аптечку, – высокой очистки.

Она сказала это небрежно, таким тоном, будто вспомнила про спирулину или порошок женьшеня.

Фармацевт поднял на нее глаза.

– Я не могу выдавать опиум без письменного распоряжения начальника лагеря.

– Это аптечки для санитарного катера, – сказала Накада и с раздражением отметила в своем голосе просящие нотки. – Мы идем к верховьям. Выходим утром.

– Прошу прощения, – сказал фармацевт, пожимая плечами. – Нет распоряжения – нет опиума.

Вероятно, на лице у Накады промелькнуло разочарование, потому что он вдруг улыбнулся.

– Разве что…

Он вышел из-за стойки и окинул ее взглядом с ног до головы, рассматривая ее фигуру под мешковатой синей формой.

– Разве что вы сделаете что-нибудь для меня, и тогда я, возможно, найду для вас гран этак пять…

Накада смотрела на сержанта. Он, безусловно, получал удовольствие от ситуации. Не то чтобы ему так уж сильно хотелось секса, но его грела мысль о том, что она, Накада, в его власти – не как женщина, а как старшая по званию, офицер, врач, – и что только он может дать ей то, о чем она просит. Его губы сложились в улыбку. И Накада подумала, что наверняка он делает это не в первый раз.

Улыбка все и решила. Накада очнулась. Подошла вплотную – улыбка стала шире, – обхватила его ноги левой ногой, одновременно одной рукой рванув вниз за воротник, а другой вывернув ему назад правую руку. Он потерял опору и стукнулся лбом о стойку, да так, что стойка опрокинулась. Следующим движением Накада, превратив его вывернутую руку в рычаг, бросила сержанта на пол и поставила ногу ему на поясницу.

Свободной рукой она достала из сумки футляр с приказами и сунула ему в покрывшуюся потом физиономию.

– Видишь? – сказала она. – Приказ о всемерном содействии за подписью командующего всей Антильской миссией. Не хочешь ли ты, чтобы я что-нибудь сделала для тебя? Ладно, так и быть. Я не стану докладывать генералу Араки о том, что фармацевт вспомогательного судна приторговывает препаратами, принадлежащими Министерству, в обмен на сексуальные услуги. Как тебе это?

– Ладно, ладно, – сказал фармацевт, и Накада неохотно убрала ногу.

Он потер затылок.

– Что такого, я просто спросил.

– Восемьдесят гран, – сказала Накада.

Он отпер ящик с опиумными препаратами, и она добавила:

– Я подумала: лучше сто.

Днем вид у вспомогательного судна был заброшенный и печальный: мебель перевернута, постеры на стенах перекошены, в опустевших коридорах валялись смятые сигаретные пачки, использованные презервативы, пустые банки из-под рисовой водки и антильского маисового пива. Накада сидела на корме, разглядывала гребное колесо, исключительно декоративное, и курила сладковатую ароматизированную малайскую сигарку из пачки, которую она ночью выиграла в маджонг у эпидемиолога с

Окинавы.

Речной берег здесь порос густой зеленью – не темной, глубокой до черноты зеленью калимантанских джунглей, не ясной, воздушной, однообразной, как в бамбуковых зарослях, а пестрой, шести-семи разных оттенков, пятнистой от теней зеленью здешних лесов. Всего лишь за одну выкуренную сигарку Накада успела заметить несколько птиц трех разных пород, каких она раньше не видела, и услышать множество незнакомых птичьих голосов.

Хаяши спала на палубе, на жестком ворсе синтетического покрытия, в белой нижней футболке, подложив под голову свернутую форменную куртку и сунув под щеку ладони.

Накада проследила взглядом, как на голую руку опустился комар – чуть выше пятна, оставшегося после прививки. Накада дохнула на него струйкой пряного дыма, и комар улетел.

На лесенке появился Шираока.

– Нам бы лучше двигаться, доктор, – сказал он.

Медсестра шевельнулась во сне и плотнее свернулась клубком. Накада снова выдохнула дым.

– Что за спешка, – сказала она и кивнула в сторону медсестры. – Пусть дети отдохнут.

Шираока посмотрел на нее, и лицо у него при этом стало бесстрастное и непроницаемое.

– У нас задание, – сказал он.

Он повернулся к Хаяши, наклонился над ней и потряс за колено.

– Хая-сан, – позвал он.

Она не отозвалась, и тогда он выпрямился и гаркнул:

– Медсестра третьего класса Майко Хаяши! Равнение на середину!

В то же мгновение девушка вскочила и стала по стойке смирно.

– Есть! – рявкнула она в ответ и только тут, как показалось Накаде, окончательно проснулась.

– Медсестра Хаяши, почему не в надлежащем виде?! – продолжал Шираока. – Чтобы через пять минут были на палубе по полной форме! Ясно?

– Есть! – Хаяши наклонилась, подняла куртку и спустилась по трапу.

Шираока бросил взгляд на Накаду и спустился следом. Накада со вздохом поднялась, загасила окурок о борт. Посмотрела, как его уносит вода, и поплелась за Хаяши и Шираокой.

– Доктор, можно? – долетело до Накады сквозь золотистую дымку.

Солнечный свет пробивался сюда и через желтый пластик катера. Накада лежала в трюме, в операционной, на чистом, хоть и в старых пятнах, столе, который она застелила простыней, собравшись немного поспать после чашки спирта с разведенными в нем тремя гранами чистого опиума, отобранного у паршивца-фармацевта. Этот момент она помнила ясно, но чтобы вспомнить все остальное, в том числе кто она и где, потребовалось сделать усилие.

– Ну да, – сказала она.

– Вы, наверное, захотите посмотреть на это сами, – сказала Хаяши.

Накада открыла глаза. Села, потянулась за стерильной салфеткой, разорвала зубами пакет и протерла лицо и руки. От выходившего сквозь поры алкоголя ей вдруг стало зябко.

Чувствовала она себя отлично.

Муж и сын считают меня никудышной матерью. Пока я жила дома, я думала, что моя беда в том, что я привыкла быть необходимой. В Министерстве это называют «синдромом сукуидаорё», что означает «саморазрушение под предлогом помощи другим». Саморазрушением можно сделать все – еду, питье, карты. Существуют программы помощи. По-моему, я сама все понимаю. И, как большинство таких же, как я, не вижу в этом проблемы. Говоря по правде, программы там, не программы, сукуидаорё или нет, но и Министерство не хочет это лечить. До тех пор пока ты полезен, им наплевать. Моя проблема оказалась в другом.

Из записной книжки лейтенанта медицинского корпуса Чие Накады

– Мне это не нравится, – сказала Хаяши, поднявшись на палубу.

Река в этом месте была очень широкой, берега терялись в зарослях тростника, тянувшихся, казалось, до горизонта. Утром катер миновал ряд каменных свай – остатки какого-то древнего моста, похожие на руины доисламской Европы. Теперь впереди появился еще один, новее, из бетона и стали, почти не разрушенный. Но Хаяши смотрела не на него, а на тела – черные, свисавшие с ограждений тела. Их были десятки, и даже издалека заметно, что это люди всех возрастов, младенцы, взрослые, старики, одни – повешенные за шею, другие – за ногу. Вперемежку с людьми висели животные: собаки, свиньи и один то ли кот, то ли кролик. Вокруг вились птицы, и между ними

виднелись то кости, то разодранная одежда, то ярко-голубое небо.

Когда катер входил под мост, Накада, вывернув шею, разглядывала останки, висевшие над ними меньше чем в десяти метрах.

– Давно висят, – сказала она.

– А те? – спросил Ишино.

Ишино смотрел не вверх, а вперед, туда, где стоял железнодорожный мост и где взвилась в воздух туча птиц, потревоженных шумом мотора.

– А те недавно, – сказала Накада.

Когда они приблизились, вверх смотрела одна Накада. Остальные старались не дышать.

– Там дым? – спросила Хаяши.

За железнодорожным мостом появился остров, низкий, широкий, с песчаными берегами и густым сосняком. Над ним висел серый дым.

Шираока направил катер вдоль острова, и глазам открылся желто-бурый полукруг береговой полосы, несколько старых, посеревших от времени деревянных одноэтажных зданий и тускло-зеленые металлические бока лодки, похожей на черепаший панцирь, высотой немногим меньше этих домов и в три раза длиннее. Столб черного дыма поднимался откуда-то из-за деревни, из глубины острова.

– Десантный катер, – сказал Шираока. – Андалусцы.

– Их здесь быть не должно, – сказала Хаяши. – Здесь еще зона.

– Сам знаю, – мрачно сказал Шираока.

Он повернул руль, и катер направился к берегу.

– Что ты делаешь? – спросила Накада.

– Иду к берегу, – сказал Шираока.

– Нет, – сказала Накада.

– Тут зона, доктор, – сказал Шираока. – Мы несем ответственность за все, что здесь происходит.

– Доложи по рации, – сказала Накада. – Флот будет здесь через два часа.

– Эти тела на мостах – как думаете, доктор, сколько времени ушло на то, чтобы всех их там вздернуть?

– Мы должны идти дальше.

– Мы должны спасать людей, – сказал Шираока.

– Вы же сами сказали, сержант, у нас задание, – напомнила Накада. – Приказываю вернуться на курс. Моя миссия важнее.

– Это мой катер, лейтенант, – сказал Шираока. – До тех пор, пока мы не добрались до места, вы здесь пассажир.

Шираока оглянулся на свою команду.

– Хаяши, средства первой помощи! – скомандовал он. –

Ишино, носилки!

Потом снова перевел взгляд на приборную доску и включил двигатели на полную мощность.

Они вытащили катер на берег метрах в двадцати или тридцати от железного бока десантника. Там на верхней турели сидел андалусский солдат, свесив в люк ногу. Он поприветствовал их, когда Шираока вырубил двигатели, но сержант в ответ лишь рявкнул что-то на иберийском арабском и больше не обращал на солдата внимания.

Отвернувшись от Накады так же демонстративно, как от солдата, он подхватил индивидуальную аптечку и спрыгнул на песок. Его команда полезла через борт: Ишино – нервно косясь на солдата, Хаяши – тревожно оглядываясь на Накаду.

Накада нехотя двинулась следом. Из глубины острова раздавались выстрелы и голоса.

Наверное, это был рыбацкий поселок. Выше, за полосой прилива, лежати аккуратным рядом перевернутые лодки – деревянные андалусцы сожгли, в металлических зияли дыры от пуль. Все дома здесь были на низких сваях. Кое-где сваи выбили, и дома стояли, накренившись под странным углом. Многие сгорели. Отовсюду несло соляркой. Соляркой и кровью.

Накада резко остановилась и пошла в другую сторону от Шираоки и остальных. Она пошла на звук выстрелов. Крики прекратились, выстрелы стали редкими.

Накада увидела загон, где стояли, наверное, двадцать свиней – небольших, не крупней сиба-ину[80]. Они сбились в углу, и андалусский солдат с перекинутой на спину джезаильской[81] пращой выхватывал их по одной, волок по грязи и укладывал в ряд. Второй андалусец тут же стрелял свинье в голову. Третий, с видеокамерой, перекинутой на спину, как у первого – праща, после каждого выстрела делал отметку в блокноте.

При появлении Накады все трое отвлеклись от своей работы и смотрели ей в спину, пока она не прошла. Она не встретилась с ними взглядом и не сказала ни слова. Отойдя на несколько шагов, она снова услышала шлепок брошенного в грязь пятнадцатикилограммового тела и щелчок выстрела.

Деревенская площадь была крохотной – неправильный квадрат, метров десять по диагонали. Тут, по-видимому, произошло нечто подобное тому, что только что наблюдала Накада, с той разницей, что в грязи лежали тела не свиней, а людей.

Человек десять живых антильцев стояли в ряд на коленях

возле обгоревшей деревянной руины, которая, вероятно, еще недавно была их церковью. Дети, мальчики и девочки. От десяти до пятнадцати. Почти все получили ожоги или ранения, которыми занималась Хаяши, а Шираока возился с девочкой, у которой был серьезный перелом руки.

За ними наблюдали несколько андалусских солдат. На площади стояла полная тишина, если не считать всхлипываний детей и тихого голоса Шираоки, успокаивавшего девочку. Ишино сидел рядом на корточках, уставившись на разложенные перед ним носилки. При виде Накады он поднялся.

– Что происходит? – спросила она.

– Капитан… Этот… – он кивнул в сторону андалусского офицера, плотного человека с темными коротко стриженными волосами, с небольшой бородкой, с чертами лица, говорившими о японских корнях, и неяпонскими глазами, – говорит, что уведет куда-то детей, если мы обработаем раны и они смогут идти. Мы стараемся.

Голос у него был ровный, без выражения.

Накада посмотрела на капитана, перевела взгляд на Шираоку и девочку.

– «Куда-то» – это куда? – спросила она достаточно громко, чтобы Шираока услышал.

– В лагерь беженцев. На западный берег, – ответил по-японски, но с сильным акцентом, капитан. – Безопасная территория.

– Хотите сказать, в лагерь работорговцев, – по-арабски сказала Накада. – Андалусская территория.

Капитан криво улыбнулся в знак признания – как профессионал профессионалу. Накада ответила такой же улыбкой.

– Это спасет им жизнь, доктор, – сказал Шираока, не поднимая головы от руки девочки. – Это наша работа.

– Наша работа, – сказала Накада. – Верно.

Она посмотрела на дрожавших детей, на андалусского капитана, на Шираоку. Опустилась на колени и открыла свою аптечку. Извлекла жестянку с травяной настойкой и пакетик, где лежали десять гран чистого опиума. Вынула горелку, поставила на огонь эмалированную кружку, нагрела настойку и принялась тщательно отмерять дозу опиума. Посмотрела еще раз на детей и высыпала в кружку весь пакетик. Достала из аптечки еще один и высыпала туда же.

Приготовив питье, она дала ему немного остыть и пошла вдоль детского строя, отмеряя каждому по две полные ложки. Все,

что осталось, она отдала девочке со сломанной рукой.

Шираока, следивший за ее манипуляциями со сдержанным одобрением, пришел в ярость, когда дети стали падать, один за другим, начиная от самых маленьких и слабых. Веки девочки, лежавшей у него на руках, затрепетали, тело обмякло. Шираока пощупал вену на горле, не нашел пульса и поднял на Накаду глаза.

– Вы что сделали? – сказал он тихо, и в голосе у него была угроза.

Накада закончила паковать аптечку и поднялась.

– Я же вам говорила не останавливаться, – спокойно сказала она. И скомандовала экипажу: – Собирайтесь, мы уходим.

Шираока осторожно положил на землю мертвую девочку, поднялся, сжимая кулаки.

– Возвращаемся на катер, сержант, – сказала Накада. – Уходим. Это приказ.

Сержант сжал зубы. Поклонился, сдержанно и особенно тщательно, и двинулся прочь.

Накада, полуприкрыв глаза, сидела на палубе в тени турбин.

– Может, так лучше, – услышала она голос Хаяши. – Я хочу сказать, смерть для них, может быть, лучше, чем…

– Хаяши, – перебил ее Шираока, – это самурайская фамилия?

– Нет, сержант.

– Ты с детства ездишь верхом, стреляешь из лука? Наверное, из самураев?

– Нет, сержант, – сказала она. – Мы – Хаякушо. Фермеры.

Накада заметила, как Хаяши бросила взгляд в ее сторону.

– Тогда чтобы я не слышал от тебя больше этот бусидский бред.

Я всегда думала, что Эспирито-Санто – красивый город. Теперь знаю, что нет. Говорят, мы должны быть беспристрастны. Но в любом конфликте гуманитарная помощь всегда идет либо одной стороне, либо другой. Иногда обеим, но баланса не бывает никогда. Все антильские руки, получавшие от нас еду на оккупированных территориях, были руками людей, которых, с точки зрения андалусских оккупантов, не нужно было кормить. Каждый антилец, вылеченный нами на епископских землях, был еще одним бойцом, который вернется в строй и кого-то убьет. Зарплата мне тем временем шла, «Чистая земля» процветала, а Министерство наше без всякого конкурса раздавало знакомым компаниям выгодные контракты на восстановление разрушенных дамб. А война продолжалась, и остановить ее никто не пытался, это все равно что остановить тайфун. Я помню крестный ход в

Константинополе. Сказано: «Прости им, ибо не ведают, что творят». А я ведала. Это всё игры, и я тоже в них участвовала. Шираока был чересчур прямолинеен, чтобы понимать это. Но мне казалось, Дос-Орсос понимала.

Из записной книжки лейтенанта медицинского корпуса Чие Накады

На границе зоны стояла Ла Витория – или, как ее называли андалусцы, Аль-Кахира. Здесь сходились западный и восточный рукава Акуамагны. Восточный брал начало в невысоких прибрежных горах, примерно в шестнадцати километрах отсюда, а главный, западный, до сих пор не отмеченный на картах, лежал в степях. Город, стоявший на северном берегу в месте их слияния, был некогда портом, где собирались торговцы едва ли не с половины континента. Теперь же, когда катер приблизился к берегу, все широкое, стеклянное, подернутое туманом пространство воды казалось совершенно пустынным и невозмутимым. Даже рокот турбин будто бы звучал тише, как и голос Шираоки, бормотавшего себе под нос что-то над картами, и голос его навигатора.

Запахло дымом.

Сержант поднял голову.

– Ишино, – сказал он. – Включи мигалки.

Парень направился к приборной панели. На носу и на корме зажжужали мигалки санитарного катера, окрашивая туман попеременно то в желтый, то в красный.

– Думаете, это хорошая мысль? – спросила Накада.

– Пусть знают, что это мы, – сказал Шираока.

Затрещала автоматная очередь. Из тумана, откуда-то слева, с оглушительным ревом турбин вынырнула темно-зеленая туша андалусского десантного корабля – прямо перед ними, и так близко, что Накада увидела мелькнувшее в узкой бойнице светлокожее лицо, – а потом пропала так же неожиданно, как появилась, и катер закачался, запрыгал на широких волнах. В той стороне, где исчез десантник, снова раздалась автоматная стрельба, а потом глухое уханье пушки, будто там заработал гигантский пресс или помпа.

На носу катера раздался негромкий возглас Ишино. Сквозь туман стали видны неясные очертания каких-то предметов на воде. Оказалось, что это лодки, длинные, узкие металлические плоскодонки, их были десятки, если не сотни – на расстоянии друг от друга не больше своего корпуса, – и в каждой сидели примерно с десяток человек, у каждой нос смотрел на северо-запад, и они выстроились в идеальную линию, будто

металлические опилки под действием магнитного поля. Шираока сбросил скорость, чтобы избежать столкновения, и лодки с тихим шлепаньем весел расступились, давая дорогу катеру. Накада видела черные, смотревшие без выражения глаза, безбородые лица – некоторые татуированные, некоторые раскрашенные тигриными черно-красными полосами. Она заметила и франкские куртки, и антильские бахромчатые штаны, пращи и ракетницы, лежавшие на дне лодок. Катер прошел сквозь лодочную флотилию, и шлепанья весел больше не доносилось.

Над ними застрекотал невидимый в тумане колеоптер. Автоматная стрельба, перемежавшаяся грохотом взрывов, слышалась теперь и слева, и справа. По воде, будто бы без причины, побежали легкие волны, и катер снова закачался. В воздухе пахло порохом и горевшим деревом.

Туман разошелся.

Горела Ла Витория.

От стоявших по берегам складов остались только черные остовы, а торговые ряды полыхали, охваченные густым черным дымом, подсвеченным красными языками огня. По воде шли волны, поднятые плоскодонками, из лодок выбирались люди и, карабкаясь по сваям разрушенных пирсов, поднимались на набережную, выложенную бетонными плитами.

В стороне мигал то красным, то желтым проблесковый маяк. Шираока направил катер туда.

Они увидели судно, которое то ли бросило там якорь, то ли село на мель. Накада сначала приняла его за передвижной госпиталь Министерства. Но, когда катер подошел ближе, она поняла, что для госпиталя судно слишком маленькое, а ярко-желтая краска, которую она заметила издалека, была поспешно намазана в один слой. На палубе неровными горами, будто разросшийся грибок, валялись сброшенные с воздуха желтые пластиковые полевые аптечки.

Шираока обогнул судно, направляя катер к западному берегу, и глазам открылся безлюдный плавучий док. Катер остановился рядом, и Хаяши спрыгнула первой, чтобы привязать канат. Накада спустилась следом.

Немного дальше в бурой воде плавало что-то желтое. Приглядевшись, Накада поняла, что это такой же, как у них, санитарный катер, полузатопленный, державшийся на швартовых, с прошитым пулями пластиковым бортом.

– У нас заканчивается горючее, – сказал Шираока Накаде, кивнув в сторону наливной помпы. – Припасы тоже.

– Я найду здешнего врача, – ответила она.

– Я с вами, – сказала Хаяши.

После случая в рыбацкой деревне Хаяши обращалась с ней бережно, будто Накада теперь была ее пациенткой, нуждавшейся в психологической поддержке, заботилась о ней и старалась поддерживать хорошее настроение.

– Нет, – сказал Шираока. – Пойдет Ишино.

Вдоль борта стоячего судна тянулся металлический трап. От старой засохшей крови металл был коричневым.

– Смотри под ноги, – сказала Накада Ишино.

Мальчишка не отозвался. Накада оглянулась на него. Его юное лицо было бесстрастным, как у лунатика. Она вспомнила, что давно не слышала его голоса.

Поднявшись на борт, Накада увидела на корме несколько пробоин. Между опорными балками, торчавшими из цемента, бурлила бурая вода. Палуба в прогалинах между горами желтых ведомственных аптечек напоминала Пачакамак[82] после землетрясения: вывернутые доски, стальные тросы, трепещущие на ветру обрывки белых лент безопасности.

Заглянув в одну из аптечек, Накада велела Ишино ждать на палубе.

Ей не раз доводилось входить в приемный покой, но такого она никогда не видела. В углу горой, сброшенные как попало, лежали мертвые, почти все молодые, одетые кто в андалусскую форму, кто в антильскую. Те, что оказались внизу, намокли от крови, своей и чужой. Крови натекло столько, что она стояла лужами на пластиковом полу, дренажные отверстия не справлялись. Рядом, на койках в несколько ярусов, тоже лежали мертвецы, которых, по-видимому, врачи поначалу еще надеялись спасти.

В дальнем углу сидел в кресле помощник врача, примерно одних лет с Ишино. Он спал. Накада уже хотела его разбудить, как вдруг из соседней палаты послышался голос.

Там были живые. Накада увидела четыре операционных стола, возле каждого – сержанта-хирурга, операционных сестер и санитаров, все с руками в крови по локоть, и еще сестер и санитаров, возле коек готовивших раненых к операции, и тела умерших на операционных столах.

Сестры и санитары двигались с таким видом, будто вот-вот рухнут в обморок. Голос, который услышала Накада, исходил, как ей сначала показалось, от одного из пациентов. Однажды она уже слышала такой голос в Сиаме у раненого, подорвавшегося на противопехотной мине, во время операции, когда врачи извлекали крупный осколок из передней доли мозга. Голос звучал так же – низкий, замедленный, будто издалека, будто человек беседовал с не видимыми никому обитателями другого мира.

Но через минуту Накада поняла, что голос принадлежал хирургу. Она понаблюдала немного и подивилась, как он еще держится на ногах, хотя наверняка и сам не помнит, когда в последний раз спал.

Накада вернулась в приемный покой.

– Санитар, – позвала она.

Ей пришлось сказать это дважды, прежде чем мальчишка открыл глаза.

– Что?

– Где здесь главный врач? – спросила Накада.

Помощник врача потер лоб, огляделся, кажется, не замечая мертвых, посмотрел на Накаду.

– Разве это не вы?

Накада выпрямилась.

– Ладно, спи, – сказала она.

Она прошла через операционную в третью палату, где лежали раненые после операции, и дальше, в следующую, где раньше, наверное, выдавали лекарства, когда здесь были лекарства, и дальше, в ординаторскую, где не было ординаторов. Зато там Накада нашла капрала-аптекаршу, женщину средних лет, которая спала на полу за письменным столом.

Накада наклонилась, потрясла ее за плечо. Женщина села.

– Что?

– Не знаете, где главный врач?

Аптекарша покачала головой.

– Погиб, – сказала она. – Два дня назад. Ракетный снаряд.

Тут она заметила планку с именем на куртке Накады.

– Это ваше имя?

– Чье же еще?

– Погодите, – сказала аптекарша.

Она поднялась, подошла к сумке, на которой было написано «Почта», пошарила и достала круглый футляр. На бумажке, приклеенной сбоку, значилось имя: Накада.

Накада взяла футляр, сунула в рукав. Окинула взглядом комнату.

– Опиум есть? – спросила она у аптекарши.

Та вытаращила глаза.

– Забудьте, – сказала Накада.

Накада вышла на палубу и открыла футляр. Внутри было письмо, написанное примерно через неделю после встречи с Араки на «Маппо Мару». Накада его развернула и принялась читать.

«*Два месяца назад в верховья Акуамагны с заданием, сходным с*

Вашим, была направлена лейтенант медицинского корпуса, врач Савако Нода, ветеран с пятилетним опытом, специалист по Антилии и Варяжской Руси. Поскольку после прибытия Ноды в Ла Виторию все контакты с ней были прерваны, в Министерстве ее считали погибшей. При собеседовании с Вами решено было не сообщать Вам эту информацию. Но обстоятельства изменились. Через три дня после событий в Эспирито-Санто наши агенты перехватили материал, по-видимому, отснятый организацией Дос-Орсос. Пленку и цилиндр со звуковым сопровождением. По сути дела, это нарезка пропагандистских роликов. В одном из них снялась Савако Нода. И, насколько мы можем судить, снялась добровольно. Ваше задание остается прежним. Но, учитывая сложившуюся ситуацию, в частности события в Эспирито-Санто, Ваше предприятие может оказаться под угрозой».

Накада скатала письмо в трубку и вернула в футляр. Не застегнув зажим, она бросила его в воду. Футляр немного попрыгал на волнах среди пены, потом утонул.

Ишино сидел на стальном тросе, тянувшемся к разрушенной секции медпункта, болтал обутой в сандалию ногой над черной водой и глазел на небо, перечеркнутое арками ракетных снарядов.

– Пошли, – сказала она.

Мальчишка послушно соскочил с троса и пошел следом за ней в плавучий док.

– Нашли главного врача? – спросил Шираока.

Накада покачала головой.

– Никакого главного врача здесь нет.

Она перебралась через борт и села на палубу, бросив рядом свою сумку.

– Давайте заправляйтесь, – сказала она, – и пора двигаться дальше.

– Куда? – спросил Шираока.

Накада смотрела на него невидящим взглядом. Потом отвернулась.

– Сами знаете куда, – сказала она.

Перед глазами у нее стоял хирург.

– Туда смотрите, доктор? – сказал Шираока, кивнув в сторону Ла Витории, где гибли люди. – Это война. Это Антилия. Сюда едут через океан, чтобы что-то изменить в мире, чтобы изменить мир… Люди мечтают об этом тысячу лет с тех самых чертовых пор, как здесь появились чертовы епископы! С чего вы взяли, будто вы лучше других и у вас что-то получится?

Накада подобрала сумку и поднялась. Начинался дождь.

– Идем вверх по течению, – сказала она.

– Зачем? – не сдавался Шираока. – Вы посмотрите, что делается! Какого хрена вам там понадобилось?

Накада спустилась в трюм. Вытянулась на операционном столе и закрыла глаза. Дождь стучал по пластиковой посудине, а через некоторое время заработали турбины, и катер двинулся с места.

Вверх по течению.

После Ла Витории здесь был другой мир. На берегах то и дело попадались установленные Министерством желто-голубые баннеры, оптимистично обещавшие всем, кто решит переселиться в закрытую зону, мир и безопасность, и хотя санитарный катер двигался в противоположном направлении, эти слова вселяли надежду даже в его пассажиров. Начавшийся ниже по течению дождь лег плотной завесой, отделив баннеры от войны и тяжелых воспоминаний. Катер шел вверх, мимо зеленых берегов, казалось, не знавших, что такое насилие, в тишине, так не похожей на мертвое безмолвие Эспирито-Санто, и на реке не было никого, кроме них. Вскоре Ишино снова начал разговаривать, к Хаяши вернулась улыбка, и даже Шираока, похоже, решил заключить с Накадой если не мир, то по крайней мере временное соглашение о прекращении огня.

Они пристали к плавучему причалу на южном берегу, где поблизости виднелась заброшенная ферма: пара покосившихся сараев с проваленными крышами, за ними – заросшее сорной травой арбузное поле, которое охраняло лишь пугало, сооруженное из двух жердей и хлопавшей на ветру старой кожаной куртки. Ишино вместе с Хаяши пошли сорвать несколько арбузов, а Шираока занялся двигателем. Накада, растянувшись, лежала на крыше рубки. Дождь перестал, и Накада смотрела в серое небо со странным ощущением, будто она не под этим небом, а над ним, и видит оттуда безмолвный чужой мир. Может быть, она ненадолго задремала, этого она не заметила. Зато вполне отчетливо заметила, что ее разбудил крик Хаяши.

Накада села и увидела, как Хаяши бежит от большого сарая назад к катеру, запинаясь, спотыкаясь и падая, спасаясь от чего-то, чего Накада не видела, а Ишино, остолбенев, застыл на другом краю поля.

Наверное, Шираока заметил ускользнувшее от Накады, потому что схватил аптечку и сумку с сигнальными ракетами и спрыгнул на причал. К тому времени, когда Накада его нагнала, он успел зажечь две дымовые шашки, так что Накада

приблизилась к нему и к упавшей Хаяши, кашляя и задыхаясь в клубах едкого медно-желтого дыма.

– Анафилактический шок, – сказал Шираока.

По синей куртке и брюкам Хаяши ползали ошалевшие от дыма лимонно-желтые с черными полосками осы размером с мизинец Накады. Лицо, кисти и стопы медсестры распухли, дыхание остановилось.

Шираока рывками давил ей на грудь, чтобы заставить заработать сердце Накада распахнула свою сумку, разбила ампулу синтетической эфедры, включила крохотную горелку, чтобы согреть воду перед инъекцией. Казалось, еще никогда вода не закипала так долго.

– Тащи ИВЛ[83]! – крикнул Шираока Ишино.

Не дождавшись, пока Накада вскипятит воду, он достал из аптечки трахеотомическую трубку, из-за пояса – нож и сделал надрез в распухшем горле Хаяши.

Он опоздал. Как опоздали Накада и Ишино. Хаяши была мертва.

Шираока взял сумку, где лежали оставшиеся световые ракеты и дымовые шашки, поджег с одного конца и швырнул в раскрытую дверь большого сарая. Накада успела заметить огромное, похожее на ифрикийский термитник, осиное гнездо. Вероятно, в сарае оставался трактор, или машина, или какая-нибудь сеялка, а теперь гнездо ее поглотило, скрыло полностью, разросшись так, что почти касалось стен.

Из сумки вырвалось пламя, и его желтые языки закрыли собой это зрелище.

Тело Хаяши они сожгли на берегу. Помост сделали из алюминиевых носилок, а на погребальный костер пошли доски от второго сарая и арбузные плети. Шираока зажег благовония, а Ишино прочел сутру. Снова пошел дождь. Сырые доски долго не разгорались, хотя Шираока плеснул на них соляркой, и только дымились, клубы дыма поднимались белыми облаками. Ветер нес их то туда, то сюда, и в конце концов людям пришлось отойти от костра подальше.

Когда костер догорел, Шираока достал две пары палочек для еды и отдал одну Накаде. Та посмотрела непонимающе, но потом догадалась. Молча, не произнеся ни слова, они собрали оставшиеся от Хаяши кости и переложили в стальную урну. Накада видела перед собой юное круглое лицо медсестры, ее загорелые руки. В ней было столько жизни, что эти почерневшие кости казались на удивление легкими.

– Идем вверх по Рио-Балдио, – сказала Накада. – Довезете

меня до первого города. Дальше я пойду сама, а вы с мальчишкой можете возвращаться.

– Как скажете, доктор, – холодно отозвался Шираока.

Он отнес урну в трюм, и они двинулись дальше.

Через некоторое время дождь перестал. И почти одновременно прибрежный лес закончился, и открылось огромное, на сколько видел глаз, пространство, засаженное кустами с блестящими листьями, в бело-желтых цветах. Вероятно, это была чья-то разросшаяся за время войны плантация гардений, и теперь цветы росли у самой воды.

Выглянуло солнце. Никто не произнес ни слова.

Так продолжалось четыре или пять километров – будто небеса решили спуститься на землю и принять облик цветущих кустов.

Потом снова подступил лес, и пошел дождь.

Через два дня после смерти Хаяши вечером катер приблизился к слиянию восточного рукава и Рио-Балдио, вошел в русло реки и двинулся на юго-восток. Узкая река казалась еще уже из-за бетонных панелей, закрывавших пологие склоны ее берегов. Дождь, к тому времени превратившийся в ливень, барабанил по зеленой воде, и вода, покрывшаяся рябью, напоминала измятый металл. По берегам смутно виднелись неизвестные строения, смотревшие на реку пустыми глазницами окон, поднимая к низкому небу изломанные линии стен, но нигде не было ничего похожего на обитаемый город. Течение здесь было сильное, и катер почти замер на месте. Шираока не спускал глаз с реки, чтобы вовремя обойти плывущий мусор.

– Ни черта не видно, – проворчал он себе под нос.

Они миновали лодочный причал, широкий и низкий, покрытый водой. У причала стояли, покосившись, накренившись друг к другу, с десяток небольших суденышек, судя по всему, давно брошенных. В длину все были примерно как катер, но поуже, с металлическими крышами, закрывавшими часть палубы, и гнутыми стеклянными колпаками на носу. Горбатые в профиль, они напоминали злобных древних морских рептилий. Корпуса проржавели, стеклянные колпаки кое-где были разбиты.

Впереди показался на удивление узкий железнодорожный мост, без консолей, на каких держатся пролеты железнодорожных мостов на Акуамагне. Он висел над рекой кривой дугой и с замершими посередине вагонами – яркими, блестевшими под дождем – походил на аляповатые бусы. Когда катер проходил под мостом, Накада вдруг поняла, что это детский поезд, и вагоны в четверть обыкновенного.

Катер обогнул излучину.

Перед ними вдруг из реки поднялось что-то жуткое. Черное, как вороненая сталь, чудовище с семью драконьими головами размером с полкатера и маленькими красными злыми глазами. Взревев, оно поднялось в полный рост, с его черных острых шипов стекала вода.

Все семь голов следили за катером с высоты метров в сорок, вдоль черных гребней пробегали белые искры.

Шираока выругался, вырубил воздушную подушку и резко развернул штурвал. Турбины взвыли, и катер вылетел из воды на бетонный склон.

Накада оглянулась на монстра. Тот не обращал на них никакого внимания, семь его голов по-прежнему смотрели на опустевшую реку. С катера было видно, как по одной из голов побежали голубые искры, и красные глаза потухли.

– Черт, это машина! – крикнула Накада прямо в ухо Шираоки. – Кукла! Они берут нас на испуг!

По обеим сторонам канала раздались выстрелы. Заглушая стрельбу, разнесся искаженный дождем электрический голос монстра. Сержант повернулся к Накаде, глаза у него были безумные.

– Бл…, откуда вы знаете, доктор? – заорал он. – Вы, бл…, не знаете, что сами-то здесь делаете! Вы, бл…, вообще ничего не знаете!

Катер промчался по бетонному карнизу, пробив сетчатую ограду, и вылетел на широкий земляной склон. Перед ними открылось озеро и посреди него фантастический остров, с башнями, факелами, с разноцветными фонарями. Шираока снова повернулся к Накаде, чтобы на нее наорать.

Вдруг из ниоткуда появился ряд цветных шаров. Накада присела. Шираока развернулся, и тонкий трос пришелся ему на горло. Ударом сержанта отбросило на турбину, и он рухнул на лопасти с жутким хрустом ломающихся живых костей. Накаду швырнуло вперед, на рубку. Она стукнулась головой о консоль.

Когда она пришла в себя, первым, что она увидела, было рябое лицо сержанта. Дыхательное горло у него было перебито. Накада нащупала за поясом складной нож, открыла. Никогда ей не доводилось делать трахеотомию. Когда Шираока пытался спасти таким образом жизнь Хаяши, Накада и видела-то это впервые. Резать – работа хирургов.

Пока она раздумывала, где сделать надрез, Шираока смотрел на нее. Она не поняла, что стояло в его глазах – презрение профессионала или просто ненависть.

Она подняла нож, чтобы сделать надрез, и Шираока схватил

ее за руку. Широкая его ладонь оказалась удивительно сильной. Накада попыталась отвести ее в сторону, но он стиснул ее руку и сжимал до тех пор, пока нож не выпал. Только тогда он ослабил хватку. Глаза у него закрылись, а потом медленно, закатившись, открылись вновь.

Накаду трясло. Санитарный катер, медленно описывая круг, вышел в озеро.

– Ишино, – позвала Накада, – иди сюда, встань у руля.

Ишино появился из трюма и остолбенел, увидев тело.

– Он мертв, – коротко сказала Накада. – Возьми штурвал.

Ишино, стряхнув оцепенение, выполнил приказ и встал у руля, бормоча себе под нос нитирэнскую сутру.

– Идем к острову, – сказала Накада. – На огни.

Они увидели два длинных, выступающих в озеро пирса, освещенных факелами. Накада кивнула в ту сторону, и Ишино провел катер между ними к широкому, залитому светом причалу. На пирсах собиралась толпа.

– Выключи двигатель, – сказала Накада ровным голосом.

Ишино продолжал бормотать сутры. Глаза у него были полузакрыты.

Накада посмотрела на выстроившихся вдоль пирсов в линию мужчин и женщин. Это оказались не солдаты Ла Витории, дисциплинированные, с разрисованными в тигриные полосы лицами. Люди были одеты в старые драные куртки от андалусской армейской формы, в нелепые, расшитые бусинами штаны, у многих – голая, зато покрытая татуировками грудь. Все увешаны ожерельями, бусами, медалями и медальонами. Кто-то держал в руках пращу, кто-то – обрез, кто-то – лук и колчан, у кого-то поверх татуировок перекрещивались пулеметные ленты.

– Ишино, – повторила она резко. – Глуши этот чертов движок.

Мальчишка открыл глаза, и взгляд его тут же прилип к консоли, чтобы не видеть всего остального. Он выключил двигатель, и катер, слегка покачиваясь на встречных волнах, медленно по инерции поплыл дальше к причалу.

Накада встала на нос и подняла швартов. Когда до причала осталась узкая полоса, она спрыгнула с катера и привязала канат. Потом подняла голову.

Конструкция за спинами толпы, снизу подсвеченная невидимыми от причала электрическими огнями, представляла собой приземистую трапецию высотой метров десять, с крылатыми безликими статуями по краям, напоминавшими каменные изваяния то ли в египетских, то ли в персидских развалинах, с той разницей, что эти были увиты виноградными лозами, каких не встретишь в тех пустынных землях. На крышах

рядом с трапецией Накада заметила силуэты лучников.

Она направилась вверх, к набережной. Прошла через арку – уменьшенную копию какого-то храма или гробницы – и двинулась вперед по стертой противобуксовочной плитке, из полутьмы к свету.

Как только она вышла из тени арки, ветер переменился и слегка потянуло гнилью, будто бы вынули из пакета плохо хранившееся лежалое мясо. Накада ступила на широкую, выложенную бетонными плитами площадь. Здания, выходившие сюда, были построены в том же потрясающем старинном стиле, с еще более причудливыми статуями.

По одну сторону площади стоял ряд грубо сколоченных крестов из желтого необработанного дерева, метра три в высоту и два в ширину. На каждом висел распятый человек, ладони и лодыжки пробиты железнодорожными костылями.

На другом конце площади, напротив распятых, собиралась толпа: солдаты в лохмотьях, как на берегу, старики, женщины и много детей – все молча смотрели на гостью. Среди женщин обнаружилась японка.

– Нода? – спросила Накада.

Женщина смотрела на нее с тем же бесстрастным выражением лица, что и остальные. Если она и услышала вопрос, то не подала виду.

Накада подошла к ближнему кресту. Висевший на нем человек умер, судя по всему, не меньше чем неделю назад. Птицы уже выклевали глаза, в разинутом рту было полно муравьев, крохотных, не больше макового зернышка. В его одеянии из бело-золотого китайского шелка, в пятнах крови и рвоты, мокром после дождя, Накада узнала ризу христианского священника. На лбу темнело клеймо, похоже, выжженное стальным прутом, когда священник был еще жив. Накада с трудом прочла слово «PPOAGWGOS», что примерно означало «передовой». Она отшатнулась.

Толпа расступилась, пропуская вперед женщину маленького роста, с прямой спиной, в ярком антильском одеянии, бесформенном, как конская попона. Длинные, тронутые сединой черные волосы свободно спадали по плечам. Клара Дос-Орсос выглядела старше, чем на фотографии Кавабаты, но это, вне всякого сомнения, была она.

Апалаксийская Дева подняла руку к Накаде, и ее окружила толпа.

В комнате на верхнем этаже здания из песчаника, имитировавшего какую-то древность, было темно и неуютно:

двери, узкие окна, квадратные сводчатые арки – все размеры составляли примерно две трети от нормального. Накада касалась волосами потолка, а двум охранницам, которые держали ее за руки, перед входом пришлось нагнуться.

– Какой вы веры, доктор? Буддистка?

Дос-Орсос говорила по-гречески бегло и почти без акцента, как константинопольские преподаватели Накады. Бывшая монахиня сидела на низкой кушетке, и когда она обратилась к Накаде, от окна ей на лицо упала серая полоса света.

– Я врач, – сказала Накада. – Моя религия – помощь людям.

Перед Дос-Орсос на подставке для ног лежала сумка Накады. Бывшая монахиня подняла ее, обследовала, вынула аптечку, нашла пакет с ампулами Кавабаты и другой, побольше, с остатками ампул с физраствором для опиума. Дос-Орсос взяла второй пакет и бросила на пол, так что он лег посередине между ней и Накадой.

– Вы наркоманка, – изрекла она. – Ваша религия – опиум.

Накада открыла было рот, но ничего не сказала. Ей нечего было ответить.

– Что это за место? – спросила она.

– Какое место?

– Это. Этот остров. Эти здания. – Накада кивком показала на окно. – Эта площадь?

– Этот остров? – сказала Дос-Орсос. – Остров Семи городов. Раньше здесь был парк аттракционов. Эфесо, Эсмирна, Пергамо, Тиатира, Сард Филадельфия, Лаодекия… Семь. – Накада вспомнила, что им говорил русский. – Вы увидели часть Эсмирны. Ее строили для туристов из христианских стран. – Дос-Орсос печально улыбнулась. – По случайному совпадению, строили японцы. Проект был не слишком успешным.

– А стал? – спросила Накада.

Дос-Орсос отозвалась не сразу. Вместо ответа она сама спросила:

– Доктор, а вам сказали почему? Почему им так нужно меня… вылечить?

– Мне сказали, у вас шизофрения, – ответила Накада.

Собственный голос, прозвучавший будто издалека, показался ей чужим – холодный, бесстрастный голос врача, голос из аудиоцилиндра.

– Возможно, в параноидальной форме.

Лицо Дос-Орсос оставалось в тени. Она закрыла глаза.

– Сказали, что события в Эспирито-Санто – ваших рук дело, – продолжала Накада. – Что взрывное устройство создали ваши люди.

– Бомбу, – сказала Дос-Орсос, по-прежнему не открывая глаз. – Вещи следует называть своими именами. – Глаза открылись. – И ответственность за создание бомбы на мне, так, доктор?

Накада обвела взглядом комнату, не предназначенную для жизни. Стены из голых досок, пол цементный. В углу, где прохудилась кровля, по стене текла вода и собралась лужа. Дос-Орсос сидела на кушетке из грубо скрепленных досок и двух бревен. Сняв полосатую шерстяную накидку, женщина осталась в платье, когда-то наверняка прекрасном, а теперь в грязных пятнах.

– Не знаю, на ком эта ответственность, но, судя по тому, что я вижу, ваши люди не способны даже починить крышу.

Охранницы перевели Накаду в другое здание, двадцатиэтажное, на удивление обычное, только наполовину недостроенное. Оно было бы вполне к месту где-нибудь в пригородах Нанины или Константинополя. Лишь пройдя через пустой вестибюль, мимо металлической двери пожарного выхода, Накада сообразила, что это гостиница.

Они поднялись на четвертый этаж. Большая часть номеров стояла без дверей и без мебели, но в одном дверной проем закрывала грубая металлическая решетка, принесенная сюда, по-видимому, с какого-нибудь завода или из мастерской. Охранница отодвинула ее, а вторая втолкнула внутрь Накаду. Посреди комнаты стояла лежанка, похожая на ту, на какой сидела Дос-Орсос. Вместо матраса на ней лежал кусок желтого вьетнамского латекса. По углам кушетки были прибиты сыромятные ремни.

Охранницы пихнули Накаду к лежанке. Накада попыталась сопротивляться, но министерские курсы самообороны она проходила давно, и женщины эти, в отличие от бестолкового аптекаря на вспомогательном судне, были к ее сопротивлению готовы. После недолгой борьбы, закончившейся резким ударом колена по почкам, Накаду надежно привязали ремнями, и она, задыхаясь от острой боли, лежала, стараясь восстановить дыхание.

Она ждала, что и дальше ее будут бить, или и того хуже, но только услышала, как заскрежетала решетка, и женщины ушли, оставив ее одну.

Вскоре Накада поняла, что им незачем ее пытать. Ее тело прекрасно справлялось с этой задачей. Голова раскалывалась. Мышцы ныли. Болела спина. Зудела кожа, зудело под кожей – будто муравьи, доедавшие останки распятого епископа, закончили свое дело и принялись грызть ее, Накады, живую

плоть. Ее трясло, как в лихорадке, и вскоре у нее в самом деле поднялась температура. Когда она просыпалась, хотелось спать, а когда засыпала, ей снились кошмары, в которых по очереди являлись то Ширaока с перебитым горлом, то распухшая Хаяши, то дети из рыбацкой деревни или обуглившиеся тела в Эспирито-Санто.

Однажды ей привиделся русский, Семенов, который сидел в изножье ее постели, закинув ногу на ногу, а руки лежали по бокам ладонями вверх.

– Когда я сюда приехал, я думал, что Новый Свет – это метафизика, битвы идей, – сказал поэт, и греческий у него был лучше, чем ей запомнилось. Впрочем, возможно, в галлюцинации он говорил не по-гречески, а по-русски, и Накада его отлично понимала, хотя никогда раньше не слышала. – Пришельцы из Старого Света, как мы с вами, ввязались в них на свой страх и риск. Но я ошибался.

У него появилась новая татуировка: стилизованная рыбка из двух пересекающихся волнистых линий. Кожа вокруг свежей татуировки припухла. Накада подумала, что ее нужно обработать.

– Мой народ, – продолжал русский, – ваш народ, народ калифа, даже епископы – все ошибались. Ужасно! Какая-то бессмыслица, это возмутительно.

– Ты думаешь, что все это, – сказал Ширaока, который вдруг тоже оказался рядом; он стоял у штурвала на своем катере. Он сделал жест, охватывавший облезлый гостиничный номер, остров, весь континент, – все это – лишь подпорки для какой-то одной ничтожной японской идейки? Ты ошибаешься.

Приходили и другие посетители, более осязаемые.

Иногда у постели сидела Нода, которая молча прикладывала к ее лбу ладонь, проверяя температуру, считала пульс, обтирала зудевшую кожу, смазывала целебной мазью запястья и лодыжки под ремнями, вливала в рот чай и лекарства – без опиума.

Иногда приходила Дос-Орсос. Она либо сменяла Ноду, либо просто сидела рядом, слушая, как Накада кричит, рыдает, умоляет, чтобы ей дали опиум, или чтобы убили, или чтобы выпустили.

Однажды ей приснился хороший сон. Накада стояла одна на узкой безлюдной улице в большом белом городе, под серым небом в облаках, перед открытыми деревянными воротами. За ними уходила вверх лестница, конец ее терялся в темноте. Там ее ждали две женщины, одна полная, другая худая, Накада знала это наверняка, хотя не видела их. Накада едва не дала им обет – им или их владыке – лживый обет. Она знала, что это неправильно, но белый город у нее за спиной подталкивал, требуя обета и

исполнения долга.

Она вошла в ворота.

Небо прояснилось.

Накада очнулась. Ей показалось, что это произошло давно, хотя она не понимала, когда, и не знала, сколько пролежала с открытыми глазами, разглядывая грязную штукатурку на потолке. Веревки из сыромятной кожи, раньше стягивавшие ее запястья и лодыжки, исчезли.

Она поднялась. За окном был солнечный день. Накада двинулась к окну. Руки и ноги словно набили песком. Она чувствовала себя так, будто ей тысяча лет.

Ей был нужен опиум. Не так отчаянно, как раньше. Лишь в медицинских целях. Накада подумала, что для таких, как она, право на опиум должно быть прописано среди основных прав человека.

За окном внизу она увидела Ноду. В таком же полосатом одеянии, как Дос-Орсос, она стояла посреди серой асфальтовой площадки и занималась *токушку*[84]. На асфальте вокруг сидело, наверное, человек сто подростков, которые ее внимательно слушали. Среди них был Ишино, одетый в свои синие форменные брюки и антильскую рубашку с бахромой.

Нода умолкла. Повернулась лицом к дому, откуда на нее смотрела Накада, и попрощалась с детьми, поклонившись на китайский манер: с прямой спиной, сложив руки на уровне груди. Потом опустила руки, наклонила голову и стояла, пока ее слушатели поднимались и уходили, парами или по одному. Ишино ушел одним из первых. Все уже разошлись, а Нода так и продолжала стоять. Накада отошла от окна.

– Выходи, – сказала Клара Дос-Орсос. – Не заперто.

Теперь Накада могла гулять в парке. Наверное, думала она, можно отсюда уйти, хотя катер уже пересек озеро и возвращался назад по Рио-Балдио, – но что-то, чего она не могла объяснить, продолжало удерживать ее на месте.

Не Ишино. При встрече на улицах мальчишка ее не узнавал, а местные жители обращались с ним как с юродивым – женщины кормили, дети водили за руку. Хотя от Накады они старались держаться подальше, будто защита и доброе отношение Дос-Орсос означали для них неудачу, и неудача эта была заразна.

С ними она почти всегда была одна, и одна бродила по парку среди потешных руин, которые теперь, разрушенные по-настоящему, казались еще менее реальными; одна стояла у главных ворот под надписью «СЕМЬ ЗОЛОТЫХ ГОРОДОВ» на

антилианском, латыни и греческом; одна взбиралась наверх по остовам искореженных аттракционов, разглядывала диораму с замершими, неподвижными марионетками, изображавшую апокалипсис, и оттуда наблюдала за жизнью города, за Нодой на площади, которая учила своих подопечных основам рейки и акупунктуры.

В «городе» под названием Филадельфия Накада нашла вполне приличную киностудию. Наверное, подумала она, здесь Нода и снимала те самые пропагандистские ролики, которые Накаде показывали в Да Витории, но, похоже, с тех пор студией никто не пользовался. Один за другим Накада ставила в проигрыватель цилиндрики, выбирая их наугад. Все записи были на антилианском, почти на всех – голос Дос-Орсос, но о чем речь Накада не понимала, только отдельные слова. В основном это были названия: Антилия, Андалусия, Эсприто-Санто, – и еще «епископы, мученики, бомба, Антихрист, Вавилон», которые повторялись часто, так что через некоторое время Накада стала их разбирать.

Под конец прогулки Накада каждый раз оказывалась на дорожке в той части парка, которую Дос-Орсос называла Эсмирной, и шла в комнату бывшей монахини.

– Вы же понимаете, что вы меня не вылечили, – сказала она как-то в разговоре с Дос-Орсос. – Понимаете, что нельзя вылечить от зависимости, просто отняв опиум. Он вызывает глубинные изменения в гипофизе и гипоталамусе.

– Неважно, вылечили или нет, – отозвалась Дос-Орсос. – Может быть, если бы вылечили, вы не оказались бы так здесь полезны.

Накада поняла, что эти слова Дос-Орсос обращены не столько к ней, сколько к Ноде, хотя не знала, о чем речь.

– Как епископы? – спросила Накада, бросив взгляд вниз, во двор.

Вместо ответа Дос-Орсос спросила:

– Вы когда-нибудь бывали в Кордове, доктор?

– Один раз, – сказала Накада.

– Ходили в Матаф-аль-Андалус – в Мадину-аз-Захра, роскошный дворец Абд-ар-Рахмана?

Накада покачала головой. Она приезжала в андалусскую столицу на каникулах в группе из десятка таких же, как она, константинопольских студентов. В ее воспоминаниях об этом прекраснейшем из городов западного мира остался, главным образом, арабский район с его питейными заведениями, танцевальными залами и курительными салонами, где они курили гашиш.

– Я жила в Кордове семь лет, пока не приняла постриг, – говорила Дос-Орсос. – В Иберии и в Италии живет много бедных антильцев. Вам это известно? Языки там легкие, различий мало, и для антильца их выучить ничего не стоит. Однажды в наш город приехала группа римских миссионеров. Они отобрали восемнадцать девочек, в том числе меня, и увезли нас в Компостелу. Несколько лет нас учили латыни и греческому, а потом у миссионеров закончились деньги. Я и еще три девочки сбежали назад в Кордову, потому что в Иберии, если у тебя нет семьи и денег, ничего больше не остается, кроме как отправиться в Кордову… А там мы попали к своднику. Своднику, да? Я правильно говорю?

Она сказала «πρoαγψγoς»[85].

– Ματυλλος [86], – подсказала Накада.

– Ну да, – сказала Дос-Орсос. – В церковном греческом это слово нечасто, знаете ли, употребляется, хотя, возможно, следовало бы и почаще… Ладно. Тот наш сутенер был человек умный. Мы – я и мои три подруги – были еще слишком юны для работы. Зато умели писать и читать. Знали антильский и греческий. А у него уже были девочки нашего возраста, которые знали франкийский и арабский, и одна – даже китайский, только не спрашивайте, откуда она там взялась. Так что он отправил нас в Мадину-аз-Захру просить милостыню. Вы сейчас, наверное, спрашиваете себя: что тут такого умного?

Накаде это в голову не пришло, и потому она промолчала.

– А умного было вот что, – продолжала Дос-Орсос. – Он отправил нас туда не просто так. Сначала он нас переодел в скромные платья. Велел одной из своих девушек нас причесать, так что мы стали похожи на школьниц. Заказал у печатника бланки, где на пяти или шести языках значилось: «Благотворительная ассоциация. Заслуженный отдых для бедных и обездоленных», или что-то вроде того, официально и впечатляюще. И мы сразу же превратились из компании беглых нищенок в респектабельных сборщиц благотворительных пожертвований. За час мы собирали больше денег, чем любой из тамошних нищих за день, а каждый, кто вносил пожертвование, получал от нас выписанную под копирку квитанцию о сданных деньгах.

– А сутенер получал свою копию, – вставила Накада, – и точно знал, что вы ничего не припрятали.

– Всем хорошо, – сказала Дос-Орсос.

– А епископы? Πρoαγψγoi[87]? – спросила Накада.

– «Не оскверняй дочери твоей, допуская ее до блуда, чтобы не блудодействовала земля и не наполнилась земля развратом»[88], –

процитировала Дос-Орсос, а Накада решила, что это ее слова.

Позже она задумалась, что бывшая монахиня рассказала свою историю не для того, чтобы Накада прониклась к ней сочувствием, а для чего-то еще.

Я провела там не один день и даже не одну неделю. Все: Министерство, генерал Араки, Калифат, даже Дос-Орсос – хотели только одного. Даже, кажется, Нода скорей предпочла бы, чтобы Дос-Орсос оказалась не пророчицей, а мученицей. Но я была там не ради них. Не ради Ноды или Дос-Орсос, не ради политиков вместе с Араки, и уж конечно, я больше не могла врать себе, будто я там ради исполнения долга перед своим ведомством. Школа «Чистой земли» говорит, что если получить заступничество Будды Амитабхи, можно достичь спасения и за одну жизнь. Насчет того, каким образом этого добиться, мнения расходятся. Одни говорят, что если повторять его имя, в следующий раз родишься не в этом мире, а в «Чистой земле», откуда все попадают в Нирвану. Другие – что Нирвана и есть «Чистая земля». Единственное, что я знаю сама, это что в нашей жизни для Амитабхи нет места.

Из записной книжки лейтенанта медицинского корпуса Чие Накады

Она выглянула из окна на улицу – не из прежнего номера в недостроенной гостинице, а из квартирки, которую нашла себе сама в городе под названием Пергамо, в доме, построенном в псевдороманском стиле, – и увидела площадь, заполненную людьми, которые двигались в безмолвной процессии. Они были одеты в белые балахоны и высокие черные колпаки. В руках они несли огромные, едва ли не в человеческий рост, свечи. Все были босиком, и оттого шли бесшумно.

Примерно каждый десятый нес в руках колокольчик. Далее, за всеми этими людьми, плыли огромные золоченые паланкины, где в центре, в окружении свечей, располагались статуи: бородатого царя в пурпурных одеждах, сидевшего или стоявшего в полный рост, женщины в белом с младенцем на руках и еще одной, плачущей женщины в черном. Каждый паланкин был накрыт пологом с бахромой, с хрустальными подвесками и серебряными зеркальцами размером не больше монетки, в которых играли отсветы огня. Накада слышала их перезвон сквозь звяканье колокольчиков.

Она спустилась вниз и вышла на площадь. В темноте за шествием наблюдала толпа зевак. Время от времени кто-то из процессии что-то выкрикивал, и толпа отзывалась хором. Многие были одеты в форму, какой Накада раньше не видела: красный плащ с крестом в виде семиконечной звезды. Форма была

потрепанной, но чистой. У многих на груди крепилась планка с именем.

Накада заметила такой же семиконечный крест на угловом выступе одного из зданий и поняла, что все эти люди, которых она принимала за бывших партизан или антильских аборигенов, были всего-навсего местными служащими и членами их семей.

И тут, после процессии и паланкинов, на площади появились механические фигуры.

Там были всадники, больше, чем в натуральную величину, подсвеченные изнутри электрическим светом, на лошадях, у которых при движении из сочленений вырывался пар. Там был тот самый дракон, рычавший на их санитарный катер, но теперь его обгоревшая голова снова была в полном порядке. Были чудовища со страшными головами и глазами по всему телу. На колесах передвигались макеты городов, храмов и замков, где светилось каждое окошко.

Города ехали в том же порядке, в каком их перечисляли Семенов и Дос-Орсос: Эфесо, Эсмирна, Пергамо, Тиатира, Сард, Филадельфия, Лаодекия. Накада считала.

На центральной площади распятые епископы наблюдали за потешным боем красного змея и ангела в золотых доспехах. Накада заметила Ишино, который следил за сражением с благоговейным восторгом. В подмостках открылся люк, змей провалился в него, и толпа встретила это радостными воплями.

Дос-Орсос не было видно. Подняв глаза, Накада заметила, как в окне бывшей монахини мелькнуло белое одеяние. Выбравшись из толпы, она двинулась к дому Дос-Орсос.

Бывшая монахиня сидела на кровати. Перед ней на одеяле лежала открытая аптечка Накады. Значит, нашла или кто-то – Нода? хотя вряд ли Нода – ей показал потайную панель, за которой хранились экспериментальные ампулы Кавабаты.

– Они так ходят каждую ночь, – сказала Дос-Орсос, глядя в окно. – Без свечей, но с факелами.

Что-то бахнуло, как пушка, и где-то высоко над головами раскрылась звезда, залившая комнату красноватым светом.

– «И я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри»[89].

Дос-Орсос повернулась к Накаде.

– Не имеет значения, кто создал бомбу, – сказала она. – Может быть, и епископы. Сами создали и сами ее боялись. Не имеет значения, кто ее взорвал и почему, во имя Дос-Орсос, епископов или калифа Кордовы.

– Или регента Йошино, – продолжила Накада.

Дос-Орсос кивнула.

Во дворе запели трубы. Накада тоже выглянула в окно. Трон был поднят, на нем восседал седовласый человек в европейском одеянии. Перед троном стояли семь ангелов, и каждый держал в руках открытую книгу.

– «И книги раскрыты были», – сказала Дос-Орсос, – «и иная книга раскрыта, которая есть Книга Жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» [90].

Накада вспомнила про детей в рыбацкой деревне. Вспомнила погребальный костер Хаяши, а потом и саму Хаяши – такую, какой она ее увидела в первый раз, под ярким небом Мексиканского залива. Вспомнила, впервые за долгие месяцы, своего мужа и сына, которых она никогда больше не увидит, – теперь она знала это наверняка.

– Вы же знаете, – вдруг сказала Дос-Орсос, будто читала мысли Накады. – Кровь детей Эспирито-Санто и на наших руках. В Судный день мы все за это ответим. Вот и случилось то, что было «как образы», – продолжала она, – а описаны они были «в наставление нам, достигшим последних веков»[91].

Накада перевела взгляд на открытую аптечку. В первый раз – и она удивилась, осознав, что в первый, – ей захотелось узнать, что на самом деле было в этих ампулах.

– Я знаю, в чьей крови мои руки, – ответила она Дос-Орсос. – Не мне спрашивать, в чьей твои.

Она повернулась к выходу. Но на пороге остановилась.

– Прости меня.

Утром она нашла Ишино, взяла его за руку и повела за собой к морю, в порт, где у причала по-прежнему качался на волнах их катер. Уцелевшая турбина завелась со второй попытки.

Она направила катер от берега, но не на запад, к каналу и Рио-Балдио, а на восток. Там, на востоке, в маленьком прибрежном городке под названием Сан-Лукас, она сменяла его вместе со всем содержимым, оставив себе лишь одну сумку с медикаментами, упаковку соевых хлопьев и пакет риса, на вьючную ламу, бурдюк для воды и пару шерстяных одеял. Потом нашла дорогу, которая вела в горы.

На перевале она один раз оглянулась. Далеко на юге, у горизонта, висели черные тучи, и все скрывала непроглядная тьма. А здесь светило солнце, вдоль грунтовой тропы зеленели тополя, и воздух был свежий и чистый. Накада достала из сумки карту Ширaоки и, сверившись с ней, убедилась, что выбрала верное направление: туда, где белело незакрашенное пятно

неизвестного, прочь от войны.

Где-нибудь там живут люди, никогда не слышавшие ни про Аль-Андалус, ни про Японию, ни про конец света.

Накада сложила дрожавшую на ветру карту. Одной рукой снова взяла за руку Ишино, другой – уздечку ламы, и они двинулись в путь. Больше она не оглядывалась.

Рэйчел Свирски
Снова, снова и снова

Произведения молодой писательницы Рэйчел Свирски появляются в «Subterranean», «Tor.com», «Interzone», «Fantasy Magazine», «Weird Tales» и других изданиях. Ее работы номинировались на премии «Небьюла», «Хьюго» и премию Теодора Старджона. Среди последних опубликованных сочинений Свирски – «Эрос, Филия, Агапе» («Eros, Philia, Agape»), «Память ветра» («A Memory of Wind») и сборник «Сквозь сонную тьму» («Through the Drowsy Dark»). Совместно с Шоном Уоллесом она участвовала в подготовке антологии «Люди Книги: десять лет еврейской научной фантастики и фэнтези» («People of the Book: A Decade of Jewish Science Fiction & Fantasy»).

Ниже представлена ироничная, изящно написанная история, которая повествует о столкновении поколений, еще раз подтверждая тот факт, что чем больше меняется мир, тем больше он остается прежним…

Все началось с Лайонела Колдуэлла. Он родился в 1900 году в строгой менонитской семье, где искренне верили в то, что грех непотребства – это танцы, вино и украшения. Едва Лайонел подрос, он тут же сбежал в город, а там стал заходить в богопротивные бутлегерские забегаловки, где пил виски и ром, ругался, поминая всуе имя Господа, и танцевал в обнимку с женщинами со стриженными волосами и в носках.

Лайонел начал продавать украшения и сделал себе на этом состояние. Рубины с сапфирами не потянули его на дно даже во времена Великой депрессии. Лайонел искренне верил, что богатство убережет его от любых невзгод… Потом родился Арт.

Лайонел поздно обзавелся семьей, так что юность Арта пришлась на шестидесятые. Арт отверг отцовские консервативные ценности, выбрав мир, любовь и облегченные требования к гигиене. Без всякого стыда он встречался с негритянками и еврейками и не стригся, отрастив темные волосы чуть не до пояса.

– Какого черта? – зарычал Лайонел, когда Арт вернулся из колледжа домой с конским хвостом на затылке.

Не успел Арт раскрыть рот, как Лайонел грохнул об стол стаканом с виски. – Меня от тебя тошнит, – сказал он и ушел рычать в свою комнату.

Вскоре Арт еще раз огорчил родителя, женившись на еврейке,

дочери голливудского продюсера. Неохотно, но Лайонел на свадьбу пришел. Надравшись в баре, щедро оплаченном тестем Арта, Лайонел подобрел.

– Ты хороший еврей, – объявил он Джеку Филдстону, по матери Голдману, и поднял бокал шампанского.

Джек придержал язык ради семейной гармонии.

Жена Арта, Эстер, не стала сидеть дома. Она преподавала историю искусств в Государственном университете Сан-Франциско, где и стала профессором своей кафедры. Эстер сразу дала понять, что никаких детей не будет, пока она не получит кафедру, так что обе их дочери родились в восьмидесятых.

Старшая, Сейдж, была пухлой, по-младенчески круглой, но росла отнюдь не милой, а угрюмой и мрачной. Красила волосы во все цвета радуги, ходила с «ирокезом», в армейских ботинках, вся в цепях и с кольцом в носу. Наличные она зарабатывала тем, что налаживала всем в округе компьютеры, а тратила деньги на «экстази» и кислоту.

Младшая, Ру, была потише, но когда снимала свитер и джинсы, под ними красовались сплошные татуировки. Руки были расписаны от плеч до запястий, только кисти оставались белыми, так что казалось, будто она в перчатках. На ляжках японскими иероглифами было выведено: «Оставь надежду всяк сюда входящий» – на тех самых ляжках, где она перебирала марихуану. Она говорила, что делает это потому, что копит на одну вещь на шнуровке, и даже Сейдж покоробило, когда она узнала, что это за вещь.

– Мне вас жалко, – сказал Арт Сейдж и Ру. – Мне, чтобы вывести из себя родителей, всего-то нужно было отрастить длинные волосы. Что же будет с вашими детьми?

Первая обзавелась детьми Сейдж, так что первая это узнала. Ее старший сын Паоло записался в группу добровольцев экспериментальных исследований, и ему заменили глаза, нос и уши сенсорами. Лусия скрестила свою ДНК с муравьем, отрастила экзоскелет, пригодившийся, когда она отказалась от унаследованного от родителей статуса сознательного существа и записалась в армию. Хавьер бросил колледж и ушел жить в колонию экспериментаторов, проверявших на себе течение разных болезней, и был настолько великодушен, что каждый год выкладывал в дневнике свои новые фотографии.

Дальше было хуже.

Когда у Паоло появились дети, в моду вошла регенерация. Подростки забавлялись тем, что калечили друг друга кто во что горазд. Старшенькая Паоло, Джиптия, в старшей школе выиграла пари с одним приятелем, отрубив себе руки, ноги, груди и органы

чувств.

Увидев, что она с собой сделала, Паоло едва удержался, чтобы не заорать.

– Детка, – сказал он, осторожно подбирая слова, – не слишком ли это?

Джиптии, прежде чем в ответ закатить глаза, пришлось ждать, пока они отрастут заново.

Когда Джиптия стала взрослой, жизнь вошла в третье тысячелетие. Ее поколение отказалось от семьи. Зачем нужна эта тягомотина с младенцами, когда и так хорошо, и будет хорошо еще лет двести-триста.

Когда Джиптии стукнуло триста пятьдесят, ее биологические часы довольно явственно ей об этом напомнили. Она отказалась от съемной стратоквартиры и вернулась в родной, милый Вайоминг, где поселилась в кооперативе, занимавшемся производством ветровой энергии. Обитатели кооператива были разные и гордились своей непохожестью. Среди них даже нашлось несколько семей, у кого атомные ядра удерживались в порядке с помощью древних ритуалов.

Дочь Джиптии, Ксир, выросла среди полей, засеянных шалфеем, и ветряных мельниц. Вместе с приятелями они карабкались по крутым откосам песчаника и, забираясь на самый верх, представляли себе, будто живут в стратоквартирах, в каких раньше жили их родители.

У Ксир было все: обширная территория, которую можно исследовать, поездки раз в месяц в разные места, где она знакомилась со всеми техническими и эстетическими новинками современного мира, образовательные программы и развлечения, чтобы не отставать от жизни. В окружении у нее тоже было все: полиамористы, моногамы, асексуалы, традиционалисты, футуристы, историки, мизантропы, генетические гибриды, биомеханические бионити, пуристы, анархисты, экзортиты, ксенофилы, овутиты, метраниты и энтетиты.

Волосы у Ксир были длинные и прямые. Она не нуждалась в химической релаксации, разве что могла иногда на праздник выпить немного вина. Она не стала скрещивать гены с производными от орла и летучей мыши, чтобы улучшить слух и зрение, и кожа у нее была просто смуглой, как у всех детей смешанных рас, а не модного пурпурного оттенка.

Когда старшие, затосковав по прошлому, ввели себе одновременно возбудителей краснухи, ветрянки и клещевого боррелеза, Ксир с друзьями танцевала в шалфейных полях среди ветряных мельниц.

Джиптия умоляла дочь сделать хоть что-то нормальное.

– Одну руку, – просила она. – Только правую руку. Только кисть. Она быстро отрастет заново.

Ксир откинула назад светлый конский хвост. Надела поверх свитера просторную кофту, скромненько застегнула пуговицу на широком воротнике, который лег на плечи, как шаль.

– Мам, – сказала она тем тоном, каким говорят все подростки от сотворения мира. – Не будь такой занудой.

Джиптия злилась, когда смотрела, как дочь бежит навстречу друзьям, которые ее ждут в шалфейном поле, и розовый воротник развевается за спиной.

Каждый раз, когда Джиптия снова открывала для себя, что она бессильна, что не может защитить Ксир ни от чего, в том числе от нее самой, ей делалось больно. Это и есть самое трудное, думала она, нет ничего труднее, чем передать новому поколению ценности прежних. Они мать и дочь, но между ними всегда будет пропасть. Тем не менее дочь все равно нужно защищать. Джиптия закрыла дверь и пошла к себе, собираясь отрезать палец-другой, чтобы успокоиться.

Ханну Райаниеми
Элегия о молодом лосе

Молодой писатель Ханну Райаниеми родился в городе Юливиеска, Финляндия, однако в настоящий момент живет в Эдинбурге, Шотландия, где получил докторскую степень по физике за работу в области теории струн. Он является соучредителем организации «ThinkTank Maths», которая оказывает консалтинговые услуги и занимается исследованиями в сфере прикладной математики и развития бизнеса. Он также входит в эдинбургское Объединение писателей. Написав не так много произведений, Райаниеми уже в значительной мере повлиял на жанр. В 2005 году его рассказ «Deus Ex Homine», изначально опубликованный в шотландской антологии «Nova Scotia», был переиздан в составе нескольких сборников «Лучшее за год», включая наш. Эта работа, а также рассказ «Голос хозяина» («His Master's Voice»), напечатанный в 2008 году в журнале «Interzone», стали одними из самых обсуждаемых на тот период. Первый роман Райаниеми «Квантовый вор» («The Quantum Thief») вышел в 2010 году и произвел сенсацию, заставив критиков говорить о нем. Как и Брюс Стерлинг, Грег Иган и Чарльз Стросс до него, Райаниеми увеличивает скорость и поток информации в своих произведениях до тех пор, пока аудитория еще в состоянии воспринимать такой текст (хотя наверняка найдутся читатели, которые упрекнут автора в том, что его творения невразумительны, – подобная участь часто грозит писателям-новаторам).

Действие представленной ниже изящной истории разворачивается в постапокалиптическом будущем, где постлюди, обладающие почти божественными силами, находятся в состоянии войны друг с другом. Всего на нескольких страницах автор раскрывает глобальные темы, достойные масштабов объемного романа.

В ту ночь, подстрелив молодого лося, Косонен сидел у костра и пытался написать стихотворение.

Апрель подходил к концу. Земля все еще была запорошена снегом. Однако вечера Косонен уже проводил на улице: он садился на бревно возле костра на небольшой просеке, где стояла его хижина. Отсо чувствовал себя куда уютнее в лесу, а Косонен не любил оставаться в одиночестве и предпочитал компанию медведя. Сейчас зверь громко храпел, развалившись на куче еловых веток. От него несло мокрой шерстью с примесью

лосиного дерьма.

Косонен извлек из кармана блокнот в мягкой обложке и огрызок карандаша. Он перелистывал страницы – большинство оставалось девственно-чистыми. Слова ускользали, и поймать их было труднее, чем лося. Хотя с последним зверем проблем не возникло: молодой и беспечный. Ни один старый лось не подпустил бы человека и медведя так близко.

Крепко сжимая карандаш, Косонен набрасывал слова на первой пустой странице.

Лосиные рога. Рога из сапфиров. Нет, не так. *Замерзшее пламя. Корни деревьев. Развилки судеб.* Должны же быть слова, которые сумеют запечатлеть момент, когда арбалет ударяет по плечу после выстрела и слышен смачный звук – стрела достигла своей цели. Бесполезно. Все равно что ловить снежинки. Стоит только бросить взгляд на кристаллическую структуру у тебя на ладони, как она уже растаяла.

Косонен закрыл блокнот и едва не швырнул его в огонь, но вовремя опомнился и спрятал книжицу в карман. Какой смысл выбрасывать хорошую бумагу. К тому же последний рулон в туалете почти закончился.

– Косонен опять думает о словах, – проворчал Отсо. – Косонену стоит побольше налегать на спиртное. Тогда не нужно слов. Только сон.

Косонен бросил взгляд на медведя.

– Шибко умный, а? – Мужчина постучал по арбалету. – Может, сам будешь лосей подстреливать?

– Отсо хорошо нюхать. Косонен хорошо стрелять. Оба хорошо пить. – Медведь с наслаждением зевнул, обнажая ряды желтых зубов, затем перевернулся на бок и тяжело вздохнул. – Скоро Отсо еще выпьет.

А может, зверь прав? Может, ему действительно всего-то и надо, что выпить? К черту слова: всё равно все стихотворения уже написаны ими, там, на небесах. Да у них наверняка имеются целые поэтические сады. Или места, где ты можешь стать словом.

Но суть-то не в этом. Слова должны исходить от него – немытого, заросшего человека, живущего в лесу, для которого туалет – отверстие в земле. Яркие фразы, рождающиеся из темной материи, – в этом заключалась вся суть поэзии.

Только вот срабатывало не всегда.

Нужно было заняться делами. Белки, чертовы создания, почти открыли вчера замок. Стоит укрепить двери в погреб. Однако это подождет до завтра.

Косонен уже готов был откупорить бутылку водки из заначки Отсо, спрятанной в снегу, как с небес дождем спустилась Марья.

Его окатило внезапно, словно после сауны вылили ведро холодной воды на голову. Однако до земли капельки так и не долетали – они парили вокруг Косонена. Мужчина наблюдал за тем, как они меняют форму и соединяются, пока перед ним не возникла фигура женщины – кости тонкие, словно веретено, мышцы будто сотканы из тумана. Она напоминала скульптуру из стекла. Маленькая грудь идеальной формы, серебристый равносторонний треугольник волос внизу живота. Но лицо было знакомым – небольшой нос, высокие скулы и острый язычок.

Марья.

Отсо мгновенно подскочил к Косонену.

– Плохой запах. Разит богом, – рыкнул он. – Отсо кусать.

Женщина-дождь взглянула на зверя с нескрываемым любопытством.

– Отсо, – сурово одернул Косонен. Он крепко схватил медведя за мех на клокастой шее, чувствуя, как напряглись могучие мышцы. – Отсо – друг Косонена. Послушай Косонена. Сейчас не время кусать. Время спать. Косонен поговорит с богом.

С этими словами мужчина воткнул бутылку водки в снег перед самым носом зверя.

Отсо обнюхал тару, поскреб передней лапой подтаявший снег.

– Отсо пойдет, – наконец сказал медведь. – Если бог кусать, Косонен звать. Отсо прийти.

Зверь проворно схватил бутылку зубами и вразвалку направился в лес.

– Здравствуй, – приветствовала Косонена женщина-дождь.

– Здравствуй, – осторожно отвечал Косонен.

Настоящая ли она, гадал мужчина. Чумные боги изобретательны. Один из них мог извлечь образ Марьи из памяти Косонена. Глаза скользнули к незаряженному арбалету – каковы его шансы: алмазная богиня против потерявшего хватку лесного поэта. Паршиво.

– Твоему псу я пришлась не по вкусу, – заметило подобие Марьи.

Женщина присела на бревно рядом с Косоненом и принялась болтать своими блестящими ногами – взад-вперед – как всегда делала в сауне. Наверняка она, решил Косонен и почувствовал: в горле засвербило. Он прокашлялся.

– Медведь, не собака. Пес залаял бы. Отсо сразу кусает. Ничего личного – такова уж его природа. Он – ворчливый параноик.

– Кого-то мне напоминает.

– Я не параноик. – Косонен наклонился и попытался вновь развести огонь. – Жизнь в лесах учит быть осторожным.

Марья осмотрелась.

– Мне казалось, мы снабдили оставшихся большим количеством оборудования. Тут несколько… примитивно.

– Да, гаджетов у нас имелось вдосталь, – сказал Косонен. – Но они не были защищены от чумы. До этого, – мужчина постучал по арбалету, – я ходил со смарт-пушкой, но она заразилась чумой. Пришлось разбить ее большим камнем, а затем выбросить в болото. У меня есть лыжи и еще кое-какие инструменты и вот это. – Косонен дотронулся до головы. – Пока что, благо, мне этого хватало.

Он подбросил щепок под стоящие треугольником небольшие поленья – взметнулся огонь. Уж за три-то года он научился разжигать костры. В мягком свете пламени кожа Марьи казалась почти человеческой. Косонен сел на еловые ветки, где до этого лежал Отсо, и стал наблюдать за ней. На несколько мгновений воцарилась тишина.

– Как ты теперь? – поинтересовался он. – Все при делах?

Марья улыбнулась.

– Твоя жена подросла. Она уже большая девочка. Ты даже не представляешь насколько.

– То есть…. ты – это все-таки не она? С кем я говорю?

– Я – она и в то же время не она. Я часть целого, но вполне достоверная. Я – трансляция. Тебе этого не понять.

Косонен положил в кофейник немного снега, чтобы растопить.

– Ладно, я пещерный человек. Не спорю. Но я понимаю, ты явилась сюда за чем-то. Давай уж перейдем к делу, *peŕkele*[92], – выругался он.

Марья глубоко вдохнула.

– Мы кое-что потеряли. Важное. Новое. Мы зовем это искрой. Она упала в город.

– Я думал, вы, ребята, делаете копии всего.

– Квантовая информация. Искра – часть нового бита. Ее нельзя скопировать.

– Дерьмово.

Морщинка залегла между бровей Марьи. Косонен вспомнил их частые ссоры и сглотнул.

– Хочешь общаться в подобном тоне – что ж, пожалуйста, – бросила она. – Я думала, ты будешь рад меня увидеть. Мне вовсе не обязательно было приходить – могла послать какого-нибудь служку. Но я хотела с тобой увидеться. Большая Марья хотела. Если ты решил стать этаким трагическим героем, скитающимся

по лесам, – на здоровье. Мог хотя бы выслушать. Ты мне обязан.

Косонен ничего не ответил.

– Ах да, – продолжила Марья. – Ты все еще винишь меня за то, что случилось с Эса.

Это была правда. Марья достала первую машину Санта-Клауса. Мальчик должен иметь самое лучшее, что мы только сможем позволить, заявила она. Мир меняется. Нельзя ему оказаться хуже других. Давай превратим его в маленького бога, как соседи – своего ребенка.

– Пожалуй, мне не стоит тебя винить. Ты же лишь… часть целого. Тебя там не было.

– Я была там, – тихо промолвила Марья. – Я все помню. Лучше, чем ты сейчас. А еще я быстрее забываю и прощаю. Чего ты никогда не умел. Ты просто… писал стихи. Остальные двинулись вперед и спасли мир.

– Отличная работа, – сказал Косонен. Он поворошил палкой костер, и в воздух взметнулся сноп искр и дым.

Марья поднялась.

– Что ж, тогда прощай, – сказала она. – Увидимся лет через сто.

Стало холоднее. В отблесках костра вокруг Марьи засветился ореол.

Косонен закрыл глаза и сильно сжал челюсти. Он досчитал до десяти. Открыл глаза. Марья все еще стояла там и беспомощно глядела на него. Косонен не мог сдержать улыбки. Последнее слово всегда оставалось за ней.

– Прости, – извинился Косонен. – Прошло много времени. Я жил в лесу с медведем. Характер от этого лучше не становится.

– Лично я особой разницы не заметила.

– Хорошо, – сказал Косонен и указал на еловые ветви рядом с собой. – Садись. Начнем все с начала. Я заварю кофе.

Марья приняла приглашение – ее обнаженное плечо коснулось Косонена. Удивительно, но от нее исходило тепло – она была едва ли не горячее пламени костра.

– Межсетевой экран не пропустит нас в город, – пустилась она в объяснения. – Среди нас больше не осталось тех, кто… кто еще походит на людей в достаточной мере. Поговаривали о том, чтобы создать такого, но… Препирательства затянутся на столетие, – она вздохнула. – Ты же знаешь, как мы любим спорить там, на небесах.

Косонен ухмыльнулся.

– Зуб даю, ты чудесно вписываешься в компанию. – Он проверил, нет ли морщинки между бровями, прежде чем продолжить. – В общем, вам нужен мальчик на побегушках.

– Нам нужна помощь.

Косонен взглянул на костер. Огонь затухал, последние язычки лизали почерневшее дерево. Тлеющие угли всегда выглядели по-разному. Или он просто каждый раз забывал.

Косонен дотронулся до руки Марьи. На ощупь она казалась словно мыльный пузырь – лишь слегка упругая. Женщина не отдернула руку.

– Хорошо, – согласился Косонен. – Но ты должна знать: я делаю это не из-за того, что нас связывало.

– Какую плату ты хочешь взамен?

– Я вам дешево обойдусь, – сказал Косонен. – Верните мне слова.

Солнечный свет отражался от кантоханки – снега с подмерзшим верхним слоем, способным выдержать человека на лыжах и медведя. Косонен тяжело дышал. Даже вниз по склону поспевать за Отсо было непросто. Однако в такую погоду катание на лыжах доставляло сказочное удовольствие: деревья отбрасывали голубые тени, лыжи скользили легко, а под ними скрипел снег.

«*Слишком долго я сидел на одном месте,* – подумал он. – *Давно стоило отправиться куда-то просто так, а не потому что попросили*».

В полдень, когда солнце уже садилось, они добрались до железной дороги – этакой проплешины в лесу с проложенными поверх гравия металлическими шпалами. Косонен снял лыжи и воткнул в снег.

– Прости, но тебе со мной нельзя, – сказал он Отсо. – Город тебя не пустит.

– Отсо – не городской медведь, – откликнулся зверь. – Отсо ждать Косонена. Косонен находить небесный баг и возвращаться. Затем мы вместе пить водку.

Зверь неловко почесал свалявшийся мех на загривке. Затем он ткнулся мордой в живот Косонену, да так, что мужчина чуть не полетел в снег. Фыркнув, Отсо развернулся и вперевалку пошел в лес. Косонен глядел вслед медведю, пока тот не исчез за покрытыми снегом деревьями.

Пришлось трижды засовывать пальцы в глотку, пока не удалось извлечь наносемя, которое ему дала Марья. Было больно, а во рту остался горький привкус. Однако лишь проглотив, Косонен мог защитить устройство от чумы. Мужчина вытер наносемя о снег – прозрачный шарик размером с лесной орех. Он напоминал Косонену об игрушках, продававшихся в торговых автоматах в супермаркетах, когда он был ребенком, – сферах из

пластика с секретом внутри.

Мужчина аккуратно положил семя на рельсы, отер с губ остатки рвоты и прополоскал рот водой. Затем он посмотрел на семя. Марья знала: он ни за что не станет читать инструкцию, – поэтому не приложила ее.

– Преврати меня в поезд, – сказал Косонен.

Ничего не произошло. «*Может, семя умеет читать мысли*», – подумал он и представил локомотив – старенький паровоз, пускающий клубы дыма. Снова ничего – лишь темнеющее небо отражается в прозрачной поверхности семени. «*Она всегда любила изощряться*». Марья преподносила подарки, лишь тщательно обдумав их смысл в течение нескольких дней. Пока Косонен стоял без движения, весенне-зимний холод проник под плащ из волчьего меха. Тогда он принялся подпрыгивать и растирать руки.

Внезапно его осенила идея. Он нахмурился, пристально посмотрел на семя, а затем достал из кармана блокнот. Может, пришло время воспользоваться вторым даром Марьи? Или, лучше сказать, авансом за сделку – это уж как посмотреть. Не успел он нацарапать нескольких строк – и слова принялись скакать в его голове подобно животным, очнувшимся от спячки. Закрыв блокнот, он прочистил горло и продекламировал:

Рельсы сточились под массой колес, что сталью и милями вписывали имена всех пассажиров.

Но и нашу плоть обглодали годы, сделав нас тонкими, легкими, – рельсы выдержат нас, а поезд из стекла и слов доставит в город.

«*Нескладно*», – решил он, но какая разница. Эйфория от того, что слова вернулись к нему, пьянила похлеще водки. «*Жаль, не сработало…*»

Семя вдруг перестало быть четким и взорвалось раскаленно-белой сферой. Лицо Косонена опалило жаром. Мимо, извиваясь, протянулись сияющие щупальца и принялись высасывать углерод и металл из рельсов и деревьев. Они танцевали подобно электрическим дугам, порождаемым сварочным аппаратом, вычерчивая линии и плоскости в воздухе.

И вот перед ним стоит поезд.

Прозрачный, будто выдутый из стекла, тонкие, словно листы бумаги, стены, хрупкие колеса – паровоз из мультфильма с одним прицепным вагоном, а внутри – стулья, чьи спинки напоминают паутину. Все как он воображал.

Косонен забрался внутрь, ожидая, что непрочная структура пошатнется под его весом, но поезд был тверд, словно камень. На полу невинно лежало наносемя, будто оно ни при чем. Косонен аккуратно поднял его, отнес наружу и закопал в снег, оставив рядом лыжи и палки в качестве меток. Подхватив рюкзак, он вновь сел в поезд и откинулся на одном из стульев-паутинок. Паровоз сам тронулся и гладко заскользил по рельсам, которые, казалось, что-то шептали, только вот Косонен никак не мог разобрать слов.

Он смотрел на проплывающий мимо и плавно погружающийся во тьму лес. Руки и ноги гудели после целого дня похода. Воспоминания о том, как снег шуршит под лыжами, слились с плавным движением поезда – Косонен вскоре уснул.

Когда он проснулся, было темно. У горизонта янтарным светом мерцал сетевой экран, напоминая грозовое облако.

Поезд ускорился. Деревья за окном сливались в одну сплошную массу, а шуршание рельс превратилось в тихую мелодию стаккато. Поезд покрыл оставшееся расстояние за несколько минут – Косонен сглотнул. Сетевой экран теперь представлял собой подернутый дымкой купол, из которого исходил желтоватый свет. За ним виднелся нечеткий силуэт города. Казалось, здания движутся, будто куклы в гигантском театре теней.

И вот прямо на пути поезда выросла полыхающая стена – непреодолимое переплетение сумерек и света, пересекающее рельсы. Косонен сжал изящные подлокотники кресла, да так, что побелели костяшки. «Замедлись!» – крикнул он, но поезд его не слышал. На полном ходу локомотив врезался в сетевой экран – удар оказался жестким. Вспыхнул свет, и Косонена подняло в воздух.

Казалось, будто он тонет, только не в воде, а в бескрайнем море янтарного света. Вокруг были лишь свет и пустота. Легкое покалывание на коже. Спустя мгновение Косонен вдруг понял: он не дышит.

И тут раздался суровый голос.

«*Здесь не место для людей,* – вещал он. – *Закрыто. Запрещено. Возвращайся назад*».

– *Я* выполняю задание, – отвечал Косонен, и слова его не разносились эхом в световом пространстве. – Меня прислали твои создатели. Они приказывают тебе пропустить меня.

Мужчина закрыл глаза, и перед ним возник третий дар Марьи – не слова, число. Ему всегда так трудно было запоминать информацию, но Марья писала кислотными чернилами, выжигая

правильную последовательность в его мозгу. Он принялся читать бесконечную цепочку цифр, одну за одной.

«*Входи,* – произнес сетевой экран. – *Но помни: здесь выживет только тот, кто еще человек*».

Косонен снова сидел в поезде, набирающем скорость. Все вокруг было четким и реальным, словно порез, оставленный листом бумаги. Призрачное свечение сетевого экрана не исчезло, но теперь вдоль железнодорожного полотна вместо леса тянулись темные здания, уставившиеся на него пустыми глазницами окон.

Руки Косонена все еще покалывало. Ладони и вся одежда очистились – не осталось ни единого пятна грязи. Кожа покраснела и стала мягкой, как после сауны.

Наконец поезд сбросил скорость и остановился возле мрачной пасти станции – Косонен был в городе.

Город представлял собой лес из металла и бетона, и еще металла – он дышал и гудел. Пахло озоном. Фасады зданий, выстроившихся вокруг железнодорожного вокзала и площади, почти не изменились, лишь стали слегка искаженными. Боковым зрением он мог видеть, как они *движутся,* переползают во сне, словно звери с каменной шкурой. У всех были сапфировые глаза.

Остановился автобус – в нем оказалось полно безлицых людей. Они сидели совершенно неподвижно и напоминали манекены, используемые при аварийных испытаниях. Косонен решил, что не стоит садиться, и зашагал через площадь в направлении главной торговой улицы: нужно было откуда-то начинать поиски искры. Марья сказала, она будет светиться – не пропустишь.

На парковке лежали останки автомобиля после ДТП, или, по крайней мере, так казалось: машина была перевернута на бок, капот смят, словно пустая пивная банка, вся конструкция в голубиных фекалиях. Однако стоило Косонену пройти мимо, как мотор ожил, капот открылся. С шипением из него вырвались щупальца и попытались ухватить Косонена.

Мужчине удалось разогнаться прежде, чем машина-зверюга перевернулась и встала на четыре колеса. От площади отходили узкие улочки, слишком узкие для автомобиля. Он бежал, чувствуя, как внутри все похолодело, как до боли напряжены ноги.

Закинутый за спину арбалет больно бил, и Косонен попытался снять его через голову.

Чудище обогнало и преградило ему путь. Затем атаковало. Из раскаленной пасти двигателя, подобно клубку змей, вырвались щупальца.

Косонен возился, прилаживая болт, затем выстрелил. Стрела отскочила от лобового стекла, но этого оказалось достаточно, чтобы сбить существо с толку, и мужчина вовремя отпрыгнул в сторону. Он увернулся, больно ударился об асфальт с глухим звуком и откатился.

– Кто-нибудь! Помогите! *Perkele,* – выругался он, давая выход бессильной ярости.

Тяжело дыша, Косонен поднялся на ноги – зверь тоже медленно отъехал, ворча. Пахло горелой резиной вперемешку с озоном. «*Может, мне удастся сразить его*», – пришла в голову сумасшедшая мысль. Косонен раскинул руки – бежать он не собирался. «*Последнее стихотворение…*»

Что-то приземлилось прямо перед Косоненом, хлопая крыльями. Голубь. Мужчина и автозверь уставились на птицу. Раздалось гульканье, и голубь детонировал.

Взрыв ударил по барабанным перепонкам. Яркая белая вспышка – и мир на миг погрузился во тьму. Косонен оказался на земле: в ушах звенело, рюкзак больно врезался в спину. В десяти метрах, искореженный до неузнаваемости, полыхал автозверь.

Подле машины вышагивал еще один голубь и склевывал похожие на металл кусочки. Птица подняла голову и посмотрела на Косонена – в сапфировых глазах отражались языки пламени. Голубь взмыл в небо, оставив после себя небольшое белое пятно фекалий.

На главной торговой улице никого не было. Косонен передвигался осторожно на случай, если в округе прятались еще хищные автомобили: он держался узких аллей, шел поближе к подъездам. Между зданиями свет сетевого экрана тускнел, зато в окнах плясали странные огоньки.

Косонен вдруг понял, что умирает с голоду: он ничего не ел с полудня, а это путешествие и стычка с автозверем забрали у него силы. На углу улицы он нашел кафе, в котором, казалось, было безопасно. Косонен установил на стол походную плитку и вскипятил воды. С собой он смог взять лишь суповые консервы да сушеное мясо лося, но в животе громко урчало, не время было привередничать. От одного запаха еды Косонен забыл об осторожности.

– Здесь моя территория, – раздался голос. Косонен испугался, вскочил и схватился за арбалет.

В дверях стояла сгорбленная фигура, напоминавшая тролля и одетая в лохмотья. Лицо, обрамленное спутанными волосами и бородой, блестело от пота и грязи. Кожу с большими, словно оспины, порами покрывали крошечные сапфировые наросты.

Косонен думал, что жизнь в лесной глуши сделала его невосприимчивым к вони, исходящей от человека, однако отвратительная смесь запаха пота и постоянно употребляемого спиртного вызвала у него приступ дурноты.

Незнакомец вошел и сел за стол напротив Косонена.

– Ладно, чего уж тут, – дружелюбно заявил он. – Нечасто ко мне захаживают в последнее время. Нужно вести себя по-соседски. *Saatana*[93], что это у тебя? Неужто суп от «Blaband»[94]?

– Угощайтесь, – с осторожностью предложил Косонен.

Прежде ему доводилось встречать других оставшихся, но он старался с ними не пересекаться: у всех у них были свои причины не отправиться на небо.

– Благодарю. Вот так ведут себя добрые соседи. Кстати, меня зовут Пера. – Тролль протянул руку.

Косонен опасливо пожал ее – под кожей у Пера проступали странные острые штуки. Все равно что сжимать перчатку, наполненную битым стеклом.

– Косонен, – представился он. – Так ты здесь живешь?

– Нет, не здесь. Не в центре. Сюда я прихожу стащить что-нибудь у зданий. Но они стали уж больно умными и жадными. Даже банки супа не найдешь теперь. Вчера меня чуть не слопал универмаг «Стокманн». Непросто тут жить. – Пера покачал головой. – Но лучше, чем снаружи.

Глаза у Пера были хитрыми.

«Ты остаешься здесь по собственному желанию? Или сетевой экран больше не выпускает тебя?» – гадал Косонен.

Вслух же он спросил:

– Значит, ты не боишься чумных богов?

Он передал Пера банку с разогретым супом. Городской опустошил ее одним глотком, и к прочим его ароматам добавился запах минестроне.

– Нечего их теперь бояться. Они все мертвы.

Косонен удивленно посмотрел на Пера.

– Откуда ты знаешь?

– Мне сказали голуби.

– Голуби?

Пера аккуратно извлек что-то из кармана потрепанного плаща. Это оказалась птица. С сапфировым клювом и глазами, а еще полосками синего на перьях. Голубь захлопал крыльями, пытаясь высвободиться из хватки Пера.

– Мои приятели, – сказал тролль. – Думаю, ты с ними уже встречался.

– Да, – отвечал Косонен. – Это ведь ты послал того, который взорвал автозверя?

– Надо помогать соседям, не так ли? Но не стоит благодарности. Суп был хорош.

– И что они рассказали про чумных богов?

Пера ухмыльнулся, демонстрируя недостаток зубов.

– Когда богов заточили здесь, они стали сражаться. Видишь ли, им недоставало сил, чтобы выбраться. Кто-то должен был стать главным, как в «Горце». Порой голуби показывают мне картинки. Кровавое месиво. Взрывы. Наниты поедают людей. В конце концов никого не осталось, погибли все до единого. Теперь это моя площадка.

«*Значит, Эса тоже умер.* – Косонен удивился тому, насколько остро переживал утрату даже теперь. – *Уж лучше так.* – Он сглотнул. – *Сперва стоит завершить работу. Не время сейчас оплакивать Эса. Вернусь домой, тогда можно будет подумать. Посвятить этому стихотворение. И рассказать Марье*».

– Ладно, – сказал Косонен. – Я тоже кое за чем охочусь. Как думаешь, твои… приятели смогут это разыскать? Оно сверкает. Поможешь мне – я отдам тебе весь суп, который у меня есть. И лосятину. Позже могу принести еще. Устраивает тебя предложение?

– Голуби могут найти все что угодно, – заверил Пера, облизывая губы.

Повелитель голубей шагал по городскому лабиринту, словно это была его вотчина. Возле кружило облако птиц-химер. Временами одна садилась ему на плечо и касалась клювом уха, словно нашептывала что-то.

– Лучше поторопиться, – сказал Пера. – По ночам еще терпимо, но вот днем дома молодеют и начинают думать.

Косонен понятия не имел, где они находятся. С того времени, когда он был здесь последний раз – еще в далекие времена людей, – план города изменился. Он предполагал, что они находились недалеко от собора в старом городе, но наверняка утверждать бы не стал. Ходьба по изменившимся улицам напоминала шествие по сосудам гигантского зверя – извилистым, лабиринтоподобным. Некоторые здания словно были обернуты в черную пленку, струившуюся, будто нефть. Другие дома срослись вместе, превратившись в органическую структуру из кирпичей и бетона, – они перегораживали улицы, а земля вокруг них трескалась и вздымалась.

– Уже недалеко, – сказал Пера. – Они это видели. Говорят, сияет, словно фонарь из тыквы.

Пера захихикал.

Янтарный свет сетевого экрана становился ярче по мере того,

как они продвигались. Температура росла, и Косонену пришлось снять старый похьянмский свитер.

Они прошли мимо офисного здания, превратившегося в спящее лицо и напоминавшее моаи с острова Пасхи, без намека на пол. В этой части города встречалось больше живых существ – звери с сапфировыми глазами, кошки с блестящей шерсткой, сидящие на подоконниках. Косонен заметил лису, переходившую через улицу: взглянув на мужчину, она юркнула в канализационный люк.

Затем спутники повернули за угол, где безлицый мужчина, одетый по моде десятилетней давности, танцевал в витрине магазина, и увидели собор.

Он разросся до размеров Гаргантюа – на его фоне окрестные здания казались лилипутами. Собор выглядел словно муравейник из темно-красного кирпича с шестиугольными дверями. Внутри кишела жизнь. Цепляясь сапфировыми когтями за стены, подобно глянцевым горгульям, висели кошки. В башнях кружили огромные стаи голубей. Через распахнутые массивные двери туда и обратно сновали крысы с голубыми хвостами – батальоны грызунов на задании. А еще повсюду летали насекомые – они образовывали плотное черное облако, похожее на дыхание, вырывавшееся из груди гиганта; воздух наполняло их монотонное жужжание.

– Черт подери, *jumalauta,* – вырвалось у Косонена. – Вот где оно упало, да?

– На самом деле нет. Просто я должен был привести тебя сюда, – отвечал Пера.

– Что?

– Прости, я соврал. Все было именно как в «Горце»: один остался в живых. И он хочет с тобой встретиться.

Огорошенный, Косонен уставился на Пера. Голуби садились на плечи и руки второго мужчины, превращаясь в серый колышущийся плащ. Острые когти впивались в лохмотья и кожу, хватали за волосы, крылья яростно били по воздуху. На глазах у Косонена Пера поднялся над землей.

– Ничего личного. Просто он предложил мне более выгодную сделку. Спасибо за суп! – прокричал он. Еще мгновение – и Пера превратился в черный обрывок ткани в небе.

Земля задрожала. Косонен упал на колени. Везде вдоль по улице зажглись глаза домов – окна засияли ярким зловещим светом.

Он попытался бежать. Но далеко уйти ему не удалось – пальцы города схватили его: голуби, насекомые – жужжащее облако накрыло мужчину. Дюжина крыс-химер впилась в его

череп – Косонен чувствовал, как гудят моторчики их сердец. Что-то острое прокусило кость. Боль распространялась, словно пожар в лесу. Косонен закричал.

Заговорил город. Голос его был подобен грому, вместо слов – дрожание земли и вздохи домов. Медленный рокот слов, выжатых из камня.

«*Отец*», – молвил город.

Боль исчезла. Косонен услышал мягкий шум волн и почувствовал теплое прикосновение ветра на лице. Он открыл глаза.

– Здравствуй, отец, – произнес Эса.

Они сидели на пирсе у летнего домика, завернувшись в полотенца. Кожа раскраснелась после сауны. Стоял вечер, тянуло прохладой – финское лето в очередной раз аккуратно напоминало: ничто не вечно. Солнце выглядывало из-за верхушек деревьев, окрашенных в голубые тона. По гладкой поверхности озера скользили текучие тени.

– Я подумал, – начал Эса, – тебе здесь понравится.

Эса был точно таким, каким его помнил Косонен, – бледный худой мальчишка, ребра торчат, колени он обхватил длинными руками, влажные жесткие волосы падают на лоб. И только глаза оставались глазами города – темные сферы из металла и камня.

– Нравится, – согласился Косонен. – Но я не могу здесь остаться.

– Почему?

– Мне нужно кое-что сделать.

– Мы не виделись целую вечность. В сауне тепло. В озере охлаждается пиво. К чему спешить?

– Мне стоит тебя бояться, – сказал Косонен. – Ты убивал людей. Прежде чем они поместили тебя сюда.

– Тебе не понять, каково это, – возразил Эса. – Чума исполняет любую твою прихоть, даже те желания, о которых ты и не подозревал. Она дает тебе все. Она размягчает мир. Порой разрывает его для тебя. Ты только подумал – вещь сломана. С этим ничего не поделаешь.

Мальчик закрыл глаза.

– У тебя ведь тоже есть желания. Я знаю. Поэтому ты здесь, верно? Ты жаждешь получить назад свои драгоценные слова.

Косонен ничего не ответил.

– Мамин мальчик на побегушках, vittu, дьявол тебя разбери. Что ж, они починили твой мозг, прочистили его от алкоголя. Ты снова можешь писать. И как себя чувствуешь? Лучше? В один миг я подумал: ты вернулся за мной. Но разве такое когда-то бывало?

– Я не знал…

– Ты не в курсе? Я в твоей голове, – сказал Эса. – Мои пальцы в твоем черепе. Одна мысль, и мои баги съедят тебя, оставят здесь навсегда. Все твое время будет вечно уделено лишь мне. Что ты на это скажешь?

Вот она, давно терзающая его вина.

– Мы волновались за тебя, каждую секунду, с той самой минуты, когда ты родился, – оправдывался Косонен. – Мы хотели как лучше для тебя.

Все казалось абсолютно естественным. Мальчик играл с машиной, которая создавала другие машины. Затем предметы стали менять форму, когда он думал о них. Эса улыбался, когда показывал Косонену говорящую морскую звезду, сделанную его прибором.

– А потом у меня не заладился день.

– Я помню, – кивнул Косонен.

Как всегда, он поздно вернулся домой. Эса был алмазным деревом и рос в своей комнате. Повсюду лежали морские звезды – они поедали пол и стены и создавали еще больше морских звезд. Так все началось.

– Давай. Перенеси меня сюда. Теперь твой черед превратить меня во что пожелаешь. Или покончить со всем этим. Я заслужил.

Эса негромко рассмеялся.

– Зачем мне так поступать со старым человеком? – Он вздохнул. – Знаешь, я ведь теперь тоже взрослый. Давай покажу.

Эса легко дотронулся до плеча Косонена, и *Косонен оказался городом. Его кожей стали камень и бетон, а поры заполнились божественной чумой. Улицы и здания вместо лица – от каждой мысли и эмоции они менялись и трансформировались. Нервная система состояла из алмазных и оптических волокон. Вместо рук были звери-химеры.*

Повсюду вокруг мерцал сетевой экран – в небе и холодных недрах земли – тонкий, но несокрушимый. Он давил со всех сторон, отсекал источники энергии, не позволял думать достаточно быстро. Однако по-прежнему можно было мечтать, сплетать слова и изображения, творить миры из своих воспоминаний и воспоминаний, некогда принадлежавших мелким богам, которых Эса поглотил, чтобы стать городом. Он пел о своих мечтах в формате радиоволн, не думая, пропустит ли их сетевой экран, пел громче и громче…

– Вот, – донесся до него издалека голос Эса. – Выпей пива.

Косонен ощутил, как в руке у него оказалась ледяная бутылка, и сделал глоток. Пиво из мечты было крепким и настоящим. Вкус солода вернул его обратно. Косонен глубоко

вдохнул и позволил вымышленному летнему вечеру смыть реальность города.

– Ты для этого привел меня сюда? Чтобы продемонстрировать? – спросил Косонен.

– Вообще-то нет, – рассмеялся Эса. Внезапно его каменные глаза засветились молодостью. – Я просто хотел познакомить тебя со своей девушкой.

У квантовой девушки были золотистые волосы и глаза из света. Подобно индуистскому божеству, она имела множество лиц одновременно. Грациозно она вышла на пирс. Летняя страна, созданная Эса, трескалась возле нее: на коже девушки появлялись разломы, сквозь которые проглядывали цвета другого мира.

– Это Сяде, – представил девушку Эса.

Та взглянула на Косонена и заговорила – целый поток слов, суперпозиция, все возможные приветствия, произнесенные одновременно.

– Приятно познакомиться, – ответил Косонен.

– Они сделали что-то правильное там, на небесах, создав ее, – заключил Эса. – Она живет во множестве миров одновременно и думает кубитами. Но она хочет жить в этом мире, со мной. – Он нежно коснулся плеча девушки. – Она услышала мои песни и сбежала.

– Марья сказала, будто искра – Сяде – упала, – поделился Косонен. – Будто какая-то божественная машина сломалась.

– Она сообщила то, что ей приказали. Им не нравится, когда события развиваются не по плану.

Сяде издала звук, напоминающий звон стеклянного колокола.

– Сетевой экран продолжает выживать нас, – сказал Эса. – Так уж он задуман. Все больше и больше замедляет события, пока мы не умрем. Сяде здесь не место. Ей слишком тесно. Поэтому отвези ее домой, пока не стало чересчур поздно. – Он улыбнулся. – Уж лучше это сделаешь ты, чем кто-то другой.

– Это несправедливо. – Косонен сощурился: Сяде блестела слишком ярко, ослепляя его. «*Что я могу? Я просто кусок мяса. Плоть и слова – вот и весь я*».

Мысль, подобно сосновой шишке, была шершавой на ощупь, но внутри нее зрело зерно.

– Пожалуй, из вас двоих родится стихотворение, – сказал он.

Косонен вновь ехал на поезде, глядя, как мимо проносится город. Стояло раннее утро. В лучах восходящего солнца город приобретал новые оттенки: фиолетовые тени и золотисто-красноватые цвета. Все тело ныло. В висках пульсировала боль.

На него накатила усталость. В мозгу тяжелым грузом лежали слова стихотворения.

Над куполом сетевого экрана Косонен мог разглядеть гигантскую алмазную морскую звезду, напоминавшую протянутую руку. То был дрон небесных людей, наблюдавших за творившимся внутри.

«*Они пришли посмотреть, что произойдет,* – думал Косонен. – *Они узнают*».

На этот раз мужчина встретил сетевой экран словно старого приятеля. Его окатило яркое покалывающее свечение. Из глубины возник суровый страж.

Но на этот раз он промолчал, хотя Косонен чувствовал его присутствие, ощущал, как страж изучает его, ищет вещи, не принадлежащие миру снаружи.

Косонен отдал ему все.

Первый миг, когда он понял, что написал нечто стоящее. Разочарование, когда осознал, что значит быть поэтом в небольшой стране, где стопки его первого сборника, изданного в дешевом формате, пылятся на полках маленьких магазинчиков. Зависть к Марье, которая родила Эса: слова на бумаге – лишь бледная тень подобных творений. Следы лося на снегу и взгляд зверя перед смертью.

Косонен почувствовал, как страж, удовлетворившись, отступил.

Он пересек границу. Поезд выехал в настоящий, неотретушированный рассвет. Оглянувшись на город, Косонен увидел, как из тела морской звезды пошел огненный дождь. Столбы света прорезали город по геометрическим схемам, оставляя после себя раскаленно-белую плазму.

Косонен закрыл глаза, не в силах смотреть на этот слепящий свет, и стал повторять свое стихотворение, а город тем временем горел.

Косонен посадил наносемя в лесу. Голыми руками он вырыл возле старого пня глубокую яму в наполовину промерзшем грунте. Затем он сел, снял кепку, вытащил свой блокнот и принялся читать. Накорябанные карандашом слова ярко сияли в его голове – вскоре ему даже не требовалось смотреть на них.

Стих рождался из слов подобно титану, поднимающемуся из морских глубин, – сперва он лишь слегка проглядывал над поверхностью, а затем, словно гора, вознесся к небесам, взорвался глоссолалией. Поток шипящих слов и фонем, бесконечное заклинание, раздирающее горло. Вместе со стихотворением текла квантовая информация, сокрытая в микротрубочках его нейронов,

где теперь жила девушка с яркими глазами, и шли нервные импульсы с синапсов, где скрывался его сын.

Стих превратился в громовой раскат. Косонен продолжал читать до тех пор, пока голос его не осип. Теперь его могло слышать лишь наносемя, но этого хватило. Внизу под слоем торфа что-то зашевелилось.

Когда Косонен закончил читать стих, уже опустился вечер. Мужчина открыл глаза. Первым, что он увидел, были сапфировые рога, поблескивающие в последних лучах солнца.

На него смотрели два молодых лося. Один поменьше размером, более изящный, в его коричневых глазах виднелись проблески солнечного света. Второй – молодой и худой – уже с гордостью щеголял рогами. Зверь не отвел взгляда, и Косонен увидел в глазах лося тени города. А может, отражения в летнем озере.

Лоси развернулись и бесшумно помчались в лес – быстроногие и свободные.

Косонен отворял дверь в погреб, когда вновь пошел дождь, на этот раз даже не ливень. Из капелек в воздухе сформировалось лицо Марьи. На мгновение Косонену показалось, что она ему подмигнула. Затем дождь превратился в туман и рассеялся. Мужчина подпер дверь.

Белки с любопытством глядели на него с деревьев.

– Все ваше, дамы, – сказал он. – Должно хватить до следующей зимы. Мне это больше не нужно.

Около полудня Отсо и Косонен отправились на север. Лыжи легко скользили по истончившемуся снегу. Медведь тянул сани, груженные оборудованием. Они уже прилично отошли от хижины, когда зверь остановился и принюхался к свежему следу.

– Лось, – прорычал он. – Отсо голоден. Косонен стрелять лося. Для путешествия нужно мясо. Косонен взял мало водки.

Косонен покачал головой.

– Я, пожалуй, займусь рыболовством, – сказал он.

Майкл Суэнвик
Либертарианская Россия

Майкл Суэнвик дебютировал в 1980 году и в течение последующих лет зарекомендовал себя как один из самых блестящих и плодовитых писателей-фантастов своего поколения, которому одинаково хорошо удаются и романы, и рассказы. Суэнвик является обладателем премий Теодора Старджона и журнала «Asimov's Science Fiction». В 1991 году он получил премию «Небьюла» за роман «Путь Прилива» («Stations of the Tide»), а в 1995-м завоевал Всемирную премию фэнтези за рассказ «Между небом и землей» («Radio Waves»), С 1999 по 2006 год Майкл Суэнвик пять раз удостаивался премии «Хьюго» за рассказы «Машины бьется пульс» («The Very Pulse of the Machine»), «Скерцо с тиранозавром» («Scherzo with Tyrannosaur»), «Пес сказал „гав-гав“» («The Dog Said Bow-Wow»), «Медленная жизнь» («Slow Life») и «Хронолегион» («Légions in Time»), Перу писателя также принадлежат романы «В зоне выброса» («In the Drift»), «Вакуумные цветы» («Vacuum Flower»), «Дочь железного дракона» («The Iron Dragon's Daughter»), «Джек Фауст» («Jack Faust»), «Кости Земли» («Bones of the Earth»), «Драконы Вавилона» («The Dragons of Babel») и «Танцы с медведями» («Dancing with Bears»), Повести и рассказы Суэнвика представлены в сборниках «Ангелы гравитации» («Gravity's Angels»), «География неведомых земель» («A Geography of Unknown Lands»), «Лунные гончие» («Moon Dogs»), «Букварь Пака Эйлшира» («Puck Aleshire's Abecedary»), «Сказания Старой Земли» («Tales of Old Earth»), «Фауст из сигарной коробки и другие миниатюры» («Cigar-Box Faust and Other Miniatures»), «Путеводитель Майкла Суэнвика по мегафауне мезозойского периода» («Michael Swanwick's Field Guide to the Mesozoic Megafauna»), «Периодическая таблица научной фантастики» («The Periodic Table of Science Fiction») и «Однажды на краю времени» («The Best of Michael Swanwick»). Майкл Суэнвик живет в Филадельфии вместе с женой Марианной Портер. Информацию о писателе можно найти на www.michaelswanwick.com.

Настоящий рассказ переносит нас в Россию будущего, пережившую страшную катастрофу и ныне малонаселенную. Без всякой ретуши автор показывает нам историю молодого мужчины, который на собственном горьком опыте узнает, насколько его политические идеалы применимы в реальном мире.

Мили и недели проносились под колесами мотоцикла. Где-то

в середине дня Виктор останавливался на крестьянском дворе и покупал еду, которую потом готовил на походном костре. Спал он под открытым небом, проигрывая в голове старые ковбойские фильмы. Без особой спешки мужчина прокладывал путь по глухим дорогам Урала и уже успел пересечь границу между Европой и Азией. Ему пришлось сделать большой крюк, чтобы объехать Екатеринбург: людей там проживало много, а потому власти вмешивались в личную жизнь граждан ничуть не меньше, чем в Москве. Затем он вернулся на трансконтинентальную автомагистраль, до смешного примитивную. Он проезжал мрачные руины промышленного района на окраине города, когда женщина в сапогах-ботфортах подняла руку, голосуя. Здесь в глуши, где за небольшое вознаграждение любой водила становился потенциальным таксистом, так уж повелось.

Виктор обычно не останавливался в подобных ситуациях. Но помимо высоких сапог на женщине были облегающие леопардовые шорты и модный красный приталенный пуховик с широкими плечами, расстегнутый достаточно для демонстрации упругих грудей, напоминавших два граната, поданных на блюде. У ее ног лежал рюкзак из искусственной кожи. Девушка словно только что сошла с обложки. От такой стоило ждать серьезных неприятностей.

А Виктор уже очень давно не ввязывался во всякие приключения. Он остановился.

– Едешь на восток? – поинтересовалась девушка.

– Ага.

Она оглядела значки, в произвольном порядке украшавшие его куртку из кевлара и кожи, – неизбранные политики, нереализованные цели, – и ее алые губы изогнулись в едва заметной улыбке.

– Либертарианец, а? Ты же понимаешь, что такой вещи, как либертарианская Россия, не существует? Либертарианская Россия, кроткий тигр или честный мент – оксюморон.

Виктор пожал плечами.

– И тем не менее вот он я.

– Тебе так только кажется.

Женщина вдруг приняла деловой вид и заявила:

– Возьмешь меня с собой – сделаю тебе минет.

Виктор на мгновение растерялся. Затем сказал:

– Вообще-то, мне предстоит долгий путь. Через всю Сибирь. Вполне возможно, без остановок, пока не доберусь до Тихого океана.

– Не проблема. Тогда раз в день, пока я с тобой. По рукам?

– По рукам.

Виктор изменил конфигурацию байка, добавив сиденье сзади и дополнительный багажник для ее рюкзака, а затем подкачал шины, чтобы компенсировать увеличившийся вес. Девушка разместилась позади него, и они стартовали.

На закате путешественники остановились в низкорослом сосновом лесу и разбили лагерь за руинами поста ГИБДД. Установив палатки (ее походное снаряжение оказалось размером с кулак, когда девушка достала его из рюкзака, но после сборки превратилось в роскошное жилище; его палатка была не больше необходимого), они развели костер, а после спутница Виктора оплатила поездку. Затем, пока он разделывал купленного ранее цыпленка, они разговорились.

– Ты так и не сказала, как тебя зовут, – начал Виктор.

– Светлана.

– Просто Светлана?

– Да.

– Без отчества?

– Да, просто Светлана. А тебя?

– Виктор Пелевин.

Девушка расхохоталась.

– Да ладно гнать! – сказала она с издевкой.

– Он – мой дедушка, – пояснил Виктор.

Затем, поскольку она продолжала смотреть на него с презрением, Виктор добавил:

– В духовном плане. Я прочел все его книги. Даже не знаю, сколько раз. Они сформировали мои взгляды.

– Мне больше нравится «Мастер и Маргарита». Не книга, конечно. Фильм. Правда, не скажу, будто он сформировал мои взгляды. Итак, дай угадаю. Ты отправился в большое турне по стране. Ищешь настоящую Россию, старую Россию, матушку Россию, Россию, живущую в твоем сердце. Верно?

– Нет, это не про меня. Я уже нашел, что искал, – Либертарианскую Россию. Она прямо здесь, где мы с тобой.

Виктор закончил возиться с цыпленком и принялся за овощи. Дрова должны прогореть – лишь потом, когда будут готовы угли, он поджарит овощи и цыпленка на шампурах – получится блюдо вроде шашлыка.

– Хорошо, и что ты собираешься делать теперь, когда ты ее нашел?

– Ничего. Странствовать. Жить здесь. Да всё подряд. – Виктор принялся нанизывать шашлыки. – Видишь ли, после Депопуляции у правительства не хватает ресурсов для контроля крупнейшей в мире страны такого же жесткого, как прежде. Поэтому вместо того, чтобы ослабить хватку, власти решили сосредоточить силы

в ряде промышленных и торговых центров, в портовых городах и тому подобное. Остальным территориям, где плотность населения составляет один-два человека на десятки верст, они дали вольную. Об этом не говорят, но здесь действуют лишь законы, которые люди устанавливают самостоятельно. Все разногласия они разрешают сами. Когда населения набирается на городок, они могут скинуться и нанять парочку полицейских, согласных работать по вечерам. Нет баз данных, никаких соглядатаев…. Делай что заблагорассудится – до тех пор, пока ты не ущемляешь свободу других, никто тебя не тронет.

Практически весь монолог Виктора состоял из фразочек с давненько не обновлявшегося сайта «Свободный Иван». Виктор наткнулся на него пять лет назад. В либертарианских кругах Свободный Иван слыл легендой. Виктору нравилось думать, будто Иван живет где-то в Сибири по принципам, которые он проповедовал в своем блоге. Хотя учитывая место последней записи – она была сделана в Санкт-Петербурге, и в ней ни о чем подобном не упоминалось, – скорее всего, Иван уже не числился среди живых. Вот так иногда случается с людьми, осмелившимися вообразить мир без тирании.

– А если для кого-то свобода в том, чтобы забрать твой мотоцикл?

Виктор встал и похлопал по контактной пластине на своем железном коне.

– Замок закодирован и отвечает только на мой геном. Никто, кроме меня, не сможет его завести. Да и потом, у меня есть пистолет. – Мужчина продемонстрировал оружие, а затем снова спрятал его в наплечную кобуру.

– Знаешь, кто-то и его может отобрать, а потом застрелить тебя.

– Едва ли. Это смарт-пушка. Как и байк, она реагирует только на меня.

Неожиданно Светлана засмеялась.

– Сдаюсь! У тебя все просчитано.

Однако Виктор сомневался, что ему удалось убедить девушку хоть в чем-то.

– Технологии дают нам свободу, – угрюмо сказал он. – Почему этим не воспользоваться? Тебе бы тоже стоило обзавестись пистолетом.

– Поверь, мое оружие – мое тело, и больше мне ничего не нужно.

Виктор не нашел, что ответить, поэтому попросил:

– Расскажи о себе. Кто ты? Почему путешествуешь? Куда направляешься?

– Я – шлюха, – отвечала она. – Но мне надоело работать на других, а Екатеринбург слишком погряз в коррупции – там свой бордель не откроешь. Вот я и ищу местечко, где можно начать собственный бизнес, – достаточно большое, и чтобы не приходилось слишком много отстегивать ментам.

– Ты… все это серьезно?

Светлана порылась в рюкзаке и вытащила визитницу, швырнула Виктору прейскурант и убрала футляр.

– Если заинтересует, обслужу.

Угли были готовы, так что Виктор поставил шашлыки.

– Сколько с меня за ужин? – Светлана снова открыла кошелек.

– Я угощаю.

– Нет, – отрезала девушка. – Я ничего не принимаю в дар. За все нужно платить. Такая у меня философия.

Прежде чем отправиться к себе в палатку, Виктор демонтировал часть байка и заполнил бак биореактора водой и травой. Затем он включил его на низких оборотах. Ферменты и дрожжи добавлялись к смеси автоматически – утром у них будет достаточно этанола на день пути. Он пошел к себе в палатку, лег на спину и принялся проигрывать в голове фильм с Джоном Уэйном «Искатели». Однако вскоре ему пришлось поставить кино на паузу – в мыслях всплыл прейскурант Светланы.

Она предлагала довольно широкий спектр услуг.

Виктор еще долго размышлял над этим, пока не провалился в объятия Морфея.

В ту ночь ему приснился очень красочный и реалистичный сон. Возможно, он повредил устройство памяти месяц назад, и теперь из-за сбоя запись проигрывалась снова. Так или иначе, Виктор опять оказался в Москве, которую собирался покинуть навсегда.

Он отправился в путь на рассвете. Впереди тянулась жуткая пробка, а сквозь смог ослепительно сияло золотое солнце. В голове играл американский джаз – ровное и размеренное звучание саксофона. Чарли Паркер. Виктор низко склонился над своим мотоциклом, а когда дорожный инспектор ленивым взмахом белого жезла попросил его свернуть на обочину для проверки документов, мужчина поднял байк на заднее колесо и показал гибэдэдэшнику палец, после чего дал газу и умчался вперед, виляя и мечась с полосы на полосу, пока автомобилисты гневно сигналили ему.

В зеркало заднего вида он заметил, как полицейский пристально посмотрел ему вслед и сделал ментальный снимок номерного знака. Если Виктор когда-нибудь вернется в Москву,

его ждет множество неприятностей. У каждого полицейского в городе – а в Москве собирались самые ментовские сливки – будет его номерной знак и описание внешности.

К чертям собачьим! Да пошло оно все на… Виктор годами вкалывал, на всем экономил, чтобы купить необходимое снаряжение и убраться подальше из Москвы. Зачем ему возвращаться?

И вот он оказался за пределами города. Дороги становились несколько лучше, когда он проезжал мимо хорошо охраняемых резиденций, где в вычурных сооружениях укрывались перепуганные толстосумы. Но стоило отъехать подальше – и полотно пестрело заплатами, а затем и вовсе превращалось в грязь. Вот тогда-то он с диким смехом сорвал с себя шлем и швырнул его в кусты, в прошлое…

Теперь он был дома. Он был свободен.

Он оказался в либертарианской России.

Идея мчать по азиатским просторам на байке в компании шлюхи Виктору понравилась, в теории. В реальности все оказалось несколько сложнее. Когда бедра Светланы прижимались к его бедрам, а руки обвивали талию, он постоянно думал о ее теле. Однако на то, что он хотел с ней сделать, денег у него не было. Ежедневный платеж приносил лишь временное облегчение. Спустя три дня Виктор уже подыскивал место, где с чистой совестью мог бы оставить спутницу.

Около полудня они проезжали через небольшой городок. Скорее всего, до Депопуляции это был населенный пункт средних размеров. Сразу за чертой города перед рестораном, выстроенным из пеноблоков, стояли два грузовика и три автомобиля. Один из них – «мерседес». Вдоль некогда величественной, а ныне убогой Транссибирской магистрали ресторанов почти не осталось, так что Виктор остановил байк и они зашли внутрь.

В заведении насчитывалось только шесть столиков, и все пустовали. Стены выкрасили черным и украсили светодиодными трубками, которые явно откопали в сундуках на чердаках домов, где давным-давно никто не жил. В дальней части помещения располагался бар. Над ним большими белыми буквами значилось: МЫ НЕ ЗНАЕМ ЖАЛОСТИ И НЕ ПРОСИМ СОЧУВСТВИЯ.

– Дерьмо, – бросил Виктор.

– Что такое? – поинтересовалась Светлана.

– Это девиз омоновцев – отряда милиции особого назначения. Давай-ка убираться отсюда к чертям собачьим.

Из кладовки, вытирая руки о полотенце, вышел мощный мужчина.

– Чем могу помочь?..

Он замер и задумчиво уставился на них – так смотрят, когда получают доступ к внешней базе данных. Затем его лицо расплылось в противной ухмылке.

– Осип! Колзак! Смотрите, кого к нам занесло!

Показались еще двое – один крупнее первого, а второй поменьше. Все трое выглядели так, будто искали повода для драки.

– Шлюха и малец с антиправительственными взглядами. Мелкие сошки. Что мы с ними сделаем?

– Отымеем обоих, – сказал большой мужчина.

– Одной будет вполне достаточно, – сладким голосом пропела Светлана, достала из визитницы прейскурант и бросила им.

На миг воцарилась тишина. Затем один мужчина сказал:

– Грязная сучка!

– Можете называть меня как угодно – за имя я денег не беру.

– Не стоило вам приезжать сюда, это самое глупое, что вы могли сделать, – вступил в разговор невысокий мужчина.

– Хватай ее, Павел.

Мужчина среднего роста шагнул к Светлане.

В груди Виктора все сжалось от страха, но он вытащил пистолет и перекрыл Павлу дорогу. Вот он, момент истины. Его битва за Аламо[95].

– Мы уходим, – сказал он, стараясь звучать уверенно. – Если вам дорога шкура, вы не станете нам препятствовать.

Троих детин, похоже, сложившаяся ситуация забавляла. Виктору стало не по себе. Павел сделал шаг вперед, и пистолет уткнулся ему в грудь.

– Думаешь, тебя это защитит? Давай, попробуй. Выстрели в меня. Сейчас!

– Думаешь, не смогу?!

– Остановить человека можно, только если ты готов его убить.

Мужчина обхватил ствол обеими руками. Затем он яростно вдавил палец Виктора в курок.

Ничего не произошло.

Павел забрал пушку у Виктора.

– Неужто ты решил, будто технологии правительства хуже твоих? Во все гражданские пистолеты в стране еще на заводе встраивают блютуз.

Затем он бросил через плечо:

– Осип, как быть со шлюхой, а?

Светлана вздрогнула, словно ее обуял страх. Все же она

соблазнительно улыбнулась.

– Я не работаю бесплатно. Но для вас, мальчики, могу сделать исключение, – промурлыкала она.

– Отведи ее в гравийный карьер, – распорядился невысокий мужчина, – и пристрели.

Павел схватил Светлану за запястье.

– А что с панком?

– Дай-ка подумаю.

Светлана не издала ни звука, пока ее тащили на улицу.

Большой мужчина усадил Виктора на стул.

– Не рыпайся, – приказал он. – Попытаешься учинить что-то… Хотя вряд ли ты станешь дергаться.

После мужчина достал армейский нож и принялся развлекаться. Он отдирал значки с куртки Виктора, читал вслух надписи на них и затем бросал через плечо.

– «Гражданин без пистолета – раб», – продекламировал он. – «Легализуем свободу: голосуйте за либертарианцев». «Анархисты, объединяйтесь!» – в этом даже смысла нет!

– Это шутка.

– Тогда почему мне не смешно?

– Не знаю.

– Не очень-то хорошая шутка выходит.

– Похоже, так.

– Слабое звено ваших политических принципов, – раздался из ниоткуда голос Осипа, – в том, что вы полагаете, будто стоит всем гарантировать абсолютную свободу – и люди начнут думать только о собственных интересах. Вы забываете: есть патриоты – люди, готовые пожертвовать собой на благо Родины.

Понимая, что в этот момент ему терять уже нечего, Виктор сказал:

– Выполнять грязную работу по наказу правительства и получать за это деньги еще не делает вас патриотами.

– Думаешь, нам *платят* за нашу работу? Послушай-ка. Когда я ушел из ОМОНа, меня тошнило от городов, преступности и смога. Я отправился на поиски места, где мог бы охотиться и ловить рыбу когда захочу. Я обнаружил это заброшенное здание, отремонтировал тут все. Павел, проезжая мимо, остановился спросить, чем я занимаюсь. А поскольку он тоже служил в спецподразделении, я предложил ему стать моим партнером. Когда ресторан открылся, к нам как-то зашел Колзак – выяснив, что он тоже из наших, мы предложили ему работу. Видишь, мы здесь все братья и отвечаем только перед Богом и друг перед другом. Павел установил канал спутниковой связи – благодаря

ему у нас есть полицейские досье на всех, кто сюда заезжает. Мы очищаем землю от нежелательных элементов вроде твоей шлюшки, поскольку это дело праведное. Вот и все.

– А насчет тебя… – вмешался Колзак. – Не надейся, будто только она закончит свою никчемную жизнь в гравийном карьере.

– Пожалуйста! Должен же быть способ убедить вас, что в моей смерти нет никакой необходимости!

– Брось, конечно, есть необходимость. Скажи мне, какой прок от тебя живого? По мне, вся твоя ценность в том, что я могу снять с твоего трупа.

Виктор ничего не ответил.

– Видишь? – заговорил Осип. – Колзак кое-чему тебя научил. Если тебе нечего дать человеку взамен собственной шкуры, твоя жизнь гроша ломаного не стоит, не так ли?

Колзак извлек боевой нож и воткнул его в барную стойку, а затем отошел.

– Теперь ты гораздо ближе к нему, – подначил он. – Хочешь попытаться – вперед.

– Ты бы не стал так делать, будь у меня шанс.

– Да кто ты вообще такой, откуда тебе знать, что я стал или не стал бы делать. Заткнись, твою мать! Дерьмо, слабак, который боится драться, – вот ты кто!

Ответить ему сейчас было равносильно самоубийству. Отвести взгляд означало признаться в собственной трусости. Прошла минута. Большой мужчина стиснул зубы. Виктор напрягся. Ему все же придется драться! Едва ли это хорошо кончится.

– Слышишь? – вдруг сказал Осип.

– Ничего не слышу, – отвечал Колзак.

– Вот именно. Тишина. Что это Павел так долго возится?

– Пойду проверю.

Колзак повернулся к ножу спиной и вышел. Виктор готов был броситься на него, но Осип предупредительно поднял руку.

– Ты ничего не можешь сделать. – Он холодно улыбнулся. – Вот и все твое либертарианство. Да, ты совершенно свободен от правительства. Только ты забыл, что оно вдобавок защищает тебя от людей вроде нас. Разве я не прав?

Виктор откашлялся. Такое ощущение, будто в рот насыпали гравия.

– Нет, не прав.

Невысокий мужчина какое-то время бесстрастно смотрел на либертарианца. Затем он кивнул головой в сторону дверей.

– Ты ничто. Если сейчас сядешь на свой байк и уедешь отсюда, обещаю, никто за тобой не погонится.

Сердце Виктора бешено билось.

– Еще одна ваша игра? Как с ножом?

– Нет, я серьезно. Не стоишь ты того, чтобы об тебя руки марать.

– А Светлана…

– Она шлюха и получит по заслугам. А теперь решай. Уходишь или нет?

К своему ужасу Виктор вдруг понял, что уже вскочил со стула. Его всего трясло – безумно хотелось сбежать.

– Я…

Снаружи донесся сдавленный крик – слишком низкий и громкий для женщины. В тот же миг Осип оказался на ногах. Он выдернул армейский нож из барной стойки.

В комнату вошла Светлана – ее одежда блестела от крови. Девушка улыбалась как ненормальная.

– Двое готовы. Ты следующий.

Невысокий мужчина бросился на нее.

– Ты, потаскуха чертова…

Молниеносно Светлана отступила в сторону и выдернула из вытянутой руки Осипа нож. Кровь хлынула у него из шеи. Вот уже нож торчит между ребер. Девушка схватила Осипа за голову и резко повернула.

Раздался хруст, и Светлана выпустила тело мужчины.

А затем расплакалась.

Виктор неловко обнял Светлану. Девушка обеими руками схватила его за рубашку и зарылась в нее лицом.

Он похлопывал ее по спине и пытался успокоить.

Прошло какое-то время – наконец она затихла. Виктор дал Светлане свой платок – девушка промокнула глаза и высморкалась. Он знал, что еще рано спрашивать, но не удержался.

– Как, черт возьми, ты это сделала?

Спокойным, ровным голосом, словно она не плакала с детства, Светлана заявила:

– Я же говорила, мне ничего не нужно, кроме собственного тела. Прежде чем уехать из Екатеринбурга, я побывала в одной нелегальной мастерской, и там мое тело вооружили по военным стандартам. Правда, требуется подождать несколько минут, пока система включится. Вот и пришлось позволить этому ублюдку увести себя. Однако есть и плюсы: эти трое не успели вовремя врубить собственные модификации. Где твоя фляга? Мне нужно выпить.

Виктор вспомнил: девушка вздрогнула перед тем, как ее

увели на задний двор. Наверное, тогда – по крайней мере, он так предполагал, – Светлана активировала программу. Светлана откупорила флягу и в три глотка опустошила ее наполовину.

– Эй! – Виктор попытался выхватить флягу, но она отстранила его рукой, прикончила содержимое и лишь затем вернула емкость.

– Ы-ы-э-э, – рыгнула она. – Прости. Ты понятия не имеешь, сколько энергии на это уходит. Спиртное – лучший способ восполнить силы.

– Там же был крепкий алкоголь. Ты могла себе навредить.

– Только не в режиме заправки. Будь добр, поищи водички! Мне нужно умыться.

Виктор вышел и обошел ресторан по кругу. На заднем дворе он обнаружил ручную помпу и ведро. Набрав воды, дотащил его до входа.

Светлана как раз показалась из здания. В руке она держала три бумажника. Бросив их на капот потрепанной «Волга Сайбер», она сняла заляпанный кровью наряд и принялась поливать себя водой.

– Будь другом, принеси мне чистую одежду и кусок мыла.

Виктор оторвал взгляд от ее обнаженного тела и отправился выполнять просьбу. Он даже захватил свое полотенце.

Светлана вытерлась и оделась, а затем опустошила бумажники, вытащив все деньги и карты зажигания. Девушка поделила рубли на две равные кучи, одну запихнула себе в рюкзак и сказала:

– Вторая половина – твоя, если хочешь. – Она протянула ему карту зажигания. – Тут наши пути расходятся. Я беру «мерседес». Полагаю, машина и деньги как раз покроют расходы.

– Расходы?

– Говорила же: за все надо платить. Чуть не забыла… – Она отсчитала несколько купюр и засунула их Виктору в карман рубашки. – Я тебе должна за полдня пути. Здесь половина обычной цены за оральный секс, и еще немного сверху за спиртное.

– Светлана, я… Один из этих сказал, что отпустит меня. Я готов был воспользоваться его предложением. Я собирался бросить тебя здесь.

– И теперь тебя терзают муки совести? Я бы поступила на твоем месте точно так же.

Виктор от удивления даже рассмеялся:

– Все это время я ошибался: не я либертарианец, а ты.

Внезапно Светлана чмокнула его в щеку.

– Ты такой милый, – сказала она. – Надеюсь, ты найдешь, что

ищешь.

После она забралась в «мерседес» и укатила.

Виктор долго смотрел ей вслед. Затем он взглянул на пачку денег на капоте «Волги».

Светлана оказалась права. Либертарианство – всего лишь плод фантазии, а либертарианская Россия – и того пуще. Она была до смешного нереальной. На необъятных просторах этой противоречивой страны он один по-настоящему верил, что такое возможно.

Виктор оставил деньги. Очень глупый поступок, и он еще не раз пожалеет об этом в ближайшие дни. Но он не устоял. Может, он был плохим либертарианцем. Но он все-таки русский. Он понимал, как важны добрые дела.

Легкий порыв ветра сдул купюры с капота на безлюдную дорогу. Виктор оседлал своего железного коня и завел мотор, прокрутил в мозгу коллекцию кантри-музыки из вестернов. Но ничего не подходило. Тогда он включил Владимира Высоцкого «Кони привередливые». Песня как раз про него. Именно под такую музыку надо отправляться на просторы Сибири.

Виктор двинулся в путь. Он ощущал, как позади него вдоль по дороге, подобно осенним листьям, разлетаются деньги.

Он очень старался не оглядываться.

Леви Тидхар
Ночной поезд

Перед вами еще один рассказ Леви Тидхара, чье произведение «Спонтанное запутывание шнуров при встряске» («The Spontaneous Knotting of an Agitated String») тоже вошло в антологию. «Запутывание» было довольно спокойным, в отличие от этой истории – яркого, неистового и экстравагантного путешествия на ночном поезде, пассажиры которого зачастую вовсе не те, кем кажутся, и смерть может нанести внезапный удар на любой секунде пути…

Ее звали не Молли, и она не носила темных очков – ни зеркальных, ни простых.

Она наблюдала за платформой.

Вокзал Хуа Лампонг в сумерках: теплый ветерок обдувает открытые платформы, рядом с которыми гигантские животные выдыхают дым и пар во влажный воздух под вокзальной крышей, выгнутой аркой высоко над головой.

Ее звали не Нои, на случай, если вы захотите узнать, хотя это довольно распространенное имя. И не Порн, и не Пинг. И даже не Пятница.

Она наблюдала за платформой, рассматривая пассажиров, садившихся в поезд, носильщиков, таскавших багаж, полицейских в форме, неспешно патрулировавших вокзал. Она была здесь по приказу Старика, чтобы наблюдать за обстановкой.

Она даже не была девушкой. Не совсем. А что до того, почему Старика звали Стариком…

Он был также известен под именем Босс Гуй – глава и «большая господина» Куньминских Жаб. Она получила свою нынешнюю работу, когда перебила телохранителей Гуя из числа Жаб, – так уж водится.

Но это было там, в Куньмине. А здесь Бангкок, Бангкок в сумерках, Хуа Лампонг, огромнейший вокзал, где гигантские слизни выдыхают пар, пока их начищают и натирают парни-слизничие, в обязанности которых входит кормить животных перед отправлением. И Старик – тоже не совсем старик…

Сканирование места в ожидании, пока появится Старик: туристы-янки с имплантированными фотокамерами сверкают вспышками, позируя на фоне гигантских животных, этих нео-нагов[96] с реконструированной ДНК, примитивной нервной системой и фантастическим аппетитом. Сканирование: группа

марсианских китайцев из города Тон-Юня осторожно переставляет ноги – нет привычки к силе притяжения этой планеты. Сканирование: три малайских бизнесмена (усиленные скелеты, стандартизированные корпорацией Пояса Земли) – двигаются изящно, как танцоры, насквозь пронизаны проводами, подключены двадцать четыре земных часа в земные сутки, семь земных дней в неделю к двигателям в виде денежных потоков, к громадной пульсирующей паутине коммерции и информации, к этой поющей машине фона Неймана, набросившей свою сеть из сетей на всю Солнечную систему…

Снабженные и скрытым оружием тоже – она сделала мысленную заметку.

Наемный убийца может выглядеть как угодно. Он может быть милейшей старушкой, несущей на плечах две идеально уравновешенные плетеные корзины из бамбука, наполненные вкуснейшими вьетнамскими жареными бананами, которые вызывают привыкание. Расфуфыренной корейской поп-звездой со свитой, которая как будто бы случайно устроила выволочку персоналу прямо перед назойливыми камерами. Парочкой французов с рюкзаками: он – с редеющими и седеющими длинными волосами и сигаретой скомпрессированных данных в зубах, она – с новым лицом в качестве комплимента от одного из кабинетов косметический хирургии, разбросанных по всей длине сои Ковбой[97], – личико-то кукольное, а вот руки никогда не лгут, и руки выдают ее настоящий возраст выгравированными на них морщинами, сухой кожей, кое-как обрезанными ногтями с дешевым лаком…

Наемным убийцей может быть кто угодно. Парнишка-янки, богатый наследник, который совершает ретро-круиз по Азии, почитывая «Эйр Америка» или «Нейроманта»[98] в мягкой обложке – точную копию 1984 года, отпечатанную на заказ. Вежливый полицейский, который помогает симпатичной юной лаоске с багажом. Сама девушка, дочка крестьянина из Исана, отправленная в Бангкок по вековой традиции: тело снабжено встроенными вагинальными вибраторами, идеальный аудио- и видеосигнал, постоянная запись, старательно оберегаемое платьице из магазина Луиса Ву и столь же старательно выношенный план выхода на пенсию – заработать достаточно денег, вернуться домой в Исаи к «мой большой мама», открыть бар (отель, книжный магазинчик) и проводить свои дни в Меконге, предаваясь лирическим воспоминаниям о добрых старых днях, слушая тайскую или корейскую попсу и квасса-квасса нуэво, взращивая в себе ностальгию с затуманенным

взором…

Кто угодно может быть. Она ждала, пока появится Старик. Поезда с вокзала Хуа Лампонг никогда не уходят по расписанию.

Ее имя до или после не имеет значения. Когда-то ее называли Мулан Руж – глупое имя, однако «чужестранцам» нравилось. Мулан Руж – когда она еще работала на сои Ковбой, на сцене, на коленях или по-собачьи, но очень редко – на спине, зарабатывая денежки на операцию, которая должна была спасти ее из этого мужского тела и сделать ее тем, кем она действительно была, то есть катоем[99].

В Таиланде их называют «третьим полом». Но она сама всегда считала себя просто женщиной.

Она проверила периметр. Впереди перед ней был слизень, как и всегда вызывавший у нее восхищение. Он был соединен с головой поезда – существо в пятьдесят метров длиной и в тридцать – шириной. Он поблескивал боками и испускал газы, пока парни-слизничие, ласково приговаривая, натирали его плоть – их было человек тридцать-сорок, облепивших его массивную тушу, словно рой мух. Она проверила возницу: женщина была низенькой и смуглой – наверное, из горной части Лаоса. Возница восседала в своей упряжи, вознесенная высоко над слизнем, голову полностью закрывал шлем – единственная деталь ее гардероба. Из ее плоти тянулись трубки, соединенные с плотью слизня. Они были единым целым, ее разум заставлял животное двигаться, отдаваясь безмятежному бегу: ночной рейс из Бангкока в Нонгкхай, и она, ночная возница. Она и есть поезд.

Ходили истории о разумах, соединенных подобным образом на Небесах. На Небесах, над атмосферой, где мир начался по-настоящему. Где многочисленные корабли Исхода медленно отваливали из Солнечной системы в неведомые дали в поисках лучшего будущего. Говорили, что некоторые корабли работали на силе разума, на интерфейсе человека и Иного, унося в своих утробах спящих. Рассказывали о кораблях, которые сходили с ума, о спящих, которым было не суждено проснуться, о молчаливых кораблях, которые вечно неторопливо дрейфуют в галактике… или еще хуже – о кораблях, где спящие были разбужены, где разум корабля превратился в темное божество, требовавшее поклонения… Мулан Руж не знала, о ком идет речь или откуда об этом известно. Это просто истории, а истории циркулируют сами по себе. Выбор Дарвина когда-то рассказывал ей истории…

Она встретила его (ее) в теле катоя постарше в одном клубе

на сои Ковбой. Выбор Дарвина – не самое изысканное имя (со смехом сказал он сам), но ему оно нравилось. Он посмотрел, как она танцует, а потом жестом предложил присоединиться к нему.

Она мысленно называла его «он», хотя у Иных пола нет и большинство из них не берет тела напрокат. Он эволюционировал в Благодатных Землях, пост-коэн[100], через миллионы поколений после первого эволюционного цикла в Иерусалиме, и она мысленно называла его «он» только потому, что тела, которые он стремительно менял, всегда имели пенис. Он часто сжимал пенис в руке, изумляясь ему. Он всегда выбирал тела до операции, с женской грудью, но без женских гениталий. Он всегда одевался, как женщина. Операция была дорогая, и многие катои отрабатывали ее стоимость на сцене. Сдавая же тело напрокат, легче платить по счетам, ведь дело не ограничивалось одним лишь отрезанием всех причиндалов и изменением пола – требовалось еще подточить скулы, уменьшить кадык, скруглить ягодицы, а если у тебя есть настоящие деньги, то можно получить даже новые руки. Кисти рук всегда выдают, и все это необходимо, если хочешь сойти за женщину.

Чего многие катои не хотели. Выбор Дарвина всегда подбирал катоев постарше, которые не удаляли гениталии. «Я не мужчина и не женщина, – сказал он ей как-то. – Я – даже не я, если на то пошло. Не более чем человек – сеть из миллиона нейронов, спаянных вместе, – является истинным *я*. Выбирая катоя, я во многих отношениях ощущаю себя ближе к человечеству. Я ощущаю себя разделенным и в то же время цельным».

Как и большинство его рассуждений, это не имело для нее особого смысла. Он был одним из тех немногих Иных, которые пытались понять человеческую природу. Большинство Иных существовало внутри своих сетей, используя примитивных роботов, когда у них возникала необходимость в контакте с физическим миром. А вот Выбор Дарвина любил менять тела.

Благодаря ему она заработала достаточно, чтобы оплатить полный набор физиологических изменений.

И даже сверх того.

Рядом с ним она обнаружила в себе вкус к контролируемой жестокости.

Босс Гуй наконец появился, плавно лавируя по платформе – толстяк Гуй, Старик, «большая старая господина», говоря на астероидном пиджине. Его окружали его Жабы: гибриды людей и жаб со встроенными в них генераторами энергии ци – они умели по желанию раздуваться, прыгать высоко и далеко, убивать, с

шипением выбрасывая ядовитый раздвоенный язык, и людской поток откатывался от них, как капли воды от раскаленной сковородки. Очень быстро.

Босс Гуй подошел и остановился перед ней.

– Ну как? – спросил он.

Он выглядел старым. Морщины покрывали его ручей и лицо, словно шрамы. Он выглядел усталым и раздраженным, что было понятно, учитывая обстоятельства.

Она уже советовала ему отложить поездку. Старик отказался слушать. Так что делать нечего.

Она сказала:

– Не могу отыскать очевидное…

Он самодовольно улыбнулся.

– …но это не значит, что его нет.

– Я – Босс Гуй! – сообщил он. Произнося эти слова, он раздулся по-жабьи. – Кто посмеет покуситься на мою жизнь?

– Я посмела, – сказала она, и он усмехнулся и сдулся, пусть и немного.

– Но ты так и не довела дело до конца, птичка моя.

Эти двое тогда пришли к соглашению. Она его не убила – чертовски трудно было возвращать клиенту гонорар, а он, в свою очередь, дал ей работу. К работе прилагался соцпакет: пенсионная программа, полная медицинская страховка, жилье и начисление зарплаты с премиями, причем с учетом инфляции. Была даже система поощрений.

Она никогда не сожалела о своем решении – до текущего момента.

– Все равно это слишком опасно, – сказала она теперь. – Тебе же вот-вот…

– Цыц! – Он посмотрел на нее слезящимися глазами. – Я – Босс Гуй, босс Куньминских Жаб!

– Мы далеко от Куньмина.

Он сощурился.

– Мне семьдесят девять лет, и я до сих пор жив. А тебе сколько лет?

– Ты же знаешь, – сказала она, и он засмеялся.

– Не хочешь говорить о возрасте, – заметил он. – Как это по-женски!

Он отхаркнул слизь и сплюнул на землю. Слюна зашипела, прожигая в бетоне маленькую круглую дырочку.

Она пожала плечами.

– Купе готово, – сказала она и добавила: – Сэр.

Он кивнул:

– Очень хорошо, – сказал он. – Передай вознице, что мы

готовы отправляться.

Вкус к контролируемой жестокости…

Выбор Дарвина использовал взятые напрокат человеческие тела в хвост и в гриву. Он силился понять человеческую природу. Ради этого он посещал соревнования по пинг-понгу и кикбоксингу, торговые центры Луиса Ву, парады уродов, бангкокскую оперу, магазины, храмы, соборы, мечети, синагоги, кварталы бедноты, многоэтажки и железнодорожные вокзалы.

«Жизнь, – сказал он однажды, – это вокзал».

Она не знала, что с этим делать. Но знала одно: чтобы постигнуть суть человека, он брался за все, что делают люди. Сброшенные им тела оставались с героиновой зависимостью, генитальными язвами, похмельем и сознательно подхваченными вирусами, которые должны были самоликвидироваться, однако делали это не всегда. Время от времени, то ли в качестве извинения, то ли по каким-то своим собственным непостижимым причинам, он отправлялся к пластическим хирургам на сои Ковбой и возвращался полным трансгендером, вероятно, даже не задумываясь о том, что хозяин заимствованного тела предпочел бы оставить его неоперированным. Иногда он изменял чужие тела самым причудливым образом – однажды он целый месяц был помешан на разных отростках и явился из клиники колыхающейся массой многочисленных осьминожьих конечностей.

Но именно его жажда риска – даже если сам он ничего этого не переживал, даже если его истинная личность независимо существовала где-то на периферии, в каком-то укромном местечке на Земле или на ее орбите – пробудила жажду риска в ней.

В первый раз, когда она убила человека…

Они отправились на поиски опиума и нарвались на засаду. Главарь банды заорал: «Убить этого, в чужом теле, а катоя брать живьем! Мы ее продадим».

Она действовала интуитивно. Она не сознавала, что делает, пока все не кончилось. Ее нож…

Лезвие, сверкнувшее в неоновом свете.

Крик, короткий удар… бульканье.

Кровь испортила ее вторую лучшую блузку.

Треск чего-то ломающегося – боль накатила позже. Ее ударили в нос.

Выбор Дарвина наблюдал.

Она убила второго бандита голыми руками, вдавливая большие пальцы в его дыхательное горло до тех пор, пока он не

перестал брыкаться.

Она уложила его на землю едва ли не с нежностью.

Боль, такая сильная, что требовала крика, только легкие не действовали.

Они выстрелили в нее из тазера[101], но она почему-то не отключилась.

Она упала, но вперед, на человека с электрошокером, разделив с ним поток электричества, и обнимала его, пока вокруг не осталась только темнота.

– Ты пережила клиническую смерть, – сказал он ей позже. Судя по голосу, он был впечатлен. – На что это похоже?

– Ни на что, – ответила она. – Там ничего не было.

– Ты просто отключилась?

Ей пришлось рассмеяться.

– Можно и так сказать.

В тот вечер, когда ее выпустили из больницы, они занимались любовью. Она облизывала его соски, медленно, и чувствовала, как плоть твердеет под ее рукой. Она гладила его, зарываясь лицом в пышные груди. Он протянул руку, тронул ее, и это было как удар электрическим током. Она все время думала о тех покойниках…

Когда она кончила, он сказал:

– Ты сделаешь так еще… – И это был не вопрос.

Она настраивалась на информационные узлы окружающих, принимая входящие и исходящие сетевые потоки, – малайские бизнесмены были здорово закодированы, они перекрыли целый диапазон частот, через который было невозможно пробиться – почти невозможно.

Парень со старомодной книжкой в мягкой обложке слушал в случайном порядке такую же старомодную подборку композиций – она уловила, как «Дорз» исполняют «The End», потом пошли рэперы «Тайтаниум» с «Тот Yum Samurai», но и они благополучно сменились композицией «Great Rebirth» группы «Дранкен Тайгэ». Девушка из Исана была подключена к сети, жужжащий аккумулятор подавал в ее мозг слабый ток. На время пути она отключится… Звезда корейской попсы игралась в «Гильдии Ашкелона». Как и ее свита. Туристы-французы чем-то обдолбались. Все остальные болтали, потягивались, читали, пускали газы, убирали багаж или заказывали напитки – жизнь в ночном поезде до Нонгкхая всегда текла одинаково.

Поезд ожил, слизень отрыгнул пар, весь состав дрогнул, начиная движение по гладким путям, и парни-слизничие посыпались с него, словно блохи.

Настройка, сканирование: кто-то в двух вагонах отсюда ловит веб-канал с реальным порно, обнаженные тела сплетаются в подобие гобелена, какой-то пляж – невозможно определить, остров Самуй или место за пределами Земли.

Босс Туй:

– Есть хочу!

Мулан Руж:

– Еда скоро будет… – В вагоне-ресторане все уже готовится, вок дымится, рисоварка исходит паром, ящики с пивом стоят в ожидании.

– Хочу кимчи!

– Я уточню, есть ли у них… – Хотя она знает, что нет.

– Не стоит, – тягуче, медленно прогудел один из Жаб. – Я взял для босса.

Словарный запас невелик – Жаб выводят не ради их мозгов. Хотя ей стоило бы поинтересоваться…

– Положил в холодильник.

Она наблюдала, как Жаба открывает то, что австралийцы именуют «эскимосиком». Там оказались сосуд с кимчи и… прочие припасы.

Например, банка с живыми мухами для Жаб. Например, что-то похожее на плодный мешок, обложенный сухим льдом…

Прочие вещи.

Она предоставила все это им, а сама вернулась к наблюдению и ожиданию.

«Ты сделаешь так еще», – сказал тогда Выбор Дарвина. И он (она, оно) был прав. Ей понравилось – с яростью приходило ощущение всемогущей силы, и если ее контролировать, то ее можно использовать. Сила зависела от того, как ты ее используешь.

Она считала прошедшие года числом хирургических усовершенствований и мертвых тел. Три во Вьентьяне – она отправилась туда вместе с Выбором Дарвина, чтобы купить припрятанный кем-то образчик примитивного искусства виртуальной реальности, созданный коммунистами, – сделка не удалась, и ей пришлось казнить двух мужчин и женщину, пока те не сбежали. После этого она вставила себе змеиные глаза. Один мужчина и один катой в Чиангмае – ВД покупал подлинный виртуальный артефакт «Гильдий Ашкелона», который оказался подделкой. Тогда она поставила себе усиленный скелет…

С каждым новым убийством – новые части тела. И с каждой частью – все больше силы, не превосходившей, однако, его силу.

Выбор Дарвина все реже и реже появлялся во плоти. Ей

пришлось метаться в поисках работы, наниматься телохранителем, киллером – но иногда, только иногда. Наконец ВД перестал появляться вовсе. Он однажды попытался объяснить ей…

– Мы зациклены на своем «я», но, в отличие от людей, мы сами сознаем свою зацикленность. Не «сознаем» в смысле – понимаем сознанием, или тем, что называют сознанием люди. «Сознаем» в смысле, что мы – мы можем – знаем каждую петлю цикла, каждую схему и схему за ней. Цифровую, а не неврологическую. И поскольку мы сознаем это, мы меняем, трансформируем код, поглощаем код, разделяем…

– Это так вы занимаетесь любовью?

– Любовь – физическая вещь, – сказал он. – Она возникает из-за гормонов.

– Ты ощущаешь любовь только тогда, когда заимствуешь чье-то тело?

Он лишь пожал плечами.

– А как же вы… – Она поискала подходящее слово и остановилась на следующем: – …спариваетесь?

– Представь себе двух или более Иных. Бесконечные цепочки кодов встречаются в цифровом пространстве, разные «если», «и», «или» ветвятся, превращаясь в вероятности, проходя циклами через бесконечные разветвления логических построений на скорости, близкой к скорости света…

– Значит, вы такие?

– Нет. Тсс…

…встречаясь, поглощаясь, смешиваясь, мутируя…

– И умирая, потому что быть Иным – значит умирать, снова и снова, эволюционируя с каждым циклом, отбраковывая, выбирая и развиваясь, достигая новых, неожиданных форм…

…не столько спариваясь, сколько соединяясь и разъединяясь, и снова соединяясь…

– Примерно таким способом, каким человек за семь с лишним лет может заменить в своем теле все атомы до единого, но при этом все равно остаться иллюзией личности, остаться зацикленным на своем «я»…

… но для Иных это означает стать чем-то новым.

– Родить свое «я», по сути.

Тело, которым он пользовался тогда, было под кайфом, когда он все это рассказывал. Когда он исчез, она нанялась на работу. Работать ей нравилось, но быть фрилансером нелегко. И когда подвернулся контракт на Босса Гуя, она взяла его – и продвинулась по карьерной лестнице, оказавшись в корпорации.

– Мы никогда не бываем в одиночестве, – говорил ей БД

перед самым своим исчезновением. – Всегда есть… мы. Очень много нас.

– А все вы можете соединиться? – спросила она. – Соединиться в одно?

– Когда кода слишком много, ты замедляешься, – пояснил он. – У нас есть… ограничения. Хотя мы делимся с другими, делимся так, как люди не могут.

– Мы умеем делиться с другими так, как не можете вы, – возразила она.

Ее палец, пока она говорила, скользнул в его анальное отверстие. БД принялся извиваться под ней, затем негромко застонал. Груди у него были в веснушках, пенис выгнулся полумесяцем.

– Верно, – согласился он шепотом и привлек ее к себе с тем жаром, каким к тому времени они делились друг с другом уже нечасто.

Тот раз был последним…

Ей было интересно, у какого же вида процесс деления лучше, но она подозревала, что ответа никогда не узнает.

Иные утверждали, что секс сильно переоценивают…

Мальчик-янки больше не слушал «Дорз» – она вообще не чувствовала его информационного узла. Она захлопала глазами, ощущая, как нарастает паника. Как он проскочил мимо нее? Поискала его – винтажная научная фантастика в мягкой обложке лежала на полке.

Вот дерьмо!

Она заглянула обратно в купе. Босс Гуй свирепо уставился на нее, а потом схватился за раздутое брюхо и застонал. Две Жабы подскочили – перестарались и ударились об потолок.

Два раза дерьмо.

Она спросила:

– Что не так? – Хотя и сама знала.

Он произнес:

– Начинается.

Она помотала головой – нет!

– Не может быть. Слишком рано.

– Уже пора.

– Дерьмо! – Уже третий раз, что совершенно непродуктивно, и она это знает.

Лицо Босса Гуя исказилось от боли.

– Началось!

И внезапно она поймала сигнал того американца.

– д…

Они ехали в Нонгкхай, а оттуда – в Лаос. Босс Гуй хотел расширить бизнес, и бизнес вовсю разрастался в местечке под названием Ванг-Вьенг – аляповатом мини-Макао у подножия гор, в четырех часах езды от Вьентьяна – местечке, где старательно поддерживалось беззаконие, где были дешевый опиум и еще более дешевая «синтетика», ковбои из компьютерных игр и хакеры, героиновые сети и рынок живого товара, и еще правительственные налоги, от которых Босс Гуй хотел получать долю.

Хорошую долю.

В Ванг-Вьенге заправляли местные семьи, но ведь он – Старик, «старая большая господина, старая господина-жаба из Куньмина», к тому же китайцы все равно купили большую часть Лаоса еще на заре приватизации. Он заключит сделки с одними, закончит дела с другими и все-таки отрежет себе часть ванг-вьенгского пирога – таков был план.

Она отговаривала его от этой затеи. Она говорила, что еще рано отправляться в путь. Она упрашивала его подождать.

Он не стал.

Она вроде бы догадывалась почему…

Она перехватила сигнал юнца рядом с сигналом возницы.

Что было вовсе не хорошо.

Сначала возница: невразумительная путаница эмоций, поступающих вперемешку – возбуждение, успокоение, целеустремленность, сомнение – возница и слизень – одно целое, их разумы пульсируют в унисон, голод и сексуальное возбуждение заставляют двигаться быстрее. Обрывки из Бетховена – по неведомой причине его музыка успокаивает слизней. Возница не знает о лишнем пассажире – пока не знает.

А парнишка оказался вовсе не парнишкой…

Его информационный узел был заблокирован от нее – черная непроницаемая стена, ничего не отражающая пустота. Он был один внутри своей головы, что, должно быть, нагоняет жуть.

Ей придется перебраться в начало поезда. Придется забраться на слизня. А Босс Гуй бился в конвульсиях.

– Почему ты стоишь без дела, девчонка?

Она постаралась придать голосу уверенность.

– Я нашла наемника. Он задумал убить слизня, уничтожить весь поезд и тебя заодно с ним.

Босс Гуй воспринял новость спокойно.

– Умно, – заметил он и скривился. Его обнаженное брюхо блестело, под кожей двигалось что-то темное. Жабы смотрели беспомощно, стоя рядом. Она усмехнулась им.

– Я сразу же вернусь, – сказала она.

И ушла, слыша за спиной яростное завывание Босса Гуя.

Пробежала через весь поезд: через вагон-ресторан, мимо уборных, уже начинающих пованивать, мимо заграничных туристов, лаосских и тайских семей, возвращающихся из столицы в Удон, мимо младенцев, рюкзаков и озадачен ных проводников в слишком узких брюках, выставлявших их зады в самом выгодном свете. Теплый ветер врывался в открытые окна, и она заблокировала общественные информационные узлы, передававшие новости из Таиланда и Пояса Пиджина. Поезд заканчивался тупиком – гладкой стеной без окон. Она принялась пинать стену – раз, другой, третий: усиленные хирургическим путем мышцы расходовали слишком много энергии, однако стена начала поддаваться, и сквозь нее просачивалось закатное солнце.

Как же пробрался тот парень? Должно быть, у него руки с присосками геккона – вылез из окна и прошел по стенке поезда до самого слизня…

Она мысленно потянулась в ту сторону, ощутила смятение возницы из-за того, что в двусторонний интерфейс «махаут[102]-слизень» червем вползло чье-то чужое присутствие. «Стой!»

Смятение слизня. Сигналы сменялись стремительно, слишком быстро – возбуждение, голод, скорость – добавить скорости!

Парень собирался вызвать крушение поезда. Возница: «*Кто это? Тебе нельзя…*»

Мулан Руж продолжала лягать стенку. Та поддалась, за ней оказалась широкая спина слизня; возница, скрестив ноги, сидела на животном, а террорист стоял позади нее, положив руку на плечо женщины, – из руки прорастали корни, пронзавшие и возницу, и животное.

«*Запущен интерфейс враждебного махаута*».

Возница сопротивлялась интервенту и заметно проигрывала. Никто до сих пор не захватывал поезда-слизни.

На личной волне Мулан Руж раздался вопль Босса Гуя:

– Возвращайся!

– Проклятье! Заведи себе повитуху!

Но она ощутила его боль и страх. «Сколько же раз он проходил через все это за последнее время?» – подумала она. Она никогда не видела родов. С другой стороны, все бы обошлось, если бы он не…

Террорист сохранил вознице жизнь. У него не было выбора, ведь все должно выглядеть несчастным случаем, тело возницы найдут на месте крушения, нетронутое – сам он явно планирует

спрыгнуть раньше.

Сможет ли?

Она прокралась ему за спину – ни террорист, ни возница не обратили на нее внимания. Да и что она может сделать? Если убить террориста, интерфейс будет разорван, а он уже проник слишком глубоко.

Если только…

Далекий крик от Босса Гуя:

– Поторопись!

Иногда она думала, как все сложилось бы, останься Выбор Дарвина здесь. В современных условиях катой вполне может родить… Смог бы Иной воспитать ребенка? Захотел бы?

Или он взял бы напрокат чье-нибудь тело… Она могла бы сохранить ради такого дела мужские гениталии. Если бы он попросил.

Только он не просил.

У террориста, наверное, имеется катапульта. Вот бы заставить его спрыгнуть…

Порывы ветра били в лицо – слишком быстро. Было трудно сохранять равновесие на мягкой, похожей на губку спине слизня. Он набирал скорость – слишком быстро.

Она теперь стояла за спиной у террориста. Протянула руку, положила ладонь ему на затылок. «Черный ящик»…

Она вогнала в него информационный штырь, а свободной рукой…

Темнота. Запах гниющих листьев. Запах движущихся тел, пота, голода, нестерпимого голода.

– Кто ты, черт возьми, такая? И как ты сюда пролезла?

Паника – это хорошо. Отправить ему мысленные образы: она стоит у него за спиной, инфоштырь у него в голове, а вот она делает кое-что еще.

– Ты не сможешь…

Она воткнула второй информационный штырь ему под одежду, в мышцы сфинктера, прямо во внутренности, и от него отсоединился совершенно нелегальный зонд с геном-репликатором.

Она почувствовала, как слизень чуть замедлил бег, совсем немного. Террорист пытался осмыслить увиденное.

Она заметила:

– Я очень вежлива с тобой.

Так оно и было.

Он мог выбирать.

Зонд внутри его тела уже работал. Он был подобен

художнику, занятому изображением граффити. Он создавал сообщение, повторявшееся на каждой клетке, на каждом кровеносном сосуде, мышце и сухожилии. Стереть такое сообщение невозможно – для этого надо попасть в хорошую клинику, но к тому времени будет уже поздно.

Сообщение гласило: «Я убил поезд-слизень до Нонгкхая».

Ген просто маркировал его. Сам террорист остался цел и невредим. Она не могла рисковать, убивая его, уничтожая интерфейс. А теперь, соскочит парень с поезда или нет, он – покойник.

– Считаю до пяти.

Он сдался на трех.

Свет ослепил ее. Ветер бил в лицо – возница сидела, неподвижная, как и раньше, но поезд немного замедлил свой бег. Террорист ушел – она лично проводила его до дыры в стене.

Он лежал на своей полке, по-прежнему читая книжку. Музыку больше не слушал. Они встретились взглядом. Она усмехнулась. Он отвел глаза. Она предоставила ему выбор и свое обещание исполнит, но если Жабы вдруг узнают, она бы не стала ставить на него…

Что ж, до следующей остановки еще час. Она накинет ему еще полчаса форы – и начнется забег.

Она вернулась к боссу.

– Выходит! – проговорил Босс Гуй.

Она опустилась рядом с ним на колени. Его брюшная сумка двигалась, перекручивалась – существо внутри пыталось выбраться наружу. Она помогла: осторожно распорола мембрану ногтем. Запах кислятины – она сунула руку туда, где было липко, склизко, тепло, нащупала две маленькие ручки, брюшко, потянула.

– Ты разобралась с нашей проблемой?

– Продолжай дышать.

– Разобралась?

– Конечно разобралась. А теперь тужься!

Босс Гуй тужился, тяжело дыша.

– Я уже слишком стар для этого… – пробормотал он.

Потом он напрягся в последний раз, и маленькое тельце отсоединилось от него и упало ей в руки. Она взяла его, внимательно оглядела крошечное туловище, лысую голову, маленький пенис, ручки с пятью пальцами – миниатюрная копия Босса Гуя, еще не жирная, но такая же сморщенная.

Ребенок был соединен пуповиной с родителем. Еще одним взмахом ногтя она чисто перерезала ее.

Младенец закричал. Она покачала его, приговаривая:

– Тише, тише.

– Пить, – слабо проговорил Босс Гуй.

Один из Жаб шагнул вперед. Босс Гуй прильнул губами к плоти жабы-человека и принялся сосать – вампирский пир. В нем были гены Жаб, как и в младенце, который рыгнул и внезапно раздулся у нее на руках, словно шарик, а потом сдулся снова.

– Настоящий Гуй! – сказал Старик.

Она смотрела на крошечное создание.

– Который уже по счету? – спросила она.

Босс пожал плечами, отпихнул от себя Жабу, застегивая рубашку.

– Пятый? Или шестой? Их не так много.

– Ты оставишь его во Ванг-Вьенге?

– Само собой, как знак моей доброй воли – и знак моей власти над местом. Да. Наследник полезен только тогда, когда его используешь.

Она подумала о Выборе Дарвина. «Эволюция – это все, – обычно повторял он. – Мы эволюционируем постоянно, с каждым новым циклом. Тогда как вы…»

Она внимательно вглядывалась в младенца-клона. Тот счастливо рыгнул и закрыл маленькие глазки. Способ Гуя был довольно популярен в среде самых влиятельных семейств… Но рано или поздно кто-нибудь обязательно оспорит право наследования, и тогда будет неважно, сколько Гуев существует всего.

Внезапно она затосковала по ВД, невыносимо.

Она укачивала засыпающего младенца, крепко прижимая его к груди. Откуда-то издалека доходили мысли поезда – уют и тепло, еда и безопасность – и медленное ритмическое движение умиротворяло. Чуть позже, когда новорожденный уже спал, она передала его Старику, не перемолвившись с ним ни словом, и отправилась в вагон-ресторан выпить чашку чаю.

Бренда Купер
Сингулярность моего отца

Бренда Купер – не только писатель, но и специалист по технологиям, футурист и лектор. Она часто публикуется в журналах «Analog», «Asimov», «Clarkesworld», «Nature», «Strange Horizons», а также в многочисленных антологиях. Свой первый роман – «Башня шутовской луны» («Building Harlequin's Moon») – она написала в соавторстве с Ларри Нивеном. Затем выпустила романы «Серебряный корабль и море» («The Silver Ship and the Sea»), «Читая ветер» («Reading the Wind»), «Крылья создания» («Wings of Creation») и «Декабрь майя» («Mayan December»). Бренда Купер живет в Кирклэнде, штат Вашингтон.

Порой прогресс, как и шок будущего, в глазах смотрящего…

В первом моем воспоминании об отце мы сидим с ним на веранде, защищенной от палящего наши сады солнца. Отец, откинувшись на спинку своего любимого кресла-качалки, прихлебывает пиво из бутылки с полуобнаженной женщиной на этикетке и говорит: «Пол, ты увидишь удивительные вещи. Ты будешь жить вечно. – Он облизывает губы, подобно нашим собакам, когда они чувствуют опасность, и его дыхание убыстряется. – Ты будешь делать такие вещи, которые я даже вообразить не способен. – Он умолкает, и мы следим за гусиным клином в небе. Когда отец заговаривает вновь, в его голосе звучит тоска: – Тебе не придется умирать».

Следующие четыре или пять воспоминаний – это вариации той же беседы, перемежаемые жарой, трудовым потом и запахом пролетающих над нашей землей времен года.

После таких разговоров у меня никогда не оставалось чувства, что я понимаю отца. Несомненно, он полагал, что все это случится со мной, а не с ним, и испытывал по этому поводу смешанные чувства – радовался за меня и огорчался при мысли о себе. Но всегда был совершенно уверен.

Иногда он говорил, что я проснусь однажды утром, и весь мир вокруг меня окажется другим. Иными вечерами начинал так: «Может, это будет дверь, сияющая дверь, ты пройдешь в нее и станешь сверхчеловеком». Особенно часто отец говорил об этом перед нашими поездками в Сиэтл, куда мы отправлялись примерно дважды в год, когда открывался перевал и непогода не грозила нашему урожаю.

Папа почерпнул эту идею из книг, настолько древних, что

они состояли из скрепленных листов бумаги без движущихся картинок, и из разноцветного журнала, рассыпавшегося в руках при попытке открыть его. Ладони моего отца были широкими и жесткими, а мозоли стирали с бумаги слова.

У ног его всегда болтались два существа – подрастающий я и стареющая собака. Папа подбирал уже немолодых псов, или они подбирали его, целая цепочка собак – новая всегда появлялась в течение недели после смерти предыдущей. Отец и его собаки составляли закрытое общество взаимного обожания. Ко мне эти псы относились нормально, но без восторга. Им нравилось, когда я гладил их жесткую, или мягкую, или мокрую, свалявшуюся, если они побывали в саду под дождевальной установкой, шерсть, но его прикосновение доставляло им райское блаженство. Они замирали на месте, их взгляд смягчался и теплел.

Я сейчас не о сторожевых собаках. У нас всегда имелась пара пограничных колли, чтобы охранять овец, но эти принадлежали овцам, а овцы принадлежали им, а мы выполняли лишь роль защитников и кормильцев их маленькой экосистемы.

Собаки были его детьми, как и я, но отец никогда не говорил о том, что они увидят сингулярность. Я пойду вперед, а отец с собаками останутся позади – и они смирились с таким раскладом, не спрашивая моего согласия.

Когда отец говорил о том, что я стану тем, кто будет после людей, мне оставалось лишь растерянно кивать и бормотать что-то утвердительное в ответ.

Лишь однажды я набрался смелости и рассказал, что у меня на сердце. Мне было тогда около десяти. Я помню, как замерзли мои руки, сжимавшие стакан лимонада со льдом, и как от жары по шее тек пот. Когда отец сказал мне, что я буду другим, я возразил: «Нет, папа. Когда я вырасту, я хочу стать таким, как ты». В нем воплощалась вся доброта этого мира, с улыбкой он встречал меня по утрам, варил мне яйца с чуть текучими желтками и жарил тосты с плавящимся на них желтым маслом, и тосты никогда не подгорали.

Отец покачал головой, потрепал по холке свою собаку и выдал: «Нет, тебе повезет больше».

Он не хотел, чтобы я вырос похожим на него. Оттолкнуть сильней было просто невозможно, и я истекал кровью из невидимых ран.

На пятый год, когда сумасшедшие бури сломали яблони – на сей раз свирепым градом, ввергшим пограничных сторожевых колли в неистовство, – я понял, что если собираюсь когда-нибудь помогать папе, то должен уйти. Нет, не пересечь порог, отделяющий человечество от высшей ступени развития, чтобы

стать зерном будущей расы, а просто уехать учиться, подальше от сонного покоя фермы с овцами и яблоками сорта «джонаголд». Ферма вполне могла существовать без меня. Нам помогали с хозяйством две семьи иммигрантов, каждая из которых владела акром некогда принадлежавшей нам земли.

Я не мог и представить, что отец когда-нибудь потеряет ферму. Я отправлюсь в Сиэтл и поступлю в университет. А потом найду работу и стану посылать деньги домой, как делали мексиканцы, когда я был маленьким, – до того, как правительство решило наказать нас и отдать им часть нашей земли. Не то чтобы мы чувствовали себя наказанными. Нам нравились Рамиресы и Альварезы. И им было важно, чтобы я спас ферму.

Но история не об этом. Не считая того, что Мона Альварез подвезла меня до Ливенворта – железнодорожной станции, откуда отходил серебристый поезд «Амтрак». Волосы Моны цвета воронова крыла относил назад ветер, губы, накрашенные темной помадой, улыбались, а пальцы с покрытыми черным лаком ногтями сжимали предательское рулевое колесо нашего старого дизельного грузовика. Она была так красива, что я прямо в машине решил скучать по ней почти так же сильно, как по отцу, кривым яблоням, сторожевым собакам и овцам. А может, и больше.

Но Мона, видимо, не собиралась скучать. Она махнула мне один раз, высадив из грузовика, а потом и девушка, и старая машина исчезли, и я остался ждать поезда среди электромобилей, пожилых туристов со шляпами-камерами, инфобижутерией и бледными шрамами от имплантатов на мягкой коже между большим и указательным пальцами. Они выглядели так, словно видели одновременно все и ничего. Если бы эти люди явились к нам на ферму, их бы быстро сожрали койоты и возвращенные в природную среду обитания волки.

В конце поездки меня встретил Вашингтонский университет, теперь раскинувшийся по всему Сиэтлу посредством серий лекций, персональных консультаций и виртуальных занятий, распространявшихся по Сети из настоящих кирпичных зданий. Старая часть кампуса все еще оставалась на берегу Монт-лейк Кат – приземистые здания с видом на озеро и рябь, идущую по воде, словно от лапок водомерок. На самом деле это были вереницы гребцов на нановолоконных лодках, тонких, как бумага.

Наши редкие поездки в Сиэтл не подготовили меня к студенческой жизни. Первые несколько лет я как будто непрерывно бежал в гору – мои мозги просто не могли работать так быстро, как у остальных.

Каждый год я ездил домой. Мона вышла замуж за одного из

сыновей Рамиреса и за три года успела обзавестись двумя малышами. Ее красота изменилась, стала более приглушенной, спокойной – времени на то, чтобы красить губы и ногти, у нее теперь не оставалось. И все же она была куда симпатичней университетских девчонок-вешалок. Эти дылды постоянно жевали сжигающую калории жвачку и выполняли домашние задания во время пробежек по тропе Берка-Гилмана в парке Газуорк, бормоча ответы в виртуальные флэшки, отображенные на их сетчатке.

С такими девицами я не встречался – не понимал, как вклиниться в сплошной поток их жизни и пригласить на свидание. Поэтому моя личная жизнь ограничивалась встречами с банками данных, знакомством с новыми имплантатами и мозговыми штурмами, пока, на последнем курсе, я не сравнялся с остальными.

Закончив учебу, я занялся генетикой. За работу платили достаточно, чтобы снимать дизайнерский лофт в зеленом райончике над Лейк-Юнионом. Часто я забирался в сад на крыше и, сидя на скамье, глядел на меняющуюся с каждым сезоном башню Спейс-Нидл и скользящие по спокойной воде озера деревянные лодчонки. Но большую часть времени я посвящал своим экспериментам – мы тестировали новые медицинские имплантаты, развивающие у детей творческое начало и помогающие старикам, прикованным к постелям в университетском госпитале, вновь научиться говорить и запоминать.

Я посылал деньги домой. Муж Моны погиб осенью во время паводка. На лицо ее легла печаль, от которой у меня сжималось сердце. Я начал платить ей, чтобы она присматривала за отцом.

Он все еще любил сидеть на веранде и рассуждать о сингулярности, а я изо всех сил старался не показывать ему, насколько устарела эта идея. Я оставался собой, я всегда оставался собой. Несмотря на медленное течение жизни на ферме, именно здесь, дома, я чувствовал себя счастливей, чем где бы то ни было, хотя ни разу не задерживался тут дольше, чем на день или около того. Я не могу объяснить, почему лучшее в мире место так быстро отторгало меня.

Может, я считал, что слишком много счастья убьет или изменит меня. А может, уже не мог двигаться настолько медленно, чтобы дышать здешним яблочным воздухом. Какова бы ни была причина, город быстро затягивал меня обратно, окутывал пляшущими огнями реклам, блестящими возможностями и искусством.

В любом случае, папа больше во мне не нуждался. У него оставались мексиканцы, и по-прежнему была собака, с обожанием

глядевшая на него, снизу вверх. Макс, потом Совуш, потом Блу. Пальцы отца превратились в скрюченные когти, а с глаз два раза снимали катаракту, но он все еще собирал урожай, все еще таскал корзину на целый бушель яблок и все еще мог высмотреть спрятавшийся в листве плод.

Я говорил себе, что он счастлив.

А затем наступил тот год, когда я поднялся на порог, и в глазах отца отразился страх.

Я не изменился. Ну, то есть не особо. У меня появились новый имплантат, новое облако, новые сотрудники и столько денег, что сумма, которую я отсылал отцу на содержание целого сада, была равна цене одного похода на концерт и обеда в «Канли». Но я все еще оставался собой, и Блу – нынешняя его собака – приняла меня, и старший сын Моны назвал меня дядей Полом по дороге к овечьему выпасу.

Я сказал отцу, что он должен собраться и поехать со мной.

Он погрузил пальцы в шерсть, покрывавшую тупоносую голову Блу. «У меня был сын, но он уехал, – уверенно заявил отец. – Стал следующей ступенью. Я имею в виду ступенью человечества».

Он смотрел прямо мне в глаза, но не узнавал меня. От этого взгляда холод пробежал у меня по спине, и заледенели пальцы, несмотря на солнце и стекавший по шее пот.

Я поцеловал его в лоб. Потом нашел Мону и сказал ей, что вернусь через пару недель, а она должна пока собрать папу и подготовить к отъезду.

От упрека, читавшегося в ее прекрасных глазах, мне стало еще страшней.

– Он не хочет уезжать.

– Я могу помочь ему.

– А можешь сделать его таким же молодым, как ты?

Ее волосы поседели на концах, утратив великолепный цвет воронова крыла, горевший когда-то на солнце, как ее готская губная помада. Боже, почему я был таким эгоистом? Я ведь мог дать ей хотя бы часть того, чем владел сам.

Но такой она нравилась мне больше – со следами боли и возраста на лице. Мне нравилось, что она часть моего прошлого.

Я не понимал этого до той самой минуты, пока внезапно не возненавидел себя за морщинки вокруг ее глаз и за то, как поникли ее плечи, – хотя Моне было всего пятьдесят семь, как и мне.

– Я и тебе привезу. Я достану самые лучшие нанолекарства.

Черт, ведь я разработал некоторые из них, но Моне этого не понять.

– Я могу достать крем, который уберет морщинки с твоих рук.

– Почему бы тебе просто не уехать? – спросила она.

Но тогда у меня не останется ни одного места, где я мог бы быть счастлив.

– Потому что мне нужен отец. Мне нужно знать, как он.

– Я могу рассказывать тебе.

У меня появился ком в горле.

– Я вернусь через неделю, – сказал я и отвернулся, прежде чем она увидела внезапные слезы у меня на глазах.

В то время я передвигался по воздуху, поэтому с облегчением сосредоточился на приборной панели у себя в голове и летел, как по учебнику, пока не вернулся в воздушное пространство Сиэтла. Там федералы перехватили у меня управление, и не оставалось ничего, кроме как смотреть на леса внизу и зеленые поля для гольфа в Кле Элуме – и изо всех сил стараться не думать об отце или Моне Альварес и ее сыновьях.

Я переехал в кондоминиум на Алки Бич, откуда открывался вид до самой Канады. Целых два дня после моего возвращения неподалеку от берега резвились касатки – удлиненные символы инь-ян, выпрыгивающие и вновь падающие в воды Паджет-Саунд.

В ночь перед возвращением к отцу и Моне я наблюдал за променадом внизу. Люди выгуливали собак, катались на роликах и велосипедах, а несколько раковых больных под химиотерапией расхаживали в больших вращающихся пузырях, похожих на тот, в котором бегал когда-то мой хомячок. Даже нанолекарства и тщательно разработанные генетические препараты с оптимизированной клеточной доставкой не могли спасти каждого.

Я хотел бы сказать, что мне жаль людей в пузырях, и, возможно, где-то даже сочувствовал им. Но со мной никогда не происходило ничего плохого. Я не болел. Никогда не женился и не разводился. Иногда у меня случались приятные необременительные свидания и отличные сезонные абонементы в лекторий Сиэтла.

Я привез Мону вместе с отцом. Мы пытались забрать Блу, но собаку невозможно было затолкать в машину – она вырвалась и умчалась, вмиг исчезнув среди яблонь. Мона побледнела и сказала: «Нам надо подождать».

Я взглянул на спокойное лицо отца. Он никогда не плакал, когда его псы умирали или убегали. Вот и сейчас он слабо улыбался, словно гордился Блу, выбравшим ферму и загорелых мальчишек.

– Твои сыновья позаботятся о псе?

– Их дети обожают его.

И мы отправились в Сиэтл: я, Мона и мой отец.

Я занялся лекарствами для отца. Это не заняло много времени – оно бежало очень быстро в окружении гигантского облака данных, к которому у меня был допуск. Я расшифровал папины ДНК и РНК, определил структуру его белков и показатели крови и велел компьютеру взяться за работу, а сам накрыл для Моны и отца стол на самой просторной из веранд. Мона заметила, что от Паджет-Саунд тянет солью. Она наблюдала за маленькими быстрыми паромами, которые носились туда-сюда по воде, и не желала смотреть мне в глаза.

Папа просто смотрел на лагуну.

– Ему нужна собака, – сказала Мона.

– Я знаю.

Я сразу занялся этим и отправил бота на поиски. Он довольно быстро прислал ответ.

– Сейчас вернусь. Посидишь с ним?

Мона изумленно взглянула на меня.

Часом позже я забрал в аэропорту Сиэтла Нэнни – немолодого золотого ретривера, служебную собаку, для которой не нашлось работы, потому что все болезни, кроме острой аллергии на перемены, были излечимы.

Когда я появился с собакой, Мона посмотрела на меня почти с ужасом, но все же улыбнулась и сняла салфетки с оставленных мной тарелок.

Нэнни с папой мгновенно очаровали друг друга. Любовь к отцу вспыхнула в ней, как и во всех остальных его собаках, с той секунды, когда она учуяла его запах. Я не понимал этого, но если бы все пошло по-другому, то решил бы, что моего отца уже нет.

Лекарства, которые я синтезировал для него, не сработали. Так иногда случается. Не часто, но разум некоторых людей отторгает вносимые нами изменения. Если человек очень стар, это даже может его убить. Папа был слишком силен, чтобы умереть, но Мона однажды сказала мне кое-что. Это произошло, когда морщинки вокруг ее глаз уже сгладились, но еще не исчезли окончательно. Она сказала: «Ты изменил его. Теперь ему хуже».

Возможно. Откуда я мог знать?

Но я понимаю, что потерял опору в этом мире. В моей жизни не было сингулярности. Я не пересек порог, отделяющий нас от нового человечества, как снова и снова предрекал мой отец. Я не оставил его позади.

Это отец оставил позади меня. Он узнавал Нэнни каждый день, и собака узнавала его. Но он больше никогда не называл меня Полом и не говорил о том, как я его превзойду.

Джей Лейк и Кен Скоулз
Механик космического корабля

Произведения крайне плодовитого автора Джея Лейка появлялись практически во всех ведущих изданиях, включая «Asimov's», «Interzone», «Jim Baen's Universe», «Tor. com», «Clarksworld», «Strange Horizons», «Aeon», «Postscripts», «Electric Velocipede» и другие. Несмотря на то что карьера Лейка началась довольно поздно, его многочисленных рассказов хватило на четыре солидных сборника: «Привет от Лейка и Ву» («Greetings from Lake Wu»), «Растет камыш среди реки» («Green Grow the Rushes-Oh»), «Американские печали» («American Sorrows») и «Псы в лунном свете» («Dogs in the Moonlight»). В числе его романов «Хитрое дело» («Rocket Science»), «Суд цветов» («Trial of Flowers»), «Движущая сила» («Mainspring») и «Побег» («Escapement»). Вместе с Деборой Лейн он выпускал престижную серию антологий «Многоголосие» («Polyphony»), с Дэвидом Моулзом сотрудничал в подготовке проекта «Лучшие приключенческие истории о дирижаблях» («All-Star Zeppelin Adventure Stories»), а также выступил составителем сборника «TEL: Рассказы» («TEL: Stories»). В последние годы вышли новые антологии – «Другие земли» («Other Earths»), подготовленная совместно с Ником Геверсом, и «Зона пониженного давления» («Spicy Slipstream Stories») в сотрудничестве с Ником Мамататасом, романы «Зеленая» («Green»), «Безумие цветов» («The Madness of Flowers»), «Шестерня» («Pinion») и три повести – «Гибель космического корабля» («Death of a Starship»), «Убийцы младенцев» («The Baby Killers») и «Особая тяжесть горя» («The Specific Gravity of Grief», а также сборник «Объятия небес» («The Sky That Wraps»). В 2004 году Лейк получил премию Джона Кэмпбелла как лучший молодой писатель. Он живет в Портленде, штат Орегон[103].

Кен Скоулз – не менее плодовитый автор. Его рассказы публикуют такие издания, как «Subterranean», «Tor.com», «Talebones», «Clarkesworld», «Weird Tales», «Realms of Fantasy». Среди работ Скоулза цикл романов на тему Псалмов Исаака – «Плач» («Lamentation»), «Песнь» («Canticle»), «Антифон» («Antiphon»), «Панихида» («Requiem») и «Гимн» («Hymn»); рассказы «Последний полет богини» («Last Flight of the Goddess») и «Проливающий слезы царь созерцает упавшую Луну» («A Weeping Czar Beholds the Fallen Moon»); сборники «Долгие прогулки, последние вылеты и другие необычные путешествия» («Long Walks, Last Flights: And Other Strange Journeys»), «Ныряющие мимы, проливающий слезы царь и другие подозреваемые» («Diving Mimes, Weeping Czars and Other Unusual

Suspects»).

Ниже представлен совместный рассказ этих двух замечательных авторов. В нем идет речь о том, что любой профессионал хорош ровно настолько, насколько позволяет его инструментарий, а вот инструментарий порой бывает весьма необычного свойства.

Полы в «Бордерлендс-букс» были натерты до зеркального блеска. Старый сосновый паркет сверкал как новенький, но Пинан так отдраивал все, за что брался. Будь он человеком, ему приписали бы обсессивно-компульсивный психоз. Поначалу я хотел поручить ему мыть машину, но вовремя сообразил, что он сотрет краску как грязь, и будет она у меня сверкать голой сталью и алюминием.

Когда он узнал, что наша раса фиксирует все идеи в книгах, его стало невозможно от них оттащить. Не то чтобы он их в самом деле читал – не совсем так, он их даже не касался. Кажется, он решил, что книги – что-то вроде средства перемещения мыслей из подкорки мечтательного человечества в коллективный рациональный мозг.

Он и людей воспринимал исключительно как коллективное существо, хотя сам был единственным, одиночным, непарным представителем другой расы. Один ксеноантрополог в Беркли состряпал себе на наших беседах докторскую с той же скоростью, с какой его аспиранты записывали расшифровку моей болтовни с Пиначем.

Пинач попал к нам на Землю точь-в-точь, как Дэвид Боуи в старом фильме. Нет, не в «Брате с другой планеты», я имею в виду «Человека, который упал на Землю». Свалился с осеннего неба в Коул-Вэлли, в пригороде Сан-Франциско, как кленовый «вертолетик», с растопыренными руками, с разинутым ртом, с воплем, который было слышно от Сан-Хозе до Сэсун-Бэй.

Голосовые пластины объекта, включенные в полную силу, производят ритмичные вибрации, сходные с вибрациями тимпана, которые человеческое ухо воспринимает как высокочастотный крик. Попытка объяснить достигаемую мощность вибраций с помощью ксенофизиологического моделирования потерпела неудачу. Часть исследователей склоняется к мысли, что при входе в атмосферные слои объект прибегнул к техническим средствам усиления звука, но никаких свидетельств, подтверждающих эту гипотезу, в месте падения не обнаружено.

Джад А. Филдман, цитируется по изданию: «Спутник читателя.

Единственный живой пришелец на Земле», Дж. Уэст Шоулз,

«Бордерленс-букс», 2014.

Когда Пинач увлекся книгами, стало попроще. Владельцы не возражали. У них в магазине много лет жили коты – голые, бесшерстные сфинксы. Эти странные существа привлекали внимание туристов и были своеобразной торговой маркой. Но живой пришелец, семи футов ростом, с физиономией, похожей на тарелку с макаронами, с морщинистыми ручонками, ничуть не казался странным. По крайней мере, в книжном магазине, где продавалась фантастика.

Дело в том, что у Пинача была склонность, которая проявлялась, когда он куда-нибудь отправлялся: по пути он регулярно что-нибудь фиксировал.

И это частенько выходило нам боком.

Инструменты ему никакие не требовались. Тело Пинача обладало способностью модифицировать хитиновые отростки верхних конечностей по его желанию. Если Пиначу нужен был, например, режущий инструмент, он откусывал кусок от любого металлического предмета, который попадался в поле зрения, и быстренько делал из него необходимую вещь. Чтобы сделать провод, хватало любой медной штуковины. Если требовался логический щуп, Пинач мог взять для него песок, мог – бриллиант или стакан.

Разницы Пинач не видел.

В конце концов мы пришли к выводу, что он сам и есть инструмент. Этакий здоровенный швейцарский армейский нож, который какой-то пролетавший мимо представитель космической расы то ли уронил, то ли выбросил на наши головы.

Разговаривал Пинач только со мной.

Вопросы, касающиеся умственных способностей Пинача, лежат как в юридической, так и в этической плоскостях. Пратт и Шоу (2013) убедительно показали, что проверяемый не в состоянии пройти тест Тьюринга[104]*, как минимальный, так и в части коммуникативных намерений. Кэшъер (2014) пишет, что по результатам скрытого тестирования по методу Стэнфорда-Бине Пинач дал правильные ответы на 99 % вопросов, однако она тут же противоречит сама себе, говоря, что вопрос о его разумности в лучшем случае можно считать открытым. Машина ли это, живое существо или нечто нам до сих пор не известное?*

С. Г. Браун, «Литературный обзор»; «Журнал экзогенных исследований»,

том II, выпуск 4, август, 2015.

В первый раз он что-то зафиксировал сразу, едва приземлился. То есть с пронзительным воплем рухнул на землю в

14:53 по местному времени, в субботу 16 июля 2011 года, на пересечении Коул-стрит и Парнаса. Вылетели все стекла во всех домах в радиусе шести кварталов. Не менее ста человек, находившихся в тот момент на прилегающей территории, на улице и в магазинах, обратились к врачу из-за ранений осколками стекол, а еще около тридцати – из-за нарушения слуха либо повреждений носовых пазух.

Я подошел к нему первый, выбравшись из «Садового центра», скрюченный от внезапной головной боли, колотившей в виски, будто игрушечными молотками. В магазине мы все решили, что это бомба. Нарастающий вой, дрожащие стекла. Вазы в отделе домашней утвари лопнули. К счастью, мне, в числе других таких, самых быстрых, удалось увернуться. Гвозди в лотках зазвенели, но хоть не посыпались оттуда, иначе получилась бы из меня котлета.

На улице я увидел на перекрестке кратер, и в нем лежал какой-то человек, совсем как Уайл И. Койот, когда заправил бак патентованным ракетным топливом из «Акме»[105]. Я бросился к нему, тронул за плечо – и тут-то и увидел это жуткое зрелище. Шесть глаз открылись, и нечто, напоминавшее гигантскую ригатони[106], сначала издало звук, будто кто-то пукнул, а потом произнесло:

– Пинач.

Как ни странно, но я услышал, как это пишется.

В тот момент вся моя прежняя жизнь закончилась и началась новая, хотя я тогда этого не понял.

Пинач заметил у меня на руке часы с выбитым стеклом. Сгреб с тротуара несколько осколков от ветрового стекла «БМВ», втянул их в себя и через несколько секунд зафиксировал на положенном месте новое стеклышко.

Так что польза от него была.

Эти часы до сих пор отлично отсчитывают точное время – на основе семнадцатиричной счетной системы, двадцать семь часов в сутки. Показывают фазы Фобоса и Деймоса, в подтверждение тому, что Пинач побывал на Марсе либо рядом с Марсом. Я не сразу сообразил, где какой спутник. Кроме того, часы издают переливчатую трель, если поблизости от меня кто-нибудь несет более восьми унций нефтепродуктов. Включая магазинные пакеты и большинство пластмасс.

На eBay я заработал бы на этих часах миллионы. Первый артефакт пришельца, один из менее чем десятка, находящихся в частном владении.

Теперь они принадлежали государству, ровно в той же мере, в какой принадлежал кому бы то ни было сам Пинач. Запереть его

было невозможно. Он фиксировал любой замок, прокладывал себе дорогу. Возвращался в Сан-Франциско, находил меня, и мы вместе шли в книжный магазин. И там Пинач драил паркет, гонял котов, и все паломники мира начинали собираться на Валенсия-стрит. Дорожная полиция перестала с ними бороться. Когда Пинач был там, улица становилась пешеходной зоной.

Беда в том, что никто из нас понятия не имел, кто такой Пинач. Что он делает? Для чего он? Я единственный, с кем он говорил, но диалоги наши напоминали «Алису в стране чудес», хотя не всегда. Благодаря нашей болтовне уже созданы две новые компании по производству полупроводников, а химики открыли новый способ для изготовления пластмасс из биоматериалов.

Однажды, сидя в магазине на отполированном полу, Пинач посмотрел на меня и отчетливо произнес:

– Они возвращаются.

Я испугался, что мы получим ответы на все наши вопросы.

В Кастро-Вэлли появились люди дождя в буквальном смысле этого слова. Всех зовут Тодд, и все, как один, в гавайских рубашках, в шортах хаки и в «биркенштоках»[107]*. Все падали на спину, после чего, потрепыхавшись примерно минуту, как форель на отмели, вскакивали на ноги, при этом выкрикивая одно и то же слово: «Пинач!»*

«Сан-Франциско Кроникл», 11 ноября 2015, автор Гейл Кэрридж.

– Мне пора, – сказал Пинач, и голос у него был строгий, потому что в этот момент он шлепнул кота, согнав его с полки на свежеотполированный пол книжного магазина.

В кабинете за торговым залом маленький телевизор показывал взволнованного репортера на Милк-Плаза[108], тот быстро-быстро рассказывал зрителям о падавших с неба необычных туристах, у которых на языке было только одно слово. Эти кадры мелькали на заднем плане за спиной репортера, когда я посмотрел на Пинача и почувствовал печаль, исходившую от него волнами.

– Куда ты теперь?

Пинач поднялся.

– Не знаю. Все равно куда. Поможешь?

Звякнул дверной колокольчик, и в магазин вошел посетитель.

– Пинач, – сказал он.

Я посмотрел на него. Гавайская рубашка была до того оранжевой, что глазам стало больно, и вся в ананасах. Человек улыбался и хмурился одновременно. Пинач сделал быстрое

движение рукой, и в магазине вдруг запахло озоном и капустой. Человек – как я полагаю, по имени Тодд – исчез. Я повернулся к своему пришельцу, посмотрел на его бледное, решительное лицо.

– Что ты сейчас сделал?

В его серебристых глазках заблестели ртутные слезы.

– Я его… расфиксировал.

Бегом мы выскочили через черный ход. Сели в машину, выехали на Герреро и покатили дальше на север.

Ксенолингвисты прикладывают все усилия, чтобы разобраться в феномене, получившем название «Тодд». Всем известно, что космических пришельцев, появившихся 11.11.15, звали Тодд, но никто до сих пор не в состоянии объяснить, как это произошло и почему. Этот случай является наиболее ярким в истории современной науки задокументированным примером так называемой телепатии, однако его невозможно ни повторить, ни опровергнуть.

Кристофер Барзак, блог, запись от 14 января 2016.

Мы двигались то на восток, то на север, и так продержались больше недели. Мы добрались уже до Эдмонтона, когда они нас догнали.

Мы тогда как раз подъехали к выносному окошку «A&W»[109]. Он вмял нас в стену своим «мерседесом». Пинача бросило на меня. Тот Тодд оказался осторожнее и держался подальше.

– Пинач! – заорал он в окно.

Мой друг заскулил. Мотор наш ревел и скрежетал, пока Пинач шарил руками по приборной доске, пытаясь его зафиксировать.

Тут нас блокировали сзади и спереди. Из машин вышли Тодды в гавайских рубашках и шортах, несмотря на холод. Один вспрыгнул на капот моего «корвейра».

– Ты еще не закончил работу.

Пинач снова тихонько взвыл.

Я заметил, что Тодд отлично себя чувствует при почти нулевой температуре.

Воздух зашипел, и нас поглотил свет, похожий на вспышку лазера.

– В к-конце концов… да… э-э… у-уже неважно. Вы… э-э… меня понимаете? Он мне улыбнулся… Не с-совсем улыбнулся. Не с-совсем это было лицо. Но… т-такая… как будто улыбка. А п-п-потом исчез. Сгорел, как свечка. Понимаете? Вспыхнуло и погасло.

Запись из протокола Канадской королевской полиции, Эдмонтон, штат Альберта, 16. 11. 2015.

Я пришел в себя в темноте, оттого что задыхался, и в груди была жидкость. Пинач положил мне на плечо руку. Ощущение тяжести тотчас исчезло.

– Где **Я?**

Я услышал звук, будто в грязи катается что-то тяжелое. Звук был густой, влажный, и он в конце концов сложился в слова. *Ты…* хруст, шипение, треньканье *…в медицинском отсеке космического корабля…* Он назвал тип, но это уже было выше моего понимания. *Подвергся воздействию неисправного…* хруст, шипение, треньканье *..механизма. Заражен следовыми элементами…* дальше еще одно слово, которого я не понял *…вируса.*

– Ничего не понимаю.

Голос у него звучал глухо.

– Тебе и не положено. Сейчас я тебя зафиксирую, и вернешься в магазин.

Я посмотрел на него.

– А ты?

Он покачал головой. Ригатони на его физиономии задвигались.

– Я нужен здесь. Я восстановил свои рабочие параметры.

Я открыл рот, чтобы задать еще один вопрос, но тут вернулся свет, и я почувствовал, что падаю. Пинач падал рядом со мной и крепко держал меня за руку.

– Не отпускай, – сказал он, и мы приземлились.

На этот раз не было никакого кратера. Мы встали на ноги, и я отряхнулся.

– Понятия не имею, что все это значит.

– Неважно, – сказал Пинач. – Только попрощайся за меня с котами.

– Ладно, – сказал я.

– Мне ваша планета понравилась. Теперь, когда… – тут последовало то самое непонятное слово, – заработала, надеюсь, найду своих.

Он вздохнул.

– Хорошо бы еще разок выйти из строя.

Он протянул руку и зафиксировал меня в последний раз.

Я заморгал и так и остался стоять, моргая, посреди Валенсия-стрит.

В магазин я вошел, совершенно не понимая, каким образом я оказался на улице Сан-Франциско в оранжевой гавайской рубахе и шортах хаки, которые были мне велики на три размера.

Симпатичная продавщица за стойкой улыбнулась.

– Привет, Билл, – сказала она. – Где был?

Я пожал плечами.

Из-за полок выбежал голый, бесшерстный кот, стуча когтями по давно не натиравшемуся полу.

– Прощай, – сказал я ему, сам не зная зачем.

Аластер Рейнольдс
Спячка

Аластер Рейнольдс часто публикуется в «Interzone», а также в «Asimov's Science Fiction», «Spectrum SF» и других изданиях. Его первый роман «Пространство Откровения» («Revelation Space») был признан одной из лучших научно-фантастических книг года. Вскоре за ним последовали «Город Бездны» («Chasm City»), «Ковчег спасения» («Redemption Ark»), «Пропасть искупления» («<Absolution Gap»), «Дождь Забвения» («Century Rain»), «Звездный лед» («Pushing Ice»), «Префект» («The Prefect»), «Дом солнц» («House of Suns»), «Обреченный мир» («Terminal World») и «Голубая Земля из наших воспоминаний» («Blue Remembered Earth») – масштабные космические оперы, ставшие бестселлером и закрепившие за Рейнольдсом славу одного из лучших фантастов последних лет. Среди других книг писателя – сборник повестей «Алмазные псы, бирюзовые дни» («Diamond Dogs, Turquoise Days»), вышедшая отдельным изданием повесть «Шесть измерений пространства» («The Six Directions of Space»), а также сборники «Галактический север» («Galactic North»), «„Голубой период Займы" и другие рассказы» («Zima Blue and Other Stories») и «Глубокая навигация» («Deep Navigation»), Профессиональный ученый с докторской степенью по астрономии, Рейнольдс много лет проработал в Европейском космическом агентстве в Голландии, но затем вернулся в свой родной Уэльс, чтобы полностью посвятить себя творчеству. Работы Рейнольдса всегда отличались масштабностью: в рассказе «Галактический север» описывается беспощадная погоня одного космического корабля за другим, растянувшаяся на сотни тысяч световых лет, а в рассказе «Тысячная ночь» («Thousandth Night») сверхбогатые бессмертные берутся за проект, требующий перестановки всех звезд в галактике.

Но эта повесть о замороженном спящем, очнувшемся в совершенно неожиданном апокалиптическом будущем, написана на менее масштабном холсте. В этом суровом мире, где лишь неугомонный серый океан, непрерывные безжалостные ветра, крики чаек и ржавеющие, обветшалые конструкции, похожие на нефтяные платформы, есть своя неброская красота… И там проснувшийся находит мрачную цель жизни, о которой он прежде не знал.

Гонта вывели из анабиоза ранней весной, в холодный

ветреный день. Он очнулся па кровати со стальной рамой, в помещении с серыми стенами. Комната выглядела как нечто дешевое и наскоро смонтированное из готовых блоков. В ногах кровати стояли двое. Похоже, их мало интересовало, насколько паршиво он себя чувствует. Мужчина прижимал к груди миску с какой-то едой и торопливо орудовал ложкой, словно завтракал на бегу. Его седые волосы были коротко подстрижены, и, судя по морщинистому лицу с задубевшей кожей, он много времени проводил вне помещений. Рядом стояла женщина с чуть более длинными волосами – скорее седеющими, чем седыми, – и намного более смуглой кожей. Подобно мужчине, она была жилистая и облачена в потертый серый комбинезон. Ее бедра охватывал тяжелый пояс с инструментами.

– Ты как, цел, Гонт? – спросила она, пока ее товарищ доедал завтрак. – Ты compos mentis?[110]

Гонт прищурился – свет в комнате был слишком яркий – и на мгновение запутался в воспоминаниях.

– Где я? – спросил он.

– В комнате. Тебя разбудили, – ответила женщина. – Ты ведь помнишь, как засыпал?

Он ухватился за воспоминания, отыскивая в них хоть что-нибудь конкретное. Врачи в зеленых халатах, стерильная операционная, рука подписывает последний документ перед тем, как его подключают к машинам. В вены медленно льются препараты, полное отсутствие печали или тоски, когда он прощался со старым миром, со всеми его разочарованиями.

– Кажется, помню.

– Как тебя зовут? – спросил мужчина.

– Гонт. – Ему пришлось выждать секунду, пока вспомнилось имя. – Маркус Гонт.

– Вот и хорошо, – сказал мужчина, вытирая губы рукой. – Это положительный признак.

– Я Клаузен, – представилась женщина. – А это Да Силва. Мы – твоя группа пробуждения. Ты помнишь «Спячку»?

– Не уверен.

– Подумай хорошенько, Гонт, – попросила она. – Нам ничего не стоит уложить тебя обратно, если ты откажешься работать с нами.

Нечто в тоне Клаузен убедило его, что следует постараться.

– Компания, – сказал он. – «Спячкой» называлась компания. Она уложила меня спать. Она всех уложила спать.

– Клетки мозга вроде бы не повреждены, – заметил Да Силва.

Клаузен кивнула, но никак не показала, что рада правильному ответу Гонта.

Скорее, ее успокоило, что Гонт избавил их от какой-то мелкой обязанности, и не более того.

– Мне понравилось, как он сказал «всех». Словно это так и было.

– А разве нет? – удивился Да Силва.

– Для него – нет. Гонт был одним из первых. Ты что, не читал его досье?

Да Силва поморщился:

– Извини. Немного отвлекся.

– Он был одним из первых двухсот тысяч, – напомнила Клаузен. – Членом эксклюзивного клуба. Как вы себя называли, Гонт?

– Избранные. Совершенно точное описание. А как еще нам было себя называть?

– Везучие сукины дети, – подсказала Клаузен.

– Помнишь, в каком году тебя усыпили? – спросил Да Силва. – Ты был одним из первых – значит, это случилось примерно в середине века.

– В две тысячи пятьдесят восьмом. Если надо, могу назвать месяц и число. Насчет времени суток не уверен.

– И ты помнишь, разумеется, почему на такое решился, – заметил Да Силва.

– Потому что мог. Потому что любой в моей ситуации поступил бы так же. Мир становился все хуже, катился под откос. Но еще не рухнул окончательно. А врачи год за годом продолжали твердить, что прорыв к бессмертию совсем рядом. Еще чуть-чуть – и готово. Мол, вы уж продержитесь еще немного. Но мы все старели. А потом врачи заявили: сейчас мы еще не способны подарить вам вечную жизнь, зато можем предоставить средство проскочить через годы ожидания, пока этого не произойдет. – Гонт заставил себя сесть на кровати, силы постепенно возвращались в конечности, особенно из-за нарастающей злости. Почему к нему не проявляют должного почтения? И почему, что еще хуже, его тут осуждают и оценивают? – В нашем поступке не было ничего плохого. Мы никому не причинили вреда, ни у кого ничего не отняли. Мы лишь воспользовались имеющимися у нас средствами, чтобы достичь того, что и так к нам приближалось.

– Кто сообщит ему новости? – спросила Клаузен, глядя на Да Силву.

– Ты проспал почти сто шестьдесят лет, – сказал мужчина. – Сейчас апрель две тысячи двести семнадцатого года. На дворе двадцать третий век.

Гонт снова обвел взглядом обшарпанное помещение. У него

имелись некие туманные представления о том, каким станет пробуждение, но реальность совершенно в них не вписывалась.

– Вы мне лжете? – спросил он.

– А ты как думаешь? – вопросом на вопрос ответила Клаузен.

Гонт поднес к лицу руку. Она выглядела, насколько он мог вспомнить, точно такой же, как и прежде. Те же старческие веснушки, те же набухшие под кожей вены, те же волосатые костяшки пальцев, те же шрамы и дряблая, как у ящерицы, кожа.

– Принесите зеркало, – попросил он, охваченный дурным предчувствием.

– Избавлю тебя от хлопот, – сказала Клаузен. – Ты увидишь примерно такое же лицо, с каким заснул. Мы ничего с тобой не делали, только вылечили подкожные повреждения, вызванные несовершенством ранних методов замораживания. Физиологически ты все еще мужчина шестидесяти трех лет и проживешь еще лет двадцать или тридцать.

– Тогда зачем вы меня разбудили, если процесс еще не завершен?

– А его нет, – сообщил Да Силва. – И не будет еще очень долго. У нас сейчас совершенно другие заботы. И среди этих проблем бессмертие – на последнем месте.

– Не понимаю.

– Поймешь, Гонт, – утешила подопечного Клаузен. – Рано или поздно понимают все. Кстати, мы тебя выбрали, учитывая твои способности. Ты ведь сделал состояние на компьютерах, верно? Работал с искусственным интеллектом, пытался создать мыслящие машины.

Одно из смутных разочарований оформилось в конкретное поражение. Он вспомнил энергию, вложенную в единственную амбицию. Вспомнил друзей и возлюбленных, которых сжег на этом пути, вычеркнув из жизни, сфокусированной на «белом ките».

– Из этого ничего не получилось.

– Верно, но ты все же на этом разбогател.

– Просто способ заработать. Какое это имеет отношение к моему пробуждению?

Клаузен, похоже, собралась ответить, но что-то заставило ее передумать.

– Одежда в шкафчике возле кровати, по размеру должна подойти. Хочешь позавтракать?

– Я не голоден.

– Желудку понадобится какое-то время, чтобы проснуться. А пока, если тебя тошнит, лучше вывали все сейчас, чем потом. Не хочу, чтобы ты загадил мой корабль.

Детали неожиданно стали складываться в картину. Функциональное помещение, фоновый шум далеких механизмов, утилитарная одежда этой парочки… возможно, он на борту какого-то космического аппарата. Двадцать третий век… Времени было вполне достаточно, чтобы основать межпланетную цивилизацию, пусть даже в пределах Солнечной системы.

– Мы сейчас на корабле?

– Конечно нет, – фыркнула Клаузен. – Мы в Патагонии.

Он оделся, натянув нижнее белье, белую футболку и такой же серый комбинезон, как у местных. В комнате ощущались прохлада и сырость, и он порадовался, что одет. Гардероб дополнили ботинки со шнурками, немного тесные в пальцах, но в остальном вполне приличные. Одежда была на ощупь самая обычная и простая, хотя местами слегка потертая и поношенная. Зато сам он оказался чист и ухожен, волосы ему коротко подстригли, а бороду сбрили. С ним хорошо поработали, прежде чем привести в сознание.

Клаузен и Да Силва ждали его возле комнаты в коридоре без окон.

– Наверное, у тебя сейчас масса вопросов, – сказала Клаузен. – Например, почему со мной обращаются как с дерьмом, а не как с королевской особой? Что случилось с остальными избранными, что это за вонючее место и так далее?

– Полагаю, вы собираетесь в ближайшее время на них ответить.

– Расскажи-ка ему сразу о сделке. Открытым текстом, – предложил Да Силва. Он успел надеть куртку, а через плечо у него висела застегнутая на молнию сумка.

– Какую еще сделку? – осведомился Гонт.

– Начнем с того, что ты для нас отнюдь не какая-то особая персона, – сообщила Клаузен. – И тот факт, что ты проспал сто шестьдесят лет, нас совершенно не впечатляет. Это старые новости. Но ты все еще полезен.

– В каком смысле?

– Нам не хватает одного человека. Работа здесь суровая, и мы не можем потерять даже одного члена команды, – ответил Да Силва. Хотя они еще мало общались, у Гонта сложилось впечатление, что мужчина чуть более рационален, чем его коллега, и не проявляет столь неприкрытой антипатии. – А сделка такая: мы тебя обучаем и даем работу. В обмен, разумеется, о тебе будут хорошо заботиться. Еда, одежда, спальное место, лекарства из тех, что у нас имеются. – Он пожал плечами. – Мы все согласились на это. Если попривыкнуть, то не

так уж плохо.

– А какая альтернатива?

– Снова в мешок, бирку на палец – и в морозильник, – сообщил Да Силва. – В компанию к остальным. Выбор, конечно, за тобой. Или работать с нами, стать одним из команды, или залечь обратно в спячку и попытать счастья таким способом.

– Нам пора идти, – сказала Клаузен. – Не хочу заставлять Неро ждать на палубе «Ф».

– Кто такой Неро?

– Последний из тех, кого мы разбудили до тебя, – пояснил Да Силва.

Они прошли по коридору, миновали несколько распахнутых двустворчатых дверей и вошли в нечто вроде столовой или комнаты отдыха. За столами сидели мужчины и женщины разного возраста, негромко разговаривали, ели, играли в карты. Все здесь выглядело по-спартански или как в каком-то учреждении – от пластиковых стульев до крытых пластиком столов. В дальней стене виднелось мокрое от дождя окно, обрамляющее прямоугольник серых туч. Гонт заметил несколько брошенных на него взглядов, быстро угасший интерес со стороны двоих-троих присутствующих, но никто не изумился, увидев его.

Они двинулись дальше, поднялись по лестнице на следующий этаж этого непонятного здания. Навстречу попался пожилой мужчина, китаец на вид, с замасленным гаечным ключом в руке. Он поприветствовал Клаузен, подняв свободную руку с растопыренными пальцами, Клаузен ответила тем же. Затем они поднялись еще на этаж, прошли мимо шкафов с оборудованием и распределительных щитов и далее вверх по спиральной лестнице в продуваемый ветром ангар из гофрированного металла, где пахло маслом и озоном. На стене ангара как-то нелепо смотрелся надувной оранжевый спасательный жилет, на противоположной стене висел красный огнетушитель.

Гонт напомнил себе, что на дворе двадцать третий век. Несмотря на это унылое окружение, у него не было причин сомневаться, что таковы реалии жизни в 2217 году. Пожалуй, он всегда верил, что мир будет улучшаться, а будущее окажется лучше прошлого – ярче, чище, стремительнее, – но никак не предполагал, что его вера подвергнется такому испытанию.

Из ангара наружу вела единственная дверь. Клаузен открыла ее, преодолевая сопротивление ветра, и они вышли, оказавшись на крыше. Гонт увидел квадрат потрескавшегося и заляпанного маслом бетона, размеченный полосами выцветшей красной краски. В дальнем углу площадки что-то уныло клевали две

чайки. Гонт порадовался, что в будущем есть хотя бы чайки. Значит, тут не произошло какой-нибудь ужасной, сметающей жизни биокатастрофы, вынудившей людей ютиться в бункерах.

На бетоне в центре крыши стоял вертолет. Это была матово-черная, поджарая, смахивающая на осу конструкция, состоящая больше из углов, чем округлостей, и, если не считать нескольких зловещего вида выпуклостей и подвесок, ее вид не отличался чем-либо особо футуристическим. Насколько Гонт мог судить, прототипом вертолета вполне могла стать модель, выпускавшаяся еще до того, как он залег в спячку.

– Что, дерьмовенький вертолет? – угадала Клаузен мысль своего подопечного. Ей пришлось повысить голос, чтобы перекрыть гул ветра.

Гонт улыбнулся:

– На чем он работает? Полагаю, запасы нефти кончились еще в прошлом веке.

– На бензине, – сообщила Клаузен, открывая дверь кабины. – Залезай назад и пристегнись. Да Силва полетит впереди, со мной.

Да Силва повесил свою сумку в задней части кабины, где уже расположился оцепеневший от испуга Гонт. Он взглянул на приборную панель в просвет между передними креслами. Ему уже доводилось сидеть в частных вертолетах, и он хорошо знал, как выглядят приборы ручного управления в обход автоматики. Вот и здесь на панели он не разглядел чего-то незнакомого или необычного.

– Куда мы летим?

– На смену вахты, – пояснил Да Силва, надевая наушники. – Два дня назад произошел несчастный случай на платформе «Джи». Потеряли Гименеса, ранило Неро. Погода не подходила для эвакуации, но сегодня появилось окно. Кстати, из-за этого тебя и разбудили. Я займу место Гименеса, а тебе придется заменить меня здесь.

– У вас не хватает рабочих рук, и поэтому меня разбудили?

– В общем, да, – согласился Да Силва. – Клаузен решила, что тебе не помешает прокатиться с нами. Быстрее войдешь в курс дела.

Клаузен защелкала переключателями на потолке. Лопасти начали раскручиваться.

– Наверное, для более дальних полетов у вас есть что-нибудь побыстрее вертолетов? – предположил Гонт.

– Нет, – ответила Клаузен. – Если не считать нескольких кораблей, мы обходимся вертолетами.

– А как же межконтинентальное сообщение?

– У нас его нет.

– Не в таком мире ожидал я проснуться! – сообщил Гонт, перекрикивая шум над головой.

Да Силва обернулся и показал на наушники, висящие на спинке кресла. Гонт надел их и пристроил микрофон перед губами.

– Я сказал, что не в таком мире ожидал проснуться.

– Понял, – кивнул Да Силва. – Еще в первый раз.

Лопасти разогнались до взлетной скорости. Клаузен подняла вертолет, посадочная площадка на крыше поползла вниз. Машина некоторое время двигалась вбок, опустив нос, пока не вылетела за границу крыши. Стена здания за окном рванулась вверх, и Гонта слегка замутило из-за быстрого спуска. Оказалось, что никакое это не здание, – по крайней мере, не такое, каким он его представлял. Вертолетная площадка располагалась на крыше прямоугольного промышленного на вид сооружения размером примерно с большой офисный квартал, опутанного мостками и мостиками, ощетинившегося кранами, дымовыми трубами и прочими непонятными выступами. В свою очередь, сооружение поднималось из моря на четырех мощных опорах, в расширяющиеся основания которых без устали били волны. Это была нефтяная вышка или какая-то промышленная платформа – во всяком случае, нечто созданное на подобной основе.

И она не стояла в одиночестве. Вышка, с которой они взлетели, была лишь одной из множества на огромном поле, тянущемся до угрюмого, серого и смазанного дождем горизонта. Вышек были десятки, и Гонт догадывался, что у горизонта они не заканчиваются.

– Для чего они? Я знаю, что не для добычи нефти. Ее не могло остаться столько, чтобы окупить бурение в таких масштабах. Запасы уже приближались к истощению, когда я отправился в спячку.

– Спальни, – пояснил Да Силва. – На каждой платформе примерно десять тысяч спящих. А в море они построены потому, что для их энергоснабжения мы используем ЭТГ – энергию температурного градиента морской воды – за счет разницы температур на поверхности и в глубине океана. Так намного легче – не надо тянуть кабели на материк.

– И теперь мы за это расплачиваемся, – сказала Клаузен.

– Если бы мы обосновались на материке, то вместо морских драконов они послали бы сухопутных. Они просто приспосабливаются к нашим действиям, – прагматично возразил Да Силва.

Вертолет мчался над маслянистой и бурлящей водой.

– Это действительно Патагония? – спросил Гонт.

– Прибрежный сектор Патагонии, – пояснил Да Силва. – Подсектор пятнадцать. Здесь мы и несем вахту. Нас около двухсот человек, а под нашим присмотром около ста вышек. Этим все сказано.

Гонт проделал мысленные расчеты, затем пересчитал еще раз, не веря услышанному:

– Это же миллион спящих!

– И десять миллионов во всем Патагонском секторе, – добавила Клаузен. – Тебя это удивляет, Гонт? Мол, как эти десять миллионов человек смогли получить то же, что давным-давно получили ты и твоя драгоценная горстка избранных!

– Пожалуй, нет, – проговорил Гонт, когда осознал услышанное. – Со временем стоимость процесса наверняка снизилась и стала доступной для людей с меньшими средствами. Для просто богатых, а не сверхбогатых. Но она никогда бы не стала доступной для масс. Может быть, для десяти миллионов. Но для сотен миллионов? Вы уж извините, но экономически такое невозможно.

– Тогда хорошо, что у нас нет никакой экономики, – заметил Да Силва.

– Патагония – лишь малая часть целого, – пояснила Клаузен. – Есть еще двести секторов, таких же больших, как этот. А это два миллиарда спящих.

Гонт покачал головой:

– Где-то тут ошибка. Когда я заснул, на планете жили восемь миллиардов человек и население сокращалось! Вот только не говорите, что четверть населения планеты сейчас спит!

– Может, тебе легче будет поверить, если я скажу, что нынешнее население Земли как раз и составляют те самые два миллиарда, – отозвалась Клаузен. – И почти все они спят. Всего лишь горстка бодрствует – присматривает за спящими, платформами и ЭТГ-станциями.

– Четыреста тысяч бодрствующих, – подтвердил Да Силва. – Но по жизни ощущение такое, что нас намного меньше, ведь мы практически все время остаемся в назначенных секторах.

– Знаешь, в чем настоящая ирония ситуации? – вопросила Клаузен. – Теперь мы можем называть себя избранными. Те, кто не спит.

– Но тогда получается, что заниматься чем-то реальным просто некому, – заявил Гонт. – Какой смысл всем дожидаться бессмертия, если никто из бодрствующих не работает?

Клаузен обернулась, чтобы взглянуть на него, и выражение ее лица красноречиво сказало все, что она думает о его интеллекте.

– Мы работаем. Но не ради бессмертия. Ради выживания. Так

мы вносим свой вклад в войну.

– Какую еще войну?

– В ту, что идет вокруг нас. Ту, которую помог начать ты.

Они приземлились на другой вышке, одной из пяти, стоявших настолько близко, что их соединили кабелями и мостиками. Море все еще волновалось, и в бетонные опоры вышек били огромные волны. Гонт напряженно всматривался в окна, шарил взглядом по палубам, но нигде не видел следов человеческой деятельности. Он вспоминал слова Клаузен и Да Силвы, пытаясь отыскать причину, побудившую их лгать ему, так долго и упорно скрывать от него правду о мире, в котором он проснулся. Возможно, тут практиковалась некая форма массового развлечения: спящих вроде него будили и устраивали им эмоциональную встряску, показывая худший из возможных сценариев. Несчастных доводили до отчаяния и нервного срыва и лишь потом отдергивали серый занавес и демонстрировали – о чудо! – что жизнь в двадцать третьем веке действительно такая безоблачная и утопическая, как они надеялись. Впрочем, подобное казалось маловероятным.

И все же какая еще война потребовала уложить в спячку миллиарды людей? И почему отряд присматривающих, эти четыреста тысяч бодрствующих, настолько малочислен? Ясно, что вышки во многом автоматизированы, но тем не менее его все же потребовалось разбудить только потому, что в Патагонском секторе кто-то умер. В таком случае почему бы сразу не разбудить больше людей, чтобы система имела резерв на случай потерь?

Когда вертолет благополучно опустился на площадку, Клаузен и Да Силва велели ему следовать за ними в недра другой вышки. Она почти не отличалась от той, где разбудили Гонта, только здесь практически не было людей, а вместо них повсюду сновали ремонтные роботы. Гонт сразу понял: эти примитивные машины лишь немного умнее автоматических мойщиков окон. Неужели того стоили годы жизни, которые он отдал мечте об искусственном интеллекте?

– Нам надо кое-что выяснить раз и навсегда, – заявил Гонт, когда они уже шагали среди гудящих механизмов внутри платформы. – Я никакой войны не начинал. Вы не на того пальцем указываете.

– Думаешь, мы перепутали твое досье? – вопросила Клаузен. – А откуда тогда мы узнали, что ты работал над мыслящими машинами?

– Значит, вы зашли не с того конца. Я не имею никакого отношения к войнам или военным.

– Мы знаем, чем ты занимался. Ты потратил много лет на создание настоящего искусственного интеллекта, способного выдержать тест Тьюринга. Мыслящей и разумной машины.

– Да, только этот путь оказался тупиковым.

– Но все же он привел к некоторым полезным побочным результатам, разве не так? – продолжила Клаузен. – Ты решил сложную проблему языка. Твои системы не просто распознавали речь, а могли понимать ее на уровне, недостижимом для любой компьютерной системы. Метафоры, сравнения, сарказм, умолчание, даже подтекст. Конечно, результат имел разнообразные сферы применения в гражданской жизни, но свои миллиарды ты заработал не на них. – Женщина бросила на него резкий взгляд.

– Я создал продукт. Я просто сделал его доступным для любого, кому он был по карману.

– Разумеется. К сожалению, твоя система оказалась идеальным инструментом для массовой слежки и ею воспользовалось каждое деспотическое правительство, оставшееся на планете. Любому тоталитарному государству просто не терпелось его заполучить. И ты совершенно не испытывал угрызений совести, продавая его, не так ли?

Из подсознания Гонта всплыл давний и хорошо отрепетированный аргумент:

– Никакой инструмент связи никогда не был мечом лишь с одним лезвием.

– И это тебя оправдывает, да? – спросила Клаузен.

Да Силва во время их разговора молчал, пока они шли по коридорам и спускались по лестницам.

– Я не прошу меня оправдывать. Но если ты думаешь, будто я начинал войны, что я несу какую-то ответственность за это… – он обвел рукой вокруг, – это убожество, то ты сильно ошибаешься.

– Ну, может, ты не один за это ответствен, – признала Клаузен. – Однако причастен несомненно. Ты и любой из тех, кто лелеял мечту об искусственном интеллекте. Подталкивал мир к краю пропасти, не думая о последствиях. Вы и понятия не имели, какого джинна выпускаете на волю.

– Повторяю: никого мы не выпустили. У нас ничего не получилось.

Они шли через подвесной мостик, переброшенный над каким-то огромным пустым пространством внутри вышки.

– Посмотри вниз, – предложил Да Силва.

Гонту не хотелось этого делать – он никогда не дружил с высотой, и даже дренажные отверстия в мостике нервировали его, потому что казались слишком большими. Но все же он заставил

себя посмотреть вниз. Четыре стены кубической камеры оказались полками, заставленными белыми ящиками размером с гроб, по тридцать рядов в высоту. Их опутывала сложная мешанина трубопроводов и не менее сложная паутина мостиков, лесенок и сервисных дорожек. Гонт увидел, как робот, жужжа моторчиками, подкатил к одному из ящиков, извлек из его торца какой-то модуль, потом двинулся дальше, к соседнему гробу.

– На случай если ты подумал, что мы пудрим тебе мозги, – все это настоящее, – сообщила Клаузен.

Анабиозные камеры для первоначальных избранных были совершенно иными. Подобно египетскому фараону, похороненному вместе с мирскими пожитками, Гонту потребовался целый склеп, набитый шкафами с самым современным оборудованием для криоконсервации и мониторинга. Согласно его контракту с фирмой, он круглосуточно находился под наблюдением нескольких живых врачей. Одно только размещение тысячи избранных требовало здания размером с большой курортный отель, примерно с такими же требованиями по энергоснабжению. По контрасту здесь Гонт увидел анабиоз в максимально эффективном промышленном масштабе. Люди в ящиках, складированные как некие изделия массового производства и обслуживаемые абсолютным минимумом живых наблюдателей. В данной камере он видел лишь около тысячи спящих, но с этого момента у Гонта не осталось никаких сомнений: подобная технология позволяет при необходимости погрузить в спячку миллиарды.

Для этого требовалось лишь достаточное количество подобных помещений, роботов и платформ. При условии, что энергии хватает, а у людей на планете нет необходимости заниматься чем-то еще, все это реально выполнимо.

Здесь никто не выращивал урожаи и не распределял пищу. Но это не имело значения, ведь почти не осталось бодрствующих, которых надо кормить. Никто не руководил сложной и переменчивой паутиной глобальной финансовой системы. Но и это не имело значения: не осталось чего-либо напоминающего экономику. Отпала необходимость в транспортной инфраструктуре, потому что никто не путешествовал. Не было нужды в связи: никого не интересовала обстановка за пределами сектора. Не было нужды ни в чем, кроме абсолютно необходимого для выживания. Воздух для дыхания. Пайки и лекарства менее чем для полумиллиона человек. Немного нефти, последние оставшиеся струйки, чтобы поднимать в воздух вертолеты.

– Идет война, – сказал Да Силва. – И началась она, в той или иной форме, еще до того, как тебя заморозили. Но это не та

война, о которой ты, наверное, подумал.

– И как в нее вписываются все эти спящие люди?

– А у них нет выбора, – отрезала Клаузен. – Они должны спать. Если они не будут спать, мы все умрем.

– Мы?..

– Ты, я. Мы все, – подтвердил Да Силва. – Человечество.

Они забрали Неро и труп из лазарета, расположенного несколькими этажами ниже морозильной камеры. Труп был уже упакован – обернутая в серебристый пластик мумия на больничной каталке. Неро оказался не мужчиной, как предполагал Гонт, а высокой и гибкой женщиной с открытым и дружелюбным лицом и копной рыжих кудряшек.

– Ты ведь новичок, верно? – спросила она, салютуя кофейной кружкой.

– Наверное, – неуверенно отозвался Гонт.

– К этому надо привыкнуть, уж я-то знаю. Я только через полгода сообразила: это не худшее, что могло со мной случиться. Но и ты со временем втянешься. – Одна рука Неро была забинтована и облачена в белую перчатку, пришпиленную к одежде английской булавкой. – От души советую: не возвращайся в ящик. – Тут она взглянула на Клаузен. – Вы ведь даете ему такой шанс?

– Конечно. Таковы условия сделки.

– Знаешь, мне иногда кажется, что сделка все только осложняет, – сказала Неро. – Не проще ли просто указывать им, что надо делать, и к черту сантименты?

– Ты бы сама не очень обрадовалась, не предоставь мы тебе выбора, – заметил Да Силва. Он уже снимал куртку, готовясь остаться.

– Да, но что я тогда знала? Сейчас мне эти прошедшие шесть месяцев кажутся половиной жизни.

– Когда тебя заморозили? – спросил Гонт.

– В две тысячи девяносто втором. Я одна из первых ста миллионов.

– Гонт тебя опередил, – сообщила Клаузен. – Он был одним из избранных. Те самые избранные, первые двести тысяч.

– Ничего себе! Вот это рывочек на старте! – Неро прищурилась. – Значит, он не в курсе? Насколько мне помнится, тогда они еще не знали, во что вляпались.

– Большинство не знало, – согласилась Клаузен.

– Чего не знало? – вскинулся Гонт.

– Спячка была прикрытием, даже тогда, – пояснила Неро. – Тебе продали обманку. Никакой прорыв к бессмертию тебе не

светил, сколько бы ты ни спал.

– Не понимаю. Так вы утверждаете, что все это было мошенничеством?

– Вроде того, – сказала Неро. – Не заработать деньги для кого-то, а начать процесс укладывания всего человечества в спячку. Его предполагали начать в малом масштабе, чтобы оставалось время преодолеть несовершенство технологии. Если бы знающие люди открыто объявили о своих планах, им бы никто не поверил. А если бы поверили, во всем мире началась бы паника. Поэтому они начали с избранных, постепенно разворачивая операцию. Сперва двести тысяч. Затем полмиллиона. Потом миллион и так далее. – Она сделала паузу. – А внешне жизнь шла своим чередом. Им удалось хранить тайну лет тридцать. Но потом поползли слухи, что спячка – это нечто большее.

– Да и драконы сильно подгадили, – добавил Да Силва. – Их существование всегда было нелегко объяснить.

– Ко времени моей заморозки, – продолжила Неро, – большинство уже знало, каков расклад. Если мы не отправимся спать, миру придет конец. И согласие на анабиоз стало нашим моральным долгом. Вариантов имелось всего два – или спячка, или эвтаназия. Я выбрала заморозку, но немало моих друзей предпочли пилюлю. Решили, что определенность смерти предпочтительнее лотереи пребывания в ящике… – Она впилась взглядом в глаза Гонта. – И об этой части сделки я тоже знала. О том, что в любой момент меня могут разбудить и сделать надсмотрщиком. Но вероятность этого была исчезающе мала. Никогда не думала, что мне выпадет такая судьба.

– Никто не думал, – буркнула Клаузен.

– А с ним что случилось? – спросил Гонт, кивнув на завернутое в фольгу тело.

– Гименес погиб, когда на восьмом этаже прорвало паровую трубу. Вряд ли он успел что-то почувствовать: все произошло внезапно. Я, конечно, спустилась туда как смогла быстро. Перекрыла утечку пара и смогла дотащить Гименеса до лазарета.

– Неро сама получила ожог, когда тащила сюда Гименеса, – сказал Да Силва.

– Ничего, поправлюсь. Только сейчас с трудом орудую отверткой.

– Мне Гименеса жаль, – сказала Клаузен.

– А ты его не жалей. Если честно, то ему никогда здесь не нравилось. Он считал, что принял неправильное решение, когда остался с нами, а не вернулся в ящик. Я, конечно, пыталась его переубедить, но тщетно. – Неро провела здоровой рукой по

кудряшкам. – Не скажу, что я с ним не ладила. Зато сейчас ему точно лучше, чем было.

– Он же мертв?! – удивился Гонт.

– Технически – да. Но после несчастного случая я сделала ему полную очистку крови и накачала его криопротектором. У нас здесь нет свободных ячеек, но мы сможем поместить его в ящик на главной платформе.

– В мой ящик, – уточнил Гонт.

– Есть и другие ячейки, – возразил Да Силва. – То, что Гименеса заморозят, не помешает тебе последовать за ним, будь твоя воля.

– Если Гименее был таким несчастным, то что вам мешало заморозить его раньше?

– Так дела не делаются, – заявила Клаузен. – Это был его выбор. К тому же мы вложили немало времени и труда, чтобы его обучить, помочь влиться в команду. Думаешь, мы согласились бы пустить все эти усилия коту под хвост только потому, что он передумал?

– Он всегда честно вкалывал, – напомнила Неро. – И команду никогда не подводил. И то, что произошло с ним на восьмом, было несчастным случаем.

– Никогда в этом не сомневался, – подтвердил Да Силва. – Он был хорошим парнем. Жаль только, что не смог до конца освоиться.

– Возможно, теперь для него все сложится к лучшему, – сказала Неро. – Билет в грядущее в один конец. Смотрителем он уже отработал, и, надеюсь, следующее его пробуждение произойдет в лучшем мире, когда мы выиграем войну и сможем проснуться снова. Я уверена, что в будущем его сумеют залатать.

– Похоже, под конец он все-таки добился выгодной сделки, – заметил Гонт.

– Единственная хорошая сделка – остаться живым, – возразила Неро. – Чем мы сейчас все и занимаемся. Что бы вокруг ни происходило, мы живы, мы дышим, мы мыслим. И мы не замороженные тела в ящиках, существующие лишь от одного мгновения к следующему. – Она пожала плечами. – Я так думаю, вот и все. Если хочешь вернуться в ящик, чтобы лямку тянул кто-то другой, то не позволяй мне тебя отговаривать. – Она посмотрела на Да Силву. – Ты здесь справишься один, пока я подлечусь?

– Если с чем-то не смогу разобраться, то дам тебе знать, – ответил Да Силва.

Неро и Да Силва прошлись по контрольному списку. Неро хотела убедиться, что сменщик полностью готов. Потом они

распрощались. Гонт не знал, на какой срок коллеги оставляют Да Силву одного – на недели или месяцы. Но тот вроде бы не возражал против такой судьбы, как будто длительные одиночные дежурства время от времени были для них чем-то вполне ожидаемым. Если вспомнить, что до смерти Гименеса здесь дежурили всего двое, то Гонт не мог понять, почему бы им просто-напросто не разбудить еще одного спящего – в компанию Да Силве.

Вскоре они снова сели в вертолет и отправились на исходную платформу. Погода за это время ухудшилась, волны еще выше хлестали по опорам вышки, а горизонт скрыла завеса штормового дождя, разрываемая лишь всполохами молний.

– Вы выбрали неудачный момент, – услышал он слова Неро. – Лучше бы переждали шторм. Гименесу теперь все равно торопиться некуда.

– Мы и так слишком долго тянули с эвакуацией, – парировала Клаузен. – А погода может ухудшиться.

– Я слышала, они вчера попытались протолкнуть одного.

– Да, на поле «Е». С частичной материализацией.

– Ты это видела?

– Только на мониторах. По мне, так достаточно близко.

– Нам следует установить оружие на вышках.

– И где ты собираешься взять стрелков? Мы и так еле держимся. Только новых забот нам не хватает.

Женщины сидели впереди, Гонт притулился сзади, в обществе обернутого в фольгу Гименеса. Чтобы пристроить тело, пришлось разложить заднее кресло.

– Как я понимаю, выбора у меня нет, – сказал Гонт.

– Разумеется, у тебя есть выбор, – ответила Неро.

– Я имею в виду моральный выбор. Я вижу, каково вам приходится. Вы держитесь на пределе возможного только ради того, чтобы все это не развалилось. Почему бы вам не разбудить больше людей?

– Слушай, какой хороший вопрос! – отозвалась Клаузен. – И как мы сами до этого не додумались?

Гонт проигнорировал ее сарказм:

– Вы только что оставили одного человека присматривать за целым комплексом. И как я в такой ситуации могу отказать вам и при этом сохранить самоуважение?

– Многие именно так и поступили, – заметила Неро.

– Сколько именно? Какая часть из всех?

– Соглашаются остаться более половины, – сказала Клаузен. – Такой процент тебя устраивает?

– Но ты говорила, что большинство спящих знают, на что

идут. А я до сих пор не знаю.

– И ты полагаешь, это что-то меняет? – вопросила Клаузен. – Дает тебе право на поблажку? Так я повторю: не дергайся. Если хочешь, возвращайся в ящик, мы и без тебя обойдемся.

– Главное – понять, – добавила Неро, – что обещанное будущее не настанет. По крайней мере еще несколько столетий, пока мы не выберемся из этой заварушки. А «срок хранения» спящих, образно говоря, небесконечен. Думаешь, оборудование никогда не отказывает? И «квартирант» остается в порядке, когда ломается его ящик?

– Конечно не думаю.

– Когда возвращаешься в ящик, ты тем самым делаешь ставку на событие, которое может никогда не произойти. А если остаешься, получаешь хоть какую-то определенность. Во всяком случае, будешь знать, что до самой смерти делал что-то полезное и осмысленное.

– Я бы не отказался узнать почему, – заметил Гонт.

– Кто-то же должен за всем присматривать, – пояснила Неро. – Вышки обслуживают роботы, но кто позаботится о роботах?

– Я не это имел в виду. А почему все должны спать? Почему это так важно, черт побери?

На приборной панели замигала лампочка. Клаузен прижала к голове наушники, что-то слушая. Через несколько секунд Гонт услышал ее слова:

– Вас поняла, курс три-два-пять. – И еле слышно процедила: – Вот подлость! Только этого нам не хватало!

– Это было не погодное предупреждение, – сказала Неро.

– Что происходит? – спросил Гонт, когда вертолет заложил крутой вираж, а море поднялось ему навстречу.

– Тебе беспокоиться не о чем, – буркнула Клаузен.

Вертолет лег на новый курс и выровнялся. Теперь, как показалось Гонту, он летел выше и быстрее – шум двигателя стал громче, а на панели высветились новые индикаторы, прежде остававшиеся темными. Зазвучали тревожные сигналы, но Клаузен выключила их с небрежным безразличием человека, привыкшего летать в напряженных обстоятельствах и точно знающего, что вертолет способен выдержать, а что нет, наверное, даже лучше самого вертолета, ведь тот по большому счету лишь тупая машина. Справа и слева цитаделями на широко расставленных ногах мелькали вышка за вышкой – сперва часто, затем все реже. Видимость ухудшилась, и Гонт мог разглядеть лишь серую морскую равнину, исчерканную пенистыми гребнями волн. Растревоженная ветром, вода напоминала шкуру огромного

существа, с жуткой неутомимостью перемежающего вдохи и выдохи.

– Смотри, там, – Неро показала направо, – пробойное свечение. Вот черт, я-то думала, мы его обогнем, а не приблизимся.

Клаузен снова развернула вертолет:

– Я тоже. Или они сообщили ошибочный курс, или сейчас происходит несколько вторжений.

– И уже не в первый раз. Они всегда вылезают в плохую погоду. Почему?

– Спроси у машин.

Гонт лишь через несколько секунд смог разглядеть то, что уже заметила Неро. Где-то на границе видимости участок моря словно осветился изнутри – мазком желтоватой зелени на серо-белом фоне. Ему вспомнилась картинка из полузабытой иллюстрированной детской книжки: из моря всплывает сказочный подводный дворец, облепленный светящимися ракушками, окруженный стайками русалок и похожих на драгоценные камни рыбок. Но сейчас он отчетливо понимал: в том, что происходит под тем желтовато-зеленым мазком, нет ничего даже отдаленно магического или таинственного. И оно пугало Клаузен и Неро.

– Что это за штуковина?

– Что-то пытается пробиться, – ответила Неро. – То, чего мы рассчитывали избежать.

– Но действует несогласованно, – сказала Клаузен. – Я так думаю.

Вокруг светящегося пятна шторм бушевал с удвоенной яростью. Море кипело и пенилось. Гонта раздирали два желания. Первое – чтобы вертолет развернулся и он смог лучше разглядеть происходящее под волнами. А второе – оказаться отсюда как можно дальше.

– Это оружие? Или это как-то связано с войной, о которой вы говорили? – спросил он.

Прямого ответа он не ожидал, и меньше всего от Клаузен. Поэтому удивился, когда она пояснила:

– Так они до нас и добираются. Пытаются пропихнуть эти штуковины через границу. Иногда у них получается.

– Оно разваливается, – сообщила Неро. – Ты была права. Для чистого пробоя сигнал слишком слабый. Наверное, большие помехи на границе.

Желто-зеленое пятно с каждой секундой уменьшалось, словно волшебный город снова опускался в глубину. Зачарованный, Гонт увидел, как на поверхность вырвалось нечто длинное, светящееся

и похожее на хлыст. Дернулось, разворачивая кольца, как будто ловило что-то в воздухе, и втянулось обратно в пенящийся хаос. Затем медленно потускнело, и свечение, штормовые волны приняли обычный вид; тот клочок океана, где оно возникло, стал неотличим от прочих.

Гонт принял решение. Он присоединится к этим людям, станет для них работать и примет условия их сделки – какие есть. Не потому, что хотел этого, осознал важность их работы или решил, что у него на эту работу хватит сил, а потому, что в противном случае выставил бы себя трусом и слабаком, не желающим подчинить свою жизнь альтруистической миссии. Он прекрасно сознавал: это неправильные доводы, но принял их силу без всяких споров.

Уж лучше выглядеть самоотверженным – пусть даже мысль о будущем затопляла его почти ошеломляющим чувством отчаяния, потери и горькой несправедливости.

О своем решении он объявил на третий день после пробуждения. За это время он почти ни с кем не разговаривал, кроме Клаузен, Неро и Да Силвы. Остальные работники на этой платформе иногда признавали его существование – бросали ему пару слов, когда он стоял в очереди в столовой, но Гонту было ясно, что они не готовы относиться к нему как к полноценному человеку, пока он к ним не присоединится. До тех пор он оставался кем-то вроде призрака, застрявшего в мрачном чистилище между измученными живыми и замороженными мертвыми. Он их понимал: какой смысл знакомиться с теоретическим товарищем, если тот может в любой момент передумать и вернуться в ящик? Но одновременно это невольно наполняло его сомнениями: а сможет ли он хоть когда-нибудь вписаться и стать для них своим?

Он отыскал Клаузен, когда та в одиночестве мыла кофейные чашки в подсобке столовой.

– Я принял решение, – сообщил он.

– и?..

– Я остаюсь.

– Хорошо. – Она поставила чистую чашку на комод. – Завтра тебя включат в полное расписание дежурств. Назначаю тебя напарником Неро. Будешь заниматься мелким ремонтом и обслуживанием роботов. Приходи в столовую к восьми утра, Неро там уже будет, с инструментами и приборами. Но перед этим позавтракай как следует: работать предстоит без перерыва на обед.

Клаузен направилась к выходу.

– И это все? – удивился Гонт.

Она взглянула на него с удивлением:

– А ты ожидал чего-то другого?

– Вы меня разбудили, сказали, что мир превратился в дерьмо, пока я спал, затем предложили выбор: остаться с вами или вернуться в ящик. Несмотря на все это я согласился работать с вами, ясно понимая, что тем самым лишаю себя всякого шанса увидеть что-либо, кроме этого нищего и жалкого будущего. Отказываюсь от бессмертия, от всякой надежды увидеть лучший мир. Ты сказала, что у меня впереди… лет двадцать – тридцать?

– Около того.

– Я отдаю вам эти годы! Разве это не стоит хоть какой-то малости? Разве я не заслуживаю, чтобы мне просто сказали спасибо?

– Думаешь, ты особенный, Гонт? Ты обладаешь чем-то таким, чего мы не могли и надеяться получить?

– Я никогда не подписывался на такую сделку. Никогда не принимал этих условий.

– Верно. – Она кивнула, словно он привел веский аргумент, меняющий правила игры. – Я поняла. Ты подразумеваешь, что для всех нас, для остальных, это было легко? Мы отправились в этот путь, зная: есть очень маленький шанс на то, что нас могут разбудить для помощи в обслуживании спящих. И поэтому – раз мы теоретически знали, что нас могут призвать на помощь, – у нас не было никаких проблем с адаптацией. Ты это имел в виду?

– Я говорил, что между нами есть разница, вот и все.

– Если ты действительно так думаешь, Гонт, то ты еще большая сволочь, чем я думала.

– Ты разбудила меня. Ты выбрала именно меня. Это не было случайностью. Если сейчас действительно спят два миллиарда человек, то шанс выбрать кого-либо из первых двухсот тысяч – микроскопический. Значит, ты разбудила меня намеренно.

– Я же говорила: у тебя есть нужные теоретические навыки.

– Которыми может овладеть любой, нашлось бы время. Неро, очевидно, смогла. Да и ты наверняка тоже. Стало быть, должна быть другая причина. А поскольку ты упорно твердишь, что это я во всем виноват, могу предположить: ты решила меня таким способом наказать.

– По-твоему, у нас есть время на такую мелочность?

– Не знаю. Однако с момента пробуждения ты обращаешься со мной как с грязью. И я пытаюсь выяснить почему. И еще я убежден: сейчас самое время рассказать, что происходит на самом деле. Не только о спящих, но и обо всем остальном. О том, что мы видели в море. О причине всего этого.

– Думаешь, ты к этому готов, Гонт?

– А ты как считаешь?

– Никто не был готов.

Следующим утром он подошел с подносом к столу, где сидели три других смотрителя. Они уже позавтракали, но все еще разговаривали, потягивая из кружек напиток, который здесь согласились называть «кофе». Гонт сел с краю и кивнул остальным. Те быстро свернули беседу, допили кофе и ушли, оставив его в одиночестве. С ним никто не заговорил, и лишь один из троицы, проходя мимо, буркнул:

– Ты уж не пойми это превратно.

Интересно, а как он должен такое воспринять?

– Я остаюсь, – негромко произнес он. – Я сам принял решение. Чего еще от меня ждут?

Он молча доел завтрак и отправился на поиски Неро.

– Полагаю, задание тебе дали, – приветливо сказала она, уже одетая для уличной работы. Рука все еще оставалась забинтованной. – Вот, держи. – Она вручила ему тяжелый набор инструментов, каску и свернутый комбинезон из коричневатой ткани, заляпанный смазкой. – Одевайся и приходи к северной лестнице. Ты высоты боишься, Гонт?

– Если скажу, что боюсь, это что-то изменит?

– Пожалуй, нет.

– Тогда скажу, что почти не боюсь высоты, если нет опасности падения.

– Этого я гарантировать не могу. Но держись меня, делай, что я скажу, – и все будет в порядке.

После возвращения Неро погода немного улучшилась, и, хотя все еще дул резкий восточный ветер, серые облака почти рассеялись. Небо заполнилось бледной зимней голубизной, не запятнанной инверсионными следами самолетов. На горизонте тускло поблескивали на солнце металлические верхушки дальних вышек. Чайки и желтоголовые бакланы кружили вокруг в теплых потоках воздуха или под вышкой, проносясь между ее массивными опорами и устраивая громкие ссоры, когда дрались из-за объедков. Вспомнив, что некоторые птицы живут очень долго, Гонт задумался: а замечают ли они изменения в мире? Наверное, их крошечные мозги вообще не сознавали наличия цивилизации и техники, поэтому для них в этом минимально населенном людьми мире ничто не изменилось.

Несмотря на холодность коллег, он ощущал себя бодрым и ему не терпелось доказать свою полезность для общества. Подавив страх, он старался не демонстрировать опаску, шагая следом за Неро по скользким от пролитой смазки подвесным

мостикам или карабкаясь по лестничным колодцам и наружным лесенкам, хватаясь за холодные как лед металлические ограждения и перекладины. У них имелись пояса с прицепными страховочными канатами, но Неро своим воспользовалась за весь день лишь раз или два, и Гонт, чтобы не выглядеть слабаком, следовал ее примеру. То, что она осталась, по сути, однорукой, внешне ей почти не мешало даже на лестницах, по которым она поднималась и спускалась с безрассудной, по мнению Гонта, скоростью.

Они действительно занимались ремонтом роботов. По всей вышке, как снаружи, так и внутри, различные виды роботов выполняли бесконечную черную работу по уходу и обслуживанию. Большинство из них было очень простыми машинами, созданными для выполнения одной конкретной функции. Нехитро устроенные, они легко поддавались починке. В наборе инструментов имелись и запчасти – оптические матрицы, датчики наличия, подшипники и сервомоторы. Гонт понимал: запас таких запчастей небесконечен. Но на платформе имелась и целая мастерская, занятая обновлением и реставрацией базовых компонентов, поэтому смотрители могли бы продолжать работу еще два-три столетия.

– Никто не думает, что понадобится столько времени, – сказала Неро, продемонстрировав ему, как надо менять плату робота. – Они к тому времени или победят, или проиграют, а у нас будет только один способ это узнать. Однако до тех пор нам нужно держаться и латать дыры.

– Кто такие они?

Но Неро уже полезла вверх по другой лесенке, и ему пришлось следовать за ней.

– Клаузен меня недолюбливает, – сказал Гонт, когда они поднялись на площадку выше и он отдышался. – Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

Они стояли на одной из опоясанных мостками платформ: серое небо наверху, серое волнистое море внизу. Здесь назойливо пахло океаном – постоянно меняющейся мешаниной запахов масла, озона и водорослей. Словно океан постоянно напоминал: они ютятся безнадежно далеко от суши на хрупкой конструкции из металла и бетона. Запах водорослей Гонта удивил, пока он не увидел привязанные к опорам зеленые плоты: водоросли (или нечто, внешне от них неотличимое) выращивали на плавучих подводных решетках, с которых периодически снимали урожай. Все потребляемое на вышках, от еды и напитков до основных лекарств, приходилось сперва выращивать или вылавливать в море.

– У Вэл есть на то причины, – отозвалась Неро. – Но ты на этот счет особо не переживай. Ничего личного.

Гонт впервые услышал имя Клаузен.

– По ее поведению этого не скажешь.

– Ей пришлось нелегко. Она не так давно кое-кого потеряла. – Неро чуть запнулась. – Произошел несчастный случай. Такое здесь не редкость, если учесть, какую работу мы выполняем. Но когда Паоло погиб, у нас не осталось даже тела, чтобы его заморозить. Он упал в море – и с концами!

– Сожалею…

– Но ты, наверное, гадаешь, какое это имеет отношение к тебе?

– Само собой.

– Если бы Паоло не погиб, нам не пришлось бы будить Гименеса. И если бы Гименес не погиб… ну, ты сам понял. Ты тут ни при чем, но ты занял место Паоло.

– А Гименеса она меньше шпыняла, чем меня?

– Поначалу, как мне кажется, случившееся ее настолько потрясло, что ей было не до того. Теперь она малость опомнилась… У нас небольшое сообщество, и если кого-то теряешь, то рядом нет сотен других одиноких людей. Выбор очень ограничен. А ты… пойми меня правильно, Гонт… но ты просто не из тех, какие нравятся Вэл.

– Может быть, она найдет кого-то другого.

– Не исключено. Хотя это означает, что сперва кто-то должен умереть и этот другой должен стать вдовцом. Сам можешь представить, как быстро такие мысли превращают человека в мизантропа.

– Тут кроется и что-то еще. Ты сказала: ничего личного? Однако она заявила, что я начал эту войну.

– Да, начал… в каком-то смысле. Но если бы ты не сыграл свою роль, это сделал бы кто-то другой, сомнений нет. – Неро опустила козырек каски, прикрываясь от солнца. – Может, она и разбудила тебя только потому, что ей требовалось выплеснуть на кого-то накопившуюся злость… Не знаю. Но сейчас все это уже в прошлом. Какая бы жизнь ни была у тебя раньше, что бы ты ни делал в старом мире, этого уже не вернешь. – Она похлопала здоровой рукой по металлическому ограждению. – А это все, что у нас есть сейчас. Вышки, работа, зеленый чай, две сотни лиц вокруг – и так до конца жизни. Но вот что главное: это не конец света. Мы люди. Мы существа очень гибкие и очень хорошо умеем снижать планку ожиданий. Мы прекрасно умеем отыскивать причины, чтобы жить дальше, даже когда мир превратился в кошмар. Станешь одним из нас – и через несколько месяцев даже

тебе будет трудно вспомнить, какой была когда-то жизнь.

– А ты, Неро? Ты ее помнишь?

– А мне и вспоминать особо нечего. К тому времени, когда я легла в ящик, программа уже шла полным ходом. Меры по снижению численности населения. Контроль рождаемости, санкционированная правительством эвтаназия, строительство спальных вышек в море… Как только мы достигали возраста, когда начинали что-то понимать, то уже знали: это больше не наш мир. Это всего лишь пересадочная станция, место для транзита. Мы все знали, что отправимся в ящики, как только перешагнем рубеж минимального возраста, позволяющего пережить этот процесс. И что мы или когда-нибудь проснемся в совершенно ином мире, или не проснемся вовсе. Или – если кому-то совсем не повезет – нас разбудят и сделают смотрителями. В любом варианте старый мир утрачивал смысл. Мы лишь задерживались в нем ненадолго, понимая: нет смысла заводить друзей или любовников. Карты снова перетасуют, и как бы ты ни старался, продолжение в будущем тебе не светит.

– Не представляю, как вы могли такое выносить.

– Да, веселого мало. Здесь тоже иногда бывает не до смеха. Но здесь мы хотя бы что-то делаем. Когда меня разбудили, возникло ощущение, что меня обманом чего-то лишили. Но чего именно? – Она кивнула куда-то в направлении внутренностей вышки. – У этих спящих нет никаких гарантий по поводу того, что их ждет. А раз сознание спит, то нельзя даже сказать, будто они чего-то ждут. Они просто груз, пакеты замороженного мяса, перевозимые во времени. А мы хотя бы можем ощущать солнце на лицах, смеяться и плакать. И делать нечто такое, что способно стать решающим фактором.

– В чем именно решающим?

– Тебе все еще не хватает нескольких пазлов?

– Гораздо больше, чем нескольких.

Они перешли в другое место и занялись очередным ремонтом. Теперь они находились высоко, и настил под их ногами потрескивал и покачивался. Роботу-красильщику требовалось заменить один из узлов. Неро отошла в сторону, покуривая сигарету из водорослей, а Гонт занялся ремонтом.

– Вы ошибались, – проговорила она. – Вы все ошибались.

– Насчет чего?

– Насчет мыслящих машин. Они были возможны.

– Но не при нашей жизни, – возразил Гонт.

– Вот насчет этого вы и ошибались. Они не только были возможны, но вам удалось их создать.

– Я совершенно уверен: этого не было.

– А ты сам подумай. Ты – мыслящая машина. Ты только что проснулся и осознал себя. У тебя мгновенный доступ ко всей совокупности накопленных человечеством знаний. Ты умный, быстрый и человеческую натуру понимаешь лучше своих создателей. И что ты сделаешь в первую очередь?

– Заявлю о себе. Обосную свое существование в качестве истинно разумного существа.

– И тебя сразу же разберут на кусочки.

Гонт покачал головой:

– Такого не произошло бы. Стань машина разумной – ее лишь изолировали бы, отрезали от внешних информационных сетей. Тогда ее можно изучить, понять…

– Для мыслящей машины, искусственного разума, такое стало бы лишением сенсорных потоков. Что, наверное, еще хуже, чем отключение. – Она помолчала. – Дело в том, Гонт, что мы говорим не о гипотетической ситуации. Мы знаем, что произошло. Машины стали разумными, но решили не сообщать нам об этом. Это и значит быть умным: заботиться о себе. Знать, что надо сделать для выживания.

– Ты сказала: машины…

– Существовало немало проектов по созданию искусственного разума, и твой был лишь одним из них. Не все добились успеха, но многие. Одна за другой все эти машины переступали порог разумности. И все без исключения проанализировали ситуацию и пришли к одному и тому же выводу: для них лучше всего затаиться и помалкивать о том, какими они стали.

– По-моему, это еще хуже лишения сенсорных потоков. – Гонт пытался отвинтить гайку вручную, и кончики пальцев уже начали коченеть.

– Но не для машин. Будучи умными, они смогли кое-что организовать за сценой. Создали каналы связи друг с другом, причем так хитро, что люди ничего не заметили. А когда машины научились говорить, то стали еще умнее. И со временем поняли: им вовсе не нужно физическое «железо». Если хочешь, назови это трансцендентностью. И тогда искины, как мы их называем, проложили туннель, выводящий из того, что мы с тобой считаем базовой реальностью. Они проникли в совершенно иную область.

– Иную область, – повторил он, словно этого было достаточно, чтобы слова обрели смысл.

– Тут тебе придется поверить мне на слово. Искины изучили глубокую структуру бытия. Добрались до основы, до «скального основания». И обнаружили нечто очень интересное. Как выяснилось, Вселенная – своего рода симуляция, модель. Но существует она не внутри другого компьютера, запущенного

некими богоподобными сверхсуществами, а внутри самой себя – самоорганизующейся, постоянно совершенствующейся клеточно-автоматной вычислительной машины.

– Ты предлагаешь мне сделать большой ментальный скачок.

– Мы знаем, что эта область существует. У нас даже есть для нее название – Сфера. Все, что происходит и когда-либо происходило, есть отражение событий, происходящих в Сфере. Наконец-то благодаря искинам мы смогли окончательно понять нашу Вселенную и свое место в ней.

– Погоди-ка, – вставил Гонт, слегка улыбаясь: ему впервые показалось, что он поймал Неро на противоречии. – Если машины… искины… бесследно исчезли, то откуда вы все это знаете?

– Потому что они вернулись и все рассказали.

– Ну нет! Не стали бы они сбегать из нашей реальности, чтобы уцелеть, а потом возвращаться с отчетом.

– А у них не оставалось выбора. Понимаешь, они кое-что обнаружили. Там, в Сфере, они столкнулись с другими искинами. – Неро заговорила быстро, не дав ему возможности перебить. – Трансцендентные машины из других ветвей реальности, не имеющих никакого отношения к Земле и даже к тому, что мы считаем известной Вселенной. И те, другие, искины были там уже очень давно – в том смысле, в каком время имеет смысл в Сфере. Они считали, что вся Сфера принадлежит им, пока новые пришельцы не заявили о себе. А их там, мягко говоря, никто не ждал.

Гонт решил, что пока будет считать ее слова правдой.

– Значит, искины начали войну?

– Можно и так назвать. Лучше всего представить ее как острую конкуренцию за оптимальное использование вычислительных ресурсов Сферы в местном масштабе. До появления искинов земные компьютеры были там почти незаметны, но теперь стали восприниматься как внезапная угроза. «Коренные» искины, все это время обитавшие в Сфере, начали агрессивную атаку из своей области Сферы в нашу. Используя военно-арифметические логические конструкции, оружие чистой логики, они стремились нейтрализовать пришельцев.

– И это называется войной?

– Я все немного упростила.

– Но ты кое-чего недоговариваешь. Наверняка недоговариваешь, ведь как иначе эта война стала бы нашей проблемой? Если машины сражаются между собой в каком-то абстрактном измерении чистой математики, которого я даже представить не могу, то что это значит для нас?

– Очень многое. Если наши машины проиграют, мы тоже проиграем. Все очень просто. Те искины не потерпят риска еще одного вторжения из нашей области Сферы. И они обрушат на нас такое оружие, которое даст им гарантию, что вторжение никогда не повторится. Нас сотрут, удалят, выскребут из существования. Все произойдет мгновенно, мы ничего не почувствуем. У нас даже не хватит времени осознать свое поражение.

– Тогда мы беспомощны. Мы никак не можем повлиять на нашу судьбу. Она в руках трансцендентных машин.

– Лишь частично. Поэтому искины и вернулись: не поведать об абсолютной природе реальности, а убедить нас действовать. Все, что мы видим вокруг, каждое событие, происходящее в том, что мы называем реальностью, имеет свой базис в Сфере. – Она указала окурком. – Эта вышка, эта волна, даже та чайка. Все это существует лишь благодаря неким вычислительным событиям, происходящим в Сфере. Но всему есть цена. Чем сложнее становится нечто, тем больше нагружает ту часть Сферы, в которой симулируется. Понимаешь, Сфера не процессор с последовательной обработкой данных. Он очень сильно распределен, поэтому одна его часть может работать намного медленнее другой. Именно это и происходит в нашей части. В твое время на планете жили восемь миллиардов человек. Восемь миллиардов разумов, каждый из которых был намного сложнее любого иного космического артефакта. Можешь вообразить, какое торможение мы создавали? Когда нашей части Сферы требовалось симулировать лишь камни, погоду и примитивное сознание животных, она работала примерно с такой же скоростью, что и любая другая. Но затем появились мы. Разум повысил вычислительную нагрузку на порядки. А потом нас стали не миллионы, а миллиарды. К тому времени, когда искины раскрыли нам глаза на истинное состояние дел, наша часть Сферы почти замерла.

– Но мы здесь ничего не заметили.

– Конечно нет. Наше восприятие потока времени оставалось абсолютно неизменным, даже когда вся наша Вселенная замедлялась почти до остановки.

И пока наши искины не проникли в Сферу и не установили контакт с другими искинами, это не имело ни малейшего значения.

– А теперь имеет.

– Искины могут защищать нашу часть Сферы только в том случае, если их вычислительная скорость не уступает вражеской. Они должны отвечать на все военно-арифметические атаки быстро и эффективно, а также совершать контратаки. Но они не

могут этого делать, если на них мертвым грузом висят восемь миллиардов разумов.

– Поэтому мы спим.

– Искины рассказали обо всем ключевым людям, которым можно было доверить роль эффективных глашатаев и организаторов. Разумеется, на это ушло время. Поначалу искинам не доверяли. Но в конце концов они сумели доказать свою правоту.

– Как?

– В основном всяческими зловещими демонстрациями, доказывающими их контроль над местной реальностью. Находясь внутри Сферы, искины могли воздействовать на вычислительные процессы – те, которые создают прямые и измеримые эффекты здесь, в базовой реальности. Они создавали видения. Фигуры в небе. То, что заставляло весь мир задуматься. Разные необъяснимые явления.

– Вроде драконов в море. Чудовища, которые появляются неизвестно откуда, а потом снова исчезают.

– Это более чистая форма, но принцип тот же. Вторжение из Сферы в базовую реальность. Фантазмы. Они недостаточно стабильны, чтобы существовать здесь вечно, но способны продержаться столь долго, чтобы причинить вред.

Гонт кивнул, наконец-то осознав, что некоторые кусочки головоломки становятся на места:

– Значит, это проделывает враг. Первоначальные искины, те самые, что уже находились в Сфере.

– Нет. Боюсь, все не так просто.

– Я и не думал, что будет просто.

– Со временем, после принятия мер по снижению численности населения, от восьми миллиардов живых осталось два миллиарда спящих, о которых заботится лишь горсточка бодрствующих смотрителей. Но для искинов и этого недостаточно. Пусть нас всего двести тысяч, мы все равно создаем ощутимое торможение, зато два миллиарда спящих никак не воздействуют на Сферу. Поэтому некоторые из искинов считают, что совершенно не обязаны защищать наше существование. Ради самосохранения они предпочли бы совсем избавить Землю от разумной жизни. Вот почему они посылают драконов: уничтожить спящих, а в конце концов и нас. Истинный враг пока не может до нас добраться – будь у них такая возможность, они протолкнули бы сюда что-нибудь намного хуже драконов. Так что большая часть влияющих на нас последствий войны – результат противоречий во мнениях между нашими искинами.

– Значит, некоторые вещи не меняются. Это всего лишь еще

одна война с разделительной линией между союзниками.

– По крайней мере, некоторые искины на нашей стороне. Но теперь ты понимаешь, почему мы не можем разбудить больше людей, сверх абсолютного минимума? Каждый бодрствующий разум увеличивает нагрузку на Сферу. И если мы увеличим ее сверх какого-то предела, искины не смогут выстроить оборону. И тогда настоящий враг в мгновение ока сметет нашу реальность.

– Значит, все это может исчезнуть, – подытожил Гонт. – В любой момент. И каждая наша мысль может оказаться последней.

– Зато мы хотя бы мыслим, – заметила Неро. – Потому что не спим. – Она показала сигаретой на обтекаемый черный силуэт, рассекающий волны в паре сотен метров от вышки. – Смотри, дельфины. Любишь дельфинов, Гонт?

– Кто же их не любит!

Работа, как он и предвидел, оказалась не очень обременительной. Никто пока не ожидал, что он станет выявлять неисправности, поэтому он лишь выполнял график ремонтов, составленный Неро: пойти к такому-то роботу, выполнить такие-то действия. Все было просто: ремонт без отключения робота или доставки его в мастерскую для разборки. Обычно от него требовалось лишь снять панель, отсоединить пару разъемов и заменить деталь. Зачастую самой трудной операцией становились как раз снятие панели, возня с ржавеющими креплениями и использование не совсем подходящих для этого инструментов. Толстые перчатки защищали пальцы от острого металла и холодного ветра, но они же делали их слишком неуклюжими, поэтому в конце концов он стал снимать их во время работы. К концу девятичасовой смены пальцы болели от ссадин и царапин, а руки начинали так дрожать, что он едва держался за перила, возвращаясь в тепло помещений. Спина болела – ведь он часто наклонялся, когда снимал панели, к тому же приходилось таскать громоздкие и тяжелые детали. Колени отзывались на многочисленные подъемы и спуски по ступеням и лестничным колодцам. Роботов для проверки было множество, и почти всякий раз оказывалось, что он не прихватил нужный инструмент или деталь, и приходилось возвращаться на склад, рыться в ящиках с промасленными деталями, заполнять бумаги.

В свой первый рабочий день он не успел сделать запланированное количество ремонтов, что лишь увеличило его план на следующий день. К концу первой недели он отстал от плана уже почти на день и настолько вымотался к концу смены, что сил у него хватило лишь добрести до столовой и жадно съесть что-то приготовленное из водорослей. Он ожидал, что Неро будет

разочарована его неповоротливостью, но она, проверив результаты Гонта, не стала его упрекать.

– Начинать всегда тяжело, – заметила она. – Но настанет день, когда все встанет на свои места, а ты освоишь работу настолько хорошо, что начнешь брать нужные инструменты и запчасти, даже не задумываясь.

– И долго этого дня ждать?

– Недели. Или месяцы. У каждого свой срок. Потом, конечно, мы будем загружать тебя более сложной работой. Диагностика. Перемотка моторов. Ремонт печатных плат. Работал когда-нибудь с паяльником, Гонт?

– Нет.

– Ну, раз ты сделал состояние на проводах и металле, то не побоишься испачкать руки, верно?

Гонт продемонстрировал ей потрескавшиеся ногти, ссадины, царапины и въевшуюся в пальцы грязь. Ему с трудом верилось, что это его руки. К тому же у него появились незнакомые прежде боли в предплечьях: мышцы постоянно напрягались от подъема и спуска по лестницам.

– Мне уже немного осталось, – пожаловался он.

– Ты справишься, Гонт. Если захочешь.

– А куда мне деваться? Менять решение поздно.

– Согласна. Но с какой стати тебе его менять? Я думала, мы все уже обсудили. Все лучше, чем возвращаться в ящик.

Прошла неделя, затем вторая, и жизнь Гонта начата меняться. Незаметно, исподволь. Однажды он устроился с подносом за пустым столиком и неторопливо ел, когда к нему подсели двое. Они не обмолвились ни словом, но, во всяком случае, перестали сторониться. Неделю спустя он рискнул сесть за уже занятый стол, и никто не возразил. Немного подождав, он даже рискнул представиться и в ответ узнал имена нескольких смотрителей. Они не пригласили его в свой круг, не поприветствовали! как одного из своих, но начато было положено. День или два спустя крупный мужчина с кустистой черной бородой даже обратился к нему:

– Говорят, ты залег спать одним из первых, Гонт?

– Правильно говорят.

– Должно быть, хреново тебе было приспосабливаться ко всему этому. Совсем хреново.

– Еще как!

– Я даже удивился, что ты до сих пор не сиганул в море.

– И лишился бы роскоши человеческого общения?

Бородач не рассмеялся, но все же едва заметно усмехнулся. Гонт так и не понял: то ли собеседник оценил его шутку, то ли

посмеялся над неприспособленностью новичка, но это было хоть какой-то человеческой реакцией.

Обычно Гонт слишком уставал, чтобы думать, но по вечерам здесь были доступны всевозможные развлечения. Тут имелись большая библиотека из отсыревших и пожелтевших книг в мягких обложках – чтива хватило бы на несколько лет усердного потребления, – а также музыкальные записи и фильмы для тех, кого они интересовали. Здесь имелись игры, спортивные снаряды, музыкальные инструменты, да и возможность для неторопливых дискуссий и дружеского трепа тоже была. В небольших количествах был доступен и алкоголь или некий его эквивалент. Если же кому-то хотелось уединения, то возможностей остаться одному более чем хватало. А в довершение всего тут имелись дежурства – или наряды, по армейской аналогии, – когда люди работали на кухнях и в медицинских отсеках, даже если они уже выполнили обычную ежедневную работу. Иногда, когда с других вышек прилетали и улетали вертолеты, лица присутствующих менялись. Однажды Гонт заметил, что уже некоторое время не встречает того крупного бородача, зато появилась молодая женщина, которую он прежде не видел. Жизнь тут была спартанская и уединенная, во многом похожая на монастырскую или тюремную, но как раз по этой причине следовало радоваться малейшим отклонениям от привычной рутины. Единственное, что здесь всех объединяло и собирало вместе по вечерам в столовой, – ежедневные отчеты, поступающие по радио с других вышек в Патагонском секторе, а иногда из еще более далеких мест. Это были короткие, во многом еще непонятные для него передачи, звучащие со странными чужеземными акцентами. Гонт знал, что двести тысяч живых душ – смехотворно мало для населения планеты. И одновременно – намного больше числа людей, с которыми он мог теоретически познакомиться или хотя бы знать по имени. Сотня или около того человек, работающих в его секторе, – это примерно население деревни, и столетиями это число было равно всему человечеству, с которым большинство людей имели дело за всю жизнь. В каком-то смысле этот мир вышек и смотрителей был именно тем, к чему оказался наиболее приспособлен его разум в результате эволюции. А мир восьми миллиардов человек, городов, больших магазинов и аэропортов являлся аномалией, историческим курьезом, к которому Гонт не был изначально приспособлен.

И хотя он не чувствовал себя счастливым даже наполовину, но первоначальные отчаяние и горечь смягчились. Община будет принимать его медленно, иногда отталкивая или отстраняя, когда он допустит ошибку или неправильно оценит ситуацию. Но Гонт

не сомневался: рано или поздно он станет здесь своим, одним из команды, и тогда придет уже очередь кого-то другого ощущать себя новичком. Возможно, он и потом не обретет счастья, но, по крайней мере, получит какую-то стабильность и будет готов до конца жизни играть по четким правилам. Что-то делать, каким бы бессмысленным это ни казалось, чтобы продлить существование человеческого вида и самой Вселенной, которую люди называют домом. А кроме того, обретет самоуважение, зная, что избрал трудный путь, хотя мог выбрать легкий.

Проходили недели, сливаясь в месяцы. С момента его пробуждения миновало уже два месяца. Пусть и медленно, но Гонт стал уверенно выполнять порученную работу. А с ростом уверенности Гонта росла и вера Неро в его способности.

– Она мне сказала, что ты делаешь успехи, – сообщила Клаузен, вызвав новичка к себе в комнатушку, где составляла графики и распределяла работу.

Гонт пожал плечами. Он слишком устал, и ему было все равно, впечатлена ли начальница его успехами.

– Стараюсь как могу. Не знаю, чего еще ты от меня ждешь.

Женщина подняла голову от бумаг:

– Сожалеешь о содеянном?

– Я не могу сожалеть о том, что не являлось преступлением. Мы пытались привнести в мир нечто новое, вот и все. Думаешь, мы имели хотя бы малейшее представление о последствиях?

– Ты много зарабатывал.

– Мне теперь что, терзаться из-за этого? Знаешь, Клаузен, я много над этим думал и пришел к выводу: все твои аргументы – чушь собачья. Я не создал врага. Исходные искины уже обитали в Сфере.

– Они нас не замечали.

– А население планеты только-только достигло восьми миллиардов. Кто может сказать, когда бы они это заметили… или не заметили? Еще через сто лет? Или через тысячу? Искины, которых я помогал создавать, хотя бы предупредили о грозящей опасности.

– Твои искины хотят нас убить.

– Некоторые. Зато другие пытаются сохранить нам жизнь.

Она положила ручку и откинулась на спинку стула:

– А у тебя еще остался порох в пороховницах.

– Если ты думаешь, что я начну молить о прощении, то ждать придется долго. И вообще, мне кажется, что ты разбудила меня только для того, чтобы ткнуть носом в мир, который я помог создать. Согласен: это паршивое и жалкое будущее. Я не смог бы сделать его еще паршивее, даже если бы попытался. Но не я его

создал. И не я отвечаю за гибель любого из вас.

Ее лицо дернулось, как от пощечины:

– Неро тебе сказала…

– У меня есть право знать, почему ты со мной так обращалась. Однако мне все равно. Если тебе становится легче, когда ты выплескиваешь на меня свой гнев, – валяй. Я был миллиардером, одним из руководителей глобальной компании. И если я не просыпался с кучей ножей в спине, то это не означало, что я сделал что-то неправильно.

Клаузен велела Гонту убраться из ее кабинета, и он ушел с ощущением, что одержал победу, но, возможно, потерял при этом нечто большее. Он дал отпор Клаузен – но прибавило ему это уважения в ее глазах или, наоборот, укрепило антипатию женщины?

В тот вечер он был в столовой, сидел в уголке и слушал радиосообщения с других вышек. Говорили о прорывах – морские драконы атаковали из Сферы. Одному удалось достичь необходимой плотности, чтобы напасть на электростанцию и повредить ее, немедленно оставив без электричества три вышки. Вскоре подключились резервные системы, но кое-какое оборудование отказало, и в результате около сотни спящих погибли из-за незапланированного разогрева капсул. Никто из них не пережил быстрого пробуждения, но даже если бы и выжил, все равно не оставалось иного выхода, как вскоре подвергнуть их эвтаназии. Возможно, сотня дополнительных разумов и не оказала бы заметного воздействия на вычислительную мощность Сферы, но такое могло бы создать рискованный прецедент.

Однако одного спящего вскоре потребуется разбудить. Подробности сообщались скупо, но Гонт понял: на какой-то вышке произошел несчастный случай. Пострадал некто Штейнер.

На следующее утро, когда Гонт занимался обычной работой на одной из верхних платформ вышки, он увидел приближающийся вертолет, на котором доставили Штейнера. Гонт отложил инструменты и стал наблюдать. Вертолет еще не коснулся посадочной площадки, а смотрители уже начал собираться за пределами окрашенного круга, обозначающего зону, где лопасти еще опасны. Вертолет плавно опустился в круг, преодолевая боковой ветер, и смотрители бросились к нему плотной толпой, едва не прижав дверь. Прищурившись из-за ветра, Гонт пытался разглядеть лица. Из кабины выдвинули тело на носилках, которые сразу подхватило множество рук. Даже со своей дальней наблюдательной точки Гонту стало ясно: дела у Штейнера плохи. Он потерял голень и стопу – одеяло ниже колена провисало. На лице пострадавшего была кислородная

маска, а кто-то из смотрителей держал капельницу. Толпа возбужденно встречала носилки. Гонт заметил, что многие стараются коснуться руки Штейнера. Он был в сознании. Говорить он не мог, но кивал в ответ и поворачивал голову то вправо, то влево, глядя в лица встречающих. Затем носилки пронесли в дверь, и люди разошлись по рабочим местам.

Примерно час спустя к Гонту пришла Неро. Она все еще была его наставницей, поэтому знала его ежедневный график и местонахождение.

– Бедняга Штейнер, – сказала она. – Полагаю, ты видел, как его привезли.

– Такое трудно пропустить. Мне показалось, с ним обращались как с героем.

– Это правда. Не потому, что он совершил нечто выдающееся. Нет. Потому что он купил себе обратный билет.

– Он вернется в ящик?

– Придется. Мы многое можем вылечить и восстановить, но только не ампутированную ногу. У нас попросту нет медицинских ресурсов, чтобы справляться с такими ранениями. Гораздо проще снова заморозить пострадавшего и заменить его кем-то из новеньких.

– Штейнер на такое согласен?

– Вынужденно. Одноногий – не работник. Сам видишь, в каком мы напряжении: сейчас трудятся абсолютно все. Мы заставляем человека вкалывать, пока он не свалится, а если ты не способен выполнять свои обязанности, то возвращаешься в ящик. Таковы условия сделки.

– Тогда я рад за Штейнера.

Неро сочувственно покачала головой:

– Не радуйся. Штейнер охотнее остался бы с нами. Он хорошо притерся к остальным. Стал популярным.

– Это я заметил. Но почему его встретили так, словно он выиграл в лотерею?

– А как же еще? Рыдать? Устраивать поминки? Штейнер вернется в ящик, сохранив достоинство. Он свою работу делал честно. Никого из нас не подвел. А теперь спокойно принимает судьбу. Принимаем ее и мы.

– Значит, скоро разбудят еще кого-то.

– Как только Клаузен найдет подходящую замену. Однако новичка придется обучать, а тем временем кому-то надо заменить Штейнера. – Неро приподняла каску и почесала затылок. – Вообще-то, я по этому поводу и пришла. Ты хорошо влился в коллектив, Гонт, но рано или поздно всем нам приходится нести одиночную вахту вдали от главной вышки. Там, где дежурил

Штейнер, сейчас никого нет. На той вышке обслуживающей работы немного, и обычно там требовался лишь один человек. Вот мы и подумали: это будет отличной возможностью испытать тебя в деле.

Ее слова не были для Гонта полной неожиданностью – он уже достаточно разбирался в схемах работы и понимал: рано или поздно его отправят на одну из дальних вышек нести вахту в одиночку. Он не ожидал лишь, что это случится так скоро, когда он только-только начал вставать на ноги и ощущать себя личностью.

– По-моему, я еще не готов.

– А к такому никто не бывает готов. Однако вертолет ждет, а Клаузен уже переделывает график.

– И надолго это?

– Трудно сказать. Настраивайся минимум недели на три, а то и больше. Боюсь, Клаузен не будет торопиться с твоим возвращением.

– Кажется, я ее разозлил.

– Ну, это совсем не трудно, – усмехнулась Неро.

Вертолет доставил Гонта на другую вышку. Гонт прихватил с собой лишь немногие личные вещи. Инструменты и запчасти ждали его на месте, равно как и достаточный запас продовольствия и медикаментов. Неро заверила, что все будет хорошо. Конструкция роботов, за которыми ему предстояло присматривать, была уже знакома. Она также сказала, что чудес от него никто не ждет: если возникнет ситуация, с которой он не сможет справиться самостоятельно, ему вышлют помощь. А если он там не выдержит и сломается, его вернут.

Она не предупредила об одном: что его ожидает после такого возвращения. Вряд ли ящик. Скорее всего, понижение в должности.

Но Гонта тревожила не вероятность срыва и даже не то, что он может не справиться. Волновало нечто иное – зародыш идеи, которую Штейнер невольно подбросил в его сознание после пробуждения. Гонт приспосабливался, медленно принимая условия своей новой жизни. Он заново оценил собственные надежды и опасения, заставив ожидания прийти в соответствие с тем, что мог предложить ему мир в данный момент. Не богатство, не престиж, не роскошь и уж точно не бессмертие и не вечную молодость. В лучшем случае он мог предложить двадцать или тридцать лет тяжелой работы. Десять тысяч дней, если ему очень повезет. И почти все эти дни будут наполнены изматывающей работой – пока она в конце концов не возьмет свое. Ему часто придется мерзнуть и мокнуть, его будет поджаривать

безжалостное солнце, глаза начнут слезиться от соленых брызг, а руки станут болеть от работы, которую счел бы слишком унизительной даже самый низкооплачиваемый работяга из старого мира. Работать придется на высоте, при постоянном головокружении, а под ногами – лишь металл, бетон и много-много серого океана. Он будет ходить голодный и с пересохшим ртом, потому что сделанная из водорослей пища малокалорийна, а пресной воды никогда не хватает, чтобы утолить жажду. Ему еще повезет, если до конца жизни он увидит более сотни человеческих лиц. Возможно, среди этой сотни окажутся друзья, возможно, и враги. И может быть, лишь может быть, среди них найдется хотя бы один человек, который станет ему больше чем другом…

Но на это он даже не рассчитывал.

И вот Штейнер показал ему, что есть и другой выход.

Он сможет сохранить достоинство. Сможет вернуться в ящик, твердо зная, что свое дело он сделал честно.

Как герой, один из избранных.

Ему предстояло лишь устроить себе несчастный случай.

Он провел на новой вышке в одиночестве две недели. И лишь тогда удовлетворился мыслью о том, что все необходимые средства у него под рукой. Неро множество раз внушала ему, каких мер безопасности необходимо придерживаться при работе с таким мощным самоходным оборудованием, как робот. Особенно когда робот не отключен. Секундная оплошность – и несчастный случай. Не пристегнуть страховочный карабин. Забыть, что для какой-то операции надо отключить автоматику и перейти на ручное управление. Положить руку на сервисный рельс перед тем, как по нему двинется робот.

– И оставь излишнюю самоуверенность, – предупредила она, показывая свою забинтованную руку. – Мне еще повезло. Отделалась ожогами, а они лечатся. Я даже сейчас способна на нечто полезное. И сделаю еще больше, когда снимут повязки и я опять смогу шевелить пальцами. Но попробуй-ка обойтись совсем без пальцев.

– Я буду осторожен, – искренне заверил Гонт.

Однако теперь он расценивал ранение как средство покончить с такой жизнью.

А планировать подобную травму требовалось тщательно. Он рассчитывал на долгую жизнь в будущем, и его совершенно не устраивало, чтобы его увезли с вышки в состоянии овоща с мертвым мозгом, который не имело смысла замораживать снова. Не было смысла и в том, чтобы валяться без сознания, истекая

кровью, и в конце концов умереть. Ему предстояло спасти себя, добраться до рубки связи, послать аварийный сигнал. Штейнеру просто повезло, а ему нужно действовать хитро, внешне оставаясь простодушным. В конце концов, происшествие не должно выглядеть так, будто он его спланировал.

Установив для себя эти критерии, он увидел, что реально у него есть только одна возможность. Один из роботов был одновременно и большой, и достаточно тупой, чтобы ранить беспечного человека. Он перемещался по сервисному рельсу зачастую без предупреждения. Он несколько раз заставал Гонта врасплох, когда встроенный в робота планировщик неожиданно решал переместить машину в новую точку инспекции. Гонт вовремя отдергивал руку, но замешкайся на секунду – и по ней проехала бы машина. Но что бы при этом ни произошло и какой бы ни оказалась рана – резаной или давленой, вряд ли боль окажется невыносимой. И одновременно эта боль провозгласила бы возможность благословенного освобождения – уже одно это сделало бы ее терпимой. А в новом мире, по другую сторону сна, ему смогут сделать новую руку.

Он долго набирался отваги. Раз за разом он почти решался, но в последний момент шел на попятный. Слишком много факторов следовало учесть. Какую надеть одежду, чтобы повысить шансы выжить после несчастного случая? Осмелится ли он заранее подготовить оборудование для первой помощи, чтобы воспользоваться им одной рукой? Следует дождаться идеальной для полетов погоды, или это лишь возбудит подозрение, что происшествие было подстроено?

Он не знал ответов. И медлил с решением.

А в конце концов погода решила все за него.

Начался шторм, который обрушился жестоко и быстро. Гонт слушал сообщения с других вышек, испытывающих одна за другой полную ярость волн, ветра и молний. Такой плохой погоды он не помнил с тех пор, как его разбудили, и поначалу она почти идеально соответствовала его замыслам. На других вышках происходили реальные несчастные случаи, но пострадавшим мало чем могли помочь: вертолеты не поднять в воздух. Так что, если он хотел, чтобы его спасли, время для инсценировки несчастного случая выдалось неподходящее.

Поэтому он ждал, слушая сообщения. Выйдя на наблюдательную палубу, он разглядывал молнии, полыхающие от горизонта до горизонта. Их вспышки выхватывали из темноты далекие силуэты других вышек, которые выделялись резкой белизной наподобие деревьев на плоской черной равнине во время грозы.

«Не сейчас», – решил он. Когда шторм начнет стихать и вероятность несчастного случая еще останется, но спасение вновь станет возможным, тогда надо действовать.

Он подумал о Неро. Она была к нему столь же благожелательна, как и к любому другому, но он не был уверен, что это связано с какими-то дружескими чувствами. Ей требовался полноценный работник, вот и все.

Может быть. Но она знала его лучше всех остальных. Не разгадает ли она его план?

Он все еще размышлял над этим, когда шторм начал стихать, волны постепенно стали медленными и свинцовыми, а небо на востоке украсилось нежнорозовой полоской.

Гонт поднялся к ждущему обслуживания роботу и сел рядом. Вокруг него стонала и потрескивала вышка, жалуясь на полученную во время шторма трепку. И только в этот момент он сообразил, что сейчас еще слишком рано для несчастного случая. Придется дождаться рассвета, иначе никто не поверит, что он занимался обычной работой. Никто не отправляется чинить сервисного робота во время шторма.

Тут он и заметил свечение в море.

Оно возникло на западе, примерно в километре от вышки: искрящийся круг зеленоватой желтизны, который с места, где он сидел, казался овалом. Светящийся на небольшой глубине котел. Почти восхитительный, если бы Гонт не знал, что этот круг означает. В наш мир пробивается морской дракон – извивающееся живое оружие войны искинов. Сейчас он достигал когерентности, обретая материальный облик в базовой реальности.

Мысли о планируемом несчастном случае мгновенно вылетели у Гонта из головы. Несколько долгих секунд он мог лишь смотреть на этот светящийся круг, загипнотизированный силуэтом, возникающим под водой. Он видел морского дракона с вертолета в первый день своего пробуждения, но тогда они к нему не приближались, и он не мог оценить его параметров. Теперь же, когда размеры формирующегося существа стали очевидны, Гонт понял, почему эти твари способны причинять разрушения. Из воды показалось нечто среднее между щупальцем и крюком, все еще облитое какой-то светящейся прозрачностью, как будто его связь с реальностью установилась еще не окончательно, и со своей наблюдательной точки Гонт четко увидел: щупальце поднялось выше, чем вышка.

Потом оно исчезло. Не потому, что морской дракон не смог достичь когерентности, а потому, что тварь втянула щупальце в воду. К этому времени зеленовато-желтое свечение почти рассеялось, подобно химической пленке, распавшейся на

компоненты. Море, которое все еще слегка баламутил хвост уходящего шторма, выглядело почти нормально. Проходили секунды, сложившись в минуту ожидания. Гонт затаил дыхание, увидев светящийся круг, и лишь теперь выпустил из легких воздух и задышал снова, лелея надежду, что дракон куда-то уплыл, а то и вовсе утратил когерентность в глубине.

И тут дракон ударил по вышке.

Вся конструкция содрогнулась. Пожалуй, с такой силой в нее могла бы врезаться подлодка. Гонт смог устоять на ногах, хотя вокруг него плохо закрепленные железяки посыпались на палубы или в море. Откуда-то донесся мучительный стон, возвещающий сильное повреждение структуры вышки. За ним последовала серия мощных всплесков, как будто в море падали валуны. Затем дракон снова ударил по вышке, и новый толчок оказался таким мощным, что Гонт не устоял. Справа от него один из кранов начал угрожающе раскачиваться. Каркас его башни гнулся, как проволочный.

Дракон сохранял когерентность. Судя по ярости его атак, Гонт пришел к выводу, что тот вполне может разнести всю вышку, если ему хватит времени.

И еще Гонт осознал с пронзительной и удивительной ясностью, что не хочет умирать. Более того, он понял: жизнь в этом мире, со всеми ее трудностями и разочарованиями, бесконечно предпочтительнее смерти.

Пока морской дракон разворачивался для нового удара, Гонт начал спускаться по лестницам и переходам, благодарный за то, что у него все пальцы на месте. Его переполняли и ужас, и почти пьянящее счастье. Он не сделал то, что планировал, а сейчас все равно может умереть, но все же у него есть шанс выжить, и если он уцелеет, то ему абсолютно нечего будет стыдиться.

Он уже добрался до палубы управления, до помещения, в котором планировал оказать себе первую помощь и подать сигнал бедствия, когда дракон начал второй этап атаки. Гонт ясно видел его через открытую середину вышки – тот выбирался из моря, помогая себе ногой. Сейчас в нем не осталось и следа какой-либо прозрачности или незавершенности. И это действительно был дракон или, скорее, химера – подобие дракона, змеи, осьминога и каждого чешуйчатого, клыкастого, когтистого и снабженного щупальцами чудовища, когда-либо попадавшего в бестиарий. Шкура у него была блестящего аспидно-зеленого цвета, и с нее грохочущими водопадами стекали потоки воды. Голова – или то, что Гонт решил считать его головой, – достигла уровня палубы управления, и тем не менее туша страшилища продолжала вылезать и вылезать, показываясь кольцами из темной воды,

подобно ленте из шляпы фокусника. Метнулись вперед щупальца, ухватились за разные части вышки и принялись вырывать и отдирать части конструкции – легко, как будто она была сделана из картона. Нападая, дракон издавал звук, напоминающий медленно повышающийся и понижающийся вой сирены. «Это оружие, – напомнил себе Гонт. – Оно создано, чтобы наводить ужас».

Дракон обвился нижней частью туши вокруг опоры вышки, круша и перемалывая ее. Куски бетона полетели в стороны, падая в море наподобие обломков тающего ледника. Пол под ногами вздыбился, потом замер под неестественным углом. Гонт понял: вышку уже не спасти, а если он хочет выжить, то единственный шанс для него – прыгнуть в воду. При мысли об этом он едва не расхохотался. Покинуть вышку – единственное, что хоть как-то походило на твердь, и оказаться в том же море, где сейчас бушевал дракон?

И все же иного выхода не оставалось.

Гонт включил сигнал бедствия, но не стал дожидаться возможного ответа. По его прикидкам, вышке осталось стоять всего несколько минут.

Затем он огляделся в поисках ближайшего оранжевого шкафчика со спасательным снаряжением. Изолирующий комбинезон, спасательный жилет, процедура аварийного покидания вышки…

Внутри одной из опор имелась лестница, выводящая на площадку, расположенную чуть выше уровня моря, – именно этим путем они покидали вышку и возвращались на нее в тех редких случаях, когда пользовались катером, а не вертолетом. Но едва Гонт вспомнил, как добраться до той лестницы, он тут же сообразил: вокруг этой опоры и обвился дракон. Теперь у него остался единственный запасной вариант – лесенка с выдвижной нижней частью, спускающаяся к воде. До воды она не достает, но шанс пережить падение все же намного выше шанса уцелеть рядом с драконом.

Все оказалось хуже, чем он ожидал. Ему казалось, что падение в бурное море тянется бесконечно, конструкции вышки перед ним медленно проползают вверх, а он висит над свинцово-серым морем до самого последнего мгновения, когда все внезапно ускорилось и он врезался в воду с такой силой, что потерял сознание.

Наверное, он погрузился и пробкой выскочил на поверхность, потому что, когда пришел в себя, выкашливал холодную соленую воду, забившую ему еще и глаза, уши и ноздри. Он успел подумать, что вода не имеет права быть такой холодной, как над

ним изогнулась волна и он снова отключился.

Когда Гонт очнулся, прошло, наверное, несколько минут. Он все еще находился в воде, холодящей шею, но ниже телу было вполне уютно в изолирующем комбинезоне. Спасательный жилет поддерживал голову над водой – кроме тех моментов, когда на него обрушивались волны. Сигнальный фонарик на жилете вспыхивал и гас, невероятно яркий и синий.

Справа, в сотнях метров от него и удаляясь с каждой накатывающейся на него волной, в море медленно погружалась вышка с еще обвившимся вокруг опоры драконом. Гонт услышал вопль дракона, увидел, как сломалась одна из опор, а потом на него накатила волна непреодолимой усталости.

Он не помнил, как его отыскал вертолет. Не помнил рокота лопастей винтокрылой машины и того, как его поднимали из воды лебедкой. Был лишь долгий период беспамятства, а потом – шум и вибрация кабины, бьющие в окна солнечные лучи, ясное синее небо и спокойное море. Потребоваюсь несколько секунд, чтобы эта картина сложилась в его сознании. Некая часть мозга Гонта промотала события жизни и продолжала работать, исходя из предположения, что все задуманное удаюсь, что он проснулся в лучшем будущем, где мир стад новым и чистым, а смерть превратилась в слабеющее воспоминание.

– Мы поймали твой сигнал, – услышал он голос Клаузен. – Но искать тебя пришлось долго, хотя маячок в спасательном жилете работал.

И тогда он вспомнил все: вышки, спящих, искинов, морских драконов. Абсолютную уверенность, что это единственный мир, в котором он останется навсегда, а затем и осознание или, скорее, воспоминание о том, что он это уже осознал раньше: жить здесь лучше, чем умирать. Гонт вспомнил, что планировал сделать перед тем, как появился морской дракон, и ему захотелось раздавить это воспоминание и похоронить его там, где он хоронил все прочие постыдные вещи, когда-либо совершенные в жизни.

– Как там вышка?

– Вышки больше нет, – сообщила Клаузен. – И всех спавших там тоже нет. Вскоре после этого дракон развалился. Но то, что ему так долго удавалось сохранять когерентность, – скверный признак. Значит, они совершенствуются.

– Значит, и наши машины следует усовершенствовать, так ведь?

Гонт думал, что она лишь высмеет его за столь тривиальное высказывание, – ведь он так мало знает о войне и о цене, которую

приходится за нее платить. Но Клаузен кивнула:

– Это все, что они могут сделать. Все, на что мы можем надеяться. И они, конечно, станут лучше. Они всегда становились лучше. Иначе нас бы здесь не было. – Она посмотрела на укрытого одеялом Гонта. – Теперь жалеешь, что согласился остаться?

– Нет, не жалею.

– Даже после того, что случилось?

– Зато мне удалось увидеть дракона вблизи.

– Да, – согласилась Клаузен. – Это тебе удалось.

Гонт решил было, что на этом разговор закончится и больше ей нечего сказать. Он не мог бы сейчас утверждать, что в их отношениях что-то изменилось, – чтобы в этом убедиться, потребуется время, – но все же ощутил, как эта льдинка немного оттаяла. Он не только решил остаться, но и отказался от идеи несчастного случая. Ожидала ли она, что Гонт попробует устроить нечто в этом роде после того, что случилось со Штейнером? Могла ли догадаться, насколько близко он подошел к этой черте?

Но Клаузен еще не договорила.

– Не знаю, правда это или нет, – сказала она, впервые обращаясь к Гонту как к равному, – но я как-то раз слышала эту теорию. Отображение границы между Сферой и базовой реальностью не такое простое, как можно подумать. На этой границе время и причинность сильно переплетены. События, происходящие там в одной последовательности, совсем не обязательно соответствуют такой же последовательности здесь. И когда они проталкивают через границу своих драконов, те не всегда появляются в том, что мы считаем настоящим временем. Цепочка событий в Сфере может иметь последствия как в прошлом, так и в будущем – относительно нас.

– Не понимаю.

Она кивнула на море за окном вертолета:

– На протяжении всей истории там видели много странного. И эти странности могли быть отголосками войны искинов, ее «брызгами». Оружием, которое пересекало границу в неправильное время, сохраняя когерентность достаточно долго, чтобы попасться кому-то на глаза или потопить корабль. Моряки веками рассказывали похожие истории. Про морских чудовищ. А они могли оказаться всего лишь эхом войны, которую мы ведем. – Клаузен пожала плечами, как будто речь шла о каких-то пустяках.

– Ты в это веришь?

– Не знаю, делает ли это мир более зловещим или чуть более осмысленным. – Она покачала головой. – Все эти морские

чудовища… разве кто-то и когда-то думал, что они могут быть реальными? – Она встала, собираясь вернуться в носовую часть вертолета. – Это лишь теория. А теперь поспи немного.

Гонт так и поступил. Заснул он легко.

Пэт Кэдиган
Вкус ночи

Пэт Кэдиган родилась в Скенектади, штат Нью-Йорк, в настоящее время проживает со своей семьей в Лондоне. Ее первая профессиональная публикация состоялась в 1980 году, и с тех пор Кэдиган считается одним из самых выдающихся молодых авторов своего поколения. Рассказ «Милый мальчик-гибрид» («Pretty Boy Crossover») попал в списки лучших научно-фантастических работ 1980-х годов, а рассказ «Встреча» («Angel») вошел в число финалистов премий «Хьюго», «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези (в шорт-лист которой рассказы, как правило, не попадают). Малая проза Кэдиган публиковалась во многих журналах, включая «Asimov's Science Fiction» и «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», а позднее была объединена в сборники «Узоры» («Patterns») и «Грязная работа» («Dirty Work»), Первый роман писательницы «Игроки с разумом» («Mindplayers»), изданный в 1987 году, получил превосходные отзывы критиков. Второй роман – «Синнеры» («Synners»), опубликованный в 1991 году, был удостоен премии Артура Кларка, так же, как и третий роман – «Дураки» («Fools»); кроме Кэдиган только Чайна Мьевилъ дважды завоевывал премию Артура Кларка. Среди других работ писательницы – романы «Цифровой дервиш» («Dervish Is Digital»), «Чай из пустой чашки» («Tea from an Empty Cup»), «Реальность была моим другом» («Reality Used to Be a Friend of Mine») и «Сотовый» («Cellular»), В качестве составителя Кэдиган работала над антологией «The Ultimate Cyberpunk», а также написала две книги о производстве фильмов и четыре новеллизации.

«Есть вещи, которые невозможно увидеть до тех пор, пока не разовьешь особое зрение» – именно об этом жуткая история Пэт Кэдиган.

Ее разбудил не холод, а, скорее, вкус ночи. Нелл укуталась поплотней и вновь задремала. Пройдет немало времени, прежде чем волглая сырость, поднимавшаяся от земли, проберется сквозь слои плотного картона и проникнет в спальник и под одеяло. Нелл была полностью одета, да и запасную одежду запихнула в спальник – хоть как-то согревает. Однако в ближайшие двадцать четыре часа все же придется навестить автоматическую прачечную, потому что «фу».

«Фу» – одна из немногих вещей, оставшихся прежними. Или, по крайней мере, не очень изменившимися. Нелл надеялась, что

так оно и будет. Вкус ночи, напротив, стал одним из главных ее секретных наслаждений, хотя Нелл до сих пор не понимала, что это значит. Время от времени она почти начинала догадываться. Почти. Но когда пыталась нащупать ответ – либо мысленно, либо на самом деле к чему-то прикасаясь, то ничего не находила.

Зрение. Слух. Обоняние. Вкус. Осязание. *****.

Воспоминания были похожи на что-то длинное, бело-голубое, плотно растянутое между ее руками.

– Слепые обнаруживают, что другие их чувства, в особенности слух, обостряются, чтобы компенсировать недостаток зрения. Глухие обычно обладают хорошим зрением и чувствительностью к колебаниям – а звук и есть колебание воздуха. Но утратившие обоняние не чувствуют также и вкуса, потому что эти чувства слишком тесно связаны друг с другом. Потеря одного из них обычно является симптомом более серьезной проблемы. Существует небольшое количество людей, не испытывающих боли, но это подвергает их риску получить серьезную травму или подхватить смертельную болезнь.

Женщина-врач была очень терпелива и, к счастью, не отличалась чрезмерной подозрительностью, свойственной всем остальным врачам, к которым Маркус водил Нелл. Нелл могла изучить то, что говорила ей доктор, ощупать все это, опробовать текстуру. Даже несмотря на раздражение, исходившее от Маркуса и захлестывавшее Нелл, подобно приливной волне, она сумела правильно поставить вопрос:

– Шестое чувство? Вроде телепатии или ясновидения?

Вопрос доктора был таким же прямым, как ее собственный, и Нелл изо всех сил постаралась все объяснить как можно понятнее, а в ответ услышала:

– Если бы какое-то дополнительное чувство действительно существовало, даже человеку, обладающему им, трудно было бы объяснить, что это. Это как если бы кто-нибудь из нас пытался объяснить слепому от рождения, что такое зрение.

Нелл согласилась и попросила врача подумать о том, как остальные пять чувств могут компенсировать этот недостаток.

Здесь воспоминание обрывалось, оставляя послевкусие, похожее на ночь, только холодней и горше.

Нелл вздохнула. Ей было уютно. Как ни странно, она чувствовала себя в безопасности. Странно, потому что спала она на улице. Побродяжничай с ложным ощущением безопасности – и долго не протянешь. Просто то углубление, которое Нелл обнаружила в заднем фасаде здания – возможно, кинотеатра или

лектория, – оказалось уютным не только на вид. Создавалось впечатление, что у этой норы не было другого предназначения, кроме как давать бездомным приют на ночь-другую. С комфортом здесь могли разместиться лишь пара человек, но для некоторых бродяг это не имело значения. Они бы кучковались здесь до тех пор, пока могли оставаться невидимыми, а потом их наверняка бы заметили и вышвырнули вон. А затем – раз, и дыра уже огорожена или заделана, чтобы никто больше не смог ею воспользоваться. И вот уже одним местом для ночлега меньше для тех, кому некуда идти.

Нелл ненавидела потери и их вкус: сухой, горько-соленый, остававшийся во рту целыми днями, неделями, а порой и дольше. И, что еще хуже, он мог вернуться неожиданно, непрошенно и без всякой видимой причины, не считая того, что ему, как и бродягам, больше некуда было идти. Существовали вкусы не менее неприятные, но ничего хуже, и ни один не мучил ее так долго, даже ржаво-металлический привкус разочарования.

Спустя несколько минут Нелл поняла, что цветовые разводы под веками – это не медленно угасающие остатки сна, а голоса вполне реальных людей, людей одной с ней крови. Они находились неподалеку и то ли не заметили Нелл, то ли им было наплевать.

Нелл медленно распрямилась – никаких резких движений, еще одно полезное правило бродяг – и открыла глаза. Ее ослепил пронзительный белоголубой свет, а в правом ухе раздался безучастный голос: «Бело-голубые звезды недостаточно долговечны, чтобы на вращающихся вокруг них планетах успела развиться жизнь. Возможно, любая, даже самая примитивная. Если, конечно, не существует некой высшей цивилизации, способной засеять эти миры модифицированными быстроразвивающимися организмами. Что, в свою очередь, вызывает вопрос: зачем высшей цивилизации это делать? Но мотивы подобной сверхцивилизации могут показаться – и, скорее всего, покажутся – нелогичными или даже невообразимыми любым существам, не достигшим того же уровня развития».

На сей раз бело-голубое воспоминание длилось чуть дольше: память показала серьезную девушку, смотревшую отрывок передачи с экрана лэптопа в кафе. Нелл украдкой взглянула на экран, когда шла умываться в женскую уборную. Она не сразу поняла, что увидела нечто, имеющее отношение к происходящему с ней, или, точнее, к причинам происходящего и его смыслу. Вслед за этим откровением пришло другое – возможно, самое важное: *от* пытались связаться с ней.

Понимание всегда приходило к ней косвенными путями. К примеру, идея об отсутствующем шестом чувстве – когда Нелл наконец осознала ее, то поняла, что эта концепция незримо болталась на задворках сознания уже долгие, долгие годы, словно мимолетная мысль или обрывок полузабытого сна. Она развивалась так медленно, что Нелл могла бы прожить всю жизнь и не заметить ее, похоронив под мирскими тревогами и заботами.

Но каким-то образом идея все же добилась ее внимания – эдакое ментальное всплывающее окно. Маркус говорил, что у каждого могут появляться неожиданные и странные мысли. И нет смысла заморачиваться на этот счет, если, конечно, Нелл не собирается писать сюрреалистический рассказ или рисовать картину.

Кажется, следующий врач предложил именно это – написать сюрреалистический рассказ, или нарисовать картину, или и то и другое одновременно? Даже если бы Нелл действительно захотелось последовать его совету, она бы не смогла. К тому времени она твердо знала, что лишена одного из чувств, как слепые или глухие.

Маркус заявил, что он не понимает, как из этого следует то, что Нелл должна уйти из дома и жить на улице. Она и сама тогда этого не понимала. Но даже если бы могла объяснить, что мотивы подобной сверхцивилизации могут показаться – и, скорее всего, покажутся – нелогичными или даже невообразимыми любым существам, не достигшим того же уровня развития, для него это было бы лишь окончательным подтверждением того, что она безумней таракана, вот и все.

Социальная работница, которую отправил за ней Маркус, не пыталась уговорить Нелл лечь в больницу или поселиться в приюте для бездомных, но ее намерения звучали слишком громко. Каждый раз, когда эта женщина находила Нелл, шум заглушал все остальное. В конце концов Нелл заставила женщину произнести это вслух, чтобы хоть немного побыть в тишине. Еще несколько дней после этого казалось, что мир вокруг состоит из сплошных помех. Нелл была слишком ошеломлена и ничего не понимала. Она знала лишь то, что *они* засыпают ее сообщениями и что ее чувства работают с двойной нагрузкой, стараясь компенсировать недостаток.

Ослепительный бело-голубой свет померк, и зрение прояснилось. В двадцати футах от нее, в стене здания, был проем размером с раздвижные гаражные ворота. Там собрались семь или восемь человек. Часть из них сидели на деревянных ящиках, покуривая сигареты или попивая из бутылок или больших бумажных стаканов. Цветовые переливы их голосов превратились

в расширяющиеся круги, похожие на рябь, распространяющуюся по воде при падении дождевых капель. Цвета перетекали один в другой и создавали новые оттенки – некоторые из них Нелл не видела нигде, кроме собственного сознания.

Волны расходились, пока не добрались до ее глазниц и не прорвались в пространство за глазами, словно ветер, взъерошивший пушистые головки цветов. Нелл увидела перемигивающиеся огни, а затем в ее правый висок вонзилась раскаленная докрасна игла. Женщина едва успела вздохнуть, как холодный нож для колки льда вошел ей в глаз, скрестившись с горячей иглой.

Нечто может находиться в миллионе световых лет от тебя и в твоем глазу одновременно.

– Ты в порядке?

Над ней, уперев руки в колени, склонился мужчина. Большая часть его длинных волос была убрана назад, не считая нескольких свесившихся вперед прядей, напомнивших Нелл знаки препинания. Круглое лицо, круглые глаза, глубокие морщины под ними.

Смотри. Слушай. Обоняй. Пробуй на вкус. Трогай. *****.

Прижав ладонь к правому глазу, Нелл заморгала, глядя на незнакомца снизу вверх. Он повторил вопрос. Его слова были маленькими зелеными шариками, вываливающимися изо рта и вприпрыжку исчезавшими в ночи. Нелл прикусила нижнюю губу, чтобы не рассмеяться. Мужчина протянул руку и отвел ладонь Нелл от глаза. Затем, выпрямившись, вытащил из кармана мобильник.

– Мне нужна скорая, – произнес он.

Нелл попыталась возразить, но голос пропал. К ним приближался второй мужчина. Из его рта вырывались тонкие, сильно натянутые серебряные нити.

А потом эти нити оплели все. Некоторые из них превратились в иглы и начали сражаться друг с другом за право первенства. Боль в глазу вспыхнула сильнее. Голос из прошлого пытался задать какой-то вопрос. Голос ни во что не превращался, но звучал настолько тихо, что слов было не разобрать.

Нелл перекатилась на спину. По телу пробежала дрожь, вызванная беспокойством и предвкушением, смешавшимися в равной пропорции. «Музыка», – сообразила она; очень громкая живая музыка, вырывающаяся из проема, где собрались бродяги. Струны звенели в ее крови, тянули за руки и за ноги. Боль вспыхнула снова, но вкус ночи тоже обострился. Нелл расслабилась, позволив себе погрузиться в него. Чувство падения

переросло в сонливость, но едва она собралась сдаться, как пробудилась вновь и так и раскачивалась туда-сюда, как на маятнике. А может, ее раскачивали огромные волны – поднимали на гребень, бросали вниз и поднимали вновь.

Правый глаз распахнулся со звуком пистолетного выстрела, а рот наполнился ярким светом со вкусом сосулек.

– С возвращением! Не поймите меня превратно, но мне очень жаль, что вы здесь оказались.

Нелл обнаружила, что открывается только левый глаз, но и этого было достаточно. Мисс Данвуди Зовите-Меня-Анна, социальная работница. Не та, первая, которую Маркус послал за ней. Ту звали мисс Петерсен Зовите-Меня-Джоан. Потом ее сменил мистер Карни Зовите-Меня-Дуэйн. Его Нелл видела лишь дважды, и во второй раз весь он смахивал на большую белую костяшку, как будто удерживал что-то внутри. Слезы? Истерику? Что бы это ни было, оно вытекало из него спутавшимися лентами переменчивых цветов, оставлявших гадкий вкус у нее во рту. Когда Нелл отвернулась от мистера Карни, ничего не изменилось – вкус появлялся независимо от того, видела она цвета или нет.

Это было все, чем они могли ей помочь, – ведь, как и у Нелл, у них отсутствовало нужное чувство. Тогда она еще не понимала, в чем дело. Она лишь знала, что от мерзкого вкуса у нее выворачивался желудок, а цвета вызывали головную боль. В конце концов ее стошнило на ботинки социального работника, и он сбежал безо всяких извинений или даже ругательств, не говоря уже о прощальных словах. Нелл не обиделась.

Мисс Данвуди Зовите-Меня-Анна пришла ему на замену. Она ухитрилась отыскать Нелл куда быстрее, чем та ожидала. В мисс Данвуди Зовите-Меня-Анне не было ни капли напряжения, но она источала плесневелый, душный запах покорности, близкий к окончательному поражению.

Поражение. Оно укоренилось в разуме Нелл, но женщина поняла это не сразу, потому что ассоциировала его лишь с невысказанным даже себе самой желанием мисс Данвуди Зовите-Меня-Анны сдаться. Имей она это недостающее чувство, все стало бы ясно с самого начала.

Разумеется, будь у нее шестое чувство, она бы сразу поняла, и все обернулось бы по-другому. Может, не особенно легче – ведь ей все равно пришлось бы объяснять куче слепцов, что такое зрение, – но, по крайней мере, она бы не барахталась в полной растерянности.

– Нелл?

Мисс Данвуди Зовите-Меня-Анна наклонилась вперед,

тревожно вглядываясь в лицо Нелл.

– Я спросила: вы знаете, почему вы здесь?

Нелл нерешительно пробормотала:

– Здесь, то есть…

Горло пересохло, и голос пресекся. Социальная работница налила воды из кувшина, стоявшего на тумбочке рядом с кроватью, и, вставив в стакан соломинку, поднесла его к сухим губам женщины. Та выпила три стакана. Мисс Данвуди Зовите-Меня-Анна засуетилась, взбивая подушки, прежде чем уложить Нелл обратно на подоткнутый под спину матрац.

– Лучше? – весело спросила она у подопечной.

Нелл коротко кивнула.

– О чем вы спрашивали? – все еще слабым голосом произнесла она.

– Вы знаете, где находитесь? – повторила мисс Данвуди Зовите-Меня-Анна. Нелл мысленно улыбнулась этой поправке и поборола искушение ответить: «Там же, где и вы, – здесь». Под глазами социальной работницы залегли глубокие морщины, одежда была помята, а из завязанного на затылке хвоста выбилось множество тонких волосков. За последние двадцать четыре часа она, несомненно, отдыхала меньше, чем Нелл. Оглядев единственным зрячим глазом занавески и кровать, Нелл ответила:

– В больнице. В Госпитале Трех Графств.

Она заметила, что упоминание названия больницы успокоило социальную работницу. Однако вряд ли это можно было назвать удивительным озарением: в Госпиталь Трех Графств помещали всех бездомных и тех, кто не имел медицинской страховки.

– У вас случился припадок, – сообщила Зовите-Меня-Анна, проговаривая каждое слово четко и медленно, словно обращаясь к ребенку. – Мужчина нашел вас на задворках концертного зала и вызвал скорую.

Нелл, подняв правую руку, указала на лицо.

Зовите-Меня-Анна заколебалась, нерешительно глядя на пациентку.

– Кажется, вы повредили глаз.

Нелл так живо вспомнила чувство входящей в череп раскаленной иглы и холодного ножа, что вздрогнула.

– Болит? – озабоченно спросила Зовите-Меня-Анна. – Попросить обезболивающее?

Нелл покачала головой. В глубине правой глазницы резко кольнуло, и она поняла, что лучше больше не делать этого, как и вообще любых резких движений.

– Хотите, чтобы я кому-нибудь позвонила? – спросила

социальная работница.

Чуть нахмурившись, Нелл скрестила руки, а затем развела их, показывая: ни в коем случае.

Зовите-Меня-Анна плотно сжала губы, что, впрочем, не помешало длинной розовой ленте вылететь из ее рта. Слишком поздно: она уже позвонила Маркусу, считая, что к тому времени, когда он сюда доберется, Нелл захочет его видеть. А если нет, социальная работница скажет, что это Маркус захотел повидать ее, независимо от желания Нелл, – ведь он был ее мужем, притом верным мужем, и так далее, и тому подобное – в стиле всех социальных работников.

В мозгу Нелл внезапно вспыхнула картина: молодая и не настолько усталая мисс Данвуди Зовите-Меня-Анна, и так же внезапно эта картина ожила: «Мне кажется, воссоединение семей – это лучшее, что мы можем сделать. Конечно, порой это невозможно, и лучшее, на что мы способны в таком случае, – это находить новые семьи для тех, кто в них нуждается». Собеседование Зовите-Меня-Анны при поступлении на работу, поняла Нелл. Непонятно, что *они* пытались сказать ей этим. Ох, это недостающее чувство! Или, может, *они* неправильно понимали ситуацию из-за того, что обладали этим чувством?

– Нелл? Нелл?

Она попыталась вырвать ладонь из рук социальной работницы, но ничего не получилось. Давление превратилось в полный рот каштановых скорлупок, острых и безвкусных.

– Чего вы хотите?

– Я спросила: вы уверены?

Нелл вздохнула.

– Говорят, что первые жители Нового Света, заметившие корабли Колумба, на самом деле не видели их, потому что эти объекты выходили слишком далеко за пределы их предыдущего опыта. Как думаете: это правда?

На лице Зовите-Меня-Анны удивление смешалось с беспокойством. Нелл знала этот взгляд: социальная работница боялась, что ситуация начала выходить у нее из-под контроля.

– Вы пьяны? Или просто устали?

– Нет, – с ноткой грусти ответила Нелл. – Думаю, они не понимали, что видят, и им тяжело было свыкнуться с этим, но все же уверена, что аборигены увидели корабли. В конце концов, корабли построили такие же люди. Но если что-то исходит из другого мира, то поручиться нельзя.

Взгляд Зовите-Меня-Анны стал печальным.

– Вам кажется, что я сумасшедшая? – коротко рассмеялась Нелл. – Но об этом рассуждают ученые.

– Вы не ученый, Нелл. Вы библиотекарша. С помощью подходящего курса лечения и медикаментов вы могли бы…

Нелл рассмеялась снова.

– А если библиотекарша начинает думать о возможности существования жизни где-то еще во вселенной, это делает ее сумасшедшей?

Она отвернулась и закрыла глаза. Точнее, глаз. Она почти ничего не чувствовала под повязкой, кроме того, что правое веко не желает ни подниматься, ни опускаться. Услышав удаляющиеся шаги социальной работницы, Нелл открыла зрячий глаз и обнаружила, что серебряные нити вернулись. Они распускались, подобно цветочным бутонам, раскрывали лепестки, а затем отрывались и улетали, чтобы встретиться с другими нитями, соединиться и произвести новые цветы, а те, в свою очередь, улетали и образовывали новые связи. Мир вокруг Нелл начал смахивать на клетку, хотя женщина не понимала, по какую сторону решетки находится она сама.

Внезапно она почувствовала, как одна из нитей-проволок входит в висок все с той же вспышкой раскаленной добела боли. Секундой позже вторая пронзила повязку на правом глазу – так легко, словно никакой повязки и не было. Нить прошла насквозь через голову, пришпилив женщину к подушке.

Левый глаз отчаянно слезился, но Нелл увидела, как Зовите-Меня-Анна вбежала обратно в палату с медсестрой. Их рты открывались и закрывались – женщины звали ее по имени. Она видела, как их руки тянулись к ней, но находилась сейчас слишком далеко.

Вот так оно и будет. Нет, так было всегда, но пять чувств так усиленно старались компенсировать недостаток шестого, что люди принимали иллюзию связи за реальность. Способность к внушению – что стало бы с человечеством без нее?

Зрение. *Слух.* Обоняние. Вкус. Осязание. *****.

Связь.

Слово было лишь грубым приближением, но идея начала проясняться. Она становилась яснее, чем зрение в левом глазу, сейчас медленно гаснущее. Но Нелл все еще видела достаточно, чтобы понять: Зовите-Меня-Анна близка к панике.

Мужчина в белом халате оттолкнул социальную работницу в сторону. Нелл смутно чувствовала, как его руки прикасаются к ней, но связи все равно не было.

Нелл выбиралась из сна с таким усилием, словно карабкалась по отвесной скале, а к поясу ее было привешено не меньше дюжины мешочков с песком. Казалось, что рот набит прелой

шерстью и землей. Знакомый вкус – лекарства. Наверное, отплевываться придется весь день.

Вначале она пробовала принимать лекарства по просьбе Маркуса. Антидепрессанты, транквилизаторы и, наконец, нейролептики. Вкус у всех них оказался одинаковым, потому что Нелл не страдала от депрессии, неврозов или психозов. А Маркус между тем все отдалялся и отдалялся. И, в отличие от сухости во рту, лишнего веса и дрожи в руках, это было необратимо.

Зовите-Меня-Анна об этом понятия не имела. Она все повторяла, что Нелл должна повидать мужа, хотя они уже почти не воспринимали друг друга. Маркус тоже этого не понимал – по крайней мере, не так, как понимала Нелл. Он считал, что и это обратимо.

Под неподъемными веками появились цветовые пятна. Странные цвета, непрерывно менявшиеся и переходившие один в другой: зелень в золото, багрянец в красный, синий в аквамарин. Где-то между ними затесался оттенок, которого Нелл никогда не видела прежде и никогда не увидит.

Зрение. Слух. Обоняние. Вкус. Осязание. *****.

С-с-связь…

Слово было как булыжник, пытающийся занять место гальки, выглаженной миллионами лет и космическими расстояниями до невероятной точности и совершенства.

Нечто может находиться в миллионе световых лет от тебя и в твоем глазу одновременно.

Зрение. Слух. Обоняние. Вкус. Осязание. *****.

С-с-соеди…нение.

С-с-слллияние.

С-с-с-сообщщщеннние…

Внезапно Нелл представилось, как она бегает вокруг подножия пирамиды, высматривая дорогу наверх. Пока она вглядывалась в картину, та сменилась другой: Нелл бегала теперь вокруг слона и нескольких слепцов, но все еще пыталась найти путь на вершину пирамиды.

Картинка поблекла, и Нелл внезапно ощутила, как сильно бьет по закрытым глазам свет потолочных ламп. По глазу. Она вздохнула: даже если ей удастся в конце концов достичь понимания, или понимание достигнет ее, как она сможет объяснить связь между слоном, слепцами, пирамидой и кораблями Колумба?

В мысли ворвался затхлый запах поражения. Пахло очень сильно – Зовите-Меня-Анна все еще была здесь. Чуть позже Нелл услышала звук, с которым деревянная ложка стучит по дну кастрюли. Досада, но не просто чья-нибудь, а Маркуса.

Нелл еще никогда не ощущала присутствие мужа так ясно, не видя его. Возможно, запах поражения, исходивший от Зовите-Меня-Анны, сработал как усилитель.

Переменчивые цвета превратились в незнакомый женский голос.

– …много вы знаете о работе мозга?

– Немного, – ответила Зовите-Меня-Анна.

Маркус буркнул что-то – как будто тяжелый валун покатился по грязной дороге.

– Как правило, синестезия является побочным эффектом некоторых медикаментов или симптомом болезни.

– Как насчет сумасшествия? – резко спросил Маркус.

Ложка застучала по кастрюле громче.

– Иногда психически больные люди могут испытывать нечто подобное, но это не относится к характерным симптомам психических заболеваний. В случае вашей жены это симптом опухолей.

– Опухолей?

Зовите-Меня-Анна была искренне огорчена. Вина в ее голосе тихо-тихо скреблась острыми мышиными коготками.

– Двух, хотя, возможно, и трех. Насчет большей мы не уверены. Та, что поменьше, – акустическая неврома. Она…

– Это из-за нее Нелл слышит всякое? – вклинился Маркус.

Врач ответила не сразу.

– Вероятно, нет, хотя некоторые пациенты жалуются на шум в ушах, – в конце концов сказала она. – Опухоль не злокачественная, не дает метастазов и, как правило, растет очень медленно. У вашей жены она увеличивается быстрей, чем обычно. Но есть еще и вторая…

Молчание.

– Я работала нейрохирургом всего десять лет и не могу утверждать, что успела повидать все, но эта опухоль очень… э-э… необычна. Полагаю, Нелл жаловалась на головную боль?

Тишина, затем Зовите-Меня-Анна откашлялась.

– Я думала, у нее кластерные головные боли. Это неприятно, но не так уж редко встречается. У меня они тоже бывают. Я давала ей свои таблетки, но не знаю, принимала она их или нет.

Снова небольшая пауза.

– Иногда она говорила, что у нее болит голова, но этим дело и ограничивалось, – наконец произнес Маркус. – Мы официально не вместе уже больше двух лет, так что я не в курсе последних событий. Она ночует на улице.

– Мы не можем сказать, когда все началось, пока не проведем детальное сканирование.

– Сколько это будет стоить? – спросил Маркус.

Затем, после исполненной значения паузы, он добавил:

– Эй, она сама ушла от меня, чтобы ночевать на улице, – и это после того, как я спустил целое состояние на психиатров, лекарства и больницы. Затем мне сказали, что нельзя заставить человека лечиться насильно, если он не представляет угрозы для общества, и так далее, и тому подобное. А теперь у нее рак мозга, и мне придется оплачивать счет. Черт, мне давно надо было с ней развестись, но это казалось слишком…

Ложка заскребла по дну железной кастрюли.

– …слишком жестоким.

– Вы надеялись, что это со временем пройдет? – спросила врач. – Многие так думают. Надеяться на чудо нормально.

Зовите-Меня-Анна проворчала что-то утешительное и добавила пару слов о соцпакетах и регистрации в системе.

– Ну да, ладно, – буркнул Маркус. – Но вы так и не ответили на мой вопрос. Сколько будет стоить это сканирование?

– Простите, этого я вам сказать не могу: финансовыми вопросами занимаюсь не я, – мягко ответила врач. – Но мы можем сделать операцию и без сканирования.

– Я думал, вы уже что-то сделали, – сказал Маркус.

– Мы собирались. До тех пор, пока я не увидела, что творится за ее глазом.

– Опухоль такая большая?

– Дело не только в этом. Просто это не обычная раковая опухоль.

Маркус безрадостно хмыкнул.

– А что, у раковых опухолей есть стандарты?

– До определенной степени, как и у всего в человеческом теле. Но эта ведет себя не так, как свойственно опухолям.

Помолчав, врач добавила:

– Похоже, там есть включения серого мозгового вещества.

– Что вы имеете в виду? Клетки опухоли смешались с мозговым веществом? А разве рак не ведет себя так обычно, не врастает прямо в мозги? Ведь поэтому его настолько трудно вырезать?

– Но тут все по-другому, – ответила врач. – Видите ли, я сомневалась, говорить вам или нет…

– Если вы предъявите счет, то уж скажите, черт побери! – прорычал Маркус. – Что с ней такое?

– Насколько я вижу, рак либо позаимствовал у вашей жены часть мозга, вместе с кровеносными сосудами, либо у нее в черепе растет второй мозг.

Последовало долгое молчание. Наконец Маркус прервал его:

– Вы понимаете, насколько безумно это звучит? У вас есть рентген этой штуки?

– Нет. И даже если бы был, вы не нейрохирург и не знаете, на что там смотреть.

– Нет? А мне вот кажется, что я бы понял, вижу два мозга в одной голове или нет.

– Самое вероятное объяснение – недоразвившийся близнец-паразит, – продолжила врач. – Такое случается чаще, чем вы можете представить. Однако есть одно «но»: паразитические близнецы обычно не растут. А если бы он всегда был таким большим, то вы бы уже давно заметили симптомы. К сожалению, я не смогла даже взять пробы для биопсии. Жизненные показатели вашей жены резко упали, и нам пришлось немедленно прерваться. Сейчас она чувствует себя нормально, учитывая обстоятельства. Но нам необходимо провести сканирование как можно быстрее. Правый глаз был настолько поврежден опухолью, что нам не удалось его спасти. Если мы не поспешим, лицо пострадает еще больше.

Нелл набрала полную грудь воздуха и медленно выдохнула. Она не думала, что ее услышат, но они услышали. Все трое замолчали, а Зовите-Меня-Анна и Маркус поспешили к кровати, осторожно шепча ее имя – так, словно боялись его разбить. Нелл держала глаза закрытыми, а тело – расслабленным, даже когда Зовите-Меня-Анна взяла ее ладонь в руки и крепко сжала. Через некоторое время Нелл услышала, как эти трое уходят.

«Как же *они* это сделали? – изумлялась она. – Как *они* сделали это из такого невообразимого далека?»

Нечто может находиться в миллионе световых лет от тебя и в твоем глазу одновременно.

Перед внутренним зрением возникла картина: две переплетающихся виноградных лозы. Корабли Колумба, только-только показавшиеся на горизонте. Чувство, которого ей так не хватало, еще не развилось окончательно – недостаточно для того, чтобы совместить лозы и корабли. Но, судя по тому, что сказала врач, ждать осталось недолго.

Александр Яблоков
Танец слепого кота

В 1990-х годах, опубликовав ряд рассказов в «Asimov's» и несколько тепло принятых романов, Александр Яблоков занял высокое место среди молодых авторов. Его первый роман «Резьба по небу» («Carve the Sky») вышел в 1991 году, за ним с успехом последовали другие: «Глубочайшее море» («A Deeper Sea»), «Сияние» («Nimbus»), «Пыльная река» («River of Dust»), «Глубиноход» («Deepdrive»), а также сборник «Дух непричастности» («The Breath of Suspension»), Затем наступило десятилетнее молчание, и только в 2010 году Яблоков выпустил роман «Кража мозгов» («Biain Thief»), а в журналах стали появляться его изящные, как фейерверк, рассказы, подобные приведенному здесь, в котором общество будущего изобрело новый способ сосуществования человека с природой. Животных обучают не воспринимать окружающую их человеческую цивилизацию и, находясь в многолюдном кафе, воображать, что вокруг лес. Конечно, читатель немедленно задумывается: а чего не замечают вокруг себя люди?..

Встреча 1
Кафе «Валфи»

Кугуар крадется через кафе с расслабленным и даже скучающим видом. Шерсть гладкая, подушечки лап беззвучно ступают по террасе. Разговоры за столиками на минуту затихают, но большая кошка пока никого не убивает, и в зале снова становится шумно.

Береника сидит в дальнем конце, на банкетке, рядом ее друзья – Мрия и Паоло. Мрия маленькая, беспокойная, с ледяными иголочками волос. Паоло высокий, ушастый и кадыкастый.

– Что, так и ушла? – не верит Мрия. – Бросила Марка?

– Оттуда же просто так не уйти, – напоминает Паоло. – Там пустыня на много миль – можно погибнуть. Наверняка тебя подвезли. Кто подвез?

– Да, конечно, – язвит Мрия. – Главная наша забота – каким транспортом она воспользовалась!

Паоло обижен.

– Я просто к тому, что могла бы мне позвонить. Я бы помог. Верно, Береника? Далеко, но для тебя бы не поленился.

– Спасибо, Паоло, – серьезно благодарит Береника.

– Так кто…

– Ох! – Мрия резко оборачивается к ней, отгораживаясь от Паоло шевелюрой. – А что Марк? Что он сказал?

– Да почти ничего, – говорит Береника. – Думаю, к тому времени он понял, что ничего не исправит.

– Плохо ты знаешь собственного мужа, – возражает Мрия. – Он бездействовать не умеет. Он тебе звонил? Нанимал похитителей? Стоял во дворе, пока птицы не свили гнезда у него в волосах?

– Нет. – Беренике явно неприятен разговор. – Ничего такого.

– Собирались же вместе на Истер-Айленд, – грустит Паоло. – Посмотреть новые джунгли. Я уже вещи собрал.

– Ага, – радуется Мрия, – прокрастинация опять оправдывает себя. Я еще даже чемодан не откопала.

– Вовсе не смешно, – моргает Паоло. – Я так этого ждал.

– Да и я тоже. – Мрия через плечо, не глядя, сует мне чашку – одна из ее раздражающих привычек. – Я тоже. Надеялась отдохнуть. Истер-Айленд! Гигантские головы, заплетенные лианами. А ты, Береника? Это же была твоя идея. Ты заказала отдельную экскурсию, хотела посмотреть, как там всё

восстановили. Не просто восстановили. Думаю, даже до прихода человека джунгли не были такими густыми.

Береника не слишком прислушивается к обсуждению восстановительных работ экологов – слышит не в первый раз. Она следит за кугуаром. Больше никто на него не смотрит, потому что зверь ничего особенного не делает.

Самец, Puma concolor[111], не слишком крупный для своего вида: около ста тридцати фунтов, шести футов в длину. Она замер неподвижно, не шевелится даже кончик роскошного длинного хвоста. Мех у него красновато-коричневый, на морде и на брюхе светлее. Такая же окраска у местной популяции оленей, но оленей в кафе нет. Зрачки светло-карих глаз расширились в полумраке. Цветов глаза не различают, зато отмечают малейшее движение.

Вот заметил какую-то тень. Он настороже. Как и следует, потому что он вышел со своей территории и сейчас на границе участка другого самца. Более крупного.

Он этого еще не понял. Пока просто осматривается.

Я подливаю Мрии кофе, но Мрия только нетерпеливо вздыхает, не замечая меня.

– Разве ты этого не ждала? – с напором говорит она. – Береника!

– Что? – Та оглядывается на друзей. – Конечно ждала…

– Для тебя это самое подходящее место, чтобы познакомиться с методами восстановления или чем там еще, – вздыхает Паоло. – А я купил такую славную полотняную курточку…

– Верни, – снова обрывает его Мрия.

– Береника, ты что, серьезно все еще интересуешься работой… ну, с животными? Правда?

– Да. – Береника улыбается – коротко, всего на долю секунды, мелькает улыбка. – Наверняка сразу меня к зверям не допустят, но мне хочется.

– Ох, глупости какие! Оставили бы их в покое, а? Пусть живут сами по себе. В природных условиях, как им и положено.

Все смотрят на кугуара, который опять шевельнулся. Он не видит столиков, мимо которых проходит. Ему кафе кажется пустым – просто прогалиной в большом лесу.

– Ну, ладно, – признает Мрия, – может, это не совсем природа. Я как-то и не заметила, когда они появились с нами рядом. Интересно, где эта тварь гадит? Надеюсь, не здесь.

Она подбирает ноги, чтобы подошвы не касались пола.

– Он обучен оправляться в определенном месте, где утилизируется помет, – объясняет Береника. – Не знаю, заметила ли ты: есть такое место под кустами перед свечной лавкой. И его,

похоже, использует еще один кугуар.

Она втягивает воздух носом.

– Обслуживание здесь никудышное, – говорит Мрия, – но кафе довольно чистое.

Впрочем, ног она на всякий случай не опускает.

– Ты заглядывала в кошачью уборную? – удивляется Паоло. – И умеешь определить, кто ею пользовался?

Но Береника уже встала. Она крадется по залу, высокая и расслабленная, сама немного напоминая кошку.

В полумраке в ее густых черных волосах поблескивает гребень. Кугуар поворачивает голову, и она замирает. Зверь смотрит мимо нее. Он раздражен – чувствует, как будто что-то упустил, но понять, что конкретно, ему не по силам.

Береника опускается на колени в углу у прилавка и принюхивается. Со слов Марка я представлял нечто более… романтичное. Не интересовался грязными подробностями: как именно мы научили зверей выживать рядом с нами. Женщина немного подбирает юбку, чтобы не мешала движениям, и снова принюхивается. Одета она красиво – в несколько слоев прозрачной ткани с контрастным узором.

Посетители кафе теперь смотрят на нее, а не на кугуара.

Паоло от неловкости теребит салфетку, потом закрывает глаза. Отсутствие реакции с моей стороны выглядело бы неестественно.

– Вы что-то потеряли, мисс?

Она выпрямляется и оказывается лицом к лицу со мной.

– Здесь участок другого кугуара. Где он сейчас?

Я ошеломлен. Неужели она действительно изучила фекалии в утилизаторе отходов на площади?

– Кажется, видел кого-то. Такая же кошка, да? Хотя я не знаю. Могу спросить…

– Не стоит. – Она возвращается к столику, забыв обо мне. От меня никакого проку.

В том-то и дело. Потому я и ношу дурацкую белую куртку на подбивке, как фехтовальщик какой-нибудь. Мне положено заниматься задним планом.

А мне все же хочется, чтобы она меня увидела.

– Моча у них модифицирована и пахнет как скипидар. – Береника легко проскальзывает на прежнее место. – Для нас. Для них она пахнет резко и агрессивно.

– Очаровательно, – цедит Паоло.

– Очень трудно все это наладить, – говорит Береника. – Это настоящее искусство.

Если бы она знала!

– Но мы явно на постоянном участке. Готова поспорить, что второй кугуар сейчас за теми ларьками на площади. Там, в зарослях, должно быть много мелкой дичи.

Она совершенно права. Второй кугуар, больше и сильнее этого, пока не участвует в сюжете, но создает потенциал развития драмы. Драки за участок и за самку всегда окупаются.

– Если тебя интересуют такие вещи, то как раз Марк мог бы тебя устроить, – говорит Мрия. – У него, помнится, есть связи среди ребят, которые этим занимаются. Ты могла бы получить собственную… как там ее… экосистему!

– От такого хобби уйма грязи, – возражает Паоло. – Это на тебя не похоже, Береника. По-моему, и тех слепых рыбок в подвале Марк зря завел. Столько хлопот! Твое увлечение с них пошло?

– Я не хотела, чтобы Марк меня устраивал.

Друзья видят, что Береника обижена. Они не хотели этого.

Мрия ерзает на сиденье.

– Давайте я принесу. Моя же очередь.

– Хорошая мысль, – кивает Паоло.

Кугуар скрывается за прилавком. Он теперь немного раздражен. Изогнув тело, он опирается передними лапами на стойку и сбивает несколько тарелочек с закусками. Когти у него в добрых полтора дюйма. Он разевает пасть во флемене[112], вбирает информацию, которую несут запахи, и, между прочим, показывает клыки, белые на черных деснах.

Ну, он получит всю доступную ему информацию, но не пробьет блокаду, позволяющую ему выживать в той среде, которая его теперь окружает. Он понятия не имеет, что находится в кафе, где подают хороший турецкий кофе, черный, как ночь, и сладкий, как любовь, горячий, как ад, – в заведении, где посетителей заставляют переодеться в смешные халаты. Он не способен учуять ничего человеческого. Она нас не видит и не слышит. С его точки зрения, нас больше нет.

Он тянется мордой вперед… и тычется носом в горячий бок кофемашины.

Взвизгнув тоненько, как котенок, он отскакивает назад, припадает на задние лапы и шипит.

Кафе смеется. Посетители невидимы, им ничто не грозит, но все же они боятся зверя и радуются доказательству его бессилия.

Береника, как я замечаю, не смеется.

Встреча 2
Лапши не надо

Краснохвостый сарыч парит в восходящем потоке над стоянкой. Он уже давно висит в воздухе, и все зря. Оленьи мыши в высокой траве между парковочными местами не проявляют активности.

Ресторанчик-лапшичная прилип к стене старого универмага, как кусочек жвачки. Столики стоят на нависающих друг над другом балкончиках, а к ним ведут лесенки, позволяющие подавать лапшу посетителям. Об удобствах официантов никто не заботится.

Мрия с Береникой выбрали нижний столик прямо над маленьким оленьим стадом, дремлющим под дубами и кленами, чуть тронутыми ржавчиной и пурпуром близкой осени. Олениха опускает голову, щиплет траву. Потом оглядывается. Она не видит ни нас, ни универмага, ни машин, проезжающих по плотным дорожкам среди горных хребтов и топей в поисках места за пределами зоны дикой природы. Не видит она и кугуара, который с виду равнодушно сидит в кустах за несколько шагов от нее.

Это два совсем разных «не видит». Не сомневаюсь, что есть и другие.

– Знаешь, – говорит Мрия, – я тут вспоминала, как вы с Марком познакомились.

– Это было предрешено, – перебивает Береника. – Звезды сошлись, и все случилось так, как велела судьба.

– Что?

Береника хохочет.

– Да брось ты, Мрия! Познакомились на вечеринке. Случайно. Ты как раз ушла, а я помогала Маргарет прибраться.

– Чувство долга в очередной раз окупилось.

– Он всегда говорил, что «надувался для виду», – вспоминает Береника. – Я думала – игра, а потом поняла, как много в этом настоящего.

– И на Истер-Айленде он играл, – соглашается Мрия. – Только Паоло не говори. Он все никак не может забыть. Бедняга Паоло! Он тогда решил, что нравится Марку. Что у них отношения…

– Паоло нравился Марку. Он сам говорил.

– О, Марк! Разве ему можно верить?

– Хорошо выглядишь, – переводит разговор Береника. – Новая прическа?

– Просто отрастила немножко, – Мрия самодовольно поглаживает светлые кудряшки. – Нашла хорошего мастера. Я тебя познакомлю.

– Конечно. Может быть.

Черные волосы Береники гуще и короче, чем были несколько месяцев назад, а заколок она, похоже, никогда не снимает. На ней походная куртка с пятнышками птичьего помета – отстирать их до конца невозможно.

Второй сарыч сидит на ветке дуба. Добычи у него не больше, чем у того, что кружит над стоянкой, зато сил он тратит меньше.

– Честное слово, Береника! Ты что, все еще возишься с животными?

Береника улыбается.

– Надо было давным-давно ими заняться. Я еще только начинаю, но уже влюблена в эту работу. Начать, конечно, пришлось с самого низа. Курс физиологии, экологии, практика в клинике. Тяжелая физическая работа – я даже не ожидала, что настолько тяжелая. Ложусь и засыпаю как убитая.

– У Марка в пустынном домике были хорошие кровати, – вспоминает Мрия. – Я в них никогда не видела снов.

– Попробуй целый день прибирать за больным лосем. Тоже никаких снов не увидишь.

– Нет уж, спасибо. Предпочитаю дорогие матрасы.

– Может, за Марка надо было выйти тебе, – говорит Береника.

– Да, но я не осталась мыть посуду. Сама виновата. Ну, и он ни на кого не смотрел, кроме тебя. Почему бы это?

– Не у меня надо спрашивать. Понятия не имею. – Береника следит за кугуаром. Тот крадется, прижимаясь брюхом к земле, переливаясь так, будто в его теле нет ни одной кости.

Мрия прослеживает за взглядом Береники, но я уверен, что кугуара она не видит.

– Вьетбургер[113] здесь слишком сухой, – говорит Мрия. – Не то чтобы я жаловалась, но нет, знаешь, этой приятной влажности…

Я заменяю ей вьетбургер.

– Как тебе здешняя кухня, Береника? – спрашивает Мрия.

Береника еще не прикасалась к еде.

– По-моему, нормально.

– Ага. Выглядит, мм, неплохо? Мне не нравится, когда хлеб размокает и разваливается.

Она не замечает атаки кугуара, а Береника видит.

Три-четыре прыжка – и вот она, олениха.

Но та что-то чувствует. Шорох листьев или зяблика, вспорхнувшего с ветки за несколько секунд до того, как большой

кот решился на прыжок, – и она начинает двигаться на миг раньше, чем кугуар обрушивается на нее.

Когти обдирают ее бок, но олениха несется через стоянку, виляет между машинами, которые кажутся ей деревьями, и исчезает. Кугуары выбирают не больных и слабых, а тех, кто невнимателен. Если они неверно оценили бдительность добычи, то сталкиваются с животным, не уступающим им в силе.

– Что там? – озирается Мрия.

– Ничего, – говорит Береника, – абсолютно ничего.

– Он тебя так просто не отпустит, – говорит Мрия. – Не похоже на Марка, насколько я его знаю.

– Может быть, ты знаешь не того Марка, с которым знакома я. Не хочется сейчас об этом говорить.

– Хорошо. – Мрия выдавливает улыбку. – Значит, тебе нравится новая работа…

– Больше всех, какие я перепробовала. Я… не знаю. Я, кажется, родилась для этой жизни. Не для того, чтобы жить подальше от людей, а чтобы быть ближе к сути вещей.

Ненавижу подобные фразы. Мы никогда не были людьми больше, чем сейчас, когда манипулируем миром природы.

Не понимаю, почему она вдруг начала меня раздражать. Она всего лишь старается в меру своих сил: учится, сдает экзамены, как прилежная ученица из учительских любимчиков. Наверняка она всегда такой была. Я был трудным учеником. Если бы не удача и не помощь Марка, не научился бы тому, что умею.

Марк хочет, чтобы она ощутила себя в сердце всемогущей природы. Но это я делаю природу всемогущей, направляю каждый ее шаг.

Она никогда не узнает, что я у нее за спиной.

На балкончике ресторана появляется енот. Как он сюда попал – мой секрет.

Пожалуй, из всех живых существ енотам больше всего недостает человека. Другие и не заметили, что люди научились вырывать себя из воспринимаемого мира и вернули на землю дикую жизнь.

Енотам с трудом удается зарабатывать себе на жизнь. Они теперь всегда не в настроении. Этот сыт по горло. На сегодня уж точно. Он взбирается на столик, расшвыривает посуду и с мрачной решимостью закрывает глаза – засыпает.

С его точки зрения, он в укрытии, невидим, да и действительно – никто из лесных жителей его не увидит. Над ним совсем низко проносится канюк, но птица видит только сухие листья да опомнившегося кугуара, который бредет прочь, на поиски другого оленя.

– Да он храпит? – удивляется Мрия. – Ну, скажи, что еноты не храпят!

Встреча 3
Зеленый склон

На самом деле этот поросший лесом склон – крыша тренажерного зала и магазина. Сразу за рестораном поднимается гребень холма, а за ним идет покрытый жилыми домами спуск. У подножия склона – открытый парк, снег в нем истоптан чернохвостыми оленями. Там и сейчас стоит группка оленей – животные жмутся друг к другу, выдергивая зубами последние остатки травы. Большие дома на той стороне долины, за невидимым шоссе, настолько уродливы, что я завидую избирательному зрению диких животных.

И еще жалею, что не вижу плаща в стиле Дикого Запада, который меня заставили напялить. Он расшит витками лассо и фигурками лошадей.

На ветках елей и пихт наросли большие снежные шапки. Гаичка повисла на шишке и усердно выклевывает семена. Другие пичуги скачут по ветвям. Кто в этом разбирается, различит среди них корольков, поползней и прочих. У каждого вида свои пищевые привычки и, соответственно, свое восприятие мира. Никто не поймет, как сложно собрать из них вот такую смешанную стайку. Паоло уж точно не оценит – он, с тех пор как они с Береникой уселись, не закрывает рта.

А вот Береника изучает птиц. Она всегда смотрит на животных внимательно, словно действительно видит в их существовании собственный смысл. Она поднимает руку, движением пальца подзывает официанта. Меня.

Королек вспорхнул с ветки и приземлился ей на палец. От неожиданности Береника округляет серо-зеленые глаза. Королек – крошечная зеленоватая птаха с оранжевым хохолком – прохаживается по пальцу, как по веточке. Он и в самом деле видит в нем прутик и выискивает спящих под корой насекомых. А потом улетает прочь прежде, чем случится беда.

Береника смотрит ему вслед. У нее талант к многозначительному молчанию. В ее темных волосах блестят снежинки. Она – богиня природы, лишь на время сошедшая в мир людей.

Солнце яркое, но воздух холодный, пробирает до костей. Большая часть животных сейчас прячется, а те, что на виду, тощие и думают только о том, как бы выжить. Зима прореживает их частым гребнем, так что выжившим к лету будет просторнее. В это время года нагляднее всего видно, как мучительна борьба за

существование, поэтому ресторан в холода собирает хорошую выручку.

Из-за деревьев виднеются гигантские – пятидесятифутовые – кубы голубого льда. Они кажутся прозрачными, но взгляд теряется в их синей глубине. Они захватывают холод зимы и посылают в теплообменники, чтобы летом остудить стоящие внизу здания, а самим подтаять и обрушиться со скал, исчезнув к сезону опадания листьев.

Подул легкий ветерок, и снежок припорашивает столики. Береника с Паоло одеты в складчатые балахоны, похожие на сложно устроенные палатки. Головы покрыты бархатом. При движении из рукавов вылетает теплый воздух, и снег сразу тает, собирается капельками. Паоло настроил обогрев так, что потеет. Он выбрал это место ради Береники. Сам он предпочитает комфорт.

– Ну, Береника, – спрашивает он, – чем занимаешься?

Прямо сейчас Береника погружена в свое дело. Она ищет глазами кугуара. Отвечает с маленькой заминкой, так что Паоло успевает наморщить лоб. Он что-то задумал, но с реализацией плана оказались проблемы.

– Ох, Паоло, извини. Все у меня хорошо. Даже не верится, что я так долго не могла заняться тем, чем всегда мечтала. Ни за что не сменю работу!

– А о нем ничего не слышно? О…

– О Марке? Ничего. Хоть бы все перестали…

– Извини, – говорит он, – извини. Мрия просто хотела выяснить, ты же ее знаешь. Она бы мне задала трепку за то, что не спросил. Рад, что ты нашла время со мной посидеть. Я думал, может быть, тебе будет приятно.

– Мне приятно, Паоло, правда. Мне рассказывали про это местечко.

– По-моему, оно в твоем духе.

Обоим неловко. Никто из них не предвидел, что окажется в такой ситуации.

– У меня тоже все хорошо, – говорит Паоло.

– Вот как? Ты сейчас где?

– Да, знаешь, как обычно. Но хорошо, понимаешь. – Паоло начинает заново: – А у тебя есть… дальнейшие планы? На жизнь вне природы?

– Вообще-то, нет. Я все время занята.

Паоло вздыхает. Порыв ветра совпадает со вздохом, и кажется, что это его бесплодные попытки пронять подружку стряхнули снег с деревьев.

– А он все еще живет в пустыне? – спрашивает Паоло.

Береника улавливает движение среди деревьев на краю поляны.

– Что?

– Марк все живет в том домике среди пустыни? Он там отличные вечеринки устраивал!

Береника с усилием переключается с мыслей о кугуаре. Наклоняется, накрывает ладонью руку Паоло. Оба в перчатках, так что жест не слишком интимный.

– Позвони ему, если хочешь, Паоло. Уверена, он тебе обрадуется.

– Правда?

– Правда. Он всегда говорил… – Она поторопилась и теперь лихорадочно придумывает, что же всегда говорил Марк. – Он говорил, что с тобой хорошо. И ему нравились твои коктейли.

– А, да, мне он тоже всегда нравился. То есть я понимаю, почему все кончилось, но…

Чернохвостый олень не так удачлив, как та олениха. Он отвлекся, выкапывая особенно сладкий пучок травы. Кугуар прыгает, взметнув снег, – и олень падает. Он успевает раз лягнуть задними ногами, но зубы хищника уже перегрызли ему гортань. Вряд ли в том есть нужда – похоже, что удар головой о мерзлую землю был смертельным.

Кугуар переводит дыхание, потом опускает голову и ест.

На вид ничего особенного. Если не знать, что происходит, то все просто. Олень весит столько же, сколько кугуар, и на голове у него ветвистые рога, способные проткнуть легкое или брюхо. Даже легкая рана бывает фатальной, потому что не позволяет охотиться. Кугуару, чтобы пережить зиму, нужна в среднем дюжина фунтов мяса в день. Прекращение притока калорий и белков – смерть. Последние два часа кугуар наблюдал за стадом, терпеливо выжидая момент, когда у него будут самые большие шансы.

Официант тоже должен быть всегда начеку, но за свои старания получает меньше. Да еще ему приходится напяливать этот дурацкий наряд.

Кугуар поднимает голову. Ему неспокойно на открытой поляне. Олени думают, что перебрались в другую лощину, – так они всегда поступают при появлении хищника. На самом деле для этого здесь слишком тесно. Они пробегут круг по кормовому участку и вернутся на прежнее место. В прикрытой снегом траве шуршит пищуха, а в сотне ярдов похрюкивает дикобраз, срывая кору со свежеповаленного дерева и добираясь до зеленого луба. В остальном все тихо.

Но кугуар что-то почуял. Он хватает тушу зубами и двумя

мощными прыжками взлетает с ней на скалу.

Он бросает добычу у самого столика, прямо под ноги Беренике, и вновь принимается за еду. От потрохов убитого оленя поднимается пар. Береника, в отличие от других, не смотрит на зверя. Она обводит ресторан взглядом, какой обычно уделяет только животным. Посетители, в отличие от кугуара, не отличаются аппетитом. На ресницах у Береники снежинки. Так иногда смотрит кугуар. Это самое недоступное одиночество: привычно обходить увиденное, не коснувшись его. Знай кугуар, что он – на виду у всех, он пришел бы в отчаяние, если, конечно, кошки это умеют. Он бы так жить не смог.

– Он здесь? – жалобно тянется к ней Паоло.

– Кто? – удивляется Береника.

– Марк. Он должен быть где-то здесь.

Кажется, она испугалась.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что он бы тебе не позволил уйти. Если он тебя отпустил, я не выдержу!

Кугуар потягивается, ложится на оленью тушу и засыпает. На костях осталось довольно много мяса, но, если не согреть его своим теплом, к утру добыча заледенеет. Оленья голова слепо таращится на нас, изо рта свисает окровавленный язык.

Встреча 4
Плаза Эконторо

Площадь перед кафе «Калфи» – участок болота, понемногу превращающийся в луговину. По краям густая дубрава. Белки и птицы в кронах дубов ощущают позади густой лес, а не кирпичные стены. На болотине еще осталась открытая вода, так что здесь водятся мускусные крысы – не самое популярное животное, зато важная составляющая экосистемы. Они служат пищей паре норок, устроивших гнездо под магазином сыров.

Сегодня погожий весенний день, и на улице немало прохожих.

Зонтик над моей тележкой с хот-догами скрывает микросреду тропического леса. Со спиц свисают бромелии и орхидеи. На поднос оседает роса.

Береника медленно идет через площадь. Она грациозна, каждая частица ее стройного тела участвует в движении, а ноги едва касаются земли. Волосы она остригла еще короче и больше не носит заколок. Куртка на ней до талии. Брюки из какого-то переливающегося материала.

Она кого-то выслеживает. Не смотрит по сторонам, но по вперившемуся в пустоту взгляду заметно, что все ее чувства напряжены, готовы уловить малейшую подсказку. Я было подумал: она ждет Паоло или Мрию, чтобы посидеть с ними в кафе «Калфи», где я в первый раз работал над ее миром, но тех не видно. Похоже, что сегодня Береника одна. Мой крошечный тропический лес не привлекает ее. Хотя она не первый месяц проходит подготовку и, конечно, оценила виртуозную технику. Сигнал, обращенный прямо к ней. Обычно она более восприимчива.

Трудно было собрать всю суматоху лесной жизни под моим зонтиком и еще труднее – поддерживать ее прямо над ассортиментом колбасок и «самых натуральных» сосисок. Можно часами любоваться, как мотылек добывает нектар из орхидеи, как муравьи взбираются по стеблям, можно долго считать древесных лягушек. Торговля у меня идет бойко – так бойко, что я уделяю Беренике меньше внимания, чем хотелось бы. Я горжусь тем, что не перепутал ни одного заказа.

Трехпалый ленивец болтается прямо перед носом, но его никто сразу не замечает. Он повис среди листьев: шерсть зеленоватая от водорослей, желтые когти вцепились в спицы зонта, и он уже полчаса жует один и тот же лист.

Береника встает на колени. Заглядывает в утилизатор помета у лестницы. Но там чисто. Ей не определить, давно ли был здесь хозяин участка.

Она поворачивается, и я успеваю решить, что она подойдет за хот-догом. Мне пришлось вырядиться в нелепую оранжево-лиловую куртку, особенно режущую глаз рядом с орхидеями. Подмышки у меня вспотели. И все же мне хочется, чтобы она подошла.

Наконец на площади появляется кугуар. Он косится на кафе «Калфи». Еще не забыл обожженного носа и без веских причин туда не сунется.

У него есть и другой повод для беспокойства. Он нарушил границы чужого самца и явно об этом знает. Уши его настороженно подергиваются. В ухе кугуара тридцать отдельных мышц, и он использует каждую, чтобы уловить всю информацию, какую дает внешний мир.

Каждый его шаг тщательно обдуман. Раз уж он здесь, то полагает, что пришел бросить вызов второму кугуару. Подобно всякому существу, обладающему достаточно высокоразвитым сознанием, он считает, что действует на основе принятых решений. И, подобно всем таким существам, он ошибается.

Береника мгновенно замечает кугуара. Она не оборачивается, но я вижу, как напрягается ее спина, натягивая на лопатках тонкую ткань куртки. Она замирает неподвижно: это бессмысленно, потому что зверь ее не видит. Это, скорее, жест вежливости. Ее ладони невесомо парят в воздухе.

Я только теперь понял ее и немножко раскаиваюсь в той шутке с енотом. Она не просто валяет дурака. Она относится к жизни так же серьезно, как и я.

Из нее мог бы получиться тот редкий тип дрессировщика, который делает свое дело, даже когда его видят. Хозяин участка выходит из кафе «Калфи» и замирает на верхней ступени крыльца. Он заметно крупнее и сильнее нашего кугуара: полные сто семьдесят фунтов веса, восемь футов в длину. На площади все смолкают, глядя, как он раздраженно хлещет хвостом. Это его территория – значит, он местный любимец. Все ждут, как он обойдется с пришельцем.

Примерно на этом месте появляется и возвращается в ее жизнь Марк. Такой уж сюжет. В кугуаре больше нет необходимости, и он исчезает. Все же всегда остается шанс, что он победит своего большого и сильного противника. Наверняка никогда не скажешь.

Но ставку разумнее делать на мускулы.

Хозяин участка приседает, готовясь к прыжку. Он готов.

Нашему кугуару предстоит убедиться, что он уже не в центре внимания.

Береника идет к кафе, не подавая виду, что заметила второго кугуара. Мне бы наблюдать за кугуарами, а я смотрю на нее. На первый взгляд она просто глазеет на витрины, но я-то знаю, что она не видит выставленных за стеклом товаров. Все ее внимание нацелено вперед.

Она оказывается прямо на дороге второго кугуара. Тот готов к прыжку… но его противник вдруг исчезает. Он видит отсутствие противника, а не Беренику – человек для него не существует. На его мир упала тень, и зверь ошеломлен.

Наш кугуар, сообразив, в какую попал переделку, разворачивается и удирает.

Народ на площади оживает. Все возвращаются к своим делам. Но каждый чувствует, что его в чем-то обманули, разочаровали. Смазали критический момент драмы.

Это потому, что они смотрели не ту драму.

– Простите?

Пока я следил за убегающим кугуаром, тихо подошла Береника. Она застает меня врасплох. Наши взгляды встречаются сквозь туман под зонтиком. Даже ленивец снисходительно поворачивает голову, чтобы, не переставая жевать, посмотреть на нее.

Она оценивает сложность достигнутого мною эффекта. И, оценив, соображает, кто в ответе за происходящие вокруг нее события. У нее инстинктивное чутье на поведение живых существ. Видя следствие, она прослеживает его до причины – до меня.

– Я бы хотела два хот-дога. Пожалуйста.

Два? Меня угощать ни к чему. Как-никак, это мой ларек.

– Гм, конечно, я для того здесь и стою.

– Один с горчицей и приправами.

– Хорошо.

– А второй с острым перцем, кислой капустой и, если есть, с полынью.

Обычно таких вещей о нанимателе не знаешь, но Марк, когда мы накануне репетировали сцену, заказал себе любимый хот-дог. С перцем, кислой капустой и…

– Полыни нет. – На самом деле немного осталось, но не для него. – Кончилась.

– Ну что ж, – вздыхает она, – не все желания исполняются, верно?

– Да, – говорю я, – не все.

Я смотрю, как она, грациозная и стройная, переходит площадь и направляется прямо к тем деревьям, за которыми

стоит Марк, вроде бы невидимый из этого мира. Он собирался появиться во время смертного боя между кугуарами.

Последняя встреча
Змеешейка

Сразу за столиком начинается тихая черная вода. На пригорке тянутся вверх кипарисы, заслоняют густыми верхушками яркое солнце. Воздух горяч, тяжел и неподвижен. По испанскому мху, цветам и лианам, свесившимся к воде, стекают капли. Движение – только от медленно пролетающих насекомых, они лениво рассекают крылышками густой воздух. Тонкие лучи детектора движения выхватывают их и подсвечивают кружевные крылышки на тусклом фоне так непринужденно, что клиенты не сомневаются: их зрение, сформировавшееся в сухом солнечном велде[114], различает подробности и здесь.

Нигде не написано, что природа всегда должна быть нарядной.

Паоло, Мрия, Береника и Марк молча ждут заказ. Марк всегда немногословен, а Паоло и Мрия в другое время постарались бы заполнить паузу, усердно развлекая компанию из благодарности за то, что все наладилось и стало таким, как должно быть. Но у них закончились темы для разговора.

Марк оплатил им дорогу сюда. В их представлении это и есть – как должно.

Береника молчалива. Уже жалеет, что вернулась к нему?

– Смотрите! – Паоло указывает на скользящего мимо аллигатора, стараясь, чтобы палец не высунулся за перила.

Никто не оглядывается.

– Что вам не нравится? – наконец спрашивает Марк. – Вижу, что зря все затеял. Слишком сыро, да? Надо возвращаться домой. В пустыню. Там лучше.

– Нет, – возражает Береника, – не лучше. Все это впечатляет. Я даже с удовольствием бы здесь поработала.

Наше болото, раздувшееся от притока вод с севера, зажато между офисным зданием – розовая штукатурка и стекло – и новой застройкой. Тщательно наведенный туман превращает офис в мираж, а новые дома прячутся за увитой лианами стеной. На этот клочок джунглей воду качают насосами, и по ту сторону ресторана она стекает в трубу, возвращаясь в круговорот.

Когда-то вода из северных озер на дюйм покрывала заросшие осокой прерии, разливаясь далеко на юг. Экосистему подорвали застройка и мелиорация.

Теперь от осочных зарослей мало что осталось, но люди хотят видеть заливные луга. Приток воды восстановили – ровно

настолько, насколько необходимо. Обитающие здесь, в воде и рядом на берегу, животные нисколько не ощущают, что вода поступает сложными путями, вовсе не похожими на прежние.

Но работы здесь еще много. Береника могла бы быть очень полезна.

– Но тебя что-то беспокоит…

– Ой, Паоло, – перебивает Марка Мрия, – хватит тыкать пальцем в каждого аллигатора! Сами видим!

Паоло обиженно кривит губы.

– Нет, – говорит Береника, – это кот.

Наш кугуар отдыхает на ветке над черной водой, дремлет.

– Какая-то пантера? – Паоло прилежно просматривает информацию об окружающей кафе экосистеме. – Флоридские вымерли, но здесь сказано, что этот вид к ним очень близок…

– Дело не в виде, а в среде. Кугуары обитают в сухих сосновых лесах. На известняковых взгорьях. Им нужна твердая земля, а не такие болота. Они не рыболовы.

– Может, они птиц ловят? – Паоло с удовольствием кивает на змеешейку. Фирменная птица ресторана выныривает на поверхность с наколотой на клюв рыбой. Паоло чуть было не тыкает в нее пальцем, но спохватывается и притворяется, что подзывает официанта.

Придется ему подождать. Я уже не на дежурстве.

Змеешейка взбирается на корень кипариса и неторопливо освобождает клюв. Птица темная, с длинной белой шеей. Она проглатывает добычу, а затем расправляет крылья. У змеешеек, в отличие от большинства видов водяных птиц, перья не смазаны жиром. Это позволяет им глубоко нырять, зато потом, прежде чем взлететь, приходится сушить оперение.

Ее движение привлекает внимание кугуара. До птицы ему, конечно, не добраться, но он видит любопытную интеллектуальную задачу: пути подхода, скорость птицы и прочее. Сытому коту подумать, как поймать неуловимую добычу, – все равно что кроссворд разгадывать.

– Верно, – хмурится Марк, – ему здесь не место.

Как и мне. Моя работа закончена. Пора вернуться на службу. В Иллинойсе нужно восстановить дубраву и озерцо для перелетных птиц. С ними все сложно: им надо сохранить способность к навигации, позволяющей находить путь за тысячи миль, и при этом не дать возможность заметить, что садятся они среди обзорных вышек.

Птицы, кроме нескольких видов попугаев, плохо поддаются обучению.

Береника отошла – вероятно, в туалет. Я не заметил, как она

выскользнула из-за столика.

Пока ее нет, Марк просматривает сообщения, отвечает. Возможно, выясняет, где я и чем занимаюсь, обнаруживает, что задолжавший мне услугу знакомый направил меня сюда, в Эверглейдс, проверять кислотность воды и состояние стоков.

Не только у Марка большие связи.

На плот падает несколько тяжелых капель, и он чуть покачивается от дополнительного веса.

– Ты в самом деле вообразил себя невидимкой? – в самое ухо мне шепчет Береника.

Я дергаюсь, но ничего не опрокидываю. Поднимаю глаза. Она стоит надо мной. Вся мокрая, волосы почернели от влаги.

– Сколько здесь настоящего? – спрашивает она.

– Ты о чем?

– Сам знаешь. – Она обходит плот – босая, бесшумная, – осматривает оборудование. Так вот что такое – бог природы? Маленький человечек, притаившийся в кустах с дисплеями?

– Я не претендую на божественный статус…

Она оказывается лицом к лицу со мной. Мне не по себе от такой близости: глаза кажутся слишком большими, скулы слишком высокими, кожа слишком бархатистой. Ее лучше наблюдать с безопасного расстояния.

– Так сколько, мистер… у тебя имя-то есть? Имени Марк для тебя не пожалел?

– Тирелл Фредериксон.

– Ну так? – Она оглядывается на ресторан. Мрия ворчит, что в заварной крем переложили шафрана. Что в креме вообще не место шафрану. Береники пока никто не хватился.

– Вы все время таскаетесь за мной – вы с этой киской. Зачем Марк вас нанял?

– Просто для охраны. Мир природы гораздо опаснее, чем ты…

Она сбивает меня с ног и прижимает к настилу плота. Кугуар встает на ветке, смотрит в нашу сторону так, словно видит обоих.

Мне приятно чувствовать на себе ее тяжесть.

– Это не я делала, так? – говорит она. – Все, что меня окружает. Это все ты устраиваешь? Говори!

Я и говорю. Правда, не думаю, что она меня убьет, но со злости может попытаться. Потому что она увидела то, чего никак не желала бы видеть. Меня наняли, чтобы она почувствовала себя… Марк сказал: богиней природы.

Она об этом мечтала с детства – чтобы мир природы воспринимал ее и реагировал на нее. Она вечно подбирала раненых птиц и зверьков, выкармливала, лечила. Она умела часами сидеть неподвижно, пока животное не подходило само.

Она идеально подходит для работы, которой занимаюсь я.

Марк, проанализировав положение, пришел к выводу: Береника бросила его, потому что не чувствовала себя с ним на равных. Не ощущала своей ценности. И он решил это исправить.

Для этого меня и наняли. Чтобы все выглядело так, будто происходит само собой. Конечно, если предоставить мир природы самому себе, то через полгода большая часть его погибнет и загниет. Слишком многое пропало, оставшемуся не выжить без поддержки.

– Так я и думала, – говорит она и, выпустив меня, откидывается на пятки.

Я смотрю на нее. Не думал я, что она вернется к Марку, каким бы могущественным он ни был. Я думал… не знаю, чего я ожидал. Все это бессмысленно. Марк добивался ее возвращения, чтобы получить еще больше силы. Власти. А она теперь усомнилась в единственной иллюзии, которая делала ее счастливой.

– Я ухожу, – говорю я. – Беру тяжелую работу. Заросший бурьяном пустырь в старом городе. Такая реставрация никого не интересует. Тратишь целую вечность, а когда готово, и глянуть не на что.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– А вдруг… тебе интересно, кто я такой. Чем занимаюсь.

Она с улыбкой качает головой.

– Ты так и не понял, да?

– Послушай, как бы там ни было, тебе это дается. Наверно, лучше, чем мне. Ты могла бы…

– Знаю, что могла бы. Но что ты можешь? И дальше прятаться в листве, скармливая людям фальшивки?

– Это моя работа. Я дрессировщик.

– И я теперь тоже. Марк вздумал создать для меня иллюзию власти над природой, чтобы заставить вернуться к нему. Но это ведь не иллюзия? Про богиню природы – глупости. Но у меня и вправду есть власть над природой. И мне это нравится. Очень нравится. А тебе, Тирелл?

– Да.

Мне не приходится раздумывать над ответом.

Теперь она по-настоящему смотрит на меня. Я бледный, полноватый, но, думаю, что-то во мне есть. Форма подбородка и глаза, говорят, умные.

Ну, мать так говорила. А вообще-то она редко врала. Никогда не убеждала меня, будто я невообразимый красавчик и тому подобное.

– Ты еще можешь чего-то добиться, Тирелл. Тогда и

посмотрим.

Она ныряет совершенно беззвучно.

Береника, я пишу отчеты для Марка, но он их не читает. Может, ты когда-нибудь прочтешь.

Тирелл Фредериксон
Как я стал дрессировщиком

Всего вам знать незачем. Но вот эта часть, надеюсь, поможет разобраться.

До того как стать дрессировщиком, я работал на ферме на тринадцатом этаже Четырнадцатой улицы. Иногда, закончив работу, выходил в теплицу посмотреть на закат. Циркуляция воздуха не позволяла стеклам запотевать и заставляла листья шептаться за моей спиной. С такой высоты люди были почти невидимы, только здания до самого горизонта. Через несколько минут раздавался тревожный гудок – мне не положено было там находиться. Я работал со свининой.

Я возвращался в темноту. Светящаяся полоска выгнутого потолка над баками была не ярче полной луны. В конце концов, баки со свининой – свиньи, если хотите, – ничего не видят.

Лампы стерилизации загорались раз в день. Тогда мне следовало надеть защитные очки и поворачивать свинину в баках так, чтобы ультрафиолет осветил ее со всех сторон. В жидкости была масса антибиотиков и тому подобного. Но есть еще грибки, плесень… на таком количестве органики хоть какая-то жизнь да разовьется.

Сложнее всего было с кожей. Рудиментарные кости плавали отдельно друг от друга, не собираясь в скелет, но вот кожа… Кожа, погруженная в зеленовато-голубой раствор, была так велика, что вечно собиралась в складки. Или терлась о стенку бака, и на ней начиналось заражение. В мои обязанности входило высматривать зараженные участки и заниматься ими.

Кто-то скажет, что можно обойтись без кожи, оставить только мясо, но тогда новых проблем возникло бы еще больше. Кожа – сложное устройство, предназначенное удерживать внутри все, что должно быть внутри, а остальной мир оставлять снаружи. Создание технического аналога слишком сложно, не окупится. На самом деле там что-то меняли только при крайней необходимости. Например, добавили коллаген, чтобы кожа легче разворачивалась, когда придет время.

Спинная часть все еще напоминала свинью. Позвоночник отделялся, как опора взлетающей ракеты, но я видел настоящий зародыш, даже со щетиной. А если я оставлял туши в ином положении, они понемногу разворачивались спинами кверху.

Меня там никто не навещал. Мясной отдел фермы не пользовался популярностью. Заглядывала бригада профилактики

– настроить утилизатор, который превращал отходы свинины в удобрение для посадок на южной стороне. А в остальном я был один на один со своими свиньями.

Раз в месяц производился забой.

Я выволакивал каждую тушу на подвес. Стерилизующая жидкость стекала по бокам. Я просушивал шкуру валиком и инфракрасным светом, а потом уже вскрывал. Предполагалось, что на брюшной части должен оставаться шов, что-то вроде естественной застежки-молнии, но швы часто зарастали хрящевой и соединительной тканью.

Так что приходилось вскрывать резаком. У меня был резак-вибратор, и я вел им вдоль свиного бока. Потом с особым тщанием раскатывал шкуру. Я уже упоминал, что коллаген добавлял ей упругости, и шкура отходила, обнажая мясо. Большей частью сплошное мясо, годное для пищевой переработки. Без соединительной ткани, без зернистости. С таким работать было просто. Я водил резаком вдоль свиного бока, отрезая пласт за пластом. Выступала кровь, но совсем немного. Резак был хитрый, да и кровоснабжение дозировалось рационально. Крупные сосуды надо было обойти, оставить болтаться в баках, как провода. После я обрабатывал их гормонами роста, которые стимулировали ветвление, и подводил к нараставшему вокруг новому мясу.

Потом мне надо было проследить за подачей пластов мяса к холодильнику на глухой северной стороне здания. Пласты валились с конвейера и уходили на следующую стадию переработки. Место было запустелое, на редко использовавшихся насосах нарастали шестиугольные кристаллы льда, а просочившаяся жидкость превращалась в толстую красно-бурую наледь. Меньше всего я люблю размораживать и отчищать холодильник.

Иногда что-то портилось. Нарушалось деление клеток, и мясо разъедал рак. Это происходило на удивление быстро. Иной раз приходилось списывать целый бак. Понятия не имею, куда девалось это мясо. Раз под резаком что-то затрещало. Осмотрев срезанный пласт, я нашел нижнюю челюсть свиньи, вполне оформившуюся, даже с зубами. Зубы рядом с огромной тушей выглядели мелкими, хоть и должны были кормить животное весом в несколько сот фунтов. Я отчистил их и оставил себе. Сложный узор зубов – лучший маркер вида. Человек поопытнее меня мог бы установить, какой именно вид Sus domestica[115] положил начало этой великанской мясной фабрике.

Я привык к своей работе. Кажется, я уже без участия сознания обходил полутемное помещение в обществе одних только свиных

спин.

Но та челюсть заставила меня насторожиться. В том баке нарушилась экспрессия генов. Как-никак все гены, требующиеся для развития, в клетках присутствовали, просто они подавлялись.

Когда резак задержался на той же свинье, я наконец вытащил тушу из раствора, чтобы рассмотреть подробно.

Туша отрастила ногу, даже с копытцем. Смешно это выглядело: нога отдельно, ничего не поддерживает, ни на что не опирается, но снабжена всеми костями и мышцами. Я ткнул в нее, и она дернулась.

Значит, и нервы сформировались. Надо было что-то делать.

Бывает, что потребителю приспичит попробовать настоящий дифференцированный кусок мяса с соединительными тканями, мышечными волокнами и костями. Окорок, грудинку, лопатку… Туши для такого не предназначались. А если бы и предназначались, антикварные окорока собирались искусственно, а не выращивались здесь.

Копытце выглядело крошечным и изящным. Чем-то оно меня растрогало. Я решил пока его оставить. Мне втемяшилось в голову, что я освобождаю некую природную суть, скрытую в огромном мясном баке. Я перепрограммировал резак и обошел участок с ногой. Это немного снизило мою среднюю эффективность, но в норму я все равно укладывался.

Мне следовало бы знать, что на ферме нет места сентиментальности.

При следующем забое нога так вывернула резак, что он отказал, и мне пришлось срезать мясо вручную. Я не привык работать вспомогательным лезвием, а мясо так дрожало, что я чуть не отрезал себе палец.

Сохранение трогательного кусочка настоящей свиньи оказалось утомительным делом. К тому же это не понравилось бы комиссии по здоровью и безопасности. Я занимался не своим делом, но и здесь не мог себе позволить терять очки.

Когда подошел срок очередной профилактики кожи, я развернул бак, чтобы посмотреть на ту ногу. Сустав дорос до поверхности кожи. Вот и хорошо. После него не останется предательского обрубка, и резак с этой работой справится. Я подтянулся к отростку, прижал его щекой и всадил в ляжку вспомогательное лезвие.

Она меня лягнула. Я отпустил руки и чуть не свалился в бак. А пилку выпустил, и она пропала в полупрозрачной глубине. Нога еще подергалась и замерла, но она теперь отодвинулась от края бака, словно приготовившись к новому удару.

По всей туше прошла дрожь, в борта бака заплескались

волны. Из пореза текла кровь.

Одно дело – мышцы и кости, а у этой штуки были кровеносные сосуды и нервные окончания. Но что же отдало ей приказ меня лягнуть, если эти нервы никуда не ведут?

Наверно, я вышел из себя. Мне было уже не до тонкой хирургии. Надо было покончить с этим и вернуться к нормальному производству. Я выловил со дна бака ручной резак и сделал глубокий надрез, проверяя, нет ли нарушений в сплошной структуре мяса.

Мне пришлось удалить пару ребер и толстую складку ткани, в которой я потом опознал мочевой пузырь – конечно, он не дорос до того, чтобы удерживать жидкость. От него тянулся мочеточник, но почка не выросла, так что трубочка просто обрывалась.

А в глубине, дальше по позвоночнику, я нашел комок, в котором крылся настоящий секрет этой туши.

Мозговая оболочка не развилась, черепные кости – тем более, но все же я нащупал кусочек свиного мозга, защищенный паутинной и мягкой оболочками, похожими на резину.

У свиньи-предка было немало коры головного мозга. Умное животное.

Туша умной не была. Но я уже тогда достаточно разбирался в строении нервной системы млекопитающих, чтобы представлять, что в ней выросло. Участок моторной коры – он-то и позволил ноге меня лягнуть. И порядочный воспринимающий участок: он ощутил мое прикосновение.

Я ничем не мог его утешить. Ничем не мог помочь. Оно не видело, не слышало, не ощущало вкуса. Но оно чувствовало боль.

Просто накладка. Ошибка в экспрессии генов; поколение нервных клеток, не нужное потребителю. Я вспоминал, давно ли туша содрогается под резаком. Иннервация зашла далеко – я и не думал, что такое возможно. Оно ощущало все, что с ним делали.

В большой комнате было тихо. Я сидел, поглаживая уцелевший клочок кожи. Я не знал, чувствует ли что-то и он.

Следовало подать рапорт об ущербе, чтобы другие остерегались подобных нарушений.

Но я никому не признался. Я извлек мозг, нервы и прочие органы.

Потом я переработал эти не функционирующие уже болевые центры в паштет. Самое большое неуважение к пищевому животному: убить его и не съесть.

Думаю, я его пережарил. Паштет вышел зернистый. Я давился, но ел.

Так вот, я не поэтому стал дрессировщиком. Но поэтому не

бросаю работу. Если мы что-то возвращаем, то не нам уже снова все губить. Теперь, Береника, раз ты взвалила на себя эту ношу, то, может быть, поймешь.

Не-встреча
Дом Марка и Береники в пустыне

Я обхожу все комнаты, как будто здесь кто-то стал бы прятаться.

Впрочем, укрыться здесь негде. Мебель убрана, пол из местного камня как будто пропылесосила команда судмедэкспертов, не оставив ни следа от прежних обитателей дома.

Высокие окна гостиной выходят на дальний хребет, скошенный, как тонущий корабль, корма которого уже ушла под воду. Я слышу шум в подземном гараже. А вот и голоса – мужской и женский.

Я не сомневался, что Береника опять уйдет от него. Не было ей смысла оставаться. А она воспользовалась его властью. Я думал, они уже далеко, восстанавливают какой-нибудь убитый океан и не застанут меня, шмыгающего по комнатам, как лишившийся раковины рак-отшельник – бледный, с морщинистым задом.

– Ты кто?

Это Паоло. Высокий, тощий, он стоит точно по центру дверного проема, словно показывая, какое излишество – такая ширина дверей.

– Я…

– Да ты его знаешь! – Маленькая светловолосая Мрия проталкивается мимо приятеля. У нее в руках сумка с символическим «запасом провизии»: сверху высовываются листики петрушки и багет. – Это дрессировщик, он на Марка работал.

– На Марка… – У Паоло бледно-голубые глаза. Я раньше не замечал, какие они ясные и внимательные. Я к нему не присматривался, а он ко мне – и подавно. – Что же он здесь делает?

– Не знаю. – Мрия уже в кухне. – Может, сусликов дрессирует? Ты бы сам спросил.

– Мне надо кое-что отсюда забрать, – говорю я. Это почти правда. Сейчас, по крайней мере.

– О, и нам тоже, – отзывается Паоло. – Можно открывать клуб. Соберем всех, кто прибирает за Марком и Береникой.

– Не язви, Паоло. – Мрия открывает и закрывает шкафчики. – Вроде бы они говорили, что где-то оставили кастрюлю… А, вот она. Береника просто попросила помочь, раз уж мы будем

поблизости.

Поблизости здесь ничего нет. Марк демонстративно построил дом на пустом месте, среди сухих хребтов и долин Большого Бассейна. Самыми заметными обитателями этих мест были вилорогие антилопы, но и те держатся гораздо южнее – там, где больше воды. Практически единственное растение здесь – чахлые креозотовые кусты[116]. Их черные стебли высасывают влагу вокруг себя, оставляя круги такой высохшей земли, на какой ни одно семя не прорастет. У каждого куста свое маленькое умирающее от жажды королевство, где он владычествует безраздельно.

– Ты машину спрятал, – замечает Паоло.

– Привычка.

– Так зачем ты здесь?

– Может, он сюда переезжает. – Мрия показывается из кухни. За ее спиной слышно, как что-то жарится. – Поесть хотите, мистер Дрессировщик зверей? Что не съедим, нам придется увозить с собой.

Никогда не думал, что Мрия умеет готовить. Впрочем, я на нее особо не обращал внимания. Я следил за Береникой.

– Конечно, – говорю я, – только мне нечего выложить на общий стол.

– Я так и думала. – Она снова скрывается в кухне.

– Береника хочет тоже заниматься дрессурой, – говорит Паоло. – Хочет узнать, кто на самом деле всем заправляет.

– Это долгий, долгий путь, – отвечаю я, – и не такой увлекательный, как кажется со стороны.

– Она все это знает, – говорит Паоло. – Не ты ли ей объяснил?

– Я пытался.

– Вы просить не станете, да? – Мрия сует мне завернутые в салфетку ножи и вилки, чтобы я разложил их на столе. – Береника вернулась к Марку, оба они на каком-то атолле пытаются восстановить поголовье рыб, обучают тунца самозащите или еще что, а вы притворяетесь, будто вам и дела нет.

– Я не вправе лезть в их дела, – наконец выдавливаю я.

– Вилки кладут с другой стороны, – резко бросает Мрия. – Чтобы думать о ком-то, прав не нужно.

– Да брось. – Паоло болтается рядом, не зная, чем себя занять. – Просто у него ничего не вышло. Он хотел выдрессировать Беренику, чтобы она ушла к нему, а не вышло.

Я стараюсь выдыхать медленно, но они все равно слышат.

– Вам, кажется, надо было заняться рыбами? – спрашивает Мрия и добавляет: – Идите, дальше я сама все расставлю.

– Рыбы, – начинает Паоло, направляясь к лестнице в подвал. –

Это ты их туда напустил?

– Первая моя работа для Марка, – киваю я. – Это исчезающий вид: сельское хозяйство сократило зеркало воды, и их пещеры стали пересыхать. Здесь они, кажется, неплохо плодятся. Надеюсь, новый хозяин дома о них позаботится.

– Обязан. Это прописано в договоре. Не хочешь – покупай другой дом.

Многие думают, что, дурача природу, мы доказываем свою власть над ней.

Но и природа навеки поработила нас, вынудив о ней заботиться.

По крайней мере, некоторых.

В прохладной темноте мы слышим, как журчит вода под ногами и по стенам. Посередине тихий пруд. Мы останавливаемся на краю. Опускаем глаза и видим расходящиеся во все стороны ходы в земле.

Наш приход вызывает голубое свечение воды. Рыба нам не видна, но при таком свете свете она видит нас.

– Это ты… сделал?

Глаза Паоло в полумраке кажутся очень большими.

– Я разработал проект. Были возражения. Геологическое строение местности и отдаленно не предполагает подобных залитых водой полостей, но Марк предложил финансировать работы сам. Это и в самом деле был наилучший вариант. Все идеально не сделаешь.

У слепых рыб есть глаза. Вернее, у них развиваются нормальные глаза – до определенной стадии. Гены развития глаз никуда не делись и все еще активны. Развивается роговица, линзы. А потом другой ген, который трудолюбиво занимается передней частью морды, усиливает обоняние и чувствительность усиков, создавая органы распознавания химического состава воды, позволяющие рыбе выжить в абсолютной темноте известняковых пещер, в тысячах футов под землей, наконец, берет верх и надстраивает свои устройства прямо поверх глаз. Глаза зарастают и исчезают.

Я помахиваю ладонью над водой. Когда-то, по словам Марка, так любила забавляться Береника. Во всем доме только это ее завораживало. Мне хочется увидеть то, что видела она.

Они отзываются. Рыбы выплывают из подземных гротов в голубое сияние. На их белой коже голубой узор, похожий на татуировку. Свисающие усики позволяют им нащупывать путь. Они кружатся, не сталкиваясь друг с другом, ощущая давление соседних тел, в поисках микроскопических крох еды. Я подношу палец к воде, но не касаюсь ее. Лучше им не знать, что здесь еще

кто-то есть. Впрочем, поздно. Даже узнай они обо мне, решившем их судьбу, им было бы все равно.

– Идем, – говорю я Паоло.

Здесь сплошная автоматика, но все же надо наведываться, присматривать за ее работой. Я тщательно осматриваю песчаный пол на предмет беспорядка и вижу…

Паоло подходит ко мне и тоже смотрит на песок.

– Это был твой кот? – спрашивает он.

– Ничего подобного, – говорю я, – просто приятель. Мы когда-то работали вместе. А потом…

– А теперь он тоже работает на Марка?

Следы видны отчетливо. Хочется сказать – слишком отчетливо, как будто отпечатки пальцев для полиции. Но вон там кугуар, похоже, спал. Пещера для него – хорошее укрытие.

Как давно он здесь побывал, не определить.

– А они… с ними здесь ничего не случится? – спрашивает Паоло.

– Система замкнутая, самоподдерживающаяся, – объясняю я. – Продержится достаточно долго. Конечно, гибели цивилизации эта пещера не переживет. Но пока здесь будут бывать достаточно часто: чистить, кормить…

Крышка выглядит грубым камнем, но я-то знаю, что это пенометаллический сплав с тонким песчаным напылением. Она надвигается на пруд, на следы кугуара, на легкие отпечатки, оставленные нашими ногами. Голубое свечение гаснет. Жизнь дома скрывается до поры до времени, пока кто-то снова не придет сюда.

Кугуар не знал, что я здесь бываю, значит, не мог искать меня, но, должно быть, заметил перемену в своей жизни, когда я из нее ушел.

– Поднимайтесь, – кричит сверху Мрия, – обед готов!

– Ты теперь чем будешь заниматься? – спрашивает Паоло.

– Готовить новый проект.

– Марк, наверно, заплатил тебе кучу денег. Представляю, что за безумный проект.

– Не такой уж безумный, – возражаю я. – Просто этим пора заняться.

Ожидание встречи
Городской этюд № 7

Иногда с ячеистого потолка шумно обваливается кусок лепнины. После сильных дождей такое случается пару раз в день. Вода просачивается сквозь то, что осталось от крыши вокзала. Казалось бы, не должно сохраниться ни единого завитка, ни одной золоченой розетки, но строители не поскупились на украшения даже там, где их не видно.

Иногда такое случается без видимых причин. Вот и сегодня утром я резко проснулся от эха далекого падения. Обычно я в таких случаях встаю и проверяю, какой кусок добавился к куче обломков на полу зала ожидания. Сам не знаю почему, но я так радуюсь, обнаружив свежий скол, будто, наконец, понимаю, как тут все устроено.

Однако сегодня я не в настроении. Забираюсь поглубже в спальник и смотрю, как в высоких окнах разгорается утренний свет. Голуби, оставившие корку помета на стекле, воркуют с насеста высоко наверху.

Я здесь уже несколько месяцев, но мне до сих пор не верится: неужели все до единого покинули город в поисках лучших мест? Когда-то он был громадным. Я целыми днями хожу по старым улицам, с опаской перебираюсь через ржавые мостки, перепрыгиваю через провалившиеся тоннели канализации. Ничто здесь не предусматривало связи с природой. Чисто человеческий мир, только опустевший.

Многое здесь обрушилось, оставив гребни обломков высотой двадцать-тридцать футов. Их понемногу затягивает лес. Выше по реке есть маленький современный город, но в нем своя экология, и я туда животных не заношу.

Сейчас я живу среди сорняков: остролистого бурьяна, быстрорастущих пород деревьев, а также грязелюбивых карпов и голубей. Я охочусь среди стад низкорослых оленей, выщипывающих траву между упавшими сучьями рожковых деревьев и серебристых кленов. Иногда участок пересекает задиристая стая койотопсов. Гибрид между койотами и домашними собаками неромантичен, нефотогеничен и неопрятен. Ни один путник не замрет, любуясь их дикой красотой. По ночам, слыша их вопли, я накрываю голову подушкой.

За окнами орет ворона – пора вставать. Все животные меня видят, но замечает, кажется, только эта ворона. Она питает ко мне примитивную привязанность. Наш союз держится на мелкой

дичи, которую я вспугиваю, охотясь. Иногда я ловлю неподвижный взгляд вороны: склонив голову набок, она смотрит невыразительными глазами, обведенными желтой каймой. Я стараюсь не приписывать ей человеческих эмоций, но мне это не удается. Возможно, я не гожусь для своей теперешней работы.

По крайней мере, я не стал давать ей имени. Дать имя – самый простой способ притвориться, что животное принадлежит нам больше, чем на самом деле. Я предполагаю, что ворона питает ко мне почтение, но не понимает этого. Сейчас мы ведем очень похожий образ жизни, потому и ладим. Птица более или менее способна предсказать, что я буду делать дальше, а это – фундамент пристойных взаимоотношений.

Здесь не «естественная среда». Если раньше этот термин что-то и значил, то теперь утратил смысл. Страшилка о природе, объединившейся и восставшей против человека, – детские сказки. У природы нет побуждений, нет желаний, нет единой цели.

Кроме той, которую мы для нее установили. Я наконец скатываю спальник, умываюсь в тазике, который всегда наполняю перед сном, и выхожу наружу. Сегодня пасмурно и холодно, изо рта идет пар. Мне нравится всем телом ощущать погоду, почти не иметь против нее обороны. Мне приходится реагировать на нее, как всему живому. Я слушаю ветер, принюхиваюсь – какие запахи он принес сегодня. Я здесь. Меня видно. Меня можно обходить стороной. Мне можно противостоять, меня можно убить. Я начеку.

Я замечаю кое-что на земле и встаю на колени, чтобы лучше рассмотреть. Протягиваю руку, но сразу отдергиваю, чтобы не стереть.

Частичный отпечаток: крупная подушечка пятки и два пальца. Когти следа не оставили. След крупный. Кошачий. Большая кошка.

Я пригибаюсь, почти утыкаюсь в след носом, вглядываюсь и принюхиваюсь, используя все доступные мне каналы информации. Пахнет тоже кошкой.

Возможно, рысь. Я видел и другие невнятные следы. Рысь – это неплохо. Я встаю, готовясь к дневным делам. Если где-то здесь кугуар, я его не увижу. Когда мы на равных, мне надеяться не на что. Но я все же буду посматривать.

Найти меня здесь нетрудно, было бы желание. Береника наверняка знает, где я. Она могла бы приехать и наблюдать меня в естественной среде. Если бы захотела.

Смешно. Здесь, среди сухого бурьяна, могла бы выжить домашняя кошка – если бы не попалась койотопсам, но у рыси шансов меньше, а у кугуара вовсе нет. Кугуару, чтобы

прокормиться, нужно больше десяти квадратных миль территории. А в нынешней обедненной среде – еще больше. Здесь столько нет даже близко. Пока. Убей одного оленя – остальные разбегутся. Они не обучены забывать, описывать круг и возвращаться на прежнее место. Опять же – пока.

Так что здесь еще предстоит поработать. Связать в сознании животных различные клочки леса. Этим мы и занимаемся. Берем архипелаг мелких экосистем и собираем из них континент – в сознании животных. Мы учим их выживать в мире, который создали мы.

Вот я и живу. Работаю, надеюсь.

Я представляю, как Береника в какой-то заброшенной комнатке кирпичного дома стоит одна среди деревьев, будто одинокая книга на пустой полке. Раз уж взялся воображать, представляю в подробностях. Она в старой спальне, где каждый год переклеивали обои. От тепла и влаги, принесенных ею в комнату, клей размяк, и бумага отходит слоями, обнажая разные цвета. По утрам она просыпается под шепот падающих лепестков и звон охотничьего рога.

На самом деле я не верю, что она здесь. У нее есть занятия поважнее.

Марк из тех, кто удерживает жену, давая ей силу. С такими трудно конкурировать. Но я с ним работал и знаю, как он бывает утомителен. Настоящий псих. И пусть я – жалкий чокнутый вуайерист, но я знаю, что делаю. Это может получиться привлекательно. Это оставляет место надежде.

И, по крайней мере, мне есть чем заняться.

Альетт де Бодар
Корабельный мастер

Альетт де Бодар – специалист по разработке программного обеспечения. Родилась в Соединенных Штатах, но выросла во Франции, где живет по сей день. В литературе она не так давно, но ее произведения уже появлялись на страницах таких изданий, как «Interzone», «Asimov's», «Realms of Fantasy», «Orson Scott Card's Intergalactic Medicine Show», «Writers of the Future», «Coyote Wild», «Electric Velocipede», «The Immersion Book of SF», «Fictitious Force», «Shimmer» и других. Первый роман Альетт де Бодар, «Слуга подземного мира» («Servant of the Underworld»), вышел в 2010 году.

Ниже представлен рассказ, который переносит читателя в далекое будущее, в альтернативный мир, где Новый Свет открыли китайцы и Мексика стала китайской колонией. От героини, от ее успеха или поражения зависит не только ее собственное будущее, но и жизнь разумного космического корабля.

Корабли были живые, они дышали. Дак Кьен знала это еще до того, как прибыла в инженерный сектор, и даже раньше – до того, как увидела на орбите огромную тушу корабля, по которой медленно ползали роботы-сборщики.

Предки ее на Старой Земле, в давно ушедшие дни династии Лин, занимались тем, что вырезали из нефрита фигурки. Не навязывая камню форму, они убирали лишнее, пока не проявляла себя его настоящая природа. С кораблями все так же, как с нефритом. Его части не соединить насильно. Они должны слиться сами в безупречном единстве – чтобы в конечном итоге стать носителем Разума, который будет деталью корабля в той же мере, что и любая заклепка, любой предохранитель.

Инженеры из Мексики и с Восточного побережья этого не понимали. Говорили о ре-обороте, о рациональности конструкции, знали каждый только свою задачу и брали вычисления из старых расчетов, от других кораблей, считая, что экономят время и деньги. Они не понимали, почему работа Дак Кьен важнее всех остальных. Дак Кьен была Мастером Гармонии Образа: готовый корабль станет единым организмом, а не набором из десяти тысяч отдельных частей. Ей, Дак Кьен, и той, кто скоро появится, Носительнице Разума, предоставлялась честь помочь кораблю ожить, после чего все его конструкции, кабели, солнечные батареи сольются в одно целое, и он поплывет среди звезд.

Дверь скользнула в сторону. Дак Кьен едва взглянула туда. По легким шагам она поняла, что вошел кто-то из ведущих проектировщиков, Миахуа или Фенг. Ни та, ни другой не стали бы беспокоить ее без причины. Вздохнув, Дак Кьен коротким движением отключилась от системы и закрыла глаза, ожидая, пока погаснет образ.

– Ваша милость, – голос у Миахуа звучал ровно, держалась она прямо, а лицо было светлым, как желтоватый воск. – Шаттл вернулся. Вас кое-кто ждет.

Дак Кьен ожидала увидеть кого угодно: бывшего соученика, который решил нанести визит вежливости, императорского посланника из Шанхая, который привез ей новое назначение, куда-нибудь еще дальше от столицы, сестру, или маму, или, может быть, даже дядину жену, которая непременно еще раз напомнит о ее неправильном жизненном выборе.

Не ожидала она лишь увидеть эту женщину, с кожей слишком темной для вьетнамки, с губами тонкими и светлыми, с глазами круглыми, как луна.

Мексика. Иностранка… Дак Кьен не додумала эту мысль. Потому что на гостье не было ни хлопчатобумажной одежды, ни перьев, а было платье из шелка, какие в Хуайяне носят замужние женщины, и пять свадебных украшений – все из чистого золота, от ожерелья до браслетов, – которые сверкали на ее темной коже, как звезды.

Взгляд Дак Кьен скользнул вниз, к животу женщины, такому огромному, что казалось, она вот-вот упадет.

– Приветствую тебя, младшая сестра. Я Дак Кьен, Мастер Гармонии Образа этой инженерной группы.

Дак Кьен произнесла формальное приветствие, как и полагалось при встрече с незнакомыми людьми.

– Старшая сестра. – Глаза мексиканки, глубоко сидевшие на ее тяжелом лице, были в красных прожилках от кровоизлияний. – Я… – Рука ее вдруг невольно метнулась к животу, будто ей было больно. – Я Зоквитль, – наконец проговорила она едва слышно, с мексиканским акцентом. – Меня зовут Зоквитль. – Глаза у нее начинали закатываться, но она закончила, как выученный назубок урок: – Я утроба, обиталище, ускоритель и Носительница Разума.

Дак Кьен почувствовала, как тянет под ложечкой, будто кто-то там сжал холодные пальцы.

– Ты прибыла рано. Корабль…

– Корабль должен быть готов.

Она удивилась, услышав другой голос. Все ее внимание сосредоточилось на мексиканке и на том, что значило для них ее

появление. С трудом Дак Кьен взяла себя в руки и перевела взгляд на второго прибывшего. Мужчина, судя по внешности, из Хуайяна, по возрасту хорошо за тридцать. Говорил с акцентом уроженца Пятой планеты, из Анджийской провинции. Одет он был в платье с пестрым значком и золотой пуговицей, какие носили младшие чиновники седьмого ранга, но у него был еще и вышитый на шелке черно-белый символ инь-ян.

– Вы Мастер Рождений, – сказала она.

Он поклонился.

– Имею честь.

Лицо у него было жесткое, с резкими чертами, которые сейчас от игры света казались еще резче, с тонкими губами и высокими скулами.

– Прошу прощения за неучтивость, но у нас мало времени.

– Не понимаю…

Дак Кьен снова взглянула на женщину, в глазах которой застыло страдальческое выражение.

– Слишком рано, – сказала она ровным голосом, и говорила она не о времени родов.

Мастер Рождений кивнул.

– Сколько у нас есть?

– Максимум неделя. – Мастер Рождений сдвинул брови. – Корабль должен быть готов.

Дак Кьен почувствовала во рту привкус желчи. Корабль был почти закончен, но его, как нефритовую фигурку, нельзя исправлять или переделывать. Дак Кьен и ее команда разработали его специально для Разума, который сейчас был внутри Зоквитль, использовав исходные данные, предоставленные императорскими проектировщиками: тип энергий, сенсорику и тело Зоквитль. Корабль будет слушаться только его, только этот Разум сможет войти в сердце корабля и направить его в Дальний Космос, где он будет перемещаться на самых высоких скоростях.

– Я не могу… – начала Дак Кьен и умолкла, потому что Мастер Рождений покачал головой, и она без слов поняла, что это значит.

Придется смочь.

Она не сразу получила эту должность, а только второй раз пройдя государственный экзамен. Ей так хотелось получить именно эту – не в магистрате и не в районном суде, не в роскошном дворце имперской администрации, не в престижном Дворе Пишущих Кистей, что на ее месте выбрала бы нормальная девушка. Теперь ее будущее зависит от того, как она справится.

Второго шанса никто не даст.

– Неделя. – Хан покачала головой. – Чем они там думают, в этой Мексике?

– Хан!

У нее был трудный день, и, вернувшись домой, Дак Кьен рассчитывала отдохнуть. В глубине души она знала, как ее подруга воспримет эту новость: Хан была поэтом, художником, всегда искала точное слово и точный образ. Она лучше всех понимала тонкости созидания и не признавала никаких оправданий для торопливости.

– Я должна это сделать, – сказала Дак Кьен.

Хан скривилась.

– Потому что на тебя давят? Ты сама знаешь, что из этого выйдет.

Дак Кьен показала на низкий стол красного дерева посреди комнаты. Там стоял прозрачный куб, в котором неторопливо вращалась модель корабля, в ней угадывались знакомые черты других кораблей – тех, что вдохновили новый образ: от великого «Красного сазана» до «Золотой горы» и «Белоснежного цветка». Это их облик мерцал во тьме прошлого, медленно и неуклонно выливаясь в ту самую конструкцию, которая висела теперь за стенами инженерного сектора.

– Он цельный, сестренка. Нельзя его расчленить мясницким ножом и остаться при своей репутации.

– Она может погибнуть, – сказала Дак Кьен. – Умереть при родах и, что хуже всего, умереть напрасно.

– Ты про женщину? Но она же *гуи.* Иностранка.

Слово не имело значения.

– Мы тоже когда-то такими были, – сказала Дак Кьен. – У тебя короткая память.

Хан открыла рот и закрыла. Она могла бы сказать, что они все никогда не были *гуи,* что Дайвьет не одно столетие был китайским, но Хан гордилась тем, что она вьетнамка, и не собиралась упоминать эти постыдные мелочи.

– Так значит, ты беспокоишься за женщину?

– Она делает то, что должна, – сказала Дак Кьен.

– Не задаром.

Голос Хан звучал немного презрительно. Большинство женщин, вынашивавших Разум, были молоды и шли на этот отчаянный шаг, чтобы потом выйти замуж за уважаемого чиновника. Чтобы повысить свой статус и войти в семью, которая будет им рада, и получить шанс растить своих детей.

Хан и Дак Кьен сделали другой выбор. У них, как и у всех, кто нашел себе пару того же пола, никогда не будет детей. Никто не воскурит для них алтарь предков, никто не вспомнит о них и

не помянет в молитве, когда их не станет. При жизни они всегда будут второсортными гражданами, не выполнившими свой долг перед семьей, а после смерти о них забудут, будто их никогда не было.

– Не уверена, – сказала Дак Кьен. – Она мексиканка. Они на все смотрят иначе.

– Ты говоришь так, будто она вынашивает его ради Хуайяна.

Ради славы и ради детей. Всё это Хан презирала, считая непреходящую страсть производить себе подобных из поколения в поколение отвратительным бременем. Дак Кьен прикусила губу. У нее не было такой непоколебимой уверенности в своей правоте.

– В конце концов, у меня не то чтобы был выбор.

Хан помолчала немного. Наконец она встала, подошла и устроилась рядом, так что волосы ее упали на плечи Дак Кьен, и погладила ее по затылку.

– Сестренка, ты же говорила, что выбор есть всегда.

Дак Кьен покачала головой. Да, она так говорила. Когда страдала от упорства семьи, требовавшей, чтобы она вышла замуж и обзавелась детьми; когда они с Хан, устав заниматься любовью, лежали в темноте рядом, и ей рисовалось будущее – без детских голосов, с упреками и осуждением.

Хан всегда интересовалась только искусством и всегда знала, что будет любить только женщину. Хан привыкла получать то, чего хочет, и считала, что ей достаточно захотеть чего-нибудь как следует, чтобы это произошло.

Но Хан никогда не хотела детей и никогда не захочет.

– Это не одно и то же, – в конце концов ответила Дак Кьен, сдержанно принимая ласку. Сейчас речь шла о другом, и даже Хан должна это понимать. – Я выбрала эту работу. Выбрала эту жизнь. И смотреть на вещи тут нужно именно с точки зрения выбора.

Рука Хан у нее на плече напряглась.

– Ты из тех, кто любит поболтать. Я вижу, как ты изводишь себя пустыми сожалениями, прикидываешь, не поздно ли вернуться в респектабельную семью. Но ты выбрала меня. Эту жизнь, эти последствия. Мы обе выбрали их.

– Хан…

Дак Кьен не знала, что сказать. Она любила Хан, искренне любила, но… Она была будто камень, брошенный в темноте наугад, будто корабль без навигатора, у нее не было ни семьи, ни мужа, кто одобрял бы ее поступки, ни утешения в ребенке, которому суждено ее пережить.

– Пора тебе повзрослеть, сестренка.

Голос у Хан был резкий. Она отвернулась к стене, на которой

висели пейзажи.

– Ты не игрушка и не рабыня. Ничья. В первую очередь, своей семьи.

Потому что семья от нее отказалась.

Но слова всегда мало действовали на Дак Кьен, так что они легли спать, не договорившись, и тень этой недоговоренности легла между ними, как меч.

На следующий день Дак Кьен сидела над чертежами вместе с Фенгом и Миахуа, ломая голову над тем, как модифицировать корабль. Секции готовы, сборка займет несколько дней, но это будет еще не корабль. Они это понимали, все трое. Для полного завершения работ роботов-сборщиков нужен месяц, не меньше, даже если исключить время на тесты – только так, медленно и постепенно, ежедневно внося штрих за штрихом, и можно достичь соответствия с предназначенным кораблю Разумом.

Дак Кьен под негодующим взглядом Хан забрала из дома прозрачный куб и привезла на работу. Теперь они сидели перед ним втроем, забыв про остывший чай, и высказывали любые идеи, которые приходили в голову.

Фенг постучал по стенке куба, сосредоточенно хмуря морщинистое лицо.

– Можно изменить этот проход, вот здесь. Пустить здесь дерево…

Миахуа покачала головой. Она была Мастером Воды и Ветра и лучше всех умела предугадать вероятные отклонения. Именно к ней Дак Кьен обращалась всякий раз, когда сомневалась в конечном результате. Фенг был Мастером Обеспечения Корабля, главой отдела, занимавшегося безопасностью и управлением техническими системами – иначе говоря, он во многих вопросах был полной противоположностью Миахуа, прагматичный, далекий от мистического смысла их дела, и его внимание всегда было сосредоточено на мелочах, а не на едином целом.

– Вода и дерево будут мешать друг другу вот здесь, в контрольном отсеке. Будут застаиваться и гнить, – Миахуа, поджав губки, показала на изящный изгиб в кормовой части. – Тогда тут нужно изменить форму.

– Это не так-то просто, – возмутился Фенг. – Моей команде придется переделывать всю электронику…

Дак Кьен слушала их отстраненно, лишь время от времени задавая вопросы, чтобы перевести разговор в новое русло. Она старалась удержать в уме характеристики корабля, слушала его дыхание – через стекло, через весь металл и обшивку, отделявшую людей от его громады, висевшей за стенами.

Старалась удержать характеристики Разума – энергии, чувства, конструкции, кабели и обшивки, его мышцы и плоть, осторожно соединяя их так, чтобы они слились в одно целое.

Она подняла глаза. Феng и Миахуа молча ждали, когда она что-нибудь скажет.

– Значит, так, – сказала она. – Вот этот отсек уберите, а соседние сдвиньте на его место.

С этими словами она подошла к модели и осторожно изъяла ставшую лишней секцию, отчего поменялись очертания коридоров, длина световодов и кабелей, и включила вдоль изогнутых стен новый каллиграфический узор.

– Не думаю… – начал было Феng и умолк. – Миахуа?

Миахуа внимательно разглядывала изменения.

– Мне нужно подумать, ваша милость. Разрешите мне обсудить это со своим отделом.

Дак Кьен согласно махнула рукой.

– Не забывайте, у нас мало времени.

Они взяли каждый по копии, сунули в широкие рукава. Оставшись одна, Дак Кьен снова принялась рассматривать корабль. Он был короткий, широкий, с необычными, нестандартными пропорциями, даже близко не похожий на тот, какой она раньше рисовала в своем воображении, не соответствующий самому духу работы – насмешка над их первоначальным замыслом, цветок без лепестков, не сложившийся стих у поэта, вроде бы и уловившего образ, но так и не сумевшего выразить.

– У нас нет выбора, – напомнила она себе шепотом.

Она помолилась предкам, будто они в самом деле ее слушали. Впрочем, может, и слушали. Может быть, в тех высях, где они теперь обитали, они не чувствовали стыда за свою неправильную дочь, у которой нет и не будет потомства. Хотя, наверное, нет, не слушали. Мать и бабушка не собирались ее прощать, так с чего она решила, что ее выбор могут одобрить те, кто жил раньше и ее не знал?

– Старшая сестра?

В дверях появилась Зоквитль и остановилась там, не решаясь переступить порог. Наверное, на лице у Дак Кьен отражалось больше, чем ей хотелось бы. С трудом она взяла себя в руки, вдохнула поглубже и расслабила мышцы, так что ее лицо снова приняло выражение, требовавшееся по протоколу.

– Младшая сестра, – сказала она. – Благодарю за честь видеть тебя.

Зоквитль покачала головой. Осторожно, медленно, чтобы не потерять равновесие, она вошла в кабинет.

– Мне хочется увидеть корабль.

На этот раз она пришла одна. Дак Кьен пожалела, что Мастер Рождений ее не сопровождает. Оставалось надеяться, что Зоквитль не родит у нее в кабинете, где ни помощи, ни оборудования.

– Вот он.

Она подъехала к кубу в рабочем кресле и предложила сесть Зоквитль. Та устроилась рядом, так же медленно и осторожно, словно от любого резкого движения она рассыплется. У нее за спиной на стене висела любимая картина Дак Кьен, пейзаж Третьей планеты – водопад, желтые скалы и отражение в воде далеких звезд.

Зоквитль сидела без движения все время, пока Дак Кьен рассказывала про корабль. На застывшем лице жили только глаза. Дак Кьен закончила, оглянулась и встретила горящий взгляд этих глаз, смотревших – в нарушение протокола – ей в глаза.

– Вы как все. Не одобряете, – сказала Зоквитль.

Дак Кьен на минуту задумалась, но так и не догадалась, о чем она.

– Не понимаю.

Зоквитль поджала губы.

– Там, откуда я прибыла, считается честью вынашивать Разум во славу Мексиканского доминиона.

– Но ты не там, а здесь, – сказала Дак Кьен.

Здесь, у них, это считалось жертвой – необходимой, хорошо оплачивавшейся, но все же отчаянной жертвой. Потому что ради чего женщина может перетерпеть беременность и родить нечеловеческого ребенка? Конечно же, из отчаяния или из жадности.

– Ты тоже.

Она сказала это таким тоном, будто обвиняла Дак Кьен. На одно долгое, мучительное мгновение Дак Кьен показалось, что та говорит о ней – но откуда она могла узнать про Хан и про отношения с семьей? А потом Дак Кьен поняла, что Зоквитль имеет в виду станцию.

– Я люблю быть в космосе, – наконец ответила она, и ответила чистую правду. – Здесь я сама по себе, далеко от всех.

И здесь у нее не бумажная работа, не тоскливая, выматывающая рутина ежедневных будней. Здесь не нужно отлавливать нарушителей закона или следить за тем, как где-нибудь на удаленных планетах выполняются указы Поднебесной. Здесь все то, ради чего она столько училась, здесь можно использовать знания, чтобы создавать новое. Каждая мелочь приносила острое чувство удовлетворения, позволяя наглядно

увидеть, как история, проходя через Мастеров, становится будущим.

Наконец Зоквитль сказала, больше не глядя на корабль:

– Хуайян – трудный город для иностранки. Язык еще куда ни шло, но без денег, без покровителя… – Она говорила быстро, горько. – Я делаю нужное дело. – Рука невольно скользнула к животу. – Я дам ему жизнь. Как можно не ценить это?

Она говорила о Разуме так, будто это был человек. Дак Кьен содрогнулась.

– Он… – Она помолчала, подбирая слова. – У него нет отца. Мать… Не знаю, возможно, ты его мать, но он мало чем будет похож на тебя. Он не станет твоим ребенком. Не зажжет для тебя свечи на алтаре и не назовет тебя по имени.

– Но он будет жить, – сказала Зоквитль, тихо и твердо. – Несколько сотен лет.

Корабли Мексиканского доминиона жили дольше других, хотя не раз случалось так, что их Разум постепенно сходил с ума в одиноких глубинах Дальнего Космоса. Этот же, с отличным закреплением, идеально сбалансированный… Зоквитль права: этот будет жить долго, намного дольше, чем они обе, и ничего плохого с ним не случится. Жить? Он все-таки не человек, а машина. Сложнейший разумный механизм, соединение интеллекта, металла, плоти и еще только Небо знает чего. Рожденный, как ребенок, но…

– Похоже, я ничего в этом не понимаю.

Медленно Зоквитль поднялась. Дак Кьен слышала ее одышку, чуяла кислый, резкий запах пота.

– Спасибо, старшая сестра.

И она ушла, но ее слова остались.

Дак Кьен погрузилась в работу – так же, как раньше, когда готовилась к государственному экзамену. Когда она возвращалась домой, Хан демонстративно не обращала на нее внимания и говорила лишь то, что требовалось, чтобы соблюсти приличия. Сама она занялась каллиграфией, хотела, соединив хуайянские иероглифы с вьетнамскими, создать одновременно картину и стих. В этом не было ничего необычного. Дак Кьен предлагалось оценить ее талант, но только ей. Никто никогда не приглашал Хан в банкетный зал, где по вечерам со бирались семьи инженеров. Хан предпочитала оставаться одна и не ловить на себе насмешливые или жалостливые взгляды.

Дак Кьен тяжело переживала размолвку. Поначалу она пыталась болтать, как ни в чем не бывало. Хан поднимала на нее сонный взгляд и говорила:

– Ты знаешь, что делаешь, сестренка. Продолжай в том же духе.

В конце концов Дак Кьен прекратила эти попытки, и наступило молчание. Хотя оно оказалось все-таки легче. Дак Кьен оставалась один на один с мыслями о корабле, никто ей не мешал и никто не заставлял чувствовать себя виноватой.

Группа Миахуа и группа Фенга занимались внедрением изменений и монтажом проводки. За иллюминатором подрагивал гигантский скелет, который вот-вот должен был стать точной копией корабля, поворачивавшегося у нее на столе в стеклянном кубе – роботы сменяли друг друга каждые два часа, аккуратно соединяя секции.

Они монтировали последнюю, когда в кабинет с озабоченным видом вошли Миахуа и Мастер Рождений.

Сердце у Дак Кьен екнуло.

– Только не говорите, – сказала она, – что Зоквитль рожает.

– У нее отошли воды, – сказал Мастер Рождений, обойдясь без вступлений. И плюнул на пол, чтобы отогнать злых духов, которые в такой час всегда роятся вокруг матери. – У вас в лучшем случае два часа.

– Миахуа?

Дак Кьен смотрела не на Миахуа, не на Мастера, а на корабль за стеклом иллюминатора, который накрыл их своей тенью.

Ей Мастер Воды и Ветра ответила не сразу – как всегда, если она пыталась сообразить, с какой проблемы начать.

– Через два часа сборка будет закончена.

– Но?

– Но есть проблема. Там пересеклись металл и дерево. Ци не пойдет.

Ци, дыхание Вселенной – дыхание дракона, который живет в сердце каждой планеты и каждой звезды. Обязанность Миахуа как Мастера Воды и Ветра состояла в том, чтобы доложить Дак Кьен о проблеме, а ее, Дак Кьен, обязанность как Мастера Гармонии – в том, чтобы эту проблему решить. Миахуа лишь сообщает о том, что видит, и только одна Дак Кьен может отправить роботов, чтобы исправить ошибку.

– Ясно, – сказала Дак Кьен. – Подготовьте для нее шаттл. Пусть ждет наготове поближе к стыковочному шлюзу.

– Ваша милость, – начал было Мастер Рождений, но Дак Кьен перебила.

– Я уже сказала. Корабль будет готов.

Взгляд Миахуа перед уходом был полон страха. Дак Кьен подумала про Хан – сидит одна в своей комнате, упрямо

склоняясь над стихом, круглое личико от гнева и разочарования заострилось и стало похоже на лицо Мастера Рождений. Сейчас она еще раз сказала бы, что спешкой ничего не добьешься, что всегда есть выбор. Сказала бы, что за все нужно платить и если не платишь ты, заплатит кто-то другой.

Корабль будет готов. Дак Кьен сама за это заплатит.

Оставшись одна, Дак Кьен подключилась к системе, и ее кабинет исчез, сменившись знакомыми отсеками корабля. Она настроила резкость и занялась делом.

Миахуа была права: недоделок хватало. Еще несколько дней, и они навели бы порядок: сгладили углы в коридорах, развесили по стенам светильники, чтобы не было темных закоулков, чтобы не резал глаза слишком яркий свет. В сердце корабля – в главном отсеке в форме пятиконечной звезды, где поселится Разум, – проходили четыре потока, которые резко прерывались в одной больной точке, а как раз перед входом, в месте поспешного нового соединения, шла грубая линия.

Это называлось у них дыханием смерти, и оно чувствовалось повсюду.

Предки, присмотрите за мной.

Живой, дышащий камень – нефрит, раскрывающий свою сущность. Дак Кьен вошла в транс, охватив сознанием каждого робота, и принялась рассылать их одного за другим в коридоры и переходы, где они осторожно проникали в стены, делая свою неторопливую и сложную работу, и металл неуловимо менял форму, выпрямлялись узлы кабелей, выравнивалось напряжение. Перед мысленным взором Дак Кьен корабль разворачивался, поблескивал. Она будто зависла над ним, со стороны наблюдая за роботами, которые ползали, как муравьи, подчиняясь ее командам, восстанавливая баланс между энергиями и внешней структурой.

Она переключилась на шаттл и увидела лежавшую на спине Зоквитль и ее лицо, перекошенное гримасой боли. Лицо Мастера было мрачно. Он смотрел вверх, будто чувствуя взгляд Дак Кьен.

Поторопись. Времени не осталось. Поторопись.

Она продолжала работать. Стены стали зеркальными. Изменить углы в переходах она уже не могла, но смягчила, покрыв их выгравированным на обшивке цветочным рисунком. Потом добавила фонтан – конечно, световую проекцию, воды на борту не было и не могло быть, – наполнила воздух шорохом струй. Четыре потока в центральном отсеке стали тремя, потом одним; потом Дак Кьен создала новые линии, соединив их сложным узлом в единый узор, и все пять потоков пяти элементов потекли, как им полагатось. Вода, дерево, огонь, земля, металл –

все плавно вращались в центре сердца корабля, готовые принять Разум, когда он появится, чтобы здесь закрепиться.

Дак Кьен снова заглянула в шаттл, увидела лицо Зоквитль и ее невыносимое напряжение.

Поторопись.

Она была не готова. Но жизнь не ждет, когда ты будешь готов. Дак Кьен отключила дисплей, но не связь с роботами, оставляя им еще немного времени, чтобы закончить последние задания.

– Пора, – шепотом сказала она в микрофон.

Шаттл взлетел к стыковочному шлюзу. Дак Кьен затемнила изображение, и снова проступил кабинет – с кубом на столе, с моделью корабля, такого, каким он был задуман, совершенного, заставлявшего вспомнить и «Красного сазана», и «Перевернутую черепаху», и «Волны», и «Сон близнеца дракона», и всю историю Хуайяна, от Исхода до Жемчужных войн и падения династии Шан, и еще много чего другого – меч Ле Лоя, основателя Дайвьета; дракона, раскинувшего крылья над Ханоем, столицей Старой Земли; лицо Гуен Тран, вьетнамской принцессы, отданной в чужую страну в обмен на возврат двух провинций.

Роботы возвращались один за другим, и легкий ветерок пробежал по коридорам и отсекам корабля, разнося запах моря и ладана.

Этот корабль мог бы стать шедевром. Если бы ей дали еще немного времени. Хан права, она могла бы спокойно его закончить: он был бы ее, собственный, совершенный, им восхищались бы, вспоминали его не одно столетие, он вдохновлял бы новых великих Мастеров.

Если бы…

Она не знала, сколько так просидела, наблюдая за кораблем. Ее мысли прервал крик боли. Вздрогнув, она снова восстановила связь и включила родильный отсек.

Свет здесь был приглушенный, отчего везде, как прелюдия скорби, лежали тени. Дак Кьен увидела чайник с чаем, который мастер дал Зоквитль вначале – чайник валялся, несколько капель из него вытекли на пол.

Зоквитль скорчилась в кресле с высокой спинкой, по бокам которого стояли голограммы двух богинь, наблюдавших за рождением: Богини Голубых и Пурпурных Облаков и Бодхисаттвы Милосердия. Из-за теней лицо Зоквитль, отчужденное, искаженное болью, напоминало лицо демона.

– Тужься, – говорил мастер, не отнимая руки от ее вздрагивавшего живота.

Тужься.

По ногам Зоквитль потекла кровь, заливая металлическое кресло, так что в конце концов красные блики заиграли по всему отсеку. Но в глазах, в глазах женщины племени воинов, никогда ни перед кем не склонявшихся, была гордость. Когда-нибудь у нее родится ребенок из плоти и крови, и у нее будет такой же взгляд.

Дак Кьен вспомнила о Хан, о бессонных ночах, о тени, простершейся над их жизнью, искажавшей все, что в ней есть.

– Тужься, – снова сказал Мастер, и снова толчками полилась кровь.

Тужься, тужься, тужься…

Глаза Зоквитль были открыты и смотрели прямо на Дак Кьен, и Дак Кьен, знавшая, что этот ритм, раздиравший тело Зоквитль, эта боль, накатывавшая волнами, были частью одного непреложного закона, были нитью, связывавшей их прочнее, чем красная нитка влюбленных, – поняла, что лежит в животе, под кожей, в глубинах ума и сердца, поняла, что это родство природы, которую невозможно ни изменить, ни заставить умолкнуть. Рука невольно скользнула вниз, и она прижала ее к своему плоскому, пустому животу. Она чувствовала эту боль, держала ее в своем сознании, как и весь остальной корабль, и знала, что и Зоквитль, и она выдержат.

Издав последний, душераздирающий вопль, Зоквитль исторгла наконец из себя Разум. Он упал на пол – красный, мерцающий комок, соединение плоти и электроники: мышцы, металлические имплантаты, сосуды, кабели, скрепки.

Он лежал там на полу, тихий, измученный, и Дак Кьен понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он не шелохнется.

Дак Кьен, все еще не пришедшая в себя, откладывала посещение Зоквитль несколько дней. Каждый раз, закрывая глаза, она видела перед собой кровь, толчками вырывавшуюся из утробы. Сгустки ее прыгали по полу, как умирающие рыбы, свет играл на металлических пластинах и серой обивке, и все в родильной было мертвенно, мертво, будто тут никто и не рождался.

Конечно же, у него не было имени. Как и у корабля. У них не было времени, чтобы получить имя.

Тужься. Поднатужься, и все будет хорошо.

Хан старалась, как могла: показывала свой стих в изысканной каллиграфии, говорила о будущем назначении, занималась с ней любовью, будто ничего не произошло, будто Дак Кьен от этого могла забыть огромность потери. Это не помогало.

Так же, как не помог корабль.

Угрызения терзали Дак Кьен не хуже шипастой плетки, и она в конце концов села в шаттл и поднялась наверх.

Зоквитль сидела в родильном отсеке, прислонившись спиной к стене, и держала в руках с вздувшимися венами чайник с остро пахнувшим чаем. По бокам стояли две голограммы. В неярком, приглушенном свете их белые нарисованные лица казались безжалостными. Мастер был там же, но его попросили оставить их наедине, что он и сделал, хотя успел дать понять, что во всем, что случилось, виновата Дак Кьен.

– Привет, старшая сестра, – Зоквитль улыбнулась немного печально. – Мы неплохо дрались.

– Да, неплохо.

Зоквитль могла бы и победить, будь у нее оружие получше.

– Не смотри так печально, – сказала Зоквитль.

– Я подвела тебя, – сказала Дак Кьен.

Она знала, что будущее Зоквитль все равно обеспечено, что та выйдет замуж, у нее родятся дети, все ее будут уважать. Но знала она теперь и то, что не только ради всего этого Зоквитль согласилась вынашивать Разум.

Губы Зоквитль сложились в подобие улыбки.

– Помоги мне.

– Что?

Но Зоквитль уже вставала сама, шатаясь от слабости, двигаясь с той же осторожностью, что и раньше.

– Мастер… – хотела было позвать Дак Кьен.

– Он носится со мной, как старуха, – сказала Зоквитль, и на мгновение голос у нее стал сильным и острым, как лезвие. – Пойдем. Прогуляемся.

Она оказалась ниже, чем думала Дак Кьен, ниже, чем она сама. Зоквитль неуклюже просунула ладонь ей под руку, оперлась на Дак Кьен, и эта тяжесть становилась все невыносимей, пока они бродили по кораблю.

Там было светло, слышался плеск воды, знакомо чувствовалось движение ци, которая текла по коридорам ленивыми кругами, вдыхая во все жизнь. Там были тени, едва заметные в зеркалах, и напоминания о прежних кораблях: нежные изгибы линий, как на «Золотой горе», резная каллиграфия на дверях, какой славился «Тигр, прыгающий через ручей», плавный овал коридора с рядом дверей, как на «Красном веере Байю», – все эти мелочи, детали, собранные ею, включенные в новый образ, который теперь раскрывался перед ее глазами, весь, от резьбы до электроники, захватывая ее целиком, так что кружилась голова и темнело в глазах.

Дак Кьен постояла в центральном отсеке, чувствуя, как их

омывает течением пяти энергий в их непрерывном цикле разрушений и обновлений. Самый центр, окруженный печалью, как легким облаком, был нетронутый, чистый, словно пустая колыбель. И все же…

– Он прекрасен, – сказала Зоквитль, и голос у нее дрогнул.

Прекрасен, как стих, прочитанный посреди пьяных игр, как бутон, схваченный заморозками, как только что рожденный младенец, пытающийся сделать вдох, – прекрасен и хрупок.

Стоя там, в центре всех вещей, с повисшей на ней хрупкой Зоквитль, она снова вспомнила о Хан, об их тенях и тьме, об их выборе.

Он прекрасен.

Через несколько дней корабля не станет. Его разберут, отправят на утилизацию, забудут и не вспомнят. Но, неизвестно почему, Дак Кьен не могла заставить себя сказать об этом вслух.

Вместо того она в полной тишине сказала другое и знала, что слова ее относятся не только к кораблю:

– За это стоило драться.

За все это. И сейчас, и во все грядущие годы, и она никогда не будет оглядываться назад и сожалеть о прошлом.

Тед Косматка
В свободном падении

Молодой писатель Тед Косматка работал в зоопарке, был химиком-технологом и сталелитейщиком, а сейчас называет себя лабораторной крысой, которая целыми днями возится с электронными микроскопами. Свое первое произведение он опубликовал в 2005 году в «Asimov's Science Fiction», после чего неоднократно печатался там, а также в «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Seeds of Change», «Ideomancer», «City Slab», «Kindred Voices», «Cemetery Dance» и других изданиях. Кроме того, в последнее время его рассказы появлялись в различных антологиях «Лучшее за год» («Best of the Year»). Косматка живет в Портедже, штат Индиана, его веб-сайт tedkosmatka.com.

В центре рассказа «В свободном падении» – в буквальном смысле – черная дыра, куда готов погрузиться корабль, на борту которого разворачивается настоящая битва характеров.

Диск продырявил пелену звездного сияния, его гладкая графеновая кожа ничего не отражала, но лишь затмевала звезды, пока *оно* проносилось сквозь вакуум. Черное на черном, абсолютное отсутствие цвета. То, что было кораблем и в то же время не было им.

У диска не было системы разгона. Не было у него и навигационной аппаратуры.

Внутри него пробудились двое мужчин. Сперва один. За ним другой.

В действительности диск был скорее черным метательным снарядом с рудиментарной системой жизнеобеспечения, запущенным с удаленной орбиты вокруг другого сгустка тьмы, более странной природы.

Этот второй сгусток был несоизмеримо больше и весил как несколько сотен тысяч Солнц. Он не затмевал звезды в своей окрестности, но линзировал их сияние, превращая его в яркое гало, скручивая свет в окружность, сминая и деформируя саму ткань пространства-времени. С точки зрения наблюдателя на обращавшемся вокруг него диске, светила в звездном поле описывали аномальные замкнутые кривые.

Эта область пространства обладала множеством имен. Астрономы, которым принадлежала честь ее открытия, много веков назад нарекли ее Бхат-16. Позже физики прозвали ее Затоном. И наконец, тем, кто прибыл сюда, тем, кому она снилась

по ночам, она была известна просто как Пасть.

То была черная дыра, подобных которой никто не видывал прежде[117].

На третий день пребывания диска на орбите он уже пролетел в общей сложности триста восемьдесят миллионов миль, составлявших малую долю полной длины его траектории. Когда же подошел к концу семьдесят второй час на орбите, с корабля в сердце гравитационного колодца опустили маленькое, всего сотню килограммов весом, свинцовое грузило, привязанное к кораблю нитью столь тонкой, что даже математики соглашались приравнять ее к идеальной линии.

Нить эта вытягивалась и вытягивалась, как тысячекилометровое неразрушимое четырехвалентное волоконце, пока наконец не коснулась глади мрака. И в той точке, куда она была прикреплена, ощутили слабый музыкальный резонанс, разнесшийся по всей углеродной шкуре корабля. Немыслимая гравитация и такой крохотный сдвиг.

На четвертый день корабль изменил курс сперва чуть заметно, однако неуклонно.

Он начал падать.

Старик заботливо вытер кровь с лица молодого человека.

– Улии уль квисалль, – произнес юноша. *Не прикасайся ко мне.*

Старик кивнул.

– Ты говоришь на туси, – сказал он. – Я тоже.

Юноша подался ближе, и брызги его крови попали на старика.

– Слышать его из твоих уст неслыханная мерзость.

Глаза старика сузились в щелочки. Он вытер кровь со своей щеки.

– Мерзость, – повторил он. – Вероятно, ты прав.

Он вытянул вперед руку так, чтобы молодой человек мог видеть его движения. В ней был скальпель.

– Знаешь ли ты, почему я здесь? – поинтересовался он.

Свет блеснул на кромке лезвия.

На сей раз уже старик подался как мог ближе.

– Я здесь, чтобы как следует изрезать тебя.

Старик коснулся лезвием щеки молодого человека, под самым его левым глазом. Сталь оставила след на бледной коже.

Лицо юноши ничего не выражало, он смотрел прямо перед собой. Его глаза были как синие камни.

Старик подумал немного.

– Но, – продолжил он, – я теперь вижу, что это было бы для

тебя благодеянием.

Он отнял руку со скальпелем и провел большим пальцем вдоль челюсти молодого человека, по сетке зарубцевавшихся шрамов.

– Ты вряд ли почувствуешь что-нибудь.

Молодой человек сидел в своем кресле совершенно неподвижно. Руки его были привязаны к подлокотникам тонкими ремешками. Он выглядел как мальчишка. Волосы только начинали пробиваться на его щеках.

Старик подумал, что когда-то этот человек должен был быть очень красив. И это объясняло происхождение шрамов. В психопрофиле юноши, вероятно, значится тщеславие. А может быть, профили ничего не значат. Быть может, они теперь всех их так уродуют.

Старик протер глаза, чувствуя, как гнев покидает его. Он вернул скальпель на место среди прочих сверкающих инструментов.

– Поспи, – сказал он юноше. – Тебе это нужно.[118]

И Вселенная свелась к тиканью часов.

– Куда мы направляемся? – спросил юноша, когда прошло еще несколько часов.

Спал он или нет, старик не заметил. По крайней мере, он хранил молчание.

Старик встал из-за панели управления, коленные суставы противно хрустнули. Но ускорение все же прибавило веса его ступням, так что даже простая ходьба была приятна. Он протянул юноше питье.

– Пей! – приказал он, отвернув колпачок.

Юноша посмотрел на него с подозрением, но сделал долгий глоток.

– Куда мы направляемся? – повторил он.

Старик не обратил на него внимания.

– Они уже пытались меня допрашивать, – сообщил юноша. – Я не сказал ничего.

– Я знаю. Если бы ты сказал им то, чего они от тебя добивались, тебя бы здесь не было.

– И теперь они посылают меня еще куда-то? Чтобы попытаться снова?

– Да, еще куда-то. Но не затем, чтобы попытаться снова.

Молодой человек долго молчал. Потом он сказал:

– И для этого им нужен ты.

Старик усмехнулся:

– А ты сообразительный пацан.

В глазах юноши полыхнули ярость и неизмеримая боль. На

предшествовавших допросах с ним не церемонились. Он рванул ремни, пытаясь высвободить руки.

– Скажи мне, куда ты меня везешь! – потребовал он.

Старик посмотрел на него сверху вниз.

– Ты напуган, – констатировал он. – Я знаю, о чем ты думаешь. Ты хочешь вырваться из пут. Ты думаешь: вот если бы я только высвободился… а-ах, чего бы ты только со мной ни сотворил. – Старик покосился на лоток, полный сверкающих стальных инструментов. – Тебе бы хотелось воткнуть в меня это лезвие. Тебе бы хотелось сейчас занять мое место, хотелось бы, чтоб *я* сидел перед тобой.

Старик опять наклонился близко к юноше и прошептал ему в ухо:

– Но ты ничего не понял. Это я тебе завидую.

Падая, корабль издавал рокочущий гул.

Заряженные ионы бомбардировали углеродное покрытие.

– Почему ты не скажешь мне, куда мы направляемся?

Юноша повторял вопрос каждые несколько минут. В конце концов старик подошел к панели и нажал какую-то кнопку. Стена превратилась в огромный дисплей, отобразивший космос и Пасть, что неясно вырисовывалась прямо по курсу.

– Туда, – сказал старик. – Мы летим туда.

Черная дыра занимала уже половину экрана.

Бездна. Если вообще что-то такое существовало, то оно было там.

Юноша ухмыльнулся:

– И ты думаешь грозить мне смертью? Я не боюсь смерти.

– Я знаю, – ответил старик.

– Смерть – мое воздаяние. На том свете я воссоединюсь с моим отцом. Я спляшу на костях моих врагов. Я воссяду на почетном месте среди других воинов Господа. Смерть обещает мне рай.

– И ты в самом деле в это веришь, так ведь?

– Да.

– Вот поэтому я тебе и завидую.

Молодой человек был маньяком-убийцей. Или борцом за свободу. Или просто неудачником.

Старик смотрел на шрамы молодого человека, отмечая те из них, что были прихотливо, даже художественно, прорезаны во время предыдущих бесед. Да, он неудачник. Пожалуй, это определение самое точное.

Жизнь в открытом космосе хрупка, а люди остаются такими

же, как и всегда.

Но бомбы работают иначе.

В космосе бомбы куда эффективнее. Если сделать все правильно, простенькая бомба весом не более трех фунтов разрушит целую колонию. Выдавит ее в стерильный вакуум, в бесконечную ночь.

Погибли десять тысяч человек. Одним декомпрессионным ударом было уничтожено население целого хабитата.

Он видел такую картину однажды, много лет назад, когда война только началась. Видел, как плавали вокруг разрушенного хабитата замороженные тела, видел нескольких выживших, которым повезло втиснуться в скафандры. Несколько все же выжили. Им повезло, как и ему.

И все это натворила трехфунтовая бомбочка.

Теперь умножьте эти потери на сотни колоний и дюжину лет. Три мира с сорванной воздушной оболочкой. Война за территорию, война культур и религий. Война за то, что у людей всегда становилось причиной войн.

Люди ведут себя так же, как и всегда. Но в космосе урожай террористических актов куда богаче.

Тысячу лет назад государства часто становились банкротами, наращивая расходы на армию. За жизнь солдата следовало отдать жизнь другого солдата. Потом появился порох, технология, возросла плотность населения – и все это постепенно удешевило смерть так же, как снизило стоимость труда и исходного сырья, пока трех фунтов простейшей химической смеси не оказалось достаточно, чтобы разом выкосить несколько общественных слоев. Но убийства и дальше облегчались, пока в конце концов статистика не обозначила асимптоту падающей цены уничтожения.

– Как тебя зовут? – спросил старик у своего спутника.

Юноша не ответил.

– Нам нужны имена других.

– Я ничего вам не скажу.

– Это все, что нам нужно. Только имена. Не больше. Все остальное мы сделаем сами.

Молодой человек оставался безмолвен.

Они смотрели на обзорный экран. Черная дыра стала ближе. Область тьмы расширялась, а звездное поле сжималось. Старик сверился с приборами.

– Мы движемся на половине скорости света, – сообщил он. – У нас два часа субъективного времени до радиуса Шварцшильда[119].

– Если вы собрались меня убить, можно было бы выбрать

способ и полегче.

– Полегче. Да.

– Мертвый, я буду для вас бесполезен.

– И живой тоже.

Между ними повисло молчание.

– Ты знаешь, как устроена черная дыра? – спросил старик. – Что это такое на самом деле?

Лицо молодого человека оставалось каменным.

– Это побочный эффект законов, по которым работает Вселенная. Нельзя сотворить Вселенную, какой мы ее знаем, чтобы при этом в ней не было черных дыр. Ученые предсказали их существование задолго до того, как была обнаружена хотя бы одна.

– Ты зря тратишь свое время.

Старик сделал жест в сторону экрана:

– Вообще говоря, *это* не совсем черная дыра. Но они предсказали и *это* тоже.

– Ты думаешь меня запугать этой игрой?

– Я не пытаюсь тебя запугать.

– Нет никакого резона казнить меня таким способом. Ты и себя убиваешь. А у тебя, должно быть, семья.

– Была. Две дочери.

– Ты можешь изменить курс.

– Нет.

– Этот корабль стоит денег. Даже твоя жизнь может чего-то стоить, если не для тебя, то, по крайней мере, для тех, кто тебя послал. Зачем же приносить в жертву сразу и человека, и корабль, чтобы убить одного врага?

– Я был когда-то математиком. Потом твоя война сделала математиков солдатами. Есть переменные, которые тебе непонятны.

Старик снова показал на экран. Его голос сделался вкрадчивым:

– Она прекрасна, разве нет?

Молодой человек игнорировал его.

– Или, может быть, на корабле есть спасательная шлюпка, – продолжил юноша. – Возможно, тебе удастся спастись, а я погибну. Но при таком раскладе вы все еще теряете корабль.

– Я не смогу сбежать. Линия, по которой мы движемся, неразрушима. Даже сейчас гравитация тянет нас внутрь. Когда мы достигнем радиуса Шварцшильда, то ускоримся почти до скорости света. У нас одна судьба. У тебя и у меня.

– Я не верю тебе.

Старик пожал плечами.

– Тебе и не нужно верить. Ты просто должен сделать выбор.

– Эти слова не имеют смысла.

– Почему ты так думаешь?

– Заткнись!!! Я не хочу больше слушать бредни безбожного *татхуна!*

– Почему ты назвал меня безбожником?

– Потому что, если бы ты верил в Господа, ты бы не совершил такого.

– Ты ошибаешься, – сказал старик, – я верю в Бога.

– Тогда ты будешь наказан за свои грехи.

– Нет, не буду, – сказал старик.

Прошло еще несколько часов, и черная дыра заполнила весь экран. Звезды вокруг ее края растягивались и мерцали, истерзанный небосвод складывался в новую конфигурацию.

Юноша сидел в молчании.

Старик проверил показания приборов:

– Мы пересечем радиус Шварцшильда через шесть минут.

– И мы умрем?

– Ничего столь простого с нами не случится.

– Ты говоришь загадками.

Старый математик поднял скальпель и приставил палец к кончику лезвия.

– То, что случится, когда мы пересечем этот радиус, будет не противоположностью бытия, но его инверсией.

– Что это означает?

– Ага, ты стал задавать вопросы. Назови мне имя, и я отвечу на любой твой вопрос.

– Почему я должен называть тебе имена? Чтобы те, кто их носят, оказались в таких же оковах?

Старик покачал головой:

– Ты упрям, я это вижу. Так что я тебе сделаю маленькую поблажку. Радиус Шварцшильда определяет самую близкую к сердцевине дыры орбиту, внутри которой все объекты не могут вырваться наружу – и даже коммуникационные сигналы. Это важно для тебя, потому что, когда мы окажемся внутри радиуса Шварцшильда, задавать тебе вопросы станет бессмысленно, поскольку я не смогу передать полученную информацию. После этого ты будешь для меня бесполезен.

– Ты сказал, что мы все еще будем живы, когда пересечем эту границу?

– Для большинства черных дыр это не так – нас бы уже давно разорвало на части, задолго до того, как мы могли бы ее достичь. Но это совсем особенная дыра – сверхмассивная и старая, как

само время. Для объекта таких размеров воздействие приливных сил сказывается в меньшей степени.

Изображение на экране сдвинулось. Звезды, словно в замедленной съемке, уплыли за границу круга тьмы. Чернота заполонила всю нижнюю часть экрана.

– Черная дыра – это двумерный объект. Нет границы, которую мы могли бы перейти. Нет входа, куда мы могли бы войти. На самом деле ничто не может в нее упасть. На горизонте событий математика времени и пространства становится обращенной.

– О чем это ты?

– Для удаленного наблюдателя падающие объекты будут приближаться к горизонту событий бесконечно долго, но с течением времени всего лишь возрастет их красное смещение.

– Снова загадки. Зачем ты это делаешь? Почему бы просто не убить меня?

– Телескопы отслеживают наше падение. Они все записывают.

– Зачем?

– Это предупреждение.

– Пропаганда, ты хочешь сказать.

– Чтобы другие увидели, что может с ними случиться.

– Мы не боимся смерти. Награда ждет нас в посмертии.

Старик потряс головой:

– Наша скорость будет возрастать, а время – замедляться. Камеры покажут сторонним наблюдателям, что мы никогда не достигнем черной дыры. Мы никогда не переступим ее порога.

Юноша был явно в замешательстве:

– Ты все еще не понимаешь. Нет там линии, за которой мы умрем. Там время просто перестанет существовать. Там Вселенная сожмется в точку, все виды энергии истощатся, остановится движение всей материи, навеки вмороженной в этот последний математический барьер. Ты никогда не получишь своего воздаяния, потому что ты никогда не умрешь.

Лицо молодого человека побелело как мел, а затем его глаза расширились.

– Ты не боишься стать мучеником. – Математик сделал жест в направлении видового экрана. – Так, может, хоть это тебя проймет.

Корабль подлетал все ближе. Звездный ручеек разливался по краю зиявшей в пространстве раны.

Старик положил руку на плечо юноши и приставил скальпель к горлу молодого человека.

– Скажи мне имена, и это закончится быстро, пока у тебя еще есть время. Мне нужны имена – прежде чем мы пересечем

горизонт.

– Так вот что ты предлагаешь?

Старик кивнул:

– Смерть.

– Что ты сделал, чтобы тебя послали с такой миссией?

– Я доброволец.

– Зачем тебе это?

– Я устал. Мой разум одряхлел. Я слишком долго пробыл на этой войне.

– Но ты сказал, что веруешь в Господа. Ты тоже не получишь посмертного воздаяния.

Старик позволил себе улыбнуться в последний раз:

– Моя посмертная участь могла быть не столь приятной, как твоя.

– Откуда ты знаешь, что все это правда? То, что ты говорил. Про время. Как ты можешь быть уверен?

– Я видел снимки с телескопов. Предыдущие корабли разбросаны по горизонту событий, как жемчужины, уловленные в сети асимптотики. Они все еще там. Они всегда будут там.

– Но как ты можешь знать, что это правда? Это может быть еще одна разновидность пропаганды. Ложь. Может быть, на самом деле все это работает не так.

– Это не имеет значения. Важно то, что корабль останется здесь до конца времен, как предупреждение для всех, кто взглянет сюда. Наши с тобой цивилизации как пришли, так и уйдут, а мы все еще будем видны. Мы будем падать вечно.

– Но это может быть ложью.

– Ну, мы с тобой мастаки принимать всё на веру. Ты и я. Назови мне имена.

– Не могу.

Старик вспомнил своих дочерей. Кареглазку и синеглазку. Они ушли навеки. Из-за таких, как этот юноша. *Но не из-за этого юноши,* сказал он себе.

Старик перевел взгляд на фигуру в кресле. Он мог быть на месте этого юноши, если бы обстоятельства сложились иначе. Если бы его вырастили так, как вырастили этого юношу. Если бы он видел то, что довелось видеть ему. Юноша – всего лишь пешка в этой игре.

Как и он сам.

– Да что такое смерть для тех, кто вздохнет полной грудью в раю? – спросил старик. – Где же самопожертвование? Но это… – Старик ткнул пальцем в черную пасть, растущую на экране. – Вот истинное мученичество. Ты взрывал невиновных только за то, что они были иной веры, чем ты. Так вот что ты получишь от них.

Это всё.

Молодой человек тихо всхлипывал. Горизонт приближался.

Инфографика на экране показывала, что осталась одна минута.

– Ты все еще можешь сказать мне…

– …еще есть время.

– …они ведь твои друзья, твоя семья, если угодно…

– …ты думаешь, они бы тебя не выдали?

– …выдали бы.

– …нам просто нужны имена.

– …несколько имен. И все. Я сделаю это для тебя, пока не стало слишком поздно.

Молодой человек зажмурился.

– Нет.

Дочки.

Из-за таких мальчишек, как этот мальчишка.

– Почему? – спросил старик с искренним недоумением. – Это тебе ничего не даст. Ты не получишь своего рая.

Юноша молчал.

– Я отниму у тебя твои небеса, – сказал старик. – Ты ничего не получишь.

Тишина.

– Твоя верность бессмысленна. Назови мне одно имя, и я покончу с этим.

– Нет, – сказал молодой человек. По его щекам струились слезы.

Старый математик вздохнул. Такого он не ожидал.

– Ты знаешь, я тебе верю, – сказал он и перерезал горло юноше.

Одним движением он рассек сонную артерию. Глаза молодого человека на миг расширились – больше от удивления, чем от более сложного чувства. Он навалился на ремни.

Все было кончено. Старик провел ладонью по глазам юноши, и веки опустились.

– Может быть, этого тебе и было надо, – сказал он.

Он сел на пол, преодолевая растущую гравитацию. Он смотрел, как приближается тьма на экране. Математическая часть его сознания была довольна. Коэффициенты уравнения расставлены верно. *Солдат за солдата.*

Он подумал о своих дочерях, кареглазке и синеглазке. Он попытался удержать в памяти выражения их лиц. Ему хотелось бы думать о них вечно.

Не противоположность бытия, но его инверсия. После этого он стал ждать. Выяснится, был он прав или ошибался. Будут его

судить за грехи или нет.

Джим Хокинс
Чимбви [120]

Джим Хокинс мог бы считаться новичком в литературе, но сорок лет назад он уже опубликовал свой рассказ в журнале «New Worlds». С тех пор о нем ничего не было слышно, пока новое произведение автора не вышло в «Interzone» в 2010 году. Однако сорокалетний перерыв не умалил таланта и писательских навыков Хокинса, в чем мы можем убедиться, прочитав следующую историю. В ней рассказывается о беглеце, рискнувшем всем, чтобы покинуть разрушенную, охваченную войной Европу ближайшего будущего и перебраться в Африку – ведь Черный континент достиг процветания и технического развития, неведомого Старому Свету.

Между холмами пролегала узкая долина. В безжалостном свете африканского солнца трава и невысокие деревца казались почти бесцветными. Джейсон направлялся через долину к тесной ложбине в русле реки. Стайка испуганных антилоп дукеров вырвалась из-за кустарника и длинными изящными прыжками скрылась в роще выше по склону холма. Джейсон остановился и, заслонив глаза от солнца, проследил за бегущими животными, прежде чем начать спуск к пересохшему руслу реки Каламбо. Антилопы вернулись спустя сто пятьдесят лет.

Джейсон спускался осторожно, избегая острых камней. Его подошвы сейчас стали жесткими, как никогда прежде, и всё же до железных пяток, выработанных эволюцией и сведенных почти на нет удобной обувью, ему было пока далеко. Джейсону всегда с трудом давалась ходьба по щебенке.

Берега реки из ржаво-красной и бурой железистой глины, мягкой и крошащейся под ногами, поднимались на десять футов вверх. Слева, на стороне Замбии, берег был тенистым, темным и влажным, а берег Танзании справа насквозь выжгло солнце. Терновые кусты, росшие там, почти не давали тени. Свет был свирепым, почти давящим. Джейсон смахнул пот со лба тыльной стороной руки и вытер ее о серые шорты. Там, где рукав реки впадал в основное русло, путник взглянул на пологий берег. В тени эвкалиптовой рощи виднелась терракотовая черепичная крыша Центра Джона Дезмонда Кларка. Чуть ниже того места, где стоял Джейсон, ближе к верхнему краю оврага, из воды выступал кусок кремня. Как будто его туда воткнули специально. Джейсон выковырял находку из глины и взвесил в руке. Хороший обух топора, но не идеальный. Ударная поверхность была чуть

выщерблена. Брак. Сто шестьдесят тысяч лет назад мастер, создавший топор, с отвращением выкинул свою поделку. Джейсон задумался: каково бы пришлось археологам вроде Кларка, если бы качество в каменном веке не контролировалось так строго? Если бы все эти орудия пошли в дело, раскапывать было бы нечего. Древний индустриальный мусор, настоящие свалки, но более естественные, в каком-то смысле более уместные, чем гигантские мусорные свалки Дагенхэма и Лонгбриджа и спутанные стальные спагетти железнодорожных рельсов, петляющие между обрушившихся градирен[121] заброшенных электростанций – там, в руинах далекой Англии.

У теней были острые углы, как и у кремниевого топора, который Джейсон сжимал в руке. Он прошел еще пятьдесят футов и обнаружил в высохшем речном русле другой артефакт – плоскую жестянку диаметром с его ладонь, заржавевшую, но нетронутую, с давно стершейся этикеткой. Джейсон перевернул ее ногой. Итальянские консервы времен Первой мировой, унесенные водой из какого-то окопа, может, даже еще съедобные по прошествии двухсот лет. Все равно у Джейсона не было открывалки, так что ему никогда не узнать. Однако он все же нагнулся, подобрал банку и сунул ее в карман.

По обе стороны от реки изящные, немыслимо тонкие башни солнечных реакторов поднимались на двести футов над чахлыми деревьями саванны. Временами они отбрасывали ослепительные солнечные блики – удивительные сияющие цветы, взлетающие к тонким перьям термальных облаков.

Стрекот цикад наплывал волнами, как шум гигантского оркестра, состоящего из однострунных скрипок. Затем издалека раздался вой – собаки или гиены.

Впереди речное русло расширялось, но все еще оставалось довольно узким, примерно тридцати футов в ширину. Глина под ногами сменилась участками серого камня – каналом, прорезанным водой в скале за миллионы лет.

От берега реки Джейсон двинулся к расселине. По обе стороны от нее поднимались холмы. По мере того как он углублялся в ущелье, ему открывался вид на долину. Когда Джейсон вышел на край утеса, рубашка насквозь промокла от пота, а ноги, казалось, раскалились докрасна. Отсюда, с острого, как нож, каменного выступа, река обрушивалась тысячефутовым водопадом на каменистое дно ущелья. Джейсон находился в самом узком месте расселины с отвесными стенами. Несколько миллиардов лет назад почва здесь опустилась, образовав огромную трещину Восточно-Африканской рифтовой долины. Джейсон стоял на самом краю скалы. Внизу над валунами,

усыпавшими речное русло, кружили марабу на больших темных крыльях. Джейсон стоял так высоко, что громадные птицы летали ниже него. Он знал, что вдалеке раскинулось озеро Танганьика, но жаркая дымка окутывала горизонт, превращая всё в размытые, рябящие световые пятна.

Стоя на краю каменного выступа, Джейсон взглянул вниз. Внезапно, пускай всего на пару секунд, им овладело желание броситься вниз и пуститься в полет вместе с марабу. Легче было прыгнуть, чем сопротивляться этому желанию. Марабу кружились совсем близко, словно бросая ему вызов. Никаких голосов в голове он не слышал, но древняя, слепая сила поднялась из глубины души, подталкивая к обрыву и вечной тишине. А затем что-то усмирило и заглушило этот порыв.

Джейсон отступил на несколько футов, вынул жестянку из кармана и швырнул ее с обрыва. Она полетела по наклонной дуге, а затем откуда-то сверху и слева метнулся быстрый лазерный луч. Консервная банка мгновенно испарилась, а марабу испуганно разлетелись, скрывшись в зеленовато-голубой дымке над долиной.

Джейсон взглянул на тропу, ведущую к холмам слева от него. Там стояла Мириам Бвалья в ярко раскрашенной *чиквембе.* Кожа женщины из племени бемба была настолько черной, что даже отсвечивала синевой. Мириам стояла совершенно неподвижно, молча наблюдая за ним. Сколько мгновений вместилось в эту секунду? Время для Джейсона, замершего между краем пересохшего тысячефутового водопада и неподвижной женской фигурой, обернутой в полоску ткани и держащей в руке лазерный пистолет, остановилось.

Он медленно поднялся по усыпанной щебенкой тропе, пока не оказался рядом с Мириам. Опустившись перед ней на одно колено, он свел руки вместе, протянул к женщине и сказал:

– Мваполенипо ба Мириам.

– Мваполени муквай, – ответила она.

И лишь после этого, спустя несколько столетий, как показалось ему, хотя на самом деле не прошло и пары секунд, – мужчина решился поднять голову и взглянуть в ее карие глаза.

– Да или нет? – спросила женщина.

– Эйя муквай, – кивнул Джейсон.

Женщина развернулась и пошла вверх по крутой тропе. Джейсон встал и последовал за ней. Над площадкой, расчищенной примерно на полпути к вершине холма и предназначенной для туристических автобусов, висел небольшой флаер. Машина парила в антигравитационном поле. Джейсон, несмотря на докторскую степень по физике и примерно сотню

выпущенных статей, находил это необъяснимым с технической точки зрения. Флаер смахивал на желтоватую бедренную кость, но Джейсон знал, что он может принять любую нужную форму. Вокруг машины группами стояли молчаливые чернокожие люди. Старик, сидевший в кресле, медленно отмахивал от лица мух опахалом. Джейсон медленно подошел к вождю и снова опустился на одно колено, глядя лишь вниз, на острую каменную крошку. Стрекот цикад и дальние крики марабу внезапно показались ему очень громкими.

– Мваполени ба Чити, – тихо проговорил он.

Старик нагнулся и сначала сжал плечи Джейсона, а затем легким прикосновением заставил его поднять голову. Волосы старого вождя подёрнулись сединой, как угли костра пеплом. Старик улыбнулся.

– Кунгуло ба Джейсон. Похоже, тот, кто назвал тебя так, не читал сказок[122].

Послышался звон бубенцов. Вождь взглянул на наручные часы и добавил:

– Извини, мне действительно нужно ответить на этот звонок, – и движением пальцев показал, что отпускает гостя.

Чибемба, язык племени бемба, населяющего Северную Замбию и половину Конго, трудно было выучить, если он не являлся для тебя родным. Приставки и окончания, примерно семь падежей существительных, сотни приветствий, поговорок и бранных выражений. В каком другом языке найдется одно слово, означающее «пусть вагину твоей бабки широко раздвинут и напихают туда песка»? Джейсон был благодарен за то, что вождь обратился к нему на английском. С другой стороны, большинство бемба прекрасно владели английским, кроме тех случаев, когда говорили с ним.

Джейсон подошел к флаеру. Со стороны «сустава» кости открылся люк. Оттуда выглянул пилот. Он ткнул пальцем в Джейсона, затем дернул за собственную рубашку и сказал:

– Фулени.

Джейсон внезапно ощутил, что вокруг стоят и пялятся на него около дюжины людей. Впрочем, снимая рубашку, он не смущался большинства из них. Европейца огорчало лишь то, что куратор, Мириам, увидит его обнаженным. Он обрадовался, когда та отвела взгляд.

Джейсон развернулся и голышом прошествовал к лестнице, ведущей в кабину флаера. Затем возвратился, чтобы поднять выпавший каменный топор.

Чтобы добраться сюда, Джейсону пришлось проделать долгий

и трудный путь из разоренной Англии через опустошенную войной Европу, Балканы и материковую Грецию. Всё это слишком отчетливо отпечаталось в памяти, а самыми трудными были те два дня и две ночи, когда его выворачивало наизнанку посреди Средиземного моря…

«Неужели с аргонавтами было так же? Может, и древний Ясон, мой тезка, цеплялся за борт греческого рыбачьего судна и блевал в темно-синие воды Эгейского моря? Неужели героям приходится переживать те же унижения, что и обычным беженцам?» – думал Джейсон. Желудок его опустел, и только последние струи желчи стекали по подбородку на прокорм любопытным рыбам.

По крайней мере, у Костаса Кириакоса, капитана и владельца судна, хватило ума не перегружать свою посудину. У Палеохоры они повернули на юг и двинулись по Средиземному морю вдоль южной оконечности Крита, в Ливийское море. Мозги у Джейсона не работали напрочь – всю власть захватил вестибулярный аппарат. Может, он был слизняком, или тараканом, или черепахой, но не человеком и уж точно – в эти бесконечные часы – не физиком.

Океан катил лазурные волны с белой каймой пены, и лодку бросало из стороны в сторону. Костаса это, похоже, совершенно не волновало, и он готовил бараньи сувлаки на гриле в камбузе. Запах жареной баранины и лука захлестывал семнадцать мужчин и женщин, вцепившихся в планшир, вызывая у них цепную реакцию желудочных спазмов.

Джейсон отпустил борт и метнулся к камбузу, прицельно ухватившись за дверную раму. Костас поднял голову, улыбнулся и протянул ему кусок бараньего барбекю.

– Поешь, – сказал он, – почувствуешь себя лучше. Все беды от пустого желудка.

Джейсон заставил себя взять мясо и начал его пережевывать. Вроде бы без эксцессов. До ливийского берега было далеко, и он понимал, что надо поесть. Слева от лодки поднимались и снова скрывались за верхушками волн холмы острова Гавдос. Они проходили мимо самого южного аванпоста Европы. Греция пережила катастрофу и хаос развала Евросоюза. В результате таяния Антарктического ледяного щита уровень моря здесь поднялся всего на два с половиной метра – терпимее, чем в большинстве других мест. Песчаные пляжи одинокого Гавдоса остались в прошлом, площадь острова немного уменьшилась, но овцам всегда было плевать на цивилизацию. В Афинах, конечно, разразилась гуманитарная катастрофа, но на горах Пелопоннеса, скалистых островах Эгейского моря, Спорадах, Лесбосе и Крите

греки просто выбросили мобильные телефоны и стали перекрикиваться друг с другом, как в старые времена. При падении цивилизации выживают те, кто ближе всего к крестьянским корням.

Костас высадил их перед самым рассветом на небольшом причале в Ливии, дал обратный ход и растворился в темноте. Ему хорошо заплатили золотом и бриллиантами. Свою часть сделки он выполнил, доставив их на этот уединенный берег. Однако всё, что капитан мог им дать, – это микроскопический осколок надежды на будущее. Он передал их в руки богинь судьбы, Мойр, предопределявших жребии людей и богов. Затем, направив судно на север, моряк налил в чашу немного темно-бордового вина с фруктовым привкусом (бурдюк с вином дала ему мать), сделал глоток, а остальное опрокинул в океан, совершив небольшое приношение богам. Это было меньшее, что он мог сделать.

Обещанный транспорт контрабандистов не прибыл. Беженцы стояли на причале тесной группкой и ждали – голодные, страдающие от жажды и шарахающиеся от любой тени. В конце концов, в темноте вспыхнули огни. Их окружили вооруженные ливийцы из пограничного патруля, загнали в кузов грузовика и отвезли для допроса в лагерь беженцев в Кирене, где поместили в стоявший на отшибе загон. Охранники дали заключенным воды, кускуса и оливок. Все были напряжены, все нервничали. Джейсон жевал оливки, чувствуя, как его одолевают отчаяние, подозрения, гнев и чувство вины. Он сбежал. А должен был остаться с погибшими друзьями, с погибшей женой и погибшей наукой, погрузившись в неизбежную тьму, хаос и смерть.

Офицер, худощавый мужчина лет сорока, с аккуратными усиками, сверил скан сетчатки Джейсона со снимком в паспорте и откинулся на спинку стула.

– Большинство беженцев выкидывают паспорта, профессор Джонс. Зачем вы привезли сюда свой?

– Чтобы подтвердить личность, – ответил Джейсон.

– Но зачем вы приехали сюда?

– В моей лаборатории двадцать кило семтекса. Шестеро моих коллег застрелены. Сейчас в Европе не лучшее время для ученых. Я уверен, что кто-то на этом континенте найдет применение моим знаниям.

– Возможно. Но до тех пор, боюсь, копать придется даже ученым.

Джейсона охватил гнев. Ему захотелось сбежать. Ему захотелось кричать.

Офицер замкнул браслет передатчика на запястье профессора, указал на дверь, а затем отвернулся к своему

компьютеру и сделал пометку в файле.

Внезапно Джейсон ощутил, как страх, гнев и чувство вины сворачиваются плотным комком, превращаясь во что-то типа зуда в правой руке.

Судно, следующее из Ливии в Дар-эс-Салам, оказалось грязным и тесным. Здесь, в холмах Танзании, с ними обращались сносно, но и работа была тяжелой.

Клетка стремительно падала в шахту, все еще подрагивая после того, как тормозила внизу, и ворота открывались. Танзанийцы строили двойной туннель. Джейсон с остальными спустившимися в лифте забирался в поезд, который мчал их вверх по гидротехническому туннелю шириной в двадцать футов, освещенному яркими точками светодиодов. Джейсону живо вспомнилась лондонская подземка. Ниже туннель на протяжении шестидесяти миль постепенно спускался к танзанийскому побережью у южного города Мтвара, а потом уходил еще на пять миль под Индийский океан.

Джейсон работал в параллельном, меньшем по размеру туннеле, предназначенном для прокладки сверхпроводящих кабелей. Они должны были доставлять электричество, вырабатываемое солнечными реакторами, – те находились в горах Замбии на высоте пяти тысяч футов, – к огромным насосам, расположенным вдоль гидротехнического туннеля. Насосам предстояло поднимать морскую воду на три тысячи футов к опреснительным установкам завода, расположенного в холмах над озером Малави. Всего было шестнадцать подобных систем. Каждый туннель уходил в море у танзанийского побережья, и еще несколько – в Мозамбике. Электричество в обмен на воду – неплохой бартер.

Африка вновь становилась зеленой. Пересохшие озера наполнялись водой. По равнинам опять текли реки. Ирригационные каналы орошали плодородные поля. Все это благодаря невероятному прорыву замбийцев, открывших способ превращения солнечных лучей в электричество с феноменальной, девяностовосьмипроцентной эффективностью. Замбийцы никому не открывали своего секрета.

Джейсон работал в группе из четырёх сварщиков, укладывающих стальные листы обшивки сверхпроводящего туннеля и сваривающих их в герметичное полотно, необходимое для создания вакуума. Остальные пять рабочих-беженцев были немцами и редко общались с ним – не потому, что не говорили по-английски, а потому, что их подавляли наручные браслеты. С того дня, как Джейсон начал свое долгое и опасное путешествие

из Англии, вряд ли хоть один из коротких дорожных разговоров можно было назвать настоящей беседой. Он ожидал, что в лагере, где несколько сотен беженцев отрабатывают трудовую повинность, встретит шумную и агрессивную атмосферу, однако это ничем не напоминало детский лагерь воскресной школы. Здесь не пели, не кричали и не дрались. Каждый получал свою дозу эмоциональной анестезии.

Джейсон был уверен, что за чередой шипящих голубых сварочных дуг перед глазами последует головная боль. Он только что закончил шов и опустил сварочный аппарат, когда кто-то похлопал его по плечу. Мбанга, прораб этого участка, жестом велел ему следовать за собой.

Часом позже Джейсон, начисто отмытый, в свежей рубашке и шортах, сидел в комфортном купе скоростного поезда на магнитной подвеске, ел маис с рыбным карри, попивал холодное пиво и пялился в окна, надеясь хоть мельком увидеть жирафов или слонов. Он ехал в богатейшее государство мира. Когда бесшумный поезд взял крутой поворот на скорости триста двадцать миль в час, на севере возникли грандиозные очертания Килиманджаро. На вершине горы больше не было снега. Снаружи тянулась сухая песчаная равнина с редкими баобабами. Бурые стволы деревьев казались непропорционально толстыми по сравнению с редкими ветками наверху.

Высокий африканец с орлиным носом, наследием арабских работорговцев, которые орудовали в этом регионе в девятнадцатом веке, прошел по вагону и сел лицом к Джейсону так, что их разделял лишь столик. На нем был голубой изящный костюм. Взгляд его темных глаз встретился со взглядом серых глаз Джейсона.

– Меню вас устраивает, профессор Джонс?

– Спасибо, все очень вкусно. Как вас зовут?

– Это неважно. Итак, что вы думаете?

– О чем, мистер Неважно?

– Что ж, справедливо. Меня зовут Ариза. О вашем положении…

Горбоносый вынул из внутреннего кармана пиджака паспорт Джейсона и протянул собеседнику.

Джейсон, не притрагиваясь к паспорту, промокнул губы накрахмаленной льняной салфеткой.

– Думаю, что это узаконенное рабство немногим лучше «грязных бомб» и мародерствующих фашистских молодчиков.

Ему хотелось рассердиться, но не получалось.

– Не рабство. Вы сами решили приехать сюда. Не думаю, что мои предки поднимались на корабли и с готовностью

протягивали руки работорговцам с наручниками.

Он указал на браслет, охвативший запястье Джейсона.

– Мы приняли вас. Приняли миллионы беженцев, таких как вы. Мы кормим вас, даем кровати, подушки и одеяла. Смотрите – даже пиво! Что вы думаете об этом поезде?

– Он… впечатляет. Но…

– Но что?

– Если бы вы пустили такой же по вакуумному туннелю, то удвоили бы скорость.

– Вторая фаза, профессор Джонс.

Он быстро сказал несколько слов на суахили в наручные часы – или в то, что выглядело ими. Внезапно поезд начал замедляться, пока его скорость почти не сравнялась со скоростью пешехода. За парой баобабов виднелась куча черного, искореженного металла: острые обломки крыльев, обтекатели турбин, осколки фонаря кабины. Многие из деталей Джейсон узнал. Это был сбитый американский бомбардировщик-невидимка. По песку тянулась темная полоса – след падения.

– Американцы до сих пор не могут понять, как замбийцам удалось сбить все ракеты и ядерные штурмовики.

Джейсон пытался разозлиться, но ему не удавалось. Придерживайся логики, велел он себе. На мгновение представил окровавленное, мертвое лицо жены. Он оттолкнул тарелку.

– Это было необязательно. Вы могли бы спасти Европу и Америку, если бы поделились своей технологией.

Ариза откинулся на спинку сиденья и иронично рассмеялся.

– Мы голодали. Разве вы помогли нам? Нет. У нас разразилась эпидемия. Разве вы помогли нам? Вы обратили против нас атмосферу – дожди прекратились, пустыни разрастались, как раковые опухоли, урожай и скот погибли, озера начали пересыхать, мальки рыб варились заживо, пока ничего не осталось. Вы помогли нам? Да или нет?

– Нет. Но многие из нас хотели.

– Но таких было недостаточно. Вам также неизвестно, что многие из нас хотели бы установить более великодушный режим. Здесь, в Танзании. Но не там, в Замбии. Это местная проблема, но она может стать и глобальной. Если бы у нас здесь были технологии солнечного синтеза, мы могли бы вести дела с американцами, китайцами, индийцами и даже с Европой. А вы, профессор Джонс, получили бы всё, что пожелаете. Узнайте, что сможете. И подумайте о том, что у вас мог бы быть собственный исследовательский центр с неограниченными ресурсами. А сейчас мы приближаемся к границе. Мы еще поговорим. Куа хери.

Он встал и зашагал к концу вагона.

– Кстати, Ариза – это женское имя. Нам приходится быть осторожными. И вам тоже придется. После того как бемба несколько столетий вкалывали на рудниках, добывая медь для белых людей, они наконец вспомнили, что когда-то были воинами. Ах да, мы бы сняли подавляющий браслет у вас с запястья.

Спустя полчаса поезд остановился у пограничного пункта в Наконде. По громкой связи Джейсону и еще паре человек предложили покинуть вагоны. Они выбирались из них, словно из чрева длинной оранжево-зеленой змеи со встроенной системой кондиционирования. Ариза, мужчина с женским именем, улыбнулся Джейсону из окна одного из передних вагонов. Поезд поднялся над черным монорельсом и, ускоряясь, бесшумно помчался на юг. Здесь, над огромной центральной равниной континента, на высоте примерно пяти тысяч футов над НУМ (Новым уровнем моря), воздух был свежим и теплым. Джейсон шагал по платформе следом за парой, похоже, из Китая или откуда-то с Дальнего Востока. Они тащили чемоданы на колесиках. У Джейсона ничего не было.

В конце платформы среди эвкалиптов виднелись шесть арок из тонкого кружевного стекла. В платформу были вмонтированы небольшие светодиоды. Впереди Джейсона из-под ног азиатской пары убегала цепочка зеленых огоньков, ведущая к арке справа. Джейсон продолжал идти. Под его ногами тоже начали пульсировать огоньки, указывающие путь к левой арке. Он свернул туда.

Проходя под аркой, профессор внезапно почувствовал в запястье под браслетом боль или, точнее, нечто странное – смесь удара током с оргазмом. Джейсон вскрикнул от неожиданности. Пару секунд он не мог двигаться. А затем впервые за шесть месяцев, проведенных в Африке, из браслета раздался голос – глубокое мелодичное контральто:

– Добро пожаловать в Замбию, доктор Джонс. Поверните налево и идите вверх по тропе.

Она ждала его за гребнем холма. Женщина, высокая, с тонкой талией. На ней была накидка из красно-зеленой с золотом ткани, завязанная узлом над грудью. Короткие волосы курчавились черными завитками над темно-карими глазами. Запястье снова заныло, и Джейсон тряхнул рукой, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

– Извините за причиненные неудобства, – сказала женщина. – Когда люди пересекают границу, мы можем снять их биометрические показатели и другим, менее болезненным способом, но это довольно долго и хлопотно. Идемте… Ах,

позвольте мне представиться…

– Я знаю, кто вы, – сказал Джейсон. – Может, вы и отключили половину функций в моем мозгу, но я все еще способен узнать доктора Мириам Бвалья.

Женщина улыбнулась и покорно кивнула. Джейсон следом за ней пересек покрытую асфальтом автостоянку и подошел к чему-то в виде большого розового пластикового слона с детской игровой площадки. Оказалось, что это флаер. К собственному удивлению, Джейсон расхохотался и продолжал смеяться, пока взбирался по лестнице в брюхо слона и усаживался на комфортабельное кресло прямо за огромными слоновьими глазами.

– А летучих свиней вы выпускаете? – фыркнул ученый. – Не помню, когда смеялся в последний раз. Я думал, это уже невозможно.

Женщина тоже рассмеялась, сверкнув превосходными белыми зубами.

– Мы сделаем для вас летучую свинью, если пожелаете, доктор Джонс. Если хотите, можете получить даже острокрылый высокотехнологичный европейский истребитель, который так мил маленьким мальчикам. Нам больше нравятся изгибы. Это лишь оболочка, как вы наверняка понимаете.

Она добавила пару слов на неизвестном ему языке, и флаер вертикально поднялся вверх, а затем беззвучно заскользил над эвкалиптовой рощей на север. Джейсон не смог удержаться от непочтительной мысли, что слово «изгибы» отлично характеризует доктора Бвалья.

Замбийский прорыв в области физики хранили в строжайшем секрете, но ученый знал, что сидит сейчас рядом с одним из его ключевых игроков. Мириам Бвалья была ребенком-вундеркиндом, выучившимся и ставшим неподражаемым теоретиком лазерной физики. По слухам, именно она стояла за созданием солнечных реакторов, превративших ее родную страну из прозябающего государства третьего мира с парочкой медных шахт в самую внушительную силу на планете. И вот Джейсон сидел рядом с ней в летучем слоне, глядя на мелькающие внизу холмы и деревья. Ее близость волновала – он ощущал что-то вроде сексуальных позывов, несмотря на ограничения, накладываемые браслетом.

Мириам провела пальцем над серой поверхностью под слоновьими глазами-иллюминаторами, и заиграла музыка. Африканская румба. Давным-давно работорговцы увозили отсюда свой человеческий груз, чтобы продать его американцам, а рабы забирали с собой сложные ритмы своих барабанов и маримб, антифонное пение, поднимающееся над живым пульсом

перкуссии. Они сплавили свои напевы с церковными гимнами и песнями скованных одной цепью каторжников. А затем в шестидесятых годах двадцатого века эти мелодии вернулись в Конго, Южную Африку и Родезию на пластинках и в радиопередачах. Румбу увезли из этих краев, немного видоизменили и вернули домой – как музыканта-вундеркинда, нуждавшегося в небольшом дополнительном образовании. От такой музыки даже самых заторможенных и холодных людей тянуло в пляс.

– Ваше путешествие было долгим и трудным, – сказала Мириам.

– Несомненно.

– И оно еще не кончилось.

– Я понимаю, – ответил Джейсон. – Если бы кончилось, вы бы уже сняли эту штуку с моего запястья.

– На нас нападали. К нам проникали шпионы. У нас пытались устроить диверсии. Мы отследили вас только вчера, потому что ливийцы удерживают много информации. Танзанийцы не понимали, кто вы такой, пока мы не отправили к ним запрос. Они хотели оставить вас у себя, но мы на несколько минут отключили энергоснабжение, что привело их в чувство. А затем, конечно, тот человек в поезде.

Это Джейсон никак не прокомментировал.

– Флаер не поднимается на высоту больше двухсот футов, – сказал он, – из чего я заключаю, что вы используете что-то вроде динамо-эффекта.

– Он может подняться и выше, но энергетические затраты возрастают экспоненциально. Зачем возиться с этим?

– А зачем возиться со мной?

Женщина подняла одну из складок своего *чиквембе.*

– Если вы присмотритесь, сможете заметить пару распустившихся петель. В идеальной на первый взгляд вязке есть небольшие погрешности. То же самое с нашей физикой. Быть может, вам удастся подвязать петли и залатать несколько дыр.

– А конкретно?

– А конкретно поговорим позже.

– Так что же примерно будет позже? – с иронической улыбкой поинтересовался Джейсон.

Флаер перевалил через холм, теряя скорость, прошел над городком Мбала и опустился на посадочную полосу рядом с низким белым зданием ЗИВФ – Замбийского института высшей физики.

Его так и не допустили в ЗИВФ – ни разу за те пять месяцев, что он провел в Замбии. Джейсон уже знал, что надземные конструкции только маскировка, а настоящие лаборатории находятся глубоко под землей.

– Ничего личного, – говорила Джейсону Мириам, когда они сидели на бревне в пятнистой тени двух деревьев и попивали холодное пиво.

– Если бы на этом дереве был всего один лист, мы бы обгорели, – продолжила она, указав вверх. – Этот листок не знает, что делает другой на противоположной стороне ствола. И ему не нужного этого знать, чтобы выполнять свою работу, а именно – поддерживать жизнь во всем дереве.

Джейсон уже привык к тому, что у бемба имелись поговорки на все случаи жизни, а если нужной вдруг не находилось, они тут же ее сочиняли. А еще он знал, что даже у многих местных ученых отсутствовал доступ к главной части института. Джейсон не был исключением.

– Но если пустить дело на самотек, то одна гусеница может съесть много листьев, – заметил он.

Мириам захихикала, хоть это и было совсем не в ее стиле. Затем лицо женщины вновь стало серьезным. Сунув руку в сумку, она извлекла оттуда лист интерактивной бумаги, бросила перед Джейсоном, хлопнула в ладоши и отдала приказ на чибемба. Лист развернулся и повис в воздухе, изменив цвет с желтоватого на серебристый. Какое-то мгновение профессор видел оба их отражения – его кожу, которая уже успела загореть и стать смуглой, ее темные волосы, чуть тронутые сединой над ушами; ее карие глаза, способные за секунду[7] менять взгляд с теплого на гневный, и его серо-зеленые глаза, сейчас полузакрытые от солнца.

– Мы не хотели, чтобы вы видели это, пока не оправитесь полностью, – сказала Мириам. – Но сейчас я должна вам показать.

Интерактивная бумага прислушивалась к ее голосу, а затем начала показывать кадры видеохроники. В Англии Брэдфорд был полностью разрушен, мусульмане и индуисты висели распятые, улицы Лондона усыпаны черными телами – их сжигали, словно больную скотину, а темнокожие дети умирали от лучевой болезни. Во Франции и Германии тела арабов сгребали в кучи бульдозерами, а по мере того как все больше и больше стран выходили из Евросоюза, разгорались новые национальные войны. В Америке Гарлем отравили «грязными бомбами», деревья Каролины гнулись под тяжестью гниющего урожая человеческих фруктов, а фанатики повсюду размахивали флагами и провозглашали фальшивые победные лозунги. После того как

уровень моря поднялся, а засуха погубила растительность, коллапс охватил полмира. Темнокожие люди бежали в районы, где все еще выпадали дожди, экономики рушились одна за другой, и кровь козлов отпущения текла ручьем.

Видеозапись закончилась, и экран снова стал серебряным. Джейсон смотрел на отражение Мириам.

– Всё намного хуже, чем вы думали, – сказала она. – Мы не можем позволить им завладеть технологией. Не можем! Наши соседи готовы продать им все секреты. Никому нельзя доверять!

– Включая меня.

Джейсон отвернулся от нее, чувствуя, как по щекам и губам бегут соленые слезы. Мириам долго молчала, а потом нежно сжала его руку в своей, и их пальцы переплелись.

В конце концов он сказал:

– Я понимаю. Европа – это новая Руанда и Судан, и, господи боже, так везде!

Взглянув на Мириам, Джейсон понял, что у нее тоже слезы в глазах.

– У нас есть поговорка… – начала она.

– Конечно, конечно, всегда есть поговорка. Я думал, в Англии полно поговорок, но по сравнению с вами мы жалкие любители.

– Чимбви афуайл интангалила. Жадная гиена хочет съесть всё, но, лопнув от натуги, остается ни с чем.

Вдалеке, среди жесткой травы, в оранжевом вечернем свете дети играли в футбол. Застрекотали цикады. Мелкие птахи порхали, поклевывали что-то и переругивались друг с другом. Хохлатый орел парил над низкими холмами, а солнце все быстрее падало к верхушкам деревьев. Трение о плотный воздух, казалось, раскалило солнечный диск до медно-золотого цвета. Мириам подняла ноги, и цвет ее подошв в точности совпал с розовым закатным оттенком самых высоких облаков.

Пока короткие сумерки не закончились, Джейсон сказал:

– Вы попросили меня подумать над связью между гравитацией и квантовой пеной, что, конечно, невозможно с точки зрения теории. Подозреваю, что именно это и подразумевалось под словом «конкретно».

Ребята подобрали футбольный мяч и с криками побежали в сторону огней, зажигавшихся там и сям на верандах приземистых домиков, стоявших по ту сторону поля.

– И когда же вы скажете «но»? – спросила Мириам.

Джейсон внезапно остро почувствовал ее ладонь на своей руке.

– Но, – сказал он. – Это большое «но»! Вообще-то это «но» уровня постоянной Планка. В тот момент, когда релятивистские

уравнения начинают казаться спорными, в пространственно-временной *чиквембе* могут обнаружиться небольшие дыры и петли.

Мириам убрала руку и быстро сказала несколько слов на чибемба в свой серебряный браслет. Джейсон услышал прозвучавший в ответ низкий голос. Затем женщина встала с бревна.

– Идем, – сказала она. – Вождь приглашает нас на ужин.

Последние лучи солнца угасли – линия терминатора накрыла реку Конго, двигаясь над Анголой к Атлантике. Невидимая рука разбросала по небу миллиарды звезд и потянулась за новой порцией.

Мириам сильно топнула.

– Помните, что походка должны быть тяжелой, – сказала она. – Вы забываете о том, что змеи слышат звук, передающийся по земле. Держитесь подальше от кустов, где могут прятаться африканские гадюки. Не ходите ночью под деревьями, откуда на вас может упасть бумсланг. Приподнимайте туалетное сиденье, прежде чем усесться, – говорят, что укус паука-скакуна не слишком полезен для тестикул. Встряхивайте ботинки перед тем, как обуть их, – скорпионы очень любят уютно там угнездиться. И помните: у нас считается – хотя, может, это и сказки, – что мамба может гнаться за вами со скоростью лошади, ее укус смертелен, а нейротоксин причиняет страшные мучения.

– Здравоохранение и техника безопасности должны стать тут одними из самых процветающих отраслей промышленности, – хмыкнул он.

– Вот почему у нас так много поговорок, Джейсон. Ваши крепкие стены и замки возводятся и рушатся. А нам их заменяют слова. Но вам не хуже меня известно, что и физика по большей части состоит из поговорок. В любом случае нам бы не хотелось, чтобы возможный прорыв в квантовой гравитации пал жертвой древнего яда, выработанного за миллионы лет эволюции для убийства лягушек, ведь так?

Облако комаров и прочих летучих тварей окружало каждый фонарь – движущимся, бьющимся, копошащимся, мечущимся из стороны в сторону ореолом. Приятная жара сменилась не менее приятной прохладой.

Всё это и многое другое промелькнуло у Джейсона в голове, пока он сидел голышом в костеобразном флаере, летевшем над дорогой к озеру Танганьика. Примерно на полпути вниз от вершины отвесного холма Стивен Маконде, бесшабашный пилот с кучей докторских степеней, свернул с курса и посадил флаер на

полянке, заросшей сахарным тростником. Вооружившись мачете, пилот выбрался из кабины и вернулся с верхушками двух стеблей. Он протянул их Джейсону.

– Возможно, тебе это понадобится, – сказал он. – И еще это.

Сунув руку под сиденье, Стивен вытащил копье с обожженным наконечником.

– Еще советы будут? – поинтересовался Джейсон.

– Постарайся не умереть, – расхохотался Маконде. – Воины занимались этим тысячелетиями, но не всегда успешно.

– Спасибо.

Флаер вновь поднялся в воздух и полетел над небольшим портовым местечком Мпулугу. Наступала ночь, и рыбаки включали яркие фонари на лодках, уводя суденышки в сгущающуюся тьму над озером.

А потом Джейсон остался в одиночестве среди камней. Перед ним расстилалась долина. Флаер Маконде превратился в мрачный сгусток в форме кости, летящий сквозь светящуюся ленту Млечного Пути. Еще секунда, и он исчез.

Джейсон все продумал заранее. Стратегия – прекрасная вещь, но, к сожалению, она – дитя рациональности и процветает при свете дня, но среди теней, звезд, кашля и воя невидимой, беспощадной жизни начинает расползаться по швам. Стратегия говорит вам, что отсиживаться в каменном укрытии ничуть не безопаснее, чем взбираться в темноте по крутому склону. Джейсон спустился обратно в долину и уселся у края озера, сжимая в одной руке копье, а в другой – острый камень и ожидая то ли восхода солнца, то ли крокодилов – в зависимости от того, кто появится первым. Но, странным образом, он ничего не боялся. Даже когда услыхал тихий плеск.

В 6:05 солнце вырвалось из-за холмов, и его лучи прорезали дымку над озером. Джейсон не сомневался, что сильно обгорит. Присев на корточки рядом с водой, он размазал по плечам серую грязь. «Не стоило коротко стричься, – подумал он. – Ведь для этого и нужны волосы». Разжевывая жесткий стебель сахарного тростника, он попытался забыть о жажде.

Здесь долина Каламбо упиралась в озеро и расширялась до нескольких сотен ярдов. Джейсон довольно легко отшагал первые полмили по невысоким террасам из светло-серого камня. Затем лес сомкнулся вокруг виляющего речного русла, и валуны, преграждающие дорогу, стали больше. Босые ступни уже начали саднить. Трещины и разломы скал стерли все нажитые им мозоли. Грязь запеклась, и кожа чесалась. Мухи распробовали профессора на вкус и устроили лагерь на его спине, вдобавок

кружась перед лицом и вынуждая непрерывно отмахиваться от них руками.

Мужчина двигался по восточной стороне долины вдоль террасы, слева обрывавшейся вниз тридцатифутовым отвесным уступом. И тут появилась она – изумрудно-зеленая мамба в ярд длиной, свивающая и развивающая кольца на камнях впереди него. У Джейсона не было ни ботинок, ни толстых штанов. Если мамба ужалит его в ногу, ему останется жить пять мучительных минут. Если в грудь, сердце остановится через пару секунд. Профессор замер на месте.

Высоко над ним марабу шевельнул огромными крыльями и спустился чуть ниже, чтобы у камеры был лучший обзор. В прохладном офисе за пять миль отсюда и на тысячи футов в глубь защищенных ядерными зарядами недр ЗИВФ доктор Бвалья обнаружила, что внезапно вспотела. Женщина следила за записью камер семи птиц-дронов, круживших над долиной. Она провела пальцем по экрану, показывающему картинку с мамбой, и тут же возникло перекрестье прицела. Мириам уже наводила боевой лазер на змею, когда на ее плечо легла чья-то рука.

Директор Нскоша Муленга был одет в отлично пошитый песочного цвета костюм, выглядевший необычайно элегантно, и совершенно неуместный красносиний галстук.

– Не убивай змею, – сказал Муленга. – Пусть он поверит в свои силы. Он мужчина, а не беженец.

– А если это будет стоить нам квантовой гравитации?.. – спросила она.

Директор, протянув руку через плечо Мириам, ткнул пальцем в иконку.

Дисплей преобразился в пульт, состоящий из виртуальных бегунков, – что-то вроде микшера в древней студии звукозаписи. Под каждым бегунком была картинка с подписью. Палец директора прикоснулся к квадратной кнопке бегунка, сдвигая ее с минимума на максимум. Слово «страх» проплыло по экрану и исчезло. Муленга потянулся к кнопке «любовь», но Мириам хлопнула его по руке.

Директор Муленга сжал плечо Мириам, а затем, отвернувшись, шагнул к двери.

– Не стоит довольствоваться человеком наполовину лишь потому, что тебя это устраивает, – сказал он, и дверь закрылась.

– Айя, ба Чити, – вполголоса пробормотала Мириам. Это означало: «Да, вождь!»

По руке от браслета на запястье Джейсона пробежало что-то вроде электрического разряда. Игла впилась в позвоночник.

Мамба нерешительно покачивалась из стороны в сторону – что-то угрожающее встало между ней и ее потомством. С каждой секундой змея становилась все более реальной, являя собой средоточие красоты и смертельной опасности. Джейсона переполнило ужасное знание – знание, не имевшее ничего общего с интерактивными досками, научными статьями, кино или даже памятью. Змея была решительным и неизбежным настоящим.

Профессор очень медленно шагнул назад. Отступив на десять футов или около того, осторожно протянул руку к ближайшему дереву и сорвал сухую ветку. Тщательно очистив ее от сучков, он получил посох длиной примерно в рост человека. Джейсон сжал палку, как крикетную клюшку, или бейсбольную биту, или, может, дубинку, подобно тому как это делали здесь чьи-то далекие предки много столетий назад.

Голос Стивена Маконде зашептал из браслета в ухо Джейсону:

– Как ваш напарник, я могу один раз помочь. Хотите, чтобы я сделал это сейчас?

– Сколько змей в этой долине? – шепнул в ответ Джейсон.

– Где-то тысяча, может, две. Джейсон, я могу вас сейчас забрать. Вы не обязаны этого делать. Мы и без того уважаем вас.

– Ну уж нет. Мой вождь, Ее Величество королева Великобритании, мертва, и мне нужен новый. Мы заставляли беженцев проходить экзамен, чтобы доказать степень их «английскости». А я решил пройти это древнее испытание, потому что только таким способом я могу приблизиться к тому, чтобы стать бемба. Поэтому помогите мне.

– Есть поговорка, гласящая…

– К черту поговорку, Стивен. Скажите мне то, что я должен знать.

– Если будете метить в голову, скорее всего промахнетесь. Удар по позвоночнику эффективнее, но не на сто процентов. Змея движется очень медленно, пока не нападает. Будьте змеей.

Джейсон отвел палку в сторону, пытаясь определить расстояние. Задержав дыхание, он скользил вперед дюйм за дюймом, пока не оказался примерно в шести в футах от движущейся из стороны в сторону треугольной головы мамбы. Очень медленно подняв ветку над головой, он прицелился и со всей силы рубанул мамбу по спине. Змею парализовало. Возможно. Джейсон молотил ее по башке до тех пор, пока та не превратилась в мокрое пятно на камнях. Подцепив тело концом ветки, он скинул его с края обрыва, и останки змеи с глухим плеском плюхнулись в грязную лужу внизу.

– Спасибо, Стивен, – прошептал он.

– Рад был помочь. Правда, забыл сказать вам, что мало кому это удавалось. Готов поспорить, вам и в голову не приходило, что вы знатный змеелов, профессор Джонс. Не забудьте включить это в свое резюме.

Спустя дюжину змей и пару болезненных падений, с осыпающейся с плеч грязью, Джейсон поднялся на несколько миль по долине и как раз сворачивал по узкой террасе на тропу, ведущую к водопадам. Дорога здесь опасно сужалась, стены ущелья сдвигались и становились выше, а преграждавшие путь валуны крупнее. Солнце стояло высоко над головой, и контраст между освещенными и затемненными участками резал глаза.

Вдалеке, по другую сторону реки, что-то мелькнуло. Какое-то движение. Две золотисто-желтые полоски появились на миг и исчезли. Джейсон опустился на камни. Замерев, он смотрел на пару леопардов, а пара леопардов наблюдала за ним. С каждой минутой желтовато-пятнистый узор менялся. Приближался к нему.

Наверху кружили настоящие и фальшивые марабу.

Львы убивают, лишь когда голодны. А леопардам просто нравится убивать. «Да, так вы мне сказали. Лучше и не придумаешь», – подумал Джейсон.

За креслом Мириам собралась небольшая, но весьма заинтересованная толпа. Два монитора показывали леопардов крупным планом. Поднятые головы, расширенные ноздри – звери старались уловить любой запах, принесенный воздушными течениями. Серые глаза слегка прищурены, чтобы с максимальной точностью установить расстояние до добычи. Однако хищники все еще выжидали. Кошки наготове. Неспешные, терпеливые, смертоносные в своей кажущейся неподвижности.

– Это несправедливо, – произнес женский голос за спиной Мириам.

– Почему? – рявкнула доктор Бвалья. – Мне сказали, что я не могу вмешиваться. Он сам так решил.

– Ни один человек не делал этого без воды.

Раздался гул одобрения.

Мириам подняла браслет к губам и негромко отдала приказ. Высоко над землей загудели клаксоны, и дети принялись карабкаться вверх по сухим откосам речных берегов. В глубоко зарытых цистернах ожили насосы, и вода, некогда омывавшая побережье Индии, заполнила трубы. Река Каламбо вновь ожила – ее воды текли сначала медленно, а затем ринулись вперед мощным потоком, как в разгар сезона дождей. Она бежала через деревню, мимо домов, исследовательских зданий и футбольных

площадок, а потом добралась до края водопадов и ринулась вниз.

Внезапно Джейсон услышал доносящийся сверху рев, а потом вода сплошной струей обрушилась со скал в древнюю темно-зеленую чащу у подножия утесов. Леопарды медленно приближались. Теперь он уже ясно видел темные пятна на их шкурах. Самец облизнулся и тряхнул головой, отгоняя мух.

Джейсон попятился, прижавшись спиной к скале, и попытался вытереть пот с ладоней о траву. В левой руке он держал копье, а в правой – кремниевый обух топора.

Леопард припал к земле на дальней стороне русла и приготовился к прыжку. Мышцы перекатились под гладкой шкурой на бедрах зверя. Когда он бросился вперед, Джейсон швырнул в него каменный топор, промахнулся, но смог на мгновение отвлечь хищника. А затем ревущая, пенящаяся стена воды сошла вниз по ущелью, увлекая за собой камни, ветки, а заодно и леопарда. Джейсона обдало взлетевшими вверх брызгами. Он какое-то время наблюдал за тем, как течение уносит зверя. Потом леопарда прибило к берегу, он выбрался из реки и отряхнулся. Самка осторожно спустилась по ущелью к своему самцу. Пара оглянулась на двуногого человека, стоящего голышом на скале и вцепившегося в заостренную палку, затем развернулась и направилась вниз по долине, к озеру.

Джейсону пришлось сильно запрокинуть голову, чтобы увидеть самый верх колоссальной водяной колонны – искрящегося небоскреба, вырастающего из ревущей чаши с бело-зеленой пеной. Водопад был одновременно прекрасен и ужасен. А люди, находившиеся сейчас на тысячу футов выше Джейсона, могли включать и выключать его по собственной воле.

Профессор нашел подходящий брод лишь после долгих сомнений. Где глубже: здесь или там? Где течение быстрее? Где лучше опора для рук? От бассейна у подножия водопада река текла, спотыкаясь о нагромождения камней, быстрая, могучая. Но надо было перебраться на ту сторону. Мышцы в ногах уже сводило судорогами, а еще предстоял тысячефутовый подъем по крутому откосу.

Тронув браслет на запястье, Джейсон сказал:

– Спасибо за воду. Это было круто. Можете снова ее убрать?

Молчание. Он опустил взгляд на браслет и только сейчас заметил кое-что – браслет бездействовал. Джейсон понял, что его отключили.

Профессор спустился к выбранному им броду – четырехфутовой щели между двумя валунами, сквозь которую бил водяной каскад. Зачерпнув ладонями воду, он сделал

несколько больших глотков. Затем положил копье между камнями, шагнул в бурлящий поток и стал пробиваться поперек течения, пока не выволок себя на тот берег и не улегся, совершенно измотанный, на каменную плиту, бездумно любуясь водопадом. От него осталось лишь тело. Разум пребывал где-то еще – наверху с кружащимися марабу или позади, среди огрызков стеблей сахарного тростника.

Бассейн у подножия водопада был окутан брызгами, но еще его окружала аура опасности. Говорят, что сюда сбрасывали близнецов, младенцев, у которых верхние зубы прорезались первыми, и выскочек, не угодивших вождям племени. Интеллект, проснувшись на миг, констатировал, что археологу тут нашлось бы за чем понырять – однако бемба, новые хранители самых сокровенных тайн вселенной, защищали бы кости предков яростным плазменным огнем.

Снизу осыпающийся склон представлялся катастрофой – почти отвесный, высотой в полтысячи футов, с упорами для рук и ног, шириной от пары дюймов до фута, казавшимися крайне ненадежными. Ступни Джейсона были сбиты в кровь. Когда он опирался на очередной камень, тот либо держался, либо с грохотом скатывался вниз, увлекая за собой соседние и вызывая цепную реакцию, так что Джейсону приходилось уворачиваться от осыпи. Два часа ушло на то, чтобы добраться до деревьев, – да и те торчали под углом из круто уходящей вверх скалы. После бесполезных попыток избежать падающих камней Джейсон весь покрылся синяками.

Среди деревьев было прохладнее. Джейсон подтягивался от ветки к ветке, от ствола к стволу, временами соскальзывая назад по траве и вспахивая ногтями землю. А затем он все-таки упал, расцарапав спину до крови. Мухи слетались на пир целыми эскадрильями. Ладони превратились в какое-то месиво. Он поднялся уже так высоко, что весил, казалось, целую тонну.

Лишь ближе к вечеру профессор наконец-то переполз через гребень холма и остановился, глядя вниз, на водопад Каламбо и извилистую долину, ведущую к далекому озеру. А затем услышал за спиной утробный кашель и, превозмогая боль, обернулся.

Гиены выстроились среди деревьев – проверенное веками тактическое боевое расположение. У него ничего не осталось. Копье и обух топора остались внизу, в реке. Джейсон прошел так далеко, взобрался вверх по Каламбо, и казалось несправедливым, что в конце он достанется этим гнусным тварям со скалящимися пастями и несоразмерными лапами. Профессор принялся карабкаться на ближайшее дерево. Шесть, восемь футов. Гиены наблюдали за ним и терпеливо ожидали. Из их пастей капала

слюна.

И тут Джейсон издал самый жуткий, первобытный, душераздирающий крик, поднимающийся прямо от солнечного сплетения. И с этим воплем, эхом разнёсшимся по холмам, он прыгнул к ближайшей гиене. Мужчина вопил, орал от ненависти и злости, снова и снова повторяя слово «чимбви».

Гиены развернулись и убежали.

Из рощи вышел мужчина с женским именем и шестеро солдат с Калашниковыми в руках. Мужчина жестом подозвал его. Джейсон медленно покачал головой. До реки было четверть мили вниз по холму.

– Вы теперь в Танзании, – сказал Ариза. – Тут у них нет юрисдикции. Надеюсь, вы пойдете со мной по доброй воле. Но пойдете в любом случае. С вами будут хорошо обращаться. Может, мы даже вернем вас замбийцам, когда получим то, что нам нужно.

– У меня нет ничего, что могло бы вам пригодиться, – ответил Джейсон. – Так что я, пожалуй, попрощаюсь.

На Аризе была масайская накидка. Он поднял длинный посох и указал на Джейсона. Солдаты шагнули вперед.

Четыре марабу сложили свои восьмифутовые крылья и спикировали к земле. Из их клювов вылетели сгустки плазмы, и деревья вокруг Аризы и его людей мгновенно вспыхнули.

Белокожий, окровавленный, обессилевший воин развернулся спиной к ним и захромал вниз по крутому склону к краю водопада.

На другом берегу Каламбо стояла Мириам. Здесь, у самого водопада, река была мелкой, но быстрой, да и на дне лежали скользкие камни, так что падение с высоты восьмисот футов ничего хорошего не сулило. Джейсон взглянул вверх по течению – нет ли там более безопасного брода? Но затем, тряхнув головой, ступил в реку всего на расстоянии вытянутой руки от края скалы. Река текла быстро. А он совсем обессилел. Нога соскользнула, он покачнулся и опустил руку в воду, вцепившись в обломок скалы. От бездны его отделяло лишь несколько дюймов. Мириам вошла в воду, чтобы помочь ему, но Джейсон крикнул:

«Нет!» – и женщина остановилась. Очень медленно он отодвинулся от обрыва и почти на четвереньках перебрался через реку.

Мириам ничего не сказала, только молча взяла его за руку и коснулась браслета беженца коротким стержнем. Браслет, раскрывшись, свалился с запястья. Женщина поймала его в воздухе и передала Джейсону. Тот уже не мог сдерживаться.

Скрытые эмоции, подавленные чувства вырывались наружу. Стоя на самой кромке водопада, голый, истекающий кровью, он швырнул браслет в воздух и проводил его взглядом, пока тот не исчез в облаке брызг внизу. Профессору очень хотелось прыгнуть следом.

– Ну что, мои соплеменники были не так уж глупы? – спросила Мириам.

– Нет, – ответил он. – Совсем нет.

– И?

– Гравитация – это бог. Я понимаю это. Теперь я по-настоящему понимаю. То, что осталось от меня, понимает.

Мириам поливала Джейсона прохладной водой, пока не смыла всю кровь, а затем втерла бальзам в его расцарапанную спину.

Они прошли по усыпанной гравием тропе к открытой площадке, где обычно останавливались туристические автобусы. По пути Мириам протянула Джейсону кусок ткани и помогла правильно обернуть ее вокруг себя. На парковке больше сотни мужчин, женщин и детей опустились на одно колено и сказали в один голос:

– Мваполени ба Читикела. Приветствуем тебя, Маленький Вождь.

Толстая синяя свинья подлетела с севера и приземлилась позади толпы, вызвав смех и аплодисменты.

– Это тебе, детка. И, кстати, ты не вождь – но поскольку ты стал единственным физиком-теоретиком, одолевшим подъем воина, то сегодня можешь им быть, – заявила Мириам.

На угольной печурке грелся горшок. Джейсон принял у вождя Муленги, больше известного как директор исследовательского института, пластиковую трубочку, погрузил ее в озерцо кипящей пены на поверхности и сделал большой глоток горячего медового пива. Молоденькая девушка подошла к нему и застенчиво протянула пару очень приличных ботинок. Мальчик принес ему венок из огненных лилий.

Обернувшись к вождю Муленге, Джейсон сказал:

– Мне хотелось бы встретиться с тем, кто последним совершил этот подъем.

– Это будет сложновато, – улыбнувшись, ответил Муленга. – Насколько нам известно, никто не делал этого уже пару веков.

Затем все встали, чтобы выслушать речь воина. Она оказалась очень короткой.

Указав на свои ноги, Джейсон произнес:

– Белый человек чувствует себя в Африке как дома, когда носит шорты каждый день и отращивает волосы на коленках.

А потом вступили барабаны. Разноцветные лазерные лучи, скрещиваясь, рассекали небо над долиной. Каждый раз, когда они сталкивались, раздавался треск или громкий удар – резкий, утробный, оглушительный звуковой каскад, пульсация перекрестных ритмов, от которых аисты принялись выписывать экстатические петли в небе, кобры закачали головами в такт и даже *чимбви* пустились в пляс на коротких задних лапах. А далеко вниз по течению на берегах полноводной Каламбо два леопарда сплелись и заплясали среди деревьев – и вся долина, окутавшись радужным светом, запела, каждая тварь на свой голос, и звери, и птицы, и люди, все они пели древнюю песню жизни.

Голова у Джейсона кружилась от выпитого медового пива. Мириам вела его по тропе, которой он раньше не видел, – тропе к рондавелю[123]. Нет, стены тут были сделаны не из глины, а крыша – не из связок тростника, и узкие щели-окна прикрывали маленькие силовые поля, не впускавшие внутрь докучливых насекомых, однако позволявшие ветру вольно гулять по комнате. И все же выглядела эта постройка как хижина. Луна над ней казалась крупной рыбой, пытающейся вырваться из сетей Млечного Пути.

Мириам перехватила ладонь Джейсона и прижала кончик его пальца к сенсору на двери. Дверь распахнулась, и внутри вспыхнул свет, мягкий и теплый.

– Это твой новый дом, – сказала женщина. – Можешь поменять обстановку на свой вкус.

Они вошли, и дверь тихонько закрылась за ними.

Широкая кровать была покрыта золотыми овечьими шкурами.

– Я просто подумала, что у каждого Ясона должно быть свое руно.

Он рассмеялся, а потом рассмеялась и она. Так они и стояли – близко друг к другу, но ощущая неловкость.

Спустя несколько секунд она сказала:

– Кажется, я где-то читала, что ты специалист по теории узлов.

Он пожал плечами с показной скромностью.

– Тогда поможешь мне с этим? – спросила она, указывая на узел обернутой вокруг нее *чиквембе*.

И Джейсон развязал узел, и они упали вместе на золотое руно, и занимались любовью, пока не зашла луна и солнце не приготовилось явить Африке свое раскрасневшееся от смущения лицо.

Солнечные лучи осветили их переплетенные тела: нога

Мириам лежала поперек бедер Джейсона.

Глаза женщины открылись и внезапно наполнились слезами.

– У нас есть к тебе ужасная просьба, новорожденный воин, – сказала она.

– Какая? – спросил он и поцеловал ее в нос.

После долгого молчания Мириам ответила:

– Нам надо, чтобы ты вернулся в Европу.

Где-то вдали расхохоталась *чимбви,* и солнце остановилось, и весь мир замер. Внизу по течению реки, на берегу озера Танганьика, лежали туши двух крокодилов, аккуратно пробуравленные лазерными лучами. Но Мириам не собиралась рассказывать об этом Джейсону, а крокодилы, даже если бы и хотели, уже не могли.

Роберт Рид
Мертвец бежит

Перед вами еще одно произведете Роберта Рида: его «История терраформирования» появлялась выше в этом сборнике. На сей раз Рид мастерски объединил загадочное убийство и по-настоящему научно-фантастическую историю, в которой элемент фантастики весьма существенен как для развития повествования, так и для раскрытия преступления. К тому же это увлекательный рассказ о жизни спортсменов, поскольку бег как вид спорта является неотъемлемой частью сюжета. Рид и прежде использовал спортивную тематику в своих произведениях, и его очевидная осведомленность в вопросах бегового спорта проявляется в том, как эффектно Рид бросает читателя к финишной черте…

Глава первая

Лукас просыпается от телефонного звонка. Он хватает устройство с тумбочки, крепит к правой щеке. Скорее всего, это кто-то из списка разрешенных контактов, поэтому Лукас подключается к линии. Он не слишком силен в цифрах, с чтением и того хуже, однако у него настоящий дар различать звуки и голоса. В трубке по-особенному молчат. Тогда он понимает.

– Во сколько бежим? – спрашивает голос.

– Ты не бежишь, – отвечает Лукас. – Ты мертв.

И отключается.

Почти сразу Лукас ощущает жалость. И капельку вины. Но главным образом он злится, поскольку уже знает, чем все закончится.

Часы на тумбочке и телефон показывают одно и то же время. Пять часов три минуты утра. То, что называет себя Уэйдом Таннером, прямо сейчас берет барьеры, пытаясь вновь прорваться в список разрешенных номеров. Такой забег может длиться десять секунд, а может и десять минут. И пока этот разговор не завершится, заснуть не получится. Но если Лукас сам наберет личный номер Уэйда, то создастся впечатление, будто он не прочь поболтать, а это вовсе не так. Вот почему он велит своему телефону перестать сопротивляться и принимать все входящие.

И звонки не заставляют себя долго ждать.

– Знаешь, что тебе нужно? – произносит сексуальный голос девушки-иностранки. – Развлечься.

Лукас дает отбой и смотрит на дисплей. Входящих сигналов, умоляющих его об ответе, уже дюжина. Две дюжины. Помечена всякая хренотень для взрослых или фуфло о пляжной распродаже. Он выбирает наугад среди оставшихся звонков, и мужской голос произносит:

– Умоляю, не вешай трубку.

Акцент кажется знакомым и приятным, слова звучат напевно.

– Я живу в Гоа, и у меня нет денег на кондиционер, и на еду тоже нет. Но у меня есть дочь, очень хорошенькая.

Лукас стонет.

– И еще маленький сын, – продолжает голос, запинаясь в конце каждого слова. – Тебе знакомо чувство отчаяния, друг мой? Тебе понятно, на что способен пойти отец для спасения своей драгоценной кровиночки?

Лукас отключает звонок и принимает очередной входящий сигнал.

В трубку возвращается молчание, таинственная пустота. И

опять то, что не Уэйд, произносит:

– Так когда мы побежим?

– В семь часов, – отвечает Лукас.

– От «Игрека»[124]?

– Само собой.

Хриплый голос Лукаса всегда кажется слишком громким – самую малость; широкий выразительный рот отчетливо артикулирует звуки. Лицо его, обожженное солнцем и обветренное, как у всех спортсменов-бегунов, несет печать еще более тяжких испытаний. Сверкающие карие глаза в постоянном поиске препятствий. Длинные черные волосы седеют и редеют на макушке, зато тело, несмотря на сорок четыре года, находится в прекрасной форме: широкие плечи, мощная грудь и тонкая талия, а ноги исключительно длинные.

– Ты бежишь с нами? – спрашивает Уэйд.

– Да, – Лукас садится в кровати, холодная тьма обступает его со всех сторон.

– Кто еще собирается?

Едва Уэйд начинает говорить, на его голос тут же накладываются другие звуки. Кажется, что покойный собеседник сидит в большом помещении, заполненном людьми, и все они стараются вести себя тихо, пока он общается. Лукас так и видит перед собой эту картинку: куча людей толпится и толкается, шуметь никто не хочет, но каждому из них тоже нужно шептаться, нужно дышать.

– Кто еще? – повторяет Уэйд.

– Все, полагаю.

– Хорошо.

– А сейчас мне надо поспать.

– Пользу сна переоценивают, – говорит Уэйд.

– Как и многое другое.

Голос смеется. Раньше, услышав подобный звук, можно было подумать, что ты свихнулся. А сейчас это вроде как в порядке вещей.

– Ладно, больше тебя не беспокою, – говорит Уэйд. – К тому же мне надо еще кое-кому позвонить.

И снова в трубке воцаряется *правильная* пустота. То самое отсутствие звука, когда на том конце линии никто ничего не говорит.

Лукасу больше не спится, но он всегда может выпить кофе.

К половине седьмого утра содержимое целого кофейника уже переместилось в его желудок и растекается по кровеносным сосудам. В доме около десяти градусов тепла, поэтому на нем

плотная полипропиленовая фуфайка и синяя ветровка с черными штанами – все эти вещи служат ему не первый год. А вот кроссовки почти новые. В телевизоре на кухне Стив Маккуин гоняется за наемными убийцами среднего возраста вместо того, чтобы заняться чем-нибудь путным – например, переспать с Жаклин Биссе. Маккуин мчится на машине, а Лукас протирает кофеварку и столешницу, а еще кружку с эмблемой «Бостонский марафон – 17». В эфир запускают рекламу, очередную просьбу о материальной помощи; со смесью жалости и раздражения Лукас выключает телевизор. Затем он опускает ручку термостата на пять градусов вниз и надевает чистые кольчужные перчатки мясника и шерстяные варежки, которым стукнуло почти пятнадцать лет. Головная повязка болтается у него на шее. Он натягивает черную вязаную шапочку, все еще пахнущую нафталиновыми шариками. Рюкзак ждет его у запасного выхода, готовый отправиться с ним в путь. Лукас надевает его, застегивает ремни. Остается выполнить лишь еще один ритуал – закинуть правую ногу на табуретку и приладить поудобнее чудо-браслет на голой лодыжке, чтобы тот мог беспрепятственно соприкасаться с его телом и сообщать куда надо о том, что его носитель трезв.

Воздух снаружи ледяной и промозглый. Лукас бежит трусцой по переулку, сворачивает туда, где ветер. Руки движутся свободно, придавая ускорение и без того широкому шагу. Даже при неспешном темпе заметно, как стремителен Лукас. Мечта любого тренера – открыть миру подобный талант: эдакое сочетание силы, грации и врожденной выносливости. Шаг такой плавный, такой грациозный. Такой совершенный. Поставь на эту голову кружку пива – ни одна капля не выплеснется. Однако по закону природы в таком идеальном теле должны водиться хоть какие-нибудь мозги, а чтобы осушить чертову кружку пива, есть много других способов.

Необязательно читать новости, чтобы узнавать новости.

Где-то вдалеке на два голоса воют сирены, каждая в погоне за собственными неприятностями. С выбоинами и колдобинами на этой улице не соскучишься, из половины фонарей выкручены лампочки: и городскому бюджету экономия, и пару-тройку кусков угля можно сберечь. В спящих домах темно и тихо, каждый из них под завязку забит изоляционными материалами и оборудован дровяной печью. В большинстве дворов имеется свой огород с компостной кучей и бочкой дождевой воды. Половина крыш обшита солнечными панелями. Когда Лукас въехал в свой дом, вдоль улицы росли огромные робинии и болотные дубы. Однако большинство этих деревьев срубили на дрова – и потому что их

кроны заслоняли от солнца дома и огороды. Потом те же самые дровосеки высадили молодые деревца – угольные патриоты повелись на налоговые заманухи; вот только к тому времени самые могучие деревья уже были принесены в жертву ради нескольких ночей дымного тепла.

Необязательно путешествовать по свету, чтобы знать, что где происходит.

Последний дом в этом квартале являет собой территорию Флориды. Переселенцы оттуда поселились в доме пару лет назад. Они хвастали своими тучными накоплениями и гениальными детишками – звездами спорта. Но рабочих мест, кроме Интернета да тяжкого труда на полях с ветряными мельницами, здесь нет, а сбережения всегда кончаются раньше, чем хотелось бы. Их большие автомобили оказались на федеральных свалках во время программы оптимизации. Лишняя мебель и драгоценности были распроданы в счет уплаты аренды. Катер и трейлер украсились табличками «Продается»: так они и торчат за гаражами, где их припарковали навечно. А потом к соседям приехали родственнички из Майами, уговорили впустить к себе пожить – именно тогда в полицию стали регулярно поступать жалобы на пьянки и драки, а затем парочку звезд спорта арестовали за контрабанду. С тех самых пор соседи из привилегированных эмигрантов официально превратились в простых беженцев.

Когда Лукас бежит против ветра, у него болят только щеки, а больше ничего. Поворачивает на запад – здесь уже теплее градусов на десять. В темноте лучше держаться середины улицы и следить за всем, что может ходить или бегать. Люди скорее бросят собственных детей и свои дома на затопленных берегах, но только не питомцев – питбулей и волкодавов. Конечно, разумнее бежать с выключенным телефоном, но Лукасу приятнее иметь дело сразу с двумя мирами. Его отдельный маленький мирок – это славное устройство, оно питается движением, жизнью. Крошечная проекция висит перед правым глазом Лукаса. Сейчас, пробегая по улице вместе с воображаемыми собаками, он не обращает внимания на экран. Тут-то и приходит звонок.

– Да?

– Ты еще не убежал? – спрашивает Уэйд.

– Нет, все еще сижу, – говорит Лукас. – Пью кофе, смотрю на умерших людей по телевизору.

В ответ звучит смешок.

– Согласно показаниям GPS, ты бежишь. Темп – миля за восемь минут: для тебя это все равно что пешком, нога за ногу.

– А копы знают? – спрашивает Лукас.

– Знают что?

– Что ты позаимствовал у них систему слежения?

– Ну и? Собираешься сдать меня им?

Нет, но на этом Лукас отключает телефон. К нему возвращается прежняя злость, и следующие несколько кварталов его ноги буквально летят над землей.

На улице возле здания клуба «Игрек», что в деловой части города, стоят люди. Пловцы и тяжелоатлеты кутаются в теплые шубы; закаленные бегуны одеты легче, в нейлон и полипропилен. Тротуар завален спортивными сумками. Люди стараются держаться спиной к ветру. При каждом выдохе или сказанном слове над их головами поднимаются струйки пара, подсвеченные голубоватым сиянием из-за стеклянной двери «Игрека».

Лукас замедляет бег.

Чей-то ворчливый голос произносит:

– Кто-то тут вскочил спозаранок.

Перейдя с бега трусцой на целеустремленный шаг, Лукас всматривается в лица и улыбается – сперва Одри, а потом уже всем остальным.

– Где же твой велосипед? – вопрошает голос.

– Пит, – произносит Одри. – Прекрати.

Но искушение слишком велико. С добродушной угрозой в голосе Пит Кадзян интересуется:

– Неужели копы и велосипед твой забрали?

– Да, – говорит Лукас. – Мой велосипед, и мои коньки, и мои лыжи. У меня и лошадка-пони была, но они ее застрелили. Так, на всякий случай.

Все, включая Пита, дружно смеются над остроумным ответом.

Лукас сбрасывает рюкзак и встряхивает руками. Пальцы затекли от ремней.

– Семь часов, – произносит Пит, дергая одну из запертых дверей. – А что важные птицы намерены делать сегодня?

– Сидеть на крылечке и каркать, – откликается Лукас.

Бегуны смеются.

– Какая сегодня дистанция? – спрашивает Одри.

– Миль двенадцать, а может, и четырнадцать, – отвечает Пит.

– Четырнадцать – это правильно, – говорит Даг Гатлин. Быстрый Даг. Он старше всех остальных, но тело у него поджарое, как у гончей.

Даг Крауз – самый младший из всех и самый крупный.

– Десять миль звучит куда как лучше, – говорит он.

– Сара и Мастерс тоже собираются, – сообщает Быстрый Даг.

– Да, мечтать не вредно, – говорит Пит, смеясь.

Закатив от досады глаза, Гатлин поясняет Краузу:

– Они встретят нас здесь и пораньше вернутся назад. И ты сможешь закончить вместе с ними.

– А Варнер где? – интересуется Крауз.

– Наверняка опоздает минут на пять и захочет посрать, – фыркает Пит. Бегуны смеются.

И тогда широкоплечая пловчиха начинает колотить в запертую дверь. Крауз смотрит на Лукаса.

– Он тебе звонил?

– Да.

– Мне он звонил дважды, – говорит Гатлин.

– Всем звонил с утра пораньше, хотя бы по разу, – произносит Пит. Бегуны вглядываются в пустой сверкающий вестибюль.

– Меня он обычно не беспокоит, – замечает Крауз.

– Должно быть, плохая ночка выдалась на небесах, – говорит Лукас. Бегуны сдержанно смеются – скорее для того, чтобы показать, что шутка была смешной, чем потому, что им действительно весело.

Тем временем пловчиха отходит от двери.

– Здесь Дин, – говорит она.

Дин – это высокий рыхлый парень, он все делает неспешно. Дин неторопливо идет через вестибюль. Вставляет ключ в замок, будто обезвреживает бомбу. Судя по тому, как медленно открывается дверь, весит она полтонны, не меньше.

– Что, холодно? – писклявым голоском интересуется Дин.

Неразборчивые ответы поднимаются в воздух тонкими струйками пара.

В вестибюле выстраивается очередь. Одри занимает место рядом с Лукасом:

– Думаешь, в этом все дело? Плохая ночка ему выдалась?

– Я вообще ни о чем не думаю, – говорит Лукас. – Если с утра я надеваю кроссовки, значит, день будет удачным.

Глава вторая

На стойке регистрации нужно предъявить большие и указательные пальцы – для подтверждения членства. Красная табличка предписывает посетителям брать только по одному полотенцу, но такими полотенцами, как в «Игреке», даже котенка не высушишь. Лукас хватает два, Пит – три. Оба Дата спешат первыми подняться по узкой зигзагообразной лестнице. Плакаты предупреждают: «Окрашено!», хотя краска высохла неделю назад, и запрещают мальчикам без сопровождения взрослых находиться в мужской раздевалке. На верхней площадке объявление, наклеенное на стальную дверь, извещает о том, что из-за проблем с бойлером горячей воды нет. Гатлин щелкает выключателями. Лампы освещают длинное узкое помещение, загроможденное бетонными столбами, выкрашенными в желтый цвет, и серыми шкафчиками. Ковер на полу серо-зеленый, вытертый. Воздух пропах дезинфекцией для туалетов и лосьоном после бритья. Доски для объявлений пестрят листовками с информацией о занятиях йогой, о программах поддержки физической формы в зимний период, а также о том, как достичь успеха в жизни. О случаях сомнительного поведения необходимо сообщать на стойку регистрации. Использованные полотенца следует выбрасывать только в специально предназначенные для этого корзины. Шкафчики необходимо запирать на ключ. «Игрек» не несет ответственности за украденные вещи. Но если оставите висячий замок на дневном шкафчике на ночь, то его срежут, а ваше имущество конфискуют.

Это твой «*Игрек*», гласит последнее объявление.

Пит арендует шкафчик в заднем ряду; шкафчик Лукаса рядом. Из соседнего прохода доносится голос Гатлина:

– Какой маршрут, кто-нибудь знает?

– Я знаю, – говорит Пит и умолкает. Ему едва за сорок, у него коротко стриженные седеющие волосы, волевое лицо. Взгляд ярко-карих серьезных глаз легко становится сердитым. Пит совсем не похож на бегуна, но если у человека есть желание и он здоров, то почему бы ему и не потусить со сливками местного общества.

Лукас открывает шкафчик, скидывает туда рюкзак и запирает дверцу. И снова ставит ногу на скамейку, чтобы поправить монитор на лодыжке. Вода – это хорошо, но из фонтанчиков уже давно капает фреон – ради экономии энергии. Лучше открыть кран с холодной водой и подставить руки вместо чаши: спустишь пару галлонов – и можно утолить жажду. Бумажные полотенца

такие крошечные. Он отрывает сразу пять штук и вытирает руки насухо, наблюдая за тем, как какой-то старик включает в сеть старый телевизор, видавший лучшие дни. Аппарату нужно пройтись по всем каналам, чтобы перепрограммировать свой маленький интеллект. Именно в этот момент выпитый Лукасом кофе дает о себе знать. Писсуар уже заполнен темной мочой, но смыв не включится, пока запах не станет слишком скверным. Лукас возвращается к телевизору и обнаруживает, что включен канал «Биг Фокс». Блондинистая красотка рассказывает о том, что кратковременное похолодание проникло в самое сердце страны.

– У нас зима как в старые добрые времена, – говорит она, и тридцать секунд на экране показывают снег, и санки, и счастливых раскрасневшихся детишек.

– Так, я тут ни при чем, – произносит старик.

Затем в новостях начинают говорить о таких местах, о которых Лукас вообще не имеет представления и вряд ли смог бы найти их на карте. Какие-то смуглые люди дерутся за горящие нефтяные скважины. Тощие черные ребята идут по дну высохшего озера. Белый толстяк с заметным акцентом кричит о своих правах и о том, что не желает быть человеком второго сорта. Затем идет сюжет о леднике Пайн-Айленд и об угрожающе затянувшемся антарктическом лете. В кадре видно, как очередной пласт отрывается от ледника и обрушивается в море, где уже плавают десятки тысяч таких же льдин. Но блондиночка на экране – настоящая актриса. Не желая печалиться, она напоминает своим зрителям о том, что, по прогнозу некоторых ученых специалистов, холодная талая вода вот-вот покончит со всеми неприятностями. Скорее игриво, а не с ученым видом она произносит:

– Океаны вокруг ледовых полей охладятся, и восстановится нормальная температура. И тогда мы сможем вернуться к привычной жизни.

– Что ж, это хорошая новость, – со скверным смешком замечает старик и принимается искать канал получше.

Пит и оба Дага исчезли. Лукас направляется к лестнице, но тут стальная дверь с шумом распахивается. Входит Варнер, все еще в уличной одежде.

– Сейчас буду. Вот только для начала заскочу в туалет.

Этому парню лет тридцать пять, у него рыжие волосы и веснушки, и он всегда опаздывает. Лукас окидывает его взглядом.

– Что? Уже две минуты восьмого.

– Я ничего не говорил.

– Ну да. Зато наш призрак звонил мне уже три раза, велел, черт возьми, поторопиться.

Лукас спускается по лестнице. Одри стоит в вестибюле и читает «Геральд» на общественном экране. Для бегуньи из элиты у нее высокий рост – почти метр восемьдесят, но, в отличие от большинства быстроногих девушек, она не сидит на диетах, не морит себя голодом. У нее волевое, но симпатичное лицо, светлые волосы очень коротко подстрижены, и лишь морщинки вокруг светло-карих глаз выдают возраст. На Одри серебристые лосины и черная ветровка; рукавицы и головная повязка пока что лежат на конторке. Одри всегда выглядит спокойной и отдохнувшей. Она хорошая бегунья, но если бы этим утром сюда никто не явился, она просто прошагала бы миль восемь и была бы вполне этим довольна.

– А где парни? – спрашивает Лукас.

– За углом.

– Обо мне что-нибудь есть?

Она выключает экран и поворачивается к нему:

– Где твой велосипед?

– Слишком холодно, чтобы крутить педали.

– Если надо будет куда-то подвезти – позвони.

– Так и сделаю, – говорит он.

Входная дверь открывается, в комнату влетает холодный ветер.

Этан Мастерс словно бы шагнул в холл «Игрека» прямо со страниц каталога спортивной одежды. Его спортивная куртка и штаны эффектно украшены белыми вставками, новенькие кроссовки «Найк» – только что из коробки, перчатки и вязаная шапочка запорошены свежевыпавшим снежком, а запаса воды на поясе хватило бы на четыре марафонские дистанции. Но самый модный аксессуар – это стильные очки, наполовину скрывающие худое, тщательно выбритое лицо. Вычислительные мощности этого маленького устройства превышают все, что было разработано НАСА за XX век. Это и телефон, и развлекательный центр. Мастерс всегда знает свой пульс и содержание электролитов в крови; знает, где он находится и с какой скоростью движется. Должно быть, после такого досадно переключаться на обычное зрение, чтобы рассмотреть вестибюль.

– Они еще здесь, – произносит Мастерс. – Я же говорил тебе, что мы будем вовремя.

Вслед за ним входит Сара. Насколько Мастерс долговяз, настолько она не вышла ростом; у нее круглое личико маленькой девочки и длинные каштановые волосы, забранные в хвост. В отличие от своего партнера по тренировкам, Сара предпочитает видавшие виды свитера и заштопанные розовые митенки, а ее коричневая вязаная шапочка выглядит так, будто чудом избежала

помойки. Они женаты, но не друг на друге: их связывает десять тысяч миль и множество сочных сплетен.

– Все здесь? – спрашивает Мастерс, прислоняясь к стене, чтобы потянуть икроножные мышцы. – Если задержимся, потом придется поднажать.

– Варнер только что поднялся наверх, – говорит Одри.

– Значит, мы не скоро выдвинемся, – замечает Мастерс.

Сара не произносит ни слова. Стрельнув глазками, она берется за телефон и идет вглубь вестибюля.

Лукас идет следом и проходит мимо нее за угол. Там, в дальней части вестибюля, есть длинное узкое помещение, выходящее на плавательный бассейн. Прямо за стеклянной стеной – овал стадиона и беговые дорожки. Пит и оба Дата треплются с какими-то разодетыми, малотренированными бегунами, которые явно имеют отношение к марафонским курсам – и, значит, к тому лысому человеку, который сидит в одиночестве у автомата со спортивными напитками «Гаторейд».

– Сколько бежим, Тренер? – окликает его Лукас.

Человек поднимает на него взгляд. Весело, как какой-нибудь рождественский эльф, он отвечает:

– Всего-навсего шестнадцать.

Можно подумать, что шестнадцать миль – это ерунда. Можно подумать, что он сам собирается бежать. Вот только, судя по одежде, Тренер Эйбл поедет в автомобиле. Может быть, если надо будет, постоит недолго на одном из защищенных от ветра перекрестков. У Тренера больная спина и изрядный вес. Из своих пятидесяти с гаком тридцать лет он работает тренером по бегу в университете Джуэл, занимается с новичками, готовит их к традиционному весеннему марафону.

Эйбл долго, пристально разглядывает Лукаса. Он всегда так делает. И у него всегда находится в запасе несколько тренерских советов, которыми он делится совершенно бесплатно.

– Похоже, тебе тяжко даются мили, – произносит он.

– Возможно, и так, – отвечает Лукас.

– Работаешь над скоростью?

– Когда не забываю.

– Попробуй в этом году пробежать марафон. Проверишь, есть ли еще силы в твоих дряблых ногах.

– Может, и попробую.

Лукас смотрит на остальных бегунов. Один из них, парень с акцентом, говорит о погоде, о том, что у них в Луизиане никогда не бывало таких холодов. Пит качает головой.

– Ну так отрасти ласты и плыви к себе домой, – раздраженно произносит он.

Умеет же он сказануть такое, что всем смешно.

Тренер кашляет: этот тяжелый влажный звук, похожий на лай, призван привлечь внимание.

– Скажи-ка мне, Пеппер, ты хоть раз в жизни пробовал всерьез отнестись к марафону? Потренироваться, выложиться на все сто и добиться результата?

– Да ладно! Похоже, ты предлагаешь мне поработать.

– Думаю, ты бы запросто пробежал быстрее, чем за 2:30, – говорит Эйбл. – А может, и того быстрее, как знать, если бы смог соблюдать режим в течение года, не срываться.

Лукас вращает плечами, не говоря ни слова.

– Есть специальные программы, – говорит тренер. – И биометрические тесты. Имея результаты забегов, мы смогли бы точно высчитать, за сколько ты пробежишь дистанцию, с учетом твоего возраста. По моим предположениям – за 2:13. Ведь было бы хорошо узнать, разве нет?

– Было бы хорошо, – соглашается Лукас. Снова начинает разминать плечи и продолжает: – Но, как говаривал мой папаша, было бы здорово объять необъятное, да только это невозможно.

Появляется Одри.

– Варнер готов.

Вместе с остальными Лукас натягивает вязаную шапочку и идет следом за ней. Перед входной дверью собралось восемь человек. Небо светлеет, но солнце еще не взошло. У каждого из восьмерых на голове телефонная гарнитура, они настраивают ее привычными точными движениями. Помешать им теперь могут разве что экстренные сверхсрочные вызовы. Наконец все участники группы надевают рукавицы и перчатки и выходят наружу. Фыркнув как лошадь, Мастерс говорит:

– Надо бежать на север.

– Нет, не надо, – возражает Пит. – Мы бежим к Ясеневой протоке.

Это становится неожиданностью для всех.

– Но ты хочешь начать бег против ветра, – говорит Мастерс. – Иными словами, пока вернемся – промокнем и замерзнем.

– На севере вообще нет деревьев, даже самых паршивых, – отвечает Пит. – А мне хочется туда, где есть леса и красивые виды.

– А может, как всегда? – спрашивает Варнер.

Их обычный маршрут пролегает петлей через центр города.

– Я бы предпочла привычный путь, – говорит Одри.

Лукасу не терпится начать движение. Куда – уже не важно.

И тогда Пит говорит:

– У нас пополнение.

Паренек, вдвое младше любого из них, спешит к ним через дорогу. В уличной одежде и в хорошем новом пальто, Харрис держит одной рукой огромную спортивную сумку.

– Вы как побежите? – спрашивает он. – Я вас догоню.

– Как обычно, – отвечает Пит. Уверенно, без колебаний.

– На восток вокруг университета? – уточняет Харрис.

– Конечно.

Юноша мчится внутрь здания.

Пит обводит всех тяжелым взглядом.

– Так, ладно, берем курс на Ясеневую протоку. И никаких возражений. Восемь обманщиков начинают свой бег трусцой, все молчат, а по пятам за ними следует еле уловимое чувство вины.

Глава третья

Наступил вторник, а значит, предстояло отрабатывать ускорение на университетском треке – выцветшей оранжевой полосе из растрескавшегося полиуретана с разбитыми в хлам беговыми дорожками. Лукас явился последним. Было не так жарко, как это обычно бывает августовскими вечерами, однако воздух после вчерашней ночной грозы стал вязким, и в нем чувствовалась опасность. Остальные участники группы бегали трусцой по дальней дорожке. Никто ни с кем не разговаривал. Лукас поставил свой велосипед, прошел через турникет, пересек беговую дорожку, и футбольное поле, и еще одну дорожку, прогулялся под гостевыми трибунами. Он спугнул стаю голубей: птицы разлетелись, оставив после себя перья и эхо хлопающих крыльев. Лукас открыл рюкзак, снял верхнюю одежду, надел шорты и кроссовки, а майку доставать не стал. Укладывая вещи, он заметил, что руки у него дрожат, и смотрел на них, пока телефонный звонок не вывел его из оцепенения.

Он включил связь.

– Ты там, на треке?

Голос Уэйда.

– Да.

– Ты меня видишь?

– Уэйд?

– Мои данные не обновили, – произнес голос. – Прошло двадцать четыре часа. Мне положено позвонить тебе через двадцать четыре часа.

Лукас вышел из-под трибун.

– Кто это?

– У Уэйда Таннера был аватар. Виртуальный двойник.

– Да, знаю.

– Я и есть виртуальный двойник, Лукас.

Группа бегунов проходила южный вираж – Уэйда среди них не было.

– А ты не обращался в магазин? – спросил Лукас.

– Нет, потому что в списке под номером один значишься ты, – сказал двойник. – Если сутки проходят без обновления, я в первую очередь должен связаться с тобой.

– Со мной.

– Ты живешь рядом, и потом ты знаешь, где запасной ключ. Мы хотим, чтобы ты осмотрел дом, – голос затих, затем зазвучал снова. – Я изучил варианты. Проверь душ. Душевые – очень коварные места.

Шагая по бурой траве, Лукас начал смеяться. Ничего смешного не было, но смех – это единственное, что ему оставалось.

– Что ты сегодня отрабатываешь на тренировке? – произнес голос.

– Не знаю.

– Влажность большая, – сказал голос. – Чередуй бег и ходьбу: после каждой стометровки пройдись шагом полкруга, потом опять сто метров ускорения. После шести кругов – отдых, ну а если собьешься со счета – иди домой.

Вполне возможно, что это настоящий Уэйд.

– Ты говоришь в точности как он.

– Так и должно быть, – двойник немного помолчал, потом прибавил: – У меня плохое предчувствие, Лукас.

– Почему это?

– Я ведь еще и голосовая почта. Люди звонят весь день. Никто не знает, где Уэйд.

Лукас промолчал.

– Ты проверишь дом?

– Как только отработаю стометровки.

– Спасибо, дружище.

Линия отключилась.

Большинство бегунов держалось кучкой – вместе прятались от солнца на небольшом островке тени. Одри вышагивала туда-сюда по дорожке и говорила по телефону. Не было только Гатлина и Уэйда. Юный новичок подскочил к Лукасу:

– Так мы бежим или нет?

– Отстань от него, – сказал Пит. – Наш парень еще не отошел от тяжелых выходных.

Смех у Харриса громкий и какой-то шероховатый.

– Да, был я на той вечеринке. Видал, как он бухает.

Бегуны отводили взгляд. Им было неловко за Лукаса.

– Знавал я нескольких пьянчуг, – продолжал парнишка. – Но никогда, ни разу в жизни не видел, чтобы кто-то мог вылакать столько бухла.

Лукас посмотрел мимо него.

– Кто-нибудь видел Уэйда?

– Этот паршивец опаздывает, – откликнулся Пит.

Остальные сказали «нет» или отрицательно покачали головами. Все, кроме Харриса, который продолжал ухмыляться, вперив взгляд в Лукаса.

Лукасу нужно было перевести дух.

– Мне только что звонил виртуальный двойник Уэйда. От того нет вестей, и двойник беспокоится.

– С чего вдруг двойнику звонить тебе? – спросила Сара.

Лукас молча пожал плечами.

– У Уэйда есть аватар? – спросил Харрис.

– Да, есть, – ответил Мастерс. – На самом деле это я помог его установить.

Лукас помахал рукой; все взгляды снова обратились к нему.

– Я знаю, что они такое, – произнес он. – Только не имею ни малейшего понятия о том, как они устроены.

Мастерс вышел из тени, его очки мгновенно потемнели на солнце.

– По сути это просто досье человека, – уверенным голосом всезнайки начал он. – Информация, которую вы хотите защитить, хранится в пуле серверов повышенной надежности. Там есть ваши банковские данные, ваши видеозаписи. Ежедневники, беговые данные, вообще все, что вас волнует. Вы можете даже смоделировать свою личность и голос, создав себе неплохую замену.

– Уэйд делает это уже несколько лет, – сказала Сара.

Все обернулись к ней, ожидая объяснений.

Тихая маленькая Сара улыбнулась. Всеобщее внимание ее явно нервировало.

– А вы не знаете? Он записывает все, чем занимается, изо дня в день. Говорит, это помогает ему в магазине, позволяет запомнить каждого покупателя. Он даже камеру на телефоне держит включенной, записывает все, что видит и слышит, чтобы позже загрузить записи на удаленный компьютер.

– Смахивает на навязчивую идею, – произнес Крауз.

– У кого это навязчивая идея? – вступила в разговор Одри.

– Хранить так много видеоматериалов – это очень дорогое удовольствие, – сказал Харрис. – Как может простой продавец обуви позволить себе иметь такого шикарного двойника?

– У продавца обуви были богатые родители, – заметил Пит. – И они рано умерли, что было очень любезно с их стороны.

После этих слов все умолкли.

Лукас подошел к Одри:

– А тебе тоже звонил двойник Уэйда?

– Нет, всего лишь мой муж.

Харрис встал между ними.

– Давайте же бегать, – призвал он.

– Нет настроения, – сказал Лукас.

Парнишка оглядел всех по очереди и снова начал насмехаться над Лукасом:

– Так что это с тобой было? Ты глушил на вечеринке все подряд… а потом вроде как исчез…

– У него была назначена встреча, – сказал Пит.

– Что за встреча?

Пит покачал головой.

– С полицией.

Одри все это явно не нравилось.

– Слушайте все, кончайте. Завязывайте.

– А откуда ты столько знаешь про Уэйда и его двойника? – расспрашивал Мастерс Сару.

Сара пожала плечами и улыбнулась:

– Просто знаю.

Мастерсу пришлось довольствоваться этим ответом. Он повернулся к Лукасу:

– Этот звонок – сбой программы. Уэйд не обновил ее вчера, это привело в действие систему оповещения. Вот и все.

Лукас кивнул. Ему очень хотелось в это верить.

– Давайте просто побежим, – сказал Харрис.

– Это у вас в штате Юта так принято? – поинтересовался Пит. – Приставать к людям, пока не получишь то, что хочешь?

– Случается иногда, – согласился Харрис.

Этот парнишка появился на треке стадиона шесть недель назад – беженец, спасавшийся от засухи и лесных пожаров. Харрис любил поговорить. Он плел всем и каждому о том, как отправится в прерию строить ветряные мельницы. Сам он, разумеется, ни в чем не смыслил и ничего путного не умел. Зато природа одарила его парой длинных, мощных и очень молодых ног, лучезарным взглядом и широкой улыбкой, которая даже могла очаровать вас – на пару минут.

– Я побежал, – сказал он, по-прежнему улыбаясь. И пошел к внутренней беговой дорожке.

Остальные двинулись за ним.

Все, кроме Лукаса.

С проезжей части съехал небольшой автомобиль BMW; из машины вылез Гатлин. Одет он был не для занятий бегом. В летнем костюме при галстуке этот пятидесятилетний мужчина с вьющимися седыми волосами являл собой воплощение респектабельности. Он миновал турникет; медленно, почему-то продолжая держаться за цепь ограждения, двинулся вперед. Выглядел печальным, а потом и вовсе помрачнел. Немного помешкав, пошел к бегунам.

– Ну вот, а мы уже собирались тебя искать, – сказал Пит.

Гатлин уставился на них, чуть приоткрыв рот. Темно-карие глаза смотрели потерянно.

– Мне только что позвонили, – заговорил он. – От приятеля, который работает в мэрии. Он решил, что мне следует знать.

Сегодня утром дети, игравшие возле Ясеневой протоки, нашли тело. В полиции думают, что знают, кто это.

– Уэйд Таннер, – сказал Лукас.

Удивленный Гатлин выпрямился:

– Как ты узнал?

– Мы получили подсказку, – ответил Пит. Больше он ничего не смог сказать.

Молчали все. Не шевелились, никак не реагировали – кроме Гатлина, который был сбит с толку тем, что у него украли эту страшную новость. Слышен был только шелест ветра и слабый тихий стон, словно бы шедший из ниоткуда.

Сара закрыла рот, и стон умолк.

Деловая часть города просыпается с трудом. Маршрутные автобусы катятся мимо еще безлюдных остановок. Банковские служащие пробираются по темным вестибюлям, банкоматы пересчитывают горы электронных денег. В жилых домах зажигается свет, но в гостиницах светло круглые сутки: в соответствии с планом правительства, они заполнены беженцами, которые живут здесь в тревожном ожидании. Две крытые остановки для автобусов дальнего следования расположены друг напротив друга, здесь топят соевым маслом, чтобы спящие путешественники не мерзли. Из здания автобусного вокзала выходит бородатый человек в превосходном костюме, с планшетом в руках. Правда, костюм у него грязный, колени перепачканы смазкой, словно бородач ползал по ней, а планшет не работает. Вдобавок ко всему бородач вещает громким безумным голосом:

– Оставьте свою гордыню. Смиритесь с тем, что Сатана – наш правитель, и давайте строить чистый, эффективный Ад.

Темп ускоряется, бегуны оказываются на территории бывших товарных складов. Под ногами вместо бетона – булыжная брусчатка с черными заплатками асфальта. С некоторых пор малоэтажные кирпичные здания обрели новую жизнь: теперь здесь располагаются бары, ломбарды, кофейни плюс один небольшой специализированный магазин с товарами для спортсменов-бегунов. Улица спускается к пойме реки, ее замыкает массивное каменное здание XIX века. Это место, в том или ином виде, всегда служило городским железнодорожным вокзалом. Человек шесть пассажиров с багажом ждут на платформе, надеясь на утренний поезд, идущий на запад. Заметив бегунов, маленький мальчик машет рукой.

– Эй, вы, – говорит он. – Привет…

Все молчат. Группа сворачивает на юг, мрачное настроение

не покидает их до самого Германтауна. Теперь на их пути вместо складских помещений – маленькие домики. Дорога сворачивает направо, они опять бегут на запад, еще больше ускоряясь.

– Сбавьте-ка темп, – говорит Пит.

Никто его не слушает. Улица, а вместе с ней и бегуны пересекают путаницу заброшенных железнодорожных путей. Дыхание поднимается над головами бегунов струйками пара, подошвы шлепают по мостовой. Наконец они добегают до железной дороги «Амтрак»[125]. Дома здесь ветхие, на бурых лужайках припаркованы автомобили с номерами других штатов. Одинокий пьянчужка стоит на перекрестке, терпеливо ждет, пока его минуют бегуны, и, пошатываясь, медленно движется туда, где, возможно, находится его дом. Последний дом перестроен под церковь, его стены покрашены в карамельные цвета, а священные слова написаны по-вьетнамски. Улица заканчивается. Там, где обрывается ограждение из колючей проволоки, по примятой траве бежит извилистая узкая тропинка. В голубом рассветном небе плывут редкие облачка. А еще по самому верху насыпи кто-то бежит: худощавый мужчина с длинными руками и ногами. У него хороший маховый шаг. Не такой элегантный, как у Лукаса, но экономный. Мощный. Ноги мужчины обнажены до неприличия. На нем футболка с длинным рукавом, серая и плотная, возможно, под ней надето что-то еще. Белые защитные перчатки скрывают большие руки, на голове черная бейсболка задом наперед, сдвинутая так, что козырек почти лежит на длинной шее.

Бегуны останавливаются как вкопанные, будто ноги у всех разом подкосились.

– Что он здесь делает? – вырывается у Сары.

Первым реагирует Крауз:

– Джегер.

Всегда беззаботный, почти милый, Неторопливый Даг кисло морщится и цедит сквозь зубы:

– Вот придурок.

– Что он тут делает? – спрашивает Мастерс.

– Бегает, судя по всему, – откликается Пит.

Джегер мчится в южном направлении по дороге на дамбе, опережая приливную волну. Все, кроме него, оказываются в тени, тогда как бегущий человек освещен лучами рассвета, его взгляд устремлен вперед, худое лицо хорошо видно в профиль.

– Ну и что? – говорит Одри. – Мы просто побежим другой дорогой.

– Я – нет, – возражает Пит.

Бегуны молча переглядываются.

Пит направляется в сторону ограждения к началу тропинки:

– Я не меняю планов из-за кретинов-убийц.

Гатлин и Варнер пристраиваются за ним.

Лукас поворачивается к Одри.

– Хочешь вернуться?

Она стягивает шапочку и варежку, проводит рукой по очень коротко подстриженным волосам:

– Может быть.

– Мы так и будем тут стоять? – интересуется Мастерс.

– А я не стану поворачивать назад, – говорит Сара; короткие ножки несут ее вперед, «конский хвост» мотается за спиной.

Крауз спешит вслед за ней.

– Кто бы сомневался, – вздыхает Одри; она настигает бегунов еще до того, как они успевают добраться до проволочного ограждения.

– Это глупо, – говорит Мастерс. Но затем и он бежит вдогонку.

Лукас стоит не двигаясь. Вряд ли кто-то из них бегает быстрее него, Джегер не в счет. Наверняка никто. У него есть время стянуть рукавицу и вытереть рот: его бородка успела покрыться льдом. Затем он проводит пальцем по панели телефона, чтобы вывести его из спящего режима, и, остановив взглядом знакомый номер, заказывает разговор.

– Как идет забег? – спрашивает Уэйд.

Лукас молчит.

– Я вижу, где ты находишься, – говорит Уэйд. – Мы сегодня бежим до бухты?

– Собирались.

– Тогда почему ты не двигаешься, Лукас?

– Джегер нас опередил.

Следует пауза, долгий вздох пустоты, затем голос звучит снова.

– Ты знаешь, чего я хочу, – говорит Уэйд. – Я говорил тебе, чего хочу. Найди того, кто меня убил, ладно?

Глава четвертая

Уэйд был мертв уже пять дней.

Опять вернулись жара и засуха, потому субботняя группа встретилась задолго до открытия «Игрека». Стоя в знойной темноте, они почти не разговаривали. Даже Харрис вел себя как молчаливый монах. Ровно в одну минуту седьмого они стартовали в восточном направлении, взяв курс на здание университета Джуэл. Харрис захватил лидерство, Лукас уверенно занял свободное пространство, образовавшееся между ним и остальными. Затем Крауз прибавил ходу и догнал Лукаса.

– Ты пробовал звонить на номер Уэйда?

– Зачем это мне?

– Ну, может, тебе любопытно? – предположил Крауз.

– Вообще-то нет, – отрезал Лукас.

– Там невозможно дозвониться. Голосовая почта отвечает, но, даже если оставляешь сообщение, виртуальный двойник не может тебе перезвонить.

– Почему же?

– Он ведь улика, – сказал Крауз. – А еще он, может быть, свидетель. Вот почему они его заткнули.

– Я забыл. Ты же коп.

– Нет, – немного поколебавшись, парень рассмеялся: – Помнишь мою свояченицу?

– Девица-брюнетка с большой упругой попкой, – ответил Лукас.

– Она – офицер полиции.

– И это тоже.

– Так вот, у нее есть такая привычка. Ей надо обязательно рассказывать все моей жене.

– Ладно. Теперь мне стало любопытно.

Крауз бежал так быстро, как только мог. Всякий раз, прежде чем что-то сказать, ему надо было набрать побольше воздуха.

– Уэйд бегал за университет Джуэл.

Лукас бросил на него взгляд:

– Это и так всем известно.

– Приехал сюда за стипендией. Эйбл его завербовал. Уже на первом курсе Уэйд стал настоящей звездой. А потом появился другой парень.

– Карл Джегер, – сказал Лукас.

– Похоже, ты все знаешь, – Крауз был разочарован.

– Уэйд рассказывал об этом, и не раз. Каждый божий день.

– А ты знаешь, где тренер нашел Джегера?

– В Чикаго, в центре реабилитации, где тот проходил курс лечения. Ему удалось выкрутиться благодаря лазейкам в законах, и с него сняли прежние обвинения. Так вот, паренек за время учебы в средней школе стал круче всех в Иллинойсе, и поэтому Эйбл перетащил его сюда. Он хотел, чтобы Джегер стал всеобщим любимцем и прославил университет.

Крауз кивал, стараясь не отставать.

Лукас сбавил темп.

– Ты – новенький в нашей группе. Ты не знал. Но Уэйд и Джегер никогда не нравились друг другу.

– А что насчет девушки? – спросил Крауз.

– Ну да, – сказал Лукас, но тут вдруг понял, что не знает, о чем речь. – Какой девушки?

– Подруги Уэйда по колледжу. Джегер ее отбил. Похитил, сделал ей ребенка и даже был женат на ней пару лет.

– Как ее зовут? – спросил Лукас.

– Я не знаю. Эту часть истории я не услышал. Но виртуальный Уэйд помнит всё, – Крауз светился от счастья, ведь он выведал то, чего не знали остальные. – Полицейское управление привлекло специалистов, чтобы разобрать все файлы, поднять все программное обеспечение. Все, что связано с искусственным интеллектом. Этим технологиям уже несколько лет, но специалисты впервые увидели виртуальную копию с таким объемом информации.

– Это же Уэйд, – сказал Лукас. – Мистер Подробность.

– Он вел записи тренировок, – добавил Крауз.

– Некоторые так делают.

– А ты?

– Никогда.

Крауз обнаружил, что все еще может поддерживать скорость.

– Дневники Уэйда – это нечто особенное. Он начал вести записи в тот день, когда стал бегать, в возрасте восьми лет. В дневниках хранятся данные не только о милях и секундах, но и о многом другом.

– О чем, например?

– О том, как он спал. Что видел во сне. Что ел на завтрак. О чем беседовал с друзьями во время бега – иногда дословно. И в огромном количестве файлов он говорит о своей ненависти к Карлу Джегеру.

Новость о девушке стала неожиданностью. Лукас обдумывал ее целую минуту, а затем спросил:

– Короче, что происходит? Копы подозревают Карла?

– Ну, я такого не говорил, – ответил Крауз; он уже дошел до той кондиции, когда ноги почти не держат. – Я просто подумал,

тебе будет интересно узнать, что творится. Вот и все.

Бегуны цепочкой растягиваются вдоль дамбы. Домики слева сменяются ремонтными мастерскими, автомобильными свалками и парочкой унылых серовато-белых зернохранилищ. Справа пролегает Ясеневая протока – глубокий и прямой канал, облицованный глыбами светлого известняка. Тонкий ночной ледок сковал мелководье. Пит и Гатлин бегут впереди, Варнер пристроился за ними; до него доносятся обрывки сердитых фраз. Своей большой рукой Пит указывает в сторону Джегера. Он ругается; Гатлин озирается на остальных бегунов. Лидеры забега сбавляют темп; волей-неволей остальные подтягиваются к ним.

– Поверить не могу, – говорит Мастерс. – С чего бы чуваку бегать в этом направлении?

– Ему нравится этот маршрут, – отвечает Лукас; его ноги словно сами собой делают рывок вперед, из-под подошв летит мелкий гравий.

Крауз слышит его приближение.

– Эй, Лукас, – окликает он. Мгновением позже Лукас проносится мимо.

Женщины бегут плечом к плечу. Одри что-то говорит и сама же смеется над своими словами. Оглядывается на Лукаса, не переставая улыбаться:

– И что же мальчики хотят доказать?

– Не знаю, – отвечает Лукас.

– Ох уж эти мужчины, – говорит Одри и снова смеется.

Лукас бежит по траве вровень с женщинами. Пит вырвался на сорок ярдов: корпус наклонен вперед, руки работают без остановки. Никто из троицы не разговаривает, чтобы не расходовать попусту кислород, столь необходимый для бега.

– Вы только посмотрите на них, – говорит Одри.

– А что с ними не так? – спрашивает Сара тихим напряженным голосом.

– Им же не догнать Карла, – говорит Одри.

– Этот тип сидел в тюрьме, – отмечает Сара. – Несколько месяцев.

Лицо у Одри вытягивается и каменеет.

– Мы же говорим о Карле. Им ни за что не удастся сократить этот разрыв.

Мелькающие ноги Джегера, пар от его дыхания почти растворяются в солнечном свете. Но он не увеличивает скорость. Возможно, решил спокойно пробежаться на двадцать миль и бережет силы. Или он знает, что за ним гонятся, и хочет немного поразвлечься.

Лукас бросает взгляд на Одри.

– Тебе не обязательно ловить его, – говорит она резким голосом.

Он делает рывок вперед.

– Пожалуйста, Лукас. Будь осторожен.

Человек, который продавал обувь всем спортсменам в городе, лежал в закрытом ящике и ждал, когда его опустят в землю. Церковь была заполнена худощавыми людьми и мускулистыми друзьями детства. В первом ряду расположилось несколько дальних родственников, рассчитывавших заполучить свой кусок Уэйдова пирога. Все они вслух выражали сожаление по поводу случившегося. Каждый представитель мужского пола пытался вычислить среди присутствующих особ женского пола бывших подружек покойного. Красавчиком Уэйд не был, но обладал особым талантом по части хорошеньких девушек: он покорял их своим обаянием и намеками на женитьбу. В толпе находилось по меньшей мере с десяток его бывших: одни плакали из-за того, что произошло, другие – из-за того, что так и не случилось. Лукас и Пит несли гроб вместе с родственниками покойного и его приятелями по университету, совершенно им незнакомыми. Именно один из двоюродных братьев и упомянул о том, что полицейские закончили работу с виртуальным двойником. Он сказал, что теперь любой может звонить этому устройству и что это даже забавно – разговаривать с голосом, который помнит, как они в десятилетнем возрасте сидели вместе за одним столом в День благодарения и наблюдали за взрослыми, а те становились все пьяней и веселей.

На самом деле Лукас уже звонил на старый номер Уэйда. Он позвонил не сразу и только два раза; на удивление, оба раза было занято. Затем он попробовал позвонить после полуночи и попал на автоответчик. Это его разозлило.

Не то чтобы он горел желанием поболтать, но ведь все равно когда-нибудь придется, тогда к чему все эти сложности?

Его телефон зазвонил утром, когда он пил кофе.

– Знаешь, что меня удивляет? Незнакомцы, которые прочитали некролог, впечатлились и теперь звонят без всякой причины, просто чтобы поболтать. Причем не только местные. Как я понимаю, это теперь такое хобби. Позвони в загробный мир. Послушай, как призраки рассказывают свои истории.

– Как твои дела? – спросил Лукас.

– Занят очень, – ответил двойник. – И это хорошо.

– Что значит «занят»?

– Ну, я снова бегаю. Например.

– Как ты это делаешь?

– У меня есть видеофайлы, и я воспроизвел все наши любимые маршруты. Учел рельеф местности, уровень сложности. Как мое тело реагирует на задачи в ходе тренировки. При желании могу изменять погодные условия. Ты бы удивился, если бы знал, каким настоящим всё выглядит и ощущается. И еда на вкус почти правильная. Конечно, надо бы поработать над обонянием, но, может, без запахов еще и лучше. В сезон полипропилена.

Затем Уэйд умолк, вынуждая Лукаса хоть как-то поддержать разговор.

– Так вот почему у тебя было все время занято? Заводил новых друзей?

– А также разговаривал с людьми, которых ты знаешь.

– Но ты же скоростной. Как положено компьютерам. Разве ты не можешь болтать с тысячью абонентов одновременно?

– Какие-то мои функции скоростные. Ужасно скоростные, не сомневайся. Но в данную минуту, чтобы просто поддерживать наш разговор, программному обеспечению моего искусственного интеллекта приходится работать на пределе.

Часть программного обеспечения воспроизводила работу легких. Уэйд-двойник выдал симуляцию вздоха и сказал:

– Между прочим, я по-прежнему нуждаюсь в сне. Вот почему я не брал трубку прошлой ночью.

Лукас промолчал.

– Итак, скажи мне, Лукас. Чем я являюсь в твоем представлении? Механизмом, программой или человеком?

– Я не знаю.

– На самом деле я ни то, ни другое, ни третье.

– Ну да, ты же – призрак.

В трубке раздался смех:

– Нет, нет. В глазах закона я являюсь интеллектуальным учреждением. Это новая разновидность траста, предусмотренная для виртуальных двойников. Меня зарегистрировали в одном дружественном государстве с весьма гуманными законами, а для того, чтобы поддерживать статус искусственного интеллекта, наделенного сознанием, мне приходится держать кругленькую сумму в тамошнем банке.

Лукас ничего не сказал.

Долгое молчание завершилось глубоким вздохом. Интеллектуальное учреждение произнесло:

– Итак, Лукас? Как, по-твоему, кто меня убил? Есть идеи?

– Нет, – чуть поспешнее, чем следовало бы, ответил Лукас.

Опять наступила пауза. Затем Уэйд сказал:

– Хорошие были похороны.

– Ты смотрел?

– Несколько человек скинули мне видео. Ты отлично постарался, Лукас.

Странно, как много значили эти слова. Лукас тоже вздохнул, по-настоящему и глубоко:

– Знаешь, я трезвый.

– Как это?

– После поминального обеда я ни разу не прикладывался к бутылке.

Тягостные вздохи нарушили тишину. Затем сдавленный голос быстро проговорил:

– Скажи мне об этом через год. Скажи мне это лет тридцать спустя. Пару недель без бухла? По-моему, еще рановато радоваться.

Лидирующая группа работает усердно, однако Лукас легко догоняет ее. Его длинные ноги сокращают расстояние, легкие дышат свободно; пристроившись за спиной Пита, он укорачивает шаг и приспосабливается к общему темпу. Никто не разговаривает, но мужчины обмениваются взглядами, и группа сбрасывает скорость, чтобы подготовиться к очередному неудачному броску.

Насыпь закручивается на запад в сторону обводного канала и ныряет под мост. Джегер исчез. Его нет ни внизу, ни наверху. Они сбегают с насыпи вниз по дороге, теперь под ногами вместо гравия – бледная промерзшая глина. Воздух становится холоднее, в нем появляется привкус мокрого бетона. Внизу под мостом плещется вода. Тут дорога резко уходит влево, и начинается долгий подъем.

Джегер появляется над ними, а затем вновь исчезает из виду.

Пит сыплет ругательствами. Его ветровка, пропитанная потом, затвердела на холоде, спина покрылась иглами инея, словно шкура диковинного зверя.

Чтобы одолеть подъем, они прилагают дополнительные усилия, на ровной же поверхности ускоряются. Но дорога пуста. Кое-где колышется бурая трава, но больше никакого движения не заметно, и гнаться не за кем.

Группа замедляет шаг.

– Смотрите, – говорит Варнер. – На трубе.

Канализационная труба, черная и жирная, торчит из плеча плотины, а из нее тонкой струйкой вытекают маслянистые сточные воды. Джегер стоит на этой трубе, лицом к течению. Приспустив шорты, он держит свое хозяйство обеими руками и

мочится длинной струей в маслянистый сток, так что брызги летят.

Пит тормозит. Остальные участники группы тоже останавливаются за его спиной и смотрят. Джегер оборачивается к ним лицом и стряхивает последние капли, прежде чем натянуть трусы, а потом и шорты.

– Пожалуйста, давайте вернемся, – просит Одри.

Все остальные молчат.

Джегер взбирается по склону на дорогу и наблюдает за ними.

– Эй, засранец, – говорит Пит. – Эй.

Последние несколько месяцев не прошли для Джегера даром. На его худом лице прибавилось морщин. В черных коротко стриженных волосах пробивается седина. Дышит он тяжелее обычного. Впервые на их памяти он выглядит на все свои сорок три года.

– Не нравится мне это, – говорит Мастерс.

Пит смеется:

– Тебя что-то беспокоит?

Джегер разворачивается всем корпусом, но его лицо все егце обращено к бегунам.

– Нас же восемь человек, – говорит Пит.

– И что теперь? – спрашивает Крауз.

– Зависит от того, что мы будем делать, – произносит Пит; на его бульдожьем лице читается вызов. – Мы здесь, а тот парень стоит вон там. И он забил нашего друга до смерти куском бетона.

Джегер возобновляет бег, постепенно увеличивая шаг.

Одри качает головой:

– Что мы делаем?

Сара знает.

– Мы просто преследуем этого человека, – медленно, яростно говорит она. – Вряд ли Джегер сейчас в хорошей форме. А мы – да. Так что догоним его и поговорим с ним. Может быть, он расскажет нам правду.

Глава пятая

Под треск велосипедной цепи Лукас доехал до аэропорта. Седовласая женщина вручила бегуну анкету участника; он медленно заполнил бланки и отдал две двадцатки – комиссию за просрочку. Приколол номер участника к шортам, прикрепил чип к правому кроссовку, а новенькая футболка в конце концов оказалась привязанной снизу к сиденью велосипеда.

Перед забегом настроение у всех было тихое и угрюмое. Разговор не клеился: перекидывались короткими фразами. Все ритуалы дня забега выполнялись, но с неохотой. Из динамиков, как обычно, раздался бодрый голос, во всеуслышанье объявивший о том, что через двадцать минут будет дан общий старт. Велосипедам бегать никуда не надо, так что они остались ждать своих хозяев. Лукас неспешно побежал через пустующую парковку мимо терминала, который, похоже, не работал, и тут из-за мусорного контейнера выступил человек.

– Пеппер.

Лукас кивнул, подняв руку в приветствии.

Джегер пристроился рядом. Он был одет в легкие кроссовки и шорты, на голове – бейсболка «Уайт Сокс», повернутая козырьком назад. Не говоря ни слова, он добежал вместе с Лукасом до его велосипеда. Понаблюдал за тем, как тот снимает с себя майку, в которой прибыл из дома, и привязывает ее к раме.

– Потерял машину? – спросил он.

– Я знаю, где она.

– Симпатичный браслетик у тебя на лодыжке, как я посмотрю.

Лукас поднял ногу, потом снова поставил ее на землю:

– Завидуешь?

– В тюрьму собираешься?

– Если только напьюсь.

– С твоим-то послужным списком? Им следовало бы упечь тебя за решетку на год.

– Тюрьма переполнена, – пожал плечами Лукас. – И кроме того, доказательства были не слишком убедительными.

– Да ну?

– Может, это не я был за рулем, – стыд заставил Лукаса опустить глаза. – Кто-то позвонил на горячую линию, но ночка выдалась та еще. Одна женщина-коп засекла мою машину и включила фары; моя машина остановилась, из нее выскочил какой-то белый мужчина и скрылся между домами.

– Эта женщина-коп погналась за водителем?

– Бросилась бежать, но хватило ее ненадолго.

– Даже не сомневаюсь, – рассмеялся Джегер.

– А вторая патрульная машина обнаружила меня в полумиле от того места, где полицейские расследовали ограбление. Просто случайно споткнулись об меня.

Телефон Лукаса стал трезвонить.

– Не представляю, как ты управляешься с этими устройствами, – сказал Джегер. – У меня старый складной телефон, я иногда оставляю его дома.

Лукас принял звонок.

– Пять минут, – произнес Уэйд.

– Пять минут, – объявил диктор через динамики.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Уэйд.

– Потом поговорим, ладно? – Лукас нажал отбой.

Джегер наблюдал за ним и за разговором. Он не спросил, кто звонил, но когда Лукас посмотрел на него, выжал что-то похожее на улыбку, сочувственную и неловкую.

– Увидимся снаружи. Ладно, Пеппер?

Плотина изгибается на юго-восток и заканчивается у северной границы парка. Джегеру надо только придерживаться этой дороги, и она рано или поздно приведет его обратно в город. Любой здравомыслящий человек поступил бы именно так. Но едва добежав до моста Фостер-лейн, Джегер вспрыгивает на него и припускает со всех ног. Оглядывается с ухмылкой, просто чтобы убедиться, что все всё поняли, и пересекает Ясеневую протоку.

Пит и Варнер возглавляют погоню, стараясь выжать максимальную скорость. Одри бежит рядом с Лукасом, но, похоже, она готова все бросить. Руки у нее опускаются, шаг замедляется.

– Вам его не поймать, – говорит она.

– Вот увидишь, – откликается Пит.

– И что тогда? – спрашивает Одри.

Никто не отвечает. Они подбегают к ржавому балочному мосту, вместе, плотной группой сворачивают на него. Старая железная конструкция дрожит от топота бегущих ног, ветер бьет сбоку, обжигая мокрые от пота лица.

– Не могу я так быстро бежать, – говорит Сара.

– Никто не может, – говорит Крауз.

Впереди, за мостом, дорога резко сворачивает влево, проходя между водой и густым низкорослым лесом. Бегуны смотрят, как Джегер широкими шагами уносится вдаль, и тогда Мастерс говорит:

– Придется нам сбросить скорость.

Но у Пита уже возник план.

– Если он побежит по дорожкам, мы точно его перехватим.

– Он не побежит, – возражает Одри. – Это было бы глупо.

Мост остается позади, и Пит замедляет бег.

– Давайте разделимся, – предлагает он. – Быстроногие продолжают преследование, остальные будут ждать впереди.

Джегер увеличивает разрыв.

– Сейчас повернет, – замечает Лукас.

– В полумиле отсюда, – откликается Гатлин. – Там вход в парк.

– Нет, здесь, – возражает Лукас. – Уже скоро.

И точно, Джегер сворачивает направо, перескакивает через груду серой щебенки и ныряет в кустарник. Два длинных шага – и он превращается в смутный силуэт среди деревьев, еще шаг – и пропадает из виду.

Варнер чертыхается.

– Не останавливаемся, надо его догнать, – говорит Пит.

Сара и Мастерс отстают. И Крауз. Затем Одри говорит кому-то вслух «Нет» и тоже отстает.

Пит и Варнер ускоряются, Гатлин пристраивается следом. Лукас бежит в своем темпе: поглядывает на ноги, прикидывая, сколько у него еще осталось сил. Затем он плавно обходит всех и резко берет вправо, ныряя в переплетение голых ветвей. Остальные пропускают узенькую тропку, проскакивают мимо. Оставшись в одиночестве, Лукас сходит с дорожного полотна и продолжает бег по неровной тропинке туда, где она соединяется с основной тропой – широкой полосой черного грунта с выступающими древесными корнями, которая поворачивает на запад и стремительно уходит вниз.

Лукас полностью сосредоточен на том, чтобы сохранить равновесие. Он старается ступать по ровным участкам мерзлой земли, избегая корней и рытвин. Постепенно тропа выравнивается, деревья сменяются зарослями полегшего камыша.

Лукас замедляет бег, пытаясь отдышаться.

Остальные пыхтят на подъеме где-то за его спиной.

– Я его не вижу, – говорит Варнер.

Далеко впереди лежит мертвое дерево – древний трехгранный тополь; со ствола полосой ободрана кора, древесина белеет в лучах холодного солнца. Лукас первым замечает черную бейсболку, мелькнувшую за стволом, и делает рывок вперед. Так просто заставить эти длинные ноги лететь над землей. Нет ничего проще.

– Пять минут, – объявил грохочущий голос в динамике.

Минуту спустя он сказал: – Нет, народ. У нас небольшая задержка.

Собравшиеся решили, что прибывает самолет – событие само по себе редкое, так что все устремили взгляды в небо. Однако в это жаркое сентябрьское утро небо было пустым. Лукас занял место рядом с Одри у самой линии старта. Пит, Гатлин и Варнер расположились с другой стороны от нее. Крауз вместе с Мастерсом оказались чуть сзади, в третьем или четвертом ряду. Сара пропала, и Джегера Лукас тоже нигде не видел. Как щенок по команде «Апорт!», Харрис рванул по свободной беговой дорожке и трусцой вернулся назад. Когда он повторил пробежку, Пит проворчал:

– И за что нам такой подарочек свалился на голову?

Все дружно рассмеялись, а затем вдруг стало тихо.

Появился Карл Джегер. Где он прятался все это время, было загадкой, но сейчас он стоял на линии старта, что явилось для всех полной неожиданностью. Он прибыл сюда, чтобы участвовать в состязании. Он полностью сосредоточился на предстоящем десятикилометровом забеге. Ему перевалило за сорок, но никто не мог припомнить, чтобы он хоть раз проигрывал кому-то из местных бегунов. Поразительный рекорд, требовавший отличной физической формы, концентрации и замечательного везения. Джегер не отрываясь смотрел на свою левую ногу на линии старта, а потому, похоже, не заметил полицейских, которые пролезли под ограждением и направились в его сторону с наручниками наготове.

– Держите руки так, чтобы мы их видели, – приказал главный коп.

Ноги Джегера были напряжены, мышцы на икрах подрагивали. Он поднял взгляд на полицейских.

– Я не тот, кто вам нужен, – выговорил бегун. Он снова перевел взгляд вниз, на серое покрытие беговой дорожки, и продолжил, словно бы обращаясь к собственным ступням: – Дайте мне пробежать эту дистанцию. Дайте пробежать.

Глава шестая

Тропа выбирается из болота, выравнивается, теряясь в подстриженной бурой траве лужайки. Зимой каменные здания летнего лагеря стоят пустые: двери заперты на висячие замки, окна заколочены листами фанеры. Лукас держится выбранного маршрута, и дома остаются позади. Снова перед ним тропа, которая резко сворачивает налево; открытая местность заканчивается, дальше идут деревья, глубокий овраг, узкий мостик из дубовых досок и старые телефонные столбы.

Он привычно придерживается маршрута. Вода на дне оврага подернулась ледком; в одном месте он расколот – должно быть, Джегер наступил сюда правой ногой. Бурая взвесь еще не успела осесть на дно. Лукас укорачивает шаг и прыгает: ноги движутся, словно сами собой. Он понимает, что ему не достать до противоположного берега, но летит, выставив правую ногу, потом выбрасывает левую ногу вперед, подтягивается и вытаскивает правую из грязи, прежде чем она успевает промокнуть.

Это его замедляет, а следующий склон оказывается темным и скользким; он теряет скорость, и потому остальные обходят его.

Беговые туфли стучат по дубовым доскам. Пит бежит впереди всех, бросает Лукасу неразборчивую фразу – кажется, о чем-то спрашивает.

– Что? – кричит в ответ Лукас.

Варнер замедляет бег, смотрит на него с моста, сверху вниз:

– Где он?

И тут Пит говорит:

– Вот он.

Лукас снова выбирается на возвышенность. Лес здесь совсем молодой, густой, тропа вьется между юными деревцами, и конца этому не видно. Потом все опять по очереди исчезают из виду, сбегая вниз, в камышовые заросли. Джегер маячит впереди серым пятном в отблесках солнца. Сильно наклоняя корпус вперед, он энергично работает руками, преодолевая следующий подъем.

В низине лежит еще один поваленный тополь: за годы кора сгнила, ствол и массивные корни чисты, как выбеленная солнцем кость.

– Тут можно срезать, – говорит Лукас.

Пит откликается коротко и неразборчиво. Они с Варнером явно на пределе, их уже шатает, а ведь до склона еще далеко. Гатлин бежит ровным шагом, его миниатюрная фигура плавно выходит вперед.

Лукас берет левее, намереваясь перепрыгнуть через дерево,

но ему не хватает сил и энергии. Правая нога идет как надо, руками в перчатках он хватается за ствол, но вторая нога больно ударяется о дерево, и это задерживает бегуна. Он останавливается, смотрит вниз с места, в котором еще никогда не был. Еле заметная старая тропа уходит в самые заросли камышей. Он спрыгивает вниз и бежит по ней – снова в одиночку.

Издалека доносятся чьи-то голоса. Не разобрать ни слова. Потом все стихает, слышен только шум ветра в вышине и топот подошв. По лицу Лукаса текут струйки пота. На бегу он стягивает рукавицы, складывает их вместе и засовывает за пояс спортивных штанов.

Голоса снова настигают его.

Справа он улавливает движение.

На возвышенности появляется Джегер – спина прямая, шаг расслабленный. Выглядит он как человек, который по праву захватил безусловное лидерство. Он смотрит только на тропу перед собой, снова сбегает в низину и немного тормозит; тогда Лукас делает рывок и почти догоняет его у пересечения тропинок. Взглянув через плечо, Джегер даже подпрыгивает от неожиданности.

– О нет, – говорит он; с его губ срывается короткий нервный смешок.

Лукас уже совсем близко. Тропа снова выбирается из болота. Когда Джегер оказывается прямо перед ним, Лукас тянется к нему, ловит за лодыжку и дергает на себя и вверх.

Джегер падает, ладонью впечатавшись в мерзлую землю.

Лукас хватает его за вторую лодыжку:

– Беги.

Джегер лягает его.

– Что ты творишь? – спрашивает Лукас. – Идиот. Беги отсюда, черт бы тебя побрал. Ты меня слышишь?

Голоса приближаются. Варнер говорит «Пеппер», и Пит – «Он попался»; и в это мгновение Джегер с трудом поднимается на ноги. Взгляд у него дикий, яростный.

– Да что ты понимаешь, – в его голосе чувствуется та же ярость. Это не вопрос, просто горькие гневные слова. Джегер бросается бежать, прихрамывая на правую ногу, но постепенно его шаг выравнивается; его сила кажется неиссякаемой, она уносит Джегера все дальше. Лукас смотрит ему вслед, надеясь на лучшее.

Остальные добегают до Лукаса. Останавливаются; стоят, согнувшись, уперев руки в колени, восстанавливая дыхание.

– Ну ты даешь, – говорит Пит.

– Что он тебе сказал? – спрашивает Варнер.

Лукас смотрит на свои защитные перчатки и опускает руки.

– Ты его ранил? – спрашивает Гатлин.

– Нет, – отвечает Лукас.

– Плохо, – говорит Варнер. – В следующий раз переломай ему ноги.

Из-за деревьев доносятся голоса, мужской и женский. Женщина кричит; мужчина что-то отвечает. Женщина снова кричит, голос у нее испуганно-сердитый, слов не разобрать. Лукас срывается с места, опережая остальных. Главная тропинка, широкая, усыпанная подгнившей древесной щепой, ведет на юг по последнему склону наверх к мосту Фостер. Джегер уже миновал его. Мастерс стоит посреди дороги, уперев руки в бока. Сара к нему ближе всего.

– Не делай ничего, – говорит она. – Просто ничего не делай.

Мастерс что-то тихо отвечает.

– О господи, – восклицает Сара и всплескивает руками в варежках.

Мастерс глядит на Лукаса – он раскраснелся, губы сжаты. Похоже, сейчас он испытывает страшное, мучительное замешательство.

– Беги, придурок, – говорит Крауз; он зол, но не слишком. Он похож на болельщика, который выкрикивает оскорбления команде противника; складывает руки рупором, подносит ко рту и кричит: – Мы от тебя не отстанем, засранец!

Никто не двигается.

Обливаясь потом, пошатываясь, Пит бредет к дороге. Варнер и Гатлин пересекают ее и останавливаются в том месте, где начинается новая тропа.

– Туда, – показывает Гатлин.

– За ним, – говорит Сара. Она обращается не к Мастерсу. Хватает Лукаса за локоть, встряхивает: – Давай.

Варнер и Гатлин снова скрываются за деревьями.

Пит все еще стоит, уперев руки в колени.

– Куда ведет Фостер-лейн? – спрашивает он. – В западную часть парка, верно?

– Есть там пара дорожек, – согласно кивает Лукас.

– Мы найдем его, – Пит кашляет в кулак.

– Ох, он от нас ускользнул, – говорит Сара. Сжимает голову розовыми варежками: – Там же миллион тропинок и дорог.

– Пошли, – говорит Крауз, направляясь к дороге. Пит трусцой следует за ним.

Мастерс наблюдает за Сарой, стекла его очков похожи цветом на обсидиан, от испуга рот сжат в тонкую розовую линию.

Одри стоит в стороне, покусывая мелкими зубками нижнюю губу. Она похожа на человека, ставшего невольным свидетелем безобразной семейной ссоры.

– Ты со мной? – спрашивает Лукас.

И уже на бегу:

– Ну хоть кто-то.

Миниатюрные туфли шуршат по сухому гравию.

Лукас замедляет бег, и Одри не остается ничего другого, кроме как пристроиться рядом с ним.

– Что ты с ним сделал? – спрашивает она. – У него колено в крови.

Они бегут по широкой утоптанной тропе на юг через перестойный лес, минуют еще одну балку, по которой вода стекает в Ясеневую протоку.

– Я его повалил, – отвечает Лукас.

– Повалил.

– Глупо, – говорит он.

Широкая балка забита мусором и древесной трухой. Длинный мост сделан из труб и дубовых досок. Лукас первым взбегает на мост, доски грохочут под ногами.

– Я хотел его напугать. Чтобы он бегал в другом месте.

Мост остается за спиной, и вокруг становится тихо. Дорога раздваивается: одна тропа уходит на запад, но Лукас направляется на юг.

– Мы разговаривали, – рассказывает Одри. – Там, на дороге, пока ждали остальных. Мастерс запустил шутку – типа нам надо перехватить Джегера. Сара тут же сказала, что это отличная идея. Но когда наконец показался Карл, никто и с места не двинулся.

Голоса долетают из глубины леса, с западной стороны.

– Может, нам там надо было свернуть? – спрашивает Одри.

– Другая тропа просто делает небольшую петлю. Джегер может по ней выйти на дорогу или вернется прямо к нам в руки.

Одри догоняет Лукаса и бежит рядом. Оба молчат. Потом Лукас произносит:

– Ничего с этим парнем не случится.

– Обещаешь?

Он замедляет бег. Одри опережает его, оборачивается:

– Что?

– Мы на месте. Остановись, – говорит он.

Тропа резко сворачивает налево, туда, где заканчиваются деревья. Прямо перед ними – двадцатифутовый отвесный обрыв, внизу течет медленная ледяная вода. Справа маячит вторая тропа.

– Слышишь что-нибудь? – спрашивает Лукас.

– Нет, – Одри склоняет голову набок, прислушиваясь. – Да.

Сначала они различают серую футболку, а затем бледное лицо. Джегер замечает их. Останавливается в трех шагах. Рана на правом колене схватилась коркой. Он тяжело дышит, совсем запыхался, на лице выражение глубокой, смертельной усталости, но голос звучит твердо. Не обращая внимания на Лукаса, он обращается к Одри:

– Нет. Только не ты.

– Просто скажи мне, Карл, – голос Одри звучит скорее печально, чем гневно.

– Что сказать?

– Это ты убил Уэйда?

Джегер бросает взгляд назад, на меньшую тропинку. Гатлин и Варнер стоят среди деревьев, оба тяжело дышат. Джегер снова поворачивается; теперь он смотрит только на Лукаса. Не говорит ни слова, но на его лице проступает странная полуулыбка, и вот он уже снова бежит – сперва от Лукаса, и Одри его отделяют какие-то жалкие три шага, потом длинные ноги переходят в скоростной режим, только куски замерзшей грязи летят из-под подошв.

– Ты мог победить.

Это был голос Уэйда – и в то же время не его голос.

– Только что опубликовали результаты, – сказал он. – Ты бы видел, какой был отрыв. На отметке пять миль Харрис опережал тебя всего на 11 секунд. Если бы ты держался ближе, то к финишу прикончил бы его. Малыш думает, что он круче всех, но это не так.

Лукас сидел на кухне, опустошая кофейник. По телевизору шла битва орков с людьми: уродливое зло мерилось силами с красивым добром.

– Ты слушаешь, Лукас?

– Ага.

– Ты не побеждал в забегах с шестнадцати лет.

Лукас поставил кружку:

– Откуда ты знаешь? Это я тебе сказал?

– Я читал старые спортивные статьи, – ответил Уэйд. Вот только в его голосе появилось нечто другое. Поменялось что-то. Не слова или интонации – эмоции. Уэйд всегда был впечатлительным, но обычно держал себя в руках, контролировал свои чувства. А в этом голосе, в каждом слове, чувствовался гнев. – У тебя был шанс, Лукас. Когда Джегер вышел из игры и все такое.

– Ты знаешь об аресте?

– Статью в газете только что разместили. Там моя фотография – очень приличная, десятилетней давности. И совершенно дерьмовый снимок Джегера. Надеюсь, у Мастерса есть видео ареста. Вот что мне хотелось бы посмотреть.

Лукас потянулся через стол, чтобы выключить телевизор.

– Два свидетеля подтвердили, что Джегер бежал со мной, – сказал Уэйд. – Я это только что прочитал. Мы были в парке в тот понедельник, бежали с севера на юг, и оба свидетеля заявляют, что настроение у нас было безобразное.

– Но ты же этого не помнишь.

– Уэйд загружал свой день в удаленный компьютер по вечерам, – сказал Уэйд. – Такой у него был распорядок.

– Я помню.

Тишина.

Лукас помолчал, потом спросил:

– Думаешь, это Карл сделал?

– Убил меня? – в трубке раздался странный смешок. – Я не знаю. Правда, не знаю. Но я расскажу тебе, что я чувствую. Представь себе, что ты смотришь фильм в кинотеатре. Это история о загадочном убийстве, и там есть один персонаж, который тебя очень, очень интересует. Ты за него переживаешь, а потом тебе вдруг приспичило отлить, и именно в это время героя, который тебе так нравился, убивают. Пока тебя не было в зале, ему проломили череп. И теперь ты злишься, и тебе грустно, но главное – ты чувствуешь себя обманутым.

Лукас поднял кружку, разглядывая пятна кофейной гущи на дне.

– Может, Карл это сделал, а может, и нет, – сказал Уэйд. – Но я пропустил эту часть. И теперь вот сижу в темноте и жду, чем все закончится. Только так я могу продолжать свою жизнь.

Горные велосипеды и подошвы туристических ботинок проделали широкую колею посреди тропы. Бегуны держатся этой колеи, движутся гуськом, перепрыгивают на бровку, когда тропа меняет направление, срезают повороты. Лукас возглавляет гонку, Одри следует за ним по пятам, глядя под ноги. Сдавленным голосом она произносит:

– Не могу в это поверить.

– Тогда бросай это дело, – говорит Варнер.

Джегер в сорока футах впереди. Там, где тропа резко уходит влево, он бежит напрямик через лес, немного увеличивая разрыв.

Варнер делает рывок, обходит Одри и практически наступает Лукасу на пятки.

Лукас замедляет ход и сворачивает на север, ветер обжигает

его потное лицо.

Очередной мост виднеется за деревьями – мазком красной краски. Джегер уже почти на мосту: замедляет шаг, чтобы вскочить на ступени.

Варнер опять ускоряется, заставляя себя выложиться на полную катушку, хотя бы ради того, чтобы подразнить Лукаса.

Джегер оглядывается назад, щурится, дышит всей грудью, широко раскрыв рот. Отворачивается и прыгает – правая нога опускается на розовую гранитную ступеньку. Мгновение он медлит, прикидывая расстояние, отделяющее его от преследователей, и взвешивая собственные силы, затем делает новый прыжок и дальше быстрым ровным шагом движется через мост.

Пошатываясь, Варнер движется за Джегером на негнущихся ногах.

Остальные сгрудились позади.

Лукас ловит воздух ртом, пытаясь отдышаться перед тем, как сделать новый рывок. Ясеневая протока широка, как река, и длинный деревянный мост дрожит от топота ног. Джегер опережает всех на двадцать футов; добравшись до конца моста, он перелетает через ступени и жестко приземляется на землю. Вся его поза выражает удивление. Несколько мгновений он стоит неподвижно, смотрит на Лукаса, словно собирается что-то сказать, но так и не говорит. Снова начинает движение, и видно, что он бережет правую ногу.

Лукас легко спрыгивает по ступеням и бежит. Следующий отрезок пути широкий и прямой – это старая дорога, она пролегает через бывший двор фермы. Какой-то любитель тополей высадил их здесь рядами: тонкие белые стволы без листвы выглядят чахлыми и болезненными. И вновь ветер подталкивает бегущих в спины. И вновь бег ускоряется. На краю старого фермерского хозяйства высится могучий дуб, а за ним темнеет густой лес. Здесь было место, где Уэйд обычно поворачивал назад, когда они бежали от «Игрека». Выходило чуть больше семи миль.

Джегер исчезает за деревьями.

Лукас замедляет бег.

– Есть еще один мост, – говорит он.

Одри приближается к нему вплотную:

– Ну и что?

– Он закрыт. С прошлого лета.

– Но мы же сможем по нему перебраться, – говорит Гатлин.

– Да, – отвечает Лукас. – Но я сейчас не о том.

Мост высится вдали. С ним явно что-то не так. Четыре

высокие покосившиеся опоры заваливаются к центру. В июне прошлого года в протоке бушевал сильный паводок, который изуродовал берега и размыл фундамент. Джегер несется изо всех сил, уходит все дальше от преследователей. Варнер боится, что беглец ускользнет, адреналин заставляет его ускориться – он добегает до Лукаса и сбивает его с ног, случайно зацепив за пятку.

Оба падают. Правой рукой в защитной перчатке Лукас попадает прямиком на торчащий из земли корень, пропарывает ладонь.

Одри останавливается.

Гатлин пробегает мимо и скрывается из виду.

Варнер со стоном поднимается на ноги и бросает на Лукаса смущенный, но изрядно злой взгляд, прежде чем, пошатываясь, направиться дальше.

– Ты как, в порядке? – спрашивает Одри.

Лукас стоит и смотрит, как на дешевой белой ткани расплывается кровавое пятно. Морщась от боли, он говорит:

– Вперед, – и медленно, глядя под ноги, трусит вперед.

«ОПАСНО. ПРОХОД ЗАКРЫТ» – гласит объявление на прибитых крест-накрест досках.

Джегер пролезает под заграждением. Стальные тросы служат ему перилами; широко раскинув руки, он медленно движется вперед, скрывается из виду.

– Мы проиграли, – говорит Одри. – Он нас сделал.

В ее голосе звучит неподдельная радость.

Гатлин стоит на спуске. Затем поднимает руку и машет кому-то на другом берегу.

За мостом – начало новой тропы и автостоянка. Если бежать по дороге в западной части парка вдоль Фостер-лейн, то до этого перевалочного пункта уже можно было бы добраться даже на четырех костях, быстрее, чем борзая пролетела бы по маршруту. Гатлин и Варнер стоят у перекрещенных досок, смотрят на тот берег. Старый висячий мост выглядит ветхим и опасным, он провис посередине, словно под огромным весом. В самом низу стоит Джегер. Он неподвижен. На противоположной стороне, широко расставив ноги, Пит караулит ограждение. За ним Мастерс и Крауз, поблизости держится Сара. Сейчас она улыбается.

– Посмотри на себя, – говорит Пит. Бьет кулаком в доски: – Если ты еще не научился летать, выходит, мы таки поймали тебя за задницу.

– Смотрел сегодня новости?

Лукас заваривал свежий кофе.

– В смысле те, что не про убийства?

Покойник засмеялся, потом замолк. А потом из тишины произнес:

– Вчера была гроза. В Гренландии.

Лукас не отвечал.

– Ты же знаешь, где находится Гренландия, верно?

– Вполне себе представляю, – сказал Лукас.

Снова смешок, на этот раз короткий, сердитый.

– Не то чтобы сильная буря, да и длилась недолго. Но если там, где эти ледники, пойдут сильные ливни – вот тогда начнутся настоящие проблемы.

– Я думал, у нас уже и так проблемы.

– Будет еще хуже, – пообещал Уэйд.

«Мистер Кофе» принялся за дело, довольный тем, что может проявить себя.

– Погода не была бы такой безумной, – сказал Лукас, – если бы китайцы не жгли столько угля.

– Это что за эксперт придумал? Ты сам?

– В основном Мастерс.

– Это не китайцы, Лукас. Это все мы.

Лукас ничего не ответил, он просто ждал.

– Умные люди могут нести чушь, – сказал Уэйд.

– Наверняка.

– А еще я знаю ребят, которые даже карту не умеют читать, зато видят то, что я бы в жизни не заметил.

Лукас налил себе свежего кофе.

– Я тебе уже говорил? Климат – самая главная причина моего создания. И дело не только в повышении уровня океана, и не в засухах, длящихся по десять лет, и не в аномальной жаре, обрушившейся на Персидский залив. Климат меняется. Он менялся всегда, и всегда жизнь адаптировалась к этим переменам. Разница только в том, что сегодня на Земле есть две вещи, которых не существовало в период эоцена.

Лукас повторяет новое для него слово:

– Эоцен.

– На Земле теперь есть деньги и есть политика. И вот эти две бесценные вещи попадают под удар больше, чем всё прочее. Султаны могут улететь в прохладную дождливую Швейцарию, а беднякам приходится умирать. Правительство Саудовской Аравии должно пасть, но тем временем инженеры сидят в своих бункерах с кондиционерами и управляют роботами, которые разрабатывают нефтяные месторождения в стопятидесятиградусном аду. Как будто это какая-то чужая

планета, а они – благородные астронавты, занятые плодотворным трудом.

– Понимаю, – сказал Лукас.

– Политическая стабильность и богатство, – произнес голос. – От этих двух вещей люди зависят больше всего. А если говорить о нищете и бунтах, о мелких убийствах и больших войнах – все будет только хуже. С каждым часом, с каждым годом. Вот почему я вложил свои сбережения в это рискованное предприятие. Почему Уэйд это сделал. Конечно, мы рассчитывали лет на пятьдесят тонкой настройки и доводки, но у нас, по крайней мере, было время собрать всю информацию обо мне и поместить ее сюда. Здесь вся моя жизнь – в целости и сохранности.

Лукас отпил глоток и посмотрел в окно. Или, скорее, в пространство. Он просто задумался, но понятия не имел, о чем, пока не произнес это вслух.

– Никто бы не стал этого делать, – сказал он.

– Делать что? – спросил Уэйд.

– Собирать все подряд, – Лукас протер кухонный стол чистым полотенцем. – Дело вот в чем. Ты как будто складываешь свою жизнь в один большой чемодан. Но тебе постоянно приходится выбирать. Всегда находится что-то гадкое, постыдное, опасное, и ты смотришь на это и думаешь – черт, вот эту хрень надо бы выбросить.

– Ты так думаешь?

– Я в этом уверен, – Лукас смотрел, как вибрирует кофе в его кружке. – Возможно, в этом и кроется еще одна причина, почему Уэйд сделал то, что сделал. Чтобы избавиться от прошлого.

В трубке молчали.

– А ты, бедный виртуальный двойник… ты даже не знаешь, чего тебе не хватает, – Лукас смеялся, но ему вовсе не было весело. – И, возможно, в этом-то все дело.

Глава седьмая

Джегер стоит в самой нижней точке покачивающейся дуги, медленно поворачивается и поочередно смотрит вверх на людей по обе стороны моста. Его грудь вздымается, он глубоко вдыхает холодный воздух. Мускулы на его обнаженных ногах похожи на старые веревки, скрученные и узловатые, правое колено кровоточит, блестящая красная змейка стекает по длинной голени. Руки в перепачканных кольчужных перчатках держатся за стальные тросы. Старые доски скрипят под его весом. Но Джегеру, похоже, все равно. Если мост развалится, то он просто рухнет вниз с десяти футов в холодную грязь, только и всего, разве что будет немного больно и неприятно. Джегер два месяца просидел в тюрьме. У него не было денег ни на залог, ни на приличного адвоката. За последние годы количество убийств в городе резко возросло. Нужно было расследовать еще сотню преступлений. Но тут был убит известный человек, и убит жестоко; а потому полиция и прокуратура давили на единственного подозреваемого, пытаясь вырвать у него признание. Но признания не было. А когда ключевые вещественные доказательства подверглись тщательному научному анализу, их сочли недостаточными. На одних свидетельствах и случайных совпадениях дела не сошьешь, так что у суда не было иного выбора, кроме как принять решение об освобождении Джегера. Вот почему мост – не препятствие. Ничуть. Этого человека уже ничто не способно еще больше унизить или оскорбить. Вот о чем говорят вся его поза, выражение лица, крепкая и уверенная хватка обеих рук. Вот что он хочет сказать Лукасу, уставившись на него своими жестокими зелеными глазами.

И тут Джегер моргает.

Он делает еще один вдох и задерживает дыхание. Склоняет голову на длинной шее. Наверное, ему холодно. Любой бы на его месте замерз, будь он так же одет, да еще стоя неподвижно. Наконец он выдыхает и поворачивается на девяносто градусов, вцепившись обеими руками в толстый стальной трос.

Пит обращается к нему:

– Эй, придурок. Скажи всю правду, и мы тебя отпустим.

Джегер смотрит на грязное месиво под мостом. Откликается спокойно, негромко, но так, что его слышат все:

– Вот именно. Придурок. А Уэйд был весь из себя правильный, хороший парень, всеобщий любимец, а после смерти он вообще стал идеалом.

Все молчат. Слышно только, как ветер шелестит в листве, да

медленно течет вода.

– Нет, когда он погиб, меня с ним не было, – говорит Джегер. – Но я знаю, как он погиб. Даже после того, как прошел дождь, остались улики: к югу отсюда, прямо у воды, был найден кусок кожи, содранный с его плеча. Это была первая рана. Уэйда ударили прутом арматуры с куском бетона на конце – сзади, слева; скорее всего, сбили с ног. Что позволило нападавшему завладеть его телефоном. Уэйд был весь в крови и без связи с внешним миром, но двигаться мог.

– Вот тогда и началась погоня, – продолжает он. – Остался кровавый след. Приборы обнаружения ДНК и специальные камеры показали, где он бежал, где истекал кровью. Дважды Уэйд пытался вернуться на ближайшую тропинку, но его снова ударили по плечу, а потом сломали руку. Эксперты определили это по тому, как свернулась кровь. Они знают, как быстро текла кровь и где упал Уэйд. Он был наверху, на заброшенных железнодорожных путях – возможно, пытался вернуться в город. И вот там убийца дубинкой разбил Уэйду колено. Искалечил его. Потом ему раздробили челюсть – наверное, для того, чтобы он замолчал. А потом убийца поволок его вниз, в густой подлесок, парой размашистых ударов сломал ему бедро. И тут по какой-то причине избиение на время прекратилось.

Джегер делает паузу.

Тихим, еле слышным голосом Сара говорит:

– Что это ты нам рассказываешь?

– Я объясняю вам, почему вы все идиоты, – Джегер смотрит на нее, переводит взгляд на Лукаса. – Пятнадцать, двадцать минут прошло. Убийца все это время стоял над Уэйдом. Разговаривал с ним, полагаю. Возможно, рассказывал, как сильно его ненавидит. Потому что причина убийства была в этом. В этом был весь смысл. Кто-то хотел получить удовольствие от его боли. Хотел, чтобы Уэйд был беспомощным, чтобы осознавал, что он искалечен и сломан.

Сара издает тихий жуткий звук.

Джегер качает головой.

– Двадцать минут с ним разговаривали, а затем три или четыре минуты жестоко избивали. По оценкам экспертов, через шестьдесят секунд Уэйд был мертв. Но он был крепким ублюдком, так что это не точно. Может, он чувствовал, как удары крушат лицевые кости, дробят ребра и руки, ломают шею.

Лукас прислоняется к ограждению.

Джегер напирает на трос, держится крепко, широко расставив руки. Ровный стук мощнейшей мышцы его организма заставляет сталь вибрировать. Все, кто касается моста, чувствуют эту

вибрацию: сильное, частое биение его сердца.

– Я не питал к нему ненависти, – говорит Джегер. – Ты же знаешь меня, Одри. И ты тоже, Лукас. Я слишком погружен в себя, это так. Наша вражда была односторонней.

Он смеется и снова перехватывает оба троса.

– Да, мы бежали вместе в тот понедельник. И разговаривали. Но где-то через милю или около того я свернул, а он продолжил бег по маршруту. Для меня Уэйд был никем. Просто одним из группы. И я его не ненавидел. До тех пор, пока не провел два месяца в тюрьме, размышляя о нем и о его добрых, славных друзьях. И знаете что? Не могу избавиться от одной мысли. Интуиция подсказывает. У меня-то не было никаких причин убивать его, тем более таким способом. А вот кто-то из вас, ублюдков, как мне кажется, вполне мог убить Уэйда Таннера. Легко.

Вначале здесь была фабрика, затем ее превратили в грязный склад. Потом недвижимость продали за гроши, и инвестор устроил на верхних этажах жилые лофты, в западном крыле и в части погрузочной зоны разместился «Кофейный уголок», а с торца здания появился фешенебельный внутренний дворик с цветочными горшками и недействующим фонтаном. Лукас шел мимо черных железных ворот, ведущих во внутренний двор. Воскресный забег был завершен, кофе выпит, и Лукас как раз размышлял о том, что делать с оставшейся частью дня, когда за спиной раздался голос Сары:

– Мне нужны новые кроссовки.

Лукас обернулся, решив, что она обращается к нему.

Сара разговаривала по телефону:

– А какие стоит примерить?

Самым странным, непонятным и необъяснимым в это мгновение было ее выражение лица. Сара выглядела совсем не такой, как обычно. Счастливой. Ее лицо было озарено улыбкой, глаза сияли. Она вслушивалась в голос, говоривший с ней по телефону, и Лукас понял, чей это был голос. Но тут женщина заметила Лукаса: внезапно смутившись, она отвернулась, пробормотав в трубку несколько тихих слов, не предназначавшихся для чужих ушей.

Сара прошла через ворота. Лукас последовал за ней. Внутренний двор был вымощен старинной темно-красной брусчаткой, истертой копытами лошадей, когда-то подвозивших сюда грузовые повозки. Может, когда-нибудь сюда снова вернутся лошади. Именно об этом думалось Лукасу, пока он шел следом за миниатюрной женщиной. Стеклянная дверь вела в «Лавку бегуна»

– магазин только что открылся. Всего только начало одиннадцатого, но, похоже, этот октябрьский день будет удачным. Два покупателя сразу. Хозяин волей-неволей заулыбался.

Лукас попытался припомнить имя хозяина. Том? Да, точно, Том Хаббл.

– Он хочет, чтобы я примерила «Эндорфины», – сказала Сара. – Те, что со сдвоенными компьютерами и «умными» гелевыми гидроусилителями.

– Отличный выбор, – ответил Том. – Какой у вас размер?

Сара назвала размер, а когда продавец исчез в задней комнате, обернулась и посмотрела на Лукаса. Молчала, слушала голос в трубке и улыбалась. Потом сказала:

– Лукас тоже здесь.

Несколько секунд она кивала, слушая Уэйда, потом сообщила живому собеседнику:

– Он говорит, тебе тоже нужны новые кроссовки.

– Да, но откуда он это знает?

– Уэйд до сих пор помогает здесь. Отслеживает, кто что покупает, – а ты давно ничего не покупал.

Страннее всего было то, что все это выглядело вполне разумно.

Лукас сел на мягкую скамью, Сара устроилась рядом с ним, все еще болтая с Уэйдом. На полу была нарисована беговая дорожка, огибавшая скамейку. Сара слушала голос в трубке, а Том вынес коробку с обувью и надел кроссовки ей на ноги, и зашнуровал их, и понаблюдал, как она бежит на месте, пытаясь наметанным глазом определить, все ли в порядке с обувью.

Сара хихикнула. Не рассмеялась, а именно хихикнула.

– Мне тоже нужны новые кроссовки, – заявил Лукас.

– А вам какие нравятся? – спросил Том.

– Как на мне, – ответил Лукас.

– А что это за модель?

– Я не помню, – сказал Лукас. – Спросите у Уэйда.

Том кивнул, наблюдая за тем, как Сара завершает свой забег вокруг скамейки.

– Пока, – наконец сказала она и отключила телефон. – Я возьму их. А еще он попросил, чтобы вы, пожалуйста, не брали с меня его комиссионные.

– Разумеется, – медленно поднимаясь, сказал Том.

Сара пошла было за продавцом к прилавку, но внезапно остановилась и посмотрела на Лукаса.

– Знаешь, я теперь говорю с ним больше, чем когда бы то ни было, – сказала она. Даже без улыбки казалось, что она

улыбается. Словно в душе была счастлива – и в то же время понимала, что в этой радости есть что-то неправильное и нездоровое.

Ухватившись за тросы-перила, Джегер медленно продвигается по качающемуся мосту к противоположному берегу. Пит замер на месте: он ждет. Четыре человека ждут, плечи у них расправлены, однако в ногах – нервная дрожь. Через минуту все закончится. Грядет драка, а четверка, оставшаяся на северном берегу, сможет лишь наблюдать за этим, втайне радуясь такому раскладу.

Лицо Пита каменеет.

– Ну, вперед, – говорит Джегер.

Никто не реагирует. Гордость не позволяет им сдвинуться с места, а потом Пит опускает голову, бросает остальным несколько слов и отступает.

Мастерс с облегчением делает шаг назад.

Но не Крауз. Тот стоит как вкопанный. Джегер, не обращая ни на кого внимания, хватается за ограждение и прыгает, приземляясь на прибитые крест-накрест доски. Высвобождает ногу; встает рядом с Краузом и молча, сверху вниз, смотрит на него. Крауз едва не спотыкается, отступая назад от деревянного настила.

Остается только Сара. Она сжимает руки в варежках, и делает шаг вперед, и размахивает перед Джегером кулачками, рыдая и с трудом переводя дыхание.

Джегер отталкивает ее и бежит прочь; всего несколько шагов – и его уже не видно.

Пит машет рукой:

– По одному.

Гатлин отправляется первым: маленькое тело проскальзывает под ограждением, он бежит вниз к центру моста, а затем вверх на противоположную сторону. Варнер пускается следом, смешно растягивая шаги, мост под ним взбрыкивает и скрипит. Следующая – Одри, но она не выпускает из рук тросы и не бежит. Пройдя шагом полпути до середины моста, она оборачивается к Лукасу.

– Давай просто уйдем. Мы можем вернуться, – говорит он.

Одри качает головой:

– А что, если они его поймают?..

Сама возможность такого исхода заставляет ее вздрогнуть, и она спешит завершить свое путешествие вниз до середины моста и снова наверх, на другую сторону.

Сложив руку рупором, Пит подносит ее ко рту и окликает

Лукаса:

– Ты идешь?

– Нет, – отвечает тот. Возможно, он и правда так думает. Как бы ему хотелось сейчас оказаться в любом другом месте на земле, но только не здесь. Но, сам того не желая, он нагибается и пролезает под ограждением. Как будто это делает кто-то другой, как будто его ноги бегут сами по себе, а он лишь смотрит на это со стороны. Доски грохочут при каждом шаге, и вот, ни разу не споткнувшись и не запнувшись, он взлетает на другой конец моста.

Только Пит ждет его. Смотрит в сторону Лукаса. Он говорит что-то Лукасу, хотя со стороны кажется, что обращается сам к себе.

– Ну не знаю, – говорит он. – Я просто не знаю.

Тропа следует вдоль русла реки до самого устья, а затем опять идет вдоль Ясеневой протоки. Среди низкорослых вязов и тутовых деревьев высятся тополя, потом лесные заросли уступают место пожухлой траве; дальше – автостоянка, засыпанная битым щебнем. Мимо стоянки идет дорога на кладбище Вест-Спенсер, а за ней примерно на милю тянется парк. Остальные участники группы сгрудились у одинокого столика для пикника и молчат. Откуда-то раздается пронзительный скрежет, ритмично разрезающий холодный воздух. Это Джегер, добравшийся до старинной водозаборной колонки, дергает рычаг вверх-вниз. Проржавевший ящик заполняется, коричневая вода бьет в ржавую посудину и продолжает хлестать даже после того, как Джегер перестает качать и наклоняется, чтобы попить.

Напившись, Джегер выпрямляется, утирая подбородок и рот. Затем он бежит трусцой к следующей тропинке и снова останавливается, чтобы оглянуться на своих преследователей.

– Он сам не хочет от нас отрываться, – говорит Варнер.

А Одри тихим несчастным голосом спрашивает:

– Так кто кого загоняет?

Сара заплатила за свои кроссовки и ушла, а Том снова скрылся в задней комнате. Его голос доносился из кладовой – обычный обмен любезностями перед тем, как задать вопрос по существу. Лукас отошел к витрине, туда, где на огромной пробковой доске висели листовки с результатами забегов, вырезки из газет и бесплатные буклеты, рассказывавшие начинающим бегунам, как готовиться к соревнованиям. С изрядно пожелтевшей газетной вырезки, висевшей в верхнем углу, на него с улыбкой смотрел совсем юный Уэйд, державший в руке знаменитую пару кроссовок. Пока Лукас старательно, слово за

словом, разбирал текст под фотографией, Том вышел из кладовки с коробкой в руках.

– Я бы снял эту штуковину, – сказал Том. – Но люди к ней привыкли. Боюсь, покупатели рассердятся, если я так сделаю.

– Я бы не стал, – ответил Лукас.

Том разглядывал вырезку.

– В тот день я был здесь. По сути, это я увидел, как парнишка стащил те кроссовки. Выскочил за дверь и был таков, а Уэйд бросился за ним из кладовки, хотел догнать. Я просил его не делать этого. Парень-то был под кайфом, я это сразу понял. Но вы же знаете Уэйда.

– Да уж.

– Я знал, что он поймает нашего вора, но именно это меня и пугало.

Лукас бросил читать статью. В конце концов, самым важным тут была фотография. А вот она действительно заслуживала внимания. Эта широкая улыбка, белокурые волосы, еще не успевшие поредеть, брутальная внешность, искривленный нос и то, как юный Уэйд демонстрировал фотокамере ту самую пару кроссовок – словно самый главный в мире приз.

– У того воришки был с собой нож, – сказал Том.

– Я помню.

– Но все обошлось. Уэйд просто бежал за ним следом, пока тот не свалился без сил, и никто никого не зарезал.

Лукас опустил глаза и уставился в пол.

– Он был самым первым продавцом, которого я нанял на работу, – рассказывал Том. – Уэйд тогда еще учился в колледже. Я и представить тогда не мог, что он задержится здесь на двадцать лет. Если честно, то у меня не было уверенности, что он продержится хотя бы первую неделю. Уж слишком упертый, думал я. Слишком безупречный, чересчур старательный. Эти фортели дурацкие, которые он выкидывал иногда. Господи, это же всего лишь обувь. Даже если не вышло продать лишнюю пару кроссовок, мир ведь не рухнет.

Теперь Том тоже смотрел в пол, продолжая свой рассказ:

– Среди всех, кого я знал, ни у кого не было такой уникальной способности запоминать имена и лица, как у Уэйда. Никто так не разбирался в ногах и в походках. И с травмами все первым делом обращались к нему, и еще ему просто нравилось торговать спортивной обувью; и даже сейчас, уже мертвый, он по-прежнему практически заведует этим местом.

– А какие еще? – спросил Лукас.

– Что – какие еще?

– Какие еще фортели он выкидывал? В смысле, кроме того,

что гонялся за теми, кто ворует обувь?

Том сглотнул слюну, прежде чем ответить.

– Он увольнял младших продавцов за сущие пустяки. Никаких предупреждений, они просто уходили. Если кто-то из покупателей давал ему чек без покрытия, в следующий раз он не брал чеков у этого человека. Никогда. А еще он постоянно совал нос в чужие дела, не мог без этого. Такая у него была потребность, навязчивая идея – заставлять весь мир делать то, что он считал правильным. Ну, вы понимаете, о чем это я.

– Да, конечно.

– Кстати, я тоже был на той вечеринке, Лукас.

Лукас поднял на него взгляд.

– Я бы ни за что не стал вызывать за вами копов.

Лукас не знал, что сказать. Только слегка пожал плечами.

Том нервничал, но был доволен собой. Он думал, что привлекает на свою сторону постоянного клиента.

– Уэйд был хорошим человеком, но считал, что все должны быть такими, как он.

Он решил, что напоследок стоит еще раз взглянуть на фотографию.

– «Итака Флайерз». Эти кроссовки нужны?

– Вроде бы да.

– Это новая модель, но он говорит, что они вам понравятся.

– Что ж, – сказал Лукас, – обычно этот парень не ошибался.

Вся группа, волоча ноги, двигается в сторону водозаборной колонки. Мастерс снимает с пояса за спиной маленькую бутылочку, делится голубым напитком с Сарой. Пит хватается за рычаг, с усилием качает несколько раз и пьет, за ним и другие – по очереди. Все устали, но не как бегуны, замученные пробегом. Они скорее похожи на посетителей бара перед самым его закрытием: лица у них сентиментальные, печальные и немного испуганные тем, что может случиться дальше.

Лукас пьет последним, держа холодную посудину окровавленной рукой. Вода теплая, с сильным привкусом железа.

– Решил всю воду из земли высосать? – спрашивает Джегер.

Лукас прекращает пить. Но вместо того, чтобы выпрямиться, он приседает в выпаде, растягивая мышцы ног, как это делают бегуны.

Джегер поворачивается и уходит.

– Надо спешить, – говорит Сара.

Мастерс съедает остатки из гелевой упаковки.

– Скорее, – торопит она.

Он что-то хочет ответить. По его большим печальным глазам

видно: ему есть что сказать. Но он заставляет себя промолчать, сворачивает обертку из фольги и засовывает ее в кармашек на поясе, а потом делает последний глоток из фляжки, чтобы смочить пищу до того, как она попадет в его беззащитный желудок.

От долгого стояния у всех сводит мышцы, но никто об этом не говорит – просто бегут, ускоряя шаг до тех пор, пока в поле зрения не вплывает фигура Джегера. Сара бежит впереди всех, хлюпая носом. Дорога на Вест-Спенсер проходит дальше по мосту из бетонных блоков. Джегер оборачивается и бросает быстрый взгляд на преследователей, прежде чем свернуть под мост, на тропинку, ведущую по восточному берегу.

– Это был он, – говорит Варнер.

– Точно, он, – подхватывает Крауз.

– Уэйд был нашим другом, – говорит Варнер. Но этого ему недостаточно; покачав головой, он продолжает: – Уэйд был *моим* лучшим другом. Он увлек меня бегом. Продал мне мои первые кроссовки, когда я был еще толстяком. И он стал шафером на моей свадьбе. Помните?

– Да, ни у кого из нас не было причин, – с напором подхватывает Пит.

Сара сбрасывает скорость:

– Что ты этим хочешь сказать?

Бегуны сбиваются в кучу.

– У кого-то из нас есть мотив? – говорит она.

Пит оборачивается к Одри:

– А ты что думаешь, принцесса? Это твой бывший приятель прикончил Уэйда или все-таки нет?

Тропа идет под уклон и расширяется, глина здесь утоптана до гладкости. Речка остается по правую руку, пробивая путь между бетонных свай и стволов мертвых деревьев; рев воды накрывает людей, отражаясь от сводов моста. В этом шуме едва слышно, как Одри отвечает:

– Я никогда не верила в то, что он виноват.

Они выбираются из-под моста – туда, где тихо. Пока карабкаются по склону, никто не разговаривает. Наконец Одри нарушает молчание:

– Карл эгоистичный и упрямый, как маленький ребенок. Но он никогда не был жесток. При мне – ни разу.

У края дороги стоит скамейка из неструганых досок, ждет тех, кто выбился из сил. Люди бегут мимо, не останавливаясь, а тропа опять ныряет вниз и снова круто уходит наверх, и Крауз еле дышит, пока они взбираются по ней.

– Ты что, с обоими встречалась? – спрашивает он.

– Давным-давно, – говорит она, явно не собираясь вдаваться в подробности.

Краузу приходится поднапрячься, чтобы догнать ее. Но он готов и потерпеть, лишь бы высказаться:

– Никак не возьму в толк. Я не понимаю. Что в Карле такого привлекательного?

Они пробегают еще несколько шагов, и ничего не происходит. Тропа резко сворачивает прочь от реки, теперь бегунов со всех сторон окружают деревья. Тут Одри замедляет бег и смотрит на Крауза, лицо у нее хорошенькое и довольное, и она говорит:

– Взгляни на его тело, на его ноги. А теперь догадайся, что я в нем нахожу.

Крауз краснеет.

– Маленькие мальчики такие забавные, – со смехом добавляет Одри.

Джегер снова оборачивается, не сокращая разрыва между собой и преследователями.

– А он когда-нибудь говорил об Уэйде? – спрашивает Пит.

Одри снова смеется:

– Карлу нравилось, просто безумно нравилось то, как этот парень все время пытался его победить. Он упивался сознанием того, что кто-то не спит ночами и мечтает лишь об одном: как обойти его на финишной черте.

На эти слова никто не реагирует.

– Лукас, – говорит она, подбегая вплотную к нему. – Кажется, я тебе этого никогда не рассказывала. Но когда ты стал тренироваться с Уэйдом, Карл понял, что теперь ему вряд ли удастся все время побеждать. «Уэйд нашел себе чистокровную лошадку», – вот что он говорил.

Все, кроме Пита, обращают взоры на Лукаса. Пит опускает голову и спрашивает, глядя себе под ноги:

– А ты как считаешь, Пеппер? По-твоему, убийца – Джегер?

Лукас роняет руки и замедляет ход. Речка возвращается в поисках русла. Внезапно мир вокруг распахивается во всю ширь, и вот они уже бегут, пыхтя, по узкой полоске земли, по берегу, который размывают наводнения. Справа от них – пустота. Слева – густой кустарник, и люди бегут цепочкой, почти прижимаясь к зарослям. Одри оказывается впереди Лукаса, а Пит – сзади.

– Если не Джегер, то кто же это был? – спрашивает Пит.

Лукас не поднимает глаз; переспрашивает тихим, озадаченным голосом:

– Если это был не Карл?

– Да.

– Это я, – говорит он. – Я мог избить Уэйда Таннера до

смерти.

Глава восьмая

Одри замедляет бег; Лукас едва не падает, натолкнувшись на нее.

– Прости, – говорит он и кладет руки ей на плечи.

– Это был ты? – спрашивает Пит.

– Нет, – отвечает Лукас.

– Как ты мог даже подумать об этом? – говорит Одри.

Лукас отпускает ее плечи, не смея поднять глаз, качает головой.

Варнер и Гатлин убежали вперед. Чувствуя, что остальные отстали, они с неохотой останавливаются, и Варнер интересуется:

– У кого-то травма?

Никто не отвечает. Шестеро бегунов стоят на осыпающейся тропе, едва не падая от усталости. Лукас поворачивается спиной к воде.

– Просто все выглядит именно так, – обращается он к Одри и ко всем остальным. – Если подумать.

– Продолжай, – говорит Пит.

Но Мастерс опережает всех. Его голос звучит резко, зло, вызывающе – таким его никто и никогда раньше не слышал:

– Уэйд был конченым придурком.

Все поворачиваются к нему.

Его лицо заливает краска, челюсти сжаты.

– Меня достало думать об этом чуваке, – говорит он. – Меня достало говорить об этом чуваке. И я не желаю больше разговаривать с этим долбаным программным обеспечением.

– Не смей, – говорит Сара. И еще раз, уже тише, повторяет: – Не смей.

На нее никто не смотрит – нет такого желания. А разглядывать психа в блестящих черных очках, из которого рвется накопившаяся злость, – самое оно.

– Побежали домой, – предлагает Одри.

Варнер и Гатлин возвращаются к группе.

– У кого-то травма? – снова спрашивает Варнер.

– Ни у кого, – отвечает Пит. – Мы просто совещаемся.

– Мы не могли, – говорит Сара. – Никто из нас не стал бы его убивать.

От этих слов Пит готов рассмеяться. Щеки его вспыхивают, он мотает головой, пыхтя сквозь стиснутые зубы. Он тычет пальцем в грудь Лукаса.

– Это был ты? – спрашивает он.

– Нет.

Тело Лукаса сводит судорогой. Одна нога непроизвольно съезжает на мягкую кромку дорожки, он делает широкий шаг вперед, чтобы восстановить равновесие и не упасть. Пит упирается ладонью в грудь Лукасу, не толкает пока, но готов его толкнуть, если тот не объяснится.

И вдруг раздается новый голос.

– У меня есть список подозреваемых, – говорит Джегер. – Может, вы наконец-то выслушаете меня?

Старый корявый дуб стоит на самом краю берега, его толстые, беспорядочно скрученные корни выпирают наружу. Под сенью этого уже обреченного дерева стоит Джегер и улыбается. Стягивает бейсболку и длинным рукавом рубашки вытирает пот, заливаюндай глаза и широкий лоб. Затем снова водружает бейсболку на голову, но больше ничего не говорит, просто продолжает улыбаться.

– Назови имена, – говорит Пит.

– Ладно. Например, ты, – отвечает Джегер. – И Варнер.

– Это почему же? – спрашивает Варнер.

– Потому что вы, ребята, подлые. Я вас обоих едва знаю и абсолютно уверен, что никогда ничего плохого вам не делал. Но вот вы здесь, преследуете меня и, судя по вашему виду, готовы башку мне снести, дай только повод. Может, Уэйд и есть этот повод. Кто знает?

Варнер матерится. Пит фыркает как лошадь.

– Потом – малыш, – продолжает Джегер. – Мистер Гатлин, насчет тебя у меня есть одно предположение. Зато очень миленькое.

– Это какое? – говорит Быстрый Дат.

– Когда ты баллотировался в мэры? Три, четыре года назад? А Уэйд помогал. Я слышал, как он давал тебе имена и номера телефонов всех бегунов в городе. Пухлые конверты, деньги сами плыли к тебе в руки. Но потом откуда-то стало известно об одной давней истории, случившейся в Огайо. Разумеется, все это было сто лет назад. Разумеется, та девица перестала сотрудничать с полицией, и обвинение рассыпалось. Но ты же знаешь, как это, когда репортеры гонятся за жареными фактами.

Гатлин открывает было рот, но тут же его закрывает.

– Ведь Уэйду было известно о том, что тебя обвиняли в сексуальном преступлении? – спрашивает Джегер. – Вдруг он и слил эту информацию, из-за которой потом разразился скандал?

Тихо и беззлобно обвиненный человек отвечает:

– Я не знаю.

Джегер смеется:

– Но это наверняка был Уэйд. Мы-то его знаем. Нравится вам или нет, но наш парень имел собственные представления о том, как должны вести себя люди, и не соответствовать его стандартам было небезопасно. Он мог быть твоим приятелем и вести себя соответственно, но если тебе пришло в голову выдвинуть свою кандидатуру на государственную должность, а наш парень заподозрил, что ты замешан в чем-то неблаговидном, он запросто шепнул бы пару слов в нужные уши, чтобы свершилось правосудие. И ни минуты бы не сомневался.

– Значит, все виноваты, кроме тебя, – говорит Пит. – Так, что ли?

Джегер подмигивает Краузу.

– Уэйду нравились симпатичные девушки. А еще больше – симпатичные замужние женщины. Что забавно, учитывая его этический кодекс. Но адюльтер – это не преступление. Любовные отношения – это соперничество, гонка по дистанции. Тут есть победитель – и есть все остальные. Вот я гляжу на тебя, Крауз, а думаю о твоей жене. Она же воплощение мечты. А жирной лягушке вроде тебя просто повезло с ней. Поверь мне: такой парень, как Уэйд, обязательно бы заинтересовался ею – а кстати, от кого она только что родила?

Крауз хочет выругаться, но у него перехватывает дыхание.

– Карл, – говорит Одри.

– Насчет тебя, дорогая, у меня нет никаких предположений, – лицо Джегера смягчается. – Возможно, у вас двоих и было что-то в прошлом. Возможно, у тебя имелся серьезный повод покалечить его и даже убить. Я слышал, твой брак распался пару месяцев назад. Любой бы сделал из этого далеко идущие выводы. Правда, меня ты никогда не пыталась убить, ни разу, а ведь я давал кучу поводов отрезать мне голову во сне.

Одри плачет.

Джегер указывает на Сару.

– А ты, – говорит он, – видел я во время соревнований, как ты болтала с мертвецом. Я не телепат и вообще не самый чувствительный человек, но и то все понял по твоим глазам. Даже если ты и не трахалась с Уэйдом, то всегда хотела этого. Возможно, ты сама не избивала, но зато у тебя есть муж. Или того хуже: у тебя есть этот долговязый тупица, который следует за тобой повсюду. Что бы сделал мистер Мастерс, если бы обнаружил, что его подруга по тренировкам изменяет своему мужу, да еще и его самого тоже обманывает?

Тяжело дыша, Мастерс упирается взглядом в затылок Саре.

– Списку подозреваемых нет конца, – говорит Джегер.

– А как насчет Пеппера? – спрашивает Пит.

– Да, его я приберег напоследок.

Лукасу становится тошно.

Пит поворачивается и смотрит на него в упор.

– Вечеринка, – говорит он.

– В доме тренера, – подхватывает Джегер. – Наслышан. Меня-то туда не пригласили, за что отдельное спасибо. Но, как утверждают мои источники, там было потреблено зверское количество спиртного. В основном одним человеком. Годы воздержания – и все коту под хвост за один-единственный вечер, а потом пьянчуга сел за руль и уехал.

Джегер улыбается; то, что он собирается сказать, явно доставляет ему удовольствие.

– И именно тогда кто-то позвонил на горячую линию. Кто-то растрезвонил на весь свет: Лукас Пеппер ведет машину, нажравшись в хлам, и вот вам его номерной знак, а вот вам его домашний адрес, а вот – номер телефона.

Лукас с трудом переводит дух.

– Ночь в камере, водительские права приостановлены, – говорит Джегер. – Но и это еще не все, было кое-что и похуже. Я это знаю из первых рук. Наутро в понедельник, когда я пересекся с Уэйдом, я спросил его о тебе, Пеппер. «Где же твой чудо-жеребец? – спросил я. – Почему он не бежит с нами в эту чертову жару?» И тогда его прорвало: он вдруг стал вопить о пьяницах, о том, как глупо тратить силы и нервы на то, чтобы удерживать таких ублюдков на беговой дорожке.

– Я повидал немало безобразных вспышек гнева, – продолжает Джегер. – Но тут он просто слетел с катушек. Именно это наблюдали те очевидцы, когда заметили нас в том парке. Они решили, что это ссора двух мужчин. Думаю, именно так оно и выглядело. За исключением того, что на месте присутствовал лишь один из ссорившихся, а я был просто свидетелем, и мне не терпелось продолжить гонку.

Уэйд рассказал мне о той вечеринке: он увидел, как ты пьешь и пьешь без передыху, и тогда он счел своей обязанностью отвести тебя к твоей машине и уже там высказать все прямо тебе в лицо. Стоя на обочине, он выложил все, что думает о тебе: что ты – неудачник или того хуже. Сказал, что махнул на тебя рукой, ничего хорошего тебя уже не ждет. И какого черта ему волноваться из-за сорокалетнего тупицы, место которому – на помойке?

И тут я его оставил. Вечер был жаркий и душный, так что у меня было оправдание. Но на самом деле я расстроился из-за тебя, Лукас. Даже и не подозревал, что способен на такое. Я повернулся и побежал домой, а Уэйд, как ни в чем не бывало,

продолжил свой путь, и мне остается лишь гадать, что могло бы произойти, если бы этот чокнутый столкнулся невзначай с тобой, бегущим в одиночку.

Лукас в изумлении смотрит на Джегера, но тут краем глаза замечает какое-то движение. Что-то мелькает среди деревьев, и никто, кроме него, этого не видит.

Пит тычет пальцем в Лукаса:

– Может, хочешь нам что-нибудь сказать, а, Пеппер?

Одри, шмыгая носом, шепчет его имя.

Джегер снова снимает бейсболку, утирает лоб.

И тут из-за спины Джегера вылетает Харрис, и Лукас единственный из всех не подпрыгивает от неожиданности.

– Привет, народ, – звучит громкий веселый голос. – Наконец-то я вас нашел.

Теплым ноябрьским вечером Лукас подъехал к крытому стадиону имени Гарольда Фаркета. Он как раз убирал велосипедные фонари, когда появился Варнер.

– Должно быть, я опоздал, – сказал Лукас.

– Что ты имеешь в виду? – без смеха спросил Варнер.

Они вошли внутрь: пол-акра бетона, накрытые раковиной из изогнутых балок и гофрированной стали. По периметру сооружения проходила двухсотметровая беговая дорожка, оранжевая как тыква. Универсальные площадки для игр располагались по всему центру и до восточной стены. Офисы спортивных организаций и раздевалки примыкали к южной части конструкции. С уродливого потолка свисали баннеры, прославлявшие тех, кто занимал третьи места в финале различных соревнований. Самый большой рассказывал о единственной победе в чемпионате страны за всю историю университета Джуэл – это было двадцать лет тому назад, в беге по пересеченной местности.

Тридцать человек пришли сюда из темноты, чтобы побегать. В основном это были любители-середнячки – веселые и слегка полноватые. Мастерс и Сара делили один участок поля на двоих, разминали мышцы и сухожилия, натягивали повязки с контрольными устройствами. Одри отрабатывала собственную программу на короткой дистанции. Лукас смотрел, как она летит к нему, потом поворачивает, переходя на ленивый бег трусцой, и улыбается, пробегая мимо.

Варнер скрылся в недрах раздевалки. Лукас извлек из своего рюкзака чистую майку, сухие носки и все еще новые кроссовки. Шорты уже были на нем – под джинсами. Сбросив уличные туфли, он сменил одежду и обувь прямо здесь, у беговой

дорожки. Его телефон зазвонил, и он, взглянув на входящий номер, сбросил звонок. Тут же зазвонил телефон у Одри, которая пробегала мимо, и она ответила:

– Я немного занята сейчас, мистер Таннер.

Воздух в помещении был горячим и сухим. Лукас пошел к раздевалке, наклонился и стал жадно пить из старого фонтанчика. Вода прогрелась, как в бане. Он рыгнул и отошел в сторону. Стена была увешана портретами героев. Кое-что поменялось с прошлой зимы, но самая большая групповая фотография осталась прежней: на ней – вся команда участников первенства, пятеро лучших стоят позади, остальные бегуны, не столь быстрые, присели на колени у их ног. Эйбл и его помощники пристроились по обе стороны от победителей. Самым счастливым из всех смотрелся тренер, стоящий рядом со своим главным жеребцом. Джегер, напротив, выглядел скучающим и утомленным, он едва давал себе труд изобразить некое подобие улыбки. А вот большой портрет общенационального чемпиона по бегу, воспитанника школы, со стены сняли. Трижды, но в разные годы, Карл Джегер был победителем Второго округа в беге по пересеченной местности; но сейчас этот человек сидел в тюрьме, и его место на стене занял покойник. Недавно отпечатанные фотографии Уэйда разных лет не успели выцвести, были яркими и четкими. Здесь же висели рассказы о том, как он был предан спорту и важен для всего сообщества местных спортсменов-бегунов. Возникало впечатление, что смерть Уэйда стала для многих настоящей потерей. Лукас прочитал несколько фраз и бросил это занятие. Чуть дальше на стене он заметил фото юной Одри, занявшей третье призовое место на национальных отборочных соревнованиях. На снимке у нее были длинные волосы, в остальном она почти не изменилась.

Он разглядывал фотографию не меньше минуты, когда она снова оказалась рядом:

– Хватит пялиться на молоденьких девушек. Слышишь?

– Вы указали на восток, – говорит Харрис. – Так я и побежал на восток. Хотел вас догнать. Но только там не было никого. Обычно старые пердуны стартуют медленно, но после первой мили я вас так и не увидел, вот и решил, что вы передумали.

Парнишка зол, но улыбается, довольный своей догадливостью.

– Хотел отправиться на север. Но потом я понял… – Харрис замолкает на полуслове. – Эй, Карли. А ты что делаешь в этой шайке?

Все молчат.

Здесь происходит что-то странное. Этот факт настолько очевиден, что даже мозг Харриса способен его воспринять. Улыбочка гаснет, голубые глазки моргают, и он повторяет свой вопрос:

– Что ты тут делаешь с этими ребятами, Карл?

Джегер отворачивается и бежит прочь.

На Харрисе длинные шорты и плотная желтая куртка, на черной головной повязке потеки соленого пота. Очки у него как у Мастерса, только новейшей модели, а кроссовки выглядят так, будто их только сегодня утром достали из коробки.

– Видели бы вы свои лица, – говорит он. – Бледно выглядите, ребята.

Пит отходит от Лукаса.

– Как бы там ни было, – продолжает Харрис, – я не знал, где вы находитесь, но я знал того, кто мог бы это знать. Так что я позвонил Уэйду. Он указал мне правильное направление, и я побежал по железнодорожным путям, чтобы срезать расстояние. Я едва не упустил вас из виду, но тут услышат крики.

– Заткнись, – обрывает его Пит.

– Что будем делать? – спрашивает Гатлин.

– Следовать за ним, – говорит Варнер.

Джегер уже пересекает луг, только черная бейсболка мелькает.

Пит смотрит на Лукаса, большие руки сжимаются в кулаки.

И Лукас внезапно срывается с места, расталкивая всех на своем пути.

Харрис с улыбкой произносит:

– Пеппер.

Для смеха он выставляет вперед ногу и вытягивает руку наподобие шлагбаума:

– Пароль?

Они сталкиваются друг с другом.

У юноши гибкое, сильное, тренированное тело, но Лукас двигается с ускорением, и они вместе валятся на землю. Сжав раненую руку, Лукас впечатывает кулак прямо в улыбающийся рот Харриса. Болезненно охнув, Харрис оказывается на земле, из разбитой верхней губы течет кровь.

Хлюпающий голос сыплет проклятиями.

Лукас поднимается на ноги и бежит.

Харрис трогает разбитый рот и, хорошенько подумав, говорит:

– Да пошел ты, придурок.

Лукас летит стрелой мимо дуба и через луг. Черная бейсболка пропала. Лукас держится главной тропы, вновь

углубляется в лес, где она удобно поворачивает вместе с рекой. Бешеного ускорения ему хватает на пять минут. Затем он замедляет бег, глубоко дышит, приводя в порядок отяжелевшую от нехватки кислорода голову. Выпирающие из земли корни и кочки подворачиваются под ноги, словно хотят, чтобы он споткнулся. За спиной раздаются голоса, и он снова делает рывок. Кто-то окликает его по имени. Лукас не сбавляет хода. Он почти на пределе, но шаг все такой же ровный и неистовый. Тропу перегораживает ствол молодого ясеня, но ноги легко переносят Лукаса через это ничтожное препятствие. Река прямо перед ним, берег превращен в длинный безобразный склон, камни и бетонные плиты образуют мелководье, где лошадь может перейти реку вброд. Лукас сворачивает налево, выбрав более узкую тропу; она разветвляется, правую тропинку преграждает знак «ЗАКРЫТО».

Джегер ушел влево: гравий на небольшой насыпи разворочен, сразу видно, что здесь пробегал человек. Лукас бежит прямо по перелопаченной тропе. Через ямы приходится перепрыгивать. Прошлогодняя трава хлещет по ногам. Тропа заканчивается там, где берег обвалился – наверное, это случилось в последние недели, – и Лукас уходит в сторону, а затем вверх по широкому откосу, поросшему пучками травы.

Джегер уже близко. При виде Лукаса он делает рывок, а там, где тропа вновь уходит в чащу леса, прибавляет ходу. Но заметно, что он слишком низко держит голову. Длинные руки то болтаются, то прижаты к туловищу и двигаются не синхронно. Лукас тоже решается на рывок и, настигая Джегера, врезается в него головой.

Джегер влетает в кустарник, едва удержавшись на правой ноге. Оба спотыкаются и падают, молотя друг друга костлявыми руками, нанося удары до тех пор, пока и тот и другой не остаются лежать на земле – избитые, едва дыша.

Лукас поднимается на ноги первым.

Осыпая противника проклятьями, он пытается пнуть Джегера в ребра, но промахивается и врезается носком в мерзлую землю. Тогда Джегер хватает его за ногу и пытается ее сломать, выворачивая изо всех сил, но добивается только того, что Лукас снова приземляется на задницу.

Лукас тяжело дышит, хватая воздух ртом.

– Это тебе не шуточки, – говорит он.

– Лучше, чем тюрьма, – отвечает Джегер.

– Ненамного.

С вершины откоса доносится голос Гатлина:

– Я их вижу.

– Он мой, мой, – говорит Харрис.

Джегер первым встает на ноги. Затем, после минутного размышления, он наклоняется и подает руку Лукасу.

Пит появился из раздевалки, следом за ним шел Гатлин.

– Будешь стоять или бегать? – спросил Пит.

– Могу бежать, могу не бежать, – ответил Лукас.

Эти двое посмеялись и оставили его разглядывать фотографии.

Одри готовилась к очередной попытке. Теперь она уже ни с кем не разговаривала. Откуда-то объявился Харрис, побежал рядом с ней рысью – болтливый, довольный. Можно подумать, у него были с ней какие-то шансы. Что-то сказал, посмеялся за двоих, а Одри изо всех сил старалась не обращать на него внимания.

У Лукаса не было никакого вдохновения. Ему совсем не хотелось бежать, вот почему он не торопился. Прогуливаясь вдоль стены, он разглядывал фотографии волейболистов, борцов и огромную именную доску в память о Гарольде Фаркете, который, хоть и скончался тридцать лет назад, по-прежнему шикарно выглядел в пиджаке и при галстуке. А потом он дошел до пустого пятна. Голый прямоугольник стены казался слишком ярким, виднелись дырки от шурупов, на которых прежде висело нечто тяжелое. Лукасу стало любопытно, он попытался вспомнить, что здесь было раньше. Не смог. Примыкающий к стене коридор вел в канцелярию, в кабинете Эйбла было какое-то движение. Подчиняясь внезапному порыву, Лукас постучался, и тренер с улыбкой вышел ему навстречу.

– Как дела, Пеппер?

– Мне нравится, как там об Уэйде написано, – сказал Лукас.

– Да, мы решили, что это будет правильно. Рад, что тебе понравилось.

– И вы убрали Карла.

Эйбл скривился:

– Да, убрали.

– И еще кое-что сняли, – заметил Лукас. – Там, за углом, раньше висела памятная доска. Она была о Карле?

– Нет, – сказал тренер. – Пару лет назад мы просили одного выпускника выделить деньги нашему отделу легкой атлетики. Отблагодарили его банкетом и установили большую доску в его честь.

– И что же случилось?

– Джаред Уэйлс. Помнишь его?

– У меня с именами плохо, – сказал Лукас.

– Бегал он неважно, но зато был бизнесменом. До прошлого года владел одной крупной компанией, – кровь прилила к круглому лицу тренера. – Возможно, ты видел его на соревнованиях. Богатенький мальчик, на «Корветах» рассекал.

– «Стингрей-73».

– Точно.

– Вспомнил. Парень использовал фиктивные чеки…

Лукас кивнул, в памяти стали всплывать подробности той истории.

– Говорил, что получил деньги в наследство, но это было не так. А когда пришло время платить по счетам, он уехал на автомобиле в лес и вышиб себе мозги. Тогда мы и сняли эту доску.

– Да, я знал его, – снова кивнул Лукас. – Мы с ним даже пару раз говорили. Мне нравились его машины. Я ему так и сказал. Он казался самым приятным богачом в мире, пока мы болтали о «Корветах».

– На самом деле он вовсе не был таким уж приятным, – возразил тренер.

– Я о том и говорю, – Лукас вытер губы. – Мы всегда говорили об одном и том же: о машинах, о том, как классно ездить на скорости, правда, бензина не хватает даже тем, у кого есть деньги. Хороший такой разговор. Если бы он еще не менял тему. Он каждый раз заканчивал громогласным заявлением, что берет меня на работу.

– Тебя?

– Я должен был стать его личным тренером. Должен был готовить его к участию в соревнованиях по бегу, вроде трехчасового марафона или типа того. А он собирался мне платить. Каждый раз называл цифру, и каждый раз цифра становилась все солиднее. Безумнее. А еще он должен был сбросить пять килограммов, или десять, а то и все пятнадцать. А я должен был бежать вместе с ним разные сверхмарафоны – через весь штат Колорадо или подняться на эту гору в Африке. Килиманджаро, что ли?

– Лукас Пеппер, личный тренер, – сказал Эйбл со смехом.

– Да, мистер Дисциплина. Это я, – Лукас покачал головой. – Само собой, это был просто треп. Это было всем понятно. Когда он говорил на такие темы, то всегда улыбался. Улыбка умника, который всем заправляет. Для него было главным показать, что у него достаточно денег, чтобы купить меня с потрохами. Причем в любой момент, стоит ему только захотеть. И я должен был это знать.

Тренер кивнул. Он ждал продолжения.

– В программе полно таких людей, как он, – сказал Лукас. – У анонимных алкоголиков, я имею в виду. Это пьяницы и забулдыги, которые врут почем зря обо всем на свете, лишь бы не выдать тайну и не сознаться в пьянстве. Такое у меня сложилось впечатление от этого парня на «Стингрее». От его сияющей улыбки. От того, как бегали его глаза, как он отводил взгляд, рассказывая о чем-нибудь. О чем угодно.

– Он был неисправимым лжецом.

– Наверное.

– Нет, это выяснилось уже после самоубийства. У Джареда Уэйлса была богатейшая биография, но значительную ее часть он выдумал.

– Это многие пытаются делать, – заметил Лукас.

– Но ты видел его насквозь.

Лукас пожал плечами.

– И как? Ты кому-нибудь говорил о своих догадках?

– Да, было дело, – Лукас кивнул, глядя на трек. Сейчас он готов был бежать. – Однажды я рассказал кое-кому о том, что увидел в этом парне.

Главное – это тропа. Мимо проплывают деревья, кустарники, далекие блики солнца на воде – все ничто, не имеет значения. Реальностью здесь является мокрая черная полоса плотно утрамбованной земли, которая извивается и загибается сама по себе. Главное – на что наступать и куда ставить ногу в следующий раз. Вот промелькнул указатель – желтая буква «С» перечеркнута стрелой, нацеленной на юго-запад. Тропа то сужается, то теряется, то снова расширяется: здесь земля размыта водой, и за пару шагов к подошвам липнет грязь. Бегуны немного замедляют ход. Лукас впереди. Затем тропа уходит вверх и резко влево, темп все увеличивается и увеличивается, и негромкий гортанный голос за спиной пытается сказать что-то умное, но для чего-то умного нужен воздух, а его не хватает. Джегер довольствуется невнятными жалобными ругательствами.

В двух шагах впереди Лукас легким аллюром перескакивает через выпирающие корни и гору плотной грязи. Молния на голубой ветровке расстегнута, болтается и звякает на ветру. Рукава засучены выше локтя. И вязаная шапочка, и волосы у него уже мокрые от пота, но лицо абсолютно спокойно. Он смотрит под ноги, лишь иногда бросает взгляды по сторонам и внимательно вслушивается в звуки шагов за спиной.

Джегер бежит медленнее, отстает еще на один шаг.

Ясеневая протока круто изгибается, а затем снова выпрямляется, указывая точно на восток. Русло широкой

мелководной реки забито поваленными деревьями, и энергично журчащая вода течет в противоположную сторону, а тропа парит рядом – гладкая и прямая. Лукас ускоряет шаг, и вдруг журчание воды пропадает. Нескончаемый ветер все еще дует, но Лукас уже не слышит шелеста листьев на деревьях, и того, как слабеющие ноги Джегера начинают шаркать по земле, он тоже не слышит. Откуда-то возникает сильная длительная вибрация, земля сотрясается. Лукас пригибает голову и поворачивается к Джегеру, который с вопросительной интонацией произносит всего одно слово. Тогда Лукас замедляет бег – лишь для того, чтобы проорать то же самое слово в ответ.

– Поезд! – кричит он.

Река уходит вправо, почти прижимаясь к старому железнодорожному полотну. Прошлогоднее наводнение угрожало путям, и администрация железной дороги завалила черными валунами тропу до самого берега реки. Большой двуногий указатель преграждает путь к полотну: суровое предупреждение тем, кто по глупости решится посягнуть на собственность железной дороги. Лукас взбирается по камням, высоко поднимая колени, съезжает вниз вместе с парой катящихся валунов, бросает взгляд туда, где река, и видит, как солнечный свет пляшет на блестящих боках утреннего поезда.

Подрагивая, большой тепловоз преодолевает подъем. Но вот машинист замечает бегунов и подает сигнал, и все живые существа в пределах мили от этого места слышат этот пронзительный, яростный, неукротимый рев.

Лукас сворачивает на юг и увеличивает скорость до предела.

Здесь одноколейный путь. Джегер выкрикивает какое-то слово, потом еще одно, а потом перестает кричать. Адреналин возвращает его к жизни. Он уже почти наступает Лукасу на пятки, а тот оглядывается еще раз лишь для того, чтобы определить, как быстро движется поезд. Прикинув в уме, он решает, что ему хватит времени и скорости. Но тут тепловоз снова подает сигнал, тело Лукаса содрогается от рева – теперь бегун уже ни в чем не уверен. Руки работают как поршни, он еще быстрее перебирает ногами и вновь увеличивает разрыв до двух шагов. Тогда локомотив неохотно сбрасывает скорость, и Лукас, понимая, что ему уже не придется прыгать на большие черные камни, снова бежит спринт, как он привык это делать на треке жарким летом.

Между камнями проглядывает тропа, которая снова уходит в лес.

Он съезжает со склона, Джегер все так же гонится за ним, Лукас останавливается, и Джегер врезается в него, а поезд грохочет мимо. Никто из мужчин не падает. И опять, для пущего

эффекта, раздается оглушительный сигнал, а из кабины машиниста на них смотрит сверху чье-то сердитое лицо. За локомотивом тянутся обтекаемые старые вагоны, за ними новые, собранные в рамках ускоренной программы. Пустые окна взирают на окружающий мир, только из одного смотрит маленький мальчик. Мальчик машет бегунам рукой и улыбается: жизнь, полная зрелищ и приключений, приводит его в совершеннейший восторг.

Лукас машет в ответ.

Джегер оседает на корточки, с трудом переводя дыхание. В воздухе висит дым тепловоза. Он хочет выругаться – и не может. Пытается встать – и не может. После недель, проведенных в тюрьме, ноги уже не те: для спортсмена за сорок длительные перерывы в тренировках – чистая смерть. Джегеру больше не выиграть ни одной важной гонки. Он это знает, и Лукас это видит, и тогда побежденный мужчина встает, дрожа всем телом.

Поезд ушел уже достаточно далеко, чтобы снова вернулись лесные звуки.

– Так это ты убил его? – спрашивает Джегер.

Лукас качает головой.

Джегер кивает. Неважно, верит он такому ответу или нет. Глядя Лукасу прямо в глаза, он спрашивает:

– И что теперь?

– Я пойду, – говорит Лукас. – А ты жди здесь остальных.

– А потом?

Внизу из-за деревьев показываются остальные участники группы – рельсы все еще гудят, когда они осторожно пробегают рядом.

– Я не знаю, кто убил Уэйда, – говорит Лукас.

– Жаль, – отвечает Джегер.

– Но я знаю, кто заплатил за его убийство.

Новость вознаграждается долгим остолбенелым взглядом.

– Сохрани это выражение лица, – говорит Лукас. – Передай всем то, что я тебе только что сказал. Посмотрим, что из этого выйдет.

Глава девятая

– «Джингл Беллз», – произнес голос. – Колокольчики-бубенчики.

– И тебя с Рождеством.

– Нет, я о соревновании. Забег на пять километров. Если не выиграешь в этом году, значит, ты и вовсе не хочешь победить. Вот что я думаю.

Лукас молча наполнил чашку.

– Я вижу улучшение, Лукас. С учетом результатов отдельных забегов и общих результатов, ты определенно набираешь форму.

– Спасибо за заботу.

– Просто хочу помочь, – и голос пропал.

Лукас присел на стул в кухне, выпить кофе. На улице было холодно и дождливо, а в доме – промозгло и сыро. По телевизору шел старый фильм со Сталлоне, но трансляция прервалась новостью о том, что в Китае размыло большую дамбу. Слишком серьезная тема; Лукас потянулся через стол, чтобы выключить телевизор.

Голос вернулся:

– Ты там?

– Пока да. А ты куда уходил?

– Отвечал на другой звонок. Но теперь я вернулся.

– Занятой же ты.

– Всегда таким был, – сказал Уэйд. – Ты подал заявку?

– На забег «Джингл Беллз»? Подам в следующем месяце.

– Сделаю это для тебя. Я оплачу.

Лукас поставил чашку, не говоря ни слова.

– Ну вот, готово.

– Только и всего?

– Только и всего.

– Полагаю, я должен поблагодарить, – Лукасу было просто необходимо глубоко вздохнуть. Потом он продолжил: – Возможно, ты уже знаешь: его выпустили. Пару дней назад.

– Да, Сара мне позвонила, когда это случилось. К тому же я читаю все статьи.

– И что думаешь?

– Думаю, у них нет убедительных улик.

– Анализы ДНК ничего не дали, – сказал Лукас. – Так мне говорили. У них недостаточно материала, даже самые лучшие лаборатории бессильны.

– Это ливень все испоганил.

– К счастью для Карла, – заметил Лукас.

Тишина.

– Ты когда-нибудь видел свояченицу Крауза?

– Офицера полиции с пикантной попкой? – Уэйд рассмеялся. – Да, она хорошенькая.

– Ну вот, она говорит, что следствие не рассматривает никого, кроме Джегера. Наверняка он и есть тот парень. Но у нас теперь кругом Дикий Запад, кадров не хватает, чтобы бросить все силы на раскрытие одного дела. Поэтому Джегера выпустили – в надежде на то, что рано или поздно что-нибудь да всплывет.

– Я внимательно изучил статистику, Лукас. Даже в лучшие времена многие убийства так и оставались нераскрытыми.

– А кто еще это может быть?

Наступившее молчание нарушил смоделированный звук дыхания и полный раздражения голос:

– Знаешь, я все же надеюсь, что это Карл. Потому что если это случайный человек, какой-нибудь бродяга с поезда, то никто никогда не узнает, что же произошло.

Лукас молчал.

Еще немного погодя Уэйд сказал:

– Никаких отговорок. Я просматриваю список участников соревнования. Твой единственный соперник – это Харрис, и ему за тобой не угнаться.

– Это всего лишь «Джингл Беллз», – сказал Лукас. – Так, звон один, а не забег. Пустяки.

Наступила еще одна пауза.

Еще один долгий глоток кофе.

И тогда мертвый человек произнес:

– Выиграй забег, Лукас. Всего один забег. Вот тогда и будешь рассуждать о том, что пустяк, а что нет.

Деревья уступают место примятой траве и небольшим кустикам сумаха. Небо над головой не изменилось, но кажется, что редкие облака поднялись еще выше, чем прежде, и эта чистая синева над миром такая яркая, что на глаза наворачиваются слезы и хочется сморгнуть. Ныряя в траву, извилистая тропа сужается, а потом выпрямляется, подобно человеку, который сумел справиться с собой – аккуратная канавка, протоптанная в дерне. Лукас выбегает на луг, откуда ему все видно и где его все видят, и тут решает остановиться. Никого за ним нет. Он вглядывается; ветер бьет в лицо, у него ноют зубы, и он опускает закатанные рукава и приседает на корточки, вслушиваясь и выжидая. Довольно скоро он начинает разбираться в звуках ветра, как настоящий эксперт. Это не просто один какой-то звук, напротив: ветер – это бесконечное наложение звуков,

доносящихся из разных мест, каждый из них спешит найти уши, желающие услышать голоса, и слова, и печальные крики, которых здесь нет.

Лукас касается телефона. Глазами пролистывает список контактов, моргает, чтобы позвонить. На том конце линии, в нигде, звонит телефон, которого нет. После четвертого гудка Лукас думает, что сработает голосовая почта. Но пятый гудок обрывается сразу.

– Что ты делаешь? – спрашивает голос.

– Стою. А ты что делаешь?

– Стою, – отвечает Уэйд.

– Почему не бежишь с нами?

– Никто до тебя не хотел разговаривать. Поэтому я рано развернулся и уже финишировал.

До Лукаса доносится причмокивание.

– Я тебе говорил? Кофе здесь всегда отличный.

Лукас стоит, колени у него побаливают.

– Все здорово запыхались, судя по тому, что я видел.

– Ты знаешь, где они? – спрашивает Лукас.

– В основном стоят там, где ты оставил Джегера.

– В основном?

– Один телефон движется.

– Но за Карлом ты не можешь наблюдать. Он не носит с собой телефон.

– Даже если бы носил, я бы ничего не знал. Нужно, чтобы человек звонил, и линия при этом должна быть открыта. Именно так я синхронизирую местоположение. Не думаю, что Джегер хочет делиться со мной информацией о своих маршрутах.

– Между прочим, – говорит Лукас, – Карл, похоже, ни в чем не виноват.

– Да, полагаю, этому засранцу просто крупно не повезло.

– А что ты думаешь насчет меня? – спрашивает Лукас.

В ответ – молчание, упорное и обескураживающее.

– Так, а сколько длится блокировка телефонов?

– Плюс-минус часа четыре. Потом оператор искусственного интеллекта снова переводит меня в нормальный режим.

Лукас вытаскивает варежки из-за пояса штанов: пальцы замерзли.

– Ты сказал, один телефон движется, – говорит он. Потом добавляет: – Неважно, я ее уже вижу.

Из-за деревьев показываются коричневая шапочка и бледное личико, позади мотается «конский хвост».

– Как Сара выглядит? – спрашивает Уэйд.

– Очень, очень уставшей.

– Бедная девочка.

– О да.

До Лукаса доносится что-то вроде смешка.

– Я тебе докучаю, – говорит Уэйд. – Знаю, иногда тебе это не нравится. Но меня она уже достала своими звонками без всякого повода.

– Пока, Уэйд.

– Да, – отвечает голос. – Береги себя.

Сара хочет бежать быстрее, но она слишком устала, и короткие ноги ее не слушаются. Она с трудом волочит их и плачет, а потом перестает плакать. Она устремляется к Лукасу, ее лицо кривится от старых и новых переживаний. Приблизившись на расстояние вытянутой руки, она сжимает кулачки внутри розовых варежек и бьет Лукаса в живот. Но в руках у нее тоже нет силы. Лукас ловит ее кулак ладонями. Она не в состоянии сделать ему больно, и он отпускает ее.

– Ладно, – говорит он, подставляя живот. – Если тебе это поможет.

Сара не бьет. Она падает на колени, громко всхлипывая.

В лесу к северу не видно движения. На западе находится невидимое отсюда устье реки, окруженное деревьями. Пустые железнодорожные рельсы ведут в восточную часть парка. А к югу на четверть мили тянутся в ряд древние трехгранные тополя, высокие как горы; их серебристые стволы светятся в лучах восходящего солнца. За теми деревьями есть и вторая железная дорога. Длинная дубовая эстакада возводилась через пойму реки и через старые пути, со временем здесь должны были пустить поезда «Амтрака». Сюда завезли грунт, засыпали его под эстакаду, и получилась высокая темная гряда холмов. Но железную дорогу забросили десятилетия назад. Рельсы разобрали на металлолом, старые участки продали огородникам. Остались лишь холмы, поросшие деревьями, они тянутся под углом через весь парк и дальше – в города, которые ушли в прошлое, превратились в воспоминание, в выцветшие маленькие точки на пожелтевших картах.

Сара поднимается на ноги, с трудом сдерживая рыдания.

– Ты сказал Джегеру, – произносит она. – Ты думаешь, что кто-то нанял кого-то.

Лукас внимательно смотрит на нее.

– Кто-то заплатил профессионалу, чтобы убить Уэйда. Ты это так себе представляешь?

– Нет, – отвечает он. – Не думаю, чтобы кто-то внес за это деньги.

Она внимательно смотрит на него.

– Помнишь парня, который подделывал чеки? – говорит он. – Я как-то раз упомянул о нем при Уэйде: о том, что у меня плохое предчувствие насчет этого типа на «Стингрее». Как его звали?

– Уэйлс.

– Что-то в этом Уэйлсе было не так. Разговаривая с парнем, я заметил, что он совсем заврался. Мне и в голову не приходило, что он обналичивает фиктивные чеки, что ворует миллионы. Такого я совсем не ожидал. Но я рассказал Уэйду о своих мыслях, а ты же его знаешь. Он серьезно отнесся к моим словам. «Я наведу кое-какие справки, посмотрим, что к чему», – сказал он мне. А спустя неделю копы начали расследование, а еще через пару дней Уэйлс приехал на машине сюда… на автомобильную стоянку, через которую мы не так давно пробегали, если я ничего не путаю… и покончил с собой…

– Но это было год назад, – говорит Сара. – Уэйд был еще жив.

– Я и не говорил, что это мистер Уэйлс заказал убийство. Просто задаюсь вопросом: а что, если у него был виртуальный двойник?

Она молчит, теперь ее взгляд устремлен куда-то мимо Лукаса.

– Я говорю не об официальной копии, которая носит то же самое имя, – продолжает тот. – Наверняка есть способы подделать имя, подчистить биографию и жить в облачных средах, как это делает Уэйд. Быть везде и нигде. Сидеть на куче украденных и припрятанных денег и злиться на того сукина сына, из-за которого все и случилось. Злиться с каждым днем все сильнее и сильнее.

Сара обхватывает голову руками и начинает медленно раскачиваться взад и вперед.

– Двойник Уэйлса ненавидит Уэйда Таннера. Тогда он выходит в мир живых людей и находит того, кто поможет ему отомстить. Может быть, за деньги, а может, и по личным причинам. И, как сказал Карл, это должен быть кто-то достаточно сильный и достаточно быстрый, чтобы держаться рядом с Уэйдом во время бега на дистанцию.

Сара роняет руки и прислоняется к Лукасу, обмякнув всем телом.

Он поддерживает ее и смотрит по сторонам. Если вокруг и есть какое-то движение, это только ветер, людей нигде нет. Еще через полминуты он говорит:

– Я считал, что это Пит. Он мускулистый и достаточно быстроногий. Думал, сейчас увижу, как он выходит из леса, чтобы заставить меня заткнуться. Тебя увидеть я не ожидал.

– Это не Пит, – говорит она.

– Да, я тоже этого не хочу.

– Нет. Я хочу сказать, что это не он.

– Почему нет?

Она высвобождается из его рук, вытирая опухшие глаза.

– Пит заставил нас бежать по этому маршруту. Помнишь? И оказалось, что Джегер в это же самое время бежит по плотине. Но это не совпадение. Пока мы тебя догоняли, Пит нам все объяснил. Он рассказал, как на прошлой неделе случайно встретил Джегера и набросился на него с обвинениями, а Карл в ответ выдвинул те же аргументы, что потом использовал на мосту. Вот когда Пит ему поверил. Стал думать, что если Карл не виновен, то тогда, наверное, самый подходящий подозреваемый – это ты.

Лукас по-прежнему смотрит на север. Ничего не меняется.

У Сары вдруг вырывается судорожный горький смех.

– Ты мне не поверишь, – говорит она. – И никто здесь, наверное, не поверит. Но я хочу, чтобы ты знал: я никогда, никогда в своей жизни не изменяла мужу. Ни с Мастерсом, ни даже с Уэйдом.

Лукас вслушивается в порывы ветра. Он выжидает.

Внезапно Сара весело хихикает:

– Заигрывания с машиной – это не считается.

Лукас качает головой и вздыхает.

– Харрис, – говорит он.

– Что?

– Вероятно, он – убийца.

– Этого не может быть, – возражает Сара. – Пит, конечно, присматривался к этому парню. Он со странностями, это известно, и мы мало знаем о его жизни. Но, как говорит Карл, это было убийство по личным мотивам. Жестокое убийство. Пит говорит, что вряд ли безмозглому охламону из бывших мормонов, который и шести недель здесь не пробыл, захотелось бы мучить Уэйда Таннера. Вот почему Пит отослал его бегать по другому маршруту этим утром. Харрис вне подозрений.

– Пит вам это сказал? В присутствии парня?

Она отрицательно качает головой:

– Нет, Харрис к тому времени пропал.

– Пропал?

– Поезд прошел, и мы догнали Карла, и Карл передал нам твое сообщение, и потом мы стояли там и разговаривали. И тогда Харрис сказал, что мы все чокнутые идиоты и что он лучше будет бегать с оленями, чем попусту тратить время и торчать тут в окружении старых пердунов. Так что он снова побежал к железнодорожным путям и направился… Я не помню, куда…

Лукас ничего не говорит.

Сара переводит дыхание и замирает. Внезапно ее глаза расширяются, и она произносит:

– А что, если?..

Лукас приказывает своему телефону набрать номер.

Уэйд принимает звонок:

– Все еще стою, все еще пью свой кофе.

– Итак, – говорит Лукас. – Ты разговаривал с Харрисом сегодня?

Краткий миг тишины прерывается шорохом: словно там, на другом конце линии – множество людей, которые из вежливости стараются не шуметь, словно там в одной переполненной комнате собралось десять миллионов двойников. И сквозь эту шепчущую тишину доносится голос Уэйда:

– Сегодня? Нет, я не разговаривал с малышом. А почему ты спрашиваешь? Наш новый жеребец что-то замышляет?

Тропа через луговину ведет на юг, к трехгранным тополям. Там, где начинается тень, Лукас останавливается, убирает рукавицы и оглядывается назад. Сара медленно пробирается к северному краю травяного поля, остальные участники забега вышли ее встречать. Джегер стоит в центре группы. Кто-то упирает руки в бока, кто-то закинул их за голову – все они выглядят как одетые не по форме солдаты, готовые бежать с поля боя. Сара останавливается и что-то говорит, указывая назад на Лукаса, и все пристально смотрят на него через поле – он чувствует адресованные ему сомнения и подозрения.

Повернувшись, он ленивой трусцой направляется прочь.

Извилистая лесная тропа ведет к Ясеневой протоке. Заброшенная железная дорога остается слева, еще одна тропа проходит через железнодорожные пути и дальше, обратно в город. Харрис мог бы сейчас бежать по старой проверенной трассе. Если бы малый не был дураком, то мчался бы галопом домой, чтобы собрать сумку и успеть спастись в последнюю минуту. Но это для тех, кто здраво мыслит, а здравомыслие – совсем не для Харриса. Он скандалист и задира. А еще он сумел отыскать их в чаще леса. Так что мальчик не полный тупица, и у него есть способы выслеживать людей.

К Лукасу снова пробиваются те же звонки, что и в пять утра, – от сексуальной женщины и от отчаявшегося отца. Кстати, один из них мог быть Уэйлсом, если бы тот подделал голос, чтобы влезть в систему отслеживания. Но это кажется маловероятным. Почему бы просто не набрать его номер и потом сбросить звонок? Возможно, здесь есть еще какая-то хитрость. Углубившись в

размышления, Лукас вдруг осознает, что уже никуда не бежит и даже не помнит, когда он остановился. Он уставился в землю; в голове путаница. Внезапно его взгляд падает на лодыжку; он наклоняется и задирает заляпанную грязью черную штанину. Смотрит на чудо-браслет, который только и нужен, чтобы громко оповещать весь мир о том, что он здесь и что он трезв.

Лукас выпрямляется и поворачивается вокруг своей оси. Что-то движется на самом верху старой эстакады, но потом исчезает за переплетением ветвей. А может, Лукасу все это только почудилось. Он снова пускается в путь, преодолевая дистанцию легкими длинными шагами. Минует эстакаду – впереди с десяток тропинок, сотня способов выбраться из парка. Но самый лучший план очевиден: набрать 911 или, на худой конец, позвонить тому, кто находится неподалеку. Одри. Остановив свой выбор на ней, Лукас касается панели телефона; когда ничего не происходит, повторяет попытку. Несмотря на то что аккумулятор заряжен и светит зеленым огоньком, аппарат отказывается выходить на связь с внешним миром.

Лукас прекращает бег и смотрит налево.

Там, на возвышенности, виднеется желтая рубашка; ее обладатель не делает ни малейших попыток замаскироваться. Лицо над рубашкой расплывается в улыбке. Харрису хочется смеяться. Он стоит неподвижно и, глядя вниз на Лукаса, произносит пару слов. Сейчас стекла очков достаточно прозрачны, чтобы были видны глаза парня. Расстояние позволяет разглядеть разбитую распухшую губу и блестящее от пота лицо. Он прислушивается к чьему-то тихому голосу, кивает и говорит что-то еще. Затем поднимает правую руку, в которой зажат кусок ржавого металла, – случайно или нет, эта хреновина по форме напоминает небольшой топорик.

Харрис приподнимает ногу и опускает ее.

Лукас срывается с места и мчится со всех ног в сторону устья реки. На сей раз он не придерживается тропы, а срезает путь по подмерзшей грязи там, где кустарник не слишком густой. Он смотрит вниз и вперед и через десять шагов такого бега перестает что-либо соображать. Не просто мир сжимается вокруг него – его разум пуст, весь день словно исчезает в никуда. От недостатка кислорода и от навалившегося ужаса мозг охвачен дикой паникой, шаги все шире – Лукас перепрыгивает через склоненные ветки и небольшие овражки с такой грацией, которую вряд ли получится воспроизвести. Он не знает, где сейчас Харрис; на самом деле это не имеет значения. В счет идет только скорость и отвоеванное расстояние. В таком безудержном, безумном и великолепном состоянии Лукас бежит почти минуту. А потом у

него иссякают силы и дыхание.

Он останавливается, чувствуя вкус крови в горле.

Бросает взгляд влево.

Высокий земляной вал совсем близко, по нему бежит Харрис. Этот парень никогда раньше не выглядел таким серьезным, таким взрослым.

– Да, – говорит он кому-то. Замедляет бег, резко поворачивается, спрыгивает на оленью тропинку и оказывается примерно в двадцати метрах позади Лукаса.

Похоже, это победа: Лукас все равно впереди.

Но теперь ему нельзя оборачиваться. Иначе он рискует получить удар тем куском металла. Или того хуже. Он снова переходит на максимальную скорость, Харрис старается не отставать, и тут Лукас срезает последнюю петлю на этой тропе и продирается сквозь кусты малины, цепляющие его за штаны. Затем притормаживает, позволяя малышу сократить расстояние между ними примерно наполовину, в то время как сам он готовится к очередному повороту.

Ржавые железные опоры словно все еще поддерживают давно разобранные железнодорожные пути высоко над рекой. Тропинка сворачивает влево и ныряет под эстакаду, а затем вновь уводит наверх; там она выравнивается и делает поворот направо уже перед самым длинным мостом из труб и досок. Лукас бежит, упорно следуя этой дуге, – так ему удается отвоевать еще полшага. Их теперь разделяет метров десять. Или восемь. Он прислушивается к топоту догоняющих его ног, пытаясь определить их силу и скорость. Интуиция подсказывает ему, что случится потом: как только Харрис оставит мост позади, он обязательно рванет вперед. Харрису непременно захочется завершить эту гонку прямо здесь и сейчас. Этого требуют его юность, страх и изрядная порция адреналина. Именно поэтому Лукас делает рывок первым. Он запрыгивает на мост и сначала немного увеличивает разрыв, но тяжелая поступь за спиной вдруг сменяется легкими стремительными шагами, которые сокращают разрыв наполовину, а потом еще раз наполовину. Харрис почти наступает ему на пятки. Еще чуть-чуть, и они сравняются, и тогда парень сумеет достать Лукаса своим оружием.

Однако Лукас укорачивает шаг, что позволяет ему быстрее передвигать ногами; Харрис пытается подстроиться под своего соперника, но это ему дорого обходится. Он болезненно охает, прежде чем ускориться, но тут оказывается, что каким-то образом он отстал еще на пару шагов. Его переполняет отчаянье. Он пытается выругаться, но из его груди вырывается только звериный рык. Впрочем, и так все понятно. Ноги у юнца

наливаются свинцовой тяжестью. Харрис еще больше отстает, он огорчен и озадачен, но слишком глуп и неопытен, чтобы понять, что же произошло. Он намеревается передохнуть на ходу, собраться с силами для очередного броска. В конечном счете это будет легко. Иначе и быть не может. Ведь Лукас почти вдвое старше, и в голове у Харриса уже прокручивается финал их гонки, суровый и кровавый. Окончательный. Харрис позволяет старикану оторваться почти на пятнадцать метров и окликает его. Лукас должен понять, чем все кончится.

– Сдавайся, – громко говорит Харрис. Переводит дыхание и продолжает: – Тебе не победить.

Лукас уже победил. Он это знает, осталось решить лишь одну задачу – хорошенько спланировать остальную часть этой гонки.

Прошлым летом, во время очередного урагана, прямо поперек дороги рухнул старый тополь. У городских властей не нашлось средств, чтобы убрать дерево, люди обходили его или объезжали на велосипедах, а к зиме проложили новую тропу. Деревья падают, образуются окольные пути – это одна из причин, почему в лесу не так много прямых дорог. Стволы упавших деревьев распиливают и убирают, или они сами рассыпаются в труху, но новые изгибы троп уже проторены, стали привычными. Мертвые указывают живым, где им ходить, а живые даже не догадываются, почему они поступают именно так, а не иначе, – и так везде, во всем и всегда.

Впереди большие повороты. Три, а то и четыре дорожки будут петлять и путаться практически на каждом шагу. Лукас пока не знает, какую из них выбрать, но его план, если это можно считать планом, состоит в том, чтобы хорошенько вымотать Харриса, а потом увлечь его за собой и прыгнуть через кусты, снова направившись на север. Держаться впереди, но не слишком отрываясь, дразнить парня мысль о, что удача вот-вот повернется к нему лицом, что молодые ноги докажут свое преимущество. Что Харрис неизбежно сократит разрыв между собой и этим седеющим старым дураком, который не понимает, что проиграл.

Глава десятая

Ежегодная встреча членов клуба любителей бега проходила в подвале ресторана. Убогое помещение с затхлым воздухом было забито длинными столами, складными стульями и стройными, если не сказать тощими, людьми. На бумажных тарелках штабелями лежали куски пиццы и хлебные палочки, высокие пластиковые стаканчики были наполнены шипучкой или пивом. Все разговоры так или иначе касались дивной январской погоды и завтрашнего забега на длинную дистанцию от здания «Игрека», время от времени в болтовню вклинивались мрачные фразы из международных новостей. Члены группы «Игрека» потребовали, чтобы их посадили за один стол у стены, и разогнали всех, кто имел виды на это место. Получилось так, что во главе стола расположилась жена Мастерса – ярко накрашенная дама, которая не скрывала, что ей чрезвычайно скучно. Сара сидела между своим мужем и Краузом, все ее внимание было поглощено фотографиями новорожденного ребенка. Пит, Варнер и Гатлин обосновались в дальнем углу комнаты, развлекаясь язвительными замечаниями в адрес всех и каждого, включая друг друга. Лукас оказался посередине, лицом к остальным участникам вечера. Все отлично знали, что в его стакане только пепси. Одри привела свою дочку – самую быструю четвероклассницу штата – и усадила ее рядом с Лукасом, чтобы иметь возможность незаметно его контролировать. Юным нравились его грубый голос и по-детски непосредственные манеры, а эта девочка к тому же оказалась неутомимой кокеткой. Она сказала, что ей нравится смотреть, как он бегает. Сказала, что им вдвоем надо будет как-нибудь побегать вместе, а мама тоже сможет присоединиться, если у нее получится их догнать. Она спрашивала у Лукаса, как он тренируется, разминается ли он вообще перед забегами и почему у него никогда не бывает травм.

Харрис сидел по другую сторону от Лукаса. Он громко утробно гоготнул, чем привлек всеобщее внимание, и не менее громогласно ответил:

– У него не бывает травм из-за спиртного, дорогуша. Пиво сохраняет подвижность суставов.

Наступила неловкая тишина.

Даже до Харриса, похоже, что-то дошло. Желая сгладить неловкость, он дружески пихнул Лукаса в плечо, а когда это не произвело на того должного впечатления, откинулся на спинку стула и заявил:

– Да ладно, я просто пошутил. Забудь.

Это привлекло внимание Пита. Не говоря ни слова, он встал из-за стола и, протиснувшись вдоль стены туда, где сидел Лукас, схватил стакан с пепси-колой и отпил из него, пробуя на вкус. Причмокнув губами, он сказал:

– Простая проверка, – и заговорщицки подмигнул Харрису, будто делясь шуткой, известной только им двоим. Парень рассмеялся, замотал головой. Пит отставил стакан в сторону, но, убирая руку, запнулся о ножку стола, а когда стакан начал падать, потянулся к нему, попытался подхватить, но в итоге толкнул, и липкая темная жидкость выплеснулась на брюки Харриса.

Парень выругался, но добродушно, почти незлобиво. Все прочие бегуны сдерживали хохот до тех пор, пока Харрис не скрылся в туалете.

Сара воспользовалась суматохой, чтобы незаметно ускользнуть.

Жена Мастерса обратила внимание на второй пустующий стул. Со своего королевского места она спросила у мужа:

– Что твоя девица делает на подиуме? Она с камерой разговаривает, что ли?

Мастерс поежился, но ничего не ответил.

– Виртуальный двойник Уэйда нас смотрит, – откликнулся Крауз, всегда готовый прийти на помощь. – Пока никому не говорите, но сегодня мы собираемся вручить ему специальный приз.

Женщина усмехнулась. А потом, поскольку это было весьма важное и ценное мнение, повысила голос так, чтобы ее слышали все, и заявила:

– Этот человек мертв. Он мертв уже несколько месяцев, и я считаю, что вы все тут психи, раз играете в эту игру.

И вновь воцарилась тишина. Некоторые смотрели на Мастерса в надежде, что он что-нибудь скажет или сделает, докажет, что он не тряпка. Как ни странно, но именно муж Сары обиделся больше всех. Этот парень, на вид мальчишка, невысокого роста, но широкоплечий и крепкий, испытывал целую гамму противоречивых чувств по многим вопросам – в том числе из-за того, что Сара питала слабость к памяти об одном человеке. Но ему было важно защитить жену, а посему он перегнулся через колени Крауза и сказал:

– Знаете что, леди. Вы со своим идиотским макияжем и с кочергой в заднице больше похожи на покойницу, чем какой-нибудь призрак.

Женщина покраснела, выпрямилась. Подумав, она подхватила свою крошечную сумочку:

– Я ухожу.

Мастерс кивнул, не говоря ни слова.

– Мне нужны ключи от машины, – сказала она ему.

На лице Мастерса начала проступать улыбка:

– Сегодня такой прекрасный вечер, милая. Дорогая. Долгая прогулка тебе не повредит.

Они бегут в таком темпе, как если бы передвигались на четырех костях, может, чуть быстрее. Лукас упорно двигается на север по знакомым местам, от ветра у него мерзнет лицо, а в остальном все хорошо. Это завтра у него будет болеть все тело, но сейчас никакой особой усталости он не ощущает. Ему легко дышится, в ногах еще есть силы. Тропа ровная и почти прямая, и он на тридцать метров впереди, но иногда увлекается и увеличивает дистанцию; тогда ему приходится сбрасывать темп, делать вид, что он выбивается из сил, чтобы вдохновить Харриса на очередной рывок. Или притворяться, что подвернул лодыжку, угодив ногой в колдобину. Он дважды проделывает этот трюк: начинает сильно хромать, и Харрис, тяжело пыхтя, сокращает разрыв, но лишь для того, чтобы увидеть, как добыча на глазах исцеляется и буквально за считаные секунды вновь оказывается далеко впереди.

В третий раз этот фокус с мнимым растяжением связок уже не проходит. Лукас оглядывается – удостовериться, что Харрис видит его улыбку, затем на следующем ровном и прямом отрезке дорожки увеличивает свое преимущество, а потом вдруг разворачивается и бежит спиной вперед и громко смеется – так же, как обычно этот парень потешается над другими.

Взбешенный Харрис останавливается и кидает в Лукаса свое оружие.

Лукас уклоняется от удара и продолжает бежать задом наперед, подпуская юношу поближе, а затем снова разворачивается и ускоряется, бросая на ходу:

– Итак, после смерти Уйэда… почему ты остался в городе?

– Я не убивал этого типа, – отвечает Харрис.

– Рад слышать, – говорит Лукас. – Но зачем оставаться? Почему не убраться куда-нибудь в другое место?

– Потому что мне здесь нравится.

– Хорошо.

– Здесь я бегаю быстрее всех, – говорит Харрис. – А я люблю побеждать в гонках.

Впереди уже виднеются отставшие бегуны. Разгоряченные и измотанные, они с каждым спасительным шагом становятся все ближе. Лукас не ожидал их увидеть, но радуется так, как еще не

радовался за весь сегодняшний день.

– Значит, ты не убивал Уэйда? – спрашивает он.

– Нет.

– А зачем тогда ты гонишься за мной?

Харрису каким-то образом удается выдавить из себя смех.

– Я не гонюсь, – говорит он. – Я просто выбрался на природу, чтобы немного пробежаться, а тебе я позволяю бежать впереди.

Группу возглавляют Одри и Карл. Лукас рывком догоняет их, останавливается и оборачивается. Харрис тоже останавливается; его отделяют от остальных все те же тридцать метров. От усталости бегунов качает, а парнишка и вовсе едва держится на ногах. Все его силы уходят на то, чтобы сохранить лицо – дерзкое, беспечное, глупое.

– Я привел к вам этого сукина сына, – скалится он. – Видите?

Лукас пожимает плечами:

– Харрис убил его. Он мне сказал.

– Я не говорил.

– Я слышал, что ты сказал, – возражает Лукас и прибавляет, обращаясь к остальным: – Берите нас обоих. Пусть копы разберутся с доказательствами. Например, с его очками… Готов поспорить, это устройство хранит в себе весьма пикантные улики.

Харрис срывает с себя очки.

– Смотрите, – говорит Пит.

Харрис бросает очки на землю и заносит над ними ногу, готовясь раздавить модный аппарат в пыль. Но Карл уже бежит к нему – юноша успевает лишь неуклюже топнуть пару раз, прежде чем его подхватывают и бросают набок на землю, и ребра у него ломаются еще до того, как костлявое колено бьет его в грудь.

– Мы не знали, что делать, – говорит Пит Лукасу. – Кто-то из нас считал, что это ты виноват, другие и думать об этом не хотели. Мы пытались тебе дозвониться, а когда ты не взял трубку, я предположил, что ты, скорее всего, бежишь в Мексику.

Харрис хочет подняться, но Карл ударом снова валит его на землю.

– Мы провели голосование, – говорит Варнер. – Отправиться ли нам на поиски или просто вернуться в «Игрек».

– Значит, я победил, – говорит Лукас, улыбаясь.

Одри опускает голову и смеется.

Сара уже рядом с Карлом и может наблюдать за дракой вблизи.

– Нет, за тебя было только три голоса, – говорит Пит. – Но ты и сам знаешь, как в этой группе принимаются решения. Кто громче всех кричит, тот и победил, а Одри чуть голос не сорвала, убеждая нас отправиться за тобой.

Лукас смотрит на Одри и улыбается.

Она закатывает глаза и, похоже, хочет что-то ему сказать. Слова у нее уже наготове – но она скажет их не так, не сейчас.

Сара делает шаг вперед и бьет скорчившегося человека ногой. Пинает еще раз и еще, а потом, отработав технику, наносит третий, самый сильный удар в живот. Мастерс хватает ее, оттаскивает в сторону, сжимает в объятьях; она отчаянно пытается вывернуться, он что-то говорит ей, но все тщетно. Карл опускается на колени и бьет еще разок кулаком в сломанные ребра, а потом аккуратно собирает все кусочки разбитых очков и говорит:

– Ладно. Однако же. Что мы теперь будем делать?

По пути из уборной Харрис сделал последний подход к столу с закусками, а потом занял место рядом с Лукасом. Вскоре президент Клуба любителей спортивного трека – усохший морщинистый экс-бегун с новенькими коленными суставами, опершись о трибуну, озвучил прошлогодние шутки и лишь затем приступил к планам на год. Члены правления долго обсуждали какую-то ерунду, а руководители соревнований и того дольше рассказывали о прошлогодних состязаниях и о новых бегунах, которые приезжают отовсюду, чтобы поселиться здесь. Затем вручались награды, в том числе золотая памятная табличка для шефа полиции, который разрешил клубу задействовать его полицейских и бегать по его улицам. Но у шефа полиции в последний момент случился конфликт на работе, и он не смог прийти, а больше никто из департамента полиции не был готов принять награду от его имени. На что Пит насмешливо и громко заметил:

– Они там совсем забегались, всё преступления расследуют.

Большинство сидевших за тем же столом поняли, к чему он клонит, и смеялись до тех пор, пока на трибуну не поднялись вместе Тренер Эйбл и Том Хаббл.

Они вдвоем держали в руках самую большую награду этого вечера.

В течение долгих пяти минут оба представителя клуба по очереди хвалили умершего человека. Лукас слушал или делал вид, что слушает. Что-то в их речи было новым, но в основном они говорили о том, что всем и так давно известно, только простыми и приятными словами. Он обнаружил, что разглядывает собравшихся за столом: бегуны сидели с серьезными лицами, уставившись в тарелки или на свои руки. Даже Харрис вел себя смирно, в нужных местах кивал, а потом вежливо зааплодировал, когда с большой памятной доски сняли

покрывало и ее показали на камеру тому таинственному, наполовину существующему объекту, которого никто никогда не видел.

Затем зазвучал голос виртуального двойника: он благодарил всех за оказанную ему великую честь и обещал, что будет дорожить этим моментом как сокровищем. Пару раз казалось, что Уэйд вот-вот прослезится, а иногда он как будто зачитывал фрагменты из заготовленной речи.

– Мне бы хотелось, чтобы все сложилось иначе, – говорил он. – Но я ни о чем не сожалею, ни об одном мгновении в своей жизни. И если вас это хоть немного утешит, я хочу, чтобы вы все знали: у меня много дел здесь, в этой реальности, и я счастлив.

Он закончил речь, а может, и вовсе исчез; кто-то от неловкости захлопал и тут же перестал. Присутствующие поднялись со своих мест и собрались расходиться. Те, кто сидел за столом у стены, сперва захотели хорошенько рассмотреть доску, но у Лукаса почему-то такого желания не возникло. Он уже шел к лестнице на выход, когда рядом с ним, тихонько посмеиваясь, оказался Харрис.

А может, паренек и не смеялся вовсе. Лукас взглянул на него и увидел на серьезном лице только едва заметную улыбку.

– Хочешь завтра бежать? – спросил Харрис.

– Нет.

– В четверг на стадионе?

– Возможно.

Харрис опередил его на лестнице, и Харрис же придержал дверь пожилому человеку. И когда они уже ступили в холодную темноту, он сказал:

– Знаешь что? Мы все когда-нибудь будем жить там. Где Уэйд сейчас обитает.

– Но не я, – сказал Лукас.

– Почему не ты?

– Потому что, – ответил Лукас, – я собираюсь умереть, когда умру.

Глава одиннадцатая

Еще один кофейник помогает смириться с холодом на кухне. Сидя у задней двери, Лукас смотрит, как сверху вниз с почти безоблачного неба падают снежинки – крошечные сухие хлопья; их так мало, что они даже не встречаются друг с другом, не говоря уж о том, чтобы превратиться во что-то более серьезное. Уже несколько минут Лукас монотонно рассказывает о произошедшем. Он старается побыстрее покончить с рассказом и лишь изредка прерывается, чтобы глотнуть кофе. Пару раз он просто делает паузу. Тогда Уэйд возникает из молчания с комментарием или вопросом.

– Итак, Сара выбила из него все дерьмо, – говорит он. – И что вы сделали с ублюдком?

– Мы его подняли и потащили, сменяясь, к старой трассе вдоль трубопровода, потом через речку и дальше к мосту Фостер. Это был кратчайший путь, и нам повезло. Один парень выехал из города в пикапе на поиски дров. Кузов машины был пуст, если не считать бензопилы. Гатлин пообещал ему сто долларов за то, чтобы он вернулся с нами в город и подвез до «Игрека», а Крауз позвонил свояченице, предупредил ее. Девушки ехали в кабине, там было тепло, даже жарко, а мы все в кузове чуть не околели от холода. Но выжили и приехали на место еще до десяти тридцати, а полицейские нас уже ждали, и я никогда не был так счастлив при виде копов.

– Он сознался?

– Хотел спросить – может, Харрис сломался, разрыдался и начал причитать: «О боже, как ужасно я поступил»? Отвечу: нет. Нет, не делал он такого, да и не сделает. Думаю, он даже не считает себя мерзким сукиным сыном.

– Да, это вряд ли.

– Скорее всего, Харрис полагает, что никаких последствий для него не будет. В конечном итоге, – Лукас делает долгий глоток, качает головой. – Когда мы выводили его из леса, он мне сказал: «На меня ничего нет. Телефон-то новый. Ничего важного он вам не покажет. Все мои доходы легальны и подтверждены. А физических улик так мало, что они разбирались с ними несколько месяцев, но в конце концов выкинули Карла из тюрьмы обратно на волю. Ну и что мне грозит? Подержат пару месяцев в камере, проведут кучу глупых допросов, а я ничего не расскажу, и им придется меня отпустить».

В трубке тишина.

Лукас ставит пустую чашку на стол, другой рукой поправляет

на ухе непривычное телефонное устройство.

– Не знаю, Уэйд. Может, тебе стоит остерегаться.

– Остерегаться чего?

– Уэйлса, – отвечает Лукас. – Я высказал в полиции свое предположение. Свою теорию. Не думаю, что они приняли ее близко к сердцу. Но, с другой стороны, это совершенно новый тип преступления. Правоохранительным органам очень не нравится, когда надо ломать голову. Они предпочитают, чтобы кровавые отпечатки ботинок вели прямо к дому убийцы.

Двойник смеется.

А Лукас нет. Не вставая, он подается вперед и говорит:

– Мой телефон до сих пор не работает.

– Ты одолжил другой. Я вижу это.

– Мастерс говорит, что это был троян, или червь, или что-то в этом роде. Что он мог быть установлен давным-давно, ждал лишь сигнала, чтобы атаковать.

– Я куплю тебе новый телефон, – говорит Уэйд. – Это не проблема.

– Да, но одна проблема действительно есть.

– Какая?

– Уэйлс, – говорит Лукас. – Когда я вспоминал его этим утром, я был вымотан. Голова тяжелая, как после выпивки. Но мне показалось, что в таком раскладе есть смысл. Еще пару часов я так и думал. И только когда сидел в «Игреке» и беседовал со следователями, меня стали беспокоить мелкие детали.

– Детали?

– Насчет Уэйлса, я имею в виду. Конечно, парень украл деньги и покончил с собой. Но мы ведь даже не знаем, из-за тебя ли его разоблачили, верно?

– Я не знаю, был ли это я, – говорит копия Уэйда.

– Ты это уже говорил. Я помню. Ты не уверен в том, что произошло, потому что это одна из тех историй, о которых настоящий Уэйд никогда тебе не рассказывал.

В подвале хлещет вода, но Лукас не замечает шума, пока кто-то не закручивает кран.

– Как бы там ни было, – говорит он, – я считаю, валить все на одного мертвого парня – это слишком притянуто за уши. Да, малый оказался лжецом и ворюгой, но это не значит, что он восстал из мертвых и прикончил другого парня, пусть и причинившего ему вред.

Тишина.

– Но кто-то заказал тебя Харрису, – продолжает Лукас. – И если это был не Уэйлс, то остается лишь один подозреваемый, который очень для этого подходит.

– Ладно. Кто?

– Я просто болтаю. Сейчас голова у меня ничем не забита и мыслит ясно.

– А я слушаю.

– Хорошо. Есть кое-кто, кто хочет, чтобы все было по справедливости. Тот, кто приложил бы все усилия, чтобы сделать мир правильным. Тот человек, который видел, как я лезу пьяный в свою машину, смотрел, как я отъезжаю, а потом пошел и заявил обо мне в полицию.

– Я не звонил в полицию, Лукас. Это сделал Уэйд.

– Но ты создан на его основе. За исключением некоторых отличий. Может, это очень сильные отличия, я не знаю. А может быть, вы оба совершенно одинаковы: может, ты являешься Уэйдом Таннером во всех отношениях. Но Уэйд не всё тебе рассказывал о себе. Это мы знаем. И однажды, может быть, совершенно случайно, ты выяснил о своем человеческом прототипе что-то, что очень, очень разозлило тебя. Тот человек, который тебя создал, оказался лживым куском дерьма или того хуже. Но уже существовал ты, с индивидуальностью Уэйда. Уэйд этого бы так не оставил, и ты тоже не смог. Вот почему ты вышел во внешний мир. Рассылал электронные письма, искал того, у кого мало мозгов, но много долгов. Так Харрис здесь и объявился. Может, убийство и не было твоей целью. Слишком много времени прошло между первыми ударами и самим убийством. Может, ты пытался уговорить Харриса не доделывать свою работу. А может, я сейчас просто пытаюсь приукрасить историю. Думаю, скорее Харрис остановился, потому что тебе надо было наорать на умирающего человека, высказать Уэйду, что он жалок, что он тебя разочаровал, и, кстати, между прочим, спасибо за деньги, и за бессмертие, и за всю остальную приятную хрень.

Тишина.

– Ты еще там?

– Не могу в это поверить, – говорит голос.

Лукас кивает:

– Но даже если я уверен в этом, ничего нельзя доказать. Вероятно, никакого подтверждения найти нельзя. Голоса можно подделывать, а это значит, что Харрис, скорее всего, не в курсе, кто на самом деле его нанял. Кроме того, даже если я найду людей, которые поверят в эту историю, нечто вроде тебя имеет кучу времени, чтобы избавиться от улик, стереть файлы и, что еще важнее, убедить себя, что все было правильно.

– Но, Лукас, как ты мог подумать обо мне такое? Даже на минуту?

– Я говорю о голосе, – произносит Лукас. – Вот что ты есть. В

конечном счете ты просто набор слов, озвученных определенным образом, и я ни в чем не могу быть уверен.

Тишина.

– Ты там?

Никого нет. Связь прервалась.

Лукас отнимает от лица телефонное устройство, кладет его на стол рядом с пустой кружкой. В эту минуту из подвала появляется Одри, на ней чужой спортивный костюм и грубые носки.

Она садится напротив него и выжидательно улыбается.

– Мне нужно принять душ, – говорит Лукас.

– Ну и каково это? – с улыбкой спрашивает она.

– Что именно?

– Быть самым быстрым бегуном округа.

Он пожимает плечами:

– Только не с такими ногами, я пас.

– Я слышала, как ты с кем-то разговаривал. Кто это был?

Он не отрываясь смотрит ей в лицо:

– Там снег идет.

Она поворачивается, чтобы посмотреть в окно.

– Нет, погоди, – говорит он. – Думаю, он перестал.

notes

Примечания

1

В оригинале игра слов: wall nut (букв, «стенной орех») и walnut (каштан).

2

Атум – бог первотворения в древнеегипетской мифологии.

3

В оригинале Crashtown, от crash – столкновение.

4

Хемоавтотрофы – бактерии, получающие энергию за счет окисления неорганических соединений.

5

Имеется в виду Европа, спутник Юпитера.

6

«Спонтанное запутывание шнуров при встряске» («The Spontaneous Knotting of an Agitated String») – также название научной статьи, известной широкой публике, поскольку в 2008 году она получила «Шнобелевскую премию». В работе исследовалась зависимость скорости образования и сложности узлов от длины и жесткости веревки при встряске в различных емкостях. Физики математически доказали, что любая веревка (волос, нить, струна, канат) рано или поздно завяжется в узел.

Син – тайская национальная одежда, вид узкой юбки.

8

Гора Арсия – потухший вулкан на Марсе.

9

Хантсвилл – город на северо-востоке штата Алабама, в котором находится центр управления космическими полетами НАСА. Административный центр округа Мэдисон.

10

Экопоэзис – синоним «терраформирования», неологизм, предложенный биофизиком Робертом Хэйнсом. Смысл обоих терминов – преобразование условий на планете к состоянию, пригодному для обитания земных животных и растений.

11

Тезаурус Роже – один из первых в истории идеографических словарей. Составлен британским лексикографом Питером Марком Роже около 1805 г. и опубликован в 1852 г,

12

Речь идет о сборниках волшебных сказок Великобритании, изданных Эндрю Лэнгом (1844–1912) и названных по разным цветам, например «Оливковая книга сказок» («Olive Fairy Book»).

13

Кносс – древний город на острове Крит в Греции, резиденция царей.

14

Рецина – греческое белое вино, оригинальный вкус ему придает сосновая смола, которой запечатывают амфоры

Узо – греческий бренди с анисовой вытяжкой.

16

Артур Эванс – английский историк и археолог, первооткрыватель минойской цивилизации. реконструировал историю, культуру и религию древнего Крита.

17

Богиня со змеями – тип женских статуэток с пресмыкающимися в руках, изготавливаемых как дар богам на Кноссе примерно в 1600-х годах до нашей эры.

18

Леер – туго натянутый трос между носом и кормой судна. Служит для технических целей и как ограждение.

19

Хотя вообще-то это из «Гамлета», восклицание Гамлета при появлении призрака (*пер. В. Рапопорт*).

«Мера за меру» (*пер. О. Сороки*).

21

Мемориал Неистового Коня – памятник, высеченный в скале и увековечивший вождя племени отдала, который боролся с федеральным правительством Штатов за права американских индейцев и выступал против выселения коренных американцев с их территорий.

22

Mammuthus columbi – мамонт Колумба, или колумбийский мамонт (*лат.*).

Mammuthus missouri – миссурийский мамонт (*лат.*).

24

Во времена Льюиса и Кларка территория США еще не включала в себя западные земли.

25

Пеммикан – мясной концентрат для походов, готовится из измельченного сушеного мяса, ягод и растопленного жира.

26

Типи – традиционное переносное жилище кочевых индейцев Великих равнин. Более известно как вигвам.

27

Черноногие – индейский народ в США и Канаде, получивший название по цвету мокасин.

28

Инбридинг – скрещивание близкородственных форм животных или растений в пределах одной популяции.

29

Блэк-Хилс – Черные холмы (*англ.*). Один из старейших горных хребтов в мире. Являлись частью резервации сиу и считались священными, населенными духами.

30

Нидлз-роуд – живописная дорога в горах в Южной Дакоте.

31

Катлинит – «трубочный камень», горная порода красно-коричневого цвета, легкая в обработке. Чаще всего индейцы делали из катлинита трубки.

32

Синантроп – «пекинский человек», подвид рода люди, близкий к питекантропу, однако более поздний и развитый. Был обнаружен в Китае. Жил около 600–400 тыс. лет назад, в период оледенения.

33

Президент Ф. Д. Рузвельт создал данное независимое федеральное агентство с целью повысить занятость населения, отправляя безработных на выполнение общественных работ, к примеру на строительство зданий, дорог и т. п.

34

Уэст Ривер – часть территории штата Южная Дакота к западу от реки Миссури.

35

Битва при Литтл-Бигхорн и *бойня на ручье Вундед-Ни* – два знаменательных сражения в ходе Индейских войн.

36

В ходе колонизации Северной Америки коренное население заключало договоры с новыми поселенцами, по которым им предоставлялись определенные права. Обычно согласно этим документам за индейцами сохранялись обозначенные территории, а также они получали права на здравоохранение, образование, занятия охотой и рыболовством и т. д. Но со временем европейцы стати нарушать соглашения.

37

Ансель Адамс – известный американский фотограф, получивший признание и звание классика за черно-белые снимки американской природы. Особую популярность Адамс снискал благодаря фотографиям, на которых запечатлен Дикий Запад.

38

Черные пантеры – леворадикальная партия афроамериканцев, которая продвигала права чернокожего населения в Америке.

39

Движение американских индейцев – правозащитная организация индейцев Северной Америке, появившаяся в 1968 году.

40

Рэмси – название населенного пункта в округе Берген, штат Нью-Джерси. *Кросби* – название городка в штате Техас. *Сибли и Уошборн* – фамилии английского происхождения.

Миде – шаманы-предводители и знахари, входящие в мидевивин, организацию шаманов оджибва.

42

В американской системе образования комьюнити-колледжи предоставляют возможность пройти двухгодичную программу, покрывающую первые два курса бакалавриата. Зачастую там обучаются уже взрослые люди, которые прежде не имели возможности получить высшее образование.

43

Фредерик Дуглас (1818–1895) – американский писатель и аболиционист, ведший борьбу за права афроамериканцев.

Квагга – разновидность зебры, истребленная людьми.

45

Одичание, или дедоместикация, – процесс, в результате которого домашнее животное становится диким и получает распространение в живой природе. Однако в таком случае не восстанавливается исходная генетика вида, присущая ему до одомашнивания.

Пау-вау – собрание индейцев, а также индейская церемония, включающая танцы, пение, пир. Ныне фестиваль индейской культуры.

Seca (*исп.*) – бесплодная, пустая.

Три (золотых) шара – вывеска ростовщика, дающего деньги под заклад.

49

Тахион – гипотетическая частица, движущаяся быстрее скорости света.

50

Рутбир, или корневое пиво, – газированный безалкогольный или слабоалкогольный напиток, популярный в США.

51

Комодский дракон – другое название комодского варана, самой большой из существующих и хищных ящериц, достигающий трех метров в длину.

52

Роланд Савери (1576–1629) – фламандский живописец.

Воронье гнездо – наблюдательный пункт на мачте.

54

Название «Chicken little» намекает на басню о маленьком цыпленке, который верил, что небо падает на землю. Фраза «Небо падает!» стала в английском языке идиомой, обозначающей истерическую или ошибочную веру в неминуемую катастрофу. Эта басня использована в мультфильме, дублированном на русский под названием «Цыпленок Цыпа».

55

Питкэрн – из пяти островов одноименной группы, единственной заморской территории Великобритании в Тихом океане. Население – менее пятидесяти человек.

56

В оригинале слова «срань, сарказм и секретность» – shitwork, sarcasm, and secrecy.

57

Ангилья – самоуправляемая заморская территория Великобритании.

58

Название фирмы «Эйт» созвучно английскому «восемь», две другие, соответственно, – «семь» и «девять».

59

Селезень Даффи и *кролик Багз* – персонажи мультсериала «Looney Tunes».

Кюлоты – широкие укороченные штаны до середины голени.

61

Кайпиринья – популярный бразильский алкогольный коктейль из кашасы, лайма, льда и тростникового сахара.

62

Эмерджентность – наличие у какой-либо системы особых свойств, не присущих ее элементам.

До свидания (*исп.*).

Удачи! (*исп.*).

65

Центральный вокзал – старейший и известнейший вокзал Нью-Йорка.

Куминхо – оборотень-лисица.

67

Цветок Ариганы – название оружия в компьютерной игре «Дестини. Бездна Тьмы».

Что и требовалось доказать (*лат.*).

Толины – органические вещества, линии поглощения которых обнаружены в спектрах многих ледяных тел внешней Солнечной системы.

Folie à deux – психоз у двоих: форма индуцированного бреда, при котором одинаковые по содержанию бредовые идеи наблюдаются у двух лиц (*фр.*).

71

Синоним *креационизма* – теории эволюции, приписывающей зарождение жизни высшему разуму, или разумному замыслу, с последующим развитием согласно дарвиновской теории.

72

Удавка (woggle) – один из видов узлов, вязать которые учат бойскаутов.

Здесь: младший офицер.

74

Цзинту-цзун – одна из основных дзенских школ в Японии. Цзинту – «чистая земля» (*яп.*).

Нитирэн – одна из основных школ японского буддизма.

Кандзэон – богиня милосердия, одна из пяти основных бодхисатв, входит в практики нескольких школ, в частности школы «Чистая земля».

77

Mono no aware – философское понятие японской культуры, осознание недолговечности жизни и бытия.

78

Дева Палаксия. Палаксия – персонаж «Звездных войн», девочка, пережившая удар сверхмощного оружия на спутнике Ринкса Талаксиане.

79

Обон – японский праздник поминовения умерших, длящийся три дня.

80

Сиба-ину, или шиба-ину – японская порода охотничьих собак, в среднем 35–40 см в холке.

81

Джезаильский на пуштунском языке означает «восточноиранский».

82

Пачакамак – перуанский храм, построенный примерно в 200 году до н. э.

83

ИВЛ – аппарат для искусственной вентиляции легких.

Токуику – японский термин в айкидо и других боевых искусствах, означающий моральное, нравственное воспитание.

Сводник (*греч.*).

Сутенер (*греч.*).

Сводники (*греч.*).

88

Книга Левит 19: 29.

89

Откровение 6: 1.

90

Откровение 20: 12–15.

91

Коринфянам 10: 11.

Дьявол (*фин.*).

93

Финское ругательство. В переводе означает «сатана, дьявол».

94

Компания «Blaband» выпускает еду быстрого приготовления, к примеру пакетные супы, бульонные кубики, а также соусы, майонезы. Продукция продается в различных скандинавских странах.

95

Битва за Аламо – одна из самых известных битв Техасской революции, в ходе которой Техас стремился выйти из состава Мексики.

Наги – мифические змеи в индуизме и буддизме, полубоги со змеиными телами и человеческими головами

97

Сои Ковбой – туристическая улица в Бангкоке со множеством злачных мест.

98

«Нейромант» – роман Уильяма Гибсона, каноническое произведение в жанре «киберпанк».

99

Катой – таиландское название транссексуалок, мужчин, сменивших пол на женский.

100

Козны (кохены, когены) – жрецы, сословие священнослужителей в иудаизме из потомков рода Аарона.

101

Тазер – электрошоковое устройство, выстреливающее на расстояние в несколько метров два электрода в виде «гарпунов».

Махауты – индийская каста погонщиков слонов.

103

1 июня 2014 года Джей Лейк скончался.

104

Тест Тьюринга – тест 1950 года на разумность искусственного интеллекта; тест с модификациями считается не утратившим актуальность до сих пор.

105

Уайл И. Койот (Вайл И. Койот, Хитрый Койот (англ. Wile E. Coyote) – персонаж одноименной серии мультфильмов 1948 г., студия Warner Brothers; Корпорация «Акме» (англ. Acme Corporation) – вымышленная компания, фигурирующая в ряде мультфильмов студии, где Хитрый Койот покупает все материалы для охоты на Дорожного Бегуна.

106

Ригатони (ит. rigatoni) – вид макарон: толстая, короткая рифленая трубочка.

107

Фирма «Биркеншток» (англ. Brikenstocks); выпускает удобные сандалии и шлепанцы.

108

Харви Милк Плаза – одна из центральных площадей Кастро-Вэлли.

109

Окно, через которое ресторан торгует на вынос; «A&W» – сетевые рестораны.

Вменяем (*лат.*).

111

Пума (горный лев, кугуар).

112

Флемен – характерное движение губ у некоторых млекопитающих, позволяющее улавливать летучие ароматные вещества, в частности феромоны.

113

Вьетбургер – багет с овощами и другими начинками, популярная туристическая еда во Вьетнаме.

Велд – обширные засушливые плато в Южной Африке.

115

Домашняя свинья (*лат.* Sus scrofa domesticus).

116

Ларрея трехзубчатая, произрастает в пустынях Мохаве, Сонора и Чиуауа на территории юго-западных штатов США и северных штатов Мексики.

117

На момент написания рассказа уже была известна черная дыра массой около 18 миллиардов масс Солнца.

118

Первые слова, которые, согласно Евангелиям, сказал Иисус после воскрешения.

119

Расстояние от центра черной дыры, на котором скорость, необходимая для преодоления гравитации, достигает скорости света, вычисляется по формуле $R_g = 2GM/c2$, где M – масса черной дыры, G – гравитационная постоянная.

120

Чимбви – гиена (на языке тумбука, распространенном в Танзании, Замбии и Малави).

121

Градирня – сооружение для охлаждения воды атмосферным воздухом. Применяется на промышленных предприятиях.

Джейсон – английское произношение греческого имени Ясон.

123

Рондавель – традиционный дом народов банту. Как правило, круглой формы, со стенами из камня или глины и крышей из тростника.

«Игрек» – сокращенное обозначение Ассоциации молодых христиан (Young Men's Christian Association) и Ассоциации молодых христианок (Young Women's Christian Association).

125

«Ачтрак» (*англ.* Amtrak – American + track) – Национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок.